This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

1848—1889

—

А. ФЕТА.

ЧАСТЬ I.

Москва. 1890

Типографія А. И. Мамонтова и К°. Леонтьевскій пер., № 5.

836
S546
M

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

1848 — 1863

ЧАСТЬ I.

PG3421
S4
Z5
1890
MAIN

207289

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ наше время въ гвардіи разсказывали, что пріѣзжій фотографъ, владѣвшій тогда уже искусствомъ мгновенной съемки, уловилъ тотъ моментъ майскаго парада на Царицыномъ Лугу, когда вся масса находящагося въ строю войска взяла на караулъ для встрѣчи государя Николая Павловича. Невиданная до той поры въ Петербургѣ фотографія удостоена была вниманія Августѣйшаго Главнокомандующаго Цесаревича Александра Николаевича, изыскавшаго минуту представить ее государю.

— Посмотрите, Ваше Высочество, что у васъ дѣлается, когда меня встрѣчаютъ,—сказалъ государь, указывая въ одномъ изъ безконечныхъ рядовъ на солдатика, который, держа лѣвою рукою ружье въ надлежащемъ положеніи на караулъ,—правою поправлялъ киверъ, сбитый ему на глаза стоящимъ въ затылокъ неосторожнымъ товарищемъ.

Этотъ анекдотъ, по нашему мнѣнію, годится въ подтвержденіе двухъ истинъ. Вопервыхъ, всякій живой предметъ представляетъ для наблюдателя множество разнородныхъ сторонъ. Императоръ Николай, убѣжденный, что красота есть признакъ силы, въ своихъ поразительно дисциплированныхъ и обученныхъ войскахъ, возбуждавшихъ изумленіе европейскихъ спеціалистовъ, добивался по преимуществу безусловной подчиненности и однообразія. И вотъ въ картинѣ, спо-

собной вызвать многостороннія наблюденія и чувства, его поражаетъ случайный и какъ бы механическій безпорядокъ.

Вовторыхъ, если минута встрѣчи войсками императора представляетъ картину въ настоящемъ, то фотографическій ея снимокъ есть та же картина въ прошедшемъ. Не вправѣ ли мы сказать, что подробности, которыя легко ускользаютъ въ живомъ калейдоскопѣ жизни, ярче бросаются въ глаза, перейдя въ минувшее, въ видѣ неизмѣннаго снимка съ дѣйствительности.

Озирая привычно проницательнымъ окомъ живую картину парада, государь не замѣтилъ неисправности, мгновенно бросившейся ему въ глаза на фотографіи.

Я увѣренъ, что въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ и во всякой другой вещи, каждый будетъ видѣть то, что покажется ему наиболѣе характернымъ.

При первомъ ихъ появленіи, кругомъ меня раздались вопросы,—не будутъ ли они послѣдовательнымъ раскрытіемъ тайниковъ, изъ которыхъ появлялись мои стихотворенія? Подобными надеждами затрогивался вопросъ, бывшій въ свое время причиною столькихъ споровъ моихъ съ Тургеневымъ и окончательно рѣшенный мною для себя въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Лермонтовъ говоритъ:

«А въ томъ, что какъ то чудно
Лежитъ въ сердечной глубинѣ,—
Высказываться трудно».

Если не таково побужденіе, заставившее меня на 67-мъ году оглядываться на прошлую жизнь, то нельзя ли поискать другихъ, болѣе существенныхъ. На одно изъ нихъ указываетъ Марціалъ:

«Примъ Антоній, блаженъ на вѣку своемъ безмятежномъ,
Прошлыхъ пятнадцать уже Олимпіадъ *) сосчиталъ.
И на минувшіе дни озираясь и мирные годы,
Леты недальней уже онъ не пугается водъ.

*) Пятнадцать Олимпіадъ—65 лѣтъ.

5. Въ воспоминаньяхъ его непріятнаго, тяжкаго дня нѣтъ,
Чтобъ не хотѣлось о немъ вспомнить, такого и нѣтъ.
Добрый мужъ у себя бытія объемъ расширяетъ:
Дважды живешь, если жизнь можешь былую вкушать».

Стихи эти дороги мнѣ по своему мотиву, безъ всякаго примѣненія ко мнѣ ихъ подробностей. Жизнь моя далеко не представляетъ безмятежности, о которой говоритъ римскій поэтъ, и мои воспоминанія мнѣ пріятны скорѣе потому, что по словамъ Лермонтова:

«И какъ то весело и больно
Тревожить язвы старыхъ ранъ».

Быть можетъ, этого чувства достаточно было бы заставить меня пробѣгать сызнова всю жизнь. Но я еще не увѣренъ, нашелъ ли бы я въ немъ одномъ выдержку, необходимую при такомъ трудѣ. Когда послѣдняя грань такъ недалека, то при извѣстномъ духовномъ настроеніи самымъ главнымъ и настойчивымъ вопросомъ является: что же значитъ эта долголѣтняя жизнь? Неужели, спускаясь съ перваго звена до послѣдняго по непрерывной цѣпи причинности, она не приноситъ никакого высшаго урока? Не даетъ ли всякая человѣческая жизнь, при внимательномъ обзорѣ, нагляднаго отвѣта на одинъ изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ—о свободѣ воли?—Вопросъ этотъ связанъ съ другимъ, а именно: что является починомъ въ природѣ: разумъ или воля? Во избѣжаніе упрека въ злоупотребленіи отвлеченностями, придержимся выраженія о главенствѣ воли въ христіанскомъ ученіи, что *безъ воли Божіей волосъ съ головы вашей не спадетъ*. Не ясно ли изъ этихъ словъ, что какова бы ни была личная воля человѣка,—она безсильна выступить за кругъ, указанный Провидѣніемъ. Этотъ непреложный законъ повторяется не только надъ усиліемъ отдѣльнаго человѣка, но и надъ совокупными дѣйствіями многихъ людей. Сознаніе о

высшей силѣ, подводящей окончательные и нерѣдко неожиданно благопріятные итоги нашимъ желаніямъ, выражается даже въ самоопредѣленіи такого отрицательнаго существа, какъ Мефистофель, который указываетъ на себя какъ на:

..... «Той силы часть и видъ.
Что вѣчно хочетъ зла и вѣкъ добро творитъ».

Удачно или нѣтъ я началъ свои воспоминанія со времени личнаго знакомства съ Тургеневымъ и другими современными мнѣ литераторами, — пусть судятъ читатели. Предоставляю себѣ, если суждено довести мой разсказъ до настоящаго времени, начать его уже съ самаго дѣтства.

Только озирая обѣ половины моей жизни, можно убѣдиться, что въ первой судьба съ каждымъ шагомъ лишала меня послѣдовательно всего, что казалось моимъ неотъемлемымъ достояніемъ. Въ воспроизводимой мною въ настоящее время половинѣ излагаются напротивъ тѣ сокровенные пути, которыми судьбѣ угодно было самымъ настойчивымъ и неожиданнымъ образомъ привести меня не только къ обладанію утраченнымъ именемъ, но и связаннымъ съ нимъ достояніемъ до самыхъ изумительныхъ подробностей. Не мудрствуя лукаво, я строго различаю дѣятельность свободнаго человѣка, нашедшаго послѣ долголѣтнихъ поисковъ въ саду кладъ,— отъ свободы другаго, не помышлявшаго ни о какомъ кладѣ и вдругъ открывшаго его подъ корнемъ дерева, вывороченнаго бурей. Мысль, о подчиненности нашей воли другой высшей, дотого мнѣ дорога, что я не знаю духовнаго наслажденія превыше созерцанія ея на жизненномъ потокѣ. Конечно, ничья жизнь не можетъ быть болѣе чѣмъ моя мнѣ извѣстна до мельчайшихъ подробностей. И вотъ причина, побудившая меня предпринять трудъ, представляемый нынѣ на судъ читателя.

REESE LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

(1848—1889).

I.

Вступленіе. — Первая встрѣча съ И. С. Тургеневымъ. — Наша семья. — Въ полку. — Переходъ въ гвардію. — Коренная Пустынь. — Ярмарка. — Въ Красномъ Селѣ. — Новыя знакомства. — Панаевъ, Некрасовъ, Боткинъ, Дружининъ. — Походъ. — Въ Остзейскомъ краѣ.

Старайся почерпать изъ жизни то людской!
Всѣ ей живутъ, не всѣмъ она извѣстна;
А гдѣ ни оглянись, повсюду интересна.

Фаустъ.

Находясь, можно сказать, въ природной враждѣ съ хронологіей, я буду выставлять годы событій только для соблюденія извѣстной послѣдовательности, нимало не отвѣчая за точность указаній, въ которыхъ руководствуюсь болѣе соображеніемъ, чѣмъ памятью. Такъ, напримѣръ, я знаю, что ранѣе 1840 г., т. е. до изданія „Лирическаго Пантеона“, я не могъ быть своимъ человѣкомъ у московскаго профессора словесности С. П. Шевырева.

Во время одной изъ нашихъ съ нимъ бесѣдъ въ его гостиной, слуга доложилъ о пріѣздѣ посѣтителя, на имя котораго я не обратилъ вниманія.

Въ комнату вошелъ высокаго роста молодой человѣкъ, темнорусый, въ модной тогда „листовской“ прическѣ и въ черномъ, до верху застегнутомъ, сюртукѣ. Такъ какъ появленіе его нисколько меня не интересовало, то въ памяти моей не удержалось ни одного слова изъ ихъ непродолжитель-

ной бесѣды; помню только, что молодой человѣкъ о чемъ-то просилъ профессора, и самое воспоминаніе объ этой встрѣчѣ, вѣроятно, совершенно изгладилось бы у меня изъ памяти, еслибы по его уходѣ Степанъ Петровичъ не сказалъ: „какой странный этотъ Тургеневъ: на дняхъ онъ явился съ своей поэмой „Параша", а сегодня хлопочетъ о полученіи каѳедры философіи при Московскомъ университетѣ". Никогда въ позднѣйшее время мнѣ не случалось спросить Тургенева, помнитъ ли онъ эту нашу первую встрѣчу. Равнымъ образомъ не могу утверждать, приходилъ ли Тургеневъ предварительно къ Шевыреву съ рукописью „Параша", или уже съ напечатанной поэмой, что̀ не могло быть раньше 1843 г. Первое предположеніе, по моимъ воспоминаніямъ, вѣроятнѣе. Точно также знаю навѣрное, что раньше 1848 г. я не могъ пріѣхать въ домовый отпускъ изъ полка, гдѣ былъ утвержденъ въ должности полковаго адъютанта, хотя и тутъ не могу вполнѣ точно опредѣлить года, да и не считаю, съ своей точки зрѣнія, этого важнымъ.

Дома меня встрѣтилъ самый радушный пріемъ. Хотя старикъ отецъ по принципу никому не высказывалъ своихъ одобреній, но бывшему эскадронному командиру видимо было пріятно, что я занимаю въ полку видное мѣсто.

Въ домѣ я засталъ меньшую нашу сестру Надю, недавно кончившую ученіе, — смолянку, совершенно неопытную, по наружности весьма интересную, пылкую и любознательную семнадцатилѣтнюю дѣвушку. Хотя стихи мои около десяти лѣтъ уже были знакомы читателямъ хрестоматій, Надя едва-ли не одна изъ цѣлаго семейства знала о моемъ стихотворствѣ и искала со мною бесѣдъ. Не взирая на кратковременное пребываніе дома, я, съ своей стороны, старался поддерживать ея любознательныя и эстетическія стремленія; конечно, тайкомъ отъ отца, считавшаго Державина великимъ поэтомъ, а Пушкина безнравственнымъ писателемъ, и ревновавшаго втайнѣ свою любимую Надю ко всякаго рода стороннимъ вліяніямъ.

Занятый устройствомъ своихъ разбросанныхъ имѣній, отецъ самъ рѣдко выѣзжалъ въ гости и только охотно отпускалъ Надю въ Волково къ однофамильцамъ сосѣдямъ за 12 верстъ,

т. е. версты за три за городъ Мценскъ, отъ котораго наши Новоселки въ 7-ми верстахъ. Владѣлецъ Волкова былъ худощавый, боявшійся чахотки, но чрезвычайно подвижной, сорокалѣтній брюнетъ. Воспитанникъ юнкерской школы, онъ, какъ и все его семейство, отлично говорилъ по-французски, знакомъ былъ со старой и новѣйшей французской литературой, а равно и съ корифеями русской словесности. Но насколько мало въ сущности занимала его литература, настолько въ душѣ онъ былъ прирожденнымъ музыкантомъ и по цѣлымъ часамъ фантазировалъ на роялѣ, которымъ прекрасно владѣлъ. Женатъ онъ былъ на красивой въ то время Каровой, отъ которой имѣлъ двухъ дѣвочекъ и мальчика. Не безъ основанія предполагаю, что молодая женщина гораздо болѣе чѣмъ онъ и съ бо̀льшимъ толкомъ предавалась чтенію французскихъ и русскихъ книгъ. Кромѣ того въ домѣ проживала и мать Ш....а, не жившая съ мужемъ. Послѣдній, очевидно, любя свободу, устроился такъ, чтобы жить одному въ большомъ домѣ смоленскаго имѣнія, гдѣ проводилъ время, между прочимъ, расхаживая по пустымъ комнатамъ и напѣвая:

«Громъ побѣды раздавайся».

Отдѣливши двухъ сыновей, въ томъ числѣ и Волковскаго хозяина, старикъ Ш....ъ выдавалъ своей женѣ и двумъ весьма зрѣлымъ дочерямъ дѣвицамъ по триста рублей въ годъ, и на эти деньги всѣ трое проживали въ Волковѣ, внося двѣ трети своего дохода въ общее хозяйство. Обѣ дѣвушки получили прекрасное свѣтское воспитаніе; и о меньшой, если не говорить о ея черныхъ волосахъ, широко выведенныхъ бровяхъ и замѣчательно черныхъ и блестящихъ глазахъ, сказать болѣе нечего, но старшая, блондинка, была явленіемъ далеко недюжиннымъ. Уже одно ея появленіе въ дверяхъ невольно кидалось въ глаза. Она не входила, а, такъ сказать, шествовала въ комнату, строго сохраняя щегольскую кавалерійскую выправку: корпусъ назадъ, затылокъ назадъ. Въ знакомствахъ она была чрезвычайно сдержанна, но познакомившись становилась разговорчива и, не смотря на природную доброту, щеголяла непрерывными французскими и русскими сарказмами въ отвѣтахъ собесѣднику. Кромѣ того, подобно брату,

она безукоризненно играла на роялѣ и читала ноты безъ всякой подготовки.

Надо прибавить, что въ домѣ нерѣдко появлялись двое Каровыхъ, родные братья хозяйки. Аркадій, губернскій умница и передовой, и старшій Николай, физически совершенно развинченный, такъ что когда онъ протягивалъ руку, она производила впечатлѣніе гуттаперчевой. Поэтому всѣ, поминая его, говорили: „*Каровъ мягкій*“, что̀ не мѣшало ему съ видомъ знатока толковать о литературѣ и говорить комплименты молодымъ женщинамъ.

Въ тогдашній пріѣздъ мой, разъ навсегда заведенный отцомъ порядокъ въ домѣ мало измѣнился. Онъ самъ попрежнему жилъ во флигелѣ, а въ домѣ помѣщалась только Надя, а я жилъ въ другомъ флигелѣ. Переходя въ 8 часовъ утра въ красномъ бухарскомъ халатѣ и въ черной шелковой шапочкѣ на головѣ съ крыльца своего флигеля на крыльцо дома, онъ требовалъ, чтобы Надя была уже у своего хозяйскаго мѣста передъ самоваромъ. Завтракъ строго воспрещался, обѣдъ съ часу передвинулся на два, чай подавался въ 7 часовъ, а въ 9 часовъ—ужинъ съ новымъ супомъ и пятью новыми блюдами, совершенно какъ во время обѣда. Надобно прибавить, что такой ужинъ подавался лишь другимъ, а самъ отецъ довольствовался неизмѣнной овсяной кашей со сливочнымъ масломъ. Дочерямъ не позволялось гулять безъ вуаля и безъ лакея даже въ саду, а выѣзжать не иначе, какъ въ дормезѣ четверкой или шестерикомъ съ форейторомъ и съ ливрейнымъ лакеемъ. Бывшія въ гостяхъ сестры должны были возвращаться къ ужину.

Однажды, за полчаса до прихода отца, прогремѣвшая по камнямъ карета остановилась у крыльца, и быстро вошедшая въ столовую Надя расцѣловалась со мной.

— Я привезла тебѣ отъ всѣхъ поклоны, и Ш.....ы убѣдительно просятъ насъ съ тобой пріѣхать въ слѣдующее воскресенье. Будетъ Тургеневъ, съ которымъ я сегодня познакомилась. Онъ очень обрадовался, узнавши, что ты здѣсь. Онъ сказалъ: „вашъ братъ—энтузіастъ, а я жажду знакомства съ подобными людьми“.

Конечно, я очень обрадовался предстоящей мнѣ встрѣчѣ, такъ какъ давно восхищался стихами и прозой Тургенева.

— Мнѣ сказывали, прибавила Надя, что онъ поневолѣ у себя въ Спасскомъ, такъ какъ ему воспрещенъ въѣздъ въ столицы. Папа ничего объ этомъ не надо говорить, а то Богъ знаетъ, какъ онъ посмотритъ на это знакомство; а въ гости къ Ш....мъ онъ насъ отпуститъ охотно.

На слѣдующее воскресенье мы уже застали Тургенева у Ш....хъ. Видѣвши его только мелькомъ лѣтъ за пятнадцать тому назадъ, я конечно бы его не узналъ. Не смотря на свѣжее и моложавое лицо, онъ за это время такъ посѣдѣлъ, что трудно было съ точностью опредѣлить первоначальный цвѣтъ его волосъ. Мы встрѣтились съ самой искренней взаимной симпатіей, которой современемъ пришлось разростись въ задушевную пріязнь.

Кромѣ обычныхъ обитателей Волкова, было нѣсколько сторонніхъ гостей. Дамы окружали Тургенева и льнули къ нему, какъ мухи къ меду, такъ что до обѣда намъ не пришлось съ нимъ серьезно поговорить. Зато послѣ обѣда онъ упросилъ меня прочесть ему на память нѣсколько еще ненапечатанныхъ стихотвореній и упрашивалъ побывать у него въ Спасскомъ. Оказалось, что мы оба ружейные охотники. По поводу тонкихъ его указаній на отдѣльные стихи, я извиняясь сказалъ, что восхищаюсь его чутьемъ. — „Зачѣмъ же вы извиняетесь въ выраженіи, которое я считаю величайшею для себя похвалой?“

При прощаніи я далъ ему слово побывать въ Спасскомъ, но къ себѣ по какому-то (невольно скажешь) чутью его не приглашалъ.

Въ условный день приходилось просить у отца лошадей, въ которыхъ онъ никогда не отказывалъ, и кромѣ того сказать, куда я ѣду. Тайкомъ этого сдѣлать было невозможно, а отецъ, подобно мнѣ, былъ заклятой врагъ всякой лжи. Услыхавъ, что я ѣду въ Спасское, онъ нахмурилъ брови и сказалъ: „Охъ, напрасно ты заводишь это знакомство; вѣдь ему запрещенъ въѣздъ въ столицы, и онъ подъ надзоромъ полиціи. Куда какъ неприглядно“.

Стоило большаго труда убѣдить отца, что эти обстоятельства до меня не касаются, и что порядочное общество тѣмъ не менѣе его не чуждается.

„Фить, фить!“ проговорилъ отецъ, щелкая пальцами; (это было его обычнымъ обозначеніемъ легкомыслія) — „а впрочемъ поѣзжай, ужь если такъ тебѣ хочется“.

Счастливый я побѣжалъ и расцѣловалъ своего друга Надю.

Воздержусь отъ описанія Спасской усадьбы, хорошо знакомой публикѣ и по описаніямъ, и по фотографіямъ; скажу только разъ навсегда, что планъ дома представлялъ букву глаголь, а флигель—какъ-бы другую ножку буквы пе, еслибы верхняя часть глаголя соприкасалась съ этой ножкой; но такъ какъ между домомъ и флигелемъ былъ перерывъ, то флигель выходилъ единицей, подписанной подъ крышею глаголя. Странно, что хотя современемъ я узналъ все расположеніе построекъ усадьбы Спасскаго, какъ свой собственный домъ, я никакъ не въ состояніи дать себѣ яснаго отчета, гдѣ въ первое мое посѣщеніе жилъ и принималъ меня Тургеневъ, т. е. въ домѣ или во флигелѣ.

Конечно, меня не могло поразить окружавшее его множество лакеевъ, которыхъ и у насъ въ домѣ было едва-ли не дюжина; но у насъ, какъ и у всѣхъ остальныхъ, они появлялись въ лакейскихъ съ утра и въ домѣ не оставались; у Тургенева же я замѣтилъ въ двухъ-трехъ сосѣднихъ съ пріемною комнаткахъ кровати и столики, у которыхъ стояли длиннѣйшіе чубуки отъ трубокъ со вспухнувшей табачною золой, хотя самъ Тургеневъ никогда не курилъ. Въ этихъ-то комнатахъ, видимо, помѣщались лакеи, при которыхъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, состояли казачки для набиванія трубокъ и другихъ послугъ.

Разговоръ нашъ принялъ исключительно литературный характеръ, и, чтобы воспользоваться замѣчаніями знатока, я захватилъ все, что у меня было подъ руками изъ моихъ литературныхъ трудовъ. Новыхъ стихотвореній въ то время у меня почти не было, но Тургеневъ не переставалъ восхищаться моими переводами одъ Горація, такъ что, по просьбѣ его, смотрѣвшаго въ оригиналъ, я прочелъ ему почти всѣ переведенныя въ то время двѣ первыя книги одъ. Вѣроятно онъ успѣлъ уже стороною узнать о крайней скудости моего годоваго бюджета и потому воскликалъ:

— Продолжайте, продолжайте! Какъ скоро окончите оды,

я сочту своимъ долгомъ и заслугой передъ нашей словесностью напечатать вашъ переводъ. Съ вами ничего болѣе нѣтъ? спросилъ онъ.

— Есть небольшая комедія.

— Читайте, еще успѣемъ до обѣда.

Когда я кончилъ, Тургеневъ дружелюбно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и сказалъ:

— Не пишите ничего драматическаго. Въ васъ этой жилки совершенно нѣтъ.

Сколько разъ послѣ того приходилось мнѣ вспоминать это вѣрное замѣчаніе Тургенева, и нынѣ, положа руку на сердце, я готовъ прибавить: ни драматической, ни эпической.

Когда насъ позвали къ обѣду (это уже было несомнѣнно въ домѣ), Тургеневъ познакомилъ меня со своими сожителями Тютчевыми—мужемъ и женою, и дѣвицею—сестрою мадамъ Тютчевой. Послѣ обѣда мы отправились пить кофе въ гостиную, гдѣ стоялъ, столь часто упоминаемый Тургеневымъ, широкій, временъ Имперіи, диванъ *самосонъ*, едва-ли не единственная мебель въ Спасскомъ съ пружиннымъ тюфякомъ. Тургеневъ тотчасъ-же легъ на самосонъ и только изрѣдка слабымъ и шепелявымъ фальцетомъ вставлялъ словцо въ нашъ разговоръ, веденіе котораго съ незнакомыми дамами вполнѣ легло на меня. Конечно, я не помню подробностей разговора; но когда, желая угодить дамамъ, я заявилъ, что по своимъ духовнымъ качествамъ русская женщина—первая въ мірѣ, Тургеневъ внезапно оживился и, спустивъ ноги съ самосона, воскликнулъ: „вы тутъ сказали такое словечко, при которомъ я улежать покойно не могъ“. И между нами поднялся шуточный споръ, первый изъ многочисленныхъ послѣдующихъ нашихъ съ Тургеневымъ споровъ.

Когда я вернулся домой, отецъ благодушно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и сказалъ:

— Такъ какъ тебѣ ужь очень хочется бывать у него, то мѣшать тебѣ въ этомъ не стану. Но успокой ты меня въ одномъ; никогда ему не пиши.

Я почтительно промолчалъ.

Отпускъ мой кончился, и я долженъ былъ вернуться въ полкъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ наступилъ долговременный пере-

рывъ моихъ сношеній съ Тургеневымъ, во время котораго я дѣйствительно ни въ какой перепискѣ съ нимъ не состоялъ, такъ какъ случайная встрѣча не успѣла еще развиться въ душевную пріязнь

Здѣсь, не только по отношенію къ себѣ, но и въ видахъ болѣе яснаго опредѣленія дальнѣйшаго хода извѣстныхъ мнѣ событій изъ жизни Тургенева, приходится вернуться въ моихъ воспоминаніяхъ за нѣсколько лѣтъ назадъ.

Говоря о нашемъ домѣ, я упомянулъ только о своей любимицѣ сестрѣ Надѣ, такъ какъ на этотъ разъ она одна проживала въ домѣ съ отцомъ; изъ двухъ же меньшихъ братьевъ моихъ—старшій Василій находился въ помянутое мною время заграницей, а меньшой Петръ былъ студентомъ Харьковскаго университета и проживалъ у тамошняго профессора. Старшая же сестра Любовь была замужемъ за меньшимъ братомъ знакомаго уже намъ Волковскаго Ш....а — Александромъ. Любинька, какъ звали мы ее въ семьѣ, была прямою противоположностью Нади. Насколько та наружностью, темнорусыми волосами и стремленіемъ къ идеальному міру напоминала нашу бѣдную страдалицу мать, настолько свѣтлорусая Любинька, въ своемъ родѣ тоже красивая, напоминала отца и, инстинктивно отворачиваясь отъ всего идеальнаго, стремилась къ практической жизни, въ области которой считала себя великимъ знатокомъ. Она постоянно полагала, что въ состояніи уладить по желанію всякія дѣла и затрудненія. Послѣдними, какъ нарочно, жизнь ее окружила отовсюду, но улаживанія ея потому уже не могли имѣть успѣха, что всѣ ея уловки для всякаго сторонняго глаза были шиты бѣлыми нитками. Не меньшую противоположность со старшимъ братомъ своимъ Николаемъ представлялъ и мужъ ея А. Н. Въ отрочествѣ онъ былъ тупъ и, не смотря на частыя розги отцовскія, учился плохо. Когда, бывало, играя съ другими дѣтьми, онъ прищемитъ руку, то начнетъ кричать: „ой нога, нога“,—и, не взирая на вразумленія товарищей, восклицавшихъ: „Саша, да вѣдь ты руку прищемилъ“,— продолжалъ кричать: „ой нога, нога“.

Изо всего семейства только онъ одинъ плохо говорилъ по-французски. Выслуживъ два года юнкеромъ въ уланскомъ

полку, онъ былъ произведенъ въ корнеты и въ скоромъ времени, по причинѣ долговъ, съ величайшимъ неудовольствіемъ заплаченныхъ его отцомъ, вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика. Нѣкоторое время получая тоже, подобно сестрамъ и матери, небольшія деньги отъ отца, онъ со всѣми ими вмѣстѣ на тѣхъ-же основаніяхъ проживалъ въ Волковѣ у старшаго брата Николая. А такъ какъ Волковскій и Новосельскій дома давно были между собою знакомы, то и онъ въ числѣ прочихъ сталъ часто наѣзжать въ Новоселки со времени появленія тамъ Любиньки изъ Петербургскаго Екатерининскаго института. Насколько братъ его Николай былъ болѣзненъ и тщедушенъ, настолько Александръ, при большомъ ростѣ, былъ плотенъ и могучъ, сохраняя болѣе всякаго другаго Ш....а черты лица общаго татарскаго родоначальника: ясные, черные глаза, широкій носъ и выдающіяся скулы. Какъ-бы то ни было, ухаживанія его за Любинькой увѣнчались успѣхомъ,—онъ ей понравился. Но отецъ нашъ долгое время и слышать не хотѣлъ объ этомъ бракѣ, указывая между прочимъ на то, что отецъ А. Н. его не выдѣлилъ.

Наконецъ и это препятствіе было побѣждено, и отецъ Александра, въ виду прежде уплаченныхъ долговъ, выдѣлилъ ему десятинъ 400 земли на южной окраинѣ Мценскаго уѣзда, но безъ малѣйшаго признака усадьбы. Нашъ отецъ далъ тоже десятинъ 600 населенной земли въ 3-хъ верстахъ отъ Ивановскаго—Александра Никитича.

Въ скорости по возвращеніи моемъ въ полкъ я узналъ о назначеніи дорогаго моего Карла Ѳедоровича Бюлера бригаднымъ командиромъ, а свѣтлѣйшаго князя Вл. Дм. командующимъ нашимъ Военнаго Ордена полкомъ, коего шефомъ состоялъ отецъ его. Это нежданное обстоятельство, какъ толчекъ, разбудило меня. Хорошо было служить у начальника, у котораго я былъ не только на положеніи домашняго человѣка, но, можно сказать, сына. Оставаться при другихъ обстоятельствахъ въ глухомъ поселеніи значило добровольно похоронить себя. Уже однажды, соблазненный совѣтами и обѣщаніями сослуживца, съ успѣхомъ перешедшаго въ Главный Штабъ, я испыталъ, какъ труденъ переходъ изъ арміи безъ особой протекціи. Правда, въ то время отецъ мой снаб-

дилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ товарищу министра, а мой бывшій сослуживецъ сильно хлопоталъ о переводѣ моемъ въ Главный Штабъ; но кончилось тѣмъ, что я съѣлъ прекрасный обѣдъ у его высокопревосходительства, который между прочимъ сказалъ:

„Здѣсь все можно. Могутъ васъ сдѣлать губернаторомъ,— переименуютъ штатскимъ чиномъ съ повышеніемъ, да и назначутъ. Надо только взяться съ надлежащей стороны".

Но видно, ни мой сослуживецъ, ни любезный товарищъ министра не умѣли взяться съ надлежащей стороны, и я уѣхалъ ни съ чѣмъ.

Перебирая въ умѣ всевозможные рессурсы, я вспомнилъ любезное изреченіе, сказанное мнѣ моимъ бывшимъ начальникомъ дивизіи, генералъ-лейтенантомъ Эссеномъ, когда въ числѣ прочихъ сослуживцевъ я, съ начальникомъ Штаба во главѣ, откланивался уѣзжающему генералу, получившему гвардейскую кирасирскую дивизію:

„Je vous porterai toujours dans mon coeur, и очень буду радъ, если въ состояніи буду чѣмъ либо быть вамъ полезенъ".

Конечно, я счелъ эти слова за обычную свѣтскую любезность. Такими же представлялись они мнѣ и въ минуту моего раздумья въ полковой канцеляріи. „Но, подумалъ я, утопающій хватается и за соломинку. Попытка не пытка".

Тогда еще въ Россіи не было желѣзныхъ дорогъ кромѣ Николаевской. Я написалъ Эссену, что, соображаясь со средствами, просилъ бы его о переводѣ меня въ лейбъ-уланскій Его Высочества полкъ—и черезъ три недѣли самъ же раскрылъ въ канцеляріи пакетъ изъ лейбъ-уланскаго полка съ запросомъ, согласенъ ли я быть переведеннымъ въ этотъ полкъ *для пользы службы*. Конечно, на другой же день былъ мною отправленъ утвердительный отвѣтъ, а затѣмъ послѣдовала моя формальная прикомандировка.

Впередъ увѣренный, что отецъ, проживавшій въ настоящее время, уже не въ Новоселкахъ, а въ старинномъ дѣдовскомъ имѣніи Клейменовѣ подъ Орломъ, будетъ радъ моему переходу въ гвардію, я просилъ у него позволенія на перепутьи заѣхать къ нему и прислать своихъ лошадей, причемъ сильно надѣялся получить отъ него на подъемъ денегъ. Каково же было мое

удивленіе, когда онъ не только не прислалъ денегъ, но приказывалъ еще заѣхать за братомъ, кончающимъ переходный экзаменъ, въ Харьковъ. Парадная верховая лошадь у меня была, но требовалось пріобрѣсти подъѣздка и отправить на парѣ лошадей телѣгу съ вещами за 700 верстъ. Пришлось продавать экипажи, которыхъ у меня было довольно, и четверку упряжныхъ, кромѣ назначенныхъ въ дорогу. Случай и добрые люди, раскупившіе мое добро, помогли мнѣ, а Карлъ Ѳедоровичъ обѣщалъ уступить мнѣ хорошую лошадь изъ среднихъ эскадроновъ за ремонтную сумму.

Новый командующій полкомъ не заставилъ себя ждать, и по пріѣздѣ его я тотчасъ же отправился къ его свѣтлости за приказаніемъ. Сдача полка была блистательная и, такъ какъ эскадроны были расположены по отдѣльнымъ селеніямъ на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, продолжалась цѣлую недѣлю, по окончаніи которой князь пригласилъ всѣхъ офицеровъ къ обѣду запросто, причемъ извинялся, что приметъ насъ по-походному, такъ какъ каменный и хрустальный сервизы его не успѣли еще прибыть. Дѣйствительно, превосходный обѣдъ поданъ былъ всѣмъ на серебрѣ, начиная съ суповой чашки и до бокаловъ. При прощаніи мой баронъ просилъ князя сдѣлать ему личное одолженіе, уступивъ мнѣ лошадь за ремонтную сумму. Князь чрезвычайно любезно просилъ меня, какъ опытнаго адъютанта, не оставлять должности и при немъ, но, выслушавъ мои основанія, согласился съ ними.

Отправивъ людей съ лошадьми въ дорогу, я самъ на перекладной покатилъ въ Харьковъ, гдѣ засталъ брата готовящимся еще къ двумъ экзаменамъ въ домѣ профессора Юргевича. При братѣ жилъ полуслуга и полудядька—Павелъ Тимофеевичъ,—заика, лѣтъ шестидесяти, страстный охотникъ выпить.

Братъ со смѣхомъ разсказывалъ, что Павелъ Тимофеевичъ, твердя надъ нимъ: „держите, держите, батюшка, гекзаменъ“, самъ въ это время, пошатываясь и заложа руки за спину, не то держался за печку, не то держалъ ее, чтобы она, повалясь, не задавила брата.

Не желая съ своей стороны мѣшать брату сосредоточи-

ваться надъ работой, я остановился въ гостинницѣ, поджидать окончанія экзамена. Книгъ со мной не было, и скука нестерпимо томила меня въ одиночествѣ.

На другое утро, едва только я напился кофею, какъ явился ко мнѣ Павелъ Тимоѳеевичъ.

— Ну, что братъ?

— Все держатъ гекзаменъ. А я къ вашей милости: пожалуйте намъ хоть три рубля. Вѣрите ли, стеариновыя свѣчи всѣ вышли, да и прачка... измучила, а у насъ ни копѣечки.

Я выдалъ трехрублевку.

На слѣдующее утро тотъ же Павелъ Тимоѳеевичъ.

— Ну, что братъ?

— И... и... и... гекзаменъ держатъ. Вчера одинъ выдержали. Пожалуйте, батюшка, шесть рублей прачкѣ отдать. Что будешь дѣлать? У насъ ни копѣечки.

— Вотъ тебѣ шесть рублей, но ужь я больше не дамъ ни копѣйки.

Наконецъ эти злополучные экзамены кончились, и братъ могъ съ чистою совѣстью ѣхать къ отцу.

Я тотчасъ же посадилъ его рядомъ съ собою на переплетъ перекладной, а Павла Тимоѳеевича—на облучекъ,—и въ путь. Быстрая ѣзда на облучкѣ подъ южнымъ солнцемъ, видимо, разломала Павла, и уже со второй станціи онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ сиротливымъ голосомъ просить:

— П... п... п... пожалуйте мнѣ хоть что-нибудь, хоть вотъ такуичку, п... п... пропустить. При этомъ онъ показывалъ половину своего запыленнаго мизинца. Конечно, не желая возить пьянаго, я на каждой станціи до самаго дома давалъ ему денегъ только на *такуичку*.

Ровно черезъ двое сутокъ мы были уже въ Клейменовѣ, гдѣ, къ нашему прискорбію, никого въ домѣ не застали: отецъ съ Надей дня за два передъ тѣмъ переѣхали за 30 в. въ Новоселки. Такъ какъ до вечера было еще далеко, а экипажи были увезены въ Новоселки, то я совѣтовалъ брату отдохнуть съ дороги, а самъ намѣревался уѣхать верхомъ въ Новоселки. Братъ непремѣнно захотѣлъ также ѣхать со мною верхомъ, и я никакъ не могъ отклонить его намѣренія.

Часа черезъ полтора мы слѣзли съ лошадей у Новосель-

скаго крыльца: я—какъ ни въ чемъ не бывало, а непривычный студентъ—въ видѣ заржавѣвшаго циркуля, у котораго ножки не смыкаются.

— Что жь ты его не поберегъ? спросилъ меня отецъ. Но когда я разсказалъ ему про настойчивость брата, старикъ прибавилъ:

— Впередъ наука; не спросясь броду, не суйся въ воду.

Надя встрѣтила меня съ неизмѣнною пріязнью, а черезъ нѣсколько дней подъѣхала и Любинька съ мужемъ погостить.

Наконецъ-то и лошади мои добрались благополучно до Новоселокъ, и такъ какъ парадная лошадь была отцовскаго завода, то ему очень хотѣлось видѣть ее подъ сѣдломъ. Хотя Фелькерзамъ (такъ звали коня) еще не прошелъ всѣхъ тонкостей манежной ѣзды, тѣмъ не менѣе я могъ для всѣхъ устроить передъ домомъ каруселъ, подвергаясь критикѣ двухъ бывшихъ уланъ (отца, не покидавшаго сѣдла до смерти и зятя Александра Никитича). Оба восхищались ѣздою и ходомъ лошади, но посадкой моею остались недовольны. Александръ Никитичъ сказалъ: „сидитъ немудро, а рука золотая“.

Отецъ дѣйствительно былъ обрадованъ моимъ прикомандированіемъ къ гвардіи и, тотчасъ же позвавши домашнихъ портныхъ, лично занялся кройкою и шитьемъ щегольскихъ капоровъ и попонъ для лошадей. Зная о предстоящихъ при переводѣ расходахъ и умѣренности моихъ требованій, онъ не разъ съ блистающими радостью глазами повторялъ: „нѣтъ, ты таки меня не жалѣй! Нужно будетъ—напиши. Да, такъ таки не жалѣй, не жалѣй меня!“

Александру Никитичу отецъ нашъ давно помогъ выстроить усадьбу, хотя и не могъ ему простить, что усадьба была выстроена въ его Ивановскомъ, а не въ Любинькиномъ Петровомъ, на что неоднократно жаловался и мнѣ. Неудовольствіе возбуждали еще и поѣздки Нади въ гости къ сестрѣ. Старикъ по принципу сдерживалъ порывы нѣжности, но очевидно, обожалъ и ревновалъ Надю ко всѣмъ.

Въ восьми верстахъ отъ Новоселокъ была деревня Фатьяново, въ которой проживало нѣкогда семейство Борисовыхъ, роковымъ, можно сказать, образомъ связанное съ нашимъ. У владѣлицы его, вдовы Марьи Петровны, было девять че-

ловѣкъ дѣтей, надъ которыми отецъ нашъ былъ опекуномъ. Всѣ дѣти Борисовы, за исключеніемъ средняго брата Ивана Петровича и меньшой сестры Анны, перемерли отъ чахотки. Иванъ Петровичъ Борисовъ, замѣчательно малаго роста и далеко не красивый брюнетъ, выпущенъ изъ Московскаго кадетскаго корпуса въ артиллерію и на первыхъ порахъ служилъ въ Москвѣ при штабѣ шестаго корпуса; но получивши, по достиженіи 21-го года, въ полное распоряженіе свое наслѣдственное Фатьяново, онъ вдругъ изъ артиллеріи перепросился въ кирасирскій Военнаго Ордена полкъ корнетомъ, надъ чѣмъ покойный отецъ нашъ хохоталъ до слезъ, говоря: „какая странная мысль! Съ такой фигурой передъ кирасирскимъ фронтомъ! Воробей на крышѣ“.

Отецъ не ошибся. Когда я, по вызову Борисова, въ свою очередь поступилъ въ тотъ же полкъ, то нашелъ Борисова въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ со всѣмъ полкомъ; но въ теченіи полугода, прожитаго мною съ нимъ на одной квартирѣ, я не видалъ его ни разу на лошади, и на все время лагерныхъ сборовъ его отправляли въ Кременчугъ въ инспекторскій караулъ. Невеселая жизнь досталась на долю бѣднаго Борисова. Хотя я его зналъ съ малолѣтства и состоялъ съ нимъ всегда въ дружескихъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе не берусь заглянуть въ самую глубь души его. Далеко недюжиннаго ума, онъ не лишенъ былъ комическаго таланта и умѣлъ нравиться самымъ разнообразнымъ людямъ. Замѣчательно храбрый и лѣнивый до безпечности, онъ ловко умѣлъ угодить всякому нужному человѣку, но — миръ бѣдному праху его!—не буду разсуждать, а стану разсказывать все мнѣ о немъ извѣстное, тѣмъ болѣе, что на жизненномъ горизонтѣ Тургенева онъ былъ однимъ изъ крупныхъ созвѣздій.

Черезъ полгода по прибытіи моемъ въ полкъ, Борисовъ, запасшись крымскими борзыми, вышелъ въ отставку и уѣхалъ къ себѣ въ деревню. Тамъ онъ, конечно, являлся домашнимъ человѣкомъ въ домѣ бывшаго опекуна, увидалъ Надю, и судьба его была рѣшена навсегда. Получивъ на тайное отъ отца предложеніе рѣшительный отказъ Нади, онъ, какъ писалъ мнѣ, съ горя снова поступилъ на службу на Кавказъ.

Но видно, сердце не камень. Года черезъ три онъ опять вышелъ въ отставку, и вотъ, вспоминая это время, отецъ, смѣясь до слезъ, разсказывалъ мнѣ въ благодушную минуту:

— Ты знаешь, Иванъ Петровичъ сватался за Наденьку!

Получивъ новый, не менѣе рѣшительный отказъ, Борисовъ вторично отправился на Кавказъ и поступилъ въ знаменитый Куринскій полкъ, гдѣ все время провелъ въ походахъ и экспедиціяхъ и, въ качествѣ ротнаго командира, участвовалъ въ Малоазіатской войнѣ. Много горькихъ писемъ написалъ онъ мнѣ и, между прочимъ, изъ подъ Башъ-Кадыклара, гдѣ изо всѣхъ офицеровъ въ его ротѣ въ живыхъ остался только онъ. Тѣла же прочихъ были собраны подъ громадное орѣховое дерево, подъ которымъ онъ мнѣ писалъ.

Но я забѣгаю впередъ.

Время близилось къ девятой пятницѣ, т. е. къ Коренной ярмаркѣ, составлявшей въ то время самое замѣчательное годовое событіе не для однихъ жителей средней Россіи. Поэтому отецъ нашъ, забравши меня и брата Петрушу, отправился за полтораста верстъ въ свое Землянское имѣніе Грайворонку, чтобы отправить оттуда съ завода лошадей въ Коренную и ѣхать туда самому за ежегодными закупками.

Ѣхали мы, конечно, на своихъ, двумя экипажами: отецъ на шестеркѣ гнѣдыхъ въ дормезѣ, куда бралъ поочередно меня и брата, а сзади на тройкѣ вороныхъ шелъ тарантасъ съ посудой, поваромъ и лакеемъ; другой лакей помѣщался на козлахъ дормеза.

Мнѣ было 32 года отъ роду, когда я во второй разъ пріѣхалъ въ отцовскую Грайворонку, гдѣ мы съ братомъ Петрушей помѣстились въ трехъ комнатахъ стариннаго дѣдовскаго флигеля. Не думаю, чтобы девяностолѣтній дѣдъ, проживавшій, насколько я себя помню, постоянно лѣтомъ у себя въ Клейменовѣ, а зимою въ собственномъ орловскомъ домѣ, жилъ когда-либо въ Грайворонскомъ флигелѣ.

На другой же день по пріѣздѣ, восьмидесятилѣтнему отцу подвели его верховую лошадь, и онъ, въ сопровожденіи прикащика и старостъ, поѣхалъ осматривать какъ собственныя, такъ и крестьянскія поля, гдѣ ничто не укрывалось отъ его

зоркаго хозяйственнаго взгляда. Полевое хозяйство онъ всюду держалъ на примѣрной высотѣ, и его крестьяне отличались, особенно на Грайворонкѣ, благосостояніемъ. При значительности по тогдашнему времени его доходовъ, надо было предполагать у отца крупные капиталы. Но онъ, въ видахъ устройства имѣній, всюду, для сбереженія труда, выселялъ на собственный счетъ половину крестьянъ на отдаленныя окраины земли, которыя имъ приходилось обработывать. А такъ какъ онъ отрывалъ ихъ при этомъ отъ рѣкъ, то принужденъ былъ рыть имъ пруды и копать колодцы.

Конечно, всѣ эти поселки процвѣтали только при его бдительномъ надзорѣ, но когда за неприсмотромъ пруды и колодцы заилились, крестьянамъ уже добровольно пришлось тянуть къ старымъ мѣстамъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ затѣй, отецъ, за уплатою прежнихъ опекунскихъ залоговъ, никогда не располагалъ большими деньгами и нерѣдко бралъ взаймы у своихъ же мужиковъ по двѣ тысячи рублей.

Со счетомъ на серебро, лѣтъ пятнадцать уже установившимся въ цѣлой Россіи, онъ до конца дней не могъ примириться и говорилъ, нетерпѣливо примаргивая своими прекрасными голубыми глазами:

— Это по вашему триста рублей, и ты ихъ тратишь, какъ триста рублей, а я зарабатываю ихъ какъ тысячу пятьдесятъ и потому такими считаю.

Пересмотрѣвъ продажныхъ жеребцовъ, отецъ, отдавши подробныя приказанія конюхамъ, отправилъ ихъ въ Коренную, а черезъ нѣсколько дней мы сами пустились въ путь на ярмарку описаннымъ выше порядкомъ.

Мнѣ чаще брата приходилось сидѣть съ отцомъ въ дормезѣ и читать ему „Московскія Вѣдомости“. Помню, мы проѣзжали вдоль громаднаго выгона большой однодворческой деревни, широко окаймлявшей его съ трехъ сторонъ чистыми крестьянскими постройками, большею частью крытыми подъ глину въ начесъ и пестрѣвшими расписными ставнями. Всѣ эти избы, за которыми виднѣлись въ проулки гумна, заставленныя старымъ хлѣбомъ, сами утопали въ зелени ракитъ и садовыхъ деревьевъ.

Былъ праздничный день. Мы наѣхали на веселыя толпы

молодежи вокругъ качелей и нѣсколькихъ палатокъ съ такъ называемымъ бабьимъ товаромъ и разными сластями.

Въ то время кичка царила во всемъ своемъ преемственномъ величіи съ широкою золотою *сорокою* надо лбомъ, пестрымъ *челникомъ* между верхними углами, крупнымъ бисернымъ *подзатыльникомъ* и обильными и разноцвѣтными лентами, спадавшими на спину, и носившими названіе *лопастей*.

Вѣтеръ дулъ на насъ со стороны деревни, относя пыль отъ экипажей въ сторону и волнуя пестрыя ленты женскихъ головныхъ уборовъ. Ласточки, словно принимая участіе въ деревенскомъ празднествѣ, носились надъ самою землею, назойливо шныряли вокругъ качелей между группами гуляющихъ и подъ самыми ногами нашихъ лошадей. Всюду видѣлись веселыя улыбки съ бѣлоснѣжными зубами и ни одного безобразнаго пьянаго лица. Эта сельская идиллія мгновенно возбудила во мнѣ мысль о новомъ предстоящемъ мнѣ поискѣ невѣрнаго счастья и, обращаясь къ отцу, я сказалъ:

— Вотъ истинно счастливые люди. Чего еще искать человѣку? Право, невольно имъ позавидуешь.

— Чѣмъ предаваться такому дурному чувству, сказалъ отецъ,—отъ тебя вполнѣ зависитъ это счастье. Не хочешь ли на этомъ остановиться?

Я былъ окончательно разбитъ и только подумалъ: „нельзя болѣе рѣзкой чертой отдѣлить идеалъ отъ дѣйствительной жизни. Жаль только, что старикъ никогда не пойметъ, что питаться поневолѣ приходится дѣйствительностью, но задаваться идеаламп тоже значитъ жить“.

Верстъ за двадцать до Коренной Пустыни намъ пришлось по большой дорогѣ проѣзжать лѣсомъ, и, конечно, мнѣ не могло и присниться, что мы ѣдемъ по опушкѣ будущаго моего лѣса, невдалекѣ отъ будущей моей усадьбы.

Въ Коренной мы заняли одинъ изъ множества домиковъ съ широкими дворами съ навѣсами для помѣщенія лошадей и экипажей. Дома эти, построенные на скорую руку, въ большинствѣ случаевъ отличались отъ крестьянской избы средней руки—развѣ отсутствіемъ печей и досчатыми полами. Всѣ они вереницей тянулись съ одной стороны ярмарочной площади къ конному бѣгу и предназначались для дачи

внаймы только на двѣ недѣли ярмарочной поры. Въ главной избѣ, служившей намъ столовою и гостиною, за перегород кой расположился отецъ, а въ небольшой пристройкѣ, чрез немощеныя проходныя сѣни, помѣстились мы съ братомъ

Къ вечеру, въ день нашего пріѣзда, камердинеръ отца Иванъ Никифоровъ, растворивъ дверь нашей свѣтелки, быстр проговорилъ: „несутъ, несутъ“,—и мы съ братомъ выбѣжа ли на крыльцо.

Вдоль улицы показалась сплошная и безконечная рѣк непокрытыхъ головъ. Конные жандармы едва сдерживал приближающіяся народныя волны, впереди которыхъ шл многочисленное духовенство въ блестящихъ ризахъ, а за нимъ на катафалкѣ несли и самую икону. Изъ сколькихъ тысячъ человѣкъ состояла эта толпа, опредѣлить не могу давно уже духовенство, съ катафалкомъ вослѣдъ, скрылос за угломъ по направленію къ монастырю, а толпа продол жала прибывать вдоль улицы, и мы, не дождавшись ея конца ушли къ себѣ.

Подъ обширными навѣсами нашего двора, еще не свык шіеся съ новымъ мѣстомъ Грайворонскіе жеребцы оглуши тельно ржали; такое же ржаніе раздавалось и на сосѣднихъ дворахъ.

На другой день мы вмѣстѣ съ отцомъ отправились в стоящій на высокомъ правомъ берегу рѣки Тускари старин ный монастырь къ архіерейскому служенію, а по окончаніи обѣдни спускались по каменной лѣстницѣ къ святому колодцу въ который бросили по серебряной монетѣ, умножая куч мѣдныхъ и серебряныхъ денегъ, виднѣющихся на каменном днѣ колодца сквозь чистѣйшую воду. Пустынь, по преданію получила свое названіе отъ явленія образа Знаменія Божіей Матери на корнѣ срубленнаго дерева.

Въ церкви я неожиданно встрѣтилъ бывшаго нашего пол коваго любимца Н. И. Небольсина, отъ котораго я принял должность полковаго адъютанта. Я встрѣтилъ его уже пред водителемъ Щигровскаго уѣзда, а въ настоящее время прах этого вполнѣ прекраснаго человѣка покоится въ оградѣ Корен наго монастыря, въ которомъ мы встрѣтились послѣдній разъ

Послѣ обѣдни мы съ братомъ пустились осматривать яр

марку. Конечно, вниманіе наше главнымъ образомъ было привлечено конною площадью, по которой тянулся рядъ невысокихъ столбовъ, обозначавшихъ отдѣльные станки для приводныхъ лошадей. Безконечный рядъ лоснящихся на солнцѣ круповъ всевозможныхъ лошадей обращенъ былъ къ дорогѣ, на которую продавцы то и дѣло выводили на показъ лошадей. По другую сторону дороги, въ громадныхъ загородяхъ изъ крѣпкихъ жердей, находились степныя, дикія лошади. Тутъ зрѣлище было гораздо любопытнѣе. Такихъ изгородей было немало, и покупатели то и дѣло подходили къ продавцамъ.

— Какого вамъ?

— Вонъ, вонъ, темногнѣдаго, остроухаго.

— Со звѣздочкой во лбу?

— Нѣтъ, вонъ третья за тою голова, что пошла въ дальній уголъ. Мы ту себѣ присмотрѣли. Нельзя ли опять присмотрѣть?

— Филатъ, подгони вонъ того.

И Филатъ являлся съ длинною и тонкою жердью, опуская которую надъ головами сотенъ толпившихся коней, онъ заставлялъ пересыпаться весь этотъ живой калейдоскопъ, такъ однако, чтобы желаемое зерно хоть на минуту выступало на ближайшій къ покупателю край табуна. По окончаніи торговой сдѣлки слѣдовало сдать лошадь покупателю, и вотъ шестъ Филата опять наклонялся надъ табуномъ, но уже съ прилаженной на тонкомъ концѣ его петлею. Въ это время другой табунщикъ садился на осѣдланную, такъ называемую *укрючную*, лошадь, запуская себѣ подъ ногу свободный конецъ аркана съ противоположной табуну стороны. Черезъ минуту петля была уже на шеѣ желаемой лошади, которая, почуявъ бѣду, напрасно вставала на дыбы и металась какъ угорѣлая: укрючная лошадь, видимо привыкшая къ своему дѣлу, упорно надувалась, наклоняясь прочь отъ плѣнницы и помогая сѣдоку все туже натягивать арканъ.

Затянутая мертвою петлею лошадь, потерявъ дыханіе, падала на землю, и ее выволакивали изъ табуна. Тутъ уже мгновенно надѣвалась на нее уздечка съ надежнымъ арканомъ и, отпустивъ петлю, передавали ее съ рукъ на руки покупщику.

Далѣе за табунами на прочныхъ столбахъ съ переладинами висѣло множество колоколовъ, отъ малыхъ до весьма значительныхъ размѣровъ. Такъ какъ никто не станетъ покупать колокола, не ознакомившись съ его звономъ, то всякому предоставлялось право звонить. Поэтому непрерывный звонъ стоялъ надъ всею площадью, заглушая весь остальной гамъ. Ярмарочная площадь кончалась полуверстнымъ бѣгомъ съ ярмарочнымъ павильономъ-посерединѣ. Каждый вечеръ здѣсь происходили состязанія рысаковъ, а иногда и лошадей, возящихъ тяжести. На слѣдующее утро имена побѣдителей становились общимъ предметомъ разговоровъ.

Исключеніе изъ оглушающаго шума представляли только каменные ряды, напоминавшіе наружностью и устройствомъ московскій гостинный дворъ.

Не буду говорить о рыбномъ и бакалейномъ отдѣленіяхъ, въ которыхъ сельскіе хозяева закупали годовые запасы.

Зато о красныхъ и галантерейныхъ рядахъ Коренной ярмарки нельзя не упомянуть. Всѣ переходы въ нихъ застилались ежедневно свѣжею травою, по которой, подъѣзжая въ многочисленныхъ экипажахъ, съ утра до вечера разгуливали разодѣтыя дамы, между которыми то и дѣло мелькали кавалерійскіе офицеры, преимущественно гусары, въ полной формѣ съ волочащимися саблями. Словомъ, это была знаменитая выставка невѣстъ, подкрѣпляемая балами въ дворянскомъ собраніи.

Къ вечеру ярмарка затихала, и проѣздъ экипажей становился рѣже. Все покоилось сномъ, за исключеніемъ дома собранія, большаго каменнаго трактира и широкой, въ сторону отъ ярмарки протянувшейся, слободы, окаймленной съ двухъ сторонъ самыми лучшими, иногда двухъ-этажными домами. Тѣмъ не менѣе въ этихъ домахъ никто изъ пріѣзжихъ покупателей не останавливался, и по этой слободѣ ни днемъ, ни ночью незамѣтно было особаго движенія. Но когда ярмарка темнѣла и засыпала, слобода озарялась яркими огнями оконъ, за которыми громогласно звучала музыка и велись безконечные танцы.

Конечно, къ нашему отцу, бывшему много разъ предводителемъ и коннозаводчику, ходило много знакомыхъ и по-

купателей, но чаще всѣхъ бывалъ небольшой сѣденькій старичокъ съ бѣльмомъ на лѣвомъ глазу,—М...ъ. Онъ, бывало, какъ разъ подойдетъ къ вечернему отцовскому чаю, наговоритъ ему много пріятнаго насчетъ его лошадей и подъ конецъ, наклонившись ко мнѣ, скажетъ вполголоса: „а что не заглянуть ли намъ въ Капернаумчикъ?“ — Онъ же указалъ мнѣ и иллюминацію слободы, которою самъ каждую ночь восхищался. Что касается до трактира, куда уводилъ меня М...ъ, то это былъ весьма хорошій русскій трактиръ, привлекавшій ремонтеровъ и сторонникъ посѣтителей прекраснымъ столомъ и винами, а главное—замѣчательнымъ цыганскимъ хоромъ. Положимъ, такъ называемый хоръ, особливо мужская его часть, не превосходилъ посредственности, зато примадонны были удивительныя, особенно одна изъ нихъ, съ бархатнымъ и выразительнымъ контральто, ясно сохранилась въ моей памяти. Она была живымъ портретомъ славной въ то время въ Европѣ красавицы Лолы Монтесъ.

Половина нашихъ лошадей была распродана, надлежащія закупки сдѣланы, и мы тѣмъ же порядкомъ вернулись на Грайворонку. Время было и мнѣ явиться въ лейбъ-уланскій полкъ, а брату—возвратиться въ Харьковъ. Оба мы ожидали денежной благостыни со стороны отца.

Однажды утромъ, въ отсутствіе отца по хозяйству, братъ сказалъ мнѣ таинственнымъ голосомъ.

— Онъ даетъ тебѣ триста рублей, а мнѣ—сто.

— Ты почему же это знаешь? спросилъ я брата.

— Да онъ написалъ на бумажкѣ и, порвавши ее на клочки, выбросилъ за окошко. Я сейчасъ догадался, что это про насъ: сложилъ клочки и прочелъ.

Братъ не ошибся въ суммахъ, которыми мы были снабжены на дорогу. Съ небольшою денежною субсидіей я на перекладной пустился въ Москву и затѣмъ по желѣзной дорогѣ до станціи Волховской, гдѣ узнавши, что полкъ уже въ Красносельскомъ лагерѣ, продолжалъ свой путь до лагеря. Здѣсь безъ особаго труда я разыскалъ своихъ людей, которые уже успѣли прибыть съ лошадьми и, къ крайнему изумленію, деньщикъ моего дальняго родственника, командира шестаго эскадрона, В. П. М—а, провелъ меня къ палаткѣ съ де-

ревяннымъ поломъ, въ которой я нашелъ свою походную кровать, и слугу, помѣстившагося съ самоваромъ и прочимъ походнымъ скарбомъ между внутренней и наружной полами палатки.

— Василій Павловичъ, говорилъ деньщикъ, уступили вамъ свою палатку, а сами перешли въ баракъ къ командиру лейбъ-эскадрона.

Я оказался прикомандированнымъ къ шестому эскадрону и тотчасъ же отправился благодарить лично незнакомаго мнѣ Василія Павловича.

Кромѣ своего эскадроннаго командира я засталъ и хозяевъ барака: молодаго, красиваго и любезнаго И. Ѳ. Щ.....го и брата его Н. Ѳ. Въ полку было принято обзывать всѣхъ по имени и отчеству.

На слѣдующее утро мнѣ предстояло явиться въ полной формѣ къ командиру полка генералу Курселю и благодарить его. Хозяева просили меня, отъявившись, зайти къ нимъ въ баракъ, и Н. Ѳ. любезно вызвался проводить меня ко всѣмъ офицерамъ, начиная со старшаго полковника и до младшаго корнета. Всѣ офицеры были чрезвычайно любезны, не исключая и корнетовъ, которые, какъ оказалось потомъ, сильно дулись на кирасирскаго штабъ-ротмистра, который, переходя въ полкъ младшимъ поручикомъ, садился имъ всѣмъ на шею.

Второй разъ въ жизни, несчастной моей памяти предстояло непосильное испытаніе удержать сразу сорокъ именъ, отчествъ и фамилій.

Подъѣздокъ мой оказался злымъ до чрезвычайности. Когда на другой день съ полкомъ я отправился на линейное ученіе, онъ всю дорогу до мѣста ученія горбился и, злобно ударяя передними ногами въ землю, старался выбить меня изъ сѣдла, а какъ это не удавалось, то неожиданно звякалъ мундштучными дужками о стремена, стараясь захватить зубами за ногу. Конечно, я принялъ мѣры, чтобы это не повторялось, но онъ подкарауливалъ малѣйшее ослабленіе поводьевъ: Вернулся на немъ я въ лагерь послѣ горячаго ученія безъ особыхъ приключеній. Черезъ день послѣ того назначенъ былъ церемоніальный маршъ.

Мнѣ хотѣлось утомить и, какъ говорится, обломать моего подъѣздка, но меня пугала мысль, что на церемоніальномъ маршѣ нельзя было ѣхать впереди фронта на произвольномъ разстояніи, а нужно было сохранять офицерскую линію и невозможно было поручиться, чтобы солдатикъ порой не наѣхалъ слегка на моего лютаго звѣря, а тотъ, начавши лягать, не искалѣчилъ бы солдата или фронтовой лошади, что было бы самымъ неблаговиднымъ вступленіемъ во фронтъ въ глазахъ гвардейскаго полковаго командира, дрожавшаго, по-гвардейски, надъ каждою фронтовою лошадью.

Сказавшись больнымъ, я попросилъ Василія Павловича взять моего подъѣздка подъ унтеръ-офицера, долженствующаго стать на мое мѣсто. Не прошло и полутора часа съ выхода полка на ученіе, какъ слуга доложилъ мнѣ, что унтеръ-офицеръ вернулся съ ученія одинъ и разсѣдлалъ подъѣздка. Когда я спросилъ вернувшагося съ полкомъ Василія Павловича о причинѣ возвращенія унтеръ-офицера въ лагерь,—М—ъ отвѣчалъ:

— Прошли мы только Красное Село, какъ, взглянувши на своего взводнаго, я увидалъ, что лицо у него совсѣмъ позеленѣло. — Что съ тобой? — спросилъ я его. — Всторчь бьетъ, ваше высокоблагородіе, всѣ печенки отбила. — Я и отправилъ его домой.

— А задомъ во фронтъ не лягаетъ? спросилъ я.

— Этого нѣтъ.

Только и хотѣлось мнѣ знать.

Хотя погода надъ лагеремъ стояла порою ясная, тѣмъ не менѣе по временамъ заходили внезапно тучи и лилъ дождикъ. Однажды получаю повѣстку: „Его Императорское Высочество главнокомандующій изволитъ завтрашняго числа въ 10 час. утра смотрѣть прикомандированныхъ, почему ваше благородіе имѣете прибыть ко дворцу въ полной парадной формѣ“. Сохранить безукоризненную чистоту бѣлаго кирасирскаго мундира можно только съ большою осторожностью, накинувъ на плеча коленкоровую мантію, такъ называемый пудроманъ (пудремантель). Бѣлыхъ мундировъ было у меня три: много разъ бѣленый для ношенія подъ кирасами, однажды тщательно выбѣленный, и—ненадѣванный. Въ видахъ бережли

вости, я надѣлъ второй мундиръ и съ прикомандированнымъ же товарищемъ гусаромъ сѣлъ въ наемный фаэтонъ, который одинъ изъ полковыхъ забавниковъ называлъ *купе*, потому что на немъ былъ обрѣзано все то, что бываетъ въ другихъ фаэтонахъ, начиная съ крыльевъ. За полчаса до назначеннаго времени мы въ числѣ прочихъ выстроились подъ деревьями у дворцоваго крыльца. Набѣжали тучи, и насъ стало обсыпать водяною пылью.—„Боже, подумалъ я, что-то будетъ съ моимъ мундиромъ!“ — Стало накрапывать, и черезъ нѣсколько минутъ насъ стало обливать косымъ и крупнымъ дождемъ. Вышелъ адъютантъ и объявилъ, что Его Высочество изволитъ откладывать смотръ до другаго времени.

На слѣдующемъ такомъ же смотру я стоялъ уже въ ненадѣванномъ колетѣ; и на этотъ разъ изъ надвинувшихся тучъ на меня посыпалась водяная пыль. Я чувствовалъ, что въ финансовомъ отношеніи пропалъ невозвратно; но небо расчистилось, и мы благополучно отбыли смотръ.

Наступили маневры въ присутствіи Государя Императора, и полили дожди. Офицеры эскадрона упросили меня быть хозяиномъ по части артельнаго столоваго продовольствія. Закупкою въ Петербургѣ всѣхъ припасовъ я заслужилъ всеобщее одобреніе. На привалахъ эскадронная фура растегивалась, и всѣ хвалили удивительную солонину, запивая ее различными винами и портеромъ. Но торжество мое длилось недолго. Дня черезъ два одинъ изъ нашихъ корнетовъ, подъѣхавъ къ перекрестку, на которомъ стояла наша фура, и, завидя переходившій черезъ дорогу лейбъ-драгунскій дивизіонъ, пригласилъ всѣхъ офицеровъ, сосѣдей по красносельскому лагерю, къ закускѣ.

Конечно, мнѣ, человѣку новому, не подобало возражать противъ такого коммунизма. Надо было требовать новой складчины для вторичной закупки провизіи, но я при такихъ условіяхъ наотрѣзъ отъ хозяйства отказался.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ ненастную погоду по болотистымъ петербургскимъ окрестностямъ полкъ выходилъ на маневры въ самыхъ худшихъ мундирахъ. Такіе мундиры и вальтрапы съ заплатами офицеры называли *манежистами*. Конечно, и я приберегалъ лучшее къ предстоящимъ смотрамъ,

тѣмъ болѣе, что въ виду предстоящей полной экипировки черезъ полгода нужно было сберегать прежнюю. Какъ вездѣ на каждомъ привалѣ, у насъ, какъ изъ земли, выростали пирожники и булочники съ запасомъ водки. Взводные офицеры обыкновенно угощали свои взводы булками, но давать при этомъ водку воспрещалось.

Однажды, когда я только-что разсчитался съ булочникомъ, ко мнѣ подъѣхалъ полковой адъютантъ и равнодушнымъ голосомъ проговорилъ:

— Вы назначены ординарцемъ къ Государю Императору.

Я такъ и вздрогнулъ. По моимъ армейскимъ понятіямъ, царскій ординарецъ былъ наилучшій ѣздокъ, на наилучшей красавицѣ-лошади, во всемъ новомъ съ головы до шпоръ. Я хорошо зналъ, что ослушаніе можетъ навсегда погубить мою карьеру; но когда я подумалъ, въ какомъ видѣ я буду произносить слова: „къ Вашему Императорскому Величеству на ординарцы наряженъ“,—кровь застыла у меня въ жилахъ, и я твердымъ голосомъ проговорилъ:

— Доложите генералу, пусть меня отдаютъ подъ судъ, наряжаютъ на какую угодно службу не въ очередь, но на ординарцы къ Государю я въ такомъ видѣ не поѣду.

Выходка моя прошла безнаказанно.

Однажды, когда мы съ эскадрономъ съ ранней зари проходили часовъ до пяти послѣ обѣда по полямъ, и когда эскадронный командиръ, поручая мнѣ полуэскадронъ, махнувъ рукою, сказалъ: „идите по этому направленію и не давайте себя обойти“,— я повелъ полуэскадронъ по назначенному направленію съ невѣдомою мнѣ цѣлью. Какъ ни совѣщался я съ бывшимъ при мнѣ корнетомъ, считавшимъ себя великимъ тактикомъ, но ни къ какому результату мы въ своихъ соображеніяхъ не дошли. Наконецъ, видя, что мы рискуемъ заночевать безъ корма и безъ пищи невѣдомо гдѣ, я повернулъ полуэскадронъ направо и пошелъ отыскивать другую половину въ направленіи, въ которомъ она ушла. Началъ накрапывать дождикъ, и мы насилу отыскали свой эскадронъ, гдѣ Василій Павловичъ сталъ увѣрять, что считалъ насъ пропавшими. Онъ тоже не успѣлъ разсѣдлать, какъ подъѣхалъ адъютантъ и громко объявилъ:

— Шестой эскадронъ назначенъ на аванпосты.

Пришлось на тощій желудокъ отправляться на усталыхъ лошадяхъ въ отдаленные кусты на всю ночь. Дождикъ сталъ поливать какъ изъ ведра. Солдатики отстегнули свои шинели и надѣли ихъ въ рукава, моя же шинель оставалась въ куда-то запропастившейся фурѣ, и я въ одномъ тонкомъ мундирѣ остался подъ холоднымъ проливнымъ дождемъ. Не только разводить огонь, но даже курить на аванпостахъ строго воспрещалось. Листы кустарника давно облетѣли, и когда я прибылъ на смѣну нашему же офицеру, то онъ, указывая на темный развѣсистый, обнаженный кустъ, со смѣхомъ сказалъ: „оставляю вамъ въ наслѣдство прекрасную бесѣдку“.

Когда я, наклоняясь въ эту бесѣдку, зацѣпилъ за сучья головою, меня, среди мелкаго осенняго дождя, обдало крупными, холодными каплями. Одинъ изъ солдатиковъ, видя мое горестное положеніе, снялъ съ себя шинель и подалъ мнѣ ее со словами:

— Ваше благородіе, накиньте шинель.

— А ты-то какъ-же останешься?

— Да мы станемъ мѣняться, а я покуда накину на себя попонку.

Такъ они и дѣлали до самой зари. Хотя я и промокъ до костей, но меня уже не такъ продувало вѣтромъ. Однако продѣлка эта не обошлась мнѣ даромъ: мое хроническое раздраженіе дыхательныхъ органовъ дало себя знать. Горло у меня дотого распухло, что я едва могъ отпроситься у генерала въ петербургскій военный госпиталь, откуда, по совѣту врача, отправился въ Лопухинку въ тамошнюю военную водолѣчебницу. Водолѣчебный сезонъ окончился, и въ небольшомъ госпиталѣ я не только не встрѣтилъ ни одного офицера, но даже ни единаго солдатика; а мнѣ предстояло пробыть въ этомъ уединенномъ замкѣ цѣлый мѣсяцъ съ инвалидомъ, фельдшеромъ, производившимъ надо мною водолѣчебные эксперименты, и военнымъ медикомъ, ежедневно приходившимъ на четверть часа въ мою комнату. А такъ какъ въ число пріемовъ лѣченія входила прогулка и питье воды изъ мѣстныхъ ключей, то я поневолѣ ознакомился съ прекрасно со-

держимымъ паркомъ и всею сѣверною красотой ближайшихъ окрестностей, начиная съ прудовъ, какихъ мнѣ до той поры видѣть не приходилось.

Взойду, бывало, на высокій берегъ въ берестовую бесѣдку, всю исписанную карандашомъ, и любуюсь распростертою у ногъ моихъ зеркальною влагою водъ. Глубина этой прозрачной влаги, повидимому, превышала десять саженъ, но всѣ водяныя поросли на днѣ были отчетливо видны, словно зеленый лѣсъ, растущій въ глубокой долинѣ, а крупныя форели, неподвижно стоящія съ распущенными плавниками, казались птицами, парящими надъ этой долиной.

Но нельзя цѣлый день любоваться красотами природы, а въ уединенной комнатѣ ожидала непроходимая тоска. Къ счастію, зная свою скучливость въ бездѣйствіи, я захватилъ съ собою Горація въ объясненіяхъ Орелліи и принялся переводить самыя трудныя оды изъ второй и третьей книгъ. Сначала я пришелъ въ совершенное отчаяніе отъ возникавшихъ на каждой строкѣ затрудненій; но съ каждою новой побѣдой я все болѣе освоивался съ атмосферою моего труда, все болѣе и болѣе отраднаго. Къ величайшей радости моей, я въ мѣсяцъ, проведенный въ Лопухинкѣ, окончательно перевелъ двѣ послѣднія книги одъ, тогда какъ переводъ первыхъ двухъ тянулся впродолженіе пятнадцати лѣтъ.

Полкъ я нашелъ уже на Волховѣ въ поселенномъ штабѣ. Массивныя каменныя зданія штаба представляли всевозможныя удобства для помѣщенія полка. Вокругъ огромнаго остолбеннаго плаца громаднымъ четвероугольникомъ стояло нѣсколько двухъ-этажныхъ домовъ съ офицерскими помѣщеніями. Въ двухъ среднихъ такихъ корпусахъ, съ проходящими по нимъ въ верхнихъ и нижнихъ этажахъ корридорами, находились квартиры холостыхъ офицеровъ. Противъ этихъ зданій, съ другой стороны плаца, тянулся громадный манежъ, на подобіе московскаго экзерциргауза, съ полковою, какъ и онъ же, ротондою посерединѣ, въ которой помѣщалась полковая церковь. По обоимъ концамъ плаца тянулись такіе же корпуса съ помѣщеніями для женатыхъ офицеровъ, квартира полковаго командира и гауптвахта; а съ одной стороны за этими строеніями находились просторныя эскадронныя ка-

зармы и конюшни. Въ одномъ изъ зданій было отведено мѣсто для полковой библіотеки и ресторана, гдѣ большинство молодежи могло столоваться весьма сносно и недорого.

Начались обычныя манежныя ученія, послѣ которыхъ я всегда выпрашивалъ у любезнаго Василія Павловича дурноѣзжую лошадь, чтобы имѣть возможность отъѣздить сверхъ своей еще и казенную.

Какъ ни осмотрителенъ я былъ въ моихъ расходахъ, но и при небольшой поддержкѣ жалованья средства мои сильно истощались. О продовольствіи въ ресторанѣ не могло быть и рѣчи, и поэтому впродолженіе цѣлаго мѣсяца я, подъ предлогомъ докторскаго предписанія, питался тремя булками и тремя кринками молока въ день. Отдѣленный только лѣстницей отъ милѣйшихъ братьевъ Щ...ъ, я ежедневно заходилъ къ нимъ съ ученія, подымаясь къ себѣ на второй этажъ. Старшій изъ нихъ, какъ я уже говорилъ, командовалъ лейбъ-эскадрономъ, и потому братья пользовались болѣе просторной и удобной квартирой; а такъ какъ имѣніе ихъ было невдалекѣ отъ штаба, на противоположномъ лѣвомъ берегу Волхова, то имъ высылалась оттуда всякаго рода живность въ большомъ изобиліи. Бесѣды наши были весьма оживленныя, не безъ примѣси юмористическихъ замѣчаній со стороны хозяевъ по отношенію къ нѣкоторымъ сослуживцамъ. Меньшой, Николай, былъ, впрочемъ, молчаливѣе, но и тотъ иногда вставлялъ мѣткое словцо.

Такъ однажды, на вопросъ мой,—что за женщина жена полковника, въ церкви пригласившая меня къ вечернему чаю,—Н. Ѳ. сказалъ: „на рогожкѣ стоитъ, съ ковра говоритъ“.

Пока я проживалъ въ Лопухинкѣ, старый нашъ полковой командиръ успѣлъ жениться на дѣвицѣ графинѣ Келлеръ. Генералъ представилъ меня ей, а она стала приглашать меня къ обѣденному столу. Я нашелъ въ ней, не смотря на ея тридцать лѣтъ, прелестную брюнетку и самую привѣтливую хозяйку.

Наступила зима, и пріѣхалъ корпусный командиръ, старикъ Штрандманъ, производить инспекторскій смотръ. На слѣдующее утро весь корпусъ офицеровъ въ полномъ составѣ выстроенъ былъ въ манежѣ для одиночной ѣзды. Нечего го-

ворить, что я на своемъ Фелькерзамѣ старался по возможности быть безукоризненнымъ. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда, только-что я поровнялся, справа по одному шагомъ, съ корпуснымъ командиромъ, какъ услыхалъ его команду: „кирасиръ, направо! Выѣзжайте ко мнѣ. Берейторъ, укоротите ему лѣвое стремя. Поѣзжайте на свое мѣсто“.

На одномъ изъ слѣдующихъ аллюровъ рука Штрандмана, къ моему ужасу, прямо указала на меня; но на этотъ разъ я могъ ясно разслушать слова:

— Славно ѣздитъ.

По окончаніи смотра корпусный командиръ объявилъ, что выслуживающіе къ четвертому января полугодичный срокъ прикомандированные могутъ явиться въ Петербургъ подъ команду генерала Головина для пріуготовленія къ смотру Его Высочества. Когда мы слѣзли съ коней, Курсель подозвалъ меня и, обратившись къ Штрандману, сказалъ:

— Этому офицеру срокъ прикомандированія истекаетъ пятаго января, а такъ какъ смотры Его Высочества бываютъ только два раза въ годъ, то этотъ одинъ день можетъ весьма тяжело отозваться въ дальнѣйшемъ производствѣ по службѣ. Не соблаговолите ли, ваше высокопревосходительство, разрѣшить явиться и ему завтрашній день къ генералу Головину вмѣстѣ съ другими?

Получивъ разрѣшеніе Штрандмана, Курсель, наклонясь ко мнѣ, сказалъ:

— Не теряйте ни минуты, забирайте ваши вещи и скачите на желѣзную дорогу.

Когда изъ манежа я съ восторгомъ въ груди переходилъ плацъ по направленію къ своей квартирѣ, радость моя была сильно смущена мыслію о возможности исполненія совѣта полковаго командира. Вести свою лошадь въ Петербургъ нечего было и думать, такъ какъ вся моя касса не превышала 25 рублей; но и безъ лошади нельзя было пускаться въ Петербургъ, не имѣя 200 рублей. Конечно, моимъ первымъ движеніемъ было зайти къ моимъ пріятелямъ Щ — мъ посовѣтоваться. Они комично опорожнили для меня бумажники: старшій предложилъ мнѣ 15, а младшій 5 рублей. По ихъ совѣту я отправился къ полковому казначею, высокому бѣлокурому

нѣмцу, постоянно утверждавшему, что служить, *какъ честны*
шій и благороднѣйшій человѣкъ, невозможно, и что мамаша
вызываетъ изъ службы, что̀ однако не мѣшало ему прод
жать служить. И. Ѳ. Щ—ій говорилъ: „а что если онъ
молвится, сказавъ: „какъ честный и благородный человѣкъ"
и ему сказать: вы напрасно называете себя честнымъ и б
городнымъ: мы всѣ знаемъ, что вы честнѣйшій и благор
нѣйшій человѣкъ. А ну какъ, продолжалъ шутникъ онъ
дослушаетъ объясненія?".

Я побѣжалъ къ честнѣйшему и благороднѣйшему человѣ
прося его доложить генералу, что безъ выдачи мнѣ изъ каз
наго ящика двухсотъ рублей взаймы—мнѣ ѣхать не съ чѣ

— Объ этомъ, какъ честнѣйшій и благороднѣйшій че
вѣкъ, и думать нечего. Еслибы инспекторъ обревизовалъ
нежный ящикъ, дѣло было бы другое, а то онъ будетъ
ревизовать только завтра утромъ. Я сію минуту бѣгу съ
четами къ генералу.

Весь вечеръ провелъ я въ раздумьи до столбняка. Въ
часовъ вбѣжалъ ко мнѣ честнѣйшій и благороднѣйшій че
вѣкъ со словами: „генеральша, узнавъ о вашемъ положен
поручила мнѣ передать вамъ 200 рублей изъ собственн
шкатулки. Вотъ и деньги".

Черезъ полчаса я сидѣлъ уже въ саняхъ, и мои степные р
жаки помчали меня по вѣчно ненадежному льду широка
Волхова. Плохая и ухабистая дорога вдоль берега слишко
задержала бы мое нетерпѣніе. Измученный сильными ош
щеніями минувшаго дня, я тотчасъ же задремалъ въ быст
несущихся саняхъ и просыпался только въ минуты, ког
громко трескавшійся ледъ уносилъ изъ-подъ саней свой
мирающій грохотъ къ противоположному берегу. На Волх
ской станціи я приказалъ кучеру возвращаться домой
регомъ.

Явившись въ Петербургъ къ генералу Головину, я въ т
же парадной формѣ отправился благодарить Эссена.

— Очень радъ, говорилъ Ант. Ант., что могъ тебѣ бы
полезнымъ, и увѣренъ, что и новое начальство будетъ так
тебѣ благодарно, какъ когда-то былъ я. Но тебя лично
новымъ мѣстомъ службы поздравить не могу.

— Мнѣ, ваше превосходительство, не привыкать къ службѣ въ поселеніи: я прямо изъ одного въ другое.

— Ну, братъ, этого не говори; тамъ всетаки кругомъ помѣщики, люди, общество, а тутъ никого, кругомъ лѣса, медвѣди и волки. Кромѣ штабныхъ человѣческаго голоса не услышишь.

Я откланялся генералу, но дня черезъ два вынужденъ былъ явиться къ нему снова. Въ Михайловскомъ манежѣ назначена была первая ѣзда. Брать лошадей изъ частныхъ манежей я считалъ рискованнымъ и потому явился къ Эссену съ просьбой помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

— Ну, мой любезный, сказалъ генералъ, сразу измѣняя тонъ,— въ Петербургѣ никто не даетъ своей лошади, и я ни за что ее для себя ни у кого просить не стану. Но для васъ, такъ и быть, попробую. Завтра въ 12 час. я буду въ манежѣ смотрѣть кавалергардовъ; явитесь туда, и я васъ представлю командиру полка.

Никогда не забуду изысканной любезности кавалергардскихъ офицеровъ, старавшихся другъ передъ другомъ помочь мнѣ въ моемъ дѣлѣ. Всѣ офицеры были пѣшкомъ, такъ какъ Эссенъ провѣрялъ работу ганашей въ унтеръ-офицерской смѣнѣ на кордахъ и уздечкахъ.

Когда подъ конецъ ученія я подошелъ къ генералу, то на просьбу Ант. Ант. графъ Бревернъ любезно разрѣшилъ мнѣ обратиться къ одному изъ командировъ среднихъ эскадроновъ. Офицеры указали на командира третьяго эскадрона, а тотъ пригласилъ меня пройти къ нему въ казармы, куда обѣщалъ явиться тотчасъ же по окончаніи смотра.

Сидя въ столовой полковника, я среди совершенной тишины внезапно услыхалъ изъ сосѣдней комнаты, въ которую дверь была раскрыта, громко и отчетливо раздававшуюся лихую команду ружейныхъ пріемовъ. Тихо пробираясь, заглядываю въ кабинетъ, — ни души; — и снова громко потянулось: *подъ при*... и затѣмъ коротко и отрывисто:—*кладъ*! Тутъ только я замѣтилъ стоящую у окна клѣтку и сидѣвшаго въ ней попугая, такъ изумительно затвердившаго команду. Вошедшій полковникъ приказалъ позвать вахмистра и на изъявленіе моей признательности сказалъ:

— Даю вамъ на выборъ любую унтеръ-офицерскую лошадь, съ тѣмъ бо̀льшимъ удовольствіемъ, что самъ былъ въ томъ-же положеніи, въ какомъ вы теперь, и мнѣ никто не далъ лошади.

„Вотъ, подумалъ я, дѣйствительно — свѣтъ не безъ добрыхъ людей“.

Вахмистру я сунулъ десять рублей и обѣщалъ поблагодарить его по окончаніи смотра.

На другой день солдатикъ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, привелъ мнѣ прекрасную лошадь, засѣдланную моимъ сѣдломъ.

Такъ какъ конныя наши ученія происходили только три раза въ недѣлю, въ теченіи одного часа, то свободнаго времени у меня оставалось много и, по склонности къ литературѣ, мнѣ захотѣлось познакомиться съ Некрасовымъ и Панаевымъ, тогдашними издателями „Современника“.

Когда я остановилъ извощика, какъ мнѣ говорили, на Владимірской, въ Колокольномъ переулкѣ, и сталъ громко спрашивать городоваго о ихъ квартирѣ, у саней моихъ остановилась ѣхавшая мнѣ навстрѣчу красивая коляска, и сидящій въ ней въ щегольской шляпѣ брюнетъ сказалъ мнѣ: „я — Панаевъ, позвольте узнать ваше имя?“ — Услыхавъ мое, онъ, видимо, обрадовался и, указавши домъ, просилъ заѣхать къ Некрасову и обождать съ полчаса, такъ какъ къ тому времени онъ самъ вернется домой.

Встрѣча Некрасова была менѣе шумна, но не менѣе привѣтлива. — „Мы обѣдаемъ въ пять часовъ; приходите пожалуйста запросто; вы, между прочимъ, встрѣтите здѣсь своихъ пріятелей: Боткина и Тургенева“.

Явившись къ пяти часамъ, я былъ представленъ хозяйкѣ дома Е. Я. Панаевой. Это была небольшаго роста, не только безукоризненно красивая, но и привлекательная брюнетка. Ея любезность была не безъ оттѣнка кокетства. Ея темное платье отдѣлялось отъ головы дорогими кружевами или гипюрами; въ ушахъ у нея были крупные брилліанты, а бархатистый голосокъ звучалъ капризомъ избалованнаго мальчика. Она говорила, что дамское общество ее утомляетъ, и что у нея въ гостяхъ одни мужчины.

Тутъ я, послѣ долгихъ лѣтъ, встрѣтилъ В. П. Боткина, попрежнему обоюдоостраго, т. е. одинаково умѣвшаго быть нестерпимо рѣзкимъ и елейно сладкимъ. Познакомился съ А. В. Дружининымъ, который сталъ меня разспрашивать о моихъ теперешнихъ однополчанахъ Щ—хъ, съ которыми онъ вмѣстѣ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ. Съ перваго знакомства сошелся съ веселымъ М. Н. Лонгиновымъ, сохранившимъ ко мнѣ пріязнь до своей смерти; съ П. В. Анненковымъ, И. А. Гончаровымъ и повсегдатаемъ всѣхъ литературныхъ обѣдовъ — М. А. Языковымъ, входившимъ въ комнату шатаясь на своихъ кривыхъ ножкахъ и съ неизмѣнною улыбкою на лицѣ.

Все это веселое общество, въ ожиданіи обѣда, усаживалось на мягкой мебели хозяйскаго кабинета, разсказывая другъ другу забавные анекдоты. Хохотъ и шумъ на минуту только прерывались съ появленіемъ новаго гостя. Въ остальное время нужно было близко подсѣсть къ данной группѣ, чтобы разслушать слова.

— Господа, сказалъ входящій въ комнату хозяинъ, — четверть шестаго, и если мы будемъ ждать Тургенева, то онъ заморитъ насъ съ голоду, и у хозяйки перейдетъ обѣдъ; она проситъ васъ пожаловать къ столу.

Всѣ бросились къ закускѣ, которой была оказана надлежащая честь. Тургеневу оставленъ былъ приборъ, и когда онъ во время супа вошелъ извиняясь, ему подали бульонъ, такъ какъ онъ боялся всего жирнаго и прянаго. Мы встрѣтились съ нимъ, какъ старые знакомые, и онъ просилъ меня не забывать его на его постоянной квартирѣ, на Большой Конюшенной, въ домѣ Вебера.

Съ этого дня я сталъ чуть не ежедневно по утрамъ бывать у Тургенева, къ которому питалъ фанатическое поклоненіе.

По природѣ-ли, или вслѣдствіе долгаго пребыванія заграницей, Тургеневъ отличался наклонностью къ порядку въ окружающихъ вещахъ. Онъ не иначе садился писать самую простую записку, какъ окончательно прибравши бумаги на письменномъ столѣ. Между тѣмъ это же самое стремленіе къ порядку не помогало ему въ первое время нашего петер-

бургскаго знакомства устроиться съ холостымъ своимъ зяйствомъ. Правда, въ то время и прислуга у него была д гая: не было у него ни тонкаго Захара, литературнымъ м ніемъ котораго онъ далеко не пренебрегалъ, ни неутомим и точнаго Дмитрія Кирилловича, перешедшаго позднѣе услуженіе къ В. П. Боткину, котораго капризамъ ум угождать. А это великая рекомендація. Слуги эти были сомнѣнными питомцами Спасскаго при матери Тургене тогда какъ безтолковый Иванъ очевидный продуктъ по нѣйшей эмансипированной лакейской. Слуги прежнихъ в менъ принимали молчаливо всякаго рода замѣчанія, то какъ крѣпостные либералы почитали нравственнымъ д гомъ всякому оправданію предпосылать: „помилуйте-съ, милуйте-съ".

Вертѣлся ли самъ Тургеневъ слишкомъ усердно въ эт періодъ въ вихрѣ свѣта, отбивалъ ли безтолковый Иван него охоту просидѣть лишній часъ дома, но случалось, усердно созванный на обѣдъ кругъ гостей къ пяти часа соберется, бывало, подъ темною аркою воротъ у двери Т геневской квартиры.

— Кто это? спрашиваетъ одинъ другаго.

— Ахъ, это вы, Дружининъ? восклицаетъ другой, узна по голосу вопрошающаго.

— Добродушный, но разсѣянный человѣкъ, говоритъ у ризненно Боткинъ,— онъ просто забылъ, что позвалъ вс обѣдать, и я ухожу. Что-же звонить понапрасну? Явно, ни Ивана Тургенева, ни Ивана лакея нѣтъ на квартирѣ

Однажды, передъ самымъ обѣдомъ я забѣжалъ къ Ту неву поболтать съ нимъ, пока онъ будетъ одѣваться. комнатахъ было дѣйствительно никакъ не болѣе десяти дусовъ, которые переодѣвавшемуся Тургеневу были вс чувствительнѣе.

— Иванъ! воскликнулъ онъ слезливымъ голосомъ,— какъ же мнѣ тебя умолять? Сколько разъ уже я слезно силъ тебя сильнѣе топить въ такіе морозы.

— Помилуйте-съ, помилуйте-съ, отвѣчалъ Иванъ.

— Да вѣдь я, прервалъ его Тургеневъ, все выше заби ющимъ фальцетомъ, и не спорю съ тобою. Ну ты умен

я дуракъ Но помилосердуй! Не до такой же степени я глупъ, чтобы не могъ разобрать, холодно мнѣ или тепло.

Чтобы понять слѣдующій небольшой случай съ Иваномъ, не оставшійся безъ литературнаго слѣда, необходимо упомянуть одно литературное лицо, по временамъ появлявшееся въ нашемъ кругу. Это былъ небольшаго роста бѣлокурый молодой нѣмецъ Видертъ, весьма удачно переводившій русскіе стихи и прозу на нѣмецкій языкъ. Его переводы Кольцова пользовались въ Германіи заслуженнымъ успѣхомъ. Появлялся онъ обыкновенно къ вечернему чаю. Во время одного изъ такихъ посѣщеній, на требованіе чаю со стороны Тургенева, Иванъ объявилъ, что чай весь вышелъ.

— Помилуй, любезный другъ! воскликнулъ изумленный Тургеневъ. Какъ-же могъ такъ скоро выйти чай, когда я только третьяго дня принесъ фунтъ?

— Помилуйте-съ, помилуйте-съ, отвѣчалъ Иванъ, — стаканы малы.

Ожидавшій въ числѣ прочихъ чаю Некрасовъ не преминулъ воспроизвести эту сцену въ слѣдующемъ стихотвореніи:

«Столъ накрытъ, подсвѣчникъ вытертъ,
Самоваръ давно кипитъ,
Сладковатый нѣмчикъ Видертъ
У Тургенева сидитъ.
По запросу господина
Отвѣчаетъ невзначай
Крѣпостной его дѣтина,
Что «у насъ-де вышелъ чай».
Содрогнулся переводчикъ,
А Тургеневъ возопилъ:
«Чаю нѣтъ! Каковъ молодчикъ!
Не вчера-ли я купилъ?»
Замѣчаніе услышалъ
И отвѣтствовалъ Иванъ:
«Чай у насъ такъ скоро вышелъ
Оттого, что малъ стаканъ».

Такъ какъ я давно уже не писалъ стиховъ, то для журнальной печати запасъ ихъ у меня оказался ничтоженъ; тѣмъ не менѣе Некрасову легко было пригласить меня, совершен-

наго новичка въ журнальномъ дѣлѣ, по совѣту самого Тургенева, въ исключительные сотрудники „Современника“ с гонораромъ 25-ти рублей за каждое стихотвореніе.

Тургеневъ радовался окончанію перевода одъ Горація и сам вызвался провѣрить мой переводъ вмѣстѣ со мною изъ строк въ строку. Споровъ и смѣху по этому поводу у насъ возни кало немало. Между прочимъ въ XXI одѣ книги первой он возсталъ противъ стиха:

«На Крагѣ-ль, по веснѣ».

Такъ какъ Гораціева Крага изгнать было невозможно, т Тургеневъ привязался къ слову — *по веснѣ*, и спрашивалъ что это такое?

Напрасно я ссылался на обычное въ устахъ каждаго рус скаго выраженіе: *по веснѣ, по зимѣ*—въ смыслѣ: въ весеннюю или зимнюю пору; напрасно приводилъ я ему стихъ Крылова:

«Онъ въ море корабли отправилъ по веснѣ».

Тургеневъ увѣрялъ, что ему хорошо извѣстно, что красно кожіе съ перьями на головѣ и съ поднятыми тамагауками бѣгаютъ по лѣсамъ Америки, восклицая: „на Крагѣ по веснѣ“, причемъ онъ выговаривалъ *веснѣ* такъ, какъ-будто въ концѣ стояло оборотное э.

Потому ли, что я сталъ окруженъ литературной атмосферой, или ужь очень скучалъ въ моемъ одинокомъ номерѣ гостинницы, — заѣхавшій ко мнѣ Иванъ Сергѣевичъ засталъ меня съ карандашемъ въ рукѣ. Я только-что окончилъ стихотвореніе: „Днѣпръ въ половодье“.

Прослушавши стихи, онъ сказалъ:

— Я боялся, что талантъ вашъ изсякъ, но его жила еще могуче бьетъ въ васъ. Пишите и пишите!

Литературный кружокъ, къ которому принадлежалъ и Д. В. Григоровичъ, и мой университетскій товарищъ Я. П. Полонскій, и генералъ-маіоръ Е. П. Ковалевскій, путешественникъ по Малой Азіи, Египту, Нубіи и Абиссиніи,— собирался не у одного Некрасова.

У Тургенева былъ прекрасный крѣпостной поваръ, купленный имъ за тысячу рублей. Приглашая по временамъ

пріятелей обѣдать, Тургеневъ объявилъ, что не можетъ принять болѣе одиннадцати человѣкъ, такъ какъ столоваго сервиза у него только дюжина. Въ такіе дни обѣдъ обыкновенно заказывалъ Боткинъ, и когда затѣмъ какой-либо соусъ выходилъ особенно тонокъ и вкусенъ, Тургеневъ спрашивалъ Боткина:

— А что ты скажешь объ этомъ соусѣ?

— Надо, отвѣчалъ Боткинъ, непремѣнно позвать повара: я буду плакать у него на жилеткѣ.

Однажды Тургеневъ объявилъ мнѣ, что Краевскій желаетъ со мною познакомиться, и мы отправились въ условленный день къ нему.

Послѣ первыхъ словъ привѣта, Андрей Александровичъ сталъ просить у меня стиховъ для „Отечеств. Записокъ“, въ которыхъ я еще во времена Бѣлинскаго печаталъ свои стихотворенія. Онъ порицалъ уловку Некрасова, заманившаго меня въ постоянное сотрудничество.—Это ужь какая-то лавочка въ литературѣ, говорилъ онъ.

Хотя я и раздѣлялъ воззрѣніе Краевскаго, но считалъ неловкимъ нарушать возникшія между мною и „Современникомъ“ отношенія. Вернувшись отъ Краевскаго, я высказалъ Тургеневу свои сомнѣнія, но онъ, посовѣтовавшій мнѣ согласиться на предложеніе Некрасова, сталъ убѣждать меня, что это нимало не помѣшаетъ дать что-либо и Краевскому. Къ счастію, новыхъ стихотвореній у меня не оказалось, но отъ скуки одиночества я написалъ прозою небольшой разсказъ „Каленикъ“ и отдалъ его въ „Отечеств. Записки“. Появившееся на страницахъ журнала имя мое воздвигло въ Некрасовѣ бурю негодованія; онъ сказалъ, что предоставляетъ себѣ право печатать мои стихотворенія не подрядъ, а по выбору, въ ущербъ моему гонорару.

Однажды, когда мы кончили пересмотръ Гораціевыхъ одъ, Тургеневъ объявилъ мнѣ, что Краевскій проситъ ихъ для „Отечеств. Записокъ“ и, кромѣ пятисотъ экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ, предлагаетъ за нихъ тысячу рублей. Въ то время эта сумма показалась мнѣ огромна, и я согласился.

Приближался февраль мѣсяцъ, и оканчивался срокъ нашего

прикомандированія. Отецъ запрашивалъ меня о суммѣ обходимой на новую экипировку. Добросовѣстно все ра: тавъ, я написалъ, что необходимо семьсотъ рублей, і благовременно къ данному сроку заказалъ новую об дировку.

На послѣднюю передъ смотромъ Его Высочества репет добрѣйшій Ант. Ант. Эссенъ самъ прибылъ въ манежъ, видно, съ цѣлью осмотрѣть меня, такъ какъ никого не з изъ остальныхъ прикомандированныхъ. Кирасирская об дировка моя была въ исправности, за исключеніемъ кир самой дорогой части вооруженія. Во фронтѣ мои кирасы м быть терпимы, но для одиночнаго смотра они были пл ваты, и я уже заблаговременно приготовилъ себѣ на про хорошіе изъ магазина.

„На смотру нужно другіе кирасы, сказалъ Антонъ А новичъ, c'est une vieille machine, mon cher!“

Я его и на этотъ счетъ успокоилъ.

Въ день смотра мы выстроились посреди манежа къ на ченному часу, и на лѣвомъ флангѣ появились у насъ сивные кавалергардскіе унтеръ-офицеры, готовившіес переходу офицерами въ армію. Въ манежъ стали прибы генералы и великіе князья, выстраиваясь въ два поряд входа, въ ожиданіи великаго князя цесаревича.

Отвѣтивъ на отданную ему честь, Его Высочество ско довалъ намъ: справа по одному,—и смотръ начался. Д ѣзжая лошадь моя была совершенно безъ огня, а шпо въ присутствіи начальства считалось невѣжливымъ. З пройдя передъ глазами главнокомандующаго извѣстным люромъ, я старался за спиной его надавать своему і такихъ горячихъ шпоръ, отъ которыхъ онъ снова пр дилъ передъ начальствомъ весь кипящій жизнью. П жая собранной рысью, я увидалъ руку Его Высоче указывающую на меня, и ясно услыхалъ его слова: „сл ѣздитъ“!

— „Ну, подумалъ я, слава Богу, теперь уже буду і веденъ“.

Когда пришлось прыгать черезъ барьеръ съ сабел рубкою, я вспомнилъ наставленіе Н. Ѳ. Щ—аго, и на

ку вышибъ ударомъ палаша барьеръ изъ рукъ, его державшихъ.

— „Благодарю васъ, господа, сказалъ Его Высочество, поздравляю съ переводомъ въ гвардію, кромѣ васъ, обратился онъ къ пѣшему артиллеристу,—вы срамъ какъ ѣздите. А кавалергарды точно пни".

Съ неописанною радостью вернулся я въ свой номеръ, куда, по порученію отца моего, прикащикъ Мценскаго хлѣбнаго торговца и милліонера Смирнова принесъ мнѣ деньги на обмундированіе. Съ этого времени отецъ сталъ весьма щедръ на присылку денегъ, и я пересталъ въ нихъ такъ настоятельно нуждаться.

Въ это время въ Петербургѣ умеръ старшій полковникъ нашего полка, и такъ какъ можно предполагать, что шефъ полка, Государь Наслѣдникъ, будетъ присутствовать при отпѣваніи, то въ Петербургъ прибылъ съ женою и генералъ Курсель. Конечно, первымъ долгомъ своимъ я счелъ, въ новой уланской формѣ, отправиться къ нему и съ величайшею благодарностью возвратить деньги генеральшѣ, а затѣмъ поблагодарить всѣхъ, принимавшихъ во мнѣ участіе.

Обѣды у Панаева и Тургенева повторялись съ обычнымъ шумомъ и веселостью, не безъ примѣси весьма крупной аттической соли и нѣкотораго злорадства со стороны всегда мягкаго и любезнаго Тургенева. Въ веселую минуту онъ самъ повторялъ свои эпиграммы, остріе которыхъ обращено было даже на его друзей, напримѣръ Кетчера и Анненкова.

Про Анненкова, въ то время весьма полнаго, экономнаго и охотника покушать, Тургеневъ не разъ, возбуждая общее веселье, повторялъ эпиграмму, изъ которой помню только послѣдніе два стиха:

«Чужимъ наполненнымъ виномъ
Виляетъ острымъ животомъ».

И когда, бывало, Гончаровъ и Анненковъ первые подступали къ муравленому горшку со свѣжею икрою отъ Елисѣева, Тургеневъ вопилъ:

— Господа, не забудьте, что вы не одни здѣсь.

Нерѣдко Дружининъ и Лонгиновъ читали свои юмористи-

ческія, превосходными стихами написанныя, каррикатурныя поэмы. Забавнѣе всего, что въ одной изъ такихъ поэмъ у Лонгинова въ самомъ смѣшномъ и жалкомъ видѣ человѣкъ, пробирающійся утромъ по петербургскимъ улицамъ, былъ списанъ съ Боткина. Всѣмъ хорошо былъ извѣстенъ стихъ: „то Боткинъ былъ“.—А между тѣмъ самъ Боткинъ пуще другихъ хохоталъ надъ этимъ стихомъ, въ которомъ при немъ Лонгиновъ подставлялъ другое имя.

Въ послѣднее время Тургеневъ сталъ настаивать на новомъ собраніи моихъ стихотвореній, такъ какъ изданіе пятидесятаго года почти все разошлось. Онъ самъ брался за редакцію, приглашая къ себѣ въ сотрудники весь литературный ареопагъ. Конечно, мнѣ оставалось только благодарить.

Въ нашемъ веселомъ кружкѣ мнѣ не случалось ни слова слышать объ иностранной политикѣ, которая меня въ то время интересовала всего менѣе. Однако по переходѣ въ гвардію, пришлось прощаться со всѣми и возвращаться въ полкъ.

Въ полку, къ немалому соревнованію остальныхъ, требовался поручикъ для прикомандировки и немедленнаго отправленія за Дунай въ дѣйствующую армію. Счастливый жребій выпалъ Кониду Александровичу Панаеву, любимому всѣми. Но недолго пришлось намъ завидовать. На полковой праздникъ Св. Мартиніана 13 февраля собранному на молитву полку былъ объявленъ походъ.

Погода стояла бурная и холодная. Морозъ доходилъ до 25-ти градусовъ при глубокомъ снѣгѣ. Садясь на коней, нельзя было не улыбнуться на предсказанія солдатскихъ женъ, ютившихся около казармъ и восклицавшихъ при нашемъ выступленіи: „будутъ, будутъ назадъ! Слава Богу, вѣтеръ прямо въ лицо!“

Насколько въ дѣлѣ свободныхъ искусствъ я мало цѣню разумъ въ сравненіи съ безсознательнымъ инстинктомъ (вдохновеніемъ), пружины котораго для насъ скрыты, (вѣчная тема нашихъ горячихъ споровъ съ Тургеневымъ), настолько въ практической жизни требую разумныхъ основаній, подкрѣпляемыхъ опытомъ. Вотъ почему порою мнѣ такъ пріятно видѣть, что много моихъ тезисовъ, казавшихся въ свое время

неосновательными и противными опыту, въ настоящее время оправдались самымъ опытомъ.

Сколько разъ я доказывалъ своему эскадронному командиру, съ которымъ мы на походѣ квартировали и продовольствовались вмѣстѣ, такъ какъ слуга мой изрядно готовилъ кушанье,—что существующая, въ видахъ сбереженія лошадей, система тащиться съ эскадрономъ весь тридцати-верстный и болѣе переходъ въ теченіе семи-восьми часовъ, по временамъ спѣшивая людей и заставляя вести лошадей въ поводу, не облегчаетъ, а, напротивъ, утомляетъ послѣднихъ. Самое мучительное для кавалерійской лошади, это затянутое ея положеніе подъ тяжелымъ вьюкомъ, и чѣмъ скорѣе вы избавите ее отъ послѣдняго, тѣмъ больше ее облегчите; и пройдя тридцать верстъ въ четыре часа, переходя изъ рыси въ шагъ, вы какъ разъ вдвое уменьшите ея восьмичасовое страданіе. Нечего говорить, что метода водить во время зимнихъ походовъ людей пѣшкомъ—для послѣднихъ вредоносна. Человѣкъ, несущій оружіе и ведущій въ поводу лошадь, вынужденъ утомительно ступать по глубокому снѣгу, взрытому копытами; при этомъ онъ неусыпно долженъ наблюдать, чтобы лошадь не наступила ему на шпору, не налѣзла на переднюю, и задній человѣкъ не навелъ бы на нее свою. Не явно ли, что, пройдя такимъ образомъ версту, люди согрѣваются до испарины, и затѣмъ команда—„садись“—подниметъ ихъ въ область ничѣмъ не задерживаемаго вѣтра. Не значитъ ли это напрашиваться на тифъ?

Въ тѣ времена разглагольствованія мои оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, что не мѣшало имъ оправдаться уже на первомъ переходѣ. Продрогнувшія изъ теплой конюшни лошади на поводу по глубокому снѣгу только и поджидали, какъ бы слѣдующая за ней насунулась такъ, чтобы можно было ее ударить, и по приходѣ полка на ночлегъ оказались четыре лошади съ перебитыми передними ногами.

На ночлегѣ я узналъ, что полковой казначей, „какъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ“, отправился за срочными вещами въ Новгородъ, а я назначенъ исправляющимъ его должность и въ то же время командированъ отвозить въ Зимній Дворецъ къ Августѣйшему Шефу серебряныя георгіевскія трубы и два излишнихъ штандарта.

REESE LIBRARY OF THE UNIVERSITY

На другой день прибывъ ко дворцу, я повелъ своихъ штандартныхъ унтеръ-офицеровъ на половину Его Высочества и долженъ былъ на порогѣ перешагнуть черезъ прелестнаго желтаго сетера, не обратившаго на насъ, повидимому, ни малѣйшаго вниманія. Мой бѣдный, въ настоящее время изъ лѣтъ выжившій, Трапъ,—праправнукъ по прямой линіи того прелестнаго сетера.

Дверь отворилась, и изъ кабинета Его Высочества вышелъ начальникъ гвардейскаго штаба, генералъ Витовтовъ.

— Вы привезли штандарты?

— И серебряныя трубы, ваше превосходительство.

— Штандарты составьте вотъ сюда, а трубы сдайте въ дворцовую контору. Да какіе это орлы на штандартахъ: старые или новые?

— Старые, ваше прев—ство.

— Да что вы говорите! Боже васъ сохрани сказать это Его Высочеству! Старые, слишкомъ тяжелые, серебряные орлы у васъ стоятъ въ церкви и замѣнены новыми меньшаго размѣра.

Слова генерала ясно указали мнѣ, что, какъ новичекъ въ полку, я на многіе вопросы могу отвѣчать совершенно не впопадъ, и потому не безъ трепета въ груди увидалъ вошедшаго Государя Наслѣдника въ нашемъ мундирѣ. Къ счастію, Его Высочество ограничился общими вопросами, и я подвезъ свой ящикъ къ дворцовой конторѣ. Тамъ мнѣ объявили, что дворцовое вѣдомство съ военными не имѣетъ никакого сообщенія, и что трубы я долженъ сдать въ арсеналъ. Въ арсеналѣ мнѣ объявили, что это старый арсеналъ, и что трубы должны быть сданы въ новый.

— Ну, думаю, наконецъ добился толку. — Но въ новомъ арсеналѣ мнѣ положительно объявили, что трубъ не примутъ, такъ какъ онѣ подлежатъ сдачѣ въ старый арсеналъ. Въ старомъ арсеналѣ пренія поднялись снова, и я рѣшительно объявилъ, что ввезу ящикъ на дворъ арсенала и, не дожидаясь квитанціи, оставлю его тамъ, о чемъ тотчасъ же донесу въ корпусный штабъ. Это подѣйствовало, и я получилъ квитанцію.

Желая передъ походомъ проститься съ Панаевыми, я забѣ-

калъ къ нимъ передъ самымъ обѣдомъ. Хозяйка ни за что не отпускала меня безъ обѣда Тотчасъ послѣ обѣда подошли два-три молодыхъ человѣка, и завязалась веселая бесѣда. Какъ я ни посматривалъ на часы, чтобы поспѣть къ послѣднему царскосельскому поѣзду навстрѣчу полку, меня уговорили, убѣждая, что я поспѣю и на другой день съ семичасовымъ поѣздомъ.

«Ахъ, обмануть того не трудно,
Кто самъ обманываться радъ».

Отъ волненія изъ-за своей неисправности, я не могъ затѣмъ заснуть во всю ночь и къ семи часамъ былъ уже съ небольшимъ чемоданомъ въ царскосельскомъ вагонѣ. Вдругъ послѣ втораго звонка слышу вокругъ себя голоса: „какъ-же, въ семь часовъ былъ смотръ. Его Высочество смотрѣлъ уланъ, которые прошли въ Красное Село".

— Да такъ ли?

— Помилуйте, мой знакомый сейчасъ оттуда, и при немъ уланы проходили.

Въ отчаяніи хватаю свой чемоданъ, бѣгу на площадь и сажусь на перваго парнаго извощика.

Черезъ два часа я уже былъ въ Красномъ Селѣ на общей нашей съ М—ымъ квартирѣ, гдѣ слуга сказалъ мнѣ, что М—ъ у Щ—ихъ. Я бросился туда.

— Какъ же это вы, Аѳанасій Аѳанасьевичъ, запоздали? Генералъ крайне недоволенъ, послышалось со всѣхъ сторонъ,— вашу лошадь провели за полкомъ. Неловко, очень неловко.

— Ловко ли, неловко ли, отвѣчалъ я, надо явиться къ генералу.

— Да, да, ступайте поскорѣе! Дѣлать нечего.

Когда я сталъ подходить къ денежному ящику, подъ охраною часоваго, то увидалъ шедшаго мнѣ навстрѣчу командира полка.

— Что это у васъ тамъ такое? еще издали воскликнулъ генералъ.

Я, насколько было возможно, оглядѣлъ себя и нашелъ все въ порядкѣ.

— Что это у васъ тамъ такое? повторилъ онъ.

Я оглянулся назадъ.

— Нѣтъ, восклицалъ генералъ, я вамъ говорю.—Я понять не могу. Еслибы мнѣ сказали, что сегодня не понедѣльникъ, а пятница, и ночь, а не день, то я скорѣе бы этому повѣрилъ, чѣмъ тому, что васъ не было на своемъ мѣстѣ на смотру. Отдайте вашу саблю адъютанту.

Такимъ образомъ я во второй разъ въ моей жизни былъ арестованъ, съ тою разницею, что въ первый разъ на четверть часа и по чужой винѣ, а теперь по моей собственной. Въ полковомъ штабѣ и въ манежѣ всѣ привыкли ходить безъ сабли, но во фронтѣ и на походѣ очутиться одному безъ сабли ужасно неловко, точно на балѣ безъ галстука.

Рано утромъ полкъ потянулся въ походъ, и я въ одиночку прошелъ цѣлый переходъ за казеннымъ ящикомъ, за которымъ водятъ арестантовъ.

Мы пришли на дневку.

Послѣ обѣда казначейскій писарь пронесъ ко мнѣ бумаги къ завтрашнему докладу, такъ какъ намъ назначена была дневка, и къ нѣкоторымъ изъ нихъ нужно было приложить полковую печать.

Я спросилъ свою походную шкатулку и по вскрытіи, къ ужасу моему, печати въ ней не нашелъ.

Слуга объявилъ мнѣ, что онъ не только не укладывалъ ея, но даже не видалъ. Итакъ, если ея нѣтъ въ шкатулкѣ, — а ея тамъ нѣтъ—то она пропала. Однако, какъ же быть? Безъ формальной подписи полковаго командира ни одинъ рѣзчикъ не станетъ рѣзать печати, а какъ въ теперешнемъ моемъ положеніи заявлять о ея пропажѣ командиру полка? Не только я самъ, но и добрѣйшій мой сожитель Василій Павловичъ не находилъ, что сказать.

— Боже, да какимъ же образомъ могла пропасть эта злополучная печать? воскликнулъ я.

Машинально приподымаю кожаный чахолъ шкатулки, какъ бы въ подтвержденіе того, что печати тутъ нѣтъ, и вдругъ пальцы мои ткнулись позади шкатулки во что-то круглое. „Вотъ она!“ вскричалъ я громко.

Скажу откровенно, никакая улыбка фортуны не возбуждала во мнѣ сильнѣйшей радости, чѣмъ эта находка.

На другой день утромъ отправившись съ докладомъ къ генералу, я въ первой комнатѣ подъ штандартомъ увидалъ свою сиротѣющую саблю.

Выслушавъ докладъ и подписавъ бумаги, генералъ сказалъ:

— Возьмите вашу саблю и приходите обѣдать.

Конецъ февраля далъ себя знать. Снѣжныя мятели при жестокомъ морозѣ все подбавляли и безъ того глубокій снѣгъ, и хотя походъ продолжался не болѣе двухъ недѣль, онъ казался намъ безконечнымъ.

На одной изъ станцій намъ приказано было на завтрашній день вернуться на предшествующую, такъ какъ послѣ завтра Его Высочество изволитъ смотрѣть полкъ на походѣ. Конечно, мы вернулись на предыдущую станцію и въ ожиданіи утра усердно занялись чисткою амуниціи. Но въ день, назначенный для смотра, мы получили увѣдомленіе, что Его Высочество смотрѣть насъ не будетъ, — и приказъ продолжать походъ. Не успѣли мы снова отойти двухъ станцій, какъ буквально повторилось то же самое, и мы опять прошли станцію вспять. Не ясно ли было, что составители маршрута для Его Высочества два раза ошибались мѣстопребываніемъ полка въ данный день, хотя нашъ походный маршрутъ былъ у нихъ подъ руками. При дальнѣйшемъ слѣдованіи намъ не разъ приходилось убѣждаться въ невообразимой путаницѣ распоряженій тогдашняго военнаго министерства.

Наконецъ полкъ былъ осчастливленъ пріѣздомъ Его Высочества. Такъ какъ онъ смотрѣлъ насъ на походѣ, то по узкости пути долженъ былъ объѣзжать верхомъ остановленный полкъ, растянувшійся версты на двѣ, и по мѣрѣ осмотра офицеры слѣдовали за нимъ къ головѣ колонны, т. е. къ лейбъ-эскадрону.

Поблагодаривъ командира полка за хорошій видъ людей и лошадей, Его Высочество обратился къ окружавшимъ его офицерамъ съ такою рѣчью:

— Поздравляю васъ, господа, съ походомъ. Государь Императоръ поручилъ мнѣ привѣтствовать васъ. Вамъ, быть можетъ, первымъ предстоитъ честь встрѣтить врага. Всѣ вы здѣсь дворяне, и я увѣренъ, что вы исполните свой долгъ. Прощайте, Богъ съ вами!

Вначалѣ марта погода изъ снѣжной и морозной измѣнилась въ теплую и дождливую, превращая путь нашъ въ снѣжную кашицу по колѣно лошади. Конечно, для насъ не стали бы церемониться, но передвигали не только нашу артиллерію, но и осадную, и потому дорога была занята тысячами чухонъ, расчищавшихъ снѣгъ.

Идемъ и нагоняемъ засѣвшій въ сугробѣ обозъ съ санями, въ которыя запряжены по двѣ и по три тройки, и намъ приходится въ одинъ конь пробираться мимо этой кричащей и загораживающей дорогу вереницы.

— Куда это вы, братцы? спросишь обознаго солдатика.

— Осадныя орудія изъ Свеаборга въ Ригу веземъ.

Версты черезъ четыре обгоняемъ новый обозъ съ красными флагами.

— Куда вы?

— Изъ Свеаборга въ Ригу порохъ доставляемъ.

Черезъ нѣсколько верстъ попадаются навстрѣчу такіе же обозы, везущіе осадныя орудія изъ Риги въ Свеаборъ. Ясно, что люди и лошади надрываются вслѣдствіе канцелярской неурядицы.

На предпослѣднемъ переходѣ подъ Ревелемъ большинству офицеровъ полка отвели большой и пустой помѣщичій домъ. На другое утро, когда полкъ собрался выступать, я получилъ предписаніе въ качествѣ казначея вернуться на предыдущую станцію въ имѣніе графа Н. въ дивизіонный штабъ и получить тамъ высланныя полку деньги.

— На чемъ же я поѣду, спросилъ я, тутъ ни почтовыхъ, ни обывательскихъ не найдешь.

— Это ваше дѣло, былъ отвѣтъ,—на службѣ нѣтъ отговорокъ. Да вотъ вамъ поручено на половинѣ дороги передать этотъ конвертъ баттарейному командиру.

Затѣмъ всѣ застучали волочащимися по паркету саблями и вышли садиться верхомъ, а я остался одинъ въ пустомъ домѣ.

Въ уныломъ раздумьи засмотрѣлся я въ окно, выходящее на дворъ усадьбы, и увидалъ чухонца, везущаго бочку съ водою на санномъ станкѣ. Лошадь показалась мнѣ надежною. Въ минуту сборы мои были окончены; я приказалъ свалить

бочку со станка, а чухонцу подъѣхать къ крыльцу. Надѣть въ рукава солдатскую шинель, застегнуть подбородникъ шапки и опоясаться саблею было дѣломъ одной минуты Чухонцу растолковали, куда меня везти, и мы тронулись въ путь.

Если сообразить, что на водовозномъ станкѣ не было ни отводинъ, ни роспусковъ, ни подстилки, и что вязки представляли неширокую лѣсенку, на которой по ухабамъ и зажорамъ надлежало проѣхать 30 верстъ, а всего, туда и обратно, — 60, то можно уже себѣ представить всѣ удобства подобнаго переѣзда, при которомъ главное вниманіе сосредоточивалось на томъ, чтобы нога, соскочивъ на толчкѣ съ вязка, не ткнулась въ землю и не была переломлена. Погода была отвратительная: то падалъ мелкій снѣгъ, то холодный проливной дождь; сквозь ничѣмъ не защищенныя головашки саней изъ подъ копытъ погоняемой лошади обдавало чухонца и меня съ ногъ до головы грязнымъ снѣгомъ: мѣстами приходилось становиться на колѣни, чтобы всѣмъ тѣломъ не зачерпнуть воды; нечего говорить, сколько разъ наши сани опрокидывались на неровной дорогѣ, и приходилось летѣть въ грязь или воду. Тогда еще не знали благодѣтельныхъ высокихъ сапоговъ. При вниманіи, сосредоточенномъ единственно на сохраненіи ногъ отъ перелома, даже сердиться было некогда; но однажды, когда меня выбросило въ воду, я услыхалъ громкое замѣчаніе одного изъ пробиравшихся сторонкой драгунскихъ солдатиковъ:

— Вотъ и его благородіе лежитъ!

Я невольно усмѣхнулся.

На половинѣ пути въ проливной дождикъ я наткнулся на протянувшуюся по дорогѣ баттарею. Узнавши номеръ баттареи, я спросилъ:

— А гдѣ же баттарейный командиръ?

— Тамъ назади, пропускаютъ орудія.

Въ хвостѣ обоза я дѣйствительно нашелъ полковника. Подъ проливнымъ дождемъ, бившимъ ему прямо въ глаза, онъ сидѣлъ верхомъ и старался удержать на мѣстѣ прекраснаго воронаго жеребца, такъ какъ тянущійся мимо хвостъ обоза еще не распутался окончательно при выѣздѣ на дорогу.

Ставши со своихъ дровней и взявшись подъ козырекъ, я подалъ пакетъ полковнику, прибавивъ, что по обстоятельствамъ не безпокою его росписки въ полученіи.

— Да чего имъ отъ меня надо? воскликнулъ полковникъ.

— Не могу доложить, отвѣчалъ я.

Полковникъ, подъ которымъ нетерпѣливый жеребецъ прядалъ и порою, какъ свѣча, взвивался на дыбы, разорвалъ конвертъ и хотѣлъ прочесть бумагу, но проливной дождь мгновенно превратилъ ее въ тряпку, которую онъ скомкалъ и засунулъ за бортъ своей солдатской шинели.

— Не могу, воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ, и я, еще разъ взявшись подъ козырекъ, снова сѣлъ на свои дровни.

Часамъ къ тремъ дня я подъѣхалъ къ крыльцу великолѣпнаго графскаго дома. Въ просторной швейцарской передъ широкою лѣстницей въ бельэтажъ, я спросилъ у ливрейнаго въ перевязи и съ булавою швейцара, куда пройти къ дивизіонному адъютанту.

— Сюда пожалуйте, отвѣтилъ швейцаръ, указывая на дверь влѣво отъ входа.

Сидѣвшій на креслѣ за бумагами старшій адъютантъ обратился ко мнѣ съ изумленными глазами, но тотчасъ же расхохотался и едва въ силахъ былъ проговорить:

— Извините ради Бога, но взгляните на себя въ зеркало.

Я взглянулъ въ большое зеркало и увидѣлъ дѣйствительно престранную фигуру, съ головы до ногъ покрытую грязью, не исключая лица, на которомъ рѣзко выступали бѣлки глазъ, какъ у араба. Тѣмъ не менѣе я не безъ досады воскликнулъ:

— Хорошо вамъ смѣяться, а я промокъ до костей. Нѣтъ ли у васъ чего надѣть, а шинель я пошлю на кухню высушить.

— Да вотъ надѣвайте пока мою красную фуфайку, а мнѣ, все равно, приходится одѣться и уйти.

Не успѣлъ я хотя отчасти привести себя въ порядокъ при помощи адъютантскаго слуги, какъ дверь отворилась, и графскій слуга на подносѣ внесъ и поставилъ передо мною изобильный завтракъ съ водкою, виномъ и пивомъ. Не успѣлъ я оказать завтраку долженствующую честь, какъ дверь

снова отворилась, и въ комнату вошелъ представительнаго вида пожилой мужчина съ расшитою ермолкою на головѣ. Я съ перваго взгляда угадалъ въ немъ самого графа.

— Мы въ пять часовъ обѣдаемъ, сказалъ онъ, и оба съ женою моею просимъ васъ пожаловать откушать.

Напрасно извинялся я невозможнымъ состояніемъ своего туалета, который долженъ былъ всюду оставлять грязные слѣды,—ничто не помогало, и въ назначенный часъ я, поднявшись по широкой лѣстницѣ, явился въ великолѣпную столовую, гдѣ старшимъ дивизіоннымъ адъютантомъ былъ представленъ любезной хозяйкѣ и двумъ взрослымъ ея дочерямъ. Съ одною изъ нихъ мнѣ пришлось сидѣть за столомъ, и она очаровала меня своимъ образованіемъ и непринужденною любезностью. За первымъ блюдомъ она ушла и, подойдя къ растворившейся въ стѣнѣ дверкѣ, стала съ блюдомъ въ рукахъ обходить обѣдающихъ. Маневръ этотъ былъ для меня дотого неожиданнымъ, что не успѣлъ я придти въ себя, какъ она уже стояла около меня, предлагая взять кусочекъ чего-то... чего?—не умѣю сказать, такъ какъ старался схватить предлагаемое, чтобы не имѣть вида недоумѣвающаго лопаря.

Но пора было думать и о возвращеніи въ полкъ.

Дивизіонный адъютантъ передалъ мнѣ тысячъ на сорокъ всевозможныхъ видовъ ассигнацій и выхлопоталъ мнѣ почтовую пару лошадей. На этотъ разъ сани оказались исправными, и я не валялся уже по лужамъ, съ карманами солдатской шинели, набитыми казенными деньгами.

Такъ какъ нужно было дѣлать уже не одну, а двѣ станціи, то я поспѣлъ къ полку только утромъ при его выступленіи, и пришлось садиться прямо верхомъ съ карманами, набитыми деньгами, и такимъ образомъ вступать въ Ревель.

Офицеры знали хорошо, что изъ Ревеля эскадроны будутъ размѣщены по отдѣльнымъ фольваркамъ, и потому за полученіемъ жалованья каждому придется снова ѣхать въ штабъ полка. Поэтому встрѣчавшіеся со мною въ городѣ офицеры требовали немедленнаго удовлетворенія ихъ жалованьемъ. Стало быть, приходилось раздавать деньги, по точному разсчету, сообразно чину каждаго и безъ росписки въ получе-

ніи, сидя верхомъ, на вѣтру, могущемъ унесть бумажку. Но кто знаетъ магическое слово *товарищъ*, не удивится, что многіе въ тотъ день получили жалованье при такихъ условіяхъ.

Помню ходившій между нами въ тотъ день оригинальный разсказъ.

Изъ страха какихъ-либо случайностей, баттарейныя орудія никогда не помѣщаются, а тѣмъ болѣе въ походѣ,—на дворахъ, а всегда на открытомъ полѣ подъ карауломъ часовыхъ. Мѣста на походѣ изъ предосторожности указываются учеными офицерами, знакомыми, съ топографіею.

За день до нашего вступленія въ Ревѣль, такой ученый отвелъ баттареѣ весьма гладкую снѣжную равнину. Каковъ же былъ переполохъ, когда утромъ зачерпнувшіеся водою берега показали, что баттарея ночевала на дрябломъ весеннемъ льду озера, грозившаго ежеминутно поглотить довѣренныя ему орудія.

Въ Ревелѣ прибылъ къ полку окончившій свою командировку полковой казначей, а потому, сдавши ему дѣла, я могъ тотчасъ же отправиться къ нашему эскадрону по дорогѣ въ Балтійскій Портъ.

Не могу сдѣлать никакого сравненія между гостепріимствомъ русскихъ и остзейскихъ дворянъ, потому что до Нарвы мы постоянно квартировали въ крестьянскихъ избахъ, и только съ Нарвы намъ приходилось переходить отъ помѣщика къ помѣщику, и мы не могли достаточно нахвалиться ихъ любезностью,

Одно дѣло, въ видахъ всякихъ политическихъ и иныхъ соображеній, писать о какой-либо странѣ, а другое — отдавать себѣ отчетъ въ произведенномъ ею непосредственномъ впечатлѣніи. Мнѣ представятся еще случаи то тамъ, то сямъ поневолѣ коснуться той темы, о которой я желаю теперь сказать нѣсколько словъ вообще.

Покинулъ я остзейскія губерніи, гдѣ въ пансіонѣ Крюммера провелъ три года, на шестнадцати-лѣтнемъ возрастѣ, т. е. въ такія лѣта, когда человѣкъ удовлетворяется прямымъ знакомствомъ съ окружающими его предметами и не чувствуетъ потребности сводить итоги впечатлѣній.

При новомъ вступленіи въ остзейскій край мнѣ было 34

года, и я не могу умолчать о произведенномъ на меня впечатлѣніи культурной страны, которую глазъ безпрестанно сравнивалъ съ нашею Русью.

Я долженъ признаться, что сравниваю тогдашнее состояніе остзейскаго края, котораго не видалъ съ тѣхъ поръ, съ теперешнимъ положеніемъ нашего черноземнаго населенія, близко мнѣ знакомымъ. Разница выходитъ громадная.

Почва этого края не выдерживаетъ никакого сравненія съ нашей черноземною полосою, а между тѣмъ жители сумѣли воспользоваться всѣми данными, чтобы добиться не только вѣрнаго, но и прочнаго благоустройства. Поля воздѣланы со всевозможною тщательностью, всюду проложили не широкія, но прекрасно содержанныя шоссе; лѣса, дичина и рыболовство не подвергнуты безпощадному расхищенію; небольшія, круглыя и сильныя крестьянскія лошади прекрасно содержаны, и вы не встрѣтите ни тощихъ клячъ, попадающихся у насъ на каждомъ шагу, ни нищихъ

Всѣ дворянскіе дома и усадьбы, переходящіе отъ отца къ сыну, массивно сложены изъ гранитныхъ камней, обильно разбросанныхъ по полямъ.

Такимъ образомъ камни сослужили двѣ службы: сошли съ полей и построили усадьбы и шоссе. Дворяне не дробятъ имѣній, а передаютъ ихъ одному изъ сыновей, помогающему братьямъ на избранномъ ими поприщѣ государственной или частной службы. Дочери богатаго графа, обносящія вокругъ стола кушанья, ясно указываютъ на то, что дворяне полагаютъ униженіе своего достоинства не въ этомъ актѣ и ему подобныхъ, а въ чемъ-то другомъ, хотя преисполнены чувствомъ собственнаго достоинства никакъ не менѣе нашихъ, и не сразу бы поняли слово *опроститься*. Словомъ, весь жизненный строй напоминаетъ растеніе, разцвѣтъ котораго не мѣшаетъ ему глубоко пускать корни въ почву, запасаясь все новыми силами.

Нашъ эскадронъ помѣстился на фольваркахъ мызы Лецъ, гдѣ намъ отвели небольшой флигель, въ которомъ помѣщались мы съ Василіемъ Павловичемъ и съ младшимъ барономъ Оф—мъ; старшій же Оф—гъ и Ме—овъ помѣщались за двѣ версты въ самомъ городѣ Балтійскомъ Портѣ.

Рядомъ съ нашимъ флигелемъ въ небольшомъ домѣ, обращенномъ заднимъ фасадомъ къ склоняющемуся къ морю саду, проживалъ самъ владѣлецъ, холостой стройный блондинъ лѣтъ сорока, вмѣстѣ съ пожилою, едва-ли не старшею, сестрою, заправлявшею домашнимъ хозяйствомъ.

Рамъ (фамилія владѣльца), кончившій курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, былъ человѣкъ далеко небогатый, но вполнѣ образованный и исполненный такта, облегчавшаго сторонимъ всѣ къ нему отношенія.

Въ первый день прямо съ похода онъ пришелъ во флигель просить насъ къ обѣду, а вслѣдъ затѣмъ самымъ естественнымъ образомъ высказался, что хотя при флигелѣ и есть своя кухня, но что доставленіе топлива, поиски за провизіей, которая въ концѣ концовъ всетаки у него въ рукахъ, приводятъ къ тому, что и намъ, и ему будетъ гораздо неудобнѣе держать двѣ стряпни, чѣмъ намъ ежедневно приходить за два шага къ его обычному обѣду. Такъ мы и сдѣлали, и все лѣто, за исключеніемъ утренняго и вечерняго чая, уже не заботились о своемъ столѣ.

Въ домѣ любезнаго нашего хозяина не было и тѣни роскоши, но все содержалось въ порядкѣ, не оставлявшемъ желать ничего лучшаго. Тамъ не было, съ одной стороны, ни дешевой бронзы, ни поддѣльнаго фарфора, этихъ признаковъ тщеславной бѣдности, но зато не было и изувѣченной мебели, неопрятной посуды и т. д.

Нерѣдко и наши эскадронные товарищи навѣщали насъ изъ Балтійскаго Порта и были точно также приглашаемы къ столу любезными хозяевами.

На берегу моря, изобилующаго рыбой, знаменитые парижскіе sole и turbot (два рода плоской камбалы) появлялись за столомъ такъ часто, что потеряли для насъ всякую привлекательность.

Въ наше время взводные офицеры не допускались эскадронными командирами ни до какихъ хозяйственныхъ или учебныхъ распоряженій, и нерѣдко случалось, что на смотрахъ и ученіяхъ командиру втораго или третьяго взвода, вслѣдствіе сторонникъ соображеній, говорили: „потрудитесь стать передъ первый взводъ“.

Третій взводъ, котораго я былъ командиромъ, расположенъ былъ на фольваркѣ у самаго берега моря, между мызою Лецъ и Балтійскомъ Портомъ, близь маяка, на которомъ жилъ офицеръ морскаго вѣдомства. Такъ какъ, по совершенной очисткѣ рейдовъ отъ льдовъ, англійскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Непира, показался на морѣ, то маякъ не только не зажигалъ наверху сигнальныхъ огней, но былъ со стороны моря выкрашенъ сѣрою краскою, отнимавшею у него издали всякую видимость. У маяка постоянно стоялъ казачій пикетъ, съ помощью котораго морской офицеръ давалъ знать о замѣченномъ имъ движеніи прибрежнымъ воинскимъ начальникамъ.

При первомъ появленіи флота, мы сѣли на коней и по лѣсной тропинкѣ отправились съ Василіемъ Павловичемъ на маякъ. Съ верхней его площадки видъ на море открывался великолѣпный.

Представляя самъ вышину приблизительно сажень въ 12, маякъ стоялъ надъ отвѣснымъ каменнымъ обрывомъ къ равнинѣ моря, судя по глазомѣру, двойной противъ него высоты.

Сберегая уголь, англійскіе фрегаты ходили подъ парусами и, по совершенно справедливому замѣчанію Василія Павловича, имѣли видъ громадныхъ хищныхъ птицъ, раскинувшихъ крылья надъ волнами. Конечно, никто не зналъ замысловъ непріятеля, и потому нужно было быть готовымъ во всякое время. Впослѣдствіи мы убѣдились, что непріятель считалъ наше побережье гораздо сильнѣе укрѣпленнымъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, и потому не рѣшался подвергать дорогихъ кораблей поврежденіямъ, подводя ихъ къ намъ на близкое разстояніе. Быть можетъ, первая неудачная попытка воздержала его отъ дальнѣйшихъ.

Въ самомъ Ревелѣ, гдѣ стоялъ нашъ главнокомандующій гр. Бергъ, крѣпость была по возможности вооружена, и мы слышали, что когда дѣти графа катались въ коляскѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ послѣдней упала граната, пущенная съ небольшаго англійскаго брига,—но, къ счастію, при паденіи не разорвалась. На этотъ выстрѣлъ мгновенно отвѣчало одно изъ нашихъ береговыхъ орудій тоже разрывнымъ снарядомъ, попавшимъ какъ разъ въ середину палубы брига.

Суета, говорятъ, на бригѣ произошла страшная, и онъ немедля удалился на благородное разстояніе.

Однажды, когда мы съ Василіемъ Павловичемъ заѣхали въ третій взводъ, морской офицеръ предложилъ намъ взойти съ нимъ на маякъ, посмотрѣть англійскій фрегатъ, шедшій на всѣхъ парахъ къ берегу. Густой туманъ, одѣвавшій прибрежье и море, рѣдѣлъ по мѣрѣ нашего восхожденія на башню, откуда тѣмъ не менѣе предметы представлялись подернутыми какою-то голубоватою дымкою. Извѣстно, какъ съ птичьяго полета всѣ предметы уменьшаются несравненно сильнѣе, чѣмъ на тѣхъ же разстояніяхъ въ горизонтальномъ направленіи. Такимъ образомъ, огромный англійскій фрегатъ, несшійся, быть можетъ, на трехверстномъ разстояніи по направленію къ берегу, казался синеватымъ пятномъ, величиною въ тарелку. Мы принялись разсматривать его въ лупку, и пятно это съ каждою минутою замѣтно разросталось.

— Куда же однако, невольно спросили мы, несется онъ на всѣхъ парахъ?

— Вѣроятно, отвѣчалъ морской офицеръ, пользуясь туманомъ, онъ думаетъ промчаться черезъ проливъ Балтійскаго Порта, но сбился онъ влѣво. Ясно, что за туманомъ онъ не видитъ берега и если не измѣнитъ направленія, то мы черезъ пять минутъ увидимъ его неминуемое крушеніе. Они, очевидно, не знаютъ, что тутъ подъ маякомъ почти на версту выбѣгаетъ подводный рифъ, остріемъ котораго корабль будетъ разрѣзанъ пополамъ, какъ булка.

Конечно, эти слова удвоили наше вниманіе, и мы съ минуты на минуту стали поджидать трагической гибели непріятеля.

— Теперь мало надежды на спасеніе, прибавилъ морякъ, черезъ двѣ минуты все будетъ кончено.

Но въ то же мгновеніе мы услыхали звонъ корабельнаго колокола, и фрегатъ, все медленнѣе подвигаясь, далъ наконецъ задній ходъ. Кораблекрушеніе не состоялось.

За исключеніемъ эскадроннаго командира, производившаго по временамъ ученія въ разбросанныхъ взводахъ, мы, субалтернъ-офицеры, принуждены были коротать время охотою, да чтеніемъ французскихъ романовъ.

Въ домѣ Рама пришлось познакомиться съ навѣщавшей его по временамъ изъ Балтійскаго Порта оригинальною четою, коей фамиліи въ настоящее время не припомню. Мужу, небольшаго роста, (назовемъ его Мейеромъ) могло быть 50 лѣтъ, и ему принадлежали три или четыре изъ наилучшихъ домовъ небольшаго города, въ которомъ онъ сосредоточивалъ главнѣйшіе виды власти и обязанностей. Такъ онъ былъ градоначальникомъ, органистомъ и проповѣдникомъ въ домовой лютеранской церкви и кромѣ того (если не ошибаюсь въ выраженіи) — консуломъ, провѣрявшимъ путевые журналы всѣхъ приходящихъ на рейдъ кораблей; онъ же являлся безапелляціоннымъ судьею въ возникавшихъ на корабляхъ несогласіяхъ и смутахъ. Человѣкъ онъ былъ скромный, положительный и неглупый.

Зато супруга его, весьма невзрачная, лѣтъ 40, никакъ не могла никому, начиная съ мужа, простить своего умственнаго превосходства. Какъ единственное, встрѣченное нами въ Остзейскомъ краѣ, исключеніе, она неизгладимо напечатлѣлась въ моей памяти. Я ниразу не бесѣдовалъ съ нею безъ того, чтобы она, въ видѣ стрѣлы, направленной въ русскихъ, не заговорила о преимуществѣ нѣмцевъ, получившихъ образованіе отъ римлянъ.

Приближались праздники Пасхи, и хотя шоссейныя дороги давно были чисты отъ снѣга, по сторонамъ было грязно отъ проливныхъ дождей.

Въ великую субботу мы въ нашемъ тихомъ флигелѣ не раздѣваясь поджидали 12-ти часовъ ночи, чтобы поздравить другъ друга съ праздникомъ,—какъ вдругъ съ маяка пріѣхалъ казакъ съ извѣстіемъ, что корабли спустили шлюпки въ направленіи къ берегу. Конечно, не прошло и четверти часа, какъ, не взирая на непроглядный мракъ и дождь, лошади наши были подведены къ крыльцу конными вѣстовыми, и мы въ полной походной формѣ отправились къ своимъ частямъ. Слуги вынуждены были свѣтить намъ съ порога, безъ чего привыкшіе къ свѣту глаза не различали бы ни лошади, ни сѣдла. Первымъ дебютомъ моимъ было попасть головою въ кустъ, осыпавшій меня и лошадь дождевыми каплями. Но вотъ мало-по-малу мы съ вѣстовымъ выбрались

на лѣсную тропинку, ведущую къ третьему взводу. Ѣхать рысью не было никакой возможности, по пословицѣ:—„поспѣшишь—людей насмѣшишь“,—и приходилось громко шлепать по грязи, пробираясь шагомъ. Ясно помню всѣ мысли, тѣснившіяся въ головѣ въ теченіи переѣзда, показавшагося мнѣ безконечнымъ.

Строго подчиняясь распоряженіямъ свыше, я былъ обстоятельствами вынужденъ критически отнестить къ своему положенію. Нельзя толково исполнять то, чего не понимаешь, а я никакъ не могъ понять, почему въ охрану береговой линіи отъ десанта,—очевидно пѣхоты, вооруженной дальнострѣльными ружьями,—выставлена кавалерія, вооруженная пиками и саблями, такъ какъ наши карабины можно только было считать лишней обузой, но никакъ не вооруженіемъ. Не очевидно ли, что небольшой десантъ никакъ не отважится на далекое наступленіе, а будетъ держаться по близости шлюпокъ и стрѣлять издали по всякому вооруженному, не рискуя ни малѣйшимъ отпоромъ.

Такимъ образомъ, еслибы стрѣлки, вышедшіе на берегъ, пробрались сквозь узкую кайму деревьевъ, отдѣлявшую нашу тропу отъ моря, то могли бы въ видѣ забавы поднять стрѣльбу по невидимымъ, но явно слышимымъ проѣзжимъ и, искалѣчивъ насъ или нашихъ лошадей, помѣшать намъ съ вѣстовымъ добраться до взвода, остающагося подъ начальствомъ одного взводнаго унтеръ-офицера. Очевидно, что единственно благоразумной мѣрой въ случаѣ десанта будетъ возможно скорое сѣдланіе и отступленіе со взводомъ на шоссе при наблюденіи за дальнѣйшими дѣйствіями непріятеля; но куда давать знать,—въ пѣхоту или въ артиллерію,—мнѣ тоже не было извѣстно; на первый разъ яснѣе всего было, что не слѣдуетъ подвергать взвода безполезному истребленію. Поляна, на которой помѣщалась взводная конюшня, была окружена мелкими кустами; дождикъ пересталъ, тучи понемногу расходились, и на морѣ было видно довольно хорошо. Я приказалъ немедля сѣдлать, не затягивая подпругъ, лично удвоилъ число часовыхъ по берегу, а затѣмъ забрался въ небольшую сборную избу, гдѣ единственнымъ ложемъ отдохновенія оказалась досчатая на колышкахъ, постланная соломой, кро-

вать чухонца,—сторожа фольварка. Въ теплой и далеко не благовонной хатѣ я, съ великимъ удовольствіемъ сѣвши на эту единственную мебель, закурилъ папироску; но теплота съ холода брала свое: при бездѣйствіи сонъ одолѣвалъ меня и, строго наказавши взводному провѣрку и смѣну часовыхъ, я снялъ шапку и во всей амуниціи повалился на привлекательную чухонскую кровать.

Часа черезъ два, когда я очнулся, было уже совершенно свѣтло, и англійскіе корабли были видны въ морѣ на такомъ разстояніи, при которомъ о десантѣ не могло быть и рѣчи. Я приказалъ разсѣдлать лошадей, поздравилъ взводъ съ праздникомъ и рысью вернулся домой перемѣнить залубенѣвшее платье.

Наши полковые друзья не забывали насъ и порою радовали своимъ посѣщеніемъ. Такъ на третій день Святой пріехали къ намъ два брата Щ—ихъ. Пріятно было видѣть вмѣстѣ этихъ двухъ рослыхъ, красивыхъ и любезныхъ молодыхъ людей. Рѣчь обоихъ не лишена была юмора, который въ младшемъ, смахивавшемъ на типъ Аякса, нерѣдко переходилъ въ ребяческое своеволіе; при этомъ старшій каждый разъ его останавливалъ. На такія замѣчанія младшій никогда не возражалъ, но нерѣдко тѣмъ не менѣе продолжалъ свои дурачества.

Такъ случилось и на этотъ разъ. Въ воздухѣ отъ утреннихъ холодовъ, порою даже морозовъ, чувствовалась рѣзкая свѣжесть, особенно въ тѣни; зато на открытомъ каменистомъ берегу моря въ полдень было совершенно тепло, такъ что мы съ неразлучнымъ Василіемъ Павловичемъ и двумя Щ—ими отправились въ садъ въ однихъ сюртукахъ прогуляться по взморью.

— Надо искупаться, сказалъ младшій Щ—ій.

— Какъ будто ты не знаешь, замѣтилъ старшій, что весною на нашемъ полушаріи вообще и въ Балтійскомъ въ особенности вода бываетъ самая холодная.

Но Николай снялъ уже сюртукъ. Мы думали, что онъ шутитъ, но онъ продолжалъ раздѣваться и спокойнымъ шагомъ отправился въ море. Войдя по поясъ, онъ умылся, окунулся съ головою и черезъ минуту тѣмъ же медленнымъ шагомъ

возвратился къ своему платью. Когда онъ сталъ одѣваться, то былъ красенъ, какъ вареный ракъ. На замѣчаніе брата,— хорошо ли это,—онъ отвѣчалъ: „хорошо“, и былъ правъ въ томъ смыслѣ, что выходка его не имѣла никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Между тѣмъ бездѣйствіе наше, такъ какъ субалтернъ-офицеры никакой службы не несли, вело къ картежной игрѣ, къ которой наши офицеры чувствовали влеченіе, а Василій Павловичъ былъ записной игрокъ, оставившій на зеленомъ полѣ все небольшое, полученное отъ отца, достояніе.

И вотъ нашъ флигель мало по-малу превратился въ клубъ, въ которомъ нерѣдко отъ зари до зари раздавались техническія выраженія и отчаянныя восклицанія играющихъ. Хотя я и перенесъ свою кровать во вторую комнату, тѣмъ не менѣе при такихъ возгласахъ уснуть было невозможно. Но случай меня скоро выручилъ.

Однажды послѣ обѣда Рамъ объявилъ мнѣ, что сосѣдній пасторъ, испугавшись крейсерства англичанъ, продавалъ, за что бы ни было, свою деревянную бесѣдку, недавно выстроенную въ саду на берегу моря. „Я, продолжалъ хозяинъ, купилъ ее за двадцать пять рублей и послалъ за нею воловъ“.

На другой день хозяинъ пригласилъ меня взглянуть на его покупку и повелъ меня въ садъ, гдѣ, подъ навѣсомъ вѣтвей съ одной стороны и дивнымъ видомъ на море съ другой, я нашелъ прекрасную бесѣдку въ два окна, аршинъ пяти въ квадратѣ и со свѣжимъ досчатымъ поломъ. Чистосердечно раскрывши передъ хозяиномъ мои ночныя страданія, я просилъ у него позволенія переселиться въ бесѣдку, на что и получилъ полное согласіе и черезъ часъ лежалъ уже на своей походной кровати съ французскимъ романомъ въ рукахъ.

Что англичане, не рѣшавшіеся на серьезный десантъ, дозволяли себѣ самыя безполезныя выходки, мы знали, потому что между Ревелемъ и Нарвою высадились непріятельскіе стрѣлки, и когда единственными встрѣченными ими лицами оказались двѣ бабы въ полѣ, бросившіяся, разумѣется, опрометью бѣжать, то стрѣлки сдѣлали по нимъ залпъ и, убивши одну наповалъ, вернулись къ своимъ шлюпкамъ.

Солдату напрашиваться на смерть — глупо, а на плѣнъ—

преступно. Ночуя одинъ на берегу моря, за пятьсотъ шаговъ отъ жилья, я рисковалъ быть захваченнымъ первою приставшею къ берегу шлюпкой. Поэтому я зарядилъ пару пистолетовъ Лепажа и повѣсилъ ихъ надъ кроватью такъ, чтобы они были тотчасъ подъ рукою.

„Какъ у васъ тутъ хорошо“, сказалъ зашедшій ко мнѣ на другой день Василій Павловичъ. И дѣйствительно было хорошо. Недаромъ у грековъ богиня красоты вышла изъ моря. Но красоту нельзя воспринимать по заказу съ чужихъ словъ: нужно, чтобы красота сама устранила въ душѣ человѣка всякія другія соображенія и побужденія и окончательно его побѣдила.

За цѣлое лѣто у меня было достаточно времени присмотрѣться къ морю во всѣхъ его безконечно разнообразныхъ видахъ. Нерѣдко оно сажени на двѣ ниже моей бесѣдки, шагахъ въ двадцати пяти отъ нея, лежало по цѣлымъ днямъ безъ малѣйшей ряби, какъ отлично отполированное зеркало; затѣмъ начинало морщиться, стараясь тонкими всплесками добѣгать къ окружающему его вѣнку морскихъ травъ. Въ это время даль его уже замѣтно темнѣла и покрывалась бѣлыми барашками. Затѣмъ волны все болѣе принимали видъ вздымающихъ шеи бѣлоголовыхъ коней Нептуна, гордо набѣгающихъ на берегъ, чтобы громко за каждымъ ударомъ разгребать на немъ звончатый хрящъ. Послѣдняя степень гнѣва Нептуна выражалась ударами вѣтра, разбрызгивающими налету исполинскія гривы валовъ, и грохотомъ самихъ волнъ среди прибрежныхъ каменьевъ, по тѣснинамъ которыхъ онѣ, перемежаясь, воздымались фонтанами пѣны. Но возможно-ли не только передать, но даже намекнуть на промежуточные переходы и оттѣнки между указанными главнѣйшими состояніями? Тутъ и красота моря, и море красоты! Ежедневная близость моря меня побѣдила окончательно, чему свидѣтельствомъ служатъ всѣ мои приморскія стихотворенія, принятыя въ тогдашнее время Тургеневскимъ литературнымъ кругомъ такъ сочувственно.

Чудные дни, чудныя лунныя ночи! Какъ пріятно засыпать подъ лепетъ легкаго волненія, словно подъ неистощимыя сказки всевѣдущей бабушки. Но когда волненіе возрастало

грохотъ отдѣльныхъ волнъ дотого становился сложенъ, что въ немъ ясно слышался какъ-бы ударъ тяжело зашуршавшаго по звонкому хрящу вздвинувшагося днища судна. Сколько разъ случалось мнѣ неохотно покидать нагрѣтую постель и смотрѣть на берегъ въ небольшое окошечко. — Ничего! только бѣлоголовые зайчики подымаются по всей дали въ лунномъ сіяніи.

Въ одно изъ утреннихъ своихъ посѣщеній, Василій Павловичъ, которому въ свою очередь надоѣли мало привлекательныя, но тѣмъ не менѣе безсонныя состязанія игроковъ, сталъ, со свойственною ему деликатностью, просить у меня позволенія поставить и свою желѣзную кровать въ занимаемой мною бесѣдкѣ, чему я, конечно, былъ очень радъ, не смотря на нѣкоторое физическое стѣсненіе.

II.

пленіе корабля.—Сооруженіе Балтійскаго мола при Екатеринѣ Вто- — Знакомство съ остзейскими помѣщиками. — Уженіе окуней. — а Петра Великаго.—Сѣверное сіяніе.—Смерть отца и письмо Бо- ва. — Кубокъ. — Вѣсть о десантѣ. — Парламентеры.—Папироска.— ія игрока.—Баронъ Кекскуль.—Тогдашній Балтійскій Портъ.—По- а безъ мелкой монеты.—Халатъ, надъ которымъ пришлось штудиг- ть.—Проводы генерала.—Калеповскій.—Порученіе главнокомандую-).—Семья Берга.—Городъ Валкъ.—Панаевъ.—Старый товарищъ.— Бѣгъ на призъ.—Мыза Аякаръ.—Семья барона Энгардта.

ъ одно истинно прекрасное утро, котораго свѣжее дыха- приносилось съ равнины моря въ растворенное окошечко й бесѣдки, Василій Павловичъ вошелъ ко мнѣ съ небольш конвертомъ въ рукахъ.

- Какая странная бумага, сказалъ онъ, присаживаясь про- ь меня на своей кроватѣ.—Вотъ что пишетъ карандашемъ ршій адъютантъ начальника дивизіи: „По приказанію его восходительства имѣю честь покорнѣйше просить ваше окоблагородіе приказать стоящій на рейдѣ близъ гавани тійскаго Порта финляндскій корабль, снявъ съ онаго ты, реи и прочія принадлежности, потопить и объ испол- ии сего донести его превосходительству господину на- ьнику дивизіи“.—Что вы на это скажете?

- Я могу только по этому случаю вложить въ уста перстъ иленія. Радуюсь, что кавалерійскому дивизіонному штабу комы такія слова, какъ реи, но не знаю, какъ мы будемъ рать корабельныя принадлежности, о которыхъ не имѣемъ малѣйшаго понятія, равно какъ и о процессѣ, какимъ по- няютъ корабли. Признаюсь, что я менѣе всего приготов-

ленъ къ мысли превратиться въ морскаго улана, и что мысль эта не вполнѣ созрѣла и въ дивизіи—ясно по одной уже формѣ ея передачи карандашемъ и запискою.

— Желаніе начальника есть уже приказаніе.

— Вотъ, чтобы стать такимъ, оно должно получить формальную ясность, которая въ такомъ необычайномъ порученіи необходима. На вашемъ мѣстѣ я бы запросилъ дивизію, чтобы на случай бѣды имѣть формальное приказаніе въ рукахъ.

— Дѣло подчиненнаго, сказалъ Василій Павловичъ, слѣпо исполнять волю начальства, а дѣло начальника защищать подчиненнаго, исполнившаго его волю; и я сейчасъ же поѣду въ Балтійскій Портъ принять мѣры къ исполненію порученія.

— Отъ души желаю вамъ успѣха, отвѣчалъ я.

Передъ обѣдомъ Василій Павловичъ снова вернулся въ бесѣдку, недовольный. Онъ, очевидно, обращался за свѣдѣніями къ знакомому уже намъ Мейеру, морскому консулу въ Балтійскомъ Портѣ. Но Мейеръ, какъ и слѣдовало ожидать, показалъ весьма мало сочувствія этому дѣлу, хотя формально противодѣйствовать ему не могъ. Въ виду того, что Мейеры были давнишними знакомыми нашего любезнаго хозяина Рама, я вызвался самъ вывѣдать мысли Мейера по этому дѣлу и тотчасъ же послѣ обѣда отправился верхомъ въ Балтійскій Портъ.

— Какой прекрасный финляндскій корабль! воскликнулъ Мейеръ. Онъ стоитъ хозяину по крайней мѣрѣ девяносто тысячъ, и я не знаю пріемовъ для потопленія кораблей.

— Но согласитесь, замѣтилъ я, что для владѣльца корабль этотъ такъ или сякъ пропащій. Въ щегольскомъ видѣ, въ какомъ онъ теперь, онъ прекрасный призъ для разъѣзжающихъ по взморью англичанъ. А если мы его потопимъ, то есть надежда, что по окончаніи войны правительство вознаградитъ владѣльца.

— Нѣтъ, что вы ни говорите, воскликнулъ Василій Павловичъ, когда я ему передалъ свой разговоръ съ Мейеромъ,— а этотъ Мейеръ измѣнникъ и тянетъ руку англичанъ.

— Извините, добрѣйшій Василій Павловичъ, но позвольте

васъ спросить: что все время дѣлалъ Мейеръ на своемъ посту по отношенію къ кораблямъ, приходившимъ въ Балтійскій Портъ? – Защищалъ или уничтожалъ онъ ихъ?

— Конечно защищалъ, но я не вижу, какъ это относится къ настоящему случаю.

— Почему же, добрѣйшій Василій Павловичъ, вы не хотите поставить себя на мѣсто Мейера? Представьте, что къ вамъ явился бы посланный съ несомнѣннымъ порученіемъ ослѣпить вашъ эскадронъ, и сталъ бы васъ спрашивать, какъ это всего удобнѣе исполнить. Справедливо ли было бы обзывать васъ измѣнникомъ, еслибы вы отвѣтили: „исполняйте ваше порученіе, но я никакого совѣта подать вамъ не могу“.

На другой день уже приступлено было къ работамъ. Разысканы большія лодки, на которыя были посажены гребцами казаки изъ прикомандированной къ нашему эскадрону Донской сотни; а наши уланы были посланы отламывать камни отъ громаднаго, частью уцѣлѣвшаго мола, сложеннаго на восточной окраинѣ бухты руками тысячей хохловъ, положившихъ во множествѣ свои кости на этой работѣ. О ширинѣ громаднаго мола можно судить по разсказу, будто бы императрица Екатерина Великая проѣхала шестерикомъ въ каретѣ до самаго конца мола и, повернувши назадъ, пожаловала строителю его орденъ и уѣхала въ Ревель. Прибавляютъ, что не успѣла она доѣхать до Екатериненталя, какъ прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ, что бурей прорвало молъ. Повторяю разсказъ старожиловъ.

Чуть не цѣлую недѣлю нѣсколько лодокъ возили камень и валили его въ пустой трюмъ корабля. Но корабль и не думалъ погружаться въ воду. Тогда Василій Павловичъ рѣшилъ, что надо прорубить бокъ. Поѣхали съ топорами и съ великимъ трудомъ пробили отверстіе. На другое утро корабль погрузился до палубы въ воду и, не взирая на новые подвозы камня, погружаться далѣе не хотѣлъ.

— Я вамъ не совѣтую, сказалъ мнѣ Мейеръ, глядя съ берега на всю работу, — ѣздить туда на корабль. Это можетъ кончиться весьма трагически. Никто не можетъ опредѣлить момента, въ который вся масса разомъ пойдетъ ко дну, и

тогда она всѣ лодки съ людьми утянетъ въ образованный ею водоворотъ.

Къ вечеру поднялась жестокая буря, а къ утру корабль погрузился носомъ въ воду, высоко поднявъ корму, да такъ и остался, такъ какъ люкъ уже былъ залитъ водою.

Эскадроны наши стояли по разнымъ фольваркамъ, а офицеры размѣщались по помѣщикамъ, которые оказывали имъ самое радушное гостепріимство. Не удивительно, что, навѣщая товарищей, мы знакомились и съ ихъ радушными хозяевами. Такъ и намъ пришлось познакомиться съ прекраснымъ семействомъ Б—ге, состоявшимъ изъ пожилаго мужа, жены и трехъ премилыхъ дочерей-дѣвицъ. Большой господскій домъ расположенъ былъ среди лѣса, на берегу обширнаго и прелестнаго озера. Въ одномъ изъ флигелей дома помѣщались постояльцы-офицеры. Тамъ же находился прекрасный билліардъ. Отношенія постояльцевъ къ хозяевамъ были самыя семейныя и, за исключеніемъ часовъ завтрака и обѣда, въ семейномъ кругу появлялись только желающіе. Конечно, за желающими дѣло не стояло, тѣмъ болѣе, что старшая дочь обладала прекраснымъ контральто и охотно пѣла, не заставляя себя долго упрашивать. На озерѣ у самаго берега былъ довольно обширный деревянный плотъ съ вырубленными по угламъ бесѣдками, у которыхъ въ дно были вставлены садки для рыбы, такъ что во всякое время находящимся тутъ же сачкомъ можно было достать для кухни живой рыбы. Свѣтлое, въ нѣсколько верстъ поперечника, озеро было замѣчательно своимъ двойнымъ дномъ. Выѣхавъ на лодкѣ, можно было весло или шестъ воткнуть въ желтоватый мохъ дна, но проткнувши это дно съ нѣкоторымъ усиліемъ, рука начинала погружать длинный шестъ уже безъ всякаго усилія, явно не доставая дна.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній, я соблазнился дивною равниною пустыннаго озера и, попросивши мальчика накопать червей, отомкнулъ стоявшій у плота яликъ и, вооружась двумя удочками и парою веселъ, выѣхалъ саженей на сто отъ берега. Повернувшись спиною къ солнцу, я забросилъ удочки съ обоихъ бортовъ. Хотя я и съ малолѣтства знакомъ былъ съ пріемами уженія, но никогда не увлекался имъ

въ виду громаднаго терпѣнія, необходимаго при этой охотѣ. Зато въ этотъ разъ, представляющій исключеніе во всей моей жизни, я вполнѣ блаженствовалъ при неслыханной удачѣ. Я едва успѣвалъ снимать съ крючковъ огромныхъ окуней, и только-что оправишь и закинешь крючекъ, какъ другое удилище уже нагибается и трепещетъ, колеблемое могучимъ окунемъ. Часа въ два я наловилъ штукъ сорокъ и кончилъ только потому, что сказалъ самому себѣ: „довольно“. Пристав-ши къ плоту и поджидая мальчика, чтобы распорядиться своимъ уловомъ, я отъ нечего дѣлать сталъ смотрѣть въ одинъ изъ садковъ подъ навѣсомъ бесѣдки. Не шевелясь, я могъ наблюдать, какъ по досчатому полу въ прозрачной глубинѣ граціею расхаживали разныхъ породъ рыбы, среди которыхъ особенное мое вниманіе привлекла большая щука. Болѣе мелкія рыбы, казалось, совершенно привыкли къ присутствію грозной сосѣдки, и я подумалъ, что сытость щуки или же пребываніе въ плѣну дѣлали ее такою миролюбивою. Какъ вдругъ, словно отвѣчая на мою мысль, щука стрѣлою кину-лась на довольно значительномъ разстояніи на плотву средняго роста и замерла на мѣстѣ, крѣпко стиснувъ зубами рыбу, пришедшуюся какъ разъ поперекъ ея челюстей. „Что же будетъ дальше?“ подумалъ я. Голова щуки дрогнула, и при томъ челюсть ея перемѣстилась на вершокъ ближе къ головѣ жертвы. За третьимъ такого рода перекусываніемъ голова плотвы скрылась въ челюстяхъ щуки, а остальное туловище торчало изъ нихъ прямо впередъ. Послѣ минутнаго пребы-ванія въ такомъ положеніи, щука стремительно бросилась впередъ, и рыба была проглочена.

Чѣмъ болѣе приходилось мнѣ самому проживать въ сель-ской средѣ и испытывать затрудненія, возникающія передъ самымъ гостепріимнымъ хозяиномъ, тѣмъ болѣе цѣню я замѣ-чательную любезность остзейскихъ дворянъ, проявлявшуюся постоянно во время нашего тамъ пребыванія.

Памятно мнѣ еще одно семейство однофамильцевъ нашего хозяина. Одноэтажный и просторный домъ, расположенный въ молодомъ паркѣ, выходилъ заднимъ фасадомъ на большой прудъ, а переднимъ на развалины католическаго монастыря, частію еще хорошо сохранившагося, такъ что на угольной

Мнѣ писали, что одинъ изъ нихъ онъ самъ начиналъ вальсомъ съ Надинькой, несмотря на свои 84 года.

Въ послѣднее время случилось для брата Василія весьма непріятное обстоятельство. Вызвавшись срѣзать отцу мозоль, онъ слегка зацѣпилъ за живое, такъ что показалась кровь. Но вмѣсто того чтобы такой ничтожный обрѣзъ безслѣдно исчезъ, на другой день вокругъ него образовалось черное пятно, заставившее, какъ меня увѣдомляли, въ нѣсколько дней слечь въ постель такого могучаго человѣка, какъ отецъ. Отецъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, говорилъ брату Василію съ раздраженіемъ: „спасибо! усердно поработалъ!“ Два лучшихъ орловскихъ медика напрасно старались помочь бѣдѣ.

По полученіи извѣстія о случившемся, я тотчасъ же запросилъ своего зятя, кіевскаго доктора Матвѣева, который отвѣтилъ, что это старческое умираніе оконечностей, проявляющееся антоновымъ огнемъ, котораго прекратить невозможно.

Отецъ, убѣдившись, что у него во всей ступнѣ антоновъ огонь, рѣшилъ, что надо отрѣзать ногу. Хотя оба лѣчившихъ его орловскихъ медика Кортманъ и Майдель титуловались медико-хирургами, но когда дѣло дошло до операціи, оба стали отказываться и рѣшили дѣло жребіемъ, по которому рѣзать досталось Кортману. Могучій старикъ самъ держалъ ногу безъ всякой сторонней помощи и только во время операціи спросилъ раза два: „ну да скоро ли вы тамъ“? Послѣ операціи онъ нѣкоторое время дѣйствительно чувствовалъ себя лучше, и рана стала подживать.

Въ это время высланный мнѣ еще раннею весною грайворонскій жеребчикъ по нерасторопности проводника, не пошедшаго слѣдомъ за полкомъ, вернулся къ отцу. Отецъ, очень гордившійся этой породистою лошадью, по имени Глазунчикъ, съ сожалѣніемъ писалъ мнѣ объ этой неудачѣ. Конечно, лежа въ постели послѣ операціи, онъ диктовалъ находившемуся при немъ сыну Василію, но подписался самъ. Онъ звалъ меня при этомъ въ отпускъ по домашнимъ обстоятельствамъ, въ качествѣ главнаго повѣреннаго, и изъ этого письма, къ сожалѣнію, утраченнаго, у меня въ памяти уцѣлѣла фраза,

нѣсколько разъ въ немъ повторенная: „жаль, Глазунчикъ до тебя не дошелъ. Но, Богъ дастъ, поживемъ, другаго наживемъ“. Явно, что бѣдному старику сильно хотѣлось жить. Врагъ всякихъ столкновеній изъ-за имущественныхъ интересовъ, я благодарилъ отца за его ко мнѣ довѣріе, но не безъ основанія выставлялъ неблаговидность съ моей стороны просьбы объ отпускѣ въ военное время. Въ скорости пи́сьма съ траурнымъ сургучемъ извѣстили меня о смерти бѣднаго отца. Рана, начинавшая понемногу заживать, такъ что старикъ по временамъ принималъ уже сидячее положеніе на постели, — вдругъ почернѣла, а въ то же время почернѣли подъ шеей и жѣлѣзы. Почти до самой смерти онъ сохранилъ память и присутствіе духа.

Думая о процессѣ нравственнаго питанія человѣческаго сердца, невольно припоминаешь примѣры кустарниковъ, сходящихъ по обстоятельствамъ со стѣны къ ея подножію на болѣе питательную почву. Очевидно, у подобнаго растенія есть моментъ, когда оно все еще питается прежней почвой и едва только вкореняется въ новую. И у растенія, и у человѣка въ томъ и въ другомъ случаѣ вся сила связи зависитъ отъ ея, такъ сказать, органической искренности.

Жизненнымъ теченіемъ въ свое время унесло меня изъ родныхъ Новоселокъ въ Новороссійскія степи, а затѣмъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, перебросило оттуда къ Балтійскому морю въ совершенно новую обстановку. Но оглядываясь назадъ, я не могу не сознавать, что самымъчувствительнымъ нервомъ, охранявшимъ мою связь съ прошлымъ, являлась переписка съ И. П. Борисовымъ. Помимо братской дружбы, связывавшей насъ съ малолѣтства, какъ не сказать, что чувство его ко мнѣ усиливалось отраженіемъ того роковаго пламени, которымъ онъ неизмѣнно горѣлъ къ Надѣ, и которое его окончательно испепелило. Командуя Куринскою ротой при Ланчхутѣ, Чолохѣ и Башъ-Кадыкларѣ, онъ подробно описывалъ мнѣ всѣ походы, всю бивачную жизнь и поистинѣ геройскіе подвиги полка. Еслибы я вздумалъ воспроизводить здѣсь интересныя письма Борисова, которыми мы въ свое время упивались съ милыми Щ—ми, то это далеко завело бы меня въ сторону отъ прямой дороги.

Тѣмъ не менѣе привожу здѣсь письмо Борисова, какъ человѣка, которому еще долго суждено было идти въ жизни объ руку со мною.

Лагерь на Ценисъ-Цхалѣ.
3 іюня 1854 г.

„Вчера вернулся изъ Кутаиса, куда на минуточку съѣздилъ провѣдать нашихъ раненыхъ. Нашелъ ихъ какъ нельзя лучше расположившимися въ домѣ у военнаго губернатора князя Гагарина, и не терпи они страданій непобѣдимыхъ еще для человѣчества, то лучше бы и жизни не надо. Вотъ у нихъ-то прочелъ я Каленика*), и нужно ли тебѣ говорить, другъ мой, сколько навалилось воспоминаній прошлаго. Я не зналъ вѣдь твоего геніальнаго деньщика, а все, что тебя окружаетъ и живетъ съ тобою, мнѣ необходимо знать, какъ дополненіе самого тебя, самаго необходимѣйшаго изъ остатковъ счастливыхъ моихъ временъ. Я люблю безгранично предаваться прошлому, когда въ немъ видится твоя физика. Жалѣю поминутно, что ты далеко, но все-таки благословляю судьбу, что ты вышелъ на настоящую дорогу; тутъ ты лучше сохранишься, и вѣрнѣе обезпечены будущія твои и мои житейскія помышленія. Среди всѣхъ кочевьевъ и битвъ я ихъ не откладываю совсѣмъ,—подумываю иногда, такъ про себя, вернусь же когда-нибудь я изъ Азіи, увижу и тебя, а тамъ увидимъ, какъ жить-то будетъ лучше. Не хотѣлъ бы видѣть тебя здѣсь, потому что, какъ будто нарочно, судьба преслѣдуетъ меня во всемъ, что мнѣ болѣе дорого по сердцу. Были у насъ дѣла жаркія, и безъ примѣси грусти не могу о нихъ вспомнить: потерялъ лучшихъ моихъ товарищей, съ которыми не то что служилъ, но жилъ вмѣстѣ; замѣнить ихъ некѣмъ, а одиночество такъ тяжело, что начинаю впадать въ прежнюю тоску, отъ которой не находилъ мѣста. Мнѣ дѣлали разныя предложенія перейти въ Штабъ; тогда я отказался, теперь быть можетъ рѣшусь. Вѣрно ты гдѣ-нибудь да прочтешь о дѣлахъ въ Гуріи, о сраженіи при Ланчхутѣ 27 мая и на р.

*) Мой разсказъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Чолохѣ 4 іюня; я въ обоихъ случаяхъ былъ участникомъ, и случайности боевъ этихъ доставили и мнѣ возможность быть замѣтнымъ участникомъ. Оба дѣла такъ прославили наши Куринскіе батальоны, что съ другими не хотѣлось бы и становиться въ ряды. Князья Гуріи задаютъ намъ пиры, угощаютъ всѣмъ, чѣмъ богаты. Не довольно того, что приглашаютъ къ себѣ, но и въ лагерь присылаютъ вино, зелень, даже говядину, людямъ водку; видя, чувствуя въ душѣ, что это заслужено кровью, испытываешь уваженіе къ себѣ, къ товарищамъ, къ молодцамъ солдатамъ, съ которыми составляешь какую-то нераздѣлимую единицу. Вотъ истинная награда за всѣ лишенія и опасности. Твой Каленикъ вѣрно бы отозвался на это своимъ: хи, хи, хи!—а наши Ахультинцы толкуютъ одно: „Што турки! дрянь! стоило ли сюда за ними прибѣгать! Дай-ка хранцуза! Што они тамъ въ Одесту-то суются, на хохловъ лѣзутъ! Мы бы ихъ и здѣсь проморозили!“ Получилъ я недавно отъ Ивана (прикащика) изъ Фатьянова письмо; оно отъ 8 мая, а 7-го скончался твой почтенный батюшка. По давно полученному письму отъ Васи *), я ждалъ уже эту грустную вѣсть, но получить и прочесть, что уже все кончено, было такъ больно, такъ тяжело. Я отъ него кромѣ добра во всю мою жизнь ничего не зналъ и искренно любилъ старичка со всѣми его особенностями. Уѣзжая въ послѣдній разъ изъ нашихъ краевъ, я не представлялъ себѣ, что не увижу его болѣе, надѣялся, что война къ осени потухнетъ, и я опять буду травить русаковъ. Но видно не судьба и въ этихъ надеждахъ. Прости, душа моя, и вѣрь, что столько у меня къ тебѣ дружбы, братской дружбы, что хотѣлъ бы безконечно съ тобою быть хотя въ мысляхъ. Но и тутъ препятствіе: началъ это письмо нѣсколько дней тому назадъ командиромъ первой Караб. роты, а окончилъ *дежурнымъ штабъ-офицеромъ Гурійскаго отряда;* у насъ 20 бат., пропасть милиціи, госпиталей, транспортовъ и еще болѣе *бумагъ*. Со вчерашняго дня начались мои подвиги на этомъ поприщѣ. Ты самъ отъявленный писака, знаешь, что̀ это за гиль. Нѣтъ писарей, нѣтъ нужныхъ

*) Мой братъ.

офицеровъ, но есть желаніе оправдать выборъ начальства, назначившаго меня и не по чину, и не по росту. Авось Богъ поможетъ! Вотъ еслибы ты-то былъ поближе, такъ бы и вцѣпился! Христосъ съ тобою, другъ мой.

Твой *И. Борисовъ.*

Кромѣ немногочисленныхъ поѣздокъ въ гости, мнѣ, особливо къ концу лѣта, приходилось хлопотать о ружейной охотѣ, которую я страстно любилъ всю жизнь. Но этимъ лѣтомъ хорошо поохотиться мнѣ не удалось, такъ какъ лягавому моему понтеру, названному въ честь англійскаго адмирала Непиромъ, еще не было году.

Провѣдавши какимъ-то образомъ о предстоящемъ днѣ рожденія милаго хозяина, офицеры нашего эскадрона втайнѣ приготовили къ этому дню празднество, заказавъ серебряный кубокъ у Сазикова въ Петербургѣ. Не смотря на привезенныхъ трубачей, дорогую закуску и шампанское, празднество было самое семейное, такъ какъ, не желая безпокоить хозяина, мы не пригласили никого изъ сторонніхъ. Не знаю, былъ ли нашъ сдержанный хозяинъ въ душѣ доволенъ нашимъ пребываніемъ, но я все-таки радуюсь, что мы хотя отчасти выразили ему нашу признательность.

Стояла тихая и ясная погода, но утренніе морозы давно указывали на осень. Однажды, когда мы были въ сборѣ въ нашемъ флигелѣ, часовъ въ десять утра, прискакалъ казакъ съ маяка и передалъ Василію Павловичу слѣдующую записку отъ маячнаго офицера.

„Сорокапушечный англійскій фрегатъ тихо входитъ въ рейдъ Балтійскаго Порта“.

Поднялась суматоха. Суматоха во время опасности есть слѣдствіе непривычки; но мнѣ кажется, что она истекаетъ изъ основной русской черты, съ которою намъ постоянно приходится считаться. Это та же черта, которая усаживаетъ или укладываетъ человѣка въ вагонѣ такъ, какъ будто другимъ мѣста не нужно, и при входѣ заставляетъ его не затворять за собою двери.

— А мнѣ, Василій Павловичъ, куда же со взводомъ? спросилъ я.

— Конечно, вамъ слѣдуетъ сѣдлать и, въ случаѣ надобности, отступать по шоссе къ Ревелю, а никакъ не къ Балтійскому Порту противъ фрегата.

Прискакавши въ третій взводъ, я велѣлъ сѣдлать и, приказавъ взводному дожидаться моего возвращенія, отправился на своемъ подъѣздкѣ вдоль высокаго, скалистаго берега къ Балтійскому Порту, куда съ моря дѣйствительно тихо надвигался громадный фрегатъ, выставлявшій ряды своихъ пушекъ. Василія Павловича я засталъ въ самомъ Балтійскомъ Портѣ на спускѣ къ гавани. Хотя до фрегата было болѣе двухъ верстъ, но можно было и невооруженными глазами ясно видѣть всѣ крупныя на немъ движенія и, оборотивши голову назадъ, я увидалъ, какъ двѣ шлюпки спустились съ корабля на море и потомъ, при равномѣрныхъ взмахахъ веселъ, стали направляться къ нашей гавани.

— Василій Павловичъ, спросилъ я, — вѣдь это, кажется, десантъ?

— Конечно, отвѣчалъ Василій Павловичъ.—А гдѣ же вашъ взводъ?

— Вы сами приказали оставить его у маяка засѣдланнымъ на случай отступленія.

— Помилуйте! болѣзненно отозвался Василій Павловичъ:— что же про насъ скажутъ, если мы уйдемъ, а они, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, явятся сюда хозяйничать? Скачите къ маяку и сію же минуту ведите сюда взводъ.

Могу съ извѣстною гордостью сказать, что ниразу не надорвалъ и не испортилъ ни одной лошади, чувствуя мѣру, дальше которой не слѣдуетъ напрягать ея силъ. Я зналъ, что со взводомъ мнѣ обратно скакать такъ сильно не придется и потому на эти полторы или двѣ версты пустилъ рѣзваго своего подъѣздка во всю прыть. По мѣрѣ удаленія отъ бухты, высокій берегъ все болѣе скрывалъ отъ меня происходящее на рейдѣ и, подскакивая къ кустарнику, окружавшему взводныя конюшни, я обрадовался, увидавъ шапки моихъ уланъ, старавшихся изъ кустовъ вглядѣться въ даль дороги.

— Къ конямъ! крикнулъ я, проносясь мимо первыхъ,—но къ ужасу услыхалъ слова: „кони разсѣдланы“.

— Кто приказалъ?

— Взводный вахмистръ.

Не желалъ бы я переживать снова минуту этого извѣстія. Мнѣ уже представлялось, что десантные штуцерные, быстро наступая на насъ, безнаказанно издали бьютъ нашихъ лошадей и людей, пока мы возимся съ сѣдланіемъ.

„Вотъ онѣ, подумалъ я, дешевыя отруби вмѣсто дорогаго овса! Это онѣ боятся простоять лишній часъ подъ вьюкомъ, а не боятся,—чуть было я не сказалъ, впадая въ ту же самую ошибку,—подвергать подчиненнаго позору,—вмѣсто того чтобы сказать: подвергать ввѣренную часть истребленію".

Когда наконецъ взводъ сѣлъ на коней, я повелъ его справа рядами мимо смотрѣвшаго на насъ въ упоръ фрегата къ Балтійскому Порту. Остановивъ людей въ нѣкоторомъ углубленіи, я проѣхалъ къ главной улицѣ, гдѣ у угловъ, ближайшихъ къ пристани, нашелъ спѣшившихся казаковъ, держащихъ винтовки наготовѣ. У самой пристани я увидалъ въ шлюпкахъ англійскихъ матросовъ съ засученными рукавами и съ голыми икрами. При этомъ видѣ, я долженъ признаться, потерялъ всякую сообразительность.

— Долго ли же мы будемъ на нихъ глядѣть? крикнулъ я казакамъ, забывая, что на одной изъ шлюпокъ колыхался бѣлый флагъ.

— Не позволяютъ, ваше в-діе, жалобно отозвался казакъ. У каждаго, говорятъ, по двое золотыхъ часовъ.

Почти на самомъ концѣ деревяннаго мола, четвероугольною рамою окружающаго гавань, я замѣтилъ англійскаго офицера въ форменномъ фракѣ съ золотыми пуговицами. Стоя саженяхъ въ пятнадцати отъ берега, онъ, очевидно, стѣснялся своимъ одиночествомъ и медленно, переступая съ ноги на ногу, приближался ко мнѣ, стоявшему на берегу ближе всѣхъ къ молу. Это былъ, какъ сообщили мнѣ наши младшіе офицеры, лейтенантъ фрегата, тогда какъ старшій офицеръ ушелъ съ Василіемъ Павловичемъ и Мейеромъ, единственно свободно владѣвшимъ англійскимъ языкомъ, въ домъ послѣдняго для какихъ-то переговоровъ. Дѣло, какъ я потомъ узналъ отъ Василія Павловича, было въ желаніи англичанъ запастись пѣсною водою; но, очевидно, такое требованіе было пустымъ предлогомъ, такъ какъ по другую сторону бухты на неболь-

шомъ обитаемомъ островѣ, безъ сомнѣнія, была прѣсная вода, запасаться которою мы никакимъ образомъ фрегату помѣшать не могли.

Стоящій противъ меня рыжеватый офицеръ, въ фуражкѣ съ кокардою, хотя и медленно, все приближался и, подойдя шаговъ на десять, уже взялся подъ козырекъ, на что̀ я отвѣчалъ ему тѣмъ-же. А затѣмъ, подойдя уже шага на два, онъ спросилъ по-англійски, насколько я понялъ, о здоровьи императора Николая. Я поблагодарилъ и отвѣчалъ вопросомъ о здоровьи королевы. Но на этомъ разговоръ нашъ кончился за невозможностью для меня вести его по-англійски, а для англичанина—на какомъ-либо другомъ языкѣ. Если я понималъ его вопросы, напримѣръ,—ловлю-ли я рыбу, то „à la ligne, à l'hameçon“ и „mit der Angel“—были для него одинаково непонятны.

Тѣмъ временемъ сидѣвшіе въ катерахъ, наполненныхъ огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, дюжіе матросы добрались къ самому берегу и вышли на него, отрѣзая насъ такимъ образомъ отъ нашихъ казаковъ. Но такъ какъ ихъ старшій былъ у насъ въ городѣ, то на подобную вольность не стоило обращать вниманія. Дюжіе моряки показались мнѣ почему-то шотландцами, но спросить объ этомъ я моего собесѣдника не умѣлъ. Однако, указывая на нихъ пальцемъ и глядя въ глаза лейтенанту, я вопросительно произнесъ:

— Вальтеръ-Скоттъ?

И мой собесѣдникъ догадался.

— Есъ, есъ, закивалъ онъ головою, ту паи, ту Вальтеръ-Скоттъ.

Считая себя, въ качествѣ поручика императорской гвардіи, старшимъ противъ королевскаго лейтенанта, я разрѣшилъ себѣ закурить папироску, причемъ счелъ за безвредную любезность предложить такую-же моему собесѣднику. Не успѣли мы докурить нашихъ пипиросокъ, какъ вернулся парламентеръ съ обѣщаніемъ Василія Павловича дать на завтрашній день положительный отвѣтъ. И я былъ очень радъ прервать успѣвшую мнѣ надоѣсть далеко не краснорѣчивую бесѣду.

Покуда я отводилъ взводъ на ночлегъ, къ начальнику ди-

визіи полетѣла летучка съ донесеніемъ о случившемся
просьбою инструкціи, а на другое утро уже на пустой к
менный фольваркъ подъ самымъ городомъ прибылъ на по
водахъ батальонъ гвардейской пѣхоты и конная баттарея,
приготовлена была шлюпка съ шестью казаками гребцам
на которой я долженъ былъ отвезти письменный отвѣтъ В
силія Павловича командиру фрегата, соотвѣтственно ожида
мому распоряженію начальника дивизіи. Рѣшено было м
оставаться при этомъ въ походной формѣ, т. е. въ вицъ-шап
и сюртукѣ. Во второмъ часу дня на шоссе показалась пы
и коляска начальника дивизіи пронеслась въ домъ Мейер
куда поспѣшилъ и Василій Павловичъ. Оказалось, что анг
чане были увѣрены, что бывшая крѣпость, совершенно з
росшая травою со временъ Екатерины, подобно всему п
бережью, — скрытно вооружена нами. Храбрясь на сл
вахъ, англичане тѣмъ не менѣе не рѣшались брать вод
Въ дѣйствительности-же мы могли только плохо мѣшать и
высадкѣ, защитить-же городъ, какъ выражался запуганны
Мейеръ, отъ окончательнаго разгромленія мы были не
силахъ.

Черезъ часъ начальникъ дивизіи поручилъ Василію Пав
вичу никого не посылать на фрегатъ съ отвѣтомъ, въ ко
ромъ нуждается непріятель, а не мы, а въ случаѣ ихъ з
проса отвѣчать, что мы воды не дадимъ. Составленный Мей
ромъ отвѣтъ былъ переданъ прибывшему въ пять часо
дня новому съ фрегата парламентеру, и, въ ожиданіи фак
ческаго разрѣшенія дѣла, всѣ наши небольшія силы распол
жились на ночлегъ бивуакомъ подъ самымъ городомъ. Меж
прочимъ и я ночевалъ на своей желѣзной кровати въ сад
подъ сильно покраснѣвшею отъ утреннихъ морозовъ ябл
нею. Слуга, принесшій мнѣ воды умыться и мою обычну
утреннюю кружку кофе, сообщилъ, что въ ночь фрегатъ снял
съ якоря и ушелъ невѣдомо куда, и всѣ наши сподвижни
собираются возвратиться на свои стоянки.

Между тѣмъ моя невинная папироска, предложенная анг
чанину, чудь не надѣлала мнѣ бѣды. Изъ Петербурга посл
довалъ вопросъ вслѣдствіе берлинской журнальной статьи
Bruderschaft's Pfeifchen (дружественной трубочкѣ), выкуре

ной гвардейскими офицерами съ англичанами. Какая, подумаешь, забота о безупречной чистотѣ нашего патріотическаго чувства! Какъ-бы то ни было, слѣдствіемъ этого небольшаго событія было переселеніе нашего эскадроннаго штаба, въ лицѣ Василія Павловича и моемъ, такъ какъ мы съ нимъ постоянно были неразлучны,—съ мызы Лецъ въ городъ Балтійскій Портъ, гдѣ намъ отведена была въ домѣ Мейера небольшая, но прекрасная квартира въ бельэтажѣ съ видомъ на рейдъ и на противоположный островъ.

Съ этимъ вмѣстѣ я снова поступилъ на должность домашней хозяйки, что при сожительствѣ съ такимъ невзыскательнымъ человѣкомъ, какъ Василій Павловичъ, было не особенно трудно. Каждое первое число я сводилъ мѣсячный расходъ и дѣлилъ его пополамъ. Но каковъ-бы ни оказался итогъ, т. е. падалъ-ли расходъ до двадцати пяти рублей, или возвышался до ста рублей на брата, отзывъ Василія Павловича былъ неизмѣненъ.

— Ахъ, А. А., только вы въ состояніи вести дѣла такъ экономически.

Василій Павловичъ былъ человѣкъ, не получившій большаго образованія, но далеко не глупый, добрый и не чуждый умственныхъ стремленій. Въ одиночествѣ безбрачной жизни онъ самоучкой мало по малу прошелъ всю математику до интеграловъ включительно, а также не чуждался историческихъ сочиненій. Юморъ его даже надъ самимъ собою былъ неистощимъ. До поступленія моего въ уланы я его не встрѣчалъ, хотя зналъ остальныхъ четырехъ его братьевъ М—ыхъ, съ которыми связывало меня хотя и отдаленное, но двойное родство. Справедливо замѣчаніе, что природа не повторяется; но справедливо и то, что она держится извѣстнаго типа, по которому вы съ перваго взгляда отличаете дубовый листъ отъ всякаго другаго. Въ пяти братьяхъ М—ыхъ невозможно было не признать самою основною и роковою чертою ихъ увлеченіе женщинами. Это увлеченіе съ полною силою передалось и въ слѣдующее поколѣніе. У Василія Павловича къ этому привзошла и страсть къ картамъ.

Нѣтъ ничего пріятнѣе проживанія денегъ, но зато нѣтъ ничего тяжелѣе наживанія ихъ не посредствомъ какого-ни-

будь удачнаго предпріятія, а микроскопическимъ ежеминут
нымъ воздержаніемъ. Представителями такихъ противополож
ныхъ пріемовъ являлись мы съ Василіемъ Павловичемъ, и он
иногда указывалъ на это, выставляя теорію идеала игрока
Игрокъ, по его мнѣнію, любитъ не барышническую наживу
а самую игру, трепетъ, который порою не имѣетъ себѣ рав
наго даже въ минуту рукопашной битвы. Играя собствен
ными чувствами, игрокъ стремится овладѣть и душою своег
противника, и поэтому въ его домѣ должно быть подъ ру
ками все могущее привлечь самые разнообразные вкусы
Тамъ должна быть молодость, красота, изящныя искусства
великолѣпный столъ и вина, и т. д.

— Вотъ вы, А. А., строите вашу жизнь на томъ, чтобы у
себя постоянно урѣзывать; но этимъ вы никогда не добьетес
большихъ средствъ. А вы, напротивъ, заведите большое ко
лесо и тогда увидите, что большія средства сами хлынут
на него и заставятъ его вертѣться.

Въ теоріи я не боялся такихъ правилъ, но на практикѣ он
нерѣдко доставались мнѣ солоно. Бывало, чуть послѣ двухъ
трехъ ночей, проведенныхъ Василіемъ Павловичемъ внѣ дома
услышу вкрадчивый голосъ: „а я, А. А., рѣшаюсь безпо
коить васъ", душа у меня такъ и замретъ: знаешь, что при
дется дать взаймы рублей восемьсотъ, т. е. все накопленно
съ большимъ трудомъ, и затѣмъ, получая по частямъ долгъ
переживать снова тѣ же нравственныя усилія.

Потому ли, что наша Балтишпортская жизнь выходила осо
бенно уединенною, или потому, что отдѣльное хозяйство тре
бовало большихъ заботъ, Василій Павловичъ сталъ чащ
отлучаться въ Ревель; а я, хотя и завѣдывалъ въ это врем
эскадрономъ, проѣзжалъ по старой памяти иногда къ ми
лымъ хозяевамъ въ Лецъ.

— Василій Павловичъ уѣхалъ въ Ревель? спросилъ мен
однажды Рамъ, — онъ вѣрно будетъ тамъ у генерала Кур
селя?

— Этого я вамъ сказать не умѣю;—городъ невеликъ,
встрѣча ихъ возможна. Но что вамъ угодно сказать?

— Ахъ, со вздохомъ отвѣчалъ Рамъ,—я вынужденъ гово
рить о человѣкѣ, составляющемъ тяжелый крестъ нашей фа

міи. Это нѣкто баронъ Кекскуль, мужъ сестры моей, состояніе которой онъ промоталъ, и котораго я стараюсь видѣть какъ можно рѣже. Но сегодня онъ обѣдаетъ у меня и собирается познакомиться съ вашимъ эскадрономъ, къ которому, какъ увѣряетъ, причисленъ волонтеромъ. Онъ просилъ меня замолвить слово Василію Павловичу, чтобы тотъ далъ ему для ѣзды фронтовую лошадь, на что онъ имѣетъ будто бы разрѣшеніе генерала Курселя. Да вотъ онъ, легокъ на поминѣ, и самъ. Не могу вамъ предсказать большаго удовольствія отъ этого знакомства.

Въ комнату, дѣйствительно, сильно стуча толстыми подошвами и звеня шпорами, вошелъ мужчина, на видъ лѣтъ пятидесяти пяти, съ сѣдыми усами, сливающимися съ такими-же бакенбардами. Войдя въ комнату, онъ снялъ съ головы надѣтый на бекрень гусарскій вицъ-киверъ безъ козырька. На немъ была синяя шерстяная блуза, подпоясанная гусарскою портупеей съ волочащеюся саблей; на той же портупеѣ болталось громадное огниво на цѣпочкѣ и красный кисетъ съ торчащимъ изъ него чубучкомъ. На правой рукѣ висѣла казачья нагайка. Тѣло его было кверху отъ пояса преувеличенно откинуто назадъ, что при небольшемъ ростѣ придавало ему комически задорный видъ.

— Честь имѣю рекомендоваться, сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку,—будущій вашъ товарищъ, изюмскій казакъ, Кекскуль. Я завтра явлюсь къ вамъ въ эскадронъ и, надѣюсь, вы меня примете по-братски.

Конечно, я по возможности старался быть любезнымъ и объявилъ, что мы завтра будемъ поджидать его въ Балтійскомъ Портѣ, куда сегодня вечеромъ я жду и эскадроннаго командира.

Хотя мы съ Василіемъ Павловичемъ обычно не употребляли крѣпкихъ напитковъ, тѣмъ не менѣе у насъ всегда была на всякій случай водка и вино; и на другой день намъ пришлось угощать ими новаго товарища, про котораго всѣ знали, что онъ выпить не дуракъ. По мѣрѣ учащавшихся рюмокъ хересу, языкъ старика становился развязнѣе, и мы въ скорости узнали главнѣйшія обстоятельства его жизни, которыми онъ только и гордился. Когда-то онъ бросилъ въ Курляндіи домъ

отца и опредѣлился въ Изюмскій гусарскій полкъ, едва-ли не въ тѣ времена, когда тотъ былъ еще казачьимъ. „Я казакъ“ — было любимымъ его восклицаніемъ, и въ пылу разсказа, въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ распахнулъ блузу и показалъ намъ на груди очертаніе пылающаго сердца и подъ нимъ крупную подпись синими пороховыми буквами: *изюмскій казакъ*.

Надо сказать, что тяжеловатое это посѣщеніе, кажется, и не повторялось, и я, быть можетъ, не упомянулъ бы объ этой личности, не будь она въ то время общеизвѣстной.

О самомъ Балтійскомъ Портѣ рѣшительно ничего сказать не умѣю. Не смотря на небольшую, главную улицу съ прекрасными на видъ каменными домами, городъ носилъ какой-то декоративный характеръ. Это было точно улица на картинѣ, на которой художникъ забылъ помѣстить людей, и, сколько на нее ни смотри, никогда не дождешься ни проѣзжаго, ни прохожаго. Исключеніе можно было видѣть только съ ранняго утра часовъ до десяти на гавани, куда въ эту пору съѣзжались лодки рыболововъ, наполненныя серебристою килькою ночнаго улова. Въ эти часы было изумительно видѣть то множество женщинъ, которыя съ ведрами прибѣгали за продажною рыбой, которую онѣ приготовляютъ съ пряностями и разсылаютъ по всей странѣ. Странно и характерно, что рыболовами оказываются не мѣстные жители, а крестьяне береговъ Ильменя, которые къ осеннему лову кильки въ лодкахъ своихъ отправляются внизъ по Волхову и Невѣ въ открытое море, даже, очевидно, не стѣсняясь иностранною блокадою береговъ.

Вмѣстѣ съ приливомъ по нашему побережью бумажныхъ денегъ, мелкая серебряная монета совершенно исчезла изъ обращенія. Но у военныхъ людей всюду бываютъ благодѣтели. Такимъ для насъ въ Ревелѣ былъ магазинъ торговца, коего фамиліи на вывѣскѣ предшествовала частица *фонъ*. Эта частица и гербы не рѣдкость въ нѣмецкихъ бюргерскихъ фамиліяхъ. Ловкій хозяинъ, при посѣщеніи магазина нашимъ братомъ, бралъ въ руки аспидную доску и, глядя посѣтителю мягко въ глаза, вопрошалъ:

— Чѣмъ прикажете служить, господинъ фонъ? и вслѣдъ

затѣмъ на доскѣ записывалось: говядина, табакъ, одеколонъ, персидскій коверъ, шпоры, эполеты, горчица и т. д.

Конечно, за всѣмъ этимъ разсылались мальчики въ надлежащіе магазины. Но вамъ подавался одинъ счетъ и надлежащая сдача съ крупной ассигнаціи болѣе мелкими бумажками и даже почтовыми марками.

Не берусь объяснить, почему въ тѣ времена я любилъ щеголять самою плотною и дорогою шелковою матеріей на халатѣ. Любезный Василій Павловичъ зналъ мою слабость и, вернувшись однажды изъ Ревеля, сталъ извиняться, что вмѣсто необходимыхъ десяти аршинъ матеріи, купилъ остатокъ въ восемь съ половиною, такъ какъ матерія очень плотна и прочна. Матерія дѣйствительно оказалась темновишневымъ репсомъ, завивающимся въ трубку. Конечно, не далѣе какъ черезъ полчаса передо мною предсталъ худенькій мѣстный художникъ-портной, который въ свою очередь пришелъ въ восторгъ отъ матеріи, хотя призналъ, что восьми съ половиною аршинъ слишкомъ мало для халата на ватѣ.

— Какъ же быть? воскликнулъ я.

— Тутъ надо штудировать, глубокомысленно и успокоительно отвѣчалъ художникъ. И дѣйствительно, когда онъ принесъ халатъ, я убѣдился въ его глубокомысліи: косой воротникъ былъ простеганъ такими узорами, подъ которыми невозможно было замѣтить, что весь онъ составленъ изъ микроскопическихъ обрѣзковъ.

Около этого времени старшій нашъ дивизіонеръ произведенъ былъ въ генералы и получилъ полкъ на западной границѣ. Офицеры нашего полка устроили торжественные проводы бывшему товарищу въ день его отъѣзда къ мѣсту новаго назначенія. За обѣдомъ въ Морскомъ клубѣ кромѣ нашихъ однополчанъ было нѣсколько генераловъ изъ штаба главнокомандующаго, такъ что присутствующихъ было человѣкъ пятьдесятъ, и при этомъ кругосвѣтной мадерѣ, дорогому рейнвейну и особенно Редереру была оказана должная честь. Мало по малу гости разъѣхались, и оставшіеся распорядители постановили нести на рукахъ виновника торжества черезъ городъ до петербургской гостинницы, гдѣ его ожидалъ экипажъ. Конечно, генералъ протестовалъ противъ подобной демонстра-

ціи, но „одинъ въ полѣ не воинъ“, — отворили двери клуба, пустили трубачей впередъ, подхватили генерала и понесли по улицамъ, на изумленіе скромнымъ обитателямъ города. Сходя вслѣдъ за другими по лѣстницѣ, я мимоходомъ спросилъ въ буфетѣ, сколько выпито шампанскаго,—и получилъ въ отвѣтъ: „семьдесятъ бутылокъ“.

Такъ процессія дошла до обширной столовой петербургской гостинницы. Но здѣсь въ самыхъ дверяхъ произошла небольшая задержка: навстрѣчу входившимъ уланамъ, поставившимъ на ноги генерала, выступили нѣсколько нашихъ товарищей по дивизіи драгунъ со словами:

— Господа, вы здѣсь въ гостяхъ у драгунъ, а потому просимъ васъ не лишать насъ удовольствія позаботиться о вашемъ угощеніи.

— Угощеніе должно быть общее, крикнулъ Василій Павловичъ, искавшій во всемъ примиренія.

— Общее, общее! громогласно подхватило лицо, принимавшее живѣйшее участіе въ угощеніи, помимо сопряженныхъ съ нимъ издержекъ.

Возгласъ встрѣченъ былъ искреннимъ смѣхомъ, и уланы вошли въ залу. Мы, очевидно, застали конецъ табльдота, за которымъ, какъ оказывалось, обѣдали нѣкоторые эстляндскіе дворяне, привезшіе сыновей для опредѣленія въ полки. Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ еще сидѣли за своимъ кофе, и громадная, ослѣпительной бѣлизны, голландская скатерть еще была не снята со стола. Если я не ошибаюсь, послѣ новыхъ бокаловъ и пожеланій, генералъ вырвался отъ бывшихъ товарищей къ ожидавшему его экипажу. Но откупориваніе шампанскаго все входило въ силу. Не потерявшій, повидимому, времени и въ Морскомъ клубѣ эксцентричный Кекскуль развернулся теперь во всю ширину своего казачества; онъ махалъ плетью, увѣрялъ, что его здѣшніе дворяне не признаютъ, потому что онъ курляндецъ, но ему наплевать на все, такъ какъ онъ казакъ; говорилъ, что полицейскій на публичномъ гуляньи требовалъ отъ него входнаго билета, но что онъ показалъ ему плеть и сказалъ: „вотъ мой билетъ“. Воодушевленіе его все росло среди общаго говора и шума; кажется, рѣчи его мало обращали на себя вниманіе,

› ходилъ уже ногами по столу и вертѣлся на каблу-
бѣлоснѣжной скатерти.
зенно говоря, мнѣ въ этотъ вечеръ самому пришлось
ть въ качествѣ улана и поэта. Между драгунами
ı брата Калеповскихъ, отца которыхъ я зналъ въ
кой губерніи. Это былъ добрый и толковый баринъ
ь временъ съ хорошимъ состояніемъ. Съ двумя его
ми, драгунскими офицерами, я познакомился уже въ
ьскомъ лагерѣ, гдѣ младшій пріучилъ свою верхо-
ıадь приходить въ баракъ за сахаромъ. Оба они были
ребята, но старшій кромѣ того былъ, что назы-
поэтъ въ душѣ. Хотя онъ никогда не читалъ мнѣ
стихотвореній, но зато видно было, что моя муза
пришлась ему по душѣ. Можно себѣ представить,
степени это чувство симпатіи разыгралось въ немъ
яніемъ первыхъ словъ драгунъ, принимавшихъ на
занность насъ угощать. Могучій юноша рѣшительно
ıкалъ меня изъ рукъ и постоянно цѣловалъ въ губы
губами.
пенька, пойми, люблю тебя, обожаю! — Ты видишь?
ими словами онъ всталъ на широкій подоконникъ
го окна, выходившаго на улицу.
ю, на трубные звуки, раздававшіеся изъ гостинницы,
ıомъ собралась толпа народа.
ъ, душенька, восклицалъ Калеповскій, — видишь,
ебя люблю! и съ этимъ вмѣстѣ онъ, развернувши
бумажникъ, началъ разметывать ассигнаціи въ рас-
ıкно.
ь, что произошло подъ окномъ, я и понынѣ не могу
ъ хладнокровно, и мнѣ стоило неимовѣрныхъ усилій
› отъ окна при посторонней помощи расходившагося

какъ послѣ этого эпизода мнѣ не пришлось уже
ься съ Калеповскимъ, передаю слышанное впослѣд-
дальнѣйшей его судьбѣ. По окончаніи войны онъ
въ отставку и поселился въ доставшемся ему отъ
красномъ имѣніи. У него была единственная сестра,
авшаяся въ Одессѣ; сестра эта вышла замужъ, но,

ставши матерью единственной дѣвочки, года черезъ три о
вѣла и по совѣту докторовъ должна была ѣхать въ Кры
Полное неустройство въ то время въ Крыму помѣщеній
больныхъ не дозволяло молодой женщинѣ взять съ со
ребенка. Калеповскій, обожавшій сестру, просилъ ее о
вить ему дѣвочку на лѣто, а самой ѣхать въ Крымъ. Коне
онъ всей душой привязался къ ребенку, которому такъ
вольно было играть въ прекрасномъ саду усадьбы подъ
смотромъ старой няни. Однимъ изъ любимыхъ мѣстъ дѣво
была скамья подъ развѣсистой липой на берегу пруда,
который съ берега выдвигался плотъ. Случилось, что
какъ-то отошла на минуту отъ игравшей на пескѣ дѣво
а та, воспользовавшись свободой, взбѣжала на плотъ, о
пилась и утонула. Прибѣжавшая няня, конечно, сперва
силась съ воплями искать ее по-саду, и только позд
открыта была истина. Калеповскій не перенесъ этого:
застрѣлился.

Между тѣмъ зима приближалась; иностранная эскадра
кинула Балтійское море, и войскамъ предстояло передвига
во внутрь страны. Главнокомандующій Бергъ (не упом
былъ ли онъ въ то время уже графомъ) неожиданно по
бовалъ меня къ себѣ въ Ревель и убѣдившись, что я гов
по-нѣмецки, сказалъ мнѣ: „на дняхъ вы получите форма
ное предписаніе. Полковой штабъ вашъ назначенъ въ
родѣ Валкѣ, но за Дерптомъ, по рижской дорогѣ, жив
мой братъ помѣщикъ. У нихъ въ нынѣшнемъ году на ко
очень мало скота, и вы можете воспользоваться превос
ными ихъ скотными дворами для размѣщенія кавалерійск
взводовъ".

Конечно, я воспользовался практическимъ совѣтомъ г
нокомандующаго и нашелъ въ его братѣ чрезвычайно
безнаго и толковаго помощника. Ему было лѣтъ шестьдес
отъ роду, но женатъ онъ былъ на красавицѣ лѣтъ тридца
которая подарила его тремя прелестными дѣтьми.

— Вотъ, говорилъ онъ мнѣ, берите примѣръ съ меня:
ловѣкъ не долженъ жениться ранѣе пятидесяти лѣтъ.

И въ этомъ полушутливомъ заявленіи просвѣчивало
вольство человѣка вполнѣ заслуженнымъ, по его мнѣн

успѣхомъ. Два мальчика, между семью и одиннадцатью лѣтами отъ роду, напоминавшіе красавицу мать, жались къ отцу, сидѣвшему противъ пылавшаго камина, и по временамъ то тотъ, то другой, по приглашенію отца, бралъ изъ корзины нѣсколько еловыхъ шишекъ и подбрасывалъ въ веселое пламя.

Послѣ вечерняго чая, сопровождаемаго, по тамошнему обычаю, холодною закускою, мнѣ указали удобный ночлегъ во флигелѣ; а на другой день, когда хозяинъ на парной линейкѣ повезъ меня по хуторамъ, чтобы убѣдить въ пригодности послѣднихъ для помѣщенія взводовъ,—я едва могъ отговорить его отъ объѣзда всѣхъ ихъ, на что потребовалось-бы, безъ всякой пользы дѣлу, протрястись по мерзлой дорогѣ больше половины дня.

Простившись съ любезными хозяевами, снабдившими меня дальнѣйшими совѣтами и рекомендаціями, и осмотрѣвши мѣста прочихъ эскадронныхъ помѣщеній, я отправился въ городъ Валкъ, чтобы устроить тамъ полковую квартиру со всѣми къ тому потребными помѣщеніями, начиная съ караульнаго. Вечеромъ по пріѣздѣ въ городъ я велѣлъ себя отвезти въ единственную гостинницу для пріѣзжихъ, и мнѣ для ночлега указали небольшую, но весьма чистую и удобную комнату. Поутру, не успѣлъ я напиться кофе, какъ появился бургомистръ въ мундирѣ и въ треугольной шляпѣ, а вслѣдъ за нимъ и другіе чины города. Я обѣщалъ бургомистру сейчасъ же побывать у него и просилъ указать мнѣ послѣдовательно всѣ городскія помѣщенія подъ штабъ полка, начиная съ квартиры полковаго командира.

Когда часа черезъ два я прибылъ во дворъ бургомистра, меня поразила расхаживавшая по крышѣ конуры, напоминавшей собачью, громаднаго роста кошка. Мнѣ случалось видать громадныхъ сибирскихъ кошекъ въ мясныхъ лавкахъ, но эта была длиною болѣе аршина, и кромѣ того на концахъ ея ушей волосы сбирались въ видѣ кисточекъ.

— Откуда у васъ такая громадная кошка? спросилъ я бургомистра.

— Это у меня рысь, отвѣчалъ бургомистръ;—она живетъ у меня уже лѣтъ семь.

Утомившись порядочно, я вернулся въ гостинницу, содержимую, какъ оказалось, вдовою, и потребовалъ обѣдать. Обѣдъ состоялъ изъ супа и жаренаго, весьма сносныхъ, и стоилъ тридцать копѣекъ. Убирая со стола, слуга мой передалъ мнѣ, что сегодня въ столовой комнатѣ гостинницы, по случаю субботы, клубъ. Конечно, это обстоятельство заставило меня еще болѣе держаться своей комнаты, такъ какъ я никого не зналъ изъ посѣтителей клуба, и потому выпросилъ у хозяйки какую-то книгу. Но судьба оказалась ко мнѣ весьма благосклонна въ этотъ вечеръ. Убирая вещи, слуга доложилъ мнѣ: „Кронидъ Александровичъ пріѣхали“.

Выше мы упоминали о поручикѣ, которому по жребію довелось уѣхать за Дунай въ дѣйствующую армію, въ настоящее время возвращающуюся изъ Турціи.

— Гдѣ же онъ?

— Да они здѣсь въ номерѣ, рядомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ вошелъ новопріѣзжій Панаевъ.

— Какъ вы сюда? спросилъ я его.

— Да я добился маршрута и увидалъ, что послѣ завтра полкъ долженъ вступить сюда, и поэтому не сталъ нагонять его на походѣ.

— Сердечно радъ нежданной встрѣчѣ. Поразскажите о томъ, чему были свидѣтелемъ. А тѣмъ временемъ чѣмъ прикажете васъ угощать?

— Да чѣмъ угощать? До вина я не охотникъ, зато, какъ вамъ извѣстно, большой любитель чаю.

— Отлично,— сказалъ я и вышелъ изъ номера, чтобы отдать соотвѣтственныя приказанія.

— У насъ чаю ни соринки нѣтъ, отвѣчалъ слуга.

— Какъ же быть? заторопился я. Сбѣгай въ лавочку и купи хоть четверть фунта для пробы.

Минутъ черезъ пять слуга принесъ въ комнату подносъ съ двумя стаканами, и я, послѣдовавши за нимъ въ корридоръ, спросилъ: „купилъ?“

— Купилъ.

— Что стоитъ?

— Четверть фунта четвертакъ.

Эта неслыханная дешевизна дала мнѣ поводъ къ ребячеству, о которомъ и теперь вспоминаю не безъ улыбки.

— Какъ я радъ, добрѣйшій Кронидъ Александровичъ, сказалъ я, возвращаясь въ номеръ, что у меня какъ нарочно къ пріѣзду такого знатока, какъ вы, вышелъ обыкновенный расхожій чай и уцѣлѣлъ только остатокъ высокаго и столь дорогаго, что даже совѣстно говорить.

Когда я положилъ двѣ ложки драгоцѣннаго чаю и обдалъ его изъ самовара, въ стаканъ полилась совершенно черная струя, которую пришлось разбавлять водою. Настой отзывался чаемъ, и сбитый съ толку моею баснею знатокъ призналъ высокое достоинство чая. Видно было, что онъ отводитъ душу надъ драгоцѣннымъ напиткомъ, который доставлялъ мнѣ не меньше удовольствія.

Перебросившись взаимными вѣстями, мы улеглись спать довольно рано, тогда какъ въ залѣ между тѣмъ продолжался клубный вечеръ. Засѣданіе ихъ, сопряженное съ небольшими пріуготовленіями, происходило почти безъ шума. Къ данному часу хозяйка раскрывала два, три ломберныхъ стола и доставала изъ нихъ дешевые журналы, шашки и игранныя карты, а на столы ставилось по парѣ свѣчей. Желающіе получали пиво и вино, читали, курили, играли, разговаривали до двѣнадцати часовъ, а затѣмъ мирно расходились по домамъ. Журналы, шахматныя доски и карты прятались непримѣтно въ сдвинутые ломберные столы, и клубъ безслѣдно исчезалъ до слѣдующей субботы.

На другое утро я узналъ отъ слуги, что въ гостинницѣ ночевалъ помѣщикъ Бергъ, у котораго мы провели двѣ ночи. Проворный старичекъ вошелъ ко мнѣ въ комнату въ ту минуту, какъ я только-что окончилъ бритье. Услыхавши отъ меня, что я брѣюсь, умываюсь, мѣняю бѣлье и одѣваюсь въ полную парадную форму со всѣми шнурами въ пять минутъ, онъ пришелъ въ большое волненіе. Видно было, что гладкое бритье онъ, по причинѣ молодой красавицы-жены, очень близко принималъ къ сердцу. Снабжая меня весьма практическимъ наставленіемъ, онъ сопроводилъ его и теоретическимъ объясненіемъ.

— Когда вы кончили бриться, говорилъ онъ,— не доволь-

ствуйтесь тщательнымъ вытираніемъ бритвы полотенцемъ. Вы никакъ при этомъ не сотрете легкихъ остатковъ влаги съ боковъ, образующихъ остріе, и эта влага, превращаясь въ незамѣтную ржавчину, тупитъ вашу прекрасную бритву. Кончивъ операцію, проведите раза два внимательно бритву по ремню, и она на слѣдующій разъ будетъ снова безукоризненно служить вамъ.

Позднѣе я убѣдился въ практичности этого совѣта.

Не имѣя никого изъ военныхъ нижнихъ чиновъ въ своемъ распоряженіи, я поневолѣ долженъ былъ отправить навстрѣчу подходящему штабу свое донесеніе насчетъ заготовленныхъ помѣщеній съ нарочнымъ гражданскаго вѣдомства. Когда чухонецъ доставилъ въ штабъ мой конвертъ, одинъ изъ полковыхъ остряковъ воскликнулъ: „вотъ и *эстафетъ* прислалъ!“

По прибытіи штаба полка въ Валкъ, мнѣ еще довольно долгое время пришлось завѣдывать караульною командою, разбирать взаимныя претензіи обывателей съ солдатами и заботиться о продовольствіи послѣднихъ изъ котла.

Случай свелъ меня въ третій разъ въ жизни съ отставнымъ маіоромъ Прейрой, съ которымъ я былъ школьнымъ товарищемъ въ Верро, а затѣмъ встрѣчалъ, какъ адъютанта кирасирскаго корпуснаго командира барона Оффберга. Узнавши, что я завѣдую караульной командой, старый товарищъ настоялъ, чтобы я посѣтилъ его одинокаго въ наслѣдственномъ его имѣніи, отстоящемъ отъ города Валка верстахъ въ десяти, а затѣмъ убѣдилъ меня, что мы можемъ оказать взаимное одолженіе—онъ продавая, а я покупая у него продовольственные запасы.

— О говядинѣ не безпокойся, говорилъ, все еще не забывшій школьныхъ проказъ, Прейра.—Пойдемъ, я тебѣ покажу на винокурнѣ своихъ воловъ. Разочти и, какъ ты прикажешь, раза два въ мѣсяцъ я буду сажать вола на сани и присылать его къ тебѣ живьемъ.

Такимъ же порядкомъ получалъ я картофель и кислую капусту. Вслѣдствіе всего этого, мнѣ не разъ приходилось бывать у стараго товарища въ хорошо знакомой мнѣ съ отрочества усадьбѣ и домѣ, въ которомъ, за смертью стариковъ,

бравшихъ меня когда-то гостить на каникулы, почти ничто не измѣнилось. Никогда никакая давно знакомая усадьба не производила на меня такого страннаго впечатлѣнія.

Возвращаясь въ родимое гнѣздо, весьма часто испытываешь то же, что при видѣ знакомаго щенка, превратившагося незамѣтно въ старую собаку, или садъ, который на нашихъ глазахъ оборвало бурею и засыпало снѣгомъ. Человѣкъ, живущій изо дня въ день, слишкомъ сильно ощущаетъ постепенное давленіе жизни, для того чтобы изумиться, увидавши въ зеркалѣ себя вмѣсто ребенка взрослымъ. Но тамъ, гдѣ черезъ двадцать лѣтъ внезапно вступаешь въ ту же неизмѣнную обстановку, испытываешь то, что Тютчевъ такъ образно говоритъ о своей родинѣ:

...«гдѣ теперь туманными очами,
При свѣтѣ вечерѣющаго дня,
Мой дѣтскій возрастъ смотритъ на меня»...

По случаю глубокихъ снѣговъ, мы всѣ ѣздили на одиночкахъ, и мой кучеръ Иванъ съ особеннымъ увлеченіемъ возилъ меня взадъ и впередъ къ моему пріятелю на одномъ изъ нашихъ рыжихъ, дѣйствительно замѣчательно рѣзвомъ. Когда рыжій, выбравшись на гладкую дорогу, пускался во весь махъ, Иванъ приходилъ мало-по-малу въ изступленіе, стараясь наѣзднически придавать ходу лошади, переходившей наконецъ вскачь.

— Да помилуйте, скажите! восклицалъ онъ, какъ будто бы я былъ съ нимъ несогласенъ, тогда какъ я по временамъ только сдерживалъ его безпощадное муштрованіе несчастной лошади.—Да помилуйте, скажите! продолжалъ онъ съ возрастающимъ восторгомъ.—Наши господа офицеры охотятся теперь вперегонки по городу, а гдѣ же имъ теперь супротивъ нашего рыжаго?

Однажды, въ отсутствіе полковаго командира, одинъ изъ товарищей, зашедши ко мнѣ, заявилъ, что офицеры думаютъ устроить между собою бѣгъ на призъ, для чего просятъ желающихъ принять участіе въ этой забавѣ подписать десять рублей для пріобрѣтенія приза.

— Вотъ бы вы на своемъ рыжемъ, сказалъ товарищъ.

— Я, господа, не прочь принять участіе въ вашей затѣѣ, сказалъ я, но мой рыжій страшно затянутъ на возжахъ моимъ дуракомъ, и ѣхать на немъ можетъ только самъ Иванъ, а я не берусь.

— Ну, этого общество не дозволитъ, такъ какъ состязаться и ѣхать будутъ офицеры, и допустить между ними кучера невозможно.

— Я, господа, отвѣчалъ я, ничего не предлагаю, а только объясняю. Если-бы состязаніе происходило между господами офицерами въ какомъ-либо тѣлесномъ искусствѣ, хотя бы въ верховой ѣздѣ, то, конечно, никто не имѣлъ бы права подставлять лицо изъ другой сферы. Но тутъ вопросъ состоитъ въ томъ, чья упряжная рѣзвѣе, и я полагаю, что возбужденіе такого вопроса не можетъ быть сочтено обиднымъ со стороны учредителей.

На другой день съ хохотомъ разрѣшено было ѣхать Ивану на рыжемъ, что придавало самой затѣѣ извѣстную пикантность. Гордости и чванству Ивана не было предѣловъ.

Такъ какъ расчищать и устраивать бѣгъ съ протяженіемъ въ версту было бы слишкомъ хлопотливо и дорого, для состязанія выбрана была самая лучшая и накатанная дорога въ городъ, благо по ней стояли уже несомнѣнныя, казенныя версты. На площади отъ столба, долженствовавшаго быть флаговымъ, отмѣрены были назадъ пять граней по десяти саженъ, на которыхъ послѣдовательно и были поставлены пять вѣхъ, а отъ предшествующаго верстоваго столба назадъ— еще пять вѣхъ въ томъ же порядкѣ.

Командующій полкомъ любезно принялъ на себя роль судьи и вмѣстѣ съ солдатикомъ, вооруженнымъ большимъ колокольчикомъ отъ дуги, остановился около третьяго флага, чтобы имѣть возможность безошибочно замѣтить первую лошадь, дошедшую до соотвѣтственнаго ея мѣсту флага, и дать тотчасъ же знакъ звонить. Пришлось мнѣ за моего Ивана запустить руку въ фуражку, предлагаемую командующимъ полкомъ для вынутія очередныхъ жребіевъ. Не безъ сердечнаго волненія передавалъ я Ивану его третій номеръ съ точнымъ объясненіемъ его мѣста втораго за первымъ полевымъ столбомъ и не могъ не прибавить: „ты только ничего не вы-

думывай и лошадь понапрасну не бей, а то проскачешь болѣе двухъ разъ, и всѣ твои труды пропадутъ".

— Помилуйте, скажите! съ гордымъ тономъ отвѣчалъ Иванъ, такъ что я махнулъ рукою и пошелъ прочь не безъ нѣкотораго фатальнаго предчувствія. Наконецъ, соискатели приза, состоявшаго изъ прекраснаго ковра, разстановились по надлежащимъ мѣстамъ, и махальные подали знакъ къ началу бѣга. Конечно, все вниманіе мое было обращено на Ивана съ его рыжимъ. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ уже два раза проскакалъ, и стоило ему погорячиться въ третій разъ и пришлось бы съѣхать на сторону. Но рыжій какъ будто успокоился и приближался къ своему по счету третьему отъ конечнаго столба значку, у котораго стоялъ между прочимъ и я. Вотъ прошли двое переднихъ саней, и показалось стоймя вдохновенное рыжее и рябое лицо Ивана. Будь онъ на парѣ или четверкѣ, то по одушевленію и цвѣту кудрей можно бы его счесть за Аполлона.

— Звони! побѣдоносно крикнулъ онъ, поравнявшись дугою съ полковникомъ. Звонокъ раздался въ ту минуту, когда сани Ивана были уже противъ столба.

Въ ту же секунду и первая лошадь поручика Бл—рева дошла до столба, и, учуявъ бѣду, я пустился бѣгомъ за тридцать саженъ впередъ къ столбу, гдѣ, запыхавшись, заставъ неимовѣрную кутерьму. Конечно, Бл—ревъ, услыхавшій звонокъ въ секунду своего прибытія къ флагу, былъ убѣжденъ въ побѣдѣ своей лошади и не зналъ обстоятельства, что Иванъ пришелъ раньше его на цѣлую лошадь. Тѣмъ не менѣе Иванъ, увѣренный въ своей правотѣ, ревѣлъ, какъ разъяренный быкъ:

— Давай сюда коверъ! Накрывай моего рыжаго!

Такъ какъ въ состязаніе вмѣшалось лицо, способное на самую наивную неблагопристойность, я, во избѣжаніе послѣдней, повелительно крикнулъ въ свою очередь:

— Иванъ, отдай коверъ и поѣзжай домой!

Покуда полковникъ-судья подъѣхалъ къ мѣсту распри, Бл—ревская вороная была уже покрыта призовымъ ковромъ, и полковникъ не захотѣлъ перелаживать само собою уладившагося дѣла. Зато Иванъ уѣхалъ съ восклицаніями: „Господи! что же это такое? Это грабежъ среди бѣлаго дня!" И

хотя на другой день я отъ себя келейнымъ образомъ вознаградилъ Ивана, какъ настоящаго побѣдителя, послѣдній все не могъ утѣшиться.

Но командующему полкомъ пришлось въ отсутствіе полковаго командира разбирать не одно такое мирное дѣло, какъ бѣгъ офицерскихъ упряжныхъ. Случилось обстоятельство, о которомъ даже по прошествіи столькихъ лѣтъ вспоминать непріятно.

Въ полку былъ небогатый корнетъ, австріецъ по происхожденію.

Въ моемъ воспоминаніи безъ особой связи одного представленія съ другимъ сохранилась очень большая зала съ одной стороны, и прекрасная билліардная съ другой стороны, въ которой я самъ былъ раза два, и хотя зналъ, что она составляетъ часть гостинницы, но едва-ли пользовался въ ней чѣмъ-либо, кромѣ нѣсколькихъ сыгранныхъ партій на билліардѣ.

Въ одно прекрасное или, лучше сказать, весьма скверное утро зашедшій товарищъ сообщилъ мнѣ, что игравшій на билліардѣ корнетъ австріецъ, толкнувъ нечаянно кіемъ штатскаго, не извинился; поднялась перебранка, кончившаяся тѣмъ, что корнетъ переломилъ кій на спинѣ штатскаго, который ударилъ его въ лицо. Въ данную минуту корнетъ былъ арестованъ на своей квартирѣ, а прошеніе его о переводѣ въ армію уже отправлено было по командѣ, и самъ онъ считался выбывшимъ изъ полка.

Признаюсь, я сильно встосковался по моемъ миломъ Василіи Павловичѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда полковаго командира въ штабъ полка, чтобы отпроситься въ свой эскадронъ, расположенный по Дерптско-Рижской дорогѣ, верстахъ въ двухъ вправо отъ второй отъ Дерпта почтовой станціи,—на мызѣ Аякаръ, принадлежавшей барону Энгардту.

Слугу и Ивана съ лошадьми и вещами я отправилъ впередъ въ эскадронъ, гдѣ все время находились мои верховыя лошади, а затѣмъ и самъ черезъ Дерптъ отправился къ мѣсту стоянки.

Василія Павловича я засталъ въ отдѣльномъ флигелѣ, въ которомъ онъ занималъ просторную комнату, служившую

переднею и вмѣстѣ кухнею, и затѣмъ двѣ прекрасныхъ комнаты рядомъ, изъ которыхъ одну онъ уступилъ мнѣ.

Помѣщеніе наше занимало только одну сторону флигеля; другую же, обращенную къ главному дому и состоявшую изъ небольшихъ двухъ комнатъ, занималъ братъ нашего хозяина, отставной гусарскій поручикъ. Комната его была увѣшана старой гусарской амуниціей. Никогда онъ не хвасталъ своимъ былымъ гусарствомъ и вообще, не смотря на свои сорокъ пять лѣтъ, никогда не говорилъ о прежней своей жизни. Слышно было, что онъ былъ мастеръ, какъ говорится, выпить и закусить, и можно было догадываться, что во время гусарства онъ спустилъ, что имѣлъ, до нитки и наконецъ нашелъ тихое пристанище во флигелѣ своего брата. Такъ какъ этотъ въ сущности добродушный человѣкъ, при общечеловѣческомъ желаніи выдвинуть впередъ свою личность, по обстоятельствамъ не могъ прикасаться ни къ чему своему, то всѣмъ существомъ превратился въ хвалителя своего брата. Словами, оттѣнками голоса, подмигиваніями, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ подчеркивалъ распорядительность, смѣтку, удаль, значеніе брата въ дворянскомъ кругу, красоту и любезность его жены и т. д.

Въ самый день моего пріѣзда, хозяинъ баронъ Энгардтъ пришелъ во флигель познакомиться со мною. Онъ сообщилъ, что ожидаетъ на завтрашній день пріѣзда жены изъ Дерпта, гдѣ она провела нѣкоторое время подъ наблюденіемъ доктора, и что не далѣе какъ послѣ-завтра онъ проситъ насъ познакомиться съ его женою, которая будетъ очень рада не оставаться послѣ городской жизни въ совершенномъ уединеніи.

На другое утро была порядочная мятель, и мы поневолѣ интересовались пріѣздомъ хозяйки въ такую погоду. Изъ нашихъ оконъ видны были конюшни и пролегающая мимо ихъ дорога въ усадьбу. Часовъ въ двѣнадцать дня къ конюшнямъ подскакалъ верховой на пристяжной. Оказалось, что это былъ лакей баронессы съ извѣстіемъ, что большой возокъ въ одномъ лѣсномъ сугробѣ завязъ. Можно было полюбоваться спѣшностью, съ какою въ нѣсколько минутъ человѣка четыре рабочихъ, надѣвши сбруи на лошадей и запасшись веревками и лопатами, поскакали изъ усадьбы. Не прошло и

часу, какъ въ дымкѣ мятели на дорогѣ показалось темное пятно, и черезъ нѣсколько минутъ огромный возокъ пятерикомъ прокатилъ мимо насъ къ главному подъѣзду дома

На другой день около полудня мы отправились въ домъ подъ покровительствомъ эксъ-гусара и были представлены дѣйствительно прекрасной и любезной хозяйкѣ. Это была роскошная свѣтлорусая женщина съ прекрасными голубыми глазами и съ необыкновенно нѣжною бѣлизною молодаго и здороваго лица. Она въ видѣ личнаго одолженія съ нашей стороны просила насъ приходить ежедневно въ два часа къ обѣду. Конечно, гусаръ не упустилъ случая сказать намъ, что его невѣстка прекрасно поетъ и, уступая нашимъ настоятельнымъ просьбамъ, баронесса спѣла нѣсколько нѣмецкихъ и даже русскихъ романсовъ. Затѣмъ, когда баронъ, вернувшійся съ хозяйственной прогулки, сталъ намъ разсказывать о рыбной ловлѣ, доставляющей ему значительный доходъ, баронесса встала изъ за рояля и прошла въ гостиную. Сѣрые глазки эксъ гусара маслянисто засверкали, и, наклонясь ко мнѣ, онъ шепнулъ по-нѣмецки (по-русски онъ говорилъ довольно плохо): „она сейчасъ будетъ; она все это умѣетъ дѣлать незамѣтно. Отъ доктора она изъ Дерпта привезла ребенка, и вотъ теперь пошла его покормить и затѣмъ будетъ пѣть какъ ни въ чемъ не бывало. О, это такая!“ Гусаръ не нашелъ въ своемъ лексиконѣ подходящаго существительнаго и замѣнилъ его злодѣйскимъ взглядомъ въ бокъ и крученіемъ длиннаго рыжеватаго уса съ мелькающею въ немъ сѣдиною.

Независимо отъ любезныхъ хозяевъ, коихъ обществомъ мы съ этихъ поръ ежедневно пользовались, я съ особеннымъ удовольствіемъ добрался до уединеннаго походнаго сожительства съ Василіемъ Павловичемъ. Не знаю какъ для кого, но для меня это былъ человѣкъ, коему хотя поздній, но самостоятельный, умственный трудъ сообщилъ значительную зрѣлость. Даже въ дружеской бесѣдѣ Василій Павловичъ лично никогда не жаловался на судьбу. Жаловаться значитъ обвинять кого-либо, а тамъ, гдѣ начинается убѣжденіе въ неизбѣжной послѣдовательности явленій, кончается и обвиненіе. Но люди, натерпѣвшіеся нужды, не прочь указывать на предпочтеніе,

съ какимъ удача выбираетъ своихъ тріумфаторовъ, преимущественно между посредственностями. Не смотря на свою страстную натуру, беззавѣтно отдававшуюся картамъ и женщинамъ, нельзя было по наружности быть скромнѣе и сдержаннѣе Василія Павловича. Надо было хорошо его узнать, чтобы убѣдиться въ характеристическомъ у него обратномъ отношеніи видимой сдержанности и стыдливости къ внутреннему беззавѣтному увлеченію, принимающему съ глубочайшею искренностью то, что другіе считаютъ минутною прихотью и пустяками.

Конечно, при переходѣ полка въ окрестности Дерпта на зимнія квартиры, даже при невозможности долговременныхъ отлучекъ со служебнаго поста, небольшой, но вполнѣ европейскій городъ этотъ своими разнообразными кругами, балами въ Дворянскомъ Собраніи, знаменитой кондитерской Люксингера и прекраснымъ клубомъ Черноголовыхъ (Schwarzhäupter),—поневолѣ сталъ сборнымъ пунктомъ военной молодежи.

III.

Дерптъ.—Астрономъ Медлеръ.—Охота на пучки.—Переписка съ Тургеневымъ по поводу новаго изданія моихъ стихотвореній. — Поѣздка въ Петербургъ.—Знакомство съ гр. Л. Н. Толстымъ.—Его первыя столкновенія съ Тургеневымъ. — Князь Вл. Ѳ. Одоевскій. — Полковой праздникъ.—Кончина императора Николая Павловича.

Во время первыхъ посѣщеній Дерпта едва ли не всѣ офицеры познакомились съ двумя дѣвицами полусвѣта: брюнеткою Мальвиной и блондинкою Розаліей. Обѣ онѣ не прочь были похохотать, покататься на офицерской тройкѣ и выпить бокалъ, а не то и стаканъ шампанскаго. Если нравственное совершенство, какъ старается увѣрить большая часть романистовъ, состоитъ въ беззавѣтномъ увлеченіи минутой, и если красивое и пріятное и есть въ жизни должное, то Мальвина и Розалія жили вполнѣ согласно наставленію, даваемому Гораціемъ Левконоѣ:

«Пей, очищай вино и умѣряй мечты...
Пока мы говоримъ, уходитъ время злое:
Лови текущій день, не вѣря въ остальное».

Ни та, ни другая не были красавицами, но обѣ безспорно могли нравиться, особливо если прибавить къ этому, что онѣ, при извѣстной элегантной обстановкѣ и свободѣ въ обращеніи, далеки были по природѣ отъ всякаго корыстолюбія. Можно и должно упрекать ихъ въ томъ, что онѣ, очевидно, не задумывались надъ послѣдствіями своихъ минутныхъ увлеченій. Но мало ли людей на свѣтѣ и даже семейныхъ, заслуживающихъ въ одинаковой мѣрѣ, если не болѣе, подобные упреки? Въ то время, какъ обѣ сестры еще жили вмѣстѣ

Розалія постоянно бывала въ разноцвѣтныхъ платьяхъ и всѣмъ существомъ производила впечатлѣніе красивой безсодержательной куклы; тогда какъ старшая ея сестра, брюнетка Мальвина, могла бы служить типомъ страстной и кокетливой натуры. Нѣсколько худощавая и замѣчательно стройная, съ пышными черными волосами, глазами и рѣсницами. она неизмѣнно была въ черномъ шелковомъ платьѣ съ высокимъ воротомъ, причемъ единственнымъ украшеніемъ служила золотая брошка и дамскіе часы на небольшой золотой цѣпочкѣ. Она любила духи, и отъ нея всегда сильно отдавало фіалкой.

Конечно, при своихъ поѣздкахъ въ Дерптъ, Василій Павловичъ познакомился съ этими сестрами, и то, что для другихъ было забавой, стало для него роковымъ событіемъ. Хотя я нѣсколько разъ встрѣчалъ въ Дерптѣ Розалію, дозволившую одному эскадронному командиру увезти себя въ деревню, но объ ней, какъ не представляющей особеннаго интереса, говорить болѣе не буду. О Мальвинѣ же я вынужденъ говорить по случаю ея роковаго вліянія на Василія Павловича. Конечно, во все время нашей стоянки въ Аякарѣ у Энгардтовъ, я не имѣлъ случая видѣть Василія Павловича вмѣстѣ съ Мальвиной, такъ какъ она не могла появляться въ усадьбѣ баронессы, а я не только не захотѣлъ бы въ присутствіи Василія Павловича явиться на ихъ дерптскую квартиру, но не позволялъ себѣ даже упоминать объ этихъ отношеніяхъ.

Стараясь хоть сколько-нибудь понять происходившее у меня на глазахъ, но не желая возвращаться къ характеристикѣ Мальвины, дозволю себѣ небольшой анахронизмъ и скажу нѣсколько словъ о времени вполнѣ независимаго пребыванія нашего слѣдующею весной подъ Ревелемъ, въ пустой усадьбѣ одного графа, котораго фамиліи не упомню. Туда, въ довольно просторный, занимаемый офицерами эскадрона домъ, Мальвина появлялась, по выраженію Некрасова, „хозяйкой полною“.

Конечно, человѣкъ, подъ властью роковаго увлеченія, подобно Василію Павловичу, не могъ ничего замѣтить въ ровномъ и нѣсколько скучающемъ поведеніи Мальвины въ его

присутствіи. Она очень ловко разливала намъ чай, кофе и супъ, а въ остальное время, съ великолѣпно подобраннымъ каскадомъ черныхъ волосъ на макушкѣ головы, сидѣла въ креслѣ у окна за шитьемъ, напѣвая вполголоса легкіе мотивы, или читала англійскій романъ въ нѣмецкомъ переводѣ. По-русски Мальвина говорила довольно понятно, но съ сильнымъ акцентомъ, почему, вѣроятно, Василій Павловичъ говорилъ съ нею всегда по-нѣмецки. Она, очевидно, нимало не стѣснялась лихорадочной перемѣнчивостью своихъ сужденій. То, напримѣръ, говорила, что подобный лѣтній вечеръ придаетъ десять лѣтъ жизни однимъ запахомъ скошеннаго клевера, то черезъ часъ утверждала, что въ одну недѣлю можно съ ума сойти въ такомъ захолустьи. При этомъ я ни разу не видалъ, чтобы она хотя привѣтливо взглянула на Василія Павловича; за то, когда онъ по обязанности службы отлучался на ученіе, она мгновенно измѣнялась...

Я предпочитаю оставить пробѣлъ тамъ, гдѣ память моя уронила петлю, чѣмъ наполнять его собственнымъ сочиненіемъ. Такимъ родомъ я никакъ не могу припомнить повода, по которому вошелъ въ домъ профессора, о міровомъ значеніи котораго въ то время не имѣлъ надлежащаго понятія. Чуть ли не одинъ изъ бывшихъ моихъ туземныхъ товарищей сообщилъ мнѣ, что жена астронома Медлера, услыхавъ о моемъ дѣятельномъ знакомствѣ съ нѣмецкою поэзіей въ качествѣ переводчика, будучи сама ревностною поэтессой, захотѣла со мною познакомиться, и, вѣроятно, я на этомъ основаніи явился въ домъ профессора подъ предлогомъ найти разрѣшенія темнаго для меня астрономическаго вопроса. Я былъ принятъ старичкомъ небольшаго роста, еще довольно свѣжимъ, который походилъ на брюнета, густо намылившаго себѣ голову. До сихъ поръ я съ глубочайшимъ удовольствіемъ и признательностью вспоминаю о нѣсколькихъ вечерахъ, проведенныхъ въ домѣ этого во всѣхъ отношеніяхъ оригинальнаго человѣка. Подобно многимъ нѣмецкимъ ученымъ, онъ обладалъ подавляющею массою самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, начиная съ основательнаго знакомства съ древне-

классическими языками. Не менѣе обширны были его историческія свѣдѣнія, причемъ годы событій сохранились въ его памяти съ математическою точностью. Но во всякомъ случаѣ естественныя науки вообще и его спеціальность астрономія были его торжествомъ. Увѣренность послѣдней, постоянно опирающейся на математику, придаетъ ея адептамъ такую простоту въ отношеніяхъ къ ней, какую трудно встрѣтить въ другихъ ученыхъ. Въ время долгихъ вечернихъ бесѣдъ, прерываемыхъ съ моей стороны только рѣдкими вопросами, я все время любовался великимъ умѣньемъ ученаго съ дѣтскою простотой нисходить до моего низменнаго уровня и съ него указывать мнѣ все дивное устройство міроздапія. При всей простотѣ онъ былъ такъ наглядно краснорѣчивъ, что мнѣ каждый разъ казалось, будто какой-то всемогущій волшебникъ мчитъ меня по полночному небу, указывая всѣ его тайны. Возстановляя въ воспоминаніи лицъ, встрѣчавшихся мнѣ въ жизни, я стараюсь о вѣрномъ начертаніи ихъ образовъ, какими они мнѣ въ свое время представлялись; но нимало не считаю непремѣнною обязанностью объяснять казавшіяся мнѣ въ нихъ противорѣчія. Такъ я могу сказать, что великій астрономъ все время, даже за прекраснымъ обѣденнымъ столомъ, которымъ видимо щеголяла его супруга, не смотря на преклонныя лѣта, держалъ себя по отношенію ко мнѣ, не скажу самымъ скромнымъ, но даже смиреннымъ образомъ, какъ бы стараясь выслужиться передо мною своими достоинствами. И вотъ въ высказываніи этихъ то достоинствъ онъ былъ неистощимъ до дѣтства. Надо отдать справедливость, что на этотъ путь его наводила уже далеко не молодая жена его, поэтесса, разыгрывавшая сама геніальную особу; считая себя первоклассным поэтомъ, она успѣла внушить о себѣ и мужу такое понятіе. При этомъ она, разумѣется, относилась къ нему съ высоты своего величія. Такъ, напримѣръ, разсказывая, что предоставленный даже въ обществѣ самому себѣ, онъ, постоянно шевеля пальцами, предавался головнымъ исчисленіямъ посредствомъ логариѳмовъ,— жена заставляла его производить въ головѣ умноженіе двухъ чиселъ съ тремя знаками въ каждомъ, и когда несчастный тутъ же разрѣшалъ задачу, она задавала ему тотчасъ-же

переумноженіе съ четырьмя знаками, и какъ онъ ни отнѣкивался, а подъ конецъ вынужденъ бывалъ уступить и даже за обѣдомъ закрывалъ глаза на нѣкоторое время и, пошевеливъ пальцами съ минуту, говорилъ искомое произведеніе съ восемью знаками.

— А вы, господинъ поручикъ, не повѣрите, какой онъ у меня каллиграфъ, говорила мадамъ Медлеръ.—Медлеръ, покажи свое чистописаніе!

И старичекъ съ особеннымъ хвастовствомъ несъ дѣйствительно изумительныя рукописи, начиная съ микроскопическаго „Отче Нашъ“, написаннаго на кружкѣ величиною въ серебряный пятачекъ. Вообще, усидчивая аккуратность въ рукодѣльяхъ, казалось, была у него семейная. Такъ въ гостиной подъ стекломъ хранилась подробная рельефная карта луны изъ бѣлаго воска, аршина полтора въ діаметрѣ, исполненная нашею безмолвною собесѣдницей за столомъ, его пожилою сестрой дѣвицей. Ея восковая карта, снятая со знаменитой карты луны ея брата, была выставлена въ Лондонѣ на всемірной выставкѣ и была предметомъ всеобщаго удивленія. Когда я спросилъ, чѣмъ она могла произвести всѣ эти горные хребты и углубленія, она весьма скромно отвѣчала, что это легко исполняется посредствомъ простой булавки и ея головки. Вслѣдъ затѣмъ выкладывались передо мною одно за другимъ нѣсколько писемъ бывшаго министра С. С. Уварова, исполненныя самыхъ дружескихъ сочувственныхъ выраженій по адресу знаменитаго астронома.

Насколько мнѣ извѣстно, Медлеръ, зарекомендованный своимъ превосходнымъ почеркомъ и математическими способностями, поступилъ на частную службу къ одному берлинскому банкиру, содержавшему собственную обсерваторію. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Медлеръ испросилъ позволенія у хозяина заниматься въ праздничное время на его обсерваторіи, на которой своими работами скоро пріобрѣлъ всемірное имя, между прочимъ своею теоріей—центральнаго солнца. Слава молодаго ученаго дошла до министра Уварова и, вызвавъ астронома въ Дерптъ, онъ сдѣлалъ его директоромъ обсерваторіи, при которой я засталъ Медлера въ чинѣ тайнаго совѣтника, украшеннаго орденами.

„Въ бытность мою въ Парижѣ, разсказывалъ Медлеръ, я зашелъ къ Леверье, которому объявилъ свое имя. Къ крайнему моему изумленію, онъ, глядя мнѣ въ глаза, рѣзко сказалъ, что не слыхивалъ этого имени. Смущенный, я сталъ указывать на свои работы, и вдругъ онъ спросилъ меня: „mais n'êtes vous pas monsieur *Medlér?*“ и затѣмъ любезностямъ знаменитаго астронома не было конца“.

Мадамъ Медлеръ дѣйствительно прекрасно владѣла нѣмецкимъ стихомъ, и, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я силился склонить ее къ переводамъ преимущественно русскихъ поэтовъ, еще мало знакомыхъ заграницей. Но такъ какъ гораздо труднѣе хорошо переводить, чѣмъ писать стихи, лишенные поэзіи, то усилія мои въ этомъ случаѣ остались напрасными, и справедливость заставляетъ меня сказать, что насколько въ домѣ любезнаго ученаго меня привлекала астрономія, настолько пугала поэзія.

Не смотря на возвращеніе изъ-за Дуная поручика Панаева, въ полкъ пришло новое распоряженіе о высылкѣ поручика въ Севастопольскую армію. Поручики снова возгорѣлись надеждою, и однажды утромъ, когда я былъ въ караулѣ, собрались ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы вынуть жребій. Между первыми изъ соискателей явился Панаевъ.

— Помилуйте, Кронидъ Александровичъ! воскликнули было нѣкоторые,—вѣдь вы же только-что вернулись изъ дѣйствующей арміи. Позвольте же и другимъ попытать счастья.

— А развѣ въ циркулярѣ сказано, замѣтилъ Панаевъ, что избранный однажды тѣмъ самымъ лишается права на новое соискательство?—А какъ этого не было, то всякій протестъ долженъ былъ умолкнуть понемногу. На одной бумажкѣ изъ числа восьми было написано: „ѣхать“, и затѣмъ всѣ свертки брошены въ мою вицъ-шапку. Стали вынимать, и Панаевъ снова вынулъ билетъ: „ѣхать“. Но на этотъ разъ отправка затянулась и затѣмъ окончательно не состоялась.

Прохожу молчаніемъ прекрасные балы въ Дворянскомъ Собраніи. Балы эти по всей обстановкѣ и тону были безукоризненны и, вспоминая Лермонтова, надо бы проговорить:

«Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль».

Но справедливость требуетъ сказать, что наши уланы, хотя и мчались въ легкихъ танцахъ, не только не подымали, но и не пускали пыли въ глаза.

Публичный или общественный балъ не можетъ быть орудіемъ тщеславія. Участвующіе въ немъ, очевидно, ищутъ развлеченія, веселья, превлекающаго прекрасный полъ возможностью выставить свою наружность въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Но истинно вдохновительнымъ можетъ быть только балъ въ средѣ общества, хорошо между собою знакомаго, гдѣ личный характеръ и обстановка каждаго представляютъ дѣйствительную извѣстную величину, а не безличную формулу въ бальномъ костюмѣ. Для такого общества блестящій и шумный балъ имѣетъ незамѣнимую прелесть. Громъ музыки, обязательныя рукопожатія и объятія среди пестрой толпы, въ которой каждый преслѣдуетъ свои личные интересы, замѣняетъ собою темный лѣсъ, куда на глазахъ всѣхъ уходитъ заинтересованная пара. Не нужно быть самолюбивымъ, чтобы чувствовать несоизмѣримую разницу между простымъ танцоромъ и живымъ дѣйствующимъ лицомъ. Вотъ она, прелестная блондинка, съ большими задумчивыми голубыми глазами. Подойдите къ ней, и она съ удовольствіемъ подастъ вамъ руку, потому что ей хочется танцовать и слышать, что къ ней очень пристало ея вѣнокъ и нарядъ. Вотъ рыженькая, пикантная головка со вздернутымъ носикомъ и легкими веснушками. Съ какимъ горделивымъ пренебреженіемъ смотритъ она на проходящихъ. Ангажируйте ее, и она окажетъ вамъ милость, принявъ вашу руку, но въ душѣ будетъ чрезвычайно довольна. А вотъ и она, царица бала, предметъ горячаго поклоненія вашего друга. Вы наперед знаете вашу роль: съ вами будутъ изысканно любезны передъ глазами всего собранія; васъ отыщутъ то здѣсь, то тамъ, чтобы съ вами пройтить или присѣсть гдѣ-нибудь. При этомъ вы знаете, что вы не болѣе какъ ширма, за которою спрятанъ вашъ другъ. Но сегодня убѣгающая за розовое ушко прядь черныхъ волосъ такъ блестяще гладка, долгій взглядъ темно-карихъ глазъ останавливается на васъ съ такою истомой, и сказанныя слова такъ безумны, что въ сознаніи вашемъ все мгновенно извращается, и вамъ кажется, что ширма — онъ,

за которымъ скрываетесь вы... Конечно, трудно было ожидать чего-либо подобнаго на дерптскихъ балахъ.

Наконецъ, отстоявши свой караулъ, я вернулся въ тишину Аякарскаго флигеля, гдѣ, по случаю отъѣздовъ Василія Павловича въ Дерптъ, мнѣ нерѣдко приходилось сидѣть совершенно одному. Въ такіе дни, кромѣ обычнаго посѣщенія хозяйскихъ обѣдовъ, я испросилъ у прекрасной баронессы позволенія отводить душу за вечернимъ ея чаемъ.

Снѣгъ въ эту зиму былъ необыкновенно глубокій, и баронъ Энгардтъ разсказывалъ мнѣ, что сѣрыя куропатки въ бурную погоду не разъ ночевали у него подъ парадным крыльцемъ; а однажды утромъ, подавая мнѣ кофе, слуга доложилъ, что куропатки цѣлымъ стадомъ гуляютъ у насъ подъ окномъ флигеля, въ чемъ я лично убѣдился, но не захотѣлъ ихъ стрѣлять, чтобы близкимъ выстрѣломъ не напугать баронессу и ея дѣтей. Деньщикъ Василія Павловича, довольно неловкій парень для услуги, но, какъ литвинъ, съ наклонностью къ охотѣ, объявилъ мнѣ, что на краю усадьбы въ саду много заячьихъ слѣдовъ, и надо-бы ночью покарàулить зайцевъ. Я совершенно незнакомъ былъ съ этого рода охотой и потому приказалъ Каліуктису (фамилія литвина) поставить на открытомъ мѣстѣ пучекъ немолоченнаго овса.

— Ну что? спросилъ я на другой день.

— Былъ и ѣлъ, отвѣчалъ Каліуктисъ.

Получивъ въ слѣдующіе два дня такой же отвѣтъ, я, тепло одѣвшись, пошелъ съ заряженнымъ ружьемъ на заранѣе осмотрѣнное мѣстечко въ вишнякѣ подъ заборомъ, отъ котораго до вновь поставленнаго пучка было шаговъ тридцать или сорокъ. Было около одиннадцати часовъ; ночь была по поводу полнолунія почти свѣтлая какъ день, хотя этого нельзя было сказать про мѣсто, занятое мною въ вишнякѣ. Время всегда безконечно тянется при ожиданіи, и мнѣ пришлось просидѣть неподвижно, полагаю, болѣе часа, такъ что я уже отчаявался въ приходѣ зайца. Вдругъ до напряженнаго слуха моего достигло какое-то фырканье. Правда, за отдаленностью, звукъ былъ такъ слабъ, что это какъ будто только показалось. Но вотъ черезъ минуту слышу уже совершенно ясно: фрръ! Еще черезъ минуту тотъ же звукъ раздался у меня съ

правой стороны такъ громко, какъ будто чья-то сильная рука выбиваетъ дробь на барабанѣ. Еще минута, и на бѣлоснѣжную полянку, медленно кланяясь, выдвигается темноватый очеркъ зайца, который, производя тотъ же звукъ, въ обѣ стороны разбрасываетъ струи снѣга, подъ которымъ ищетъ корма. Ждать долѣе было нечего; продираться на свѣтъ промежду кустовъ—значило бы спугнуть зайца. Но бѣда въ томъ, что, наводя ружье, я только гадательно могъ направить цѣль. Убѣдившись, что лучше прицѣлиться мнѣ не удастся, я, горя охотничьимъ нетерпѣніемъ, побѣдилъ въ себѣ чувство страха—огласить усадьбу полночнымъ выстрѣломъ—и спустилъ курокъ. Когда дымъ разсѣялся, и я выбѣжалъ изъ засады, заяцъ исчезъ. Пройдя нѣсколько шаговъ по его пустому слѣду, я убѣдился въ промахѣ и пошелъ домой. Когда на другое утро человѣкъ подалъ мнѣ кофе, Каліуктисъ вошелъ въ комнату, держа замороженнаго зайца.

— Откуда ты взялъ его? спросилъ я.

— Да это вашъ же, отвѣчалъ ухмыляясь Каліуктисъ.— Я прошелъ утромъ посмотрѣть и вижу зарядъ вашъ весь у него на слѣду. Прошелъ я шаговъ двадцать по слѣду, а онъ какъ запрокинулся, такъ и лежитъ.

Около этого времени у меня завязалась оживленная переписка съ Тургеневымъ. Онъ писалъ мнѣ:

„Некрасовъ, Панаевъ, Дружининъ, Анненковъ, Гончаровъ—словомъ весь нашъ дружескій кружокъ вамъ усердно кланяется. А такъ какъ вы пишете о значительномъ улучшеніи вашихъ финансовъ, чему я сердечно радуюсь, то мы предлагаемъ поручить намъ новое изданіе вашихъ стихотвореній, которыя заслуживаютъ самой ревностной очистки и красиваго изданія, для того чтобы имъ лежать на столикѣ всякой прелестной женщины. Что вы мнѣ пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнѣе его“.

Конечно, я усердно благодарилъ кружокъ, и дѣло въ рукахъ его подъ предсѣдательствомъ Тургенева закипѣло. Почти каждую недѣлю стали приходить ко мнѣ письма съ подчеркнутыми стихами и требованіями ихъ исправленій. Тамъ, гдѣ я несогласенъ былъ съ желаемыми исправленіями, я ревностно

ганвалъ свой текстъ, но по пословицѣ: „одинъ въ полѣ воинъ“—вынужденъ былъ соглашаться съ большинствомъ, зданіе изъ-подъ редакціи Тургенева вышло настолько же щеннымъ, насколько и изувѣченнымъ. Досаднѣе и смѣшнѣе о была долгая переписка по поводу отмѣны стиха:

«На суку извилистомъ и чудномъ».

чень понятно, что высланные мною, скрѣпя сердце, три-ыре варіанта оказались непригодными, и наконецъ Тургеь писалъ: „не мучьтесь болѣе надъ стихомъ „На суку илистомъ и чудномъ“: Дружининъ растолковалъ намъ, что гастическая жаръ-птица и на плафонѣ, и въ стихахъ моъ сидѣть только на извилистомъ и чудномъ суку рококо. ы согласились, что этого стиха трогать не надо“.

ѣшительно не припомню, просился ли я у полковаго кодира въ Петербургъ, или почему-либо выборъ палъ на я для закупокъ винъ и фруктовъ къ полковому празднику, который нашъ Августѣйшій Шефъ опредѣлялъ свой шеф-і окладъ. Помню только, что, получивъ деньги съ казен-подорожною, я на перекладныхъ отправился въ Петергъ и заказалъ все нужное у Елисѣева, который для винъ иноградa при укупоркѣ долженъ былъ разсчитывать на градусовъ мороза, и надо сказать, приготовивши для меня ый возъ провизіи, вышелъ побѣдителемъ изъ своей задачи. смотря на полуторасуточное пребываніе на морозѣ, ни а ягодка винограда не пострадала.

онечно, три-четыре дня моего пребыванія на этотъ разъ Петербургѣ я проводилъ преимущественно въ литературъ кругу. Тургенева я нашелъ уже на новой и болѣе бной квартирѣ въ томъ же домѣ Вебера, и слугою у него ъ уже не Иванъ, а извѣстный всему литературному кругу аръ. Тургеневъ вставалъ и пилъ чай (по-петербургски) ьма рано, и въ короткій мой пріѣздъ я ежедневно прихоъ къ нему къ десяти часамъ потолковать на просторѣ. другой день, когда Захаръ отворилъ мнѣ переднюю, я углу замѣтилъ полусаблю съ анненской лентой.

– Что это за полусабля? спросилъ я, направляясь въ дверь гиной.

— Сюда пожалуйте, вполголоса сказалъ Захаръ, указывая налѣво въ корридоръ.—Это полусабля графа Толстаго, и они у насъ въ гостиной ночуютъ. А Иванъ Сергѣевичъ въ кабинетѣ чай кушаютъ.

Впродолженіе часа, проведеннаго мною у Тургенева, мы говорили вполголоса изъ боязни разбудить спящаго за дверью графа.

— Вотъ все время такъ, говорилъ съ усмѣшкой Тургеневъ.—Вернулся изъ Севастополя съ баттареи, остановился у меня и пустился во вся тяжкія. Кутежи, цыгане и карты во всю ночь; а затѣмъ до двухъ часовъ спитъ, какъ убитый. Старался удерживать его, но теперь махнулъ рукою.

Въ этотъ же пріѣздъ мы и познакомились съ Толстымъ, но знакомство это было совершенно формальное, такъ какъ я въ то время еще не читалъ ни одной его строки и даже не слыхалъ о немъ, какъ о литературномъ имени, хотя Тургеневъ толковалъ о его разсказахъ изъ дѣтства. Но съ первой минуты я замѣтилъ въ молодомъ Толстомъ невольную оппозицію всему общепринятому въ области сужденій. Въ это короткое время я только однажды видѣлъ его у Некрасова вечеромъ въ нашемъ холостомъ литературномъ кругу и былъ свидѣтелемъ того отчаянія, до котораго доходилъ кипятящійся и задыхающійся отъ спора Тургеневъ на видимо сдержанныя, но тѣмъ болѣе язвительныя возраженія Толстаго.

— Я не могу признать, говорилъ Толстой, чтобы высказанное вами было вашими убѣжденіями. Я стою съ кинжаломъ или саблею въ дверяхъ и говорю: „пока я живъ, никто сюда не войдетъ“. Вотъ это убѣжденіе. А вы другъ отъ друга стараетесь скрывать сущность вашихъ мыслей и называете это убѣжденіемъ

— Зачѣмъ же вы къ намъ ходите? задыхаясь и голосомъ, переходящимъ въ тонкій фальцетъ (при горячихъ спорахъ это постоянно бывало), говорилъ Тургеневъ. Здѣсь не ваше знамя! Ступайте къ княгинѣ Б—й-Б—й!

— Зачѣмъ мнѣ спрашивать у васъ, куда мнѣ ходить! и праздные разговоры ни отъ какихъ моихъ приходовъ не превратятся въ убѣжденія.

Припоминая теперь это едва-ли не единственное столкно-

веніе Толстаго съ Тургеневымъ, которому я въ то время былъ свидѣтелемъ, не могу не сказать, что хотя я понималъ, что дѣло идетъ о политическихъ убѣжденіяхъ, но вопросъ этотъ такъ мало интересовалъ меня, что я не старался вникнуть въ его содержаніе. Скажу болѣе. По всему, слышанному мною въ нашемъ кружкѣ, полагаю, что Толстой былъ правъ, и что если бы люди, тяготившіеся современными порядками, были принуждены высказать свой идеалъ, то были бы въ величайшемъ затрудненіи формулировать свои желанія.

Кто изъ насъ въ тѣ времена не зналъ веселаго собесѣдника, товарища всяческихъ проказъ и мастера разсказать смѣшной анекдотъ,—Дмитрія Васильевича Григоровича, славившагося своими повѣстями и романами?

Вотъ что между прочимъ передавалъ мнѣ Григоровичъ о столкновеніяхъ Толстаго съ Тургеневымъ на той же квартирѣ Некрасова: „Голубчикъ, голубчикъ, говорилъ, захлебываясь и со слезами смѣха на глазахъ, Григоровичъ, гладя меня по плечу. — Вы себѣ представить не можете, какія тутъ были сцены. Ахъ, Боже мой! Тургеневъ пищитъ, пищитъ, зажметъ рукою горло и съ глазами умирающей газели прошепчетъ: „не могу больше! у меня бронхитъ!“ и громадными шагами начинаетъ ходить вдоль трехъ комнатъ.—„Бронхитъ, ворчитъ Толстой вослѣдъ, — бронхитъ воображаемая болѣзнь. Бронхитъ это металлъ!“ Конечно, у хозяина — Некрасова душа замираетъ: онъ боится упустить и Тургенева, и Толстаго, въ которомъ чуетъ капитальную опору „Современника“, и приходится лавировать. Мы всѣ взволнованы, не знаемъ, что говорить. Толстой въ средней проходной комнатѣ лежитъ на сафьяномъ диванѣ и дуется, а Тургеневъ, раздвинувъ полы своего короткаго пиджака, съ заложенными въ карманы руками, продолжаетъ ходить взадъ и впередъ по всѣмъ тремъ комнатамъ. Въ предупрежденіе катастрофы подхожу къ дивану и говорю: „голубчикъ Толстой, не волнуйтесь! Вы не знаете, какъ онъ васъ цѣнитъ и любитъ!“

— Я не позволю ему, говоритъ съ раздувающимися ноздрями Толстой,—нечего дѣлать мнѣ на зло! Это вотъ онъ нарочно теперь ходитъ взадъ и впередъ мимо меня и виляетъ своими демократическими ляшками!

Фригійская рѣка Меандръ, постоянно выставляемая древними поэтами въ примѣръ прихотливыхъ извивовъ, могла бы служить эмблемою прямо противоположныхъ фазисовъ, достигаемыхъ человѣческимъ міросозерцаніемъ при поступательномъ движеніи. Это и называется развитіемъ, но не заключаетъ въ себѣ непремѣнной перемѣны къ лучшему. Не смотря на кратковременное на этотъ разъ пребываніе мое въ Петербургѣ, Тургеневъ успѣлъ, по просьбѣ князя Вл. Өед. Одоевскаго, свозить меня къ нему. Помню забавную выходку Тургенева. Когда мы вечеромъ всходили съ нимъ по освѣщенной лѣстницѣ, я вдругъ почувствовалъ, что онъ провелъ у меня рукою вдоль колѣнки съ внутренней стороны ноги. Сдѣлалъ онъ это такъ неожиданно, что я невольно крикнулъ: „что вы?“—„Я думалъ, сказалъ Тургеневъ, что ваши рейтузы подбиты кожей“. Пришлось увѣрять его, что у офицеровъ рейтузъ съ кожею не бываетъ. Князь и княгиня, съ которыми мнѣ съ теченіемъ времени пришлось сблизиться короче, были и при первой встрѣчѣ весьма внимательны и любезны.

Но вотъ почтовыя тройки снова на перекладной мчатъ меня въ теченіи полутора сутокъ изъ Петербурга въ Валкъ къ 13-му февраля, празднику св. Мартиніана. Конечно, пиръ былъ на славу, и, какъ помнится, присутствовали на немъ одни однополчане, и притомъ не было ни одной дамы. Конечно, всѣ знали, что роскошно угощаетъ насъ Августѣйшій Шефъ, и понятно, съ какимъ сочувствіемъ встрѣчены были тосты полковаго командира за здоровье Государя и Августѣйшаго Шефа, покрываемые громогласными тушами трубачей. Обѣдъ давно кончился, и столы были убраны въ просторной залѣ, но музыка продолжала гремѣть, и шампанское лилось рѣкою. Конца празднества хорошенько припомнить не могу, но дѣло въ томъ, что по случаю форменнаго марша, оставшагося въ полку въ видѣ запрещенной Варшавской мазурки, пара корнетовъ ловко пронеслась подъ ея звуки по залѣ. Черезъ нѣсколько времени я увидалъ старика Курселя, хохочущаго до слезъ при видѣ стараго обознаго офицера изъ нижнихъ чиновъ, котораго шалуны уговорили пройтись русскую, и который это дѣйствительно исполнилъ такъ неловко

и неуклюже, что способенъ былъ возбудить и смѣхъ, и сожалѣніе.

— Господа! раздалось по залѣ: кто мастеръ русскую? Выходите!—Явилось нѣсколько плясуновъ, и, какъ это обыкновенно бываетъ въ русской пляскѣ, возникло состязаніе. Въ то время какъ одинъ изъ соучастниковъ отдыхалъ, обошедши всю залу въ присядку, другой, округливши руки и расширивъ пальцы, надменно выступалъ и кружился съ глупымъ видомъ индѣйскаго пѣтуха. Не знаю, какъ это случилось, но помню только яркое мерцаніе свѣчей, отчаянный трескъ трубачей, закатывающагося со смѣху полковаго командира и самого себя съ корнетомъ Бл—ревымъ посреди залы, безъ мундира и безъ галстука, старающихся превзойти другъ друга нелѣпыми выходками.

На другой день всѣ поразъѣхались по своимъ стоянкамъ. Хотя до моихъ именинъ (22 февраля) осталось еще болѣе недѣли, тѣмъ не менѣе проѣздомъ черезъ Дерптъ я постарался захватить кое-какихъ припасовъ и закусокъ. Что же касается до шампанскаго, то я зналъ, что станціонный смотритель на шоссе, верстахъ въ трехъ отъ Аякара, держалъ его въ достаточномъ количествѣ для офицеровъ.

По близости отъ насъ не было никого изъ товарищей, съ кѣмъ бы мнѣ было особенно пріятно провести свой домашній праздникъ, за исключеніемъ Панаева, стоявшаго верстахъ въ 15-ти у хорошо мнѣ знакомаго Берга. Поэтому около 18 февраля я отправился къ Панаеву звать его погостить къ намъ, да кстати и на именины. Кронидъ Александровичъ былъ въ самомъ хорошемъ настроеніи духа, и на другой день его отлично выкормленная пара мышастыхъ лошадокъ стояла въ санкахъ у крыльца за моею рыжею одиночкой.

— Садитесь ко мнѣ, Кронидъ Александровичъ, сказалъ я. Вѣдь мы не боимся говорить на морозѣ. Вы не разсердитесь, что я на минуту завезу васъ на станцію Куйкацъ?

— Что же мнѣ сердиться, отвѣчалъ Панаевъ, мы сами тамъ получаемъ письма.

Смотритель, проворный брюнетъ лѣтъ тридцати пяти, едва ли хорошо говорилъ по-русски; но я помню, что разговоръ былъ на нѣмецкомъ языкѣ. Я попросилъ его сунуть

мнѣ въ сани полдюжины Редереру и досталъ бумажникъ расплатиться.

— Тутъ двѣ версты какихъ-нибудь вамъ до дому, сказалъ смотритель: я велѣлъ бутылки сунуть въ сѣно, довезете благополучно. Писемъ, продолжалъ онъ, выдвигая ящикъ въ столѣ, ни вамъ, ни вамъ нѣтъ. А вы не слыхали, обратился онъ ко мнѣ, императоръ скончался?

— Что вы говорите! воскликнулъ я. Такихъ вѣстей легкомысленно разглашать не слѣдуетъ!

— Помилуйте, на что же вѣрнѣе! возразилъ смотритель. Сегодня утромъ фельдъегерь проскакалъ изъ Петербурга въ Берлинъ съ этою вѣстью.

Мы стояли въ оцѣпенѣніи.

— Что жъ, поѣдемте! обратился я къ Панаеву. Но взглянувши на него, увидалъ катящіяся по щекамъ его слезы.

— Поѣзжайте, голубчикъ, одинъ, сказалъ онъ, махнувъ рукою, а я не могу. Онъ остался непреклоненъ, и мы разъѣхались каждый къ себѣ домой. Черезъ два дня мы уже ходили въ траурѣ, и полковой нашъ священникъ объѣзжалъ эскадроны, приводя ихъ къ присягѣ.

Въ день моихъ именинъ поднялась такая мятель, что мы съ Василіемъ Павловичемъ уже не разсчитывали на чье-либо посѣщеніе, и въ часъ дня единственными нашими гостями оказались оба барона Энгардта: хозяинъ и бывшій гусаръ.

— Кто же выѣдетъ въ подобную погоду? эту фразу повторяли мы на всѣ лады; какъ вдругъ послышался колокольчикъ, и на бѣлой занавѣси мятели все съ большею ясностью стала выступать приближающаяся тройка и остановилась у крыльца. Засыпанные съ головы до ногъ снѣгомъ вошли наши милые Щ—іе. Конечно, послѣ первыхъ привѣтствій, потрясающая вѣсть стала предметомъ разговора, но затѣмъ появилась кулебяка, и непосредственная жизнь вступила въ свои права.

IV.

Лифляндскій крестьянинъ.—Охота на пищикъ.—Вальдшнепиная тяга.—Полковникъ С—овъ.—Поѣздка на ферму и знакомство съ ея обитателями.—Медвѣжья услуга.—Охота на моховомъ болотѣ.—Канонада.—Снова на мызѣ Аякаръ.—Рыбная ловля подо льдомъ.

Я уже говорилъ, что со времени перехода моего въ гвардію отецъ сдѣлался въ отношеніи ко мнѣ чрезвычайно щедръ, и мнѣ оставалось только благодарить его за высылаемыя деньги, о которыхъ я вовсе не просилъ. У болѣе бережливыхъ изъ насъ скоплялись деньги, которыя мы превращали въ появившіеся тогда билеты восточнаго займа, которые при нашей бродячей жизни мы носили въ сумочкахъ на шеѣ. Ипполитъ Ѳедоровичъ называлъ эти сумочки „восточнымъ вопросомъ“.

Наступили вешнія оттепели, снѣгъ зачерпывался водою, и пригорки стали обнажаться. Василія Павловича не было дома, и я въ отсутствіе его завѣдывалъ эскадрономъ, конечно, неоффиціально, такъ какъ и онъ уѣзжалъ въ Дерптъ частнымъ образомъ. Однажды ко мнѣ прискакалъ верхомъ чухонецъ и весьма одушевленно на что-то жаловался. Не понимая въ чемъ дѣло, я обратился къ помощи отставнаго гусара Энгардта; послѣдній растолковалъ, что солдаты самовольно надергали у этого крестьянина клевернаго сѣна изъ придорожнаго стога. Мысль, что наши уланы могли произвести такое самоуправство на мѣстѣ стоянки, меня возмутила. Въ нѣсколько минутъ лошадь моя была осѣдлана, и я помчался вслѣдъ за крестьяниномъ, указывавшимъ мнѣ дорогу. Когда мы по перелѣску выскочили на шоссе, кресть-

янинъ указалъ мнѣ на проходящія артиллерійскія орудія, у которыхъ на передкахъ я тотчасъ увидалъ клеверное сѣно.

— Кто у васъ при баттареѣ? спросилъ я солдатика. Онъ назвалъ фамилію капитана.

— Гдѣ же онъ?

— Поѣхали впередъ.

Я пустился впередъ по шоссе и, догнавъ ѣхавшаго верхомъ капитана, объяснилъ ему претензію крестьянина. Переговоривши съ просителемъ по-чухонски, капитанъ увѣрилъ меня, что тотчасъ же удовлетворитъ крестьянина, и мы разстались.

На слѣдующую зиму на одномъ балѣ въ Ревелѣ я узналъ капитана и напомнилъ ему о нашей встрѣчѣ

— Да, сказалъ онъ, а вы и не знаете, какимъ честнымъ человѣкомъ оказался этотъ крестьянинъ. Трудно было мнѣ, не видавши всего количества похищеннаго, опредѣлить убытокъ; а потому я предложилъ ему помириться на двадцати рубляхъ. „У меня взяли, отвѣчалъ крестьянинъ, приблизительно пудовъ двадцать, и мнѣ слѣдуетъ всего по теперешнимъ цѣнамъ восемь рублей“.

Весна между тѣмъ открывалась все рѣшительнѣе, и однажды, когда я за обѣдомъ распрашивалъ у барона о вальдшнепахъ, онъ сказалъ, что вальдшнеповъ у нихъ бываетъ какъ-то мало, но что теперь наступаетъ самая забавная охота на рябчиковъ на пищикъ. Совершенно незнакомый съ этою охотой, я спросилъ барона, что такое пищикъ?

— Я вамъ все это послѣ обѣда покажу и растолкую, отвѣчалъ онъ съ обычною своей живостью. И дѣйствительно, тотчасъ послѣ кофею онъ принесъ мнѣ небольшую костяную дудочку и научилъ меня извлекать изъ нея дважды повторяемый звукъ. Оставшись наконецъ доволенъ моимъ посвистомъ, баронъ на другой день любезно прошелъ со мною въ лѣсъ и указалъ мѣсто, гдѣ можно ожидать рябчиковъ. „Надо быть чрезвычайно осторожнымъ съ рябчикомъ въ двухъ отношеніяхъ, пояснилъ баронъ. Вопервыхъ, манить его дудкой въ ту минуту, когда онъ самъ отзывается, для того чтобы онъ не разслышалъ обмана; а вовторыхъ, когда онъ подлетитъ на пищикъ, не должно шевелить ни

собственныхъ членовъ, ни ружья, а приподымать послѣднее для прицѣла незамѣтнымъ образомъ. Теперь я уже вамъ не нуженъ, продолжалъ баронъ, и скорѣе могу только помѣшать, а потому ухожу".

Было совершенно тихо и тепло въ прекрасномъ хвойномъ лѣсу, перемѣшанномъ съ неодѣвшимся еще чернолѣсьемъ. Согласно преподанному мнѣ уроку, я осторожно пропищалъ разъ, ставши подъ старою елью, и насторожилъ слухъ. Минутъ черезъ пять я пропищалъ вторично съ полнымъ недовѣріемъ къ своему искусству; но тотчасъ же услыхалъ какъ бы отдаленное фырканье. Я догадался, что это взлетъ рябчика и сталъ, если возможно, еще болѣе остороженъ. Черезъ минуту я услыхалъ вдали пискъ, подобный производимому мною, и, не давая рябчику кончить его, вновь подзадорилъ его своимъ. Фырканье повторилось еще явственнѣе, и тотъ же пискъ послышался въ болѣе близкомъ разстояніи. За новымъ моимъ позывомъ громогласно повторился фыркающій шумъ крыльевъ, и на этотъ разъ рябчикъ сѣлъ шагахъ въ двадцати пяти передо мною на обнаженную осинку. Когда онъ снова сталъ азартно пищать, я даже видѣлъ, какъ вздувались бѣлыя перышки у него на горлѣ, и на головѣ красиво вздымался хохольчикъ. Чуть замѣтно наводя ружье, я цѣлилъ въ голову, боясь на такомъ близкомъ разстояніи разбить зарядомъ всего рябчика. Я видѣлъ, какъ за выстрѣломъ рябчикъ покатился со своей вѣтки, и я бросился со всѣхъ ногъ подымать его. Попалъ я въ него очень удачно, такъ какъ самая его головка была ранена, но не раздроблена. Увлеченный удачей совершенно новой для меня охоты, я расцѣловалъ свою добычу. Часа черезъ полтора я такимъ же образомъ еще убилъ трехъ.

На другой день за обѣдомъ баронесса благодарила меня за дичину и пояснила, что рябчикамъ слѣдуетъ полежать нѣсколько дней, иначе они будутъ жестки.

Въ скоромъ времени затѣмъ насъ снова потребовали къ Ревелю, и переходъ этотъ памятенъ мнѣ только тѣмъ, что на одной изъ дневокъ мы съ тѣмъ же самымъ эскадроннымъ товарищемъ корнетомъ барономъ Оффергомъ, съ которымъ когда-то такъ неудачно маневрировали подъ Краснымъ Селомъ, отправились въ лѣсъ на тягу вальдшнеповъ, такъ

художественно описанную гр. Толстымъ въ „Аннѣ Карени-ной“. Такъ какъ никто намъ не указывалъ мѣста, мы оста-новились съ барономъ на длинной лужайкѣ, тянувшейся между двумя стѣнами весьма высокихъ деревьевъ. По свойственному мнѣ нетерпѣнію, я не люблю ни охоты на крупнаго звѣря, ни уженья, ни вальдшнепиной тяги, такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ зачастую приходится долго ждать и ждать понапрасну. И на этотъ разъ мы долго стояли на нашей лужайкѣ, лицомъ къ закатившемуся солнцу. Было совер-шенно тихо, и надъ всѣмъ лѣсомъ возвышался прозрач-ный золотистый куполъ зари. Я хотѣлъ было уже сказать „баронъ, пойдемте домой“, — какъ вдругъ вправо послыша-лось дорогое охотнику кряхтѣнье, и черезъ полминуты я уви-далъ высоко надъ деревьями несущагося черезъ поляну вальдшнепа въ значительномъ впереди меня разстояніи. Ба-ронъ Оффергъ признавался мнѣ потомъ, какъ онъ въ душѣ смѣялся, увидавъ, что я не только поднялъ ружье, но и цѣ-люсь въ вальдшнепа на такомъ, можно сказать, безумномъ разстояніи. Я, дѣйствительно, прицѣлился на цѣлую ладонь передъ головою вальдшнепа и спустилъ курокъ. Вальдшнепъ мгновенно сложилъ крылья, какъ ладони, надъ своею головой и отвѣсно покатился внизъ съ своей высоты. Мы было тро-нулись подымать его, но я воскликнулъ: „нѣтъ, баронъ! надо смѣрить, сколько до него шаговъ. Такія вещи рѣдко случа-ются“. Мы намѣрили восемьдесятъ шаговъ, и предоставляя каждому, принявъ во вниманіе по крайней мѣрѣ 40 аршинъ высоты, на которой убитъ вальдшнепъ, разсчитать діагональ смертоноснаго заряда. Вѣроятно, вальдшнепъ былъ убитъ въ голову шальною дробиной, не оставившей и слѣда.

На этотъ разъ мы попали въ лѣтнюю стоянку на пустошь мызу, которой имени не упомню, такъ какъ владѣльца-ея тамъ не было, и мнѣ опять пришлось вступить въ долж-ность хозяйки. Вскорѣ по прибытіи нашемъ на мѣсто, при-былъ и недошедшій до меня гнѣдой жеребчикъ Глазунчикъ о которомъ писалъ покойный отецъ. Четырехлѣтняя лошадь была чрезвычайно красива, и посѣтившій насъ сосѣдній ко-мандиръ пятаго эскадрона С—въ, посмотрѣвши ее, тотчасъ предлагалъ мнѣ 700 руб. Но имѣя самъ охотницкую жилку

я наотрѣзъ отказался отъ продажи лошади и усердно занялся ея выѣздкою, тѣмъ болѣе, что у моего лихаго подъѣздка оказалось отъ расхожаго сѣдла на хребтѣ затвердѣніе, признанное ветеринаромъ неизлѣчимымъ, и я, скрѣпя сердце, повернулъ подъѣздка на пристяжку. Тѣмъ не менѣе я продалъ его артиллеристу, который вылѣчилъ его и взялъ на немъ скаковой призъ въ Царскомъ Селѣ.

Единовременно съ присылкою Глазунчика, я получилъ письмо отъ зятя моего А. Н. Ш—а, въ которомъ онъ просилъ моего разрѣшенія оставить у себя приходившіяся мнѣ по разсчетамъ съ братьевъ четыре тысячи рублей. „Зная, что деньги могутъ тебѣ понадобиться на службѣ внезапно, писалъ онъ, я обязуюсь уплатить ихъ по первому твоему требованію и буду за нихъ платить по десяти процентовъ“. Я отвѣчалъ, что онъ можетъ ихъ оставить у себя подъ вексель на законныхъ процентахъ.

Стоянка этимъ лѣтомъ не представляла никакого развлеченія, и однажды отъ нечего дѣлать мы съ Василіемъ Павловичемъ рѣшились проѣхать къ полковнику С—ву, стоявшему въ прекрасномъ флигелѣ, на мызѣ какой-то молодой вдовы-графини. Полковникъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, недурной собою брюнетъ съ вьющимися волосами, которыхъ блестящимъ завиткамъ онъ, какъ оказалось, помогалъ искусствомъ. Самого его мы не застали дома, но застали квартировавшаго въ томъ же флигелѣ красиваго корнета, блондина Халеева. Не безъ комизма разсказывалъ Халеевъ о неудовольствіи полковника на него только потому, что онъ любезно раскланивался съ графиней при встрѣчѣ съ нею въ саду. Между прочимъ онъ въ лицахъ передалъ свой разговоръ съ полковникомъ, совершенно очарованнымъ не только стоянкой, но и всѣмъ краемъ.

— Я никакъ не ожидалъ, Александръ Васильевичъ, чтобы вы такъ скоро забыли Россію, говорилъ Халеевъ, воспроизводя свой разговоръ съ полковникомъ.

— Ужь это не о прелестяхъ ли Новгородской губерніи заставляете вы меня вздыхать? отвѣчаетъ полковникъ.

— Я никакъ не предполагалъ, Александръ Васильевичъ, что вы до такой степени космополитъ.

При этихъ словахъ глаза Александра Васильевича засверкали гнѣвомъ.

— Я васъ прошу, воскликнулъ онъ, воздерживаться отъ подобныхъ замѣчаній! Какое вамъ дѣло, завиваю я волосы или нѣтъ? У васъ тоже волосы вьются. Но я себѣ никогда не позволю никакихъ на этотъ счетъ замѣчаній, и хоть вы себѣ всѣ космы опалите, я никогда вамъ не скажу, что вы космополитъ!

— Я, конечно, просилъ извинить меня въ необдуманномъ выраженіи, прибавилъ проказникъ.

Въ концѣ іюля я прослышалъ о пожиломъ фермерѣ, арендующемъ землю, принадлежащую городу Ревелю, верстахъ въ 15-ти отъ меня по ревельской дорогѣ. Тамъ, по слухамъ, были молодые тетерева, и—сердце не камень—я, забравши своего десятимѣсячнаго Непира, отправился въ походной телѣжкѣ по знакомому мнѣ ревельскому шоссе. Шоссе многократно проходило у самаго моря, и слышно было громкое шуршаніе прибрежнаго хряща, когда чухонецъ проходилъ по немъ съ сохою, у которой сошники скорѣе напоминали два желѣзныхъ лома, чѣмъ нашъ широкій копьеобразный сошникъ.

— А что, Иванъ, спросилъ я своего кучера, сталъ ли бы нашъ воронежскій мужикъ пахать такой хрящъ?

— Помилуйте, скажите! отвѣчалъ Иванъ,—да нашъ бы и вниманія не обратилъ на этакую дрянь; что ужь тутъ? Живой голышъ.

— А что, какъ ты замѣчаешь, подъѣздокъ-то меньше сталъ кашлять?

— Отъ этого лѣкарства-то? Да по-моему, ни крошечки. Что было, то и есть.

— Да что же ветеринаръ-то говоритъ?

— Извѣстно антересно послушать! Что говорить! Ученый человѣкъ! А вотъ подошелъ къ лошади то—и теменъ!

Съ небольшимъ черезъ часъ телѣжка наша, свернувши съ главнаго шоссе на проселочное, въѣхала на небольшой дворъ совершенно исправной и даже красивой фермы, и мнѣ пришлось, при незнаніи чухонскаго языка, искать кого-либо, съ кѣмъ бы я могъ, за отсутствіемъ фермера, объясниться

по-нѣмецки. На крыльцѣ показалась миловидная брюнетка, съ бархатистыми, какъ двѣ черныхъ вишни, глазами, и на объясненія мои сообщила, что отецъ уѣхалъ по дѣламъ въ Ревель и сейчасъ же долженъ быть назадъ, и что если я желаю обождать его, то она проситъ меня войти въ его кабинетъ. Дѣлать было нечего. Я усѣлся въ небольшой комнатѣ со стѣнами, убранными оленьими рогами, увѣшанными охотничьими снарядами, и сталъ читать попавшійся подъ руку томъ Шиллера. Черезъ часъ явился и самъ фермеръ, сѣдой и грузный старикъ, не лишенный еще извѣстной бодрости. Узнавши въ чемъ дѣло, онъ любезно предложилъ мнѣ тотчасъ же пройтись къ лѣсу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ фермы, только для пробы моей собаки, такъ какъ онъ самъ нѣсколько разъ въ этомъ направленіи, саженяхъ во ста отъ двора, находилъ выводокъ тетеревовъ. Покуда мы шли съ нимъ, направляясь къ кустарникамъ, старикъ старался обратить мое вниманіе на безукоризненную обработку земли на его фермѣ, предметъ менѣе всего интересовавшій меня въ то время. „Потрудитесь взглянуть, говорилъ онъ, вдоль всего овсянаго поля, и вы не найдете ни одной сорной травинки. На свою собаку я мало надѣюсь, прибавилъ онъ: своей хорошей я лишился на дняхъ. Интересно видѣть, что будетъ дѣлать вашъ щенокъ, весьма красивый и породистый, надо сказать правду“.

Пока мы шли по низкорослымъ кустамъ, собака фермера, бѣгавшая впереди насъ, очевидно, наткнулась на тетерьку, которая съ клохтаньемъ перелетѣла черезъ дорожку и тотчасъ же сѣла въ кустѣ. Ничего лучшаго не могло быть для пробы Непира. Дошедши до замѣченнаго мною куста, я нападилъ свою собаку на несомнѣнные слѣды тетерьки, но Непиръ скакалъ черезъ нихъ безъ малѣйшаго вниманія.

— Первая наша попытка, сказалъ фермеръ, неудачна. На собаку вашу надежда плохая, и потому я предлагаю вамъ отложить дѣло до другаго дня. Тогда я попрошу васъ прибыть къ семи часамъ утра. Мы напьемся кофею и прямо до наступленія жары попытаемъ счастья.

Когда на третій день, по уговору, за десять минутъ до семи часовъ, я слѣзъ съ телѣжки посреди двора фермы, то уви-

далъ сѣдую, коротко остриженную голову фермера, выглянувшую изъ окна кабинета, и услыхалъ жирный его голосъ: „покорнѣйше просимъ“. Войдя въ небольшую столовую, я нашелъ накрытый столъ. Пока я ходилъ въ кабинетъ поставить ружье и снять на время остальныя охотничьи принадлежности, столовая оживилась. Я нашелъ въ концѣ стола знакомую уже мнѣ дѣвушку лѣтъ семнадцати, пышныя рѣсницы и волосы которой я только тутъ разсмотрѣлъ хорошенько. Человѣкъ пять опрятныхъ мальчугановъ и дѣвочекъ помѣщались на стульяхъ по обѣимъ ея сторонамъ, а старикъ-отецъ, пригласившій меня сѣсть рядомъ съ собою, покойно опустился противъ нея на кресло.

— Въ прошломъ году, сказалъ онъ, я имѣлъ несчастіе потерять жену, и вотъ моя старшая Эмми, какъ видите, теперь мать всѣхъ этихъ дѣтей.

Тою порою Эмми съ необыкновенною ловкостью разливала молоко по стаканамъ дѣтей, добавляя каждому кусокъ хлѣба съ масломъ. Она не заставила ни отца, ни меня ждать нашихъ порцій душистаго кофею съ превосходными сливками и горячимъ печеньемъ. Отцу она налила кофей въ кружку, превышавшую размѣры обыкновеннаго стакана.

— Видно, что вы привыкли расточать благодѣянія, сказалъ я, чтобы не сидѣть молчкомъ,—такъ свободно и легко это у васъ выходитъ.

— Всегда легко, отвѣчала она, дѣлать, что нравиться.

— Конечно, Шиллеръ много одухотворяетъ вашъ трудъ своими идеалами.

— Противъ этого я не спорю, отвѣтила она, но у меня такъ мало времени послѣ дѣтскихъ уроковъ, что мнѣ некогда разбирать источники моихъ чувствъ. Мнѣ все кажется, что любимое въ жизни и есть идеальное.

Въ это время старикъ-отецъ налилъ себѣ вторую кружку кофею и приправилъ ее чудесными сливками. Дѣвушка приподнялась, перешла на другой конецъ стола къ отцу и тихо взяла у него приготовленную кружку. Старикъ схватился обѣими руками за блюдечко и заворчалъ что-то вродѣ: „только на этотъ разъ“.

— Нѣтъ, нѣтъ папа! самымъ серьезнымъ голосомъ сказала

дѣвушка. Это тебѣ вредно, и я положительно тебѣ этого не позволю. Старикъ выпустилъ блюдечко, и она унесла кофе.

Не теряя утреннихъ часовъ, мы по знакомой уже мнѣ дорожкѣ отправились черезъ кусты въ близь лежащій лѣсъ. На этотъ разъ мой Непиръ, скакнувъ черезъ старый пень, вдругъ загнулъ голову назадъ и съ приподнятымъ хвостомъ застылъ на мѣстѣ. Налюбовавшись съ моимъ хозяиномъ первою стойкою щенка, я вспугнулъ и убилъ вылетѣвшаго тетеревенка.

Когда впослѣдствіи, на привалѣ въ калужскихъ лѣсахъ, я передалъ этотъ охотничій эпизодъ Тургеневу, онъ сказалъ:

— Да, кажется, ничего нѣтъ необыкновеннаго въ вашей Эмми, а между тѣмъ сколько вѣковъ культуры должны были наслояться одинъ на другой, чтобы такое явленіе стало возможнымъ.

Не связанные никакимъ присутствіемъ владѣльцевъ, мы, какъ я уже выше замѣтилъ, занимали барскій домъ, подѣливши между эскадронными товарищами комнаты, и жили, кто какъ хотѣлъ. Мы съ Василіемъ Павловичемъ, какъ всегда, держали общій столъ, а два брата бароны Офберги продовольствовались тоже вмѣстѣ. Если мы и посѣщали взаимно другъ друга, то въ качествѣ гостей. У старшаго, хорошаго стрѣлка и охотника, желтый понтеръ Гекторъ былъ родной братъ моего чернаго Непира, и, приходя иногда поболтать въ комнату къ барону, я постоянно изумлялся неусыпному вниманію охотника, наблюдавшаго за своею, лежавшею на соломенной подушкѣ, собакой. Выпускался красивый Гекторъ гулять на дворъ въ извѣстное время сутокъ, но затѣмъ, едва только онъ поднимался съ подушки и искательно подходилъ къ хозяину или гостю, какъ въ ту же минуту раздавалось неизмѣнное: „geh'schlafen, geh'schlafen!“ и несчастная собака снова неподвижно укладывалась на подушку.

Высокая справочная цѣна на овесъ побудила старшаго барона купить рублей за пятнадцать осьминникъ роскошнаго клевера, котораго солдатикъ барона ежедневно накашивалъ извѣстное количество для его лошади. Такимъ образомъ баронъ достигалъ двухъ цѣлей: освѣженія лошади травянымъ продовольствіемъ и сокращенія расхода наполовину.

Что касается до меня, то, занимаясь на досугѣ выѣздкою своихъ лошадей, отъ которыхъ постоянно добивался успѣховъ, я и не помышлялъ объ уменьшеніи имъ корма, особливо налегая на своего Фелькерзама, котораго почти довелъ до желаемой гибкости и податливости. Передъ выступленіемъ въ походъ, кавалергардскій берейторъ предлагалъ мнѣ за него полторы тысячи рублей; но тогда я не рѣшился продать его: теперь же, въ виду поступившаго подъ сѣдло Глазунчика, я былъ бы не прочь продать прежняго парадира за такую цѣну.

Въ одно свѣтлое, но далеко для меня не прекрасное утро въ комнату ко мнѣ вошелъ старшій баронъ Оффергъ.

— Здравствуйте, баронъ, сказалъ я.—Не хотите ли кофею?

— Нѣтъ, теперь девятый часъ, отвѣчалъ баронъ, и я не только напился кофею, но успѣлъ объѣздить свою лошадь и зашелъ спросить васъ,—что такое съ вашей лошадью? Я видѣлъ, солдатикъ выводилъ ее изъ конюшни, и она черезъ порогъ спотыкается.

Я бросился въ конюшню, и слова барона вполнѣ оправдались. Лошадь, которую я день тому назадъ отъѣздилъ до мыла, по непонятной причинѣ пала на ноги. Оказалось, что причиною бѣды была медвѣжья услуга. Солдатикъ мой, откармливая несчастнаго Фелькерзама, отъ души, сверхъ обычной дачи, кралъ для него бароновскій клеверъ. Пришлось прибѣгать къ кровопусканіямъ и діэтѣ, но, не смотря на всѣ старанія, лошадь уже держалась подъ сѣдломъ одною школой. Весь прежній огонь погасъ невозвратно.

Однажды вернувшись съ охоты, баронъ разсказалъ мнѣ, что въ чащѣ лѣсной нашелъ выводокъ глухарей, но цыплята такъ молоды, что онъ по нихъ стрѣлять не сталъ. Мнѣ захотѣлось натаскать своего Непира, уже показавшаго блестящія способности. Съ этою цѣлью я рано утромъ отправился на моховое болото, поросшее елками и группами невысокихъ кустовъ, представлявшихъ зеленые острова между бѣлыми мхами, этимъ любимымъ мѣстопребываніемъ бѣлыхъ куропатокъ. На послѣднихъ то разсчитывалъ я болѣе всего, такъ какъ, крѣпкія на подъемъ, онѣ всего удобнѣе для упражненія собаки въ твердой стойкѣ. Но какъ нарочно на этотъ разъ я ничего не находилъ и, увлекаясь поисками, зашелъ далеко отъ своей

UNIVERSITY OF CALIFORNIA

телѣжки. Солнце высоко уже стояло на небѣ, показывая полдень; голодъ и жажда давали сильно себя чувствовать; въ ягташѣ моемъ, кромѣ случайно попавшейся пары дупелей, ничего не было, и я рѣшился зажарить одного изъ нихъ, не смотря на отсутствіе соли. Ощипать его и надѣть на палочку было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, и затѣмъ, когда при поворотахъ надъ разведеннымъ огнемъ сытый дупель сталъ выпускать свое сало, я вмѣсто соли посыпалъ его порохомъ, содержащимъ селитру, какъ суррогатъ соли. Конечно, мое жареное оказалось совершенно чернымъ, но съѣлъ я его съ особеннымъ аппетитомъ, и голодному оно казалось превосходнымъ. Кончивъ импровизованный завтракъ, я пустился далѣе и вдругъ, къ величайшей радости, увидалъ, что мой Непиръ вытянулся и замеръ, повернувшись носомъ къ кустарнику, представлявшему зеленый продолговатый островъ на чистомъ болотѣ. Долгое время стоялъ я надъ собакой, тихонько гладя ее по спинѣ и любуясь ея раздувающимися ноздрями и горящими глазами. Но всему есть границы, и я вполголоса произнесъ: „allez!“ Собака не двигалась. По крѣпкой ея стойкѣ, я предполагалъ цѣлый выводокъ тетеревовъ или бѣлыхъ куропатокъ, и сталъ подвигаться вдоль края острова по направленію, указываемому собакой, держа ружье наготовѣ. Вдругъ шагахъ въ семи передъ собою я услыхалъ въ низкорослomъ кустарникѣ тотъ рѣзкій трепетъ крыльевъ, который всегда такъ нервно дѣйствуетъ на охотника,—и изъ кустовъ показалась краснобровая голова черныша. „Ну, думаю, дѣло на чистоту. Торопиться некуда! Возьму повѣрнѣе, и собака, такъ отлично державшая стойку, увидавши убитаго тетерева, убѣдится въ цѣли нашихъ общихъ стараній“. Медленно навелъ я ружье вдоль спины выбравшагося изъ кустовъ черныша и спустилъ курокъ. Къ изумленію моему, невредимый чернышъ, распустивши широко крылья, показался надъ бѣлымъ комкомъ дыма отъ моего выстрѣла. „Странно, подумалъ я;—но ужь отъ втораго то, совершенно хладнокровнаго и систематическаго выстрѣла не уйдешь“. Опять бѣлый комъ дыма, и изъ него все выше и выше поднимается чернышъ и по синему, безоблачному небу несется къ отдаленной каемкѣ лѣсовъ, окружающихъ моховое болото. Руки мои съ дымящи-

мися стволами опустились, и обидная неудача сразу подкосила остатокъ силъ, возбуждавшихся недавнею надеждой. Всѣмъ моимъ существомъ я почувствовалъ, что въ эту пору дня надо было бы уже быть дома и отдыхать отъ тяжелой ходьбы по болоту, въ которомъ съ каждымъ шагомъ нога глубоко уходитъ въ мягкій мохъ. А тутъ приходится верстъ пять такимъ болотомъ возвращаться къ лошади, таща ружье, которое тутъ только показалось чрезвычайно тяжелымъ. Солнце пекло невыносимо при совершенномъ безвѣтріи. Вдругъ во всеобщемъ молчаніи загрохотала близкая, оглушительная и непрерывная канонада. Не могло быть сомнѣнія, что канонада эта производится громадными крѣпостными или морскими орудіями. Ясно, что англичане бомбардируютъ Ревель, а быть можетъ прикрываютъ морскою артиллеріей свой десантъ. Въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, завязалось генеральное сраженіе, на которое въ числѣ прочихъ понесся и нашъ шестой эскадронъ, въ то время какъ я одинъ, изнемогающій отъ усталости, часа полтора еще буду тащиться по болоту. Хорошъ слуга отечества! Чѣмъ это все для меня разыграется? Отчаяніе придало мнѣ новыя силы, и я гораздо скорѣе, чѣмъ можно было предполагать, дошелъ до ожидавшаго меня кучера Ивана. Когда мы быстро докатили до дому, канонада прекратилась, и эскадронъ не трогался съ мѣста, а къ вечеру мы узнали, что соединенный флотъ праздновалъ день рожденія Непира. Нечего было удивляться, что пальба казалась столь близкою, если припомнить, что на берегу Балтійскаго Порта мы совершенно ясно слышали громъ бомбардированія Бомарзунда.

Не находя въ моемъ воспоминаніи ничего замѣчательнаго о дальнѣйшемъ нашемъ пребываніи на уединенной мызѣ, возвращаюсь съ моимъ разсказомъ прямо въ знакомыя окрестности Дерпта на мызу Аякаръ къ Энгардтамъ, куда позднею осенью мы были переведены снова.

На этотъ разъ не упомню, почему именно я попалъ ночевать во флигель гостепріимныхъ Берговъ, вмѣстѣ съ кучеромъ моимъ Иваномъ, бывшимъ при мнѣ въ качествѣ прислуги. Когда, вставши поутру и напившись кофею, я отворилъ дверь въ предшествующую комнату, то нашелъ Ивана

стоящимъ противъ двери, и при взглядѣ на его рябыя приподнявшіяся скулы и слегка прижмуренные, смѣющіеся сѣренькіе глазки, я тотчасъ увидалъ, что съ нимъ случилось что-либо курьезное.

— Что ты, Иванъ? спросилъ я его.

— Ги, ги! замычалъ онъ, оскалившись.—Ужь такіе-то порядки тутъ, что только помилуйте! При этомъ онъ прибѣгнулъ къ обычному своему жесту, которымъ выражалъ крайнее смущеніе и застѣнчивость: раздвинувъ пальцы рукъ, онъ, образуя какъ бы забрало, закрывалъ имъ глаза, хотя и продолжалъ смотрѣть въ промежутки между пальцами.

— Помилуйте, скажите! прихожу это вечеромъ и гляжу: что вамъ въ той комнатѣ, то и мнѣ въ этой. Только все попроще. А то и постель, и одѣяло, и коврикъ, и столикъ, и графинъ съ водою. Указываетъ человѣкъ: „вотъ, молъ, тебѣ!“— и ушелъ. Что жь тутъ дѣлать-то? Я, признаться, спервоначала хотѣлъ просто лечь на полъ и головою на коврикъ, да побоялся, что не тѣ у нихъ порядки. Дѣлать нечего! раздѣлся и тоже подъ одѣяло. Господи! а утромъ-то, какъ вамъ понесли кофей, и мнѣ тоже въ глиняной желтой кружкѣ кофей и булки здоровый ломоть. Ну, помилуйте, скажите! Что жь это за порядки?

Иванъ въ сущности былъ правъ, всѣмъ существомъ своимъ отшатываясь отъ подобныхъ порядковъ, которые могутъ существовать только тамъ, гдѣ одно служащее лицо, вполнѣ замѣняя двухъ-трехъ нашихъ, имѣетъ полное право разсчитывать на двойныя или тройныя удобства жизни.

Въ Аякарѣ началась наша прежняя однообразная жизнь, окруженная все тѣмъ же радушіемъ хозяевъ. Всегда веселый и подвижной, баронъ былъ самымъ дѣятельнымъ хозяиномъ, не упускавшимъ случая извлечь изъ хозяйства возможную выгоду.

— Вы вѣдь знаете, сказалъ онъ однажды, что я всякую зиму торгую рыбою. Но если вы хотите видѣть, какъ это дѣлается, то послѣ завтра мы поѣдемъ на рыбную ловлю, такъ какъ старообрядцы Пейпуса уже пріѣхали и сторговались со мною. Часть большаго озера, изъ котораго вытекаетъ рѣка Эмбахъ, входитъ въ нашу дачу, и весною, во время ме-

танія икры, рыба во множествѣ бьется къ берегу. Поэтому я, перепрудивши у себя небольшой ручей, недалеко отъ берега озера устроилъ большую сажалку и пускаю въ нее рыбу. Тутъ она не только сохраняется, но даже плодится, такъ какъ мелкую я никогда не выбираю. Я очень радъ, господа, что это васъ интересуетъ, сказалъ баронъ, обращаясь ко мнѣ и къ Василію Павловичу, и послѣ завтра мы поѣдемъ къ сажалкѣ, и вы сами все увидите. Я васъ не задержу, у меня живо это будетъ сдѣлано.

Когда въ назначенный день санки подвезли насъ къ покрытой снѣгомъ сажалкѣ, мы нашли на льду уже всѣхъ чухонцевъ, приготовлявшихся къ лову, а также и русскихъ крестьянъ-рыботорговцевъ. Въ рукахъ у послѣднихъ были нетолстыя дубинки.

Чтобы ясно понять происходившую на нашихъ глазахъ операцію, надо представить себѣ четвероугольную и продолговатую сажалку въ видѣ лежащей передъ нами бѣлой страницы, на которой надо написать русскую букву „покой“ такъ. чтобы верхняя черта буквы протянулась вдоль верхняго края листа, а двѣ боковыя ножки вдоль обоихъ его боковъ. Когда такая буква была умственно намѣчена на поверхности сажалки, чухонцы тотчасъ-же съ пешнями, кирками и топорами бросились прорубать ледъ по полоскѣ, соотвѣтствующей верхней чертѣ буквы П. Въ это же время другіе стали на линіяхъ, соотвѣтствующихъ обѣимъ ножкамъ П, прорубать лунки, или высѣкать проруби аршинъ на десять одна отъ другой. Когда таковыя проруби въ два ряда прошли вдоль всей сажалки, кончившіе первую сплошную прорубь, по верхней части буквы П, пробѣжали по всей сажалкѣ и прорубили въ нижнемъ концѣ ея совершенно такую-же поперечную прорубь, какъ и въ верхнемъ концѣ. Когда и эта прорубь была окончена, чухны стали прорубать еще и третью поперечную прорубь, какъ-бы перепоясывая посединѣ букву П и превращая ее въ букву Н. Тогда съ саней растянули неводъ во всю ширину сажалки съ привязанными къ обоимъ крыламъ его длинными бичевами, свободные концы которыхъ сейчасъ же прикрѣпили къ десяти или двѣнадцати-аршиннымъ жердямъ. Жерди эти тотчасъ же запустили подъ ледъ

и стали у толстаго конца жерди поворачивать ее вилою до тѣхъ поръ, пока тонкій конецъ жерди не показывался въ отдушинѣ первой очередной проруби. Тутъ сторожившій его появленіе чухонецъ въ свою очередь хваталъ жердь вилами и передвигалъ, какъ вздержку, до слѣдующей проруби, гдѣ такой же сторожъ налаживалъ ее до слѣдующей, — и такъ далѣе. Когда обѣ жерди такимъ порядкомъ достигли средней поперечной проруби, обѣ онѣ были вынуты изъ воды и, конечно, вытащили за собою слѣдомъ и веревки съ прикрѣпленными къ нимъ крыльями невода. Тащили неводъ въ поперечную прорубь, по объясненію барона, изъ предосторожности, чтобы сажаная рыба, захваченная тонею во всю длину сажалки, своею тяжестью не прорвала сѣти и такимъ образомъ не обратила всѣхъ усилій въ ничто. Такія опасенія оказались далеко не излишними: надо было видѣть горы всевозможной рыбы, наваленныя по обѣ стороны вытащенной сѣти. Пока выброшенная рыба вертѣлась на снѣгу, русскіе торговцы подходили и быстрыми ударами дубинки убивали ее по головѣ. На вопросъ мой, — для чего они это дѣлаютъ?—вопрошаемый отвѣчалъ:

— Изволите видѣть, какъ я ударю, она жабры-то раскроетъ, точно живая, да съ тѣмъ и застынетъ. Въ товарѣ-то она и красивѣе будетъ, не то что словно сонная набрана.

Когда сѣть была опорожнена, жерди, исполнявшія должность вздержекъ, снова юркнули подъ ледъ и, проходя отъ лунки къ лункѣ, въ скорости достигли послѣдней поперечной проруби, куда, вышедши изъ воды прежнимъ порядкомъ, вслѣдъ за веревками вытащили и вторую тоню. Кажется, на этотъ разъ рыбы навалили еще бо́льшіе вороха. Баронъ говорилъ намъ, что тутъ рыбы рублей на пятьсотъ, по заранѣе условленной цѣнѣ. Къ масляной онъ надѣялся получить еще столько же. Вся мелкая рыба, попадавшаяся въ обѣ тони, была на нашихъ глазахъ пущена обратно въ воду.

V.

Въ Петербургѣ. — Встрѣча съ друзьями. — Е. П. Ковалевскій. — У министра Норова. — Вечеръ у пѣвицы. — Графъ Кушелевъ-Безбородко. — М. А. Языковъ. — Обѣдъ въ честь Тургенева. — Докторъ Эрдманъ. — Именины. — Весенній походъ на родину. — Просьба объ отставкѣ. — Некрасовъ-игрокъ. — Хлопоты въ Главномъ Штабѣ.

Между тѣмъ военныя дѣйствія прекратились, и Тургеневъ писалъ мнѣ, что, по мнѣнію всѣхъ литературныхъ друзей, новый сборникъ моихъ стихотвореній получилъ окончательно приличный видъ, въ которомъ на дняхъ Тургеневъ сдастъ его въ типографію; но что если я все еще желаю поднести Его Величеству свой переводъ одъ Горація, то для этой цѣли мнѣ необходимо воспользоваться, съ наступленіемъ мира, возможностью получить отпускъ.

Вслѣдствіе этого, въ первыхъ числахъ января 1856 года, испросивши четырнадцатидневный отпускъ, я однажды вечеромъ растворилъ дверь въ кабинетъ Некрасова и нежданно захватилъ здѣсь весь литературный кружокъ.

— О! а! э! и! раздалось со всѣхъ сторонъ. Между прочимъ и Дружининъ съ улыбкою, протягивая мнѣ обѣ руки, громко воскликнулъ:

«На суку извилистомъ и чудномъ!»

—повторяя мой, спасенный его разъясненіями, стихъ.

Съ этихъ поръ милый Дружининъ постоянно встрѣчалъ меня этимъ стихомъ, точно такъ же, какъ въ свою очередь я постоянно встрѣчалъ Полонскаго его стихомъ:

«Въ тѣ дни, какъ я былъ соловьемъ!»

И каждый разъ на мое привѣтствіе онъ самъ разражался добродушнѣйшимъ смѣхомъ.

— Вѣдь вотъ, продолжалъ я, ты самъ хохочешь надъ нелѣпостью своего-же стиха. Но кому же, кромѣ прирожденнаго поэта, можетъ придти въ голову такая нелѣпость, и кому же другому такъ охотно простятъ ее?

Весьма забавно передавалъ Тургеневъ, въ лицахъ, недоумѣнія и споры, возникавшіе въ кругу моихъ друзей по поводу объясненій того или другаго стихотворенія. Всего забавнѣе выходило толкованіе стихотворенія:

«О не зови! Страстей твоихъ такъ звонокъ
Родной языкъ»...

—кончающагося стихами:

«И не зови, но пѣсню наудачу
Любви запой;
На первый звукъ я какъ дитя заплачу
И за тобой!»

Каждый, прислушиваясь къ цѣлому стихотворенію, чувствовалъ заключающуюся въ немъ поэтическую правду, и она нравилась ему, какъ гастроному вкусное блюдо, составныхъ частей котораго онъ опредѣлить не умѣетъ.

— Ну позвольте! Не перебивайте меня! говоритъ кто-либо изъ объясняющихъ.—Дѣло очень просто: не зови меня, мнѣ не слѣдуетъ идти за тобою, я уже испыталъ, какъ этотъ путь гибеленъ для меня, а потому оставь меня въ покоѣ и не зови.

— Прекрасно! возражаютъ другіе, — но почему же вы не объясняете до конца? Какъ же связать — „о не зови“... съ концомъ:

...«я какъ дитя заплачу
И за тобой!»

— Ясно, что эта рѣшимость слѣдовать за нею въ противорѣчіи со всѣмъ стихотвореніемъ

— Да, точно! въ смущеніи говоритъ объяснитель, и всеобщій хохотъ заглушаетъ слова его.

— Позвольте, господа! восклицаетъ гр. Л. Толстой. Это такъ просто!

Но и на этотъ разъ толкованіе приходитъ втупикъ, покрываемое общимъ хохотомъ.

Какъ это ни невѣроятно, среди десятка толкователей, исключительно обладавшихъ высшимъ эстетическимъ вкусомъ, не нашлось ни одного, способнаго самобытно разъяснить смыслъ стихотворенія; и каждый, раскрывъ изданіе 1856 года, можетъ убѣдиться, что знатоки, не справившись со стихотвореніемъ, прибѣгли къ ампутаціи и отрѣзали у него конецъ. А кажется легко было понять, что человѣкъ влюбленный говоритъ не о своихъ намѣреніяхъ слѣдовать или не слѣдовать за очаровательницей, а только о ея власти надъ нимъ. „О не зови — это излишне. Я безъ того, заслышавъ пѣсню твою, хотя бы запѣтую безъ мысли обо мнѣ, со слезами послѣдую за тобой“.

Въ нашемъ шумномъ и веселомъ кружкѣ особенно выдавался своею молчаливостью и блѣдностью, въ то время уже сѣдой, генералъ-маіоръ Егоръ Петровичъ Ковалевскій. Его сдержанность равнялась только его скромности, хотя послѣ долгаго странствованія по востоку и жизни въ Китаѣ ему было о чемъ разсказать. Въ болѣе свѣтлыя минуты онъ съ великимъ сочувствіемъ отзывался о Китаѣ, подобно всѣмъ, прожившимъ тамъ извѣстное время. Онъ, очевидно, мучительно хандрилъ, но сквозь эту хандру каждому слышалась безконечная доброта этого человѣка. Тургеневъ не разъ по уходѣ его говорилъ:

— Право, съ такою хандрою, какъ у Ковалевскаго, неприлично появляться между людьми. Это просто невѣжливо. И что за причина такого настроенія?

— Должно быть, замѣчалъ Некрасовъ въ своемъ безпощадно шуточномъ родѣ,—онъ какого-нибудь негра зарѣзалъ и этимъ мучается.

Такая мысль была, быть можетъ, отчасти въ связи съ тѣмъ, что у Ковалевскмго дѣйствительно былъ слуга негръ, вывезенный имъ изъ Абиссиніи много лѣтъ тому назадъ. Онъ окрестилъ его, назвалъ Николаемъ и далъ ему вольную. Но Николай былъ страстно преданъ своему господину и на

трѣзъ отказывался и отъ предложенія вернуться на родину, отъ всякой перемѣны своего положенія.

Бывая иногда въ гостинницѣ Клея, нынѣ Европейской, я сѣдовалъ съ Николаемъ, говорившимъ очень хорошо по-усски, и слышалъ, съ какимъ участіемъ и любовью господинъ и слуга отзывались другъ о другѣ. Егоръ Петровичъ разъ говорилъ, что у бѣднаго его Николая, какъ это нездко бываетъ у негровъ, попавшихъ на сѣверъ, сильнѣйая чахотка.

— Я бы и денегъ ему далъ, говорилъ Ковалевскій, и отпраилъ бы его на югъ, но не могу его уговорить.

На стѣнахъ у Егора Петровича я былъ пораженъ удивиельными акварельными портретами китайскихъ красавицъ, апоминавшими мягкостью и чистотой очертаній Перуджино. овалевскій говорилъ, что это работа китаянокъ и вообще ворилъ о китаянкахъ, какъ о первыхъ въ мірѣ женщинахъ. а косвенные вопросы мои о его дурномъ расположеніи духа, ъ говорилъ, что лѣтомъ его такъ и позываетъ броситься балкона на улицу, а теперь онъ только по ночамъ стается унимать тоску карточною игрою въ Англійскомъ убѣ. „Да и то, прибавилъ онъ, мало шевелитъ меня. Деньги ть, и выигрывать новыя безцѣльно“.

Книжка моихъ стихотвореній, изданная Тургеневымъ, выла на другой или на третій день по пріѣздѣ моемъ въ Пербургъ, и я тотчасъ же съ благодарностью уплатилъ ему й долгъ, не забывая собственно главной цѣли моего пріда: посвященія Его Величеству моего перевода Горація. едоумѣвая, какимъ путемъ этого достигнуть, я остановился мысли обратиться къ тогдашнему министру народнаго юсвѣщенія Норову.

— Вы изъ нашихъ, любезно сказалъ Норовъ, узнавши, о я бывшій студентъ Московскаго университета.—Я очень адъ, что могу исполнить просьбу вашу и увѣдомить васъ ъ ея исполненіи.

Дней черезъ десять чиновникъ при министерствѣ народаго просвѣщенія Добровольскій, заставши меня у Некрава, сообщилъ мнѣ о принятіи государемъ моего посвященія и о подаркѣ мнѣ рубиноваго перстня.

Зная мою страсть къ романсамъ, и романсамъ Глинки особенности, Тургеневъ однажды вечеромъ повезъ меня пѣвицѣ, мужу которой не безъ основанія предсказыва блестящую будущность на дипломатическомъ поприщѣ. былъ представленъ тремъ сестрамъ пѣвицамъ, изъ которы двѣ случайно въ этотъ вечеръ встрѣтились въ салонѣ ста шей ихъ сестры, хозяйки дома. Справедливость вынуждае сказать, что именно сама хозяйка была менѣе всѣхъ сесте надѣлена красотою. Спровадивъ болѣе или менѣе форма ныхъ гостей, хозяйка сумѣла увести своихъ сестеръ и на съ Тургеневымъ въ залу къ роялю, и тутъ началось пр лестнѣйшее тріо. Но вотъ сестры хозяйки, вынужденн возвратиться домой, ушли одна за другою, и мы остали съ Тургеневымъ у рояля, за которымъ хозяйка приступи къ спеціальному исполненію романсовъ Глинки. Во в жизнь я не могъ забыть этого изящнаго и вдохновенна пѣнія. Восторгъ, окрылявшій пѣвицу, сообщалъ обраще ному къ намъ лицу ея духовную красоту, передъ котор должна бы померкнуть заурядная, хотя бы и несомнѣнная, кр сота. Душевное волненіе Глинки, передаваемое намъ пѣв цею, прежде всего потрясало ее самое, и въ концѣ роман она, закрывая лицо нотами, уходила отъ насъ, чтобы нѣк торое время оправиться отъ осилившихъ ее рыданій. М нутъ черезъ пять она возвращалась снова и безъ всяки приглашеній продолжала пѣть. Я никогда уже не слыхива такого исполненія Глинки.

Рѣшительно не припомню въ настоящую минуту, кто, просьбѣ больнаго и никуда не выѣзжавшаго графа Куш лева-Безбородко, познакомилъ меня съ нимъ. Желаніе К шелева познакомиться со мною, я объясняю тогдашнею е фантазіей издавать журналъ, которому онъ далъ назван „Русское Слово“. Я нашелъ въ немъ добродушнаго и ск чающаго богача, по болѣзненности прервавшаго мало-п малу всѣ сношенія съ такъ называемымъ свѣтомъ, треб вавшія извѣстнаго напряженія. Всякое общественное пол женіе, даже простое богатство требуетъ отъ человѣка ус лій, чтобы нести это вооруженіе къ извѣстной цѣли. Мож хорошо или плохо разыгрывать свою роль, но отказать

отъ нея совершенно—невозможно. Кушелевъ именно, какъ мнѣ кажется, думалъ прожить одною своею великолѣпною обстановкою и при этомъ пришелъ къ матеріальному и духовному банкротству. Но возвращаюсь къ моимъ воспоминаніямъ.

Бѣломраморная лѣстница, ведущая въ бель-этажъ, была уставлена прекрасными итальянскими статуями. Въ амфиладѣ комнатъ стѣны были покрыты дорогими картинами голландской школы. Не буду говорить о блестящей залѣ, диванной, затянутой персидскими коврами, и множествѣ драгоцѣнныхъ бездѣлокъ. Угощая гостей изысканнѣйшимъ столомъ, мастерства крѣпостнаго повара, который могъ бы поспорить съ любымъ французомъ, графъ говорилъ, что не понимаетъ, что такое значитъ праздничный столъ. „У меня, —говорилъ онъ,—столъ всегда одинаковый, не смотря на мѣняющіяся блюда". Такому положенію соотвѣтствовала и ежедневная сервировка, и парадныя ливреи многочисленной прислуги.

Я никогда не видалъ графини иначе, какъ за обѣдомъ, то есть уже при свѣчахъ, и потому не берусь говорить, въ какой мѣрѣ она сохранила свѣжесть, но на взглядъ она была еще писанная красавица, если только не въ буквальномъ значеніи слова. Какъ я слышалъ, графъ купилъ ее у нѣкоего К. за сорокъ тысячъ рублей и, какъ видно, неразборчивая красавица, попавши изъ небогатой среды въ милліоны, предалась необузданному мотовству. Говорили, что четыре раза въ день модистки пріѣзжали къ графинѣ съ новыми платьями, а затѣмъ она нерѣдко требовала то или другое платье и разстрѣливала его изъ револьвера. Все это не болѣе, какъ слухи. Но приведу слова самого Кушелева:

— Извините пожалуйста, — сказалъ онъ мнѣ однажды въ своемъ кабинетѣ,—что въ настоящую минуту не могу вручить вамъ моего долга. Третьяго дня я отпустилъ жену въ Парижъ и былъ совершенно покоенъ, уплативши за нее въ магазины сорокъ тысячъ рублей. А сегодня утромъ неожиданно приносятъ еще счетовъ на семьдесятъ тысячъ. Позвольте мнѣ дня черезъ три прислать вамъ мой долгъ.

Не удивительно, что при такихъ замашкахъ бѣдный графъ сначала прожилъ свое громадное состояніе, а потомъ такое же, полученное по смерти брата. Хорошо, если у видѣннаго мною семилѣтняго бѣлокураго мальчика, сына графа, остался насущный кусокъ хлѣба.

Еслибы воспоминанія о Кушелевѣ представляли одну картину матеріальнаго раззоренія, то картина эта одними размѣрами отличалась бы отъ множества другихъ. Но въ ней проявлялась особенность, дѣйствовавшая на меня самымъ тяжелымъ образомъ даже на его гастрономическихъ обѣдахъ.

Хотя во время, о которомъ я говорю, вся художественно-литературная сила сосредоточивалась въ дворянскихъ рукахъ, но умственный и матеріальный трудъ издательства давно поступилъ въ руки разночинцевъ, даже и тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, у Некрасова и Дружинина, журналомъ заправлялъ самъ издатель. Мы уже видѣли, какъ при тяготѣніи нашей интеллигенціи къ идеямъ, вызвавшимъ освобожденіе крестьянъ, сама дворянская литература дошла въ своемъ увлеченіи до оппозиціи кореннымъ дворянскимъ интересамъ, противъ чего свѣжій неизломанный инстинктъ Льва Толстаго такъ возмущался. Что же сказать о той средѣ, въ которой возникли „Искра“ и всемогущій „Свистокъ“ „Современника“, передъ которымъ долженъ былъ замолчать самъ Некрасовъ. Понятно, что туда, гдѣ люди этой среды, чувствуя свою силу, появлялись какъ домой, они вносили и свои пріемы общежитія. Я говорю здѣсь не о родословныхъ, а о той благовоспитанности, на которую указываетъ французское выраженіе: „enfant de bonne maison“, рядомъ съ его противоположностью.

Въ тѣ два раза, въ которые я обѣдалъ у Кушелева, я ни разу не заставалъ А. Ѳ. Писемскаго, но знаю, что онъ тамъ нерѣдко обѣдалъ. Съ Писемскимъ я встрѣчался въ нашемъ литературномъ кругу и всего чаще у Тургенева, съ которымъ онъ былъ очень друженъ. Хотя кромѣ Писемскаго въ нашемъ кругу не было недостатка въ людяхъ, которыхъ Тургеневъ обзывалъ толстяками, какъ напримѣръ: Лонгиновъ, Гончаровъ,—но это были элегантные толстяки, не позволявшіе себѣ никакой распущенности, тогда какъ Писемскій, плотно по-

кушавши, дозволялъ себѣ громкую отрыжку, къ которой такъ привыкъ, что признавалъ ее дѣломъ безразличнымъ. Я какъ разъ вспомнилъ характеристику Писемскаго, придуманную Кушелевымъ, показывающую въ то же время словесную силу издателя „Русскаго Слова“: „Писемскій,—сказалъ онъ мнѣ,—общественный рыгачъ“.

Тяжело было сидѣть за обѣдомъ, въ которомъ серебряныя блюда разносились ливрейною прислугою, и къ которому нѣкоторые гости уже отъ закуски подходили въ сильно возбужденномъ состояніи.

— Графъ!—громогласно восклицаетъ одинъ изъ подобныхъ гостей,—я буду просто тебя называть: „графъ Гриша“.

— Ну что же? Гриша, такъ Гриша, — отвѣчаетъ Кушелевъ.—Что же это доказываетъ?

— А я просто буду называть тебя: „графъ Гришка!“

— Ну Гришка, такъ Гришка. Что жь это доказываетъ?— и такъ далѣе.

Полагаю, что это коробило самую прислугу.

И вотъ русскій баринъ-богачъ, взявшійся за неподсильную ему умственную работу, является со знаменемъ во всѣхъ отношеніяхъ враждебнаго ему лагеря. Но не наше дѣло спрашивать, почему всѣмъ активнымъ русскимъ силамъ надлежало стать жертвою мелодраматическихъ фразъ. Только будущее способно отвѣтить на такой вопросъ, а моя задача—разсказывать о видѣнномъ.

Приходится, въ числѣ лицъ, принадлежавшихъ къ нашему литературному кружку, вспомнить о М. А. Языковѣ, неизмѣнно присутствовавшемъ на всѣхъ нашихъ бесѣдахъ, вечерахъ и попойкахъ, хотя онъ былъ человѣкъ женатый и занималъ прекрасное помѣщеніе на казенномъ, фарфоровомъ заводѣ. Онъ былъ человѣкъ весьма дѣльный и, помнится, избираемъ былъ Тургеневымъ третейскимъ судьею въ какомъ-то щекотливомъ дѣлѣ. Но когда на своихъ хромающихъ и отъ природы кривыхъ ножкахъ онъ съ улыбкою входилъ въ комнату, каждый, протягивая ему руку, былъ увѣренъ, что услышитъ какую-либо нелѣпость.

Бывало, зимою, поздно засидѣвшись послѣ обѣда, кто-нибудь изъ собесѣдниковъ крикнетъ: „господа! поѣдемте ужи-

нать къ Языкову!“ И вся ватага садилась на извозчиковъ и отправлялась на фарфоровый заводъ къ несчастной женѣ Языкова, всегда съ особенной любезностью встрѣчавшей незванныхъ гостей. Не знаю, какъ она успѣвала накормить всѣхъ, но часа черезъ полтора или два являлись сытныя и превосходныя русскія блюда, начиная съ гречневой каши со сливочнымъ масломъ или со сливками и кончая великолѣпнымъ поросенкомъ, сырниками и т. д. И ватага отваливала домой, довольная хозяевами и ночною экскурсіей.

Быть можетъ не всѣмъ извѣстно, что Тургеневу стоило большаго труда выпросить у Тютчева тетрадку его стихотвореній для „Современника“. Познакомившись впослѣдствіи съ Ѳедоромъ Ивановичемъ, я убѣдился въ необыкновенной его авторской скромности, по которой онъ тщательно избѣгалъ не только разговоровъ, но даже намековъ на его стихотворную дѣятельность. Появленіе небольшаго собранія стихотвореній Тютчева въ „Современникѣ“ было привѣтствовано въ нашемъ кругу со всѣмъ восторгомъ, котораго заслуживало это капитальное явленіе.

Все это приходитъ мнѣ на память по случаю обѣда, даннаго нами по подпискѣ въ честь Тургенева, нерѣдко угощавшаго насъ прекрасными обѣдами. За обѣдомъ, въ залѣ какой-то гостинницы, шампанскаго, а главное — дружескаго единомыслія было много, а потому всѣмъ было весело. Собесѣдники не скупились на краткія привѣтствія, выставлявшія талантъ и литературныя заслуги Тургенева.

— Господа! — воскликнулъ Тургеневъ, подымая руку: — позвольте просить вашего вниманія. Вы видите, М. А. Языковъ желаетъ говорить.

— Языковъ, Языковъ желаетъ сказать спичъ! — раздались хихикающіе голоса.

Языковъ, высоко поднимая бокалъ и озираясь кругомъ, серьезно произнесъ:

«Хотя мы спичемъ и не тычемъ,
Но чтобъ не быть разбиту параличемъ»...

и сѣлъ. Раздался громкій смѣхъ, что и требовалось доказать. Мнѣ стало совѣстно, что я ничего не приготовилъ и, выта-

вши записную книжку, я на колѣняхъ написалъ и затѣмъ громко прочелъ слѣдующее четверостишіе:

«Поднять бокалъ въ честь дружнаго союза
Къ Тургеневу мы нынче собрались.
Надѣнь ему вѣнокъ, шалунья муза,
Надѣнь и улыбнись!»

Минуты двѣ спустя, Тургеневъ въ свою очередь попросилъ слова и сказалъ:

«Всѣ эти похвалы едва-ль ко мнѣ придутся,
Но вы одно за мной признать должны:
Я Тютчева заставилъ растегнуться
И Фету вычистилъ штаны».

Гомерическій смѣхъ былъ наградою импровизатору.

Четырнадцатидневный отпускъ мой кончился, и я долженъ былъ вернуться въ свой флигель въ Аякаръ, который Иванъ настойчиво называлъ „Якорь-мыза“.

Съ самаго дѣтства желудокъ мой упорно отказывался отъ своихъ обязанностей, навлекая на меня цѣлый рой недуговъ, начиная съ горловыхъ и глазныхъ болѣзней; а въ послѣднее время недуги эти дотого усилились, что я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ совѣту ученыхъ дерптскихъ врачей. Мнѣ рекомендовали одного изъ докторовъ, только-что вернувшагося изъ Севастополя, куда онъ былъ командированъ въ качествѣ одного изъ главныхъ дѣятелей. Осмотрѣвъ меня, онъ нашелъ мое положеніе требующимъ немедленнаго, радикальнаго лѣченія въ клиникѣ подъ его спеціальнымъ надзоромъ. Съ величайшимъ отчаяніемъ въ душѣ шелъ я отъ знаменитаго профессора по площади мимо монумента Барклая-де-Толли и, случайно поднявши на углу улицы глаза, прочелъ надпись: докторъ Эрдманъ. „Дай, зайду,—подумалъ я,—и потолкую; хуже не будетъ“.

Когда меня попросили въ кабинетъ старика-доктора, и я, сѣвши на указанное мнѣ кресло, излилъ задушевныя жалобы на мою болѣзнь, почтенный докторъ спросилъ меня, — кто мнѣ сказалъ о такой моей болѣзни. Я назвалъ доктора.

— Ни малѣйшихъ признаковъ этой болѣзни въ васъ нѣтъ, а у васъ гораздо хуже: общее разстройство дыхательныхъ

органовъ. Весною вамъ необходимо бросить все и бѣжать въ Карлсбадъ. Я самъ туда поѣду, и мы тамъ можемъ встрѣтиться. А пока вотъ вамъ пилюли.

Я ушелъ отъ доктора въ твердой рѣшимости буквально послѣдовать его совѣту; но до времени былъ радъ вернуться къ обычному теченію жизни.

Помню, какъ нарочно, и въ этомъ году 22-го февраля, въ день моихъ именинъ, была такая же мятель, какъ и въ предшествующемъ году. И на этотъ разъ мы съ Василіемъ Павловичемъ никого не ждали къ именинному пирогу. Но въ первомъ часу, какъ и въ прошломъ году, послышался звонъ колокольчика, и въ снѣжной пыли показалась почтовая тройка, а затѣмъ въ комнату вошли засыпанные снѣгомъ Н. Ѳ. Щ—ій и Кр. А. Панаевъ.

Когда деньщики сняли съ пріѣзжихъ шубы, я, конечно, бросился обнимать милыхъ гостей, но Щ — ій съ самымъ серьезнымъ видомъ сдѣлалъ рукою сдерживающій жестъ по направленію къ Панаеву, проговоривъ:

— Кронидъ Александровичъ, стихи!

Тогда послѣдній, приподымая оказавшійся въ рукѣ у него прекрасный граненый стаканъ и отступя на шагъ, торжественно произнесъ:

«Въ день именинъ твоихъ прими стаканчикъ, Фетъ!
Пей нектаръ изъ него, любезнѣйшій поэтъ!»

— А вотъ и курильница для ѳиміама, прибавилъ Щ—ій, подавая мнѣ пепельницу.

Былъ мартъ мѣсяцъ. Стоило обождать двѣ-три недѣли, и мы могли бы пуститься въ обратный путь къ новгородскимъ поселеніямъ безъ тѣхъ бѣдствій, которыя въ военное время составляютъ подвиги и потому переносятся безропотно. Но не такъ было рѣшено въ сухихъ и теплыхъ аппартаментахъ Главнаго Штаба. Намъ былъ высланъ маршрутъ и назначенъ день выступленія. Ночлегъ перваго перехода пришелся для нашего эскадрона у знакомаго уже намъ гостепріимнаго Берга. Долго вечеромъ пришлось намъ поджидать нашей офицерской фуры, которой по разсчету времени давно слѣдовало быть на мѣстѣ. Часовъ въ десять любезный хозяинъ

пришелъ къ намъ во флигель, приглашая успокоиться и лечь на отдыхъ, такъ какъ одинъ изъ нашихъ людей пріѣхалъ на пристяжной и заявилъ, что ось подъ фурой сломалась, а такъ какъ при фурѣ всегда есть запасная ось, которую нужно только приладить, то онъ и послалъ нашимъ людямъ на помощь своего плотника. Но не успѣли мы погрузиться въ сладкій сонъ, какъ услыхали стукъ у дверей, и тотъ же Бергъ вошелъ къ намъ съ огнемъ въ комнату, съ грустною улыбкой передавая о новомъ усложненіи.

— Какіе странные ваши люди, говорилъ онъ. — Они тамъ въ полѣ прибили моего плотника, который имъ помогалъ.

Приходилось все это улаживать посредствомъ извиненій и чаевъ потерпѣвшему.

Наступили сильныя оттепели.

Зная, что ничто такъ не можетъ укротить и успокоить молодую лошадь, какъ переходы подъ сѣдломъ, я пошелъ въ походъ впереди эскадрона на своемъ Глазунчикѣ. Идти приходилось проселками по тѣсной дорогѣ въ одинъ конь, и то не безъ треволненій. Дорога, при таяніи снѣга углубленная въ видѣ рытвины, представляла совершенный ручей, загороженный спереди крестьянскими санями, съ наваленными на нихъ запасными пиками, оборачивающими назадъ на васъ свои острія. Молодая лошадь, наскучившая стоять по колѣно въ холодномъ ручьѣ, гребетъ воду и просится впередъ. Но ни впередъ, ни въ бокъ въ невылазные сугробы ходу нѣтъ, и приходится ждать, укрощая лошадь до тѣхъ поръ, пока передніе подводчики вытащатъ сани изъ зажоры. Такимъ же порядкомъ приходится переходить углубленія и долины, въ которыхъ разыгралась весенняя вода. Въ особенности памятенъ мнѣ одинъ изъ такихъ переходовъ. Кромѣ ручьевъ, въ которыхъ пришлось оставить наши фуры съ выбивающимися изъ силъ людьми, лошадьми и помогающими имъ солдатиками, къ вечеру насъ, еще далеко отъ станціи по маршруту, захватилъ проливной дождикъ, превратившій вечеръ въ непроглядную ночь. Добравшись до имѣнія помѣщика, котораго имени, къ сожалѣнію, не упомню, мы рѣшились просить у него ночлега для себя и для эскадрона, почти увѣренные въ отказѣ, такъ какъ ночлегъ назначенъ былъ по

маршруту верстъ за восемь далѣе. Но, къ изумленію и радости нашей, помѣщикъ принялъ насъ самымъ великодушнымъ образомъ. Онъ тотчасъ же распорядился выгнать собственный скотъ изъ конюшенъ на всю ночь подъ проливной дождикъ и помѣстить туда нашихъ людей и лошадей, а насъ, офицеровъ, въ числѣ пяти человѣкъ, провели въ комнаты самого хозяина и, въ виду неприбытія нашей фуры, платье наше было отдано сушить на кухню, а мы всѣ пятеро снабжены бѣльемъ и платьемъ самого хозяина, такъ какъ собственное промокло все до нитки. Затѣмъ, когда изъ комковъ грязи мы, умывшись, восприняли человѣческій образъ, насъ отлично накормили горячими кушаньями и уложили на прекрасныхъ постеляхъ. Не удивительно, что я черезъ тридцать пять лѣтъ не забылъ подробностей такого пріема. Опуская дальнѣйшія подробности возвращенія полка на постоянныя квартиры, скажу только, что на одной дневкѣ, еще въ предѣлахъ Лифляндской губерніи, произошло слѣдующее лично для меня непріятное событіе.

На конюшнѣ крестьянина, у котораго мы дневали, всѣ пять стойлъ были заняты двумя моими верховыми, верховою Василія Павловича и двумя лошадьми нашихъ вѣстовыхъ. Рано утромъ на другой день прибытія, вахмистръ доложилъ Василію Павловичу, что его лошадь, скопавшая съ себя недоуздокъ, была найдена ходящею по корридору и пораненною въ хрящъ лѣваго окорока, называемый сальцемъ. Такъ какъ на всей конюшнѣ былъ только одинъ жеребецъ, а именно мой Глазунчикъ, то сдѣлано было предположеніе, правдоподобное, но не несомнѣнное, что конь Василія Павловича со скуки сталъ соваться въ чужія стойла и былъ вслѣдствіе того ударенъ жеребцомъ. Но такой отвѣтъ на непрошенную дружбу онъ могъ получить и въ другомъ любомъ стойлѣ. Осмотрѣвши рану и замѣтивъ капли янтарной влаги, я тотчасъ же объявилъ Василію Павловичу, что онъ лошади въ поводу не доведетъ, и что надо ее оставить на мѣстѣ. Не смотря на обычные въ подобныхъ случаяхъ: „разойдется!“— Василій Павловичъ чрезъ три перехода долженъ былъ дать денегъ благонадежному солдатику на фуражъ и продовольствіе и оставить съ лошадью на мѣстѣ. Но было уже поздно.

Черезъ мѣсяцъ солдатикъ прибылъ въ штабъ, притащивши съ собою кожу лошади.

И вотъ мы снова въ нашемъ штабѣ и великолѣпномъ манежѣ, и на широкомъ плацу. Я, хотя съ горемъ пополамъ, выдавливаю изъ своего Фелькерзама тѣ контръ-галопы, которые доставались мнѣ съ такимъ трудомъ. Между прочимъ, полкъ сбирается въ Москву на коронацію. Но мнѣ объ этомъ и помышлять невозможно, въ виду дѣйствительнаго разстройства здоровья и совѣтовъ доктора Эрдмана.

— Я хотѣлъ предложить вамъ, сказалъ полковой командиръ на мою просьбу въ одиннадцатимѣсячный отпускъ,— идти въ Москву въ качествѣ полковаго адъютанта, причемъ указывалъ въ перспективѣ на бѣлый плюмажъ флигель-адъютанта. Но благодаря генерала за участіе, я настаивалъ на своей просьбѣ.

— Признаюсь, сказалъ онъ, мнѣ крайне непріятно, что къ коронаціи всѣ лучшія мои лошади разъѣзжаются. Да, кстати, я слыхалъ, вы продаете вашего Фелькерзама?

— Точно такъ, ваше пр—ство.

— Поручикъ Добленко! Передайте отъ меня корнету барону Гезенъ, чтобы не далѣе какъ завтра онъ принесъ Аѳанасію Аѳанасьевичу тысячу рублей за Фелькерзама, или подалъ бы въ отставку. Мнѣ безлошадные офицеры не нужны.

Я попросилъ у генерала позволенія передать ему пару словъ съ глазу на глазъ и, оставшись съ нимъ одинъ, сказалъ:

— Я въ своемъ полку Фелькерзама не продамъ, такъ какъ онъ ослабѣлъ.

— А я еще вчера видѣлъ его подъ вами на плацу, сказалъ Курсель, и онъ ходилъ хорошо.

— Да, но только съ моей привычкой можно вести его, а другой съ этимъ не справится.

— Въ такомъ случаѣ дѣло другое, заключилъ генералъ.

— Что же касается до моихъ лошадей, прибавилъ я, то прошу ваше пр—ство ставить ихъ на смотрахъ, куда вамъ будетъ угодно.

Такъ разстались мы съ Курселемъ, котораго мнѣ уже болѣе не пришлось видѣть въ жизни, и о которомъ я, какъ и о всѣхъ

моихъ бывшихъ начальникахъ, унесъ самое признательное воспоминаніе.

Подавши по командѣ въ заграничный отпускъ на одиннадцать мѣсяцевъ, я долженъ былъ отправиться въ Петербургъ для ускоренія этого дѣла. Въ Петербургѣ, по причинѣ лѣтняго времени, я не засталъ никого уже изъ своихъ знакомыхъ, и даже Некрасовъ жилъ въ Ораніенбаумѣ. Онъ предложилъ мнѣ остановиться въ его опустѣвшей квартирѣ, куда онъ тѣмъ не менѣе наѣзжалъ по дѣламъ редакціи и по картежнымъ ночамъ Англійскаго клуба. Всѣмъ извѣстно, что игроки, подобно влюбленнымъ, видятъ вещи подъ вліяніемъ аффекта, и имъ, какъ пьянымъ, море по колѣно. Но каково трезвымъ соприкасаться съ ихъ фантазіями! Однажды вечеромъ Некрасовъ, отправляясь въ клубъ играть и зная, что я со дня на день жду отъѣзда, тѣмъ не менѣе попросилъ у меня тысячу рублей взаймы. Я не имѣлъ духу отказать ему. Къ утру онъ выигралъ и возвратилъ мнѣ деньги. Объ этомъ впослѣдствіи Некрасовъ въ похвалу мнѣ не разъ передавалъ В. П. Боткину, который, я увѣренъ, въ душѣ меня не похвалилъ.

Не знаю, какой добрый человѣкъ вразумилъ меня обратиться въ Главный Штабъ не съ параднаго крыльца, а изъ-подъ арки, въ помѣщеніе писарей. Здѣсь, вызвавши надлежащаго писаря, я для перваго знакомства сунулъ ему пять рублей, обѣщавъ при успѣшномъ окончаніи дѣла десять.

— Не извольте безпокоиться, сказалъ писарь, черезъ десять дней я доставлю вамъ отпускъ. Раньше не могу и не обѣщаю.

Черезъ недѣлю однако мнѣ захотѣлось узнать о движеніи дѣла, и на этотъ разъ я пошелъ въ Штабъ съ главнаго подъѣзда, переполненнаго послѣ Севастополя всевозможными калѣками, не только мужчинами, но и бабами. Мнѣ указали адъютанта графа Апраксина.

— Потрудитесь справиться у старшаго писаря, сказалъ графъ, указывая глазами на противоположный конецъ длиннѣйшаго стола.

— Извольте, ваше бл—діе, обратиться къ старшему адъютанту, сказалъ писарь, не поднимая головы.

На вторичную мою просьбу, графъ сказалъ:

— Прикажите писарю сходить справиться о движеніи дѣла. Минутъ черезъ пять вернувшійся изъ внутреннихъ покоевъ писарь объявилъ, что прошеніе мое лежитъ безъ движенія. Закипѣвъ негодованіемъ, я снова пошелъ на заднее крыльцо къ обманувшему меня писарю.

— Какъ же, братецъ, ты обѣщалъ черезъ десять дней, а дѣло лежитъ безъ движенія, какъ сказалъ мнѣ старшій писарь Апраксина?

— Да вы бы въ рожу ему наплевали, отвѣчалъ писарь. Я своему слову господинъ. Сегодня отпускъ подпишетъ начальникъ Штаба, завтра подадутъ подписать государю, послѣ завтра, въ четвергъ, поступитъ въ типографію, а въ пятницу въ 8 час. утра явлюсь къ вашему бл—дію съ печатнымъ приказомъ и поздравлю васъ съ отпускомъ.

Приходилось поневолѣ ждать.

Ровно въ 8 часовъ утра въ пятницу раздался звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ вошедшій писарь, подавая приказъ, проговорилъ:

— Честь имѣю поздравить ваше бл—діе съ отпускомъ.

VI.

Карлсбадъ.—Встрѣча съ Надей.—Ея романъ.—Свиданіе съ Тургеневымъ въ Парижѣ.—Делаво.—La dame aux camelias.—Поѣздка въ Куртавнель.—Семейство Віардо.—Дочь Тургенева.—Завтракъ въ Rosay.—Наша жизнь съ Надей въ Парижѣ.—Ристори.—Эрбель.—Мы съ Надей ѣдемъ въ Италію.

Въ пятидесятыхъ годахъ заграничныя поѣздки далеко не были такимъ легкимъ и будничнымъ дѣломъ, въ какое онѣ превратились въ наши дни. Поэтому очевидцу дотолѣ невиданнаго хотѣлось о немъ разсказать, а небывалому—послушать про всякія диковинки. Не удивительно, что въ 1856 и 1857 годахъ „Современника“ появились въ свое время довольно подробныя записки моей поѣздки въ Карлсбадъ, Парижъ и Италію. Но въ настоящее время меня интересуютъ не встрѣчавшіяся картины, а лица, посланныя судьбою въ русло моей жизни, безъ которыхъ самая прожитая жизнь невозможна и даже немыслима, какъ немыслимъ садъ безъ деревьевъ. Какъ ни сильно было впечатлѣніе, произведенное Европою на меня, засидѣвшагося въ совершенно бездорожной тогда еще Россіи, но минуя всѣ эти чудеса благоустройства и художественныхъ красотъ, переношусь прямо въ мою скромную гостинницу въ Карлсбадъ (zum schvartzen Bären) и къ ней прикрѣпляю дальнѣйшую нить воспоминаній. Судьба поставила меня въ исключительное положеніе къ настоящимъ запискамъ. Всѣ наиболѣе близкія лица, о которыхъ придется говорить, не только вымерли, но вмѣстѣ съ ними вымерли и второстепенныя лица, которыя составляли какъ бы поле гдѣ по уцѣлѣвшимъ отпечаткамъ можно бы было судить о вѣрности рисунка исчезнувшаго тѣла.

Я уже ранѣе говорилъ о симпатіи, возникшей между мною и младшею сестрою Надей съ первой встрѣчи нашей послѣ выхода изъ школъ. Не странно ли однако, что, не смотря на связующее насъ чувство, у меня съ сестрою Надей, такъ же какъ и съ другими членами семьи, никогда не возникало непрерывной переписки? Конечно, я зналъ самыя крупныя событія въ жизни моей Нади со времени смерти отца. Зналъ, напримѣръ, что она, получивши по раздѣлу наше родовое гнѣздо Новоселки, отдала его въ управленіе зятю А. Н. Ш—у, а сама, по случаю сильно пошатнувшагося здоровья, отправилась со старою дѣвицей, Софьей Сергѣевной Язевой, заграницу, гдѣ проживала уже второй годъ, преимущественно въ Неаполѣ.

Не смотря на пріятную встрѣчу съ докторомъ Эрдманомъ, въ Карлсбадѣ пришлось скучать порядочно.

Однажды, воротясь въ 6 часовъ вечера съ прогулки, застаю у себя на столѣ пакетъ. Что такое?—Телеграфическая депеша:

„Я во Франценсбадѣ. Если можешь, пріѣзжай немедля, или я къ тебѣ пріѣду. Рѣшайся. Жду отвѣта у телеграфа“. Твоя Надя.

Я стремглавъ побѣжалъ на гору къ телеграфу. Что писать? Если поѣду во Франценсбадъ, свиданіе наше, по причинѣ курса моего лѣченія, не можетъ быть продолжительно, и надолго ли Надя во Франценсбадѣ—не знаю, а въ Карлсбадѣ мы могли бы провести хотя нѣсколько дней вмѣстѣ. Попрошу Надю пріѣхать сюда. Но едва депеша ушла, мнѣ пришло на умъ простое соображеніе: Франценсбадъ—такой же Бадъ, какъ и Карлсбадъ. Слѣдовательно, Надя точно также можетъ не портить своего курса, воздержавшись отъ поѣздки ко мнѣ. Вслѣдствіе этого, новой депешей прошу разрѣшенія вопроса о водолѣченіи. Нѣтъ отвѣта.

— Вѣроятно гуляетъ, замѣтилъ чиновникъ на телеграфѣ.

— А, гуляетъ! стало быть, навѣрное пьетъ воды. Пишите поскорѣй: „дожидайся меня, я сейчасъ выѣду. Завтра утромъ буду“. Такъ, такъ, такъ... Что?

— „Не принимаютъ депеши“. — „Почему?“ — „Да вѣрно поздно: послѣ девяти часовъ нѣтъ службы“.

Ужь въ Германіи такъ: „Vir haben keinen Nachtdienst“,— да и только, и ступай домой. Что жь теперь дѣлать? Чего добраго,—я во Франценсбадъ, а Надя въ Карлсбадъ. Подожду до утра: авось получу отвѣтъ.

На другой день — половина восьмаго, нѣтъ отвѣта, а въ восемь дилижансъ отходитъ. Ѣду!

Во Франценсбадъ, т. е. за 50 верстъ, почтовая карета дотащилась въ 4 часа пополудни. Небольшой городокъ напомнилъ бы низменными засѣянными полями, его окружающими, русскій уѣздный городъ, но широко разбѣжавшійся вѣнецъ горъ, синѣющихъ на горизонтѣ, ясно говоритъ, что вы всетаки не въ Россіи, а въ Богеміи. Бѣгу на квартиру Нади.

— „Дома?“ — „Нѣтъ. Въ два часа уѣхали въ Карлсбадъ“.

— Экое горе! Пожалуй, не застанетъ меня въ Карлсбадѣ и проѣдетъ далѣе. Скорѣе на телеграфъ: „жди въ Карлсбадѣ; я сейчасъ прискачу на курьерскихъ“. Въ коляску заложили пару большихъ лошадей, и почтарь, перекинувъ трубу черезъ плечо, тронулся съ мѣста крупною рысью. Нѣмецкій курьеръ не то, что̀ въ Россіи носитъ это имя, и что Гоголь прозвалъ „птицей-тройкой“, — а всетаки въ четыре часа я проѣхалъ тѣ же 50 верстъ, которыя въ дилижансѣ протащился семь.

Въ четверть десятаго я уже былъ въ Карлсбадѣ и засталъ у себя Надю, а на столѣ три утреннія телеграфическія депеши,—отвѣты на вчерашніе вопросы. Отвѣты были переданы на телеграфъ еще съ вечера, но какъ звуки мюнхгаузенскаго рожка, застывшіе на морозѣ, пролежали безгласно цѣлую ночь и безъ вѣдома хозяина оттаяли и зазвучали въ девять часовъ утра, когда я уже пустился въ дорогу. „Vir haben keinen Nachtdienst“.

Оглядываясь на пройденный мною жизненный путь, я воочію убѣждаюсь въ неразрывной цѣпи причинности, коей каждое отдѣльное звено въ данную минуту кажется намъ безразлично случайнымъ, но которымъ тѣмъ не менѣе строго обусловлено все нисходящее до послѣдняго звена. Въ настоящую минуту мнѣ приходится оглядываться на одно изъ та-

кихъ роковыхъ для меня звеньевъ, и я умственно гляжу на него съ отраднымъ и въ то же самое время тяжелымъ чувствомъ.

У дамъ моихъ, не въ первый разъ посѣщающихъ воды, нашлось немало знакомыхъ, и когда сестра Надя переходила на плацу передъ кургаузомъ къ какой-либо знакомой на скамейку, а мы со старушкой Нязевой оставались на скамьѣ подъ деревомъ одни, послѣдняя, выразительно усмѣхаясь, говорила мнѣ:

— Посмотрите, Аѳанасій Аѳанасьевичъ, какой цвѣтъ лица у вашей сестрицы и какой блескъ въ глазахъ! Ахъ! еслибы вы видѣли ее въ Неаполѣ на придворныхъ балахъ! Это была совершенная красавица. Я вамъ должна разсказать. Въ Неаполѣ она была окружена молодежью, но сердце ея похитилъ одинъ. Ахъ! какъ вамъ разсказать?—Это совершенный Фаустъ! У него въ Средиземномъ морѣ своя яхта, на которой онъ устраиваетъ дамамъ балы и катанья. Она вамъ ничего не говорила? Онъ просилъ ея руки, и она дала свое согласіе. Онъ хотѣлъ пріѣхать во Франценсбадъ, но теперь пишетъ, что пріѣдетъ къ намъ въ Парижъ, и тамъ уже будетъ свадьба.

— Странно, замѣтилъ я, что Надя не объявила мнѣ объ этомъ при первомъ же свиданіи.

— Ахъ, поймите, что она боится сглазить свое счастье. Онъ такой обворожительный Фаустъ, что даже я, старуха, не въ силахъ ему противорѣчить.

— Да кто же онъ такой?

— Русскій. Богачъ—Эрбель. Онъ ее обожаетъ. Она подарила ему свой чудесный портретъ.

— Неужели же вы, доведя дѣло такъ далеко, не разузнали о немъ никакихъ подробностей? Положимъ, такое отношеніе къ дѣлу простительно въ двадцатидвухлѣтней дѣвочкѣ, но извините меня, Софья Сергѣевна, васъ я въ этомъ случаѣ не понимаю.

— Ахъ, право! Имѣйте терпѣніе! Въ Парижѣ все непремѣнно объяснится. Онъ съ просѣдью, но это придаетъ ему особенную прелесть. Это настоящій Фаустъ. И онъ съумѣлъ оцѣнить ея умъ и грацію.

Конечно послѣ этого неожиданнаго разговора, я старался узнать хотя что-либо о господинѣ Эрбелѣ, и отрывочные о немъ слухи были для меня мало успокоительны.

На другой день, воспользовавшись часомъ, когда Нязева ушла навѣстить свою знакомую, мы подъ руку съ сестрою отправились по длинной аллеѣ, ведущей мимо временныхъ магазиновъ къ стрѣльбищу изъ пистонныхъ ружей. Увидавъ отходящую вправо въ гору уединенную тропинку съ возвышающейся на ней скамьей, я пригласилъ туда Надю, и мы, усѣвшись на скамьѣ, остались совершенно одни надъ головами гуляющей внизу толпы.

— Признаюсь, сказала Надя, я очень рада, что мы наконецъ остались съ тобою вдвоемъ.

— Ты, кажется, видишь, отвѣчалъ я, что и я радъ не менѣе; хотя не ожидалъ, чтобы ты отъ меня такъ скрытничала. Глаза и щеки дѣвушки озарились одушевленіемъ.

— Полагаю, мой дружокъ, что ты не въ состояніи сообщить мнѣ объ этомъ дѣлѣ болѣе мнѣ уже извѣстнаго. Тогда какъ я считаю своимъ священнымъ долгомъ сообщить тебѣ то, о чемъ едва-ли кто говорилъ тебѣ.

— Напримѣръ? спросила Надя, прямо глядя мнѣ въ глаза.

— Напримѣръ, я слышалъ, что этотъ въ сущности раззоренный искатель приключеній не только женатъ, но не разъ уже формально вступалъ въ бракъ съ неопытными дѣвушками и затѣмъ бросалъ ихъ на произволъ судьбы. Ты, вѣроятно, этого еще не слыхала?

— Нѣтъ, я сама не разъ слыхала нѣчто въ этомъ родѣ.

— И это не заставило тебя очнуться, призадуматься и оглянуться?

— Ахъ, еслибы ты зналъ, какой это очаровательный умъ! Съ какимъ восторгомъ говоритъ онъ о твоихъ стихахъ!

— Еще бы! онъ знаетъ, чѣмъ скорѣе всего заслужить твое расположеніе. Но вѣдь это еще нисколько не обезпечиваетъ твою будущность.

— Я не хочу вѣрить всѣмъ низостямъ, которыя толпа съ такимъ восторгомъ распространяетъ про людей избранныхъ. Что же касается до меня, моя будущность обезпечена: хоть день, да мой!

— На это, другъ мой, отвѣчалъ я полушепотомъ и наклонивъ голову,—никакого возраженія быть не можетъ.

Здѣсь же сестра объявила мнѣ, что завтра же уѣзжаетъ въ Парижъ, а оттуда въ Остенде, гдѣ пробудетъ четыре недѣли на морскихъ купаньяхъ, тогда какъ я долженъ еще двѣ недѣли оканчивать свое лѣченіе въ Карлсбадѣ, гдѣ и буду съ нетерпѣніемъ поджидать ея адреса для возможности оставаться въ непрерывной перепискѣ. До высылки ей денегъ изъ Новоселокъ, она попросила у меня взаймы тысячу рублей, которые я и вручилъ ей съ особеннымъ удовольствіемъ и гордостью въ видѣ билетовъ восточнаго займа, ходившихъ тогда превосходно заграницей.

На другой день дилижансъ увезъ моихъ дамъ, и я остался въ одиночествѣ, показавшемся мнѣ уже весьма несноснымъ, допивать свои воды.

Но все на свѣтѣ имѣетъ конецъ, и въ „Современникѣ“ 1857 года въ февральской книжкѣ я, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ описалъ мою поѣздку въ Германію и прибытіе въ Парижъ. Но въ настоящую минуту я пересматриваю этапы моей духовной жизни—то, что случилось въ извѣстномъ видѣ для меня, а не то, что, какъ страна или городъ, пребываетъ и понынѣ открыто для всякаго наблюдателя. Поэтому не считаю нужнымъ говорить о моихъ мѣстныхъ и путевыхъ впечатлѣніяхъ.

Въ Парижѣ, за отсутствіемъ сестры, уѣхавшей въ Остенде, единственнымъ знакомымъ мнѣ человѣкомъ оказался Тургеневъ, котораго адресъ мнѣ былъ извѣстенъ изъ его письма.

Зная крайнюю ограниченность моихъ средствъ, я старался устроиться по возможности дешево, и дѣйствительно достигъ въ этомъ отношеніи нѣкотораго совершенства, занявши на rue Helder и въ hotel Helder въ пятомъ этажѣ двѣ весьма чистыхъ даже щеголеватыхъ комнаты за 40 франковъ (10 р.) въ мѣсяцъ. Правда, штукатурка потолковъ представляла крутой переломъ, скашиваясь по направленію къ окнамъ и сообщая такимъ образомъ квартирѣ значеніе мансарды.

Не безъ душевнаго волненія отправился я въ rue de l'Arcade отыскивать Тургенева, котораго могло тамъ не быть. Спрашиваю привратника; говоритъ: „здѣсь“.

Тургеневъ, сидѣвшій за рабочимъ столомъ, съ перваго взгляда не узналъ меня въ штатскомъ, но вдругъ крикнулъ отъ изумленія и бросился меня обнимать, восклицая: „вотъ онъ! вотъ онъ!“

Помѣщеніе, занимаемое Тургеневымъ, если не принимать въ разсчетъ формы потолка и двухъ лишнихъ этажей, въ сущности мало отличалось отъ моего: тотъ же небольшой салонъ съ каминомъ и часами передъ зеркаломъ и маленькая спальня.

Пока мы разговаривали, вошелъ высокаго роста худощавый съ просѣдью брюнетъ. Тургеневъ познакомилъ насъ, назвавши мнѣ господина Делаво. Оказалось, что г. Делаво прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, гдѣ познакомился съ русской литературой и съ литературнымъ кружкомъ раньше моего съ послѣднимъ знакомства. Такъ, зналъ онъ Панаевыхъ, Некрасова, Гончарова, Боткина, Тургенева и даже меня по имени. Въ настоящее время онъ въ Парижѣ занимался переводами съ русскаго языка и, какъ сказывалъ мнѣ Тургеневъ, долженъ былъ перебиваться весьма затруднительно въ денежномъ отношеніи. Не могу не сказать нѣсколько словъ объ этомъ, по выраженію Тургенева, единственномъ знакомомъ мнѣ французѣ.

Дѣло въ томъ, что этотъ французъ, получившій основательное классическое образованіе, настолько же отличался любознательностью, какъ и примѣрною скромностью. Такъ напримѣръ, будучи по происхожденію маркизомъ Делаво, онъ никогда не именовался и не подписывался маркизомъ, и однажды, на вопросъ мой по этому поводу, отвѣчалъ, что не находитъ такой титулъ несоотвѣтственнымъ своему матеріальному положенію. Для меня, совершеннаго новичка въ Парижѣ милый и образованный Делаво являлся совершеннымъ Виргиліемъ, водившимъ меня по всему Парижу, начиная съ Лувра и до послѣдняго студенческаго бала и поющей кофейни. При этомъ, къ совершенному моему отчаянію, невозможно было уплатить за него даже двухъ франковъ, неизбѣжныхъ при входѣ. Никто яснѣе его не видалъ того плачевнаго состоянія въ которомъ всякая власть во Франціи находится со времени революціи, будучи вынуждена заботиться не о благѣ, а лишь

объ угожденіи вкусамъ толпы. Послѣднюю задачу Наполеонъ III въ то время понималъ и исполнялъ во всемъ объемѣ.

Однажды мы съ Тургеневымъ сидѣли въ первомъ ряду креслъ театра Vaudeville на представленіи „La dame aux camelias“. Послѣднюю ломала передъ нами старая и чахоточная актриса, имени которой не упомню. Тургеневъ сообщилъ мнѣ шепотомъ, что покрывающіе ее брилліанты — русскіе. При ея жывыхъ завываніяхъ Тургеневъ восклицалъ: „Боже! что бы сказалъ Шекспиръ, глядя на всѣ эти штуки!“ А когда она безконечно завыла передъ смертью, я услыхалъ русскій шепотъ: „да ну, издыхай скорѣй!“ Между тѣмъ дамы въ ложахъ зажимали платками глаза. При такомъ несообразномъ зрѣлищѣ я не выдержалъ и, припавъ головою къ рампѣ, затрясся неудержимымъ смѣхомъ. Это не мѣшало Тургеневу давать мнѣ шепотомъ знать, что многіе недовольные взоры обращены на меня, и что если я буду продолжать смѣяться, грозное „à la porte!“ не заставитъ ждать себя.

Покуда я осматривалъ парижскія диковинки, Тургеневъ успѣлъ уѣхать, и я снова сталъ испытывать скуку, не взирая на любезныя услуги Делаво.

Недѣли черезъ двѣ, я получилъ отъ Тургенева письмо слѣдующаго содержанія: „Съ послѣдняго свиданія нашего въ Парижѣ я поселился у добрыхъ пріятелей и почти ежедневно таскаюсь съ хозяиномъ дома на охоту, хотя куропатокъ въ этотъ годъ весьма мало. Не знаю, когда буду въ Парижѣ. Если вамъ скучно, садитесь на желѣзную дорогу, взявъ предварительно билетъ въ дилижансъ, отходящій въ Rosay en Brie, куда къ вамъ навстрѣчу вышлютъ экипажъ изъ Куртавнеля, имѣнія г. Віардо. По крайней мѣрѣ получите понятіе о французской, деревенской жизни“.

Въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ я,—отчего же не проѣхаться и не взглянуть? И вслѣдъ затѣмъ написалъ, что въ будущій понедѣльникъ выѣду. Въ понедѣльникъ, набравъ небольшую лукошку персиковъ и фонтенебльскаго винограда, до котораго Тургеневъ былъ большой охотникъ, я рано утромъ отправился на желѣзную дорогу. Въ вагонѣ мѣста много да и ѣхать пришлось только полчаса, слѣдовательно, съ плодами

и съ зонтикомъ возня невелика. Зато при перемѣщеніи въ дилижансъ, въ которомъ пришлось просидѣть четыре часа, дѣло оказалось—хоть брось. Въ купѐ мѣста заняты. Заглянулъ въ карету—полна старухами, а небо хмурится, того и гляди—польетъ дождь. Кондукторъ объявилъ, что я могу выбирать между каретой и имперіаломъ. Я подумалъ: „лучше вымокнуть, чѣмъ задохнуться“, и полѣзъ на верхъ. Но куда дѣвать коробку съ плодами, чтобы они не превратились въ морсъ? Всѣ усѣлись, а я стоялъ на колесѣ съ вопросительнымъ видомъ Пандоры.—„Дайте мнѣ вашу коробку,—крикнула одна изъ сидящихъ въ каретѣ старухъ,—я ее буду держать на колѣняхъ“. — Ну, не милая ли это старуха? Бичъ хлопнулъ по запыленной, но доброй бѣлой лошади, запряженной на выносѣ передъ парой караковыхъ дышловыхъ, и дилижансъ покатился со скоростью 10 верстъ въ часъ. На имперіалѣ ожидало меня новое удобство: рядомъ со мною помѣстились какіе-то мальчишки, оспаривавшіе другъ у друга мѣста не безъ того, чтобы встрѣча двухъ отталкивающихся тѣлъ не отзывалась и на моихъ бокахъ. Къ этому сидящій рядомъ со мною прибавлялъ огромнаго бумажнаго змѣя, который всю дорогу танцевалъ передъ моимъ носомъ, заслоняя неживописную мѣстность, вродѣ той, съ которой я познакомился на Страсбургской желѣзной дорогѣ. За мной и подо мной, рядомъ съ почтаремъ, сидѣли синія блузы. На половинѣ дороги, около трактира или, лучше, шинка, слѣзли неугомонные мальчишки и унесли неукротимаго змѣя. Я вздохнулъ свободнѣе. Дорога пошла лѣсами.

— Вы, смѣю спросить, въ Rosay? обратился ко мнѣ сидѣвшій на козлахъ блузникъ.

— Нѣтъ, далѣе: въ Куртавнель.

— А! вы къ г. Віардо?

— Да.

— Поздравляю васъ! Премилые люди. Г. Віардо пользуется большимъ уваженіемъ въ нашемъ околодкѣ. У него прекрасное состояніе. Къ нему пріѣхалъ землемѣръ разбивать лѣса на „лѣсосѣки“... и пошелъ, и пошелъ, такъ что я въ полчаса узналъ денежныя обстоятельства г. Віардо гораздо лучше, чѣмъ свои собственныя, съ условіемъ, надо прибавить, если

въ словахъ синей блузы была хотя половина истины.—„За вами изъ замка вышлютъ экипажъ, продолжалъ онъ, но если этого не будетъ, позвольте, я васъ довезу. Моя лошадь дожидается въ Rosay, а въ этомъ городишкѣ экипажа нанять не найдете“.

Я поблагодарилъ съ полною увѣренностью, что блуза подпускаетъ всѣ эти турусы съ намѣреніемъ взять съ меня подороже за доставку въ замокъ. Лошадей перемѣнили, народу въ дилижансѣ убыло, и старуха закричала изъ окна, чтобы я взялъ коробку, а то она одинъ персикъ уже съѣла. Мѣста опростались, нашлось и коробкѣ мѣстечко. Вотъ и небольшой городишка Rosay показался невдалекѣ. Блузникъ повторилъ приглашеніе. „Экъ его хлопочетъ!“ подумалъ я.—„Далеко ли отъ города до замка!“

— Тринадцать, четырнадцать километровъ (около 12 верстъ).

Дилижансъ остановился передъ мелочною лавкой, замѣняющей въ Rosay контору. Около дверей стояла прекрасная коляска, запряженная парою вороныхъ, и кучеръ въ шляпѣ съ галуномъ прохаживался по мостовой. Я поспѣшилъ выпросить у кондуктора свой чемоданъ и сложилъ на него зонтикъ, пальто и коробку, вполнѣ увѣренный, что присланный кучеръ сейчасъ же освободитъ меня отъ этихъ скучныхъ предметовъ. Подхожу, спрашиваю,—оказывается, что это извощикъ, подряженный везти часть пассажировъ въ совершенно противоположную сторону той, въ которую мнѣ нужно ѣхать.

— А гдѣ бы нанять лошадь?

— Здѣсь не найдете, говоритъ лавочница, она же и управляющій конторою дилижансовъ.

— Видите, тутъ нѣтъ лошадей, снова замѣтилъ мой знакомый блузникъ. Я предлагаю свои услуги, и вамъ выбора не остается. Лошадь моя ожидаетъ недалеко отсюда у постоялаго двора, и я повторяю предложеніе. Пойдемте! А! васъ безпокоитъ чемоданъ? Позвольте, я его донесу!

И съ этимъ словомъ онъ ловко закинулъ себѣ на плечи мой довольно увѣсистый чемоданъ. Мы тронулись въ путь. Не смотря на увѣреніе блузника, что идти нѣсколько шаговъ, мы прошли около полуверсты по дурной мостовой и, наконецъ, добрались до небольшаго трактира, далеко не блиста-

тельнаго ни въ какомъ отношеніи. У дверей стояла рессорная одноколка, и небольшая буланая лошадка нетерпѣливо помахивала головой. Въ кабріолетѣ сидѣли мальчикъ лѣтъ шести и дѣвочка помоложе.

— Это дѣти пріѣхали за мною. Лошадь такъ смирна, что ребенокъ можетъ безопасно управлять ею, сказалъ словоохотливый блузникъ, устанавливая въ ноги мой чемоданъ. — Теперь готово, прибавилъ онъ. Неугодно ли садиться? Мы тронемся, а черезъ часъ и даже менѣе вы будете у воротъ замка.

Я замѣтилъ, что желалъ бы тутъ же на мѣстѣ кончить наши разсчеты.

— Какіе разсчеты?

— Я бы не желалъ остаться въ долгу за причиняемое вамъ безпокойство, проворчалъ я, замѣчая, что дѣло что-то не ладно.

Черные глаза француза покрылись масломъ и покосились въ мою сторону.

— То-есть вы хотите мнѣ заплатить! Нѣтъ, милостивый государь, я предложилъ вамъ ѣхать со мною единственно изъ удовольствія оказать услугу вамъ и господину Віардо, моему сосѣду, которому, я увѣренъ, особенно пріятно будетъ ваше посѣщеніе. Моя ферма за шесть километровъ не доѣзжая до его замка, но лошадка проворна, а вамъ выбора нѣтъ.

Я былъ уничтоженъ. Вотъ тебѣ и синяя блуза! Нѣтъ, ни за что бы не хотѣлъ быть въ такомъ нелѣпомъ жалкомъ положеніи. Человѣкъ предложилъ самую любезную услугу, какъ поденщикъ тащилъ полверсты мой чемоданъ, и въ награду за все я его обидѣлъ, правда, неумышленно, но отъ этого ему, а главное мнѣ, ни на волосъ не легче. Не помню, какой вздоръ ворчалъ я въ свое извиненіе. Нельзя же было молча сѣсть въ кабріолетъ. Бичъ хлопнулъ, и буланенькая пустилась по шоссе. Славу Богу! быстрота рысачка помогла мнѣ перемѣнить тему, воздавая должную дань удивленія неутомимо рѣзвой лошадкѣ. Черезъ три четверти часа кабріолетъ остановился у старинныхъ сквозныхъ воротъ, между желѣзныхъ прутьевъ которыхъ изъ-за деревьевъ выглядывалъ сѣрый фасадъ древняго каменнаго дома.

— Позвоните! вотъ ваши вещи и желаю вамъ пріятно про

вести время, сказалъ мой неизвѣстный благодѣтель, кивая головой и заворачивая буланую назадъ.

Черезъ минуту кабріолетъ умчался изъ глазъ подъ учащенные звуки проворныхъ копытъ. Позвонивъ и не замѣчая никакого движенія ни передъ фасадомъ дома, ни по дорожкамъ, ведущимъ вокругъ цвѣточныхъ клумбъ и деревьевъ къ воротамъ, я сталъ разсматривать мое будущее пристанище. Пепельно-сѣрый домъ, или, вѣрнѣе, замокъ съ большими окнами, старой, мѣстами мхомъ поросшей кровлей, глядѣлъ на меня изъ-за каштановъ и тополей съ тѣмъ сурово-насмѣшливымъ выраженіемъ старика, свойственнымъ всѣмъ зданіямъ, на которыхъ не сгладилась средневѣковая физіономія, — съ выраженіемъ, явно говорящимъ: „Эхъ, вы, молодежь! Вамъ бы все покрасивѣе да полегче; а по-нашему попрочнѣе да потеплѣе. У васъ стѣнки въ два кирпичика, а у насъ въ два аршина. Посмотрите, какими широкими канавами мы себя окапываемъ; коли ты изъ нашихъ, опустимъ подъемный мостъ, и милости просимъ, а то походи около каменнаго рва да съ тѣмъ и ступай. Вѣдь теперь у васъ, говорятъ, просвѣщеніе да земская полиція не даютъ воли лихому человѣку. А кто васъ знаетъ, оно всетаки лучше, какъ въ канавѣ-то вода не переводится“.

Кромѣ цвѣтовъ, пестрѣвшихъ по клумбамъ вдоль фасада, подъ окнами выставлены изъ оранжерей цвѣты и деревья странъ болѣе благосклонныхъ. Насмотрѣвшись на эспланаду, на каменный ровъ, въ зеленую воду котораго вѣтерокъ роняетъ безпрестанно листы тополей и акацій, позлащенные дыханіемъ осени, на самый фасадъ замка, я позвонилъ снова, и на этотъ разъ навстрѣчу мнѣ вышелъ лакей.

— „Дома г. Віардо?“ — „Нѣтъ“. — „А Тургеневъ?“ — „Тоже нѣтъ“. — „Гдѣ же они?“ — „На охотѣ“. — „Когда же они вернутся?“.

— Теперь часъ; они непремѣнно должны быть къ обѣду, то-есть къ шести часамъ.

— Ну, а мадамъ Віардо дома?

— Мадамъ дома, только она еще не выходила. Вы желаете видѣть г. Тургенева? Позвольте, я снесу пока ваши вещи въ его комнату. Пожалуйте!

По каменнымъ ступенямъ низенькой лѣстницы главнаго входа мы вошли въ высокій, свѣтлый корридоръ, выходившій въ пріемную комнату. Здѣсь встрѣтила меня женщина среднихъ лѣтъ, но кто она—хозяйка ли дома, родственница, или знакомая хозяевъ?—я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Отрекомендовавшись, я намекнулъ на желаніе видѣть Тургенева.

— Неугодно ли пожаловать въ гостиную, пока вамъ приготовятъ комнату? Сестра еще не выходила, а братъ и Тургеневъ на охотѣ.

Ну, слава Богу! по крайней мѣрѣ знаю, съ кѣмъ говорю. Въ высокой и просторной, во всю глубину дома проходящей угольной гостиной въ два свѣта, столъ посрединѣ, противъ камина—круглый столъ, обставленный диванчиками, кушетками и креслами. Въ окна, противуположныя главному фасаду, смотрѣли клены, каштаны и тополи парка. Въ простѣнкѣ тѣхъ же оконъ стоялъ рояль, а у стѣны, противоположной камину, на диванѣ, передъ которымъ была разложена медвѣжья шкура, сидѣли молодыя дѣвушки, вѣроятно, дѣти хозяевъ. Я помѣстился на кушеткѣ у круглаго стола и завязалъ одинъ изъ спасительныхъ разговоровъ, впродолженіе которыхъ мучитъ одна забота: какъ бы его хилой нитки хватило на возможно долгое время.

— Теперь ваша комната готова, сказала дама, взглянувъ на вошедшаго слугу,— и если вамъ угодно отдохнуть или устроиться съ дороги, дѣлайте, какъ найдете удобнымъ.

Я поклонился и пошелъ за слугою по знакомому корридору. Поднявшись по широкой лѣстницѣ во второй этажъ, мы снова очутились въ длинномъ корридорѣ съ дверями направо и налѣво. Въ концѣ, направо у двери, лакей остановился и отворилъ ее.

— Вотъ ваша комната. Не прикажете ли горячей воды? Мадамъ приказала спросить, неугодно ли вамъ завтракать. Здѣсь завтракаютъ въ 12 часовъ, время прошло, а до обѣда еще четыре часа.

Я отказался, и лакей вышелъ. Взятую съ собой на всякій случай книгу читать не хотѣлось; дай хоть разсмотрю, гдѣ я. Въ окно виднѣлся тотъ же паркъ, который я мелькомъ замѣтилъ изъ гостиной. Внизу, у самой стѣны, свѣтился глу-

бокій каменный ровъ, огибающій весь замокъ. Легкіе, очевидно въ позднѣйшее время черезъ него переброшенные, мостики вели подъ своды деревъ парка. Тишина, не возмущаемая ничѣмъ. Я закурилъ сигару и отворилъ окно,—все та же мертвая тишина. Лягушки тихо двигались въ канавѣ по пригрѣтой солнцемъ зеленой поверхности стоячей воды. Съ полей, прилегающихъ къ замку, осень давно разогнала всѣхъ рабочихъ. Ни звука.

— Мадамъ приглашаетъ васъ въ гостиную, если вамъ угодно, проговорилъ лакей, не прося позволенія войти въ комнату.

— Слава Богу! Наконецъ-то! подумалъ я и пошелъ.

Въ гостиной, кромѣ знакомыхъ уже лицъ, я замѣтилъ женщину, присѣвшую у камина и передвигавшую бронзовую рѣшетку. При шумѣ моихъ шаговъ она обернулась, встала, и по свободной граціи и той любезно привѣтливой улыбкѣ, которою образованныя женщины умѣютъ встрѣчать гостя, не было сомнѣнія, что передо мной хозяйка дома. Я извинился въ хлопотахъ, причиненнымъ моимъ пріѣздомъ, на который Тургеневъ, безъ сомнѣнія, испросилъ позволеніе хозяйки.

— Очень рада случаю съ вами познакомиться, но Тургеневъ, по обычной разсѣянности, не сказалъ ни слова, и вотъ почему вы должны были ожидать, пока приготовятъ вашу комнату. Но теперь все улажено, садитесь пожалуйста.

Завязался разговоръ, и въ десять минутъ хозяйка вполнѣ успѣла хоть на время изгладить изъ памяти миніатюрную Одиссею этого дня.

— Теперь обычное время нашихъ прогулокъ. Не хотите ли пойти съ нами?

День былъ прекрасный. Острыя вершины тополей дремали въ пригрѣвающихъ лучахъ сентябрьскаго солнца, падалица пестрѣла вокругъ толстыхъ стволовъ яблонь, образующихъ старую аллею проселка, которою замокъ соединенъ съ шоссе. Изъ-подъ скошеннаго жнивья начиналъ зеленѣя выступать пушистый клеверъ; невдалекѣ, въ лощинѣ около канавы, усаженной вербами, паслись мериносы; на пригоркѣ два плуга, запряженные парами дюжихъ и сытыхъ лошадей, медленно двигались другъ за другомъ, оставляя за собою свѣжія, темно-

бурыя полосы. Когда мы обошли по полямъ и небольшимъ лѣскамъ вокругъ замка, солнце уже совершенно опустилось къ вершинамъ лѣса, разордѣвшись тѣмъ яркимъ осеннимъ румянцемъ, которымъ горитъ лицо умирающаго въ чахоткѣ.

— Какъ вамъ нравится здѣшняя природа? спросила меня хозяйка.

— Природа вездѣ хороша.

— Вы снисходительнѣе другихъ къ нашимъ мѣстамъ. Мадамъ Дюдеванъ, гостя у меня, постоянно находила, что здѣсь почти жить нельзя,—такъ пустынны наши окрестности.

Версты за полторы раздались выстрѣлы

— А! это наши охотники возвращаются. Пойдемте домой черезъ садъ, тогда вы будете имѣть полное понятіе о здѣшнемъ хозяйствѣ.

Мы подошли къ лощинкѣ, около которой паслись стада мериносовъ. „Babette! Babette!“ закричала одна изъ дѣвочекъ, шедшихъ съ англичанкой. На голосъ малютки изъ стада выбѣжала бѣлая коза и довѣрчиво подошла къ своей пятилѣтней госпожѣ. Около оранжерей вся дамская компанія разсѣялась вдоль шпалеръ, искать спѣлыхъ персиковъ къ обѣду. Опять раздались выстрѣлы, но на этотъ разъ ближе къ дому. Увѣренный, что Тургеневъ забылъ о своемъ приглашеніи и во всякомъ случаѣ не ожидаетъ моего пріѣзда, я предложилъ дамамъ не говорить обо мнѣ ни слова, предоставляя ему самому найти меня у себя въ кабинетѣ. Заговоръ составился, и, какъ только завидѣли охотниковъ, я отправился въ комнату Тургенева. Но судьба отмѣтила этотъ день строгою чертою неудачъ. Кто-то изъ прислуги, не участвовавшій въ заговорѣ, объявилъ о моемъ пріѣздѣ, и Тургеневъ встрѣтилъ меня вопросомъ:

— Развѣ вы не получали моего письма?

— Какого письма?

— Я писалъ, что хозяева ожидаютъ на нѣсколько дней пріѣзжихъ дамъ, и въ домѣ всѣ лишнія комнаты будутъ заняты. Поэтому я совѣтовалъ вамъ пріѣхать дней черезъ десять“. Итакъ, опять неудача. Уѣхать сейчасъ же неловко, сидѣть долго тоже неловко. Я рѣшился уѣхать, пробывъ еще день. Раздался звонокъ къ обѣду, и все общество, довольно

многочисленное, собралось въ угольной залѣ, въ противоположномъ отъ гостиной концѣ дома. Желая сколько-нибудь оправдать въ глазахъ хозяина свой пріѣздъ, я громко спросилъ: „Тургеневъ! неужели вы ни словомъ не предупредили хозяйку о моемъ пріѣздѣ?“ На это мадамъ Віардо шутя воскликнула: „о, онъ дикарь!“ („Ce sont de ses tours de sauvage“). На что Тургеневъ сталъ трепать меня по плечу, приговаривая: „онъ добрый малый!“ Разговоръ переходилъ отъ ежедневныхъ событій собственно семейнаго круга къ вопросамъ общимъ: политическимъ и литературнымъ. Зашла рѣчь о послѣднихъ стихотвореніяхъ Гюго, и хозяинъ, въ подтвержденіе своихъ словъ касательно силы, которую вновь проявилъ въ нѣкоторыхъ новыхъ пьесахъ, прочелъ на память нѣсколько стиховъ. Изъ-за стола всѣ отправились въ гостиную. Пріѣхалъ домашній докторъ, составился вистъ, хозяйка сѣла за рояль, и долго чудные звуки Моцарта и Бетховена раздавались въ комнатѣ.

Такъ прошелъ день. На другой почти то же самое; слѣдуетъ только прибавить утреннія партіи на биллiардѣ, а къ вечеру, кромѣ музыки и виста, серебряные голоски дѣвицъ, прочитывающихъ вслухъ роли изъ Мольера, приготовляемаго къ домашнему театру. Съ особенною улыбкою удовольствія Тургеневъ вслушивался въ чтеніе пятнадцатилѣтней дѣвушки, съ которою онъ тотчасъ же познакомилъ меня, какъ съ своей дочерью Полиною. Дѣйствительно, она весьма мило читала стихи Мольера; но за то, будучи молодымъ Иваномъ Сергѣевичемъ въ юбкѣ, не могла предъявлять ни малѣйшей претензіи на миловидность.

— Полина! спросилъ Тургеневъ дѣвушку,—неужели ты ни слова русскаго не помнишь? Ну какъ по-русски „вода?“

— Не помню.

— А хлѣбъ?

— Не знаю.

— Это удивительно! восклицалъ Тургеневъ.

Во взаимныхъ отношеніяхъ совершенно сѣдаго Віардо и сильно посѣдѣвшаго Тургенева, не смотря на ихъ дружбу, ясно выражалась привѣтливость полноправнаго хозяина съ одной стороны и благовоспитанная угодливость гостя съ дру-

гой. Спальня Тургенева помѣщалась за биллiардной; и, какъ я узналъ впослѣдствiи, запертая дверь изъ нея выходила въ гостиную. Конечно, я только спалъ въ отведенной мнѣ во второмъ этажѣ комнатѣ, стараясь по возможности бѣжать къ Тургеневу и воспользоваться его бесѣдою на чужой сторонѣ.

На другое утро, когда я спозаранку забрался въ комнату Тургенева, у насъ завязалась самая оживленная бесѣда, мало-по-малу перешедшая въ громогласный споръ.

— Замѣтили ли вы, спросилъ Тургеневъ, что дочь моя, русская по происхожденiю, дотого превратилась во француженку, что не помнитъ даже слова „хлѣбъ“, хотя она вывезена во Францiю уже семи лѣтъ.

Когда я, въ свою очередь, изумился, нашедши русскую дѣвушку въ центрѣ Франціи, Тургеневъ воскликнулъ:

— Такъ вы ничего не знаете, и я долженъ вамъ все это разсказать! Начать съ того, что вотъ этотъ Куртавнель, въ которомъ мы съ вами въ настоящую минуту бесѣдуемъ, есть, говоря цвѣтистымъ слогомъ, колыбель моей литературной извѣстности. Здѣсь, не имѣя средствъ жить въ Парижѣ, я съ разрѣшенiя любезныхъ хозяевъ, провелъ зиму въ одиночествѣ, питаясь супомъ изъ полукурицы и яичницей, приготовляемыхъ мнѣ старухой ключницей. Здѣсь, желая добыть денегъ, я написалъ бо́льшую часть своихъ „Записокъ Охотника“; и сюда же, какъ вы видѣли, попала моя дочь изъ Спасскаго. Когда-то, во время моего студенчества, пріѣхавъ на ваканцію къ матери, я сблизился съ крѣпостною ея прачкою. Но лѣтъ черезъ семь, вернувшись въ Спасское, я узналъ слѣдующее: у прачки была дѣвочка, которую вся дворня злорадно называла барышней, и кучера преднамѣренно заставляли ее таскать неносильныя ей ведра съ водою. По приказанiю моей матери, дѣвочку одѣвали на минуту въ чистое платье и приводили въ гостиную, а покойная мать моя спрашивала: „скажите, на кого эта дѣвочка похожа?“ Полагаю, что вы сами убѣдились вчера въ легкости отвѣта на подобный вопросъ. Все это заставило меня призадуматься касательно будущей судьбы дѣвочки; а такъ какъ я ничего важнаго въ жизни не предпринимаю безъ совѣта мадамъ Віардо, то и изложилъ этой женщинѣ все дѣло, ничего не скрывая. Справедливо указывая на то, что въ Россiи никакое

образованіе не въ силахъ вывести дѣвушекъ изъ фальшиваго положенія, мадамъ Віардо предложила мнѣ помѣстить дѣвочку къ ней въ домъ, гдѣ она будетъ воспитываться вмѣстѣ съ ея дѣтьми. И не въ одномъ этомъ отношеніи, прибавилъ Тургеневъ, воодушевляясь,—я подчиненъ волѣ этой женщины. Нѣтъ! она давно и навсегда заслонила отъ меня все остальное, и такъ мнѣ и надо. Я только тогда блаженствую, когда женщина каблукомъ наступитъ мнѣ на шею и вдавитъ мое лицо носомъ въ грязь. Боже мой! воскликнулъ онъ, заламывая руки надъ головою и шагая по комнатѣ,—какое счастіе для женщины быть безобразной!

Мало-по-малу разговоръ нашъ отъ частностей перешелъ къ общему. Оказалось, что мы оба инстинктивно находились подъ могучимъ вліяніемъ Кольцова. Меня всегда подкупало поэтическое буйство, въ которомъ у Кольцова недостатка нѣтъ, и я тогда еще не успѣлъ разсмотрѣть, что Кольцовъ, говоря отъ имени крестьянина, говоритъ псевдо-крестьянскимъ языкомъ, непонятнымъ для простонародья, чѣмъ и объясняется его непопулярность. Ни одинъ крестьянинъ не скажетъ:

«Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ».

Тѣмъ не менѣе, не взирая на несоотвѣтствіе формы содержанію, въ немъ такъ много спеціально русскаго воодушевленія и задора, что послѣдній одолѣвалъ и такого западника, какимъ сталъ Тургеневъ подъ вліяніемъ мадамъ Віардо. Помню, съ какимъ воодушевленіемъ онъ повторялъ за мною:

«И чтобъ съ горемъ въ пиру
Быть съ веселымъ лицомъ,
На погибель идти—
Пѣсни пѣть соловьемъ».

Хотя мнѣ до сихъ поръ кажется, что такія качества менѣе всего у насъ съ Тургеневымъ въ характерѣ. Какъ бы то ни было, я вынужденъ не только разсказать о вѣчныхъ нашихъ съ Тургеневымъ разногласіяхъ, но и объяснить ихъ источникъ, насколько я ихъ въ настоящее время понимаю. Ожесточенные споры наши, не разъ воспроизведенные подъ другими име-

нами въ разсказахъ Тургенева, оставляли въ душѣ его до того постоянный слѣдъ, что, привезши мнѣ въ 1864 году изъ Баденъ-Бадена стихотворенія Мерике, онъ на первомъ листѣ написалъ: „врагу моему А. А. Фету на память пребыванія въ Петербургѣ въ январѣ 1864 г.“.

Не даромъ Фаустъ, объясняя Маргаритѣ сущность мірозданія, говоритъ: „Чувство — все“. Это чувство присуще даже неодушевленнымъ предметамъ. Серебро чернѣетъ, чувствуя приближеніе сѣры; магнитъ чувствуетъ близость желѣза и т. д. Дѣло непосредственнаго чувства угадывать строй чужой души. Дѣло чувства на собственный страхъ приходитъ къ извѣстному рѣшенію, но основывать его на словахъ похвалы или порицанія извѣстнымъ лицомъ даннаго предмета совершенно ошибочно. Говорить, что такой-то, открывающій на каждомъ шагу недостатки въ ребенкѣ или въ своей родинѣ, ненавидитъ своего сына или свое отечество, такъ же мало основательно, какъ по ежеминутнымъ восхваленіямъ и самохвальству, заключать о безграничной любви. Не странно ли, что споры, которымъ мы съ Тургеневымъ за тридцать пять лѣтъ безотчетно предавались съ такимъ ожесточеніемъ, нимало не потерявши своей ѣдкости, продолжаются между славянофилами и западниками по сей день, не взирая на многократныя ихъ обсужденія съ разныхъ сторонъ и указанія нагляднаго опыта?

Никто не станетъ спорить, что отъ народнаго воспитанія зависитъ и народное благосостояніе, но чрезвычайно односторонне пріурочивать воспитаніе къ такому тѣсному кругу, какова грамотность, оставляя другія безчисленныя вліянія, начиная съ народной и семейной среды, поддерживаемой законнымъ надзоромъ религіозной, отеческой и всякой иной власти. Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть, что наше народное воспитаніе съ шестидесятыхъ годовъ значительно пошло назадъ, а вслѣдъ затѣмъ пошло назадъ и народное благосостояніе. Принимая въ земледѣльческомъ государствѣ мѣриломъ общаго благосостоянія зерновой хлѣбъ, невозможно не сознаться, что до шестидесятыхъ годовъ отсутствіе у крестьянина двухъ-трехлѣтняго запаснаго одонка, обезпечивающаго, помимо сельскаго магазина, продоволь-

ствіе семьи на случай неурожая, — было исключеніемъ; тогда какъ въ настоящее время существованіе такого одонка представляетъ исключеніе. Но ограничимся указаніемъ на источникъ постоянныхъ нашихъ съ Тургеневымъ споровъ, при которыхъ въ запальчивости, особенно со стороны Тургенева, недостатка не было. Впослѣдствіи мы узнали, что дамы въ Куртавнелѣ, поневолѣ слыша нашъ оглушительный гамъ на непонятномъ и гортанномъ языкѣ, наперерывъ восклицали: „Боже мой! они убьютъ другъ друга!“ И когда Тургеневъ, воздѣвши руки и внезапно воскликнувъ: „батюшка! Христа ради не говорите этого!“—повалился мнѣ въ ноги, и вдругъ наступило взаимное молчаніе, дамы воскликнули: „вотъ они убили другъ друга!“

Не могу не сказать, что нашъ братъ русскій, внезапно вступающій въ домашнюю жизнь нѣмцевъ, а тѣмъ болѣе французовъ, приходитъ въ изумленіе передъ малымъ количествомъ питанія, представляемаго ихъ завтраками и обѣдами. У насъ если появится наваристый борщъ или щи съ хорошимъ кускомъ говядины, да затѣмъ гречневая каша съ масломъ или съ подливкой, то усердно отнесшійся къ этимъ двумъ блюдамъ не захочетъ ничего остальнаго; тогда какъ обѣдъ въ замкѣ Куртавнель состоялъ изъ французскаго бульона, слабаго до безчувствія, за которымъ вторымъ блюдомъ являлся небольшой мясной пирожокъ, какіе у насъ подаются къ супу; третьимъ блюдомъ являлись вареные бобы съ художественно нарѣзанными ломтиками свѣтившейся насквозь ветчины; послѣднимъ блюдомъ являлись блинчики или яичница съ вареньемъ на небольшомъ плафонѣ. А между тѣмъ не рѣдкость встрѣтить тучныхъ, пожилыхъ французовъ и француженокъ.

На третій день я объявилъ желаніе возвратиться въ Парижъ, и такъ какъ нужно было поспѣть въ Rosay къ шести часамъ пополудни, времени отправленія дилижанса, то я долженъ былъ уѣхать изъ дому не позже четырехъ часовъ. Хозяева всхлопотались кормить меня на дорогу, но я наотрѣзъ отказался. Подали кабріолетъ, и черезъ часъ я уже былъ въ Rosay.

— Скоро ли пойдетъ дилижансъ?

— Да черезъ полчаса, а самое позднее черезъ тр
верти.

Хлопотать было нечего, любезный Віардо съ утра
залъ взять для меня мѣсто въ купѣ. Теперь пять часов
лижансъ пойдетъ черезъ часъ, будетъ шесть, да про
четыре, будетъ десять, да по желѣзной дорогѣ тридцать
минутъ, слѣдовательно мнѣ придется обѣдать не раньше
надцати. Это что-то поздно.

— Нѣтъ ли тутъ гостинницы?

— Есть, отличная.

Я отправился въ отличную гостинницу, и она ока
вполнѣ отличной отъ всѣхъ гостинницъ въ мірѣ, иск
нашихъ почтовыхъ. Какъ я ни бился, не могъ доста
супу, ни прочаго:

— „Нѣтъ ли мяса?“ — „Есть“. — „Что такое?“ — „Г
нокъ“.

— „Одинъ?!“—„Одинъ“.

— Дайте пожалуйста голубенка, и съ этимъ словомъ
шелъ въ небольшую обѣденную залу.

За круглымъ столомъ сидѣла дама и рядомъ съ не
жилой господинъ, по осанкѣ и щетинистымъ усамъ ко
легко можно было узнать стараго солдата первой им
еслибы даже въ петлицѣ не алѣла неизбѣжная розет
четнаго Легіона. Передъ ними стояла бутылка краснаго
и блюдо сочной телятины, а подлѣ на стулѣ лежалъ
хлѣбъ, похожій на двухъ-аршинный отрубокъ бере
бревна. Что дѣлать? Ѣсть нечего. Принесенный голуб
попахивающій пережареннымъ масломъ, исчезъ, оста
жалкіе слѣды своего существованія. Я потребовалъ с
полбутылки шампанскаго.

— Шампанскаго нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? сказалъ обиженнымъ тономъ напол
скій капитанъ.—Спросите въ лавкѣ у такого-то.

— У него нѣтъ.

— Ну такъ у такого-то.

— Я послала, отвѣчала хозяйка, да не знаю, есть л
Rosay! Въ двухъ шагахъ отъ Шампаньи, и не достанеш
бутылки вина. Наконецъ явилась полбутылка сомните

вида и хлопнула, какъ изъ ружья. Я предложилъ по бокалу капитану и его дамѣ. Капитанъ поблагодарилъ и подвинулъ ко мнѣ блюдо телятины, а вслѣдъ затѣмъ сталъ разсказывать о великой ретирадѣ изъ сгорѣвшей Москвы, хваля русскихъ на чемъ свѣтъ стоитъ. За что бы уже ему хвалить?— Не знаю.

Между тѣмъ кондукторъ затрубилъ, и въ купѣ у меня не нашлось товарищей. Воспользовавшись просторомъ, я закурилъ сигару, легъ черезъ всѣ три или четыре мѣста и пріѣхалъ на станцію желѣзной дороги сонный.

На другой день, за завтракомъ въ кофейнѣ Пале-Ройяльской Ротонды, попался мнѣ знакомый французъ Делаво. Онъ уѣзжалъ на мѣсяцъ въ деревню, и по этому случаю мы давно не видались. Приказавъ поставить приборы на одинъ столикъ, мы пустились во взаимные распросы.

— Ну, теперь вы оглядѣлись въ Парижѣ, замѣтилъ Делаво. Скажите, какое онъ на васъ произвелъ впечатлѣніе. Мы, парижане, ко всему присмотрѣлись, интересно сужденіе человѣка свѣжаго. Со мной можете быть совершенно откровенны, настолько вы меня знаете.

— Очень радъ, что вы навели меня на эту тему, у меня самого она вертѣлась въ головѣ, и я не разъ припоминалъ ваше выраженіе касательно нѣмецкихъ книгъ. Вы говорили, что онѣ непостижимо дурно сдѣланы (mal faits) въ сравненіи съ французскими, изъ которыхъ каждая, самая дрянная и пустая, такъ изложена, что читается легко—безъ сучка безъ задоринки.

— Помню, помню. У насъ вообще думаютъ плохо и трудно, а писать гладко великіе мастера. Но къ чему вы это вспомнили?

— Къ тому, что отношу это ко всей парижской жизни, отъ улицы Риволи до Гипподрома, отъ послѣдняго винтика въ экипажѣ до первыхъ брилліантовыхъ серегъ за стекломъ магазина, отъ художественной выставки до Большой Оперы,— все гладко, ловко, блистательно (bien fait), а цѣлое прозаично, мишурно и безсочно, какъ нарядный вѣнскій пирогъ, простоявшій мѣсяцъ за окномъ кондитерской.

Недѣли двѣ пришлось мнѣ протомиться въ моемъ одино-

чествѣ, тоскливо посматривая на березку, со дна двора подымавшую свою макушку вровень съ моимъ окномъ.

Можно себѣ представить мой восторгъ, когда единственный слуга нашей гостинницы, Люи, исполнявшій и должность привратника, подалъ мнѣ записку, въ которой я прочелъ по-русски:

„Мы сейчасъ только остановились по сосѣдству отъ тебя,— rue Taitbout, hôtel Taitbout. Заходи ждемъ тебя обѣдать“. Твоя Надя.

Съ этого момента жизнь моя просіяла подъ нѣжными лучами сердечной привязанности Нади. Она сумѣла до извѣстной степени сообщить мнѣ свое живое сочувствіе къ произведеніямъ искусствъ, которымъ исполнена была сама. Обладая прекрасною историческою памятью, она сумѣла заинтересовать и меня своими любимыми до-Рафаэлевскими живописцами и съ дѣтскимъ простодушіемъ смѣялась надъ моими coq á l'âne'ами. Зная мою слабость къ обжорству и шампанскому, она ежедневно кормила меня великолѣпными обѣдами и заставляла выпивать бутылку шампанскаго. Нельзя не помянуть добромъ хозяйку ея гостинницы, которая видимо желала угодить своимъ постояльцамъ. Ея супы напоминали наши русскіе, а ея сочныя пулярки казались подернутыми легкимъ налетомъ карамели; мороженое всегда приходило въ машинкѣ отъ сосѣдняго Тортони.

Весело и безпечно протекали мои дни, и такъ какъ дамы ничего не говорили о своемъ романѣ, то я и самъ боялся заводить объ немъ рѣчь.

Читая на афишѣ, что заступившая мѣсто Рашели—Ристори будетъ играть Медею въ трагедіи Легуве, я взялъ для своихъ дамъ ложу.

Занавѣсъ поднялся, и я съ ужасомъ услыхалъ итальянскія legato и piccicato, изъ которыхъ не понималъ ни слова. Въ мысляхъ у меня промелькнуло что-то вродѣ „Le mariage forcé“ Мольера, гдѣ во французской піесѣ распѣваются испанскіе стихи. „Ну, подумалъ я, дѣлать нечего! Надо прослушать этотъ итальянскій прологъ“, показавшійся мнѣ безконечнымъ. Но когда съ поднятіемъ занавѣса снова раздались „piccicato“, я убѣдился, что слушаю трагедію на итальянскомъ языкѣ,

мнѣ непонятномъ — и тутъ же объявилъ дамамъ, что не намѣренъ продолжать самаго безсмысленнаго и скучнаго занятія, и пойду походить по бульвару, гдѣ и буду ожидать окончанія представленія, чтобы придти за ними. Сестра сказала, что и она уходитъ со мною гулять, но Софья Сергѣевна, со сверкающими отъ волненія взорами, объявила наотрѣзъ, что „вы молъ, господа, какъ хотите, а я ни за что не уйду отъ Ристори". Часа черезъ полтора мы съ сестрою, прогулявшись и освѣжившись мороженымъ, вернулись съ нашими контромарками къ концу драмы за Софьей Сергѣевной. Я подъ руку велъ сестру, и когда, сойдя съ лѣстницы, мы повернулись такъ, что намъ стала видна вся сходящая по ней толпа, я почувствовалъ, что рука сестры дрогнула и продолжала трепетать на моей, и, поблѣднѣвъ какъ полотно, она, слѣдя глазами за сходящимъ, коротко остриженнымъ и съ сильною просѣдью мужчиной, прошептала: „это онъ!" Въ ту же минуту тотъ же самый мужчина въ небольшой сѣрой лѣтней шляпѣ проскочилъ мимо насъ и быстрыми шагами направился къ выходу. Отдаваясь первому порыву, я, оставивъ руку сестры, бросился къ выходу и внизъ по ступенькамъ на улицу, гдѣ при яркомъ свѣтѣ фонарей увидѣлъ быстро уходящаго человѣка. Я крикнулъ его по имени такъ рѣзко, что онъ въ минуту остановился, и я, подойдя къ нему, сказалъ, что онъ, кажется, не замѣтилъ въ концѣ лѣстницы дѣвицы Ш—й.

— Боже мой! возможно ли? воскликнулъ онъ. Позвольте мнѣ пойти и засвидѣтельствовать ей мое глубочайшее почтеніе. Какое неожиданное счастье! сказалъ онъ, снимая шляпу и низко кланяясь дамамъ. Смѣю надѣяться, что вы дозволите мнѣ явиться завтра къ вамъ въ 12 часовъ дня. Представьте меня вашему брату, котораго, какъ вамъ извѣстно, я давнишній поклонникъ.

— Мы будемъ васъ ждать въ 12 часовъ, тихо сказала сестра, успѣвшая нѣсколько оправиться отъ волненія.

Еще разъ поклонившись, поклонникъ нашъ исчезъ. Была теплая осенняя ночь, и я пошелъ пѣшкомъ провожать дамъ до ихъ отеля.

— Неужели вы, Софья Сергѣевна, не жалѣете о потерян-

номъ вечерѣ въ драмѣ, въ которой, разумѣется, не поняли ни слова?

— Ахъ нѣтъ! я напротивъ чрезвычайно довольна. Ристори восторгъ что такое! Надо было видѣть и слышать, какъ надъ дѣтьми она, изображая согнутыми пальцами когти, произнесла: tigresse!

При этомъ я даже въ полумракѣ видѣлъ сѣрыя перчатки Софьи Сергѣевны въ видѣ страшныхъ когтей.

Когда мы вошли въ освѣщенную гостиную дамъ, я на минутку усѣлся съ папироскою и, не обращаясь ни къ кому особенно, спросилъ:

— Неужели вы полагаете, что герой вашего романа завтра придетъ?

— Ахъ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ! воскликнула Софья Сергѣевна, — удивляюсь, какъ вы можете такъ дурно думать о людяхъ. Приходите завтра сами, и вы убѣдитесь, что все дѣло будетъ положительно окончено. Онъ всетаки... настоящій Фаустъ!

— Я приду въ половинѣ перваго, когда вы сами убѣдитесь, что изъ этого, слава Богу, ничего не выйдетъ. А теперь покойной ночи, если это возможно.

И я побѣжалъ въ свой hôtel Helder.

На другой день въ половинѣ перваго я засталъ дамъ, тщательно одѣтыхъ и видимо смущенныхъ. Бѣдная Надя! какъ она была мила въ своемъ плохо скрываемомъ разочарованіи. При каждомъ стукѣ останавливающагося у подъѣзда экипажа, Софья Сергѣевна подбѣгала къ балконному окну и, взглянувъ внизъ, безмолвно отходила на свое мѣсто. Конечно, всѣ ожиданія, какъ я предвидѣлъ, были напрасны.

Къ счастію для насъ, въ скорости появился Делаво, котораго я еще ранѣе успѣлъ представить дамамъ. Я навелъ его на любимую его тему: безсмысліе художественныхъ требованій французской публики и нелѣпость того, что французы выдаютъ за философію. Онъ распѣвалъ, какъ соловей, закрывая при этомъ свои черные, добрые глаза и восклицая по временамъ: „o, le publique est absurde!“

Что происходило на душѣ у сестры, вслѣдствіе такого разочарованія, я никогда не могъ узнать, но, конечно, упо-

требляль всевозможныя предосторожности, чтобы не коснуться больнаго мѣста. Въ образѣ нашей жизни, повидимому, ничего не измѣнилось, исключая пріѣзда Тургеева, оживившаго наше пребываніе въ Парижѣ. Услышавъ о томъ, что сестра моя въ Парижѣ, онъ не разъ приходилъ къ ней въ Hôtel Taitbout и расхваливалъ наши дѣйствительно хорошіе обѣды. Надо ему отдать справедливость, какъ gourmet.

Однажды онъ принесъ мнѣ прелестное карманное изданіе Горація—Дидота, напечатанное въ 1855 г. по Лондонскому изданію Бонда 1606 г., подписавши на немъ „Фету отъ Тургенева въ Парижѣ въ октябрѣ 1856 г.“ Сестра тотчасъ же отдала это изданіе лучшему переплетчику, и я до сихъ поръ храню это двойное воспоминаніе рядомъ съ имѣющимся у меня экземпляромъ настоящаго Бонда. По моему мнѣнію, не смотря на крошечный объемъ книги и многочисленные труды по объясненіямъ Горація, изданіе Бонда представляетъ наилучшее объясненіе Горація.

— Ахъ, какъ у тебя мило! сказала однажды сестра, взобравшись ко мнѣ на пятый этажъ и заставши меня за письменнымъ столомъ. Съ этихъ поръ она часто навѣщала меня, и я всякимъ театрамъ предпочиталъ проводить вечеръ рядомъ съ нею, усѣвшись у пылающаго или догорающаго камина, въ которомъ она сама любила будить огонь. Правда, мечты наши большею частію были нерадостны, но мы отлично понимали другъ друга, находя одинъ въ другомъ нравственную опору. На вопросъ сестры: „отчего ты не женишься?“—я безъ малѣйшей аффектаціи отвѣчалъ, что по состоянію здоровья ожидаю скорѣе смерти и смотрю на бракъ, какъ на вещь для меня недостижимую.

— Знаешь ли что, другъ мой, сказалъ я сестрѣ въ одно изъ такихъ посѣщеній.—Мы съ тобою почти неразлучны. Почему бы намъ, вмѣсто двухъ квартиръ, не занять одной общей? У васъ въ настоящее время съ Софьей Сергѣевной общая спальня, а здѣсь во второмъ этажѣ за 250 франковъ въ мѣсяцъ: прекрасная передняя, гостиная и двѣ спальни, могущія служить и кабинетами. Это выйдетъ не дороже того, что мы платимъ врозь.

Сказано — сдѣлано. Черезъ нѣсколько дней мы уже помѣщались на нашей, болѣе удобной квартирѣ.

Никогда быть можетъ въ жизни я такъ беззавѣтно не предавался настоящему; но не думая о будущемъ, мы оба съ сестрою чувствовали боязнь разлуки. Эта боязнь заставила наконецъ насъ обоихъ придти къ какому-либо рѣшенію по отношенію къ ближайшему будущему.

Въ отсутствіе Софьи Сергѣевны, нерѣдко уходившей, въ ожиданіи отъѣзда въ Россію, въ магазины для сформированія туалета своей племянницы, мы, сосчитавши наши небольшія средства, рѣшили не разставаться въ виду долгаго времени, оставшагося до окончанія моего отпуска. А такъ какъ раньше или позднѣе Софью Сергѣевну приходилось отвозить на родину, то было гораздо благоразумнѣе выдать ей деньги на путевыя издержки въ настоящую минуту, и такимъ образомъ вмѣсто тройныхъ остаться заграницей лишь при двойныхъ расходахъ.

— Ты и безъ того собирался въ Италію, сказала Надя. Да тебѣ, поэту, и стыдно не побывать въ этой классической странѣ искусства. А я съ восторгомъ буду твоимъ чичероне.

Софья Сергѣевна, постоянно выставлявшая свое сопутствіе въ видѣ одолженія, не могла ничего возразить на предложеніе избавиться отъ дальнѣйшаго безпокойства, а черезъ нѣсколько дней по ея отъѣздѣ въ Россію, мы съ Надей отправились черезъ Марсель въ Италію.

VII.

Въ Италіи.—Тиволи.—Встрѣча съ Некрасовымъ, Панаевой и К—ими.—Ночь въ дилижансѣ.—Неаполь.—Осмотръ Сольфатары.—Неаполитанская зима.—Снова въ Парижѣ.—Пѣніе М-me Віардо.—Возвращеніе въ Россію.—Пріѣздъ въ Новоселки.—Встрѣча съ Борисовымъ и моя поѣздка въ Фатьяново.—Болѣзнь Нади.—Я везу Надю въ Москву къ докторамъ.—Пріѣздъ Борисова.—Встрѣча съ В. П. Боткинымъ.—Знакомство съ семьею Боткиныхъ.—Моя женитьба.

Въ книгѣ Гербеля: „Русскіе поэты“ упомянуто, что въ Современникѣ были напечатаны три статьи мои подъ заглавіемъ: „Изъ заграницы. Путевыя впечатлѣнія. 1856, №11, 1857, №№2 и 7“. Послѣдняя статья кончается выѣздомъ изъ Марселя, а между тѣмъ я очень хорошо помню, съ какимъ увлеченіемъ описывалъ я великолѣпную ночь на Средиземномъ морѣ, а затѣмъ всѣ впечатлѣнія Генуи, Ливорно, Пизы, Чивита-Векіи, Рима и Неаполя. Но, вѣроятно, всѣ эти путевыя впечатлѣнія не были напечатаны въ „Современникѣ“, куда были отправлены и гдѣ, вѣроятно, въ редакціи пропали. Хотя Италія по сей день жива въ моемъ воображеніи во всю ширину пройденныхъ мною по ней путей, но оставляя многообразное ихъ сплетеніе, буду держаться лишь той стези, изъ которой оглядывающемуся уясняется непосредственное истеченіе дальнѣйшей жизненной судьбы, хотя въ то время невозможно было этого предвидѣть.

Въ настоящую минуту для меня совершенно ясно, что сестра Надя, выступивши лишь на сравнительно короткое время на мой жизненный путь, неизбѣжно наклонила его по новому направленію. Я охотно предоставилъ бы читателю самому придти къ этому убѣжденію еслибы не чувствовалъ жела-

нія извиниться въ молчаніи, съ какимъ намѣреваюсь пройти подробности моего пребыванія на классической, итальянской почвѣ. „Присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ“, говоритъ Печоринъ Лермонтова. Вотъ разгадка многаго, что со стороны можетъ показаться во мнѣ непростительнымъ чудачествомъ и кривляніемъ. Стоитъ мнѣ заподозрить, что меня преднамѣренно наводятъ на красоту, передъ которою я по собственному побужденію палъ бы во прахъ, какъ уже сердце мое болѣзненно сжимается и наполняется все сильнѣйшею горечью по мѣрѣ приближенія красоты. Желая быть краткимъ, скажу вопервыхъ, что въ грустной и безмолвной Ніобеѣ—Италіи, окруженной грязными и жадными нищими, я не призналъ красавицы-царицы, гордой своими прекрасными дѣтьми, царицы, о которой мнѣ натвердили поэты. Болѣзненное чувство мое, быть можетъ, усиливалось отъ желанія Нади указать мнѣ на окружавшія насъ прелести. Но я долженъ сказать, что безъ настоянія сестры я не увидалъ бы Италіи и притомъ въ такихъ подробностяхъ. Нигдѣ и никогда болѣзненное чувство, о которомъ я говорю, не овладѣвало мною въ такой степени, какъ въ Италіи; но оно проявлялось иногда съ рѣзкостью, о которой въ настоящее время мнѣ стыдно вспоминать. Привожу одинъ изъ наглядныхъ примѣровъ. Однажды сестра уговорила меня проѣхать и взглянуть на Тиволи.

Самое ненавистное для меня въ жизни—это передвиженіе моего тѣла съ мѣста на мѣсто, и поэтому наиболѣе унынія наводящими словами для меня всегда были: гулять, кататься, ѣхать. Самый рѣзвый рысакъ въ городѣ и самый быстрый поѣздъ желѣзной дороги для меня, превращеннаго при передвиженіи въ поклажу, всетаки убійственно медленны. А тутъ въ холодный осенній день предстояло тащиться за 20 верстъ до Тиволи и обратно, то есть всего 40 верстъ, отданному на жертву римскому извощику съ его черепахой коляской. Тѣмъ не менѣе, по дорогѣ туда мы, свернувши версты на двѣ въ сторону, осмотрѣли развалины знаменитой виллы Адріана; и здѣсь, не взирая на забиравшуюся мнѣ въ душу хандру, я не могъ не любоваться на такой амфитеатръ, какъ Навмахія, и на художественную лѣпную работу потолковъ въ термахъ,

о которой можно бы было подумать, что она только что окончена.

Но вотъ мы добрались до Тиволи, гдѣ, можно сказать, на одномъ пунктѣ соединилась и античная прелесть живописныхъ остатковъ храма Весты, и полукругъ отвѣсныхъ скалъ, у подножія которыхъ темная пасть, именуемая гротомъ Сирены, поглощаетъ кипящую струю Аніо, отвѣсно падающую въ нее съ утеса.

— Какая прелесть! невольно воскликнула сестра, стоя на площадкѣ спиною къ единственной гостинницѣ, примыкающей къ храму Весты.—Здѣсь, прибавила она, есть ослы съ проводниками, и намъ необходимо заказать ихъ, чтобы объѣхать прелестное ущелье Аніо.

— Я нестерпимо озябъ, сказалъ я,—и голоденъ; а видъ этой воды наводитъ на меня лихорадку. Надѣюсь, что здѣсь найдется что-либо утолить голодъ.

Съ этимъ словомъ я вошелъ въ гостинницу, гдѣ слуга понималъ мои желанія, высказанныя по-французски. Черезъ четверть часа въ каминѣ запылали громадные оливковые пни, и въ комнатѣ стало скорѣе жарко, чѣмъ холодно. При этомъ исполнено было мое требованіе, вѣроятно, немало изумившее прислугу, а именно: окна, выходящія на каскадъ, были тщательно завѣшаны суконными одѣялами, такъ что мы обѣдали при свѣчахъ. Нашлась и бутылка шампанскаго Мума, кромѣ котораго и въ Римѣ не было возможности достать другой марки. Враждебно ушедши въ мрачную пещеру своего недоброжелательства, я изъ нея ревниво наблюдалъ всѣ движенія сестры. Я видѣлъ, что она сначала безмолвно слѣдовала за мною во мракъ, но по мѣрѣ того, какъ пещера моя начинала согрѣваться пылающимъ каминомъ и шампанскимъ, сестра все настойчивѣе вела меня за руку къ выходу и къ приготовленнымъ для прогулки осламъ. Конечно, всѣ ея ласкательныя уловки были вполнѣ очевидны; но онѣ были такъ добродушны и любовны, что упрямиться долѣе было бы неблаговоспитанно. Два проводника привели намъ своихъ ословъ; на переднемъ съ дамскимъ сѣдломъ поѣхала сестра по узкой тропинкѣ, справа опоясывающей ущелье Аніо; а сзади пришлось тащиться мнѣ, чувствуя себя тѣлесно и ду-

шевно въ положеніи Санхо-Пансо. Въ одномъ мѣстѣ мой оселъ, вѣроятно, инстинктивно сочувствуя моему упрямству, повалился подо мною на самомъ краю обрыва. Конечно, я въ ту же минуту оперся обѣими ногами о каменную дорогу, такъ что оселъ апатично легъ у меня между колѣнями. Но и этотъ незначительный эпизодъ не ускользнулъ отъ вниманія бокомъ ѣхавшей передо мною сестры. Не успѣлъ я еще переступить черезъ моего осла, какъ, соскочивъ съ сѣдла и блѣдная какъ полотно, Надя была уже подлѣ меня. Въ подобномъ родѣ были всѣ ея уловки водить меня по итальянскимъ и вообще европейскимъ достопримѣчательностямъ.

Откровенно упомянувъ о собственныхъ странностяхъ, не могу пройти молчаніемъ странностей сестры, которыя тогда только удивляли меня, оставаясь до времени неразрѣшимою загадкою.

По пріѣздѣ въ Римъ, мы заняли на видъ весьма порядочную квартиру на via Carrozza, но черезъ нѣсколько дней пришли къ убѣжденію, что оставаться тутъ долѣе невозможно. Рамы въ окнахъ, какъ мы вынуждены были замѣтить, представляли широкія отверстія, въ которыя значительный ноябрьскій холодъ проникалъ безпрепятственно; а то, что носило названіе каминовъ, только наполняло комнаты дымомъ, нимало ихъ не согрѣвая. Къ этому надо прибавить такое количество мучительныхъ насѣкомыхъ, которымъ Моисей при египетскихъ казняхъ могъ бы позавидовать. Между тѣмъ, не помню, какимъ образомъ, но, вѣроятно, за общимъ столомъ Испанской гостинницы, мы неожиданно встрѣтились съ Некрасовымъ и Панаевой. По этому поводу, какъ я послѣ узналъ, Герценъ сказалъ: „Некрасовъ въ Римѣ, то же, что щука въ оперѣ".

Какъ я ни убѣждалъ сестру не безпокоиться разыскивать новую квартиру, говоря, что исполню это лично,—но, когда я отправлялся на поиски, она пускалась въ таковые же. Не желая вдали отъ родины доводить нашу общую кассу до истощенія, я наконецъ отыскалъ, по мнѣнію моему, очень хорошую и удобную квартиру. Тѣмъ временемъ сестра отыскала другую, едва ли болѣе удобную, но гораздо болѣе дорогую на Duo Macelli. Когда послѣ забраковки пріисканной мною квартиры, я вернулся съ новыхъ поисковъ, то къ уди-

вленію моему засталъ сестру въ слезахъ и въ истерическомъ припадкѣ, несогласномъ ни съ ея благоразуміемъ, ни съ ничтожнымъ поводомъ неудовольствія. Въ волненіи я забѣжалъ къ Панаевой и сообщилъ ей о происходящемъ у насъ.

— Да наймите вы нравящуюся ей квартиру, сказала Панаева.

Такъ я и поступилъ, и согласіе наше возстановилось.

На Монте-Пинчіо я встрѣтилъ молодаго поэта Павла Михайловича К—аго, племянника Егора Петровича, о которомъ я говорилъ выше. Онъ представилъ меня своей женѣ, а я его—сестрѣ; и такимъ образомъ мы познакомились. Молодые К—іе были премилые люди; они занимали прекрасное помѣщеніе въ Palazzete Borgese, и у нихъ по вечерамъ можно было застать гостей изъ русской колоніи. Иногда они, взявши четверомѣстную коляску, приглашали сестру и меня кататься. Такимъ образомъ у насъ завязались самыя дружественныя и непринужденныя отношенія. Я заставлялъ иногда сестру отъ души смѣяться, напоминая ей, какъ въ пріѣздъ мой въ сороковыхъ годахъ въ Петербургъ кирасирскимъ адъютантомъ, я представлялся ея начальницѣ, а та къ вечернему чаю устроила для меня балетъ, въ которомъ корифейкой предстала сестра. Не менѣе смѣялась она, когда я вспоминалъ о нервной, полувоздушной дочери этой директрисы, сердечно любившей мою Надю и вышедшей замужъ за старика сенатора. Не набрасывая никакой тѣни на эти дѣйствительно достойныя всякаго уваженія личности, я только дозволялъ себя выгибать спину, какъ выгибалъ ее почтенный сенаторъ, напоминая венгерца, несущаго за спиною свою аптеку съ элексирами; да представлять съ платкомъ въ рукѣ добрѣйшую его супругу Магіе, какъ она потопляетъ носъ свой въ одеколонѣ. Такими глупостями я не разъ уже возбуждалъ смѣхъ сестры. Однажды, сидя въ колескѣ К—ихъ противу дамъ, я представилъ Магіе, нюхающую одеколонъ. На этотъ разъ Надя не разсмѣялась, и я тотчасъ же умолкъ.

Вернувшись домой и проходя черезъ гостиную въ свою комнату, я услыхалъ въ спальнѣ сестры рыданія. Пріотворивши дверь, я нашелъ ее лежащею лицемъ на подушкѣ въ

сильнѣйшей истерикѣ. Конечно, я старался сказать все возможное, чтобы ее успокоить, увѣряя ее честнымъ словомъ не повторять непріятной ей шутки.

Осмотрѣвъ при помощи сестры римскія достопримѣчательности, я не безъ удовольствія разсчитывалъ въ январѣ на болѣе мягкую зиму Неаполя, куда настойчиво меня приглашала сестра. Услыхавъ о нашей поѣздкѣ въ назначенный день, Некрасовъ на тотъ же день взялъ два билета въ каретѣ нашего четверомѣстнаго дилижанса. Но передъ самымъ выѣздомъ изъ Рима, онъ прислалъ намъ свои два билета, при сожалѣніи, что въ этотъ день выѣхать не можетъ; и такимъ образомъ мы неожиданно очутились съ сестрою единственными обладателями четырехъ мѣстъ, т. е. двухъ банкетокъ по правую и по лѣвую сторону единственной входной двери сзади. Занявъ лѣвую скамейку, я очень радъ былъ за сестру, могущую прилечь, такъ какъ приходилось ѣхать цѣлую ночь до Неаполя. Въ тѣ времена порванной на клоки Италіи, таможенные осмотры мучили путешественниковъ на каждомъ шагу. Такъ ночью, на границѣ, въ Террачино, насъ подняли и привели въ просторную, плохо освѣщенную комнату, гдѣ мы разсѣлись по скамейкамъ вдоль стѣнъ; тогда какъ таможенные неторопливо вскрывали и раскрывали наши чемоданы. Пока мы терпѣливо смотрѣли съ сестрою на эти продѣлки, къ намъ два или три раза подходила, заглядывая въ лица, какая то молодая женщина въ соломенной шляпкѣ, изъ подъ которой волнистый пукъ черныхъ кудрей свисалъ у нея на глаза. Не понимая ея бормотанія, я спросилъ кого-то,—что это за личность? и мнѣ сказали, что это сумасшедшая. Когда осмотръ кончился, мы вновь заняли свои мѣста, и дилижансъ покатилъ изъ Террачино. Ночь, по причинѣ полнолунія, была свѣтла какъ день. На слѣдующей станціи, послѣ перепряжки лошадей, дверка въ карету къ намъ отворилась, и кондукторъ, впустивъ къ намъ какую-то женщину, заперъ портьерку. Не желая будить уснувшую противъ меня сестру шумными объясненіями, я молча указалъ барынѣ, въ которой тотчасъ же призналъ видѣнную сумасшедшую, мѣсто около себя. Она безмолвно и покойно усѣлась въ уголокъ. Тѣмъ не менѣе, не будучи въ состояніи отвѣчать за фантазіи не-

знакомой мнѣ сумасшедшей, я рѣшился не спать всю ночь. Луна ярко озаряла карету, и я раза уже съ два ловилъ себя въ минуту засыпанія. Вдругъ чувствую что-то мягкое и теплое на кисти лѣвой руки; открываю глаза и вижу, что молодая женщина, припавши губами къ моей рукѣ, восторженно ее цѣлуетъ. Тихо высвободивши руку, я сказалъ своей сосѣдкѣ: „Dormire“,—и она успокоилась. Передъ разсвѣтомъ успокоился и я, такъ какъ кондукторъ вывелъ довольно красивую спутницу изъ кареты.

Мы приближались къ Неаполю, и прямо противъ меня, т. е. по правую сторону отъ дилижанса, засинѣла морская даль. Поднялась и сестра на своей банкеткѣ, и словно кто-нибудь сталъ приглашать меня любоваться всемірной красотой Неаполитанскаго залива. Я какъ бы ничего не замѣчая, перешелъ на пустое мѣсто около сестры и такимъ образомъ очутился спиною къ морю.

По мѣрѣ приближенія къ столицѣ, все чаще попадались высокія оливы, подымавшія къ небу свои зимніе, безлиственные сучья.

— Должно быть скоро пріѣдемъ, замѣтилъ я сестрѣ;—какія попадаются прекрасныя *виды*.

Но вотъ по гололедицѣ мы вкатили въ Неаполь и тотъчасъ же были окружены нищими всевозможныхъ видовъ.

Остановившись на сутки въ Hôtel de France, мы, наученные опытомъ, наняли понедѣльно прекрасное помѣщеніе на Кіайѣ, съ видомъ на бульваръ и на заливъ. Насъ отлично кормили изъ ближайшаго французскаго ресторана. Конечно, мы ревностно принялись за осмотръ всѣхъ достопримѣчательностей Неаполя и его окрестностей. Полагаю, что по части древней домашней утвари Неаполитанскій музей не имѣетъ себѣ равнаго. Осмотрѣли мы и Помпею и обѣдали въ ея ресторанѣ, содержимомъ бывшею русскою горничною, вышедшею замужъ за итальянскаго повара, и пили знаменитое Lacrima Cristi, которое въ сущности несравненно хуже нашего шипучаго Донскаго.

Словомъ сказать, жизнь наша въ Неаполѣ шла не безъ интереса; и даже, когда по захожденіи солнца холодный вѣтеръ начиналъ проникать съ залива въ окна, мы ютились у

единственнаго камина гостиной, который старались жарко растопить.

Однажды мы собрались осмотрѣть Сольфатару съ ея сѣрными испареніями, и съ этою цѣлью наняли извощика, который вдоль Кіайи повезъ насъ къ знаменитому тоннелю, носящему названіе грота Позилипа. Направо отъ въѣзда въ гротъ оказалась небольшая часовня, изъ которой, какъ бы заступая намъ дорогу, вышелъ черный монахъ. Вѣроятно, при множествѣ въ Италіи подобныхъ личностей, я бы даже не обратилъ на него вниманія, еслибы сестра не сказала мнѣ.

— Это геттатура (колдунъ - портильщикъ). Дай ему что-нибудь.

— Вѣдь умѣлъ же человѣкъ, подумалъ я, застращать людей въ свою пользу. — И въ доказательство свободомыслія, проѣхалъ геттатуру, не раскрывая кошелька. Въ скорости за Позилипомъ дорога къ Сольфатарѣ подымается въ гору, и коляска наша поневолѣ подвигалась шагомъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался многорѣчивый туземецъ, равняясь съ нами по окраинѣ дороги и объявляя, что онъ проводникъ и говоритъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Не смотря на наши заявленія, что намъ никакого проводника не надо, болтунъ не переставалъ передавать намъ о знатныхъ путешественникахъ, которымъ онъ служилъ проводникомъ, и при этомъ пояснялъ и намъ, что вотъ эта дорога подымается въ гору, и что скоро на ней будетъ площадка, гдѣ можно дать вздохнуть лошадямъ и выдти изъ коляски, если угодно. Когда, выйдя изъ коляски, мы стали восходить на новое возвышеніе пѣшкомъ, нестерпимый болтунъ продолжалъ трещать за нами, не взирая на многократныя мои заявленія, что намъ никакого гида не надо.

— Боже мой, какъ надоѣлъ! Прогони ты его, сказала сестра по русски.

Чтобы избавиться отъ нахала, я подалъ два франка, прося его уйти. Онъ посмотрѣлъ и сказалъ:

— „Этого мало“.—Тогда уже я такъ крикнулъ на него, что онъ ушелъ.

Конечно, мы не дозволили тащить несчастную и тощую собаку на обмираніе въ такъ называемую Собачью пещеру.—

Нѣмъ люди не промышляютъ! Но намъ пришлось проходить вдоль цѣлаго ряда кирпичныхъ сараевъ, въ отверстіяхъ которыхъ, какъ это бываетъ всюду, нерѣдко въ четвероугольныхъ ящикахъ (творилахъ), распускается известь. Чтобы предохранить растворъ отъ случайнаго сора, его нерѣдко сверху густо засыпаютъ пескомъ, такъ что для неопытнаго глаза представляется прекрасная песчаная площадка, весьма удобная для переходовъ. Не успѣлъ я еще разсмотрѣть творила, какъ проворная и любопытная Надя уже на него ступила и пронзительно вскрикнула. Въ мгновеніе ока я выхватилъ ее, поймавъ за лѣвую руку; тѣмъ не менѣе правый ея ботинокъ вмѣстѣ съ половиною чулка былъ покрытъ растворомъ извести. Къ счастію, подлѣ оказался кирпичникъ, который, свернувъ пуки соломы, тщательно отеръ намоченную ногу. Конечно, мы въ ту же минуту, насколько было возможно спѣшно, воротились домой. Однако непріятное приключеніе это не обошлось даромъ. Въ тотъ же вечеръ, не взирая на пылающій каминъ, сестра почувствовала ознобъ и въ первый разъ пожаловалась на спинную боль, отъ которой поѣхала лѣчиться два года тому назадъ заграницу. Къ утру однако ей стало лучше, и румянецъ снова заигралъ на ея щекахъ. Опытный однако былъ человѣкъ, пустившій пословицу „пришла бѣда, растворяй ворота“. Сколько разъ приходилось мнѣ испытывать это въ жизни.

Казалось, сама Неаполитанская зима, принявшая насъ такъ благосклонно, озлобилась на насъ въ свою очередь. Невыносимо холодный, чтобы не сказать бурный, вѣтеръ задулъ съ моря въ неплотныя рамы балконовъ и въ то же время не позволялъ растапливать камина, наполняя комнаты дымомъ. Я крѣпился до послѣдней возможности, видя въ то же время, что и сестра геройски переноситъ страданія. Но, наконецъ, я подумалъ: „всякое геройство имѣетъ цѣну, лишь когда жертвой искупается нѣчто болѣе высокое и цѣнное; но безцѣльное мученіе, не достигая геройства, заслуживаетъ инаго названія.

— Надя, сказалъ я, едва не плача отъ холода,—долго ли намъ такъ мучиться подъ благорастворенным небомъ Неаполя? Нельзя ли бѣжать къ голландскимъ печамъ въ Россію?

Мы узнали, что пароходъ изъ Неаполя въ Марсель уходитъ на другой день.

— Ѣдемъ завтра! воскликнулъ я.

— Очень рада, отвѣчала Надя, но бѣда въ томъ, что все мое бѣлье у прачки, и едва ли оно готово.

Приказано было прачкѣ принесть мокрое бѣлье и, навязавши изъ него въ простыни узловъ, мы на другой день отправились съ нимъ на пароходъ, отходившій въ Марсель. Не смотря на всѣ усилія наши провѣтривать его, бѣлье прибыло въ Парижъ горячимъ. На этотъ разъ мы оставались въ Парижѣ недолго. Зима гнала насъ и отъ французскихъ каминовъ, какъ прогнала отъ итальянскихъ. Тургенева въ его rue de l'Arcade я засталъ въ нѣсколькихъ шинеляхъ за письменнымъ столомъ. Не понимаю, какъ возможна умственная работа въ такихъ доспѣхахъ! Узнавъ отъ него о прибытіи семейства Віардо на зиму въ Парижъ, я отправился къ нимъ съ визитомъ въ собственный ихъ домъ Rue de Douai, 50. Надо отдать полную справедливость мадамъ Віардо по отношенію къ естественной простотѣ, съ которою она умѣла придавать интересъ самому будничному разговору, очевидно, тая въ своемъ распоряженіи огромный арсеналъ начитанности и вкуса.

Прочитавши объявленіе о концертѣ, въ которомъ кромѣ квартета было нѣсколько номеровъ пѣнія мадамъ Віардо, мы съ сестрою отправились въ концертъ. Не могу въ настоящее время сказать, какого рода была концертная зала, но, безъ сомнѣнія, она принадлежала учебному заведенію, такъ какъ публика занимала скамейки съ пюпитрами, восходившими амфитеатромъ. Мы съ сестрою сидѣли впереди скамеекъ на стульяхъ у самаго концертнаго рояля. Во все время пѣнія Віардо, Тургеневъ, сидящій на передней скамьѣ, склонялся лицемъ на ладони съ переплетенными пальцами. Віардо пѣла какія-то англійскія молитвы и вообще піесы, мало на меня дѣйствовавшія, какъ на не музыканта. Афиши у меня въ рукахъ не было, и я проскучалъ за непонятными квартетами и непонятнымъ пѣніемъ, которыми видимо упивался Тургеневъ. Но вдругъ совершенно для меня неожиданно мадамъ Віардо подошла къ роялю и съ безукоризненно

чистымъ выговоромъ запѣла: „Соловей мой соловей". Окружающіе насъ французы громко аплодировали, что же касается до меня, то это неожиданное мастерское, русское пѣніе возбудило во мнѣ такой восторгъ, что я вынужденъ былъ сдерживаться отъ какой-либо безумной выходки.

Но пора было намъ бѣжать въ Россію, и мы почти безъ оглядки проѣхали до Дрездена, гдѣ сестра захотѣла и передохнуть, и походить по картинной галлереѣ. Еще во Франкфуртѣ я запасся для сестры мѣховою шубою, зная, что мы подвигаемся къ нашимъ родимымъ снѣгамъ и морозамъ. Не смотря на сравнительно молодыя лѣта, мы какъ то чувствовали съ сестрою, что пѣсенки наши спѣты. Въ 36 лѣтъ въ чинѣ поручика гвардіи, я не могъ разсчитывать на блестящую служебную карьеру. Точно также, зная образъ мыслей сестры, я не могъ ожидать, чтобы она скоро оправилась отъ испытаннаго потрясенія. Вслѣдствіе всего этого, между нами установился планъ недалекаго будущаго, гдѣ я долженъ былъ вернуться въ наши родовыя Новоселки и, принявши ихъ въ свое управленіе, присоединить къ общей нашей жизни проценты съ небольшаго моего капитала, находившагося большею частію у братьевъ на рукахъ. Мы оба не знали, что завѣдывавшій Новоселками зять нашъ Александръ Никитичъ вмѣстѣ съ женой своей—сестрой нашей Любинькой—оставили на эту зиму свое болѣе отдаленное отъ Мценска имѣніе Ивановское и поселились въ Новоселкахъ за 7 верстъ отъ Мценска. Конечно, въ нашихъ общихъ съ Надею планахъ не было ничего блестящаго или привлекательнаго, за исключеніемъ нашей дружбы; но если человѣку суждено жить, то жить необходимо извѣстнымъ, опредѣленнымъ образомъ.

Наканунѣ нашего отъѣзда изъ Дрездена, сестра довольно рано ушла въ свою комнату и легла въ постель, ссылаясь на нестерпимую, спинную боль. Черезъ полчаса, согласно нашему общему желанію, явилась на цѣлую ночь прекрасно одѣтая пожилая женщина въ безукоризненно бѣломъ чепцѣ и стала самымъ усерднымъ образомъ растирать больную и предупреждать всѣ ея малѣйшія желанія. Поутру я умолялъ сестру отложить на нѣсколько дней нашъ отъѣздъ; но она, утверждая, что чувствуетъ себя совершенно здоровой, настояла на

отъѣздѣ. Сидѣлка, не смыкавшая глазъ во всю ночь, вновь уложила всѣ растегнутые чемоданы и, получивши талеръ, ушла совершенно довольная.

Въ Варшавѣ мы пробыли весьма недолго; но такъ какъ внутри имперіи желѣзныхъ дорогъ въ то время не существовало, и мы кратчайшимъ путемъ вздумали пробраться черезъ Кіевъ, гдѣ надѣялись отдохнуть у нашего родственника, ректора университета, Матвѣева, то пришлось заводиться для брестскаго шоссе колеснымъ экипажемъ. Къ счастію, мнѣ пришлось купить весьма укладистый и совершенно покойный крытый тарантасъ. Но за Брестомъ начиналась уже настоящая снѣжная зима, и пришлось становить тарантасъ на полозья. Кому довелось на вѣку таскаться на почтовыхъ зимою по жидовскимъ трактамъ, — пойметъ нетерпѣніе, съ какимъ я стремился довезти свою бѣдную Надю до Кіева. Когда Матвѣевъ узналъ о нашемъ пріѣздѣ, то тотчасъ настоятельно пригласилъ насъ къ себѣ и прислалъ свой экипажъ.

И въ Кіевѣ, гдѣ мы пробыли три дня, окруженные самой изысканной любезностью Матвѣева, Надя снова, какъ я впослѣдствіи узналъ, захворала, хотя и не показывала виду. Но вотъ опять пришлось пускаться по океану снѣговъ и ухабовъ. Наконецъ добрались мы до родимаго города Мценска, и здѣсь тарантасъ нашъ остановился противъ постоялаго двора съ вольными ямщиками, такъ какъ приходилось сворачивать съ почтоваго тракта за 7 верстъ въ Новоселки. Пошла такъ называемая вольная ряда; вмѣсто даже двойныхъ прогоновъ, представляющихъ 1 рубль 26 коп., съ насъ запросили 10 руб. Вокругъ тарантаса поднялся неописанный шумъ и перебранки; на порогѣ, можно сказать, собственнаго дома, сестра, такъ геройски вытерпѣвшая всѣ дорожныя мученія въ теченіи многихъ сутокъ, наконецъ не выдержала:

— Боже! что же это такое? воскликнула она, закрывая лицо руками и съ истерическимъ рыданіемъ бросаясь на переднюю скамейку тарантаса.

Конечно, я отдалъ ямщикамъ все, что они просили, лишь бы они тотчасъ запрягли.

Снѣга въ этомъ году были весьма глубокіе, и мы шагомъ протащились всѣ 7 верстъ до самаго лѣса, за которымъ скры-

ся Новосельская усадьба. Вотъ проѣхали уже и лѣсъ. и садьбы остается не болѣе 80-ти саженей, а лошади снова новились въ ухабѣ.

- Не дойти ли намъ до дому пѣшкомъ? сказалъ я.

- Конечно, всего лучше, отвѣтила Надя.

подалъ ей руку, и мы направились къ крыльцу дома.

- Желаю тебѣ счастливаго прибытія въ Новоселки, ска- а Надя. И черезъ пять минутъ мы уже всходили на льцо.

Іожно себѣ представить изумленіе и восклицанія сестры ітя, совершенно неожидавшихъ нашего пріѣзда. Когда мало по малу успокоилось, сестры переговорили между ою о новомъ планѣ нашего водворенія. Справедливость буетъ сказать, что сестрѣ Любинькѣ планы эти крайне равились, такъ какъ ей предстояло отправляться въ свое новское. Я, конечно, во всѣ эти переговоры не вмѣши- ся, зная безъ того, что Надя не изъ числа способныхъ даться первымъ чужимъ убѣжденіямъ.

ъ неожиданностямъ, встрѣтившимъ насъ въ Новоселкахъ, соединилось на другой день и внезапное появленіе И. П. исова, котораго мы считали продолжающимъ службу въ инскомъ полку на Кавказѣ. Онъ очень исхудалъ и жа- лся на привезенную имъ изъ Малой Азіи лихорадку. ъ человѣкъ, съ малолѣтства свой въ нашемъ домѣ, онъ ъ чрезвычайно естественъ, не смотря на нѣкоторую за- тную грусть. Къ вечеру онъ уѣхалъ домой, говоря, что ь какъ онъ на тройкѣ, то надо пользоваться вечернимъ одкомъ, потому что вдругъ стало очень таять, и днемъ ѣкою ѣхать затруднительно.

а слѣдующій день, когда мы собрались въ столовой къ еннему самовару, Надя явилась съ виду совершенно здо- я и веселая.

- Отчего бы, сказала она мнѣ,—тебѣ не навѣстить сего дня наго Ивана Петровича, который такъ тебя любитъ, что ьной, не взирая на дурную дорогу, сейчасъ же явился. е берусь рѣшить, было ли въ этихъ словахъ только стіе къ больному Борисову, или въ то же время желаніе лить меня во время переговоровъ съ зятемъ.

— Alexandre! спросила Надя.—На чемъ же братъ поѣде

— Сдѣлайте милость, вмѣшался я,—мнѣ никого не нуж По дурной дорогѣ всего лучше въ розвальняхъ, безъ куче такъ какъ я тутъ всякую лощинку знаю. Была бы доб лошадь, это главное.

— На что-жь тебѣ надежнѣе Звѣздочки, замѣтилъ Ал сандръ Никитичъ.

— А, старая знакомая! воскликнулъ я.— Очень радъ!

Часовъ въ одиннадцать Звѣздочка, запряженная въ р вальни, подмощенныя соломой, укрытою ковромъ, был крыльца. А не прошло и часа, какъ я, въѣхавъ въ вор широкаго Фатьяновскаго двора и завернувъ налѣво за уг низменнаго пустаго, деревяннаго дома съ закрытыми ст нями, остановился передъ крылечкомъ небольшаго, срав тельно новаго флигеля. Флигель состоялъ изъ сѣней и дв комнатъ: первая играла роль гостиной и столовой, а вто была кабинетомъ, въ концѣ котораго за перегородкой по щалась кровать Борисова.

Я засталъ Борисова въ гостиной сидящимъ въ кресл передъ слегка пылающимъ каминомъ въ старомъ военн пальто и въ турецкихъ туфляхъ. Повернувшись спиною выходившимъ на дворъ окнамъ, онъ, повидимому, былъ уг ленъ въ чтеніе какой-то исторической книги, до котор былъ большой охотникъ. Встрѣтилъ меня и все время с служивалъ намъ factotum Борисова — Иванъ Ѳедорови бывшій все время пребыванія Борисова на службѣ по властнымъ управляющимъ Фатьянова, а теперь съ особен ревностью слѣдившій затѣмъ, чтобы каждое наше жел было предупреждено. Весьма красивая и молодая жена лѣтняго Ивана Ѳедоровича, при замѣтномъ стремленіи полнотѣ, смахивала скорѣе на барыню, чѣмъ на прислу что̀ не мѣшало ей съ своей стороны ревностно стараться комфортѣ Ивана Петровича. Борисовъ любилъ покушат вниманіе къ столу велось еще отъ покойной его матери нашего отца въ Новоселкахъ было всегда пять-шесть п ровъ, готовившихъ поочередно; всѣ они учились по зна нитымъ московскимъ кухнямъ, а Фатьяновскіе повара б ихъ учениками.

Конечно, при появленіи моемъ историческое чтеніе было забыто, и мы, не смотря на мучительное желаніе подѣлиться чувствами, оба ходили долго все вокругъ да около, изъ опасенія какой-либо неумѣстной неловкости.

Если влюбленные, по словамъ Шекспира, составлены изъ одного воображенія, и ихъ можно причислить къ безумцамъ, то всѣ эти качества съ добавкою отчаянной ненасытности еще сильнѣе у несчастнаго-влюбленныхъ. Только этимъ объяснется легкость, съ которою кокетка успѣваетъ завѣрить влюбленнаго въ очевидно несбыточномъ. Надо было видѣть счастіе Борисова, когда я объявилъ ему, что сестра прислала меня его навѣстить. Хотя я зналъ, что такой отрадный глотокъ воды со льдомъ только пуще распалитъ жажду страждущаго, но не могъ удержаться не освѣжить его хоть на минуту этимъ глоткомъ. Конечно, вслѣдъ затѣмъ поднялись самыя несбыточныя мечтанія и просьбы о помощи, къ какимъ онъ меня давно пріучилъ въ своихъ письмахъ. Начались распросы обо всемъ, касающемся матеріальной, а главнымъ образомъ нравственной стороны жизни Нади.

Зная желѣзную выносливость этого неустрашимаго человѣка, я, послѣ долгаго колебанія, рѣшился произвести надъ нимъ вивисекцію, подрѣзавъ въ сердцѣ его любовь подъ самый корень.

Во время всего моего подробнаго разсказа про Эрбеля, Борисовъ сидѣлъ неподвижно, глядя на догорающіе въ каминѣ уголья. Когда я кончилъ, онъ поднялъ на меня свои черныя, густыя рѣсницы, на которыхъ мелькали слезинки, и произнесъ вполголоса:

— Спасибо, братъ, что ты мнѣ объ этомъ разсказалъ. Я сейчасъ же поѣду, разыщу и убью его.

— Да я даже не знаю, гдѣ онъ въ настоящее время, отвѣчалъ я.

— Это уже мое дѣло, отвѣчалъ Борисовъ, и притомъ единственное, которое остается.

Въ распросахъ и посильныхъ отвѣтахъ прошелъ день, и когда въ сумерки подали самоваръ, Борисовъ сталъ гнать меня домой.

— Какъ ты можешь такъ беззаботно оставлять ее одну?

Ее надо успокоить, а ее тамъ только больше разстроятъ. Поѣзжай, сейчасъ же поѣзжай домой!

— Нѣтъ, любезный другъ, ужь позволь мнѣ переночевать у тебя. Дорога отвратительная, и ты знаешь, что Надя помѣстилась на антресоляхъ, въ спальной покойной матери, а я живу въ старомъ флигелѣ. Поэтому, сплю ли я тамъ или здѣсь—совершенно безразлично.

Фатьяново, по случаю давняго отсутствія владѣльца, долѣе другихъ имѣній сохранило преданія старины. Грибки, соленья, варенья, наливки, пастилы тамъ сохранили старинное достоинство, и, конечно, мнѣ для ночлега взбили такія перины, на какихъ давно мнѣ спать не приходилось.

Когда я поутру проснулся, Иванъ Петровичъ давно уже въ азіатскихъ чивякахъ неслышно шагалъ по комнатамъ, явно поджидая моего пробужденія; и первымъ его словомъ было:

— Ну вставай и скорѣе собирайся домой.

— Сейчасъ поѣду, но дай же хоть стаканъ кофею выпить, благо я слышу, какъ въ передней кипитъ самоваръ.

Умывшись и одѣвшись наскоро, я не успѣлъ еще налить себѣ стакана кофею, какъ Борисовъ, взглянувъ въ окно, воскликнулъ:

— Это посланный отъ васъ! Недаромъ сердце мое чуяло бѣду.

Черезъ минуту прошедшій черезъ дворъ посланный изъ Новоселокъ передалъ мнѣ въ передней записку отъ Любиньки слѣдующаго содержанія:

„Съ Надинькой происходитъ что-то необычайное. Она говоритъ Богъ знаетъ что; мы совершенно растерялись. Пріѣзжай поскорѣе“.

Пожавши крѣпко руку Борисова, я въ десятомъ часу утра былъ уже дома. Въ передней встрѣтила меня плачущая Любинька словами:

— Посмотри что̀ съ Надей: je crois, qu'elle a perdu l'esprit.

Съ самымъ преднамѣреннымъ равнодушіемъ вошелъ я въ первую комнату на антресоляхъ, бывшую кабинетомъ Нади. Никогда не видалъ я ее болѣе блестящей и прекрасной. Темные волосы были тщательно убраны; преувеличенные каріе глаза горѣли фосфорическимъ блескомъ; нѣжный румя-

нецъ игралъ на щекахъ; и въ бѣломъ, широкомъ капотѣ она сидѣла передъ письменнымъ столомъ, на которомъ лежала бумага большаго формата.

— Здравствуй Надя! сказалъ я входя.

На зовъ мой взоръ ея разомъ сверкнулъ, какъ чаша темнаго вина отъ неосторожнаго толчка.

— Не мѣшай, не мѣшай мнѣ! воскликнула она.—Я занята.

Взглянувъ на крупное заглавіе большаго листа, я прочелъ: „*Аріадна, драма въ пяти дѣйствіяхъ*".

Это совершенно несвойственное Надѣ авторство, необычайно яркій цвѣтъ ея лица и блескъ глазъ сразу высказали мнѣ убійственную истину. Бѣдное дитя не выдержало всѣхъ потрясеній. Передо мною сидѣла прелестная и безумная Надя.

— Надя! сказалъ я, насколько возможно убѣдительно. У тебя, дружекъ, лихорадка и тебѣ слѣдуетъ отдохнуть. Лягъ въ постель и, если хочешь, я тебѣ почитаю.

Долго не соглашалась она на всѣ мои просьбы, но наконецъ встала и пошла въ свою спальню. Минутъ черезъ десять, показавшихся мнѣ цѣлою вѣчностью, я слегка пріотворилъ половинку двери, чтобы взглянуть на происходившее въ спальнѣ. Я сдѣлалъ это крайне тихо и осторожно, полагая, что больная въ волненіи своемъ и не замѣтитъ моей продѣлки. Но едва мой зрачекъ увидалъ ее стоящею во весь ростъ на постели, какъ, обративъ глаза къ двери, за которою я таился, она пронзительно взвизгнула и бросилась въ постель. Видя, что мое присутствіе дѣйствуетъ на нее раздражительно, я передалъ Любинькѣ и женщинамъ уходъ за больной. Черезъ часъ пріѣхалъ Борисовъ, и, вмѣстѣ съ зятемъ моимъ Александромъ Никитичемъ, мы составили домашній совѣтъ и рѣшили безотлагательно везти больную въ Орелъ къ тамошнимъ врачамъ. Такимъ образомъ мой варшавскій крытый тарантасъ опять сослужилъ службу и довезъ больную до Мценска и по шоссе до Орла. Здѣсь лучшимъ докторамъ города—Кортману и инспектору врачебной управы Майделю, рѣзавшимъ ногу покойному отцу,—пришлось снова брать на свои руки и дочь. Мѣсяцъ продолжались безполезныя попытки облегчить страданія больной. Являлся между прочимъ и женатый братъ мой Василій, чтобы хотя глазкомъ

взглянуть за тяжелый коверъ, служившій портьерой, въ комнату сестры. Впослѣдствіи я узналъ, что степень ненависти душевно больныхъ почти всегда равняется степени ихъ привязанности къ данному лицу въ здоровомъ ихъ положеніи. Но нервная чуткость ихъ въ данномъ случаѣ изумительна. Когда бы бѣлокурый и круглолицый братъ Василій однимъ глазомъ ни заглянулъ за портьеру сестриной комнаты, какъ та уже вскрикивала:

— Медуза! Медузища противная!

Инспекторъ врачебной управы докторъ Майдель, бывшій потомъ въ Петербургѣ начальникомъ Физиката, оказался моимъ школьнымъ товарищемъ въ Верро, гдѣ я просидѣлъ съ нимъ рядомъ за столомъ три года. Однажды, захвативши меня за завтракомъ, онъ мнѣ сказалъ:

— Послушайте моего совѣта: тратите вы здѣсь деньги и время, а мы этого дѣла совершенно не понимаемъ. Отвези ты больную въ Москву. Тамъ есть знаменитые психіатры, какъ, напримѣръ, докторъ Саблеръ.

Убѣжденный Майделемъ, я всетаки долженъ былъ отложить на нѣсколько дней отъѣздъ въ Москву: до прибытія изъ Новоселокъ большой четверомѣстной кареты, безъ которой везти больную, при ея нервномъ возбужденіи, было бы слишкомъ затруднительно. Наконецъ карету привезли и, забравши съ собою небогатую дворянку, часто проживавшую въ прежнее время въ Новоселкахъ и даже мою крестницу, да на помощь ей горничную,—я повезъ больную по открывшемуся шоссе. Какъ ни затруднительно было на неисправныхъ почтовыхъ везти до крайности буйную больную, которая, не взирая на связанныя руки и ноги, лежа на заднемъ сидѣньи и упираясь ногами въ стѣнку кареты, — старалась разломить послѣднюю,—наконецъ мы добрались до переѣзда черезъ Оку подъ Серпуховымъ. Тутъ оказалось непреодолимое препятствіе. Взломанный половодьемъ ледъ стоялъ на рѣкѣ громадной чешуею и, не трогаясь внизъ, дѣлалъ всякое сообщеніе между берегами невозможнымъ. Не было другаго средства, какъ, отыскавъ на постояломъ дворѣ квартиру, остановиться въ ней на неопредѣленное время. Не успѣли мы расположиться на ночлегъ, какъ объявилась новая бѣда: угаръ,

отъ котораго мы спаслись только благодаря нервной безсонницѣ сопровождавшей насъ молодой дѣвушки. Когда она разбудила меня отъ несомнѣнно предсмертнаго сна, я и слуга нашъ отдѣлались страшною головною болью, тогда какъ больную и горничную мы замертво вынесли въ карету. На другой день, къ счастію, мы узнали, что ледъ идетъ, и къ обѣду устроится переправа на баркѣ. Конечно, я сдѣлалъ все, что можно сдѣлать за деньги, для ускоренія переправы и любовался примѣрной отвагой и мастерствомъ перевощиковъ, предупреждавшихъ удары льдинъ въ служившую паромомъ барку. Люди эти, упирая въ багры, стояли не на баркѣ, а на подплывающей льдинѣ и, проводивъ одну, тутъ же переходили постепенно на другую. — И такъ до противоположнаго берега.

Но вотъ наконецъ мы въ Москвѣ, на Тверской, въ бывшей гостинницѣ Шевалдышева. Знаменитый психіатръ Вас. Өед. Саблеръ оказался по отношенію къ бѣдной Надѣ не только искуснымъ врачемъ, но и любящимъ отцемъ. Осмотрѣвъ больную, онъ посовѣтовалъ сдать ее на Басманную, въ заведеніе Вас. Ив. Красовскаго, обѣщавъ лично слѣдить за ходомъ лѣченія. Помѣстивъ больную у Красовскаго, я тутъ же черезъ два дома нанялъ довольно удобную квартиру, куда ко мнѣ въ скоромъ времени пріѣхалъ и Иванъ Петровичъ Борисовъ, продолжавшій и въ Москвѣ страдать неотвязной малоазіатской лихорадкой. Посѣщалъ его и истощалъ надъ нимъ все свое искусство знаменитый Александръ Ивановичъ Оверъ. Чего-чего ни заставлялъ онъ глотать бѣднаго Борисова, и все понапрасну. И вотъ какъ воспитывавшіеся на той же голубятнѣ и разогнанные житейскими бурями въ разныя стороны голуби, мы съ помятыми крыльями снова собрались подъ одинъ и тотъ же карнизъ, грустно бормоча о дняхъ давно минувшихъ.

За двѣнадцать лѣтъ, проведенныхъ мною внѣ Москвы, всѣ мои добрые знакомые, и литературные, и не литературные, изъ нея исчезли. Калайдовичевыхъ, Глинокъ, Павловыхъ, семейства Герцена, прелестной четы Полуденскихъ— въ Москвѣ болѣе не было: они невозвратно исчезли. Захотѣлось мнѣ навѣдаться, не застану ли я попрежнему на

Маросейкѣ В. П. Боткина—во флигелѣ, памятномъ столь многимъ литераторамъ,—во флигелѣ, куда меня ввелъ покойный Ник. Ант. Ратынскій, когда мы оба еще были студентами, и гдѣ я въ первый разъ увидалъ Ал. Ив. Герцена. Я зналъ, что В. П. Боткина, живущаго то въ Петербургѣ, то заграницей, застать дома трудно. Но на этотъ разъ мнѣ посчастливилось, и мы встрѣтились, какъ давнишніе хорошіе пріятели. Во время оно я часто бывалъ у Василія Петровича во флигелѣ, но ни разу не бывалъ въ большомъ Боткинскомъ домѣ. Будучи на этотъ разъ въ духѣ, Василій Петровичъ объяснилъ мнѣ, что, согласно завѣщанію покойнаго ихъ отца, онъ состоитъ однимъ изъ четырехъ членовъ Боткинской фирмы и такимъ образомъ однимъ изъ хозяевъ дома. Покойный П. К. Боткинъ, оставившій по смерти своей дѣла въ порядкѣ и далеко не огромный капиталъ, съ необыкновеннымъ тактомъ, оправдавшимся впослѣдствіи, безобидно для всѣхъ членовъ семьи, изъ числа девяти сыновей назначилъ членами фирмы только четырехъ: двухъ отъ перваго и двухъ отъ втораго брака. Сочувственно выслушавъ и о моихъ семейныхъ невзгодахъ, Василій Петровичъ, узнавъ, что у меня никого не осталось въ Москвѣ знакомыхъ, пригласилъ меня въ тотъ же день къ семейному обѣду. Изо всѣхъ членовъ фирмы, наиболѣе очевидными представителями дома являлись меньшой братъ Петръ съ своею женою. Кромѣ этого, къ столу явились: младшая сестра Боткиныхъ Марья Петровна и двоюродная ихъ сестра, весьма характерная и красивая брюнетка. Даже самый ненаблюдательный человѣкъ не могъ бы не замѣтить того вліянія, которое Василій Петровичъ незримо производилъ на всѣхъ окружающихъ. Замѣтно было, что насколько всѣ покорялись его нравственному авторитету, настолько же старались избѣжать рѣзкихъ его замѣчаній, на которыя онъ такъ же мало скупился въ кругу родныхъ, какъ и въ кругу друзей. Кромѣ того, всѣ только весьма недавно испытали его педагогическое вліяніе, такъ какъ, вліяя въ свою очередь и на покойнаго отца своего, Василій Петровичъ младшихъ братьевъ провелъ черезъ университетъ, а сестрамъ нанималъ на собственный счетъ учителей, по предметамъ, знаніе которыхъ считалъ необходимымъ. Быть можетъ же-

ніе угодить Василію Петровичу, представившему меня въ ачествѣ стариннаго своего пріятеля, было отчасти причи-ою любезности, съ которою отнеслись ко мнѣ всѣ члены емейства, прося меня во всякое время приходить запросто ь обѣденному столу.

Наступила Страстная недѣля, и Боткины пригласили меня ь Пасхальной заутренѣ и къ разгавливанью. Вслѣдствіе та-ого приглашенія, я отправился съ вечера отдохнуть во фли-ель Василія Петровича, приказавъ слугѣ принести мнѣ пол-ую форму и три заказанныхъ букета цвѣтовъ. Василій Пет-овичъ, не взирая на свой скептицизмъ, съ восторгомъ вы-таивалъ торжественную службу Свѣтлаго Воскресенія. Дѣй-твительно, при яркомъ внутреннемъ и наружномъ освѣще-іи богатой московской церкви и дорогомъ хорѣ пѣвчихъ, лужба отличалась полной торжественностью. Затѣмъ всѣ правились къ пасхальному столу, на которомъ стояли пе-ѣдъ дамами поднесенные мною букеты.

Памятна мнѣ во всѣхъ подробностяхъ небольшая сцена на ругой или третій день праздниковъ, о которой не могу и понынѣ спомнить безъ улыбки. Между залой съ накрытымъ обѣден-ымъ столомъ и гостиной, въ небольшой диванной была при-отовлена закуска, къ которой приглашали гостей. Помню, го черезъ залу прошелъ Аполлонъ Григорьевъ въ новой ь иголочки черной венгеркѣ со шнурами, басономъ и ко-ыльками, напоминавшей боярскій кафтанъ. На ногахъ у его были ярко вычищенные сапоги съ высокими голенищами, ырѣзанными подъ колѣнями сердечкомъ. Когда Григорьевъ ь свою очередь ушелъ въ дверь диванной, чтобы расклa-аться съ хозяйкой,—сидѣвшая въ концѣ залы на паркетѣ одовая дѣвочка, дочь хозяйки дома, вдругъ поднялась на ожки и, смотря вслѣдъ Григорьеву, закивала головой, поды-ая правую рученку ко лбу.

— Посмотрите, посмотрите! смѣясь воскликнулъ Василій етровичъ: Надя-то молится вслѣдъ Григорьеву; она сочла его а священника. Дѣйствительно, продолжалъ Василій Петро-ичъ, такіе сапоги носитъ старое купечество, хотя въ нихъ обственно ничего нѣтъ русскаго. Это принадлежность ко-тюма восемнадцатаго вѣка, и консерватизмъ выражается

вѣрностью старинной модѣ. То, что было когда то знам
немъ неудержимаго франтовства, стало теперь эмблемо
степенства".

Въ подтвержденіе справедливаго замѣчанія Василія Петр
вича, я вспомнилъ франтоватыхъ молодыхъ гостей, пріѣжа
шихъ къ намъ въ Новоселки въ двадцатыхъ годахъ, имен
въ высокихъ сапогахъ, въ какихъ изображаютъ Александ
Перваго.

Не дожидаясь конца Святой недѣли, Василій Петрович
быстро собрался и уѣхалъ заграницу, еще разъ поручив
меня вниманію своего семейства.—„Чѣмъ въ одиночествѣ
скучать, говорилъ онъ мнѣ,—отчего вамъ не приходить в
домъ, гдѣ вамъ всѣ рады".

По большому числу членовъ семейства, достигшихъ зр
лости, Боткинскій домъ въ ту пору можно было сравнить с
большимъ комодомъ, вмѣщающимъ отдѣльные закоулки
ящички. Однимъ изъ такихъ закоулковъ были три комнат
на антресоляхъ, занимаемыя Марьей Петровной и ея роялем
Туда къ ней собирались въ извѣстные дни знакомыя ей д
вицы, большею частію миловидныя, между которыми доч
доктора Шереметьевской больницы Ида Шлейхеръ, блондин
съ голубыми глазами, отличалась чрезвычайно нѣжной кр
сотой. Понятно, что сначала молодые братья Маріи Петровн
снискавъ дружбу прекрасныхъ посѣтительницъ, проникли в
гостиную молодой хозяйки, обзывая ея собранія „бук
томъ",—а вслѣдъ затѣмъ пробралась въ эти собранія
близко знакомая въ домѣ молодежь. Обычнымъ угощеніем
въ этихъ случаяхъ бывалъ чай; но иногда, когда долго зас
живались, посылали въ кухню за ужиномъ, а самый пылкі
изъ молодыхъ братьевъ, оставшійся навсегда энтузіастом
изящнаго, Дмитрій Петровичъ угощалъ ужинающихъ ша
панскимъ.

Послѣ одного изъ такихъ импровизованныхъ ужиновъ, н
которомъ случился и я, прелестная Идочка, какъ ее всѣ на
зывали, выразила опасеніе по поводу поздней поры и ноч
наго, вешняго холода. Такъ какъ у меня была изъ Новоселок
пролетка и знакомая уже намъ Звѣздочка, то я и рѣшилс
предложить прелестной дѣвушкѣ бережно доставить ее к

звонку родительскаго крыльца. Надо было видѣть, съ какою ловкостью и заботой Дмитрій Петровичъ укутывалъ дѣвушку въ большой пледъ отъ ночнаго холода.

Бѣдный мой Борисовъ, остававшійся въ одиночествѣ, поневолѣ иногда спрашивалъ меня, гдѣ я пропадаю, и, слыша фамилію одного и того же дома, очевидно нападалъ на мысли, не приходившія мнѣ самому въ голову. Однажды увидавъ на мнѣ небольшіе дамскіе часы, онъ спросилъ:

— Откуда у тебя эти часы?

Пришлось разсказывать, какъ, опоздавъ нѣсколькими минутами къ обѣду Боткиныхъ, я вынужденъ былъ извиниться неимѣніемъ часовъ, отданныхъ въ починку.

— У меня двое часовъ, сказала Марья Петровна, и я безъ малѣйшаго затрудненія могу васъ снабдить одними, пока ваши не вернутся отъ часовщика.

Я сталъ отнѣкиваться, но скоро сообразивъ, что такое одолженіе ни къ чему не обязываетъ, съ благодарностью его принялъ.

Чѣмъ болѣе по временамъ я встрѣчалъ сторонникъ гостей въ домѣ Боткиныхъ, тѣмъ уединеннѣе, т. е. свободнѣе оказывались поневолѣ наши бесѣды съ дѣвицей Боткиной. Не смотря на то, что во внѣшнемъ нашемъ положеніи не было ни малѣйшаго сходства, наше внутреннее заключало въ себѣ много невольно сближающаго. Покойный П. К. Боткинъ по принципу выдавалъ своимъ дочерямъ самое незначительное приданое. Тѣмъ не менѣе двѣ старшихъ дочери отъ перваго брака, а равно и двѣ отъ втораго были уже замужемъ, и только предпослѣдняя Марья оставалась въ домѣ. Какъ бы чувствуя ея одиночество, строгій отецъ завѣщалъ ей одной, не въ примѣръ другимъ, нѣсколько большее обезпеченіе.

Исключительное и сиротливое положеніе дѣвушки, вполнѣ соотвѣтствовало моему собственному. И мои сестры и братья, за исключеніемъ бѣдной Нади, были пристроены и стояли на твердой почвѣ, тогда какъ подъ моими ногами почва все еще сильно колебалась, и въ самое послѣднее время жизненный челнокъ мой, нашедшій было скромный пріютъ у родимаго Новосельскаго берега, снова былъ отъ него отторгнутъ болѣзнью сестры.

Однажды, когда мы съ Марьей Петровной взапуски жаловались на тяжесть нравственнаго одиночества, мнѣ показалось, что предложеніе мое прекратить это одиночество не будетъ отвергнуто. Къ этому времени отыскалъ меня пріѣхавшій въ Москву и остановившійся на Кузнецкомъ мосту въ гостинницѣ „Россія“ зять мой А. Н. Ш—ъ, который скуки ради привезъ съ собой старуху Вѣру Алексѣевну, носившую меня и всѣхъ моихъ братьевъ и сестеръ когда-то на рукахъ. Старуха жаловалась мнѣ, что кормившій ее всякаго рода московскими сластями Александръ Никитичъ, въ то же время кололъ ими ей глаза, на что Александръ Никитичъ серьезно восклицалъ:

— Да какъ же мнѣ ее не ругать? Сегодня утромъ полфунта колбасы и два калача съѣла. Этакая утроба ненасытная!

Еще не придя къ окончательному, внутреннему рѣшенію, я вкратцѣ изложилъ всѣ обстоятельства моего сближенія съ Боткиными Александру Никитичу, не лишенному, не взирая на недостатки школьнаго образованія, здраваго смысла. Когда между прочимъ я спросилъ его, не слѣдуетъ ли мнѣ списаться съ родными, въ случаѣ окончательнаго моего рѣшенія на бракъ, Александръ Никитичъ сказалъ: „кабы ты ожидалъ при этомъ отъ нихъ какой особенной помощи, то я бы понялъ, почему ты ищешь ихъ совѣта. А въ настоящемъ случаѣ ты лучше всякаго знаешь, что тебѣ болѣе подходяще. Тебя никто не спрашивалъ въ подобныхъ случаяхъ; нечего и тебѣ безпокоиться“.

Между тѣмъ въ домѣ Боткиныхъ я узналъ, что Марья Петровна на дняхъ уѣзжаетъ заграницу, сопровождая больную замужнюю сестру, которую московскіе доктора отправляли на воды. По всѣмъ обстоятельствамъ дальнѣйшее колебаніе становилось невозможнымъ. И однажды, когда мы, ходя по маросейской залѣ, въ виду ощущаемой возможности избавиться отъ нравственной безпріютности и одиночества, невольно стали на нихъ жаловаться, — я рѣшился спросить, нельзя ли намъ помочь другъ другу, вступая въ союзъ, способный вполнѣ вознаградить человѣка за все стороннее безучастіе. Хотя такой прямой вопросъ и ставилъ Марью Петровну, за отсутствіемъ Василія Петровича, въ очевидное

затрудненіе, тѣмъ не менѣе она безотлагательно приняла мое предложеніе, чистосердечно объявивъ, что у нея ничего нѣтъ, за исключеніемъ небольшаго капитала. Хотя у меня приблизительно было столько же, но такъ какъ все это было разбросано по разнымъ рукамъ и, что̀ еще хуже, — по родственнымъ, то я, во избѣжаніе могущихъ встрѣтиться разочарованій, объяснилъ наотрѣзъ, что у меня ничего нѣтъ. Такимъ образомъ, не объявляя никому ничего въ домѣ, мы дали другъ другу слово и порѣшили отложить свадьбу до сентября, т. е. до возвращенія невѣсты изъ заграницы.

По временамъ и грустная наша квартира съ Борисовымъ благодушно оживала. Такому оживленію много способствовалъ умный, талантливый и пылкій энтузіастъ, давнишній мой пріятель, Ст. Ст. Громека, бывшій въ то время начальникомъ жандармскаго дивизіона Николаевской дороги. Онъ самъ когда-то во время о̀но писалъ стихи и былъ до болѣзненности чуткъ на все эстетическое. Сюда же весьма часто изъ-за Москвы-рѣки хаживалъ Ап. Григорьевъ. И когда, бывало, эти два энтузіаста—Громека и Григорьевъ—сойдутся за вечернимъ чаемъ, наше скромное обиталище превращается въ Геликонъ. Григорьевъ, не смотря на бѣдный голосокъ, доставлялъ искренностью и мастерствомъ своего пѣнія дѣйствительное наслажденіе. Онъ собственно не пѣлъ, а какъ бы пунктиромъ обозначалъ музыкальный контуръ піесы. Пѣвалъ онъ по цѣлымъ вечерамъ, время отъ времени освѣжаясь новымъ стаканомъ чаю, а затѣмъ, нерѣдко около полуночи, уносилъ домой пѣшкомъ свою гитару.

Говоря о цыганскихъ и русскихъ пѣсняхъ вообще, Григорьевъ однажды съ величайшимъ энтузіазмомъ сталъ разсказывать о двухъ вольноотпущенныхъ гитаристахъ, играющихъ въ одномъ погребкѣ въ Сокольникахъ. „Это несомнѣнные таланты! восклицалъ Григорьевъ — я надо непремѣнно зазвать Дмитрія Петровича Боткина, такъ какъ онъ въ душѣ музыкантъ, и я обѣщаю ему величайшее наслажденіе“.

Въ назначенный день Громека, Григорьевъ и Боткинъ собрались у насъ, и помнится, что и бѣдный Борисовъ, такъ какъ день былъ не лихорадочный, присоединился къ нашей экскурсіи.

Къ ужасу моему, я увидѣлъ, что погребокъ, къ которому везъ насъ Григорьевъ, оказывался въ переулкѣ какъ разъ противъ сада дачи, занимаемой Катковымъ и Леонтьевымъ, гдѣ я не разъ бывалъ у нихъ. Конечно, мы старались проскользнуть въ погребокъ, о которомъ не имѣли даже опредѣленнаго понятія.

Изъ первой комнаты съ полками, установленными бутылками съ винами и ликерами, мы вошли въ довольно просторную и весьма чистую комнату, соединенную драпированной аркой съ весьма опрятной гостиной, въ которой помѣстились у овальнаго стола на диванѣ и на креслахъ. По распоряженію Григорьева намъ подали салатникъ со льдомъ, стаканы и бутылку Редерера; а въ комнату вошли два человѣка среднихъ лѣтъ и весьма похожіе другъ на друга и наружностью, и сѣренькими суконными сюртуками. Поставивъ рядомъ два табурета по правую сторону арки, они начали строить свои гитары. По одной уже чистотѣ звуковъ, которой добивались они отъ своихъ гитаръ, можно было ожидать отъ нихъ мастерства. И дѣйствительно, трудно было съ большимъ навыкомъ, играя первую и вторую гитару, съ большей гармоніей и блескомъ выводить русскую пѣсню изъ ея задушевнаго напѣва на свѣтъ Божій. Григорьевъ торжествовалъ, чувствуя одержанную надъ всѣми нами полную побѣду. Сколько разъ впослѣдствіи слушателямъ этого импровизованнаго концерта приходилось съ восторгомъ вспомнить о немъ!

Говоря о литераторахъ, съ которыми судьба сводила меня въ жизни, не могу не сказать о знакомствѣ съ знаменитою въ то время графиней Ростопчиной, объявившей мнѣ черезъ общаго нашего знакомаго, что она проситъ меня побывать у нея. Портретъ, приложенный къ петербургскому изданію 1856 года, весьма вѣрно воспроизводитъ черты графини, какою я нашелъ ее въ собственномъ ея домѣ на Басманной, весьма недалеко отъ занимаемой мною квартиры. По природѣ свѣтская и привѣтливая, она и со мною была чрезвычайно любезна, и я раза два воспользовался ея приглашеніемъ. Такъ какъ она предполагала полное мое знакомство съ ея лирическими стихотвореніями, то читала мнѣ вслухъ только вторую

часть „*Горя отъ ума*“, написанную стихами, старавшимися, очевидно, подражать Грибоѣдовскимъ. При этомъ въ разговорѣ она говорила наизусть какой-либо стихъ и затѣмъ спрашивала меня: „Изъ какого это „Горя отъ ума?“: изъ Грибоѣдовскаго или изъ моего?“

Позднѣе, въ перечнѣ сочиненій гр. Ростопчиной у Гербеля, я не нашелъ ея „Горя отъ ума“, и не могу сказать, было ли оно напечатано. Помню только, что остріе сатиры было обращено на учителей, врывающихся въ дома въ качествѣ жениховъ.

Жребій былъ брошенъ, и жизнь моя круто поворачивала по новому руслу, измѣняя прежнее теченіе. Я тотчасъ же подалъ въ безсрочный отпускъ и занялся приготовленіемъ обстановки новой жизни. Зная крайнюю ограниченность совокупныхъ нашихъ будущихъ средствъ, я долженъ былъ разрѣшить трудную задачу достиженія наибольшаго результата при наименьшихъ издержкахъ. Долго искалъ я подходящей квартиры и, наконецъ, нашелъ за Москвою-рѣкою на Полянкѣ цѣлый просторный и, можно сказать, великолѣпный бель-этажъ, требовавшій, правда, нѣкоторыхъ поправокъ, половину которыхъ я принялъ на свой счетъ. Вспоминаю о баснословно сходной цѣнѣ найма, какой, конечно, уже не повторится. Я увѣренъ, что въ настоящее время бывшая квартира наша, съ экипажнымъ сараемъ и конюшней на четыре стойла и ледникомъ, отдается не менѣе двухъ тысячъ рублей; тогда какъ я нанималъ ее за 350 рублей! Къ небольшой четверомѣстной каретѣ я купилъ пару воейковскихъ вороныхъ лошадей, заказалъ мебель и завелъ то, что обыкновенно называютъ: „и ложку, и плошку“.

Въ то время какъ въ нанятой мною квартирѣ переламывали и передѣлывали печи, подновляли потолки и оклеивали стѣны, — въ домѣ Боткиныхъ, до которыхъ изъ заграницы дошли положительныя извѣстія о предстоящемъ замужствѣ ихъ сестры, тоже затѣявалась ломка на опустѣвшихъ антресолях; и мнѣ, не дожидаясь свадьбы, пришлось забирать и перевозить къ себѣ рояль и мебель моей невѣсты.

При разнообразныхъ и мелочныхъ заботахъ устройства новаго гнѣзда, время шло незамѣтно. Но по мѣрѣ того какъ

все приходило къ желанному окончанію, скука давала себя чувствовать.

Борисовъ снова уѣхалъ въ свое Фатьяново, а я, чтобы находиться, такъ сказать, въ центрѣ дѣла,—занялъ въ просторной и пустынной квартирѣ новый диванъ въ своемъ кабинетѣ.

Однажды, въ минуту одолѣвавшей меня скуки, я отправился на Дѣвичье поле къ бывшему моему воспитателю, глубоко мною чтимому М. П. Погодину. Услыхавши отъ меня имя Боткиныхъ, изъ которыхъ зналъ только двухъ старшихъ братьевъ: писателя Василія и красавца туриста Николая,—Михаилъ Петровичъ, зная, что оба эти Боткины въ разводѣ съ женами, усмѣхнувшись, сказалъ мнѣ: „въ добрый часъ! Люди хорошіе, но ужь по супружеской части примѣра съ нихъ не берите. Въ этомъ случаѣ точно про нихъ сказано: „живутъ не люди, умрутъ не родители".

— Теперь, Михаилъ Петровичъ, сказалъ я, — вы знаете все дѣло и всю матеріальную мою обстановку. Если частая переписка съ невѣстой сблизила насъ еще болѣе прежняго, то понятно мое нетерпѣніе увидѣть невѣсту и сократить срокъ до свадьбы, отлагаемый только въ силу окончанія курса лѣченія больной. Къ этому привходитъ еще и то, что брачные расходы на чужой сторонѣ можно уменьшить до того, что, съэкономивъ на этомъ предметѣ, можно возмѣстить расходы заграничной поѣздки. Въ нерѣшительности прибѣгаю къ вамъ, Михаилъ Петровичъ, и прошу дать мнѣ совѣтъ.

— Если вы чувствуете, отвѣчалъ Погодинъ, что предстоящая поѣздка ваша въ состояніи *сдобить* вашу новую жизнь, то не стѣсняйтесь и поѣзжайте съ Богомъ.

Какъ ни условно было одобреніе моего желанія, я, конечно, поспѣшилъ имъ воспользоваться и, написавши невѣстѣ, что остановлюсь въ Луврской гостинницѣ въ Парижѣ, просилъ адресовать туда письма изъ Діеппа съ указаніемъ тамошняго ихъ адреса, такъ какъ я писалъ poste restante.

И на этотъ разъ, какъ и въ двѣ первыя мои поѣздки заграницу, мнѣ пришлось ѣхать изъ Петербурга моремъ; но не на Штетинъ, какъ прежде, а на Любекъ. Случайно въ первомъ классѣ собралось веселое, молодое общество, которому капи-

танъ парохода старался оказывать всевозможное вниманіе и любезность. Конечно, хорошее расположеніе духа скрашивало трехдневный переѣздъ, но и самая обстановка способствовала такому расположенію. Слегка колыхавшееся при выходѣ изъ Кронштадта море, слѣдующіе затѣмъ дни совершенно уподоблялось ясному зеркалу, и разверзавшаяся подъ носомъ корабля влага имѣла видъ не воды, а масла, съ усиліемъ разсѣкаемаго. Забавные разсказы, завѣдомо нелѣпые каламбуры и остроты сыпались со всѣхъ сторонъ. Но вотъ, говорятъ, показался берегъ Травемюнде, и капитанъ Крюгеръ, принесши большую книгу, заявилъ, что его пассажиры никогда не отказывались оставить въ этой книгѣ свои автографы на память.

— Вы непремѣнно должны ему оставить на память стихи, заговорили пассажиры, обращаясь ко мнѣ.

Хотя я и врагъ всяческихъ стиховъ на заданную тему, тѣмъ не менѣе пришлось исполнить всеобщее желаніе, и я написалъ въ книгу:

«Весь переѣздъ забавою
Казался; третьимъ днемъ
И моремъ мы, и Травою
До Любека дойдемъ.
И какъ бы вѣтру флюгеромъ
Ни вздумалось играть,
Мы съ капитаномъ Крюгеромъ
Не будемъ трепетать».

Не успѣли мы добраться до Любека, какъ уже въ тотъ же день разлетѣлись во всѣ стороны, какъ птицы, выпущенныя изъ клѣтки; и я, заѣхавъ на минутку въ Висбаденъ, чтобы свезти брату Василію съ женою и сестрѣ Любинькѣ деньги, покинулъ ихъ съ первымъ отходящимъ поѣздомъ и черезъ Страсбургъ полетѣлъ въ Парижъ. Въ Луврскій отель попалъ я поздно вечеромъ и, конечно, бросился къ ящику, въ которомъ письма были расположены по заглавнымъ буквамъ. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ: по моему адресу не нашлось ни строчки. Что бы это могло значить, я никакъ не могъ догадаться. Послѣ ряда самыхъ задушевныхъ и дружескихъ писемъ, на основаніи которыхъ предпринято переустройство

всего образа жизни и наконецъ самая поѣздка — вдругъ ни строки тамъ, куда я просилъ адресовать письма. Для послѣдней мало вѣроятной попытки отыскать письма poste restante — было слишкомъ поздно, и приходилось отложить справку до 9-ти часовъ утра. Можно себѣ представить, подъ вліяніемъ какой истомы я вошелъ въ мою уединенную комнату. Чтобы хоть сколько-нибудь развлечься и успокоиться, я спросилъ журналовъ и газетъ. Но это не помогало, такъ какъ глаза останавливались на строкахъ, а если и двигались, то не передавая воображенію никакого опредѣленнаго смысла.

На зарѣ я уже былъ на ногахъ и бросился къ почтѣ, но, конечно, въ такой ранній часъ все было заперто, и я часа два кружился по тѣмъ же улицамъ и переулкамъ. Наконецъ почта отперта, и я, подавая чиновнику свой паспортъ, спрашиваю, — нѣтъ ли писемъ? Черезъ минуту та же благодѣтельная рука подаетъ три толстыхъ конверта съ знакомымъ почеркомъ, и тутъ только съ облегченнымъ сердцемъ я бросился въ первую еще совершенно пустую кофейню и потребовалъ кофею. Пробѣжавши письма и кончивши кофей, я на радости далъ гарсону два франка, что видимо его даже изумило. Не выходя изъ кофейни, я тотчасъ же написалъ въ Діеппъ, что завтра съ экстреннымъ поѣздомъ прибуду туда около полудня; и снова адресовалъ письма poste restante, такъ какъ телеграфировалъ бы о своемъ пріѣздѣ, еслибы зналъ адресъ.

Имѣя передъ собою цѣлыя сутки, я рѣшился попробовать счастья, отыскивая Тургенева въ rue de l'Arcade. На мой боязливый вопросъ, привратникъ отвѣчалъ: „господина Тургенева нѣтъ дома“.

— Гдѣ же онъ? спросилъ я тоскливо.

— Онъ отправился въ кофейню пить кофе.

— Въ какую кофейню?

— Онъ постоянно ходитъ въ одну и ту же.

Привратникъ далъ мнѣ адресъ кофейной. Вхожу, не замѣчая никого изъ посѣтителей, и во второй комнатѣ вижу за столомъ густоволосую сѣдую голову, заслоненную большимъ листомъ газеты.

— Pardon, monsieur, говорю я подходя.

— Боже мой, кого я вижу! восклицаетъ Тургеневъ и бросается обнимать меня.

Мы отправились къ нему въ rue de l'Arcade и сговорились въ этотъ день вмѣстѣ отобѣдать.

— Вотъ говорилъ Тургеневъ: обыкновенно поэтовъ считаютъ сумасшедшими; а въ концѣ концовъ посмотришь на ихъ дѣйствія, и дѣло выходитъ не такъ безумно, какъ надо бы ожидать.

Въ головѣ моей промелькнуло, что никто лучше самого Тургенева не оправдываетъ мнѣнія о сумасшествіи поэтовъ. Но въ данную минуту мнѣ было вовсе не до сарказмовъ.

На другой день скорый поѣздъ помчалъ меня въ Діеппъ, но по мѣрѣ приближенія къ цѣли, мною начало овладѣвать раздумье. Хорошо, если невѣста получила мое вчерашнее письмо и постарается предупредить меня; иначе, какъ отыскать мнѣ ихъ въ значительномъ городѣ, наполненномъ иностранными гостями? Еслибы я даже кому-либо изъ нихъ попался на улицѣ, то едва ли бы они признали гвардейскаго офицера въ штатскомъ платьѣ. Однако тамъ видно будетъ, что предпринять, а въ настоящую минуту нужно удержать единственную, оставшуюся на дебаркадерѣ коляску. Забравши съ собою небольшой чемоданъ, я предался волѣ извощика, пробиравшагося довольно медленно по песчаному полю, отдѣлявшему городъ отъ дебаркадера. Въ поискахъ за какимъ-либо лицомъ, могущимъ оказать мнѣ помощь, прошло столько времени, что когда я подъѣзжалъ уже къ мосту черезъ небольшую бухту, за которой начинались городскія улицы, на всей площади уже не было ни души. Солнце, отражаемое бѣлымъ пескомъ, пекло невыносимо.

Въ это время, какъ я узналъ потомъ, у Боткиныхъ происходило слѣдующее. Ко времени прихода поѣзда, Василій Петровичъ зашелъ за своими сестрами, чтобы вмѣстѣ съ ними встрѣтить меня. Зная его кропотливость, сестры уже дожидались одѣтыя. Но онъ на этотъ разъ, какъ нарочно, опоздалъ, и такъ какъ всѣ извощики уѣхали къ поѣзду, то вынужденный идти на значительномъ разстояніи къ дебаркадеру, Боткинъ сталъ нестерпимо ворчать на сестеръ и такимъ тономъ, какъ будто бы онѣ были причиною замедленія. Когда,

выйдя за городъ, они перешли мостъ, то увидали, что всѣ пріѣзжіе уже пѣшкомъ и на извощикахъ покинули деберкардеръ, за исключеніемъ одного путника въ сѣромъ пальто и сѣрой пуховой шляпѣ, усаживавшагося въ послѣднюю коляску.

— Вотъ счастливецъ! воскликнула Марья Петровна: а намъ теперь опять возвращаться по жарѣ такую даль!

Въ свою очередь и я, подъѣзжая къ каменному мосту, увидалъ двухъ дамъ и мужчину, направлявшихся къ городу. Не взирая на невиданную мною дотолѣ громадную соломенную шляпу, я подъ нею мало по малу сталъ признавать свою невѣсту, и когда коляска окончательно нагнала идущихъ, я съ восторгомъ остановилъ извощика, чтобы принять всѣхъ въ экипажъ. Невѣста объявила, что наняла мнѣ квартиру, не смотря на множество купающихся, преимущественно англичанъ. До сихъ поръ не могу понять, какимъ образомъ могли уступить такую прелестную квартиру за два франка въ день. Помнится, внизу былъ ресторанъ съ выставкою всевозможной морской добычи, начиная отъ превосходныхъ устрицъ, до всякаго рода рыбы и омаровъ. У одной стѣны просторной комнаты стояла съ цвѣтнымъ пологомъ кровать, а передъ зеркаломъ, вмѣсто обычныхъ часовъ, — прекрасно набитая чайка распускала свои крылья. Почти ежедневно Боткины приходили сюда обѣдать за поставленнымъ посреди комнаты столомъ. Вечеромъ, чтобы не отставать отъ другихъ, мнѣ приходилось идти гулять на высокій морской берегъ, на которомъ, не взирая на знойный день, поддувало съ моря нестерпимымъ холодомъ. Къ счастію, сезонъ нашихъ дамъ кончался, и мы могли возвратиться въ Парижъ и поторопиться свадьбой.

На этотъ разъ я нанялъ для всѣхъ помѣщенія въ знакомой мнѣ улицѣ Helder въ Бразильской гостиницѣ; а обѣдать, подъ предводительствомъ Василія Петровича, мы ходили въ кафе, котораго имени не упомню. Ходилъ съ нами обѣдать и Гончаровъ, пріѣхавшій на другой день нашей свадьбы и поселившійся въ той же гостинницѣ какъ разъ надъ нами.

Озабоченный заготовленіемъ мелкихъ подарковъ знакомымъ петербургскимъ дамамъ, Иванъ Александровичъ нерѣдко сопровождалъ нашихъ дамъ въ поискахъ по магазинамъ Пале-

ойяля, изобилующимъ подобными предметами. Досточтимый
оманистъ, безъ сомнѣнія, и не подозрѣваетъ, что, школьни-
ая, я заставилъ заплатить его нѣсколько франковъ. Въ при-
утствіи дамъ онъ выбиралъ дутое, стеклянное, венеціанское
жерелье.

— Вы не очень нажимайте зернышки, ихъ легко разда-
ить, сказалъ я безъ всякаго умысла.

Желая вѣроятно показать передъ дамами неосновательность
оего вмѣшательства, Иванъ Александровичъ сказавъ: „это
чень прочно“,—сталъ видимо нажимать еще болѣе. Замѣтивъ
то, я убѣдился, что нужно настойчиво уговаривать его, для
ого чтобы онъ, стараясь доказать противное, сталъ нажи-
ать сильнѣе.

— Ахъ! вы ломаете вещи! воскликнула француженка,
е понимавшая нашихъ переговоровъ на русскомъ языкѣ,—
ъ то время какъ изъ подъ пальцевъ Ивана Александровича
осыпались тонкіе голубые черепки.

Такъ какъ я ничего не украшаю, а только разсказываю,
о долженъ признаться, что въ то время я еще не дошелъ
о пониманія эпическаго склада и его теченія, и потому слу-
илось слѣдующее. Какъ-то въ полуденное время И. А. Гон-
аровъ, занимавшій, какъ я уже сказалъ, комнату этажемъ
ыше надъ нами, — пригласилъ Тургенева, Боткина и меня
а чтеніе своего, только что оконченнаго, „Обломова“. Въ
аркій день въ небольшой комнатѣ стало нестерпимо душно,
продолжительное, хотя и прекрасное чтеніе наводило на
еня неотразимую дремоту. По временамъ, готовый оконча-
ельно заснуть, я со страхомъ подымалъ глаза на Боткина
встрѣчалъ раздраженный взглядъ его, исполненный безпо-
адной укоризны. Но черезъ десять минутъ сонъ снова за-
лакивалъ меня своею пеленою. И такъ до самаго конца
тенія, изъ котораго я конечно не унесъ никакого пред-
авленія.

Начались заботы о приданомъ и приготовленія къ назна-
енному дню свадьбы. Случилось, какъ нарочно, что въ Па-
ижѣ въ это время находились многіе родственники невѣсты.
амъ была одна изъ старшихъ ея сестеръ съ молоденькою
очерью и, кромѣ Василія Петровича, еще два брата, въ томъ

числѣ и красивый туристъ Николай Петровичъ, проживав шій на постоянной парижской квартирѣ большую часть года. Коротко знакомый съ условіями парижской жизни, веселы Николай Петровичъ смотрѣлъ на деньги, какъ на средство доставить кому либо удовольствіе. Вотъ онъ то и помогъ мнѣ въ устройствѣ всего необходимаго для свадьбы. Такъ, напримѣръ, узнавши, что я думаю заказать свадебный обѣдъ въ „Maison d'or", онъ объяснилъ мнѣ мнѣ, что это ресторанъ для свадьбы неприличный, а что онъ рекомендуетъ меня своему знакомому Филиппу, который сдѣлаетъ все и сходно, и прилично. Равнымъ образомъ Николай Петровичъ вызвался прислать намъ свадебный экипажъ (une remise). Пришлось мнѣ обратиться къ русскому священнику, любезному отцу Васильеву, который пояснилъ, что въ русской посольской церкви форменныхъ вѣнцовъ нѣтъ, но что онъ къ назначен ному дню, т. е. къ 16 августа (стараго стиля) закажетъ вѣнцы цвѣточницамъ, которыя устроятъ ихъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ на каркасѣ. Оставалось заказать кольца и бонбоньерки и пригласить шаферовъ. Шаферами у невѣсты были ея братья, а у меня И. С. Тургеневъ.

16 августа въ четыре часа карета, запряженная парой прекрасныхъ сѣрыхъ лошадей, съ лакеемъ и кучеромъ въ одинаковыхъ ливреяхъ, явилась къ нашему подъѣзду. А я не желая тратить денегъ на ненужный мнѣ фракъ, одѣлся въ полную уланскую форму и отправился въ церковь съ Тургеневымъ.

„Итакъ, подумалъ я, становясь на коверъ, вотъ онъ Рубиконъ, за которымъ начинается новый невѣдомый поворотъ жизненнаго теченія". Никогда не испытывалъ я подобнаго страха, какъ въ этотъ мигъ, и съ озлобленіемъ смотрѣлъ на Тургенева, который неудержимо хохоталъ, надѣвая на меня вѣнецъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, такъ странно противорѣчившихъ военной формѣ. За обычными поздравленіями новобрачная пошла прикладываться къ мѣстнымъ иконамъ, а свидѣтели стали расписываться въ церковной книгѣ.

Можно было предполагать, что два извѣстныхъ литератора не напишутъ въ метрической книгѣ вздору. Такое предположеніе не оправдалось въ 1880 году, когда, съ переселеніемъ

въ Курскую губернію, мнѣ пришлось записаться въ Курскую дворянскую книгу. Потребовали метрическое свидѣтельство о бракѣ, не удовлетворяясь почему то указомъ объ отставкѣ, въ которомъ сказано: „женатъ на дѣвицѣ Боткиной". Пришлось списываться со священникомъ парижской посольской церкви, который немедля отвѣтилъ, что въ книгѣ записано: „съ дочерью Петра Кононова" и опущено послѣднее слово *Боткина*. Въ архивѣ петербургской консисторіи, конечно, стояло тоже самое, и нужно было, чтобы всѣ оставшіеся въ живыхъ братья Боткины подали завленіе, что сестра ихъ дѣйствительно повѣнчана со мною въ 1857 г., и что фамилія *Боткина* опущена по недосмотру свидѣтелей.

Прямо изъ церкви мы со всѣми приглашенными отправились къ Филиппу, гдѣ въ двухъ комнатахъ, роскошно уставленныхъ цвѣтами, насъ ожидалъ свадебный обѣдъ на двѣнадцать человѣкъ. Тонкій и великолѣпно поданный обѣдъ прошелъ оживленно и весело. Прекраснаго вина, въ томъ числѣ и шампанскаго, было много, и подъ конецъ обѣда Тургеневъ громко воскликнулъ: „я такъ пьянъ, что сейчасъ сяду на полъ и буду плакать!"

Невольно припоминаешь разницу между тогдашними и нынѣшними цѣнами. Теперь за такой обѣдъ надо заплатить не менѣе трехсотъ рублей, а тогда я заплатилъ Филиппу триста франковъ.

Вернувшись отъ обѣда, я засталъ дома письмо отъ моего московскаго слуги, извѣщавшаго меня, что сестрѣ Надѣ гораздо лучше, и что отъ нея уже три раза присылали и брали, согласно моему распоряженію, лошадей для катанья.

Какъ нарочно, на другой день въ Парижъ явилась сестра Любинька и братъ Василій съ женою. Первой я нашелъ комнату въ нашемъ отелѣ, а вторые остановились въ Hôtel Helder.

На третій день послѣ нашей свадьбы, Николай Петровичъ Боткинъ заказалъ точно такой же обѣдъ у Филиппа, пригласивъ на него и трехъ моихъ родныхъ. А на слѣдующій затѣмъ день братъ Василій объявилъ мнѣ, что, по поводу дня рожденія жены своей, онъ желаетъ позвать Николая Петровича и всѣхъ насъ, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, къ Филиппу.

Въ назначенный день я съ утра отправился поздравить новорожденную. Но вернувшись домой, нашелъ записку отъ Николая Петровича, въ которой онъ просилъ меня извинить его передъ братомъ моимъ, такъ какъ по нездоровью явиться къ обѣду не можетъ. Извѣстіе это привело брата въ отчаяніе, такъ что я просилъ его успокоиться и обѣщалъ во что бы то ни стало избѣжать фатальнаго числа тринадцать, пріискавъ четырнадцатаго сотрапезника. Прежде всего я подумалъ о любезномъ отцѣ Васильевѣ Но въ томъ и состоитъ характеръ неудачи, что все выходитъ невпопадъ. Домашніе отца Васильева любезно приняли мое предложеніе, но наотрѣзъ объявили, что, уѣхавъ за городъ, отецъ Васильевъ никакъ не можетъ получить приглашенія во время. Подгоняя насколько возможно кучера посулами на водку, я безсознательно глядѣлъ изъ кареты по сторонамъ, и казалось, что судьба мнѣ улыбается: между проходящими по улицамъ, я узналъ два или три раза спутниковъ съ парохода. Конечно, я выказывалъ непритворную радость встрѣчи и просилъ не отказать мнѣ откушать съ нами у Филиппа. Но увы! каждый разъ меня ожидалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „на сегодня я приглашенъ“. — Что мнѣ было дѣлать? Я бросился къ Филиппу и, объяснивъ ему свое горе, просилъ, не найдетъ ли онъ какого либо знакомаго ребенка, чтобы посадить къ намъ за столъ четырнадцатымъ. Филиппъ отвѣчалъ, что сегодня по случаю воскресенья всѣ дѣти за городомъ, и что онъ радъ всячески служить насчетъ перемѣны блюдъ, но доставить лишняго человѣка не берется. Проѣзжая по улицѣ de l'Arbre Sec, я, снѣдаемый отчаяніемъ, вспомнилъ, что въ одномъ изъ домовъ на пятомъ этажѣ живутъ литографы, рисующіе мой портретъ. Въ одинъ моментъ я уже былъ въ ихъ скромной мастерской и засталъ обоихъ братьевъ за работой. Чего же лучше? Сообщивъ имъ про отчаяніе моего брата, я высказалъ увѣренность, что они не откажутъ выручить меня по знакомству. Но одинъ изъ нихъ объявилъ, что не можетъ выдти изъ мастерской, не окончивъ срочной работы, а другой повторилъ неизмѣнное: „je dîne en ville“.

Когда со скорбнымъ чувствомъ я спустился почти на нижній конецъ безконечной спирали, образуемой лѣстницею,

вверху я услышалъ громкое: „monsieur!“ — Старшій живописецъ звалъ меня, увѣряя, что если я замѣтилъ сидящаго у нихъ на диванѣ гостя въ блузѣ, то онъ можетъ рекомендовать мнѣ этого образованнаго и пріятнаго собесѣдника.

Снова пришлось взбираться по лѣстницѣ и приглашать пріятнаго собесѣдника, который подалъ мнѣ руку, напоминающую кузнечный терпугъ.

— Постараюсь быть точнымъ, сказалъ мой будущій гость, и я стремглавъ бросился успокоить брата.

Когда мы входили въ обѣденную залу Филиппа, мой приглашенный уже былъ тамъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ.

И когда, послѣ нѣсколькихъ приличныхъ возліяній, Тургеневъ вызвалъ его на откровенную бесѣду, онъ сталъ разсказывать, какъ въ качествѣ кочегара, отправлялся въ Индію для возбужденія сипаевъ противъ англичанъ, — и вообще проявлять тенденціи, считавшіяся въ то время въ Парижѣ небезопасными.

Повороты судьбы въ ту или въ другую сторону иногда невольно бросаются въ глаза; даже въ такихъ случаяхъ, какъ тринадцать за столомъ.—Не успѣлъ я насильственнымъ образомъ измѣнить фатальное тринадцать на четырнадцать, какъ въ залу вошелъ отецъ Васильевъ и сѣлъ пятнадцатымъ за обѣдъ. Я не философствую, а припоминаю и разсказываю, и воображаю, какую пищу доставляю сердечному убѣжденію многихъ, вынужденный присовокупить, что, смотрѣвшіе съ такимъ ужасомъ на почти неизбѣжное тринадцать за столомъ въ день рожденія, братъ мой и его жена едва дожили до слѣдующаго дня рожденія и, какъ мы современемъ увидимъ, скончались въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ.

Но всему бываетъ конецъ, и вотъ пришлось и намъ думать о возвращеніи въ Москву. Наши барыни, въ особенности сестра жены моей, набрали столько клади, что везти ее съ пассажирскимъ поѣздомъ было бы слишкомъ убыточно, а потому мы отправили все черезъ коммиссіонера въ Любекъ. Здѣсь, разставшись съ сестрою жены моей, воспользовавшейся отходящимъ пароходомъ въ Петербургъ,—мы остались поджидать вещей, долженствовавшихъ прибыть изъ Кёльна, гдѣ мнѣ пришлось, при помощи наполеондоровъ, проводить ихъ черезъ неподкупныя руки прусскихъ таможенныхъ.

Попасть изъ шумнаго и дорогаго Парижа въ тихій и дешевый Любекъ было даже какъ-то странно. Въ великолѣпной гостинницѣ намъ отвели за талеръ въ день номеръ съ саломъ, аршинъ въ тридцать длины, такъ что мы просили хозяина о менѣе обширномъ помѣщеніи, хотя онъ сообщилъ намъ, что цѣна номера не зависитъ отъ его величины. По первому звонку, появлялась щегольски одѣтая прислуга; кромѣ утренняго кофе въ 8 часовъ, намъ подавали къ завтраку въ 12 часовъ хорошее мясное блюдо и фрукты; затѣмъ слѣдовали два обѣденныхъ табль-дота: въ 2 и въ 4 часа; мы ходили къ послѣднему, за которымъ во главѣ стола сидѣлъ самъ хозяинъ, разливавшій супъ; затѣмъ слѣдовалъ рядъ кушаній, вполнѣ удовлетворительныхъ, причемъ къ каждому куверту ставилось полбудылки довольно плохаго вина. Въ 8 часовъ вечера намъ подавали тульскій самоваръ, чай съ печеньемъ и фрукты. Въ такой обстановкѣ пришлось ровно двѣ недѣли поджидать прибытія вещей.

Я увѣренъ, что Любекъ и до сихъ поръ остался по характеру средневѣковымъ городомъ, съ домами, на которыхъ готическими, нѣмецкими буквами начертаны разные девизы и сентенціи. На досугѣ мы пустились осматривать старинныя католическія церкви, нынѣ превращенныя въ лютеранскія. Въ одной изъ такихъ церквей красуется цѣлый рядъ картинъ Гольбейна, знаменитый его „Todten-Tanz“ съ изображеніемъ всѣхъ возрастовъ и положеній человѣческихъ, сопровождаемыхъ скелетомъ смерти. Осматривая на чердакѣ собора обширную кладовую, хранящую раскрашенныя статуи святыхъ и разнообразную церковную утварь, пришлось съ удивленіемъ слышать отъ красиваго пономаря, во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ, про нетерпимость протестантскаго пастора, обзывающаго все это кумирами и едва дозволяющаго картинамъ Гольбейна оставаться на стѣнахъ храма.

Однажды афиши объявили о прибытіи изъ Копенгагена знаменитаго скрипача Олебуля, который въ 7 часовъ вечера даетъ концертъ въ театрѣ городскаго сада. По востребованію нашему, намъ изъ конторы гостинницы принесли два билета на этотъ концертъ. Въ седьмомъ часу мы съ женою пѣшкомъ отправились въ городской садъ, до котораго по прекрасному

тротуару пришлось идти не менѣе версты. Подходимъ ко входу въ садъ, представляющему каменный сводъ, подъ которымъ въ самый садъ спускается каменная лѣстница. Тутъ же у входа въ углубленіи происходитъ продажа билетовъ, и на стѣнѣ вывѣшено крупное объявленіе: „по случаю бурной погоды, пароходъ, везущій г. Олебуля, къ назначенному часу прибыть не можетъ, а потому желающіе могутъ получить за свой билетъ 45 копѣекъ обратно. Желающіе же провести вечеръ въ саду, получаютъ въ возвратъ только 30 копѣекъ оставляя при себѣ билетъ для входа въ садъ".

Когда мы сошли внизъ по лѣстницѣ, насъ провели по превосходно содержаннымъ садовымъ дорожкамъ и аллеямъ въ просторную театральную залу, освѣщенную газомъ. Тамъ мы сѣли отдыхать на кресла и цѣлый вечеръ слушали прекраснѣйшій оркестръ;—съ непродолжительными антрактами оркестръ игралъ часа три. Затѣмъ всѣ поднялись и стали уходить изъ залы. По причинѣ поздняго времени, садъ былъ роскошно иллюминованъ по тогдашней модѣ искусственными цвѣтами, освѣщенными газомъ и испускающими тонкіе каскады воды во всѣхъ направленіяхъ. Пока мы проходили къ выходу, раздавались шумные возгласы нѣмцевъ, настойчиво требовавшихъ содержателя сада по поводу какихъ-то упущеній.—„Нельзя такъ безсовѣстно грабить публику!" восклицали возбужденные голоса.

„Вотъ, думалось мнѣ, люди, способные охранять общественные интересы. Это не то, что у насъ, гдѣ никто не закричитъ, пока его не трогаютъ, и потому поневолѣ будетъ кричать въ одиночку".

Въ свободное отъ прогулокъ время, я вслухъ читалъ англійскіе романы во французскомъ переводѣ. Наконецъ, черезъ двѣ недѣли, послѣ нашихъ многократныхъ запросовъ экспедитору, прибыли наши вещи, и въ то же время на Траве грузился пароходъ, отходящій въ Петербургъ.

Не могу не припомнить, что дилижансъ, привезшій насъ въ гостинницу, отвезъ насъ и наши вещи также и на пароходъ, и за все это полумѣсячный счетъ нашъ изъ отеля съ чаями прислугѣ оказался ровно въ пятьдесятъ талеровъ.

На слѣдующій день мы уже были въ морѣ, гдѣ при пол-

номъ комфортѣ, насъ ожидало неудобство, состоящее въ томъ, что когда нашъ корабль забиралъ изъ рѣки прѣсную воду, въ морѣ было сильное волненіе, какъ разъ противъ теченія Траве, такъ что вся запасенная вода оказалась соленой. Воздерживаясь отъ жидкихъ кушаній, приходилось утолять жажду портеромъ, легкимъ виномъ и сельтерской водой.

Не смотря на продолжавшееся волненіе, мы на третій день прибыли въ Кронштадтъ. Когда бросили якорь, мы съ женою были на палубѣ и неожиданно подверглись все болѣе усиливающемуся качанію корабля. Дѣло въ томъ, что когда волненіемъ стало заносить корму корабля вокругъ неподвижнаго якоря, громадный корабль, становясь поперекъ волненія, подвергся такой качкѣ, что, пропустивъ одну руку подъ солидную ручку скамьи, на которую я сѣлъ, и держа другою подъ руку жену, я нѣкоторое время отвѣсно смотрѣлъ на подымающіяся и опускающіяся подъ нами волны. Когда качка стала уменьшаться, по мѣрѣ того какъ корма корабля заходила подъ вѣтеръ, всѣ бросились къ лѣстницѣ каюты, но тутъ оказалось непреоборимое препятствіе. Передъ смущеннымъ московскимъ пасторомъ во всю ширину лѣстницы лежала его жена и кричала: „ich kann nicht!“

Но вотъ мы уже у петербургской таможни и въ небольшой, но прекрасной квартирѣ брата жены моей, художника Мих. Петр. Боткина. Этотъ, въ то время весьма небогатый, ученикъ Академіи, занималъ квартиру вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Постниковымъ, тоже живописцемъ; съ ними также жилъ служившій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ братъ Михаила Петровича — Павелъ Петровичъ Боткинъ. Пріятно вспомнить радушіе, съ какимъ эти юноши встрѣтили насъ, и удобства, которыми они насъ окружили, начиная съ прекраснаго домашняго стола.

Я забылъ сказать, что, истратившись по случаю свадьбы, я вынужденъ былъ при отъѣздѣ изъ Парижа занять у Василія Петровича двѣ тысячи франковъ. Поэтому первымъ дѣломъ моимъ было поѣхать къ Некрасову и попросить у него денегъ въ счетъ должныхъ мнѣ редакціею двухъ тысяхъ рублей. Пріемъ Некрасова былъ самый любезный, но, не взи-

ая на сочувствіе къ моему положенію, денегъ мнѣ не дали и копѣйки.

— Не безпокойтесь, — сказалъ мнѣ Михаилъ Петровичъ: — вещи ваши я отправлю съ товарнымъ поѣздомъ въ Москву. Но не застраховать ли ихъ? Вѣдь тамъ пожалуй тысячи на три товару найдется.

— Какъ хотите, — отвѣчалъ я. — Застрахуйте рублей въ пятьсотъ для облегченія совѣсти.

Дня черезъ два, поблагодаривъ гостепріимныхъ хозяевъ, проводившихъ насъ на желѣзную дорогу, мы покатили въ Москву. Здѣсь встрѣтили насъ треволненія, неразлучныя съ устройствомъ новаго хозяйства. Свою гостиную мы нашли пустою, такъ какъ нѣмецъ, получившій бо́льшую половину денегъ за заказанную ему мебель, погорѣлъ, причемъ сгорѣла и наша мебель, вмѣсто которой онъ однако обѣщалъ поставить новую. Приходилось ждать.

VIII.

Жизнь въ Москвѣ.—Наши музыкальные вечера.—Братья Толстые.—Докторъ II—нъ. Свадьба Борисова.—Письмо Ап. Григорьева.—Обѣдъ у Кокорева.—Медвѣжья охота.—Сборы въ Новоселки на лѣто.—Посѣщеніе Ясной Поляны.—Тетушка Льва Николаевича.

Вскорѣ послѣ пріѣзда нашего въ Москву, я получилъ отъ Василія Петровича Боткина слѣдующее письмо.

Парижъ
21 сентября 1857 г.

„Итакъ я продолжаю обитать въ той же комнатѣ, гдѣ вы меня оставили, и ничего вокругъ меня не измѣнилось, съ тою разницею, что я лежу теперь не на вашемъ диванѣ, а на своемъ. Уѣхалъ и Гончаровъ, уѣхалъ и Тургеневъ въ Куртавнель, гдѣ сидитъ по причинѣ разболѣвшейся пятки, которая не даетъ ему ходить. Сегодня я получилъ письмо отъ него. Затѣмъ, въ видѣ развлеченія моего одиночества, судьба послала сюда семейство Тургеневыхъ, а именно Ольгу Александровну, милую во всѣхъ отношеніяхъ, отличную дѣвушку, съ которой я былъ знакомъ въ Петербургѣ; притомъ она хорошо играетъ на фортепьяно и особенно сонаты Бетховена, которыя я такъ люблю. Это для моихъ одинокихъ вечеровъ убѣжище необходимое. Въ театрѣ послѣ васъ я былъ только разъ—въ комической оперѣ. Смотрѣлъ *Жоконду*, старинную французскую оперу Nicolo—человѣка съ большимъ мелодическимъ даромъ.

„Свою національную музыку французы исполняютъ прекрасно, такъ что я просидѣлъ съ великимъ удовольствіемъ, словно окруженный простодушными, милыми дѣтьми. Фран-

цузы потеряли музыкальное чувство съ тѣхъ поръ, какъ стали забираться въ чуждую, несвойственную имъ высшую музыкальную сферу; какъ противны они въ своей Большой Оперѣ, такъ милы въ своей старой музыкѣ, совершенно соотвѣтствующей ихъ національному характеру.—Познакомился я съ пріѣхавшимъ сюда живописцемъ Ивановымъ —Человѣкъ онъ весьма умный и мыслящій, но, сколько мнѣ кажется, болѣе мыслящая, нежели художническая натура, и потому болѣе ищущая, нежели производящая. Мочи нѣтъ, какъ хочется видѣть его картину. Мнѣ страннымъ въ нѣкоторомъ отношеніи кажется его усиленное стремленіе довести историческую вѣрность своей картины до всевозможнаго совершенства. Для этой исторической вѣрности въ будущихъ своихъ произведеніяхъ, предпринимаетъ онъ путешествіе въ Сирію и въ Іерусалимъ. Такое кропотливое археологическое направленіе едва ли можетъ замѣнить творческую производительность и ту поэтическую вѣрность, какою увлекаетъ насъ Шекспиръ, при всѣхъ своихъ археологическихъ ошибкахъ, или старые итальянскіе живописцы. Боюсь выговорить, но творческимъ, поэтическимъ даромъ едва ли обладаетъ Ивановъ. Всѣ эти сомнѣнія разрѣшитъ мнѣ его картина, до которой считай вздоромъ всѣ мои о немъ мнѣнія".

В. Боткинъ.

Однажды утромъ жандармъ съ желѣзной дороги, передавая мнѣ поклонъ отъ полковника С. С. Громеки, вручилъ заявленіе отъ желѣзной дороги о томъ, что вагонъ, въ который въ Петербургѣ погруженъ былъ нашъ товаръ, отъ заронênной искры сгорѣлъ, и мы можемъ получить въ Москвѣ остатокъ уцѣлѣвшихъ вещей. Легко себѣ представить горькія слезы жены моей, оставшейся не только безъ сравнительно дорогаго приданаго, но даже безъ необходимаго платья и бѣлья. Между тѣмъ кое какія вещи, какъ напримѣръ мраморные часы, бронзовые канделябры и часть бѣлья уцѣлѣли, и кромѣ того мы получили отъ Страховаго Общества 300 р. за сгорѣвшее. Вотъ что Василій Петровичъ писалъ изъ Рима 1 ноября 1857 года:

„Третьяго дня вечеромъ пріѣхали мы съ Тургеневымъ сюда,

и вчера нашелъ я на почтѣ письмо отъ тебя и Маши. Обрадовался я сначала, видя, что вы добрались благополучно, но извѣстіе о сгорѣвшихъ вещахъ, не смотря на мою радость, даже меня сильно огорчило. Воображаю печаль и досаду Маши! Вѣдь надо же было такъ случиться—и столько изящныхъ вещей погибло, а въ Москвѣ пожалуй и за деньги не достанешь этого. Слава Богу, что сами вы добрались благополучно, между тѣмъ какъ въ это же время по всѣмъ сѣвернымъ морямъ были страшныя бури. По пріѣздѣ сюда, у Тургенева снова началась его болѣзнь, отъ которой онъ такъ страдалъ прошлою зимой. Неизвѣстно, что будетъ дальше, а теперь онъ сильно страдаетъ. Всѣ планы его о работѣ рушились, и онъ думаетъ скоро уѣхать отсюда. А какъ сладко воображали мы прожить вмѣстѣ зиму, нанять вмѣстѣ квартиру и прочее. Увы! всѣ наши предположенія и мечты сгорѣли, какъ ваши вещи. Изъ Марселя ѣхали мы на Ниццу и потомъ берегомъ моря до Генуи. Я съ разныхъ сторонъ въѣзжалъ въ Италію, но ни откуда не являлась она въ такомъ сладкомъ чарующемъ видѣ, какъ съ своей горной стороны.

«Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры!»

„И рощи пальмъ, и огромные олеандры, и сады апельсинныхъ деревьевъ, и возлѣ всего этого голубое море. Есть мѣста, передъ которыми остаешься въ нѣмомъ экстазѣ. Такъ доѣхали мы до Генуи, гдѣ по случаю путаницы, сдѣланной кондукторомъ съ чемоданомъ Тургенева, пробыли мы пять дней“.

Что В. П. Боткинъ былъ человѣкомъ минутнаго впечатлѣнія и даже каприза, можно видѣть изъ сопоставленія слѣдующихъ затѣмъ строкъ съ его же словами изъ письма отъ 17-го ноября 1857 года. Въ настоящемъ письмѣ онъ продолжаетъ:

„Всяческою мерзостью и гадостью охватило насъ, когда мы вступили на великую землю Рима. Я думаю, на всей землѣ нѣтъ ничего унылѣе тѣхъ мѣстъ, которыми ѣдешь отъ Чивита-Векіи до Рима. Это какая то прокаженная, проклятая земля. И въ народѣ, какъ въ землѣ этой, все выгорѣло, все выродилось. Я не знаю, причиною ли тому воображеніе или что другое, но ни одна страна, ни одинъ городъ не производитъ

а мою душу такихъ впечатлѣній, какъ этотъ грязный, запаленный, унылый Римъ. Но представь: я говорю о Римѣ, а у меня въ головѣ сидятъ ваши сгорѣвшія вещи". *В. Боткинъ.*

Между тѣмъ отъ 17 ноября 1857 года Боткинъ пишетъ:

„Слава Богу, что у тебя есть практическій смыслъ, и вы по возможности устроились. А я до сихъ поръ не могу примириться съ мыслію о вашихъ сгорѣвшихъ вещахъ. Какую это сильную прорѣху должно сдѣлать въ вашемъ бюджетѣ! На починку этой прорѣхи прошу васъ употребить и тѣ 2000 франковъ, которые ты взялъ у меня въ Парижѣ, и выкинемъ ихъ изъ памяти. Скажу вамъ, что жизнь въ Римѣ совершенно по мнѣ, и мнѣ здѣсь такъ хорошо, что я не вижу, какъ летитъ время. На этой римской почвѣ все поднимаетъ чувство на какой то важный (sic), величавый, задумчивый тонъ. Странно! Я кажется не грязный человѣкъ, а эта грязь и вонючія улицы Рима нисколько не мѣшаютъ моему наслажденію. Напротивъ, есть что то необычайное въ этомъ соединеніи развалинъ римскаго міра съ капуцинами и монастырями; этихъ монументальныхъ зданій и фонтановъ съ окружающими ихъ лохмотьями и грязью. Здѣсь и великое точно такъ же предоставлено самому себѣ, какъ и мелкое и ничтожное. Все свободно вышло изъ одной и той же родной почвы—и высочайшіе идеалы христіанскаго искусства, и современная грязь и лохмотья. Во всемъ здѣсь чувствуешь эту удивительную почву, начиная съ этой небрежной простоты и наивности жизни. Да! до сихъ поръ и даже въ своемъ умирающемъ положеніи это еще удивительно одаренное племя".

В. Боткинъ.

Слуга передалъ мнѣ, что сестра Надя, еще до нашего пріѣзда, катаясь, заѣхала на нашу квартиру и, взглянувъ въ залѣ на рояль, спросила: „братъ женится"?—Конечно, первою заботою моею по пріѣздѣ въ Москву было испросить разрѣшенія благодѣтельнаго В. Ѳ. Саблера на свиданіе съ сестрою, которая съ восторгомъ приняла наше предложеніе поселиться у насъ, вмѣстѣ съ женщиной, ходившей за ней во время ея болѣзни. Такимъ образомъ сестра Надя, въ самомъ скоромъ времени дружески сблизившись съ моею женой, заняла уголь-

ную комнату между большею чайной и дѣвичьей, изъ которой каждую минуту могла позвать свою услужливую няньку.

Однажды вечеромъ, во время чаю явился къ намъ неожиданно графъ Л. Н. Толстой и сообщилъ, что они, Толстые, т. е. онъ, старшій его братъ Николай Николаевичъ и сестра, графиня Марья Николаевна, поселились всѣ вмѣстѣ въ меблированныхъ комнатахъ Варгина на Пятницкой. Мы всѣ скоро сблизились. Не помню, при какихъ обстоятельствахъ братья Толстые—Николай и Левъ—познакомились съ Ст. Ст. Громекой; вѣроятно это произошло у насъ въ домѣ. Всѣ трое очень скоро сблизились между собою, такъ какъ оказались страстными охотниками.

Между тѣмъ Тургеневъ писалъ мнѣ изъ Рима отъ 7 ноября 1857 года:

„Отъ В. Боткина получалъ я постоянныя извѣстія о Васъ, любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и вотъ наконецъ пришло отъ Васъ письмецо ко мнѣ, за которое сердечное Вамъ спасибо. Я очень радъ слухамъ о Вашемъ счастьи, и хотя искренно сожалѣю о потерѣ всѣхъ парижскихъ дорогихъ покупокъ, однако, при отсутствіи бо́льшаго несчастія, это еще съ рукъ сойти можетъ. Взгляните на этотъ пожаръ, какъ на перстень Поликратовъ, брошенный въ даръ завистливымъ богамъ.—А потроха *) не дождались меня! Что дѣлать! Частію виновато въ этомъ краснорѣчіе Василія Петровича, а частію мнѣ самому не хотѣлось вернуться въ Россію послѣ годовой отлучки съ пустыми руками. Я надѣялся, что, разставшись съ Парижемъ, я разстанусь съ моею болѣзнью, я разсчитывалъ на здѣшній климатъ... Но увы! j'ai compté sans mon hote... Болѣзнь поймала меня и здѣсь, и такъ больно кусается, что я пожалуй не вытерплю и уѣду изъ Рима, какъ уже уѣхалъ изъ Парижа и другихъ мѣстъ. Плохо мнѣ,—да что говорить объ этомъ.—Спасибо за извѣстіе о Толстомъ и его сестрѣ. Скажите имъ, что очень они не худо бы сдѣлали, еслибы написали мнѣ.—Что Вамъ сказать о Римѣ? Вы здѣсь были и сами знаете, какое онъ впечатлѣніе производитъ на

*) Мы съ женою обѣщали угостить Тургенева на новосельи любимымъ его супомъ съ потрохами.

нашего брата, сѣверяка. Еслибъ не гнусная моя болѣзнь, не выѣхалъ бы отсюда, право! — Пишите, пишите стихотвореній какъ можно больше: у Васъ изъ десяти всегда одно превосходно, а это огромный процентъ. А Богъ дастъ въ будущемъ году издадимъ еще книжечку. Поклонитесь отъ меня Аксаковымъ, въ особенности Сергѣю Тимоѳеевичу. Я его адреса не знаю, но я напишу ему на Ваше имя. Скажите Толстому, чтобъ онъ выслалъ мнѣ свой адресъ и сестринъ. Развѣ онъ намѣренъ поселиться въ Москвѣ? Познакомились ли Вы съ его братомъ Николаемъ? Сообщенныя подробности о Писемскомъ и Островскомъ не слишкомъ отрадны. Но что прикажете дѣлать? У всякаго человѣка своя манера блохъ ловить. Боюсь я, что при этакомъ поведенцѣ Писемскій себя ухлопаетъ; Островскій—тотъ здоровъ. Эти два весьма замѣчательныхъ и чрезвычайно талантливыхъ русскихъ человѣка не брали себя въ руки, не ломали себя; а русскому человѣку это совершенно необходимо. Талантъ ихъ отъ этого можетъ быть уцѣлѣлъ, да вѣдь онъ съ другой стороны затрещать можетъ. Вы пишете, что Ап. Григорьева нѣтъ въ Москвѣ, а не пишете, гдѣ же онъ? Можетъ быть онъ гдѣнибудь здѣсь поблизости, и его можно было бы увидѣть, если не залучить. Не смотря на мое калѣчество, я кое-какъ принялся за работу; но трудно и вяло подвигается она. Я раззоренъ весь, вотъ какъ въ дѣтствѣ, бывало, мы раззоряли муравейникъ. Гдѣ его справить!—Прощайте, будьте здоровы Вы по крайней мѣрѣ. Дружески жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вамъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. „Кланяюсь Вашей женѣ и благодарю за память. Поклонитесь также Вашей сестрѣ. Боткинъ здоровъ и веселъ“.

Конечно, тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Москву, возобновилась самая живая переписка между мною и Борисовымъ, и нельзя было сомнѣваться въ томъ, что, послѣ переѣзда сестры Нади къ намъ на жительство, и онъ не замедлитъ явиться поздравить насъ съ законнымъ бракомъ. Дѣйствительно, въ скоромъ времени онъ пріѣхалъ и поселился въ моемъ кабинетѣ, ночуя на мягкомъ диванѣ. Даже на этотъ разъ Борисовъ явился болѣе оживленнымъ и избавленнымъ отъ мало-

азіатской лихорадки. Чудо это, по его разсказамъ, совершилъ еще понынѣ памятный всѣмъ мценскимъ жителямъ аптекарь Александръ Андреевичъ Симонъ, говорившій всѣмъ своимъ кліентамъ:

— Охота вамъ покупать эту дрянь! Я вамъ дамъ нѣсколько крупинокъ гомеопатіи, и вы будете здоровы.

Такъ поступилъ онъ и съ Борисовымъ, и на другой день послѣ пріема крупинокъ, малоазіатская лихорадка уже не возвращалась.

Не смотря на братскія мои отношенія къ Борисову, пріѣзду котораго мы съ женою были сердечно рады, я сталъ бояться своего кабинета: стоило мнѣ придти и, закуривъ папироску, завести любой разговоръ, чтобы черезъ пять минутъ очутиться въ потокѣ самыхъ убѣдительныхъ просьбъ и воззваній о помощи, сопровождаемыхъ отуманенными взглядами, а нерѣдко и слезинкою, висящею на густыхъ, черныхъ усахъ. Это почти ежедневно происходило въ кабинетѣ. Но зато въ комнатѣ сестры нерѣдко, по поводу моихъ указаній на многолѣтнюю, безграничную преданность, я слышалъ только отзывы, въ безнадежности которыхъ для Борисова сомнѣнія быть не могло. Не довѣряя моимъ отпѣкиваніямъ и неблагопріятнымъ инсинуаціямъ, Борисовъ, набравши духу, самъ находилъ минуту повторить въ двадцатый разъ свое предложеніе. Тутъ происходилъ обычный электрическій ударъ, и на другой день, едва сдерживая слезы, онъ уѣзжалъ въ Фатьяново.

Еще до моей поѣздки въ Парижъ, Ап. Григорьевъ познакомилъ меня съ весьма милой дѣвушкой, музыкантшей въ душѣ — Екатериной Сергѣевной П—ой, вышедшей впослѣдствіи замужъ тоже за піаниста и композитора Бородина. Въ то время всѣ увлекались Шопеномъ, и Екатерина Сергѣевна передавала его мазурки съ большимъ мастерствомъ и вооду-шевленіемъ. Когда я женился, Екатерина Сергѣевна, полюбивши жену мою, стала часто навѣщать насъ. Въ то же время Ап. Григорьевъ ввелъ къ намъ въ домъ весьма талантливаго скрипача, котораго имени въ настоящее время не упомню, но про котораго онъ говорилъ, что это „кузнечикъ-гуляка, другъ кузнечика музыканта“.

Такимъ образомъ у насъ иногда по вечерамъ составлялись

дуэты, на которые пріѣзжала піанистка и любительница музыки графиня М. Н. Толстая, иногда въ сопровожденіи братьевъ — Николая и Льва, — или же одного Николая, который говорилъ:

— А Левочка опять надѣлъ фракъ и бѣлый галстухъ и отправился на балъ.

Днемъ я прилежно былъ занятъ переводами изъ Шекспира, стараясь въ этой работѣ найти поддержку нашему скромному бюджету, а вечера мы почти безотлучно проводили въ нашей чайной. Тутъ графъ Ник. Ник. Толстой, бывавшій у насъ чуть не каждый вечеръ, приносилъ съ собою нравственный интересъ и оживленіе, которые трудно передать въ немногихъ словахъ. Въ то время онъ ходилъ еще въ своемъ артиллерійскомъ сюртукѣ, и стоило взглянуть на его худыя руки, большіе, умные глаза и ввалившіяся щеки, чтобы убѣдиться, что неумолимая чахотка безпощадно вцѣпилась въ грудь этого добродушно-насмѣшливаго человѣка. Къ сожалѣнію, этотъ замѣчательный человѣкъ, про котораго мало сказать, что всѣ знакомые его любили, а слѣдуетъ сказать— обожали, пріобрѣлъ на Кавказѣ столь обычную въ то время между тамошними военными привычку къ горячимъ напиткамъ. Хотя я впослѣдствіи коротко зналъ Николая Толстаго и бывалъ съ нимъ въ отъѣзжемъ полѣ на охотѣ, гдѣ конечно ему сподручнѣе было выпить, чѣмъ на какомъ либо вечерѣ, тѣмъ не менѣе, въ теченіи трехлѣтняго знакомства, я ни разу не замѣчалъ въ Ник. Толстомъ даже тѣни опьяненія. Сядетъ онъ, бывало, на кресло, придвинутое къ столу, и понемножку прихлебываетъ чай, приправленный коньякомъ. Будучи отъ природы крайне скроменъ, онъ нуждался въ распросахъ со стороны слушателя. Но наведенный на какую-либо тему, онъ вносилъ въ нее всю тонкость и забавность своего добродушнаго юмора. Онъ видимо обожалъ младшаго своего брата Льва. Но надо было слышать, съ какой ироніей онъ отзывался о его великосвѣтскихъ похожденіяхъ. Онъ такъ ясно умѣлъ отличать дѣйствительную сущность жизни отъ ея эфемерной оболочки, что съ одинаковою ироніей смотрѣлъ и на высшій, и на низшій слой кавказской жизни. И знаменитый охотникъ, старовѣръ, дядюшка Епишка, (въ „Казакахъ“ гр.

Л. Толстаго—Ерошка) очевидно, подмѣченъ и выщупанъ до окончательной художественности Николаемъ Толстымъ.

И. П. Борисовъ, бывшій самъ человѣкомъ недюжиннымъ и видавшій Льва Толстаго еще на Кавказѣ, не могъ, конечно, съ первой встрѣчи съ нимъ въ нашемъ домѣ не подпасть подъ вліяніе этого богатыря. Но въ то время увлеченіе Л. Толстаго щегольствомъ бросалось въ глаза, и, видя его въ новой бекешѣ съ сѣдымъ бобровымъ воротникомъ, съ вьющимися длинными темнорусыми волосами подъ блестящею шляпой, надѣтой на бекрень, и съ модною тростью въ рукѣ выходящаго на прогулку, — Борисовъ говорилъ про него словами пѣсни:

«Онъ и тросточкой подпирается,
Онъ калиновой похваляется».

Въ то время у свѣтской молодежи входили въ моду гимнастическія упражненія, между которыми первое мѣсто занимало прыганье черезъ деревяннаго коня. Бывало, если нужно захватить Льва Николаевича во второмъ часу дня, надо отправляться въ гимнастическій залъ на Большой Дмитровкѣ. Надо было видѣть, съ какимъ одушевленіемъ онъ, одѣвшись въ трико, старался перепрыгнуть черезъ коня, не задѣвши кожанаго, набитаго шерстью, конуса, поставленнаго на спинѣ этого коня. Не удивительно, что подвижная, энергическая натура 29-лѣтняго Л. Толстаго требовала такого усиленнаго движенія, но довольно странно было видѣть рядомъ съ юношами старцевъ съ обнаженными черепами и выдающимися животами. Одинъ молодой, но женатый человѣкъ, дождавшись очереди въ своемъ розовомъ трико, каждый разъ съ разбѣгу упирался грудью въ крупъ коня и спокойно отходилъ въ сторону, уступая мѣсто слѣдующему.

Попрежнему, я иногда забѣгалъ на часокъ къ одному изъ младшихъ соучастниковъ Боткинской фирмы, Дмитрію Петровичу, занимавшему въ домѣ квартиру въ нижнемъ этажѣ направо съ первой площадки. Квартиру эту занималъ прежде Тимоѳей Николаевичъ Грановскій, и сюда собирался весь вдохновляемый имъ кружокъ. Въ настоящее время у Дмитрія Петровича въ небольшой залѣ стоялъ билліардъ, и мы съ хо-

зяиномъ нерѣдко предавались этой игрѣ, прохлаждаясь стаканомъ шампанскаго, отъ котораго я въ то время никогда не отказывался.

Хотя Т. Н. Грановскій и жена его давно уже умерли, тѣмъ не менѣе я еще захватилъ остатки его круга въ домѣ заслуженнаго профессора, доктора медицины Павла Лукича Пикулина, женатаго на младшей сестрѣ жены моей. Впослѣдствіи я познакомился съ корифеями московской медицины, учениками Пикулина, и помню ихъ разсказы о томъ, съ какимъ благоговѣніемъ студенты слушали лекціи любимаго профессора. Но при всемъ своемъ знаніи и рѣдкомъ отсутствіи шарлатанства, пріобрѣтшій большую практику Пикулинъ, по дѣтской округлости лица, добродушной насмѣшливости и полной безпечности, всю жизнь остался милымъ ребенкомъ; и при слабости характера получивши въ наслѣдство изъ кружка Грановскаго такой нетерпящій возраженій экземпляръ, какъ Н. Хр. Кетчеръ, Пикулинъ, очевидно, долженъ былъ погибнуть, что и исполнилъ съ послѣдовательностью, достойной лучшей доли. Бывало, сидя у Пикулина и слыша о слугѣ, явившемся просить доктора къ больному, Кетчеръ, будучи самъ докторомъ медицины, хотя и не практиковавшимъ, закричитъ: „и охота тебѣ, Пикулинъ, таскаться по больнымъ! Навѣрное, какая-нибудь нервная баба, которой надо лавровишневыхъ капель. Ха-ха-ха! А ты лучше пошли за бутылочкой Редерера, и мы сами съ тобой полѣчимся, ха-ха-ха!“ Конечно, получившіе отказъ больные не повторяли своихъ приглашеній, а падкій и безъ того на всякаго рода самоуслажденія Пикулинъ предпочиталъ предаваться заботамъ о цвѣточной теплицѣ, изящномъ журналѣ садоводства и домашнемъ обѣдѣ, изготовляемомъ подъ личнымъ его наблюденіемъ по всѣмъ правиламъ кулинарнаго искусства. Такимъ образомъ мало-по-малу Пикулинъ впадалъ въ то превращеніе дня въ ночь, которое черезъ три года послѣ моего съ нимъ знакомства стало его образомъ жизни. Началось это съ привычки отправляться въ пятомъ часу прямо изъ-за вкуснаго обѣда спать въ кабинетъ и просыпаться только въ восьмомъ часу, когда на огонекъ къ чаю сходился весь его кружокъ. Здѣсь являлись люди самыхъ разнородныхъ характеровъ, начиная

съ широко образованнаго и изящнаго Станкевича, остроумнаго Е. Ѳ. Корша и кончая далеко не изящнымъ собирателемъ сказокъ Аѳанасьевымъ. Разнообразныхъ членовъ Пикулинскаго кружка видимо привлекала не нравственная потребность высшаго умственнаго общенія, а то благодушное влеченіе къ шуткѣ, оставшееся въ наслѣдство отъ Грановскаго, которому нигдѣ не было такъ по себѣ, какъ въ кабинетѣ добродушнаго Пикулина.

Позволю себѣ разсказать шутку Пикулина, которой мнѣ гораздо позднѣе пришлось быть свидѣтелемъ.

Обычные гости его собрались на Рождествѣ въ его кабинетѣ къ вечернему чаю. „Теперь, сказалъ Пикулинъ, пойдемте въ залу!“ — И когда мы вошли въ нее вслѣдъ за хозяиномъ, послѣдній съ хохотомъ указалъ на елку, убранную какими-то свертками изъ бѣлой бумаги.

— Господа, прибавилъ Пикулинъ, позвольте раздать вамъ соотвѣтственные подарки. — При этомъ, развертывая бумагу, онъ подалъ еще не старому, но совершенно лысому Станкевичу банку розовой помады и конскій гребень, увѣряя, что первая отрастить у него такіе волосы, которыхъ обыкновенный гребень не прочешетъ. Захохоталъ, разумѣется, громче всѣхъ Кетчеръ, и Пикулинъ, развернувъ свертокъ, подалъ ему собачій намордникъ. Е. Ѳ. Коршъ, вѣчно страдавшій отъ холодныхъ квартиръ, получилъ валенки и теплыя рукавицы для чтенія корректуръ. Аѳанасьевъ получилъ въ подарокъ кусокъ мыла и банную мочалку. Не помню, кто получилъ косушку водки. Когда всѣ подарки были розданы, поднялся Станкевичъ и сказалъ: „догадываясь о сюрпризѣ, ожидавшемъ насъ со стороны любезнаго хозяина, мы съ своей стороны припасли и для него подарокъ“. И доставая изъ кармана дѣтскую соску, украшенную розовымъ бантомъ, онъ передалъ ее хозяину.

— Такимъ образомъ, замѣтилъ Коршъ, мы, господа, кончаемъ „сосцеологіей“.

Борисовъ попрежнему продолжалъ кататься на перекладной изъ Фатьянова въ Москву и обратно. Сестра видимо оправлялась, но на мои вопросы касательно прочности ея выздоровленія, добрѣйшій В. Ѳ. Саблеръ многократно гово-

рилъ, что рецидива можетъ быть устранена только замужствомъ. Собравшись съ духомъ, я однажды, чувствуя себя вполнѣ безпомощнымъ, пустилъ въ ходъ эту тяжелую артилерію, прибавляя, что если это неизбѣжно-необходимо, то нельзя же по заказу ловить жениховъ на улицѣ, въ то время когда завѣдомо хорошій человѣкъ умираетъ отъ любви Встрѣтивъ и на этотъ разъ рѣшительный отпоръ, Борисовъ снова уѣхалъ въ Фатьяново

Однажды, когда я писалъ ему отвѣтъ, въ кабинетъ вошла Надя и спросила:

— Кому ты это пишешь?

— Борисову, отвѣчалъ я.

— Быть можетъ, сказала она, онъ будетъ настолько уменъ, что пріѣдетъ къ намъ.

— Пожалуй, я передамъ ему настоящія твои слова.

— Какъ хочешь, былъ отвѣтъ.

Конечно, я передалъ ея слова въ письмѣ, и черезъ недѣлю Борисовъ снова помѣстился въ моемъ кабинетѣ. Дѣла его однако же видимо стояли на точкѣ замерзанія.

Однажды, когда, кончивши нашъ утренній кофей, мы съ женою оставили въ чайной самоваръ въ вѣдѣніе Нади, выходившей нѣсколько позднѣе,—сами же разошлись, въ дверяхъ моихъ раздался легкій стукъ.

— Можно къ тебѣ взойти? спросила Надя.

— Обожди одну минуту, отвѣчалъ я.

— Намъ только на одну минуту, проговорилъ Борисовъ.

Конечно, когда я отворилъ дверь, то ожидалъ всего возможнаго вмѣсто взявшейся за руки пары.

— Поздравь насъ, сказали они,—мы дали другъ другу слово.

Торжество счастья такъ и сіяло изъ глазъ Борисова. Надя была сдержанна.

Борисовъ тотчасъ же извѣстилъ о днѣ свадьбы самаго близкаго и дорогаго ему человѣка, рязанскаго губернатора П. П. Новосильцова, въ домѣ котораго онъ проживалъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда Петръ Петровичъ былъ московскимъ вицъ-губернаторомъ. Свадьба была отпразднована въ самомъ скоромъ времени у насъ въ домѣ, и холостой еще

Дмитрій Петровичъ Боткинъ былъ шафером у невѣсты, а посаженнымъ отцомъ у жениха—П. П. Новосильцовъ. При вѣнчаніи меня въ церкви не было, но впослѣдствіи Дмитрій Петровичъ разсказывалъ, что когда онъ взялъ невѣсту за руку, чтобы вести ее на подвѣнечный коврикъ, она въ первое мгновеніе отшатнулась и оказала сопротивленіе. Въ сущности такое сопротивленіе было только внѣшнимъ знакомъ того внутренняго отпора, который не ослабѣлъ въ душѣ и новобрачной.

Громека отъ 11-го января 1858 г. писалъ:

«Славься дѣломъ симъ удачнымъ,
Славься, нѣжный Фетъ!
Вашимъ милымъ новобрачнымъ
Искренній привѣтъ!
Много счастья, многи лѣта
Богъ имъ да пошлетъ!
И продлитъ во славу Фета
Свой Борисовъ родъ!
Я спѣшу. Сію минуту
Ѣду въ градъ Петра
(Исполняя службу люту,
Дрыхну до утра).
Кстати: въ Питерѣ Щербатскій
Ипполитъ, и съ нимъ
Для Непира *) путь по-братски
Мы ужь сочинимъ...»

„Но не довольно ли стихами? Пора перестать нодоѣдать вамъ таковыми. Ипполитъ Ѳедоровичъ подалъ въ отпускъ и ѣдетъ заграницу лѣчиться; кажется оставитъ полкъ совсѣмъ. Еще разъ усерднѣйше поздравляю васъ съ счастливымъ сочетаніемъ Борисова; онъ, безъ сомнѣнія, сумѣетъ сдѣлать ее счастливою. Если молодые еще у васъ, то поклонитесь имъ хорошенько отъ меня. Жму вашу руку. С. Громека“.

Отъ 4-го января 1858 г. получилъ я письмо отъ Аполлона Григорьева:

„Другъ и братъ Аѳанасій! Благодарю тебя и за письма, и главное за ту привязанность, которая въ нихъ видна, хотя

*) Непиръ оставался въ полку, во время моего пребыванія за-границей.

за этакія вещи не благодарятъ. Все, что ты говорилъ тутъ о служеніи черни и проч.—это дѣло, да только это все стрѣлы, летящія мимо Объ этомъ или надобенъ толкъ долгій, или вовсе не нужно никакого до времени. Дѣло покамѣстъ не въ томъ,—дѣло въ томъ, что ты меня понимаешь, и я тебя понимаю, и что ни годы, ни мыканье по разнымъ направленіямъ, ни жизнь, положительно-мечтательная у тебя, метеорски-мечтательная у меня,—не истребили душевнаго единства между нами. Радъ твоей *Маниловкѣ*, радъ твоимъ стихамъ, которые прилетаютъ ко мнѣ —

«Какъ май ароматный
Въ дыханьи весны,
Какъ гость благодатный
Съ родной стороны»...

„Какъ гласитъ цыганская пѣсня;—и пожалуйста не вѣрь ты въ отношеніи къ своимъ стихамъ никому, кромѣ Боткина и меня, развѣ только подвергай ихъ иногда математическому анализу Эдельсона,—это для ихъ здраваго смысла, и кромѣ того у него есть особенное *яркое* чутье, или чутье на *яркое*, но только на яркое, рѣдко на тонкое и музыкально-неуловимое. Вообще вѣрь только *критикамъ* въ этомъ дѣлѣ, а не поэтамъ, т. е. ни Тургеневу, ни Толстому, ни даже Островскому, по той простой причинѣ, что они всегда смотрятъ сквозь свою призму. Наилучшее доказательство—несчастное изданіе второе, Тургеневское. Толстой, вглядываясь въ его натуру сквозь его произведенія,—поставилъ себѣ задачею даже съ нѣкоторымъ насиліемъ *знать* музыкально-неуловимое въ жизни, нравственномъ мірѣ, художествѣ. Въ этомъ пока его сила, въ этомъ его и слабость. Островскій шире всѣхъ, конечно, но съ нимъ другая бѣда: онъ часто *подкладываетъ* свое и готовъ предобросовѣстно восторгаться шумихой Мея. Стихи свѣжи, благоуханны и по моему даже *ясны*“.

„Радъ за Ивана Петровича. Но не разучился бы онъ понимать Венгерку, которую такъ *тяжело* и *хорошо* понималъ онъ силою глубокаго и долгаго душевнаго страданія? А впрочемъ нѣтъ! Отъ долгаго *горя* есть всегда приличный осадокъ“.

„Слушай, братъ, у меня къ тебѣ опять просьба и большая. Къ ней неизбѣжны два предисловія.

1) Ты знаешь или видишь достаточно, что жизнь моя вся искалѣчена, запутана, перепутана во всякомъ отношеніи. Выйти изъ этой путаницы даже и надежды мало. Знаю, что по возвратѣ пущусь издавать журналъ напропалую, т. е. съ глубокою вѣрою въ *истинность* своего литературнаго взгляда, съ глубочайшимъ невѣріемъ въ успѣхъ журнала. При этой адской запутанности дѣлъ, у меня отецъ, къ которому я страстно привязался въ послѣднія времена, и семья... ну что тутъ разсказывать—самъ знаешь и видишь. „Quisque Fortunae suae faber“—и я смиренно склоняю голову подъ топоръ судьбы, не отдавая ей впрочемъ ничего изъ своего завѣтнаго. Отправляясь, я обрѣзалъ себѣ расходы, *здѣсь* обрѣзалъ себя еще больше — до *nec plus ultra*, чтобы имъ доставалось по крайности столько, сколько бы доставалось въ моемъ присутствіи. Я оставилъ себѣ пять червонцевъ въ мѣсяцъ, и мнѣ положительно не на что ни одѣваться, ни учиться.

2) Въ это время написано мною много: кончена часть вещи: „Къ друзьямъ издалека“ и часть, носящая названіе „Море“. Тутъ весь я, всѣ мои вопросы — философскіе, историческіе, литературные. Но прежде чѣмъ отдать эту *дорогую* мнѣ книгу Дружинину, хотѣлъ бы отдѣлать ее до точности, до ясности, до извѣстной степени художества. Спаси меня теперь, или лучше спаси мою книгу и дай ей сказаться, какъ ей надо сказаться. Мнѣ на все это время, т. е. до іюня — на платье, ученье, галлереи и Парижъ—нужно восемьдесятъ червонцевъ. Прошу тебя именемъ нашей ничѣмъ нерушимой дружбы выслать мнѣ эту сумму черезъ здѣшнихъ банкировъ, на имя какого либо Флорентійскаго, и главное сохранить глубочайшую *тайну*. Я самъ обязуюсь въ іюнѣ предоставить въ твое полное распоряженіе отдѣланную книгу (въ ней листовъ 10 печатныхъ), а въ случаѣ смерти—оставить записку, въ которой бумаги должны быть предоставлены въ твое распоряженіе... Милый мой, ты знаешь,—я не подлецъ и когда что сказалъ кому либо изъ своихъ кровныхъ, то это будетъ такъ. Во всякомъ случаѣ: 1) объ этомъ ни слова ни патеру, никому вообще; 2) присылай денегъ тотчасъ же по полученіи сего посланія, или тотчасъ же отвѣчай отрицательно, ибо тогда я отправлю свое чадо въ его грубомъ и необдѣланномъ

видѣ къ Дружинину. Главное, пришли денегъ или отвѣчай отрицательно безъ проповѣдей, въ возможной скорости".

„Сей неблаговидный наскокъ на твою дружбу дѣлается по двумъ причинамъ: 1) потому что я въ тебя вѣрю и 2) потому что хлѣбъ у меня есть, но я продаю его, что говорится, на корню".

„Засимъ будь здравъ, кланяйся женѣ, сестрѣ и ея мужу и пиши хорошіе стихи, чѣмъ много доставишь мнѣ удовольствія". Ап. Григорьевъ".

Какъ утопающій за прибрежныя скалы, хваталась Надя руками за меня и за жену. Такое положеніе было для Борисова невыносимо, и онъ объявилъ, что они черезъ недѣлю уѣзжаютъ въ Фатьяново, такъ какъ Саблеръ не совѣтовалъ подвергать Надю впечатлѣнію возврата въ Новоселки.

Въ половинѣ января я, въ числѣ прочихъ, наличныхъ, московскихъ литераторовъ, получилъ приглашеніе В. А. Кокорева на обѣдъ въ его собственный домъ близь Маросейки. Цѣль этого приглашенія была мнѣ совершенно неизвѣстна, такъ какъ про обѣдъ 28 декабря 1857 г. въ Купеческомъ клубѣ я узналъ только изъ статьи Н. А. Любимова въ сентябрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника 1888 года. Рѣчь, сказанная при этомъ Кокоревымъ, тождественна по содержанію съ произнесенною имъ въ Купеческомъ клубѣ: о добровольной помощи со стороны купечества къ выкупу крестьянскихъ усадебъ. Помню, съ какимъ воодушевленіемъ подошелъ ко мнѣ М. Н. Катковъ и сказалъ: „вотъ бы вамъ вашимъ перомъ иллюстрировать это событіе". Я не отвѣчалъ ни слова, не чувствуя въ себѣ никакихъ силъ иллюстрировать какія-бы то ни было событія. Я никогда не могъ понять, чтобы искусство интересовалось чѣмъ либо помимо красоты. Тѣмъ не менѣе за столами, покрытыми драгоцѣннымъ, стариннымъ серебромъ: ковшами, сулеями, братинами и т. д.,—съ великимъ сочувствіемъ находились, начиная съ покойныхъ братьевъ Аксаковыхъ и Хомякова,—наиболѣе выдававшіеся въ литературѣ представители славянофиловъ. По причинѣ множества рѣчей, обѣдъ кончился не скоро. Но на другой день всѣхъ присутствующихъ, по распоряженію графа Закревскаго, пригласили къ оберъ-полиціймейстеру расписаться въ

непроизнесеніи впредь застольныхъ рѣчей. Помню, какъ гр. Н. Н. Толстой добродушно хохоталъ, восклицая наставленіе дѣтямъ: „on ne parle pas à table“.

Явно, что въ то время правительство далеко было отъ мысли привлекать общество къ обсужденію государственныхъ мѣръ.

Между тѣмъ Громека отъ 15 января писалъ:

„Согласно вашей просьбѣ, спѣшу увѣдомить васъ, милый Аѳанасій Аѳанасьевичъ, что на этихъ дняхъ, около 18 или 20 числа, я ѣду на медвѣдя. Передайте Толстому, что мною куплена медвѣдица съ двумя медвѣжатами (годовалыми), и что если ему угодно участвовать въ нашей охотѣ, то благоволитъ къ 18 или 19 числу пріѣхать въ Волочекъ, прямо ко мнѣ, безъ всякихъ церемоній, и что я буду ждать его съ распростертыми объятіями: для него будетъ приготовлена комната. Если же онъ не пріѣдетъ, то прошу васъ увѣдомить меня къ тому же времени. Я полагаю, что охота состоится именно 19 числа. Слѣдовательно, всего лучше и даже необходимо пріѣхать 18-го. Если же Толстой пожелаетъ отложить до 21-го, то увѣдомьте; далѣе ждать невозможно“.

„Ипполитъ и Николай Ѳедоровичи кланяются и поздравляютъ съ замужствомъ сестры. Первый изъ нихъ обѣщаетъ устроить чрезъ Василія Павловича, котораго ждетъ на дняхъ въ Петербургъ,—доставленіе ко мнѣ Непира. Обнимаю васъ“.

С. Громека.

P. S. «Въ сердцѣ прежнюю любовь хранитъ
Къ вамъ Щербатскій Ипполитъ,
А Степанъ Степановъ сынъ Громека
Будетъ васъ любить четыре вѣка».

Для большей убѣдительности извѣстный вожакъ на медвѣжьихъ охотахъ, Осташковъ, явился на квартиру Толстыхъ. Его появленіе въ средѣ охотниковъ можно только сравнить съ погруженіемъ раскаленнаго желѣза въ воду. Все забурлило и зашумѣло. Въ виду того, что каждому охотнику на медвѣдя рекомендовалось имѣть съ собою два ружья, графъ Левъ Николаевичъ выпросилъ у меня мою нѣмецкую двустволку, предназначенную для дроби. Въ условленный день

наши охотники (Левъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ) отправились на Николаевскій вокзалъ. Добросовѣстно передамъ здѣсь слышанное мною отъ самого Льва Николаевича и сопровождавшихъ его на медвѣжьей охотѣ товарищей.

Когда охотники, каждый съ двумя заряженными ружьями, были разставлены вдоль поляны, проходившей по изборожденному въ шахматномъ порядкѣ просѣками лѣсу, то имъ рекомендовали пошире отоптать вокругъ себя глубокій снѣгъ, чтобы такимъ образомъ получить возможно большую свободу движеній. Но Левъ Николаевичъ, становясь на указанномъ мѣстѣ, чуть не по поясъ въ снѣгъ, объявилъ отаптываніе лишнимъ, такъ какъ дѣло состояло въ стрѣляніи въ медвѣдя, а не въ ратоборствѣ съ нимъ. Въ такомъ соображеніи графъ ограничился поставить свое заряженное ружье къ стволу дерева такъ, чтобы, выпустивъ своихъ два выстрѣла, бросить свое ружье и, протянувъ руку, схватить мое. Поднятая Осташковымъ съ берлоги громадная медвѣдица не заставила себя долго ждать. Она бросилась къ долинѣ, вдоль которой расположены были стрѣлки, по одной изъ перпендикулярныхъ къ ней продольныхъ просѣкъ, выходившихъ на ближайшаго справа ко Льву Николаевичу стрѣлка, вслѣдствіе чего графъ даже не могъ видѣть приближенія медвѣдицы. Но звѣрь, быть можетъ учуявъ охотника, на котораго все время шелъ, вдругъ бросился по поперечной просѣкѣ и внезапно очутился въ самомъ недалекомъ разстояніи на просѣкѣ противъ Толстаго, на котораго стремительно помчался. Спокойно прицѣлясь, Левъ Николаевичъ спустилъ курокъ, но, вѣроятно, промахнулся, такъ какъ въ клубѣ дыма увидалъ передъ собою набѣгающую массу, по которой выстрѣлилъ почти въ упоръ и попалъ пулею въ зѣвъ, гдѣ она завязла между зубами. Отпрянуть въ сторону графъ не могъ, такъ какъ неотоптанный снѣгъ не давалъ ему простора, а схватить мое ружье не успѣлъ, получивши въ грудь сильный толчекъ, отъ котораго навзничь повалился въ снѣгъ. Медвѣдица съ разбѣга перескочила черезъ него.

„Ну, подумалъ графъ, — все кончено. Я далъ промахъ и не успѣю выстрѣлить по ней другой разъ“. Но въ ту же минуту онъ увидалъ надъ головою что то темное. Это была

медвѣдица, которая, мгновенно вернувшись назадъ, старалась прокусить черепъ ранившему ее охотнику. Лежащій навзничь, какъ связанный, въ глубокомъ снѣгу Толстой могъ оказывать только пассивное сопротивленіе, стараясь по возможности втягивать голову въ плечи и подставлять лохматую шапку подъ зѣвъ животнаго. Быть можетъ вслѣдствіе такихъ инстинктивныхъ пріемовъ, звѣрь, промахнувшись зубами раза съ два, успѣлъ только дать одну значительную хватку, прорвавъ верхними зубами щеку подъ лѣвымъ глазомъ и сорвавъ нижними всю лѣвую половину кожи со лба. Въ эту минуту случившійся по близости Осташковъ, съ небольшой, какъ всегда, хворостиной въ рукѣ, подбѣжалъ къ медвѣдицѣ и, разставивъ руки, закричалъ свое обычное: „куда ты? куда ты“?—услыхавъ это восклицаніе, медвѣдица бросилась прочь со всѣхъ ногъ, и ее, какъ помнится, вновь обошли и добили на другой день.

Первымъ словомъ поднявшагося на ноги Толстаго съ отвисшею на лицо кожею со лба, которую тутъ же перевязали платками,—было: „что-то скажетъ Фетъ?“ — Этимъ словомъ я горжусь и понынѣ.

Тѣмъ временемъ заграничныя друзья меня не забывали и Тургеневъ писалъ:

Римъ.
9 января 1858.

„Вы преисправный и прелюбезный корреспондентъ, милѣйшій мой А. А., и Ваши письма доставляютъ мнѣ всегда живѣйшее удовольствіе; вопервыхъ, я вижу изъ нихъ, что Вы расположены ко мнѣ — и это меня очень радуетъ; а вовторыхъ, отъ нихъ вѣетъ такимъ спокойнымъ свѣтлымъ счастьемъ, что и вчужѣ пронимаетъ аппетитъ;—и это меня еще больше радуетъ. Дай Богъ Вамъ продолжать такъ же, какъ Вы начали! — Еслибъ я былъ поэтъ, я бы сравнилъ Ваше счастье съ цвѣткомъ, — но съ какимъ? Держу пари, что не отгадаете—съ цвѣтомъ ржи. Вспомните цвѣтущій колосъ на склонѣ холма въ сіяющій лѣтній день,—и Вы останетесь довольны моимъ сравненіемъ.

„Вы говорите, что часто мечтаете о нашемъ общемъ житьѣ

въ деревнѣ въ нынѣшнемъ году... Я мечтаю о немъ даже здѣсь, среди величавыхъ развалинъ въ длинныхъ мраморныхъ залахъ Ватикана. Недаромъ же судьба поселила насъ всѣхъ, Васъ, Толстаго, меня, въ такомъ недальнемъ разстояніи другъ отъ друга!

„Если боги намъ не позавидуютъ, мы проведемъ прелестное лѣто. У насъ здѣсь стоитъ погода (мы въ этомъ отношеніи были очень счастливы)—очень похожая на ту погоду, какая бываетъ въ Россіи въ концѣ апрѣля, и это еще болѣе разжигаетъ и волнуетъ меня. Я знаю, что въ Россіи ждутъ насъ не одни веселыя ощущенія: придется много хлопотать и трудиться; но всетаки авось мы огласимъ тѣ поля невольной пѣсней—невольной и послѣдней можетъ быть.

„Переводъ Вашъ изъ Беранже очень милъ. Бороться съ нимъ довольно трудно; благословляю Васъ на борьбу гораздо труднѣйшую, а именно съ Шекспиромъ. — Въ какой нибудь хорошій лѣтній вечеръ Вы прочтете намъ на моемъ балконѣ „Антонія и Клеопатру“.

„Я радъ, что Вамъ мое „Полѣсье“ понравилось, хоть я писалъ его урывками, черезъ силу und mit schwerem Herzen. Я послалъ Современнику повѣсть, которую Вы можетъ быть прочтете до полученія этого письма; напишите свое мнѣніе о ней, но постарайтесь взглянуть на меня посуровѣе.

„Здоровье мое нѣсколько лучше съ нѣкоторыхъ поръ, но все еще неудовлетворительно и омрачаетъ много свѣтлыхъ мгновеній. Я еще потому съ радостью думаю о Россіи, что мнѣ кажется, что я тамъ буду здоровъ. Но полно объ этомъ невеселомъ предметѣ.

„Я остаюсь въ Римѣ еще недѣль шесть, можетъ быть даже два мѣсяца.—Боткинъ неоцѣненный товарищъ, и мы съ нимъ изучаемъ этотъ безконечный и неисчерпаемый Римъ, который, кажется, не дался Вамъ, потому что Вы его брать не захотѣли. Здѣсь есть высочайшія вещи, которыя открываешь совершенно какъ мореплаватель открываетъ неизвѣстные острова.

„Мы написали Григорьеву во Флоренцію, но отвѣта еще не получали.

„До свиданія въ нашихъ березовыхъ рощахъ! Поклонитесь

отъ меня Вашей милой женѣ и всѣмъ добрымъ друзьямъ. Крѣпко жму Вашу руку и остаюсь

любящій Васъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. „Поклонъ Толстому и его сестрѣ; я жду отъ нихъ отвѣта на мои письма; но они, кажется, лѣнятся".

А 16-го января 1858 г. онъ писалъ уже изъ Петербурга:

„Сегодня получилъ Ваше письмо, любезнѣйшій Фетъ,—и отвѣчаю по пунктамъ:

„1) *О стихахъ.*—Справедливость требуетъ сказать, что Вы не въ счастливый часъ перевели эти двѣ пьесы изъ Шенье; вотъ что я замѣтилъ:

„*Ст. 8.* „Въ какой свои стада пасешь ты сторонѣ",—ужъ коли поддѣлываться подъ Петрова,—лучше такъ поставить слова:

«Пасешь въ какой стада свои ты сторонѣ».

„*Ст. 14.* Обликъ *вѣчно* милый.—Une cheville.

„*Ст. 15. Манятъ*—изъ Нелединскаго Мелецкаго.

„*Ст. 16. Твой дѣву робкую* и т. д.—Петровъ! Петровъ!

„*Ст. 23 и 24. А дѣтскихъ щекъ... будетъ даръ.*—Эдипъ, разрѣшившій загадку Сфинкса, завылъ бы отъ ужаса и побѣжалъ бы прочь отъ этихъ двухъ хаотически-мутно непостижимыхъ стиховъ.

„*Ст. 38. Спѣшитъ* и т. д. Украдено у графа Хвостова.

„*Ст. 44 Побѣду межъ друзьями.*—Темнота... вывихъ.

„*Ст. 49. Такимъ ты народиться.*—Канцелярскій слогъ временъ Сильвестра Медвѣдева.

„*Ст. 61. Мирры шелъ...*—Взято изъ надписи на тріумфальныхъ воротахъ послѣ взятія Азова.

„*Уразумѣвъ его враждебный видъ*— въ маленькомъ стихотвореніи Шенье можетъ тоже постоять за себя, какъ образчикъ канцелярскаго слога съ оттѣнкомъ семинаріи.

„Эти стихи въ такомъ видѣ, по моему, печатать не слѣдуетъ—надо ихъ выправить.

„2) Мнѣ Полонскій сказывалъ, что они къ Вамъ послали первую корректуру; но для чего за 600 верстъ посылать

первую, а не вторую корректуру? Вѣроятно, они уже Вамъ писали объ этомъ. Григорьевъ пьетъ безъ просыпу, а Полонскій смотритъ полевымъ цвѣткомъ, недѣлю тому назадъ подрѣзаннымъ сохою.

„3) Я до сихъ поръ еще не выѣхалъ! Вѣроятно, первую попытку сдѣлаю завтра. Но я вовсе не хандрилъ, скажите это Толстому — и на меня можно смотрѣть, не чувствуя приращенія непріязненныхъ чувствъ,—по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется. Посовѣтуйте ему пріѣхать сюда поскорѣй,—онъ бы насъ всѣхъ вообще, а Дружинина въ особенности бы порадовалъ. По крайней мѣрѣ, пусть присылаетъ онъ свои *Три смерти*,—а лучше бы привезъ ихъ самъ.

„4) Поклонитесь отъ меня пожалуйста обоимъ Толстымъ и графинѣ Марьѣ Николаевнѣ. Нельзя ли узнать ея адресъ?

„5) За пуговки *) благодарю душевно и ношу ихъ каждодневно. — Также благодарю за все доброе и любезное, чѣмъ наполнено Ваше письмо. Хоть меня друзья не покидали, но мнѣ часто не доставало Вашего симпатичнаго лица съ прелестнымъ цвѣтомъ gorge de pigeon на носу и Вашего милѣйшаго запинанья. Кланяйтесь отъ меня земно Вашей женѣ, сестрѣ и Борисову.

„6) Заставьте Островскаго прочесть Вамъ свою новую комедію: прелесть!

„Досвиданія.— Не сердитесь за мои преувеличенныя ругательства. Никогда сильнѣе не любишь пріятеля, какъ когда тычешь ему кулакомъ подъ ребра, стараясь притомъ заострить сгибъ третьяго пальца. — Полонскій на дняхъ спрашивалъ меня о значеніи слѣдующей фразы Григорьева: „Каждый человѣкъ въ наше время разомъ переживаетъ двѣ формулы“. Я увѣренъ, что Толстой будетъ увѣрять, что эта фраза совершенно ясна.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Въ домѣ Толстыхъ я познакомился съ Б. Н. Чичеринымъ и Салтыковымъ (Щедринымъ), съ которымъ послѣ того судьба еще разъ свела меня въ Петербургѣ у Тургенева. Въ этомъ

*) Выточенныя мною.

же году, если не ошибаюсь, установились у Каткова и Леонтьева, проживавшихъ на Арбатѣ у Николы Явленнаго, вечера и ужины для людей, симпатизировавшихъ ихъ направленію. Въ числѣ послѣднихъ былъ и я. Чтобы доставить желающимъ возможность застать насъ навѣрное дома, мы назначили четверги по вечерамъ.

Боткинъ писалъ изъ Рима отъ 8 января 1858 г.

„Съ какою сердечною грустью буду я выѣзжать изъ Рима!

„Да скажи пожалуйста, я слышалъ, что Дружининъ написалъ обо мнѣ статью въ Библіотекѣ и произвелъ меня въ великіе писатели? За что это онъ такъ срамитъ меня? Разъясни мнѣ это и, если можно, вырви эти листы обо мнѣ изъ Библіотеки и пришли мнѣ. Слухъ объ этомъ меня глубоко обидѣлъ, хотя, Дружининъ, конечно, не имѣлъ этого въ виду. Къ Григорьеву писалъ во Флоренцію, и очень хочется свидѣться съ нимъ. Что дорогой и милый сердцу Толстой? Надѣюсь, что онъ получилъ мое письмо. Что наша литература и въ особенности Атеней?“

В. Боткинъ.

Отъ 6 февраля того же года онъ писалъ изъ Рима между прочимъ:

„Духъ захватываетъ, когда думаешь о томъ, какое великое дѣло дѣлается теперь въ Россіи. Съ тѣхъ поръ какъ я прочелъ въ Nord рескриптъ и распоряженіе о комитетахъ,— въ занятіяхъ моихъ произошелъ рѣшительный переломъ,— уже ни о чемъ другомъ не думается и не читается, и постоянно переносишься мыслію въ Россію. Да, и даже вѣчная красота Рима не устояла въ душѣ, когда заговорило въ ней чувство своей родины. Да неужели вы съ Толстымъ не шутя затѣваете журналъ? Я не совѣтую,— вопервыхъ въ настоящее время русской публикѣ не до изящной литературы, а вовторыхъ, журналъ есть великая обуза — и ни онъ, ни ты не въ состояніи тащить ея. Я думаю впрочемъ, что вы уже оставили эту мысль. Пусть окончитъ Толстой свой романъ: онъ подѣйствуетъ на вкусъ публики лучше десятка всяческихъ журналовъ.

„Повѣрьте, высшая красота и поэзія всегда достояніе только

самаго малаго меньшинства, и стихи гр. Растопчиной гораздо понятнѣе для массы читателей, нежели стихи Тютчева или Пушкина. Такъ всегда было, такъ и будетъ, и съ этимъ надо примириться.

В. Боткинъ.

Однажды, когда еще холостой Борисовъ стоялъ вмѣстѣ со мною у окна залы, провожая глазами съѣхавшую со двора жену мою въ новой каретѣ съ лакеемъ въ гвардейской ливреѣ на козлахъ, Иванъ Петровичъ, обращаясь ко мнѣ сказалъ: „ужь и не придумаю, какъ ты будешь поддерживать такую жизнь“. — Помню, какъ эти слова укусили меня за сердце, но тогда иллюзія литературныхъ заработковъ меня поддерживала. Но время показало, что замѣчаніе Борисова съ бо̀льшей справедливостью могло относиться къ нему, чѣмъ ко мнѣ. Какъ бы то ни было, мы рѣшили съ Борисовыми, протягивая другъ другу матеріальную руку помощи, дѣлить годъ на зиму и лѣто, изъ которыхъ первую половину Борисовы гостили бы у насъ въ Москвѣ, а вторую мы у нихъ— въ деревнѣ.

Приближался мартъ мѣсяцъ, и надо было перебираться въ Новоселки, куда Борисовы, переѣхавшіе туда изъ Фатьянова, давно насъ подзывали.

Купивши теплую и укладистую, рогожинную кибитку, мы съ одною горничной (опоэтизированной Толстымъ Марьюшкой) отправились на почтовыхъ во Мценскъ. О желѣзной дорогѣ тогда не было еще и помину, а про поставленные вдоль шоссе телеграфные столбы говорили въ народѣ, что тянутъ эту проволоку, а потомъ по ней и пустятъ изъ Питера волю. Къ этому времени мы уже настолько сошлись со Львомъ Ник. Толстымъ, что я счелъ бы для себя большимъ лишеніемъ не заѣхать къ нему передохнуть на денекъ въ Ясную Поляну. Тамъ мы съ женою представились прелестной старушкѣ теткѣ Толстаго Татьянѣ Александровнѣ, принявшей насъ съ тою старинною привѣтливостью, которая сразу облегчаетъ вступленіе въ чужой домъ. Татьяна Александровна не предавалась воспоминаніямъ о временахъ давно прошедшихъ, а жила всей полнотой окружающаго ее настоящаго.

KEESE LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

Она говорила о томъ, что „на дняхъ проѣхалъ къ себѣ въ Пирогово Сережинька Толстой, а Николинька пожалуй еще пробудетъ въ Москвѣ съ Машинькой, но пріятель Левочки Д — ъ былъ на дняхъ и жаловался на нервныя боли жены своей“.

Въ затруднительныхъ вопросахъ Татьяна Александровна обращалась къ Левочкѣ и окончательно успокоивалась его рѣшеніемъ. Такъ, проѣзжая съ нимъ осенью въ Тулу, она, взглянувъ въ окно кареты, вдругъ спросила:

— Mon cher Leon, какъ это пишутъ письма по телеграфу?

„Пришлось, разсказывалъ Толстой, съ возможною простотою объяснять дѣйствіе телеграфнаго снаряда, одинаковаго на обоихъ концахъ проволоки, — и подъ конецъ услыхать: „oui, oui, je comprends, mon cher!“

Не спуская вслѣдъ затѣмъ болѣе получаса глазъ съ проволоки, тетушка наконецъ спросила: „mon cher Leon, какъ же это такъ?—за цѣлые полчаса я не видала ни одного письма, пробѣжавшаго по телеграфу?“

— Сидимъ мы иногда, разсказывалъ Левъ Николаевичъ,— съ тетушкою цѣлый мѣсяцъ, не видя никого, и вдругъ, разливая супъ, тетушка скажетъ: „mais saves vous, cher Leon, *on dit*“....

При дальнѣйшихъ, многолѣтнихъ посѣщеніяхъ Ясной Поляны, я никогда не утратилъ благорасположенія Татьяны Александровны и подъ конецъ съ прискорбіемъ видѣлъ то умственное и физическое дѣтство, въ которое она впала передъ смертью.

Новосельская жизнь. — Посѣщеніе Николая Толстаго. — Наша поѣздка съ Борисовымъ въ Никольское.—Пріѣздъ брата Петра.—Ѳедюшка.—Пріѣздъ Тургенева. — Извѣстіе о нездоровьи брата моего Василія. — Наши охоты съ Тургеневымъ.—У Онухтиныхъ.—Семья Тургеневыхъ.—Студентъ Рабіоновъ. — Переводъ «Антонія и Клеопатры». — Именины Е. С. Тургеневой.—Тургеневское имѣніе Топкій.—Возвращеніе въ Москву.—Кончина брата Василія и его жены.—Рожденіе племянника и пріѣздъ брата Петра въ Москву.

Борисовыхъ мы нашли въ Новоселкахъ въ такомъ сравнительно блестящемъ состояніи, въ какомъ, по мнѣнію моему, чета эта уже болѣе никогда не находилась. Мы съ женою помѣстились на антресоляхъ, на которыхъ жила когда то наша покойная мать, и на которыхъ всѣ мы, начиная съ меня, родились. Излишне говорить объ общей нашей радости при встрѣчѣ съ сестрою. Замѣтно было, что на этотъ разъ и Борисовъ менѣе ревновалъ ко мнѣ Надю.

Предавшійся въ это время изученію дорафаэлевской живописи, В. Боткинъ писалъ изъ Флоренціи отъ 31 марта 1858 г.

„Вчера пріѣхалъ я сюда, побывавъ въ Фолиньи, Ассизи, Перуджіи, Орвіетто и Сіеннѣ. Весь этотъ край необыкновенно интересенъ по разсѣяннымъ въ немъ произведеніямъ самой лучшей эпохи итальянской живописи. Но путешествіе по немъ сопряжено съ большимъ неудобствомъ; унылые, совсѣмъ обветшавшіе городки и деревеньки, и такъ мало между ними сообщенія, что въ иныхъ мѣстахъ я не могъ найти телѣжки съ лошадью, чтобы доѣхать до слѣдующаго города. Въ Spello—малѣйшемъ и дряннѣйшемъ городишкѣ, въ одной ветхой церкви есть фрески Пинтурикіо: Благовѣщеніе и Поклоненіе волх-

вовъ. Такъ они написаны, столько въ нихъ разлито наивнѣйшей граціи и самой поэтической, христіанской идеальности, столько чистѣйшей прелести въ лицѣ Мадонны, столько внутренней поэзіи въ этомъ простодушномъ умиленіи милаго, простаго, беззавѣтно любящаго лица—я не могъ отвести глазъ отъ фреска и смотрѣлъ, все смотрѣлъ на него, хотя глаза смутно видѣли отъ проступившей въ нихъ слезы. Въ этомъ же городкѣ, но въ другой церкви есть запрестольный большой образъ, тоже Пинтурикіо—Мадонна съ Младенцемъ на тронѣ и по сторонамъ молящіеся на нихъ святые. Обожаніе Мадонны было въ Италіи, и именно въ этой части Италіи, какимъ то особеннымъ исключительнымъ религіознымъ чувствомъ, и вовсе не вслѣдствіе догмы, а въ силу какого-то идеала высочайшей женственности, который зародился въ художественной натурѣ этого горнаго племени. Извѣстно, что Рафаэль, который весь вышелъ изъ Умбрійской школы, съ самаго младенчества имѣлъ особенную набожность къ Мадоннѣ. Эта набожность, горѣвшая въ душѣ величайшаго художника, и создала тѣ идеалы, на которые даже теперь невозможно смотрѣть безъ умиленія. Вотъ оно, *das ewig Weibliche*, которымъ заключилъ Гёте свое воззрѣніе на міръ.

„25 мая поѣду въ Лондонъ. Такъ какъ я Англію очень мало знаю и вовсе не знаю ея художественныхъ собраній, то предполагаю остаться въ ней мѣсяца два. Потомъ стану брать морскія ванны, вѣроятно въ Остенде—и послѣ нихъ въ Москву.— Ахъ, забылъ главное: здѣсь увидѣлся съ милѣйшимъ Ап. Григорьевымъ, котораго нашелъ свѣжимъ и бодрымъ и страстно полюбившимъ живопись—и видѣлся съ нимъ часто. Онъ что-то написалъ и сбирается мнѣ прочесть. Тургеневъ уже уѣхалъ отсюда черезъ Венецію въ Вѣну, а потомъ кажется на нѣсколько дней въ Парижъ, на свадьбу кн. Орлова. *Ася* далеко не всѣмъ нравится. Мнѣ кажется, что лицо Аси не удалось— и вообще вещь имѣетъ прозаически придуманный видъ. О прочихъ лицахъ нечего и говорить. Какъ лирикъ, Тургеневъ хорошо можетъ выражать только *пережитое* имъ; во всемъ остальномъ выступаютъ наружу одни поэтическія намѣренія и подробности“. *В. Боткинъ.*

Однажды, когда мы послѣ завтрака въ 12 час. взошли съ

женою на наши антресоли, и я расположился читать что-то вслухъ, — на камняхъ у подъѣзда раздался желѣзный лязгъ, и вошедшій слуга доложилъ, что графъ Н. Н. Толстой желаетъ насъ видѣть; а вслѣдъ затѣмъ къ намъ наверхъ взошелъ дорогой нашъ московскій гость, пока еще незнакомый съ хозяевами дома, такъ какъ онъ появился зимою въ Москвѣ уже послѣ отъѣзда изъ нея Борисовыхъ. Конечно, черезъ полчаса онъ вполнѣ освоился со всѣми и производилъ впечатлѣніе близкаго человѣка, вернувшагося послѣ долговременной отлучки. Завязались многосложныя воспоминанія кавказцевъ объ этомъ воинственномъ и живописномъ краѣ. На распросы наши о Львѣ Николаевичѣ, графъ съ видимымъ наслажденіемъ разсказывалъ о любимомъ братѣ: —„Левочка, говорилъ онъ, усердно ищетъ сближенія съ сельскимъ бытомъ и хозяйствомъ, съ которыми, какъ и всѣ мы, до сихъ поръ знакомъ поверхностно. Но ужь не знаю, какое тутъ выйдетъ сближеніе: Левочка желаетъ все захватить разомъ, не упуская ничего, даже гимнастики. И вотъ у него подъ окномъ кабинета устроенъ баръ. Конечно, если отбросить предразсудки, съ которыми онъ такъ враждуетъ, онъ правъ: гимнастика хозяйству не помѣшаетъ; но староста смотритъ на дѣло нѣсколько иначе: „придешь, говоритъ, къ барину за приказаніемъ, а баринъ, зацѣпившись одною колѣнкой за жердь, виситъ въ красной курткѣ головою внизъ и раскачивается; волосы отвисли и мотаются, лицо кровью налилось, не то приказанія слушать, не то на него дивиться“.—Понравилось Левочкѣ, какъ работникъ Юфанъ растопыриваетъ руки при пахотѣ. И вотъ Юфанъ для него эмблема сельской силы, вродѣ Микулы Селяниновича. Онъ самъ, широко разставляя локти, берется за соху и юфанствуетъ“.

Оказалось, что Новоселки въ недальнемъ разстояніи отъ Никольскаго, куда однако надо было ѣхать по довольно фантастической дорогѣ, начиная съ переправы черезъ р. Зушу въ бродъ, бывавшій большею частію по колѣно лошади, но доходившій иногда и до груди, а иногда и совершенно подтопленный мценскою городскою мельницей, что впрочемъ бывало рѣдко и на короткій срокъ при наборѣ воды подъ барки. Какъ бы то ни было, но милѣйшій Николай Нико-

лаевичъ видимо привыкъ къ нашему близкому сосѣдству, и его желтая коляска, запряженная тройкою сѣрыхъ, нерѣдко останавливалась передъ нашимъ крыльцомъ.

Не могу пройти молчаніемъ этого экипажа, котораго никакъ не могу въ воспоминаніи отдѣлить отъ прелестной личности его владѣльца. Хотя мы и называли этотъ экипажъ коляской, но это была скорѣе большая двумѣстная пролетка безъ верха, но съ дверцами, повѣшанная на четырехъ полукруглыхъ рессорахъ. Коляска эта явилась на свѣтъ въ тѣ времена, когда желтолимонный цвѣтъ былъ для экипажей самый модный, и когда экипажи дѣлали такъ прочно, что у одного даже многолѣтняго поколѣнія не хватало силъ ихъ изъѣздить. Блестящимъ примѣромъ тому могла служить наслѣдственная Никольская коляска, у которой всѣ четыре рессоры самымъ рѣшительнымъ образомъ подались вправо, такъ что лѣвыя колеса вертѣлись на виду у сѣдоковъ, тогда какъ правыя были скрыты надвинувшимся на нихъ кузовомъ, и кучеръ сидѣлъ на козлахъ не противъ коренной, а противъ правой пристяжной. Раза съ два приходилось мнѣ впослѣдствіи проѣхать съ Н. Н. Толстымъ въ этой колескѣ на почтовыхъ подъ самую Тулу и обратно, и не было примѣра утраты малѣйшаго винта или гайки. Я какъ то замѣтилъ Н. Н., что его коляска — *эмблема безсмертія души*. Съ тѣхъ поръ братья Толстые иначе ее не называли.

Слѣдовало и намъ съ Иваномъ Петровичемъ отдать визитъ Ник. Ник. И вотъ мы съ Борисовымъ—онъ на своемъ прелестномъ Карабахѣ, а я на Донцѣ изъ подъ борзятника—отправились въ самый Троицынъ день по дорогѣ въ Никольское. По переѣздѣ черезъ неглубокій бродъ, пришлось проѣзжать черезъ небольшое село Хализево, находящееся, подобно самому Никольскому Толстаго, въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Утро стояло жаркое и золотистое; жаворонки звенѣли надъ пышно разростающею озимью и покрывшими землю овсами. И лошади, и души наши скорѣе требовали сдерживанія, чѣмъ принужденія. Такъ пришлось намъ проѣзжать мимо одинокой телѣги, стоящей посреди широкаго выгона. Небольшая рыжая лошаденка, запряженная въ повозку, чуть ли не дремала, развѣсивши уши, а на повозкѣ,

въ широкополой шляпѣ, на колѣняхъ, на сочной травѣ, полусидѣлъ остроносый брюнетъ подъ сѣнью такого преувеличенно пышнаго березоваго вѣнка и съ такимъ выраженіемъ сладостнаго опьяненія на лицѣ, что лучшаго оригинала для Сатира или Силена нельзя было и выдумать. Въ рукахъ онъ держалъ шкаликъ и стаканчикъ, и когда мы поровнялись съ его телѣгой, онъ съ такимъ добродушіемъ воскликнулъ: „господа! благоволите по стаканчику! желаю васъ поздравить съ праздникомъ!“—что нельзя было не почувствовать симпатіи къ этому человѣку.

Пришлось распрашивать у встрѣчныхъ дорогу на Никольское, такъ какъ мѣста эти въ Тульской губерніи были намъ совершенно незнакомы. Дорога повела насъ черезъ лѣсъ, принадлежавшій господину Трубицыну, и тутъ мы наѣхали на свѣжіе еще превосходно спиленные дубовые пни. Я мелькомъ слышалъ, что англичане скупали въ этой мѣстности старинные дубовые лѣса, и увѣренъ, что Трубицынскіе пни, о которыхъ я говорю, благодаря своей громадности, уцѣлѣли и по настоящій день. Правда, я не мѣрилъ ихъ, но нарочно переѣзжалъ черезъ нихъ по діагонали приблизительно въ пять аршинъ.

Наконецъ, проѣхавши еще весьма порядочный березовый и осиновый лѣсъ, мы съ задняго двора наѣхали на небольшой флигель, очевидно жилище владѣльца села Никольскаго.

— Хорошо, какъ онъ дома, сказалъ я обращаясь къ Борисову.

— А дома нѣтъ, отвѣчалъ онъ, такъ мы сейчасъ же повернемъ назадъ домой къ обѣду. Благо дорога чудесная.

Проѣзжая мимо небольшаго, очевидно, кухоннаго окна, я замѣтилъ на подоконникѣ тщательно ошпаренную и ощипанную курицу, судорожно прижимавшую крыльями собственный пупокъ и печенку.

— Не безпокойся, сказалъ я,—баринъ дома.

И дѣйствительно, слуга графа, махнувши конюхамъ, чтобы они приняли лошадей нашихъ, ввелъ насъ изъ сѣней направо въ довольно просторную комнату въ два свѣта. Кругомъ вдоль стѣнъ тянулись ситцевые, турецкіе диваны въ перемежку со старинными стульями и креслами. Передъ диваномъ, направо отъ входа, стоялъ столъ, а надъ диваномъ

торчали оленьи и лосьи рога, съ развѣшанными на нихъ восточными, черкесскими ружьями. Оружіе это не только кидалось въ глаза гостей, но и напоминало о себѣ сидящимъ на диванѣ и забывшимъ о ихъ существованіи нежданными ударами по затылку. Въ переднемъ углу находился громадный образъ Спасителя въ серебряной ризѣ.

Изъ слѣдующей комнаты вышелъ къ намъ милый хозяинъ съ своею добродушно-привѣтливою улыбкой.

— Какой день-то чудесный, сказалъ онъ.—Я только что пришелъ изъ сада и заслушивался щебетанія птичекъ. Точно шумный разноплеменный карнавалъ,—и не понимаютъ другъ друга, а всѣмъ весело. Каждому свое. Вотъ Левочка юфанствуетъ, а я съ удовольствіемъ читаю Рабле.

Ясно было, что Ник. Ник., то проживавшій въ Москвѣ, то у двухъ братьевъ и любимой сестры, то у насъ, или на охотѣ, смотрѣлъ на Никольскій флигель не какъ на постоянное, осѣдлое жилище, требующее извѣстной поддержки, а какъ на временную походную квартиру, въ которой пользуются чѣмъ можно, не жертвуя ничѣмъ на благоустройство. О такомъ временномъ оживленіи уединеннаго Никольскаго флигеля свидѣтельствовали даже мухи.

— Пока никто не входилъ въ большую комнату, ихъ тамъ почти не было замѣтно; но при людскомъ движеніи, громаднѣйшій рой мухъ, молчаливо сидящихъ на стѣнахъ и оленьихъ рогахъ, мало по малу взлеталъ и наполнялъ комнату въ невѣроятномъ количествѣ. Про это Левъ Николаевичъ со свойственной ему зоркостью и образностью говорилъ: „когда брата нѣтъ дома, во флигель не приносятъ ничего съѣстнаго, и мухи, покорныя судьбѣ, безмолвно усаживаются по стѣнамъ, но едва онъ вернется, какъ самыя энергическія начинаютъ понемногу заговаривать съ сосѣдками: „вонъ онъ, вонъ онъ пришелъ; сейчасъ подойдетъ къ шкафу и будетъ водку пить; сейчасъ принесутъ хлѣбца и закуски. Ну да, хорошо, хорошо; подымайтесь дружжж—нѣе“. И комната наполняется мухами. „Вѣдь этакія мерзкія, говоритъ братъ,— не успѣлъ налить рюмки, а вотъ уже двѣ ввалились“.

Ироническій тонъ, постоянно сквозившій въ словахъ Николая Николаевича, невольно вызывалъ и во мнѣ шуточное

сположеніе, въ которомъ я старался безпрестанно тащить волосы французскіе и русскіе каламбуры. При такихъ ысканхъ за ними, приходилось подготовлять почву услов-мъ *если*. Конечно, такіе каламбуры надоѣли Ник. Ник., и ъ говорилъ, что каламбуры *съ если* не допускаются. Зато езъ предварительнаго *если* даже самые слабые каламбуры ринимались добрѣйшимъ Ник. Ник. съ особенною снисхо-ительностью. Помню, въ одинъ изъ моихъ позднѣйшихъ пріздовъ въ Никольское, онъ зазвалъ меня въ лѣсъ послушать ончихъ. Хотя я никогда не могъ понять, какимъ образомъ ожно съ удовольствіемъ слушать собачій лай, но въ обще-твѣ Ник. Ник. готовъ былъ слушать что́ угодно, даже скрипъ дскихъ воротъ. Въ лѣсу мы улеглись навзничь около мши-тыхъ корней истяжной осины, и въ скоромъ времени положе-іе собственнаго тѣла опрокидывало всю предстоящую кар-ину такъ, что высокія деревья казались чуть ли не соб-ственной нашей бородою, опускающеюся въ лазурную глубь ебеснаго океана.

— Вотъ, сказалъ я Толстому, теперь такихъ рослыхъ лю-ей, какіе были встарину, уже нѣтъ.

— Что вы хотите сказать? спросилъ Толстой.

— Сущую правду, отвѣчалъ я. Возможенъ ли въ наше ремя Горацій *какъ лысъ* (Коклесъ)?

Ник. Ник. разсмѣялся.

— Вы должны быть постоянно веселы, сказалъ я. Изо сѣхъ кавказцевъ вы самый надѣленный судьбою человѣкъ.

— Ну! замѣтилъ иронически Ник. Ник. — Поддержать и оказать этотъ тезисъ довольно трудно.

— Нисколько, отвѣчалъ я: у заурядныхъ счастливцевъ олько оружіе подъ чернью, а у васъ цѣлое имѣніе подъ ернью.

— Что правда, то правда, отвѣчалъ расхохотавшійся до ашля Ник. Ник.

Картина Никольскаго быта была бы неполна безъ описа-ія обѣда и его сервировки. Около пяти часовъ слуга на-рылъ на столѣ передъ диваномъ на три прибора, положивъ каждой тарелки по старинной серебряной ложкѣ съ же-ѣзной вилкою и ножемъ съ деревянными ручками. Когда

крышка была снята съ суповой чашки, мы при разливаніи супа тотчасъ же узнали знакомую намъ курицу, разрѣзанную на части. За супомъ явилось спасительное въ помѣщичьихъ хозяйствахъ блюдо, надъ которымъ покойный Пикулинъ такъ издѣвался: шпинатъ съ яичками и гренками. Затѣмъ на блюдѣ появились три небольшихъ цыпленка и салатникъ съ молодымъ салатомъ.

— Что же ты не подалъ ни горчицы, ни уксусу? спросилъ Ник. Ник.

И слуга тотчасъ же исправилъ свою небрежность, поставивши на столъ горчицу въ помадной банкѣ и уксусъ въ бутылкѣ отъ одеколона Мусатова.

Покуда усердный хозяинъ на отдѣльной тарелкѣ мѣшалъ желѣзнымъ лезвіемъ ножа составленную имъ подливку для салата, уксусъ, окисляя желѣзо, успѣлъ сильно подчернить соусъ; но затѣмъ, когда тѣми же ножемъ и вилкою хозяинъ сталъ мѣшать салатъ, послѣдній вышелъ совершенно подъ чернью.

Л. Н. Толстой писалъ мнѣ:

„Драгоцѣнный дяденька! пишу два слова только чтобы сказать, что обнимаю васъ изо всѣхъ силъ, что письмо ваше получилъ, что М. П. цѣлую руки, всѣмъ вашимъ кланяюсь. Тетенька очень благодарна за память и кланяется; и сестра кланяется. Что за весна была и есть чудная! Я въ одиночествѣ смаковалъ ее чудесно. Братъ Николай долженъ быть въ Никольскомъ (Вяземскомъ); поймайте его и не пускайте, я въ этомъ мѣсяцѣ хочу придти къ вамъ. Тургеневъ поѣхалъ въ Винцигъ до августа, лѣчить свой пузырь. Чертъ его возьми! Надоѣло любить его. Пузыря не вылѣчитъ, а насъ лишитъ. Затѣмъ прощайте, любезный другъ; ежели до моего прихода не будетъ стихотворенья, ужь я изъ васъ его *выжму*.

Вашъ *гр. Л. Толстой*.

„Какой Троицынъ день былъ вчера! Какая обѣдня, съ вянущей черемухой, сѣдыми волосами и ярко-краснымъ кумачемъ и горячее солнце“.

12 мая. 1858.

А затѣмъ онъ же:

„Ау! Дяденька! Ауу! Вопервыхъ, сами не отзоветесь ничѣмъ, когда весна, и знаете, что всѣ о васъ думаютъ, и что я, какъ Прометей, прицѣпленъ къ скалѣ и всетаки алкаю васъ видѣть и слышать. Или бы пріѣхали, или хоть позвали бы къ себѣ хорошенько. А вовторыхъ, зажилили брата, и очень хорошаго брата, по прозвищу Фирдуси. Главная тутъ преступница, я думаю, Марья Петровна, которой очень кланяюсь и прошу возвратить собственнаго нашего брата. Безъ шутокъ, онъ велѣлъ сказать, что на той недѣлѣ будетъ; Дружининъ тоже будетъ, пріѣзжайте и вы, голубчикъ дяденька. Право, а потомъ ужь и въ Козюлькино (Новоселки). Ив. П. и Над. Ѳѳ. душевный поклонъ и до свиданья.

Вашъ *Л. Толстой*

16 мая.

1 іюля 1858 г. Боткинъ писалъ уже изъ Лондона. Англія, по словамъ его, превзошла всѣ его ожиданія, не только извѣстнаго рода совершенствомъ своего историческаго склада, но и множествомъ темныхъ сторонъ, вызванныхъ этимъ складомъ, которыхъ между прочимъ тамъ никто не скрываетъ. Переходя отъ области политической къ театру, онъ пишетъ:

„Ужь какъ обставленъ „Венеціанскій купецъ“! Полное возрожденіе Венеціи старой, роскошной, блестящей. Господи! что за поэзія льется изъ этой пьесы! Я видѣлъ ее два раза и пойду еще и не насыщусь. Эта угрюмая драма, переплетенная съ самой ясной нѣжнѣйшей поэзіей сердца, — подъ конецъ сливается въ какіе то задушевные аккорды, составленные изъ цвѣтовъ и звуковъ, благоуханій и мелодій. Въ послѣдній разъ я вышелъ изъ театра охваченный какою то безымянною силой и съ тѣмъ неизъяснимымъ блаженнымъ ощущеніемъ въ душѣ, какое даетъ только одна поэзія. Я не въ состояніи былъ идти домой и долго бродилъ по тихому, пустому Лондону. Какъ я благословлялъ и эту кроткую, миловидную луну, и это звѣздное, темносинее небо, и эту святую тишину ночи. И такъ душа была полна необъятнымъ и блаженнымъ, что я даже не вспомнилъ о томъ, кому обязанъ я былъ такимъ счастіемъ. Въ Вестминстерѣ стоитъ его мону-

ментъ, но никто не знаетъ похожъ ли онъ. Нынѣшніе англичане утратили смыслъ играть Шекспира: для этого надо вознестись надъ національнымъ въ общечеловѣческое,—а этому теперь мѣшаютъ имъ тысячи препятствій: и ихъ узкая національность, и ихъ пуританизмъ, и формальная религіозность, и ихъ мелкая, сухая мораль. Представь себѣ Диккенса съ Шекспировскимъ воззрѣніемъ на человѣческую природу. Но Диккенсъ остался въ морали своей узкимъ и мелкимъ англичаниномъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ забытъ".

В. Боткинъ.

Настоящее лѣто было, можно сказать, самымъ удачнымъ въ Новоселкахъ. Подъѣхалъ съ своей Грайворонки и гостилъ у насъ братъ Петруша, возбуждавшій къ себѣ во всѣхъ своею задушевною услужливостью живѣйшую симпатію. Милѣйшій Ник. Ник. весьма часто гостилъ у насъ по два и по три дня. Останавливался онъ всегда въ старомъ флигелѣ, окруженномъ густыми кустами сирени. Всѣ мы заботились о его удобствахъ.

Помню, однажды утромъ я пошелъ его провѣдать и узнавъ, что онъ уже проснулся, спросилъ его,—покойно ли было ему на новомъ мѣстѣ и хорошо ли спалось?

— Совершенно покойно, отвѣчалъ онъ. Но я всю ночь не смыкалъ глазъ: раскрылъ окно и все слушалъ птицу. Ну, ужь птица! восклицалъ Ник. Ник., смѣясь до слезъ, проступавшихъ на глазахъ. Я таки, продолжалъ онъ, знакомъ съ птичьими напѣвами, но такой птицы въ жизнь мою не слыхивалъ: и щегломъ, и соловьемъ, и синицей, и малиновкой, и чернымъ дроздомъ.

— Птица эта, отвѣчалъ я, по справедливости называется пересмѣшникомъ; и мнѣ раза съ два только приходилось слышать по нѣскольку отрывочныхъ ея колѣнъ. Но слышать ее продолжительно, какъ вамъ, не доводилось.

— Ну, ужь птица, продолжалъ съ восторгомъ восклицать Ник. Ник.

Къ этому надо прибавить, что Ник. Толстой и Борисовъ оба были шахматными игроками; и бывало, какъ сцѣпятся, то ихъ и водой не разольешь. Что касается до меня, то я

никогда не могъ себя принудить обдумывать весь ходъ этой игры, которой правила мнѣ извѣстны.

Но вотъ пріѣхалъ къ намъ и давно ожидаемый Левъ Ник. Онъ былъ въ духѣ, а потому веселилъ и оживлялъ всѣхъ.

На Зушѣ, отыскавъ поглубже мѣсто у нашего лѣваго берега, Борисовъ устроилъ прекрасную купальню, до которой однако-же приходилось проходить по жарѣ около версты. Дамамъ и гостямъ поэтому закладывали экипажъ. Конечно, Левъ Никол. доказывалъ, что экипажъ—только стѣсненіе, и что ходить гораздо пріятнѣе.

Помню, что мы съ Борисовымъ были дома. Столъ былъ накрытъ, а братьевъ Толстыхъ все еще поджидали изъ купальни. Наконецъ появился сперва пѣшкомъ Левъ Никол., а затѣмъ на дрожкахъ — Ник. Ник. съ братомъ Петрушей.

— Что вы такъ долго? спросилъ я брата.

— Да искали золотыя запонки, которыя потерялъ Ник. Ник. Должно быть онъ нечаянно вытряхнулъ ихъ въ рѣчку.

— Постойте, господа! воскликнулъ Иванъ Петр. Я сейчасъ только видѣлъ прошедшаго по двору Фатьяновскаго мальчишку Ѳедюшку. Тамъ онъ прославился своею глазастостью; попробуемъ его наладить въ купальню. Хуже отъ этого не будетъ, а быть можетъ онъ и разыщетъ запонки.

Крикнули мальчика лѣтъ 12-и; растолковали ему, въ чемъ дѣло, а сами сѣли обѣдать. Въ концѣ обѣда слуга, подавая дутый пирогъ изъ земляники, сказалъ вполголоса Борисову:

— Ѳедюшка пришелъ и запонки принесъ.

— Гдѣ ты ихъ нашелъ? спросили мы Ѳедюшку всѣ въ одинъ голосъ, вышедши къ нему въ переднюю.

— Да около самой купальни въ рѣкѣ. Я тихонько опустился на дно, да и сталъ глядѣть вокругъ себя. Смотрю, а онѣ такъ то направо отъ меня блестятъ на днѣ. Я ихъ и выхватилъ.

Ѳедюшка, получившій въ поощреніе своего таланта два двугривенныхъ, былъ конечно болѣе хозяина вещи радъ своей находкѣ.

Въ непродолжительномъ времени Ѳедюшкѣ довелось снова блеснуть своимъ талантомъ.

У меня была кожаная папиросочница, купленная мною въ

Ревелѣ и чрезвычайно удобная; растворялась она на двѣ стороны и съ каждой—стальной ободокъ запирался небольшимъ крючкомъ. Проходя цѣликомъ по лѣсу, я вздумалъ прилечь отдохнуть и выкурить папироску. Пришедши домой, я замѣтилъ, что у вмѣстилища папиросъ потерянъ крючекъ, и такимъ образомъ любимую папиросочницу приходилось бросить. Видя, какъ мнѣ жаль папиросочницы, Борисовъ тихонько и наскоро послалъ въ Фатьяново за Ѳедюшкой. Но когда мальчикъ предсталъ передо мною, я почти не рѣшался къ нему обращаться уже, вопервыхъ, потому, что могъ только приблизительно указать на мѣсто моего отдыха, и къ тому же не надѣялся на возможность отыскать небольшую застежку, утратившую отъ долгаго употребленія свой стальной блескъ.

— Дѣлать нечего, Ѳедюшка, сказалъ я, уводя мальчика въ лѣсъ и довольно широко обводя рукою. Поищи вотъ такую застежку, пояснилъ я, указывая на другую половинку папиросницы.

Не прошло и часа, какъ мнѣ пришлось съ восхищеніемъ вручить Ѳедюшкѣ полтинникъ за принесенную застежку.

Подвиги Ѳедюшки на этомъ однако не кончились.

Въ то время отъ Новосельской усадьбы по склону къ г. Мценску на разстояніи версты тянулся прекрасный, черный лѣсъ изъ всевозможныхъ деревьевъ, начиная отъ дуба и клена до березы, осины и черемухи включительно. По верхней опушкѣ тянулся проселокъ въ городъ, а въ концѣ лѣса его огибала полевая дорога, довольно круто спускавшаяся по каменнымъ плитамъ къ берегу р. Зуши. Продолженіемъ этого спуска была тропинка черезъ лѣсъ, по которой снова можно было достигнуть Новосельской усадьбы, но, конечно, съ двойнымъ усиліемъ; ибо по верхней опушкѣ дорога шла съ небольшимъ уклономъ къ городу, а по нижней приходилось круто спускаться и затѣмъ такъ же круто подыматься на эспланаду усадьбы.

Сестра, ожидавшая къ зимѣ прибавленія семейства, должна была ежедневно гулять. Хотя отъ природы врагъ всякаго безцѣльнаго передвиженія, я тѣмъ не менѣе съ удовольствіемъ участвовалъ въ общихъ прогулкахъ, на которыхъ веселое оживленіе сестры было еще замѣтнѣе.

Есть два типа людей и хозяевъ. Одинъ готовъ на всевозможныя лишенія, жертвы, въ видахъ усовершенствованія хозяйства. Такимъ типомъ былъ несомнѣнно нашъ покойный отецъ. Пшеница въ нашей мѣстности безъ сильнаго удобренія не родитъ; но зато въ дождливое время по такому удоб. ренію можетъ поваляться. Когда это случалось у отца, я не разъ слыхалъ отъ него: „убыточно, а ужь по моему лучше пусть поваляется, чѣмъ свидѣтельствуетъ о моей лѣни".

Противоположнымъ этому типомъ былъ Борисовъ. Онъ не разъ выставлялъ своимъ идеаломъ какого-то кавказскаго солдатика пьяницу и балагура, говорившаго, что хорошему человѣку нечего хлопотать о пустомъ, а слѣдуетъ проснуться, пропустить рюмочку, а затѣмъ позавтракать, а тутъ, глядя по дѣлу, пофриштикать, закусить и отдохнуть, а тутъ ужь и пообѣдать и т. д. Зато едва ли кто-либо могъ бы поспорить съ Борисовымъ въ умѣніи высосать наибольшихъ удобствъ изъ наличныхъ вещей. Конечно, Надя не хуже его могла расчесть потребность оборотнаго капитала, но въ то же самое время она всѣмъ существомъ инстинктивно чувствовала, что ея одушевленной, темнорусой головкѣ необходимъ характерный фонъ древесныхъ листовъ, а не безразличіе степи. И вотъ почему она не могла помириться въ душѣ съ запродажею Иваномъ Петровичемъ Новосельскихъ и Фатьяновскихъ лѣсовъ мценскому купцу, и каждый разъ, подходя на прогулкѣ къ лѣсу, она во услышаніе мужа восклицала: „уже сѣкира у корня древа лежитъ".

Былъ чудесный лѣтній день, когда Борисовъ, братъ Петруша и я пустились провожать нашихъ дамъ вдоль верхней опушки по направленію къ городу.

Но не дошли мы до конца лѣса, какъ за спиною у насъ на западѣ показалась темносѣрая туча, и изъ подъ нея стало п отягивать едва замѣтнымъ холодкомъ. Братъ въ восхищеніи отъ прекрасной прогулки предлагалъ обогнуть весь лѣсъ; я же совѣтовалъ возвратиться тѣмъ же слѣдомъ домой, во избѣжаніе дождя. Послѣ небольшаго колебанія, совѣтъ мой былъ принятъ, и не успѣли мы добѣжать до крыльца, какъ шумящія и косыя нити дождя задрожали по окнамъ.

При видѣ желобовъ, успѣвшихъ наполнить подставленныя подъ ними кадки, и вспомнивъ о братѣ Петрушѣ, поставившемъ на своемъ и ушедшемъ отъ насъ подъ гору, я воскликнулъ:

— Вотъ когда пройметъ нашего упрямца!

Дѣйствительно, минутъ черезъ пять я увидалъ проносящагося по грязи мимо оконъ къ крыльцу человѣка, въ которомъ узналъ брата.

— Иди, иди переодѣваться! кричали мы ему въ переднюю.

— Переодѣваться то я пойду, отвѣчалъ Петруша. Это не бѣда, а бѣда та, что я пропалъ. Что же я теперь буду дѣлать безъ очковъ? (По крайней близорукости, онъ постоянно носилъ очки). Какъ захватилъ меня ливень на нижней дорожкѣ, я прямо бросился цѣликомъ по кустамъ въ гору. Только выбѣжавъ изъ кустовъ на верхнюю дорогу, я почувствовалъ, что очковъ то нѣтъ. А гдѣ они, и самъ не знаю.

Братъ ушелъ переодѣваться въ свой флигель, и ливень сталъ быстро утихать.

— Вели-ка запречь бѣгунки да сбѣгать въ Фатьяново за Ѳедькой, сказалъ Ив. Петр. слугѣ.

— Да Ѳедька здѣсь, отвѣчалъ слуга. Я сейчасъ видѣлъ, что онъ несъ ягоды на ледникъ.

— Тѣмъ лучше. Скажите, чтобы онъ обождалъ уходить домой.

Когда братъ, знакомый уже съ подвигами Ѳедьки сводилъ послѣдняго въ лѣсъ, то вернувшись выразилъ полную безнадежность на отысканіе очковъ.

— Что же, говорилъ братъ, могъ я ему указать, кромѣ приблизительнаго направленія, по которому бѣжалъ въ гору по высокому кустарнику на точку, которой тоже опредѣлить безошибочно не въ состояніи. Это только для очищенія совѣсти. Ѳедька, такъ Ѳедька! А затѣмъ приходится ѣхать въ Орелъ за новыми очками.

Когда мы собирались уже садиться за столъ, и подойдя къ окну, я увидалъ проносимую изъ кухни суповую чашку, то замѣтилъ слѣдомъ идущаго Ѳедюшку, а въ рукахъ у него что то сверкнуло.

— А вѣдь Ѳедюшка очки-то нашелъ, крикнулъ я.

И дѣйствительно, вошедшій въ переднюю мальчикъ держалъ въ рукахъ невредимыя очки.

— Какъ ты ихъ нашелъ?

— Да какъ мнѣ Петръ Аѳан. показали, такъ я и сбѣжалъ подъ гору; а оттуда тѣмъ же слѣдомъ и пошелъ въ гору, да все смотрю вокругъ себя; глядь, а они на кустѣ на вѣткѣ и сверкаютъ.

Наступалъ сѣнокосъ, и братъ уѣхалъ въ свою Грайворонку.

Однажды, когда мы только что вернулись отъ рѣки, до которой доходили по березовой аллеѣ, у крыльца раздался грохотъ подъѣхавшаго экипажа.

— Кого это Богъ даетъ? сказалъ Ив. Петровичъ.

Полюбопытствовалъ и я—и увидалъ вылѣзшую изъ тарантаса плечистую, рослую фигуру въ сѣрой широкополой шляпѣ.

— Вонъ онъ! Вонъ онъ! воскликнулъ Тургеневъ, съ лицомъ совершено почернѣвшимъ отъ пыли.

— Вотъ они гдѣ! восклицалъ онъ, когда мы всѣ четверо вышли къ нему навстрѣчу на крыльцо.

— Идите вонъ на то крыльцо, въ уборную Ивана Петровича умыться и почиститься отъ пыли.

Черезъ полчаса Тургеневъ сидѣлъ уже въ гостиной и говорилъ о совершенномъ переустройствѣ своей жизни въ Спасскомъ, со времени послѣдняго моего тамъ появленія. Онъ самъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Новоселки и познакомился съ Ив. Петровичемъ, съ женою котораго былъ уже давно знакомъ. Онъ говорилъ, что во главѣ всего его хозяйства стоитъ теперь 65-и лѣтній дядя его Николай Николаевичъ, кавалергардскій корнетъ 1814 г., проживающій въ настоящее время въ Спасскомъ съ молодою женою и свояченицей. Онъ разсказывалъ, какъ дядя его, человѣкъ стараго покроя, никакъ не могъ въ прошломъ году помириться съ шутовскими продѣлками Дружинина, Боткина, Григоровича, Колбасина и самого Ивана Сергѣевича, сочинившихъ и поставившихъ на домашнюю сцену смѣхотворную пьесу, оканчивающуюся смертью всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, тутъ же падающихъ на полъ.

— Мы сами слышали, говорилъ Ив. Серг., какъ дядя, ша-

гая подъ окнами залы вдоль крытой галлереи, невольно восклицалъ: „оголтѣлые! оголтѣлые!“

Передавая мнѣ поклонъ отъ мадамъ Віардо, Тургеневъ сообщилъ, что она положила нѣсколько моихъ стихотвореній на музыку, которую прелестно поетъ, правильно выговаривая русскія слова и говоритъ про меня: „c'est mon poète“.

Неистощимъ онъ былъ въ повѣствованіяхъ о сожительствѣ и встрѣчахъ съ В. Боткинымъ. „Такъ, между прочимъ разсказывалъ Тургеневъ; сошлись мы съ нимъ за обѣдомъ въ большомъ Берлинскомъ отелѣ. Заговоривши съ сидѣвшимъ противъ меня гостемъ, я упомянулъ о необычайномъ приростѣ городскаго населенія, и замѣтилъ, что давно-ли мы учили по географіи, что въ Берлинѣ 400,000 жителей, а вотъ ихъ уже 700 т.

— „Это нѣсколько преувеличено, сказалъ мой собесѣдникъ, такъ какъ ихъ всего неполныхъ шестьсотъ тысячъ.

„При этомъ возражавшій ссылался на то, что ему, какъ здѣшнему жителю, это должно быть хорошо извѣстно.

„Я не уступалъ, и завязалось пари на два золотыхъ, которое нѣмецъ взялся немедля разрѣшить, сходивши въ свой номеръ за гидомъ. Когда онъ вышелъ изъ-за стола, Боткинъ, сидѣвшій рядомъ со мною, излилъ на меня всю желчь, вѣроятно, возбужденную въ немъ необычнымъ эпизодомъ во время методическаго трапезованія.

— „Вотъ это чисто русское растрепанное многознайство! Вотъ такъ-то мы по всему свѣту развозимъ свое невѣжество! Мнѣ стыдно подлѣ тебя сидѣть. Нашелъ съ кѣмъ спорить! Съ туземцемъ! Я очень радъ, что онъ тебя оштрафуетъ за твое позорное русское хвастовство!

„Я уткнулся носомъ въ тарелку и замеръ подъ его безпощадными упреками. Вдругъ чувствую руку на своемъ правомъ плечѣ, и споривший со мною нѣмецъ, шепнувши мнѣ на ухо: „извините, я проигралъ“,—положилъ около моей тарелки два наполеона.

— „Кельнеръ, сказалъ я,—бутылку шампанскаго!

„Надо было видѣть сладчайшій медъ, которымъ мгновенно засіяло лицо Боткина. „Молодецъ, молодецъ!“ воскликнулъ онъ, гладя меня по правому рукаву“.

Я забылъ сказать, что однимъ изъ видимыхъ знаковъ новаго вѣянія въ Новоселкахъ было превращеніе одного изъ оконъ гостиной въ дверь на вновь пристроенную террасу. Покойный отецъ нашъ былъ врагъ всякихъ террасъ и балконовъ). Въ хорошіе дни мы обѣдали на террасѣ. Такъ было и въ этотъ разъ; и хотя Надя съ любопытствомъ слушала интересныя подробности о Тургеневскомъ путешествіи, тѣмъ не менѣе сумѣла улучить минуту переговорить съ поваромъ, для того чтобы обѣдъ вышелъ, по ея выраженію,— „*съ крыльями*“. Она еще изъ Парижа помнила, что Тургеневъ умѣлъ отличать старательно приготовленный обѣдъ отъ безразличнаго.

Послѣ обѣда, едва только Тургеневъ узналъ въ Борисовѣ шахматнаго игрока, какъ они уже сцѣпились до самаго вечерняго чая; и Тургеневъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе переночевать въ новомъ флигелѣ, гдѣ ему приготовили, по возможности, удобный ночлегъ.

На другой день онъ пришелъ къ намъ утромъ въ домъ пить чай и приказалъ запрягать своихъ лошадей.

— Ну, господа, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и къ Борисову, — надѣюсь, что вы, не считаясь визитами, пріѣдете запросто къ намъ въ Спасское. Съ вами я не первый годъ знакомъ, обратился онъ къ Надѣ, и вы еще въ Парижѣ пріучили меня къ вашему любезному гостепріимству. Что же касается до васъ, сказалъ онъ женѣ моей, то я вашъ шаферъ. Тѣмъ не менѣе я не рѣшился бы приглашать къ себѣ дамъ, еслибы не жена и свояченица дяди, которыя будутъ очень рады встрѣтить сосѣдокъ, о которыхъ я много имъ говорилъ.

Какъ я уже упоминалъ, отъ Новоселокъ до Мценска считалось 7 верстъ, а отъ Мценска до Спасскаго—10. Свиданія наши съ Тургеневымъ стали съ этого дня весьма частыми. Нѣсколько разъ и дамы обмѣнялись визитами, и даже самъ старикъ Ник. Ник. пріѣзжалъ съ своими барынями въ Новоселки, гдѣ между прочимъ засталъ Льва Ник. Толстаго. Указываю на моменты, ярко сохранившіеся въ моей памяти, но не въ состояніи сказать, сколько разъ Тургеневы и Толстые сходились съ нами въ Новоселкахъ или

въ Спасскомъ. Помню только, что свиданія эти были задушевны и веселы.

Въ серединѣ лѣта пріятная и беззаботная жизнь наша была смущена пріѣздомъ въ Новоселки изъ Клейменова жены брата моего Василія. Она жаловалась на ежеминутный упадокъ силъ брата и говорила: „Вас. Ав. таетъ какъ свѣчка“, и на то, что, находясь въ интересномъ положеніи, — не въ состояніи сама отвезти больнаго въ Москву для совѣта съ докторами.

О матеріальной и всякой другой безпомощности нашей деревенской среды даже и въ тѣ времена, могутъ свидѣтельствовать слѣдующія обстоятельства. Какъ нарочно, всѣ члены немногочисленной нашей семьи оказались въ сборѣ, такъ какъ даже братъ Петръ подъѣхалъ изъ своей Грайворонки. Вдругъ по всѣмъ нашимъ домамъ, т. е. у Александра Никитича и у тестя брата Василія, ближайшаго нашего сосѣда Мансурова, внезапно пронеслась вѣсть о сильномъ нездоровьѣ брата Василія, требующемъ немедленнаго совѣта съ московскими докторами. Требовалось немедля рѣшить, кто, за болѣзнью жены его, долженъ везти больнаго въ Москву, и откуда должны были поступить деньги на эту поѣздку. Всѣ мы съѣхались въ Орлѣ и въ номерѣ гостинницы приступили къ совѣщанію по этому предмету. Тесть Мансуровъ отказался отъ сопровожденія больнаго подъ предлогомъ старческаго безсилія; Алекс. Никит.—по невозможности оставить хлопоты по хозяйству; Борисовъ—по невозможности бросить жену; а братъ Петруша прямо объявилъ, что онъ съ этимъ дѣломъ не въ состояніи управиться. При такихъ обстоятельствахъ всѣ обратились ко мнѣ съ просьбою взять дѣло на свои руки; а Мансуровъ обѣщалъ, доставивши больнаго къ моему отъѣзду во Мценскъ, вручить мнѣ на первый случай 300 руб., а затѣмъ въ самомъ непродолжительномъ времени выслать денегъ, необходимыхъ для лѣченія.

Я говорилъ уже о покупкѣ мною годъ тому назадъ передъ свадьбою пары вороныхъ. У одной изъ этихъ лошадей оказалась дурнокачественная опухоль вѣнца, вслѣдствіе чего я въ Новоселкахъ же продалъ лошадь, заплаченную 200 руб., за 60 руб., такъ какъ не надѣялся на нее зимою. Когда я вернулся съ орлов-

скаго совѣщанія, явился изъ Клейменова бывшій отцовскій наѣздникъ Никифоръ и передалъ мнѣ, что завтра же ему приказано вести въ Коренную на продажу сѣраго пятилѣтняго жеребца „Мужика“, подареннаго братомъ Петромъ брату Василію, и приказано отдать жеребца за 300 руб.

— Не упускайте, батюшка Аѳ. Аѳ., этой лошади. Я самъ ее выѣзжалъ и знаю, насколько она добра, рѣзва и умна. Забельшатъ лошадь, а другой не скоро наживутъ.

Я велѣлъ приводить лошадь въ Новоселки, а Мансурову написалъ, что 300 руб. на проѣздъ получилъ.

— Дѣйствительно хороша лошадь, воскликнулъ братъ Петруша, увидавъ приведеннаго Мужика. Какъ пріѣду на Грайворонку, сейчасъ пришлю Марьѣ Петровнѣ къ нему пару. Только надо вамъ его самимъ объѣздить. А пара выйдетъ неплохая!

Въ назначенный день я подвезъ во Мценскъ свою карету къ постоялому двору, въ который привезли брата, и, немедленно принявши больнаго, отправился на почтовыхъ въ Москву. Тамъ, посовѣтовавшись съ докторами, я помѣстилъ его въ частную лѣчебницу. Тѣмъ временемъ жена брата, остававшаяся въ Клейменовѣ, 14 іюня разрѣшилась отъ бремени дочерью Ольгой. Не получая успокоительныхъ извѣстій отъ мужа, бѣдная женщина въ скоромъ времени послѣ родовъ сама отправилась въ Москву, поручивъ двухъ старшихъ дочерей 7 и 8-ми лѣтъ и новорожденную Олю — отцу своему Мансурову въ селѣ Подбѣлевецъ, отстоящемъ отъ Новоселокъ въ 4-хъ верстахъ. Но такъ какъ и она тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву сильно занемогла, то и отецъ ея уѣхалъ къ ней въ Москву.

Однажды, по возвращеніи моемъ въ Новоселки, сестра, жена и я поѣхали навѣстить бѣдныхъ племянницъ, оставшихся на рукахъ прислуги. Къ намъ вывели въ залу двухъ миловидныхъ дѣвочекъ и вынесли третью черноглазенькую, едва держащую крошечную головку. Подумаешь, какъ причудливо жизнь вышиваетъ свои узоры. Могли ли мы въ то время предвидѣть важную роль, которую эта крошка предназначена сыграть и по отношенію къ Тургеневу, и, главное, по отношенію ко мнѣ. О роли ребенка по отношенію ко мнѣ

говорить слишкомъ преждевременно; но по отношенію къ Тургеневу скажу нѣсколько словъ, чтобы къ этому уже не возвращаться. Извѣстно, что Тургеневъ вытащилъ своего дядю Ник. Ник. изъ его Карачевской деревни Юшково, указывая на то, что дядя выиграетъ гораздо болѣе противъ того, что потеряетъ при заглазномъ управленіи Юшковымъ. Если я неоднократно слыхалъ фразу Тургенева, обращенную къ дядѣ: „не безпокойся, твои дѣти — мои дѣти, и мое состояніе—ихъ состояніе“, то понятно, съ какимъ убѣжденіемъ говорились эти слова вначалѣ переѣзда дяди изъ Юшкова въ Спасское. Тутъ и выданъ былъ, какъ видимый знакъ обезпеченія, вексель въ 20000 р. на имя дяди. Но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Тургеневъ не только никогда не думалъ о прочномъ устройствѣ своихъ матеріальныхъ дѣлъ, но былъ совершенно неспособенъ обсудить ихъ. Какъ иначе совмѣстить приведенную фразу съ другою, которую мнѣ въ ту же пору нерѣдко приходилось слышать: „а моимъ наслѣдничкамъ послѣ моей смерти копѣечки получить не придется“. Что онъ даже въ послѣдніе часы жизни инстинктивно, чтобы не сказать стихійно, стремился къ осуществленію послѣдней фразы, явно изъ неоднократныхъ словъ, сказанныхъ мнѣ бывшимъ московскимъ городскимъ головою С. М. Третьяковымъ о предсмертныхъ, письменныхъ просьбахъ, обращенныхъ къ нему Тургеневымъ изъ Буживаля, чтобы онъ, Третьяковъ, поскорѣе продалъ Спасское. Какъ продавать недвижимость безъ формальной на то довѣренности да еще поскорѣе? Тургеневъ, какъ извѣстно, придавалъ большое значеніе фамиліи Лутовиновыхъ и не безъ основанія. Все громадное имѣніе Лутовинова раздѣлилось между единственными его двумя дочерьми: Тургеневой и Сергѣевой. А такъ какъ оба Тургенева были бездѣтны, то имѣнія ихъ должны были возвратиться въ родъ Лутовинова и его представителей, т. е. Сергѣевыхъ, у которыхъ дѣтей мужскаго пола не было, и у одной только дочери Мансуровой были двѣ дочери Клеопатра С—на и Екатерина Ш—на. Такимъ образомъ черноглазая малютка на рукахъ кормилицы являлась одной изъ прямыхъ наслѣдницъ Тургенева.

Приближался іюль мѣсяцъ, около десятаго числа котораго

молодые тетерева не только уже превосходно летаютъ, но начинаютъ выпускать перья, отличающія рябку отъ черныша. 8-го іюля мы съ женою пріѣхали въ Спасское, гдѣ всѣ приготовленія къ охотѣ уже были окончены. На передней тройкѣ за день до нашего отъѣзда отправлялся знаменитый Аѳанасій съ поваренкомъ, еще съ другимъ охотникомъ и съ собаками, а на другой тройкѣ въ крытомъ тарантасѣ слѣдовали мы съ Тургеневымъ днемъ позднѣе. Направлялись мы въ полѣсье Жиздринскаго уѣзда, Калужской губерніи, черезъ Болховъ, до котораго отъ Спасскаго верстъ пятьдесятъ. Не бывавшій въ этой сторонѣ ни разу, я вполнѣ подчинялся распоряженіямъ Тургенева, ѣхавшаго въ знакомыя ему мѣста. Отправившись изъ Спасскаго около полудня, мы прибыли весьма рано на ночлегъ въ Болховъ, откуда передовая наша подвода уже выѣхала на дальнѣйшую станцію.

Въ отведенныхъ намъ комнатахъ, съ цѣлыми восходящими рядами сіяющихъ образовъ по угламъ, Тургенева встрѣтило препятствіе, причинившее ему немало волненія: неразлучную его бѣлую съ желтоватыми ушами Бубульку ни за что не хотѣли впускать въ комнату, такъ какъ она песъ. Надъ необыкновенною привязанностью Тургенева къ этой собакѣ въ свое время достаточно издѣвался неумолимый Левъ Толстой, но со стороны Тургенева такая нѣжность къ Бубулькѣ была извинительна. Когда собака была еще щенкомъ, мадамъ Віардо, лаская ее, говорила: „бубуль, бубуль. Это имя за нею и осталось. Со скорымъ, вѣрнымъ и въ то же время осторожнымъ поискомъ эта превосходная собака соединяла разсудокъ, граничащій съ умозаключеніями. Вотъ одинъ образчикъ ея соображенія, котораго я былъ очевидцемъ. Привела она насъ по чистому полю къ оврагу, поросшему кустарникомъ; вела она такъ осторожно и рѣшительно, что нельзя было сомнѣваться, что передъ нами большой выводокъ куропатокъ. Дѣло выходило крайне неудобное.

Взлетѣвшія въ кустахъ куропатки непремѣнно бросятся къ самому дну оврага и защищенныя кустарникомъ незамѣтно пронесутся вдоль оврага, избѣгнувъ выстрѣла. Но дѣлать было нечего: собака стояла какъ мраморная передъ нами, обращая раздувающіяся ноздри къ кустамъ. „Бубуль, але“!

вполголоса командовалъ Тургеневъ. Собака оставалась неподвижна. Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ понуканій, собака бросилась, но только не въ кусты, а по опушкѣ далеко въ обходъ и въ порядочномъ разстояніи уже исчезла въ кустахъ. „Что за притча“? вполголоса говорилъ Тургеневъ. Я тоже ничего не могъ понять. „Надо обождать“, шепталъ Тургеневъ. Но въ ту же минуту большое стадо куропатокъ, какъ лопнувшая бомба, съ трескомъ и чиликаньемъ взлетѣло надъ нашими головами. Послѣдовало четыре выстрѣла, и четыре убитыхъ куропатки покатились въ кусты.

— Вѣдь это плакать надо отъ умиленія! воскликнулъ Тургеневъ. Умнѣйшій человѣкъ не могъ бы ничего лучшаго придумать, какъ, спустившись на дно оврага, гнать куропатокъ на насъ изъ густоты на чистое поле.

Бубулька всегда спала въ спальнѣ Тургенева, на тюфячкѣ, покрытая отъ мухъ и холода фланелевымъ одѣяломъ. И когда по какому либо случаю одѣяло съ нея сползало, она шла и безцеремонно толкала лапой Тургенева. „Вишь ты какая избалованная собака“, говорилъ онъ вставая и накрывая ее снова.

Съ большимъ трудомъ удалось намъ убѣдить толстую хозяйку съ огненнаго цвѣта волосами, выбивающимися изъ подъ шелковой повязки, что Бубулька представляетъ исключеніе изо всѣхъ собакъ, и что повтому несправедливо считать ее псомъ. „Песъ лаетъ и неопрятенъ, а она никогда“.

На другой день, покормивъ въ дорогѣ, мы къ вечеру отправились по заблаговременному плану Тургенева ночевать въ усадьбу знакомыхъ ему помѣщиковъ Онухтиныхъ.

Когда мы въѣхали въ лѣсную область, направляясь къ сѣверо-западу, сзади насъ, т. е. съ юго-востока сталъ подувать вѣтеръ, и на горизонтѣ показалась темная туча. „Пошелъ!“ кричалъ Тургеневъ, въ то время какъ вѣтеръ усиливаясь уносилъ изъ подъ насъ цѣлую тучу пыли.—„Охъ, захватитъ насъ гроза! восклицалъ Тургеневъ.—Давайте, батюшка, остановимся да подымемъ верхъ у тарантаса“.

— Да какъ по вашему, спрашивалъ я, далеко ли до вашихъ Онухтиныхъ?

— Да пожалуй верстъ 15 еще будетъ, и я вамъ говорю, мы попадемъ подъ самую страшную грозу.

Дѣйствительно, вечеръ начиналъ все хмуриться, такъ какъ только полнеба передъ нами еще было чисто и сине, а полнеба за нами представляло сплошной черный зонтъ, все далѣе надъ нами надвигавшійся. Мы даже пустили пристяжныхъ вскачь, стараясь уѣхать отъ грозы, такъ пугавшей Тургенева. Но ничто не помогало. Черный зонтъ окончательно закрылъ небосклонъ, засверкала почти непрерывная молнія, освѣщавшая намъ дорогу, раздались раскаты грома и полился крупный дождикъ, скоро превратившій пыльную дорогу въ липкую грязь, прорѣзаемую бѣгущими ручьями. Пришлось поневолѣ ѣхать шагомъ. Такъ довелось ѣхать подъ непрерывнымъ дождемъ и грозою часа два, показавшіеся намъ вѣчностью.

Наконецъ, при блескѣ молніи, влѣво отъ дороги показался огонекъ, подавшій намъ надежду добраться до ночлега. „Тутъ влѣво ворота, говорилъ Тургеневъ кучеру, — не зацѣпи и подъѣзжай къ крыльцу“.

Когда вышедшій изъ тарантаса на крыльцо барскаго дома Тургеневъ сказалъ встрѣтившему насъ слугѣ свою фамилію и спросилъ молодаго барина, слуга пояснилъ, что молодой баринъ у сосѣдей въ гостяхъ, но что онъ сейчасъ доложитъ старымъ господамъ.

Любезные хозяева тотчасъ же предложили намъ оправиться съ дороги въ мезанинѣ, въ комнатахъ ихъ отсутствующаго сына, которому послали дать знать о нашемъ пріѣздѣ, не взирая на страшную темень и продолжающійся ливень.

Когда мы оправились съ дороги, и Тургеневъ около дивана уложилъ свою Бубульку, онъ сказалъ, что намъ слѣдуетъ испросить позволенія хозяевъ явиться къ нимъ внизъ и извиниться въ нежданномъ пріѣздѣ. Хозяинъ оказался человѣкомъ средняго роста съ сильною просѣдью, типомъ помѣщика средней руки, желавшимъ и умѣвшимъ держать хозяйство и домъ на подобающей высотѣ. Предупредительности и любезности хозяйки не было конца. Иванъ Серг. сталъ распрашивать ихъ объ ихъ сынѣ, воспитывавшемся въ школѣ правовѣдѣнія и нерѣдко посѣщавшемъ Тургенева въ Петербургѣ. Такъ какъ молодой Онухтинъ былъ въ гостяхъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, то не успѣли мы кончить чая, какъ онъ появился

въ гостиной и, поздоровавшись съ Тургеневымъ, объявилъ мнѣ, что давно знакомъ со мною по литературѣ. Тургеневъ, какъ это нерѣдко случалось, былъ въ духѣ и очень любезенъ; посмотрѣвъ тихонько на часы, я замѣтилъ, что уже одиннадцатый часъ. Догадался и Тургеневъ, что намъ пора освободить любезныхъ хозяевъ, и мы было поднялись прощаться, но хозяйка объявила, что безъ ужина никакъ невозможно. Мы всѣ отправились въ столовую, гдѣ помѣстились: Тургеневъ по лѣвую, а я по правую руку хозяйки. Здѣсь совершенно такъ же, какъ у насъ при отцѣ въ Новоселкахъ, насъ ожидалъ тотъ же обѣденный столъ въ пять блюдъ, начиная съ супа. Проголодавшись за дорогу, я не заставлялъ себя просить; но Тургеневъ, весьма рѣдко ужинавшій, бралъ кушанья болѣе для вида. Въ концѣ ужина появилось освѣщенное изъ середины желе. Съ меня начали обносить блюдо, и я тотчасъ же увидалъ, что доморощенный Ватель произвелъ освѣщеніе своего прозрачнаго Колизея посредствомъ мужскаго наперстка, прилѣпленнаго желткомъ къ серединѣ блюда, со вставленнымъ восковымъ огаркомъ. Измѣривъ глазами всю опасность предстоящей задачи, я запустилъ ложку съ толстаго наружнаго основанія желейнаго вѣнца и торжественно положилъ свою добычу на тарелку. Затѣмъ слуга, обойдя хозяйку, поднесъ блюдо Тургеневу, за манипуляціями котораго я сталъ смотрѣть во всѣ глаза. Этотъ простодушно неосторожный человѣкъ, не боясь, вѣроятно, обременить желудокъ желеемъ, смѣло разсѣкъ ложкою вѣнецъ и положилъ себѣ порядочный кусокъ на тарелку. Но въ тотъ же мигъ концы, подходящіе къ бреши, дрожа повалились на огарокъ, затрещавшій и пустившій струйку копоти. При этомъ Тургеневъ такъ жалобно посмотрѣлъ на меня, что только при помощи энергическихъ усилій я воздержался отъ душившаго меня смѣха. Молодой Онухтинъ проводилъ насъ въ свои комнаты и долго еще расточалъ намъ свои любезности.

— А вы, батюшка, сказалъ Тургеневъ, обращаясь ко мнѣ послѣ ухода молодаго хозяина,—цѣлый вечеръ безъ галстука.

Оказалось, что, мѣняя бѣлье, я второпяхъ забылъ надѣть галстукъ.

Послѣ сладкаго отдыха, намъ прислали наверхъ чаю и кофею, и мы собирались уже поблагодарить хозяевъ и отправиться въ дальній путь, но молодой хозяинъ объявилъ, что „мамаша и слышать не хочетъ о томъ, чтобы мы уѣхали безъ завтрака". Дѣлать нечего; приходилось скрѣпя сердце ждать. Должно быть, въ виду нашего нетерпѣнія поторопились съ завтракомъ, и въ 11 час. мы сошли въ гостиную къ круглому столу передъ диваномъ, покрытому всевозможными яствами, начиная съ превосходныхъ пикулей и грибковъ до жареной печенки въ сметанѣ, молодаго разсыпчатаго картофеля и большаго блюда съ телячьими котлетами, плавающими въ сочномъ бульонѣ. Въ тѣ времена я рѣдко отказывался отъ съѣстнаго. Когда я добирался до котлетъ, въ комнату вошелъ слуга съ раскупоренной бутылкой Редерера и сталъ наливать бокалы.

— Господа, пью за ваше здоровье и благодарю за доставленное мнѣ удовольствіе вашимъ посѣщеніемъ, сказала хозяйка, подымая бокалъ. Стоящій тутъ же у стола семи или восьмилѣтній мальчикъ въ туго накрахмаленной, колокольчикомъ торчащей рубашкѣ, тоже высоко поднялъ свой бокалъ и воскликнулъ.

— Иванъ Сергѣевичъ, честь имѣю васъ поздравить.

Я видѣлъ, какъ родительница дернула его сзади за торчащую рубашечку, и сообразивъ, что попалъ не туда, мальчикъ на нѣкоторое время остался съ поднятымъ бокаломъ, въ видѣ неумѣстнаго знака восклицанія.

Колокольчикъ нашей коренной побрякивалъ уже у крыльца.

— Позвольте васъ поблагодарить, заговорили мы.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! возразила хозяйка:—надо прежде уложить съ вами закуску.

— Ради Бога этого не дѣлайте, говорили мы съ Тургеневымъ въ одинъ голосъ, въ то время какъ лакей убиралъ кушанье.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это одна минута.

Твердо увѣренные, что доводы наши одержали верхъ, мы, простясь съ любезными хозяевами, пустились въ путь.

— Господи! восклицалъ Тургеневъ, когда тарантасъ нашъ покатилъ по песчаной дорогѣ, закрѣпленной вчерашнимъ

дождемъ. — Чего только не дѣлаетъ наше русское гостепріимство? Ну мыслимо ли, чтобы въ нормальномъ состояніи я, съ моимъ вѣчнымъ страхомъ передъ холерой, пилъ въ 11 час. утра шампанское? И все это Тургеневъ воскликалъ такимъ тономъ, какъ будто все это гибельное для его желудка русское гостепріимство не только находило себѣ усердную защиту въ моемъ старообрядствѣ, но даже какъ бы исходило изъ меня.

Хотѣлъ было уже я для сравненія съ нашими обильными яствами сопоставить скудное убожество нѣмецкой, французской и итальянской кухни съ ея прозрачными листиками ветчины; но въ это время тарантасъ нашъ сталъ такъ круто спускаться въ долинку, за которою начинался красный лѣсъ, что было не до споровъ, а нужно было упираться ногами, чтобы не скатиться съ своего мѣста. Упираться приходилось въ довольно обширный сундучекъ въ кожаномъ чехлѣ. Безъ этого сундучка, содержавшаго домашнюю аптеку, Тургеневъ никуда не выѣзжалъ, видя въ немъ талисманъ отъ холеры. Толкаемый на корявомъ спускѣ Тургеневымъ и толкая его въ свою очередь, вдругъ слышу пронзительный его фальцетъ.

— Боже мой! что же тутъ такое?

Тогда только, откинувъ совершенно фартукъ и взглянувъ себѣ подъ ноги, я увидалъ слѣдующее зрѣлище: услужливый и сообразительный слуга, получившій на чаекъ, завязалъ все блюдо съ котлетами въ салфетку и поставилъ на аптечку. При утраченномъ тарантасомъ равновѣсіи, вся обильная подливка сквозь салфетку облила драгоцѣнный ящикъ.

— Стой! Стой! Стой! кричалъ Тургеневъ кучеру, спустившемуся уже въ долинку. Развязавши узлы пропитанной жиромъ салфетки, я увидалъ на блюдѣ сбившіяся въ кучку котлеты. Хотя отъ смѣха я едва владѣлъ руками, тѣмъ не менѣе воспользовался кусочкомъ газетъ, которыми Тургеневъ сталъ усердно вытирать драгоцѣнную аптеку, и прикрывши этой бумажкой свое лѣвое колѣно, прижалъ на немъ пальцами котлеты и держалъ ихъ на вѣсу до тѣхъ поръ, пока Тургеневъ, вылѣзши изъ тарантаса, не сталъ согнувшись таскать сначала блюдо, а затѣмъ салфетку по обильной росѣ, про-

мывая такимъ образомъ то и другое. Во время всей этой, весьма искусно имъ выполняемой, операціи, при которой ему приходилось сильно изгибаться, онъ не переставалъ кряхтѣть и повторять одну и ту же фразу: „Господи! проклятое русское гостепріимство!“

Наконецъ блюдо и салфетка были по возможности вымыты; я положилъ и завязалъ спасенныя мною котлеты, и мы тронулись въ путь. Къ вечеру мы пріѣхали въ окруженное лѣсами селеніе Щигровку, гдѣ остановились во дворѣ давно знакомаго Тургеневу охотника. Помѣщеніе, не взирая на мѣстную дешевизну строеваго лѣса, было самое заурядное въ крестьянскомъ быту и состояло изъ довольно просторной избы направо и такъ называемой чистой горницы налѣво, которую хозяева уступили намъ. Не помню даже, была ли эта горница съ мощенымъ поломъ или съ земляным, на подобіе избы, находящейся черезъ сѣни. Разсматривая отъ скуки по моему обыкновенію лубочныя картины и стѣны, я нашелъ на правой дверной притолкѣ въ нашей горницѣ четко написанное хорошо знакомымъ мнѣ почеркомъ: „Тургеневъ“. Если эта изба цѣла, то я увѣренъ, что и эта ясная надпись карандашемъ сохранилась.

Хозяинъ Григорій и братъ его Иванъ, конечно, оба превосходно знали окрестное полѣсье и поперемѣнно служили намъ проводниками, — иногда единовременно оба, разводя насъ группами въ разныя стороны. Конечно, Тургеневъ еще съ вечера сдѣлалъ всѣ распоряженія, и я заранѣе объявилъ, что, стараясь ни въ какомъ случаѣ не мѣшать Тургеневу, буду тѣмъ не менѣе держаться того же вожака, что и онъ.

Когда Тургеневъ объяснялъ строгому своему Аѳанасію, смотрѣвшему на ружейную охоту, какъ на дѣло далеко не шуточное, — что Григорій и Иванъ оба обѣщаютъ много тетеревиныхъ выводковъ, Аѳанасій скептически повторялъ свою обычную фразу: „не вѣрьте вы мужику! Ну что мужикъ понимаетъ!“

На другое утро часовъ въ пять, напившись чаю и кофею и сунувши въ ягташи съѣстнаго и, между прочимъ, спасенныя мною котлетки, мы на двухъ тройкахъ отправились по

указанію нашихъ вожаковъ по лѣснымъ дорожкамъ и перелѣскамъ.

— Стой! крикнулъ наконецъ нашему кучеру Григорій, и мы съ Тургеневымъ вылѣзли изъ тарантаса, забирая тщательно приготовленные ружья и снаряды, и пустились за Григоріемъ въ кусты, разбросанные по заросшимъ травою, такъ называемымъ *гарямъ* (прежнимъ лѣснымъ пожарищамъ). Расходясь въ разныя стороны, мы должны были, чтобы окончательно не потерять проводника, отъ времени до времени кричать ему: „гопъ! гопъ!“ — не слишкомъ отдаляясь отъ его отклика. Съ Непиромъ моимъ, пересланнымъ мнѣ въ Москву любезнымъ Громекою съ Волховской станціи, мнѣ не удавалось до сихъ поръ охотиться въ теченіи двухъ лѣтъ, и я боялся, зная горячность собаки, помѣшать Тургеневу. Не смотря на мои свистки, Непиръ носился какъ угорѣлый. Но вотъ на большомъ кругу онъ вдругъ остановился и замеръ. Конечно, я не заставилъ себя ждать и прямо пошелъ къ остановившейся собакѣ. Вдоволь нагладившись по его блестящей черной спинѣ, я, приготовивши ружье, сталъ подвигаться по направленію его носа, и вдругъ съ шумнымъ хлопаньемъ изъ росной травы поднялся чернышъ. Грянулъ мой первый выстрѣлъ, и чернышъ покатился въ траву. Конечно, я былъ въ восторгѣ отъ своего почина.

Не берусь день за день и ударъ за ударомъ описывать нашихъ болѣе или менѣе удачныхъ полеваній, ограничиваясь воспоминаніями о моментахъ болѣе мнѣ памятныхъ.

Въ то время еще не было въ употребленіи ружей, заряжающихся съ казенной части, и Тургеневъ, конечно, былъ правъ, пользуясь патронташемъ съ набитыми заранѣе патронами; тогда какъ я заряжалъ свое ружье изъ пороховницы съ мѣркою и мѣшка дробовика, называемаго у нѣмцевъ Schrot-Beutel, причемъ заряды приходилось забивать или нарубленными изъ шляпы кружками, или просто войлокомъ, припасеннымъ въ ягташѣ. У меня не было, какъ у Тургенева, съ собою охотниковъ, заранѣе изготовляющихъ патроны; а когда при отъѣздѣ на охоту необходимо запасаться, сверхъ перемѣннаго бѣлья, всѣми ружейными принадлежностями, то отыскивать что либо въ небольшомъ мѣшкѣ весьма хлопот-

ливо и неудобно, и Борисовъ очень мѣтко обозвалъ это занятіе словами: „тыкаться зусенцами“. Конечно такое заряжаніе шло медленнѣе, и когда Тургеневу приходилось поджидать меня, онъ всегда обзывалъ мои снаряды „сатанинскими“. Помню однажды, какъ собака его подняла выводокъ тетеревей, по которому онъ далъ два промаха, и который затѣмъ налетѣлъ на меня. Два моихъ выстрѣла были также неудачны навстрѣчу летящему выводку, который разсѣлся по низкому можжевельнику, между Тургеневымъ и мною. Что могло быть удачнѣе такой неудачи? Можно ли было выдумать что либо великолѣпнѣе предстоящаго поля? Стоило только по одиночкѣ выбирать разсѣявшихся тетеревей. Тургеневъ поспѣшно зарядилъ свое ружье, подозвавъ къ ногамъ Бубульку и кричалъ издали мнѣ, торопливо заряжавшему ружье: „опять эти сатанинскіе снаряды! Да не отпускайте свою собаку! Не давайте ей слоняться! Вѣдь она можетъ наткнуться на тетеревей, и тогда придется себѣ опять кишки рвать“.

Помню случай, о которомъ мнѣ до сихъ поръ совѣстно вспоминать.

Угомонившійся Непиръ сталъ необыкновенно крѣпко держать стойку. Право казалось, что если его не посылать, онъ полчаса и болѣе, не тронувшись съ мѣста, простоитъ надъ выводкомъ. Давно уже не приходилось мнѣ ни самому стрѣлять, ни слышать за собою выстрѣловъ Тургенева. Жара стояла сильная, и утомленіе при долгой неудачѣ давало себя чувствовать. Вдругъ, гляжу, шагахъ въ пятидесяти передо мною, на чистомъ прогалкѣ между кустами стоитъ мой Непиръ, а въ то же самое время слышу за спиною въ лощинѣ, заросшей молодою березовой и еловою порослью, голосъ Тургенева, кричащаго: „Гопъ! Гопъ!“ Бросивши собаку, я иду на край ложбины и кричу въ ея глубь: „Гопъ, гопъ! Иванъ Сергѣевичъ!“ Черезъ нѣсколько минутъ слышу близкое: „гопъ гопъ!“ и крикъ Тургенева: „что такое“?

— Идите стрѣлять тетеревей! кричалъ я. — Моя собака стоитъ.

Когда Тургеневъ вышелъ изъ чащи, мы оба отправились къ чернѣвшемуся вдали Непиру.

— Идите поправѣе отъ собаки, а я пойду полѣвѣе, сказалъ я. Такъ мы и сдѣлали.

Умница Бубулька по окрику Тургенева пошла за его пятой. Когда мы съ обѣихъ сторонъ стали опережать собаку, изъ лежащаго между нами куста съ хлопаньемъ поднялся старый чернышъ, и Тургеневъ сталъ въ него цѣлить. Поднялъ ружье и я; и мнѣ почему-то показалось, что Тургеневъ упускаетъ его изъ выстрѣла. Этого истиннаго или подложнаго мотива было достаточно, чтобы я нажалъ спускъ. Грянулъ выстрѣлъ, и чернышъ упалъ.

— А еще вызывалъ стрѣлять, сказалъ Тургеневъ, да самъ и убилъ!

Приводите, какія хотите объясненія: поступокъ остается все тотъ же.

Помню, что въ первый день мы охотились въ два пріема, т. е. вернулись къ часу, на время самой жары, домой къ обѣду, а въ 5 час. отправились снова на вечернее поле. Въ первый день я, къ величайшей гордости, обстрѣлялъ всѣхъ, начиная съ Тургенева, стрѣлявшаго гораздо лучше меня. Помнится, я убилъ двѣнадцать тетеревей въ утреннее и четырехъ—въ вечернее поле. Чтобы облегчить дичь, которую мы для ношенія отдавали проводникамъ, мы потрошили ее на привалѣ и набивали хвоей. А на квартирѣ поваренокъ немедля обжаривалъ ее и клалъ въ заранѣе приготовленный уксусъ. Иначе не было возможности привезти домой дичины.

Нельзя не вспомнить о нашихъ привалахъ въ лѣсу. Въ знойный, іюльскій день при совершенномъ безвѣтріи, открытыя гари, на которыхъ преимущественно держатся тетерева, напоминаютъ своею температурой раскаленную печь. Но вотъ проводникъ ведетъ васъ на дно изложины, заросшей и отѣненной крупнымъ лѣсомъ. Тамъ между извивающимися корнями столѣтнихъ елей зеленѣетъ сплошной коверъ круглыхъ листьевъ, и когда вы раздвинете ихъ прикладомъ или вѣткою, передъ вами чернѣетъ влага, блестящая какъ полированная сталь. Это лѣсной ручей. Вода его такъ холодна, что зубы начинаютъ ныть, и можно себѣ представить, какъ отрадна ея чистая струя изнеможенному жаждой охотнику.

Если кто либо усомнится въ томъ, какъ трусившій холеры Тургеневъ упивался такою водою, то я могу разсказать о привалѣ въ этомъ смыслѣ гораздо болѣе изумительномъ.

Послѣ знойнаго утра, въ теченіи котораго неудачная охота заставляла еще сильнѣе чувствовать истому, небо вдругъ заволокло, листья, какъ кипящій котелъ, зашумѣли подъ порывистымъ вѣтромъ, и косыми нитями полился ледяной, чисто осенній дождикъ. Случайно мы были съ Тургеневымъ недалеко другъ отъ друга и потому сошлись и сѣли подъ навѣсомъ молодой березы. При утомительной ходьбѣ по мхамъ и валежнику, мы, конечно, старались одѣваться какъ можно легче, и понятно, что наши парусинные сюртучки черезъ минуту прилипли къ тѣлу. Но дѣлать было нечего. Мы достали изъ ягташей хлѣба, соли, жареныхъ цыплятъ и свѣжихъ огурцевъ и, предварительно пропустивъ по серебряному стаканчику хереса, принялись закусывать подъ проливнымъ дождемъ. Снявши съ себя фуражку, я съ величайшимъ трудомъ ухитрился закурить папироску, охраняя ее въ пригоршнѣ отъ дождя. Некурящій Тургеневъ былъ лишенъ и этой отрады. Мокрые на мокрой землѣ сидѣли мы подъ проливнымъ дождемъ.

— Боже мой! воскликнулъ Тургеневъ. — Что бы сказали наши дамы, видя насъ въ такомъ положеніи!

Черезъ часъ дождикъ пересталъ, и мы, потянувши къ нашимъ лошадямъ, въ скорости обсохли.

Нельзя не вспомнить съ удовольствіемъ о нашихъ обѣдахъ и отдыхахъ послѣ утомительной ходьбы. Съ какимъ удовольствіемъ садились мы за столъ и лакомились наваристымъ супомъ изъ курицы, столь любимымъ Тургеневымъ, предпочитавшимъ ему только супъ изъ потроховъ. Молодыхъ тетеревовъ съ бѣлымъ еще мясомъ справедливо можно назвать лакомствомъ; а затѣмъ Тургеневъ не могъ безъ смѣха смотрѣть, какъ усердно я поглощалъ полныя тарелки спѣлой и крупной земляники. Онъ говорилъ, что ротъ мой раскрывается при этомъ „галчатообразно“.

Послѣ обѣда мы обыкновенно завѣшивали окна до совершенной темноты, безъ чего мухи не дали бы намъ успокоиться. Непривычные спать днемъ, мы обыкновенно преда-

вались болтовнѣ. Въ этомъ случаѣ извѣстные стихи „Домика въ Коломнѣ“ можно пародировать такимъ образомъ:

. . . . . много вздору
Приходитъ намъ на умъ, когда *лежимъ*
Одни, или съ товарищемъ *инымъ*.

— А что, говоритъ, напримѣръ, Тургеневъ, если-бы дверь отворилась, и вмѣсто Аѳанасія вошелъ бы Шекспиръ? Что бы вы сдѣлали?

— Я старался бы разсмотрѣть и запомнить его черты.

— А я, восклицаетъ Тургеневъ, упалъ бы ничкомъ да такъ бы на полу и лежалъ.

Зато какъ сладко спалось намъ ночью послѣ вечерняго поля, и нужно было употребить надъ собою нѣкоторое усиліе, чтобы подняться въ 5 ч. утра, умываясь холодной какъ ледъ водою, только что принесенной изъ колодца. Тургеневъ, видя мои нерѣшительныя плесканія, сопровождаемыя болѣзненнымъ гоготаньемъ, утверждалъ, что видитъ на носу моемъ неотмытые слѣды вчерашнихъ мухъ.

Здѣсь позволю себѣ небольшое отступленіе, могущее, по мнѣнію моему, объяснить въ глазахъ читателя ту двойственность въ воззрѣніи на предметы, которую я иногда самъ въ себѣ подмѣчаю, и которая происходитъ изъ того, что я теперь разсказываю о томъ, что происходило тогда.

Въ тѣ времена еще всѣ вещи были единичны и просты.

Жареный поросенокъ былъ простымъ поросенкомъ и не былъ, какъ во времена римскихъ императоровъ, начиненъ сюрпризами въ видѣ воробьевъ или дроздовъ. Правда, я былъ страстнымъ поклонникомъ Тургенева, но меня приводили въ восторгъ „Пѣвцы“ или раздающійся по зарѣ крикъ: „Антропка! а-а-а! Поди сюда, чертъ, лѣшій!“ — А ко всѣмъ возможнымъ направленіямъ я былъ совершенно равнодушенъ, и меня крайне изумляло несогласіе проповѣдей съ дѣломъ. Такъ помню, проѣзжая однажды вдоль Спасской деревни съ Тургеневымъ и спросивши Тургенева о благосостояніи крестьянъ, я былъ крайне удивленъ не столько сообщеніемъ о ихъ недостаточности, сколько французской фразой Тургенева: „faites ce que je dis, mais ne faites pas ce que je fais“.

: менѣе поражала меня совершенная неспособность Тур-
ва понимать самыя простыя практическія вещи, между
ь какъ онъ видимо принадлежалъ къ числу людей, доби-
пихся практическихъ измѣненій и устройствъ.
днажды проснувшись оба въ ночной темнотѣ, мы какъ-
азболтались, и, вѣроятно, вслѣдствіе вопроса: „который
ь?“—Тургеневъ вдругъ сталъ экзаменовать меня насчетъ
чины, заставляющей двигаться часовые механизмы. На
ѣтъ мой, что въ часахъ съ гирями движущей силой является
отѣніе, а въ карманныхъ — стремленіе насильно закру-
ной пружины развернуться до прежняго нестѣсненнаго
оженія,—Тургеневъ съ хохотомъ воскликнулъ:
- Ахъ какой онъ вздоръ говоритъ! Раскройте, батюшка,
ые часы, и вы увидите прыгающій маятникъ, движимый
оскомъ. Этотъ-то волосокъ посредствомъ маятника и за-
вляетъ двигаться часы.
Напрасно старался я доказывать Тургеневу, что его воло-
ъ выходитъ причиною самого себя. На это онъ возра-
ъ, что такою же причиною самого себя является и моя
жина; и я только тогда успѣлъ заставить его замолчать,
да обратилъ вниманіе на то, что незаведенные ключемъ
ы продолжаютъ упорно стоять, не взирая ни на какое
качиваніе маятника.
Наконецъ, окончивъ полеваніе, мы безъ всякихъ задержекъ
равились въ Спасское, даже принанимая лошадей тамъ,
это было возможно.
Конечно, сравнивая свои тогдашнія средства со средствами
ргенева, владѣвшаго въ то время еще всѣми своими имѣ-
ми, я долженъ былъ считать его богачемъ. Но когда объ
мъ заходила между нами рѣчь, Тургеневъ обыкновенно
орилъ, что онъ о матеріальныхъ средствахъ и не думаетъ,
ренный, что у него ихъ на всю жизнь хватитъ, хотя въ
время онъ, очевидно, не имѣлъ въ виду огромныхъ суммъ,
ученныхъ имъ впослѣдствіи за сочиненія.
По этимъ словамъ слѣдовало заключить, что и онъ смот-
ъ на себя какъ на богатаго человѣка, а между тѣмъ до-
ой изъ полѣсья онъ по поводу этой темы внезапно са-
мъ внушительнымъ образомъ пропищалъ:

— Да вы дайте мнѣ за всѣ мои имѣнія 70 тысячъ рубл
и я сейчасъ же вылѣзу изъ тарантаса и стану у васъ
пыли у ногъ валяться.

— Иванъ Серг., вамъ не придется валяться въ пыли
тому уже, что, пользуясь вашимъ преувеличеніемъ, чтобы
сказать преуменьшеніемъ, я не соглашусь покупать за ни
ваше состояніе.

— Ахъ, какія фразы! восклицалъ Тургеневъ.—Я никого
прошу себѣ въ опекуны.

— Кромѣ того, продолжалъ я, вы знаете, что у меня т
кихъ и денегъ нѣтъ.

— Просите у Боткиныхъ, они вамъ не откажутъ.

Подобный разговоръ не разъ между нами возобновлялся,
и притомъ съ тѣмъ же знаніемъ дѣла и опредѣленностью.

Душевно радуюсь, что сохранившіяся въ значительном
количествѣ письма Боткина, Тургенева и Толстаго помогут
мнѣ воспроизвести нравственные очерки этихъ писателей с
гораздо большею точностью оттѣнковъ, чѣмъ воспроизведе-
ніе былыхъ нашихъ разговоровъ, причемъ могутъ вкрасться
оттѣнки, и не вполнѣ вѣрные дѣйствительности.

Говоря о Спасскомъ, я принужденъ говорить и обо всѣхъ
его тогдашнихъ обитателяхъ, во главѣ которыхъ стоитъ глу-
боко мною уважаемый старикъ, дядя Ивана Сергѣевича—
Н. Н. Тургеневъ.

Еще съ перваго знакомства, даже шуточныя выходки Л. Н.
Толстаго постоянно поражали меня своею оригинальностью.
Такъ когда-то общія впечатлѣнія, производимыя отдѣльнымъ
писателемъ нашего тогдашняго круга, онъ приравнивалъ къ
впечатлѣніямъ, производимымъ извѣстными цвѣтами. Въ на-
стоящее время не могу припомнить цвѣтъ каждаго изъ насъ,
но про меня, кажется, онъ говорилъ, что я свѣтлоголубой.
Такъ однажды, когда мы встали изъ-за стола въ Новосел-
кахъ, и я сталъ разсыпаться въ похвалахъ только что уѣхав-
шему домой Ник. Ник. Тургеневу, Л. Н. Толстой тоже вос-
кликнулъ: „онъ прелесть!“ и схвативши у кого-то зубочистку
перо въ бисерномъ чехольчикѣ, прибавилъ:

— Въ своемъ пышномъ бѣломъ галстукѣ и шелковой муа-
ровой жилеткѣ песочнаго цвѣта онъ вотъ что!

Если вспомнить моду двадцатыхъ годовъ на бисерныя, часовыя цѣпочки, кошельки, то лучше нельзя было выразить всего общаго тона Никол. Никол., что не мѣшало ему быть вполнѣ хорошимъ, добрымъ и толковымъ человѣкомъ.

Въ четырнадцатомъ году, 16-и лѣтъ отъ роду, только что произведенный въ корнеты, онъ повелъ эскадронъ кавалергардскихъ рекрутъ на молодыхъ лошадяхъ въ Парижъ, и, конечно, за такой долгій походъ эскадронъ пришелъ обученнымъ полевой ѣздѣ. Въ Парижѣ, въ числѣ прочей молодежи, познакомился онъ и съ англичанами, сильно тогда нахлынувшими въ столицу міра. Уже въ то время Тургеневъ отличался той физической силой, которую сохранилъ до старости.

Посѣщая залу гимнастики, онъ въ свою очередь сталъ вытягивать изъ стѣны машину, указывавшую по градусамъ силу каждаго. Тургеневъ не только вытащилъ машину до послѣдняго градуса, но совсѣмъ вырвалъ ее изъ стѣны. Англичане подхватили его на руки и понесли съ тріумфомъ.

Никогда не видавъ матери Тургенева, не стану воспроизводить о ней разсказовъ едва ли въ этомъ случаѣ безпристрастнаго Ивана Сергѣевича. Повторю только слышанное мною отъ Ник..Ник., завѣдывавшаго при покойной Тургеневой всѣмъ ея домомъ. При этомъ перескажу лишь то, что, по моему, находится въ прямой связи съ дальнѣйшею судьбою ея семьи. Независимо отъ какого-то кресла въ видѣ трона, она содержала при себѣ цѣлый штатъ компаніонокъ и гофмейстеринъ. При поѣздкахъ въ другія свои имѣнія и въ Москву, она кромѣ экипажей высылала цѣлый гардеробный фургонъ, часть котораго была занята дворецкимъ со столовыми принадлежностями. Изба, предназначавшаяся для ея обѣденнаго стола или ночлега, предварительно завѣшивалась вся свѣжими простынями, разстилались ковры, раскладывался и накрывался походный столъ, и сопровождавшія ее дѣвицы обязательно должны были являться къ обѣду въ вырѣзныхъ платьяхъ съ короткими рукавами.

Если при такой домашней обстановкѣ принять во вниманіе безотлучное пребываніе въ этой средѣ холостяковъ, то нечему удивляться, что Никол. Никол. и старшій братъ Ивана Сергѣевича женились на камеристкахъ Варвары Петровны,

тогда какъ послѣдствіемъ сближенія Ив. Серг. съ крѣпостно прачкой была та, чрезвычайно на него похожая, 15-и лѣтн дочь, съ которою мы познакомились въ Куртавнелѣ. Кто бы тѣ Бѣлокопытовы, изъ коихъ на младшей женатъ былъ п стидесятилѣтній Ник. Ник. Тургеневъ, и отъ которой у не были двѣ дѣвочки, я сказать не умѣю. Знаю только, ч Ив. Серг. постоянно относился къ нимъ весьма любезно родственно, и фразу: „дядя, ты не безпокойся: твои дѣти мо дѣти“—я нерѣдко слыхалъ изъ устъ Ив. Серг.

Дамы эти иногда не только играли въ залѣ на подаренном имъ Тургеневымъ пьянино, но даже пѣли.

Однажды, когда Тургеневъ лежалъ въ гостиной на само сонѣ, а я сидѣлъ подлѣ него, въ разговоръ нашъ врывалос изъ третьей комнаты довольно безыскусственное пѣніе.

— Вѣдь вотъ, проговорилъ кисленькимъ голоскомъ Турге невъ, — если-бы ваши родственницы такъ пѣли, то васъ бы это коробило. А меня это нисколько не трогаетъ.

Я сейчасъ же подумалъ: „меня это не трогаетъ, такъ я объ этомъ и не говорю“. Что же касается до жены брата Ник. Серг., то И. С. ее терпѣть не могъ и часто вспоминалъ про нее, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Это была нѣмка изъ Риги, не признаваемая покойной Варв. Петр. въ качествѣ невѣстки, и въ мое время проживавшая верстахъ въ 10-и отъ Спасскаго въ селѣ Тургеневѣ.

Чета эта представляла одну изъ тѣхъ психологическихъ загадокъ, которыми жизнь такъ любитъ испещрять свою ткань. Ник. Серг. въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и итальянскимъ языками. Въ салонѣ бывалъ неистощимъ, и я не разъ слыхалъ мнѣніе свѣтскихъ людей, говорившихъ, что въ сущности Ник. Сергѣевичъ былъ гораздо умнѣе Ив. Серг. Я даже передавалъ эти слухи самому Ив. Серг., понимавшему вмѣстѣ со мною ихъ нравственное убожество. У Ивана Сергѣевича были большіе изъяны; у него, какъ мы видѣли, не хватало формальнаго математическаго и философскаго ума. Однажды онъ говорилъ мнѣ: „на дняхъ я просматривалъ свои берлинскія, философскія записки. Боже мой! неужели же это я когда-то писалъ и составлялъ? Пусть меня убьютъ, если я въ состояніи понять хотя одно слово“.

Вспомнимъ, что онъ добивался кафедры философіи при московскомъ университетѣ. Но за то Ив. Серг. былъ, какъ выражался про себя И. И. Панаевъ, „человѣкъ со вздохомъ". Не взирая на внѣшнее сходство двухъ братьевъ, они въ сущности были прямою противоположностью другъ друга. Насколько Ив. Серг. былъ беззаботнымъ безсребренникомъ, настолько Николай могъ служить типомъ стяжательнаго скупца. Извѣстно, что послѣ смерти Варв. Петр Николай пріѣхалъ въ Спасское и забралъ всю бронзу, серебро и брилліанты, и все это они съ женою берегли въ Тургеневской кладовой. Если справедливо, что Ник. Серг. въ душѣ презиралъ поэзію, то нельзя сказать, чтобы онъ не чувствовалъ ея окраски, чему доказательствомъ можетъ служить переданный мнѣ Ив. Сергѣевичемъ разговоръ его съ братомъ.

— Стоитъ ли, говорилъ Ник. Серг. заниматься такимъ пустымъ дѣломъ, которое всякій лѣнивый на гулянкахъ можетъ исполнить.

— Вотъ ты и не лѣнивъ, отвѣчалъ Ив. С., — но даже одного стиха не напишешь, какъ Жуковскій.

— Ничего нѣтъ легче, отвѣчалъ Николай:

«Дышетъ чистый ѳиміамъ урною святою».

— А вѣдь похоже, говорилъ хохочущій Ив. Серг.

— Разгадайте, нерѣдко восклицалъ И. С.,—какимъ образомъ братъ могъ привязаться къ этой женщинѣ? Что она чудовищно безобразна, въ этомъ вы могли сами убѣдиться въ нашемъ домѣ; прибавьте къ этому, что она нестерпимо жестока, капризна и неразвита, и крайне развратна. Достаточно сказать, что, ложась ночью въ постель при лампѣ, она требуетъ, чтобы горничная, раскрахмаленная и разодѣтая, всю ночь стояла посреди комнаты, но чтобы не произвести стука, босая. Вотъ и подивитесь! Вѣдь онъ ее до сихъ поръ обожаетъ и цѣлуетъ у нея ноги.

Когда я отправлялся въ Спасское одинъ, то ѣздилъ туда верхомъ въ бродъ черезъ Зушу, значительно сокращая дорогу, и пріѣздъ мой въ Спасскомъ сдѣлался самымъ обычнымъ явленіемъ. Однажды, всходя на балконъ, слышу усиленный, мелко дребезжащій звукъ, похожій на фырканье, и

вступая въ гостиную, вижу, что дамы усердно надрѣзаютъ и рвутъ на клоки темносѣрый кусокъ нанки.

— Надъ чѣмъ это вы такъ трудитесь? спросилъ я.

— Да вотъ Ив. Серг. выписалъ изъ Петербурга больнаго студента для поправки на деревенскомъ воздухѣ. Оказывается, что этотъ гость совершенно разутъ и раздѣтъ, и мы послали во Мценскъ взять нанки, чтобы у нашего деревенскаго портнаго заказать пріѣзжему костюмъ.

Вернувшійся съ прогулки Ив. Серг. подтвердилъ извѣстіе, пояснивъ при этомъ, что онъ предназначаетъ студента учителемъ сельской школы и переписчикомъ своихъ разсказовъ.

Въ послѣдующіе разы я увидалъ студента въ нанковой парѣ уже за семейнымъ столомъ, и любившій подшутить Ник. Ник. говорилъ:

— Право, нашъ молодецъ-то таки очень посмѣлѣлъ. Бывало, ждетъ, покуда скажутъ: „не хотите ли вина?“ А нынче рука-то сама далеко достаетъ бутылку. Не знаю, какой толкъ изъ этого всего выйдетъ.

Какъ то проходя черезъ небольшую комнату, я увидалъ жену Ник. Серг. Тургенева лежащею на диванѣ съ далеко выставленными ботинками, а нанковаго студента сидящаго на табуретѣ и растирающаго ей ноги. Однажды осенью, зайдя во флигель къ Ив. Серг., я засталъ его въ волненіи.

— Я, сказалъ онъ,—рѣшился просить дядю, чтобы онъ выпроводилъ этого Рабіонова, который мнѣ опротивѣлъ своимъ нахальствомъ. Мнѣ онъ ничего не переписываетъ. Въ школьникахъ видитъ эклогу Виргилія, и приходилъ мнѣ жаловаться на жену моего брата, будто бы разрушившую его нравственный міръ.

Конечно, и Ник. Ник., говоря на ту же тему, воскликнулъ: „вотъ, Иванъ, всегда такъ! Самъ нивѣсть кого затащилъ въ домъ, а теперь дядя выгоняй! Что я за палачъ такой?“

Не знаю, какъ это случилось, такъ какъ я въ скорости затѣмъ уѣхалъ въ Москву, куда вслѣдъ за мною пріѣхалъ и Ив. Сергѣевичъ Но для бѣднаго Ник. Ник. штука эта разыгралась не безъ убытка. Не знаю, по болѣзни или по иной причинѣ Рабіоновъ продержался въ Спасскомъ до зимы, и когда пришлось отправлять его, сталъ просить у Н. Н.

шубу, клятвенно завѣряя, что доѣдетъ въ ней только до Москвы, а затѣмъ прямо доставитъ ее въ нашъ домъ. Добросердечный старикъ согласился на просьбу, но пропавшая шуба дала поводъ Ив. Серг. къ слѣдующему куплету:

«Рабіоновъ! Рабіоновъ!
Воръ и варваръ безъ сомнѣнья,
Redde meas legiones!
Возврати чужую шубу!»

Впрочемъ И. С. Тургеневъ предлагалъ и слѣдующій варіантъ:

«Рабіоновъ! Рабіоновъ!
Воръ и варваръ безъ изъятья
Redde meas legiones,
Возврати чужое платье!»

Воспроизведеніе въ данное время Спасскаго персонала было бы далеко не полно безъ домашняго доктора Порфирія Тимофеевича, правильнѣе — безъ вывезеннаго, еще при жизни матери, Тургеневымъ, въ Берлинъ крѣпостнаго фельдшера Порфирія, отпущеннаго на волю и получившаго по возвращеніи въ Россію патентъ зубнаго врача. При помощи этого патента онъ пользовался извѣстной практикой въ округѣ и благосклонно принимаемъ былъ въ Спасскомъ, семействомъ Тургеневыхъ. Толстый и отяжелѣвшій, онъ иногда сопутствовалъ И. С. въ ближайшихъ охотахъ и въ случаѣ надобности могъ составить желающему партію на билліардѣ или въ шахматы. Наивное вранье и попрошайство указывали въ немъ на бывшаго дворового.

Боткинъ писалъ изъ Лондона отъ 22 августа 1858 г.:

„Какой свой романъ читалъ тебѣ Тургеневъ? Если прежній. то онъ въ цѣломъ вовсе не удался, да я думаю, что никакой романъ не удался ему. Сила его въ очеркѣ и въ подробностяхъ... Смерть бѣднаго Иванова ужасно поразила меня. Я его глубоко уважалъ, какъ за его великій характеръ, такъ и за его свѣдѣнія въ искусствахъ,—и потомъ какая ужасная иронія судьбы! Даже не успокоился отъ своего долгаго труда! Это былъ человѣкъ такихъ понятій объ искусствѣ, какія нынче, между художниками, почти не встрѣчаются. Но я ду-

маю, однакожь, что это былъ человѣкъ болѣе труда, нежели творчества. Въ послѣдніе же годы онъ до такой степени вдался въ книги, что живопись оставалась почти въ сторонѣ, и отъ этого техника его начала сильно ослабѣвать и, пожалуй, даже ужь и ослабѣла. Я не столько художника оплакиваю въ немъ, но человѣка, въ душѣ котораго были высочайшіе идеалы. Объ его другихъ сторонахъ вамъ, вѣроятно, Тургеневъ разсказывалъ, равно какъ и объ его пунктѣ помѣшательства. Я думаю, что этотъ пунктъ произошелъ у него вслѣдствіе чтенія біографій художниковъ 16 и 17 вѣка, между которыми, особенно въ Неаполитанской школѣ, отравленіе было въ большомъ употребленіи ради соперничества".

В. Боткинъ.

Тургеневъ былъ правъ, предсказывая мнѣ изъ Рима прелестное деревенское лѣто. Дѣйствительно, лѣто пролетало въ частыхъ дружескихъ и совершенно безоблачныхъ сближеніяхъ. Съ шахматнымъ игрокомъ и предупредительно любезнымъ Борисовымъ Тургеневъ сблизился дружески и весьма часто день и два оставался ночевать въ Новоселкахъ.

Однажды вечеромъ, сидя на новой террасѣ передъ вновь устроенной Борисовымъ цвѣточною клумбою, обведенною песчаной дорожкой, Тургеневъ сталъ смѣяться надъ моей неспособностью къ ходьбѣ.

— Гдѣ жь ему, несчастному толстяку, говорилъ онъ, съ его мелкой кавалерійской походочкой сойти со мною.

Это я могу сейчасъ же доказать на дѣлѣ. Вотъ если десять разъ обойти по дорожкѣ вокругъ клумбы, то выйдетъ полверсты, и если мы пойдемъ каждый своимъ естественнымъ шагомъ, то я увѣренъ, что кавалерійскій толстякъ значительно отъ меня отстанетъ.

Хотя я и до состязанія готовъ былъ уступить Тургеневу пальму, но ему такъ хотѣлось явиться на глазахъ всѣхъ побѣдителемъ, что мы пустились кружить по дорожкѣ: онъ впереди, а я сзади. До сихъ поръ помню передъ собою рослую фигуру Тургенева, старающагося увеличить свой и безъ того широкій шагъ; я же, вызванный на нѣкотораго рода маршировку въ пѣшемъ фронтѣ, вслѣдствіе долголѣтняго обученія,

ечно, дѣлалъ шагъ въ аршинъ. Черезъ нѣсколько круговъ
геневъ сталъ видимо отдаляться отъ меня, какъ я замѣ-
ь, къ общему удовольствію зрителей. Гдѣ источникъ этого
вольствія? Подъ конецъ состязанія я на десятомъ кругу
галъ на полкруга, что въ цѣлой верстѣ представляло бы
20 до 25-и саженъ. Явно, что Тургеневъ дѣлалъ шаги
ѣе, чѣмъ въ аршинъ. Но не одними подобными затѣями
олняли мы съ нимъ въ Новоселкахъ день. Окончивъ вчернѣ
еводъ Антонія и Клеопатры, я просилъ Тургенева про-
шать мой переводъ, съ англійскимъ текстомъ въ рукахъ.
ы ушли съ работами въ кабинетъ Борисова и заперли
собою дверь въ гостиную, чтобы не мѣшать своимъ раз-
ромъ нашему чтенію Ив. Серг. сидѣлъ на диванѣ къ
цу овальнаго стола, а я на креслѣ усѣлся спиною къ
ту. На этотъ разъ мы прочитывали пятый актъ и дошли
гого мѣста, гдѣ Клеопатра, припустивъ къ груди аспида,
ываетъ его младенцемъ, засасывающимъ на смерть кор-
ицу.

а это Харміонь, кончая стихъ, два раза восклицаетъ:
break! O, break!“—которое Кетчеръ справедливо, согласно
слу, переводитъ:

«О разорвись, разорвись, сердце!»

инявъ во вниманіе неизмѣнный мой обычай сохранять въ
еводахъ число строкъ оригинала, легко понять затрудненіе,
никающее на этомъ выдающемся мѣстѣ. Помнится, у меня
ло: „о разорвись!“ Тургеневъ справедливо замѣтилъ, что
русски это невозможно. Загнанный въ неисходный уголъ,
полголоса рискнулъ: „о лопни!“ Заливаясь со смѣху, Тур-
евъ указалъ мнѣ, что я и этимъ не помогаю дѣлу, такъ
ь не связываю глагола ни съ какимъ существительнымъ.
да, какъ заяцъ, съ крикомъ прыгающій надъ головами
етѣвшихъ борзыхъ, я рискнулъ воскликнуть: „я лопну!“
этимъ словомъ Тургеневъ, разразившись смѣхомъ, со-
вождаемымъ крикомъ, прямо съ дивана бросился на полъ,
нимая позу начинающаго ползать ребенка. Дамы, слыша
аянный крикъ Тургенева, отворили дверь, и уже не знаю,
подумали въ первую минуту.

О зимнихъ планахъ Борисовыхъ, ожидавшихъ прибавленія семейства, мы по молчаливому соглашенію не заговаривали. Но мнѣ, собиравшемуся въ Москву вначалѣ октября, слѣдовало за благовременно принять мѣры къ нашему возвращенію. Пріѣхали мы въ зимней повозкѣ, а возвращаться приходилось на лѣтнемъ ходу. И вотъ, соображаясь со средствами я заблаговременно заказалъ во Мценскѣ четверомѣстную карету-тарантасъ, которая, при постоянныхъ моихъ понуканіяхъ, какъ разъ была готова къ началу іюня.

Пятаго сентября въ именины жены Н. Н. Тургенева Елизаветы Семеновны, точно такъ же какъ 9 мая въ день именинъ самого старика, въ Спасскомъ постоянно бывалъ пиръ горою.

Положимъ, такое выраженіе нѣсколько преувеличенно, такъ какъ наканунѣ пріѣзжали только мы съ женою да гр. Н. Н. Толстой, да иногда родной братъ Н. Н. Тургенева — Петръ Никол. съ дочерью; а въ самый день именинъ—Борисовы, еще два три ближайшихъ сосѣда да Н. С. Тургеневъ съ женою. Часамъ къ 12-ти во флигелѣ Ивана Сергѣевича подавался завтракъ, котораго бы хватило заграницей на цѣлый ресторанъ, а, за невозможностью добыть во Мценскѣ свѣжихъ стерлядей, къ обѣду, кромѣ прохладительной ботвиньи, непремѣнно являлась уха изъ крупныхъ налимовъ. Дядя въ новой, черной муаровой ермолкѣ, могучій и веселый, всегда самъ становился у верхняго конца стола, ловко разсылая уху гостямъ. Ив. Серг. садился всегда съ одной стороны посерединѣ стола, а мы съ Ник. Ник. Толстымъ усаживались по правую и по лѣвую его сторону. Зная нашу слабость и раздѣляя ее самъ, Иванъ Серг. все время не забывалъ подливать намъ въ стаканы Редереру.

— Странное дѣло, сказалъ однажды при подобномъ случаѣ Тургеневъ,—никогда я не замѣчалъ, чтобы Фетъ отказался отъ Редерера. Ну а вы, графъ, какъ? расположены ли къ нему по временамъ или всегда?

Съ секунду промедливъ отвѣтомъ, Ник. Ник. самымъ добросовѣстнымъ тономъ отвѣтилъ:

— Скорѣе всегда.

Сопоставленіе этихъ двухъ опредѣленій окончательно срѣ-

зало Тургенева. Съ неудержимымъ хототомъ повторяя: „скорѣе всегда“,—онъ со стула повалился на полъ и нѣкоторое время, стоя на четверенькахъ, продолжалъ хохотать и трястись всѣмъ тѣломъ.

Дворовые Спасскаго, по старой памяти, оканчивали вечеръ фейерверкомъ на лужайкѣ передъ балкономъ.

Однажды, когда мы безъ нашихъ дамъ пріѣхали верхомъ съ Борисовымъ въ Спасское обѣдать, я невольно развеселилъ публику на свой счетъ. Конечно, къ вечеру стали насъ упрашивать остаться ночевать. Получивъ мое согласіе, Тургеневы хоромъ пристали къ Ивану Петровичу, стараясь удержать и его. Зная постоянный страхъ Борисова за жену, я былъ до крайности смущенъ настойчивыми просьбами Тургеневыхъ, отъ которыхъ Борисову стало тяжело обороняться. Желая ему помочь, я убѣдительнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Господа! вы видите, я остался; но его не держите: онъ женатый человѣкъ.

Поднялся гомерическій смѣхъ, среди котораго слышенъ былъ голосъ Ивана Сергѣевича:

„Каковъ! забылъ даже, что онъ женатъ“.

Чуждаясь всякихъ выдумокъ и прикрасъ, я вынужденъ разъяснить недоразумѣніе, въ которое впалъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Въ тѣ времена Малоархангельскій уѣздъ еще славился изобиліемъ болотной дичины, и если мы съ Тургеневымъ ѣздили въ его Малоархангельское имѣніе Топки, впослѣдствіи имъ проданное, то, конечно, главною цѣлью Тургенева было удобно поохотиться, а никакъ не разбирать какія либо свои экономическія дѣла. Пролетъ болотной дичи почти совпадаетъ съ лучшимъ временемъ охоты на молодыхъ тетеревей, съ которой, какъ я разсказалъ, мы только что вернулись. Вслѣдствіе этого и зная достовѣрно, что дѣйствіе романа „Дворянское гнѣздо“ перенесено Тургеневымъ въ Топки, я до сего времени думалъ, что поѣздка въ Малоархангельскъ совершена нами гораздо позднѣе; но увы!—развертывая сочиненія Тургенева, я увидалъ помѣтку „Дворянскаго гнѣзда“—1858 годомъ, вслѣдствіе чего не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ скорости послѣ охоты на тетеревей, мы съ

Тургеневымъ отправились въ Топки. Описаніе стараго флигеля, въ которомъ мы останавливались, вѣрное въ тонѣ, весьма преувеличено перомъ романиста. По раскрытіи ставней, мухи дѣйствительно оказались напудренными мѣломъ, но никакихъ штофныхъ диванovъ, высокихъ креселъ и портретовъ я не видалъ. А въ одной изъ пустыхъ комнатъ, вмѣсто упоминаемой кровати подъ пологомъ, я увидалъ ткацкій станокъ, на которомъ крѣпостной ткачъ работалъ прекрасную пестрядь. Правда, что, худо ли хорошо ли, намъ приготовили обѣдъ, и старый слуга Антонъ, принарядившись въ сѣрый сюртучекъ, надѣлъ бѣлыя вязаныя перчатки. Послѣ отмѣны даже крѣпостнаго права графъ Л. Толстой говаривалъ: „ѣдете въ заглазное имѣніе, ни о чемъ не хлопочите. Садитесь только за столъ въ вашъ опредѣленный часъ, и вамъ подадутъ вашихъ обычныхъ пять блюдъ“. Дѣйствительно такъ и было во время крѣпостнаго права. Въ заглазное имѣніе обыкновенно отправлялись на покой заслуженные старики—слуги, повара и т. д. Пріѣздъ господъ, какъ звукъ трубы для браконанной лошади, былъ призывомъ къ старинной дѣятельности и случаемъ отличиться.

На другой день нашего пріѣзда въ Топки, Тургеневъ, предчувствуя, что къ нему придутъ крестьяне, мучительно томился предстоящею необходимостью выдти къ нимъ на крыльцо. Сѣтованія эти дотого мнѣ надоѣли, что я вызвался выдти вмѣсто него къ крестьянамъ; и полагаю, что исполнилъ бы это, хоть не съ бо̀льшею пользой, но съ бо̀льшимъ достоинствомъ. Я изъ окна смотрѣлъ на эту сцену. Красивые и видимо зажиточные крестьяне безъ шапокъ окружали крыльцо, на которомъ стоялъ Тургеневъ и, отчасти повернувшись къ стѣнкѣ, царапалъ ее ногтемъ. Какой то мужикъ ловко подвелъ Ивану Сергѣевичу о недостачѣ у него тягольной земли и просилъ о прибавкѣ таковой. Не успѣлъ Ив. Серг. обѣщать мужику просимую землю, какъ подобныя настоятельныя нужды явились у всѣхъ, и дѣло кончилось раздачею всей барской земли крестьянамъ. Само собою разумѣется, что дѣло это оставалось на этомъ основаніи до отъѣзда Ив. Серг. заграницу и пріѣзда Ник. Ник. Тургенева въ Топки. Съ какимъ добросердечнымъ хохотомъ говорилъ онъ мнѣ впослѣд-

ствіи: „неужели, господа-писатели, всѣ вы такіе безтолковые? Вы же съ Иваномъ ѣздили въ Топки и роздали тамъ мужикамъ всю землю, а теперь тотъ же Иванъ пишетъ мнѣ: „дядя, какъ бы продать Топки?“ Ну что же бы тамъ продавать, когда бы вся земля осталась розданною крестьянамъ? Спрашиваю двухъ мужиковъ богачей, у которыхъ своей покупной земли помногу: „какъ же ты, Ефимъ, не постыдился просить?“—„Чего жь мнѣ не просить? Слышу,—другимъ даютъ, чѣмъ же я то хуже?“

Не стану утомлять читателя описаніемъ охотъ за куропатками и съ 8-го сентября за вальдшнепами, которымъ мы предавались съ Тургеневымъ въ окрестностяхъ Спасскаго.

Время подходило къ октябрю, и мы стали собираться въ Москву, куда Борисовы однако съ нами не поѣхали. По пріѣздѣ въ Москву я встрѣтился съ самыми неутѣшительными событіями. Бѣдная невѣстка моя Екат. Дмитр. лежала въ горячкѣ на квартирѣ на Мясницкой, тогда какъ отецъ ея Мансуровъ проживалъ отдѣльно въ одномъ изъ ближайшихъ переулковъ. Докторъ, у котораго я помѣстилъ больнаго брата, разсказывалъ, что брату совѣтовали ежедневныя прогулки, и что онъ, повидимому, сталъ укрѣпляться въ силахъ; но однажды докторъ замѣтилъ у него значительную опухоль груди, которая еще прибавилась на слѣдующій день, а на третій утромъ его нашли въ постели скончавшимся отъ водяной въ груди. Объ этомъ конечно умолчали передъ больной его женою, до собственной кончины не знавшей о смерти мужа, за которымъ послѣдовала въ самомъ непродолжительномъ времени. Поклонившись ей въ ея глазетовомъ гробу, я невольно припомнилъ, какъ за годъ съ небольшимъ они оба съ мужемъ волновались по случаю тринадцати за столомъ въ день ея рожденія.

Со времени нашего съ женою отъѣзда въ Москву, Левъ Никол. Толстой успѣлъ, какъ видно изъ слѣдующаго его письма, присланнаго мнѣ въ Москву изъ Новоселокъ, поохотиться съ Борисовымъ, который и сдалъ ему на время своего доѣзжачаго Прокофія съ лошадью и съ гончими.

24 октября графъ писалъ мнѣ въ Москву:

„Душенька дяденька Фетинька! Ей-Богу душенька, и я

васъ ужасно, ужасно люблю. Вотъ-те и все. Повѣсти писать глупо, стыдно. Стихи писать... Пожалуй пишите; но любить хорошаго человѣка очень пріятно. А можетъ быть противъ моей воли и сознанія не я, а сидящая во мнѣ еще не назрѣвшая повѣсть заставляетъ любить васъ. Что то иногда такъ кажется. Что ни дѣлай, а между навозомъ и каростой нѣтъ-нѣтъ да возьмешь и сочинишь. Спасибо, что еще писать себѣ не позволяю и не позволю. Изо-всѣхъ силъ благодарю васъ за хлопоты о ветеринарѣ и пр. Нашелъ я тульскаго и началъ лѣченье. Что будетъ — не знаю. Да и чертъ съ ними со всѣми. Дружининъ проситъ по дружбѣ сочинить повѣсть. Я право хочу сочинить. Такую сочиню, что ужь ничего не будетъ. Шахъ персидскій куритъ табакъ, а я тебя люблю. Вотъ она штука то. Безъ шутокъ, что вашъ Гафизъ? Вѣдь какъ ни вертись, а верхъ мудрости и твердости для меня, это только радоваться чужою поэзіею, а свою собственную не пускать въ люди въ уродливомъ нарядѣ, а самому ѣсть съ хлѣбомъ насущнымъ. А иногда такъ вдругъ захочется быть великимъ человѣкомъ и такъ досадно, что до сихъ поръ еще это не сдѣлалось. Даже поскорѣе торопишься вставать или доѣдать обѣдъ, чтобы начинать. Всѣхъ такъ называемыхъ глупостей не переговоришь, но пріятно хоть одну сказать такому дяденькѣ, какъ вы, который живетъ только одними такъ называемыми глупостями „закурдалами“. Пришлите мнѣ одно самое здоровое переведенное вами стихотвореніе Гафиза me faire venir l'eau à la bouche, а я вамъ пришлю образчикъ пшеницы. Охота надоѣла смерть. Погода стоитъ прелестная, но я одинъ не ѣзжу. Гончія ваши, Иванъ Петровичъ, живы и здоровы, равно Прокофій и сѣрый меринъ. Очень благодарю васъ за разрѣшенье и воспользуюсь имъ до порошъ. Тогда отправлю Прокофія съ гончими. Еще краснаго звѣря, съ тѣхъ поръ какъ съ вами разстался, травилъ и затравилъ одну лисицу около себя въ поляхъ и самъ. На дняхъ напишу вамъ, а теперь только благодарю за хлопоты и крѣпко обнимаю. Энциклопедію пришлите. Тетенька очень благодаритъ за память; и это не фраза, а всякій разъ какъ я ей прочту вашу приписку, она улыбнется, наклонитъ голову и скажетъ: „однако (почему однако?) какой славный

ловѣкъ этотъ Фетъ". А я знаю за что славный—за то, что она думаетъ, что онъ меня очень любитъ.—Ну-съ прощайте. Пописывайте мнѣ иногда безъ возбудителя ветеринара

Л. Толстой.

30-го октября Тургеневъ писалъ изъ Спасскаго:

„Пишу къ вамъ двѣ строки, чтобы, вопервыхъ, попросить позволенія поставить у васъ на дворѣ на нѣсколько дней мой тарантасъ, а вовторыхъ, чтобы предувѣдомить васъ о моемъ пріѣздѣ въ Москву не ранѣе 5-го или 6-го ноября. До скораго свиданія.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Дѣйствительно, 5 ноября не успѣли мы окончить кофею какъ у нашего крыльца прогремѣлъ знакомый мнѣ тарантасъ, и въ дверяхъ передней я встрѣтилъ взошедшаго по лѣстницѣ Тургенева. Входя въ отведенный ему кабинетъ мой, онъ сказалъ, что, оправившись съ дороги, выйдетъ пить чай къ хозяйкѣ.

За чаемъ онъ былъ, чувствуя себя здоровымъ, веселъ и сказалъ, что сегодня никуда не поѣдетъ со двора, а усядется писать письма и будетъ обѣдать дома и развѣ вечеромъ куда-нибудь сбѣгаетъ. Когда черезъ нѣсколько времени я вошелъ къ нему, то не узналъ своего рабочаго стола.

— Какъ можете вы работать при такомъ безпорядкѣ? говорилъ Ив. Серг., аккуратно подбирая и складывая бумаги, книги и даже самыя письменныя принадлежности.

Въ 5 час. онъ нашелъ на столѣ супъ-потрохъ, о которомъ съ любовью вспоминалъ и заграницей.

За исключеніемъ С. Т. Аксакова, не выѣзжавшаго изъ дому по причинѣ мучительной болѣзни, кто только не перебывалъ изъ московской интеллигенціи у Тургенева за три дня, которые провелъ онъ въ нашемъ домѣ.

Между тѣмъ 14 ноября сестра Надя благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ, названнымъ въ честь дѣда и заочнаго воспріемника П. П. Новосильцова — Петромъ. По настоянію родительницы, какъ я узналъ впослѣдствіи, крестной матерью была избрана сестра Любинька, во все про-

должительное время сватовства Борисова относившаяся къ нему свысока и громко повторявшая, что бракъ съ Борисовымъ есть прямое дѣло рукъ моихъ, чего я въ свое время не скрывалъ отъ самой Нади.

Люди въ большинствѣ случаевъ дѣйствуютъ по тайному инстинкту, не взирая на явный вредъ, происходящій для нихъ отъ ихъ дѣйствій.

Любинька, напримѣръ, всю жизнь истерически рыдала отъ самой обидной брани мужа за ея невозмутимое упрямство и всетаки продолжала упрямиться.

Пріѣхавши въ Новоселки въ качествѣ воспріемницы, не могла же она не чувствовать, что дальнѣйшая ея оппозиція тяжело отзовется на ней же самой.

Тѣмъ не менѣе она неуклонно продолжала къ ней стремиться, какъ магнитъ къ полюсу. Зная, что Иванъ Петровичъ по-французски не говоритъ, она у постели больной упорно говорила при немъ на этомъ языкѣ, а по-русски выражала только радость, что новорожденный похожъ на красивую мать. Подобный тонъ, разумѣется, не послужилъ къ улучшенію отношеній Любиньки къ Борисову.

Между тѣмъ изъ своей воронежской деревни пріѣхалъ къ намъ братъ Петруша на зиму и помѣстился въ прежней комнатѣ Нади. Въ свое время онъ въ Харьковѣ курса не кончилъ, но теперь ему припала охота къ гуманіора. Отъ души желая быть ему полезнымъ, я принялся съ нимъ за чтеніе хорошо мнѣ знакомаго Горація и заставлялъ брата съ моихъ словъ составлять теорію искусствъ, начиная съ пластическихъ до тоническихъ включительно. Я старался выставить скелетъ эстетики въ самыхъ краткихъ и очевидныхъ его сочлененіяхъ.

Однажды гостившій у насъ С. С. Громека прочелъ эту небольшую тетрадку и просилъ ее списать для руководства его дѣтямъ. Я долженъ признаться, что труды наши оказались безуспѣшны, если не принять въ соображеніе, что они помѣшали брату соскучиться въ Москвѣ; но въ скорости явились неоцѣненные братья Толстые и, захвативъ въ свою охотничью среду задушевнаго и добродушнаго брата Петрушу, одушевили его окончательно. Изъ Парижа, куда за два года

передъ тѣмъ, въ 1856 г. Петруша провожалъ брата Василія съ женою, онъ вывезъ дорогое ружье де-Вима, съ которымъ съ тѣхъ поръ не разставался, хотя съ нимъ и не охотился, говоря, что его лягавыя не заслуживаютъ чести, чтобы съ ними охотились съ такимъ ружьемъ. Братъ былъ величайшій чистюля, но щеголемъ никогда не былъ и, вѣроятно, болѣе инстинктивно вывезъ изъ Парижа наполеоновскіе усы и эспаньолку.

Наши музыкальные вечера установились снова, и графиня М. Н. Толстая нерѣдко на нихъ присутствовала. Помню, какъ однажды братъ, увлекшись похвалами своему де-Виму передъ находившимся въ музыкальной залѣ Н. Н. Толстымъ, не вытерпѣлъ и побѣжалъ въ свою комнату за любимымъ ружьемъ, чтобы убѣдить графа въ совершенствѣ оружія. Пронося ружье черезъ домашнія комнаты, братъ вошелъ съ нимъ въ залу въ ту минуту, когда раздался первый музыкальный аккордъ. Приходилось обождать, и братъ, опустивши ружье къ ногѣ, остановился какъ-разъ за кресломъ графини Толстой.

— Посмотрите, обратился ко мнѣ со смѣхомъ Ник. Ник.,— сестра сидитъ охраняемая зуавомъ на часахъ.

Тѣмъ временемъ Тургеневъ изъ Петербурга писалъ отъ 27 декабря 1858 г.

„Amicus Fethus,—sed magis amica veritas“.—Я выправилъ ваши стихи, любезнѣйшій другъ, и отдалъ ихъ сегодня Дружинину, но пускай меня „на площади трехвостникомъ дерутъ“—не могу признать хорошими стиховъ вродѣ:

«Иль тотъ, кто зародясь плѣнять богинь собою
Изъ нѣдра Мирры шелъ, одѣтаго корою».—

и предлагаю уже кстати прибавить къ нимъ слѣдующіе два, въ томъ же родѣ:

Въ чей, пріосанясь, зракъ,—видъ устъ принявъ живой,
Прелестницъ,—взоръ полнъ нѣгъ—игривъ вперяетъ рой».

„Что же касается до вашего спора о Тютчевѣ съ М. Н.,— о Тютчевѣ *не* спорятъ; кто его не чувствуетъ, тѣмъ самымъ доказываетъ, что онъ не чувствуетъ поэзіи — und damit Punctum.

„Я началъ выѣзжать и, послѣ долгаго затворничества и поста, — веду жизнь разсѣянную, и, кажется, опять простудился. Писать много некогда. Что это Толстой не ѣдетъ? Дружининъ его ждетъ съ тоскливымъ нетерпѣніемъ. Ужь не съѣли ли его медвѣди?

„Всѣ здѣшніе здоровы.—На дняхъ Боткинъ, который весь сладокъ, какъ аттическій медъ, далъ намъ лукулловскій обѣдъ съ трюфелями и т. д.

Кланяюсь вашей женѣ и всѣмъ вашимъ. Жму вамъ руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

X.

Концертъ Бозіо.—Покупка Снопса.—Братъ Петруша.—Юлія Пострана.—Свадьба Дм. П. Боткина.—Снова сборы въ Новоселки.—Дорожныя приключенія.—Пирогово.—Странный монахъ.—Графъ С. Н. Толстой.—Охота въ Щигровкѣ.—Пріѣздъ Тургенева.—Возвращеніе въ Москву.—Снова болѣзнь Нади.—Мысли о покупкѣ имѣнія.—Опять въ Новоселкахъ.—Отъѣздъ заграницу графа Николая Толстаго и его письма.—Письма Тургенева и Боткина.

Навѣщавшій насъ по временамъ веселый Дмитрій Петровичъ Боткинъ однажды сообщилъ, что онъ хочетъ у одной опекунши бабушки просить руки воспитываемой ею шестнадцатилѣтней внучки.

Зная участіе, которое мы принимаемъ въ его судьбѣ,—онъ предложилъ намъ побывать на предстоящемъ концертѣ итальянцевъ въ Дворянскомъ Собраніи, въ которомъ главную роль должна была играть Бозіо, про которую шутники говорили: „да не будетъ тебѣ *бозіи* иніе развѣ менѣ“, гдѣ, какъ онъ узналъ, будетъ избираемая имъ дѣвушка съ своею замужнею сестрою. Во время перваго антракта намъ указали входившую красивую блондинку съ роскошными волосами, что и требовалось доказать. Меломаномъ я никогда не былъ, но иногда самая простая и задушевная мелодія въ состояніи подѣйствовать на меня потрясающимъ образомъ. Доказательствомъ того и другаго могъ бы послужить концертъ мадамъ Віардо, прослушанный мною въ Парижѣ. Къ несчастію, во время настоящаго концерта Бозіо, у меня закралась мысль, что добровольно на этомъ вечерѣ я смотрѣлъ невѣсту, а обязательно долженъ восхищаться концертомъ. Эта мысль съ каждымъ тактомъ все болѣе отравляла музыкальные звуки,

такъ что подстрекаемая возрастающими фіоритурами предстала въ видѣ единственнаго вопроса: „что же обязываетъ меня долѣе терпѣть эту несносную пытку, отъ которой я сейчасъ избавлюсь за подъѣздомъ Собранія, гдѣ меня ожидаетъ собственная карета и слуга, который объяснитъ женѣ моей, что я уѣхалъ провести вечеръ въ Пикулину, квартировавшему невдалекѣ на Петровкѣ?“ Чтобы не мѣшать другимъ, отправляясь съ объясненіями къ женѣ, я, взявши стоявшую возлѣ моего стула уланскую шапку, направился къ лѣстницѣ, ведущей изъ Собранія, но и тамъ нестерпимыя рулады все еще меня преслѣдовали. Спрашиваю слугу, — слуги нѣтъ. Я не зналъ, что, по случаю большаго съѣзда, жандармы многихъ согнали въ отдаленныя залы сѣней. Послѣ тщетныхъ поисковъ слуги, я вышелъ въ одномъ мундирѣ при 25-и градусномъ морозѣ на крыльцо и, прошедши до угла Собранія, взялъ перваго извощика съ полостью и, завернувшись въ его попонку, приказалъ гнать на Петровку къ Пикулину, котораго квартира тѣмъ не менѣе была не ближе версты отъ Дворянскаго Собранія. Узнавши въ чемъ дѣло, Пикулинъ расхохотался и принялся отпаивать меня чаемъ съ коньякомъ. Черезъ часъ въ передней раздался звонокъ, а затѣмъ рыдающая жена моя разсказала, что послѣ тщетныхъ поисковъ за мною со стороны ея знакомыхъ по всѣмъ боковымъ заламъ Собранія, слуга, подававшій ей шубу, объявилъ, доставая изъ простыни и мою шубу и калоши, что онъ не знаетъ куда я дѣвался, и что она наугадъ велѣла ѣхать къ Пикулину. Эта безобразная съ моей стороны продѣлка имѣла одно хорошее послѣдствіе: жена дала слово не возить меня ни въ какіе концерты,—и сдержала его.

Я забылъ сказать, что, еще до пріѣзда къ намъ въ Москву Тургенева, Борисовы писали мнѣ, что оставленный на ихъ попеченіе прелестный мой Непиръ кончился отъ душившей его горловой жабы. Такимъ образомъ еще въ ту же осень я остался безъ собаки. Зайдя въ писчебумажный магазинъ на Воздвиженкѣ, я былъ пораженъ красотою бѣлаго понтера съ коричневыми ушами. Понтеръ этотъ принадлежалъ самому хозяину магазина, страстному охотнику, вѣроятно изъ вольноотпущенныхъ. Понтера звали Снопсомъ, и хозяинъ про-

лъ за него сто рублей. Не взирая на то, что истратить ъ то время на свою прихоть сто рублей было съ моей сто-оны почти непростительно, я спалъ и видѣлъ предъ собою расавца Снопса и упросилъ разсказывавшаго о его спо-обностяхъ чудеса хозяина показать его въ полѣ. Осенній ролетъ вальдшнеповъ еще не кончился, и мы, нанявши изво-щика, отправились за городъ съ охотникомъ, уснащавшимъ обильно весь разговоръ свой фразою: „*по-французски*". Такъ на постояломъ дворѣ, наливая себѣ въ стаканчикъ водки изъ объемистой фляжки, онъ, выпивши и закусивши кускомъ лѣба, сказалъ: „по-французски". Затѣмъ, подвязавъ калоши рюкъ сверхъ голенищевъ желтыми бумажными фитилями изъ воего магазина, онъ не преминулъ сказать: „по-французски". Почему онъ предполагалъ, что французы такъ собираются а охоту — дѣло его. Только однажды видѣлъ я короткую ойку Снопса, такъ какъ вѣроятно напуганный вальдшнепъ е выдержалъ, но тѣмъ не менѣе красота собаки меня побѣ-ила, и я ее купилъ. Тургеневу Снопсъ тоже очень понравился; азохотился и братъ Петруша, глядя на красивую собаку, и ъ тѣмъ большимъ рвеніемъ сталъ искать для себя породи-ой собаки, что ходить за нею спеціально было кому, такъ акъ изъ деревни онъ выписалъ себѣ кучера съ рысистою ошадью и слугу Антона. Навѣстивши бывшаго хозяина нопса, братъ высказалъ свое желаніе имѣть бѣлую безъ мѣтъ самку сетера, и, конечно, желаемая собака нашлась пріятеля магазинщика, или была имъ нарочно пріискана ля брата. Тутъ съ страстнымъ увлеченіемъ, отличавшимъ сѣ дѣйствія брата, начались самыя оригинальныя съ его сто-оны продѣлки. Предлагаемая самка должна была въ ско-ости принести щенятъ знаменитой породы; поэтому, чтобы кружить должнымъ попеченіемъ ожидаемыхъ щенятъ, братъ анялъ отдѣльное помѣщеніе, изъ двухъ комнатъ въ ниже-емъ этажѣ флигеля, въ которомъ проживала сама хозяйка ома. Казалось бы, этого было довольно; но брату вздума-ось въ новомъ своемъ помѣщеніи устроить угощеніе про-авцамъ охотникамъ. Для этого, кромѣ всякихъ дорогихъ за-усокъ, были нашему повару заказаны маіонезъ и разнаго ода блюда. Но что всего было для меня страннѣе, это то,

что братъ умолялъ меня придти на эту закуску. Ничего не могло быть нелѣпѣе этого завтрака, пожираемаго стоя, такъ какъ оба гостя, не взирая ни на какія просьбы, не рѣшились сѣсть; и я, пришедши къ самому жареному, тоже стоя, со стаканомъ шампанскаго въ рукѣ, поздравлялъ брата съ покупкою, а ихъ съ продажею. Антонъ ежедневно по нѣскольку разъ въ день выводилъ Бланку на своркѣ гулять по двору, и однажды я узналъ, что Бланка принесла двѣнадцать щенятъ. Щенки подростали, а тѣмъ временемъ подошла и масляница, послѣ которой братъ собирался отправиться въ далекую Грайворонку.

Чтобы доставить удовольствіе своимъ степнымъ служителямъ, братъ отпустилъ ихъ на гулянье подъ Новинское, насладиться всевозможными балаганными диковинками.

Какъ односторонняя, а потому несправедлива мысль, будто простая грамотность или такъ называемая натертость развиваетъ въ человѣкѣ нравственность,—вся Москва въ то время могла убѣдиться изъ слѣдующаго факта.

Проѣзжая по Подновинскому, я самъ зашелъ въ балаганъ, гдѣ показывали Юлію Пострану. Едва ли впродолженіе многихъ вѣковъ придется увидать что либо болѣе необычайное, непріятное и грустное.

На сцену, въ короткихъ юбкахъ танцовщицы, вышла мулатка съ черною кудрявою головою и большой, широкой, черной бородой. Не смотря на худощавость ея рукъ и ногъ и общее выраженіе лица, это была несомнѣнная женщина, а не обезьяна. Рядомъ съ нею на сценѣ стоялъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ красавецъ брюнетъ американецъ, подъ руководствомъ котораго она танцевала балетъ, не смотря на очевидные признаки послѣдней степени беременности. Въ доказательство неподдѣльности своей особы, она переходила черезъ оркестръ и жала руки зрителямъ первыхъ рядовъ, въ томъ числѣ и мою. Черезъ недѣлю въ газетахъ было напечатано, что несчастная женщина умерла родами, произведя на свѣтъ подобную себѣ дочь, и американецъ будто бы, набальзамировавъ родильницу и собственную дочь свою, продалъ ихъ въ музей.

Неужели безграмотный древній патріархъ, воспитанный въ

чувствахъ гостепріимства и покровительства слабому, долженъ уступить въ дѣлѣ нравственности этому цинически безсердечному американцу?

Вечеромъ братъ со смѣхомъ разсказывалъ о возвращеніи своего Антона съ гулянья. Довольный своимъ днемъ, Антонъ говорилъ, что они „до Юліи *Пространной* не дошли“.— „Но до кабака, прибавилъ братъ отъ себя, они, видимо, добрались“.

По полученіи Дм. П. Боткинымъ согласія на бракъ, въ домѣ ихъ тотчасъ же приступлено было къ отдѣлкѣ прежней квартиры Грановскихъ, а на 16-е января былъ назначенъ день свадьбы. На помолвкѣ, въ великолѣпномъ домѣ невѣсты, я сидѣлъ рядомъ съ Василіемъ Боткинымъ, старавшимся въ глазахъ бабушки заслужить наилучшее мнѣніе. Въ воспоминаніи моемъ объ этомъ днѣ ярко сохранились два пункта.

Въ гостиной бабушки я залюбовался великолѣпными на стѣнахъ гобеленами, между прочимъ съ одной стороны:—*Похищеніе Прозерпины*, а съ другой — *Юпитера въ видѣ бѣлаго быка, уносящаго по морю Европу*.

Объ этихъ коврахъ я впослѣдствіи такъ часто напоминалъ молодой Боткиной, что она по смерти бабушки упросила братьевъ уступить ей эти ковры, и понынѣ украшающіе лѣстницу Дм. Петровича.

Второй моментъ, сохранившійся въ моей памяти, былъ тотъ, когда къ церковной паперти подкатило новое съ иголочки ландо, привезшее невѣсту въ церковь; — соскочившій съ козелъ слуга напрасно силился отворить дверцу кареты, дверца не отворялась, а невѣсту невозможно было выпустить. Тогда экипажный мастеръ Ильинъ, пришедшій на паперть полюбоваться эффектомъ своей кареты, подскочилъ къ дверкѣ и, убѣдившись въ невозможности отпереть ее, сдернулъ и подогнулъ правый рукавъ своей шубы и, защитивъ такимъ образомъ кулакъ, вышибъ имъ зеркальное стекло кареты. Раскидавъ осколки стекла, онъ мгновенно запустилъ руку по внутренней сторонѣ дверки, отперъ ее и принялъ подъ руку невѣсту. Все это исполнено было такъ быстро и ловко, что невѣста едва ли обратила вниманіе на это маленькое происшествіе.

Зато между каретниками оно долго было памятно, и мой старикъ Пироговъ, много лѣтъ спустя, говаривалъ: „хорошо такъ это случилось у Ильина, такъ и сошло благополучно, а случись у нашего брата,—ну и запирай заведеніе“.

Между тѣмъ Тургеневъ писалъ изъ Петербурга отъ 7 января 1859 г.

„Любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, посылаю вамъ оттискъ моей повѣсти и прошу судить о ней строго и даже сурово,—и напишите мнѣ ваше мнѣніе. Тотчасъ по прочтеніи прошу передать экземпляръ Аксаковымъ съ прилагаемымъ письмомъ къ Сергѣю Тимофеевичу. — Ну прощайте, обнимаю васъ и кланяюсь вашей женѣ“.

Ив. Тургеневъ.

P. S. „Не замѣшкайте передачей повѣсти“.

10 января онъ писалъ:

„Любезнѣйшій Фетъ, пишу вамъ два слова впопыхахъ: уголъ разумѣется у меня вамъ всегда готовъ—пріѣзжайте и погостите. Вы пишете, что Л. Толстой сюда поѣхалъ—здѣсь онъ никому не показался, должно быть въ Бологовѣ опять схватился съ медвѣдемъ.

„Кланяюсь вашей женѣ и жду васъ. Получили ли вы мою повѣсть.

Vale et me ama.

Ив. Тургеневъ.

Отправляясь на свою Грайворонку, братъ нанялъ долгаго извощика съ закрытой кругомъ повозкой. Снѣга въ этомъ году были громадны, и къ тому же, какъ нарочно, со дня выѣзда брата изъ Москвы, поднялись мятели. Легко себѣ представить безконечное ныряніе по ухабамъ съ плетушкой, наполненной щенками, съ ночлегами, при которыхъ щенки вносились въ избу и откармливались молокомъ.

Наступалъ мартъ мѣсяцъ и, приказавши поставить каретутарантасъ на полозья, я ежедневно сталъ торопить нашъ отъѣздъ въ Новоселки, зная, что по обтаявшему шоссе никакіе ямщики не возьмутся везти большаго саннаго эки-

пажа. Опасенія мои оправдались, и мы съ величайшимъ трудомъ протащились двѣ первыхъ станціи. Ночью мы прибыли въ Серпуховъ и, перемѣнивъ лошадей, спустились къ переправѣ черезъ Оку. Береговой сторожъ съ палочкой въ рукахъ остановилъ насъ и объявилъ, что переѣздъ сталъ очень опасенъ, а тѣмъ болѣе для тяжелаго экипажа, что и легкія сани съ трудомъ пробираются между открывшимися справа и слѣва полыньми.

— Ну, любезный другъ, сказалъ я, выпроводи насъ на тотъ берегъ и получишь рубль на чай. Сторожъ, видимо, отставной солдатикъ, сказалъ ямщику: „ну, другъ, я стану указывать тебѣ дорогу, а ты ужь валяй во весь духъ“. При этомъ онъ сталъ на лѣвую отводину кареты и дѣйствительно все время кричалъ: „правѣй! лѣвѣй!“ покуда мы во весь духъ неслись черезъ широкую Оку. При лунномъ свѣтѣ то справа, то слѣва чернѣли полыньи, у краевъ которыхъ вода слегка всплескивала при нашемъ проѣздѣ. Но вотъ мы уже на правомъ берегу Оки и, поблагодаривъ проводника, пускаемся въ дальнѣйшій путь.

Въ тотъ же день, узнавъ въ Тулѣ отъ Ясенковскихъ ямщиковъ, что графъ Л. Н. Толстой дома, мы рады были заѣхать въ Ясную Поляну и передохнуть въ дорогѣ у гостепріимныхъ хозяевъ.

Графъ встрѣтилъ насъ радушно и особенно любезна была его тетенька Т. А. На другой день передъ нашимъ отъѣздомъ графъ подарилъ мнѣ двухъ лягавыхъ щенковъ, и пришлось вспомнить любимую поговорку Тургенева: „чему посмѣешься, тому и поработаешь“. Давно ли я трунилъ надъ плетушкой со щенятами, повезенной братомъ Петрушей въ Землянскій уѣздъ? А теперь самому пришлось забирать плетушку, правда, съ двумя щенками, къ себѣ въ карету. Ѣхать оставалось уже не слишкомъ далеко, и поздно ночью мы добрались до Мценска.

Такъ какъ пришлось въ деревню ѣхать на вольныхъ, то я приказалъ ямщику везти насъ не на станцію, а на постоялый дворъ. Говорятъ:—до разсвѣта никто не повезетъ, такъ какъ вода залила ледъ на Зушѣ, а въ тяжелой каретѣ и по проселку не проѣдешь. Надо ночевать.

Отворяю дверь въ комнаты постоялаго двора и меня пор жаетъ невыносимый запахъ угара.

— Помилуйте! восклицаю я, — да у васъ въ комната угаръ!

— У насъ всегда такъ, отвѣчаетъ хладнокровно хозяин

Тѣмъ не менѣе ночевать при такомъ угарѣ невозможно надо „хоть плыть да быть“. Послѣ долгихъ совѣщаній рѣше было ѣхать въ крытой кругомъ повозкѣ, въ которую вл зать можно только было въ боковое отверстіе, завѣшанн циновкой. Повара мы оставили ночевать во Мценскѣ съ тѣм чтобы на другой день, забравши съ собою поклажу, он оставилъ карету до просухи на постояломъ дворѣ. Конечн ямщика пришлось соблазнить тройными прогонами. Лоша готовы, и въ отверстіе кибитки полѣзли мы съ женою, го ничная Марьюшка, и затѣмъ подали намъ туда же во ты и плетушку со щенками. Когда мы пріѣхали къ мѣсту гд няго парома, то увидали шумящія струи рѣки, по которы никто не могъ бы догадаться, что онѣ несутся сверху ль Подъѣхавъ къ водѣ, ямщикъ остановилъ лошадей, сказавш „воля ваша, я не поѣду, я боюсь“. Я вспомнилъ, что ш гахъ во ста, тутъ же на правомъ берегу Зуши, стояла из перевощика Ѳедота. Не пускаясь въ дальнѣйшія разсужд нія, я поднялся въ гору и сталъ стучать въ его окно. Н конецъ, я услыхалъ что дверь отперли, и я впотьмахъ в шелъ избу.

— Ѳедотъ! крикнулъ я перевощику.

— Ахъ, батюшка Аѳан. Аѳан.! Это вы? вскрикнулъ Ѳ дотъ, узнавши меня по голосу.

— Можно тройкой переѣхать на Новосельскую сторону?

— Можно.

— Ну такъ собирайся и проводи насъ до самыхъ Нов селокъ.

— Сейчасъ, батюшка!

И точно, минутъ черезъ пять, не зажигая огня, Ѳедо собрался въ дорогу и пошелъ со мною къ кибиткѣ.

— Боюсь! продолжалъ вопить ямщикъ. — Тройку пот пишь.

— Отвѣчаю тебѣ за тройку, сказалъ я.

— Эхъ, ты! воскликнулъ Ѳедотъ, — а еще ямщикъ! Давай сюда возжи!

— Боюсь! сказалъ ямщикъ, слѣзая съ козелъ и подавая возжи Ѳедоту.

Видя, что это лишь проба для возбужденія смѣлости ямщика, я пригласилъ моихъ спутницъ выйти изъ повозки, и Ѳедотъ, разогнавши съ берега лошадей, проѣхалъ до половины рѣки и, описавши кругъ по водѣ, стоявшей по крайней мѣрѣ на четверть сверху льда, поставилъ снова повозку на старое мѣсто и сказалъ: „видишь“! Только тутъ набравшійся смѣлости ямщикъ сѣлъ на козлы, а мы снова забрались въ повозку. Шлепающая и брызжащая вода, слава Богу, въ повозку не дохватила, и мы благополучно выскочили на противуположный берегъ. Не успѣли мы выбраться на знакомый Новосельскій проселокъ, какъ повалилъ снѣгъ, скоро превратившійся въ сильную мятель. Зная, что намъ придется подыматься на изволокъ по занесенной снѣгомъ дорогѣ, я помирился съ мыслію, что долго придется тащиться все въ томъ же направленіи, соображаясь съ бьющей съ правой стороны мятелью. Но наконецъ терпѣніе мое истощилось, тѣмъ болѣе что по разсчету моему три версты, которыя приходилось намъ проѣхать въ одномъ направленіи, должны были быть пройдены въ теченіи часа въ дорогѣ. Явно, что намъ слѣдовало поворачивать налѣво къ мостику черезъ р. Ядрину, впадающую въ Зушу. Это я объяснилъ Ѳедоту, конечно, въ видѣ предположенія, такъ какъ заметенной дороги различить было невозможно. Но на это Ѳедотъ упорно возражалъ, что мы ѣдемъ какъ слѣдуетъ. Видя, что онъ уведетъ насъ Богъ знаетъ куда, ибо мятель все подъ тѣмъ же угломъ била въ рогожку нашего входа, я настойчиво крикнулъ: „вороти налѣво“! Вѣтеръ тотчасъ же сталъ дуть намъ въ тылъ, а черезъ четверть часа Ѳедотъ закричалъ: „а вѣдь и точно ваша правда! Никакъ передъ нами чернѣетъ мостъ“! Оба подъѣзда къ мосту были затоплены Ядриной, и только самый горбъ моста чернѣлъ посерединѣ рѣчки.

— Ѳедотъ! сказалъ я,—надо дорогу верхомъ испробовать!

— Сейчасъ! сказалъ Ѳедотъ и, отложивъ лѣвую пристяжную, поѣхалъ къ мосту въ нѣсколькихъ шагахъ передъ нами.

Но не успѣлъ онъ добраться до открытаго теченія, какъ лошадь его по самый хомутъ провалилась въ воду, и былъ моментъ, когда я за него не на шутку струхнулъ. Лошадь однако стала подъ нимъ усиленно выбиваться къ берегу и наконецъ вы-скочила на снѣгъ. Положеніе было критическое. Переѣхать по мосту нечего было и думать, и пришлось бы снова тащиться къ городу.

— Тутъ, сказалъ Ѳедотъ, у самаго устья Ядрины есть переходъ по льду. Да до него лугомъ съ полверсты пожалуй будетъ. Можетъ его и совсѣмъ сломало, а можетъ и цѣлъ еще.

Не довѣряя проводникамъ, я отправился пѣшкомъ вдоль зачерпнувшагося водою луга, причемъ конечно высокія калоши мои тотчасъ налились водою.

— Вотъ онъ, переходъ то! крикнулъ Ѳедотъ,—и я увидалъ двѣ треугольныя льдины, упирающіяся своими основаніями въ берега и вершинами другъ въ друга. Конечно, ледяной этотъ сводъ висѣлъ на воздухѣ, и подъ нимъ клокотала вешняя вода. Проѣхать тройкой тутъ было немыслимо, и на самой вершинѣ свода повозка могла пройти только однимъ полозомъ. Первымъ по своду перешелъ Ѳедотъ, за нимъ послѣдовалъ я, и онъ по одной подводилъ моихъ спутницъ, которыхъ я за руку перехватывалъ черезъ клокочущую бездну. Отпрягли лошадей, и добрыя животныя скокомъ перебрались ко мнѣ, одно за другимъ. Оставалось самое трудное: переправить повозку. Лѣвый полозъ прочно стоялъ на воздушномъ сводѣ, но правый приходилось, передвигая по льду легкую повозку, поддерживать на мгновеніе совершенно на воздухѣ, такъ какъ полозъ былъ не довольно длиненъ чтобы, теряя опору на одномъ берегу, опереться на другомъ. Въ этотъ моментъ Ѳедотъ и ямщикъ дали повозкѣ совершенно опуститься правымъ бокомъ къ безднѣ, и, не взирая на сложность нашего положенія, я услыхалъ восклицаніе жены моей „щенята, щенята попадаютъ въ воду!“

Наконецъ повозка перешла на правый берегъ, запряжена и мы забрались въ свои мѣста. Но тутъ новое затрудненіе. Такъ какъ мы переправились не по торной дорогѣ, а цѣликом, то и въ лежащее передъ нами село Ядрино приходи

ось пробираться цѣликомъ, объѣзжая невѣдомые рвы окоицы. Едва только я втягивалъ голову въ повозку, прячась во мракъ отъ бьющаго въ лицо снѣга, какъ возницы наши сбивались съ настоящаго направленія. Это наконецъ вывело меня, до колѣнъ промокшаго, изъ терпѣнія, и я раза съ два крикнулъ: „да куда-жь вы опять къ черту вправо-то забрали?“

— О Госьподи! раздалось во мракѣ шепелявое восклицаніе Марьюшки:—сто это они нечистаго поминаютъ, который насъ и такъ всю ночь водитъ?

Выбрались наконецъ на выгонъ передъ церковью, и до Новоселокъ осталось въ гору версты четыре, и стало быть простое дѣло терпѣнія. Наконецъ въ три часа утра мы добрались до Новосельскаго крыльца, протащившись часовъ шесть на разстояніи, которое слѣдовало бы проѣхать въ полчаса. Отправляясь на родной свой мезанинъ, я предварительно подошелъ къ буфетному шкапу и налилъ себѣ цѣлый стаканъ травнику, раздѣлся и легъ спать тепло укрывшись.

Поутру мы проснулись безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій.

Въ Новоселкахъ встрѣтили мы новаго жильца: маленькаго Петрушу Борисова, отличавшагося необыкновеннымъ размѣромъ головы для такого малаго ребенка. Сестра Надя совершенно оправилась, и прошлогодняя жизнь наша вошла въ свою обычную колею. И такъ какъ Тургенева не было въ Спасскомъ, то графъ Ник. Ник. Толстой еще чаще сталъ осѣщать насъ на своемъ „безсмертіи души“.

— Завтра, сказалъ онъ однажды, я поѣду отсюда во Тценскъ и, взявши почтовую пару въ „безсмертіе души“, покачу по шоссе сперва къ брату Сергѣю въ Пирогово, а затѣмъ къ Левочкѣ въ Ясную Поляну. Поѣдемте вмѣстѣ! Они очень будутъ рады увидать васъ.

На другой день неизмѣнныя желтыя дрожки покойно донесли насъ по шоссе и въ сторону до села Пирогова. Ник. Ник. ушелъ отъ меня впередъ во внутренніе покои, вѣроятно чтобы предупредить о моемъ пріѣздѣ, и я одинъ поднялся въ переднюю. Единственнымъ встрѣченнымъ мною здѣсь лицомъ былъ стоявшій во весь ростъ красивый старикъ

съ бѣлыми какъ лунь вьющимися волосами и такою же бородою пышнымъ вѣеромъ, одѣтый въ безукоризненно бѣлую парусинную рясу.

Я раньше слыхалъ отъ Толстыхъ курьезные разсказы о помѣшанномъ монахѣ В—вѣ, давно оставившемъ монастырь и проживавшемъ у знакомыхъ. Бѣлый старикъ держалъ въ рукѣ какую то стклянку, въ которой взбалтывалъ бѣлую микстуру.

Поклонившись ему, я спросилъ, не можетъ ли онъ указать мнѣ мѣсто, гдѣ бы я могъ умыться и избавиться отъ покрывавшей меня пыли?

— Позвольте, сказалъ незнакомецъ, взбалтывая микстуру. Вамъ надо прежде всего очистить вотъ этимъ глаза.

— Покорно васъ благодарю, сказалъ я. Я предпочитаю умыться водою.

— Нѣтъ, этого нельзя. Я сейчасъ пущу вамъ этого въ глаза.

Но тутъ на выручку мою явился хозяинъ дома и избавилъ меня отъ непрошеннаго благодѣянія.

Со времени этого перваго моего знакомства съ графомъ Сергѣемъ Николаевичемъ, судьба впослѣдствіи сводила насъ довольно часто, и наши характеры оказались дотого сходны, что я не помню никакого между нами спора, а напротивъ, мнѣніе, высказанное однимъ, казалось другому у него подслушаннымъ. Одного этого обстоятельства достаточно, чтобы удержать меня отъ всякихъ похвалъ или порицаній по адресу графа. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ, что основной типъ всѣхъ трехъ братьевъ Толстыхъ тождественъ, какъ тождественъ типъ кленовыхъ листьевъ, не взирая на все разнообразіе ихъ очертаній. И еслибы я задался развить эту мысль, то показалъ бы, въ какой степени у всѣхъ трехъ братьевъ присуще то страстное увлеченіе, безъ котораго въ одномъ изъ нихъ не могъ бы проявиться поэтъ Л. Толстой. Разница ихъ отношеній къ жизни состоитъ въ томъ, съ чѣмъ каждый изъ нихъ отходилъ отъ неудавшейся мечты. Николай охлаждалъ свои порывы скептической насмѣшкой. Левъ уходилъ отъ несбывшейся мечты съ безмолвнымъ урокомъ; а Сергѣй—съ болѣзненной мизантропіей. Чѣмъ болѣе у подобныхъ

характеровъ первоначальной любви, тѣмъ сильнѣе хотя на время сходство съ Тимономъ Аѳинскимъ.

Въ домѣ графа я съ удовольствіемъ встрѣтилъ графиню Марью Никол., которой имѣніе примыкаетъ къ Пирогову, составляя отдѣльную его часть. Погода стояла прекрасная, и графиня скоро повела насъ въ обширный садъ съ широко расчищенными дорожками и разсказывала мнѣ о недавнемъ веселомъ праздникѣ въ Пироговѣ по случаю чьихъ то именинъ. „Ночь была прекрасная, говорила она,—и мы за полночь прогуляли въ саду. Вотъ этотъ самый мостикъ черезъ канаву былъ ветхъ, и, не зная чѣмъ иллюстрировать веселый праздникъ, монахъ В—ъ поджогъ мостикъ, и когда тотъ въ темнотѣ распылался, сталъ черезъ него прыгать. Фантастически ненаглядна, продолжала графиня, была его бѣлая фигура, озаренная снизу пылающимъ огнемъ".

За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть около красиваго старца монаха, и онъ не заставлялъ вызывать себя на разговоры, оказавшись неисчерпаемо краснорѣчивымъ. Служивши при Александрѣ въ гусарахъ, онъ не допускалъ никакого сравненія своего времени съ настоящимъ и говорилъ: „вы, Николаиты, объ Александровцахъ судить не можете".

— Почему вы такъ думаете?

— Я вамъ это докажу логически, исторически, философически, географически, математически, политически...

— Да вѣрю, вѣрю.

— Да нѣтъ-съ, позвольте!—Грамматически, драматически. критически и т. д.

Къ вечеру этотъ же самый ех-монахъ взялъ гитару и подсѣлъ къ графинѣ Марьѣ Никол. Съ большимъ вкусомъ онъ сталъ подыгрывать извѣстную пѣсню:

„Полоса ль моя полосынька"

и когда графиня вполголоса ее запѣла, онъ тоже вполголоса сталъ вторить ей пріятнымъ теноромъ.

Прогостивъ дня два въ Пироговѣ, мы съ Ник. Ник. побывали и въ Ясной Полянѣ, и затѣмъ онъ тѣмъ же порядкомъ доставилъ меня въ Новоселки.

Отъ 17 іюня В. Боткинъ писалъ изъ Кунцева:

„10 іюня братъ Петинька и все семейство отправились въ Петербургъ, и сегодня они оттуда уѣзжаютъ въ Ревель, проведя недѣлю въ Петербургѣ. Кажется, что онъ произвелъ на нихъ большое впечатлѣніе: да это такъ и быть должно, когда подумаешь, что они до сихъ поръ почти не выѣзжали изъ Москвы. А Петербургъ хотя по виду всетаки городъ европейскій; для русскаго же человѣка все европейское имѣетъ таинственное обаяніе. Такъ и быть должно, иначе мы были бы осуждены вѣчно коснѣть, подобно финнамъ и другимъ низшимъ племенамъ, въ нашемъ—не скажу варварствѣ — а въ тупости и младенчествѣ. Собственно говоря, всякій народъ, все равно европейскій или азіатскій, тупъ и младенецъ. Послѣдняя война сняла плеву съ нашихъ глазъ; она показала, что съ тупостью и младенчествомъ народа въ наше время далеко не уѣдешь. Назвавшись европейскимъ государствомъ, надо идти сообразно съ европейскимъ духомъ, или потерять всякое значеніе. Мы тридцать лѣтъ боролись съ европейскимъ духомъ и опомнились, очутившись у бездны. Мы только теперь начинаемъ понимать, что мы государство бѣдное, истощенное всяческою неурядицею, что мы не по одежкѣ протягивали ножки, что мы почти наканунѣ новаго банкротства, что наша полицейская роль въ Европѣ была безумствомъ. Да и многіе ли понимаютъ это теперь? Но великое счастіе въ томъ, что это наконецъ поняло правительство. Винить тутъ некого: виновата та же тупость и младенчество;—вѣдь онѣ ходятъ не въ армякѣ только, но и въ шитыхъ золотомъ мундирахъ. Мы дѣйствительно самое еще младенческое государство въ Европѣ, и наши такъ называемые „образованные“ напрасно съ такимъ презрѣніемъ смотрятъ на „необразованныхъ“. Тутъ опять разница въ одномъ только платьѣ и внѣшности; внутренно же та же самая дичь, только подъ другими формами“.

В. Боткинъ.

Вначалѣ іюня по предварительному соглашенію въ Новоселки пріѣхалъ съ поваромъ и съ лягавою собакою братъ Петръ Аѳан. Въ то время какъ мы сговаривались съ гр. Ник. Толстымъ объ отъѣздѣ изъ Новоселокъ на тетеревей въ Щиг-

ровку, И. Тургеневъ прислалъ изъ заграницы дядю отправить единовременно съ нами туда же знаменитаго Аѳанасія и еще другаго охотника, при которомъ состояла лягавая собака Весна, на которую И. С., послѣ устарѣлой Бубульки, возлагалъ большія надежды.

Во Мценскѣ наняли мы поденно ямщика съ хорошею тройкой и пузатѣйшимъ хотя и легкимъ тарантасомъ. Всѣмъ тремъ намъ рядомъ было совершенно просторно, такъ же какъ и нашимъ собакамъ на сѣнѣ подъ высокими козлами. Благодаря прелестной погодѣ и еще болѣе прелестному нраву Н. Толстаго, умѣвшаго такъ естественно, какъ никто, ѣхать на этой тройкѣ, въ этомъ тарантасѣ и по этой землѣ,— поѣздка наша была дѣйствительнымъ праздникомъ, которому недаромъ издали завидовалъ Тургеневъ. Конечно, и на этотъ разъ намъ пришлось ночевать въ Болховѣ на постояломъ дворѣ, откуда на другой день мы отправились въ дальнѣйшій путь. Когда мы отъѣхали верстъ за 30, стало невыносимо жарко.

По дорогѣ ни ручья, ни колодца.

— Должно быть это кабакъ, сказалъ Ник. Ник., указывая на стѣснившіяся передъ нами подводы у дверей одинокой придорожной избы. — У нихъ иногда бываетъ ледъ и пиво. Хорошо бы теперь выпить по стаканчику!

Пока слѣзшій съ козелъ поваръ пошелъ распрашивать о пивѣ, мы были свидѣтелями слѣдующей сцены. Кругомъ небольшой площадки передъ дверью кабака сдвинуты были большія ломовыя телѣги съ сильными и рослыми лошадьми, обращенными головами къ площадкѣ. Два громадныхъ ломовыхъ извощика, чернявый и рыжій, плясали передъ порогомъ кабака, не взирая на пекущее солнце. Оба были въ лаптяхъ и въ синихъ пестрядинныхъ рубахахъ. Чернявый, пускаясь въ плясъ, старался на гармоникѣ подыгрывать барыню, причемъ музыка и пляска разомъ придавали его лицу подъ шляпой, торчащей грешневикомъ, какой-то озабоченный видъ. Зато рыжій, какъ видно, дошелъ до самаго края восторга: съ растегнутымъ воротомъ на загорѣлой груди, онъ выкидывалъ своими лаптями самые округлые, хотя и рискованные па, и при этомъ раскачивалъ на правой ладони

свою шляпу грешневикомъ, полную самой свѣжей земляники. Обходя кругъ, онъ внезапно остановился противъ доброй, рыжей лошади и, прижимая къ груди лѣвой рукою и цѣлуя ея голову, воскликнулъ: „Васька! вотъ люблю тебя! Поди-жь ты!“ и затѣмъ, продолжая плясать, ласково крикнулъ Толстому: „баринъ, земляничекъ неугодно ли?“ и затѣмъ, ударяя себя въ грудь: „вѣдь какъ у кого, а въ насъ не молчитъ она, эта самая водка!“

Давши имъ двугривенный на стаканчикъ, мы тронулись въ дальнѣйшій путь.

Чтобы не утомить читателя новымъ описаніемъ тетеревиной охоты въ Щигровкѣ, скажу только, что въ первые дни мы старались оставлять Ник. Ник. съ опытными Тургеневскими охотниками. Но въ слѣдующіе дни, не знаю почему, онъ сталъ отъ нихъ отбиваться. Позволю себѣ только разсказать эпизодъ, способный, по моему мнѣнію, всего болѣе уяснить наши взаимныя роли. Шелъ я долгое время за своей собакой, не находя ничего и не слыша никакой стрѣльбы. Вдругъ въ недальнемъ разстояніи слышу два выстрѣла, а минутъ черезъ пять еще два, очевидно на томъ же мѣстѣ. Откликнувъ къ себѣ собаку, подвигаюсь впередъ и выхожу на большое открытое поле, въ которое острымъ мысомъ врѣзается густой, молодой лѣсъ. Замѣтивъ на ближайшей ко мнѣ опушкѣ брата Петра Аѳанасьевича, слышу въ то же время отчаянные его вопли: „да вѣдь я Христомъ да Богомъ прошу!“

— Чего ты кричишь? спрашиваю я, подходя къ брату, торопливо заряжающему ружье.

— Да вѣдь вотъ они, тетерева-то! Цѣлый выводокъ! Кушь ты, проклятая! Николай Николаевичъ! ради Бога, свою-то подзовите собаку! Вѣдь я Христомъ да Богомъ прошу!

— Погоди! сказалъ я.—Что-жь ты дѣлаешь? Ты сперва заряжаешь дробью, а потомъ порохомъ, да и разсыпаешь заряды безбожно. Куда ты торопишься? Давай сюда ружье, я тебѣ заряжу.

Пришлось разряжать и продувать превратно заряженное ружье. Мое спѣшное занятіе не мѣшало брату восклицать: „да вѣдь я Христомъ да Богомъ прошу!“

Вдругъ явственно слышу издали голосъ Ник. Ник.: „Гос-

поди! чего онъ тамъ оретъ? Я давно сижу на землѣ, и собака лежитъ около меня".

Можно себѣ представить, какова была стрѣльба брата послѣ такой горячки. Вылетѣлъ молодой тетеревъ вдоль опушки; братъ далъ промаха, а я убилъ тетеревенка.

— Чего ты горячишься? говорилъ я брату; и, вѣроятно, чтобы вполнѣ послѣдовать моему совѣту, братъ досталъ изъ ягташа кусокъ чернаго хлѣба и сталъ его жевать. Въ это время собака моя твердо остановилась у густой древесной стѣнки, куда трудно было ожидать чтобы бросилась поднятая птица.

— Ступай, сказалъ я брату, къ опушкѣ съ лѣвой стороны собаки, а я пойду съ правой. Ужь на кого либо изъ насъ тетеревъ налетитъ.—Когда мы почти сошлись справа и слѣва надъ собакою, молодой тетеревъ, поднявшись вверхъ, бросился въ тѣсный промежутокъ между стѣнкою зелени и братомъ. Братъ, держа приготовленное въ лѣвой рукѣ ружье и боясь, чтобы тетеревъ не сбилъ съ его носа очковъ, инстинктивно выставилъ правую руку, придерживая корку хлѣба передъ лицомъ. По невѣроятной случайности, тетеревъ краемъ лѣваго крыла попалъ между трехъ большихъ пальцевъ брата, которые онъ точно также инстинктивно сжалъ. Къ удивленію моему, я увидалъ, что затрепетавшій при взлетѣ тетеревъ продолжаетъ трепетать на одномъ мѣстѣ, передъ самымъ лицомъ брата. Оказалось, что братъ совершенно неожиданно и неправдоподобно рукою, держащею кусокъ хлѣба, поймалъ налету тетерева.

По возвращеніи въ Новоселки я засталъ слѣдующее письмо Тургенева изъ Виши отъ 18 іюня 1859:

„Любезнѣйшій Фетъ, сколько разъ я собирался писать къ вамъ, и все не „вытанцовывалось". Сегодня кажется наконецъ удастся. Я нахожусь въ городишкѣ Виши, въ средней Франціи, не въ дальнемъ разстояніи отъ Клермона; пью воду и купаюсь отъ своей болѣзни, и до сихъ поръ пользы никакой не ощущаю. Народу здѣсь много, но все французики; русскихъ мало и неинтересные. Я не жалуюсь: это даетъ мнѣ возможность работать; но до сихъ поръ моя Муза, какъ застоявшаяся лошадь, сѣменитъ ногами и плохо подвигается

впередъ. По страничкѣ въ день. Часто думаю о Россіи, о русскихъ друзьяхъ, о васъ, о нашихъ прошлогднихъ поѣздкахъ, о нашихъ спорахъ. Что-то вы подѣлываете? Чай, поглощаете землянику возами съ какимъ-то религіозно-почтительнымъ расширеніемъ ноздрей при безмолвно-медлительномъ вкладываніи нагруженной верхомъ ложки въ галчатообразно раскрытый ротъ. А Муза? А Шекспиръ? А охота? Письмо это отыщетъ васъ вѣроятно по возвращеніи изъ Щигровки, куда вы вѣроятно ѣздили съ Аѳанасіемъ. Извѣстите, Бога ради, какъ вы охотились? Много ли было тетеревей? Какъ дѣйствовали собаки, въ особенности *Весна*, дочь Ночки? Подаетъ ли она надежду? Все это меня крайне интересуетъ. Вы не повѣрите, какъ мнѣ хотѣлось бы теперь быть съ вами: все земное идетъ мимо, все прахъ и суета, кромѣ охоты:

Wie des Rauches Säule weht,
Schwindet jedes Erdenleben,
Nur die Schnepfen, Hasen, Birk-, Reb-, Hasel-und andere Hühner; die Hasen, Enten, Becassinen, Doppel-und Waldschnepfen
bleiben stets.

„Извѣстите меня обо всемъ на свѣтѣ: о вашей женѣ, о вашей сестрѣ, о Борисовѣ, о его сынѣ, о крестьянскомъ вопросѣ, о литературѣ, о *Современникѣ* и *Временникѣ*, о журналахъ, о моемъ дядѣ и его семействѣ (надѣюсь, что вы ихъ видаете), о Толстомъ и Толстой, о купальнѣ на Зушѣ, о березовой аллеѣ, о томъ, загорѣли ли вы, умываетесь ли вы, о Мценскомъ соборѣ, о количествѣ грачей, о томъ, продолжаютъ ли они играть надъ кручью Веселой Горы, о *засухѣ*, которая насъ здѣсь пугаетъ, о паромѣ на Зушѣ, объ огрызенныхъ ракитахъ по дорогамъ, о кабакахъ и трезвости, о томъ, измѣнился ли запахъ въ избахъ, о Некрасовѣ и вашихъ съ нимъ счетахъ, о москвичахъ, о наидрагоцѣннѣйшемъ и наивозлюбленнѣйшемъ мудрецѣ и перепатетикѣ Николаѣ Толстомъ, о брюхѣ Порфирія и о билліардной игрѣ съ нимъ, о заусенцахъ, о носѣ, засиженномъ мухами двухъ поколѣній,— словомъ, обо всемъ. Я же съ своей стороны ни о чемъ васъ не извѣщаю, ибо знаю, что для васъ все западное, все европейское есть нѣчто вродѣ мерзости... Я, кажется, заврался.

„Пишите мнѣ въ Парижъ, poste restante à M. Ivan T.— Тургеневыхъ вдругъ въ Парижѣ расплодилось какъ мухъ. Я попрежнему твердо надѣюсь быть дома въ августѣ мѣсяцѣ: пострѣляемъ еще вмѣстѣ куропатокъ и вальдшнеповъ.

„Прощайте, любезнѣйшій поэтъ! Дружески кланяюсь всѣмъ вашимъ и жму вамъ руку.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

P. S. „Я забылъ главное: объ Аполлонѣ Григорьевѣ, объ Аполлонѣ, объ Аполлонѣ!!!"

Надо прибавить, что, въ видахъ избавленія дома отъ дѣтскихъ криковъ, сестра съ ребенкомъ и кормилицей переселилась въ исконное женское и дѣтское помѣщеніе на мезанинѣ; а мы съ женой перебрались въ такъ называемый и дѣйствительно новый флигель между домомъ и кухней. Эта перемѣна привела насъ къ какому-то физическому и отчасти духовному особняку. Борисовъ, любившій историческія сочиненія, выписывалъ ихъ и читалъ вслухъ своей женѣ—(*Русскій Архивъ*, *Исторію Петра Великаго* — Устрялова), которая видимо очень ими интересовалась. Что же касается до меня, то, оставаясь во флигелѣ, когда жена моя уходила въ домъ играть на роялѣ, я впадалъ въ тяжкую скуку. Жить въ чужой деревнѣ внѣ сельскихъ интересовъ было для меня всегда невыносимо, подобно всякому бездѣлью, а усердно работать я могу только попавъ въ капканъ какого-либо опредѣленнаго, долгосрочнаго труда, и при этомъ нужно мнѣ находить точку опоры въ привычной обстановкѣ, подобно танцору, увѣрявшему, что онъ можетъ танцовать только отъ печки, около которой всегда стоялъ въ танцъ-классѣ. Чтобы не отставать отъ другихъ, я приходилъ въ домъ читать вслухъ Иліаду Гнѣдича. Чтобы не заснуть надъ перечисленіями кораблей, я читалъ ходя по комнатѣ, но и это не помогало: я продолжалъ громко и внятно читать въ то время, какъ уже совершенно спалъ на ходу. Нашимъ дамамъ стоило большаго труда изрѣдка вечеромъ вызывать меня на прогулку.

Между тѣмъ Тургеневъ писалъ изъ Куртавнеля отъ 16 іюля 1859:

«Безцѣнный Фетъ, мудрецъ и стихотворецъ!
Я получилъ любезное письмо,
Направленное вами изъ «Поляны»,—
Въ томъ замкѣ, гдѣ вы нѣкогда со мною
Такъ спорили жестоко, и гдѣ я
У васъ въ ногахъ валялся униженно.
Въ немъ ничего не измѣнилось, только
Тотъ ровъ, который, помните, струился
Предъ вашими смущенными глазами,—
Теперь поросъ густой травой и высохъ;
И дѣти выросли... Что жь дѣлать дѣтямъ,
Какъ не расти? Одинъ я измѣнился
Къ гораздо худшему. Я всякій разъ
Какъ къ зеркалу приближусь, съ омерзѣньемъ
На пухлое, носастое, сѣдое
Лицо свое взираю... Что же дѣлать?
Жизнь насъ торопитъ, гонитъ насъ какъ стадо...
А смерть, мясникъ проворный, ждетъ да рѣжетъ...
Сравненіе достойное Шекспира!
(Не новое, однако, къ сожалѣнью!)
Я къ вамъ писалъ изъ города Виши
Недавно; стало-быть не нужно болѣ
Мнѣ говорить о личности своей.
Скажу одно: въ началѣ сентября
Я въ Спасскомъ, если шаръ земной не лопнетъ,—
И вмѣстѣ вальдшнеповъ мы пострѣляемъ.
Объ васъ я говорить хочу: я вами
Ужасно недоволенъ; берегитесь!
Скучливый человѣкъ, вы на стезю
Опасную ступили, не свалитесь
Въ болото злой зѣвающей хандры,
Слезливаго тупаго равнодушья!
Иллюзіи, вы говорите, нѣтъ...
Иллюзія приходитъ не извнѣ,—
Она живетъ въ самой душѣ поэта.
Конечно, въ сорокъ лѣтъ ужь не летаютъ
Надъ нами въ романтическомъ эоирѣ
Обсыпанныя золотомъ и свѣтомъ
Тѣ бабочки съ лазурными крылами,
Которыя чаруютъ наши взоры
Въ дни юности; но есть мечты другія,

Другія благородныя видѣнья,
Одѣтыя въ бѣлѣющія ризы,
Обвитыя немеркнущимъ сіяньемъ.—
Поэтъ, иди за ними и не хнычь!
(Фу, батюшки! какой высокій слогъ!)
А на землѣ *колъ* есть покойный уголъ,
Да добрый человѣкъ съ тобой живетъ,
Да не грозитъ тебѣ недугъ упорный,—
Доволенъ будь, — *«большáю»* не желай,
Не бейся, не томись, не злись, не кисни,
Не унывай, не охай, не канючь,
Не требуй ничего и не скули...
Живи смиренно, какъ живутъ коровы,
И мирной жуй воспоминанья жвачку.
Вотъ мой совѣтъ, а впрочемъ какъ угодно!
Увидимся и больше потолкуемъ...
Вѣдь вы меня дождетесь въ сентябрѣ?
Пожалуста поклонъ мой передайте
Супругѣ вашей и сестрѣ; скажите
Борисову, что я люблю и помню
Его; Толстаго Николая поцѣлуйте
И Льву Толстому поклонитесь,—также
Сестрѣ его. Онъ правъ въ своей припискѣ:
Мнѣ *не за что* къ нему писать. Я знаю,
Меня онъ любитъ мало, и его
Люблю я мало. Слишкомъ въ насъ различны
Стихіи; но дорогъ на свѣтѣ много:
Другъ другу мы мѣшать не захотимъ.
Прощайте, милый Фетъ; я обнимаю
Васъ крѣпко. Здѣшняя хозяйка вамъ
Велѣла поклониться. Будьте здравы
Душой и тѣломъ, Музу посѣщайте
И не забудьте насъ.

„*Иванъ Тургеневъ*“.

іюля Тургеневъ писалъ изъ Бельфонтеня (возлѣ Фонте-
ı):
юбезный Фетъ, я не могу понять, отчего вы не получаете
ъ писемъ? Я вамъ ихъ написалъ уже три. Мнѣ было бы
ь досадно, еслибъ они пропали, не потому, что содер-

жаніе ихъ очень важно, а потому, что вы пожалуй можете подумать, что я забываю своихъ друзей. Послѣднее мое письмо (въ бѣлыхъ стихахъ) было, какъ говорится, „пущено“ мною изъ извѣстнаго вамъ Куртавнеля, куда я возвращаюсь черезъ недѣлю; а теперь я живу у князя Трубецкаго, въ домѣ, окруженномъ прекраснымъ садомъ и великолѣпнымъ Фонтенебльскимъ лѣсомъ. Вы, счастливецъ, охотитесь, а здѣсь охота начнется не раньше, какъ черезъ четыре недѣли. Я буду присутствовать при ея открытіи, поколочу куропатокъ, зайцевъ и можетъ-быть фазановъ, а тамъ — маршъ домой. Пока я занимаюсь своимъ романомъ, который подвигается понемногу и, надѣюсь, будетъ конченъ къ половинѣ ноября.

„Много вы мнѣ говорите любезностей въ вашемъ письмѣ; желалъ бы я, чтобы всѣ мои читатели были такъ снисходительны, какъ вы, и умѣли читать между строчками недосказанное и недодуманное мною. Посмотрю, понравится ли вамъ мой новый трудъ: это было бы большимъ для меня ручательствомъ за его дѣльность. Я съ вами часто спорю и не соглашаюсь, но питаю большое уваженіе къ вашему художническому вкусу.

„Стихотвореніе, присланное вами, очень мило и безукоризненно. Жаль, что находятся два и: „И нѣгой“ „И всеобъемлющій“. Но это мелочная придирка d'un blasé.

„Жду описанія вашей охоты въ Щигровкѣ. Какъ-то понравилась она Николаю Толстому? У меня слюни текли при мысли, что я могъ быть съ обоими вами тамъ... Что̀ дѣлать? Во время вальдшнеповъ онъ уѣдетъ за своими зайцами да лисицами... Вотъ горе! Хотѣлъ бы я посмотрѣть на него въ разгарѣ съ „французомъ“ Аѳанасіемъ. Съ какою собакой вы охотились?—Привезу вамъ Даумера непремѣнно.

„А почта наша безобразна. Письма идутъ, идутъ—и конца нѣтъ. Состарѣться успѣешь, пока отвѣтъ получишь. Я давнымъ-давно послалъ письмо къ Анненкову — и никакого отвѣта. Журналы тоже очень поздно приходятъ, а иныхъ, какъ напримѣръ, *Русское Слово*, — и въ глаза не видишь. Я очень радъ, что ваша хандра прошла. Какую хандру не прогонитъ охота?

„Поклонитесь отъ меня всѣмъ: вашей женѣ, вашей сестрѣ, Борисову. Будьте здоровы. Дружески жму вамъ руку.

„Вашъ *Ив. Тургеневъ*“.

Слѣдующее за этимъ письмо требуетъ нѣкотораго разъясненія, безъ котораго не можетъ быть понятно.

Изъ подлинныхъ писемъ Тургенева можно было видѣть его привычку пародировать иногда очень забавно не нравящіеся ему стихи. Такъ, между прочимъ, во время чтенія въ пріятельскомъ кругу моего перевода *Юлія Цезаря*, Тургеневъ, пародируя нѣкоторые стихи, придумалъ:

«Брыкни, коль могъ, большаго пожелавъ
Стать имъ, коль нѣтъ и въ меньшемъ безъ препонъ».

Конечно, такія пародіи предназначались для пріятельскаго круга, а никакъ не для публики, чего, конечно, не могъ не понимать Некрасовъ; а между тѣмъ въ разборѣ моего „Цезаря“ онъ напечаталъ эту пародію, нимало не стѣсняясь. Въ примѣръ обычной его безцеремонности, Тургеневъ приводитъ случай съ длинною повѣстью Некрасовскаго пріятеля, тянувшеюся чрезъ нѣсколько книжекъ *Современника*. Повѣсть надоѣла Некрасову, громогласно зѣвавшему надъ ея корректурой; и вдругъ на самомъ патетическомъ мѣстѣ, не предупредивъ ни словомъ автора, онъ подписалъ: „она умерла“— и сдалъ въ печать.

О несовпаденіи пропаганды Некрасова съ его дѣйствіями я бы могъ сказать многое. Остановлюсь на весьма характерномъ моментѣ.

Шелъ я по солнечной сторонѣ Невскаго лицомъ къ московскому вокзалу. Вдругъ въ глаза мнѣ бросилась встрѣчная коляска, за которою я, не будучи въ состояніи различить сѣдока, увидалъ запятки, усѣянныя гвоздями. Вспомнивъ стихотвореніе Некрасова на эту тему, я невольно вообразилъ себѣ его негодованіе, еслибъ онъ, подобно мнѣ, увидалъ эту коляску. Каково же было мое изумленіе, когда въ поравнявшейся со мною колескѣ я узналъ Некрасова.

Тургеневъ писалъ изъ Куртавнеля 1 августа 1859:

„Что за притча, милѣйшій Фетъ, что вы ни одного письма

моего не получили? Я вамъ ихъ написалъ цѣлыхъ четыре— въ стихахъ и въ прозѣ, адресуя въ городъ Мценскъ. Это письмо я наконецъ рѣшаюсь отправить черезъ дядю Николая Николаевича. Авось хоть такъ оно дойдетъ.—Черезъ шесть недѣль, если я буду живъ, я васъ увижу. Мое мѣсто уже взято на пароходѣ, отплывающемъ изъ Штетина 4 сентября. Стало-быть къ Никитину дню (14 сентября) я въ Спасскомъ и на другой же день колочу вальдшнеповъ. Неутѣшительны ваши свѣдѣнія объ охотѣ въ Щигровкѣ меня смущаютъ: отчего же это нѣтъ тетеревовъ? Радуетъ меня успѣхъ моей *Весны;* если она такъ же будетъ хороша, какъ собою красива, то она далеко пойдетъ. А пока *лущите* дупелей съ Аѳанасіемъ, только въ Карачевскихъ, а не въ прошлогоднихъ болотахъ.

„Я не читалъ статьи о вашемъ *Цезарѣ,* но фактъ допущенія въ статьѣ, подписанной незнакомымъ именемъ, пріятельскихъ шутокъ, вродѣ: „Брыкни“ и т. д. достоинъ господина Некрасова и его вонючаго цинизма. Кажется, легко было понять, что ни мнѣ, ни вамъ (въ особенности мнѣ) это не могло быть пріятно. Да и наконецъ, какое имѣютъ эти господа право покушаться на частныя дѣла? Да вѣдь этому злобно зѣвающему барину, сидящему въ грязи, все равно... „Она умерла...“ Но мнѣ это очень досадно. — До свиданія! Кланяюсь всѣмъ вашимъ и жму вамъ руку. Будьте здоровы.

„Вашъ *Ив. Тургеневъ*“.

Наконецъ, послѣ долгихъ сборовъ и обѣщаній, Тургеневъ пріѣхалъ въ Спасское, и мы, хотя съ грѣхомъ пополамъ, поохотились съ нимъ на куропатокъ и вальдшнеповъ. На одномъ изъ приваловъ онъ вдругъ предался своей обычной забавѣ придираться къ моей безпамятности съ географическими именами, требуя, напримѣръ, двадцати названій французскихъ городовъ. На этотъ разъ онъ требовалъ только пяти португальскихъ, кромѣ Лисабона. „Только пяти“, настойчиво прибавлялъ онъ. Назвавъ Опорто и Коимбру, я было сталъ втупикъ, но вдругъ вспомнилъ урокъ изъ Арсеньевской географіи, и языкъ мой машинально пролепеталъ: Тавиро, Ѳаро и Лагосъ портовые города. „Ха-ха-ха! вынужденно захохоталъ

Тургеневъ; какой ужасный вздоръ!“—„Очень жаль, что вы ихъ не знаете“, сказалъ я, надѣясь на своего Арсеньева, какъ на каменную гору. Тургеневъ досталъ памятную книжку и записалъ города. „Хотите пари?“—„Пожалуй, отвѣчалъ я, на бутылку шампанскаго!“—„Нѣтъ! фальцетомъ протянулъ Тургеневъ: я хочу пробрать васъ хорошенько,—на дюжину шампанскаго!“—„Это значило бы пробрать васъ!“—„Знаемъ мы эти штуки! воскликнулъ Тургеневъ: это незнаніе въ одеждѣ великодушія“. Мы ударили по рукамъ. На другой день Тургеневъ, подходя ко мнѣ въ биллiардной со старою книжкой въ рукахъ, сказалъ: „а вѣдь шампанское-то я проигралъ, вѣдь вотъ они въ самомъ дѣлѣ, эти нелѣпые города“.

Начались и у псовыхъ охотниковъ сборы. Борисовъ, неспособный по лѣни и безпечности къ настойчивому произведенію новыхъ цѣнностей, имѣлъ особенный талантъ устроиться съ тѣмъ, что̀ попадало ему въ руки, и, смотря на покойный тарантасъ и гнѣдую тройку, собранную изъ остатковъ Новосельскихъ и Фатьяновскихъ лошадей, Левъ Николаевичъ говорилъ мнѣ: „а Борисовъ себѣ троечку прикукобилъ!“ Но выѣзды на охоту были пока у Борисова недальніе, а собирались его соучастники въ дальній отъѣздъ только по отправленіи насъ всѣхъ, т. е. его жены съ маленькимъ Петрушей и насъ въ Москву, куда самъ Борисовъ долженъ былъ въ концѣ осени послѣдовать за нами.

Тургеневъ писалъ изъ Спасскаго:

„Что̀ же это значитъ, милостивый государь? Мы васъ съ женой ждали всѣ эти дни. Я былъ такъ увѣренъ въ вашей аккуратности. что проигралъ пари по вашей милости: я держалъ сто франковъ, что вы пріѣдете. Графиня М. Н. Толстая васъ ждала, а вы не пріѣхали. Она наконецъ вчера уѣхала, а вчера я слышалъ во Мценскѣ, что въ воскресенье вы собираетесь въ Москву. Если вы съ Марьей Петровной не пріѣдете къ намъ завтра, т.-е. въ среду обѣдать, — я на вѣки вѣчные съ вами разсорюсь,—und damit Punctum!

„Пришлите мнѣ пожалуйста забытую мною у васъ банку помады въ картонномъ футлярѣ и до непремѣннаго свиданія.

„Вашъ *Ив. Тургеневъ*“.

Усадивъ въ четвероместную Новосельскую карету вместѣ съ нами кормилицу съ ребенкомъ, мы скоро покатили по шоссе въ Москву. На другой же день по пріѣздѣ намъ съ сестрой приходилось ѣхать на Никольскую въ тульскія лавки купить для ребенка желѣзную кроватку. Наши молодыя сѣры уже успѣли прибыть въ Москву, и я, болѣе надѣясь на себя, чѣмъ на кучера, приказалъ запречь пролетку парой. Дорогой все вниманіе мое было сосредоточено на рысакахъ. Но когда мысъ сестрой вошли въ магазинъ, и я, разсматривая предлагаемыя кроватки, сталъ просить одобренія Нади, то убѣдился, къ ужасу моему, что на нее нашелъ окончательно столбнякъ. Видно было, что она пассивна до окаменѣлости. Приказавъ уложить кроватку съ чехломъ въ пролетку, я не безъ усилія усадилъ сестру рядомъ съ собою и пламенно желалъ только добраться домой безъ публичныхъ приключеній.

Не теряя времени, отправился я къ доктору Красовскому, умолять его о немедленномъ пріемѣ знакомой ему больной. Не взирая на положительный отказъ со стороны доктора, за неимѣніемъ помѣщенія, я объявилъ ему, что привезу больную и оставлю у него въ пріемной, такъ какъ оставлять ее въ домѣ при ребенкѣ невозможно.

Тургеневъ писалъ изъ Спасскаго 9 октября 1859:

„На дняхъ я писалъ къ вамъ, милѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, желая узнать, что у васъ дѣлается, а вы предупредили мое желаніе и сами пишете. Новости пока неутѣшительныя. Что дѣлать! Должно вооружиться терпѣніемъ. Прошу васъ выразить все мое сочувствіе бѣдному Ивану Петровичу; я право не знаю, за что онъ меня благодаритъ. На кого бы не подѣйствовалъ подобный ударъ?

„А кстати я вамъ подарилъ *Гафиза*. Добрый геній мнѣ это подшепнулъ. Переводы ваши хороши. Но наученный Шекспиромъ, я становлюсь неумолимымъ. А именно:

„Леденцы“ румяныхъ устъ—очень нехорошо.

„Удивительное дѣло, какъ вы, поэтъ и съ чутьемъ, способны иногда на такое безвкусіе. Метръ васъ поѣдомъ поѣдаетъ:

„Въ томъ, съ чѣмъ можно позабыть еще однимъ“— стихъ, лишенный смысла. Этакъ нельзя отрывать слова: „съ чѣмъ...“

и „однимъ“. Не забудьте, что *однимъ* есть также дательный падежъ множественнаго числа.

„Переводъ второй пѣсни хорошъ безукоризненно, хотя „*улыбнуться*—Вешнія *грозы*“—мнѣ кажется нѣсколько натянутымъ. Но сколько я могъ замѣтить, въ тонъ *Гафиза* вы попали. Продолжайте не спѣша, и можетъ выдти прелестная книжечка.

„Я все сижу дома, съ тѣхъ поръ какъ Борисовъ отсюда уѣхалъ. Я простудился и у меня кашель. Но это не мѣшаетъ мнѣ работать, и я работаю. Но что такое я дѣлаю—Господь вѣдаетъ. Забрался въ каменоломню, бью направо и налѣво, пока, кромѣ пыли, мнѣ самому ничего не видно. Авось выйдетъ что-нибудь.

„Дамы наши очень кланяются вамъ всѣмъ. Съ Толстымъ мы бесѣдовали мирно и разстались дружелюбно. Кажется, недоразумѣній межъ нами быть не можетъ, потому что мы другъ друга понимаемъ ясно, и понимаемъ, что тѣсно сойтись намъ невозможно. Мы изъ разной глины слѣплены.— Прощайте пока. Желаю вамъ всѣмъ всего хорошаго и дай Богъ выдти поскорѣе изъ-подъ той черной тучи, которая на васъ налетѣла. Жму руки вамъ, вашей женѣ и Борисову. Въ Москвѣ я буду, если Богъ дастъ, около 20 ноября.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

13 ноября онъ писалъ:

„Милѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Я бы давно отвѣчалъ вамъ, да вы прибавили въ post-scriptum: „напишите, когда васъ ждать?“ Я хотѣлъ сказать вамъ что-нибудь положительное, но болѣзнь моя играетъ со мною, какъ кошка съ мышью, — то я говорю, то опять долженъ замолкнуть, словомъ, я и теперь ничего навѣрное сказать не могу, а только приблизительно могу сказать, что около 22-го буду въ Москвѣ. Разумѣется, я вамъ тотчасъ дамъ знать, а остановлюсь въ гостинницѣ, потому что я въ Москвѣ останусь всего одинъ день.

„Очень мнѣ тяжело и грустно, что не только нѣтъ отъ васъ добрыхъ вѣстей, но все еще продолжаются печали и несчастія: пришла бѣда, растворяй ворота. Должно закутать голову и ждать конца грозы.

„Вотъ что я имѣю сказать о присланныхъ стихахъ:

„Тополь“—хорошъ. Но мнѣ ужасно жаль сиротокъ риѳмъ: „спора“ и „не увялъ“:—куда дѣлись ихъ подружки?—И потому я для удовлетворенія своего уха читаю такъ:

«Пускай мрачнѣй, мрачнѣе дни *задоря*
И осени тлетворной вѣетъ *балъ*“...

„Смысла нѣтъ, но есть гармонія.

„Переводъ изъ *Гафиза*

«Дышать взлетаетъ радостью эѳирной»...

—заимствовано у Кострова.

„Вашихъ *медицинъ*—германизмъ.

„Грѣшный человѣкъ!—я смѣялся, увидѣвъ въ *Библіотекѣ для Чтенія*, что стихъ передъ *знаменитымъ* стихомъ:

«Изъ лона Мирры шелъ»...

—*выпалъ* (вы удивительно счастливы на опечатки)—и теперь вмѣстѣ съ ученою нотой внизу вышла такая темнота, что даже волки, привыкшіе къ осеннимъ ночамъ, должны завыть со страха.

„Крѣпко жму вамъ руку, кланяюсь вашей женѣ, Борисову и всѣмъ хорошимъ пріятелямъ,—и говорю (человѣку свойственно надѣяться) до свиданія!

„Вашъ *Ив. Тургеневъ*“.

Наконецъ 23 ноября Тургеневъ пріѣхалъ въ Москву и прислалъ мнѣ слѣдующую записку:

„Я сейчасъ пріѣхалъ сюда, любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ,—и остановился въ гостинницѣ Дрезденъ. Прошу васъ пожаловать и, если можно, на своей лошади, ибо я попрошу васъ съѣздить къ Ѳеоктистову (или Каткову) и Аксакову, такъ какъ я самъ нездоровъ и никуда не выѣду сегодня, а завтра надо отправиться въ Петербургъ, чтобы тамъ засѣсть по прошлогоднему недѣль на шесть. Кланяюсь вашимъ. До свиданія.

„*Ив. Тургеневъ*“.

28 ноября онъ писалъ уже изъ Петербурга:

„Любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., вчера происходило чтеніе вашего перевода изъ *Гафиза*—передъ Дружининымъ и Анненковымъ. Вотъ результатъ этого чтенія. 35 стихотвореній раздѣляются на три разряда: *первый*—безукоризненныя, *второй*—стихотворенія, въ которыхъ потребны исправки; *третій*—стихотворенія отвергаемыя. (Замѣчу кстати, что выборъ, сдѣланный вами, не совсѣмъ удовлетворителенъ: вы, налегая на эротическія стихотворенія, пропустили много хорошихъ) *).

„Публика не знаетъ *Гафиза*, котораго надобно ей представить такъ, чтобъ онъ ее завоевалъ, чтобъ она его учуяла. Впослѣдствіи менѣе значительныя стихотворенія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, могутъ быть напечатаны въ видѣ дополненія.

„Я все еще сижу у себя въ комнатѣ и не выхожу. Кашель меня все еще долбитъ и грудь не въ порядкѣ. Мнѣ переслали ваше письмо изъ деревни.—Фетъ! помилосердуйте! Гдѣ было ваше чутье, ваше пониманіе поэзіи, когда вы не признали въ *Грозѣ* (Островскій читалъ ее вчера у меня) удивительнѣйшее, великолѣпнѣйшее произведеніе русскаго, могучаго, вполнѣ овладѣвшаго собою таланта? Гдѣ вы нашли тутъ мелодраму, французскія замашки, неестественность? Я рѣшительно ничего не понимаю, и въ первый разъ гляжу на васъ (въ *этою рода* вопросѣ) съ недоумѣніемъ. Аллахъ! какое затменіе нашло на васъ?

„Пишите мнѣ на Большую Конюшенную, въ домъ Вебера. Поклонитесь всѣмъ вашимъ. Крѣпко жму вашу руку".

„Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*".

Маленькаго Петю Борисова отняли отъ груди и крестьянку кормилицу отправили въ деревню, а къ нему наняли пожилую нѣмку, которая, не разбирая никакихъ обстоятельствъ или занятій, приставала съ ребенкомъ ко всѣмъ, а оставаясь съ нимъ одна въ залѣ, брала его тотчасъ подъ мышки и, тыча едва еще умѣвшими стоять ноженками въ полъ для мнимой пляски, постоянно припѣвала:

---

*) Здѣсь слѣдуютъ подробныя указанія.

«Казашекъ мой, казашекъ.
Коротеньки ножки мой.
Красненьки сапожки мой».

Не удивительно, что, въ крайне сомнительномъ положеніи относительно будущности, Борисовъ иногда ронялъ слова вродѣ: „я и самъ не знаю, гдѣ мнѣ придется жить“. Такія слова съ одной стороны, а убѣжденіе въ невозможности находить матеріальную опору въ литературной дѣятельности съ другой,—привели меня къ мысли искать какого-либо собственнаго уголка на лѣто.

Тогда подмосковныя имѣнія были баснословно дешевы, и я едва не купилъ небольшое имѣніе подъ Серпуховымъ.

Боткинъ писалъ изъ Парижа 3 декабря 1859:

„Я такъ давно не писалъ къ вамъ, милые друзья, что даже совѣстно передъ самимъ собою, не только передъ вами. О васъ я знаю только то, что вы пріѣхали въ Москву и что съ сестрой твоею случилось несчастіе, которое, я надѣюсь, не можетъ быть продолжительнымъ. Послѣдующихъ свѣдѣній о ходѣ ея болѣзни я не имѣю и ради вашего спокойствія отъ всей души желаю, чтобы все снова пришло въ порядокъ. Что сказать вамъ о себѣ? Въ душѣ моей тихо и душно, какъ передъ грозой, но грозы ни откуда не предвидится, а потому вѣрнѣе будетъ сравнить ее со стоячимъ болотомъ. Я все хотѣлъ ѣхать въ Россію, но простудился, и недѣли двѣ прошли въ хвораньи, а потомъ наступили холода, которые убили охоту пускаться въ дальнюю дорогу. Такимъ образомъ вотъ уже болѣе мѣсяца живу въ Парижѣ, не имѣвъ намѣренія остаться здѣсь болѣе двухъ недѣль.

„Нѣсколько дней назадъ слышалъ *Орфея*, оперу Глюка, которая доставила одно изъ высочайшихъ удовольствій, какія я имѣлъ только въ жизни моей. Madame Віардо въ роли Орфея превосходно играетъ, но поетъ плохо по неимѣнію голоса, хотя и отлично сохраняетъ стиль Глюка. Вотъ какъ мы измельчали, что даже понять и передать величавый стиль композитора XVIII столѣтія считается теперь достоинствомъ.

„У меня есть до тебя просьба, которую, сдѣлай милость, исполни: я послалъ недѣли двѣ назадъ статью къ Павлу Михайловичу Леонтьеву — для *Русскаго Вѣстника*. Эта статья

носитъ названіе: „Двѣ недѣли въ Лондонѣ“. Узнай, расположены ли они напечатать ее въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Если нѣтъ, то возьми ее у нихъ и немедленно перешли Дружинину. Если же *Русскій Вѣстникъ* напечатаетъ ее, то попроси прислать мнѣ оттискъ ея sous-bande. Это очень дешево стоитъ, и лучше всего возьми у нихъ оттискъ и пришли его самъ на имя Homberg съ передачей мнѣ. Въ рукописи моей я забылъ выставить мое имя, пусть его выставятъ. Да напиши мнѣ что-нибудь о литературныхъ новостяхъ. Оттискъ пришли мнѣ не франкируя его, а только обернувъ его узенькою бумагой и напиши адресъ. Что наши пріятели? Что Дружининъ? Тургеневъ, кажется, занятъ своею новою повѣстью.

„Отъ всего сердца цѣлую милую Машу. Дай вамъ Богъ здоровья.

„Вашъ *В. Боткинъ*“.

Тургеневъ писалъ изъ Петербурга 15 февраля 1860:

„Милый Аѳ. Аѳ., переписываться съ вами для меня потребность, и на меня находитъ грусть, если я долго не вижу вашъ связно-красивый, поэтическо-безалаберный и кидающійся изъ пятаго этажа почеркъ. Что вы подѣлываете? Моя сказка сказывается двумя словами: часъ спустя послѣ того какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, у меня открылось кровохарканіе, которое меня нѣсколько сконфузило: докторъ Здекауеръ объявилъ мнѣ, что у меня какая-то хроническая гадость въ горлѣ, что мнѣ надо сидѣть дома и пить рыбій жиръ, что я и дѣлаю. Впрочемъ я не удержался и выѣхалъ разъ, а именно на балъ къ Вел. Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, гдѣ я увидѣлъ много милыхъ женщинъ, и гдѣ все было весьма великолѣпно и изящно. Пріятелей здѣшнихъ я видѣлъ всѣхъ, начиная, разумѣется, съ Анненкова: всѣ здоровы и благополучны. Гончарова я однако-же не видалъ. Случевскій написалъ еще три стихотворенія, которыя будутъ напечатаны въ *Современникѣ* и изъ которыхъ одно великолѣпно; два другія стихотворенія, имъ неоконченныя, замѣчательны: этотъ малый растетъ быстро; кажется, изъ него выйдетъ путь. Что касается до моей повѣсти, то я еще не видывалъ примѣра такого полнаго „фіаско“; всѣ ею недовольны, за исключеніемъ

циническаго Некрасова: это ручательство слабое. Что жь! надобно и это испытать въ жизни; все надобно испытать. Третье чтеніе образуется: оно будетъ происходить ровно черезъ недѣлю — съ Островскимъ, Писемскимъ, Майковымъ и Полонскимъ или Некрасовымъ.

„Напишите, что вы подѣлываете хорошаго. Я часто вспоминаю о любезной Сердобинкѣ *). Кланяйтесь всѣмъ: женѣ вашей, Борисову, Николаю Толстому, Маслову, Ольгѣ N. Меня грызетъ мысль, что она могла меня счесть за невѣжу. Что подѣлываетъ Снобъ и юный Гидрокефалъ? **) Не разрѣшилась ли чѣмъ-нибудь ваша Муза? Изъ *Гафиза* выкинули едва ли не лучшія стихотворенія; это очень жаль. Цензурныя здѣсь дѣла нехороши: вѣтеръ опять задулъ съ сѣвера.— Будьте здоровы,—это главное. Жму вамъ руку.

„Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*“.

Л. Толстой писалъ мнѣ отъ 23 февраля 1860:

„Ваше письмо ужасно обрадовало меня, любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Нашему полку прибудетъ, и прибудетъ отличный солдатъ. Я увѣренъ, что вы будете отличный хозяинъ. Но дѣло въ томъ, что̀ вамъ купить? Ферма, о которой я говорилъ подъ Мценскомъ, далеко отъ меня и, сколько я помню, продавалась за 16 тысячъ. Больше ничего о ней не знаю. А есть рядомъ со мною, межа съ межой, продающееся имѣніе въ 400 дес. хорошей земли, и къ несчастью еще съ семидесятью душами скверныхъ крестьянъ. Но это не бѣда, крестьяне охотно будутъ платить оброкъ, какъ у меня, 30 рублей съ тягла; съ 23 тысячъ — 660 и не менѣе ежели не болѣе должно получиться при освобожденіи, и у васъ останется 40 дес. въ полѣ, въ четырехъ поляхъ неистощенной земли и луговъ около 20 дес , что должно давать около 2.000 рублей дохода, итого 2.500 руб., а за имѣніе просятъ 24 тысячи безъ вычета долга, котораго должно быть около 5.000. Мѣстоположеніе и по живописности, и по близости шоссе и Тулы очень хорошо, грунтъ—хорошій сугли-

*) Фамилія хозяйки дома, гдѣ мы жили.

**) Петя Борисовъ, съ большой головой.

нокъ. Имѣніе разстроенное, т.-е. усадьба старая, разломанная, однако есть домъ и садъ. Все это надо сдѣлать заново. Во всякомъ случаѣ купить за 20 тысячъ это имѣніе выгодно. Для васъ же выгода особенная та, что у васъ есть во мнѣ вѣчный надсмотрщикъ. Объ остальномъ не говорю. Ежели же вамъ это не понравится, я вамъ своей земли продамъ десятинъ сто, или спросите у брата Николая, не продастъ ли онъ Александровку. Но право, стараясь забыть совершенно личныя выгоды, лучше всего вамъ купить Телятинки (это что продается рядомъ со мною). Продавецъ—разорившійся старикъ, который хочетъ продать поскорѣе, чтобъ избавиться отъ зятя, и два раза присылалъ ко мнѣ. Разсчетъ, который я сдѣлалъ вначалѣ, есть разсчетъ того, что дастъ это имѣніе, ежели положить на него тысячъ пять капитала и года два труда; но въ теперешнемъ положеніи все таки можно отвѣчать за 1.500 рублей, слѣдовательно болѣе семи процентовъ. Есть еще мой хуторъ въ 10 верстахъ отъ меня, 120 дес., но тамъ жить нехорошо: нѣтъ воды и лѣса. Отвѣчайте мнѣ поскорѣе и подробнѣе, сколько денегъ вы намѣрены употребить на имѣніе. Это главное.

„Прочелъ я *Наканунѣ*. Вотъ мое мнѣніе: писать повѣсти вообще напрасно, а еще болѣе такимъ людямъ, которымъ грустно и которые не знаютъ хорошенько, чего они хотятъ отъ жизни. Впрочемъ *Наканунѣ* много лучше *Дворянскаго гнѣзда*, и есть въ немъ отрицательныя лица превосходныя: художникъ и отецъ. Другія же не только не типы, но даже замыселъ ихъ, положеніе ихъ не типическое, или ужъ они совсѣмъ пошлы. Впрочемъ, это всегдашняя ошибка Тургенева. Дѣвица изъ рукъ вонъ плоха: *Ахъ, какъ я тебя люблю... у нея рѣсницы были длинныя*. Вообще меня всегда удивляетъ въ Тургеневѣ, какъ онъ со своимъ умомъ и поэтическимъ чутьемъ не умѣетъ удержаться отъ банальности даже до пріемовъ. Больше всего этой банальности въ отрицательныхъ пріемахъ, напоминающихъ Гоголя. Нѣтъ человѣчности и участія къ лицамъ, а представляются уроды, которыхъ авторъ бранитъ, а не жалѣетъ. Это какъ-то больно жюрируетъ съ тономъ и смысломъ либерализма всего остальнаго. Это хорошо было при царѣ Горохѣ и при Гоголѣ (да еще надо ска-

зать, что ежели не жалѣть своихъ самыхъ ничтожныхъ лицъ, надо ихъ ужь ругать такъ, чтобы небу жарко было, или смѣяться надъ ними такъ, чтобы животики подвело), а не такъ, какъ одержимый хандрой и диспепсіей Тургеневъ. Вообще же сказать, никому не написать теперь такой повѣсти, не смотря на то, что она успѣха имѣть не будетъ.

„*Гроза* Островскаго есть по моему плачевное сочиненіе, а будетъ имѣть успѣхъ. Не Островскій и не Тургеневъ виноваты, а время; теперь долго не родится тотъ человѣкъ, который бы сдѣлалъ въ поэтическомъ мірѣ то, что̀ сдѣлалъ Булгаринъ. А любителямъ антиковъ, къ которымъ и я принадлежу, никто не мѣшаетъ читать серьезно стихи и повѣсти и серьезно толковать о нихъ. Другое теперь нужно. Не намъ нужно учиться, а намъ нужно Марфутку и Тараску выучить хоть немножко тому, что̀ мы знаемъ. Прощайте, любезный другъ. Милліонъ просьбъ. Забылъ я, какъ зовутъ нѣмецкаго libraire на Кузнецкомъ Мосту, налѣво (отправляясь снизу) наверху. Онъ мнѣ посылаетъ книги; зайдите къ нему и спросите: 1) что̀ я ему долженъ? 2) отчего онъ давно не посылаетъ мнѣ ничего новаго? — и выберите у него и пришлите мнѣ, посовѣтовавшись съ Пикулинымъ, что̀ есть хорошаго изъ лѣчебниковъ людскихъ для невѣждъ и еще лѣчебниковъ ветеринарныхъ (до 10 руб.). Спросите у брата Сергѣя, заказалъ ли онъ мнѣ плуги? Ежели нѣтъ, то зайдите къ машинисту Вильсону и спросите, есть ли или когда могутъ быть готовы шесть плуговъ Старбука? Спросите въ магазинѣ сѣменномъ Мейера на Лубянкѣ, почемъ сѣмена клевера и тимоѳеевской травы? Я хочу продать.

„Что стоитъ коновальскій лучшій инструментъ? Что стоитъ пара ланцетовъ людскихъ и банки? — Кое-что изъ этого можетъ возьметъ на себя трудъ сдѣлать милѣйшій Иванъ Петровичъ, котораго обнимаю. Марьѣ Петровнѣ цѣлую руку. Тетушка благодаритъ за память и кланяется.

„*Л. Толстой*“.

Боткинъ писалъ изъ Парижа 6 марта 1860 года:

„Я передъ вами въ большомъ долгу, любезные друзья: вотъ уже второе письмо отъ тебя, дорогой Фетъ, а я еще не от-

вѣчалъ на предыдущее. Причина та, что я все поджидалъ оттисковъ и думалъ написать тебѣ по прочтеніи повѣсти Тургенева. Но оттисковъ все еще нѣтъ, и я не хочу уже болѣе откладывать. Прежде всего хочу похвалить тебя за твою мысль купить земли у Тургенева и выстроить себѣ Эрмитажъ. Мысль во всѣхъ отношеніяхъ отличная, только не забудь, что Эрмитажъ безъ рѣки никуда не годится, а сколько мнѣ помнится, у Тургенева рѣки нигдѣ нѣтъ. Это непремѣнно прими къ соображенію. Ты не можешь себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду прочесть его *Наканунѣ*. Третьяго дня получены здѣсь №№ январскіе петербургскихъ журналовъ; я успѣлъ пробѣжать только статью Дружинина о Бѣлинскомъ и „Воспоминанія“ о немъ Панаева въ *Современникѣ*. Статья Дружинина вообще очень слаба; что касается до „Воспоминаній“ Панаева, состоящихъ большею частію изъ писемъ Бѣлинскаго, то они произвели на меня такое впечатлѣніе, что я цѣлый вечеръ проходилъ словно во снѣ, забылъ идти на одинъ званый вечеръ и до перваго часа ночи бродилъ по Парижу, совершенно погруженный въ прошлое. Ты меня какъ-то упрекалъ за то, что я не скучаю, но я часто вспоминаю это „прошлое“, и моя ли въ томъ вина, что въ этомъ „прошломъ“ заключено все мое лучшее? Моя ли въ этомъ вина, что смерть отрываетъ отъ сердца лучшихъ людей и лучшія чувства? Нѣтъ, я не скучаю, но одинокая жизнь иногда страшно тяготитъ меня. Сдѣлаться эгоистическимъ, эпикурейскимъ старцемъ,—увы!—я не могу. Къ сожалѣнію, въ этомъ снаружи высохшемъ сердцѣ сохранились всѣ прежнія юношескія стремленія, съ тою только разницей, что подъ старость человѣкъ менѣе способенъ жить въ „общемъ“ въ отвлеченномъ. Но всему этому теперь ужъ не поможешь.

„Московскіе господа, кажется, смотрятъ на литературный фондъ съ озлобленіемъ. Это мнѣ понятно. Московскіе господа всегда смотрѣли на литературу свысока и съ пренебреженіемъ. Это старинное важничанье науки передъ искусствомъ: они все находятъ, что литература не довольно преклоняется передъ ними. А потомъ кто виноватъ, что наши московскіе господа распались на маленькіе кружки и за деревьями не хотятъ видѣть лѣса?

„Какъ бы мнѣ прочесть твои переводы изъ *Гафиза*? Здѣсь *Русское Слово* точно миѳъ; его здѣсь никто не получаетъ. Изъ письма Тургенева я съ радостью узналъ, что Левъ Толстой опять принялся за свой кавказскій романъ. Какъ бы онъ ни дурилъ, а я все скажу, что этотъ человѣкъ съ великимъ талантомъ, и для меня всякая дурь его имѣетъ больше достоинства, чѣмъ благоразумнѣйшіе поступки другихъ. Кажется, журналъ Павлова далеко не оправдалъ ожиданій. Есть ли какая перемѣна отъ новой цензуры? Напиши мнѣ объ этомъ хоть нѣсколько словъ. Гдѣ неистовый Григорьевъ? Неужели и умъ, и положительный талантъ ничего не значатъ при отсутствіи характера и твердой воли? Мое лѣченіе авось кончится въ концѣ марта; а въ концѣ апрѣля, кажется, Тургеневъ будетъ здѣсь. Что говорятъ о направленіи Панина относительно крестьянскаго вопроса? Здѣсь иные понурили голову отъ этого, другіе подняли ее. Я думаю, что прежнее направленіе редакціонной конторы значительно ослабится.

„Обнимаю васъ отъ всей души.

Весь вашъ *В. Боткинъ*.

Тургеневъ писалъ изъ Петербурга 22 февраля 1860:

„Милѣйшіе господа, Фетъ и Борисовъ! Ваше письмо меня очень обрадовало, и я немедленно отвѣчаю. Что касается до моего здоровья, то я началъ понемножку...

. . „Выѣзжать (это письмо я продолжаю недѣлю спустя— 29 февраля). Дѣйствительно, я сталъ много выѣзжать по милости респиратора, сирѣчь намордника, который я ношу на рту. Я сдѣлалъ много новыхъ интересныхъ знакомствъ, о которыхъ я поговорю съ вами подъ тѣнью (не очень густой— дѣло будетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ) Спасскаго сада и т. д. Кстати, мнѣ ужасно досадно, что графъ Николай Толстой былъ у меня два раза въ теченіи одного дня, не засталъ меня и, не оставивъ своего адреса, исчезъ и уже болѣе не показывался. Скажите ему, что пріятели такъ не дѣлаютъ, и что я очень объ этомъ сожалѣю.

„Теперь надо сказать нѣсколько словъ о *Кальнѣ*. Дядя пишетъ мнѣ, что онъ сообщилъ вамъ опись этого имѣнія въ подробности. Цѣна, имъ назначенная, мнѣ кажется велика, и

мы объ этомъ переговоримъ. Общій залогъ *Кальны* съ другими деревнями не можетъ сдѣлать затрудненія,—былъ бы капиталъ. Мы также переговоримъ о томъ, не продать ли намъ одну господскую землю (съ мельницей и т. д.), если это возможно, для того чтобы не затруднять васъ отношеніями съ крестьянами, посаженными на оброкъ. Посмотрите сами, понравится ли вамъ мѣсто и т. д. Съѣздите вмѣстѣ и т. д. Докторъ меня въ маѣ посылаетъ заграницу, но я хочу весну встрѣтить и провести мѣсяцъ въ деревнѣ.

„Переводы ваши изъ *Гафиза* на сей разъ очень хороши. Здѣсь чтенія продолжаютъ имѣть успѣхъ. Гончаровъ на дняхъ прочелъ мнѣ и Анненкову удивительный отрывокъ вродѣ „Сна Обломова". (Его Бѣловодовъ мнѣ не нравится). Моею повѣстью и здѣсь недовольны; но о ней много спорятъ и кричатъ; если бы совсѣмъ молчали, было бы плохо. Есть и энтузіасты, но весьма мало. Суета суетствій!

„А Левъ Толстой продолжаетъ чудить. Видно такъ уже написано ему на роду. Когда онъ перекувыркнется въ послѣдній разъ и станетъ на ноги?

„Обнимаю васъ обоихъ и кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и всѣмъ пріятелямъ. Пишите.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Отъ 13 марта 1860 онъ писалъ:

„Я въ долгу передъ вами, Fettie carissime, но отчасти извиняюсь тѣмъ, что употребилъ истекшую недѣлю на окончаніе повѣсти, которая уже сдана въ *Библіотеку для Чтенія* и явится въ мартовскомъ номерѣ. (Кстати, всѣ слухи о несостоятельности *Библіотеки для Чтенія* оказываются ложными, и книжная лавка Печаткина заперта только по воскресеньямъ). Повѣсть моя называется *Первая любовь*. Сюжетъ ея вамъ, кажется, извѣстенъ. Читалъ я ее на дняхъ ареопагу, состоявшему изъ Островскаго, Писемскаго, Анненкова, Дружинина и Майкова; приглашенный Гончаровъ пришелъ пять минутъ по окончаніи чтенія. Ареопагъ остался доволенъ и сдѣлалъ только нѣсколько неважныхъ замѣчаній; остается узнать, что скажетъ *публика*, которую вы такъ не любите. Единственный человѣкъ, котораго я совершенно отказываюсь удовлетворить

когда-нибудь—Левъ Толстой. Но что дѣлать! Видно такъ у меня на роду написано. Здѣсь распространились слухи, что онъ снова принялся работать, и мы всѣ порадовались.

„Ну, любезнѣйшіе друзья мои, Аѳ. Аѳ. и И. П., увидите вы меня скоро, но не въ натурѣ, а въ фотографіи, которую я нарочно для васъ заказалъ. Что касается до моей персоны, то я, къ истинному моему горю, не поѣду въ деревню, а отправляюсь весной за границу лѣчиться. Что тамъ ни говори о моей мнительности, а я очень хорошо чувствую, что у меня въ горлѣ и груди неладно; кашель не проходитъ, кровь показывается раза два въ недѣлю, я безъ намордника (сирѣчь респиратора) носа не могу показать на дворъ. Гдѣ ужъ тутъ о весенней охотѣ и пр. и пр. Надобно воды пить, да ванны брать, да радѣть о своемъ гнусномъ тѣлѣ! Это меня огорчаетъ, и я пріемлю смѣлость думать, что и васъ обоихъ огорчитъ тоже. Что дѣлать! „Скачи враже, якъ панъ каже“. На охотѣ вспоминайте обо мнѣ... А кажется, по извѣстіямъ изъ деревни, *Бубулька* едва ли не приказала долго жить... Нездоровье вашей собаки нехорошо, любезный Аѳ. Аѳ. Надо ее вылѣчить; боюсь я немножко, какъ бы она не оказалась слабою въ поискѣ. А какъ бы мы поохотились! Ахъ, лучше не говорить объ этомъ!

„Но вы не покидайте мысли о *Калѣнѣ;* переговорите на мѣстѣ и толковымъ образомъ съ дядей; я готовъ на все, чтобъ имѣть васъ сосѣдомъ.

„Не сердитесь на меня, а разсудите: мнѣ самому невесело. Отъ души обнимаю васъ всѣхъ и остаюсь навсегда

преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

В. П. Боткинъ писалъ изъ Парижа 20 марта 1860:

„Милые друзья, Фетъ и Маша! Наконецъ, и только дней пять тому назадъ получилъ я твою посылку, и не знаю, какъ просить у тебя прощенія за хлопоты, какія причинила тебѣ эта посылка. Нашъ московскій почтамтъ, должно-быть, набитъ дураками, которые не разумѣютъ своего дѣла, потому что я прошлаго года посылалъ въ Парижъ *Дворянское гнѣздо* безъ малѣйшихъ затрудненій, просто „sous bande“, т. е. обернувъ ее узенькою бумажкой и написавъ на ней адресъ. Точно

такъ и тебя просилъ я переслать мнѣ *Наканунѣ*, но, къ сожалѣнію, ты не обратилъ вниманія на мое слово „sous bande“ и вмѣсто этого отправилъ въ видѣ посылки. Почему же петербургскій почтамтъ принимаетъ, а московскій нѣтъ? Экая чепуха!!!

„Не смотря на всѣ недоразумѣнія, *Наканунѣ*, я прочелъ съ наслажденіемъ. Я не знаю, есть ли въ какой повѣсти Тургенева столько поэтическихъ подробностей, сколько ихъ разсыпано въ этой. Словно онъ самъ чувствовалъ небрежность основныхъ линій зданія и чтобы скрыть эту небрежность, а можетъ-быть и неопредѣленность фунтаментальныхъ линій, онъ обогатилъ ихъ превосходнѣйшими деталями, какъ иногда дѣлали строители готическихъ церквей. Для меня эти поэтическія, истинно художественныя подробности заставляютъ забывать о неясности цѣлаго. Какіе озаряющіе предметы эпитеты, да, солнечные эпитеты, неожиданные, вдругъ раскрывающіе внутреннія перспективы предметовъ. Правда, что несчастный Болгаръ рѣшительно не удался; всепоглощающая любовь его къ родинѣ такъ слабо очерчена, что не возбуждаетъ ни малѣйшаго участія, а вслѣдствіе этого и любовь къ нему Елены болѣе удивляетъ, нежели трогаетъ. Успѣха въ публикѣ эта повѣсть имѣть не можетъ, ибо публика вообще читаетъ по утиному и любитъ глотать цѣликомъ. Но я думаю, едва ли найдется хоть одинъ человѣкъ съ поэтическимъ чувствомъ, который не проститъ повѣсти всѣ ея математическіе недостатки за тѣ сладкія ощущенія, которыя пробудятъ въ душѣ его ея нѣжныя, тонкія и граціозныя детали. Да, я заранѣе согласенъ со всѣмъ, что можно сказать о недостаткахъ этой повѣсти, и всетаки я считаю ее прелестною. Правда, что она не тронетъ, не заставитъ задуматься, но она повѣетъ ароматомъ лучшихъ цвѣтовъ жизни.

„Что касается до *Грозы* Островскаго, то я „au bout de mon latin“. Это лучшее произведеніе его, и никогда онъ еще не достигалъ до такой силы поэтическаго впечатлѣнія. Катерина останется типомъ. И какая обстановка!—эта фантастическая барыня, эта полуразвалившаяся и заброшенная церковь, эта идиллія, озаренная зловѣщимъ предчувствіемъ неминуемаго и страшнаго горя,—все это превосходно, широко, сильно и

мягко. Я послалъ Островскому письмо на имя Дружинина, полагая, что теперь Островскій въ Петербургѣ.

„Я еще въ прошломъ письмѣ писалъ тебѣ, что я совершенно одобряю твое намѣреніе купить деревню, если только при ней будетъ вода (только бы не прудъ). И тысячу разъ ты правъ, говоря, что ничего нѣтъ хуже въ жизни, особенно въ семейной,—неопредѣленнаго висѣнія между небомъ и землей. Сто верстъ по шоссе—пріятнѣйшая поѣздка. Только повторяю, чтобы была какая-нибудь рѣчка. Да я думаю, что ты и заниматься хозяйствомъ способенъ. Кстати, что̀ хозяйство Л. Толстаго, которое онъ устраивалъ и о которомъ такъ много говорилъ? Лѣченіе мое приближается къ концу, и авось въ апрѣлѣ доктора отпустятъ меня, но я такъ залѣчился, что въ себя еще придти не могу и даже не повѣрю собственной свободѣ.

„Пожалуйста передайте Толстому, что я ношу его въ сердцѣ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Л. Толстой писалъ отъ 27 марта 1860:

„Какъ вы обрадовали меня вашими планами, любезный дяденька, не могу вамъ сказать. Но обрадовали не одного меня, но и всѣхъ нашихъ, начиная отъ тетушки и даже до пьянаго монаха. Трепещу только изъ-за одного: чтобъ изъза какого-нибудь вздора это не разрушилось. Вещественныя условія возможности вашего пребыванія въ Ясной—всѣ, мнѣ кажется, есть. Желаніе мое, чтобъ оно было, такъ сильно, что я бы сдѣлалъ эти условія, ежели бы ихъ не было, пробилъ бы еще три стѣны и самъ бы жилъ на трубѣ;—стало-быть, это должно быть. Разумѣется, тутъ пропасть маленькихъ условій, которыя нужно опредѣлить. Въ какомъ домѣ и въ какихъ комнатахъ лучше захочетъ жить Марья Петровна, куда будетъ входить и выходить Марьюшка и т. д. Да еще, куда поставить лошадей: въ особую ли конюшню, на дворъ ли къ мужику за три версты, или къ брату въ Пирогово? Короста еще есть, и хотя я своихъ чистыхъ лошадей ставлю въ Ясной, вашихъ лошадей надо будетъ устроить иначе. Но вообще обо всемъ надо переговорить.

жайте непремѣнно, когда поѣдете въ Серпуховъ. Какъ
демъ гулять съ Марьей Петровной! она останется до-
я садомъ. Какъ и о какихъ славныхъ дѣлахъ, какъ-то:
огіи, хозяйствѣ и пускай хоть и поэзіи—мы будемъ
овать съ вами и Фирдуси. Но ничего, ничего, молча-
Жду васъ и вашего отвѣта. Цѣлую руку Марьи Пет-
ı, и прошу ее въ случаѣ затрудненій разрѣшить ихъ
ıнеръ Гордіевыхъ узловъ, по-женски. Въ Москву теперь
ıжно быть, не пріѣду. До свиданія!

Л. Толстой.

этотъ разъ въ отсутствіе Нади мы не слишкомъ торо-
ъ отъѣздомъ въ Новоселки. Въ виду возможности пере-
по лѣтнему пути, я еще съ осени купилъ старинный
ромѣстный дормезъ, какихъ при желѣзныхъ дорогахъ и
е выносливыхъ лошадяхъ теперь уже не дѣлаютъ,—съ
ıдными постелями, съ большимъ зеркаломъ, выдвигав-
ıя на мѣсто переднихъ стеколъ, со всевозможными туа-
ıми приспособленіями и ревербером для ночнаго чте-
Къ счастію нашему, намъ приходилось ѣхать по Туль-
Орловско-Харьковскому шоссе, и доведенныя до изнемо-
ı почтовыя были въ состояніи везти четверкой громозд-
но легкую на ходу карету безъ затрудненія. Конечно,
ıе отказали себѣ въ удовольствіи заѣхать на два дня въ
ю Поляну, гдѣ къ довершенію радости застали дорогаго
І. Толстаго, заслужившаго самобытною восточною муд-
ью—прозваніе *Фирдуси*. Сколько самыхъ отрадныхъ пла-
нашего пребыванія въ Ясно-Полянскомъ флигелѣ со
и подробностями возникали между нами въ эти два дня.
ому изъ насъ не приходила въ голову полная несостоя-
ность этихъ плановъ.
къ какъ въ каретѣ у насъ было четвертое мѣсто, а
ъ Ник. Ник. сбирался въ наше ближайшее сосѣдство,
Никольское, то мы весело рѣшили доѣхать вмѣстѣ
ıовоселокъ. При видимомъ упадкѣ силъ и удушливомъ
ıѣ, милый Никол. Никол. сохранилъ свой добродуш-
юморъ, и его общество помогало намъ забывать скуку
ѣзда.

Въ Новоселкахъ, за исключеніемъ отсутствія хозяйки, ни что не измѣнилось; но это отсутствіе тяготѣло на всѣхъ гораздо болѣе, чѣмъ еслибы причинялось смертью. Какъ правы утверждающіе, что люди руководствуются волей, а не разумомъ. О любомъ больномъ, даже объ усопшемъ не стѣсняясь говорятъ близкимъ людямъ и даже дѣтямъ, но о душевнобольномъ упорно молчатъ. Это-то невольное молчаніе такъ тяготитъ всѣхъ близкихъ. По крайней мѣрѣ, я лично все болѣе проникался сознаніемъ шаткости нашего пребыванія въ Новоселкахъ, и мысль,— отыскать несомнѣнное мѣстопребываніе, возникшая во мнѣ съ первою болѣзнью сестры, — стала настоятельно требовать неотложнаго осуществленія.

Если въ трудовой и озабоченной жизни мнѣ и представлялись удачи, то онѣ вполнѣ заслуживали этого имени, и если, бросаясь во всѣ стороны, я не попадалъ въ просакъ и не погибалъ окончательно, то это было дѣломъ судьбы, но никакъ не моей предусмотрительности.

Подъ вліяніемъ городской и матеріальной тѣсноты, всякій мало-мальски чистенькій уголокъ казался мнѣ раемъ; и впродолженіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ, присмотрѣвъ небольшое серпуховское имѣньице, я платилъ жалованье будущему въ немъ прикащику. Конечно, надо благодарить судьбу, что покупка эта, подобно многимъ другимъ, не состоялась; въ томъ числѣ и покупка отдѣльной дачи при Тургеневскомъ Спасскомъ, носящей имя *Кальна*.

Однажды пріѣхавшій къ намъ въ половинѣ мая Ник. Ник. Толстой объявилъ, что сестра его графиня М. Н. Толстая вмѣстѣ съ братьями убѣдили его ѣхать заграницу отъ несносныхъ приливовъ кашля. Исхудалъ онъ, бѣдный, къ этому времени очень, не взирая на обычную свою худобу; и по временамъ сквозь добродушный смѣхъ прорывалась свойственная чахоточнымъ разражительность. Помню, какъ онъ разсердился, отдернувъ руку отъ руки пріѣхавшаго за нимъ его кучера, ловившаго ее для лобзанія. Правда, онъ и тутъ ничего не сказалъ въ лицо своему крѣпостному; но когда тотъ ушелъ къ лошадямъ, онъ съ раздраженіемъ въ голосѣ сталъ жаловаться мнѣ и Борисову: „съ чего вдругъ этотъ скотъ выдумалъ цѣловать руку? отъ роду этого не было“.

Гургеневъ писалъ изъ Берлина отъ 30 апрѣля 1860:
„Сегодня утромъ прибылъ я сюда, любезнѣйшій Фетъ, и
одня же выѣзжаю отсюда въ Парижъ, но хочу воспользо-
ться бездѣйствіемъ сидѣнія въ комнатѣ отеля и написать
мъ слова два. Сказать вамъ, что мы претерпѣли на дорогѣ
Россіи—невозможно; а между тѣмъ шоссе было въ отлич-
мъ состояніи! Когда придетъ, наконецъ, то время, что...
я не хочу продолжать. До сихъ поръ Русскій дѣйстви-
ьно съ утѣшеніемъ видитъ границу своего отечества...
гда выѣзжаетъ изъ него. Особенно памятна осталась мнѣ
сьмичасовая переправа черезъ Двину подъ Динабургомъ,
ь нашъ паромъ понесло внизъ по рѣкѣ и прибило, нако-
цъ, назадъ къ берегу, оттого что „старому карлику-жиду,
торому поручено было держать руль, прохожая богомолка
аруха не во-время подперла спину“. (Historique). — А на-
льника надъ переправой не было, потому что онъ „нака-
нѣ сопровождалъ Горчакова“. (Тоже historique). А что
мъ давали ѣсть! Повѣрите ли, на одномъ кускѣ холодной
гнилой говядины увидалъ я кусокъ свѣчнаго сала, пере-
тый волосами! Бррр!... даже вспомнить гадко.
„Я теперь ѣду въ Парижъ, но дней черезъ десять буду въ
ѣденѣ, мѣстечкѣ между Франкфуртомъ и Висбаденомъ, гдѣ, по
вѣту Здекауера, буду пить воды. Такъ какъ это въ двухъ
агахъ отъ Дармштадта, и вы мнѣ очень хвалили здѣшнихъ
бакъ, то пришлите мнѣ письмо къ тамошнему вашему зна-
мому оберъ-ферстеру, — рекомендуйте меня. Я вамъ очень
ду благодаренъ. Я былъ очень занятъ въ послѣдніе дни
его пребыванія въ Петербургѣ. Я оставилъ Писемскаго
асно больнымъ и сильно безпокоюсь о немъ. Напишите мнѣ
премѣнно, какъ вы живете-можете, и что дѣлаетъ серпу-
вская покупка? Я узналъ, что графиня М. Н. Толстая съ
атомъ ѣдетъ заграницу; извѣстите пожалуйста, куда именно.
ѣклонитесь отъ меня вашей женѣ и милѣйшему Борисову,
тораго отъ души благодарю за его послѣднее любезное
сьмо. Пишите мнѣ во *Франкфуртъ*, poste restante. Это вѣр-
е всего и не франкируйте писемъ, какъ и я этого не фран-
рую. Впрочемъ я, не дожидаясь вашего письма, напишу
мъ изъ Парижа, разскажу, какъ и что я нашелъ. Отъ до-

роги грудь моя опять разстроилась, и я кашляю мучительно. Но я надѣюсь, что я теперь отдохну хорошенько, и все это пройдетъ.

„Увидите дядю, дайте ему знать обо мнѣ: я ему напишу изъ Парижа. Да присылайте мнѣ, что̀ будетъ вамъ напѣвать ваша Муза. Крѣпко жму вамъ руку и остаюсь

преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Изъ Содена онъ писалъ отъ 1 іюня того же года:

„Милѣйшій Фетъ, спѣшу извиниться передъ вами, хотя я, какъ говорится, безъ вины виноватъ. Письмо ваше находилось на почтѣ, но господа чиновники прочли: *Фургеневъ*, и еслибъ я, соображая въ одно и то же время и вашу аккуратность, и связный почеркъ, — не полюбопытствовалъ насчетъ буквы *Ф*, пропало бы ваше письмо! Но теперь я его получилъ, извиняюсь и благодарю. Благодарю за память и за письмецо къ Herr Baur'y, которымъ непремѣнно воспользуюсь. Сообщаемыя вами извѣстія меня очень интересовали. Но то, что̀ вы мнѣ сообщили о болѣзни Николая Толстаго, глубоко меня огорчило. Неужели этотъ драгоцѣнный, милый человѣкъ долженъ погибнуть? И какъ можно было запустить такъ болѣзнь! Неужели онъ не рѣшился побѣдить свою лѣнь и поѣхать заграницу полѣчиться! Ѣздилъ онъ на Кавказъ въ тарантасахъ и чортъ знаетъ въ чемъ! Что̀ бы ему пріѣхать въ Соденъ! Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаешь больныхъ грудью: Соденскія воды едва ли не лучшія для такихъ болѣзней. Я вамъ все это говорю за двѣ тысячи верстъ, какъ будто слова мои могутъ что-нибудь помочь... Если Толстой уже не уѣхалъ, то онъ не уѣдетъ. Вотъ какъ насъ всѣхъ ломаетъ судьба; поневолѣ повторишь слова Гетё въ *Эгмонтѣ:* „Und von unsichtbaren Geistern gepeitscht gehen die Sonnenpferde der Zeit mit unseres Schicksals leichtem Wagen durch, und uns bleibt nichts als muthig—, die Zügel fest zu halten und bald rechts, bald links, vom Steine hier, vom Sturze da, die Reder abzulenken. Wohin es geht, wer weiss es?"

„Und wenn es zum Tode gehen soll — прибавлю я; тутъ ничѣмъ не поможешь и ничѣмъ не удержишь бѣшеныхъ коней.

„Нѣтъ, я думаю вообще, что ваше воззрѣніе на моего брата справедливо. Однако вы не могли оцѣнить одну его сторону, которую онъ выказываетъ только между своими, и то когда онъ ничѣмъ не стѣсненъ,—а именно юморъ. Да, этотъ русскій французъ большой юмористъ,—вѣрьте моему слову,—я отъ него хохоталъ (и не я одинъ) до колики въ боку. Но умъ у него весьма обыкновенный. Это между нами, какъ само собою разумѣется. Мнѣ пріятно, что *Первая любовь* нравится Толстымъ: это ручательство. Придѣлалъ же я старушку на концѣ, вопервыхъ, потому что это дѣйствительно такъ было, а вовторыхъ, потому что безъ этого отрезвляющаго конца крики на безнравственность были бы еще сильнѣе.

„Милому Ивану Петровичу пожмите крѣпко руку за его любезныя строки. Я часто переношусь мыслью въ ваши края и воображаю себя сидящимъ на широкомъ балконѣ Новосельскаго дома. Это хорошо, что вы поступили въ благородный цехъ шахматистовъ; лучшаго учителя, чѣмъ Иванъ Петровичъ, вамъ не нажить. Я переѣхалъ изъ Hôtel de l'Europe, гдѣ меня обирали какъ липку, и поселился въ маленькомъ домикѣ, стоящемъ лицомъ къ широкому пестро-зеленому полю,—у одной нѣмки, добродушной до невѣроятности. Пишите мнѣ просто въ Соденъ, возлѣ Франкфурта-на-Майнѣ. На почтѣ меня знаютъ. Обнимаю васъ и Борисова и кланяюсь всѣмъ.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. „Если Николай Толстой не уѣхалъ, бросьтесь ему въ ноги, а потомъ гоните его въ шею заграницу. Здѣсь, напримѣръ, такой мягкій воздухъ, какого въ Россіи никогда и нигдѣ не бываетъ".

Вѣроятно, въ отвѣтъ на какой-либо восторженный отзывъ мой о его талантѣ, Л. Толстой писалъ отъ 20 іюня 1860:

„Не только не обрадовался и не возгордился вашимъ письмомъ, любезный другъ Аѳ. Аѳ., но ежели бы повѣрилъ ему совсѣмъ, то очень бы огорчился. Это безъ фразы. Писатель вы, писатель и есть, и дай Богъ вамъ и намъ. Но что вы сверхъ того хотите найти мѣсто и на немъ копаться, какъ

муравей, эта мысль не только должна была придти вамъ, но вы и должны осуществить ее лучше, чѣмъ я. Должны вы это сдѣлать потому, что вы и хорошій, и здраво смотрящій на жизнь человѣкъ. Впрочемъ, не мнѣ и теперь докторальнымъ тономъ одобрять или не одобрять васъ: я въ большомъ разладѣ самъ съ собою. Хозяйство въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно ведется у меня, давитъ меня; юфанство гдѣ-то вдали виднѣется только мнѣ; семейныя дѣла, болѣзнь Николиньки, отъ котораго изъ-заграницы нѣтъ еще извѣстій, и отъѣздъ сестры (она уѣзжаетъ отъ меня черезъ три дня)—съ другой стороны давятъ и требуютъ меня. Холостая жизнь, т.-е. отсутствіе жены, и мысль, что ужь становится поздно,—съ третьей стороны мучаетъ. Вообще все мнѣ нескладно теперь. По причинѣ безпомощности сестры и желанія видѣть Николая, я завтра на всякій случай беру паспортъ за границу и, можетъ-быть, поѣду съ ними; особенно ежели не получу, или получу дурныя вѣсти отъ Николая. Какъ бы я дорого далъ, чтобы видѣть васъ передъ отъѣздомъ, сколько бы хотѣлось вамъ сказать и отъ васъ узнать; но теперь это едва ли возможно. Однако, ежели бы письмо это пришло рано, то знайте, что мы поѣдемъ изъ Ясной въ четвергъ, а скорѣе въ пятницу.—Теперь о хозяйствѣ: цѣна которую съ васъ просятъ, недорога, и ежели мѣсто вамъ по душѣ, то надо купить. Одно, зачѣмъ такъ много земли? Я трехлѣтнимъ опытомъ дошелъ, что со всевозможною дѣятельностью невозможно вести хлѣбопашество успѣшно и пріятно болѣе чѣмъ на 60-ти, 70-ти десятинахъ, т.-е. десятинахъ по 10-ти, 15-ти въ полѣ (въ 4-хъ). Только при этихъ условіяхъ можно не дрожать за всякій огрѣхъ, потому что вспашешь не два, а три и четыре раза, за всякій пропущенный работникомъ часъ, за лишній рубль въ мѣсяцъ работнику, потому что можно довести 15 десятинъ до того, чтобъ онѣ давали, 30, 40% съ капитала основнаго и оборотнаго, а 80, 100 десятинъ—нельзя. Пожалуйста не пропустите этого совѣта мимо ушей, это не *такъ себѣ болтовня*, а выводъ, до котораго я дошелъ „боками“. Кто вамъ скажетъ противное, тотъ или лжетъ, или не знаетъ. Мало того, и съ 15-ю десятинами нужна дѣятельность, поглощающая всего. Но тогда можетъ быть награда, одна изъ самыхъ пріятныхъ

въ жизни, а съ 90 десятинами есть трудъ почтовой лошади, и не можетъ быть успѣха. Не нахожу словъ обругать себя, что я раньше не написалъ вамъ, тогда бы вы вѣрно пріѣхали. Теперь прощайте. Душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Борисову.

Л. Толстой.

Отъ 28 іюня 1860 онъ писалъ изъ Москвы:

„Любезный другъ Аѳ. Аѳ., я позволилъ себѣ безъ вашего позволенія попросить отъ вашего имени хозяйку г-жу Сердобинскую помѣстить наши двѣ кареты до зимы, или до того времени, когда будетъ случай. Я, кажется, поѣду съ сестрой заграницу. Отъ братьевъ со времени отъѣзда нѣтъ писемъ. Обнимаю васъ и Ивана Петровича, кланяюсь Марьѣ Петровнѣ. Я напишу вамъ изъ-заграницы, и вы пишите,—ежели скоро, то въ Соденъ. Ежели будете писать Сердобинской, то подтвердите ей о каретахъ.

Л. Толстой.

Почти въ это же время графъ Н. Н. Толстой прислалъ письмо изъ Петербурга:

„Любезные друзья, Аѳанасій Аѳанасьевичъ и Иванъ Петровичъ, исполняю обѣщаніе мое даже раньше, чѣмъ обѣщалъ; я хотѣлъ писать изъ-заграницы, а пишу изъ Петербурга. Мы уѣзжаемъ въ субботу, т.-е. завтра. Я совѣтовался съ Здекауеромъ, онъ петербургскій докторъ, а вовсе не берлинскій, какъ мнѣ показалось, читая письмо Тургенева. Воды, на которыхъ Тургеневъ теперь находится, *Содень*,—насъ туда же посылаютъ. Слѣдовательно, мой адресъ тоже во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, poste restante.

„Когда вы были у меня, я васъ, Аѳан. Аѳан., забылъ просить объ одномъ, очень важномъ одолженіи. Я приказалъ моему старику прикащику, если будетъ очень нужно меня о о чемъ-нибудь увѣдомить,—посылать свои письма къ вамъ, а вы будете такъ добры пересылать ихъ мнѣ, и для этого, когда будете уѣзжать изъ Новоселокъ, дайте ему вашъ адресъ. Что здоровье Марьи Петровны, которой я отъ души свидѣ-

тельствую мое истинное почтеніе. Неужели у васъ тоже такіе холода? — здѣсь въ Петербургѣ страсть! холодъ, вѣтеръ, по утрамъ морозъ, просто чортъ знаетъ что! Прощайте, милые друзья, будьте здоровы.

Весь вашъ *гр. Ник. Толстой.*

Вслѣдъ за этимъ получилъ я отъ него второе письмо уже изъ Содена:

„Не дождавшись отъ васъ посланія, пишу къ вамъ, чтобы васъ увѣдомить, что я благополучно пріѣхалъ въ Соденъ; впрочемъ при моемъ пріѣздѣ изъ пушекъ не стрѣляли. Въ Соденѣ мы застали Тургенева, который живъ, здоровъ, и здоровъ такъ, что самъ признается, что онъ *совершенно* здоровъ. Нашелъ какую-то нѣмочку и восхищается ею. Мы (это относится къ милѣйшему Ивану Петровичу) поигрываемъ въ шахматы, но какъ-то нейдетъ: онъ думаетъ о своей нѣмочкѣ, а я о своемъ выздоровленіи. Если я нынѣшнею осенью пожертвовалъ, то къ будущей осени я долженъ быть молодцомъ. Соденъ прекрасное мѣсто, нѣтъ еще недѣли, какъ я пріѣхалъ, а чувствую себя уже очень и очень лучше. Живемъ мы съ братомъ, на квартирѣ, три комнаты, двадцать гульденовъ въ недѣлю, table d'hôte—гульденъ, вино запрещено, поэтому вы можете видѣть, какое скромное мѣсто Соденъ, а мнѣ онъ нравится. Противъ оконъ моихъ стоитъ очень неказистое дерево, но на немъ живетъ птичка и поетъ себѣ каждый вечеръ; она мнѣ напоминаетъ флигель въ Новоселкахъ. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Марьѣ Петровнѣ и будьте здоровы, друзья мои, да пишите почаще. Я въ Соденѣ, кажется, надолго, недѣль на шесть по крайней мѣрѣ. Путешествія не описывалъ, потому что все время былъ боленъ. Еще разъ прощайте.

Весь вашъ *гр. Ник. Толстой.*

19 іюля того же года онъ писалъ:

„Я бы давно написалъ вамъ, любезные друзья мои, но мнѣ хотѣлось написать вамъ обо всѣхъ, составляющихъ нашу Толстовскую колонію, но тутъ произошла ужасная путаница, которая наконецъ распуталась слѣдующимъ образомъ: сестра

съ дѣтьми пріѣхала въ Соденъ и будетъ въ немъ жить и лѣ-
читься, дядя Леушка остался въ Киссингенѣ въ пяти часахъ
отъ Содена, и не ѣдетъ въ Соденъ, такъ что я его не видалъ.
Письмо ваше я отправилъ къ Левочкѣ съ братомъ Сергѣемъ,
который будетъ въ Киссингенѣ проѣздомъ въ Россію. Онъ
скоро у васъ будетъ и все вамъ подробно разскажетъ. Изви-
ните, добрѣйшій Аѳан. Аѳан., что я прочиталъ ваше письмо
къ брату, много въ немъ правды, но только гдѣ вы говорите
объ общемъ; а гдѣ вы говорите о самомъ себѣ, тамъ вы не-
правы, все тотъ же недостатокъ практичности: себя и кру-
гомъ себя ничего не знаешь. Но вѣдь не боги горшки обжигали;
бросьтесь въ практичность, окунитесь въ нее съ головой, и
я увѣренъ, что она вытѣснитъ изъ васъ байбака, да еще вы-
жметъ изъ васъ какую-нибудь лирическую штучку, которую
мы съ Тургеневымъ, да еще нѣсколько человѣкъ прочтемъ
съ удовольствіемъ. А на остальной міръ—плевать! За что
я васъ люблю, любезнѣйшій Аѳан. Аѳан., — за то, что все
въ васъ правда, все что изъ васъ, то въ васъ, нѣту фразы,
какъ, напримѣръ, въ милѣйшемъ и пр. Иванѣ Сергѣевичѣ.
А очень стало мнѣ безъ него пусто въ Соденѣ, не говоря
уже о томъ, что шахматный клубъ разстроился. Даже аппе-
титъ у меня сталъ не тотъ, съ тѣхъ поръ, какъ не сидитъ
подлѣ меня его толстая и здоровая фигура и не требуетъ
придачи то моркови къ говядинѣ, то говядины къ моркови.
Мы часто о васъ говорили съ нимъ, особенно послѣднее время:
„вотъ Фетъ собирается, вотъ Фетъ ѣдетъ, наконецъ Фетъ
стрѣляетъ“. Иванъ Сергѣевичъ купилъ собаку,—черный по-
лукровный понтеръ. Я воды кончилъ; намѣренъ дѣлать раз-
ныя экскурсіи, но всетаки моя штабъ-квартира въ Соденѣ
и адресъ тотъ же. Сестра кланяется, какъ вамъ, такъ и Ивану
Петровичу и проситъ увѣрить Марью Петровну въ искрен-
ней ея къ ней дружбѣ и уваженіи. Я съ своей стороны прошу
Марью Петровну не забывать меня, который никогда не за-
будетъ ея милое гостепріимство въ Козюлькинѣ и Сердобинкѣ.
Какъ бы поскорѣе туда подъ ваше крылышко! Погода здѣсь
отвратительная. Цѣлую васъ отъ души.

Весь вашъ *гр. Ник. Толстой.*

Между тѣмъ, единовременно, хотя совершенно въ другомъ тонѣ, писалъ мнѣ Дружининъ отъ 26 іюня 1860:

„Добрый и многоуважаемый Аѳан. Аѳан., увѣдомляйте контору о перемѣнѣ адреса просто отъ себя, какъ подписчикъ; высылка будетъ производиться исправнѣе, ибо для этихъ дѣлъ ведется тамъ особливая книга.

„Насчетъ вашего намѣренія не писать и не печатать болѣе, скажу вамъ то же, что̀ Толстому: пока не напишется чего-нибудь хорошаго, исполняйте ваше намѣреніе, а когда напишется, то сами вы и безъ чужаго побужденія измѣните этому намѣренію. Держать хорошіе стихи и хорошую книгу подъ спудомъ невозможно, хотя бы вы давали тысячу клятвъ, а потому лучше и не собирайтесь. Эти два или три года и Толстой, и вы находитесь въ непоэтическомъ настроеніи, и оба хорошо дѣласте, что воздерживаетесь; но чуть душа зашевелится и создастся что-нибудь хорошее, оба вы позабудете воздержаніе. Итакъ, не связывайте себя обѣщаніями, тѣмъ болѣе, что ихъ отъ васъ обоихъ никто и не требуетъ. Въ рѣшимости вашей и Толстаго, если я не ошибаюсь, нехорошо только то, что она создалась подъ вліяніемъ какого-то раздраженія на литературу и публику. Но если писателю обижаться на всякое проявленіе холодности или бранную статью, то некому будетъ и писать, развѣ кромѣ Тургенева, который какъ-то умѣетъ быть всеобщимъ другомъ. Къ сердцу принимать литературныя дрязги, по-моему, то же, что̀, ѣздя верхомъ, сердиться на то, что ваша лошадь невѣжничаетъ въ то время, когда вы, можетъ-быть, сидя на ней, находитесь въ поэтическомъ настроеніи мыслей. Про себя могу сказать вамъ, что я бывалъ обругиваемъ и оскорбляемъ, какъ лучше требовать нельзя, однакоже не лишался отъ того и частички аппетита, а напротивъ, находилъ особенное наслажденіе въ томъ, чтобы сидѣть крѣпко и двигаться впередъ, и конечно, не брошу писать до тѣхъ поръ, пока не скажу всего, что̀ считаю нужнымъ высказать.

„Прощайте, любезнѣйшій Аѳан. Аѳан., будьте здоровы, плюньте на хандру и не забывайте

душевно преданнаго вамъ *Ал. Дружинина*.

Тургеневъ писалъ изъ Содена отъ 29 іюня 1860:

„Сегодня Петровъ день, любезнѣйшій Аѳан. Аѳан., Петровъ ень и я не на охотѣ! Воображаю себѣ васъ съ Борисовымъ, ъ Аѳанасіемъ, со Снобомъ, Весной и Дон-даномъ на охотѣ ъ Полѣсьѣ... Вотъ поднимается чернышъ изъ куста—трахъ! акувыркается о-земь краснобровый... или удираетъ вдаль къ инѣющему лѣсу, рѣзко дробя крылами, и глядитъ ему вслѣдъ стрѣлокъ, и собака... не упадетъ ли, не свихнется ли... Нѣтъ, чешетъ, разбойникъ, все далѣе и далѣе, закатился за ѣсъ,—прощай! А я сижу здѣсь въ Соденѣ, пью воду и только здыхаю! Впрочемъ, я сегодня ходилъ по здѣшнимъ полямъ, робовалъ собаку: оказалась тяжелымъ пиль-авансомъ; завтра отѣли привести другую: говорятъ, та гораздо лучше;—по-отримъ; но сердце чуетъ, что не замѣню я ни Діанки, ни убульки.—Вы просто золотой человѣкъ на письма: нельзя“...

Куртавнель 9 іюля.

.... „Письмо это оборвалось какъ нитка, какъ слишкомъ вы-око взятая нота, какъ нѣкоторыя изъ комедій Островскаго, о я не переставалъ думать о васъ. Вопервыхъ, я получилъ за милыя письма отъ васъ; вовторыхъ, я съѣздилъ въ Дарм-штадтъ, познакомился съ милѣйшимъ германцемъ Бауромъ, оторый сохраняетъ самое дружелюбное воспоминаніе о васъ, который помогъ мнѣ достать хорошую собаку, за которую и заплатилъ недорого, и „за все, за все тебя благодарю я“. обаку эту зовутъ *Фламбо*, она черная какъ уголь, помѣсь нглійской съ нѣмецкою породой. Послѣ Петрова дня я про-елъ еще недѣлю въ Соденѣ, съ радостью узналъ о пріѣздѣ Іарьи Николаевны и Льва Николаевича въ Соденъ, но дож-аться ихъ не могъ, и вотъ теперь нахожусь въ Куртавнелѣ, ъ той самой комнатѣ, гдѣ мы такъ неистово спорили, гдѣ пять передъ окномъ разстилается водное пространство, по-рытое зеленою плѣсенью. Я здѣсь останусь дней восемь и отомъ отправлюсь на островъ Уайтъ, гдѣ пробуду до конца вгуста. Вы однако пишите мнѣ въ Парижъ. Толстому Ни-олаю не слишкомъ помогъ Соденъ; къ сожалѣнію, онъ поздно похватился, и болѣзнь его сдѣлала такіе шаги, что уже едва и возможно поправить дѣло. Я отъ души полюбилъ его, и чень мнѣ его жалко. Пожалуйста, напишите мнѣ подробности

о вашей охотѣ, о Снобѣ и пр. Меня это крайне интересуетъ. Отъ литературы я, слава Богу, отсталъ за это послѣднее время, это очень освѣжительно. Рекомендую вамъ однако швабскаго (уже старика) поэта Мёрике (Möhrike), который, вѣроятно, вамъ понравится: много граціи и чувства. Также прошу васъ не терзаться насчетъ употребленія вашего капитала, а скорѣе поздравить себя съ тѣмъ, что вы до сихъ поръ не употребили его на какую-нибудь фантасмагорію. Придетъ время, найдется употребленіе. Ну, итакъ будьте здоровы, веселы, предавайтесь охотѣ и Музы не забывайте. Говорятъ, у васъ погода отличная, а у насъ мерзость несказанная. Еще разъ жму вамъ руку и прошу передать мой поклонъ вашей женѣ, Борисову и всѣмъ мценскимъ знакомымъ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Отъ 16 іюля того же года онъ писалъ изъ Куртавнеля:

„Милѣйшій Аѳан. Аѳан., я уже писалъ вамъ отсюда, но вчера получилъ здѣсь ваше письмо, пущенное отъ 2 іюля изъ Мценска (почта у насъ, какъ капризная женщина, всегда удивляетъ неожиданностью)—и спѣшу отвѣчать. Я до нѣкоторой степени даже обязанъ отвѣчать, ибо вы находитесь въ хандрѣ, по милости рефлексіи, которую, по вашимъ словамъ, *я на васъ накликалъ*. Вотъ тебѣ и разъ! Вопервыхъ, сколько мнѣ помнится, вы уже до знакомства со мною были заражены этою, какъ вы говорите, эпидеміей; а вовторыхъ, въ нашихъ спорахъ я всегда возставалъ противъ вашихъ прямолинейно-математическихъ отвлеченностей и даже удивлялся тому, какъ онѣ могутъ уживаться съ вашей поэтическою натурой. Но дѣло не въ томъ. Мнѣ хочется разсѣять одно ваше заблужденіе. Вы называете себя отставнымъ офицеромъ, поэтомъ, человѣкомъ (да кто не отставной человѣкъ? скажу я; Sire, qui est-ce qui a des dents?)—и приписываете ваше увяданіе, вашу хандру отсутствію правильной дѣятельности... Э! душа моя! все не то... Молодость прошла, а старость не пришла,— вотъ отчего приходится тяжко. Я самъ переживаю эту трудную сумеречную эпоху порывовъ тѣмъ болѣе сильныхъ, что они уже ничѣмъ не оправданы. эпоху покоя безъ отдыха, надеждъ, похожихъ на сожалѣнія, и сожалѣній, похожихъ на надежды.

Потерпимъ маленько, потерпимъ еще, милѣйшій Аѳ. Аѳ., и мы въѣдемъ наконецъ въ тихую пристань старости, и явится тогда и возможность старческой дѣятельности и даже старческихъ радостей, о которыхъ такъ краснорѣчиво говоритъ Маркъ Туллій Цицеронъ въ своемъ трактатѣ: „De senectute“. Еще нѣсколько сѣдинъ въ бороду, еще зубочекъ или два изо рту вонъ, еще маленькій ревматизмецъ въ поясницу или въ ноги, и все пойдетъ, какъ по маслу! А пока, чтобы время не казалось слишкомъ продолжительнымъ, будемте стрѣлять тетеревей. Кстати о тетеревахъ; я надѣялся, что получу отъ васъ описаніе вашихъ первыхъ охотъ въ Полѣсьѣ, а вы только еще собираетесь!—Это худо. Увѣренъ, что объ эту пору вы уже загладили свою вину и наохотились вдоволь. А во Франціи Богъ знаетъ когда наступитъ время охоты! Здѣсь у насъ стоитъ настоящая зима, зубъ-на-зубъ не попадешь, ежедневные холода—мерзость! Никто не можетъ сказать, когда начнется и кончится жатва. Впрочемъ, что за охота! Вѣчные куропатки и зайцы! Что же касается до времени моего возвращенія на родину, то я пока ничего опредѣлительнаго сказать не могу. На дняхъ разрѣшится вопросъ: придется ли мнѣ зиму провести въ Парижѣ, или вернусь я къ вальдшнепамъ въ Спасское. А насчетъ покупки земли, употребленія вашего капитала и т. д. позвольте вамъ дать одинъ совѣтъ: не давайте этой мысли васъ грызть и тревожить, не давайте ей принять видъ d'une idée fixe. „Не хлопочи“—сказалъ мудрецъ Тютчевъ,—„безумство ищетъ“,—придетъ часъ, придетъ случай, и прекрасно. А метаться навстрѣчу часа, навстрѣчу случая—безумство. „Tout vient à point a qui sait attendre“. Имѣнье невозможно покупать съ точки зрѣнія, что дѣлать, молъ, нечего!

„Толстые, сколько я могу предполагать, всѣ въ Соденѣ; вѣроятно, кто-нибудь изъ нихъ написалъ мнѣ въ Парижъ. Я отсюда ѣду черезъ нѣсколько дней въ Англію, на островъ Уайтъ, на морскія купанья, если только море не замерзло. Тысячу разъ кланяюсь вашей женѣ, Борисову и вамъ крѣпко жму руку и остаюсь невинный въ зараженіи васъ рефлексіей.

Ив. Тургеневъ.

В. Боткинъ писалъ изъ Лондона отъ 31 іюля 1860 года:

„Простите меня, любезный другъ Фетъ и милая Маша, что я давно не писалъ къ вамъ. Причина тому была, что я былъ въ сквернѣйшемъ душевномъ состояніи, которое продолжается до сихъ поръ. Вотъ уже два мѣсяца съ половиной, какъ я страдаю насморкомъ. Вы, конечно, улыбнетесь этому слову „страдаю“, но увы! это такъ. Не понимаю, какъ произошло, что мой насморкъ сдѣлался хроническимъ, я потерялъ обоняніе и вкусъ съ самаго моего пріѣзда въ Лондонъ, т.-е. уже мѣсяцъ, принялся за лѣченіе, перемѣнилъ двухъ докторовъ, не знаю, будетъ ли лучше съ третьимъ, который держитъ мой носъ надъ паромъ и проч., такъ что я не могу выходить. О купаньѣ въ морѣ нечего и думать, при этомъ страшная тяжесть въ головѣ, которая по вечерамъ обращалась во всеобщій malaise всего организма. Въ результатѣ всего этого сплинъ Но довольно о своихъ мизеріяхъ. Вотъ уже другой разъ, какъ я пишу къ тебѣ объ одномъ и томъ же предметѣ, т.-е. о предполагаемой тобою покупкѣ земли. Говорю по совѣсти и откровенно: соображенія твои и твой планъ жизни я считаю здравымъ и основательнымъ. Что касается до самой земли, ея качества, цѣны, тутъ я ничего сказать не могу, какъ и вообще о финансовой сторонѣ вопроса, ибо я этого дѣла не разумѣю, и въ этомъ ты лучшій судья. Но покупку земли и занятіе хозяйствомъ я считаю самымъ основательнымъ дѣломъ. Это уже и въ томъ отношеніи хорошо, что дастъ тебѣ постоянное занятіе. Не понимаю, почему ты, Маша, такъ отрицательно смотришь на это? Что такъ пугаетъ тебя въ этомъ? Даже въ случаѣ потери, тутъ большой потери быть не можетъ, и я для успокоенія тебя гарантирую тебѣ эту потерю. Да потомъ пора же, наконецъ, пожить на своей землѣ, въ своемъ гнѣздѣ. Я не могу понять, въ чемъ состоитъ прелесть жизни въ Москвѣ. Но и въ такомъ случаѣ ты всетаки можешь зимой два мѣсяца провести въ Москвѣ. Словомъ, я за житье въ деревнѣ, въ своемъ углу, у себя дома. А выше еще этого—это дѣятельность, которая займетъ Фета и дастъ ему ту душевную осѣдлость, которую ты, Маша, не довольно цѣнишь въ мужѣ, ибо литература теперь для него не представляетъ того, что представляла прежде,

ои ея созерцательномъ направленіи. Я еще и прежде, когда
л предполагалъ купить землю у Тургенева, былъ того же
нѣнія, какъ теперь. А кстати, есть ли рѣка на землѣ Р—аго?
ѣаль, если нѣтъ ея. Дѣло въ томъ, что покупка земли не
:ть какое-нибудь рискованное предпріятіе, въ которомъ
ожно все потерять. Цѣнность земли въ Россіи упадать не
ожетъ. Что до свободнаго труда, то пожалуй, при непри-
ычкѣ русскаго мужика къ нему, — дѣло вначалѣ и можетъ
ти не совсѣмъ хорошо; но вѣдь я этого не знаю; это надо
удить на мѣстѣ, переговоря съ мужиками;—можетъ-быть и
утъ опасенія окажутся напрасными. А ты, Фетъ, я думаю,
ожешь быть хорошимъ хозяиномъ при твоемъ практическомъ
мыслѣ. Съ Богомъ за дѣло! Тургеневъ хотѣлъ быть сюда
роѣздомъ на островъ Уайтъ и Анненковъ. Я никого не вижу
даже не выхожу.

Вашъ *В. Боткинъ.*

XI.

Покупка Степановки.—Разговоръ по поводу этой покупки съ Ник. Ник. Тургеневымъ.—Знакомство съ княземъ Г—ымъ.—Извѣстіе о смерти Николая Толстаго. Въ Москвѣ.—Переговоры съ О—кимъ по просьбѣ Тургенева.—Старикъ Григорьевъ.—Моя болѣзнь по случаю вывиха руки.—Пріѣздъ брата, и его тройка лошадей.

Во времена моего студенчества, берега рѣки Неручи, отдѣляющей на юго-востокѣ Мценскій уѣздъ отъ Мало-Архангельскаго, слыли обѣтованною страной для ружейныхъ охотниковъ. Моло-по-малу безалаберная охота и осушеніе болотъ оставили Неручи только славное имя, произносимое нынѣ безъ всякаго волненія. Въ концѣ іюля 1860 года я по старой памяти отправился изъ Новоселокъ на Неручь на охоту, избравъ главнымъ центромъ сельцо Ивановское, имѣніе моего зятя А. Н. Ш—а, женатаго на родной сестрѣ моей Любенькѣ. Они видимо обрадовались моему пріѣзду и старались по возможности устроить меня поудобнѣе. Не смотря на очевидную практичность и опытность въ хозяйствѣ, Александръ Никитичъ видимо не могъ выпутаться изъ петель долговъ, которыя успѣлъ надѣть на свою и на женину шею въ первое время ихъ женитьбы, при устройствѣ полной усадьбы на землѣ, на которой ничего не было. Правда, покойный нашъ отецъ сначала усердно помогалъ зятю въ постройкѣ, но впослѣдствіи, по случаю строптивости послѣдняго, совершенно откачнулся отъ Ивановскаго. Къ этому надо прибавить, что небольшой флигель Ш—ыхъ, крытый соломой, въ которомъ я былъ проѣздомъ на службу въ Херсонскую губернію, годъ тому назадъ до описываемаго времени сгорѣлъ. Но въ настоя-

і пріѣздъ я нашелъ уже въ Ивановскомъ великолѣпный, я не вполнѣ еще отдѣланный, деревянный домъ, кры- і желѣзомъ. Замѣтивъ мое удивленіе по поводу такой ско- і постройки, зять мой, со свойственною ему флегмой, раз- залъ, что онъ этотъ домъ купилъ, какъ есть цѣликомъ, стъ за тридцать, у одной барыни, которая не стала въ ъ жить, гонимая привидѣніями, и продала его за 1.500 лей. „Ты увидишь, сказалъ мнѣ Алекс. Никит., какія равныя лошади у нашихъ мужиковъ; не менѣе исправны пекунскія Глазовскія; да старикъ князь Г—ъ далъ мнѣ на могу пятьсотъ подводъ. Плотники у насъ свои: разобрали зотъ видишь, перевезли".

Надо отдать справедливость Ш—ымъ, что, при постоян- ъ денежномъ стѣсненіи, они оба умѣли вести домъ образ- о. Можно сказать, что все у нихъ блистало чистотой, на- ая со столоваго и постельнаго бѣлья и кончая послѣд- і тарелкой; и обычныя четыре блюда за обѣдомъ въ два а и за ужиномъ въ восемь часовъ—приготовлены были терски.

– Вотъ, сказалъ мнѣ Алекс. Никит. послѣ обѣда за чашкой е,—ты меня просилъ поискать для тебя небольшой клокъ ли, и мнѣ кажется, что я нашелъ какъ разъ что тебѣ но, въ трехъ верстахъ отъ насъ. Если хочешь, я велю асъ осѣдлать лошадей, и мы черезъ часъ вернемся, осмо- въ имѣніе.

Минутъ черезъ десять двѣ прекрасно засѣданныя лошади ли у крыльца, и мы отправились въ недальнюю поѣздку. езъ четверть часа на открытой степи показалась зеленая а деревьевъ, на которую приходилось продолжать нашъ ь. Со жнивьевъ, по которымъ мѣстами бродила скотина, ади наши вдругъ перешли на мягко распаханный черно- ь, какъ-то пушисто хлопавшій подъ конскими копытами.

– Вотъ мы уже и на твоей будущей землѣ, замѣтилъ Алекс. ит.,—а вонъ та высокая соломенная крыша влѣво отъ очка,—твой будущій домъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы остановились у крыльца со- шенно новаго деревяннаго дома и съ трудомъ докликались овѣка, которому сдали лошадей. Видно было, кто до-

микъ, въ который мы входили, едва оконченъ постройкой самаго необходимаго и требуетъ еще многаго, чтобы сдѣлаться жилымъ, особливо въ зимнее время. При крайней скромности требованій, расположеніе комнатъ показалось мнѣ удовлетворительнымъ. Небольшая передняя съ дверью направо въ кабинетъ и налѣво въ спальню; на противоположной входу сторонѣ дверь въ столовую, изъ нея въ гостиную, а изъ слѣдующей за нею комнаты дверь налѣво въ ту же спальню. Старуха, хозяйка имѣнія, была бывшая вольноотпущенная, предоставившая все устройство сыну. Тутъ же по комнатамъ размѣщались двѣ или три дѣвушки — дочери хозяйки. Не желая некстати выказывать своего одобренія расположенію комнатъ, я высказалъ его зятю по-французски, и вдругъ, къ изумленію нашему, одна изъ дѣвицъ, указывая на выходную дверь изъ дѣвичьей въ сѣни, сказала: „il y a encore une cuisine ici“.

Ш—ъ пригласилъ молодаго хозяина, завѣдывающаго продажей имѣнія, побывать въ Ивановскомъ на другой день. На слѣдующій день продавецъ объявилъ, что готовъ на переговоры о постройкахъ, состоящихъ изъ скотнаго двора съ рабочею избой и каретнымъ сараемъ, и крошечнаго амбара; но о двухстахъ десятинахъ земли въ одной межѣ—совѣщаній быть не можетъ, такъ какъ цѣна по сту рублей за десятину окончательная, на томъ де основаніи, что это пустырь, не подлежащій никакимъ переуступкамъ крестьянамъ, окончательно отсюда выселеннымъ. Такъ какъ я въ то время не имѣлъ никакого яснаго понятія о сельскомъ хозяйствѣ, то вполнѣ долженъ былъ положиться на судъ Алекс. Никит., который, быть можетъ, отчасти подкупаемый желаніемъ видѣть меня ближайшимъ сосѣдомъ, посовѣтовалъ мнѣ кончать, и мы дѣйствительно кончили на двадцати тысячахъ за землю и двухъ съ половиной за постройки, нѣсколько лошадей и коровъ. Не воздержался я и отъ пріобрѣтенія пасѣки, хотя по сей день не научился уходу за пчелами. Въ тотъ же день я послалъ за тысячью рублями задатка къ женѣ въ Новоселки, вернувшись куда, я тотчасъ поѣхалъ за деньгами въ Москву.

Въ отрочествѣ, еще во время крѣпостнаго права, я слыхалъ отъ хорошаго хозяина поговорку: „хозяинъ вокругъ

двора обойдетъ, копѣечку найдетъ". Только долговременный опытъ можетъ подтвердить справедливость этихъ словъ и ошибочность мнѣнія, будто сельское хозяйство можетъ успѣшно идти безъ личной иниціативы хозяина. При медленности обращенія капитала, ни одинъ трудъ не требуетъ такого терпѣнія и выдержанности, и нигдѣ увлеченіе или небрежность не исправляются съ такимъ трудомъ.

„Если ты потрудишься надъ покупаемымъ хуторомъ Степановкой, то это можетъ быть впослѣдствіи прелестная табакерочка".

Эти слова Алекс. Никит. тѣмъ чаще приходятъ мнѣ на память, что небольшой клокъ земли, на который я выброшенъ былъ судьбой, подобно Робинзону, съ полнымъ невѣдѣніемъ чуждаго мнѣ дѣла, заставилъ меня лично всему научиться, и дѣйствительно въ теченіи семнадцати лѣтъ довести неусыпнымъ трудомъ миніатюрное хозяйство до степени табакерочки.

Когда я въ Москвѣ проговорился одному изъ братьевъ жены моей, что мы сбираемся оставить за собою московскую квартиру, не смотря на покупку имѣнія, то онъ пришелъ въ такое живое изумленіе, что окончательно заставилъ меня прозрѣть, и я рѣшился, не взирая ни на какія воздыханія, покончить съ самобытною московскою жизнью. Поэтому я тотчасъ же объявилъ своей московской хозяйкѣ, что мы квартиру оставляемъ за собою только по 1-е мая будущаго года.

Хотя нашъ будущій хуторъ Степановка и представлялъ, какъ мы видѣли, весьма скромную сумму денегъ, но мы, изъ боязни исчерпать всѣ наши наличныя деньги, уплатили половину цѣны векселями; и такъ какъ необходимо было завестись всѣмъ сначала, то мнѣ пришлось безотлагательно, худо ли, хорошо ли, переселяться изъ Новоселокъ на новокупленное мѣсто.

Смѣшно сказать, что, покинувъ на четырнадцатомъ году родительскую кровлю, я во всю жизнь не имѣлъ ни случая, ни охоты познакомиться хотя отчасти съ подробностями сельскаго хозяйства и волей неволей теперь принужденъ былъ иногда по два раза въ день бѣгать за совѣтомъ къ ближайшему сосѣду Алекс. Никитичу, куда моя сѣрая верховая отлично

узнала дорогу. Самыми затруднительными для меня были спеціальные земледѣльческіе вопросы, касательно времени полевыхъ работъ и послѣдовательности ихъ пріемовъ.

На первое время Алекс. Никит. справедливо совѣтовалъ мнѣ держаться крестьянскаго правила: „какъ люди, такъ и мы“, т.-е. соображать свои дѣйствія съ дѣйствіями сосѣдей, но впослѣдствіи я узналъ изъ опыта, что необходимо предупреждать сторонніе примѣры. О моихъ первыхъ попыткахъ на поприщѣ вольнонаемнаго труда я писалъ своевременно въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, подъ заглавіемъ „Изъ деревни“, и возбудилъ этими фотографическими снимками съ дѣйствительности злобныя на меня нападки тогдашнихъ журналовъ, старавшихся обличать все, начиная съ неисправныхъ дождевыхъ трубъ на столичныхъ тротуарахъ, но считавшихъ и считающихъ понынѣ всякую сельскую неурядицу прекрасною и неприкосновенною. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь, неурядицы привлекаютъ все большее вниманіе правительства, принимающаго противъ нихъ законныя мѣры. Теперь уже самые наивные люди знаютъ, что порубки и потравы—величайшее зло не только матеріальное, но и нравственное.

Пока я съ ревностью кидался за пріобрѣтеніемъ осѣдлости, въ ближайшей нашей атмосферѣ произошло событіе по себѣ маловажное, но вліятельное, какъ я полагаю, на дальнѣйшій ходъ моей жизни. Я говорю о Марьюшкѣ. Она, не взирая на свои почтенныя лѣта и далеко невзрачную физіономію, съ помощью однихъ рѣшительныхъ нарядовъ, сумѣла овладѣть сердцемъ молодаго, очень хорошаго повара Борисовыхъ. А такъ какъ Марьюшка не рѣшилась отъ насъ отойти, то мы весьма кстати очутились съ прекраснымъ поваромъ.

Въ нашихъ воспоминаніяхъ намъ нерѣдко придется встрѣчаться со знакомою уже личностью старика Тургенева, дяди Ивана Сергѣевича. Родной братъ отца поэта, Ник. Ник. Тургеневъ еще при жизни матери Ивана Сергѣевича помогалъ ей въ веденіи обширнаго ея хозяйства, а послѣ раздѣла имѣній между братьями Николаемъ и Иваномъ Тургеневыми, Николай Никол. безвыѣздно проживалъ съ семействомъ въ Спасскомъ, куда владѣлецъ Иванъ Сергѣевичъ являлся только

временно. Услыхавъ объ окончательной покупкѣ Степановки, старикъ пришелъ въ сильное волненіе. „Вы желаете имѣть треволненія? восклицалъ онъ: вы будете ихъ имѣть". Но при этомъ онъ, очевидно, упускалъ изъ виду, что на малыя средства, на которыя возможно жить въ деревнѣ, жить при такихъ же условіяхъ и обстановкѣ въ столицѣ невозможно.

— Вы селитесь теперь въ открытой степи, и вамъ приходится среди поля поставить Божье милосердіе (образъ) и къ нему уже сносить всѣ предметы.

— Намъ ничего не нужно, былъ мой отвѣтъ.

— Это вздоръ! кричалъ старикъ: — кто же вамъ будетъ мыть бѣлье?

— Мы уже подговорили прачку Алекс. Никитича, которой будемъ платить ежемѣсячно, посылая каждую субботу бѣлье.

— Все это вздоръ! восклицалъ старикъ;—будетъ у васъ и котелъ, и кадки, и веревки, и корыта, и доски съ сукномъ, и все это будетъ, попомните мое слово.

Конечно, впослѣдствіи мнѣ сто разъ приходилось вспоминать практическія слова старика.

Между тѣмъ рѣшительная минута нашего переселенія въ степной скитъ неизбѣжно приближалась, хотя невозможно было скрыть отъ себя всѣхъ неудобствъ и лишеній, связанныхъ съ такимъ переселеніемъ. Такъ какъ вся наша мебель находилась на московской квартирѣ, то всего проще было перевезти ее оттуда по зимнему пути, перебиваясь пока тою немногочисленною и плохою, какая оставалась въ домѣ при его покупкѣ. Наконецъ-то мы переѣхали, для того чтобы къ будущему лѣту приготовить не только ледникъ, но и выкопать прудъ, безъ котораго не откуда было взять льду.

Не смотря на нерасположеніе къ новымъ знакомствамъ, послѣднія возникали сами собою. Такъ Алекс. Никитичъ увлекъ меня въ качествѣ ружейника на охоту къ хорошему своему пріятелю старику князю Г—у, снабдившему его подводами при перевозкѣ дома. Старый князь оказался добродушнѣйшимъ типомъ стариннаго барина, жившаго въ домашнемъ изобиліи съ оттѣнкомъ первобытной простоты, которая въ настоящее время показалась бы неряшествомъ, если не неопрятностью. Самъ князь даже въ гости ѣздилъ обѣдать

въ сюртукѣ изъ самаго грубаго сукна темнозеленаго биллiарднаго цвѣта. Такъ какъ по старости онъ ѣздилъ на охоту въ линейкѣ, то до лѣсу я ѣхалъ съ нимъ, и онъ съ перваго дня сталъ со мною на самую короткую и отеческую ногу. За изобильнымъ обѣдомъ старикъ непрочь былъ выпить рюмку другую хереса, а въ праздникъ и шампанскаго, но любимымъ его напиткомъ былъ портеръ, который въ то время несомнѣнно привозился изъ Англiи и поэтому, вѣроятно, считался у него неподмѣшаннымъ.

— Выпьемъ, Аѳоня, съ тобою чистаго напитка, говорилъ князь; и мы у него или у насъ за столомъ усердно пили чистый напитокъ.

— Не будетъ ли къ завтрашней охотѣ непогоды? спросилъ я однажды; — какъ странно, князь, что у такого агронома, какъ вы, я не вижу барометра.

— Есть онъ у меня, отвѣчалъ добродушно старикъ, — да я его велѣлъ снести въ кладовую; прислали мнѣ его изъ Москвы, и онъ передъ покосомъ поднялся на *ясно*; я обрадовался и свалилъ все сѣно, а оно подъ дождями и сгнило. Я его въ ту же пору и разжаловалъ. У меня свой барометръ, пасѣчникъ придетъ утромъ да и скажетъ: „зябликъ трюкалъ, ворона молодила, солнце рано вскочило“. Вотъ я и знаю, что будетъ дождь.

При князѣ проживала его единственная милая дочь съ двумя малолѣтними дѣтьми. Узнавъ, что мы зимой ѣдемъ въ Москву, князь непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я взялъ подъ свое покровительство и довезъ до Москвы его дочь къ мужу, что должно было состояться по первому зимнему пути. Въ видахъ предстоящей московской поѣздки, мною куплена была вмѣстѣ съ домомъ просторная рогожная кибитка. Излишне говорить, какъ жена моя истомилась ожиданiемъ зимняго пути, который принесенъ былъ бурей не ранѣе двадцатыхъ чиселъ декабря, но зато всѣ ложбины съ высокими подъемами были дотого завалены снѣгомъ, что я на каждомъ сугробѣ обмиралъ, ожидая, что мой сѣренькiй верховой, попавшiй въ корень, посадитъ насъ на пустынной полугорѣ. Но къ счастiю, этого не случилось.

Между тѣмъ прежнiе друзья мои не забывали меня.

Тургеневъ писалъ изъ Парижа отъ 8 сентября 1860:

„И я восклицаю: ура! и даже „осанна!“ и даже „эльенъ!“ что по-венгерски значитъ что-то хорошее. Я очень радъ за васъ, что вы дѣйствительно сдѣлали добрую покупку и успокоились и получили новое поле для дѣятельности. Жаль, что отъ Спасскаго немного далеко, но съ подставными лошадьми въ скорости доѣхать можно, а мѣстечко для охоты доброе. Напередъ вамъ предсказываю, что вы будете часто видѣть меня у себя гостемъ съ Фламбо, который оказывается отважнымъ псомъ, съ другимъ какимъ-либо товарищемъ изъ собачьей породы. Поживемъ еще нѣсколько мирныхъ годковъ передъ концомъ, а тамъ пусть будетъ

«... равнодушная природа
Красою вѣчною блистать...»

„Сообщу вамъ теперь вкратцѣ новости, собственно до меня касательныя.

„Съ начала этой страницы письмо мое пишется въ Куртавнелѣ 12 числа сентября. Я пріѣхалъ сюда вчера и нашелъ все это старое гнѣздо въ порядкѣ, хотя сильно одряхлѣвшимъ. Г-жи Віардо и ея дочери здѣсь нѣтъ: онѣ обѣ въ Ирландіи. Мы съ старикомъ Віардо послѣ-послѣ-завтра только начинаемъ здѣсь охоту, которая страшно запоздала по милости дождей.

„Я дочь свою не сосваталъ и даже никого до сихъ поръ не предвидится, хотя, вѣроятно, въ теченіи зимы кто-нибудь навернется, о чемъ я думаю не безъ трепета. Она пріѣхала сюда со мною. Зиму, какъ вы уже знаете, я проживу въ Парижѣ. Послѣднія извѣстія о Толстыхъ состоятъ въ томъ, что они намѣрены были ѣхать на Гіерскіе острова; я звалъ ихъ по дорогѣ въ Парижъ, но они не пріѣхали. У бѣднаго Николая уже въ горлѣ чахотка; недолго ему осталось жить. О Львѣ все никакого нѣтъ извѣстія; да я, признаться, не слишкомъ интересуюсь знать о человѣкѣ, который самъ не интересуется никѣмъ. Работъ литературныхъ никакихъ пока не предпринимаю; да судя по отзывамъ такъ-называемыхъ молодыхъ критиковъ, пора и мнѣ подать въ отставку изъ литературы. Вотъ и мы попали съ вами въ число Подолин-

скихъ, Трилунныхъ и другихъ почтенныхъ отставныхъ майоровъ. Что, батюшка, дѣлать! Пора уступать дорогу юношамъ. Только гдѣ они, гдѣ наши наслѣдники?—Мы съ Анненковымъ, во время пребыванія нашего на островѣ Уайтѣ, придумали проектъ „Общества для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія". Я послалъ нѣсколько копій этого проекта въ Россію и буду продолжать посылать. Пошлю и вамъ. Прочтите и скажите свое мнѣніе. Дѣло, кажется, хорошее и практически задумано. Я пускаю теперь эту мысль только въ оборотъ и очень былъ бы счастливъ, еслибъ она могла осуществиться хотя къ будущей зимѣ. Напишите ваше мнѣніе и, буде случится, возраженія.

„Ну, еще разъ поздравляю васъ, новопроявившійся владѣлецъ! Жду отъ васъ подробнаго описанія вашей земли съ охотницкой точки зрѣнія. А что касается до Сноба, я по заднимъ его ногамъ былъ заранѣе увѣренъ въ его слабости, но не хотѣлъ огорчать васъ. Въ будущемъ году, если Фламбо у меня уцѣлѣетъ, вы будете охотиться съ Весной. Пишите мнѣ пока въ Парижъ. Досвиданья, милѣйшій Аѳан. Аѳан., кланяйтесь вашей женѣ, Борисову и всѣмъ добрымъ знакомымъ.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Отъ 3 октября того же года онъ писалъ изъ Парижа:

„Beatus ille, amice Fettie... и такъ далѣе, см. вашъ переводъ Горація. Благословляю обѣими руками ваше гнѣздышко и сидящихъ въ немъ, сердцу моему любезныхъ. Не жалѣйте ни о чемъ: ни о лишнихъ заплаченныхъ копѣйкахъ, ни о хлопотахъ и суетахъ: это все пустяки, а „*der Hauptgriff ist gethan*!—И само небо вамъ улыбается, то небо, которое здѣсь, въ теченіи шести мѣсяцевъ, вѣяло мерзостью и холодомъ, плевало (и плюетъ) въ насъ дождемъ, уподоблялось видомъ грязному бѣлью; у васъ, я слышу, теплота, благотать и солнце! Съ истиннымъ нетерпѣніемъ жду того счастливаго мгновенія, когда будущею весной, при соловьиныхъ пѣсняхъ, сворочу съ Курской дороги на вашъ хуторокъ. Тогда мы въ послѣдній разъ тряхнемъ стариной и хватимъ изъ кубка молодости и изъ другаго кубка съ Редереромъ; но *это послѣд-*

нее не въ послѣдній разъ. Да, вотъ мы еще съ вами собираемся жить; а для Николая Толстаго уже не существуетъ ни весны, ни соловьиныхъ пѣсенъ, ничего! Онъ умеръ, бѣдный, на Гіерскихъ островахъ, куда онъ только что пріѣхалъ. Я получилъ это извѣстіе отъ его сестры. Вы можете себѣ представить, какъ оно меня огорчило, хотя я уже давно потерялъ надежду на его выздоровленіе, и хотя жизнь его была хуже смерти. Левъ Николаевичъ былъ съ нимъ, и теперь еще въ Гіерѣ (Никол. Никол. скончался въ Гіерѣ, а не на островахъ). „*Die Gutem sterben jung*“. Я знаю, и вы, и Борисовъ не разъ его помянете: золотой былъ человѣкъ, и уменъ, и простъ, и милъ. Я бы желалъ поговорить о его послѣднихъ дняхъ со Львомъ Николаевичемъ, да Богъ знаетъ, когда и гдѣ я его увижу. Я поселился на зиму съ дочерью и англійскою гувернанткой въ Rue Rivoli, и можетъ быть буду принужденъ съѣхать, потому что комната, изъ которой я намѣренъ былъ сдѣлать свой рабочій кабинетъ, заражена зловоніемъ. Обѣщаются поправить это, но всетаки пишите лучше poste restante. Мнѣ это тѣмъ досаднѣе, что у меня планъ моей новой повѣсти готовъ до подробностей, и я хотя попалъ въ Трилунные, не прочь бы еще поработать. Рекомендую и вамъ, хотя и вы Трилунный, не пренебрегать бесѣдой съ Музами. Впрочемъ, вамъ теперь не до того; но успокоившись и вырывъ прудъ, воспользуйтесь послѣдними днями осени, въ которыхъ таится особенная

„Умильная, таинственная прелесть“....

„и попробуйте настроить струны вашей лиры, да пришлите ко мнѣ. А то ужь очень здѣсь прозаично и сухо (въ переносномъ смыслѣ). Собака вамъ будетъ, ручаюсь вамъ Кастаромъ и Поллуксомъ (я что-то сегодня налегаю на классическія сравненія),—и хорошая собака. Весной мы съ вами стрѣляемъ непремѣнно, непремѣнно, непремѣнно!!!

„Извѣстіе о выздоровленіи вашей сестры меня очень обрадовало. Поклонитесь отъ меня Борисову и поздравьте его. Ну, будьте здоровы и бодры духомъ. Дружески жму вамъ руку и вашей женѣ. Станемъ переписываться почаще.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

17 октября 1860 г. Л. Толстой писалъ изъ Гіера:

„Мнѣ думается, что вы уже знаете то, что случилось. 20 сентября онъ умеръ, буквально на моихъ рукахъ. Ничто въ жизни не дѣлало на меня такого впечатлѣнія. Правду онъ говаривалъ, что хуже смерти ничего нѣтъ. А какъ хорошенько подумать, что она всетаки конецъ всего, такъ и хуже жизни ничего нѣтъ. Для чего хлопотать, стараться, коли отъ того, что былъ Никол. Никол. Толстой, для него ничего не осталось. Онъ не говорилъ, что чувствуетъ приближеніе смерти, но я знаю, что онъ за каждымъ шагомъ ея слѣдилъ и вѣрно зналъ, что еще остается. За нѣсколько минутъ передъ смертью онъ задремалъ и вдругъ очнулся и съ ужасомъ прошепталъ: „да что жь это такое?“ Это онъ ее увидалъ, это поглощеніе себя въ ничто. А ужь ежели онъ ничего не нашелъ, за что ухватиться, что же я найду? Еще меньше. И ужь вѣрно ни я и никто такъ не будетъ до послѣдней минуты бороться съ нею, какъ онъ. Дня за два я ему говорю: „нужно бы тебѣ удобство въ комнату поставить“.

„Нѣтъ, говоритъ, я слабъ, но еще не такъ; еще мы поломаемся“.

„До послѣдней минуты онъ не отдавался ей, все самъ дѣлалъ, все старался заниматься, писалъ, меня спрашивалъ о моихъ писаньяхъ, совѣтовалъ. Но все это, мнѣ казалось, онъ дѣлалъ уже не по внутреннему стремленію, а по принципу. Одно — природа, это осталось до конца. Наканунѣ онъ пошелъ въ свою спальню и упалъ отъ слабости на постель у открытаго окна. Я пришелъ, онъ говоритъ со слезами на глазахъ: „какъ я наслаждался теперь часъ цѣлый!“ — Изъ земли взятъ и въ землю пойдешь. Осталось одно, смутная надежда, что тамъ, въ природѣ, которой частью сдѣлаешься въ землѣ, останется и найдется что-нибудь. Всѣ, кто знали и видѣли его послѣднія минуты, говорятъ: „какъ удивительно спокойно, тихо онъ умеръ“; а я знаю, какъ страшно мучительно, потому что ни одно чувство не ускользнуло отъ меня. Тысячу разъ я говорю себѣ: „оставьте мертвымъ хоронить мертвыхъ“, но надо же куда-нибудь дѣвать силы, которыя еще есть. Нельзя уговорить камень, чтобы онъ падалъ кверху,

а не книзу, куда его тянетъ. Нельзя смѣяться шуткѣ, которая наскучила. Нельзя ѣсть, когда не хочется. Къ чему все, когда завтра начнутся муки смерти со всею мерзостью лжи, самообмана, и кончится ничтожествомъ, нулемъ для себя. Забавная штучка. Будь полезенъ, будь добродѣтеленъ, счастливъ, покуда живъ, говорятъ люди другъ другу; а ты, и счастье, и добродѣтель, и польза состоятъ въ правдѣ. А правда, которую я вынесъ изъ тридцати двухъ лѣтъ, есть та, что положеніе, въ которое мы поставлены, ужасно. „Берите жизнь, какая она есть; вы сами поставили себя въ это положеніе“. Какъ же! Я беру жизнь, какъ она есть. Какъ только дойдетъ человѣкъ до высшей степени развитія, такъ онъ увидитъ ясно, что все дичь, обманъ, и что правда, которую всетаки онъ любитъ лучше всего, что эта правда ужасна. Что какъ увидишь ее хорошенько, ясно, такъ очнешься и съ ужасомъ скажешь, какъ братъ: „да что жь это такое?“ Но разумѣется, покуда есть желаніе знать и говорить правду, стараешься знать и говорить. Это одно, что осталось у меня изъ моральнаго міра, выше чего я не могу стать. Это одно я и буду дѣлать, только не въ формѣ вашего искусства. Искусство есть ложь, а я уже не могу любить прекрасную ложь.... Я зиму проживу здѣсь по той причинѣ, что и здѣсь, и все равно жить гдѣ бы то ни было. Пишите мнѣ пожалуйста. Я васъ люблю такъ же, какъ братъ васъ любилъ и помнилъ до послѣдней минуты....

Л. Толстой.

В. П. Боткинъ писалъ изъ Парижа отъ 10 октября 1860:

„Письмо ваше отъ 12 сентября я получилъ и по прочтеніи его пришелъ въ великое удовольствіе. Теперь вы *дома*, у себя. Мнѣ жаль только одного, что ты, милый другъ Маша, смотришь на все это какъ-то грустно и мнительно. Сказавъ въ моемъ прежнемъ къ вамъ письмѣ, что я *готовъ отвѣчать за убытокъ*, я сказалъ не пустую фразу на вѣтеръ и теперь снова повторяю мои слова, и въ этомъ отношеніи ты можешь положиться на меня. Но кромѣ денежной увѣренности, тутъ есть величайшая моральная польза: польза эта состоитъ въ постоянной дѣятельности и трудѣ для Фета. Еслибы даже не

оказалось предполагаемаго имъ дохода, то-есть еслибъ онъ оказался менѣе рублей на двѣсти (я не думаю, чтобы разница противъ его разсчета была большею),—то я гарантирую тебѣ эту сумму заранѣе. Я понимаю твою осторожность и даже мнительность, но скажу также, что никогда еще употребленіе денегъ не было на болѣе дѣльный и полезный предметъ, какъ въ этомъ пріобрѣтеніи земли и занятіи хозяйствомъ. Я убѣжденъ, что ты полюбишь этотъ хуторъ, полюбишь за то, что все въ немъ будетъ сдѣлано вами. Одно уже краткое описаніе начатыхъ и предполагаемыхъ работъ произвело на меня отраднѣйшее впечатлѣніе: въ этой борьбѣ съ природой и съ практикой есть что-то освѣжающее душу. Женщины, къ несчастію, понять этого не могутъ, ибо въ этомъ состоитъ существенное значеніе и величіе мужчины. Ты меня зовешь въ Степановку: да это будетъ моимъ первымъ дѣломъ, и я этой поѣздки ожидаю для себя съ наслажденіемъ. А потомъ подумай о томъ, что вѣдь это не фабрика, не заводъ, которые приходится всегда продавать за полъцѣны: самымъ дурнымъ результатомъ можетъ быть только то, что если захотите продавать, то придется продать уже никакъ не менѣе той цѣны, какой она вамъ будетъ стоить. А если будетъ убытокъ, то я *обязуюсь доплатить*. Итакъ, съ этой стороны я это дѣло считаю совершенно улаженнымъ, но остается не менѣе важное обстоятельство: рѣшиться на такое долгое пребываніе въ деревнѣ. Да, обстоятельство важное, ибо скука, если она появится и усилится, можетъ имѣть вредное вліяніе и на здоровье, и на все. Но взглянемъ прямо въ глаза этому опасному врагу и посмотримъ, нельзя ли съ нимъ справиться. Вопервыхъ, надо еще дождаться, когда придетъ эта скука, и заранѣе разсчитывать на нее смѣшно; можетъ я ошибаюсь, но для меня житье въ Москвѣ мало чѣмъ отличается отъ житья въ Степановкѣ. Ваши вечера въ домѣ Сердобинской имѣли постоянно какой-то туманный и апатичный характеръ: неужели они такъ нравились тебѣ? Конечно, нельзя по себѣ судить о другихъ, но для меня одиночество и хорошая книга могутъ уступить только самымъ интереснѣйшимъ вечерамъ въ мірѣ; а у тебя есть еще рессурсъ: музыка. Повѣрь, — не пугай себя заранѣе скукой:

отъ врагъ побѣждаетъ только тогда, когда мы сами под-
емся ему:

«Будетъ буря, мы посмотримъ
И помужествуемъ съ ней».

„А потомъ, ты знаешь пословицу: „то не бѣда, коль на
еньгу пошла". Но такъ какъ я еще не знаю, гдѣ вы намѣрены
ить въ эти два мѣсяца въ Москвѣ, то и прекращаю свои
азсужденія впредь до обстоятельныхъ вашихъ увѣдомленій.
„Бѣдный и прекрасный Николай Толстой умеръ. Вы уже
ѣроятно это знаете. Тургеневъ остается здѣсь на зиму. На-
моркъ мой, благодаря доктору Rayer, лучше, но обонянія
ѣтъ и тѣни для меня: это лѣченіе и держитъ меня здѣсь;
вось хоть черезъ десять дней позволитъ мнѣ докторъ ѣхать
о Флоренцію, гдѣ я располагаю провести зиму. А вначалѣ
ѣта непремѣнно въ Россію и немедленно въ Степановку.
Обнимаю васъ, а ты, братъ, не унывай и дѣлай свое дѣло.

Душевно преданный вамъ *В. Боткинъ*.

Въ Москвѣ, за окончательною рѣшимостью отказаться отъ
ашей постоянной квартиры, намъ не предстояло иного вы-
бора, какъ остановиться у женина сестры Пикулиной, или
въ домѣ нераздѣленныхъ еще братьевъ Боткиныхъ. На из-
вѣстныхъ условіяхъ мы предпочли первое. Еслибъ я даже окон-
ательно перекипѣлъ до полнаго безразличія между столичною
и деревенскою жизнью, то все-таки не могъ бы по справедли-
вости требовать отъ жены зимовки въ безотрадномъ по своей
обстановкѣ захолустьи, какимъ тогда была Степановка. Что
же касается до меня лично, то, отставъ отъ постоянной ра-
боты въ привычномъ уголкѣ, я не чувствовалъ ни потребно-
сти, ни силъ искать себѣ новой умственной работы и нахо-
дился въ такомъ межеумочномъ состояніи, о которомъ всего
лучше могутъ дать понятіе слѣдующія слова Тургенева:

Парижъ
5 ноября 1860.

„Пишу къ вамъ, carissime, еще въ вашу Степановку, хотя
боюсь, что мое письмо васъ уже въ ней не застанетъ; но я
также не знаю, осталась ли Сердобинка за вами, и въ ней

ли вы проводите зиму? Куда ни шло, пишу! А писать собственно почти нечего. Есть такіе моменты въ жизни, куда ни оглянись, все торчитъ давно знакомое, о которомъ и говорить не стоитъ. За работу я до сихъ поръ не могу приняться какъ слѣдуетъ: я начинаю думать, что гнусный парижскій воздухъ дѣйствуетъ на мое воображеніе, т. е. ослабляетъ *оное*. Сказать вамъ, до какой степени я ненавижу все французское, особенно парижское, превосходитъ мои силы; каждый „мигъ минуты", какъ говоритъ Гоголь, я чувствую, что я нахожусь въ этомъ противномъ городѣ, изъ котораго я не могу уѣхать... Не будемъ говорить объ этомъ. Ваши письма меня не только радуютъ, они меня оживляютъ: отъ нихъ вѣетъ русскою осенью, вспаханною уже холодноватою землей, только-что посаженными кустами, овиномъ, дымкомъ, хлѣбомъ; мнѣ чудится стукъ сапоговъ старосты въ передней, честный запахъ его сермяги, мнѣ безпрестанно представляетесь вы: вижу васъ, какъ вы вскакиваете и бородой впередъ бѣгаете туда и сюда, выступая вашимъ короткимъ кавалерійскимъ шагомъ... Пари держу, что у васъ на головѣ все тотъ же засаленный уланскій блинъ! А взлетъ вальдшнеповъ въ почти уже голой осиновой рощицѣ... Ей-Богу, даже досада беретъ! Здѣсь я охотился скверно, да и вообще, что за охота во Франціи?! Но вы насмотритесь на меня и на моего Фламбо будущею весной въ болотѣ на дупелей или на бекасовъ.—Тубо!... Тубо!... А самъ безъ нужды бѣжишь и едва духъ переводишь... Тубо! ну, теперь близко... Фррр... екъ! екъ! бацъ! бацъ! – и подлецъ бекасъ, замѣнившій степеннаго дупеля, валится мгновенно, бѣлѣя брюшкомъ...

„Я получилъ отъ бѣднаго Полонскаго очень печальное письмо. Я тотчасъ отвѣчалъ ему. Онъ собирается весной заграницу, но я его приглашаю къ себѣ въ деревню и рисую ему картину нашего житья втроемъ. Какъ иногда старые тетерева сходятся вмѣстѣ, такъ и мы соберемся у васъ въ Степановкѣ и будемъ тоже бормотать, какъ тетерева. Пожалуйста вы съ своей стороны внушите ему ту же мысль. Бѣдный, бѣдный кузнечикъ-музыкантъ! Не могу выразить, какимъ нѣжнымъ сочувствіемъ и участіемъ наполняется мое сердце, какъ только я вспомню о немъ.

„Получаете ли вы „Искусство“ Писемскаго и К°? Какъ же васъ тамъ нѣтъ, о жрецъ чистаго искусства? Или вы не шутя считаете себя въ отставкѣ? Знаете ли что? Попробуйте перечесть Проперція (Катулла также или Тибулла)—не найдете-ли надъ чѣмъ потрудиться, не спѣша? Одну элегію въ недѣлю „*ничего можно*“.

7 ноября.

„Сейчасъ получилъ ваше двойное письмо отъ 21 и 23 октября. Я вижу изъ него, что вамъ хорошо, и душевно радуюсь. Но почему вы пишите мнѣ—poste restante? Адресуйте Rue de Rivoli, 210. Что ни говорите, а мысль о томъ, что вы—Бернетъ, грызетъ васъ, и это совершенно напрасно. Тотъ, кто когда-либо смѣшаетъ васъ съ Бернетомъ, тѣмъ самымъ покажетъ несомнѣнно, что онъ олухъ; сверхъ того, вамъ еще грѣшно класть перо на полку. Я почему-то полагаю, что вы въ Москвѣ тряхнете стариной.

„Да, жаль Николая Толстаго, сердечно жаль! О братѣ его Львѣ нѣтъ никакого извѣстія; вѣроятно онъ еще въ Гіерѣ. Я вамъ скоро опять напишу, а теперь кланяюсь вашей женѣ и благодарю за память, а вамъ крѣпко жму руку.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Отъ 17 декабря 1860 онъ писалъ изъ Парижа:

„На сей разъ, дорогой Аѳан. Аѳан., вы получите отъ меня коротенькое и чисто дѣловое письмо. До меня дошло свѣдѣніе, что изданіе моихъ сочиненій, сдѣланное г. О....., поступило въ продажу, а между тѣмъ обѣщанныя деньги имъ не высылаются, и вотъ уже два мѣсяца, какъ я не получаю отъ него писемъ. Такъ какъ это дѣло для меня важное, я покорнѣйше прошу васъ взять на себя всѣ хлопоты и вообще вступить въ мои права, сдѣлаться моимъ „alter ego“, въ удостовѣреніе чего посылаю вамъ записочку для представленія г. О..... Наши условія были слѣдующія: онъ имѣлъ право печатать 4.800 экземпляровъ и за это долженъ былъ мнѣ заплатить 8.000 руб., изъ коихъ половина должна была быть представлена до изданія въ свѣтъ, другая — четыре мѣсяца послѣ. Получилъ же я отъ него, не помню хорошенько, 1.500

или 2.000 руб., кажется 1.500. Вы попросите его, чтобъ онъ представилъ вамъ счетъ и такимъ образомъ узнаете количество выданной суммы. Остающіеся 2000 или 2500 руб. онъ долженъ немедленно выслать. Мнѣ это все очень непріятно и особенно непріятно мнѣ васъ утруждать; но вы можете сказать ему, что у насъ есть съ вами счеты. Постарайтесь узнать сперва стороной, или даже отъ него, не выслалъ ли онъ мнѣ денегъ? Въ такомъ случаѣ не безпокойте его, только скажите ему, что я прошу его передать вамъ слѣдуемое мнѣ количество экземпляровъ, изъ которыхъ пошлите три Анненкову. Разрѣшеніе на полученіе этихъ экземпляровъ вы найдете на второй страницѣ прилагаемаго листика. Однимъ словомъ, я полагаюсь на васъ, что вы въ этомъ дѣлѣ поступите и деликатно, и практично. Надѣюсь, что вы уже давно прибыли въ Москву и благополучно въ ней поселились. Сообщите вашъ адресъ, а я пока, по вашему желанію, пишу на Маросейку. Дружески кланяюсь вашей женѣ и Борисовымъ и жму вамъ крѣпко руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

„Я прошу Аѳ. Аѳ. Фета взять на себя всѣ сношенія съ Н. А. О..... по дѣлу изданія моихъ сочиненій и прошу г. О..... выдавать слѣдуемыя мнѣ деньги г. Фету, который вступаетъ вполнѣ во всѣ мои права. Поручаю также г. Фету получить отъ г. О..... слѣдуемые мнѣ экземпляры.

Ив. Тургеневъ.

Типъ людей, совершенно равнодушныхъ къ матеріальнымъ своимъ средствамъ, готовыхъ горстями разбрасывать свое добро и въ то же время скупыхъ на копѣйки и неразборчивыхъ въ источникахъ новаго прилива денегъ,—далеко не новый. Еслибы Тургеневъ самымъ рѣшительнымъ образомъ не принадлежалъ къ этому типу, я не сталъ бы говорить о его счетахъ съ О..... Дѣло въ томъ, что когда я попросилъ у О..... денегъ и книгъ, то солидарное въ его предпріятіи лицо напечатало въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* отрицаніе моего полномочія. Я попросилъ, въ оправданіе свое отъ самозванства,— у Тургенева подтвержденіе моего полномочія телеграммой и

напечаталъ послѣднюю съ буквальнымъ русскимъ переводомъ. На другой день по выходѣ номера, мой антагонистъ прислалъ ко мнѣ секунданта, и дѣло приняло бы траги-комическій оборотъ, еслибы старый Ник. Хр. Кетчеръ, со всегдашнею своею честностью и безпощадною грубостью, не разъяснилъ задорнымъ пѣтухамъ, что тутъ они дѣло имѣютъ не со мною, а съ Тургеневымъ. Тѣмъ не менѣе я переслалъ Тургеневу 2.000 руб. въ Парижъ, а когда позднѣе я спросилъ его, чѣмъ кончилось дѣло, онъ самъ, превративъ разсказъ въ мимическое представленіе, отнесся къ нему комически. Онъ совершенно забылъ о моей траги-комедіи по его же милости.

Безпристрастно озираясь на конецъ 60 и 61 года въ тѣсной сферѣ моей жизни, можно было бы, увлекаясь обобщеніемъ, назвать это періодомъ разрушенія.

Я забылъ сказать, что всѣ три года нашего зимняго пребыванія въ домѣ Сердобинской я продолжалъ по временамъ посѣщать находившійся въ ближайшемъ съ нами сосѣдствѣ домъ старика Алек. Иван. Григорьева, отца Аполлона Григорьева. Я любилъ добродушнаго старика, умѣвшаго, не взирая на небольшія средства, дать прекрасное образованіе своему талантливому сыну, съ которымъ вмѣстѣ я прожилъ на антресоляхъ четыре года университетской жизни, и гдѣ плакучая береза, увѣшанная инеемъ, навѣяла на меня: „Печальная береза у моего окна“... Всѣ три года, въ которые я по старинѣ посѣщалъ Алекс. Иван., Аполлона Алекс. не было дома, и бѣдный старикъ, добывавшій скудныя копѣйки ходатайствомъ по дѣламъ, жаловался на то, что сынъ прикинулъ ему жену съ двумя дѣтьми и выпросилъ у отца позволеніе заложить послѣдній домъ.

Борисовъ, по полученіи извѣстія о выздоровленіи жены, рѣшился провести зиму по близости психіатровъ, нанявъ квартиру, которую большею частію наполнилъ нашею ненужною намъ до весны мебелью и домашнею утварью.

Настали жестокіе морозы, свыше тридцати градусовъ, и хозяинъ нашъ докторъ Пикулинъ поговаривалъ: „сегодня на обсерваторіи ртуть ковали“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ наши желѣзныя печки причиняли угаромъ ежедневную, головную боль,

и посѣтившій меня Николай Боткинъ сталъ убѣждать, что никакой надобности нѣтъ мнѣ угорать у Пикулина, когда въ его прилегающемъ къ дому флигелѣ есть свободная комната. Я воспользовался предложеніемъ, а вслѣдъ затѣмъ и жена моя перебралась въ домъ на прежнее бывшее свое дѣвичье пристанище. Но видно періодъ переломовъ долженъ былъ выдержать свой характеръ. Боткинскій домъ въ то время соединялся со своимъ флигелемъ единственнымъ переходомъ по подвальному этажу. Этотъ тѣсный переходъ, снабженный нѣсколькими такими же узкими рукавами, представляетъ главнымъ образомъ бифуркацію со стеклянными дверями при входѣ въ каждую изъ нихъ. Одна стеклянная дверь благополучно ведетъ въ корридоръ, кончающійся всходомъ во флигель, а за другою непосредственный обрывъ во внутренній дворъ. И я до сихъ поръ не могу понять назначенія этой двери и обрыва. Однажды вечеромъ, простившись въ домѣ со всѣми, я съ зажженнымъ подсвѣчникомъ въ рукахъ пустился по корридору во флигель на ночлегъ. Стараясь по врожденной моей наклонности ускорить время передвиженія, я чуть не бѣгомъ сталъ откидывать попадавшіяся мнѣ стеклянныя двери. Но едва я отворилъ такимъ образомъ послѣднюю, какъ свѣчу мою задуло вѣтромъ и, охая отъ боли, я услыхалъ надъ собою голосъ дворника: „кто тутъ?“ Оказалось, что я со значительной высоты слетѣлъ на снѣгъ и свихнулъ себѣ въ кисти лѣвую руку, державшую подсвѣчникъ. При содѣйствіи знаменитаго хирурга Ив. Ник. Новацкаго, съ утра начались піявки, гипсовая перчатка и т. д. Черезъ три недѣли отъ вывиха моего не осталось и слѣда.

По случаю небольшаго, но характеристическаго приключенія, мнѣ приходится еще разъ говорить о человѣкѣ самомъ мнѣ близкомъ, волею судебъ, съ каждымъ днемъ, такъ сказать, игравшимъ все болѣе значительную роль въ моей жизни. Я говорю о моемъ братѣ Петрѣ Аѳанасьевичѣ. Сколько разъ съ Борисовымъ, разбирая личность брата Петра, мы не могли ему надивиться. Когда еще онъ проживалъ у насъ въ Сердобинкѣ, я отъ души желалъ этому не кончившему курса филологу Харьковскаго университета быть, насколько я могъ, полезнымъ; но мои записки объ эстетикѣ, спеціально для

него написанныя, равно какъ совмѣстное чтеніе Гораціевыхъ одъ, прошли для него, какъ мы уже видѣли, безъ всякаго слѣда. А между тѣмъ трудно было отыскать болѣе тонкаго знатока сельско-хозяйственнаго обихода вообще, а скотоводства въ особенности. Въ послѣднемъ дѣлѣ онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ былъ замѣчательнымъ знатокомъ и, не щадя никакихъ издержекъ, въ ущербъ самымъ первобытнымъ личнымъ нуждамъ, поставилъ свой воронежскій конскій заводъ на высоту, на которой дай Богъ его удержать наслѣдникамъ. Въ то время рядомъ съ кровными верховыми братъ выводилъ и рысистыхъ лошадей, для которыхъ держалъ и наѣзднika. Таковъ частію былъ онъ на практикѣ, а въ теоріи былъ еще изумительнѣе опредѣленною ясностью и практичностью своихъ совѣтовъ. Но отъ внимательнаго взгляда не могла укрыться несоразмѣрность порывовъ воли съ устройствомъ остальнаго организма. Въ минуты подобныхъ увлеченій никакія убѣжденія не помогали, и это выражалось обычною поговоркой брата: „э, да что!“—причемъ взмахъ правой руки ясно показывалъ, что это ultima ratio. Однажды, когда я всего менѣе этого ожидалъ, въ передней нашего флигеля раздался звонокъ, и вошедшій Петръ Аѳан. бросился обнимать насъ.

— У меня къ тебѣ просьба, сказалъ онъ,—я привелъ сюда хорошую сѣрую тройку: коренникъ чистокровный можетъ потягаться на бѣгу, а пристяжныя за себя постоятъ. Пожалуйста помоги мнѣ продать ихъ въ Москвѣ. Я ихъ поставилъ на постояломъ дворѣ у Прѣсненскихъ воротъ, а завтра велю наѣзднику пріѣхать сюда на парѣ. Въ московской толкотнѣ боюсь запрягать тройку. А ты скажи о нихъ П. П. Б—у; если ему не нужны, не отрекомендуетъ ли кому-нибудь.

На другой день утромъ наѣзднikъ пріѣхалъ въ отличныхъ пошевняхъ парой, которою мы полюбовались; и рѣшено было, давъ лошадямъ передохнуть дня два съ дороги, запречь тройку и проѣздить ее сперва со всѣми предосторожностями въ предмѣстьяхъ города, избѣгая многолюдства.

— Братъ, говорилъ я,—не увлекайся ты громкими наименованіями наѣзднikовъ и т. д. Всѣ эти люди хороши, какъ исполнители. Дай мнѣ слово, что въ назначенный тобою день

ты пріѣдешь къ намъ кофей пить, и затѣмъ я съ тобою поѣду къ твоему наѣзднику, который запряжетъ сперва коренника, проѣздитъ его хорошенько, и затѣмъ такимъ же образомъ припряжетъ сперва лѣвую, а потомъ правую пристяжную.

Получивъ желаемое обѣщаніе, я успокоился на два дня. Въ назначенный день къ 9-ти часамъ утра кофей ожидалъ брата, и онъ въ свою очередь не заставилъ себя ждать. Когда на парадномъ крыльцѣ раздался звонокъ, слуги въ передней не было, и я съ радостью бросился отворять дверь.

— Ну что̀? спросилъ я входящаго по ступенькамъ брата.

— Все кончено, отвѣчалъ онъ.

— Что̀ такое все?

— Сани въ дребезги, сбруя порвана и лѣвая пристяжная убита.

— Какимъ образомъ? Да войди, тамъ все разскажешь.

— Взяло меня сегодня нетерпѣніе, началъ братъ въ разъясненіе вопроса; — поѣхалъ я поглядѣть на лошадей. Вижу, около моего наѣзднika вертится какой-то среднихъ лѣтъ человѣкъ и говоритъ, что недавно отошелъ отъ мѣста у извѣстнаго М—а, у котораго три года былъ наѣзднikомъ, а теперь радъ помочь моему Лукьяну проѣздить тройку, благо Лукьянъ одинъ сомнѣвается. А ужь онъ-то, какъ старый наѣзднikъ, постоитъ за себя. „Я, говоритъ, сяду сзади Лукьяна и возьму пристяжныя вожжи. У меня не распрыгаются“. Сердце не камень: я сталъ смотрѣть, какъ они запрягаютъ лошадей, поставивъ нарядныя пошевни оглоблями къ воротамъ на улицу, и обѣщалъ бывшему наѣзднику хорошій „на чаекъ“ за усердіе. Позвали двоихъ хозяйскихъ дворниковъ держать лошадей. Сѣлъ Лукьянъ и за нимъ знаменитый наѣзднikъ. „Пускай!“ съ этимъ словомъ тройка ринулась со двора, какъ летучій драконъ. При вниманіи, исключительно обращенномъ на тройку, никто не замѣтилъ въ крутой канавѣ передъ воротами торговку съ лоткомъ. Пригнулась ли она со страху, или Богъ ее помиловалъ, но я увидалъ ее, когда уже тройка съ пошевнями перелетѣла черезъ нее. Но не успѣли лошади, которыхъ Лукьянъ, для избѣжанія встрѣчъ, повернулъ по пустынной улицѣ, броситься съ новымъ азартомъ, какъ зна-

менитый наѣздникъ, державшій пристяжныя вожжи за спиной Лукьяна, бросилъ ихъ въ сани и соскочилъ долой. Не знаю, самъ ли коренной свернулъ съ улицы на огородъ, или повернулъ его туда Лукьянъ, но черезъ нѣсколько секундъ лѣвая пристяжная ударилась на всемъ скаку лбомъ объ огородную верею, и вся тройка съ Лукьяномъ и пошевнями полетѣла въ глубокій, засыпанный снѣгомъ, парникъ. Пришлось сзывать людей съ веревками и таскать всю эту кашу изъ парника. Лукьянъ, славу Богу, уцѣлѣлъ. Наемныя пошевни разломаны, пара лошадей тоже, не смотря на порванную упряжь, уцѣлѣла, а у лѣвой пристяжной изо лба торчалъ мозгъ. Слѣдовательно, она какихъ-нибудь аршинъ 15 проскакала, такъ сказать, мертвая.

Тургеневъ писалъ изъ Парижа 2 января 1861:

„Любезные друзья, Фетъ и Борисовъ, я получилъ ваше совокупное посланіе и буду отвѣчать каждому порознь, дѣльнымъ манеромъ; теперь я только хочу вамъ сказать, что я получилъ отъ О..... хоть не всѣ деньги, которыя онъ долженъ былъ выслать, однако половину; и потому положите подъ сукно все, что я вамъ сообщилъ по этому поводу и пріостановитесь. Я душевно радъ, что всѣ распущенные слухи оказались ложными; радъ и за себя, а главное за О....., котораго мнѣ было какъ-то дико воображать не совершенно честнымъ человѣкомъ. У меня рѣшительно нѣтъ времени больше писать, но не могу не сказать вамъ, о Фетіе, что хандритъ только человѣкъ, который эту штуку на себя напускаетъ: переводите Проперція лучше или Катулла. Какъ это возможно?—А въ піесѣ Островскаго (это я уже говорю Ивану Петровичу) мнѣ нравится только превосходно нарисованное лицо *Оленьки;* съ остальными замѣчаніями я согласенъ. Работа моя подвигается, довольно впрочемъ медленно. До слѣдующаго письма.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

10 января онъ же изъ Парижа:

„Ля Илляхъ иль Аллахъ, Магоммедъ резуль Аллахъ...— Нѣтъ Фета кромѣ Фета, и Тургеневъ пророкъ его. Какими словесами достойно воспою я ваше многомилостивое обо мнѣ

попеченіе, драгоцѣннѣйшій Аѳан. Аѳан.! Воображеніе нѣмѣетъ, и языкъ отказывается выразить избытокъ чувствъ. Я сейчасъ получилъ ваше письмо со вложеннымъ векселемъ въ 9.250 фр. Я порадовался и за себя, и за О.....; авось онъ мнѣ весной заплатитъ остальныя деньги; будемъ также надѣяться, что число лишнихъ напечатанныхъ имъ экземпляровъ не слишкомъ велико, хотя по настоящему ему вовсе не слѣдовало печатать лишнихъ. Прилагаю присемъ расписку, которую прошу васъ вручить ему отъ моего имени. Онъ обѣщался было выслать мнѣ экземпляръ, но обѣщаніе это вмѣстѣ со многими другими кануло въ воду, а мнѣ собственно хотѣлось бы знать, попали ли въ текстъ нѣкоторыя измѣненія и прибавленія, какъ напримѣръ: „Конецъ Рудина“. Но вамъ нечего хлопотать объ этой высылкѣ,—я получу здѣсь экземпляръ другимъ путемъ. Однимъ словомъ, danke, merçi, gratias tibi ago, thank you, gracie, спасибо, — вотъ только забылъ, какъ по гречески.—Новаго пока ничего. Романъ мой подвигается медлительно впередъ. Думаю съ усладой о весенней поѣздкѣ на Русь. Отъ Л. Толстаго получено письмо изъ Ливорно, въ которомъ онъ объявляетъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Неаполь и въ то же время хочетъ быть здѣсь въ февралѣ, чтобы летѣть въ Россію. Что изъ этого всего выйдетъ — неизвѣстно. Поклонитесь всѣмъ добрымъ пріятелямъ, начиная, разумѣется, съ драгоцѣннѣйшаго Борисова, которому я на дняхъ писать буду. Обнимаю васъ отъ души и остаюсь

преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. „Non chandrar!“ *).

„Я нижеподписавшійся симъ объявляю, что изъ слѣдуемыхъ мнѣ съ Н. А. О..... за изданіе моихъ сочиненій въ 4.800 экземплярахъ,—8.000 рублей серебромъ (восемь тысячъ) получилъ 5.500 руб. (пять тысячъ пятьсотъ).

Ив. Тургеневъ.

*) Не хандрить.

XII.

ой отъѣздъ въ Степановку.—Хлопоты по устройству усадьбы.—Высо-йшій манифестъ.—Пріѣздъ жены изъ Москвы.—О встрѣчѣ съ Салты-вымъ (Щедринымъ) у Тургенева.—Тургеневъ и Л. Толстой въ Степа-вкѣ.—Ссора между ними.—Письма.—Поѣздка въ Москву.—Знакомство семействомъ Б—овъ черезъ Л. Толстаго.—Пріѣздъ въ Москву Василія Павловича М—ва. Письма.

Февральское угрѣво, развѣшивая по крышамъ и желобамъ сосульки, настоятельно гнало меня въ Степановку, гдѣ при самой первой возможности слѣдовало разомъ браться за ее, начиная съ высокой неуклюжей, соломенной крыши ома, которую требовалось перекрыть до наступленія весенихъ дождей. Сестра Надя, все еще томившаяся ужаснымъ воспоминаніемъ недавняго недуга, какъ-то дичилась насъ, и оэтому я, оставивъ жену на нѣкоторое время у ея братьевъ, ѣхалъ въ Степановку, т. е. къ сестрѣ Любинькѣ и Алекс. Никитичу. Послѣдній помогалъ мнѣ и дѣломъ, и словомъ, акъ, пока я отыскалъ плотниковъ для передѣлки крыши, кровельщика, покрывавшаго ее за ними вслѣдъ желѣзомъ,— лександръ Никит. устроилъ мнѣ перевозку нашей мебели зъ Москвы его крестьянами на ихъ великолѣпныхъ подвозахъ. Онъ зналъ, что крестьяне ѣхали въ извозъ до Москвы будутъ рады не разыскивать тамъ обратной клади, а нарузятъ мою, которую складывать придется за три версты тъ своихъ дворовъ. Тѣ же крестьяне привезли мнѣ и заказанный мною заблаговременно паркетъ въ три комнаты. Помню, что Тургеневъ впослѣдствіи, въ бытность свою въ Степановкѣ, говорилъ: „вѣдь вотъ ни у одного нѣмецкаго

профессора не найдете паркетнаго пола, а здѣсь сейчасъ давай паркетъ". Но онъ забылъ, что гладкій дубовый полъ—единственный, который русская прислуга не въ состояніи на другой же день испачкать до невозможности.

Такъ какъ съ одной стороны мы не имѣли права стѣснять нашею мебелью московскую хозяйку, а съ другой—крестьяне не могли выжидать позднѣйшей ея отправки, то оказалось, что мебель и рояль прибыли въ Степановку единовременно съ паркетомъ, когда только-что сняли соломенную крышу. А такъ какъ полы предстояло въ то же время застилать паркетомъ, то приходилось съ большинствомъ мебели невѣроятно тѣсниться въ единственномъ каретномъ сараѣ, размѣщая рояль и болѣе дорогую мебель въ двухъ комнатахъ, въ которыхъ половъ мѣнять не предстояло. Понятно, что, пробывъ цѣлый день на стройкѣ, я ѣхалъ ночевать къ зятю. Помню, какъ однажды вечеромъ я пріѣхалъ къ нему съ лицомъ, намокшимъ отъ мелко-сѣявшаго дождя. Мнѣ постлали постель на диванѣ въ уборной, и я по обычаю схватилъ первое попавшееся чтеніе на сонъ грядущій. Хозяева давно ушли въ спальню, а меня противъ обыкновенія чтеніе какъ-то не погружало въ сонъ. Быть-можетъ меня смущали мелкія капли, падавшія какъ песчинки, слегка шуршавшія по стеклу. Конечно, подобный дождикъ былъ безвреденъ для моей мебели, такъ какъ я еще съ осени застлалъ потолокъ войлокомъ и засыпалъ пепломъ; но эта изморозь пугала возможностью превратиться совершенно некстати въ ливень. Кажись, такого превращенія нельзя ожидать въ первой половинѣ января. Вдругъ послышались одинъ за другимъ тяжеловѣсные удары въ крышу, а вслѣдъ затѣмъ грохотъ крыши слился съ громкимъ трепетаніемъ стеколъ. Спустивъ ноги съ постели и положивъ на столикъ романъ, я, опустя голову, весь поглощенъ былъ равномѣрнымъ шумомъ дождя. „Что же дѣлается тамъ, въ Степановкѣ? думалось мнѣ: вѣдь тамъ должно-быть въ комнатахъ на полъ-аршина воды". Дверь моей комнаты тихо отворилась, и на порогѣ въ красномъ шлафрокѣ показался Алекс. Никит. съ безпомощнымъ на лицѣ выраженіемъ. — „Да, братецъ!" сказалъ онъ. — „Да, братецъ!" отвѣтилъ я.

Конечно, на другой день, выпивъ стаканъ кофею, я поле-

ѣлъ въ Степановку и съ восторгомъ убѣдился, что потолокъ ротекъ только въ столовой, въ которой не было никакой ѣебели. Вслѣдъ затѣмъ морозы вступили въ свои права.

Помнится, въ моихъ „Запискахъ изъ деревни“ я говорилъ о томъ міровомъ событіи, которое, имѣя въ виду исключительно сельскую среду, совершилось въ ней на моихъ глазахъ. Понятно горячее любопытство вопросовъ, раздававшихся по этому поводу со всѣхъ сторонъ. Спрашивали, очевидно, люди-мыслители, не предвидѣвшіе ничего, подобно самимъ дѣятелямъ. Всѣ чувствовали, что произойдетъ нѣчто неслыханное, противоположное всему существующему; но что изъ этого выйдетъ — предвидѣть никто не могъ. Полнѣйшую невозмутимость всей нашей сельской среды я могу себѣ объяснить только сравненіемъ.

Мальчикъ, которому хорошо живется подъ родительскимъ кровомъ, отправляется въ далекую школу. Отецъ и мать и бабка обнимаютъ его и плачутъ; будетъ ли ему лучше или хуже на чужбинѣ — никому неизвѣстно и всѣхъ менѣе ему самому. Но онъ смутно чувствуетъ приближеніе свободы, и глаза его сухи; онъ не хочетъ и не можетъ обсуждать своего будущаго положенія.

Я былъ у зятя въ день объявленія съ церковнаго амвона Высочайшаго манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Въ тотъ моментъ слишкомъ было рано задаваться вопросами насчетъ всенароднаго значенія событія. Мы сами внѣ всякихъ соображеній были исполнены совершенно дѣтскаго любопытства и разсчитывали по минутамъ, когда обѣдня должна быть кончена и крестьяне успѣютъ вернуться изъ церкви. Во второмъ часу дня Алекс. Никит., взглянувъ на дворъ, крикнулъ: „А, вотъ и кончилось: ключникъ идетъ къ амбару“. Черезъ двѣ минуты ключникъ стоялъ въ передней.

— Ну, что, Семенъ, слышали манифестъ?

— Слышали батюшка, Лександръ Микитичъ.

— Ну, что же вамъ читалъ священникъ?

— Да читалъ, чтобъ еще больше супротивъ прежняго слухаться. Только и всего.

Тѣмъ временемъ В. Боткинъ писалъ изъ Парижа 16 апрѣля 1861:

„Письмо твое, милая Маша, я получилъ и спѣшу благодарить тебя за него. Да, къ удивленію моему, здоровье мое начинаетъ поправляться, хотя я еще очень слабъ. Жаль только, что зрѣніе еще очень плохо. Писать писемъ самъ еще не могу; вообще глазамъ моимъ еще не достаетъ твердости и силы: при малѣйшемъ напряженіи, буквы сливаются и исчезаютъ. Я думаю переѣхать изъ Парижа въ Паси, хотя это собственно не дача и не деревня, но воздухъ тамъ лучше, чѣмъ въ Парижѣ; а потомъ въ моемъ положеніи я не смѣю удаляться отъ города и отъ моего доктора. Адресъ мой попрежнему. Вижу, милая Маша, что ты очень соскучилась житьемъ въ деревнѣ. Тутъ дѣйствительно нуженъ характеръ. Жаль, что мое лѣто нынче пройдетъ въ лѣченіи, иначе я непремѣнно попробовалъ бы твоихъ вкусныхъ яблоковъ и варенья. — Обними за меня милѣйшаго Фета. Я во всемъ сочувствую ему; прошу его написать мнѣ, какъ устраиваются крестьяне? Лѣтомъ въ деревнѣ, я думаю, ты скучать не будешь, а на зиму, конечно, можно пріѣхать въ Москву“.

Твой *В. Боткинъ*.

Наконецъ то нашъ домикъ мало-по-малу сталъ принимать жилой видъ. Вначалѣ мая онъ стоялъ подъ зеленою крышей съ оштукатуренными потолками и стѣнами, и я только боялся, что онъ будетъ сыръ; но и это неудобство съ каждымъ днемъ уменьшалось, благодаря усиленной топкѣ. Впрочемъ, въ теченіи нашего разсказа намъ не разъ придется убѣдиться въ простой истинѣ, что нужда миритъ со всякимъ положеніемъ и пріучаетъ въ дурномъ находить сравнительно хорошее.

Въ Москвѣ, по просьбѣ брата Петра, я купилъ и отдалъ знакомому каретнику отдѣлать подержанную коляску съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы жена моя могла пріѣхать въ ней съ открытіемъ весны въ Степановку. Такія же коляски понадобились въ слѣдующемъ году и намъ, и Тургеневу. Старикъ каретникъ оказался исправнымъ, и жена моя, по вскрытіи шоссе пріѣхавшая въ Степановку, разсказала, что ея путникомъ изъ Москвы до Ясной Поляны былъ Л. Н. Толстой, который, уступивъ Марьюшкѣ мѣсто въ своемъ та-

рантасѣ, пересѣлъ къ женѣ въ коляску, и, кутаясь вечеромъ въ мою шинель, увѣрялъ, что въ силу этого напишетъ лирическое стихотвореніе. Но отъ Тулы жену мою на каждой станціи догонялъ и затруднялъ въ полученіи лошадей гробъ Шевченко, сопровождаемый ассистентами, перевозившими тѣло его на югъ.

Раза съ два, въ бытность мою у Тургенева въ Петербургѣ, я видѣлъ весьма неопрятную сѣрую смушковую шапку Шевченко на окошкѣ, и тогда же, безъ всякихъ заднихъ мыслей, удивлялся связи этихъ двухъ людей между собою. Я нимало въ настоящее время не скрываю своей тогдашней наивности въ политическомъ смыслѣ. Съ тѣхъ поръ жизнь на многое, какъ мы далѣе увидимъ, насильно раскрыла мнѣ глаза, и мнѣ нерѣдко въ сравнительно недавнее время приходилось слышать, что Тургеневъ n'etait pas un enfant de bonne maison. Какъ ни рѣшайте этого вопроса, но въ сущности Тургеневъ былъ избалованный русскій баричъ, что между прочимъ, съ извѣстною прелестью отражалось на его произведеніяхъ. Образованія и вкуса ему занимать было не нужно, и вотъ почему, познакомившись съ тенденціозными жалобницами Шевченко, я никакъ не могъ въ то время понять возни съ нимъ Тургенева. Впрочемъ, не смотря на мою тогдашнюю наивность, мнѣ не разъ приходилось изумляться отношеніямъ Тургенева къ нѣкоторымъ людямъ. Привожу одинъ изъ разительныхъ тому примѣровъ, которыми подчасъ позволялъ себѣ допекать въ глаза Тургенева.

Однажды, когда я въ Петербургѣ сидѣлъ у Тургенева, Захаръ войдя доложилъ: „Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ“.

Не желая возобновлять знакомства съ этимъ писателемъ, я схватилъ огромный листъ *Голоса* и усѣлся въ углу комнаты въ вольтеровское кресло, совершенно укрывшись за газетой. Разсчитывая на непродолжительность визита, я не ошибся въ надеждѣ отсидѣться. Между тѣмъ вошедшій сталъ бойко расхваливать Тургеневу успѣхъ недавно возникшихъ фаланстеровъ, гдѣ мужчины и женщины въ свободномъ сожительствѣ приносятъ результаты трудовъ своихъ въ общій складъ, причемъ каждый и каждая имѣютъ право, входя въ

комнату другаго, читать его книги, письма и брать его вещи и деньги.

— Ну, а какая же участь ожидаетъ дѣтей? спросилъ Тургеневъ своимъ кисло-сладкимъ фальцетомъ.

— Дѣтей не полагается, отвѣчалъ Щедринъ.

— Тѣмъ не менѣе они будутъ, уныло возразилъ Тургеневъ.

Когда по уходѣ гостя я спросилъ: „какъ же это не полагается дѣтей?“—Тургеневъ такимъ тономъ сказалъ:— „это ужь очень хитро“,—что заставлялъ вмѣсто *хитро* понимать *нельзя*.

Вернувшись изъ Москвы, жена моя стала съ своей стороны ревностно заниматься домашнимъ устройствомъ; а я принужденъ былъ хлопотать о постановкѣ купленной мною въ Москвѣ конной молотилки. Вдругъ получаю слѣдующее письмо Тургенева изъ Спасскаго 19 мая 1861:

Fettie carissime, посылаю вамъ записку отъ Толстаго, которому я сегодня же написалъ, чтобъ онъ непремѣнно пріѣхалъ сюда вначалѣ будущей недѣли, для того чтобы совокупными силами ударить на васъ въ вашей Степановкѣ, пока еще поютъ соловьи и весна улыбается „свѣтла, блаженно-равнодушна“. Надѣюсь, что онъ услышитъ мой зовъ и прибудетъ сюда. Во всякомъ случаѣ ждите меня въ концѣ будущей недѣли, а до тѣхъ поръ будьте здоровы, не слишкомъ волнуйтесь, памятуя слова Гёте: „*Ohne Hast, Ohne Rast*“, и хоть однимъ глазомъ поглядывайте на вашу осиротѣлую Музу. Женѣ вашей мой поклонъ.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Въ письмо была вложена слѣдующая записка Л. Толстаго:

„Обнимаю васъ отъ души, любезный другъ Аѳан. Аѳан., за ваше письмо и за вашу дружбу и за то, что вы есть Фетъ. Ивана Сергѣевича мнѣ хочется видѣть, а васъ въ десять разъ больше. Такъ давно мы не видались, и такъ много съ нами обоими случилось съ тѣхъ поръ. Вашей хозяйственной дѣятельности я не нарадуюсь, когда слышу и думаю про нее. И немножко горжусь, что и я хоть немного содѣйствовалъ ей. Не мнѣ бы говорить, не вамъ бы слушать. Другъ—хорошо; но онъ умретъ, онъ уйдетъ какъ-нибудь,

ie поспѣешь какъ-нибудь за нимъ; а природа, на которой кенился посредствомъ купчей крѣпости, или отъ которой одился по наслѣдству, еще лучше. Своя собственная природа. И холодная она, и несговорчивая, и важная, и требовательная, да зато ужь это такой другъ, котораго не потеряешь до смерти, а и умрешь — все въ нее же уйдешь. Я впрочемъ теперь меньше предаюсь этому другу, у меня другія дѣла, втянувшія меня; но все безъ этого сознанія, что она тутъ, какъ повихнулся — есть за кого ухватиться, — плохо бы было жить. Дай вамъ Богъ успѣха, успѣха, чтобы радовала васъ ваша Степановка. Что вы пишете и будете писать, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Марьѣ Петровнѣ жму руку и прошу меня не забывать. Особенное будетъ несчастье, ежели я не побываю у васъ нынче лѣтомъ, а когда, не знаю.

Л. Толстой.

Не взирая на любезныя обѣщанія, показавшаяся изъ-за рощи коляска, быстро повернувшая съ проселка къ намъ подъ крыльцо, была для насъ неожиданностью; и мы несказанно обрадовались, обнимая Тургенева и Толстаго. Не удивительно, что, при тогдашней скудости хозяйственныхъ строеній, Тургеневъ съ изумленіемъ, раскидывая свои громадныя ладони, восклицалъ: „мы все смотримъ, гдѣ же это Степановка, и оказывается, что есть только жирный блинъ и на немъ шишъ, и это и есть Степановка“.

Когда гости оправились отъ дороги, и хозяйка воспользовалась двумя часами, остававшимися до обѣда, чтобы придать послѣднему болѣе основательный и привѣтливый видъ, мы пустились въ самую оживленную бесѣду, на какую способны бываютъ только люди, еще не утомленные жизнью.

Тургеневъ, всегда любившій покушать, не оставилъ безъ вниманія тонкаго пошиба нашего Михайлы, которымъ каждый разъ такъ восхищался Александръ Никитичъ. Выпили и Редерера, и я очень гордился льдомъ, которымъ запасся, благодаря пруду, выкопанному на небольшой изложинѣ прошлою осенью. Послѣ обѣда мы съ гостями втроемъ отправились въ рощицу, отстоявшую саженъ на сто отъ дому, до которой въ то время приходилось проходить по открытому

полю. Тамъ на опушкѣ мы, разлегшись въ высокой травѣ, продолжали нашъ прерванный разговоръ еще съ бо́льшимъ оживленіемъ и свободой. Конечно, во время нашей прогулки хозяйка сосредоточила всѣ свои скудныя средства, чтобы дать гостямъ возможно удобный ночлегъ, положивъ одного въ гостиной, а другаго въ слѣдующей комнатѣ, носившей названіе библіотеки. Когда вечеромъ пріѣзжимъ были указаны надлежащіе ночлеги, Тургеневъ сказалъ: „а сами хозяева будутъ, вѣроятно, ночевать между небомъ и землей, на облакахъ“. Что̀ въ извѣстномъ смыслѣ было справедливо, но нимало не стѣснительно.

Сколько разъ я твердо рѣшался пройти молчаніемъ событіе слѣдующаго дня по причинамъ, не требующимъ объясненій. Но противъ такого намѣренія говорили слѣдующія обстоятельства. Въ теченіи тридцати лѣтъ мнѣ самому неоднократно приходилось слышать о размолвкѣ Тургенева съ Толстымъ, съ полнымъ искаженіемъ истины и даже съ перенесеніемъ сцены изъ Степановки въ Новоселки.

Изъ двухъ дѣйствующихъ лицъ, Тургеневъ письмомъ, находящимся въ рукахъ моихъ, признаетъ себя единственнымъ виновникомъ распри, а и самый ожесточенный врагъ не рѣшится заподозрить графа Толстаго, жильца 4-го бастіона, въ трусости. Кромѣ всего этого, мы впослѣдствіи увидимъ, что радикально измѣнившіяся убѣжденія Льва Николаевича измѣнили, такъ сказать, весь смыслъ давнишняго происшествія, и онъ первый протянулъ руку примиренія. Вотъ причины, побудившія меня не претыкаться въ моемъ разсказѣ.

Утромъ, въ наше обыкновенное время, т.-е. въ 8½ часовъ, гости вышли въ столовую, въ которой жена моя занимала верхній конецъ стола за самоваромъ, а я въ ожиданіи кофея помѣстился на другомъ концѣ. Тургеневъ сѣлъ по правую руку хозяйки, а Толстой по лѣвую. Зная важность, которую въ это время Тургеневъ придавалъ воспитанію своей дочери, жена моя спросила его, доволенъ ли онъ своею англійскою гувернанткой. Тургеневъ сталъ изливаться въ похвалахъ гувернанткѣ и, между прочимъ, разсказалъ, что гувернантка съ англійскою пунктуальностью просила Тургенева опредѣлить сумму, которою дочь его можетъ располагать для бла-

готворительныхъ цѣлей. „Теперь, сказалъ Тургеневъ, англичанка требуетъ, чтобы моя дочь забирала на руки худую одежду бѣдняковъ и, собственноручно вычинивъ оную, возвращала по принадлежности.

— И это вы считаете хорошимъ? спросилъ Толстой.

— Конечно; это сближаетъ благотворительницу съ насущною нуждой.

— А я считаю, что разряженная дѣвушка, держащая на колѣняхъ грязные и зловонные лохмотья, играетъ неискреннюю, театральную сцену.

— Я васъ прошу этого не говорить! воскликнулъ Тургеневъ съ раздувающимися ноздрями.

— Отчего же мнѣ не говорить того, въ чемъ я убѣжденъ, отвѣчалъ Толстой.

Не успѣлъ я крикнуть Тургеневу: „перестаньте!“ какъ, блѣдный отъ злобы, онъ сказалъ: „такъ я васъ заставлю молчать оскорбленіемъ“. Съ этимъ словомъ онъ вскочилъ изъ-за стола и, схватившись руками за голову, взволнованно зашагалъ въ другую комнату. Черезъ секунду онъ вернулся къ намъ и сказалъ, обращаясь къ женѣ моей: „ради Бога извините мой безобразный поступокъ, въ которомъ я глубоко раскаиваюсь“. Съ этимъ вмѣстѣ онъ снова ушелъ.

Понявъ полную невозможность двумъ бывшимъ пріятелямъ оставаться вмѣстѣ, я распорядился, чтобы Тургеневу запрягли его коляску, а графа обѣщалъ доставить до половины дороги къ вольному ямщику Ѳедоту, воспроизведенному впослѣдствіи Тургеневымъ. Насколько матеріально легко было отправить Тургенева, настолько трудно было отправить Толстаго. Положимъ, въ моемъ распоряженіи была московская пролетка съ дышломъ; но зато ни одна изъ нашихъ лошадей не хаживала въ дышлѣ. Наконецъ, я выхожу на крыльцо и съ душевнымъ трепетомъ слѣжу за моимъ сѣренькимъ верховымъ въ парѣ съ другимъ такимъ же неукомъ, какъ-то они вывезутъ гостя на проселокъ. О, ужасъ! вижу, что, проѣхавъ нѣсколько саженъ, пара, завернувъ головы въ сторону, начинаетъ заворачивать назадъ къ конному двору; повернутая тамъ снова на путь истинный, она раза съ два повторяетъ ту же вольту и затѣмъ уже бойко отправляется рысью по дорогѣ.

Размышляя впослѣдствіи о случившемся, я поневолѣ вспоминалъ мѣткія слова покойнаго Ник. Ник. Толстаго, который, будучи свидѣтелемъ раздражительныхъ споровъ Тургенева со Львомъ Николаевичемъ, не разъ со смѣхомъ говорилъ: „Тургеневъ никакъ не можетъ помириться съ мыслью, что Левочка растетъ и уходитъ у него изъ-подъ опеки“.

О томъ, что затѣмъ психологически происходило и произошло, я до сихъ поръ не въ состояніи составить себѣ яснаго понятія и представляю только на судъ читателя всѣ попавшія ко мнѣ и относящіяся до этого дѣла письма. Изъ нихъ читатель, конечно, подобно мнѣ, увидитъ, что главныхъ писемъ, доведшихъ дѣло до такого раздражительнаго конца, въ рукахъ у меня нѣтъ; узнать же объ ихъ содержаніи мнѣ, по крайней возбужденности дѣйствующихъ лицъ, не представилось возможности. Представляю письма въ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали одно за другимъ.

Въ тотъ же день Тургеневъ писалъ Толстому:

„Милостивый государь, Левъ Николаевичъ!—Въ отвѣтъ на ваше письмо я могу повторить только то, что я самъ своею обязанностью почелъ объявить вамъ у Фета; увлеченный чувствомъ невольной непріязни, въ причины которой теперь входить не мѣсто, я оскорбилъ васъ безъ всякаго положительнаго повода съ вашей стороны и попросилъ у васъ извиненія. Происшедшее сегодня доказало поутру ясно, что всякія попытки сближенія между такими противоположными натурами, каковы ваша и моя, не могутъ повести ни къ чему хорошему; а потому тѣмъ охотнѣе исполняю мой долгъ передъ вами, что настоящее письмо есть, вѣроятно, послѣднее проявленіе какихъ бы то ни было отношеній между нами. Отъ души желаю, чтобъ оно васъ удовлетворило и заранѣе объявляю свое согласіе на употребленіе, которое вамъ заблагоразсудится сдѣлать изъ него.

„Съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь оставаться, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга.

Ив. Тургеневъ.

27 мая 1861.
Спасское.

Тутъ же слѣдуетъ приписка:

10½ час. ноч.

„Иванъ Петровичъ сейчасъ привезъ мнѣ мое письмо, которое мой человѣкъ по глупости отправилъ въ Новоселки, вмѣсто того чтобъ отослать его въ Богослово. Покорнѣйше прошу васъ извинить эту нечаянную непріятную оплошность. Надѣюсь, что мой посланный застанетъ васъ еще въ Богословѣ".

Въ отвѣтъ на это Л. Толстой прислалъ мнѣ слѣдующее письмо:

„Я не удержался, распечаталъ еще письмо отъ г. Тургенева въ отвѣтъ на мое.

„Желаю вамъ всего лучшаго въ отношеніи съ этимъ человѣкомъ, но я его презираю, я ему написалъ и тѣмъ прекратилъ всѣ сношенія, исключая, ежели онъ захочетъ удовлетворенія. Не смотря на все мое видимое спокойствіе, въ душѣ у меня было неладно, и я чувствовалъ, что мнѣ нужно было потребовать болѣе положительнаго извиненія отъ г. Тургенева, что я и сдѣлалъ въ письмѣ изъ Новоселокъ. Вотъ его отвѣтъ, которымъ я удовлетворился, отвѣтивъ только, что причины, по которымъ я извиняю его, — не противоположности натуръ, а такія, которыя онъ самъ можетъ понять. Кромѣ того, по промедленію, я послалъ другое письмо довольно жесткое и съ вызовомъ, на которое не получилъ отвѣта; но ежели и получу, не распечатавъ возвращу назадъ. Итакъ, вотъ конецъ грустной исторіи, которая ежели перейдетъ порогъ вашего дома, то пусть перейдетъ и съ этимъ дополненіемъ.

Л. Толстой.

Тургеневъ писалъ Толстому:

„Вашъ человѣкъ говоритъ, что вы желаете получить отвѣтъ на ваше письмо; но я не вижу, что бы я могъ прибавить къ тому, что я написалъ. Развѣ то, что я признаю за вами право потребовать отъ меня удовлетворенія вооруженною рукой: вы предпочли удовольствоваться высказаннымъ и повтореннымъ моимъ извиненіемъ. Это было въ вашей волѣ. Скажу безъ фразы, что охотно бы выдержалъ вашъ

огонь, чтобы тѣмъ загладить мое дѣйствительно безумное слово. То, что я его высказалъ, такъ далеко отъ привычекъ всей моей жизни, что я могу приписать это ничему иному, какъ раздраженію, вызванному крайнимъ и постояннымъ антагонизмомъ нашихъ воззрѣній. Это не извиненіе, я хочу сказать не оправданіе, а объясненіе. И потому, разставаясь съ вами навсегда—подобныя происшествія неизгладимы, невозвратимы — считаю долгомъ повторить еще разъ, что въ этомъ дѣлѣ правы были вы, а виноватъ я. Прибавляю, что тутъ вопросъ не въ храбрости, которую я хочу или не хочу показывать, а въ признаніи за вами права привести меня на поединокъ, разумѣется въ принятыхъ формахъ (съ секундантами), такъ и права меня извинить. Вы избрали, что вамъ было угодно, и мнѣ остается покориться вашему рѣшенію.

„Снова прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

Л. Толстой прислалъ мнѣ слѣдующую записку:

„Тургеневъ— . . . . . , что я прошу васъ передать ему такъ же аккуратно, какъ вы передаете мнѣ его милыя изреченія, не смотря на мои неоднократныя просьбы о немъ не говорить.

Гр. Л. Толстой.

„И прошу васъ не писать ко мнѣ больше, ибо я вашихъ, такъ же какъ и Тургенева, писемъ распечатывать не буду“.

Нечего говорить, что, отправившись въ Спасское, я употребилъ всѣ усилія привести дѣло, возникшее, къ несчастію, въ нашемъ домѣ, къ какому бы то ни было ясному исходу.

Помню, въ какое неописанно-ироническое раздраженіе пришелъ незабвенный здравомыслъ Ник. Ник. Тургеневъ. „Что за неслыханное баловство! восклицалъ онъ: требовать, чтобы всѣ были нашего мнѣнія. А попался, такъ доводи дѣло до конца, съ пистолетами въ рукахъ требуй формальнаго извиненія“. Такъ говорилъ дядя мнѣ, а что онъ говорилъ Ивану Сергѣевичу — мнѣ неизвѣстно. Всѣ же мои попытки уладить дѣло кончились, какъ видно, формальнымъ моимъ разрывомъ

съ Толстымъ, и въ настоящую минуту я даже не могу припомнить, какимъ образомъ возобновились наши дружескія отношенія.

12 мая 1861 года Боткинъ писалъ изъ Passy:

„Дорогой мой Фетъ! я получилъ твое письмо, которое ты написалъ мнѣ изъ Степановки, и въ то же время Тургеневъ прочелъ мнѣ твое письмо къ нему. Истинно ужасающая картина, какую ты набросалъ о своемъ устройствѣ или точнѣе поселеніи, признаюсь, озадачила меня. Такъ какъ дѣло уже сдѣлано и воротиться назадъ нельзя, то я объ этомъ и не распространяюсь. Впрочемъ, я увѣренъ, что для красоты слога ты все нѣсколько преувеличилъ. Все это пока слова, надобно подождать практическихъ результатовъ и тогда судить. О болѣзни моей новаго сказать нечего; все идетъ своимъ чередомъ; хотя съ величайшею медленностью, но я чувствую, силы мои укрѣпляются. Я могу уже ходить безъ поддержки, но не болѣе получаса, потому что очень устаю. Зрѣніе попрежнему продолжаетъ быть очень слабо, читать не могу. Но эта потребность здѣсь легко удовлетворяется. Такъ какъ надобно же наполнить чѣмъ-либо длинные часы дня и удовлетворить потребности знать, что происходитъ въ семъ мірѣ, то я завелъ себѣ англичанку, которая прочитываетъ мнѣ французскія и англійскія газеты, и, кромѣ того, я началъ съ нею Гиббона, котораго, къ стыду моему, еще не читалъ. Теперь начинаемъ уже пятый томъ. Книга умная и необходимая, въ особенности для знакомства съ Византійскою исторіей. Жизнь моя во Флоренціи была очень пріятна до того времени, какъ началась моя болѣзнь. Каждый день утромъ до завтрака я ѣздилъ верхомъ, возвращался въ 11 час., завтракалъ, садился за работу, въ 5 час. шелъ посмотрѣть газеты, въ 6 — обѣдалъ, часто у кого нибудь изъ знакомыхъ, гдѣ оставался вечеръ. Я предъ тобою въ большомъ долгу, ты мнѣ еще писалъ изъ Москвы, я все собирался тебѣ отвѣчать и протянулъ до сихъ поръ. Впрочемъ, твое письмо изъ Москвы было нѣсколько страннаго содержанія; видно было, что ты писалъ его въ взволнованномъ состояніи. Не знаю, удастся ли мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ побывать у тебя въ Степановкѣ, куда сильно стремлюсь. Хотя доктора и обнадежи-

ваютъ меня, что черезъ три мѣсяца мнѣ можно будетъ ѣхать въ Россію, но какъ этому повѣрить? Ты легко поймешь, какъ мнѣ хочется теперь въ Россію. Живу я возлѣ Булонскаго лѣса, но только со вчерашняго дня пахнуло весной; до того времени стояли холода. Вѣроятно, это письмо найдетъ тебя уже съ Машей въ Степановкѣ. Если будешь писать ко мнѣ, то пожалуйста пиши поразборчивѣе, а то я не въ состояніи буду прочесть. Напиши мнѣ, какъ идетъ крестьянское дѣло? Есть ли у тебя сосѣди и каковы? Успѣшно ли идутъ твои работы? Слышно, что барщинѣ рѣшительно отказываются работать. Жду отъ тебя письма съ нетерпѣніемъ, только пожалуйста разборчиваго письма. Обнимаю тебя и Машу. Извини, что не франкирую письмо, для того чтобъ оно вѣрнѣе дошло до тебя, что̀ сдѣлай и ты.

Твой *В. Боткинъ*.

Онъ же отъ 16 іюня 1861 года писалъ:

Passy.

„Ты въ такихъ хлопотахъ, любезный мой Фетъ, что у меня духъ захватываетъ, когда объ этомъ думаю; но не смотря на это, я радуюсь за тебя. Знаю, какъ трудно имѣть дѣло съ простымъ народомъ. Мы въ этомъ случаѣ находимся въ странномъ положеніи, именно: считать ли его за ребенка, который поступаетъ по неразумѣнію и слѣдственно долженъ внушать состраданіе, или презирать его, какъ нѣчто испорченное въ корнѣ. Но это будетъ невѣрно. Впрочемъ, думай какъ хочешь, а практика ужасна. Слава Богу, что Маша уже въ Степановкѣ; теперь ты покойнѣе. Ты, конечно, и безъ увѣреній моихъ повѣришь мнѣ, какъ я интересуюсь твоимъ хозяйствомъ, и потому держи меня au courant, что̀ происходитъ въ немъ. Не забудь также написать мнѣ о Толстомъ; я адресовалъ ему письмо въ Тулу; не знаю, дошло ли оно до него. Я продолжаю свое лѣченіе попрежнему, и въ будущемъ мѣсяцѣ докторъ мой пошлетъ меня, кажется, въ Пиринеи въ Bagnéres du Luchon. Хуже всего то, что онъ сомнѣвается, можно ли мнѣ будетъ ѣхать въ Россію на зиму; это будетъ видно только въ сентябрѣ. Но такъ или иначе, а

въ будущемъ маѣ я въ Степановкѣ.—Я слышалъ, что Дружининъ боленъ чахоткой. Это ужасно! Его участіе въ *Вѣкѣ* безцвѣтно, и чернокнижникъ, очевидно, опоздалъ десятью годами. Ты мнѣ не пишешь, заглядываешь ли ты въ русскіе журналы? Великое безобразіе въ нихъ творится. Петербургскіе журналы особенно отличаются имъ. Напиши, какъ вы проводите вечера? Я теперь до такой степени окруженъ скукой и однобразіемъ, что надо много силы, чтобы не впасть въ хандру. Читать я еще не могу, а мой докторъ говоритъ, что глаза мои поправятся не прежде шести мѣсяцевъ. Какова перспектива! Конечно, я могу уже теперь разобрать письмо, но послѣ каждыхъ десяти минутъ я долженъ давать отдыхъ глазамъ, иначе въ нихъ начинается ломъ и рѣзь.

„Въ писаніи то же самое или еще хуже. Слава Богу, что я по натурѣ еще не склоненъ къ хандрѣ. Извѣсти меня о Тургеневѣ; что онъ улаживаетъ ли со своими мужиками, и вообще о томъ, какъ это дѣло идетъ въ вашей сторонѣ?— Что это Маша совсѣмъ замолкла? Написала мнѣ письмо съ куриный носочекъ, да и замолкла. Ждешь подробностей о жизни, о знакомыхъ, обо всѣхъ мелочахъ, которыя такъ интересны вдали, и вмѣсто этого находишь только желаніе „всякаго благополучія“. Мнѣ ужь поистинѣ писать не о чемъ. Вотъ развѣ разсказать о вечерѣ, который давала моя хозяйка и который начался концертомъ: пѣлъ отставной теноръ 72 лѣтъ (я не шучу) и басъ 65 лѣтъ. Море пошлостей, которое меня здѣсь окружаетъ, несравненно хуже всякаго невѣжества. Это царство *de lieux communs* и, прибавлю, блаженное царство. Прощайте, милые друзья. Письма мнѣ адресуйте, попрежнему.

Навсегда вамъ вѣрный *В. Боткинъ*.

9 іюля 1861 года онъ же:

Passy.

„Меня всегда интересуютъ вѣсти изъ Степановки, даже и тогда, когда онѣ не облачены въ такую милую форму, какъ послѣднее письмо. Движеніе вашей мирной и вмѣстѣ волнуе-

мой жизни находитъ симпатическій отзывъ во мнѣ, и я радуюсь и печалюсь по мѣрѣ того, какъ устроивается твое хозяйство. Я вѣрю тому, что никакая разумная дѣятельность даромъ не пропадаетъ. Тургеневъ говоритъ только, что у тебя глуховато. Кстати: сцена, бывшая у него съ Толстымъ, произвела на меня тяжелое впечатлѣніе. Но знаешь ли, я думаю, что въ сущности у Толстаго страстно любящая душа, и онъ хотѣлъ бы любить Тургенева со всею горячностью, но къ несчастію, его порывчатое чувство встрѣчаетъ одно кроткое, добродушное равнодушіе. Съ этимъ онъ никакъ не можетъ помириться. А потомъ, къ несчастію, умъ его находится въ какомъ то хаосѣ представленій, т. е. я хочу сказать, что въ немъ еще не выработалось опредѣленнаго воззрѣнія на жизнь и дѣла міра сего. Отъ этого такъ мѣняются его убѣжденія, такъ падокъ онъ на крайности. Въ душѣ его кипитъ ненасыщаемая жажда, говорю ненасыщаемая, потому что, что̀ вчера насытило его, нынче разбивается его анализомъ. Но этотъ анализъ не имѣетъ никакихъ прочныхъ и твердыхъ реагентовъ и отъ этого въ результатѣ своемъ улетучивается ins blaue hinein. А не имѣя подъ ногами какой-нибудь твердой почвы, невозможно писать. И вотъ гдѣ причина, почему онъ *не можетъ* писать, и до тѣхъ поръ это продолжится, пока душа его на чемъ-нибудь успокоится. Прилагаю здѣсь маленькую записочку къ нему, которую при случаѣ пожалуйста ему перешли. Я ему уже писалъ, адресовалъ въ Тулу, но вѣрно письмо не дошло до него.

„Спасибо тебѣ! На нынѣшній разъ ты написалъ такъ разборчиво, что я безъ малѣйшаго труда пробѣжалъ твое письмо. Глаза еще очень слабы и ломятъ отъ малѣйшаго напряженія. Лѣченіе мое продолжается попрежнему. Всего болѣе огорчило меня то, что мой докторъ оставляетъ меня на зиму въ Парижѣ, говоря, что необходимо мнѣ быть на его глазахъ. Цѣлую недѣлю я былъ отъ этого въ отчаяніи, но потомъ, сообразивъ, что докторъ мой уже такъ значительно помогъ мнѣ, рѣшился слѣдовать его совѣту. Вопервыхъ, я не люблю парижской зимы и этихъ домовъ, гдѣ все на живую нитку, а вовторыхъ, не люблю ни французской жизни, ни французскихъ нравовъ, ни французскихъ людей. Съ какимъ наслаж-

деніемъ я промѣнялъ бы теперь Парижъ на Москву! Но до тѣхъ поръ, пока не поправятся глаза мои, мнѣ нечего и думать о работѣ. Ты воображаешь, что я занятъ. Увы! по большей части только толченіе воды. Я никакъ не могу привыкнуть слушать чтеніе, и половина изъ него пропадаетъ попусту. Читая самъ, размышляешь, останавливаешься, иное перечитываешь снова, и все идетъ споро. При слушаніи совсѣмъ не то. Что касается до интересовъ, то мнѣ кажется самому, что съ ослабленіемъ моихъ силъ и зрѣнія, они стали какъ будто живѣе. Но вѣдь теперь это чистая иронія. Но особенно радъ я тому, что ты, Маша, не скучаешь: да и какъ скучать, когда есть чтеніе, музыка и прогулка. Сравни мое положеніе съ твоимъ и возликуй душой. Тургеневъ и Толстой видѣли меня при началѣ моей болѣзни и конечно сказали вамъ, на что̀ я былъ тогда похожъ. Теперь надо думать о томъ, какъ устроить себя на зиму: тепло и солнце для меня необходимы. Вамъ смѣшно покажется, что я въ началѣ іюля думаю уже о зимнихъ квартирахъ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Тургеневъ писалъ изъ Спасскаго 25 августа 1861 года:

„Увы! и тысячу разъ увы, мой дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ,—по зрѣломъ соображеніи не могу я быть у васъ, какъ бы того ни хотѣлось, не могу пострѣлять еще съ вами, выпить Редерера... Я уѣзжаю отсюда черезъ три дня и не останавливаясь скачу въ Парижъ. Очень, очень мнѣ это больно, но надо покориться необходимости. Очень мнѣ также досадно, что я не успѣлъ дать вамъ прочесть мой романъ и услышать отъ васъ дѣльное слово и умный совѣтъ. Что дѣлать! Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, если Богъ дастъ, при пѣньи соловьиномъ я вновь увижу васъ, пѣвецъ весны. Пишите мнѣ въ Парижъ, poste restante, а я буду отвѣчать вамъ, смѣю прибавить, съ обычною аккуратностью. Будьте здоровы, это главное; не смущайтесь хозяйственными дрязгами и не гоняйте отъ себя прочь Музу, когда она вздумаетъ посѣтить васъ. Передайте мой усерднѣйшій поклонъ Марьѣ Петровнѣ и сосѣдямъ вашимъ также поклонитесь отъ меня. Пріѣзжайте сюда въ сентябрѣ: здѣсь бываетъ отличная вальдшнепиная

охота, въ которой я, къ горю моему, участія не приму... Но Аѳанасій съ *Весной* будетъ вамъ сопутствовать. Еще разъ крѣпко жму вамъ руку и цѣлую вашу патріархальную бороду.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Изъ Парижа онъ же отъ 23 сентября 1861 года:

„Сердцу моему любезнѣйшій Фетъ, я пріѣхалъ сюда недѣлю тому назадъ, но только на дняхъ поселился на квартирѣ, адресъ которой вамъ посылаю: rue de Rivoli, 210; та же квартира, что̀ и въ прошломъ году. Дочь свою я нашелъ, какъ говорится, въ лучшемъ видѣ и остальныхъ знакомыхъ тоже; ѣздилъ въ Куртавнель, и, глядя на зеленую воду рва, вспоминалъ о васъ. Съ Боткинымъ видѣлся сегодня; онъ ѣздилъ прогуляться въ Женеву и вообще смотритъ молодцомъ, хотя все еще недоволенъ своими глазами; но должно полагать, что къ веснѣ онъ совершенно поправится. Я ему много разсказывалъ; какъ вы можете себѣ представить, мы смѣялись и безпрестанно переносились мыслію въ необозримыя поля, окружающія Степановку. Каково-то вы поохотились хоть на вальдшнеповъ? Здѣсь стоитъ такая теплынь, что всѣ ходятъ въ лѣтнихъ штанахъ. — Это не письмо, а такъ записочка, назначеніе которой *задрать* васъ, т. е. вызвать отъ васъ отвѣтъ, на который съ моей стороны послѣдуетъ отвѣтъ,—и такъ далѣе. А у меня пока всѣ мысли разбѣжались, словно испуганное стадо барановъ, хотя собственно пугаться было нечему: приписываю это внезапной перемѣнѣ образа жизни, климата и т. д. Здоровье впрочемъ недурно. Ну, будьте здоровы. Крѣпко жму вамъ руку и дружески кланяюсь Марьѣ Петровнѣ, Борисову и всѣмъ пріятелямъ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

8 ноября 1861 года онъ же изъ Парижа:

„О любезнѣйшій Фетъ, о Іеремія южной части Мценскаго уѣзда,—съ сердечнымъ умиленіемъ внималъ я вашему горестному плачу, и въ то же время тайно надѣялся, что, какъ говорятъ французы, чортъ не такъ черенъ, какимъ его представляютъ. Нашли же вы добродѣтельнаго механика само-

учку, найдете и средство запродать вашъ хлѣбъ, который не можетъ не подняться въ цѣнѣ, ибо Франціи грозитъ голодъ. А потому предсказываю вамъ, что съ терпѣніемъ и выдержкой вы пробьетесь побѣдоносно черезъ всѣ затрудненія, и при нашемъ свиданіи весной, при пѣсняхъ соловьиныхъ"— все будетъ обстоять благополучно. Только нужно будетъ вамъ брать примѣръ съ здѣшняго императора: онъ отказывается отъ всякихъ излишнихъ построекъ и издержекъ, и вы покиньте дерзостную мысль о воздвиженіи каменныхъ конюшень и т. д. и т. д. Кстати „еще одно послѣднее сказанье" о несчастной исторіи съ Толстымъ. Проѣзжая черезъ Петербургъ, я узналъ отъ *вѣрныхъ людей* (охъ, ужь эти мнѣ вѣрные люди!), что по Москвѣ ходятъ списки съ послѣдняго письма Толстаго ко мнѣ (того письма, гдѣ онъ меня „презираетъ") — списки, будто бы распущенные самимъ Толстымъ. Это меня взбѣсило, и я послалъ ему отсюда вызовъ на время моего возвращенія въ Россію. Толстой отвѣчалъ мнѣ, что это распространеніе списковъ—чистая выдумка, и тутъ же прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ, повторивъ, что и какъ я его оскорбилъ—*проситъ у меня извиненія и отказывается отъ вызова*. Разумѣется, на этомъ дѣло и должно покончиться, и я только прошу васъ сообщить ему (такъ какъ онъ пишетъ мнѣ, что всякое новое обращеніе къ нему отъ моего лица онъ сочтетъ за оскорбленіе), что я самъ отказываюсь ото всякаго вызова и т. п., и надѣюсь, что все это похоронено навѣкъ. Письмо его (извинительное) я уничтожилъ, а другое письмо, которое, по его словамъ, было послано ко мнѣ черезъ книгопродавца Давыдова, я не получилъ вовсе. А теперь, всему этому дѣлу de profundis. Ну съ, что̀ еще сказать вамъ? Живу я здѣсь au jour le jour, пользуясь порядочнымъ здоровьемъ и не безъ унынія прислушиваясь ко всему, что доходитъ сюда изъ Россіи. Многое можно было предвидѣть, многое я предсказывалъ въ Петербургѣ, но отъ этого не легче. Господи! ужь на что долго продолжается молотьба или правильнѣе молотіе, когда же изъ насъ мука выйдетъ? Чтеніе россійскихъ журналовъ не способствуетъ къ уменьшенію унынія. Что касается до моей повѣсти (о которой такъ благопріятно отозвался все тотъ же *единственный*

французъ *), „ночной фортопіанистъ“), то она, по причинамъ внутреннимъ и внѣшнимъ, не явится раньше весны, а потому мы можетъ-быть прочтемъ ее вмѣстѣ. Можетъ-быть она даже совсѣмъ нигдѣ не явится. — Усердный поклонъ вашей женѣ, Борисову, его женѣ, всѣмъ сосѣдямъ, пріятелямъ и вообще всей русской сути, которую вы такъ браните, но которая издали мнѣ кажется милой. Вамъ я крѣпко жму руку и остаюсь преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Не смотря на то, что Степановка находилась отъ Новоселокъ на семидесяти-верстномъ разстояніи къ югу по мценско-курской большой дорогѣ, Борисовы пріѣхали насъ навѣстить. Но потому ли, что Надя жалѣла объ окончательной разлукѣ съ нами, или подъ тайнымъ вліяніемъ болѣзни, которая, по словамъ Борисова, никогда окончательно не прекращалась, Надя смотрѣла на наше болѣе чѣмъ скромное житье съ явнымъ оттѣнкомъ раздраженія.

Наступила осень. Сельскія работы пришли къ концу, но человѣку, занятому небольшимъ хозяйствомъ не въ качествѣ дилетанта, нечего было думать объ отъѣздѣ въ городъ, если онъ не хотѣлъ рисковать послѣдними средствами къ жизни. Зато неудержимое стремленіе жены моей въ Москву изъ нашего болѣе чѣмъ монастырскаго уединенія было весьма понятно. Вначалѣ декабря небольшой снѣжокъ позволилъ намъ запречь нашу троечную кибитку и доѣхать въ ней съ горемъ пополамъ къ Борисовымъ въ Новоселки, въ ожиданіи новаго снѣга, т. е. возможности продолжать путь по шоссе. Это ожиданіе томительно длилось до двадцатыхъ чиселъ декабря, когда по выпавшему снѣгу мы переѣхали на одинъ ночлегъ къ Ник. Ник. Тургеневу въ Спасское.

Воспользовавшись любезнымъ приглашеніемъ, мы и на

---

*) Делаво, о которомъ выше говорено, имѣлъ привычку, разсуждая, закрывать глаза и усилено перебирать своими костлявыми пальцами, за что въ разговорѣ съ Тургеневымъ я прозвалъ этого прекраснаго человѣка «ночнымъ фортопіанистомъ», а Тургеневъ прибавилъ, что это единственный знакомый мнѣ французъ. Если прибавить: изъ литературнаго міра, то это будетъ справедливо.

отъ разъ остановились въ Москвѣ въ домѣ братьевъ Бот-
ıныхъ.

Тургеневъ писалъ изъ Парижа отъ 7 января 1862 года:

„Добродѣтельный и прелестный другъ мой Аѳанасій Аѳа-
ıсьевичъ, здравствуйте! Получилъ я два ваши милыя и,
ıкъ водится, парадоксальныя письма и отвѣчаю. Я прежде
:его радуюсь за васъ, что дѣла ваши идутъ не настолько
ıохо, чтобы лишить васъ возможности увидѣть царь-пушку,
ıшню-Кутафью, Иверскія ворота и другіе сердцу вашему
обезные предметы. Надѣюсь, что вы не будете слишкомъ
:годовать на Москву и даже поѣдете въ засѣданіе Общества
юбителей Словесности и прочтете въ ономъ стихотвореніе
'ополь. А раннею весной, когда птицы полетятъ опять „къ
:регамъ расторгающимъ ледъ“, — мы, Богъ дастъ, опять
видимся и опять мирно куликнемъ, поболтаемъ и поспоримъ.
[ы и теперь поболтаемъ, но по пунктамъ для краткости.

1. „Здоровье мое порядочно; въ Парижѣ скучаю не очень;
эчь свою еще не выдалъ, и ничего еще не видится въ ту-
анной дали будущаго.

'2. „Въ *Revue des deux mondes* появился переводъ „Дневника
ишняго человѣка“ и произвелъ неожиданный эффектъ.

3. „Узналъ я черезъ Достоевскаго, что Островскій привезъ
ъ Петербургъ оконченную драму въ стихахъ: *Мининъ*. Уди-
ивился и взволновался и думаю, что это можетъ-быть вый-
етъ нѣчто великое, во всякомъ случаѣ замѣчательное.

4. „Боткинъ здравствуетъ, даетъ квартетныя утра, жа-
уется на глаза и ѣстъ гигантски.

5. „Повѣсть моя, къ сожалѣнію моему, вслѣдствіе различ-
ыхъ сплетенъ, появится въ первой или во второй книжкѣ
Русскаго Вѣстника. Говорю, — къ сожалѣнію, — потому что я
ю не совсѣмъ доволенъ. Прочтете, скажете свое сужденіе.

6. „Насчетъ англичанъ, которыхъ я самъ очень люблю,
ы дали маху. По воскресеньямъ они точно запираютъ всѣ
:авки, *исключая*, замѣтьте, — *исключая* кабаковъ, въ которыхъ
ıародъ можетъ невозбранно упиваться до послѣднихъ степе-
ıей безобразія. Водка все побѣждаетъ, даже англійскій пу-
ıитанизмъ.

7. „Прочтите въ *Современникѣ* повѣсть Помяловскаго: „Мо-

лотовъ“ — носъ вашъ учуетъ нѣчто похожее на свѣжее вѣяніе чего-то похожаго на талантъ.

„А теперь безъ пунктовъ: видѣли ли вы Толстаго? Я *сегодня только* получилъ письмо, посланное имъ въ сентябрѣ черезъ книжный магазинъ Давыдова (хороша исправность купцовъ русскихъ!) — ко мнѣ. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ о своемъ намѣреніи оскорбить меня, извиняется и т. д. А я почти въ то самое время, вслѣдствіе другихъ сплетенъ, о которыхъ я, кажется, писалъ вамъ, посылалъ ему вызовъ и т. д. Изо всего этого должно вывести заключеніе, что наши созвѣздія рѣшительно враждебно двигаются въ эѳирѣ, и потому намъ лучше всего, какъ онъ самъ предлагаетъ, избѣгать свиданія. Но вы можете написать ему или сказать (если вы увидите), что я (безъ всякихъ фразъ и ҫаламбуровъ) *издали* его очень люблю, уважаю и съ участіемъ слѣжу за его судьбой, но что вблизи все принимаетъ другой оборотъ. Что̀ дѣлать! намъ слѣдуетъ жить, какъ будто мы существуемъ на различныхъ планетахъ или въ различныхъ столѣтіяхъ.

„Боткинъ сегодня былъ у меня и велитъ излить передъ вами всю свою нѣжность. Онъ извиняется, что не пишетъ, но увѣряетъ, что любитъ васъ искренно и сердечно. — Поклонитесь отъ меня всѣмъ пріятелямъ, разумѣется, начиная съ вашей жены. Вы вѣроятно увидите Маслова, пожмите ему руку. А объ геррѣ О..... надо подумать. Неужели такъ всѣмъ деньгамъ и пропадать!

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

14 января 1862 года онъ же:

Парижъ.

„Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, прежде всего я чувствую потребность извиниться передъ вами въ той совершенно неожиданной черепицѣ (tuile, какъ говорятъ французы), которая свалилась вамъ на голову, по милости моего письма. Одно, что меня утѣшаетъ нѣсколько, это то, что я никакъ не могъ предвидѣть подобную выходку Толстаго и думалъ все устроить къ лучшему; оказывается, что это такая рана, до которой уже лучше не прикасаться. Еще разъ

прошу у васъ извиненія въ моемъ невольномъ грѣхѣ. О себѣ ничего не могу сказать утѣшительнаго: я былъ довольно сильно боленъ, такъ что даже пролежалъ дней шесть въ постели, и до сихъ поръ не могу поправиться какъ слѣдуетъ: какой-то чертъ сидитъ во мнѣ до сихъ поръ въ видѣ головной боли, постоянной ломоты во всемъ тѣлѣ, страшнѣйшаго насморка, отсутствія аппетита и т. д. Будемъ выжидать чѣмъ все это кончится. Впрочемъ, жизнь течетъ однообразно и глупо-глухо, какъ болотная рыжая рѣчка по поводнымъ камышамъ и травамъ. На дняхъ я привелъ къ окончанію всѣ мои поправки въ новой повѣсти и отдалъ ихъ нѣкоему Щербаню, который повезетъ ихъ въ Москву. По напечатаніи прочтите и сообщите свое нелицемѣрное мнѣніе. И очень интересуетъ меня *Минин* Островскаго и ваше сужденіе о немъ. Надѣюсь, что вы уже сообщили мнѣ это сужденіе.

„Спасибо заранѣе за коляску; я увѣренъ, что, не находясь въ необходимости скупиться, вы закажете прелестную и комфортабельную вещь, въ которой мы будемъ разъѣзжать съ вами и, надѣюсь, удачнѣе, чѣмъ въ прошломъ году.

„А стихотвореніе *Тополь* уже прочтено вами въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности.—Сознайтесь!

„Кланяйтесь всѣмъ хорошимъ московскимъ пріятелямъ и не сердитесь слишкомъ на Аксаковскій *День*. Борисовъ писалъ мнѣ о вашей статьѣ: *Лирическое хозяйство*. Я увѣренъ, что это будетъ прелестно, хотя крайне несправедливо. Поэтъ *можетъ* быть несправедливымъ въ извѣстномъ смыслѣ, хотя въ *другомъ* смыслѣ онъ долженъ быть справедливъ, какъ божество.

„Еще разъ кланяюсь всѣмъ, дружески жму вамъ руку и остаюсь преданый вамъ

Ив. Тургеневъ.

В. Боткинъ писалъ:

Парижъ
28 января 1862.

„Милая моя Маша и дражайшій мой Фетъ!

„Давно я не писалъ къ вамъ, но вы не должны выводить изъ того, что я отдалился отъ васъ, или что я васъ люблю менѣе прежняго, это будетъ неправда; не писалъ я оттого,

что мнѣ крайне затруднительно писать. Сколько писемъ написалъ я къ вамъ, но увы! письма залеживались неконченными, а время уходило. Хотѣлось сказать многое, и въ результатѣ выходило, что не говорилось ничего. Но вы не сомнѣвайтесь въ моей къ вамъ привязанности. Близится, близится время моего отъѣзда отсюда, и свиданія съ вами; дай Богъ только, чтобы здоровье мое поддержало меня: и страшитъ, и радуетъ меня этотъ дальній путь. Но когда я оставлю Парижъ, вы уже давно будете въ Степановкѣ; какъ-то попаду я туда? Что скажу вамъ о себѣ? Общее состояніе моего здоровья, безъ сомнѣнія, поправилось; изъ борьбы съ болѣзнью я вышелъ хотя далеко не побѣдителемъ, но по крайней мѣрѣ уцѣлѣвшимъ; наша взяла, хотя рыло въ крови. На организмѣ остались глубокіе слѣды болѣзни, напримѣръ, на глазахъ моихъ: однимъ глазомъ я вижу очень мало, а другимъ слабо; въ организмѣ нѣтъ силъ, почти постоянно чувствую себя усталымъ, а иногда и говорить трудно отъ слабости. Съ такими условіями жизнь для меня уже не прежній цвѣтущій лугъ. Но не думайте, что я упалъ духомъ или впалъ въ апатію; напротивъ, все живое прежнее словно окрѣпло во мнѣ; мнѣ кажется, что я ближе сталъ къ своей молодости и яснѣе понимаю тѣ immer grünen Gefühle, о которыхъ говоритъ Жанъ-Поль. Всѣ прежніе боги сохранили ко мнѣ свою благосклонность, исключая одной Венеры; ну да съ ней я уже давно былъ въ холодныхъ отношеніяхъ. Но зато Аполлонъ, кажется, удвоилъ свою благосклонность ко мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, способность чувствовать прекрасное не только не угасла во мнѣ, но, кажется, удвоилась. Нѣтъ, тысячу разъ неправда, что жизнь обманываетъ насъ, и что напрасно намъ даны наши лучшія стремленія. Въ 50 лѣтъ я имѣю право говорить о нихъ уже съ увѣренностью опыта. Съ этой далекой станціи яснѣе видишь пройденный путь, яснѣе видишь своихъ истинныхъ и ложныхъ друзей. И что же! Къ чему стремилась душа въ юности, то оказывается неизмѣннымъ; въ предчувствіи чего она находила счастіе, то и теперь даетъ ей счастіе. Неизслѣдимы тайны человѣческаго духа, и не можетъ бѣдный умъ мой проникнуть въ ихъ глубины, да я отказался уже отъ этихъ тщетныхъ усилій, отъ всѣхъ опредѣленій. Одно знаю я, что су-

ществуетъ что-то, называемое людьми мыслію, что-то, называемое поэзіей, искусствомъ, которое даетъ мнѣ величайшее счастіе, и съ меня этого довольно. Знаю я, что потеря этихъ ощущеній равняется для меня смерти, и пока живы органы, которыми я могу ощущать это, я властитель безконечнаго пространства. Что мнѣ за дѣло, что человѣкъ есть въ сущности безсильный червь, который каждую минуту гибнетъ и сливается съ этою безконечною жизнью вселенной,—но пока этотъ червь существуетъ, онъ имѣетъ *способность* испытывать неизреченныя наслажденія. Что мнѣ за дѣло, что я не знаю *абсолютной* истины, но я знаю то, что мнѣ кажется истиной. Боже меня сохрани выдавать мое воззрѣніе за единственно истинное, но оно *хорошо* для меня, а вѣдь въ сущности всякій долженъ *дѣлать* свое счастье. Жизненная мудрость состоитъ въ томъ, чтобы обѣдать кускомъ чернаго хлѣба и ѣсть его съ наслажденіемъ, или, какъ говорятъ музыканты, производить великіе эффекты малыми средствами.

„Зимняя жизнь моя въ Парижѣ устроилась, сверхъ моего ожиданія, очень пріятно. Вопервыхъ, большой рессурсъ для меня Тургеневъ, слѣдовательно есть всегда возможность обмѣняться живымъ словомъ, а это великое дѣло! Потомъ есть нѣсколько близкихъ знакомыхъ, а въ довершеніе всего я завелъ у себя разъ въ недѣлю квартетъ, составленный изъ артистовъ, поставившихъ себѣ спеціальною цѣлью послѣдніе квартеты Бетховена. Уже одна такая задача достаточно свидѣтельствуетъ объ ихъ качествахъ. Одного я жалѣю, что тебя здѣсь нѣтъ, это бы усладило тебя. Это дало мнѣ возможность хорошо узнать послѣдній и самый потрясающій стиль Бетховена. На эти квартеты собираются мои знакомые, въ томъ числѣ M-me Віардо, самая энтузіастическая поклонница этого рода музыки. По субботамъ бываютъ вечера у нея,—тамъ пѣніе. По воскресеньямъ бываю въ Concerts populaires, которые устроились съ начала зимы, и гдѣ исключительно исполняютъ классическую музыку,—и очень недурно. Я близко сошелся съ Шульгофомъ, — словомъ, музыка теперь преобладающій элементъ моей жизни. Можетъ-быть это причиной того, что я не впадаю въ хандру. Это самый животворный источникъ для души. Это не въ укоръ тебѣ будь сказано,

любезный мой Фетъ. Впрочемъ, художники словъ или, вѣрнѣе, музыканты словъ рѣдко понимаютъ музыкантовъ звуковъ. Только такія половинчатыя натуры, какъ я, могутъ заглядывать въ обѣ эти сферы, столь родственныя и столь отдѣльныя въ спеціальномъ своемъ развитіи. Нигдѣ не видно, чтобы величайшій музыкантъ словъ, Гёте, любилъ музыку. О русской литературѣ знаю я больше изъ объявленій о книгахъ и журналахъ; иногда удается поймать иной нумеръ журнала; такъ удалось мнѣ прочесть статью В. Стасова о Брюловѣ. Превосходная статья. Теперь томлюсь жаждой прочесть *Минина*. Повѣсть Тургенева *Отцы и Дѣти* уже сдана съ исправленіями Щербаню, который на дняхъ уѣзжаетъ въ Москву. Вотъ поднимутся крики и толки.

Вашъ навсегда *В. Боткинъ*.

Если память моя, такъ вѣрно хранящая не только событія, важныя по отношенію къ дальнѣйшему теченію моей жизни, но даже тѣ или другія слова, въ данное время сказанныя, тѣмъ не менѣе не удержала обстоятельствъ, возобновившихъ мои дружескія съ Толстымъ отношенія послѣ его раздражительной приписки, то это только доказываетъ, что его гнѣвъ на меня явился крупною градиной въ іюлѣ, которая должна была сама растаять, хотя предполагаю, что дѣло произошло не безъ помощи Борисова. Какъ бы то ни было, но Левъ Николаевичъ снова появился на нашемъ горизонтѣ и со свойственнымъ ему увлеченіемъ сталъ говорить мнѣ о своемъ знакомствѣ въ домѣ доктора Б—а.

Воспользовавшись предложеніемъ графа представить меня семейству Б—а, я нашелъ любезнаго и свѣтски обходительнаго старика доктора и красивую, величавую брюнетку жену его, которая, очевидно, главенствовала въ домѣ. Воздерживаюсь отъ описанія трехъ молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ младшая обладала прекраснымъ контральто. Всѣ онѣ, не взирая на бдительный надзоръ матери и безукоризненную скромность, обладали тѣмъ привлекательнымъ оттѣнкомъ, который французы обозначаютъ словомъ *du chien*. Сервировка стола и самый обѣдъ повелительной хозяйки дома были безукоризненны. Однажды, когда съ чашками послѣобѣденнаго кофе

мы сидѣли въ гостиной, а хозяйка на креслѣ подъ окномъ щипчиками клала себѣ въ ротъ изъ ящичка какіе-то черные кусочки, я не могъ не спросить: „что это вы кушаете“? и услыхалъ: „березовые уголья“.

До насъ доходили слухи, что Толстой съ необычайнымъ постоянствомъ и увлеченіемъ посѣщаетъ любезное семейство доктора. Въ послѣднемъ не трудно было мнѣ убѣдиться лично: я видѣлъ, что Толстому тутъ хорошо, но кто преимущественно виной очарованія,—отгадать не могъ.

Однажды утромъ, когда сожитель нашъ по флигелю, красивый и всегда привѣтливый туристъ, одинъ изъ четырехъ членовъ фирмы, Николай Боткинъ уѣхалъ со двора, въ передней раздался звонокъ, и каково было мое изумленіе, когда въ комнату вошелъ въ драгунскомъ полковничьемъ мундирѣ Василій Павловичъ М—ъ. Въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, до крайности стѣсненный экономическими дѣлами, я пробовалъ напоминать Василію Павловичу о четырехстахъ рублях за уступленнаго ему Глазунчика. Но убѣдившись въ полной съ его стороны невозможности заплатить долгъ, я счелъ дальнѣйшія напоминанія безполезною назойливостью и замолчалъ. Не взирая на это, мы встрѣтились самымъ дружественнымъ образомъ, и Василій Павловичъ передалъ мнѣ, что, назначенный командиромъ бывшаго моего Кирасирскаго Военнаго Ордена полка, переименованнаго въ Драгунскій, онъ въ настоящее время отправляется къ мѣсту назначенія и радъ возможности обнять меня. Когда мы сообщили другъ другу наиболѣе для насъ интересное, въ передней снова раздался звонокъ, видимо смутившій Василія Павловича, который, со свойственною ему застѣнчивостью, хватаясь за боковой карманъ, сказалъ: „у меня здѣсь небольшой вамъ долгокъ. Извините Бога ради. Вотъ 400 рублей за Глазунчика да еще 100 рублей за парадный вальтрапъ. Гдѣ вы сегодня обѣдаете?“ прибавилъ онъ скороговоркой.

— Гдѣ вамъ угодно, отвѣчалъ я,—я совершенно свободенъ.

— Нельзя ли бы какъ-нибудь попасть въ Купеческій клубъ? Гамъ сегодня, я слышалъ, уха.

Въ это время въ дверь вошелъ Николай Петровичъ Боткинъ, и, познакомивъ его съ М—ымъ, я сказалъ: „насчетъ

Купеческаго клуба ни къ кому нельзя лучше обратиться, чѣмъ къ Николаю Петровичу".

— Теперь по случаю ухи, отвѣчалъ Николай Петровичъ,— билеты всѣ разобраны, и законнаго пути для входа въ клубъ болѣе нѣтъ. Но пріѣзжайте въ 5 часовъ и вызовите меня, а ввести васъ мое дѣло.

Въ назначенный часъ, спустившись съ лѣстницы, намъ навстрѣчу, Николай Петровичъ, одинъ изъ старшинъ клуба, передалъ Василію Павловичу свой членскій билетъ, а меня, взявъ подъ руку, ввелъ въ залу. Нечего говорить, что въ скоромъ времени за обѣдомъ слуга принесъ мнѣ стаканъ Редерера отъ Василія Павловича и тѣмъ напомнилъ нашу недавнюю старину. Когда по окончаніи обѣда мнѣ, не играющему ни въ какія денежныя игры, стало скучно, и я захотѣлъ проститься съ Василіемъ Павловичемъ, — мнѣ сказали, что онъ засѣлъ въ лото. Волей-неволей приходилось подождать, такъ какъ онъ сказалъ, что скоро кончитъ.

— Ну что, чѣмъ кончили? спросилъ я вышедшаго ко мнѣ черезъ часъ М—а.

— Не везетъ что-то, отвѣчалъ онъ.

— Много ли проиграли?

— Семьсотъ рублей. Да говорятъ тутъ сильная игра въ палки: пойду тамъ попытать счастья.

— Въ такомъ случаѣ позвольте съ вами проститься, сказалъ я и уѣхалъ домой.

На другой день Николай Петровичъ передалъ мнѣ, что М—ъ не только отыгралъ проигрышъ, но и выигралъ еще рублей тысячу.

Въ Степановкѣ, куда я уѣхалъ одинъ, я нашелъ слѣдующее письмо Тургенева отъ 4 февраля 1862 года.

Парижъ.

„Крайне неблагодарно было бы съ моей стороны, любезнѣйшій Фетъ, не отвѣчать на ваши дружескія и многочисленныя письма, и потому я берусь за перо и направляю это посланіе въ благословенную Степановку, гдѣ, по вашимъ словамъ, вы будете черезъ нѣсколько дней. Прежде всего привѣтствую васъ съ возвращеніемъ въ ваше мирное, сельское убѣ-

жище, единственно приличное убѣжище для человѣка среднихъ лѣтъ въ нашемъ родѣ. Еслибъ я не былъ такъ искренно къ вамъ привязанъ, я бы до остервенѣнія позавидовалъ вамъ, я, который принужденъ жить въ гнусномъ Парижѣ и каждый день просыпаться съ отчаянною тоской на душѣ... Но что объ этомъ говорить; а лучше перенестись мыслію въ наши *палестины* и вообразить себя сидящимъ съ вами въ отличной коляскѣ (по вашей милости) и ѣдущимъ на тетеревовъ, — найдемъ же мы ихъ наконецъ, чортъ возьми! Въ нынѣшнемъ году я приму другія мѣры и надѣюсь, что онѣ увѣнчаются успѣхомъ. Если Богъ дастъ, въ концѣ апрѣля я въ Степановкѣ.

„Я ожидалъ отчета о *Мининѣ*, а вы мнѣ прислали цѣлую діатрибу по поводу *Молотова*. Знаете ли что, милѣйшій мой? Такъ же какъ Толстаго страхъ фразы загналъ въ самую отчаянную фразу, такъ и васъ отвращеніе къ уму въ художествѣ довело до самыхъ изысканныхъ умствованій и лишило именно того наивнаго чувства, о которомъ вы такъ хлопочете. Вмѣсто того, чтобы сразу понять, что *Молотовъ* написанъ очень молодымъ человѣкомъ, который самъ еще не знаетъ, на какой ногѣ ему плясать, вы увидали въ немъ какого-то *образованнаго Панаева*. Вы не замѣтили двухъ-трехъ прекрасныхъ и *наивныхъ* страницъ о томъ, какъ развивалась и росла эта Надя или Настя, вы не замѣтили другихъ признаковъ молодаго дарованія и уткнулись въ наносную пыль и сушь, о которой и говорить не стоило. Впрочемъ, это между нами нескончаемый споръ: я говорю, что художество такое великое дѣло, что цѣлаго человѣка едва на него хватаетъ со всѣми его способностями, между прочимъ и съ умомъ; вы поражаете умъ остракизмомъ и видите въ произведеніяхъ художества только безсознательный лепетъ спящаго. Это воззрѣніе я долженъ назвать славянофильскимъ, ибо оно носитъ на себѣ характеръ этой школы: „здѣсь все черно, а тамъ все бѣло“; „правда вся сидитъ на одной сторонѣ“. А мы, грѣшные люди, полагаемъ, что этакимъ маханьемъ съ плеча топоромъ только себя тѣшишь. Впрочемъ, оно, конечно, легче, а то, признавъ, что правда и тамъ, и здѣсь, что никакимъ рѣзкимъ опредѣленіемъ ничего не опредѣлишь, приходится хлопотать, взвѣшивать обѣ стороны и т. д. А это скучно.

То ли дѣло брякнуть такъ, по-военному: „Смирно! умъ, пошелъ направо! маршъ! стой, равняйсь! Художество! налѣво маршъ! стой, равняйсь!“—И чудесно! стоитъ только подписать рапортъ, что все, молъ, обстоитъ благополучно. Но тутъ приходится сказать (съ умнымъ или глупымъ, какъ повашему?) Гёте:

«Ja! Wenn es wir nur nicht besser wüssten!»

„Я радъ, что вы по крайней мѣрѣ сошлись съ Толстымъ, а то это было ужь очень странно; что же касается до представленія моего *Нахлѣбника*, то это одно изъ тѣхъ несчастій, которыя могутъ случиться со всякимъ порядочнымъ человѣкомъ. Воображаю, что это будетъ за мерзость! И пьеса, и исполнители ея одинаково достойны другъ друга

„Досвиданія! Крѣпко жму вамъ руку, кланяюсь вашей женѣ, и остаюсь

преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

5 марта того же года онъ же:

Парижъ.

„Величественный и прелестный другъ мой, Аѳанасій Аѳанасьевичъ, я вчера получилъ ваше письмо изъ Степановки отъ 15 февраля (эка, подумаешь, почта-то, почта-то!) и долженъ сказать, что оно столь же мило, сколь неразборчиво. und das ist viel! Одолѣвъ его въ потѣ лица, я пришелъ къ заключенію, что мы съ вами совершенно однихъ и тѣхъ же мнѣній, только за вами водится обычай всякую чепуху взваливать на умъ, какъ сказано у Беранже:

«C'est la faute de Voltaire,
C'est la faute de Rousseau».

„Вотъ и *Мининъ* не вытанцовался по причинѣ ума; а умъ тутъ ни при чемъ; просто силы таланта не хватило. Развѣ весь *Мининъ* не вышелъ изъ міросозерцанія, въ силу котораго Островскій сочинилъ Рудакова въ *Не въ свои сани не садись?* А въ то время онъ еще не слушался профессоровъ. Написать бѣдноватую хронику съ благочестиво-народною тенденціей, съ обычными лирическими умиленіями, написать

ее красивымъ, мягкимъ и беззвучнымъ языкомъ,—умъ могъ-бы помѣшать этому, а ужь никакъ не способствовать. Ахиллесова пятка Островскаго вышла наружу, вотъ и все. Вѣроятно, по прочтеніи моей новой повѣсти, которая едва ли вамъ понравится, вы и ея недостатки припишите уму. Дался вамъ этотъ гонный заяцъ. Смотрите! *)

„Но Богъ съ нимъ совсѣмъ, съ умомъ, и съ *Мининымъ*, и съ литературой. Замѣчу только, что авторъ *Юрія Милославскаго* Загоскинъ былъ такъ глупъ, что удовлетворилъ бы даже вашимъ требованіямъ, а выходило у него не лучше.—Итакъ, вы въ Степановкѣ. Непремѣнно мы должны провести 1 мая вмѣстѣ. Это уже рѣшено и подписано; развѣ кто-нибудь изъ насъ умретъ, какъ бѣдный Панаевъ. Вотъ никакъ не ожидалъ я, что этотъ человѣкъ такъ скоро кончитъ. Онъ казался олицетвореннымъ здоровьемъ. Жаль его не въ силу того, что онъ могъ бы еще сдѣлать, даже не въ силу того, что онъ сдѣлалъ, а жаль человѣка, жаль товарища молодости! *Современникъ* безъ новаго поэта будетъ ли продолжать свистать? Но я опять вдаюсь въ литературу.

„Я получаю изъ деревни преоригинальнѣйшія письма отъ дяди. Новѣйшія усовершенствованія крестьянскаго быта взвинтили его до какой-то отчаянной иронiи. Спасскіе крестьяне удостоили, наконецъ, подписать уставную грамоту, въ которой я имъ сдѣлалъ всяческія уступки. Будемъ надѣяться, что и остальные меня, какъ говорится въ старинныхъ челобитныхъ, „пожалуютъ, смилуются“!

„А жажду я прочесть ваше *Лирическое хозяйство*. Я увѣренъ, что это вышло преудивительно и превеликолѣпно. Съ Борисовымъ я изрѣдка перекидываюсь письмами: онъ премилый. Постараемся въ нынѣшнемъ году поохотиться лучше прошлогодняго. Аѳанасій, говорятъ, совсѣмъ одряхлѣлъ. Это горестно.

„Толстой написалъ Боткину, что онъ въ Москвѣ проигрался и взялъ у Каткова 1.000 руб. въ задатокъ своего кавказ-

---

*) Въ подлинникѣ письма нарисованъ заяцъ, на спинѣ котораго написано: умъ,—и настигающая его борзая собака, съ лицомъ бородатаго человѣка и съ надписью на спинѣ: *Фетъ*.

скаго романа. Дай-то Богъ, чтобы хоть этакимъ путемъ онъ возвратился къ своему настоящему дѣлу. Его *Дѣтство и юность* появилось въ англійскомъ переводѣ и, сколько слышно, нравится. Я попросилъ одного знакомаго написать объ этомъ статью для *Revue des deux mondes*. Знаться съ народомъ необходимо, но истерически льнуть къ нему, какъ беременная женщина, безсмысленно. А что подѣлываетъ *Ясная Поляна*? (я говорю о журналѣ). Ну, прощайте! или нѣтъ — досвиданія! Кланяюсь вашей женѣ и крѣпко жму вамъ руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

Итакъ, подумалъ я по прочтеніи письма,—нашего добродушнаго и радушнаго Панаева не стало. Чтобы не впасть въ невольную ошибку, не буду говорить ничего о матеріальной жизни его, съ которою знакомъ весьма отрывочно и неосновательно. Въ словахъ Тургенева о немъ просвѣчиваетъ то же дружелюбное чувство, которое возникаетъ во мнѣ при воспоминаніи о немъ. Жажда всяческой жизни была для него непосредственнымъ источникомъ всѣхъ восторговъ и мученій, имъ испытанныхъ. Не разъ помню его ударяющимъ себя съ полукомическимъ выраженіемъ въ грудь туго накрахмаленной сорочки и восклицающимъ, какъ бы въ свое оправданіе: „вѣдь я человѣкъ *со вздохомъ!*“ Уже одно то, что онъ нашелъ это выраженіе, доказываетъ справедливость послѣдняго.

19 марта того же года Тургеневъ писалъ:

Парижъ.

„Милѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, не могу не отвѣчать хотя коротенькою записочкой на ваше большое и прекрасное письмо,-въ которомъ на *сей разъ* все дѣльно, вѣрно и— den Nagel auf den Kopf getroffen—за исключеніемъ, однако, стиховъ, которыхъ я со второй строфы до судороги не понимаю. Тамъ есть такой: „хоръ замеръ“,—отъ котораго шестидневный мертвецъ въ гробу перевернется. Но объ этомъ и о многомъ другомъ мы потолкуемъ при свиданіи. Господи! какъ мы будемъ кричать! и какъ я буду радъ кричать! Вы въ Степановкѣ. Поздравляю! Теперь уже не только грачи, но жаворонки прилетѣли, дороги грязны, снѣгъ разрыхленъ (экое, однако, выскочило слово!), вода журчитъ вездѣ и на-

дуваются почки. Славное время! Здѣсь уже листья распустились и деревья зеленѣютъ, но какъ-то все холодно и не весной смотритъ. Можетъ быть это мнѣ кажется отъ того, что уже вся душа моя уѣхала отсюда и витаетъ между нашими оврагами.

„Я еще не получилъ экземпляра моей повѣсти, но уже три письма прибыло: отъ Писемскаго, Достоевскаго и Майкова объ этой вещи. Первый бранитъ главное лицо, вторые два хвалятъ все съ увлеченіемъ. Это меня порадовало, потому что самъ я преисполненъ былъ сомнѣнія. Я вамъ, кажется, писалъ, что люди, которымъ я вѣрю, совѣтовали мнѣ сжечь мою работу; но скажу безъ лести, что жду вашего мнѣнія для того, чтобы окончательно узнать, что̀ мнѣ слѣдуетъ думать. Я съ вами спорю на каждомъ шагу, но въ вашъ эстетическій смыслъ, въ вашъ вкусъ вѣрю твердо и скажу вамъ на ухо, что по вашей милости поколебленъ насчетъ *Грозы*. Вы пожалуйста, какъ только прочтете *Отцы и Дѣти*, тотчасъ же за перо и валяйте на бумагу все, что̀ у васъ будетъ на душѣ. Выйдетъ очень хорошо, да я же привыкъ понимать васъ, какъ бы иногда темно и чудно ни выражался вашъ языкъ. (Писемскій хотѣлъ бы видѣть въ Базаровѣ повтореніе Калиновича и потому недоволенъ). Однимъ словомъ (говоря вашимъ стихомъ),—жду!

„Я не могу себѣ иначе представить васъ теперь, какъ стоящимъ по колѣно въ водѣ въ какой-нибудь *траншеѣ*, облеченнымъ въ халатъ, съ загорѣлымъ носомъ и отдающимъ сиплымъ голосомъ приказы работникамъ. Желаю вамъ всяческихъ успѣховъ и *до*-небесной пшеницы. Кланяюсь вашей женѣ, жму вамъ руку и до свиданья.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

6 апрѣля 1862 года онъ же:

Парижъ.

„Прежде всего, любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, спасибо за письмо, и еще больше было бы спасибо, еслибы вы не сочли за нужное, избивая меня, надѣть бѣлыя перчатки. Повѣрьте, я отъ друзей выносилъ и умѣю выносить самую рѣзкую правду. Итакъ, не смотря на всѣ ваши эвфемизмы, *Отцы и Дѣти* вамъ не нравятся. Преклоняю голову, ибо дѣ-

лать тутъ нечего; но хочу сказать нѣсколько словъ въ свою защиту, хотя я знаю, сколь это неблаговидно и напрасно. Вы приписываете всю бѣду *тенденціи*, *рефлексіи*, уму однимъ словомъ. А по настоящему надо просто было сказать — мастерства не хватило. Выходитъ, что я наивнѣе, чѣмъ вы предполагаете. Тенденція! а какая тенденція въ *Отцахъ и Дѣтяхъ*, позвольте спросить? Хотѣлъ ли я обругать Базарова, или его превознести? Я *этого самъ не знаю*, ибо не знаю, люблю ли я его или ненавижу! Вотъ тебѣ и тенденція! Катковъ распекалъ меня за то, что Базаровъ у меня вышелъ въ апоѳеозѣ. Вы упоминаете также о параллелизмѣ; но гдѣ онъ, позвольте спросить, и гдѣ эти *пары*, вѣрующіе и невѣрующіе? Павелъ Петровичъ вѣритъ или не вѣритъ? Я этого не вѣдаю, ибо я въ немъ просто хотѣлъ представить типъ С—ыхъ, Р—овъ и другихъ рускихъ ех-львовъ. Странное дѣло: вы меня упрекаете въ параллелизмѣ, а другіе пишутъ мнѣ: зачѣмъ Анна Сергѣевна не высокая натура, чтобы полнѣе выставить контрастъ ея съ Базаровымъ? Зачѣмъ старики Базаровы не совершенно патріархальны? Зачѣмъ Аркадій пошловатъ и не лучше ли было представить его честнымъ, но мгновенно увлекшимся юношей? Къ чему Ѳеничка и какой можно сдѣлать изъ нея выводъ? Скажу вамъ одно, что я всѣ эти лица рисовалъ, какъ бы я рисовалъ грибы, листья, деревья; намозолили мнѣ глаза, я и принялся чертить. А освобождаться отъ собственныхъ впечатлѣній потому только, что они похожи на тенденціи, было бы странно и смѣшно. Изъ этого я не хочу вывести заключенія, что стало-быть я молодецъ; напротивъ, то, что̀ можно заключить изъ моихъ словъ, даже обиднѣе для меня: я не то, чтобы перехитрилъ, а не сумѣлъ; но истина прежде всего. А впрочемъ omnia vanitas.

„Полагаю выѣхать отсюда черезъ три недѣли непремѣнно; какъ нарочно, передъ самымъ концомъ наклевываются женихи; и знаю, что ничего не выйдетъ, а нельзя: нужно долгъ исполнить до конца. Мы, вѣроятно, отъявимся въ Россію съ великимъ Василіемъ Петровичемъ. Заранѣе радуюсь и Степановкѣ, и нашимъ бесѣдамъ, и охотамъ, и пр., и пр. Здѣсь деревья распустились совершенно, а весны все еще не было. Холодъ и холодъ!

„Поклонитесь пожалуйста низехонько вашей женѣ и прочимъ пріятелямъ. Дружески жму вамъ руку и остаюсь на всегда преданый вамъ

Ив. Тургенев.

P. S. „Какова комедія: дворянскіе выборы во второй книжкѣ *Современника*! Неужели это не геркулесовскіе столбы пошлости? Хороши тоже стишки Некрасова, сего перваго изъ современныхъ піитовъ россійскихъ!"

23 апрѣля 62 года онъ же:

Парижъ.

„Любезнѣйшій Фетъ, пишу вамъ сіи немногія строки для того, чтобы извѣстить васъ съ возможною точностью о времени моего возвращенія въ Спасское. Сегодня 5 мая по новому стилю, а по старому, по нашему 23 апрѣля, Егорьевъ день, когда въ первый разъ выгоняютъ стада въ поле (а здѣсь уже хлѣба въ аршинъ вышины). Я изъ Парижа ровно черезъ недѣлю, т.-е. 30 апрѣля. Въ Лондонѣ остаюсь три дня, возращаюсь въ Парижъ и выѣзжаю изъ Парижа въ субботу 5 мая, и уже не останавливаясь дую въ Спасское, куда, если не сломаю шеи на дорогѣ, прибуду около 15 по нашему стилю, т.-е. за мѣсяцъ или даже больше до охоты. Я изъ Петербурга дамъ тотчасъ знать дядѣ о моемъ пріѣздѣ и ужасно былъ бы радъ встрѣтить васъ по прошлогоднему на ступенькахъ крыльца".

7 мая утромъ.

„Это письмо пролежало два дня у меня на столѣ,—и полчаса тому назадъ въ мою комнату входитъ загорѣлый, мужественный и красивый юноша—Василій Петровичъ Боткинъ. Онъ прямо прикатилъ изъ Рима, и мы вмѣстѣ съ нимъ лупимъ на родину, о чемъ онъ велитъ васъ извѣстить и въ то же время кланяется всѣмъ, что я дѣлаю такожде и говорю досвиданія!

Преданный вамъ *Ив. Тургенев*.

XIII.

В. П. Боткинъ въ Степановкѣ.—Письмо Л. Толстаго о его женитьбѣ.—Съ наступленіемъ зимы ѣдемъ въ Москву; на обратномъ пути заѣзжаемъ въ Ясную Поляну.—Пріѣздъ въ Степановку брата Петра.—Тимская мельница.

Можно себѣ представить наше съ женой удивленіе, когда въ половинѣ мая въ гостиную къ намъ вдругъ вошелъ Василій Петровичъ, бодрый и веселый, котораго воображеніе наше давно привыкло видѣть болѣющимъ по разнымъ европейскимъ столицамъ. Не успѣли мы обнять его, какъ слѣдомъ за нимъ появился и Тургеневъ. Конечно, это была одна изъ самыхъ радостныхъ и одушевленныхъ встрѣчъ, и нашъ Михайла употребилъ всѣ усилія, чтобы отличиться передъ знатоками кулинарнаго искусства. Редереръ тоже исправно служилъ намъ съ Тургеневымъ, а въ виду пріѣзда Боткина мы запаслись и краснымъ виномъ, котораго я лично не пилъ во всю жизнь.

Отъ спеціальныхъ литературныхъ вопросовъ разговоръ мало-по-малу попалъ въ русло текущихъ событій. Такъ какъ мы всѣ преисполнены живой вѣры въ цѣлебность охватившаго страну теченія, то о главномъ руслѣ его между нами не могло быть разнорѣчія и споровъ. Зато я помню, когда вопросъ коснулся народной грамотности, я почувствовалъ потребность настойчиво возражать Тургеневу и жарко его поддерживающему Боткину. Меня поразилъ умственный путь, которымъ Тургеневъ подходилъ къ необходимости народныхъ школъ. Еслибы онъ говорилъ, что должно исправить злоупотребленія, внесенныя временемъ въ народную жизнь, то я не сталъ бы съ этимъ спорить. Но онъ, освоившійся со

кладомъ европейской жизни, представлялъ Россію какимъ-то араличнымъ тѣломъ, которое нужно гальванизировать всѣми озможными средствами, стараясь (употребляю собственное го выраженіе) *буравить* это тѣло всяческими буравами, въ омъ числѣ и грамотностью. Въ настоящее время я хохоталъ ы передъ картиной параличной страны, которую всякій обя-анъ буравить первымъ попавшимся ему въ руку гвоздемъ, е зная даже, какое дѣйствіе произведетъ этотъ гвоздь въ живляемомъ тѣлѣ; но тогда подобное воззрѣніе, овладѣвшее, акъ впослѣдствіи оказалось, руководящими сферами, пред-тавлялось мнѣ и неосновательнымъ, и обиднымъ. Напрасно редставлялъ я примѣръ, приведенный мнѣ Львомъ Николае-ичемъ Толстымъ. Не смотря на ревностное веденіе имъ Ясно-Полянской школы, графъ однажды сказалъ мнѣ:

„Всякая наука хороша и прочна, когда основана на органи-ескомъ запросѣ. Какъ только назначишь мужика въ старосты, онъ тотчасъ же надѣваетъ вязаныя перчатки, подпоясываетъ аѳтанъ, беретъ въ руки длинную палку и кричитъ: „ну-те, у-те, бабы, бабы!“.—Оставшись на должности съ годъ, онъ же въ воскресенье намаслитъ и расчешетъ голову сынишкѣ и оведетъ его въ церковь, а затѣмъ отдастъ учиться грамотѣ“.

Со словами графа нельзя не согласиться, такъ какъ и сы-ишка старосты будетъ черезъ грамотность мѣтить самъ въ ачальники, прочь отъ сохи. Гнать же поголовно всѣхъ отъ охи—едва ли у насъ цѣлесообразно.

На другой день Тургеневъ, привезшій Боткина въ своемъ кипажѣ, уѣхалъ, а Василій Петровичъ прожилъ съ нами очти два мѣсяца, принимая самое горячее участіе въ на-шемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ.

22 іюня Тургеневъ писалъ изъ Спасскаго:

„Милый Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Вы навѣрное пеняли на еня и вѣроятно даже ругали за то, что я не ѣхалъ къ вамъ; но я *каждый день* поджидалъ дядю, который пріѣхалъ *только чера вечеромъ*, съ тѣмъ, чтобы опять уѣхать послѣ завтра. Выходитъ, что мнѣ вовсе невозможно отправиться къ вамъ въ Степановку, такъ какъ у насъ теперь 22-е, а 27-го мы уже должны выѣхать изъ Спасскаго въ Щигровку (25-го ве-черомъ лошади должны быть отправлены впередъ). А потому

То ли дѣло брякнуть такъ, по-военному: „Смирно! умъ, пошелъ направо! маршъ! стой, равняйсь! Художество! налѣво маршъ! стой, равняйсь!“—И чудесно! стоитъ только подписать рапортъ, что все, молъ, обстоитъ благополучно. Но тутъ приходится сказать (съ умнымъ или глупымъ, какъ повашему?) Гёте:

«Ja! Wenn es wir nur nicht besser wüssten!»

„Я радъ, что вы по крайней мѣрѣ сошлись съ Толстымъ, а то это было ужь очень странно; что же касается до представленія моего *Нахлѣбника*, то это одно изъ тѣхъ несчастій, которыя могутъ случиться со всякимъ порядочнымъ человѣкомъ. Воображаю, что это будетъ за мерзость! И пьеса, и исполнители ея одинаково достойны другъ друга

„Досвиданія! Крѣпко жму вамъ руку, кланяюсь вашей женѣ, и остаюсь

преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

5 марта того же года онъ же:

Парижъ.

„Величественный и прелестный другъ мой, Аѳанасій Аѳанасьевичъ, я вчера получилъ ваше письмо изъ Степановки отъ 15 февраля (эка, подумаешь, почта-то, почта-то!) и долженъ сказать, что оно столь же мило, сколь неразборчиво. und das ist viel! Одолѣвъ его въ потѣ лица, я пришелъ къ заключенію, что мы съ вами совершенно однихъ и тѣхъ же мнѣній, только за вами водится обычай всякую чепуху взваливать на умъ, какъ сказано у Беранже:

«C'est la faute de Voltaire,
C'est la faute de Rousseau».

„Вотъ и *Мининъ* не вытанцовался по причинѣ ума; а умъ тутъ ни при чемъ; просто силы таланта не хватило. Развѣ весь *Мининъ* не вышелъ изъ міросозерцанія, въ силу котораго Островскій сочинилъ Рудакова въ *Не въ свои сани не садись?* А въ то время онъ еще не слушался профессоровъ. Написать бѣдноватую хронику съ благочестиво-народною тенденціей, съ обычными лирическими умиленіями, написать

ее красивымъ, мягкимъ и беззвучнымъ языкомъ,—умъ могъ-бы помѣшать этому, а ужь никакъ не способствовать. Ахиллесова пятка Островскаго вышла наружу, вотъ и все. Вѣроятно, по прочтеніи моей новой повѣсти, которая едва ли вамъ понравится, вы и ея недостатки припишите уму. Дался вамъ этотъ гонный заяцъ. Смотрите! *)

„Но Богъ съ нимъ совсѣмъ, съ умомъ, и съ *Мининымъ*, и съ литературой. Замѣчу только, что авторъ *Юрія Милославскаго* Загоскинъ былъ такъ глупъ, что удовлетворилъ бы даже вашимъ требованіямъ, а выходило у него не лучше.—Итакъ, вы въ Степановкѣ. Непремѣнно мы должны провести 1 мая вмѣстѣ. Это уже рѣшено и подписано; развѣ кто-нибудь изъ насъ умретъ, какъ бѣдный Панаевъ. Вотъ никакъ не ожидалъ я, что этотъ человѣкъ такъ скоро кончитъ. Онъ казался олицетвореннымъ здоровьемъ. Жаль его не въ силу того, что онъ могъ бы еще сдѣлать, даже не въ силу того, что онъ сдѣлалъ, а жаль человѣка, жаль товарища молодости! *Современникъ* безъ новаго поэта будетъ ли продолжать свистать? Но я опять вдаюсь въ литературу.

„Я получаю изъ деревни преоригинальнѣйшія письма отъ дяди. Новѣйшія усовершенствованія крестьянскаго быта взвинтили его до какой-то отчаянной ироніи. Спасскіе крестьяне удостоили, наконецъ, подписать уставную грамоту, въ которой я имъ сдѣлалъ всяческія уступки. Будемъ надѣяться, что и остальные меня, какъ говорится въ старинныхъ челобитняхъ, „пожалуютъ, смилуются“!

„А жажду я прочесть ваше *Лирическое хозяйство*. Я увѣренъ, что это вышло преудивительно и превеликолѣпно. Съ Борисовымъ я изрѣдка перекидываюсь письмами: онъ премилый. Постараемся въ нынѣшнемъ году поохотиться лучше прошлогодняго. Аѳанасій, говорятъ, совсѣмъ одряхлѣлъ. Это горестно.

„Толстой написалъ Боткину, что онъ въ Москвѣ проигрался и взялъ у Каткова 1.000 руб. въ задатокъ своего кавказ-

*) Въ подлинномъ письмѣ нарисованъ заяцъ, на спинѣ котораго написано: *умъ*,—и настигающая его борзая собака, съ лицомъ бородатаго человѣка и съ надписью на спинѣ: *Фетъ*.

скаго романа. Дай-то Богъ, чтобы хоть этакимъ путемъ онъ возвратился къ своему настоящему дѣлу. Его *Дѣтство и юность* появилось въ англійскомъ переводѣ и, сколько слышно, нравится. Я попросилъ одного знакомаго написать объ этомъ статью для *Revue des deux mondes*. Знаться съ народомъ необходимо, но истерически льнуть къ нему, какъ беременная женщина, безсмысленно. А что подѣлываетъ *Ясная Поляна*? (я говорю о журналѣ). Ну, прощайте! или нѣтъ — досвиданія! Кланяюсь вашей женѣ и крѣпко жму вамъ руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

Итакъ, подумалъ я по прочтеніи письма,—нашего добродушнаго и радушнаго Панаева не стало. Чтобы не впасть въ невольную ошибку, не буду говорить ничего о матеріальной жизни его, съ которою знакомъ весьма отрывочно и неосновательно. Въ словахъ Тургенева о немъ просвѣчиваетъ то же дружелюбное чувство, которое возникаетъ во мнѣ при воспоминаніи о немъ. Жажда всяческой жизни была для него непосредственнымъ источникомъ всѣхъ восторговъ и мученій, имъ испытанныхъ. Не разъ помню его ударяющимъ себя съ полукомическимъ выраженіемъ въ грудь туго накрахмаленной сорочки и восклицающимъ, какъ бы въ свое оправданіе: „вѣдь я человѣкъ *со вздохомъ!*“ Уже одно то, что онъ нашелъ это выраженіе, доказываетъ справедливость послѣдняго.

19 марта того же года Тургеневъ писалъ:

Парижъ.

„Милѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, не могу не отвѣчать хотя коротенькою записочкой на ваше большое и прекрасное письмо,- въ которомъ на *сей разъ* все дѣльно, вѣрно и— den Nagel auf den Kopf getroffen—за исключеніемъ, однако, стиховъ, которыхъ я со второй строфы до судороги не понимаю. Тамъ есть такой: „хоръ замеръ“,—отъ котораго шестидневный мертвецъ въ гробу перевернется. Но объ этомъ и о многомъ другомъ мы потолкуемъ при свиданіи. Господи! какъ мы будемъ кричать! и какъ я буду радъ кричать! Вы въ Степановкѣ. Поздравляю! Теперь уже не только грачи, но жаворонки прилетѣли, дороги грязны, снѣгъ разрыхленъ (экое, однако, выскочило слово!), вода журчитъ вездѣ и на-

дуваются почки. Славное время! Здѣсь уже листья распустились и деревья зеленѣютъ, но какъ-то все холодно и не весной смотритъ. Можетъ быть это мнѣ кажется отъ того, что уже вся душа моя уѣхала отсюда и витаетъ между нашими оврагами.

„Я еще не получилъ экземпляра моей повѣсти, но уже три письма прибыло: отъ Писемскаго, Достоевскаго и Майкова объ этой вещи. Первый бранитъ главное лицо, вторые два хвалятъ все съ увлеченіемъ. Это меня порадовало, потому что самъ я преисполненъ былъ сомнѣнія. Я вамъ, кажется, писалъ, что люди, которымъ я вѣрю, совѣтовали мнѣ сжечь мою работу; но скажу безъ лести, что жду вашего мнѣнія для того, чтобы окончательно узнать, что̀ мнѣ слѣдуетъ думать. Я съ вами спорю на каждомъ шагу, но въ вашъ эстетическій смыслъ, въ вашъ вкусъ вѣрю твердо и скажу вамъ на ухо, что по вашей милости поколебленъ насчетъ *Грозы*. Вы пожалуйста, какъ только прочтете *Отцы и Дѣти*, тотчасъ же за перо и валяйте на бумагу все, что̀ у васъ будетъ на душѣ. Выйдетъ очень хорошо, да я же привыкъ понимать васъ, какъ бы иногда темно и чудно ни выражался вашъ языкъ. (Писемскій хотѣлъ бы видѣть въ Базаровѣ повтореніе Калиновича и потому недоволенъ). Однимъ словомъ (говоря вашимъ стихомъ),—жду!

„Я не могу себѣ иначе представить васъ теперь, какъ стоящимъ по колѣно въ водѣ въ какой-нибудь *траншеѣ*, облеченнымъ въ халатъ, съ загорѣлымъ носомъ и отдающимъ сиплымъ голосомъ приказы работникамъ. Желаю вамъ всяческихъ успѣховъ и *до*-небесной пшеницы. Кланяюсь вашей женѣ, жму вамъ руку и до свиданья.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

6 апрѣля 1862 года онъ же:

Парижъ.

„Прежде всего, любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, спасибо за письмо, и еще больше было бы спасибо, еслибы вы не сочли за нужное, избивая меня, надѣть бѣлыя перчатки. Повѣрьте, я отъ друзей выносилъ и умѣю выносить самую рѣзкую правду. Итакъ, не смотря на всѣ ваши эвфемизмы, *Отцы и Дѣти* вамъ не нравятся. Преклоняю голову, ибо дѣ-

лать тутъ нечего; но хочу сказать нѣсколько словъ въ свою защиту, хотя я знаю, сколь это неблаговидно и напрасно. Вы приписываете всю бѣду *тенденціи, рефлексіи,* уму однимъ словомъ. А по настоящему надо просто было сказать — мастерства не хватило. Выходитъ, что я наивнѣе, чѣмъ вы предполагаете. Тенденція! а какая тенденція въ *Отцахъ и Дѣтяхъ*, позвольте спросить? Хотѣлъ ли я обругать Базарова, или его превознести? Я *этого самъ не знаю,* ибо не знаю, люблю ли я его или ненавижу! Вотъ тебѣ и тенденція! Катковъ распекалъ меня за то, что Базаровъ у меня вышелъ въ апоѳеозѣ. Вы упоминаете также о параллелизмѣ; но гдѣ онъ, позвольте спросить, и гдѣ эти *пары*, вѣрующіе и невѣрующіе? Павелъ Петровичъ вѣритъ или не вѣритъ? Я этого не вѣдаю, ибо я въ немъ просто хотѣлъ представить типъ С—ыхъ, Р—овъ и другихъ рускихъ ех-львовъ. Странное дѣло: вы меня упрекаете въ параллелизмѣ, а другіе пишутъ мнѣ: зачѣмъ Анна Сергѣевна не высокая натура, чтобы полнѣе выставить контрастъ ея съ Базаровымъ? Зачѣмъ старики Базаровы не совершенно патріархальны? Зачѣмъ Аркадій пошловатъ и не лучше ли было представить его честнымъ, но мгновенно увлекшимся юношей? Къ чему Ѳеничка и какой можно сдѣлать изъ нея выводъ? Скажу вамъ одно, что я всѣ эти лица рисовалъ, какъ бы я рисовалъ грибы, листья, деревья; намозолили мнѣ глаза, я и принялся чертить. А освобождаться отъ собственныхъ впечатлѣній потому только, что они похожи на тенденціи, было бы странно и смѣшно. Изъ этого я не хочу вывести заключенія, что стало-быть я молодецъ; напротивъ, то, что̀ можно заключить изъ моихъ словъ, даже обиднѣе для меня: я не то, чтобы перехитрилъ, а не сумѣлъ; но истина прежде всего. А впрочемъ omnia vanitas.

„Полагаю выѣхать отсюда черезъ три недѣли непремѣнно; какъ нарочно, передъ самымъ концомъ наклевываются женихи; и знаю, что ничего не выйдетъ, а нельзя: нужно долгъ исполнить до конца. Мы, вѣроятно, отъявимся въ Россію съ великимъ Василіемъ Петровичемъ. Заранѣе радуюсь и Степановкѣ, и нашимъ бесѣдамъ, и охотамъ, и пр., и пр. Здѣсь деревья распустились совершенно, а весны все еще не было. Холодъ и холодъ!

„Поклонитесь пожалуйста низехонько вашей женѣ и про-имъ пріятелямъ. Дружески жму вамъ руку и остаюсь на всегда преданый вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. „Какова комедія: дворянскіе выборы во второй книжкѣ *Современника*! Неужели это не геркулесовскіе столбы пошлости? Хороши тоже стишки Некрасова, сего перваго изъ современныхъ піитовъ россійскихъ!"

23 апрѣля 62 года онъ же:

Парижъ.

„Любезнѣйшій Фетъ, пишу вамъ сіи немногія строки для того, чтобы извѣстить васъ съ возможною точностью о времени моего возвращенія въ Спасское. Сегодня 5 мая по новому стилю, а по старому, по нашему 23 апрѣля, Егорьевъ день, когда въ первый разъ выгоняютъ стада въ поле (а здѣсь уже хлѣба въ аршинъ вышины). Я изъ Парижа ровно черезъ недѣлю, т.-е. 30 апрѣля. Въ Лондонѣ остаюсь три дня, возвращаюсь въ Парижъ и выѣзжаю изъ Парижа въ субботу 5 мая, и уже не останавливаясь дую въ Спасское, куда, если не сломаю шеи на дорогѣ, прибуду около 15 по нашему стилю, т.-е. за мѣсяцъ или даже больше до охоты. Я изъ Петербурга дамъ тотчасъ знать дядѣ о моемъ пріѣздѣ и ужасно былъ бы радъ встрѣтить васъ по прошлогоднему на ступенькахъ крыльца".

7 мая утромъ.

„Это письмо пролежало два дня у меня на столѣ,—и полчаса тому назадъ въ мою комнату входитъ загорѣлый, мужественный и красивый юноша—Василій Петровичъ Боткинъ. Онъ прямо прикатилъ изъ Рима, и мы вмѣстѣ съ нимъ лупимъ на родину, о чемъ онъ велитъ васъ извѣстить и въ то же время кланяется всѣмъ, что я дѣлаю такожде и говорю досвиданія!

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

XIII.

В. П. Боткинъ въ Степановкѣ.—Письмо Л. Толстаго о его женитьбѣ.—Съ наступленіемъ зимы ѣдемъ въ Москву; на обратномъ пути заѣзжаемъ въ Ясную Поляну.—Пріѣздъ въ Степановку брата Петра.—Тимская мельница.

Можно себѣ представить наше съ женой удивленіе, когда въ половинѣ мая въ гостиную къ намъ вдругъ вошелъ Василій Петровичъ, бодрый и веселый, котораго воображеніе наше давно привыкло видѣть болѣющимъ по разнымъ европейскимъ столицамъ. Не успѣли мы обнять его, какъ слѣдомъ за нимъ появился и Тургеневъ. Конечно, это была одна изъ самыхъ радостныхъ и одушевленныхъ встрѣчъ, и нашъ Михайла употребилъ всѣ усилія, чтобы отличиться передъ знатоками кулинарнаго искусства. Редереръ тоже исправно служилъ намъ съ Тургеневымъ, а въ виду пріѣзда Боткина мы запаслись и краснымъ виномъ, котораго я лично не пилъ во всю жизнь.

Отъ спеціальныхъ литературныхъ вопросовъ разговоръ мало-по-малу попалъ въ русло текущихъ событій. Такъ какъ мы всѣ преисполнены живой вѣры въ цѣлебность охватившаго страну теченія, то о главномъ руслѣ его между нами не могло быть разнорѣчія и споровъ. Зато я помню, когда вопросъ коснулся народной грамотности, я почувствовалъ потребность настойчиво возражать Тургеневу и жарко его поддерживающему Боткину. Меня поразилъ умственный путь, которымъ Тургеневъ подходилъ къ необходимости народныхъ школъ. Еслибы онъ говорилъ, что должно исправить злоупотребленія, внесенныя временемъ въ народную жизнь, то я не сталъ бы съ этимъ спорить. Но онъ, освоившійся со

ладомъ европейской жизни, представлялъ Россію какимъ-то раличнымъ тѣломъ, которое нужно гальванизировать всѣми зможными средствами, стараясь (употребляю собственное о выраженіе) *буравить* это тѣло всяческими буравами, въ мъ числѣ и грамотностью. Въ настоящее время я хохоталъ і передъ картиной параличной страны, которую всякій обя-нъ буравить первымъ попавшимся ему въ руку гвоздемъ, зная даже, какое дѣйствіе произведетъ этотъ гвоздь въ кивляемомъ тѣлѣ; но тогда подобное воззрѣніе, овладѣвшее, къ впослѣдствіи оказалось, руководящими сферами, пред-авлялось мнѣ и неосновательнымъ, и обиднымъ. Напрасно едставлялъ я примѣръ, приведенный мнѣ Львомъ Николае-чемъ Толстымъ. Не смотря на ревностное веденіе имъ Ясно-олянской школы, графъ однажды сказалъ мнѣ:

„Всякая наука хороша и прочна, когда основана на органи-ескомъ запросѣ. Какъ только назначишь мужика въ старосты, ъ тотчасъ же надѣваетъ вязаныя перчатки, подпоясываетъ етанъ, беретъ въ руки длинную палку и кричитъ: „ну-те, -те, бабы, бабы!“.—Оставшись на должности съ годъ, онъ ке въ воскресенье намаслитъ и расчешетъ голову сынишкѣ и ведетъ его въ церковь, а затѣмъ отдастъ учиться грамотѣ“.

Со словами графа нельзя не согласиться, такъ какъ и сы-ишка старосты будетъ черезъ грамотность мѣтить самъ въ ачальники, прочь отъ сохи. Гнать же поголовно всѣхъ отъ охи—едва ли у насъ цѣлесообразно.

На другой день Тургеневъ, привезшій Боткина въ своемъ ипажѣ, уѣхалъ, а Василій Петровичъ прожилъ съ нами очти два мѣсяца, принимая самое горячее участіе въ на-емъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ.

22 іюня Тургеневъ писалъ изъ Спасскаго:

„Милый Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Вы навѣрное пеняли на еня и вѣроятно даже ругали за то, что я не ѣхалъ къ вамъ; о я *каждый день* поджидалъ дядю, который пріѣхалъ *только ыли вечеромъ*, съ тѣмъ, чтобы опять уѣхать послѣ завтра. ыходитъ, что мнѣ вовсе невозможно отправиться къ вамъ ъ Степановку, такъ какъ у насъ теперь 22-е, а 27-го мы же должны выѣхать изъ Спасскаго въ Щигровку (25-го ве-еромъ лошади должны быть отправлены впередъ). А потому

ничего не остается вамъ дѣлать, какъ немедленно подняться всѣмъ домомъ и, взявъ съ собой вашего повара, прибыть въ Спасское въ наши объятія. Будемъ ждать. Надѣюсь, что Василій Петровичъ здоровъ и въ духѣ. Еще разъ досвиданія!

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Вслѣдствіе этого письма, мы дѣйствительно всѣ поднялись въ Спасское, гдѣ Боткинъ остался поджидать нашего возвращенія съ охоты. но, какъ видно, соскучился и уѣхалъ въ Москву.

Не рѣшаюсь описывать нашихъ неудачныхъ съ Тургеневымъ охотничьихъ похожденій въ знакомой уже намъ лѣсной деревнѣ Щигровкѣ, Жиздринскаго уѣзда, изъ опасенія одно образія.

Отъ Боткина получили мы письмо изъ Москвы:

19 іюля 1862 года.

„Получилъ твое письмо, любезный другъ, и съ прискорбіемъ узналъ о довольно плохой удачѣ вашей охоты. Какъ мнѣ было досадно, узнавъ, что вы воротились 9-го. Но всѣ говорили, что вы воротитесь не ранѣе 13-го или 14-го Но теперь этого не воротишь. Я слышалъ, что Чернышевскій, Писаревъ и Сѣрно-Соловьевичъ арестованы. Передай Тургеневу мой искренній поклонъ.

Вашъ *В. Боткинъ*.

8 августа онъ же:

Москва.

„Получилъ заграничный паспортъ и собираюсь выѣхать. Тургеневъ остался здѣсь сутки и уѣхалъ; въ Москвѣ пусто и скучно; отвожу душу только у Каткова, съ которымъ видаюсь часто.

„Извѣстіе о буйствѣ твоихъ коровъ привело меня въ негодованіе; надобно это прекратить во что бы то ни стало. Тебѣ, какъ видно, нуженъ ударъ обухомъ въ лобъ, чтобы ты окончательно убѣдился въ чемъ-нибудь, а раціональность и здравомысліе дѣйствуютъ на тебя слабо. Это я говорю къ тому, что ты писалъ мнѣ, что отдумалъ строить скотный дворъ, а почему—мнѣ неизвѣстно. Это меня очень непріятно

оразило. Вотъ тебѣ и репримандъ; говорю это потому, что Степановка лежитъ мнѣ близко къ сердцу, да не одна Степановка, а все, что̀ касается до вашего нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія. Корова твоя, забодавъ твоихъ лошадей, ранила и меня, и мнѣ это больно.

„Теперь я съ мѣсяцъ поживу въ Германіи, а къ концу сентября буду въ Парижъ. Въ Москвѣ вы помѣститесь покаместъ; я уже говорилъ объ этомъ. А въ январѣ Митя непремѣнно перейдетъ въ новый купленный имъ домъ у Покровскихъ воротъ. Не безпокойтесь, никого вы не отяготите, а, напротивъ, доставите удовольствіе.

„Я видѣлъ извѣстную тебѣ дѣвицу N. и видѣлъ ее нѣсколько разъ. Какое это розовое и тупое произведеніе природы! И красивое по чертамъ лица и формамъ. Но всякое дерево въ тысячу разъ занимательнѣе и интереснѣе этого существа, болѣе приближающагося къ роду коровъ, нежели людей. Къ ней какъ нельзя болѣе идетъ выраженіе „dumfe Innerlichkeit“, которымъ характеризуетъ Гегель этихъ почтенныхъ животныхъ.

„Теперь для меня не подвержено сомнѣнію, что лѣтняя резиденція моя будетъ въ Степановкѣ. Дай Богъ только дожить до будущаго лѣта. Ты, конечно, замѣтилъ новый законъ „о отравахъ“. Удобно ли онъ примѣняемъ къ дѣлу?

„Завтра выѣзжаю; паспортъ взятъ и все готово. Не забудьте писать. Обнимаю васъ крѣпко.

Вашъ *В. Боткинъ*.

28 августа 1862 года онъ же изъ Берлина:

„Ясная, теплая погода, и силы, возстановленныя послѣ вухдневнаго отдыха, наконецъ чувство искренняго довольства, которое всегда посѣщаетъ меня, когда я касаюсь нѣмецкой почвы,—все это наполняетъ мою душу совершеннымъ частіемъ, которое хочется раздѣлить съ вами, милые друзья. Въ Берлинѣ я чувствую себя дома, хотя я очень мало знакомъ съ нимъ. Двѣ ночи, проведенныя мною въ вагонахъ, томили меня до-нельзя. Пріѣхавъ въ Берлинъ, я выходилъ только по вечерамъ, а дни проводилъ лежа на диванѣ. Я мало знакомъ съ нѣмецкимъ театромъ и потому вечера провожу

тамъ. Но на первый разъ я былъ непріятно пораженъ: давали *Фауста* въ какой-то плачевной передѣлкѣ: стихи Гёте были перемѣшаны съ виршами передѣлки; это походило на ананасъ, сваренный въ супѣ. На другой день слушалъ *Оберона*, плохую оперу, за исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ, которыхъ основные мотивы находятся въ превосходной его увертюрѣ. Сегодня даютъ *Гёца Берлихингена*—Гёте; вотъ какъ угощаютъ нѣмцы. Дорогой я все вспоминалъ васъ и вашу Степановку. Какъ обработана эта бѣдная почва, сколько кладется навоза на эти скудныя поля! Что бы сдѣлали нѣмцы съ почвой Степановки? Переѣзжая изъ мутной Польши въ нѣмецкую землю, словно вступаешь въ какой-то свѣтлый край. Бѣдное славянское племя! Мы винили Гегеля за то, что онъ давалъ славянскому племени низшее значеніе противъ германскаго,—увы! всякій убѣдится въ этомъ наглядно. Цивилизація вырабатывается не идеями, а нравами.

„Да, здѣсь es wird mir bechaglich zu Muthe; это главное отъ того, что все мое духовное развитіе связано съ Германіей. Не говоря уже о философіи, поэзіи, даже нѣмецкій комизмъ мнѣ по сердцу. Увы! наше русское такъ-называемое образованіе больше клонитъ насъ къ французскимъ нравамъ, и этого жаль! Да и нравится намъ во французскомъ образованіи то, что составляетъ дурныя его стороны, именно распущенность его, халатность,—это больше всего усваиваетъ себѣ русскій человѣкъ. Нѣмецкій духъ, который весь состоитъ изъ дисциплины, не по натурѣ нашей. Какъ жаль, что русскіе туристы только проѣзжаютъ Берлинъ, не вникая въ него. Только хорошія школы могутъ спасти отъ этого верхоглядства.

„Станкевичъ, Грановскій, вся моя юность клонитъ меня къ Германіи; всѣ мои лучшіе идеалы выросли здѣсь, всѣ первые восторги музыкой, поэзіей, философіей шли отсюда. И въ этомъ не моя вина или вина моего воспитанія. Воспитывался я или, точнѣе сказать, воспитанія у меня никакого не было; вышедши изъ пансіона (весьма плохаго) я ровно ни о чемъ не имѣлъ понятія. Все кругомъ меня было смутно, какъ въ туманѣ. Изъ этого періода я помню только одно: я прочелъ *Фіеско* и *Разбойниковъ* Шиллера, да еще переводы

Жуковскаго изъ него же. Вотъ что впервые и навсегда сроднило меня съ Германіей. Съ чѣмъ-то сроднилось наше молодое поколѣніе? Виноватъ ли я въ томъ, что мнѣ баллады Шиллера въ тысячу разъ больше волновали сердце, нежели русскія сказки и старинныя сказанія о князѣ Владимірѣ? И вотъ на склонѣ лѣтъ своихъ я снова привѣтствую эту страну, которая впервые пробудила въ моей душѣ все, что ей до сихъ поръ дорого. Въ сущности, какъ мало мѣняется человѣкъ! Говорятъ, что старость есть возвращеніе къ дѣтству; нѣтъ, не къ дѣтству, а къ юности:

«Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней».

„Чѣмъ больше вдумываюсь въ себя, тѣмъ болѣе нахожу въ себѣ то, чѣмъ былъ я въ юности; странно, и идеалы даже не измѣнились, прибавилось только resignation и терпѣнія: двѣ вещи, которыхъ не можетъ понять юность.

„Каждое утро гуляю въ Tier-Garten, въ его тѣнистыхъ аллеяхъ; такъ отрадно и все хорошо; только нѣмецкая кухня доѣдаетъ меня. Стою я въ Hôtel de Rome, и table d'hôte очень обиленъ; но Боже, что̀ это за соединеніе несоединимыхъ вещей! Въ Парижъ намѣренъ я ѣхать какъ можно позднѣе, вѣроятно въ половинѣ октября, а до того времени стану гдѣ-нибудь проживать въ Германіи или на Женевскомъ озерѣ и, слѣдовательно, долго не получу вашихъ писемъ. Дай Богъ, чтобы на васъ пахнуло тѣмъ ощущеніемъ безотчетнаго счастія и внутренней гармоніи, которая теперь наполняетъ мою душу.

Вашъ *В. Боткинъ*.

Между тѣмъ Тургеневъ уѣхалъ изъ Спасскаго заграницу и писалъ изъ Бадена 30 августа 1862 года:

„Ну вотъ, carissime, я и въ Баденѣ и беру перо, чтобы возобновить переписку съ вами и снова увидать ваши любезныя каракули. Путешествіе я совершилъ благополучно, нанялъ здѣсь квартиру въ тихой улицѣ, гдѣ, между прочимъ,

штукъ двѣсти дѣтей отъ двухъ до семи лѣтъ (нѣмцы скромны, но плодущи), и намѣренъ прожить здѣсь около мѣсяца..., я хотѣлъ было написать: „ничего не дѣлая“, но справедливость требуетъ написать: „продолжая ничего не дѣлать“. Край чудесный, зелени пропасть, деревья старыя, тѣнистыя, изумрудным мохомъ покрытыя, погода хорошая, виды красивые, добрые знакомые, здоровье въ порядкѣ, чего же болѣе?“

4 сентября.

„На послѣднихъ словахъ: „чего же болѣе?“ меня застало извѣстіе о плачевномъ концѣ предпріятія Гарибальди, и я не могъ болѣе писать. Хотя мнѣ хорошо извѣстно, что роль честныхъ людей на этомъ свѣтѣ состоитъ почти исключительно въ томъ, чтобы погибнуть съ достоинствомъ, и что Октавіанъ рано или поздно непремѣнно наступитъ на горло Бруту,— однако мнѣ всетаки стало тяжело. Я убѣдился, что человѣку нужно еще что-то сверхъ хорошихъ видовъ и старыхъ деревьевъ, и, вѣроятно, вы—закоренѣлый и остервенѣлый крѣпостникъ, консерваторъ и поручикъ стариннаго закала—даже вы согласитесь со мной, вспомнивъ, что вы въ то же самое время поэтъ и, стало-быть, служитель идеала. Напишите мнѣ нѣсколько словъ объ охотѣ, о хозяйствѣ, о Степановкѣ, о Спасскомъ. Я не получаю никакихъ извѣстій изъ дома. Прощайте, будьте здоровы, кланяйтесь вашей женѣ.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Между тѣмъ кругъ нашего знакомства въ новой мѣстности поневолѣ расширялся при посредствѣ ближайшаго сосѣдства зятя Ш....а и сестры, у которыхъ мы нерѣдко бывали, принимая ихъ у себя. Хотя Степановка, какъ ненаселенное имѣніе, не соприкасалась ни съ какими крестьянскими дѣлами, тѣмъ не менѣе нашъ первый посредникъ А. Н. М—овъ, разъѣзжая по дѣламъ, останавливался у насъ пообѣдать и покормить лошадей, какъ простой сосѣдъ.

— Ну, какъ идетъ вашъ вольнонаемный трудъ? спросилъ онъ однажды.

— Да ничего покуда, отвѣчалъ я.—Слава Богу, неудовольствій съ рабочими нѣтъ. Вотъ только изъ десяти человѣкъ одинъ Евсей шумитъ и, забравъ уже бо́льшую половину де-

негъ до начала уборки, требуетъ всѣхъ остальныхъ денегъ подъ угрозой ухода.

— Прикажите-ка, когда мнѣ подадутъ тарантасъ, подозвать его подъ крыльцо.

— Это ты, батюшка, обратился М—овъ къ Евсею,—тутъ бушуешь? Такъ ты какъ забушуешь, самъ лучше ко мнѣ приходи, а я тебя высѣку.

Съ этимъ словомъ Александръ Николаевичъ былъ уже въ тарантасѣ, а Евсей не только безропотно дожилъ до 1 октября, но добровольно прожилъ еще два года на прежнихъ условіяхъ.

Хотя съ вѣдома моего на горизонтѣ графа Льва Николаевича Толстаго уже захаживали матримоніальныя облачка, тѣмъ не менѣе я былъ обрадованъ и пораженъ письмомъ отъ 9 октября:

„Фетушка, дяденька и просто милый другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Я двѣ недѣли женатъ и счастливъ, и новый, совсѣмъ новый человѣкъ. Хотѣлъ я самъ быть у васъ, но не удается. Когда я васъ увижу? Опомнившись, я дорожу вами очень и очень, и между нами слишкомъ много близкаго, незабываемаго—Николинька, да и кромѣ того. Заѣзжайте познакомиться со мной. Цѣлую руку Марьи Петровны. Прощайте, милый другъ. Обнимаю васъ отъ всей души.

Л. Толстой.

В. Боткинъ писалъ изъ Бадена отъ 8 октября 1862 года:

„Не понимаю, куда дѣвались мои письма къ вамъ, которыя я послалъ къ вамъ еще изъ Москвы и потомъ писалъ изъ Берлина. Неужели всѣ они пропали? А видно такъ, потому что изъ вашего письма не видать, что вы получили ихъ. Впрочемъ ваше письмо еще отъ 7 августа. Для васъ покажется страннымъ, если я скажу вамъ, что Степановка вступила (внутри меня) въ сильный споръ съ Баденъ-Баденомъ. Споръ, какъ видите, неравный, но, несмотря на то, Степановка одерживаетъ верхъ. Дѣло въ томъ, что плѣненный здѣшнимъ мѣстомъ и природой, я вознамѣрился было купить здѣсь небольшой chalet, чтобы имѣть свой уголъ. Но выходило такъ, что всѣ видѣнные мною chalets или не нрави-

лись мнѣ, или были слишкомъ дороги. Но внутри меня была оппозиція, и она-то на все заранѣе клала темную печать. Еслибъ я могъ надѣяться на васъ; на ваше сожительство со мною, о! тогда бы не колебался. Но вѣдь тебѣ, Фетъ, дѣятельное занятіе необходимо, слѣдовательно, отвлечь тебя отъ Степановки—значитъ отдать тебя на съѣденіе ненасытной и мертвящей скукѣ. Слѣдовательно, мнѣ оставалось жить здѣсь одному, то-есть одичать, оторваться отъ любимыхъ мною людей. По мнѣнію моего парижскаго доктора, которое раздѣляетъ и Сережа, зима въ Россіи есть мой главнѣйшій врагъ, и на зиму оставаться въ Россіи я не долженъ. Слѣдовательно, я въ Россіи могу проводить только лѣто. Все это вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ только путается голова. Тургеневъ меня очень склоняетъ купить. Имѣть свой уголъ — великое дѣло. — Жаль, что пропало мое письмо къ вамъ, которое я писалъ изъ Берлина; оно было выраженіемъ живѣйшаго удовольствія, которое охватило меня при въѣздѣ въ Германію. Я прожилъ въ Берлинѣ три недѣли и прожилъ не только съ удовольствіемъ, но и съ пользой для себя. Тамъ видѣлъ я *Гамлета* и *Генриха IV* очень хорошо сыгранными. Опера разнообразна и удовлетворительна, и оркестръ прекрасенъ. При мнѣ же открылась выставка картинъ, такъ что все способствовало моему удовольствію. Съ какою охотой остался бы я въ Берлинѣ на всю зиму, еслибы зима тамъ была не холодна,—а въ Берлинѣ, увы! морозъ доходитъ до 20° Реомюра. А здѣсь хорошо, погода теплая, и я пишу къ вамъ при открытомъ окнѣ. Не знаю, случалось ли вамъ заѣзжать въ Баденъ, но такого зеленаго царства я никогда не встрѣчалъ. Только красоты Женевскаго озера могутъ поспорить съ нимъ и даже рѣшительно одержать верхъ. Но зато невыгода Женевскаго озера та, что оно дальше, а Баденъ въ двѣнадцати часахъ отъ Парижа, и потомъ для лѣта онъ соединяетъ въ себѣ удовольствія деревни и удовольствія города. Горы невысоки, — это только еще начало Альпъ, — и всѣ сплошь покрыты лѣсомъ, такъ что тѣнь и свѣжесть повсюду. Да мнѣ кажется, Маша, что ты была здѣсь. Мнѣ не хочется ѣхать отсюда, хотя были дни, которыхъ утренніе и вечерніе туманы были очень пронзительны. Одна бѣда, по вечерамъ

не знаешь куда дѣться. Такъ какъ сезонъ уже кончился, то театра нѣтъ; впрочемъ съ нынѣшняго дня говорятъ, что театръ будетъ три раза въ недѣлю. Я здѣсь видѣлъ *Фиделіо* въ очень удовлетворительномъ исполненіи впервые и былъ многими мѣстами глубоко пораженъ. По вечерамъ отъ скуки захожу въ игорные дома и, признаюсь, нужно значительное напряженіе разсудка, чтобы удержать въ себѣ поползновеніе къ игрѣ. Да у меня нѣтъ претензіи бороться со счастіемъ или, точнѣе, со случайностью. Недавно графъ Сергѣй Т...., съ которымъ я познакомился въ Берлинѣ, наказанъ былъ здѣсь за упорство поймать за хвостъ случайность. Надежды и разсчета на случайность — этихъ двухъ вещей не можетъ понять моя голова.

„Слава Богу, что журналистика наша вступила, наконецъ, на почву здраваго смысла. Во всякой другой странѣ всѣ эти завиральныя ученія охватываютъ только слабыя головы и политическаго значенія въ обществѣ не имѣютъ. Но у насъ, по невѣжеству, вообразили, что идти наперекоръ всему, значитъ быть самымъ передовымъ! Семинаристы пустили это въ ходъ. О чемъ ты собираешься писать теперь? Здѣсь одна *Сѣверная Пчела*, но и той радъ. Не могу жить безъ русскаго журнала. Ну, прощайте!

Вѣчно вашъ *В. Боткинъ.*

Запоздавшій зимній путь далъ намъ снова возможность, хотя и на короткое время, побывать въ Москвѣ. Кибитка, наложенная до невозможности помѣститься въ ней втроемъ, снова повезла насъ по обычнымъ этапамъ, т. е. въ Борисовскія Новоселки и въ Тургеневское Спасское, гдѣ бодрый и веселый старикъ Николай Николаевичъ съ семьей встрѣтилъ насъ съ обычнымъ радушіемъ.

— Разоряетъ меня мой Иванъ! жаловался старикъ: — вы его знаете; кажется, онъ не дуракъ и добрый человѣкъ, а ничего я въ головѣ его не пойму. Кто у нихъ тамъ въ Баденѣ третье-то лицо? И все пришли да пришли денегъ. А вы сами знаете, гдѣ ихъ по теперешнимъ временамъ взять? Мнѣ за 65 лѣтъ, а я цѣлое лѣто провозился съ разверстаніемъ калужскихъ крестьянъ; поваръ-то здѣсь, а я-то на квасу да на

огурцахъ. Вездѣ надо обзаводиться своимъ инвентаремъ, а цѣнъ на хлѣбъ никакихъ. Да вотъ потрудитесь прочесть, коли мнѣ не вѣрите. Ликовали, что освобожденіе крестьянъ поднимете сельскую производительность и обогатитъ земледѣльцевъ, а во вчерашнемъ письмѣ онъ мнѣ пишетъ: „Я не вѣрю ни въ одинъ вершокъ русской земли и ни въ одно русское зерно. Выкупъ, выкупъ и выкупъ!“—Чему же тутъ вѣрить? Можно ли даже прежнія надежды на улучшеніе быта считать искренними, а не возгласами загулявшаго человѣка, понимающаго разорительность своихъ выходокъ, но восклицающаго: „пропадай все!“.

Въ Москвѣ мы помѣстились по прошлогоднему въ домѣ Боткиныхъ. Въ эту зиму, по поводу банкротства банкира Марка, Дмитрій Петровичъ Боткинъ купилъ великолѣпный домъ у Покровскихъ воротъ, и новые владѣльцы были озабочены возможностью перебраться въ новое помѣщеніе къ Новому Году. Такъ какъ въ купленномъ домѣ на дворѣ былъ манежъ, то Дмитрій Петровичъ, намѣреваясь для моціона ѣздить верхомъ, купилъ прекрасную гнѣдую лошадь и неоднократно предлагалъ мнѣ ее для проѣздки.

Въ скоромъ времени я съ восторгомъ узналъ, что Левъ Николаевичъ съ женой въ Москвѣ и остановились въ гостиницѣ Шевріе, бывшей Шевалье. Отъ насъ не ускользнула эта перемѣна фирмы, столь идущая въ данномъ случаѣ къ прелестной идилліи молодыхъ Толстыхъ. Нѣсколько разъ мнѣ, при проѣздкахъ верхомъ по Газетному переулку, удавалось посылать въ окно поклоны дорогой мнѣ четѣ.

Въ январѣ, по случаю новоселья, Дмитрій Петровичъ затѣялъ маскарадъ, на которомъ намъ нельзя было не быть и нельзя было быть иначе, какъ въ костюмахъ. Къ счастію, добрый знакомый снабдилъ меня полнымъ костюмомъ *Бедуина*, который пришлось мнѣ влачить до самаго ужина. Замѣчательнѣйшимъ явленіемъ на этомъ маскарадѣ была величавая блондинка *Норма* и красавецъ брюнетъ *Мефистофель* съ краснымъ перомъ на беретѣ, цѣлый вечеръ не покидавшій *Нормы*. По заламъ носился шепотъ, что далеко неблагонадежный въ нравственномъ отношеніи *Мефистофель* дѣлаетъ брачное предложеніе *Нормѣ*, которая, не будучи въ состояніи

противиться очарованію, говоритъ будто бы: „хоть день да мой!“

Смотря на несомнѣнно красивую пару, я умственно повторялъ изреченіе милѣйшаго старика Николая Николаевича Тургенева: „Вѣдь вотъ милая дѣвушка живетъ у родителей, которые на нее не насмотрятся; она окружена всѣми удобствами, но пусть будочникъ поманитъ ее въ будку, и она все броситъ и пойдетъ за нимъ“.

Тургеневъ писалъ мнѣ изъ Парижа 26 января 1863 года:

„Драгоцѣнный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, вы въ сердце поразили меня вашимъ упрекомъ: вы полагаете, что я сержусь на васъ!!! и оттого молчу..., а я воображалъ, что *вы* меня забыли. Дѣло въ томъ, что я только сегодня получилъ ваше письмо, находившееся въ poste restante, а вы, вѣроятно, не получили ни одного изъ двухъ писемъ, пущенныхъ мною къ вамъ. Теперь все дѣло объяснилось, жаль только, что переписка наша покоилась на лаврахъ, а главное жаль, что вы могли приписать мнѣ дурное чувство. Но о прошедшемъ толковать нечего, и давайте снова болтать и бомбардировать другъ друга письмами. Я очень радъ, что вы снова возвращаетесь въ свое степное гнѣздо; а то вы въ Москвѣ либо кандрите, либо слишкомъ прилежно посѣщаете нашего старинаго друга, впрочемъ почтеннаго и пріятнаго человѣка— г. Редерера. Кстати, посмотрѣлъ бы я на васъ въ костюмѣ *Мавританца* или *Алжирца*, которымъ вы облекли свои члены на балѣ у Боткиныхъ! Всѣ эти извѣстія доходятъ до меня черезъ Борисова, съ которымъ мы изрѣдка перекликиваемся.

„Мысль издать всѣ ваши сочиненія и переводы—отличная мысль. Должно полагать, что и публикѣ она покажется таковою же. Дайте намъ также продолженіе вашихъ милѣйшихъ деревенскихъ записокъ; въ нихъ правда, а намъ правда больше всего нужна—вездѣ и во всемъ.

„Боткинъ вамъ уже писалъ, что M-me Віардо положила на музыку: *Шепотъ, робкое дыханье* и *Тихая звѣздная ночь*. Съ тѣхъ поръ она еще прибавила: *Я долго стоялъ неподвижно*... Музыка прелесть какъ хороша и, Богъ дастъ, будетъ издана въ нынѣшнемъ году въ Россіи, но послать вамъ ее, пока она не напечатана—невозможно. Потерпите, а не то пріѣзжайте

теперь сюда или лѣтомъ въ Баденъ. Музыка дотого хороша, что стоитъ путешествія. Изо всѣхъ нынѣ существующихъ музъ, ни одна такъ упорно не молчала, какъ моя въ это время; даже вашу перещеголяла. Что будетъ дальше, не знаю, но что-то совсѣмъ притихло. Здоровье зато порядочно, т.-е. теперь: зимой было скверно. Ну, да вѣдь это все суета суетъ и всяческая суета.—Жму вамъ крѣпко руку и усердно кланяюсь вашей женѣ.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

P. S. „Боткинъ процвѣтаетъ и даетъ намъ восхитительныя музыкальныя утра".

В. Боткинъ писалъ изъ Парижа отъ 4 февраля 1863 года:

„Сію минуту получилъ твое письмо и спѣшу отвѣчать тебѣ, милый мой Аѳанасій Аѳанасьевичъ; но ты, конечно, уже получилъ письмецо мое черезъ Митю. Цѣлый мѣсяцъ не писалъ къ тебѣ, потому что чувствовалъ себя очень не хорошо: это все послѣдствія моей болѣзни. Нынѣшнюю зиму я чувствую себя хуже прошлой зимы; такъ, напримѣръ, слишкомъ мѣсяцъ я былъ такъ слабъ, что не могъ даже писать тебѣ и домашнимъ; и это вслѣдствіе раздраженія въ спинномъ мозгу. Я уже не могу такъ ходить, какъ ходилъ лѣтомъ,—тотчасъ устаю. Ну, да какъ-нибудь дотяну до весны, а тамъ и въ Москву, а потомъ въ Степановку. Надоѣли мнѣ эти переѣзды, да и очень раздражаетъ меня дорога, именно дѣйствуя на спинной мозгъ. А хотѣлось бы хоть весной, то-есть въ мартѣ, подышать гдѣ-нибудь чистымъ воздухомъ, и если силы дозволятъ, я проѣду можетъ-быть куда-нибудь на югъ Франціи. Ужасаетъ только меня одиночество. Здѣсь всетаки зайдетъ кто-нибудь. Глубоко встревожило меня извѣстіе о возстаніи въ Польшѣ, объ отвратительныхъ ужасахъ, какіе совершаетъ тамъ революціонная партія. Такъ былъ душевно встревоженъ я, что потерялъ способность вслушиваться въ квартеты, и поэтому долженъ былъ прекратить ихъ у себя, а до того времени какое высочайшее удовольствіе они доставляли мнѣ!

„Скажи пожалуйста, что это Маша не пишетъ мнѣ? Приписки ея всегда съ куриный носикъ; или въ Москвѣ такъ

была развлечена она, что некогда было подумать объ отсутствующихъ? Я подписался на *Московскія Вѣдомости* и до сихъ поръ не получилъ еще ни одного номера, а между тѣмъ подписавшіеся на *Голосъ* и *Петербургскія Вѣдомости* получаютъ ихъ довольно аккуратно. Должно-быть, почтамтскія дѣла редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* въ большомъ безпорядкѣ.

„Былъ здѣсь Дикенсъ и устроилъ публичное чтеніе. Я ничего не слыхалъ подобнаго и былъ въ такомъ восторгѣ, что написалъ объ этомъ маленькую статейку и послалъ къ Каткову. Будетъ ли твоя вторая статья такъ же удачна, какъ была удачна первая? А ты мнѣ не пишешь, нравится ли она Каткову? Надѣюсь, что ты не оставилъ безъ вниманія моей просьбы насчетъ коляски, заказанной мною Ильину; именно, чтобы сдѣлали ее для городской ѣзды, именно такъ, какъ ты совѣтовалъ мнѣ. Да твоя одышка меня очень безпокоитъ: не нужно ли побывать тебѣ въ Карлсбадѣ? Я бы принялъ на свой счетъ издержки вашей поѣздки, въ этомъ я прошу тебя мнѣ не отказывать. Если рѣшишься, то напиши мнѣ тотчасъ, вѣдь ты все говорилъ, что тебѣ Карлсбадъ помогъ много. Запускать вѣдь хуже; а на шесть недѣль авось можно будетъ оторваться отъ деревенскихъ заботъ. Въ такомъ случаѣ я бы провелъ время лѣченія вмѣстѣ съ вами, а по окончаніи онаго и въ Россію вернулись бы вмѣстѣ. Только въ такомъ случаѣ тебѣ надо раньше начать курсъ и именно съ послѣднихъ чиселъ апрѣля.

„Хорошо, что ты сладилъ съ Солдатенковымъ насчетъ изданія твоихъ сочиненій. Пожалуйста сдѣлай изъ нихъ построже выборъ; вѣдь дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ. Пока прощайте, милые друзья. Да подумай серьезно о своемъ здоровьѣ, а то пожалуй попадешь въ такое положеніе, какъ я, то-есть никуда негодное.

Твой *В. Боткинъ*.

Еще въ прошлогоднее свое пребываніе въ Степановкѣ, Василій Петровичъ, мечтая о новомъ туда пріѣздѣ, просилъ меня пристроить ему спеціальное помѣщеніе, и желая исполнить эту задачу по возможности экономически, я разсчитывалъ, что, воспользовавшись одною стѣной дома, можно воз-

вести двухъэтажный двѣнадцати-аршинный срубъ и такимъ образомъ выгадать одну крышу. Покупкой и возкой лѣса слѣдовало озаботиться еще по зимнему пути, и вотъ почему мы съ женой должны были вначалѣ февраля уже возвратиться въ Степановку, получивъ по распоряженію Василія Петровича изъ конторы 2.000 руб. на его пристройку. Вѣроятно, и молодымъ Толстымъ, не взирая на очарованіе перваго московскаго сезона недавнихъ супруговъ, недолго пожилось у Шевріе, и мы на пути изъ Москвы направились въ давно знакомую намъ Ясную Поляну, гдѣ намъ предстояло увидать новую ея хозяйку.

Часовъ въ 9 вечера, въ морозную, мѣсячную ночь, почтовая тройка, свернувъ съ шоссе, повезла насъ по проселку, ведущему къ воротищу между двумя башнями, отъ которыхъ старая березовая аллея ведетъ къ Ясно-Полянскому дому. Когда мы стали подыматься рысцой на изволокъ къ этому воротищу, то замѣтили бойко выѣзжающую изъ воротъ навстрѣчу намъ тройку. „Вотъ, подумалъ я, какъ кстати. Тульскіе незнакомые намъ гости со двора, а мы какъ разъ подъѣдемъ“. Но вотъ бойкая тройка, наѣхавъ на насъ, вынуждена, подобно намъ, шагомъ сворачивать въ субой съ дороги, на которой двумъ тройкамъ нѣтъ мѣста рядомъ.

— Возьми поправѣй-то! кричитъ своему кучеру сѣдокъ, лица котораго я не могу разсмотрѣть въ тѣни отъ высокой спинки саней.

— Это вы, графъ? крикнулъ я, узнавъ голосъ Льва Николаевича. Куда вы?

— Боже мой, Аѳанасій Аѳанасьевичъ!.. мы съ женой выѣхали прокатиться. А Марья Петровна здѣсь?

— Здѣсь.

— Ахъ, какъ я рада! воскликнулъ молодой и серебристый голосъ.

— Выбирайтесь на дорогу! воскликнулъ графъ; — а мы сейчасъ же завернемъ за вами слѣдомъ.

Не буду описывать отрадной встрѣчи нашей въ Ясной Полянѣ, встрѣчи, которой много разъ суждено было повториться съ тою же отрадой. Но на этотъ разъ я невольно вспомнилъ дорогаго Николая Николаевича Толстаго, прослушав-

шаго въ Новоселкахъ всю ночь прелестную птичку. Такая птичка оживляла Ясно-Полянскій домъ своимъ присутствіемъ.

Тотчасъ по прибытіи въ Степановку, началась возка строеваго лѣса изъ Орла и знаменитаго камня съ Неручи, а при первомъ угревѣ работа вчернѣ закипѣла, такъ что къ ранней веснѣ можно было уже класть фунтаментъ и становить новую пристройку. Въ ней выгадывался съ одной стороны 4-хъ аршинный корридоръ, прямо ведущій въ домъ и выходящій на другомъ концѣ въ отдѣльныя сѣни на дворъ. Изъ корридора направо вела дверь въ 8-ми аршинную въ квадратѣ комнату для Василія Петровича, со стеклянною дверью на террасу. Изъ сѣней противъ выходныхъ дверей направо была дверь въ комнату 8-ми аршинъ длины и 4-хъ ширины для слуги Василія Петровича. Изъ тѣхъ же сѣней неширокая лѣстница въ три заворота вела во второй этажъ совершенно тѣхъ же размѣровъ, съ тою разницей, что, за отсутствіемъ корридора, образовалась зала въ два свѣта въ восемь аршинъ ширины и двѣнадцать длины. Въ эту комнату мы снесли всю нашу библіотеку, и современемъ Василій Петровичъ хаживалъ туда читать, такъ какъ тамъ почти не было мухъ, за отсутствіемъ жильцовъ.

В. П. Боткинъ писалъ изъ Парижа 20 февраля 1863 года:

„Получилъ я твое письмо, любезный другъ, и твое, милая Маша, и спѣшу сказать вамъ за нихъ большое спасибо. Все время въ Москвѣ ты прохворалъ, и вообще, какъ кажется, здоровье твое становится рыхлымъ. До сихъ поръ ты привыкъ мало думать о немъ, а надо будетъ думать. Я жду, какой ты дашь отвѣтъ на приглашеніе мое съѣздить въ Карлсбадъ.

„Это письмо найдетъ васъ уже въ Степановкѣ, то-есть на гнѣздѣ, и жизнь приметъ свой обычный порядокъ. А меня совершенно разстроило это проклятое Польское возстаніе; я въ постоянной лихорадкѣ и тревогѣ. Это хуже войны; въ войнѣ соблюдаютъ извѣстныя правила вѣжливости, а тутъ слѣпая месть руководитъ всѣмъ. Ужь года два, какъ русскаго солдата постоянно скорбляли Поляки,—что жь мудренаго, что онъ при случаѣ дастъ волю своему чувству мести?

Когда Поляки рѣзали русскихъ солдатъ, здѣшніе журналы молчали объ этомъ, а теперь кричатъ о жестокости ихъ. Вообще, братъ, я послѣднее время почувствовалъ презрѣніе къ газетамъ. Всего менѣе думаютъ онѣ о правдѣ и справедливости фактовъ; притомъ же польская эмиграція здѣсь въѣлась во всѣ журналы, такъ что общее мнѣніе здѣсь совершенно находится подъ польскимъ вліяніемъ. Можешь судить, какъ пріятно въ такое время быть принуждену жить въ Парижѣ. При такихъ смутныхъ событіяхъ я думаю лучше провести лѣто въ Степановкѣ, чѣмъ ѣхать въ Карлсбадъ. Лишь бы благополучно добраться до Петербурга. Надѣюсь, что въ Степановкѣ все обстоитъ благополучно. Ахъ, милые друзья, скоро ли дождусь я той минуты, когда обниму васъ на душистой, степной почвѣ, при веселомъ шелестѣ вашихъ молодыхъ березокъ? *Московскія Вѣдомости* наконецъ получаю, но онѣ какъ-то вялы и безцвѣтны, хуже прежней *Лѣтописи*. Пришлите слова два о себѣ.

Вашъ *В. Боткинъ*.

Отъ 16 марта 1863 года онъ же:

„Получилъ ваше письмо изъ Степановки, за которое чувствительно благодарствую и радуюсь, что вы нашли все въ порядкѣ. Теперь Степановка вѣроятно приняла видъ настоящей, дѣловой и хозяйственной фермы. Воображаю, какъ это должно радовать твое сердце! И потомъ какъ отрадно послѣ городскаго скитанія чувствовать себя въ своемъ гнѣздѣ и придти въ сознаніе самого себя. Вѣдь истинное развлеченіе находишь ты только въ самомъ себѣ, въ рессурсахъ собственной души.

„Совершенно сочувствую твоему стремленію вступить снова въ полкъ, при извѣстіи о Польскомъ возстаніи. Повѣришь ли, я съ тѣхъ поръ нахожусь въ постоянной тревогѣ. Не говоря уже о томъ, что здѣсь политическій горизонтъ очень мраченъ, но само возстаніе такъ задумано, организовано и проникнуто такимъ фанатизмомъ, что мнѣ кажется невозможно скоро подавить его. Въ Европѣ общественное мнѣніе рѣшительно на сторонѣ Поляковъ, не разбирая того, что претензіи и требованія Поляковъ очевидно имѣютъ цѣлью не только

ослабленіе Россіи, но удаленіе ея изъ Европы въ Азію. Этой цѣли не скрываютъ здѣсь ни журналы, ни англійскій парламентъ, и вполнѣ сочувствуютъ Польскому возстанію, какъ средству для достиженія этой цѣли. Вотъ какъ становится Европой Польскій вопросъ, и вотъ что будетъ значить для насъ возстановленіе Польши. Но наши пустоголовые прогрессисты ничего этого не понимаютъ. Кажется, чувство національности и любви къ отечеству совершенно испарилось изъ этихъ легкомысленныхъ головъ. Но представимъ себѣ Польшу возстановленною, самодержавною, да развѣ на этомъ она и успокоится? Развѣ она не будетъ всячески стараться вредить Россіи и въ этомъ всегда найдетъ поддержку въ Европѣ, интересъ которой какъ можно болѣе ослабить насъ. А при воинственномъ, легкомысленномъ духѣ Поляковъ, при ихъ натуральной склонности ко всякаго рода авантюрамъ, — не будетъ ли это все равно, что завести у себя на западѣ второй Кавказъ? Двадцать лѣтъ тревоги и усилій ослабятъ и разорятъ насъ. Вотъ какъ я понимаю возстановленіе Польши. Для безопасности Россіи необходимо держать Польшу какъ можно въ большей зависимости. Удивительно, что у насъ ни одинъ журналъ не смотритъ на это дѣло съ государственной стороны. А мы еще туда же хвастаемъ своею пустозвонною журналистикой!!! Въ Россію я думаю отправиться въ послѣднихъ числахъ здѣшняго апрѣля, такъ что въ первыхъ мая надѣюсь быть уже въ Москвѣ, а въ концѣ мая поѣду къ вамъ дышать благодатнымъ воздухомъ. Тургеневъ дѣйствительно получилъ приказаніе вернуться въ Россію, но вслѣдствіе письма его къ Государю разрѣшено остаться ему за границей; онъ, кажется, думаетъ ѣхать въ маѣ. Кстати, Віардо совсѣмъ переселяются въ Баденъ-Баденъ, гдѣ купили себѣ домъ. Мы думали было праздновать свадьбу M-lle Pauline, все уже было почти кончено, какъ дѣло разладилось, вслѣдствіе необыкновенной жажды къ деньгамъ, высказанной претендентомъ. Да Французы иначе и не понимаютъ бракъ, какъ съ этой точки зрѣнія. Получаемъ мы *Московскія Вѣдомости*, и скажу тебѣ, что онѣ издаются плохо и неинтересно. Съ нетерпѣніемъ ждемъ романа Писемскаго".

24 марта.

„Душевная тревога, произведенная во мнѣ Польскимъ возмущеніемъ, не утихаетъ и стала хроническою. Читать иностранныя газеты нѣтъ возможности: до такой степени онѣ полны клеветами и ненавистью къ Россіи. Всѣ рады возможности ослабить и уничтожить Россію; наша одна надежда на силу и мощь Россіи. Я никогда не подозрѣвалъ въ себѣ такой національной струны, которая теперь обнаружилась; все другое замерло во мнѣ“.

26 марта.

„Хоть понемногу, а все пишу къ вамъ; это доказываетъ, что я безпрестанно думаю о васъ. Сегодня получилъ твое письмо — спасибо. Вчера добылъ книжку *Русскаю Вьстника* за январь. Замѣтка Каткова о Польскихъ дѣлахъ превосходна: вотъ настоящій государственый взглядъ на дѣло. Наши безмозглые прогрессисты не могутъ понять его, драпируясь въ свой абстрактный и пустой либерализмъ. Поляки говорятъ: „между Русскими и нами не можетъ быть иныхъ отношеній, кромѣ взаимнаго истребленія и ненависти“. И это правда. Поляки хотятъ намъ сѣсть на шею, они правы; а мы хотимъ у нихъ сидѣть на шеѣ, и мы правы, и будемъ стараться сидѣть: это вопросъ національный, а вовсе не о большемъ или меньшемъ либерализмѣ. Намъ на Европу нечего разсчитывать, Европа всегда будетъ за Поляковъ. Намъ надобно быть сильнымъ и крѣпкимъ, вотъ въ чемъ наша надежда. Теперь, кажется, войны не будетъ, но она могла бы быть и можетъ быть. Цѣль Поляковъ вовсе не конституція, а прогнать и забить насъ въ Азію и обратить Россію въ слабое второстепенное государство. Вотъ этой-то цѣли не понимаютъ наши мальчишки-прогрессисты.

„Твоей статьи въ первомъ номерѣ *Русскаю Вьстника* еще не читалъ, но слышалъ, что она хуже твоей прошлогодней. Теперь началъ читать *Казаки* Толстаго, гдѣ надѣюсь найти бездну прекраснаго. Ты пишешь о клеверѣ,—да посѣешь ли ты его? Ужь навѣрное ты какъ-нибудь умудришься копѣшничать, а послѣ будешь себя проклинать. Хоть ты, Маша, какъ-нибудь вразумляй его, помня что денежка рубль бережетъ. А о моемъ помѣщеніи не очень хлопочи, какъ-нибудь

устроюсь. Да вотъ что̀ пришло мнѣ въ голову: если я возьму съ собой слугу, то будетъ ли ему гдѣ помѣститься? А это можетъ случиться, потому что одному ѣхать тяжело, я это уже испыталъ прошлаго года, возвращаясь отъ васъ. Спѣшу отправить письмо. Выѣхать думаю около 20 или 25 апрѣля.

Вашъ *В. Боткинъ*.

Тургеневъ писалъ изъ Парижа отъ 7 апрѣля 1863 года:

„Любезные друзья, Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ и Иванъ Петровичъ Борисовъ! Позвольте написать вамъ обоимъ купно, хотя вы мнѣ писали отдѣльно, но времени у меня вдругъ стало мало (я на отъѣздѣ отсюда); а имѣю я сказать вамъ обоимъ одно и то же, начиная съ того, что я искренно васъ обоихъ люблю и помню. Для быстроты дѣла буду писать по пунктамъ.

1. „Я ѣду отсюда не въ Россію, а въ Баденъ, гдѣ теперь еще никого нѣтъ, и гдѣ я буду работать съ остервенѣніемъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ (я во всю зиму пальца объ палецъ не ударилъ), а въ іюлѣ, если Богъ дастъ, прибуду въ Спасское на тетеревовъ. Мое присутствіе тамъ необходимо, не столько впрочемъ для тетеревовъ, сколько для другихъ соображеній. Считаю излишнимъ говорить вамъ, съ какою радостью я васъ обоихъ увижу.

2. „Могу вамъ сказать, что мое *дѣло* кажется благополучно окончилось. Мнѣ прислали сюда запросы весьма маловажные, я немедленно отвѣчалъ, и теперь, я думаю, все сдано въ архивъ.

3. „*Казаковъ*“ я читалъ и пришелъ отъ нихъ въ восторгъ (и Боткинъ также). Одно лицо Оленина портитъ общее великолѣпное впечатлѣніе. Для контраста цивилизаціи съ первобытною, нетронутою природой не было никакой нужды снова выводить это возящееся съ самимъ собою скучное и болѣзненное существо. Какъ это Толстой не сброситъ съ себя этотъ кошмаръ! А кстати, каковъ романчикъ Чернышевскаго въ *Современникѣ!* Вотъ прелесть-то!

4. „У васъ, кажется, все идетъ потихонечку, какъ слѣдуетъ быть. И слава Богу. Не въ состояніи вамъ передать,

до какой степени меня мучаютъ Польскія дѣла... Здѣсь всѣ готовятся къ войнѣ.

5. „Здоровье мое не совсѣмъ удовлетворительно: старая болѣзнь меня кусаетъ. Можетъ-быть лѣтомъ дѣло исправится.

„Засимъ жму вамъ обоимъ руку или руки, крѣпко-накрѣпко обнимаю васъ и остаюсь

любящій васъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. „Я направилъ это письмо на ваше имя, дорогой Иванъ Петровичъ, но вы доставьте его владѣльцу Степановки".

Л. Н. Толстой писалъ того же 1863 года:

„Ваши оба письма одинаково были мнѣ важны, значительны и пріятны, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Я живу въ мірѣ столь далекомъ отъ литературы и ея критики, что, получая такое письмо, какъ ваше, первое чувство мое — удивленіе. Да кто же такое написалъ *Казаковъ* и *Поликушку?* Да и что̀ разсуждать о нихъ? Бумага все терпитъ, а редакторъ за все платитъ и печатаетъ. Но это только первое впечатлѣніе; а потомъ вникнешь въ смыслъ рѣчей, покопаешься въ головѣ и найдешь тамъ гдѣ-нибудь въ углу между старымъ забытымъ хламомъ, найдешь что-то такое неопредѣленное, подъ заглавіемъ *художественное.* И сличая съ тѣмъ, что̀ вы говорите, согласишься что вы правы, и даже удовольствіе найдешь покопаться въ этомъ старомъ хламѣ и въ этомъ когда-то любимомъ запахѣ. И даже писать захочется. Вы правы, разумѣется. Да вѣдь такихъ читателей, какъ вы, мало. *Поликушка* — болтовня на первую попавшуюся тему человѣка, который „и владѣетъ перомъ"; а *Казаки*—„съ сукровицей", хотя и плохо. Теперь я пишу исторію пѣгаго мерина; къ осени, я думаю, напечатаю. Впрочемъ теперь какъ писать? теперь незримыя усилія даже зримыя, и притомъ я въ *ухаживаньѣ* опять по уши. И Соня со мной. Управляющаго у насъ нѣтъ, есть помощники по полевому хозяйству и по постройкахъ, а она одна ведетъ контору и кассу. У меня и пчелы, и овцы, и новый садъ, и винокурня. И все идетъ понемножку, хотя, разумѣется, плохо сравнительно съ идеаломъ. — Что̀ вы думаете о Польскихъ дѣлахъ? Вѣдь дѣло-то

лохо! Не придется ли намъ съ вами и съ Борисовымъ сни-
іать опять мечъ съ заржавленнаго гвоздя? Что̀ ежели мы
іріѣдемъ въ Никольское,—увидимъ мы васъ? Когда вы бу-
ете у Борисовыхъ? Не пригонимъ ли мы такъ, чтобы вмѣстѣ
ъѣхаться? Прощайте! Марьѣ Петровнѣ мой душевный по-
лонъ. Соня и тетенька кланяются.

Л. Толстой.

Однажды далеко до сѣнокоса пріѣхалъ къ намъ, къ нема-
ой радости нашей, Петръ Аѳанасьевичъ. Улучивъ минуту,
огда мы были съ нимъ одни, онъ вдругъ неожиданно по-
елъ слѣдующую рѣчь:

„Я давно мучаюсь своею неаккуратностью и очень хорошо
наю, что несвоевременная высылка мною процентовъ была
дною изъ причинъ, заставившихъ тебя бѣжать изъ Москвы.
Вотъ уже который годъ я мучаюсь и трачу деньги на ду-
ацкій, мельничный процессъ на Тиму, и вмѣсто того, чтобы
озможность разсчесться съ тобою увеличивалась, она по-
тоянно уменьшается. Ты, конечно, не знаешь этого процесса,
оторый у меня въ зубахъ застрялъ. Но сдѣлай милость,
брати на него на минуту вниманіе, такъ какъ я желаю выло-
ить передъ тобою дѣло вкратцѣ начистоту. Ты знаешь, что
окойный отецъ нашъ долгое время строилъ въ своемъ ливен-
комъ имѣніи на рѣкѣ Тиму громадную крупчатку, въ которую
садивъ въ то время болѣе ста тысячъ (ассигнаціями) денегъ,
акъ и оставилъ ее, не оснащенную дорогими жерновами. Мы
ъ братомъ Василіемъ сдали ее на 12-ти лѣтнюю аренду, ко-
орой черезъ два года истекаетъ срокъ. Мельница все время
аботала безпрепятственно, какъ вдругъ въ третьемъ году ли-
енскій купецъ Б—въ, купивъ на той же рѣкѣ, семь верстъ
иже, подливной раструсъ, сталъ заводить высокую плотину;
о покуда онъ возводилъ новую, я просилъ формальнаго осви-
ѣтельствованія черезъ губернскаго архитектора, который
амѣрилъ подъемъ воды на старой плотинѣ Б—ва четыре
ршина и два вершка до линіи, обозначаемой зигзагами
нили, образованной прежнимъ уровнемъ. Въ виду формаль-
ой опоры такого измѣренія, я не просилъ тотчасъ же судъ
о формальномъ воспрещеніи дальнѣйшей разорительной для

моей мельницы постройки, а думалъ: „если ты такъ нагло вторгаешься въ мою собственность, то я обожду, когда ты потратишься на свои незаконныя постройки,—и разомъ ихъ поломаю“. Тѣмъ временемъ Б—въ, сломавъ прежнюю плотину и уничтоживъ старые признаки, вытребовалъ въ свою очередь инженера-техника, который далъ ему свидѣтельство, что подъемомъ воды даже на четыре аршина двѣнадцать вершковъ онъ всетаки не подольетъ рабочихъ колесъ моей мельницы; вслѣдствіе чего Б—въ поднялъ воду и затопилъ мою мельницу, при воплѣ моего арендатора. Я подалъ уже два года тому назадъ въ судъ, и дѣло остановилось только на формальной сторонѣ, т.-е. на вопросѣ, какую высоту воды на Б—ской плотинѣ слѣдуетъ считать первоначальною до рѣшенія дѣла по существу. Въ настоящее время дѣло это находится въ московскомъ сенатѣ, и хотя у меня тамъ и повѣренный, стоющій немало денегъ, но толку, братецъ, я никакого не вижу. Теперь, продолжалъ братъ, когда ты знаешь сущность дурацкаго дѣла Тимской мельницы, я хочу предложить тебѣ слѣдующее. Ты бы безконечно одолжилъ меня и развязалъ мнѣ руки, взявъ Тимскую мельницу за должныя мною тебѣ 22 тысячи рублей. Подумай хорошенько и, если ты будешь согласенъ, поѣдемъ завтрашній день въ Орелъ для совершенія купчей, для чего я привезъ съ собою всѣ нужные документы“.

Сообразивъ, что, не взирая на плохое положеніе мельницы, всетаки существуетъ надежда окончить болѣе или менѣе удовлетворительнымъ образомъ процессъ и получить въ руки извѣстную цѣнность, тогда какъ съ другой стороны на выходъ брата изъ финансовыхъ затрудненій нѣтъ ни малѣйшей надежды,—я безусловно согласился на совершеніе купчей. Пріѣхавъ въ Орелъ на братниныхъ лошадяхъ, мы остановились съ нимъ въ одномъ нумерѣ гостинницы, и такъ какъ, помнится, у меня всѣхъ денегъ было 700 рублей, а на совершеніе купчей слѣдовало еще тысячу, я тотчасъ же телеграфировалъ въ контору Боткиныхъ, прося о высылкѣ мнѣ въ Орелъ тысячи рублей, которыхъ я по тогдашней почтѣ никакъ не могъ получить ранѣе трехъ дней.

На другой день я получилъ телеграмму: „деньги высланы“.

Въ теченіи моихъ воспоминаній я не разъ вынужденъ былъ остановливаться на мелочахъ, имѣвшихъ для меня въ данное время глубокое значеніе. Съ другой стороны, я не описывалъ бы своего прошлаго, еслибы не былъ увѣренъ, что всякій читатель, оглядываясь на собственную жизнь, найдетъ въ ней нѣчто подобное. Не случалось ли каждому быть нѣжно обнимаемому и быть-можетъ совершенно искренно близкими людьми? Но стоитъ судьбѣ хотя слегка вамъ улыбнуться, и изъ ласковыхъ устъ слышатся недружелюбные звуки.

Казалось бы, что мы въ Орлѣ только со вчерашняго дня, а поутру за кофеемъ братъ добродушно протянулъ мнѣ письмо со словами: „вотъ прочти. Любинька пишетъ: „а Тимъ-то, кажется, тебѣ улыбается“. Очень радъ, прибавилъ братъ, что онъ улыбается: стало быть ему весело“.

Зная фантастическую измѣнчивость братниныхъ мыслей и слушая его іереміады на скуку пребыванія въ нумерѣ, я ясно понялъ, что купчая должна быть совершена либо завтра, либо никогда.

Въ дверь нумера постучались, и на общій крикъ нашъ: „войдите!“—вошелъ бывшій мой школьный товарищъ, а въ данную минуту старшій городской врачъ баронъ Мейдель.

— Ты вчера, любезный другъ, не засталъ меня дома, и потъ я захотѣлъ повидаться съ тобой на минуту. Зачѣмъ Богъ тебя принесъ?

Я разсказалъ барону все дѣло, прибавивъ, что̀ съ телеграммой въ рукѣ о высланныхъ деньгахъ не могъ у знакомыхъ купцовъ занять тысячи рублей на одинъ день.

— Ну, братъ, замѣтилъ баронъ,—это такой городъ. Денегъ тутъ ни за что не займешь.

— Да какой же тутъ рискъ? воскликнулъ я:—я могу тотчасъ же дать довѣріе моему кредитору на полученіе моихъ московскихъ денегъ на почтѣ.

— Постой, отвѣчалъ баронъ:—не приходи заблаговременно въ отчаяніе: я сейчасъ сбѣгаю къ одному человѣку и объясню ему дѣло; но предупреждаю, что ему все равно, на три ли мѣсяца или на три дня будутъ взяты деньги; но онъ менѣе трехъ процентовъ не возьметъ.

Конечно, я какъ утопающій схватился за эту доску спа-

сенія и, получивъ деньги (это было часовъ въ 11 утра), тотчасъ направился въ гражданскую палату къ знакомому секретарю.

— Нельзя ли сегодня совершить купчую?

— Помилуйте, возможно ли это? Нужны справки, а теперь ужь двѣнадцатый часъ.

— Сдѣлайте одолженіе! приставалъ я.—Я поблагодарю отъ себя столоначальника и разсчитываю на вашу любезность, прибавилъ я, всовывая ему въ руку 25-ти рублевую бумажку.

— Право, какой вы нетерпѣливый, сказалъ улыбаясь секретарь.—Пожалуйте сейчасъ надлежащій гербовый листъ, а черезъ полтора часа приходите съ братомъ для рукоприкладства, и я тотчасъ же подамъ дѣло на утвержденіе присутствія, и въ два часа вы получите купчую.

Къ вечеру я вернулся въ Степановку владѣльцемъ Тимскаго имѣнія. Какихъ денегъ стоило бы въ настоящее время такое быстрое совершеніе дѣла?

XIV.

Моя поѣздка въ Москву. — По дорогѣ заѣзжаю въ Ясную Поляну.— Въ Москвѣ у кн. В. Ѳ. Одоевскаго.—Пріѣздъ В. П. Боткина въ Степановку.—Надя снова заболѣваетъ.—Я увожу Петю изъ Новоселокъ къ намъ.— Польское возстаніе.—Переводъ денегъ Тургеневу.—Письма.

В. П. Боткинъ писалъ изъ Москвы отъ 8 мая 1863 г.:

„Вотъ я и въ Москвѣ! Десять дней прожилъ въ Петербургѣ и теперь надѣюсь скоро отправиться къ вамъ. Но, друзья мои! какое время переживаетъ теперь Россія! Я получилъ уже здѣсь письмо твое и вполнѣ раздѣляю съ тобой чувство, съ которымъ ты берешься за новый нумеръ газеты. Но благодаря нашему легкомыслію или вѣрнѣе безсмыслію, литература наша вовсе не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію нашему. Однѣ *Московскія Вѣдомости* понимаютъ всю важность настоящаго Польскаго возстанія, и Катковъ дѣйствительно выражаетъ народное чувство. Меня омерзѣніе взяло при видѣ, какъ въ Петербургѣ легкомысленно смотрятъ на наше настоящее положеніе; я разумѣю нашу безпутную молодежь. Есть основаніе думать, что Поляки замышляютъ произвести смуты внутри Россіи, особенно въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Говорятъ, что здѣсь они начинаютъ одѣваться въ русское платье, зипунъ и т. п. Между тѣмъ раздраженіе противъ нихъ растетъ. Здѣсь говорятъ о томъ, что слѣдуетъ сформировать городскую стражу изъ городскихъ жителей, что̀ было бы весьма хорошо, но не знаю, состоится ли это. Еслибы я былъ въ силахъ, то вступилъ бы волонтеромъ въ солдаты.

„Видѣлъ Каткова, онъ измученъ работой и душевною тре-

вогой. Третья книжка *Русскаю Вьстника* выйдетъ неизвѣстно когда: такъ все занятіе его сосредоточено на *Московкихъ Вѣдомостяхъ*, на которыхъ теперь сосредоточено вниманіе всей Россіи.

„Съ самаго начала Польскаго возмущенія сердце у меня постоянно ноетъ; вмѣшательство западныхъ державъ (чего слѣдовало непремѣнно ожидать) еще болѣе усилило мою душевную тревогу; я потерялъ не только способность думать о чемъ-либо другомъ, но даже потерялъ способность чувствовать природу; въ жизнь мою я не чувствовалъ болѣе удручительнаго состоянія.

„Я привезъ съ собою своего слугу итальянца, котораго взялъ при началѣ моей болѣзни. Онъ ни слова не говоритъ по-русски. Я не знаю, какъ мнѣ съ нимъ ѣхать къ вамъ? Онъ человѣкъ очень смирный и деликатный и не можетъ жить, какъ живутъ наши дворовые люди, т.-е. на щахъ и на кашѣ. Развѣ оставить его въ Москвѣ, а съ собою взять Степана? Дай мнѣ совѣтъ. Не дождусь, когда я вступлю въ нѣдра Степановки. Твое изданіе недѣли черезъ двѣ будетъ окончено,— я видѣлъ у Кетчера послѣдніе три листа корректуръ. Стихи, которыхъ корректуру держалъ Кетчеръ,—глухой, слѣпой и мертворожденный для поэзіи и для всѣхъ искусствъ!!!—Ильинъ сдѣлалъ мнѣ отличную коляску, очень удобную для дороги. Жму вамъ крѣпко руки. Здѣсь нестерпимые жары.

Вашъ навсегда *В. Боткинъ*.

Вѣроятно, въ хлопотахъ я разъѣхался съ графомъ Львомъ Ник. Толстымъ въ Новоселкахъ, и вотъ что онъ пишетъ мнѣ отъ 15 мая 1863 года:

„Чуть-чуть мы съ вами не увидались, и такъ мнѣ грустно, что чуть-чуть; столько хотѣлось бы съ вами переговорить. Нѣтъ дня, чтобы мы объ васъ нѣсколько разъ не вспомнили. Жена моя совсѣмъ не играетъ въ куклы. Вы не обижайте. Она мнѣ серьезный помощникъ. Да еще съ тяжестью, отъ которой надѣется освободиться вначалѣ іюля. Что же будетъ послѣ? Мы *юхванствуемъ* понемножку. Я сдѣлалъ важное открытіе, которое спѣшу вамъ сообщить. Прикащики и управляющіе и старосты есть только помѣха въ хозяйствѣ.

Попробуйте прогнать все начальство и спать до десяти часовъ, и все пойдетъ навѣрное *не хуже*. Я сдѣлалъ этотъ опытъ и остался имъ вполнѣ доволенъ. Какъ бы, какъ бы намъ съ вами свидѣться? Ежели вы поѣдете въ Москву и не заѣдете къ намъ съ Марьей Петровной, то это будетъ дюже обидно. Эту фразу подсказала мнѣ жена, читавшая письмо. Некогда; хотѣлъ много писать. Обнимаю васъ отъ всей души, жена очень кланяется, и я очень кланяюсь вашей женѣ.

„Дѣло: когда будете въ Орлѣ, купите мнѣ пудовъ 20 разныхъ веревокъ, возжей, тяжей и пришлите мнѣ съ извощиками, ежели съ провозомъ обойдется дешевле двухъ рублей тридцати копѣекъ за пудъ. Деньги немедленно вышлю.

Вашъ *Л. Толстой*,

Конечно, веди я прежнюю городскую жизнь, другими словами, не купи я Степановки, я не могъ бы ни въ какомъ случаѣ рѣшиться и на покупку Тима въ девяностоверстомъ отъ Степановки разстояніи. Но взявшись за это запутанное дѣло, я не могъ, подобно брату, ограничиваться разражительными проклятіями и безполезною высылкой денегъ осковскому повѣренному. Нужно было познакомиться съ ѣломъ покороче; и потому, заручившись письмомъ брата ъ повѣренному, съ просьбой передать всѣ накопившіяся ѣла мнѣ, я вынужденъ былъ отправиться въ Москву.

Не смотря на самое серьезное и нетерпѣливое расположеніе уха, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи заѣхать въ Ясную Поляну. Едва только я повернулъ между башнями по ерезовой аллеѣ, какъ наѣхалъ на Льва Николаевича, распоряжающагося вытягиваніемъ невода во всю ширину пруда , очевидно, принимающаго всевозможныя мѣры, чтобы караси е ускользнули, прячась въ илъ и пробѣгая мимо крыльевъ евода, не взирая на яростное щелканье веревками и даже глоблями.

— Ахъ, какъ я радъ! воскликнулъ онъ, очевидно, дѣля вое вниманіе между мною и карасями. — Мы вотъ сію минуту! Иванъ! Иванъ! круче заходи лѣвымъ крыломъ! Соня! ы видѣла Аѳанасія Аѳанасьевича?

Но замѣчаніе это явно опоздало, такъ какъ вся въ бѣломъ

графиня давно уже подбѣжала ко мнѣ по аллеѣ и тѣмъ же бѣгомъ съ огромною связкой тяжелыхъ амбарныхъ ключей на поясѣ, не взирая на крайне интересное положеніе, бросилась тоже къ пруду, перескакивая черезъ слеги невысокой загороди.

— Что вы дѣлаете, графиня! воскликнулъ я въ ужасѣ:— какъ же вы неосторожны!

— Ничего, отвѣчала она, весело улыбаясь.— я привыкла.

— Соня, вели Нестеркѣ принести мѣшокъ изъ амбара, и пойдемте домой.

Графиня тотчасъ же отцѣпила съ пояса огромный ключъ и передала его мальчику, который бросился бѣгомъ исполнять порученіе.

— Вотъ, сказалъ графъ,— вы видите полное примѣненіе нашей методы: держать ключи при себѣ, а исполнять всѣ хозяйственныя операціи при посредствѣ маличишекъ.

За оживленнымъ обѣдомъ появились пойманные на нашихъ глазахъ караси. Казалось, всѣмъ было одинаково легко и радостно на душѣ, и я въ возможной краткости спѣшилъ передать графу обстоятельство съ Тимомъ и причину моей поѣздки въ Москву.

Вечеръ этотъ можно бы было по справедливости назвать исполненнымъ надеждъ. Стоило посмотрѣть, съ какою гордостью и свѣтлою надеждой глаза добрѣйшей тетушки Татьяны Александровны озирали дорогихъ племянниковъ и, обращаясь ко мнѣ, явно говорили: „вы видите, у mon cher Léon, конечно, не можетъ быть иначе“.

Что касается до молодой графини, то, конечно, жизнь прыгающей въ ея положеніи черезъ слеги, не можетъ не быть озарена самыми радостными надеждами. Самъ графъ, проведшій всю жизнь въ усиленныхъ поискахъ новизны, въ этотъ періодъ видимо вступалъ въ невѣдомый дотолѣ міръ, въ могучую будущность котораго вѣрилъ со всѣмъ увлеченіемъ молодаго художника. Самъ я въ этотъ вечеръ, увлекаемый общимъ тономъ беззавѣтнаго счастья, не чувствовалъ нагнетающаго меня Сизифова камня.

Пріѣхавъ въ Москву, я, конечно, прежде всего свидѣлся съ Василіемъ Петровичемъ, а затѣмъ обратился къ повѣрен-

ному брата, который съ видимымъ неудовольствіемъ сдалъ мнѣ все накопившееся Тимское дѣло. Изъ немногихъ отвѣтовъ о судьбѣ тяжбы, я тотчасъ же понялъ, что вся задача почтеннаго надворнаго совѣтника состояла въ періодическомъ истребованіи денегъ для мнимаго веденія дѣлъ. Въ этомъ предположеніи меня окончательно убѣдили пять нераспечатанныхъ братниныхъ писемъ за послѣдній годъ, найденныхъ мною вложенными въ послѣднія копіи.

Надо было обратиться къ самому мѣсту, гдѣ велось дѣло, т.-е. въ сенатъ, гдѣ у меня, къ счастію, нашлось нѣсколько знакомыхъ сенаторовъ и, главное, князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій.

— Если хотите толкомъ поговорить о вашемъ дѣлѣ, сказалъ князь, — то пріѣзжайте къ шести часамъ къ намъ на Остоженку послѣ завтра обѣдать. Княгиня будетъ вамъ рада, и мы вечеромъ потолкуемъ на свободѣ.

Когда въ назначенное воскресенье слуга доложилъ, что кушать готово, и мы съ княземъ вышли въ столовую, княгиня, только - что вернувшаяся съ какого - то визита, съ яркимъ алымъ бантомъ на головѣ, ласково встрѣтивъ меня, подошла къ своему мѣсту.

— Этотъ бантъ твой нехорошъ, сказалъ князь, приподымая указательный палецъ.

— Не знаю, чѣмъ нехорошъ, отвѣчала княгиня.

— Да ужь я тебѣ говорю, что нехорошъ, повторилъ князь.— Но теперь не время объ этомъ толковать, а давай намъ супу, да немного. Сегодня жарко, и я знаю, что будетъ ботвинья съ самою свѣжею рыбой. Да кстати, ты знаешь ли кто у тебя сегодня гостемъ?

— Право, отвѣтила княгиня, — ты сегодня все какими то загадками говоришь. Мы за обѣдомъ втроемъ, а Аѳанасія Аѳанасьевича я знаю не хуже тебя.

— Такъ; но ты думаешь, что у тебя обѣдаетъ поэтъ, а выходитъ, что это проситель.

Послѣ обѣда душистый кофе подали намъ въ кабинетѣ князя. Князь былъ любитель и мастеръ хорошо покушать и, какъ говорили, былъ самъ тонкій поваръ. Помню, съ какимъ юморомъ онъ разсказывалъ мнѣ о нѣкоторыхъ реформахъ, произ-

веденныхъ имъ въ качествѣ почетнаго опекуна въ Екатерининскомъ институтѣ. „Спрашиваю у начальницы, какъ идутъ у дѣвицъ рукодѣлья?“ — Меня приводятъ въ залу, установленную пяльцами. Я говорю: „прикажите пожалуйста убрать всѣ эти пяльцы: желающія вышивать могутъ исполнять это на рукахъ; а главное пріучайте ихъ къ шитью бѣлья. Умѣютъ ли, напримѣръ, онѣ кроить и шить женскія и мужскія сорочки?“ При послѣднемъ словѣ я вижу явное недоумѣніе на лицѣ начальницы. Но не обращая на это вниманія, я спрашиваю: „умѣютъ ли онѣ кроить и шить мужскіе кальсоны?“—„Ахъ!“ вырвалось изъ груди начальницы.—„Да, да, кальсоны, продолжаю я; мы должны понимать, кого мы готовимъ. Я не говорю о томъ, что каждая дѣвушка мечтаетъ о будущемъ мужѣ; но у большинства уже въ настоящую пору есть небогатый отецъ, дядя, братъ, которые нуждаются въ опытной рукѣ молодой хозяйки. А умѣютъ ли онѣ готовить кушанье?“ спрашиваю я и вижу, что вопросъ мой озадачиваетъ начальницу не менѣе прежняго.

— Позвольте, ваше превосходительство, моимъ дамамъ показать институткамъ примѣръ. Послѣ завтра онѣ пріѣдутъ готовить въ вашей кухнѣ, пригласивъ на помощь нѣсколькихъ институтокъ.

„Передавъ все это княгинѣ, я попросилъ ее, взявъ съ собою двухъ племянницъ: княжну О... и графиню К..., заѣхать въ Охотный Рядъ и, запасшись всѣмъ нужнымъ, отправиться въ институтъ. Тамъ мои барыни засучили рукава, надѣли фартуки и стали чистить овощи и приготовлять мясо, къ общей радости участвовавшихъ въ стряпнѣ институтокъ“.

Полный энергіи и разнообразнѣйшихъ жизненныхъ интересовъ, князь въ этотъ вечеръ былъ особенно любезенъ и разговорчивъ. Будучи прирожденнымъ и ученымъ музыкантомъ, онъ никогда не разставался съ небольшимъ церковнымъ органомъ, на которомъ игралъ въ совершенствѣ. „Я могу, говорилъ онъ, припомнить своихъ первыхъ учителей грамотѣ; но кто обучилъ меня нотамъ—положительно не знаю. Съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, я уже читалъ ноты; а съ тѣхъ поръ, что я познакомился съ вашими стихами, я не могу простить вамъ прекраснаго стихотворенія на лодкѣ со

стихомъ: „И далеко раздаются звуки Нормы по рѣкѣ“. Вѣдь угораздило же васъ говорить съ восторгомъ о такой музыкѣ, какъ Норма“.

Какъ бы въ насущное опроверженіе моего несчастнаго стиха, князь сѣлъ за органъ и съ полчаса предавался самымъ пышнымъ и изысканнымъ фугамъ. Мало-по-малу онъ перешелъ къ русскимъ, національнымъ напѣвамъ. „Вы не знаете, спросилъ онъ меня, пѣсни, приписываемой царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ? Я тщательно записалъ слова и голосъ этой пѣсни и издалъ ихъ. Я надпишу эти ноты и подарю вамъ ихъ на память“, сказалъ князь, исполняя то и другое.

При многократной перевозкѣ моей движимости, дорогой подарокъ покойнаго князя у меня едва ли не пропалъ. Но я увѣренъ, что ноты эти существуютъ въ музыкальныхъ магазинахъ, и память моя удержала слова пѣсни:

«Возлѣ рѣченьки хожу млада,
«Меня рѣченька стопить хочетъ;
«Возлѣ огничка хожу млада,
«Меня огничекъ спалить хочетъ.

—

«Возлѣ милаго сижу дружка,
«Меня милый другъ коритъ, бранитъ,
«Онъ коритъ, бранитъ,
«Въ монастырь идти велитъ».

Отпуская вечеромъ меня, князь приглашалъ заѣхать обѣдать въ слѣдующее воскресенье, обѣщавъ къ тому времени основательно познакомиться съ моимъ дѣломъ. Пришлось такимъ образомъ пробыть въ Москвѣ болѣе того, чѣмъ предполагалъ.

Зашли мы съ Боткинымъ какъ-то къ Каткову, и, конечно, разговоръ закипѣлъ по поводу Польскаго возстанія и вообще того разлагающаго элемента, который наши враги такъ обильно вливали въ нашу жизнь, чему блистательнымъ образцикомъ могъ служить произведшій такое впечатлѣніе романъ Чернышевскаго: *Что дѣлать*. Мы съ Катковымъ не могли придти въ себя отъ недоумѣнія и не знали только, чему удивляться болѣе: цинической ли нелѣпости всего романа, или явному сообщничеству существующей цензуры съ про-

повѣдью двоеженства, фальшивыхъ паспортовъ, преднамѣренной проповѣди атеизма и анархіи со стороны духовнаго законоучителя, которому такая пропаганда въ казенныхъ заведеніяхъ тѣмъ сподручнѣе, что онъ профессоръ и щитъ. Катковъ просилъ меня написать рецензію на *Что дѣлать;* а Боткинъ, собиравшійся въ Степановку, обѣщалъ свое сотрудничество въ этомъ дѣлѣ.

При новомъ свиданіи князь Вл. Ѳ. Одоевскій, указывая пальцемъ на свой животъ, сказалъ: „дѣло ваше я проглотилъ, и оно теперь у меня вотъ гдѣ. Но вообразите, что, не взирая на явную правоту вашего дѣла, за исключеніемъ меня и сенатора Ахлестышева, весь сенатъ противъ васъ; но мы настаиваемъ на перенесеніе дѣла въ общее собраніе сената, о чемъ я своевременно дамъ вамъ знать въ деревню“.

По пріѣздѣ въ Степановку, жена моя получила письмо отъ Василія Петровича:

Москва 2 іюня 1863 года.

„Посылаю обратно письмо твое къ Аѳанасію Аѳанасьевичу, приписывая нѣсколько словъ. Погода опять холодна, хотя не такъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ. Я уже начинаю думать объ отъѣздѣ, да на этой недѣлѣ не удастся, потому что въ Англійскомъ клубѣ составляется обѣдъ по подпискѣ въ честь Каткова, поистинѣ перваго патріотическаго журналиста, какихъ еще въ Россіи не бывало. Имя Каткова уже вошло въ исторію нашего государственнаго развитія. — Хорошо ли доѣхалъ Фетъ? Я послѣ моего лихорадочнаго пароксизма еще не могу совсѣмъ поправиться.

В. Боткинъ.

Въ іюнѣ наконецъ пріѣхалъ Василій Петровичъ въ новой щегольской коляскѣ, заказанной, по совѣту моему, съ троечнымъ ходомъ, входящимъ въ колеи. Отъ только-что оконченной нами пристройки онъ пришелъ въ совершенный восторгъ, хваля архитекторскія мои способности, которымъ и впредь предстояло проявиться въ оправданіе пословицы: „нужда научитъ калачи ѣсть“. На этотъ разъ Боткинъ при-

KEESE LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

зъ съ собою слугу итальянца Борини, помѣстившагося за
ѣной комнаты Василія Петровича. Онъ настолько пони-
лъ по-французски, что можно было съ нимъ объясняться;
) какъ онъ, не зная русскаго языка, объяснялся съ при-
угой.—не знаю.

Не смотря на совершенную утрату зрѣнія лѣвымъ глазомъ,
откинъ ни одного дня не проводилъ безъ серьезнаго чтенія,
реимущественно по англійски. „Исторія Индіи составляетъ
ой пробѣлъ, говорилъ онъ, указывая на томы мелкой пе-
ати, и мнѣ необходимо его восполнить".

„Боже, думалось мнѣ, человѣкъ въ сущности на краю мо-
лы, съ однимъ усталымъ глазомъ, черезъ очки старается
осполнять пробѣлы. Удивительно!"

Во исполненіе просьбы Каткова, я тотчасъ принялся за
зборъ романа: *Что дѣлать*. А Боткинъ, между прочимъ,
люстрировалъ мой разборъ коммунистическими эпизодами
рижской жизни, коихъ былъ въ 1848 году свидѣтелемъ.

Въ Степановкѣ Боткинъ поневолѣ знакомился за обѣдомъ
посѣщавшими насъ случайно сосѣдями, и, хотя объ
омъ никогда не говорилъ, но судя по любезнымъ его къ
мъ отношеніямъ, можно было заключить, что очень хо-
шо понималъ значительность доли выпавшей при тогда-
нихъ обстоятельствахъ на долю этихъ скромныхъ людей.
ученые доктринеры и ораторы вынесли на своихъ плечахъ
узу коренной реформы, не вызвавъ ни малѣйшей смуты.
миленіе Василія Петровича, котораго мнѣ пришлось быть
идѣтелемъ, было вполнѣ чистосердечно.

Однажды засидѣвшіеся у насъ М—овы (посредникъ, о ко-
ромъ я уже говорилъ) собрались уѣхать темною ночью,
къ что мы вышли провожать ихъ на крыльцо со свѣчами,
между прочимъ Василій Петровичъ, протягивая руку, ста-
лся освѣтить ихъ болѣе чѣмъ старомодную коляску съ фор-
комъ. Когда гости тронулись въ путь, Василій Петровичъ,
ейно прохихикавъ, обратился къ намъ со словами: „пре-
асно, прекрасно! и колымажка есть!"

Выше мы видѣли, что самыя настойчивыя намѣренія мои
исчетъ покупки земли не имѣли никакого успѣха, тогда
акъ случайнаго пріѣзда къ Александру Никитичу было до-

статочно, чтобы сдѣлать меня осѣдлымъ въ Степановкѣ. При этомъ нельзя не сказать, что, не взирая на долги и значительную нужду, Александръ Никитичъ былъ великолѣпный хозяинъ и съ хорошимъ поваромъ умѣлъ подать и угостить, какъ рѣдкіе изъ богачей это умѣютъ. Поэтому не удивительно, что 30 августа мы заставали за столомъ всѣхъ мценскихъ тузовъ. Такимъ образомъ все это вліятельное въ краѣ общество привыкло бывать у насъ 22 іюля, когда, въ свою очередь, нашъ Михайла, при помощи Ш—нскаго Илларіона, старался также отличиться.

На этотъ разъ обѣдъ былъ у насъ сервированъ въ верхней залѣ въ два свѣта, о которой мы говорили, и Василій Петровичъ остался совершенно доволенъ обѣдомъ, хотя съ самаго начала забунтовалъ, видя, что я не сажусь, и въ свою очередь хотѣлъ встать изъ-за стола..

Не взирая на значительную роль, которую нашимъ обѣдамъ пришлось разыграть въ моей провинціальной жизни, я не стану описывать ихъ въ подробности, а скажу только, что во все продолженіе 17-ти лѣтъ, проведенныхъ нами въ Степановкѣ, обѣды 22 іюля ежегодно возвращались. И что̀ довольно курьезно, при количествѣ гостей отъ 25 до 30 человѣкъ,— выпитыхъ бутылокъ Редерера оказывалось большею частію 22 бутылки. Конечно, при слабомъ участіи дамъ, надо было приписать успѣшное осушеніе стакановъ моему собственному примѣру и примѣру Тургенева, когда онъ у насъ обѣдалъ.

Тургеневъ писалъ изъ Баденъ-Бадена 8 іюля 1863 г.:

„Отвѣчаю вамъ соборнѣ, Аѳанасій Фетъ, Василій Боткинъ, Иванъ Борисовъ, любезнѣйшіе и добрѣйшіе друзья мои, и надѣюсь, что вы не разсердитесь на меня, когда узнаете, что я пишу это письмо не на шутку больной. Моя старинная болѣзнь разрѣшилась острымъ воспаленіемъ, и я осужденъ на неподвижность, піявки, опіумъ и прочія гадости. Главное, на расположеніе душевное дѣйствуетъ это скверно, и право какъ-то плохо лѣзешь въ сферу идеала. Надо терпѣть, долго и много терпѣть, и уже не думать ни объ охотѣ, ни о шампанскомъ. Но довольно о собственныхъ недугахъ.

„Твое письмо, любезный Василій Петровичъ, дышетъ патріотизмомъ; видно, что ты въ Москвѣ плавалъ въ его вол-

нахъ. Я это вполнѣ понимаю и завидую тебѣ, но все-таки я не могу, подобно тебѣ, не пожалѣть о запрещеніи *Времени*— журнала во всякомъ случаѣ *умѣреннаго*. Да и мнѣ, какъ старому щелкоперу, всегда жутко, когда запрещаютъ журналъ. Сверхъ того, это запрещеніе косвенно пало и на меня; я кончилъ и переписалъ штуку, названную мною *Фантазіей*, листа въ три печатныхъ; хотѣлъ уже отсылать, теперь куда ее дѣть? Съ другой стороны хорошо то, что я успѣю прочесть ее тебѣ передъ напечатаніемъ, потому что я убѣжденъ, что ты пріѣдешь сюда *вмѣстѣ съ Фетомъ* въ сентябрѣ или октябрѣ.

„Любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, спасибо за милое письмо ваше. Переводъ нѣмецкій вашего: „Снова птицы летятъ издалека“—очень хорошъ, хотя не передаетъ прелестно музыкальнаго переплета послѣднихъ четырехъ стиховъ. На дняхъ приступаемъ къ публикаціи въ Карлсруэ альбома г-жи Віардо съ шестью вашими и съ шестью Пушкинскими стихотвореніями. Дай вамъ Богъ здоровья, аппетита и удачи на охотѣ въ Степановкѣ и пріѣзжайте съ Боткинымъ на осень и зиму сюда. Войны вѣдь не будетъ. Прочелъ я вашу статью въ мартовской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. Очень мило, а надъ исторіей *веревокъ* въ Орлѣ я хохоталъ. Но тутъ же находится pendant къ необъятно-непостижимому стихотворенію: *И рухнула съ разбѣга колесница,*—а именно 344 страница съ ея латинскими словами и *рикошетами*. Я пробовалъ читать ее лежа, стоя, кверху ногами, на полномъ бѣгу, съ припрыжкой... ничего, ничего, ничего не понялъ! Тамъ есть фраза: *„онъ на все смотритъ при помощи источниковъ изобрѣтенія“?!!!!!?!?!* Небеса разверзаются, адъ трепещетъ, и тьма кромѣшная. А статья всетаки очень хороша. Прекрасно также начало романа Писемскаго. Живо, сильно, бойко. Что-то будетъ дальше?—О Владыко живота моего! какъ вы, должно-быть, теперь объѣдаетесь земляникой и малиной! ноздри какъ раздуваются!!!

„Теперь очередь за вами, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ! Примите мое сердечное спасибо за вашу память обо мнѣ. Къ сожалѣнію, я васъ не увижу въ нынѣшнемъ году и не буду свидѣтелемъ всѣхъ улучшеній вашего дома и сада; но

надѣюсь, что вы попрежнему будете сообщать мнѣ свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ вашемъ, и о томъ, что̀ дѣлается вокругъ васъ. Отъ вашихъ писемъ всегда такъ и вѣетъ мнѣ нашимъ роднымъ Орломъ и Мценскомъ, а это мнѣ здѣсь, на чужбинѣ, какъ манна. Кланяюсь вашей женѣ, цѣлую вашего Петю и обнимаю всѣхъ васъ троихъ.

Ив. Тургеневъ.

Тѣмъ временемъ судьба готовила мнѣ новое, тяжелое потрясеніе. Борисовъ прислалъ нарочнаго съ извѣстіемъ о внезапномъ заболѣваніи обожаемой имъ жены и просилъ пріѣхать для оказанія братской помощи. Въ Новоселкахъ, куда я тотчасъ же прискакалъ, Иванъ Петровичъ убѣдилъ меня въ необходимости увезти Надю въ Москву къ доктору, такъ какъ присутствіе ея могло быть небезопасно и въ физическомъ, и въ психическомъ смыслѣ для любимаго имъ до фанатизма пятилѣтняго Пети.

Я давно отъ опытныхъ психіатровъ слыхалъ, что чувства душевно больныхъ совершенно извращаются, и болѣзненная ихъ ненависть только свидѣтельствуетъ о горячей привязанности въ нормальномъ положеніи. Неизмѣримая разница впечатлѣнія, производимаго перломъ драматическаго созданія, вродѣ Офеліи и Гретхенъ, и неумолимою дѣйствительностью во образѣ дорогаго намъ существа. Помню, послѣ обычнаго свиданія, мы втроемъ усѣлись въ кабинетѣ Ивана Петровича, и нельзя было достаточно налюбоваться на Надю: отросшіе со времени послѣдней болѣзни темнорусые волосы пышными волнами падали ей на плечи, яркій румянецъ озарялъ ея щеки, и темные глаза горѣли фосфорическимъ блескомъ. Сквозь обычное выраженіе интеллигенціи прорывалось какое-то безумное буйство Медеи. Боже, что̀ она говорила! Казалось, весь умъ ея сосредоточивался на желаніи сказать мужу самое обидное, самое невыносимое для любящаго. Еслибы я желалъ, то не въ состояніи бы былъ воспроизвести потока самыхъ язвительныхъ словъ, которыми она старалась описать свое нестерпимое, инстинктивное отвращеніе къ мужу. „Боже! восклицала она: чего стоятъ эти приникающіе къ губамъ щетинистые противные усы, приводящіе въ содроганіе!“

Мы оба съ Борисовымъ сидѣли, какъ приговоренные къ смерти. Между тѣмъ Борисовъ успѣлъ попросить меня незамѣтно украсть Петю изъ дома матери, которую, быть-можетъ, придется удалять изъ него силой. Поэтому я приказалъ кучеру тихонько выѣхать на дорогу, а гувернанткѣ француженкѣ, выславъ впередъ самое необходимое бѣлье,—вывести мальчика въ рощу на гулянье и ждать меня около коляски. Черезъ часъ со стѣсненнымъ сердцемъ я уже увозилъ бѣднаго мальчика вмѣстѣ съ француженкой въ Степановку.

Наконецъ В. П. Боткинъ уѣхалъ въ Москву, откуда писалъ:

8 августа 1863 года.

„Въ Москву пріѣхалъ благополучно и на другой же день былъ у Каткова. Онъ получилъ критику *Что дѣлать*, но еще не читалъ ея и отдаетъ печатать, а ко мнѣ хотѣлъ прислать корректуру. Она будетъ безъ всякой подписи, какъ ты желалъ. Всѣхъ нашелъ здоровыми; вчера былъ въ Кунцевѣ, видѣлъ всѣхъ и долженъ былъ въ подробности разсказывать имъ о своемъ пребываніи въ Степановкѣ. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя письма о Тимѣ. Былъ у Маслова [1]), но не засталъ его; по случаю скораго пріѣзда сюда Государя, онъ въ разъѣздахъ; да притомъ теперь въ удѣльныхъ имѣніяхъ вводится *Положеніе*, которое до сихъ поръ не было еще введено. Обнимаю васъ крѣпко.

Вашъ *В. Боткинъ*.

Убѣдившись при поѣздкѣ на Тимъ, что старая отцовская изба для барскаго пріема пришла, наравнѣ съ надворными строеніями, въ совершенное разрушеніе, я выбралъ тамъ необширную полянку среди небольшаго, но крайне живописнаго дубоваго лѣса на лѣвомъ обрывистомъ берегу рѣки Тима, гдѣ отыскался и сильный ключъ чистѣйшей воды. Предвидя необходимость пріѣздовъ, я распорядился сломать прежнюю усадьбу и кирпичъ изъ разломанной риги употребить на фундаменты предназначенныхъ мною построекъ, а

[1]) Главноуправляющій Московскою Удѣльною Конторой, у котораго Тургеневъ постоянно останавливался, пріѣзжая въ Москву.

старый лѣсъ на эти постройки. Отыскался отцовскій портной Антонъ, взявшійся за малую плату быть моимъ прикащикомъ и архитекторомъ. А такъ какъ въ Степановкѣ мы успѣли перемѣнить крашеныя еловыя двери и рамы на дубовыя съ болѣе солидными приборами, то вся эта старая подѣлка была отправлена въ новую тимскую постройку. Постройка, какъ мы потомъ всѣ убѣдились, вышла превосходная.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, я, уѣзжая въ Спасское, чтобы охотиться съ Тургеневскими егерями, оставлялъ тамъ жену на время охоты.

В. П. Боткинъ писалъ изъ Москвы отъ 21 августа 1863 г:

„Милые друзья! съ радостью узналъ я, что ты наконецъ привелъ въ порядокъ Тимъ; теперь остается ожидать исхода процесса. Сначала Катковъ горячо благодарилъ за статью о Чернышевскомъ, но потомъ какъ-то охладѣлъ, а Леонтьевъ хныкаетъ о томъ, что она очень велика. Я ужь болѣе недѣли не видался съ ними. Вчера заѣзжалъ, но Каткова не было дома, а Леонтьевъ спалъ. На дняхъ постараюсь увидать ихъ и объясниться. Если у васъ стоитъ такая же райская погода, какъ здѣсь, то всѣ зерна должны просохнуть отлично. Какъ я тоскую по Степановскомъ воздухѣ и ея водѣ! и ея божественной тишинѣ! и нашей жизни тамъ!—для меня тамъ живетъ счастье... Долго ли ты прожила въ Спасскомъ, Маша? Ни за что не промѣнялъ бы я Степановки на Спасское, ни за что! Я не знаю, какъ вамъ со мной, но я бы не желалъ лучшихъ сожителей. Вотъ уже второй разъ, какъ посѣщаю Степановку и чувствую, что сердце все глубже и глубже пускаетъ туда корни свои. На дняхъ занялся разборкой гравюръ и отложилъ до тридцати. Но боюсь, не много ли? Между ними есть немного фотографій. Подожду до твоего пріѣзда, мы тогда и рѣшимъ окончательно. У насъ всѣ здоровы и все обстоитъ благополучно. Богъ знаетъ, поѣду ли я заграницу на зиму, и въ то же время наша зима страшитъ меня. Крѣпко обнимаю васъ.

Вашъ *В. Боткинъ*.

Вернувшійся Борисовъ сообщилъ намъ, что по настоятельному совѣту московскихъ врачей вынужденъ былъ отвезти

жену въ Петербургъ, гдѣ и помѣстилъ ее въ больницѣ *Всѣхъ Скорбящихъ* подъ непосредственнымъ надзоромъ старшаго доктора, бывшаго когда-то въ Орлѣ врачемъ покойной нашей матери Петю до времени Борисовъ оставилъ у насъ съ француженкой, во избѣжаніе въ домѣ женскаго элемента.

Люди, дѣятельность которыхъ преимущественно обращена на духовную сторону (литераторы), способны ежеминутно предаваться новымъ соображеніямъ и всенародно подбивать въ ихъ пользу другихъ. Но судьба такихъ подбиваній чрезвычайно различна.

Бывшій мой сослуживецъ Н. Ѳ. Щ—ій разсказывалъ мнѣ, что въ качествѣ иркутскаго губернатора получилъ оффиціальное предложеніе открыть подписку на изданіе книгъ на малороссійскомъ языкѣ. „Господи, продолжалъ разскащикъ: что же это за выдумки? я самъ малороссъ, а по-хохлацки не читаю. А потому и сунулъ циркуляръ подъ красное сукно, подъ которымъ онъ покоится и по сей день“.

Но иное печатное слово падаетъ какъ искра на горючій матеріалъ, и матеріалъ этотъ, бывшій до того безразлично холоднымъ, мгновенно и неудержимо вспыхиваетъ.

Люди среднихъ лѣтъ помнятъ, безъ сомнѣнія, всеобщее уныніе, овладѣвшее всею Россіей при вѣсти о Польскомъ возстаніи при явной поддержкѣ Наполеона III.

Вызванный ко дню несостоявшагося доклада о Тимѣ, я на два дня остановился въ пустомъ поновлявшемся домѣ Боткиныхъ на Маросейкѣ. Собравшись утромъ по дѣламъ, я увидалъ въ зеркалѣ за собою 80-ти-лѣтнюю бывшую ключницу Пелагею, извѣстную въ семействѣ подъ именемъ Попочки. Распросивъ о моемъ и отсутствующей жены моей здоровьѣ, Попочка вдругъ воскликнула: „охъ, батюшка, что жь это съ нами, горькими, будетъ? Въ народѣ-то говорятъ: Полякъ на Москву идетъ“.

Напрасно старался я успокоить Попочку, говоря, что Полякъ не придетъ; но она видимо не убѣждалась и повторяла: „да вотъ такъ-то и въ двѣнадцатомъ году все толковали: Французъ не придетъ, не пустятъ его въ Москву.—А онъ и пришелъ“.

Таково въ сущности было общее у насъ настроеніе. Никто

не зналъ, что дѣлать съ Поляками. И вдругъ Катковъ всенародно сказалъ: „бить“. И это слово электрическою искрой влетѣло въ народъ.

Въ тщательно разводимомъ нами саду, женатый и далеко не молодой садовникъ Александръ безъ всякаго вступленія обратился ко мнѣ со словами: „стало-быть мы всѣ пойдемъ бить Поляка“. А что это была не пустая фраза, явно изъ того, что, не взирая на тогдашнее далеко не дружелюбное отношеніе къ военной службѣ, крестьяне толпами приходили въ городъ Мценскъ, прося вести ихъ бить Поляковъ.

Тургеневъ писалъ изъ Баденъ-Бадена отъ 1 октября 1863 г.: „Письмо изъ Степановки отъ 1 мая! Письмо оттуда же отъ 3 іюня! Еще письмо оттуда же отъ 18 іюля! Наконецъ, еще письмо отъ 18 августа!! И все письма большія, милыя, умныя, забавныя, интересныя, а я, неблагородный и неблагодарный уродъ!—не отвѣчалъ ни на одно. Послѣ этого никакого нѣтъ сомнѣнія, любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, что вы имѣете право обругать меня самыми крѣпкими словами россійскаго діалекта, а я обязанъ только кланяться и благодарить за науку. Что дѣлать, батюшка! Облѣнился я, ожирѣлъ и отупѣлъ, совѣсть плохо прохватывать стала. Кромѣ того я наслаждаюсь слѣдующими благами жизни:

„1. Здоровъ—(вотъ уже третій мѣсяцъ).

„2. Хожу на охоту (бью фазановъ).

„3. Не занимаюсь литературой (да и по правдѣ сказать нигдѣмъ).

„4. Не читаю ничего русскаго.

„Какъ же мнѣ послѣ этого не погрязнуть въ безвыходномъ эпикуреизмѣ? Объ васъ ходятъ, напротивъ, совершенно противуположные слухи: говорятъ, что вы, „потрясая Орловской губерніей Тамбовскую, сжимаете руки“—заводите мельницу на 8.000,000,000,000 поставахъ, которая будетъ молоть не вздоръ, какъ Чернышевскій, а тончайшую крупичатую муку. Желаю вамъ всевозможныхъ успѣховъ и прошу объ одномъ—не забывать совершенно охоты, ибо и тамъ дичь,—тоже не вродѣ дичи Чернышевскаго.

„А знаете ли вы, что мы съ вами, весьма вѣроятно,—скоро увидимся? По крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, если вы

пріѣдете на зиму въ Москву, ибо я въ концѣ ноября совершаю путешествіе въ отечество,—и пребуду въ ономъ около шести недѣль. Не относитесь скептически къ этому извѣстію—оно вѣрно.

„Считаю долгомъ увѣдомить васъ, что я, не смотря на свое бездѣйствіе, угобзился однако сочинить и отправить къ Анненкову вещь, которая, вѣроятно, вамъ понравится, *ибо не имѣетъ никакого человѣческаго смысла,* даже эпиграфъ взятъ у васъ. Вы увидите, если не въ печати, то въ рукописи, это замѣчательное произведеніе очепушившейся фантазіи. Я къ вамъ пишу черезъ Боткина, ибо, можетъ быть, вы теперь въ Москвѣ. Во всякомъ случаѣ, гдѣ бы вы ни были, примите мои искреннѣйшія пожеланія вамъ всего хорошаго. Кланяюсь усердно вашей женѣ и дружески жму вамъ руку.

Ив. Тургеневъ.

P. S. „Я здѣсь остаюсь еще на мѣсяцъ, тамъ на десять дней въ Парижъ, а тамъ въ Рассею".

Боткинъ увѣдомилъ меня, что Тимское дѣло назначено къ слушанію на 15-е октября.

Передъ моимъ отъѣздомъ въ Москву, Ив. П. Борисовъ взялъ отъ насъ Петю къ себѣ въ Новоселки и, отпустивши француженку, взялъ къ нему нѣмца Ѳедора Ѳедоровича.

Проѣздомъ въ Москву я, конечно, не преминулъ заѣхать въ Спасское къ добрѣйшему Николаю Николаевичу Тургеневу.

— А у меня къ вамъ большая просьба, сказалъ при прощаньи старикъ.—Иванъ пишетъ, чтобы я немедля перевелъ въ Парижъ черезъ московскую контору Ахенбаха ему 3500 р. Пожалуйста не откажите исполнить просьбу вашего пріятеля.

Остановившись въ Москвѣ въ домѣ главы фирмы П. П. Боткина, я, конечно, въ ту же минуту просилъ его о переводѣ денегъ. Къ концу обѣда, служащій, которому порученъ былъ переводъ, вернулся съ докладомъ, что Ахенбахъ съ меньшей для насъ выгодой противъ другихъ банкировъ принимаетъ деньги для перевода.

— И что вамъ дался этотъ Ахенбахъ! воскликнулъ Боткинъ.

— Ну, отвѣчалъ я,—меня просили настоятельно перевести

черезъ Ахенбаха, и я считаю себя не вправѣ пускаться въ разсужденія.

Со словомъ „какъ хотите“, служащій былъ снова отправленъ къ Ахенбаху.

Не успѣли мы еще выпить послѣобѣденнаго кофею, какъ тотъ же конторскій мальчикъ вошелъ со смущеннымъ лицомъ и телеграммой въ рукахъ. „Изъ Петербургской конторы телеграфируютъ, сказалъ онъ, что государственный банкъ прекратилъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото, и нашъ курсъ въ ту же минуту упалъ на десять процентовъ, сообразно съ чѣмъ и Ахенбахъ готовъ сдѣлать переводъ на Парижъ.

— Стало быть, воскликнулъ я,—Тургеневъ нежданно потеряетъ триста пятьдесятъ рублей?

— Конечно, отвѣчалъ Боткинъ, — подобно всѣмъ, переводящимъ деньги заграницу, и подобно намъ, теряющимъ отъ перевода на Лондонъ шестьдесятъ тысячъ.

Весь этотъ разговоръ былъ мною съ точностью переданъ въ письмѣ Тургеневу. Но это не мѣшало послѣднему жаловаться Василію Петровичу и Анненкову на мое поэтическое легкомысліе, которое, какъ видно, и было мгновенной причиной паденія курса.

Дѣло мое и на этотъ разъ не попало къ докладу.

Еслибы не рядъ писемъ по годамъ и подъ числами, я бы, конечно, при извѣстномъ однообразіи быта, не въ состояніи былъ бы съ достаточной ясностью распутать нить жизни за какихъ либо тридцать лѣтъ. Но и возстановляя при помощи писемъ несомнѣнныя событія, я иногда не въ состояніи уяснить себѣ побудительныхъ причинъ извѣстныхъ дѣйствій, хотя съ моей точки зрѣнія побужденія эти гораздо важнѣе самыхъ событій. Такъ было время, когда, не взирая на крайне ограниченныя средства, я нерѣдко ѣздилъ изъ Москвы въ Петербургъ за полученіемъ денегъ изъ редакцій. Но мы видѣли, что оскудѣніе этого источника было причиной бѣгства въ Степановку. Затѣмъ мнѣ пришлось ѣздить въ Петербургъ послѣ перехода туда Тимскаго дѣла въ консультацію при министерствѣ юстиціи. Но зачѣмъ, при ограниченныхъ средствахъ, я не разъ ѣздилъ въ Петербургъ до переходa туда

дѣла мельницы, — объяснить въ настоящее время не могу. Явно, что я, не добившись толку въ московскомъ сенатѣ, ѣздилъ съ Василіемъ Петровичемъ въ Петербургъ, а затѣмъ, воротившись въ Москву, остановился на зиму въ домѣ Петра Петровича на Маросейкѣ, попрежнему во флигелѣ, куда подъѣхала и жена.

В. П. Боткинъ отъ 7-го ноября 1863 года писалъ изъ Петербурга:

„Ну, милые друзья, я еще въ Петербургѣ и въ томъ же отелѣ, и самому Богу только извѣстно, отправлюсь ли далѣе. Не смотря на то, что здѣсь, говоря вообще, мнѣ не непріятно, климатъ здѣшній даетъ себя чувствовать непріязненно. У меня ужь оказался ревматизмъ въ правомъ плечѣ, и всю эту недѣлю я чувствовалъ себя болѣзненно, такъ что по два дня не могъ выходить изъ комнаты. Эта слякоть и мокрый снѣгъ, эта гниль въ воздухѣ приводятъ меня въ совершенное безсиліе. Сегодня легкій морозъ, и я ожилъ, и на душѣ просвѣтлѣло, нервы спокойны, не раздражаются всякою дрянью, какъ бываетъ, когда вмѣсто неба виситъ свинцовая, удушливая атмосфера. Да! я долженъ сказать, что простился съ Борини. Онъ такъ сталъ тосковать, что страшно похудѣлъ, не ѣлъ и не спалъ, я повезъ его къ Сережѣ, который мнѣ сказалъ, что у него можетъ быть начало тифа, и что лучше поскорѣе отправить его. Я сказалъ Борини, что ежели онъ хочетъ, то можетъ ѣхать. Все это время жена его писала ему письма, полныя упрековъ и подозрѣній въ томъ, что онъ не хочетъ вернуться: эти-то письма совсѣмъ и разстроили его; къ этому еще онъ простудился. Мнѣ было больно смотрѣть на него, и когда я предложилъ отпустить его, то уже отъ одной мысли о скоромъ свиданіи съ женой ему стало легче. Онъ уѣхалъ назадъ дней девять, и мы разстались совершенными друзьями. Теперь у меня швейцарецъ, но находящійся уже четыре года въ Россіи и говорящій по-русски. Кажется, недурной человѣкъ и довольно точный и очень грамотный. Онъ занималъ должность учителя въ домашней школѣ, и недостаточность жалованья заставила его перемѣнить мѣсто. Впрочемъ, до этого онъ постоянно занималъ должность слуги.

Въ моей одинокой жизни слуга вещь важная, поэтому я такъ и распространился объ этомъ.

„Я продолжаю жить въ гостинницѣ, только мнѣ дали другую комнату, вдвое больше той, какую я занималъ при тебѣ, Фетъ. Остаюсь въ гостинницѣ, потому что такъ удобнѣе, чѣмъ въ chambres meublées, но очень неудобно имѣть одну комнату, хотя плачу за нее 2 рубля 50 коп., да еще за комнату для слуги. Обѣдъ здѣсь за рубль довольно хорошій.

„Какъ живете вы, милая Маша и дорогой мой Фетъ? Пишутся ли „Письма изъ деревни?“ Я со всѣхъ сторонъ продолжаю слышать похвалы имъ. Знакомыхъ у меня здѣсь много, и, слава Богу, не изъ литературнаго круга. Въ оперѣ былъ только два раза. Тамберликъ поетъ съ несравненно большимъ огнемъ, нежели прежде, пять лѣтъ назадъ. Кольцоляри плавенъ и звученъ и холоденъ попрежнему.

„Здѣсь бумажки упали противъ серебра на 10%, и банкъ, кажется, рѣшился уже болѣе не поддерживать искусственно курсъ.

„Прошу тебя, Маша и Фетъ, напишите мнѣ хотя нѣсколько словъ, я буду писать вамъ скоро. Эхъ! климатъ здѣшній невыносимъ, а то бы и думать забылъ о Парижѣ. Буду пробовать, авось перенесу. А нѣсколько дней тому я чувствовалъ себя такъ плохо, что сталъ сбираться было... Обнимаю васъ.

Преданный вамъ *В. Боткинъ*.

15 ноября 1863 г.

„Не знаю, получили ли вы письмо мое отъ 7-го? Изъ твоего письма незамѣтно, чтобы оно было получено. Причина же моего молчанія заключалась въ томъ, что я болѣе недѣли чувствовалъ себя нехорошо; было ли это слѣдствіе простуды, или просто слѣдствіе гнилой разлагающей погоды—не знаю; но только впродолженіе двухъ недѣль здѣсь стоялъ такой мракъ, что днемъ нельзя было просмотрѣть газету безъ свѣчей. Только вчера просіяло, но сегодня опять воротился прежній мракъ. Между тѣмъ дни идутъ, и я съ удовольствіемъ замѣчаю, что начинаю успокоиваться и обживаться здѣсь,

хотя, смѣшно сказать, я внутренно не рѣшилъ еще окончательно, что всю зиму останусь здѣсь. А доказательствомъ моего внутренняго успокоенія служитъ для меня то, что вчера вечеромъ въ одномъ домѣ слушалъ я одинъ изъ послѣднихъ квартетовъ Бетховена, переложенный на два фортепьяно,—и чувствовалъ всю красоту и величіе его. А съ Польскаго возстанія я потерялъ способность вникать въ эту музыку. Теперь, какъ видишь, все приходитъ понемногу въ порядокъ, и я начинаю чувствовать Sehnsucht по музыкальнымъ наслажденіямъ. А это для меня хорошій признакъ. Спасибо за добрую вѣсть объ Ак—вѣ *); это начинаетъ походить на дѣло. Будемъ ждать, что̀ скажетъ 27 ноября. А что касается до приглашенія твоего пріѣхать въ Москву, то скажу откровенно, у меня еще нѣтъ на это ни малѣйшаго желанія. Я бы съ бо̀льшимъ удовольствіемъ согласился поѣхать въ Степановку, какъ мало рессурсовъ она ни представляетъ, нежели въ Москву. Въ Степановкѣ нѣтъ по крайней мѣрѣ декорацій, а все прямо, просто, начистоту.

„Непремѣнно налягъ на статью „Изъ деревни“. Вчера еще я отъ одного весьма умнаго человѣка слышалъ величайшія похвалы за нихъ тебѣ. Видишь, какое онѣ произвели впечатлѣніе.

Вашъ *В. Боткинъ*.

20 ноября 1863 года.
С.-Петербургъ.

„Сейчасъ получилъ я отъ Тургенева самое отчаянное письмо. Дѣло въ томъ, что онъ не получилъ векселей на деньги, которыя переведены были черезъ тебя; кажется, всего 3500 руб. сер. Какъ это случилось, что до сихъ поръ онъ не получилъ письма съ векселями, я не понимаю, ибо я убѣжденъ, что ты отправилъ его въ Баденъ. Надобно полагать, что оно пропало. И потому немедленно надо взять вторые номера этихъ же векселей и послать ихъ тотчасъ въ Баденъ на тотъ же адресъ. Да черезъ какую контору ты перевелъ

*) Арендаторъ Тимской мельницы.

ихъ? Распорядись какъ знаешь и немедля увѣдоми меня, черезъ какую контору переведены они? А главное, пошли тотчасъ же Тургеневу вторые номера векселей. Онъ въ отчаяніи, ибо это задержало его отъѣздъ въ Россію. Жду отвѣта. Прощай.

В. Боткинъ.

Тургеневъ писалъ изъ Баденъ-Бадена отъ 23 ноября 1863 г.:

„Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, изъ письма Ив. Петр. Борисова я узналъ, что вы находитесь въ Москвѣ, а изъ письма дядя, что онъ черезъ васъ послалъ деньги, которыя банкиръ Ахенбахъ долженъ былъ переслать ко мнѣ. Между тѣмъ этихъ денегъ и въ поминѣ нѣтъ, и я сижу здѣсь безъ гроша и безъ всякой возможности двинуться съ мѣста, а къ концу ноября я, по требованію сената, долженъ быть въ Петербургѣ. Я боюсь, не случилось ли что-нибудь съ этими деньгами, или не послалъ ли ихъ Ахенбахъ въ Парижъ на мое имя? Сдѣлайте божескую милость, немедленно по полученіи этого письма, разъясните этотъ пунктъ и дайте мнѣ знать, въ Парижъ, rue de Rivoli, 210. Я завтра отправляюсь туда, занявъ немного денегъ и оставивъ хозяйкѣ моей всѣ мои вещи и платье подъ залогъ, а изъ Парижа черезъ двѣ недѣли скачу въ Петербургъ. Если вы не потеряете времени, то ваше письмо меня найдетъ еще въ Парижѣ. Дядя несвоевременной высылкой этихъ несчастныхъ денегъ пробралъ меня до пупа̀, а Ахенбахъ до самого уже горла.

„Надѣюсь увидѣть васъ скоро въ Москвѣ, а потому отлагаю всѣ другіе разговоры до личнаго свиданія. Поклонитесь отъ меня всѣмъ добрымъ пріятелямъ, а Маслову скажите, что онъ, вѣроятно, отказался отъ покупки моей земли, по причинѣ слишкомъ большаго запроса со стороны дяди (отдаленность не можетъ быть причиной, потому что эти 800 десятинъ отличной земли въ межѣ лежатъ на самой станціи Московско-Тамбовскаго шоссе); — но что если онъ не перемѣнилъ намѣренія, то я ему уступлю эту землю, за что онъ самъ захочетъ дать.

„Если Василій Петровичъ еще въ Москвѣ, то и ему дружескій поклонъ. Жму крѣпко руку вамъ и вашей женѣ и остаюсь

преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

30 ноября 1863 года:
Парижъ.

„Любезнѣйшій Фетъ, я наконецъ сегодня получилъ изъ Бадена векселя на 12,360 фр. Не въ моей натурѣ дѣлать упреки, но замѣчу только, что никакихъ бы убытковъ и тревогъ не было, еслибы вы, великій противникъ мудрствованія, поступили бы попроще.—А именно: взяли бы денежки, трюхъ-трюхъ къ Ахенбаху, вотъ, молъ, пошлите такому-то индивидууму, живущему въ Баденѣ, какъ вы всегда дѣлаете—третку на Ротшильда. Ее бы у меня съ руками оторвали. Въ Баденѣ живетъ пропасть русскихъ, и *никто никогда* не получалъ иначе денегъ, какъ векселями на *Парижъ*, которые баденскіе банкиры берутъ съ замираніемъ восторга, ибо вексель на Парижъ тѣ же деньги. Размышлять о Франкфуртѣ и т. д. было все равно, что голодному передъ кускомъ говядины размышлять, лѣвой ли рукой взять кусокъ или правой, и прямо ли въ ротъ класть или сперва подержать передъ ухомъ? Впрочемъ, я изо всей исторіи вынесъ комическую черту: „*контору* Боткина, дающую свѣдѣніе, что на *Баденъ* банкировъ нѣтъ“.—Это хоть бы въ заштатномъ городѣ Дешкинѣ. Болѣе всѣхъ виноватъ дядя, выславшій вамъ деньги цѣлымъ мѣсяцемъ позже послѣдняго срока. Въ одномъ только позвольте вамъ противорѣчить: вы пишите, что адреса моего у васъ не было. — Съ тѣхъ поръ, какъ я пишу письма, я не отправилъ *ни одного,* не выставивъ на заголовкѣ числа и адреса. Этому хорошему обыкновенію я выучился въ Европѣ. Но basta cosi. Я подумаю, что проигралъ въ рулетку недостающіе 1600 франковъ, и это еще милость. Но 347 вмѣсто 397 и еще à trois mois de date, что́ отнимаетъ у меня еще 20 франковъ,—лихо!

„Я ждалъ въ Баденѣ до нельзя, до послѣдней возможной минуты, т. е. до 26 ноября. Тогда, отдавъ своей хозяйкѣ всѣ

свои вещи въ залогъ!—я прискакалъ въ Парижъ налегкѣ, какъ гусарскій прапорщикъ, для того чтобы проститься съ дочерью и въ случаѣ необходимости занять денегъ на возвращеніе въ Россію. Теперь мнѣ предстоитъ опять вернуться въ Баденъ, чтобы забрать мои вещи и оттуда уже въ Петербургъ. Къ сожалѣнію, я схватилъ здѣсь сильнѣйшій гриппъ, и потому не знаю, что́ изъ этого всего еще выйдетъ.

„Я надѣюсь быть въ Москвѣ въ декабрѣ, — тамъ увидимся. Жму вамъ руку, sans rancune, кланяюсь вашей женѣ и рекомендую только впередъ: „попростѣй, батюшка, попростѣй“.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. „Послѣднее сказаніе: векселя написаны на имя М-г J. S. Turguénef. Вѣдь если банкиръ заартачится, такъ онъ во мнѣ можетъ не признать г-на Тюргюхенева, тѣмъ болѣе, что выставляла сіи векселя неизвѣстная личность, которая на одномъ векселѣ назвала себя: *Иванъ*, а на другомъ: *Иванъ*“.

Въ Москву пріѣхалъ самый богатый ливенскій крупчатникъ Ад—овъ ко мнѣ, съ предложеніемъ продать ему за 25 тысячъ Тимскую мельницу, но съ обязательствомъ освободить ее отъ притязаній противника. Пойти на такую сдѣлку значило бы добровольно вмѣсто одной наложить на себя двѣ петли, и, конечно, я на нее не согласился и сдалъ ее на новую аренду прежнему арендатору.

Боткинъ писалъ изъ Петербурга отъ 30 ноября 1863 г.:

„Не могу понять, какъ Ак—въ, дававши 2 тысячи, теперь даетъ только 1600. Тутъ есть какое-нибудь обстоятельство, о которомъ ты забылъ упомянуть, иначе оно не выходило бы такой безсмыслицей. Но даже и при 1600 руб. найма нѣтъ причины продавать за 25 тысячъ. Одно только: если рѣшеніе сената поставитъ въ необходимость вести процессъ, то веденіе процесса, заботы, издержки и проч. обойдутся ежегодно пожалуй рублей въ 200. Надобно принять къ соображенію это обстоятельство. По моему мнѣнію, еслибы не было процесса, то мысль о продажѣ за 25 тысячъ надо было бы считать преступною.

„Тургеневъ въ огорченіи отъ потери 1200 фр. не въ со-

стояніи былъ взять въ толкъ этого дѣла и заговорилъ безсмыслицу. Онъ и мнѣ писалъ объ этомъ. Если несчастія другихъ облегчаютъ намъ наши собственныя несчастія, то и онъ примирится съ ними, когда я ему объясню, какой это былъ неожиданный кризисъ. Я сегодня получилъ отъ него письмо: пишетъ, что непремѣнно будетъ между 10 и 15 декабря.

„Радуюсь, что вамъ хорошо во флигелѣ и живется покойно. Сережа лежитъ въ сильномъ тифѣ, ужасно сказать! Выплыветъ ли онъ изъ этой бездны, называемой вѣчностью, которая теперь тянетъ его къ себѣ.... Онъ заразился въ своей клиникѣ, осматривая и ощупывая тифозныхъ. Здѣсь погода стоитъ сырая и гнилая, морозовъ вовсе нѣтъ, отъ этого тифъ господствуетъ, и днемъ безъ лампы нельзя читать,—и Freude am Leben совершенно исчечаетъ. Пока прощайте да пишите.

Вашъ *В. Боткинъ.*

6 декабря 1863 г.
С.-Петербургъ.

„Милые друзья, вчера изъ письма брата Мити узналъ я, что ты кончилъ аренду мельницы Ак—ву за 1700 руб. Ну, слава Богу, рѣшеніе, каково бы оно ни было, всегда облегчительно, а это рѣшеніе притомъ и благоразумно. Значитъ Ад—овъ уѣхалъ восвояси. Итакъ, вы остаетесь владѣльцами Тима, земли и прочаго. Хорошо, что ты не польстился на 2 тысячи и не взялъ на себя передѣлку мельницы. Теперь остается рѣшеніе сената. Во всякомъ случаѣ такой арендаторъ, какъ Ак—овъ, представляетъ гораздо больше гарантій, чѣмъ всякій другой.

„Жестокій тифъ, охватившій брата Сережу, началъ уступать со вчерашняго дня жизненному началу организма, съ которымъ боролся впродолженіе одинадцати дней. Вотъ еще примѣръ безсилія и незнанія медицины! Медицина знаетъ только, что тифъ есть отрава, охватывающая кровь больнаго; но какого рода эта отрава, отчего она бываетъ, какъ противоборствовать ей и т. п., этого она не знаетъ. Замѣчательно, что тифъ совсѣмъ не лѣчатъ, а наблюдаютъ за больнымъ и удостовѣряютъ о меньшей или большей степени опа-

сности его, противъ которой вовсе не имѣютъ средства. Да еще такъ поступаютъ самые благоразумные и свѣдущіе врачи, а другіе суются лѣчить и тогда навѣрное губятъ".

10 декабря.

„Получилъ твое письмо, изъ котораго неожидано увидѣлъ, что ты совсѣмъ расхворался. Слѣдовалъ ли ты системѣ лѣченія, рекомендованной Сережей? Я думаю, что по свойственной тебѣ лѣни ты пренебрегъ ею. Дѣйствительно, трудно выходить изъ колеи, въ которую уложился образъ жизни, а обертываніе въ простыню и послѣ того хожденіе (безцѣльное) представляютъ такой трудный процессъ, предъ которымъ отступаешь почти съ ужасомъ. Дѣйствительно, легче рѣшиться на микстуры, чѣмъ на такое безпокойное лѣченіи. Какъ же быть? Но еслибы ты имѣлъ довольно *воли*, чтобы продолжать обертываніе въ простыню и хожденіе, хотя въ теченіи десяти дней, то удовольствіе и оживленіе, которыя бы ощутилъ твой организмъ, рѣшили бы тебѣ слѣдовать этой гигіенической системѣ. Ты привыкъ говорить, что времени нѣтъ; но у тебя бо́льшая часть времени проходитъ въ разговорахъ,—да притомъ на это нужно только одинъ часъ. Замѣть, что при этомъ у тебя и отправленіе организма сдѣлалось бы аккуратно и свободно. Не времени, а рѣшимости и воли нѣтъ; ты раскисъ и опустился въ своей халатной жизни.

„Стихотвореніе твое принадлежитъ къ лучшимъ. Мнѣ кажется неопредѣленнымъ:

«И дрожатъ испареній струи
У окраины яркихъ небесъ»....

„У какой окраины? Испаренія могутъ подниматься съ земли, — у какой же окраины небесъ они могутъ дрожать? Какъ я ни думалъ объ этомъ и ни старался представить себѣ опредѣлительно—ничего не выходило. Значитъ, нѣтъ ли неясности въ твоемъ рисункѣ? Кромѣ этого все стихотвореніе прекрасно. Кстати: я встрѣчаюсь съ Ѳ. И. Тютчевымъ въ разныхъ домахъ и прислушиваюсь къ его разговору. Какъ каждый эпитетъ его точенъ, оригиналенъ и поэтиченъ! Я смотрю на него съ нѣкотораго рода умиленіемъ—божествен-

ный старецъ. Но никто изъ посѣщаемыхъ имъ мужчинъ и дамъ, никто изъ окружающихъ его не чувствуетъ и не понимаетъ поэзіи его стиховъ. Виноватъ, дочь его только понимаетъ ее, да и то настолько, насколько можетъ чувствовать и понимать поэзію женщина, а она притомъ еще пожилая дѣвушка. Прощайте.

Вашъ *В. Боткинъ*.

30 декабря 1863 г.
С.-Петербургъ.

„Что-то давно не имѣю отъ васъ вѣсти, милые друзья, такъ что даже соскучился, на зло твоему выраженію, что я здѣсь катаюсь, какъ сыръ въ маслѣ. Да, хорошо, а все тянетъ къ своимъ;—васъ же мнѣ не замѣнитъ никто въ мірѣ Мнѣ въ самомъ дѣлѣ живется пока не скучно; мои здѣшніе пріятели и знакомые всѣ очень добры со мной, и хотя я уже пять лѣтъ какъ не былъ въ Петербургѣ,—никто не измѣнился со мной. Кто-то сказалъ, что не трудно заводить друзей, а трудно сохранять ихъ. Мнѣ весело думать, что я не разошелся даже ни съ однимъ старымъ знакомымъ. На дняхъ я встрѣтилъ Щербину; удивительно, — время почти всѣхъ дѣлаетъ лучше. Съ большимъ удовольствіемъ провелъ я съ нимъ два часа. Онъ любитъ и цѣнитъ твои стихи и понимаетъ ихъ. А это для меня добрый знакъ.

Вашъ *В. Боткинъ*.

10 января 1864 г.
С.-Петербургъ.

„Неужели вашъ выѣздъ изъ Москвы рѣшенъ на 2-е февраля? Кажется, что прошлаго года вы выѣхали позднѣе. Но какъ бы тамъ ни было, а къ этому сроку едва ли удастся Тургеневу пріѣхать въ Москву; въ Спасское же онъ не поѣдетъ, а выпишетъ Николая Николаевича въ Москву. Онъ теперь обязанъ подпискою не выѣзжать изъ Петербурга. Онъ уже призванъ былъ въ сенатъ, дѣло началось. Но скоро ли оно кончится и какъ пойдетъ, теперь ничего нельзя сказать. Ты правъ, говоря, что пріѣздъ Тургенева меня задержитъ.

Въ нѣкоторомъ родѣ онъ то же, что больной тифомъ, — ждетъ кризиса, а кризисъ еще не совершился. Неизвѣстность въ этомъ родѣ дѣлъ тяжела. Итакъ, я не могу сказать, когда я буду въ Москву. Я всетаки не оставилъ намѣренія съѣздить заграницу мѣсяца на три. Отъ здѣшней петербургской весны, которая отвратительна, думаю ѣхать въ послѣднихъ числахъ февраля и вернуться въ половинѣ мая. Въ Парижъ не поѣду, а въ сѣверную Италію.

Твой *В. Боткинъ.*

12 января 1864 г.
С.-Петербургъ.

„Узнавши, что вы остаетесь въ Москвѣ только до 2 го февраля, Тургеневъ, кажется, хочетъ просить тебя пріѣхать въ Петербургъ. Дѣло его при самомъ благопріятномъ исходѣ никакъ не можетъ кончиться ко времени вашего отъѣзда. Соображая всѣ эти обстоятельства, я желалъ бы знать, намѣренъ ли ты совершить это путешествіе? Если намѣренъ, то мы могли бы вмѣстѣ вернуться въ Москву. Поѣздка Тургенева въ Москву можетъ быть только по окончаніи его дѣла, и дай Богъ, чтобы оно кончилось черезъ мѣсяцъ. Итакъ, желательно знать, какія твои намѣренія или желанія относительно поѣздки сюда. Объ этомъ извѣсти.

Твой *В. Боткинъ.*

17-го января 1864 г.
С.-Петербургъ.

„Я вчера писалъ тебѣ, что намѣреваюсь выѣхать отсюда завтра въ субботу. Но вчерашнее письмо твое извѣщаетъ, что ты рѣшился таки проѣхать въ Петербургъ. Итакъ, мы вмѣстѣ прокатимся въ Москву, проведемъ вмѣстѣ дня три, а главное повидаемся съ Тургеневымъ. Итакъ, я буду ждать тебя и перервалъ уже всѣ приготовленія къ выѣзду.

В. Боткинъ.

Оглавленіе.

ава. *Стр.*

I. Вступленіе.—Первая встрѣча съ И. С. Тургеневымъ.—Наша семья.—Въ полку.—Переходъ въ гвардію.—Коренная Пустынь.—Ярмарка.—Въ Красномъ Селѣ.—Новыя знакомства.—Панаевъ, Некрасовъ, Боткинъ, Дружининъ.—Походъ.—Въ Остзейскомъ краѣ 1

I. Потопленіе корабля.—Сооруженіе Балтійскаго мола при Екатеринѣ Второй. — Знакомство съ остзейскими помѣщиками.—Уженіе окуней.—Палка Петра Великаго.—Сѣверное сіяніе.—Смерть отца и письмо Борисова.—Кубокъ.—Вѣсть о десантѣ.—Парламентеры.—Папироска.—Теорія игрока.—Баронъ Кекскуль.—Тогдашній Балтійскій Портъ.—Покупка безъ мелкой монеты.—Халатъ, надъ которымъ пришлось штудировать.—Проводы генерала.—Калеповскій.—Порученіе главнокомандующаго.—Семья Берга.—Городъ Валкъ.—Панаевъ.—Старый товарищъ.—Бѣгъ на призъ.—Мыза Аннаръ.—Семья барона Энгардта 61

II. Дерптъ.—Астрономъ Медлеръ.—Охота на пучки.—Переписка съ Тургеневымъ по поводу новаго изданія моихъ стихотвореній.—Поѣздка въ Петербургъ.—Знакомство съ гр. Л. Н. Толстымъ.—Его первыя столкновенія съ Тургеневымъ.—Князь Вл. Ѳ. Одоевскій.—Полковой праздникъ.—Кончина императора Николая Павловича. 96

V. Лифляндскій крестьянинъ. — Охота на пищикъ. — Вальдшнепиная тяга.—Полковникъ С-овъ.—Поѣздка на ферму и знакомство съ ея обитателями.—Медвѣжья услуга.—Охота на моховомъ болотѣ.—Канснада.—Снова на мызѣ Аннаръ.—Рыбная ловля подо льдомъ. . 111

V. Въ Петербургѣ. — Встрѣча съ друзьями. — Е. П. Ковалевскій.—У министра Норова.—Вечеръ у пѣвицы.—Графъ Кушелевъ-Безбородко.—М. А. Языковъ.—Обѣдъ въ честь Тургенева.—Докторъ Эрдманъ.—Именины.—Весенній походъ на родину.—Просьба объ отставкѣ.—Некрасовъ-игрокъ.—Хлопоты въ Главномъ Штабѣ. . . 126

I. Карсбадъ.—Встрѣча съ Надей.—Ея романъ.—Свиданіе съ Тургеневымъ въ Парижѣ.—Делаво.—La dame aux camelias.—Поѣздка въ Куртавнель.—Семейство Віардо.—Дочь Тургенева.—Завтракъ въ Rosay.—Наша жизнь съ Надей въ Парижѣ.—Ристори.—Эрбель.—Мы съ Надей ѣдемъ въ Италію. 142

II. Въ Италіи. — Тиволи. — Встрѣча съ Некрасовымъ, Панаевой и К—ми.—Ночь въ дилижансѣ.—Неаполь.—Осмотръ Сольфатары.—

Глава. *Стр.*

Неаполитанская зима.—Снова въ Парижѣ.—Пѣніе М-me Віардо.—Возвращеніе въ Россію. — Пріѣздъ въ Новоселки. — Встрѣча съ Борисовымъ и моя поѣздка въ Фатьяново. — Болѣзнь Нади. — Я везу Надю въ Москву къ докторамъ.—Пріѣздъ Борисова.—Встрѣча съ В. П. Боткинымъ.—Знакомство съ семьею Боткиныхъ.—Моя женитьба 169

VIII. Жизнь въ Москвѣ. — Наши музыкальные вечера. — Братья Толстые.—Докторъ П—нъ. Свадьба Борисова.—Письмо Ап. Григорьева.—Обѣдъ у Кокорева.—Медвѣжья охота.—Сборы въ Новоселки на лѣто.—Посѣщеніе Ясной Поляны.—Тетушка Льва Николаевича . 210

IX. Новосельская жизнь.—Посѣщеніе Николая Толстаго.—Наша поѣздка съ Борисовымъ въ Никольское.—Пріѣздъ брата Петра.—Ѳедюшка.—Пріѣздъ Тургенева.—Извѣстіе о нездоровьи брата моего Василія.—Наши охоты съ Тургеневымъ.—У Онухтиныхъ.—Семья Тургеневыхъ.—Студентъ Рабіоновъ.—Переводъ „Антонія и Клеопатры“.—Именины Е. С. Тургеневой. — Тургеневское имѣніе Топки.—Возвращеніе въ Москву.—Кончина брата Василія и его жены.—Рожденіе племянника и пріѣздъ брата Петра въ Москву . 235

X. Концертъ Бозіо. — Покупка Спонса. — Братъ Петруша. — Юлія Пострана. — Свадьба Дм. П. Боткина. — Снова сборы въ Новоселки.—Дорожныя приключенія.—Пирогово.—Странный монахъ.—Графъ С. Н. Толстой. — Охота въ Щигровкѣ. — Пріѣздъ Тургенева.—Возвращеніе въ Москву.—Снова болѣзнь Нади.—Мысли о покупкѣ имѣнія. — Опять въ Новоселкахъ. — Отъѣздъ заграницу графа Николая Толстаго и его письма.—Письма Тургенева и Боткина 285

XI. Покупка Степановки.—Разговоръ по поводу этой покупки съ Ник. Ник. Тургеневымъ.—Знакомство съ княземъ Г—ымъ.—Извѣстіе о смерти Николая Толстаго. Въ Москвѣ.—Переговоры съ О—кимъ по просьбѣ Тургенева. — Старикъ Григорьевъ. — Моя болѣзнь по случаю вывиха руки.—Пріѣздъ брата, и его тройка лошадей . . . 340

XII. Мой отъѣздъ въ Степановку.—Хлопоты по устройству усадьбы.—Высочайшій манифестъ.—Пріѣздъ жены изъ Москвы.—О встрѣчѣ съ Салтыковымъ (Щедринымъ) у Тургенева. — Тургеневъ и Л. Толстой въ Степановкѣ.—Ссора между ними.—Письма.—Поѣздка въ Москву.—Знакомство съ семействомъ Б—овъ черезъ Л. Толстаго.—Пріѣздъ въ Москву Василія Павловича М—ва.—Письма . 363

XIII. В. П. Боткинъ въ Степановкѣ. — Письмо Л. Толстаго о его женитьбѣ.—Съ наступленіемъ зимы ѣдемъ въ Москву; на обратномъ пути заѣзжаемъ въ Ясную Поляну.—Пріѣздъ въ Степановку брата Петра.—Тимская мельница 398

XIV. Моя поѣздка въ Москву.—По дорогѣ заѣзжаю въ Ясную Поляну.—Въ Москвѣ у кн. В. Ѳ. Одоевскаго.—Пріѣздъ В. П. Боткина въ Степановку.—Надя снова заболѣваетъ.—Я увожу Петю изъ Новоселокъ къ намъ.—Польское возстаніе.—Переводъ денегъ Тургеневу.—Письма 423

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

1848—1889

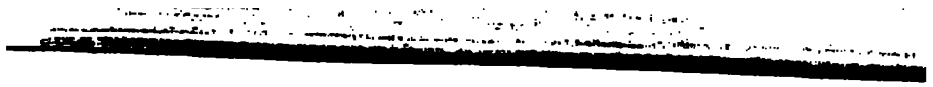
—

А. ФЕТА.

ЧАСТЬ II.

Москва. 1890

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5



МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

1864—1889

ЧАСТЬ II

I.

ціе съ Ѳ. И. Тютчевымъ.—Смерть Дружинина.—Письма.—Дмитрій ллловичъ.—Поѣздка на Тимъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Гр. Алексѣй Толстой.—Посѣщеніе Новоселокъ.—Сергѣй Мартыновичъ.

о поводу послѣдняго моего свиданія съ Ѳ. И. Тютчевымъ январѣ 64 года, не могу не привѣтствовать въ моемъ воспоминаніи тѣни одного изъ величайшихъ лириковъ, существовавшихъ на землѣ. Я не думаю касаться его біографіи, исанной, между прочимъ, зятемъ его Ив. Серг. Аксаковъ. Тютчевъ сладостенъ мнѣ не столько какъ человѣкъ, ѣе чѣмъ дружелюбно ко мнѣ относившійся, но какъ саоздушное воплощеніе поэта, какимъ его рисуетъ себѣ антизмъ. Начать съ того, что Ѳедоръ Ивановичъ болѣзно сжимался при малѣйшемъ намекѣ на его поэтическій ъ, и никто не дерзалъ заводить съ нимъ объ этомъ рѣчи. какъ ни скрывайте благоуханныхъ цвѣтовъ, ароматъ ихъ шится въ комнатѣ, и гдѣ бы и когда бы вы ни встрѣи мягкихъ до женственности очертаній лица Ѳедора Иваича съ открытой ли головой, напоминающей мягкими и епутанными сѣдинами его стихи:

«Хоть свѣжесть утренняя вѣетъ
Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ...»

въ помятой шляпѣ задумчиво бредущаго по тротуару и очащаго по землѣ рукавъ поношенной шубы, — вы бы дали любимца музъ, высказывающаго устами Лермонтова:

«Я не съ тобой, а съ сердцемъ говорю».

Было время, когда я раза три въ недѣлю заходилъ въ Москвѣ въ гостинницу Шевалдышева на Тверской въ номеръ, занимаемый Ѳедоромъ Ивановичемъ. На вопросъ: „дома ли Ѳедоръ Ивановичъ?“ камердинеръ нѣмецъ, въ двѣнадцатомъ часу дня,—говорилъ: „онъ гуляетъ, но сейчасъ придетъ пить кофей“. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ Ѳедоръ Ивановичъ приходилъ, и мы вдвоемъ садились пить кофей, отъ котораго я ни въ какое время дня не отказываюсь. Какихъ психологическихъ вопросовъ мы при этомъ не касались! Какихъ великихъ поэтовъ не припоминали! И, конечно, я подымалъ всѣ эти вопросы съ цѣлью слушать замѣчательныя по своей силѣ и мѣткости сужденія Тютчева и упивался ими. Помню, какою радостью затрепетало мое сердце, когда, прочитавши Ѳедору Ивановичу принесенное мною новое стихотвореніе, я услыхалъ его восклицаніе: „какъ это воздушно!“

Зная, что въ настоящее время онъ проживалъ въ Петербургѣ, въ домѣ Армянской церкви, я сказалъ Як. Петр. Полонскому, бывшему въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ Тютчевымъ, — о желаніи проститься съ поэтомъ, отъѣзжающимъ, какъ я слышалъ, въ Италію.

— Это невозможно, сказалъ Яковъ Петр., — онъ въ настоящее время дотого убитъ роковой своей потерей, что только страдаетъ, а не живетъ, и потому дверь его закрыта для всѣхъ.

— По крайней мѣрѣ, сказалъ я,—передай ему мой самый искренній поклонъ.

Въ первомъ часу ночи, возвращаясь въ гостинницу Круассана, я, вмѣстѣ съ ключемъ отъ номера, получилъ отъ швейцара записку. Зажигая свѣчу на ночномъ столикѣ, я, при мысли сладко задремать надъ французскимъ романомъ, намѣренъ былъ предварительно, уже лежа въ постели, прочесть и записку. Раскрываю послѣднюю и читаю: „Тютчевъ проситъ тебя, если можно, придти съ нимъ проститься“. Конечно, я черезъ минуту былъ снова одѣтъ и полетѣлъ на призывъ. Безмолвно пожавъ руку, Тютчевъ пригласилъ меня сѣсть рядомъ съ диваномъ *есь*, на' которомъ онъ полулежалъ. Должно быть его лихорадило и знобило въ теплой комнатѣ отъ рыданій, такъ какъ онъ весь покрытъ былъ съ

оловою темно-сѣрымъ пледомъ, изъ подъ котораго виднѣ-
ось только одно изнемогающее лицо. Говорить въ такое
ремя нечего. Черезъ нѣсколько минутъ я пожалъ ему руку
тихо вышелъ. Вотъ что позднѣе разсказывалъ Тургеневъ
своемъ свиданіи съ Тютчевымъ въ Парижѣ:

„Когда Тютчевъ вернулся изъ Ниццы, гдѣ написалъ свое
звѣстное:

«О этотъ югъ, о эта Ницца!...»

— „мы, чтобы переговорить, зашли въ кафе на бульварѣ и,
просивъ себѣ изъ приличія мороженаго, сѣли подъ трелья-
емъ изъ плюща. Я молчалъ все время, а Тютчевъ болѣз-
енным голосомъ говорилъ, и грудь его сорочки подъ ко-
ецъ разсказа оказалась промокшей отъ падавшихъ на нее
лезъ".

Міръ праху твоему, великій поэтъ! Тѣнь твоя можетъ утѣ-
ниться! Недаромъ ты такъ ревниво таилъ свой пламень, ты
авсегда останешься любимцемъ избранныхъ. Толпа никогда
е будетъ въ силахъ понимать тебя!

Помню, въ одномъ письмѣ Л. Толстой пишетъ:

„Ѣхавши отъ васъ, встрѣтилъ я Тютчева въ Черни и че-
ыре станціи говорилъ и слушалъ, и теперь, что ни часъ,
споминаю этого величественнаго и простаго и такого глу-
боко настояще-умнаго старика".

Еще въ предпослѣднюю поѣздку мою въ Петербургъ, я на-
вѣщалъ тяжело больнаго А. В. Дружинина, и хотя онъ ви-
имо радовался посѣщенію всѣхъ искреннихъ друзей своихъ,
о посѣтителямъ (сужу по себѣ) было крайне тяжело видѣть
жедневное и несомнѣнное разрушеніе этого когда-то добро-
ушнаго и веселаго человѣка. На этотъ разъ, не успѣлъ я
остановиться въ гостинницѣ рядомъ съ Боткинымъ, какъ въ
отъ же день узналъ о смерти Дружинина, точно я нарочно
одъѣхалъ къ его похоронамъ. Проводивши въ день погре-
енія усопшаго изъ дому, мы тѣснымъ кругомъ собрались
а отпѣваніе въ церковь Смоленскаго кладбища. Очевидно,
риличіе требовало, чтобы при отпѣваніи присутствовалъ и
Некрасовъ, сумѣвшій въ это время разсориться со всѣмъ
ружкомъ, за исключеніемъ Вас. Петр. Боткина. Никогда я

не забуду холоднаго выраженія пары черныхъ бѣгающихъ глазъ Некрасова, когда, не кланяясь никому и не глядя ни на кого въ особенности, онъ пробирался сквозь толпу знакомыхъ незнакомцевъ. Помню, какъ торопливо бросивъ горсть песку въ раскрытую могилу, Некрасовъ уѣхалъ домой; а родные покойника пригласили насъ на поминки въ кладбищенской гостинницѣ. Здѣсь, пока еще не всѣ собрались къ столу, я прочелъ Тургеневу свое стихотвореніе, написанное подъ первымъ впечатлѣніемъ, прося его по обычаю сказать, стоитъ ли оно того, чтобы его прочесть публично?

„Вы видите, я плачу, сказалъ Тургеневъ,— это лучшая похвала стихотворенію; но всетаки слѣдуетъ исправить стихъ: ты чистымъ донесенъ въ могилу, такъ какъ доносятъ *до*, а не *въ*. Видѣли ли вы, господа, сказалъ онъ, какъ я смотрѣлъ на Некрасова? Я какъ будто говорилъ ему: „видишь, я могу прямо смотрѣть на тебя, я передъ тобою не виноватъ; а твои глаза бѣгаютъ, боясь встрѣтить чужой взглядъ".

Вскорѣ послѣ похоронъ, мы съ Василіемъ Петровичемъ уѣхали въ Москву, гдѣ пробывши трое сутокъ,—онъ снова возвратился въ Петербургъ.

Тургеневъ писалъ изъ Петербурга отъ 25 января 1864 г.:

„Ну-съ милѣйшій Аѳ. Аѳ., прибыли вы благополучно въ первопрестольный градъ вмѣстѣ съ прелестными старцами Мерике *) и Донъ-Базиліемъ. Черкните-ка словечко да пришлите Масловскія письма. Но представьте, какой я оказался телятиной! Вмѣсто чепуховатой г-жи З—й, мнѣ бы слѣдовало отвезти васъ купно съ романсами къ г-жѣ А., и вы бы насладились! Вчера я показалъ ей два первыхъ напечатанныхъ романса, и она ихъ такъ пропѣла *сразу* и такъ аккомпанировала, что я растаялъ. Что значитъ настоящая музыкальная нѣмецкая кровь!—Эта и грамматику знаетъ и въ риторикѣ сильна. Кстати, она чуть не влюблена въ Василія Петровича и хочетъ устроить для него квартетъ съ Рубинштейномъ, Давыдовымъ, Венявскимъ... четвертый персонажъ будетъ чуть ли не сама Святая Цецилія. И романсы она хо-

*) Въ бытность мою въ Петербургѣ, Тургеневъ подарилъ мнѣ книжку стихотвореній нѣмецкаго поэта Мерике.

четъ спѣть всѣ торжественно. Будетъ хорошо, а альбомъ вы получите немедленно, какъ только онъ выйдетъ.

„Прочелъ я послѣ вашего отъѣзда „Поликушку“ Толстаго и удивился силѣ этого крупнаго таланта. Только матеріалу ужь больно много потрачено, да и сынишку онъ напрасно утопилъ. Ужь очень страшно выходитъ. Но есть страницы поистинѣ удивительныя! Даже до холода въ спинной кости пробираетъ, а вѣдь у насъ она уже и толстая, и грубая. Мастеръ, мастеръ!

„Юный редакторъ „Библіотеки для чтенія“ проситъ меня узнать отъ васъ, не будетъ ли съ вашей стороны препятствія къ перепечаткѣ вашего стихотворенія изъ Московск. Вѣдомостей въ статьѣ о Дружининѣ, долженствующей явиться въ первомъ номерѣ его журнала? А вы, злодѣй, оставили: „донесенъ въ могилу“.

„Кланяйтесь добрымъ пріятелямъ, а главнѣйшее Вашей милой женѣ. Будьте здоровы.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Боткинъ писалъ изъ Петербурга 2 февраля 1864 г.:

„Сегодня справляемъ тризну по Дружининѣ обѣдомъ, въ которомъ участвуютъ всѣ знавшіе его близко.

„Дай Богъ вамъ благополучно доѣхать до Степановки. Сегодня были выборы въ члены комитета литературнаго фонда. Я нарочно поѣхалъ туда, еще въ первый разъ; реакція противъ нигилизма и демагоговъ, слава Богу, оказалась полная. Въ предсѣдатели общества избранъ баронъ Корфъ и т. д.

„Я вынулъ экземпляръ записокъ объ Испаніи, чтобы послать его въ Вятку, и забылъ. Сдѣлай одолженіе, попроси переслать его ко мнѣ въ Петербургъ; мнѣ надо сдѣлать на немъ надпись: я такъ обѣщалъ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

На этотъ разъ, возвращаясь въ Степановку зимнимъ путемъ до Орла въ дилижансѣ, мы не могли заѣхать въ Ясную Поляну. Въ деревнѣ мы снова попали въ то колесо бѣлки, въ которомъ бѣготни много, но успѣха никакого.

Боткинъ писалъ изъ Петербурга 26 февраля 1864 года:

„Продолжительное молчаніе ваше начинаетъ меня тревожить. Послѣ перваго вашего письма изъ Степановки, я не имѣлъ отъ васъ никакого извѣстія. Между тѣмъ все уже готово къ моему выѣзду заграницу. Скажу вамъ, что я имѣю намѣреніе ѣхать черезъ Варшаву и останусь тамъ нѣсколько дней взглянуть на это гнѣздо убійствъ и ненависти къ Россіи. Изъ Вѣны я буду писать къ вамъ. Вы же напишите мнѣ въ Вѣну, poste restante, да ты, пожалуйста, явственнѣе пиши адресъ и не такъ связно и размашисто, какъ ты пишешь обыкновенно. Я не могу еще положительно сказать, когда я выѣду, можетъ быть вначалѣ будущей недѣли. Наканунѣ отъѣзда я напишу вамъ.

27 февраля.

„Слава Богу! вчера вечеромъ получилъ отъ тебя письмо, изъ котораго вижу, что вы здоровы, и въ Степановкѣ все обстоитъ благополучно. Итакъ, я ѣду черезъ Варшаву. Надѣюсь, что ничего дурнаго не случится со мною. Можетъ быть вы назовете глупостью пускаться въ этотъ взволнованный край и въ такое время, когда по всѣмъ слухамъ дѣйствія революціонной партіи должны несомнѣнно усилиться. Но русское чувство теперь уже не оскорбляется въ Варшавѣ, какъ было нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, да и наконецъ мнѣ хочется взглянуть на этотъ городъ, гдѣ можно нанимать убійцъ по цѣлковому за человѣка. Я останусь тамъ дня четыре, потомъ въ Берлинъ.

„Я выѣзжаю 2 марта. При моей ненависти къ полякамъ, какое впечатлѣніе произведетъ на меня Варшава? Я буду тамъ съ Н. А. Милютинымъ. Все мнѣ будетъ любопытно тамъ: и враждебный городъ, и военная жизнь, и общій строй умовъ, и отголоски борьбы.

„Иванъ Сергѣевичъ уѣхалъ отсюда 22 февраля и, вѣроятно, прежде будущей зимы сюда не будетъ. Затѣмъ прощайте и не поминайте меня лихомъ.

Преданный вамъ

В. Боткинъ.

Тургеневъ писалъ:

Парижъ, 31 марта 1864 г.

„Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, надобно непремѣнно намъ возобновить нашу переписку; и не потому, что мы имѣемъ пропасть вещей сообщить другъ другу, а просто потому, что не слѣдуетъ двумъ пріятелямъ жить въ одно и то же время на земномъ шарѣ и не подавать другъ другу хоть изрѣдка руку. Вы только обратите вниманіе на слѣдующій рисунокъ:

вѣчность — *а* — *вѣчность*...

„Точка *а* представляетъ то кратчайшее мгновенье, въ теченіи котораго мы живемъ; еще мгновенье, и поглотитъ насъ навсегда нѣмая глубина нихтзейна... Какъ же не воспользоваться этой точкой? Разскажу я вамъ, что я дѣлалъ, дѣлаю и буду дѣлать, и жду отъ васъ, что вы также поступите со мною.

«Покинувъ градъ Петровъ, я въ Баденъ поспѣшилъ
«И съ удовольствіемъ тамъ десять дней прожилъ.
«На брата посмотрѣть заѣхалъ я во Дрезденъ
«(Какъ у Веригиной на насъ съ привѣтомъ лѣзъ Денъ,—
«Вы не забыли, чай?—Но въ сторону его!)—
«Я въ Баденѣ, мой другъ, не дѣлалъ ничего.
«И то же самое я дѣлаю въ Парижѣ,
«И чувствую, что такъ къ природѣ люди ближе,
«И что не нуженъ намъ ни Кантъ, ни Геродотъ,
«Чтобъ знать, что устрицы кладутъ не въ носъ, а въ ротъ.
«Недѣльки черезъ двѣ лечу я снова въ Баденъ;—
«Тамъ травка зеленѣй, и воздухъ тамъ прохладенъ,
«И шепчутъ горъ верхи: «Гдѣ Фетъ? гдѣ тотъ поэтъ,
«Чей стихъ свѣжѣй икры и сладостнѣй конфектъ?
«Достойно насъ воспѣть одинъ онъ въ состояньи»...
«Но пребываетъ онъ въ далекомъ разстояньи!»

„Однако довольно дурачиться. Напишите мнѣ, что вы подѣлываете, что Борисовъ? Я получилъ отъ него очень милое письмо, на которое еще не отвѣтилъ, но отвѣчу непремѣнно. — Весна у насъ начинается, но какъ-то медленно и

вяло; дуютъ холодные вѣтры, и не чувствуется никакой нѣги, которую вы такъ прелестно воспѣвали. Я откладываю свои работы до Бадена; но, кажется, я только самого себя обманываю. Здѣсь я написалъ только статейку короче воробьинаго носа для предполагаемаго праздника Шекспировской трехсотлѣтней годовщины, да еще разсказецъ, тоже прекоротенькій, который я намахалъ въ два дня. Кстати: вы должны сочувствовать Шекспировской годовщинѣ; сдѣлали бы и вы что-нибудь!

„Ну, а Степановка все на томъ же мѣстѣ и процвѣтаетъ?— Что посаженныя деревца? А прудъ? Богъ дастъ, всю эту благодать я увижу въ нынѣшнемъ году. А пока будьте здоровы и веселы; дружески жму вамъ руку и кланяюсь вашей женѣ.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Боткинъ писалъ изъ Вѣны отъ 12 апрѣля 1864 года:

„Милые друзья! Мнѣ даже трудно и начинать разсказывать тѣ впечатлѣнія, которыя сдѣлала на меня Варшава, гдѣ я прожилъ десять дней. Однимъ словомъ: жгучій польскій вопросъ я чувствовалъ тамъ во всей ядовитой его силѣ. Довольно хоть сколько нибудь разумѣть дѣло, которое задумали поляки, чтобы всякій русскій человѣкъ почувствовалъ неизгладимую обиду. Когда нибудь послѣ разскажу. Въ этой мрачной картинѣ не обошлось и безъ комическаго. Я поѣхалъ изъ Варшавы на Бромбергъ, то есть чрезъ еще не безопасную мѣстность. Какой чертъ вздумаетъ этой дорогой ѣхать заграницу! И дѣйствительно, меня приняли за поляка, ѣдущаго съ фальшивымъ паспортомъ, арестовали, до гола раздѣли и обыскали, держали подъ карауломъ. Вся эта исторія продолжалась часовъ пять, пока не получена была отвѣтная телеграмма изъ ближайшаго городка, что я вовсе не тотъ, кого слѣдовало арестовать и проч. Варшавскія впечатлѣнія имѣли для меня тотъ результатъ, что я цѣлую недѣлю прохворалъ въ Берлинѣ. Куда мнѣ съ моими хилыми нервами пускаться на такія впечатлѣнія, какъ, напримѣръ, застрѣленный и плавающій въ крови русскій жандармъ, котораго увидѣлъ я въ Вилановѣ, верстъ 5 или 7 отъ Варшавы, куда

я съ нѣсколькими знакомыми поѣхалъ, запасшись револьверами и взявши человѣкъ семь конвоя. Но обо всемъ этомъ разскажу уже въ Степановкѣ, потому описывать не въ состояніи, ибо нервы тотчасъ приходятъ въ раздраженіе.— Получилъ ваше письмо здѣсь—и спасибо. Теперь уже адресуйте мнѣ въ Парижъ. Завтра ѣду изъ Вѣны въ Тріестъ и Венецію. Оттуда напишу вамъ. Я непремѣнно намѣренъ вернуться въ Россію въ концѣ нашего мая и уже не позже начала іюня. Прощайте.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Венеція.
22 апрѣля 1864 г.

„Завтра будетъ недѣля, какъ я здѣсь; видѣлъ все, что хотѣлось видѣть, и хочу написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Наслажденіе, производимое дѣйствительными произведеніями искусства, невозможно ни съ чѣмъ сравнить. И что удивительно, эти наслажденія не требуютъ непремѣнно молодости и свѣжести чувствъ; я теперь въ 52 года, кажется, гораздо полнѣе и глубже ощущаю ихъ, нежели во время моей молодости. Нынѣшній разъ я особенно обращалъ вниманіе на произведенія, сдѣланныя въ эпоху, когда древняя литература и древнее искусство начали проникать въ средневѣковыя воззрѣнія Итальянцевъ и породили тотъ стиль, который вообще извѣстенъ подъ названіемъ стиля Возрожденія (Renaissence). Для изученія этого благороднѣйшаго стиля, Венеція представляетъ множество произведеній во всѣхъ родахъ, хотя природа человѣческая остается одинаковою во всѣ времена, но воззрѣнія его на міръ очевидно измѣняются, и вотъ эти то измѣненія ни въ чемъ такъ ощутительно не запечатлѣваются, какъ въ произведеніяхъ искусства. Удивительно то, что искусство каждой эпохи имѣетъ свою красоту. Видно, что во всѣ времена и во всѣ эпохи,—какъ только человѣкъ начнетъ съ любовью смотрѣть на предметъ или на мысль свою и воспроизводить ее не въ соотношеніи къ другимъ предметамъ, но исключительно для нея самой, какъ будто-бы въ ней заключалась вся сущность міра, — такъ непремѣнно

явится произведеніе, которое невольно притягиваетъ къ себѣ всякаго, у кого есть сколько нибудь живое чувство. Человѣкъ развлеченъ и потерянъ въ этомъ общемъ, среди котораго онъ живетъ, а искусство индивидуализируетъ то, изъ чего состоитъ эта масса общаго, и за это люди любятъ искусство. Они любятъ его за то, что въ каждомъ предметѣ искусство умѣетъ открывать значеніе, организацію и красоту. И это равно относится и къ поэту, и къ архитектору. Но вотъ въ чемъ бѣда, что рѣдко родятся люди, которые способны *такъ* смотрѣть на предметы, любить ихъ для нихъ самихъ, а не по отношенію ихъ къ другимъ предметамъ. Это-то и называется *объективнымъ* взглядомъ на вещи. Изъ боязни напустить тебѣ еще бо̀льшаго туману,—я больше не стану говорить объ этомъ. Одно только скажу, что безъ труда не бываетъ наслажденія. Ничего человѣку не дается легко и сразу. Мнѣ по крайней мѣрѣ все дается съ трудомъ; да я думаю только то и прочно, что пріобрѣтено съ трудомъ.

„Прелестнѣйшее впечатлѣніе сдѣлала на меня Вѣна, гдѣ я пробылъ шесть дней. Мягкіе нравы, элегантность жизни, старая укоренившаяся цивилизація, средневѣковой характеръ города, что-то умягченное, пріятное, чувственное, которое втягиваетъ въ себя и не даетъ думать ни о чемъ на свѣтѣ, кромѣ vivere memento,—вотъ какое впечатлѣніе сдѣлала на меня Вѣна. Берлинъ выражаетъ только одну сторону Германіи: Берлинъ мастерская, дѣловая контора Германіи,—онъ смотритъ въ будущее, а Вѣна въ прошедшее и наслаждается своимъ нажитымъ добромъ, своею блестящей аристократіей.

„Отсюда я ѣду въ Виченцу посмотрѣть на постройки Палладіо; тамъ находится много дворцовъ и домовъ, построенныхъ имъ. Гармонія и сочетаніе размѣровъ, вотъ сущность архитектурной красоты, но опять-таки всякая эпоха имѣетъ свои сочетанія размѣровъ и свою гармонію. Никто такъ не чувствовалъ и не воспроизводилъ красоту римскихъ зданій, какъ Палладіо. Но это не было однимъ подражаніемъ, тутъ чувствуется самобытная фантазія. Его зданія имѣютъ въ себѣ что-то чувственное, роскошное, цвѣтущее, какая-то полнота и красота формъ женщины, только перешедшей тридцать лѣтъ. Только богатая и цвѣтущая Италія и именно Ве-

неція 16-го вѣка могла произвести такого архитектора вмѣстѣ съ своимъ Тиціаномъ и Веронезомъ.

„Первые христіане старались истреблять храмы и изображенія языческихъ божествъ, и потомъ эти же самые христіане черезъ 1400 лѣтъ пришли почти къ обожанію этихъ же языческихъ произведеній. Вотъ вамъ и историческій прогрессъ! Но существуютъ и будутъ писаться различныя философіи исторіи, чтобы по силамъ давать всему разгадку и выводить необходимость всего этого. Въ сущности же никто не можетъ освѣтить эту бездонную бездну человѣческаго мрака.

„Здорова ли Степановка? Не смотря на полноту и роскошь ощущеній, которыя я испытываю здѣсь, я всетаки съ какой-то теплою и тихою радостью думаю о моемъ скоромъ возвратѣ въ Степановку. Во второй половинѣ мая я надѣюсь быть уже въ Парижѣ и, посѣтивши Баденъ, повидаюсь съ Тургеневымъ, а тамъ и въ Россію. Но я надѣюсь еще получить отъ васъ письма въ Парижѣ.

Вашъ *В. Боткинъ*.

Парижъ.
21 мая 1864 г.

„Милые друзья, вчера была недѣля, какъ я въ Парижѣ. нужно было заказать бѣлье, платье и проч., и я могу выѣхать отсюда 24-го утромъ въ Баденъ, навѣстить Тургенева, гдѣ пробуду только одинъ день. При такой поспѣшности, въ какой я теперь нахожусь, и не слѣдовало бы заѣзжать, но какъ же не навѣстить пріятеля! Здѣсь стоятъ такіе невыносимые жары, что я совсѣмъ ослабѣлъ, да къ этому еще хлопоты,—и безъ слуги, просто выбился изъ силъ. А все спѣшу для того, чтобы пораньше пріѣхать въ Степановку. А сколько хлопотъ мнѣ предстоитъ въ Петербургѣ! Пріисканіе и наемъ квартиры, заказъ мебели и проч. Не знаю, какъ я со всѣмъ этимъ справлюсь. Авось все это я успѣю сдѣлать въ недѣлю, и тотчасъ въ Москву, гдѣ пробуду дня три. Но я буду еще писать изъ Петербурга. Прощайте.

Вашъ *В. Боткинъ*.

27 мая 1864 г.
Петербургъ.

„Не знаю, что будетъ дальше, а я вотъ и добрался до Петербурга благополучно и спѣшу написать вамъ нѣсколько строкъ. Я дорогой прихворнулъ — простудился. Желательно бы получить отъ тебя вѣсточку. Буду торопиться какъ только можно. Главный вопросъ теперь о квартирѣ: нужно пріискать ее теперь, а осенью будетъ поздно. Лучше адресуй мнѣ письмо въ Москву на имя конторы, да не будетъ ли порученій, я бы ихъ выполнилъ аккуратно. Я пріѣхалъ вчера вечеромъ".

28 мая.

„Вчера получилъ твое письмо изъ Москвы. Все это дѣло проклятой мельницы. Радуюсь, что могли отложить его до октября. Сегодня пускаюсь на отысканіе квартиры. Это для меня страшная обуза, — который никогда еще не жилъ на квартирѣ. Машинку для дѣланія мороженаго, разумѣется, куплю и привезу съ собою. Здѣсь только что начинаютъ переѣзжать на дачи, которыя нынѣшнее лѣто останутся наполовину пустыя; — множество поѣхало заграницу, не смотря на ужаснѣйшій курсъ. Повѣрьте, друзья, рвусь къ вамъ всѣмъ существомъ своимъ. Уже я слышу самые похвальные отзывы о статьѣ твоей „Изъ деревни". Вчера Абаза говорилъ, что прочелъ ее съ великимъ удовольствіемъ и ждетъ съ нетерпѣніемъ продолженія. Ржевскій точно также. Значитъ нравится всѣмъ порядочнымъ и дѣльнымъ людямъ. Кромѣ того, Абаза находитъ въ ней „что-то необыкновенно пріятное". Онъ не умѣлъ назвать вещь по имени: *поэтическое*. Да я и не читая увѣренъ былъ въ этомъ. Все это обязываетъ тебя непремѣнно продолжать, да съ этимъ ты и самъ согласишься. Такого ли мнѣнія Катковъ? Да я въ Москвѣ поддамъ ему пару. Впрочемъ, если онъ заартачится, то я предложу Дудышкину. И мнѣ какъ хочется пописать, да не знаю, хватитъ ли силъ.

„Вчера уже началъ пріисканіе квартиры, но цѣлый день прошелъ въ тщетныхъ поискахъ. Большихъ квартиръ въ восемь, девять и т. д. комнатъ много, а порядочныхъ неболь-

шихъ нѣтъ. Что-то будетъ сегодня? Обнимаю васъ крѣпко. Досвиданія.

Вашъ навсегда *В. Боткинъ.*

Слѣдующее письмо Тургенева изъ Баденъ-Бадена уже застало Боткина въ Степановкѣ:

6 іюня 1864 г.

Соборное посланіе

двумъ обитателямъ Степановки

отъ смиреннаго

Іоанна.

„Любезнѣйшій Фетъ!
На ваше риѳмованное
И милѣйшее письмо
Отвѣчать стихами
Я не берусь;
Развѣ тѣмъ размѣромъ,
Который съ легкой руки
Гёте и Гейне
Привился у насъ и сугубо
Процвѣлъ подъ перстами
Поэта, носящаго имя
Фетъ!
Размѣръ этотъ легокъ,
Но и коваренъ:
Какъ разъ по горло
Провалишься въ прозу,
Въ самую скудную прозу,—
И сиди въ ней,
Какъ грузныя сани
Въ весенней зажорѣ! —
Ну-съ, какъ-то васъ боги
Хранятъ

„Почтеннѣйшій Боткинъ!
Мнѣ слѣдовало бы также ударить въ струны лиры, чтобы достойно воспѣть письмо твое, сейчасъ полученное мною, въ которомъ ты такъ графически описалъ женщину-медика! Да, братъ, новыя пошли безобразія! Видно, судьба какъ только замѣтитъ, что люди признали какую-нибудь штуку каррикатурой, безобразіемъ, она сейчасъ распорядится такъ, чтобы эту же штуку поставить на пьедесталъ: покланяйтесь, молъ, дурачье! Воображаю я твою фигуру передъ этой Дульцинеей!

„Мнѣ очень жаль, что ты занемогъ въ Петербургѣ и квартиру не нашелъ по вкусу: ты

На лонѣ обширной
Тарелки,
Посрединѣ которой
Грибомъ крутобокимъ
Степановки милой
Засѣла усадьба? —
Надѣюсь — отлично;
Теперь же явился
Къ вамъ оный премудрый
Странникъ и зритель,
Зовомый Васильемъ
Петровичемъ Боткинымъ.
Онъ въ ваши предѣлы
Стремился, какъ рьяный
Конь,
И всѣ наши просьбы,
Наши жаркія убѣжденья
Презрѣлъ; такъ ужасно
Ему захотѣлось
Поѣсть вашихъ пулярокъ
Съ рисомъ и трюфелями,
Которыя запиваются
Шампанскимъ,
Здѣсь,—увы!—неизвѣстнымъ.
Признаться, не прочь бы
И я побывать тамъ:
Но очень это ужь далеко.
А я здѣсь остался
Въ цвѣтущемъ Эдемѣ
Баденъ-Бадена,
Въ которомъ однако
Вотъ уже болѣе мѣсяца
Царствуетъ противнѣйшій
Холодъ и вѣтеръ;
Льютъ дожди
Съ утра до вечера,
И вообще всякая гадость
И пакость
нашелъ однако Дмитрія: *)
развѣ онъ тебѣ не помогъ?
Впрочемъ, теперь, вѣроятно,
уже все рѣшено.

„Если ты наткнешься на какую нибудь статью въ Россійскомъ журналѣ, которая покажется тебѣ интересною, сдѣлай одолженіе, вырѣжь и пришли.

„Анненковъ пріѣдетъ сюда 25-го числа—черезъ недѣлю.

„Желаю тебѣ всего хорошаго, крѣпко жму твою руку и кланяюсь Марьѣ Петровнѣ.

Твой

Ив. Тургеневъ.

P. S. „Что слышно объ „Эпохѣ?“

*) Ниже будетъ о немъ говориться.

Совершается на̀ небѣ.
Что-то у васъ?
Но не смотря на все это,
Я процвѣтаю
Здоровьемъ:
Только ноги пухнутъ,
Пузырь болитъ,
Ноетъ правый вертлюгъ
Отъ ревматизма;
Затылокъ трещитъ
Отъ геморроя,
И глаза плохо видятъ;
Я жь, не унывая,
Пью какую-то мерзкую воду.
Засимъ прощайте,
Землянику ѣшьте,
Тетеревовъ лупите
И меня поминайте.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Князь Одоевскій писалъ мнѣ отъ 16 іюня 1864 года:

„Дошло ли до васъ, почтенный и любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, письмо мое отъ 1-го сего іюня, гдѣ я писалъ вамъ о вашемъ дѣлѣ и что оно на очереди 12-го іюня? Я не получилъ отъ васъ отвѣта. Оно слушалось 12-го; послѣдовало *разногласіе;* и оно пойдетъ вскорѣ въ Петербургъ на консультацію. Какъ жаль, что вы мнѣ не прислали никакого отвѣта. Мнѣ бы очень нужно было знать: неужели Шеншинымъ не было сдѣлано никакого движенія послѣ рѣшенія Временнаго Отдѣленія Земскаго Суда отъ 10 сентября 1860 года? Въ дѣлѣ вскользь находилось извѣстіе, что Шеншинъ *жаловался* Уѣздному Суду, но въ чемъ состояла жалоба и когда она была—въ дѣлѣ нѣтъ. Что сдѣлалъ Уѣздный Судъ—также неизвѣстно. Если Уѣздный Судъ отказалъ, то Шеншинъ жаловался ли въ Гражданскую Палату и притомъ когда? Всѣми этими свѣдѣніями вамъ необходимо запастися,

имѣть съ бумагъ, Шеншинымъ поданныхъ, копіи и дать имъ ходъ. Буду съ нетерпѣніемъ ожидать вашего отвѣта.

Вамъ душевно преданный
Князь В. Одоевскій.

P. S. „Какъ бы хорошо, если бы вы помирились съ вашимъ противникомъ; дѣло идетъ въ затяжку, а между тѣмъ онъ ловкій мошенникъ, ограждаетъ себя всѣми формальностями, которыя, впредь до аппеляціоннаго рѣшенія, въ настоящемъ моментѣ дѣла—суть вещь существенная. Да какъ вы ведете и ваше аппеляціонное дѣло? есть ли у васъ знающій юристъ, съ коимъ бы вы могли посовѣтоваться? Ибо сущая бѣда съ просителями не юристами".

Я не успѣлъ сказать, что Василій Петровичъ на этотъ разъ привезъ не итальянца, а Дмитрія, о которомъ Тургеневъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ. Перелистывая книгу жизни, я съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаюсь на личности этого Дмитрія, который, прослуживши съ примѣрной ревностью къ дѣлу и безукоризненной честностью Василію Петровичу Боткину (а угодить послѣднему было далеко не легко),—перешелъ какъ бы по наслѣдству къ меньшому брату Боткина М. П., у котораго до конца своихъ дней служилъ подъ именемъ Дмитрія Кирилловича. Если покойная Варвара Петровна Тургенева сумѣла въ средѣ окружающей ее прислуги образовать хотя одного Дмитрія Кирилловича, то честь ей и слава. Дмитрій Кирилловичъ (будемъ называть его такъ) настолько понималъ французскій языкъ, что говорить при немъ на этомъ языкѣ не значило говорить тайно. Посѣтители, столько разъ подробно описывавшіе Тургеневское Спасское, не могли не замѣтить темныхъ ширмъ, покрытыхъ прекрасными акварельными букетами. Эти букеты рисованы Дмитріемъ Кирил. Когда Варварѣ Петровнѣ подавали утромъ особенно понравившійся ей букетъ цвѣтовъ, она приказывала Дмитрію поставить его въ воду и затѣмъ срисовать. По поводу Дмитрія Кирилловича, передо мной возникаетъ смутный образъ Варв. Петр. Тургеневой, столь многократно выста[illegible]

«На диво черни простодушной»...

Я никогда лично ея не зналъ; но благодаря частымъ разсказамъ о ней Ник. Ник., далеко не представлялъ ее себѣ той безсердечной женщиной, какою она изображена въ нашей литературѣ. Выше мы имѣли случай говорить о бывшихъ слугахъ Варвары Петровны: зубномъ врачѣ Порфиріи, слугахъ Ивана Сергѣевича: Иванѣ, Захарѣ и наконецъ Дмитріи. Кромѣ невыносимаго болвана Ивана, всѣ они сохранили извѣстный оттѣнокъ школы и преданія; но въ этомъ смыслѣ Дмитрій Кирилловичъ былъ замѣчательнымъ явленіемъ, которое, къ сожалѣнію, выступило передо мною во всей значительности только въ настоящее время, т. е. много лѣтъ спустя послѣ его смерти. Такое запоздалое объясненіе былыхъ образовъ приводитъ мнѣ на память несравненный монологъ въ началѣ IV акта II-й части Фауста, выступающаго изъ облака.

Тутъ прежнее, давно прожитое, проносится съ небывалою полнотой и красотой передъ созерцательнымъ окомъ воспоминанія. Я всегда удивлялся Дмитрію Кирилловичу, какъ идеальному слугѣ, никогда не тяготившемуся избыткомъ или чернотою работы. Слѣдуетъ прибавить, что никто его не побуждалъ своими требованіями; все, что нужно въ домѣ, довѣренномъ его попеченіямъ, онъ зналъ лучше самого хозяина и безъ суеты умѣлъ все такъ приладить, чтобы необходимое въ данную минуту было у него подъ рукою въ наилучшемъ видѣ. Стоило вамъ однажды переночевать при услугахъ Дмитрія Кирилловича, чтобы вы уже всегда находили ваши вещи въ самомъ удобномъ для васъ порядкѣ. Надо прибавить, что и у Вас. Петр., и у Мих. Петр. Боткиныхъ Дмитрій Кирил. бывалъ одинъ на всю квартиру, и надо было видѣть порядокъ, въ которомъ содержались квартиры, не взирая на ежедневныхъ посѣтителей. Вернувшись какъ нибудь въ неурочное время, вы могли застать далеко уже немолодаго Дмитрія Кирилловича въ бѣломъ фартукѣ на суконной подстилкѣ стоящимъ на подоконникѣ и тщательно обмывающимъ губкою оконныя стекла. Разъ только въ жизни пришлось мнѣ услыхать восклицаніе ропота изъ устъ Дмитрія Кирилловича. Я останавливался въ Петербургѣ у Василія Петровича въ домѣ Ѳедорова, непосредственно соединенномъ

черезъ дворъ съ Англійскимъ клубомъ. По условію Боткинъ посылалъ ежедневно за своими обѣдами въ клубъ, что, конечно, находилъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе удобнымъ. Но затрудненіе, получить на кухнѣ клуба обѣдъ, увеличивалось, если за послѣднимъ приходили въ самый развалъ многочисленныхъ клубныхъ гостей и притомъ требуя не одного, а нѣсколькихъ обѣдовъ. Василій Петровичъ, любившій обѣдать внѣ дома, по временамъ приглашалъ къ себѣ своихъ пріятелей, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы, въ зависимости отъ помѣщенія и сервизовъ, число обѣдающихъ не превышало десяти человѣкъ. Не удивительно, что, при разнообразныхъ интересахъ и кратковременномъ моемъ пребываніи въ Петербургѣ, я не входилъ въ механизмъ холостаго хозяйства Боткина. Я видѣлъ, что обѣдъ подавался превосходный и, не взирая на зимній переходъ изъ клуба, совершенно горячій; но я только позднѣе узналъ, что въ собственной кухнѣ у Дмитрія Кирил. горѣли спиртовыя лампы, на которыхъ принесенныя блюда ожидали своей очереди. Всякій хозяинъ знаетъ, какое сложное дѣло при нынѣшней сервировкѣ раздвинуть столъ, солидно заправивъ вставную доску, во избѣжаніе, какъ это случается, печальнаго крушенія, и поставить передъ каждымъ кувертомъ цѣлый наборъ разнородной хрустальной посуды,—если все это исполняется въ однѣ руки.

Однажды Василій Петровичъ пригласилъ пріятелей обѣдать. Помню, что въ числѣ ихъ былъ несравненный поэтъ и мыслитель Ѳ. И. Тютчевъ. Разнообразная закуска красовалась на буфетѣ, а накрытый столъ сверкалъ граненымъ хрусталемъ. Вдругъ въ корридорѣ раздался звонокъ, и совершенно неожиданно вошли два новыхъ посѣтителя. Василій Петровичъ, подбѣжавши ко мнѣ, шепнулъ: „скажи Дмитрію, чтобы онъ спросилъ два лишнихъ обѣда“. Прошедши по направленію къ неизвѣстной мнѣ кухнѣ, я тотчасъ догадался, что Дмитрій въ клубѣ, и что его надо ожидать по задней лѣстницѣ. Черезъ минуту слышу шуршаніе домоваго ключа въ замочной скважинѣ, дверь отворяется, и передо мною Дмитрій, восходящій съ двумя судками, и за нимъ съ такими же судками неизвѣстное мнѣ лицо, оказавшееся проживающимъ у Боткина мѣсячнымъ извощикомъ.

— Дмитрій, сказалъ я подымавшемуся ко мнѣ слугѣ, — пришли два гостя, и Василій Петровичъ требуетъ двухъ добавочныхъ обѣдовъ.

— Господи! застоналъ Дмитрій. — Что-жь тутъ-то дѣлать!?

Какихъ усилій стоило Дмитрію разрѣшеніе новой задачи — не знаю; но мы обѣдали въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда, по смерти Василія Петровича, Дмитрій Кирил. служилъ уже у Михаила Петровича, я не могу забыть слѣдующаго момента. Собиратель майоликъ Мих. П. Боткинъ приглядѣлъ на аукціонѣ графини Кушелевой дорогое итальянское блюдо съ похищеніемъ Елены. Въ извѣстный день Боткинъ входитъ со сдержаннымъ торжествомъ, а за нимъ Дмитрій Кир. въ завязанной салфеткѣ несетъ драгоцѣнное блюдо, нимало не скрывая своего восторга. Хотя я смѣло могу сказать, что никогда не встрѣчалъ такого образцоваго служителя, но не могу промолчать о немъ, какъ о выдающемся явленіи изъ далеко непривлекательнаго типа нашихъ слугъ. Типъ этотъ вообще представляетъ раболѣпное униженіе передъ непосредственной возможностью тычка съ одной стороны и высокомѣрное презрѣніе при возможной безнаказанности. Выдающимся признакомъ неблаговоспитанности служитъ злоупотребленіе благодушнымъ обращеніемъ. Увы! — эта черта не одной только прислуги и не къ ней одной приложимо слово: забываться. Никакое любезное обращеніе не могло ни на минуту поколебать спокойнаго убѣжденія Дмитрія Кирилов. и измѣнить его ровнаго, свободнаго и почтительнаго тона. Онъ видимо допускалъ любезность высшихъ только до извѣстныхъ предѣловъ. Такой благовоспитанности Дмитрія Кирилловича могли бы позавидовать многіе.

Толстой писалъ отъ 15 іюля 1864 года:

„Милый другъ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Тоже два слова. Жена диктуетъ: весь домъ боленъ. А я отъ себя прибавляю: и начинаетъ выздоравливать. Ваше приглашеніе всѣхъ порадовало. Мы переглянулись съ женою и съ Таней (свояченицей), улыбнулись всѣ: „а вотъ бы славно! поѣдемъ къ Фетушкѣ, ей-Богу“. И поѣхали бы, коли бы не горловая боль

Тани, отъ которой она была въ опасности и теперь лежитъ, и не болѣзнь Сережи, и не восьмой мѣсяцъ беременности Сони, причемъ, обдумавъ здраво, не слѣдуетъ предпринимать такія поѣздки. Я же желаю и надѣюсь быть. Пока душевно кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и Василія Петровича обнимаю. Отъ Дарки черная сучка черезъ три недѣли къ вашимъ услугамъ. Досвиданья.

Л. Толстой.

Словно недостаточно было одного безконечнаго, мельничнаго процесса, ближайшій Тимской сосѣдъ мой, старый полковникъ, вызывалъ меня письмомъ на совѣщаніе для принятія мѣръ противъ претензій государственныхъ крестьянъ на нашу дачу. Не удивительно, что любознательный Василій Петровичъ, совершенно незнакомый съ нашей проселочной русской жизнью, съ удовольствіемъ схватился за мысль ѣхать съ нами на Тимъ самымъ походнымъ способомъ, т. е. въ одной колескѣ, съ поваромъ Михайлой на козлахъ рядомъ съ кучеромъ. Къ счастію, въ то время въ 10-ти верстахъ отъ насъ находилась почтовая станція, гдѣ можно было нанять лошадей до постоялаго двора съ вольными ямщиками. Это обстоятельство дозволило намъ, рано выѣхавши, пріѣхать еще засвѣтло въ нашу новую Тимскую усадьбу, въ которой, при освѣжительномъ лѣсномъ ароматѣ, не оказалось ни одной мушки. Василій Петровичъ поселился въ одной изъ большихъ комнатъ, выходящихъ въ залу, и восторгамъ его не было конца, при панорамѣ, открывавшейся съ обрыва берега, на который была обращена терраса нашего домика. Къ этому надо прибавить отличную уху, которою кормилъ насъ Михайла, необычайно чистую и легкую воду, бившую изъ родника въ нѣсколькихъ шагахъ отъ балкона, и замѣчательную стройность и красоту брюнетовъ крестьянъ. Возвращаясь съ обычныхъ прогулокъ, Боткинъ не переставалъ приходить въ изумленіе отъ красиваго восточнаго типа мужчинъ рядомъ съ бѣлокурымъ, курносымъ, финскимъ типомъ женщинъ. Понятно, что остроносый и смуглый типъ сохранился подъ Ливнами на бывшемъ пути Золотой Орды; но странно, что этотъ типъ нимало не сообщился женской половинѣ народонаселенія.

Условившись съ полковникомъ К. насчетъ совмѣстнаго образа дѣйствій по притязаніямъ крестьянъ, я рѣшился вернуться домой. По пріѣздѣ въ Степановку, мы нашли письмо Тургенева отъ 26 іюля 1864 г. изъ Баденъ-Бадена:

„Любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., я вообще часто думаю объ васъ, но въ послѣдніе два-три дня особенно часто, ибо читалъ „Изъ деревни“ въ Русскомъ Вѣстникѣ и ощущалъ при этомъ значительное удовольствіе. Правда, просто и умно разсказанная, имѣетъ особенную прелесть. Сверхъ того я вспомнилъ, что не отвѣчалъ на ваше послѣднее письмо, и вотъ я и принялся за перо.

„О себѣ не имѣю ничего сказать особеннаго, но вопреки извѣстной дипломатической фразѣ: „pas de nouvelles,—bonne nouvelle“—подвергался нѣкоторымъ непріятностямъ: страдалъ зубами (невралгіей) жестоко въ теченіи трехъ недѣль, потомъ простудился; однако теперь поправился и ужь мысленно готовлюсь къ охотѣ, которая начинается у насъ черезъ мѣсяцъ. А вы, мой батюшка, уже колотили тетеревовъ? Я отъ Борисова узналъ, что вы съ Боткинымъ отправились на мельницу „ѣсть рыбу“. Дай Богъ вамъ хорошій аппетитъ! Поклонитесь отъ меня Василію Петровичу.

„Стихотвореніе ваше очень мило.

„Засимъ отъ души васъ обнимаю, кланяюсь усердно вашей женѣ и великому Д. Базиліо и остаюсь

преданный вамъ

вѣчно Баденскій житель *Ив. Тургеневъ.*

Убѣдившись изъ письма Одоевскаго объ окончательномъ переходѣ мельничнаго процесса изъ московскаго сената въ Петербургъ въ консультацію, при министерствѣ учрежденную, мы рѣшили съ Василіемъ Петровичемъ спѣшить ему на помощь въ Петербургъ. Мнѣ было пріятно, что Василій Петровичъ съ такимъ же беззавѣтнымъ чувствомъ стремился въ Ясную Поляну, въ которой мы по дорогѣ провели самый пріятный день. Изъ Москвы мы поѣхали въ Петербургъ вмѣстѣ съ Василіемъ Петровичемъ, и въ вагонѣ при видѣ своего знакомаго онъ воскликнулъ:

„Господа! позвольте васъ познакомить. Я вижу въ этой случайности хорошее предзнаменованіе. Это какъ разъ юрисъ-консультъ Н. П. С—ъ, и ты можешь попросить его совѣта насчетъ своего дѣла. А онъ, я увѣренъ, будетъ тѣмъ внимательнѣе, что самъ превосходными стихами переводитъ Мицкевича“.

Въ Петербургѣ я и самъ разыскалъ давно знакомаго мнѣ другаго юрисъ-консульта, образованнаго и любезнаго Н. В. К—а. Но съ больною мельницей происходило то же самое, что бываетъ съ каждымъ больнымъ. Доктора, сколько бы ихъ ни призывали, хотя бы первоклассныхъ, любезно кланяются и самымъ внушительнымъ тономъ говорятъ слова, изъ которыхъ никто не въ состояніи вывесть опредѣленнаго заключенія. Тѣмъ не менѣе я пустился на поиски самыхъ крупныхъ врачей, въ видѣ завѣдующаго министерствомъ юстиціи. Узнавши черезъ общаго знакомаго о дняхъ, въ которые товарищъ министра С—ій обѣдаетъ въ Англійскомъ клубѣ, мы неукоснительно въ эти дни стали обѣдать тамъ съ Васил. Петров.

Я не встрѣчалъ человѣка, въ которомъ бы стремленіе къ земнымъ наслажденіямъ высказывалось съ такой беззавѣтной откровенностью, какъ у Боткина. Можно было бы подумать, что онъ древній грекъ, заставившій Шиллера въ своемъ гимнѣ „Боги Греціи“ воскликнуть:

«Было лишь прекрасное священно,
Наслажденья не стыдился богъ»...

Но нигдѣ стремленіе это не проявлялось въ такой полнотѣ, какъ въ клубѣ передъ превосходною закускою.

„Вѣдь это все прекрасно! восклицалъ Боткинъ съ сверкающими глазами.—Вѣдь это все надо ѣсть!“

Когда я въ возможной краткости изложилъ С—у дѣло мельницы, онъ спросилъ: „вы о чемъ же собственно просите?“—поставивши этимъ вопросомъ меня въ затрудненіе. Когда, указывая на преднамѣренную путаницу, введенную въ дѣло противникомъ, я сталъ просить о вниманіи къ дѣлу, С—ій сказалъ: „могу васъ увѣрить, что я каждое дѣло, проходящее черезъ мои руки, разсматриваю съ полнымъ вниманіемъ“.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, мнѣ не о чемъ болѣе просить.

Однажды, когда я вернулся домой, Василій Петровичъ встрѣтилъ меня словами: „здѣсь былъ графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, желающій съ тобою познакомиться. Онъ просилъ насъ послѣ завтра по утреннему поѣзду въ Саблино, гдѣ его лошади будутъ поджидать насъ, чтобы доставить въ его Пустыньку. Вотъ письмо, которое онъ тебѣ оставилъ".

Въ назначенный день коляска по спеціальному шоссе доставила насъ изъ Саблина версты за три въ Пустыньку. Надо сознаться, что въ степной Россіи нельзя встрѣтить тѣхъ свѣтлыхъ и шумныхъ рѣчекъ, бѣгущихъ средь каменныхъ береговъ, какія всюду встрѣчаются на Ингерманландскомъ побережьи. Не стану распространяться о великолѣпной усадьбѣ Пустыньки, построенной на живописномъ правомъ берегу горной рѣчки, какъ я слышалъ, знаменитымъ Растрелли. Домъ былъ наполненъ всѣмъ, что вкусъ и роскошь могли накопить въ теченіи долгаго времени, начиная съ художественныхъ шкапофъ Буля до мелкой мебели, которую можно было принять за металлическую литую. Я не говорю о давнишнемъ знакомомъ Василіи Петровичѣ; но и меня графъ и графиня, несказанной привѣтливостью и истинно высокой простотою, сумѣли съ перваго свиданія поставить въ самыя дружескія къ себѣ отношенія. Не взирая на самое разнообразное и глубокое образованіе, въ домѣ порой проявлялась та шуточная улыбка, которая потомъ такъ симпатически выразилась въ сочиненіяхъ „Кузьмы Пруткова". Надо сказать, что мы какъ разъ застали въ Пустынькѣ единственнаго гостя Алексѣя Михайл. Жемчужникова, главнаго вдохновителя несравненнаго поэта Пруткова. Шутки порою проявлялись не въ однихъ словахъ, но принимали болѣе осязательную, обрядную форму. Такъ гуляя съ графиней по саду, я увидалъ въ каменной нишѣ огромную, величиною съ собачку, лягушку, мастерски вылѣпленную изъ зеленой глины. На вопросъ мой—„что это такое?"—графиня со смѣхомъ отвѣчала, что это цѣлая мистерія, созданная Алексѣемъ Михайловичемъ, который требуетъ, чтобы другіе, подобно ему, приносили цвѣтовъ въ даръ его лягушкѣ. Такъ я и по сей день не

проникъ въ тайный смыслъ высокой мистеріи. Не удивительно, что въ домѣ, посѣщаемомъ не профессіональными, а вполнѣ свободными художниками, штукатурная стѣна вдоль лѣстницы во второй этажъ была забросана большими миѳологическими рисунками чернымъ карандашемъ. Графъ самъ былъ тонкій гастрономъ, и я замѣчалъ, какъ Боткинъ преимущественно передъ всѣми наслаждался превосходными кушаньями на лондонскихъ серебряныхъ блюдахъ и подъ такими же художественными крышками.

Въ теченіи моего разсказа мнѣ придется еще говорить о графѣ Алексѣѣ Константиновичѣ. Но не могу не сказать, что съ перваго дня знакомства я исполнился глубокаго уваженія къ этому безукоризненному человѣку. Если поэтъ и такой, что, по словамъ Пушкина:

«И средь дѣтей ничтожныхъ міра
Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ»...

—способенъ въ минуту своего поэтическаго пробужденія привлекать и уносить насъ за собою, то мы не можемъ безъ умиленія смотрѣть на поэта, который, подобно Алексѣю Констант., никогда по высокой природѣ своей не могъ быть ничтожнымъ.

То, о чемъ мнѣ придется разсказать теперь, въ сущности нимало не противорѣчитъ моимъ взглядамъ на вещи, такъ какъ я знаю, что еслибы мнѣ говорить только о томъ, что я совершенно ясно понимаю, то въ сущности пришлось бы молчать.

Часу въ девятомъ вечера мы всѣ, въ числѣ упомянутыхъ пяти человѣкъ, сидѣли наверху въ небольшой графининой пріемной, примыкавшей къ ея спальнѣ. Я зналъ, что Боткинъ не дозволялъ себѣ никогда разсказывать неправды, и что отъ него жестоко досталось бы всякому, заподозрившему его въ искаженіи истины; и вдругъ въ разговорѣ, начало котораго я не разслышалъ, Василій Петровичъ обратился къ хозяйкѣ дома:

— А помните, графиня, какъ въ этой комнатѣ при Юмѣ столъ со свѣчами поднялся на воздухъ и сталъ качаться, и я полѣзъ подъ него, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли тамъ какихънибудь нитокъ, струнъ или тому подобнаго, но ничего не на-

шелъ? А затѣмъ помните ли, какъ вонъ тотъ вашъ столикъ изъ своего угла пошелъ, пошелъ и взлѣзъ на этотъ диванъ?

— А не попробовать ли намъ сейчасъ спросить столикъ? сказалъ графъ.—У графини такъ много магнетизма.

Столоверченіе было уже давно въ ходу, и, конечно, мнѣ шутя приходилось принимать въ немъ участіе. Но никогда еще серьезные люди въ моемъ присутствіи не относились такъ серьезно къ этому дѣлу. Мы усѣлись за раскрытый ломберный столъ въ такомъ порядкѣ: графъ съ одной стороны стола противъ меня, по лѣвую его руку графиня и Жемчужниковъ, а напротивъ ихъ, по правую сторону графа, Боткинъ на диванѣ. Возбужденный любопытствомъ до крайности, я не выдержалъ и сказалъ: „пожалуйста будемте при опытѣ этомъ сохранять полную серьезность“. Говорилъ я это внутренно по-адресу ближайшаго сосѣда своего Жемчужникова, за которымъ я далъ себѣ слово внимательно наблюдать.

— Кого же вы считаете способнымъ къ несерьезности? спросила графиня и тѣмъ убѣдила меня въ неосновательности моего подозрѣнія.

Соприкасаясь мизинцами, мы составили на столѣ непрерывный кругъ изъ рукъ. Занавѣски на окнахъ были плотно задернуты, и комната совершенно ясно освѣщена. Минуты черезъ двѣ или три послѣ начала сеанса я ясно услыхалъ за занавѣсками оконъ легкій шорохъ, какъ будто производимый бѣготнею мышей по соломѣ. Конечно, я принялъ этотъ шумъ за галлюцинацію напряженнаго слуха, но затѣмъ почувствовалъ несомнѣнное дуновеніе изъ подъ стола въ мои свѣсившіяся съ краю ладони. Только что я хотѣлъ объ этомъ заявить, какъ сидѣвшій противъ меня графъ тихо воскликнулъ: „господа, вѣтерокъ, вѣтерокъ. Попробуй ты спросить, обратился онъ къ женѣ: они къ тебѣ расположены“. Графиня отрывисто ударила въ зеленое сукно стола, и въ ту же минуту послышался такой же ударъ навстрѣчу изъ подъ стола.

— Я ихъ попрошу, сказалъ графъ, пойти къ Аѳан. Аѳан., и онъ сказалъ: allez chez monsieur, — прибавя: они любятъ, чтобы ихъ просили по-французски. Спросите ихъ ямбомъ, продолжалъ онъ.

Я постучалъ и получилъ въ отвѣтъ усиленно звучные

удары ямбомъ. То же повторилось съ дактилемъ и другими размѣрами; но съ каждымъ разомъ интервалы между ударами становились больше, а удары слабѣе, пока совсѣмъ не прекратились.

Я ничего не понималъ изъ происходящаго у меня подъ руками и, вѣроятно, умру, ничего не понявши.

Дня черезъ два затѣмъ я уже былъ въ Москвѣ, а оттуда проѣздомъ въ Степановку завернулъ къ Борисову въ Новоселки. Красивый, но съ необыкновенно большою головою маленькій Петруша Борисовъ былъ кумиромъ своего отца, и не удивительно, такъ какъ это былъ портретъ обожаемой мужемъ Нади. Когда-то едва лишь изъ пеленъ онъ былъ внесенъ матерью въ гостиную, въ которой случайно были братья Толстые, Николай и Левъ, и Тургеневъ. Ребенокъ безъ капризовъ охотно шелъ на руки къ стороннимъ и, согласно желанію Борисова, мы всѣ передержали его по очереди на рукахъ. Бѣдный ребенокъ, какъ мало пошло ему въ прокъ придуманное предзнаменованіе; но во всякомъ случаѣ это былъ мальчикъ, изъ ряду вонъ выходящій. Бѣгло читая уже семи лѣтъ, онъ скоро бросилъ дѣтскія книжки и, перечитывая Иліаду Гнѣдича, отчетливо помнилъ всѣ описанныя въ ней событія вмѣстѣ съ главнѣйшими дѣйствующими лицами. Въ настоящее время при немъ проживалъ въ качествѣ дядьки нѣмецъ Ѳедоръ Ѳедор. Ауфманъ. Небольшаго роста, остроносенькій, въ аккуратно пригнанной накладкѣ, съ лицомъ, испещреннымъ веснушками, добродушный Ѳедоръ Ѳедоров. напоминалъ коростеля. Конечно, онъ не могъ привлечь къ себѣ вниманія любознательнаго мальчика съ одной стороны, а съ другой обожаніе отца лишало Ѳедора Ѳедоровича и того нравственнаго вліянія, которое его лѣта должны бы производить на ребенка.

— Знаешь ли ты, кто къ намъ пришелъ? спросилъ меня Иванъ Петровичъ: — ни за что не отгадаешь: Сергѣй Мартыновичъ. Помнишь, нашъ общій дядька, когда мы проживали у васъ въ Новоселкахъ.

— Быть не можетъ! воскликнулъ я.—Лѣтъ тридцать тому назадъ еще до отъѣзда моего въ Верро, когда ты уже былъ въ кадетскомъ корпусѣ, онъ отошелъ отъ насъ и отправился

вмѣстѣ съ господиномъ Каврайскимъ, женатымъ на сестрѣ бывшаго его господина Мансурова въ Вятку, гдѣ Каврайскій устроилъ винокуренный заводъ.

— Знаю, знаю! воскликнулъ Иванъ Петровичъ. — Тамъ Мартыновичъ нашъ женился и купилъ землю, но по смерти жены и Каврайскихъ все продалъ и съ деньгами вернулся на родину въ бывшій Мансуровскій Подбѣлевецъ, въ 4-хъ вер. отъ Новоселокъ.

— Боже! воскликнулъ я, — возможно ли, чтобы подобные Мартыновичу люди самобытно существовали на земномъ шарѣ? Онъ могъ жить у Мансурова, у насъ, у Каврайскаго; но я представить не могу, чтобы подобный человѣкъ жилъ гдѣ либо самостоятельно.

— Но за то такова эта и самостоятельность, замѣтилъ Иванъ Петровичъ. — По своему добродушію онъ поселился у родныхъ своихъ братьевъ, бывшихъ Мансуровскихъ крестьянъ, и тѣ, конечно, съ того начали, что обобрали его вчистую, за исключеніемъ платья и медвѣжьей шубы, завѣщанныхъ ему покойнымъ бариномъ, и которыхъ онъ, не смотря на малый ростъ свой не передѣлывалъ съ большаго роста, а только подворачивая рукава и брюки проносилъ всю свою жизнь. Вообрази, что, не взирая на лѣта, онъ по наружности весьма мало измѣнился, и въ рыжеватыхъ его вискахъ нѣтъ ни одного сѣдаго волоса. Зато ничто не можетъ сравниться съ его нищетою. Обобравшіе его братья его не кормятъ. Я очень радъ, продолжалъ Борисовъ, случаю поговорить съ тобою о старикѣ. Невозможно оставить его, безпомощнаго, въ такомъ положеніи, и если мы съ тобой дадимъ ему въ мѣсяцъ по 2 р. 50 к., то по крайней мѣрѣ онъ не умретъ голодной смертью.

Конечно, я съ радостью принялъ это предложеніе и тутъ же выложилъ свою часть за два мѣсяца. Слуга доложилъ, что Сергѣя Мартыновича накормили на кухнѣ, и онъ пришелъ въ переднюю. „Веди его, сюда въ кабинетъ“, сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Сергѣй Мартыновичъ! воскликнулъ Борисовъ навстрѣчу вошедшему и дѣйствительно мало измѣнившемуся старику. — Узнаете ли, кто передъ вами?

— Слышалъ, надобно сказать. отъ людей и очень, надобно сказать, радъ. Что жь охотитесь, Аѳ. Аѳ.? Плохая, надобно сказать, стала охота.

— Садитесь-ка, Сергѣй Мартыновичъ, сказалъ Борисовъ.— Я вотъ сказывалъ брату, какъ вамъ плохо у братьевъ, и вы будете получать отъ насъ мѣсячное содержаніе.

— А я, сказалъ Мартыновичъ, буду, надобно сказать, за васъ Богу молить. Отняли братья все, надобно сказать, все отняли.

Въ это время прибѣжалъ въ комнату Петруша и, искоса поглядывая на Мартыныча, прислонился къ колѣнямъ отца.

— Вотъ нагулялись, надобно сказать, набѣгались, миленькій. Слава Богу, миленькій! Надо, миленькій, уважать папашу, мамашу?“

Недружелюбіе еще сильнѣе выразилось на лицѣ ребенка, и онъ полуслезливымъ голосомъ воскликнулъ: „фразы говоритъ! фразы говоритъ!“

Иванъ Петровичъ позвонилъ слугу и сказалъ: „вели Ѳедору запречь бураго въ бѣгунки и отвезть Сергѣя Мартыновича въ Подбѣлевецъ.— Ну, Сергѣй Мартыновичъ, сказалъ Иванъ Петровичъ, вручая старику пятирублевую ассигнацію: смотрите, не отдавайте братьямъ денегъ; а то они и эти отнимутъ.

— Отнимутъ, Иванъ Петровичъ!

— Вотъ вы и не давайте!

— Не дамъ, надобно сказать, не дамъ.

На другой день я рано утромъ уѣхалъ въ Степановку.

Боткинъ писалъ изъ Петербурга отъ 13 сентября 1864 г.:

„Здравствуйте, добрые друзья! Сегодня первую ночь ночевалъ на своей квартирѣ и нахожу ее довольно удобною. Но она еще вовсе не устроена, а если дожидаться, когда мебельщикъ доставитъ заказанную мебель и проч., то мнѣ должно жить еще долго въ гостинницѣ. Но и въ такомъ видѣ въ ней ночевать можно. Я утомился отъ всяческихъ хлопотъ по разнымъ покупкамъ; главное, всегда затрудняетъ меня выборъ и колебаніе между тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ,—это утомляетъ меня до изнеможенія.

„Я не утерпѣлъ и зашелъ къ Николаеву узнать о твоемъ дѣлѣ, ибо увѣряли, что оно должно было поступить на кон-

сультацію 12 сентября. Но тамъ узналъ я только то, что оно на эту очередь не поступило. Но увы! больше ничего не узналъ, да и узнать не отъ кого. Можно сказать, что оно въ рукахъ судьбы, и кромѣ того мнѣніе П—ва бросаетъ мрачную тѣнь на его перспективу. Потребно необыкновенное стеченіе самыхъ благопріятныхъ вниманій и расположеній, чтобы вывести его изъ мрака лживости на разумный путь. Николаевъ самъ ничего не знаетъ, да и кто можетъ знать, кромѣ самихъ консультантовъ, которые тоже даютъ каждый свое отдѣльное мнѣніе. Будетъ ли большинство этихъ мнѣній согласно съ П—ымъ, или противъ него,—это узнается только тогда, когда эти мнѣнія въ совокупности поступятъ къ министру, за котораго теперь управляетъ С—ій.

„Хотя заграничный паспортъ взятъ, но я все еще не рѣшилъ, когда я поѣду. Если что заставитъ меня ѣхать, такъ это неустроенная квартира. Въ настоящее время съ мебельщиками бѣда: все торопится, все суетится и ничего нейдетъ. Мой мебельщикъ обѣщаетъ сдать не ранѣе 2 или 3 недѣль, и, смотря на его умоляющее лицо, — теряешь возможность сердиться. Впрочемъ все равно, уѣду ли я или нѣтъ,—твое письмо перешлютъ мнѣ въ Берлинъ.

„Благополучно ли все въ Степановкѣ? И какъ ваша поѣздка на Тимъ? Въ мировую съ Б—ымъ я не вѣрю, а готовность его есть только слова и слова. Развѣ что условія мировой будутъ для него совершенно выгодны, а въ противномъ случаѣ вся выгода его—не мириться.

„Итальянская опера уже открылась, но я еще не былъ. Въ такомъ смутномъ состояніи музыка не привлекаетъ. Карточки твои отдалъ Б—й и провелъ у нихъ весь вечеръ и даже ужиналъ. Вотъ типы добродушнѣйшихъ женщинъ и безыскусственныхъ! Но увы! я стою передъ ихъ земною, стихійною силой, какъ Фаустъ передъ духомъ земли, котораго онъ вызвалъ, — сознавая свою ничтожность. Для такихъ могучихъ организмовъ нужны Голіафы и Самсоны. Для такихъ натуръ поэзія не существуетъ. И слава Богу—они не говорятъ возвышенныхъ фразъ и тѣмъ пріятнѣе. Прощайте и пишите уже мнѣ на мою квартиру въ Караванную, 14.

Вашъ *В. Боткинъ.*

II.

Снова ѣдемъ на Тимъ.—Мировой посредникъ С. С. Клушинъ.—Разверстаніе съ крестьянами.—Мировая съ Б—ымъ.—Возвращеніе домой.—Ночлегъ въ деревнѣ.—Письма.—Снова въ Москву.—По дорогѣ заѣзжаемъ въ Спасское.—Поѣздка въ Петербургъ къ В. П. Боткину.—Возвращеніе въ Степановку.—Анна Семеновна Бѣлокопытова.—Пріѣздъ Тургеневыхъ къ намъ.

Съ окончаніемъ озимаго посѣва и молотьбы въ Степановкѣ, необходимо было позаботиться о тѣхъ недодѣлкахъ, которыя постоянно оставались въ дѣлахъ брата Петруши. Надо было подумать о разверстаніи съ Тимскими крестьянами, какъ о дѣлѣ первой важности во всякомъ населенномъ имѣніи.

На этотъ разъ безъ Василія Петровича мы отправились туда съ женою въ небольшой коляскѣ на своихъ лошадяхъ, съ тѣмъ же поваромъ Михайлой на козлахъ, причемъ приходилось не только кормить, но и ночевать дорогой на разстояніи 90 верстъ.

На Тиму, согласно цѣли поѣздки, я долженъ былъ ѣхать за 12 верстъ знакомиться съ мѣстнымъ мировымъ посредникомъ, Сергѣемъ Семеновичемъ Клушинымъ. Не могу безъ душевнаго умиленія вспомнить этого вполнѣ русскаго и вполнѣ прекраснаго человѣка. Не удивительно, что такое трудно исполнимое дѣло скоро и блистательно окончено руками такихъ образцовыхъ людей. Я засталъ Сергѣя Семеновича въ его кабинетѣ, а затѣмъ, когда мы успѣли болѣе познакомиться, онъ все въ томъ же парусинномъ костюмѣ, доставлявшемъ прохладу его шарообразному тѣлу, провелъ меня въ большую залу, служившую вмѣстѣ и гостиной, и представилъ

своей матери старушкѣ. Видно было, что прекрасный домъ и другія немногочисленныя постройки окончены недавно, и Сергѣй Семеновичъ разсказывалъ, какъ онъ, не обладая большими средствами, въ теченіи шести лѣтъ готовилъ строительный матеріалъ и исподволь производилъ постройку. Зато все было сдѣлано обдуманно и выгодно, начиная съ камернаго отопленія соломой и кончая прекрасными рамами и дверями.

Свой архитектурный талантъ Сергѣй Семеновичъ, между прочимъ, проявилъ и на приходской церкви, въ которой состоялъ церковнымъ старостой и мимо которой мнѣ каждый разъ приходилось проѣзжать къ нему. Онъ, не трогая каменнаго купола храма, переложилъ его весь, значительно увеличивъ размѣры. По дѣламъ мнѣ неоднократно приходилось бывать у Сергѣя Семеновича, даже въ дни, когда онъ по службѣ уѣзжалъ въ Ливны, и я оставался съ глазу на глазъ съ его добрѣйшей матерью, боготворившей его. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ она расположилась въ креслѣ у самой стеклянной двери на террасу, съ которой черезъ лужайку виднѣлся пчельникъ и прекрасная липовая аллея. Мать и сынъ такъ привыкли къ своимъ пчеламъ, что ограничивались равнодушными замѣчаніями, что пчелы не кусаютъ. И дѣйствительно, хотя мнѣ случалось сидѣть на террасѣ даже въ обществѣ гостей, — я никогда не слыхалъ, чтобы пчелы кого-либо укусили. На этотъ разъ я спросилъ у старушки, что значатъ многочисленные бѣлые свертки салфетокъ на клумбахъ передъ террасой, — и получилъ въ отвѣтъ, что она ежедневно завертываетъ георгины на случай утреннихъ морозовъ.

— Сергѣй Семеновичъ, замѣтила она, просилъ васъ откушать, и право такъ совѣстно заставлять васъ ждать; но онъ не такой человѣкъ, чтобы тратить время по пустому: должно быть дѣла задержали. Да и проѣдетъ онъ изъ Ливенъ 25 верстъ не болѣе двухъ часовъ; онъ, вы знаете, охотникъ до хорошихъ лошадей и по здѣшнему ѣздитъ всегда съ тремя колокольчиками на дугѣ.

— Какъ не знать! я даже знаю, что они съ братомъ моимъ давнишніе пріятели, и что онъ подбиралъ себѣ у брата пристяжныхъ изъ кровныхъ верховыхъ. Разсказывалъ онъ мнѣ,

какъ онъ лѣчилъ одну изъ прежнихъ пристяжныхъ отъ норова.

— Какъ же, какъ же, перебила меня старушка: заноровилась какъ то у него пристяжная среди поля. Онъ и послалъ кучера на другой пристяжной въ деревню раздобыться коломъ. Забили они этотъ колъ утромъ да и привязали пристяжную и продержали до самого вечера безъ корма. Съ той поры норовъ какъ рукой сняло.

— Да, замѣтилъ я, такія вещи можно только дѣлать съ терпѣніемъ Сергѣя Семеновича и съ его страстью къ лошадямъ.

Долго еще разговаривали мы со старушкой, отрывавшей по временамъ глаза отъ чулка, чтобы бросить взоръ въ стеклянную дверь. Вдругъ она вскочила съ кресла и, какъ свѣча вытянувшись во весь свой небольшой ростъ, восторженно крикнула: „Сергѣй Семеновичъ! Кушать!“ прибавила она по адресу стараго слуги.

Какъ я ни старался вслушиваться, я въ теченіи пяти минутъ не могъ разслушать ни малѣйшаго звука. Но не ошиблось любящее ухо матери: черезъ нѣкоторое время услыхалъ и я малинный звонъ трехъ колокольчиковъ.

— Меня то задержали, сказалъ входящій Сергѣй Семеновичъ, а вотъ вы то, маменька, и себя, и гостя истомили понапрасну.

— Ну ужь извини Сергѣй Семеновичъ! безъ тебя бы мнѣ и обѣдъ не въ обѣдъ.

— Да будетъ вамъ, маменька, отвѣчалъ Сергѣй Семеновичъ, цѣлуя дрожащую руку старушки (онъ всегда говорилъ „будетъ“ вмѣсто „довольно“).

Единственный разъ въ жизни мнѣ пришлось видѣть дотого дрожащія руки, что старушка, черпая супъ правой рукою, придерживала ее лѣвой, чтобы бульонъ не расплескался дорогой до рта.

Благодаря спокойнымъ пріемамъ Сергѣя Семеновича, разверстаніе съ крестьянами было окончено въ одинъ его пріѣздъ. „Крестьяне ваши жалуются, сказалъ Сергѣй Семеновичъ, что въ ихъ надѣлѣ весною двѣ десятины засыпаетъ пескомъ и просятъ о прирѣзкѣ имъ сверхъ надѣла еще двухъ

десятинъ. Поѣдемте посмотрѣть, что это за песчаный переносъ?"

По указанію сельскаго старосты и выборныхъ, мы увидали песчаную гривку, шириною не болѣе двухъ аршинъ, едва замѣтно желтѣющую по огородному черноземy. Конечно, я ничего не возражалъ при крестьянахъ, но, вернувшись домой, не могъ не сказать Сергѣю Семеновичу, что со стороны крестьянъ это очевидная прижимка для полученія лишняго.

— Хе-хе-хе! захихикалъ Сергѣй Семеновичъ, замѣтивъ мое волненіе.—Да ужь будетъ вамъ, будетъ! Гдѣ ужь на свѣтѣ эта абсолютная правда? Ну, конечно, придирка. Да плюньте вы на эти двѣ десятины, и сейчасъ кончимъ все дѣло.

Черезъ нѣсколько дней сдѣлка по обоюдному соглашенію была окончательно оформлена.

Вначалѣ этого пріѣзда противникъ мой по мельничному процессу Б—ъ неоднократно пріѣзжалъ ко мнѣ съ предложеніемъ мировой. Не справляясь даже съ мнѣніемъ нашего арендатора А — ва, я не разъ предлагалъ Б — ву четыре аршина четыре вершка на его плотинѣ, вмѣсто прежнихъ четырехъ аршинъ двухъ съ половиною вершковъ. Но онъ и слышать не хотѣлъ, повторяя: „помилуйте, 12 вершковъ то мои неотъемлемые".—А когда я въ совѣщаніяхъ съ А—вымъ только заикался о предоставленіи Б — ву восьми вершковъ, А—въ вопилъ, что тогда надо бросить мельницу и бѣжать. Однажды когда, по разверстаніи съ крестьянами, мы собирались уже въ Степановку, появился Б—въ съ тѣми же безплодными толками.

— Не могу понять, сказалъ онъ, изъ-за чего мы съ вами, Аѳан. Аѳан., судимся?

— Это вы, отвѣчалъ я, лучше меня знаете, такъ какъ желаете въ пользу своей будущей крупчатки уничтожить мою, существующую десятки лѣтъ.

— Я ничего, отвѣчалъ Б—въ, не желаю; а желаю только чтобы было „исправедливо". Ваша мельница пускай остается при своей водѣ; пустимъ ее на всѣ поставы; а что затѣмъ изъ подъ всѣхъ колесъ въ рѣку стечетъ, то мое.

— Если бы вы только этого хотѣли, отвѣчалъ я, то не тягались бы мы съ вами по судамъ.

— А я больше ничего и не желаю, какъ чтобы было „справедливо“.

— Чего же справедливѣе! сказалъ я.—Вы знаете, подъ нашими наливными колесами печать. Пустимъ всю рабочую воду до этой печати, а затѣмъ отмѣтимъ, сколько воды наберется при этомъ въ концѣ рабочей канавы, на находящемся тамъ столбѣ, и съ этой мѣтки вся вода въ рѣкѣ ваша.

— Помилуйте, возразилъ Б—въ, — зачѣмъ же намъ отмѣчать другой столбъ? Вѣдь вода вездѣ ровна. Такъ ужь будемъ набирать мою воду съ того столба, что подъ вашими колесами, а не съ того, что въ устьяхъ рабочей канавы.

Разговаривая не разъ съ арендаторомъ о паденіи рабочей воды, я припомнилъ, что на небольшомъ протяженіи рабочей канавы въ какихъ-либо двухстахъ саженяхъ вода въ канавѣ для предупрежденія засоренія имѣетъ вершка четыре склона, и что пустить Б—ва съ водою по верхнюю печать значитъ дать ему ворваться въ нашу рабочую канаву и тѣмъ лишить ее навѣки возможности расчистки.

— Вы, Алексѣй Кузьмичъ, просите воды въ рѣкѣ, а присчитываете мою рабочую канаву и сами говорите, что все равно,—верхняя или нижняя печать. Ужь если вы желаете справедливости, то будемъ мѣтить съ того мѣста, гдѣ кончается моя вода и гдѣ начинается ваша.

— Ну пускай будетъ такъ. Давайте на этомъ кончать мировою, сказалъ Б—въ.

— Ну въ добрый часъ, сказалъ я, протягивая руку. Если вы твердо рѣшились на этомъ покончить, то я сегодня же вечеромъ поѣду къ Сергѣю Семеновичу и попрошу его въ качествѣ посредника и человѣка настолько же хорошо извѣстнаго вамъ, какъ и мнѣ, оформить нашу мировую и закрѣпить ее установленіемъ законныхъ знаковъ. Я сегодня же, вернувшись, дамъ вамъ знать, на какой день вызоветъ насъ обоихъ Сергѣй Семеновичъ для написанія мироваго акта.

— Слава тебѣ Господи, сказалъ Б—въ, раскланиваясь, что на этомъ рѣшили. По крайней мѣрѣ будетъ „справедливо“.

Сергѣй Семеновичъ просилъ насъ пріѣхать на другой день послѣ обѣда, обѣщавъ къ тому времени написать черновую

нашей мировой въ буквальномъ смыслѣ моихъ словъ, для того чтобы. въ случаѣ одобренія проэкта Алексѣемъ Кузьмичемъ, писарь имѣлъ время переписать его набѣло для нашихъ подписей.

— Ну что, Алексѣй Кузьмичъ, сказалъ на другой день посредникъ входящему Б—ву. Хорошее дѣло, кажется, вы, господа, затѣяли. Прислушайте, что я написалъ начерно и поправьте, если что найдете не такъ.

При чтеніи проэкта Б—въ все время говорилъ: такъ съ, такъ-съ, совершенно „исправедливо". Но дойдя до печатей, онъ обратился къ Клушину со словами: „Сергѣй Семеновичъ, какъ вы полагаете, слѣдуетъ обозначать начало моей воды отъ первой или второй печати?"

— Я, тоненькимъ и жирнымъ фальцетомъ захихикалъ Клушинъ,—я обязанъ скрѣплять общее ваше желаніе, выраженное съ надлежащей ясностью; а ужь совѣтовать, извините, никому изъ васъ не могу.

— Да какъ же таперича? началъ Б—въ.

Эта канитель начинала меня бѣсить, и я невольно проговорилъ: „видите, Алексѣй Кузьмичъ, а вчера еще по рукамъ ударили; а я-то отъ своихъ словъ не отпираюсь.

— Да будетъ вамъ! перебилъ насъ Сергѣй Семеновичъ.— Коли уговорились, то надо писать; а не рѣшились, оставимте дѣло.

— Ну да ужь что жь! перебилъ Б—въ. Видно такъ тому дѣлу и быть: прикажите переписывать.

— А мы съ вами, господа, сказалъ Сергѣй Семеновичъ,— покуда чайку попьемъ.

Часамъ къ десяти мы еще разъ прослушали и подписали переписанную въ двухъ экземплярахъ мировую. Какъ я ни рвался довести дѣло до надлежащаго конца, оказалось, что исполнить его невозможно было съ желаемой скоростью. Посредникъ счелъ нужнымъ вызвать изъ Ливенъ исправника, депутата отъ купечества, пригласить трехъ свидѣтелей дворянъ и трехъ купцовъ и даже священника. А такъ какъ для приведенія въ исполненіе проекта необходимо было не только спустить прудъ на мельницѣ Б—ва до осушенія нашей рабочей канавы, но приходилось поджидать и необы-

чайнаго набора воды въ собственномъ нашемъ пруду и въ запрудѣ выше лежащей по рѣкѣ мельницы Селиванова, то раньше недѣли окончить дѣло нечего было и думать. Тѣмъ временемъ сентябрь подходилъ къ концу, и ночные холода стали сильно давать себя чувствовать; а нашъ домъ вообще и спальня въ частности при одиночныхъ рамахъ были весьма плохою защитой отъ стужи. Пріѣхали мы по теплой погодѣ въ лѣтнихъ платьяхъ, а тутъ приходилось еще на ночь завѣшивать окно отъ врывающагося вѣтра.

Однажды ночью, когда все уже шло къ концу, дрожа отъ холода поднявшейся осенней бури, мы услыхали сильные удары въ стеклянную раму балконной двери. Выйдя наскоро изъ мрака въ полусвѣтъ, я за стеклами различилъ огромный силуэтъ и на вопросъ: „кто тамъ?“—узналъ голосъ нашего арендатора. Впустивъ его въ залу, я спросилъ,—что ему нужно?

— У меня на плотинѣ вода набрана по самые края, а при этой страшной бурѣ вѣтеръ съ верховья плещетъ волной черезъ заставки. Я пришелъ просить у васъ позволенія спустить воду, а то плотина не выдержитъ, и мы разоримъ и свою, и Б—вскую плотину. А я до свѣта пошлю Сергѣю Семеновичу донесеніе о случившемся.

Конечно, приведеніе въ исполненіе мировой было по необходимости отложено еще на два дня. Наконецъ, къ полудню назначеннаго дня всѣ вызванные къ ея исполненію явились на Тимскую мельницу, и во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и подозрѣній положено было, чтобы мы съ Б—вымъ стояли при спускѣ воды на всѣ наши поставы, наблюдая, чтобы набравшійся съ колесъ слой воды не превысилъ находящейся подъ колесами казенной печати, и когда вода подымется до печати, то человѣкъ, по нашему общему съ Б—вымъ соглашенію, долженъ выстрѣломъ изъ ружья подать знакъ посреднику, ожидающему съ депутатами отъ купечества и съ понятыми у нижняго столба, чтобы отмѣтить высоту пришедшей туда изъ подъ колесъ воды. Пока мы шли съ Б—вымъ къ рабочимъ заставкамъ, онъ не безъ ироніи передавалъ событіе запрошлой ночи. „Спустилъ я по приказанію посредника всю воду, и вдругъ въ полночь, от-

куда ни возьмись, вода стала прибывать и прибывать. Думаю, да что же, Господи, это за чудо такое? И не вдомекъ, что это Николай Ивановичъ дѣлаетъ репетицію. Вѣдь на театрѣ никогда не бываетъ представленія безъ репетиціи".

Мы приказали открыть заставки, и бросившаяся съ силой на колеса вода стала быстро подниматься. Вотъ она подошла къ печати, дошла до ея половины, затопила ее и стала подниматься все выше.

— Алексѣй Кузьмичъ, пора стрѣлять!

— Помилуйте, еще одну секунду!

— Вамъ то хорошо, возражалъ я, говорить про секунды, а печать то ужь на четверть въ водѣ.

— Ну, такъ и быть, стрѣляй! крикнулъ Б—въ ружейнику, и вслѣдъ за выстрѣломъ намъ уже оставалось ожидать результатовъ наблюденій и дѣйствій посредника съ понятыми. Черезъ полчаса я увидалъ ихъ идущими отъ устья канавы съ Сергѣемъ Семеновичемъ во главѣ шествія. Не смотря на свою полноту и одышку, онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ.

— Ну, сказалъ онъ, подходя ко мнѣ: въ силу формальнаго условія вы имѣете право требовать буквальнаго его исполненія и остановиться на его результатахъ; но я долженъ вамъ сказать, что вашъ противникъ будетъ окончательно разоренный человѣкъ, ибо, не взирая на лишки, допущенные вами у верхней печати, вода въ минуту выстрѣла едва докатилась къ самой пяткѣ нижняго столба не плотнѣе картоннаго листа. Мы не предвидѣли этого обстоятельства; но я рѣшаюсь просить васъ отложить исполненіе мировой до завтра и тогда уже отмѣчать высоту воды на нижнемъ столбѣ, только когда она выравняется по всей рабочей канавѣ.

Я съ охотою согласился на такую уступку, и такъ какъ время было еще не позднее, то ливенскіе купцы отправились на обѣдъ къ Б—ву, а ближайшіе помѣщики по домамъ. Зато Сергѣй Семеновичъ предупредилъ, что на завтра дѣло протянется долго, ибо придется набирать и весь Б—кій прудъ и забить въ немъ сваю съ печатью для обозначенія обязательной для Б—ва высоты воды. На такомъ основаніи на слѣдующій день, не взирая на заботу, сосредоточенную на предстоящей судьбѣ мельницы, намъ съ женой необходимо было подумать,

какъ вечеромъ накормить двѣнадцать человѣкъ, вынужденныхъ по нашему дѣлу провести на вѣтрѣ и холодѣ цѣлый день. На этотъ разъ результатомъ нашей экспертизы оказалось, что вода въ нашей рабочей канавѣ, предоставленная своему естественному теченію, стала въ устьяхъ какъ разъ въ половину печати, поставленной при первоначальномъ опредѣленіи правъ нашей мельницы, защита которыхъ составляла всю сущность процесса; но зато долго пришлось дожидаться полнаго набора воды на плотинѣ Б—ва, согласно условію. Когда, просидѣвъ надъ водою до совершенной темноты, мы забили при всѣхъ депутатахъ и свидѣтеляхъ окончательную сваю, причемъ Б—ву вышло четыре аршина три вершка, вмѣсто предлагаемыхъ мною ему неоднократно четырехъ вершковъ,—и прибыли въ нашъ домъ, я былъ изумленъ ярко освѣщеннымъ столомъ, накрытымъ на двѣнадцать приборовъ. Я только позднѣе узналъ, что милѣйшая старушка Клушина снабдила насъ всѣмъ необходимымъ, начиная съ кухонной и столовой посуды, бѣлья и серебра до огурцовъ мастерскаго засола. Недостатокъ шандаловъ былъ замѣненъ бутылками, завернутыми въ бумагу съ бумажными розетками наверху. Какъ при общей подписи акта исполненія мировой, мы всѣ, начиная съ посредника, усердно ни просили нашего арендатора А—ва кончить и съ своей стороны мировою, отказываясь отъ всякихъ по этому дѣлу претензій, онъ согласія на миръ не заявилъ и десятки разъ, складывая пальцы какъ бы для писанія, повторялъ: „мамаша не приказала брать въ руки пера-съ, а то нашему брату придется идти съ мѣдною посудою“.—Такъ что наконецъ посредникъ спросилъ: „да что это вы, Николай Ивановичъ, все мѣдную посуду поминаете?“

— Нѣтъ-съ, это такъ по нашему: значитъ крестъ да пуговицы.

Можно вообразить, съ какимъ восторгомъ мы на другой день пустились обратно въ Степановку. Но не такъ весело пришлось продолжать начатой путь. Уже съ мѣста, гдѣ мы кормили лошадей, хмурая съ утра погода превратилась въ проливной дождикъ, такъ что по невылазной грязи мы, ночью, добившись до деревни ночлега, рады были найти пустую

холодную избу для насъ и навѣсъ для коляски и лошадей. Хозяева натаскали намъ на лавки полусухой соломы и завѣрили, что у нихъ исправный самоваръ. Пожалѣвъ измокшаго до костей повара, мы не послали его въ коляску за нашимъ небольшимъ складнымъ самоваромъ, а удовольствовались хозяйскимъ. Не успѣли мы еще дождаться послѣдняго, какъ уже стали чувствовать нападеніе безпощадныхъ блохъ, видимо обрадовавшихся свѣжимъ пришельцамъ. Раздѣться въ избѣ не было возможности по причинѣ холода; сидѣть или лежать было тоже невозможно по причинѣ незримыхъ мучителей. Когда внесли самоваръ, мы предались чаепитію, въ надеждѣ хотя сколько нибудь отогрѣться; но не успѣлъ я еще докончить своего стакана, какъ почувствовалъ небывалую у меня рѣзь въ желудкѣ; я догадался, что мы отравлены нелуженымъ и покрывшимся мѣдянкой самоваромъ. Между тѣмъ я боялся сообщить объ этомъ открытіи женѣ, а только просилъ ее не допивать этого мутнаго чаю.

— Ахъ, помилуй, отвѣчала она,—я такъ рада хотя чѣмъ нибудь согрѣться.

Уступивъ наконецъ настоятельнымъ моимъ просьбамъ, она вскорѣ стала жаловаться на боль въ желудкѣ. Конечно, въ этой пустой и холодной избѣ въ непроглядную ночь подъ проливнымъ дождемъ, хлеставшимъ въ небольшое оконце, мнѣ не трудно было понять всю нашу безпомощность Если мы сильно отравлены, приходилось ожидать мучительной смерти. Но черезъ часъ наши боли стали униматься, и я всю ночь не могъ присѣсть и проходилъ взадъ и впередъ на тѣсномъ пространствѣ. Къ счастію, съ нами оказалась банка персидской ромашки, и я уже къ разсвѣту высыпалъ половину ея себѣ за пазуху. Хотя мученія и не прекратились, но замѣтно унялись. При первомъ появленіи разсвѣта, мы отправились въ послѣдній 35-и верстный переѣздъ до Степановки. и тутъ послѣ грязи наступила едва ли не худшая бѣда въ видѣ пронзительнаго вѣтра съ морозомъ, съ каждымъ шагомъ все болѣе превращавшимъ изрытую дорогу въ мучительные колчи. Но какъ всему бываетъ конецъ, и мы часамъ къ 12-и добрались до своего крыльца, и первымъ моимъ воплемъ было: „бѣлья и кофею!“

Очнувшись, я принялся за чтеніе полученныхъ въ наше отсутствіе писемъ.

В. П. Боткинъ писалъ:

19 сентября 1864 г.
С.-Петербургъ.

„Прежде всего скажу тебѣ, что я отложилъ свою поѣздку въ Берлинъ и остаюсь здѣсь. Устройство квартиры требуетъ такихъ хлопотъ и вниманія, что нельзя гоняться за двумя зайцами. Надобно выбирать котораго нибудь одного и покончить съ нимъ. Я выбралъ то, что у меня передъ носомъ, т. е. квартиру и хочу съ нею покончить. Притомъ свой глазъ необходимъ во всемъ, а я терпѣть не могу полумѣръ и не конча одного браться за другое. Легко сказать: я найму квартиру и устрою ее; но сдѣлать это не легко и требуетъ вниманія и осмотрительности. Да и я сталъ покойнѣе, когда рѣшился не ѣхать. Я рѣшился въ комнату, назначаемую для тебя, положить коверъ во весь полъ, чтобы охранить тебя отъ всякаго холода; притомъ у меня маленькая мысль, что можетъ быть вздумаетъ пріѣхать Маша, и такъ будетъ для нея удобнѣе. Да, возни и хлопотъ и бѣготни очень много, но я и теперь уже ощущаю неиспытанное до сихъ поръ удовольствіе имѣть свой уголъ, свое гнѣздо, имѣть свои вещи около себя, знать гдѣ что найти и не терпѣть отъ безпрестанныхъ перевозовъ и переносовъ. Дмитрій былъ для меня большою подмогою, онъ оказался человѣкомъ осмотрительнымъ и старательнымъ и умѣющимъ все сдѣлать и при этомъ не бѣлоручкой, которыхъ я терпѣть не могу. Я уже переѣхалъ, хотя изъ заказанной мною мебели ничего не готово, но перевезенной изъ Москвы мебели для меня достаточно: есть на чемъ спать, есть столъ и на первую обстановку довольно. Дней черезъ десять, надѣюсь, все будетъ устроено. Дома я еще не обѣдалъ, но и это, надѣюсь, будетъ удовлетворительно. Сегодня накладываютъ ковры. Квартирой вообще я доволенъ. Жаль, что Б—іе уѣзжаютъ на зиму: они добрые и хорошіе люди, простые и тихіе.

„Дѣло твое поступило на консультацію, но результатъ неизвѣстенъ. На этой недѣлѣ узнаю и напишу.

24 сентября.

„Вчера справлялся о дѣлѣ; но оно еще не поступило къ министру. Все еще остается во мракѣ неизвѣстности.

29 сентября.

„Всѣ эти дни я прохворалъ и не выходилъ, и, къ счастію, простуда сосредоточилась въ насморкѣ. Сегодня опять думалъ было отправиться за справками, какъ раздается звонокъ и входитъ М — въ, которому вчера С—ій сказалъ, что дѣло наконецъ было имъ прочтено, и что онъ далъ мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ П—ва, и что онъ считаетъ твою сторону вполнѣ справедливою. Въ прошлую пятницу я самъ спрашивалъ С—аго, но тогда онъ еще не читалъ дѣла. Такая пріятная вѣсть меня обрадовала несказанно; С—ій думаетъ даже, что съ его мнѣніемъ согласится П—въ; во всякомъ случаѣ, если, въ случаѣ его несогласія, дѣло должно будетъ поступить въ Госуд. Совѣтъ, то министръ, давшій о немъ свое мнѣніе, будетъ защищать его.

„Я отъ васъ не имѣю до сихъ поръ писемъ. Надѣюсь, что ты дождешься извѣстія, прежде нежели начать разговоры съ Б—вымъ, который, узнавши о рѣшеніи, будетъ какъ нельзя сговорчивѣе. Радость моя такъ велика, что я не въ силахъ этого выразить.

Вашъ *В. Боткинъ*.

30 сентября 1864 года.
Петербургъ.

„Вчера М—въ и я отправили къ тебѣ по письму, извѣщая, что мнѣніе консультаціи состоялось въ твою пользу. Вчера въ клубѣ послѣ обѣда я говорилъ объ этомъ со С—имъ, и онъ просилъ меня написать тебѣ объ этомъ и увѣдомить тебя дней черезъ 10 или черезъ двѣ недѣли, а то противная сторона тотчасъ бросится дѣйствовать. Въ виду мнѣнія, поданнаго министромъ, имѣется между прочимъ склонить оберъ-прокурора и сенаторовъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, чтобы не пускать дѣла въ Государственный Совѣтъ, потому что это новая возня, не слишкомъ пріятная также и для министра юстиціи.

Вотъ почему чрезвычайно желательно и необходимо, чтобы извѣстіе о рѣшеніи консультаціи дошло до Б—ва не ранѣе двухъ недѣль, и вообще, чтобы ранѣе двухъ недѣль ты объ этомъ не извѣщалъ ни А—ва, ни кого-либо другаго, черезъ кого можетъ эта вѣсть сдѣлаться извѣстною. Подержи ее про себя: довольно, что оба вы, Маша и ты,—будете знать, и что вамъ будетъ это пріятно. Пожалуйста исполни это непремѣнно. Не знаю, въ чемъ именно состоитъ мнѣніе консультаціи, и куда, по какому направленію отсылаютъ они дѣло; для меня довольно было узнать, что министръ считаетъ твою сторону совершенно правою.

„Обнимаю васъ отъ всего сердца. Отъ тебя не получалъ ни одного письма послѣ перваго, написаннаго изъ Степановки. Какія у васъ цѣны на хлѣбъ?

Вашъ *В. Боткинъ*.

Весною, при свиданіи со Львомъ Николаевичемъ, мы рѣшились на заглазный промѣнъ, только основываясь на ненужности для насъ мѣняемыхъ вещей. Я обѣщалъ переслать ему черезъ Борисова въ Никольское 4-хъ лѣтняго жеребчика, а онъ—выслать туда сѣялку, которую онъ бросилъ употреблять. По поводу этого промѣна, Л. Толстой писалъ отъ 7 октября 1864 года изъ Самарскаго имѣнія:

„Мы съ вами условились, любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, размѣняться. 20-го Борисовъ сказалъ мнѣ, что, разсчитывая на мою неаккуратность, вы ему сказали, что пришлете 25-го. Я посмѣялся вашей предусмотрительности и что же?—сѣялка была въ Никольскомъ 24-го, и съ вечера я, довольный собою, сказалъ управляющему послать ее къ Борисову. Оказывается, что онъ забылъ, и только нынче 7-го октября я узналъ, что она не отослана. Виновата въ этомъ судьба. Мы нынче уѣзжаемъ домой и не знаемъ, какъ доберемся до счастливаго Яснаго. Мои всѣ здоровы и веселы и любятъ васъ и помнятъ, чего и вамъ съ Марьей Петровной желаю. Весною жду васъ къ себѣ. Мы постараемся, какъ ни трудно это, быть Москвой.

Л. Толстой.

Письмо Боткина:

4 ноября 1864 года.
С.-Петербургъ.

„Давно уже не писалъ я къ вамъ, милые друзья, зная, что вы на Тиму. Теперь получилъ отъ васъ письмо изъ Степановки. Въ этотъ промежутокъ времени ты совершилъ весьма важное дѣло—мировую съ Б—вымъ. Для меня важно то, что ты доволенъ всѣмъ, Мари также. Что касается до меня, то мнѣ не вѣрится, чтобы дѣло можно было считать покончен-нымъ, и чтобы мельница твоя была вполнѣ ограждена. Ну да тогда видно будетъ, а пока худой миръ лучше доброй ссоры.

„Итакъ, я живу себѣ въ Питерѣ на своей новой квартирѣ съ тѣмъ же Дмитріемъ, которымъ я очень доволенъ, и поджи-даю васъ. Но я до сихъ поръ не знаю, пріѣдетъ ли сюда Маща? Неудобствъ бояться нечего, мы въ первый годъ жили лѣтомъ въ Степановкѣ, вѣроятно, съ гораздо меньшими удобствами, нежели тѣ, которыя имѣются у меня на квартирѣ. Экипажъ у меня есть: я уже нанялъ лошадей помѣсячно; обѣдъ бу-дутъ намъ носить изъ Англійскаго клуба, гдѣ, какъ ты знаешь, обѣдъ отличный. Поживемъ вмѣстѣ въ тѣснотѣ, лишь бы не въ обидѣ. Только я бы просилъ васъ не оставаться долго въ Степановкѣ, а пріѣхать сюда въ концѣ ноября, однимъ сло-вомъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Въ январѣ хотѣлъ пріѣхать Тургеневъ, передъ его пріѣздомъ ты можешь свезти Машу въ Москву, гдѣ она проведетъ съ мѣсяцъ очень пріятно, а самъ вернешься сюда. Вотъ каковъ мой проэктъ, не знаю, бу-детъ ли онъ одобренъ вами. Мой совѣтъ: остановиться Машѣ у Мити, гдѣ ей во всѣхъ отношеніяхъ будетъ и пріятно, и удобно. Буду ждать на это вашего отвѣта“.

Вашъ *В. Боткинъ*.

P. S. „Совсѣмъ было забылъ написать вамъ о моей просьбѣ: сдѣлайте милость, пошлите къ Барыкову попросить у него его табаку, изъ котораго ты сдѣлала мнѣ нѣсколько папи-росокъ. Мнѣ этотъ табакъ кажется несравненно лучше вся-каго. Попросите у него по крайней мѣрѣ фунтъ. Сдѣлайте ми-

лость! Я уже искалъ здѣсь нѣчто подобное, но здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ турецкаго или очень легкаго. Не забудьте заплатить ему, если надо".

В. Боткинъ.

Послѣдняя приписка Боткина заставляетъ меня вернуться нѣсколько назадъ. Принимая къ сердцу нѣкоторыя мои земледѣльческія нововведенія, какъ напримѣръ, плѣняясь обширнымъ укосомъ клевера, изъ котораго, нагибаясь, самъ выбиралъ побѣги полыни, Боткинъ носился съ мыслью купить по близости имѣніе, вѣроятно, въ намѣреніи передать его намъ. А такъ какъ со времени эмансипаціи, людей, желающихъ продать имѣніе, оказалось много, то и мы въ свою очередь однажды были изумлены пріѣздомъ близкаго, но совершенно намъ незнакомаго сосѣда Барыкова, о которомъ слыхали только, какъ о замѣчательномъ сельскомъ хозяинѣ. Подкатилъ онъ подъ крыльцо въ плетеной на польскій манеръ бричкѣ, запряженной гнѣдою четверкою превосходныхъ шести-вершковыхъ заводскихъ матокъ. Въ гостиную, а оттуда на балконъ, гдѣ сидѣлъ Василій Петровичъ, Барыковъ, сѣдой, но еще бодрый, вошелъ въ суконной венгеркѣ съ бранденбурами, что̀ однако не мѣшало пріемамъ человѣка, видимо привыкшаго жить въ порядочномъ обществѣ. Онъ ловко свелъ разговоръ на „Письма объ Испаніи", заговорилъ о томъ, что насаженныя нами деревца имѣютъ здоровый видъ, и о томъ, какъ въ нашей безлѣсной сторонѣ трудно добывать деревья для посадки, если не посылать въ Новосельскій уѣздъ, въ Моховое Шатилова. Уѣзжая, онъ любезно пригласилъ Вас. Петр. и меня побывать у него въ сосѣднемъ имѣніи на берегу Неручи, подъ названіемъ „Гремучій ключъ". На другой или на третій день послѣ этого мы воспользовались приглашеніемъ и отправились верстъ за 14. Подъѣхали мы къ крыльцу каменнаго дома, имѣвшаго и снаружи, и снутри видъ стариннаго аббатства. Кругомъ дома въ значительномъ разстояніи была расположена каменная усадьба, въ видѣ коннаго и скотнаго дворовъ, амбаровъ и службъ. Но видно, все это поддерживалось въ цѣляхъ солидности, безъ всякихъ претензій на красоту. Подвижной старикъ хозяинъ принялъ

насъ чрезвычайно радушно въ кабинетѣ, имѣвшемъ видъ капеллы аббатства. Когда Барыковъ замѣтилъ вниманіе, съ какимъ я разсматривалъ рѣзную стѣну кабинета, вѣроятно, отдѣлявшую его спальню, онъ сказалъ: „это вѣдь у меня все свои рѣщики; у меня, начиная съ первоклассныхъ кузнецовъ и слесарей до краснодеревщиковъ, все свое. Я люблю во всемъ порядокъ и успѣлъ уже надѣлить крестьянъ землею, состоящей изъ неразрывной полосы, непосредственно прилегающей къ правому берегу рѣки Неручи. Эта полоса въ свою очередь состоитъ изъ трехъ продольныхъ полосъ, соотвѣтствующихъ тремъ экономическимъ полямъ. Затѣмъ, посредствомъ поперечныхъ нарѣзокъ, каждому двору выдѣлена соотвѣтственная вырѣзка въ трехъ поляхъ съ одинаковымъ правомъ на водопой. Вспомните, что все это мною сдѣлано еще до освобожденія крестьянъ".

— Какъ это вы, Ѳедоръ Ивановичъ, спросилъ Боткинъ, при строго-охранительномъ характерѣ всей вашей дѣятельности, выписываете такой красный журналъ? При этомъ Боткинъ указалъ на лежащій передъ нимъ на столѣ „Современникъ".

— Да развѣ онъ красный? воскликнулъ Барыковъ; — я усердно читаю его отъ доски до доски и этого не замѣчалъ.

— Въ настоящее время это самый красный, отвѣчалъ Боткинъ.

— Ахъ онъ, свинья! воскликнулъ Барыковъ, швырнувъ подъ столъ „Современникъ".

Чтобы показать намъ свое хозяйство, Барыковъ повелъ насъ въ насаженный имъ на песчаномъ берегу хвойный лѣсъ. Эти ели и сосны, давно переросшія строевой возрастъ, могли своимъ видомъ вполнѣ вознаграждать трудъ и терпѣніе хозяина. Это же могло относиться и къ остальной части рощи и сада, гдѣ на каждомъ шагу замѣтно было присутствіе опытной руки любителя.

— Теперь позвольте показать вамъ замѣчательный источникъ, давшій названіе всему селенію, сказалъ Барыковъ.

Спустившись изъ рощи въ небольшое ущелье, мы увидали по широкому жолобу быстро текущую струю воды, падающую съ 2-хъ аршинной высоты съ громкимъ плескомъ на

каменную плиту. Это по сей день не только гремучій, но и совершенно чистый и холодный ключъ.

— Какой это прекрасный табакъ вы курите? спросилъ Боткинъ.

— Это табакъ съ моего огорода и собственнаго приготовленія. Позвольте вамъ дать пригоршню для пробы.

Не стану утверждать, что къ изысканной любезности Барыкова къ Василію Петровичу примѣшивалось отчасти желаніе продать ему „Гремучій ключъ“. Помнится, что когда дома жена моя приготовила нѣсколько папиросъ Василію Петровичу изъ крѣпкаго Барыковскаго табаку, Боткинъ отозвался о нихъ съ похвалою.

Конечно, сейчасъ по полученіи Боткинскаго письма, я обратился съ просьбою къ Барыкову, — любезно уступить хотя фунтъ табаку, какого Боткинъ достать въ Петербургѣ не могъ.

На это Барыковъ отвѣчалъ:

„Не имѣя въ экономіи продажнаго табаку, я очень горжусь предпочтеніемъ, оказываемымъ ему Василіемъ Петровичемъ, которому прошу препроводить прилагаемыхъ при этомъ четыре фунта; но такъ какъ у меня правило, что берущій табакъ обязанъ въ то же время получить изъ моего питомника извѣстное число деревьевъ, то вмѣстѣ съ симъ прошу принять отъ меня 50 елокъ, простыхъ и веймутовыхъ сосенъ и лиственницъ“.

Всѣ эти подарки Барыкова современемъ великолѣпно разрослись въ Степановкѣ, по аллеѣ, ведущей къ рощѣ.

Письмо Л. Толстаго:

17 ноября 1864.

„Жду я и жена васъ и Марью Петровну къ 20-му. Неудобства къ 20-му никакого не предвидится, а предвидится только великое удовольствіе отъ вашего пріѣзда. Такъ и велѣла сказать жена Марьѣ Петровнѣ.

„Интересенъ мнѣ очень „*Заяцъ*“. Посмотримъ, въ состояніи ли будетъ *все* понять хотя не мой Сережа, а 11-лѣтній мальчикъ. Еще интереснѣе велосипедъ *). Изъ вашего письма

*) Я придумывалъ неудавшійся велосипедъ.

вижу,что вы бодры и весело дѣятельны. И я вамъ завидую. Я тоскую и ничего не пишу, а работаю мучительно. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на которомъ я *принужденъ* сѣять. Обдумать и передумать все, что можетъ случиться со всѣми будущими людьми предстоящаго сочиненія, очень большаго, и обдумать милліоны возможныхъ сочетаній, для того чтобы выбрать изъ нихъ $^1/_{1000000}$—ужасно трудно. И этимъ я занятъ Попался мнѣ на дняхъ Беранже послѣдній томъ. И я нашелъ тамъ новое для меня: „Le bonheur". Я надѣюсь, что вы его переведете.

„Тоскую тоже отъ погоды. Дома же у меня все прекрасно, всѣ здоровы. Досвиданія.

Вашъ *Л. Толстой.*

Отъ Боткина:

С.-Петербургъ.
18 ноября 1864.

„Сегодня получилъ для тебя письмо отъ Тургенева, которое присемъ посылаю. Твое послѣднее письмо оставило меня въ тревогѣ касательно твоей лихорадки. Вотъ съ этой точки зрѣнія мой взглядъ на Степановку и вообще на деревню, — не ладится съ моими симпатіями къ ней. Надѣюсь, что ты получилъ мои письма, которыя писалъ я уже около двухъ недѣль, и въ которыхъ взываю о вашемъ пріѣздѣ сюда. Между тѣмъ Тургеневъ, возвѣстивъ, что онъ пріѣдетъ сюда въ январѣ, теперь, кажется, оставилъ это намѣреніе; по крайней мѣрѣ вотъ уже два письма я получилъ отъ него, и онъ ни слова болѣе не упоминаетъ о своемъ намѣреніи пріѣхать. Боже мой! какая дряблость, какое отсутствіе всякаго стержня, какая бѣдная усталость обнаруживается въ письмѣ, которое я посылаю.

„Итакъ, буду ждать отъ васъ извѣстія о вашемъ выѣздѣ, если только твоя лихорадка не представляетъ ничего серьезнаго.

„Вчера С—ій говорилъ мнѣ, что отъ посредника ливенскаго уѣзда, Клушина, прислана бумага, извѣщающая о мировой. Но эта бумага вовсе не слѣдуетъ къ нему, а въ сенатъ, ибо

министръ юстиціи не есть какой либо судъ или присутственное мѣсто. Онъ объ этомъ, кажется, уже отвѣчалъ Клушину.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Отъ Тургенева:

Парижъ.
10 ноября 1864.

„Нѣтъ, думаю я, эдакъ нельзя. Нельзя не писать да не писать къ старому пріятелю, не смотря на то, что онъ къ тебѣ написалъ дважды. Да; но куда къ нему адресоваться? Гдѣ онъ теперь?—Въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Степановкѣ, на рѣкѣ Тимѣ? И самъ ты гдѣ находишься? Въ спальнѣ гувернантки твоей дочери, въ крохотной квартиркѣ, въ Парижѣ, куда ты прискакалъ на нѣсколько дней изъ Бадена! И теперь полночь, и на дворѣ скрипитъ и бормочетъ осенній дождь, и гдѣ-то въ отдаленьи пьяный реветъ... И притомъ что ты ему скажешь, этому старому пріятелю? Что ты толстѣешь, сопишь, холодѣешь, ничего не дѣлаешь, да и мало интересуешься наконецъ всѣмъ, что творится на земномъ шарѣ? Развѣ все это старому пріятелю не извѣстно? Да, но всетаки, пока живешь, нельзя не давать о себѣ вѣсти, нельзя и не желать узнать, что, молъ, дѣлаютъ другіе, товарищи-бурлаки, впряженные въ ту же лямку. Согласенъ: ну вотъ я и даю вѣсть, ну вотъ я и стараюсь узнать, что подѣлываетъ товарищъ-бурлакъ. Все такъ; но къ чему цинизмъ тона и даже нѣкоторая неопрятность выраженія? Благо-бы ты начитался новѣйшихъ продуктовъ отечественной литературы; но вѣдь до тебя о ней доходятъ только рѣдкіе слухи, въ видѣ внезапныхъ отрыжекъ. А тутъ кстати Кожанчиковъ по поводу книжной торговли пишетъ, что омерзѣнію русской публики къ русской литературѣ нѣтъ границъ, что денегъ ни у кого нѣтъ, и что всякія дѣла совершенно стали. Денегъ нѣтъ, а ты строишь себѣ въ Баденѣ домъ во вкусѣ Лудовика XIII-го и явно намѣреваешься провести остатокъ дней своихъ въ этомъ зданіи! Да, конечно; и я даже надѣюсь, что старые пріятели когда нибудь завернутъ ко мнѣ, и достанется мнѣ на долю великое удовольствіе подчивать ихъ киршвассеромъ

и аффенталеромъ,—все это въ томъ предположеніи, что вся штука не лопнетъ, и домъ во вкусѣ Лудовика XIII-го не окажется преждевременной развалиной. А было бы жаль; потому что, надо сознаться, хорошо живется въ Баденѣ: милые люди, милая природа, охота славная... Но однако какъ ты неправильно и безпорядочно пишешь, точно лирическій поэтъ, у котораго сосетъ подъ ложечкой. Ты пьянъ что ли? Нѣтъ, но мнѣ спать хочется. А потому спѣшу второпяхъ заявить, что я дней черезъ пять возвращаюсь въ Баденъ, что мнѣ надо туда писать, что я стараго пріятеля лобызаю въ уста сахарныя и въ носъ сизый и низко кланяюсь его женѣ. Vanitas vanitatum!

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
28 ноября 1864.

„Любезнѣйшій Аѳан. Аѳан., вчера, вернувшись изъ Парижа, куда я ѣздилъ дней на десять, я нашелъ здѣсь ваше письмо изъ Степановки съ стихотвореніемъ на мое имя. Нечего и говорить, что печатаніе этого стихотворенія ничего кромѣ удовольствія мнѣ доставить не можетъ. Но въ немъ есть одинъ жестокій стишокъ, который нужно исправить: „Въ тѣлесныхъ нѣдугахъ животворящій ключъ“... по-русски говорится: *недугахъ*, а нѣдуги отзываются чѣмъ-то очень семинарскимъ, вродѣ *ддбыча*. Есть еще два маленькихъ пятнышка: отчего „*твой вздохъ*“ не долетаетъ?—Вопервыхъ, я здѣсь не вздыхаю; а вовторыхъ,—этотъ стихъ не вытекаетъ изъ предыдущаго. Потомъ почему: *лишь* здѣсь? Стало быть надо понять, что только въ Степановкѣ вы желаете умереть, а въ другихъ мѣстахъ желаете больше жить?—Въ такомъ случаѣ всѣмъ почитателямъ вашего таланта слѣдуетъ молить судьбу, чтобы она разлучила васъ со Степановкой?—Но это сущія мелочи, а все стихотвореніе очень мило и кромѣ того обрадовало меня извѣстіемъ, что у васъ деревья разрослись „зеленымъ хороводомъ“. Также очень пріятно было узнать, что вашъ процессъ кончился мировою. Я написалъ вамъ на дняхъ довольно сумасбродное письмо на имя Василія Великаго, или

Блаженнаго, или Блажнаго, проживающаго въ Питерѣ на Караванной улицѣ. Получили ли вы его? Черкните въ отвѣтъ строчки двѣ: я хотя и очень и тѣломъ, и душой отсталъ отъ Россіи, но русскіе старые друзья остались мнѣ дороги попрежнему. Сегодняшнее письмо я адресую въ Москву для бо̀льшей вѣрности. Поклонитесь отъ меня вашей милой женѣ; я здѣсь останусь до 8 января. Дружески жму вамъ руку.

Ив. Тургеневъ.

Толстой писалъ въ концѣ ноября 1864 г.:

„Все сбираюсь, сбираюсь писать вамъ, любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ и откладываю, оттого что хочется много написать. А кромѣ многаго надо написать малое нужное. Вотъ что: получивъ ваше письмо, мы ахнули.

„Вотъ какъ онъ хорошо про собачій воротникъ, проѣденный молью, говоритъ *), а ѣдетъ таки въ Москву.

„Я, какъ болѣе опытный человѣкъ, не удивился и не ахнулъ. Одно, что насъ обоихъ занимаетъ, это то, когда вы ѣдете въ Москву? и главное когда вы будете у насъ? Надѣемся, что поѣздка въ Москву не измѣнитъ плана погостить у насъ. Мы васъ обоихъ еще разъ оба очень объ этомъ просимъ. Мы сами ѣдемъ въ Москву послѣ праздниковъ, т. е. въ половинѣ января и пробудемъ до февраля. Когда же вы будете у насъ: до или послѣ? Пожалуйста напишите. Что вы подѣлываете? Какъ хозяйство? Не пишете ли что? У насъ все хорошо. Дѣти и жена здоровы. Хозяйствомъ я передъ вами похвастаюсь, когда вы пріѣдете. И я довольно много написалъ нынѣшнюю осень своего романа. „Ars longa vita brevis“,— думаю я всякій день. Коли можно бы было успѣть $^1/_{100}$ долю исполнить того, что понимаешь, но выходитъ только $^1/_{10000}$ часть. Всетаки это сознаніе, что *могу*,—составляетъ счастіе нашего брата. Вы знаете это чувство. Я нынѣшній годъ съ особенною силой его испытываю. Ну и прощайте! Обнимаю

*) Когда то Толстые смѣялись моему шуточному изображенію пріѣзда небогатыхъ помѣщиковъ въ театръ съ лакеемъ, у котораго собачій воротникъ на ливреѣ, очевидно, сильно пострадалъ отъ моли.

васъ, кланяюсь вашей женѣ. Напишите же пожалуйста, когда навѣрное вы будете у насъ. Мы хотимъ васъ помѣстить получше, чтобы вы подольше у насъ погостили. Не говорите: „ничего не нужно“ и т. п.—вы лишите насъ огромнаго удовольствія, на которое мы съ осени разсчитывали,—подольше побыть съ вами. У насъ теперь гости: сестра съ дочерьми, на праздникъ пріѣдутъ Д—ы и *Фетъ*, и всѣмъ будетъ хорошо, ежели вы напишите навѣрное.

Л. Толстой.

Тѣмъ временемъ Дмитрій Петровичъ Боткинъ, окончательно устроившійся въ своемъ домѣ у Покровскихъ воротъ, не переставалъ самымъ радушнымъ образомъ подзывать насъ на зиму къ себѣ, и, конечно, домъ такихъ беззавѣтно дружественныхъ людей представлялъ намъ московскую жизнь въ еще болѣе пріятномъ свѣтѣ. Не успѣла зима запорошить снѣжкомъ травки большой грунтовой дороги, какъ мы, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, нагрузили свою кибитку и весело тронулись въ путь до Новоселокъ, но были наказаны за свое нетерпѣніе. По травкѣ доѣхать было можно, но по морозному шоссе нечего было и думать ѣхать до новаго снѣга. Въ томительномъ ожиданіи послѣдняго, мы просидѣли въ Новоселкахъ три недѣли. Наконецъ, проснувшись утромъ, мы увидали свѣжій и глубокій снѣгъ. Конечно, въ тотъ же день мы уже обѣдали и ночевали въ Тургеневскомъ Спасскомъ. Добродушнаго старика Ник. Ник. я засталъ въ неописанномъ волненіи.

— Сокрушаетъ меня Иванъ, восклицалъ онъ; все толкуетъ, что мало доходу, а вы сами теперь знаете, какіе въ настоящее время доходы съ трехрублевою рожью и вольнонаемнымъ хозяйствомъ, на которое необходимо истратить значительный капиталъ, чтобы пустить его въ ходъ. Половина нашей земли въ Калужскихъ оброчныхъ имѣніяхъ, приносящихъ самыя скудныя лепты. Я пишу ему—„пріѣзжай, огляди самъ все и просмотри экономическія книги“, а онъ объ этомъ и слышать не хочетъ, а въ каждомъ письмѣ ноетъ, что мало доходу. Вы лучше его знаете наше Спасское хозяйство, въ которомъ не было ни кола, ни двора, а теперь полная чаша. А вѣдь это даромъ не дѣлается. Могъ ли я когда либо подумать, про-

должалъ старикъ, что попаду въ такой ужасный переплетъ? Вы знаете мое небольшое имѣнье подъ Карачевымъ Юшково. Въ виду малолѣтнихъ дѣтей, я принялся со всею энергіей за этотъ уголокъ, въ которомъ вы были съ Иваномъ проѣздомъ на охоту. Тамъ вы видѣли, что рядомъ съ полусгнившимъ барскимъ флигелемъ я началъ новый и не достроилъ его, такъ какъ Иванъ, закружившійся въ роковой своей страсти, прибѣжалъ звать меня къ совершенно разстроеннымъ своимъ экономическимъ дѣламъ. Тутъ онъ не только говорилъ объ обезпеченіи моихъ дѣтей, но тотчасъ же, по прибытіи моемъ въ Спасское, выдалъ мнѣ два векселя по 10 тысячъ. Въ настоящую минуту векселямъ этимъ истекаетъ десятилѣтній срокъ, а я ничего не желаю, какъ только разойтись по всей справедливости, не давая возможности возникновенію слуховъ, могущихъ повредить моему доброму имени, этому единственному достоянію моихъ дочерей.

Подобно Ивану Сергѣевичу, я не могъ упрекать Ник. Ник. въ малодоходности хлѣбопашества, такъ какъ самъ, въ теченіи трехъ лѣтъ съ покупки Степановки, къ первому ноября неуклонно, передъ наймомъ годовыхъ рабочихъ, тратилъ 10 рублей на наемъ перекладной до Спасскаго, чтобы занять у Ник. Ник. двѣсти рублей, въ которыхъ онъ никогда мнѣ не отказывалъ, въ виду уплаты двухмѣсячнаго долга ранѣе срока при проѣздѣ въ Москву.

— Будемъ надѣяться, сказалъ я, что вся эта буря, поднятая недоразумѣніемъ Ивана Сергѣевича, сама собою затихнетъ. Что же касается до обезпеченія вашихъ дѣтей выданными векселями, то я полагаю, что вы не имѣете никакого права лишать ихъ того, что они получили въ обмѣнъ за отказъ вашъ отъ устройства собственнаго имѣнія. Поэтому я совѣтую вамъ поѣхать во Мценскъ и посовѣтоваться съ моимъ пріятелемъ С—мъ, онъ юристъ и научитъ васъ, какъ продлить значительность векселей. Нельзя требовать, чтобы человѣкъ, окончательно разочарованный въ обѣщаніяхъ другаго, продолжалъ смѣло ему вѣрить въ частности и завѣдомо уничтожать его обязательства.

На другой день мы рано утромъ добрались до почтовой станціи и къ вечеру слѣдующаго дня уже въѣзжали въ

домъ Дмитрія Петровича у Покровскихъ воротъ. Трудно описать радость, которую причинилъ нашъ пріѣздъ этому милому и радушному человѣку. Еще не совсѣмъ оправившійся отъ болѣзни, онъ самъ въ халатѣ, схвативши свѣчу, бросился впереди насъ во второй этажъ, чтобы указать приготовленное намъ помѣщеніе. Напрасно жена его, постоянно дрожавшая надъ слабымъ его здоровьемъ, догоняя насъ на лѣстницѣ, умоляла его не ходить самому: онъ продолжалъ бѣжать черезъ ступеньку, такъ что и мы едва за нимъ поспѣвали, а за нами раздавалось полупечальное и полураздраженное: „Митя! Митя! Боже, Боже! ахъ, какой характеръ!“

В. П. Боткинъ писалъ:

С.-Петербугъ.
30 декабря 1864.

„Наконецъ вы въ Москвѣ!! Даже мнѣ томительно было ваше положеніе — сидѣть у моря и ждать погоду, а каково же вамъ! Досадно думать, что такъ много потеряно времени понапрасну. Теперь я занятъ одною мыслію о вашемъ пріѣздѣ сюда.

„Пріятнѣйшимъ событіемъ въ моей одинокой жизни былъ для меня неожиданный пріѣздъ Каткова и Леонтьева. Они прожили у меня три дня, и тишина моей квартиры наполнилась шумнымъ и безпрестанно смѣнявшимся раутомъ. Милѣйшій и оригинальнѣйшій Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ безвыходно провелъ всѣ три дня дома. Сколько толковъ, какая бесѣда и какая сладость и отрада!

„Паша *) говорилъ вамъ, что я комфортабельно устроился; дѣйствительно, сосѣдство съ Англійскимъ клубомъ доставляетъ мнѣ всѣ возможныя удобства, и уже одно то, что могу всегда имѣть обѣдъ на столько человѣкъ, на сколько окажется надобность, безъ всякихъ хлопотъ съ моей стороны. Дай Богъ, чтобы квартиру мою нашла удобною Маша. Во всякомъ случаѣ внутренняя теплота, которую найдете вы въ этихъ маленькихъ комнатахъ,—авось ослабитъ для васъ тѣ неудобства, которыя необходимо сопряжены не съ своимъ гнѣздомъ.

*) Одинъ изъ меньшихъ Боткиныхъ.

„У Тургенева опять наклевывается свадьба и, можетъ быть, на этотъ разъ состоится. Вотъ для этого то онъ и выѣзжаетъ изъ Бадена въ Парижъ. Онъ писалъ къ Анненкову, что надѣется пріѣхать въ Петербургъ въ мартѣ. Да кто же вѣритъ въ его надежды и обѣщанія? Сказать между нами, онъ проситъ Анненкова пріискать ему управляющаго и думаетъ, что это очень легко, и что такіе пріиски можно дѣлать заочно. Теперь онъ сознаетъ, что поступилъ *нѣсколько неосмотрительно* (это его выраженіе), начавши постройку, не имѣя въ рукахъ денегъ,—и черезъ Анненкова обратился ко мнѣ съ вопросомъ,—не дамъ ли я ему взаймы 15 тысячъ. Я отвѣчалъ, что я не могу. Ты, вѣроятно, осудишь меня за это. Но вѣдь это не нужда, а чистѣйшая прихоть, и съ другой стороны,—пріятно ли имѣть денежные счеты съ пріятелемъ? А потомъ, я знаю, какъ ведетъ свои денежныя дѣла Иванъ Сергѣевичъ: со всей его доброй волей тутъ ни за что нельзя поручиться.

Вашъ *В. Боткинъ.*

С.-Петербургъ.
1 января 1865 г.

„Уступая изстари заведенной рутинѣ поздравлять съ новымъ годомъ, спѣшу вамъ принести мое поздравленіе, хотя въ сущности я рѣшительно не понимаю, съ чѣмъ тутъ поздравлять, когда жизнь клонится уже подъ гору, когда призраки ея большею частію уже разсѣялись. Вотъ если-бы при каждомъ первомъ января вошло въ обычай поздравлять съ уменьшеніемъ иллюзій,—вотъ такое поздравленіе имѣло бы смыслъ. Но если вдумаешься, такъ выходитъ, что эти то самыя иллюзіи и составляютъ всю заманчивую жажду жизни.

„Помилуй, Маша! я съ великимъ нетерпѣніемъ жду тебя, считаю каждый день, приближающій васъ къ Петербургу, а ты снова поднимаешь вопросъ о томъ, пріѣхать ли тебѣ или нѣтъ. И тутъ замѣшался Тургеневъ. Уже кромѣ того, что все, что обѣщаетъ онъ, есть положительно неправда, но, и въ случаѣ его пріѣзда, неужели не нашлось бы комнаты для васъ? Но успокойся, Тургеневъ, если только будетъ, то пріѣдетъ не раньше половины марта. А теперь занятъ онъ свадь-

бою, если только опять не разстроится она, и свадьба эта назначена въ концѣ февраля.

„Фетъ писалъ мнѣ, что вы не можете выѣхать ранѣе 7-го января. Конечно, вамъ это виднѣе, но для меня каждый день безъ васъ есть истинная потеря. А потому, чѣмъ скорѣе пріѣдете вы и чѣмъ дольше проживете у меня, тѣмъ мнѣ будетъ усладительнѣе.

„Не понимаю, чѣмъ и какъ напутало тебѣ министерство юстиціи *). Но объ этомъ при свиданіи.

„Вотъ уже три недѣли, какъ я принимаю хининъ, а съ недѣлю даже увеличенными дозами. Но теперь лихорадки совсѣмъ нѣтъ.—Приложенную записку отвези къ Каткову и чѣмъ скорѣе, тѣмъ будетъ лучше.

„Передайте милому Митѣ, что я благодарю его за поздравленіе и глубоко болѣю о его хиломъ здоровьѣ. Я къ вамъ вчера отправилъ письмо, надѣюсь, что оно дошло до васъ. Давно тебя ждетъ Шопенгауэръ, котораго я купилъ безъ малѣйшаго затрудненія за пять рублей.

„Сегодня день моихъ именинъ, и въ первый еще, сколько я помню этотъ день, я обѣдалъ въ одиночествѣ. Вотъ ужь десятый день, какъ безвыходно сижу дома; недостатокъ воздуха и движенія совсѣмъ лишаетъ меня аппетита, да и слабость и усталость. Итакъ, дѣло стоитъ только за вами. А между тѣмъ можетъ быть тебѣ удастся прочесть Каткову начало своихъ военныхъ воспоминаній. А потомъ мы сами прочтемъ ихъ и рѣшимъ. Пожалуйста, до скораго свиданія.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Наконецъ-то собрались мы исполнить давнишнее желаніе Василія Петровича, зазывавшаго насъ къ себѣ въ Петербургъ на квартиру, при устройствѣ которой онъ положилъ

---

*) Я писалъ Боткину, что независимо отъ мировой, стоящей по закону выше всего и недопускающей никакого перевершенія, консультація въ свою очередь нашла мою сторону правой; и ливенской полиціи было предписано поставить у Б—ва на мельницѣ знакъ въ $2^1/_2$ верш., т.-е. на полвершка ниже опредѣленнаго ему уровня по мировой, такъ что меня снова требовали для этой операціи на Тимъ, хотя мнѣ она была безполезна, а Б—ву непріятна

столько старанія. Впродолженіе двухъ недѣль, проведенныхъ нами у него, онъ видимо старался быть любезнымъ. Но въ виду раздражительности нашего амфитріона, мы тайно чувствовали безусловное радушіе нашего московскаго хозяина, не отягчавшаго насъ излишнимъ вниманіемъ, но зато предоставлявшаго намъ полную свободу. Какъ ни пріятно было намъ пріѣхать въ Петербургъ, мы всетаки оставили его не безъ нѣкотораго нравственнаго облегченія.

Въ Москвѣ ожидало насъ письмо Тургенева:

Баденъ-Баденъ
2 января 1865 г.

„Милѣйшій Аѳан. Аѳан., сейчасъ получилъ ваше письмо и отвѣчаю сейчасъ-же. Прежде всего, такъ какъ вы этого желаете, сообщаю вамъ нѣсколько подробностей о собственной особѣ и объ ея намѣреніяхъ. Я остаюсь здѣсь до начала февраля, потомъ ѣду въ Парижъ и въ концѣ февраля, если ничего не случится, выдаю дочь замужъ, которая на этотъ разъ уже помолвлена за молодаго, серіознаго француза, находящагося во главѣ значительной стеклянной фабрики. Онъ образованъ, хорошей фамиліи, а главное, очень понравился моей дочери. Окончивъ это важное дѣло, я возвращаюсь на мѣсяцъ въ Баденъ, а вначалѣ апрѣля ѣду въ Петербургъ, а оттуда въ Москву, а оттуда въ Спасское, а оттуда въ Степановку. Въ Россіи я останусь мѣсяца два, чтобы по мѣрѣ возможности привести въ ясность свои дѣла. Ваши слова: „что у насъ теперь *все въ убытокъ*“ — нисколько меня не удивили, ибо я уже два года тому назадъ зналъ, что кромѣ *выкупныхъ денегъ* (и вслѣдствіе этого избавленія отъ казеннаго долга) ни на одинъ *грошъ* дохода надѣяться нельзя въ теченіи *пяти* лѣтъ, а потому я умолялъ дядю тотчасъ все имѣніе представить къ выкупу, съ уступкой пятой части. Но дядя, изъ очень похвальнаго, но для меня очень горестнаго чувства сохраненія моихъ выгодъ, ничего этого не сдѣлалъ, или сдѣлалъ только вполовину и посадилъ меня на мель самымъ убійственнымъ образомъ. Но объ этомъ послѣ.

„Присланное стихотвореніе очень и очень мнѣ понравилось. Тонкое и вѣрное сравненіе. Но какимъ образомъ: все

тише, все *ясный* въ первой строфѣ — ладитъ съ *мракомъ* во второй? Тутъ есть маленькое отсутствіе гармоніи и поэтическаго равновѣсія. Я думаю, это весьма легко исправить.

„Мнѣ хорошо живется, — я здоровъ, надѣюсь, что и вы также. Поклонитесь отъ меня вашей женѣ и всѣмъ московскимъ пріятелямъ и не забывайте

преданнаго вамъ *Ив. Тургенева.*

Л. Толстой писалъ намъ въ Москву:

23 января 1865.

„Какъ вамъ не совѣстно, милый мой Фетъ, такъ жить со мной, какъ будто вы меня не любите, или какъ будто всѣ мы проживемъ Мафусаиловы года. Зачѣмъ вы никогда не заѣзжаете ко мнѣ? И не заѣзжаете такъ, чтобы прожить два, три дня, спокойно пожить. Такъ хорошо поступать съ другими. Ну не увидались въ Ясной, встрѣтимся гдѣ нибудь на Подновинскомъ; а со мной не встрѣтитесь на Подновинскомъ. Я тѣмъ счастливъ, что прикованъ къ Ясной Полянѣ. А вы человѣкъ свободный. А глядишь, умретъ кто нибудь изъ насъ, вотъ какъ умеръ на дняхъ Вал. Петр., сестринъ мужъ, тогда и скажетъ: „что это я дуракъ, все объ мельницѣ хлопоталъ, а къ Толстому не заѣхалъ. Мы бы съ нимъ поговорили“. Право, это не шутка. Вы писали „и оплеуха тутъ была“ и вѣрно написали уже. Мнѣ страшно хочется прочесть, но страшно боюсь, что вы многимъ *значительнымъ* пренебрегли и многимъ незначительнымъ увлеклись. Мнѣ очень интересно.

„А знаете, какой я вамъ про себя скажу сюрпризъ: какъ меня стукнула объ землю лошадь и сломала руку, когда я послѣ дурмана очнулся, я сказалъ себѣ, что я литераторъ. И я литераторъ, но уединенный, потихонечку литераторъ. На дняхъ выйдетъ первая половина 1-й части 1805 года. Пожалуйста подробнѣе напишите свое мнѣніе. Ваше мнѣніе да еще мнѣніе человѣка, котораго я не люблю тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе я выростаю большой, — мнѣ дорого — Тургенева. Онъ пойметъ. Печатанное мною прежде я считаю только пробой пера; печатаемое теперь мнѣ хотя и нравится болѣе преж-

няго, но слабо кажется, безъ чего не можетъ быть вступленіе. Но что дальше будетъ — бѣда!!! Напишите, что будутъ говорить въ знакомыхъ вамъ различныхъ мѣстахъ и, главное, какъ на массу. Вѣрно пройдетъ незамѣченно. Я жду этого и желаю; только бы не ругали, а то ругательства разстраиваютъ... Прощайте, бывайте у нашихъ. Васъ отъ души любятъ. Марьѣ Петровнѣ мой поклонъ.

„Я радъ, что вы любите мою жену; хотя я ее меньше люблю моего романа, а всетаки, вы знаете, жена. — Пріѣзжайте же ко мнѣ. А ежели не заѣдете изъ Москвы съ Марьей Петровной, право, безъ шутокъ, это будетъ очень глупо.

Л. Толстой.

В. П. Боткинъ писалъ:

С.-Петербургъ.
14 февраля 1865.

„Не знаю, застанетъ ли письмо это васъ въ Москвѣ, во всякомъ случаѣ желаю вамъ благополучно добраться до Степановки. Вѣроятно, вы провели масляницу довольно весело; но для тебя, Маша, которая всегда разстается съ Москвою нелегко, я думаю, все это время мелькнуло съ быстротою молніи. И я на масляницѣ былъ три раза въ театрѣ, чтобы вознаградить себя за зиму; во всемъ остальномъ масляница прошла для меня тихо.

„Началъ читать романъ Л. Толстаго: какъ тонко подмѣчаетъ онъ разныя внутреннія движенія, — это поразительно. Но не смотря на то, что я прочелъ больше половины, нить романа нисколько не начинаетъ выясняться, такъ что до сихъ поръ подробности однѣ преобладаютъ. Кромѣ того, къ чему это обиліе французскаго разговора? Довольно сказать, что разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ. Это совершенно лишнее и дѣйствуетъ непріятно. Вообще въ языкѣ русскомъ большая небрежность. Это очевидно вступленіе, — фонъ будущей картины. Какъ ни превосходна обработка малѣйшихъ подробностей, а нельзя не сказать, что этотъ фонъ занимаетъ слишкомъ большое мѣсто.

„Морозы большіе кончились, и теперь все будетъ приближаться къ веснѣ и меня приближать къ Степановкѣ. Вотъ

какъ я располагаю: тотчасъ послѣ Святой недѣли,—нынче Свѣтлое Воскресеніе будетъ 7 апрѣля,—слѣдовательно, Свѣтлая недѣля кончится 14 апрѣля,—я отправляюсь въ Москву, остановлюсь у Мити и проживу дней около десяти или побольше. А къ первому числу мая направлюсь къ вамъ,—вопервыхъ, потому, чтобы подышать весеннимъ воздухомъ, а вовторыхъ, чтобы пожить съ вами подолѣе, ибо въ августѣ я намѣреваюсь съѣздить заграницу, и потому долженъ буду оставить Степановку еще въ іюлѣ. Но объ этомъ мы обстоятельно посудимъ и переговоримъ.—Если что забудете купить для Степановки, то напишите сюда, — повѣрьте, я человѣкъ аккуратный и все выполню.

Обнимаю васъ отъ всего сердца.

В. Боткинъ.

Приходилось, воспользовавшись послѣднимъ зимнимъ путемъ по шоссе, пробираться въ Степановку. Здѣсь я нашелъ одно изъ величайшихъ хозяйственныхъ бѣдствій, о которомъ въ свое время, помнится, писалъ въ своихъ письмахъ изъ деревни. Прикащикъ въ мое отсутствіе натрудилъ весьма добраго и стараго, рыжаго мерина, у котораго съ натуги показался сапъ, на который не было обращено до нашего пріѣзда должнаго вниманія. Я засталъ больную лошадь расхаживающею на конномъ дворѣ среди другихъ; и всѣ усилія мои къ разведенію лошадей разомъ лопнули самымъ горестнымъ образомъ. Не взирая на нежеланіе оскорблять повара Михайлу, я вынужденъ былъ отказать брату его Ѳедору, занимавшему у насъ мѣсто прикащика. Василій Петровичъ прозывалъ это событіе землетрясеніемъ. Между тѣмъ онъ писалъ:

С.-Петербургъ.
17 марта 1865.

„Получилъ отъ васъ письмо и спѣшу благодарить за него. Слава Богу, вы уже вошли въ нормальную колею, и время пошло для васъ своимъ мирнымъ движеніемъ. Здѣсь, напротивъ, оно идетъ большею частію лихорадочно. Хотя смѣшно мнѣ, находящемуся внѣ его коловорота и политическаго, и

всяческаго, жаловаться на его лихорадочность, но въ результатѣ выходитъ, что человѣкъ связанъ таинственными нитями со своею средою и нѣтъ никакой возможности ему смотрѣть на все равнодушно. Вотъ я, ничего не дѣлающій человѣкъ, а между тѣмъ я страдаю всѣми болями настоящаго времени. Увы! для Россіи прошло то время, когда можно было уходить въ созерцательную жизнь.

„Поутру часовъ въ 9 я обыкновенно хожу гулять, и вотъ на одной изъ этихъ прогулокъ, сходя съ моста, я поскользнулся на скользкомъ отъ утренняго мороза гранитѣ и повредилъ себѣ правую руку. Боль и опухоль до сихъ поръ мѣшаютъ мнѣ писать, что видно изъ моего дурнаго почерка. Нѣсколько дней я не могъ выходить. Ты, Маша, напрасно вспоминаешь о бальтазарахъ: обѣдъ въ Степановкѣ лучше всѣхъ бальтазаровъ, уже по тому одному, что онъ простъ и, слѣдовательно, здоровѣе и умѣреннѣе. Обѣдъ, состоящій изъ одного холоднаго ростбифа, есть идеалъ здороваго обѣда. У меня вчера обѣдали семь человѣкъ, и поваръ Англійскаго клуба, по обыкновенію, оказался исправнымъ, не смотря на то, что обѣдъ былъ по 2 рубля съ человѣка. Въ этомъ отношеніи я устроился очень практично. Тургеневъ сбирается пріѣхать сюда на Святой недѣлѣ, но, вѣроятно, опоздаетъ, а такъ какъ я думаю ѣхать въ Москву въ половинѣ апрѣля, то я его вѣроятно не увижу здѣсь. Онъ и въ правду кончилъ свое „Довольно“ и прислалъ сюда въ цензуру. Это очень коротенькая вещь, не повѣсть, а лирическія изліянія. Я не читалъ, но даже Анненковъ говоритъ, что очень слабо. Совсѣмъ расползся Иванъ Сергѣевичъ, и внутренній нервъ его завялъ и сдѣлался дряблымъ и хилымъ.

20 марта.

„Теперь стоятъ здѣсь солнечные дни, и уже ѣзда на саняхъ прекратилась, — словомъ, весна во всемъ ходу. Каково то у васъ,—я думаю разливное море. Сегодня былъ у меня Некрасовъ и просидѣлъ три часа. Дѣло въ томъ, что его вонючая лавочка „Современника“ дѣлается самому ему гадкою. Онъ слишкомъ уменъ, чтобы не чувствовать ея омерзительности. Онъ говоритъ, что принялся за работу — поэму, на-

чало которой напечатано въ январьской книжкѣ Современника. Сегодня большой обѣдъ въ Англ. клубѣ, празднуется день его основанія. Въ этотъ день приглашается, обыкновенно, весь дипломатическій корпусъ, будетъ кн. Горчаковъ; будутъ рѣчи. Вчера сказывалъ мнѣ старшина, что за одну уху заплатили 1,200 рублей. Съ членовъ берутъ только по 3 рубля за обѣдъ съ виномъ, а вина все заграничной разливки, и шампанскаго вволю и вечеромъ ponche-royal. Клубу обойдется это угощеніе въ шесть тысячъ. Ponche-royal будетъ всенародно возженъ въ залѣ. Всѣ будутъ въ мундирахъ и фракахъ.

24 марта.

„Весна идетъ на всѣхъ парусахъ, дни стоятъ восхитительные. Легкая свѣжесть воздуха, безоблачное небо, и въ Степановкѣ, думаю, все это еще лучше, только, къ сожалѣнію, нѣтъ такихъ великолѣпныхъ тротуаровъ и газоваго освѣщенія. Пишешь ли ты „Изъ деревни?“ Вчера я слышалъ похвалы, и какія!—этимъ статьямъ отъ людей, не подозрѣвающихъ, что я тебя знаю. Это было у Бера, сенатора. Пожалуйста подготовь къ моему пріѣзду, чтобы можно было прочесть. Да какую это статью началъ ты для „Библіотеки для чтенія?“. Получилъ двѣ книжки Русск. Вѣстника, но твоей статьи „Къ Пизонамъ“ тамъ нѣтъ. Теперь всѣ мысли мои устремлены на отъѣздъ изъ Петербурга, а Дмитрій захворалъ ревматизмомъ въ мышцахъ спины, да такъ захворалъ, что едва можетъ ходить. Сережа велѣлъ лѣчить его электричествомъ, и уже отъ одного раза стало легче. Сегодня пошелъ онъ на второй электрическій сеансъ. Дай Богъ, чтобы онъ къ отъѣзду выздоровѣлъ. Гербель пріѣзжалъ ко мнѣ узнать о твоемъ адресѣ: онъ будетъ писать тебѣ насчетъ твоего позволенія включить твой переводъ „Антоній и Клеопатра“—въ изданіе Шекспира, и какія будутъ твои условія. Муза все еще продолжаетъ быть благосклонною къ божественному старцу Тютчеву,—его стихотвореніе во 2-й книжкѣ Русск. Вѣстн. прелестно. Обнимаю васъ отъ всего сердца.

В. Боткинъ.

С.-Петербургъ.
11 апрѣля 1865 года.

„Ловлю послѣдній день Святой недѣли, чтобы поздравить васъ со Свѣтлымъ праздникомъ и пожелать всѣхъ благъ. Здѣсь уже Нева вскрылась, и ледъ прошелъ, и вѣроятно вслѣдствіе этого постоянно дуетъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ, холодный и пронзительный, а когда дуетъ этотъ вѣтеръ, мнѣ всегда нехорошо. Кромѣ этого весна дѣйствуетъ на меня разслабительно. Такъ бы хотѣлось теплыхъ дней, да куда ѣхать искать ихъ? Собираюсь въ Москву, но вѣдь пускаться въ Степановку ранѣе первыхъ чиселъ мая кажется невозможно: холодно будетъ ѣхать, а мнѣ совсѣмъ неудобно брать съ собою шубу. Притомъ я боюсь, что двѣ недѣли въ Москвѣ покажутся мнѣ безконечными, даже принимая въ разсчетъ привѣтливость Софьи Сергѣевны. Я располагаю выѣхать отсюда около 20-го. Не знаю, почему противны мнѣ здѣшніе долгіе, свѣтлые вечера, предтечи болѣзненно свѣтлыхъ ночей. Ужь по этому одному провести лѣто въ Петербургѣ было бы для меня несчастіемъ. Отсюда смотрю я на Степановку, какъ на благодатный пріютъ, какъ на отдыхъ послѣ зимы. Казалось бы, отъ чего отдыхать, когда я относительно всего нахожусь въ положеніи зрителя. Мы тоже были съ тобою зрителями, когда смотрѣли Блондена, но я уже послѣ не пошелъ смотрѣть на него. Но въ этомъ отношеніи и въ Степановкѣ не избѣжать своего рода волненій.

20 апрѣля.

„Вотъ уже и 20 апрѣля, а я все еще не выѣзжаю изъ Петербурга. Погода стоитъ очень холодная. Но что бы тамъ ни было, а непремѣнно думаю выѣхать между 25 и 28. Между тѣмъ слухи о Степановкѣ доходятъ до меня невеселые. Митя писалъ мнѣ, что ты отказалъ Ѳедору. Къ сожалѣнію, я не знаю никакихъ подробностей, но тѣмъ болѣе меня печалитъ мысль, что вѣрно ты рѣшился отказать вслѣдствіе значительной неурядицы, происшедшей прямо отъ Ѳедора. Я знаю, что въ нужную минуту твоя энергія и рѣшимость тебѣ не измѣнятъ.

„Новый законъ о печати произвелъ нѣкотораго рода смя-

теніе между журналистикой. Многіе думаютъ оставаться подъ цензурой, не чувствуя себя способными стоять на своихъ ногахъ и принимать на себя отвѣтственность за свои поступки. Замѣчательно, что журналы демагогическаго направленія лучше хотятъ оставаться подъ цензурой: доказательство, что подъ эгидою цензуры удобнѣе имъ пропускать свои революціонныя доктрины. Въ этомъ отношеніи Некрасовъ съ Современникомъ находится совершенно какъ въ мукахъ рожденія и чувствуетъ себя на мели. Современникъ потерялъ этотъ годъ до 1500.—Вся буйная красота сосредоточилась въ Русск. Словѣ, но оно то и думаетъ остаться подъ цензурой, надѣясь, что такъ будетъ безопаснѣе и особенно надѣясь на глупость петербургскихъ цензоровъ, или на ихъ безмозглый прогрессизмъ. Некрасовъ даже сочинилъ слѣдующее четверостишіе, можетъ быть для того, чтобы приготовить другихъ къ измѣненію Современника; своего же собственнаго мнѣнія онъ никогда и ни о чемъ не имѣлъ.

«Бѣги отъ подлыхъ шулеровъ,
Отъ старыхъ бабъ и франтовъ модныхъ
И отъ начитанныхъ глупцовъ:—
Лакеевъ мыслей благородныхъ».

„Слѣдующее письмо напишу вамъ уже изъ Москвы, гдѣ надѣюсь найти вѣсть отъ тебя. Жму вамъ крѣпко руки. Я слышалъ достовѣрно, что желѣзная дорога до Серпухова будетъ открыта непремѣнно будущею весной, если только не нынѣшней осенью. О Тургеневѣ слухи затихли, но онъ писалъ Анненкову, что располагаетъ быть здѣсь въ маѣ и вѣроятно будетъ въ Спасскомъ, при видѣ котораго онъ всегда чувствуетъ невѣроятную скуку, какъ онъ мнѣ говорилъ.—А что рѣчь о продажѣ имѣнія Кологривова? —неужели совсѣмъ затихла? А я всетаки не покидаю этой мысли и все надѣюсь.

Прощайте. Вашъ *В. Боткинъ*.

Я забылъ сказать, что въ прошлый пріѣздъ, услыхавъ, что въ пятиверстномъ отъ насъ сосѣдствѣ сходно продается значительное имѣніе Кологривова, Василій Петровичъ намѣревался его купить, и мы ѣздили его осматривать. Единственно

доступнымъ ему критеріумомъ оказались сильныя и румяныя яблоки, покрывавшія садовыя деревья. Но какъ это были озимыя, то Василію Петровичу приходилось закусывать и тотчасъ же бросать ихъ. Тѣмъ не менѣе сходная цѣна, помнится, 45 р. за десятину, сильно его соблазняла, и онъ не ошибся бы въ разсчетѣ, такъ какъ лѣтъ черезъ 15 имѣніе это было перепродано, помнится, по 140 р. за десятину. Конечно, намѣреніе Василія Петровича, подарить намъ эту землю, было совершенно прозрачно; но поэтому то я и старался всѣми силами его отговаривать отъ этой покупки, такъ что однажды, понявъ въ свою очередь мою щепетильность, онъ съ раздраженіемъ сказалъ: „да я для себя покупаю".

Проходя сызнова въ настоящее время давно пройденный мною путь жизни, я невольно останавливаюсь на мелочахъ, незначительныхъ для сторонняго читателя, но имѣющихъ для меня роковой смыслъ. Не трудно понять, что, увлекись Василій Петровичъ Кологривовскимъ селомъ и передай его намъ, мы бы, какъ и позднѣе несостоявшейся покупкой значительнаго имѣнія Николая Сергѣевича Тургенева,—были окончательно привязаны къ Степановкѣ, ибо большія имѣнія не такъ легко при надобности продавать, какъ хорошо устроенное маленькое. Судьба очевидно все время гнала насъ къ югу и не дозволяла совершаться событіямъ, могущимъ преградить наше стремленіе на югъ (Drang nach Süden).

В. П. Боткинъ писалъ:

Москва.
12 мая 1865.

„Третьяго дня пріѣхалъ я сюда. Съ Катковымъ говорилъ о томъ, посылается ли тебѣ Русск. Вѣст. Когда я сказалъ, что ты не получаешь его, онъ послалъ при мнѣ же справиться въ контору и ужасно разсердился. Между тѣмъ контора отвѣчала, что посылаетъ. Но я стоялъ на томъ, что ты не получаешь. Велѣно навести справки, почему и проч. Оказалось, что Каткова упрекать тутъ не въ чемъ.

„Я еще не рѣшилъ своего выѣзда изъ Москвы. Если удастся выѣхать 7-го, то я заѣду вечеромъ 8-го на перепутьи въ Спасское къ почтеннѣйшему Николаю Николаевичу, хотя и со-

вѣстно безъ зова пріѣхать на именины. Но весьма быть можетъ, что мнѣ не удастся выѣхать 7-го, и тогда я уже не заѣду въ Спасское, а проѣду прямо въ Степановку. Хотя я въ Москвѣ съ 28 апрѣля, но обѣдалъ дома только разъ. Обѣдалъ у Каткова, а порядкомъ поговорить съ нимъ не успѣлъ. Во всякомъ случаѣ досвиданія или въ Спасскомъ, или въ Степановкѣ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

По давно заведенному порядку, мы и на этотъ разъ пріѣхали на своихъ лошадяхъ сперва къ Борисову, а затѣмъ на другой день вмѣстѣ съ послѣднимъ на именины Николая Николаевича. Обычный кругъ гостей былъ отчасти изумленъ неожиданнымъ пріѣдомъ Боткина, умѣвшаго въ добрый часъ быть чрезвычайно любезнымъ. Будучи на своихъ лошадяхъ, мы пригласили на другой день Василія Петровича обѣдать и ночевать въ Новоселки, такъ какъ при этомъ переѣздъ въ Степановку превращался изъ 75-ти верстъ въ 60—въ тотъ же самый день. Борисовъ съ своей стороны пригласилъ Боткина, который тѣмъ не менѣе не преминулъ въ Новоселкахъ замѣтить, что уподобляется Чичикову, переѣзжающему отъ помѣщика къ помѣщику.

Въ скорости затѣмъ въ Степановкѣ было получено письмо Толстаго:

16 мая 1865 г.

„Простите меня любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ за то, что долго не отвѣчалъ вамъ. Не знаю, какъ это случилось. Правда, въ это время было больно одно изъ дѣтей, и я самъ едва удержался отъ сильной горячки и лежалъ три дня въ постели. Теперь у насъ все хорошо и даже очень весело. У насъ Таня, потомъ сестра съ своими дѣтьми, и наши дѣти здоровы и цѣлый день на воздухѣ. Я все пишу понемножку и доволенъ своей работой. Вальдшнепы все еще тянутъ, и я каждый вечеръ стрѣляю *по нимъ*, т. е. преимущественно мимо. Хозяйство мое идетъ хорошо, т. е. мало тревожитъ меня,—все, что я отъ него требую. Вотъ все про меня. На вашъ вопросъ упомянуть о Ясной Полянѣ—школѣ,

я отвѣчаю отрицательно. Хотя ваши доводы и справедливы, но про нее (Я. П.) журналы забыли, и мнѣ не хочется напоминать, не потому, чтобы я отрекался отъ выраженнаго тамъ, но напротивъ потому, что не перестаю думать объ этомъ, и ежели Богъ дастъ жизни, надѣюсь еще изъ всего этого составить книгу, съ тѣмъ заключеніемъ, которое вышло для меня изъ моего 3-хъ лѣтняго страстнаго увлеченія этимъ дѣломъ. Я не понялъ вполнѣ то, что вы хотите сказать въ статьѣ, которую вы пишете; тѣмъ интереснѣе будетъ услышать отъ васъ, когда свидимся. Наше дѣло землевладѣльческое теперь подобно дѣламъ акціонера, который бы имѣлъ акціи, потерявшія цѣну и не имѣющія хода на биржѣ. Дѣло очень плохо. Я для себя рѣшаю его только такъ, чтобы оно не требовало отъ меня столько вниманія и участія, чтобы это участіе лишало меня моего спокойствія. Послѣднее время я своими дѣлами доволенъ, но общій ходъ дѣлъ, т. е. предстоящее народное бѣдствіе голода съ каждымъ днемъ мучаетъ меня больше и больше. Такъ странно и даже хорошо и страшно. У насъ за столомъ редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкій хлѣбъ на чистой скатерти, въ саду зелень, молодыя наши дамы въ кисейныхъ платьяхъ, рады, что жарко и тѣнь, а тамъ этотъ злой чортъ голодъ дѣлаетъ уже свое дѣло, покрываетъ поля лебедой, разводитъ трещины по высохнувшей землѣ и обдираетъ мозольныя пятки мужиковъ и бабъ и трескаетъ копыта у скотины. Право страшная у насъ погода, хлѣба и луга. Какъ у васъ? Напишите повѣрнѣе и поподробнѣе. Боткинъ у васъ. Пожмите ему отъ меня руку. Зачѣмъ онъ ко мнѣ не заѣхалъ? Я на дняхъ ѣду въ Никольское еще одинъ безъ семьи и потому не надолго и къ вамъ не пріѣду. Но то то хорошо было бы, коли бы въ это же время судьба принесла васъ къ Борисову. Кланяюсь отъ себя и жены Марьѣ Петровнѣ. Мы въ іюнѣ намѣрены со всею семьей переѣхать въ Никольское; тогда увидимся, и уже навѣрное буду у васъ.

„Что за злая судьба на васъ? Изъ вашихъ разговоровъ я всегда видѣлъ, что одна только въ хозяйствѣ была сторона, которую вы сильно любили, и которая радовала васъ,—это коннозаводство, и на нее то и обрушилась бѣда. Приходится

вамъ опять перепрягать свою колесницу, а „юхванство“ перепрячь изъ оглобель на пристяжку; а мысль и художество ужь давно у васъ переѣзжены въ корень. Я ужь перепрегъ и гораздо покойнѣе поѣхалъ.

„Довольно“ мнѣ не нравится. Личное, субъективное хорошо только тогда, когда оно полно жизни и страсти, а тутъ субъективность полная безжизненнаго страданія.

Л. Толстой.

Тургеневъ писалъ:

Спасское.
4 іюня 1865 г.

„Любезный Аѳан. Аѳан., я вчера прибылъ благополучно сюда и, разумѣется, жажду васъ видѣть, а также и Василія Петровича, который, говорятъ, находится теперь подъ вашимъ кровомъ. Въ день именинъ Марьи Петровны я, конечно, у васъ. Напишите мнѣ словечко. Я, вѣроятно, завтра или послѣ завтра увижусь съ Иваномъ Петровичемъ. Досвиданья!

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Согласно намѣренію своему, Боткинъ въ половинѣ іюля уѣхалъ отъ насъ заграницу, а мы, слыша, что на 22 іюля многіе изъ подъ Мценска собираются къ намъ, стали помаленьку готовиться къ именинамъ. Такъ какъ съ нѣкоторыми мценскими, напримѣръ, съ весьма любезнымъ и умѣвшимъ пожить уѣзднымъ предводителемъ В. А. Ш—ымъ, мы познакомились черезъ давнишняго его пріятеля Александра Никитича Ш—а, то эти гости обыкновенно наканунѣ пріѣзжали къ Александру Никитичу, великому мастеру угостить, который обыкновенно звалъ и насъ къ себѣ. Дня за четыре до праздника пришло извѣстіе изъ Спасскаго, что Иванъ Сергѣевичъ по болѣзни быть не можетъ, но будетъ дядя съ женою и свояченицей.

Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ этой послѣдней, о которой выше было говорено вскользь. Старше своей сестры Тургеневой, Анна Семеновна Бѣлокопытова проживала въ Спасскомъ въ отдѣльной маленькой комнатѣ. Это была небольшаго роста толстоватая пожилая дѣвушка съ

добрѣйшимъ сердцемъ. Любовь ея не ограничивалась двумя племянницами Тургеневыми, но распространялась по возможности на всѣхъ страждущихъ и даже беззащитныхъ животныхъ. Отличный семьянинъ Ник. Ник. Тургеневъ самъ многое спускалъ галкамъ за семейную нѣжность ихъ парочекъ, а потому въ Спасскомъ всегда можно было, ко времени вылета изъ гнѣздъ, найти на дорожкѣ безпомощную галку. Вдобавокъ къ канарейкамъ и ручнымъ голубямъ, у Анны Семеновны постоянно проживала ручная галка, жадно глядѣвшая на руки при словахъ: „галочка, галочка“. Но изумительнѣе всего было то, что на тихій зовъ Анны Семеновны: „ужинька, ужинька“,—изъ подъ карниза пола дѣйствительно показывался ужъ и безбоязненно шелъ лакать молоко съ поставленнаго на полъ блюдечка. Не взирая на любезное отношеніе Николая Николаевича къ своей свояченицѣ, одинъ костюмъ Анны Семоновны доказывалъ невозможность со стороны Николая Николаевича удовлетворять какимъ-либо затѣямъ своихъ дамъ. Одно время Анна Семеновна гостила у насъ въ Степановкѣ, и когда къ опредѣленному сроку Ник. Ник. прислалъ за нею коляску, Анна Семеновна изумила меня своею просьбой. У насъ вставляли стекла въ новыя двойныя рамы, и Анна Семеновна выпросила себѣ на картину вырѣзокъ стекла въ полторы четверти въ квадратѣ и повезла этотъ отрѣзокъ за 75 верстъ на колѣняхъ. Эта просьба въ свое время поразила меня, и понынѣ возстаетъ въ моей памяти однимъ изъ доказательствъ безкорыстія Николая Николаевича.

21 іюля до поздняго вечера мы то прислушивались, то выглядывали на дорогу, уже сильно потемнѣвшую отъ набѣжавшихъ дождевыхъ тучъ. Но когда насъ окружила непроглядная тьма, на мгновеніе озаряемая молніей, сопровождаемой ударами грома и ревущимъ дождемъ, мы совершенно успокоились на мысли, что въ такую погоду ночью ожидать гостей невозможно. Въ 12 часовъ все въ домѣ спало, начиная съ насъ, за исключеніемъ кухни, откуда глухо раздавался стукъ ножей. Вдругъ въ 2 часа утра у подъѣзда раздался стукъ, и затѣмъ поднялась бѣготня по всему дому. „Что такое?“ спросили мы стучавшаго въ дверь спальной слугу.—„Ник. Ник. съ барынями изволили пожаловать“, былъ

отвѣтъ, вслѣдствіе котораго черезъ минуту сначала жена, а потомъ я выбѣжали изъ спальни съ зажженными свѣчами. Такъ какъ Тургеневымъ заблаговременно все было приготовлено въ пристройкѣ Василія Петровича, то надо было проводить гостей черезъ весь домъ, освѣщая дорогу схваченной второпяхъ свѣчею. Надо было снабдить промокшихъ гостей сухимъ бѣльемъ и напоить ихъ чаемъ. Понадѣявшись на свою память, я оставилъ свѣчу, съ которой провожалъ гостей, у нихъ и бросился въ потьмахъ по всему дому до спальни. Въ направленіи я ошибиться не могъ и инстинктивно держалъ передъ собою лѣвую руку. Вдругъ я услыхалъ трескъ и сильнѣйшій ударъ въ руку, очутившуюся у меня на груди, причемъ всего меня оттолкнуло назадъ. По нестерпимой боли въ кисти руки понявъ, что наткнулся на одну изъ половинокъ полурастворенной новой дубовой двери, я подумалъ, что затрещали перерѣзанныя растворомъ кости. Къ счастію, оказалось, что затрещала на своихъ солидныхъ петляхъ дверь. Можно судить о силѣ удара. Не удивительно, что пришлось сейчасъ же погружать руку въ воду со льдомъ, и что слѣды этого шрама сохранились на рукѣ до сихъ поръ.

Такъ какъ празднованіе именинъ мало отличалось отъ прежнихъ, мною описанныхъ, то прохожу его молчаніемъ.

III.

Поѣздка въ Новоселки и въ Никольское къ Толстымъ.—Борисовъ съ Петей пріѣзжаетъ къ намъ.—Письма.—Мое избраніе въ гласные.—Письма.—Предводитель А. В. Ш—въ и мировой посредникъ Ал. Арк. Тимирязевъ.—Раздумье по поводу Тимской мельницы.—Письма.—Поѣздка въ Москву.—Тяжелое свиданіе съ Ник. Ник. Тургеневымъ.

Ѣздившій не менѣе насъ въ окрестности Мценска и преимущественно въ красивую каменную усадьбу помянутаго уже нами предводителя В. А. Ш—а, Александръ Никитичъ, подобно намъ, проѣзжалъ половину дороги на своихъ прекрасныхъ лошадяхъ, съ тою разницей, что оставлялъ собственныхъ лошадей у воспѣтаго Тургеневымъ вольнаго ямщика Ѳедота, тогда какъ мы, захвативши изъ дому мѣрку овса, кормили у Ѳедота три часа. Такъ какъ наши выѣзды были по поводу какого нибудь деревенскаго празднества, то Александръ Никит. не разъ догонялъ насъ у Ѳедота, и, требуя лошадей для себя, видимо раздражался нашей экономіей, говоря: „ну что тебѣ стоитъ заплатить 3 рубля?“

— Стоитъ, отвѣчалъ я, то же, что и тебѣ: взадъ и впередъ 6 рублей, и тратить ихъ на каждую поѣздку я не нахожу для себя возможнымъ.

Пока лошади кормились, мы обыкновенно просили самовара и сливокъ, къ которымъ являлась захваченная нами изъ дому закуска на чистой салфеткѣ и карты для пасьянса. Когда же черезъ три часа поили лошадей и подмазывали коляску, мы съ женою уходили, по существовавшимъ тогда еще по большимъ дорогамъ екатерининскимъ ракитовымъ аллеямъ, впередъ, а коляска нагоняла насъ уже версты за двѣ отъ Ѳедота.

Вскорѣ послѣ именинъ, мы съ женою рѣшили навѣстить Борисова, а отъ него проѣхать въ Никольское повидаться съ Толстыми.

Бѣднаго Борисова, утѣшеннаго умнымъ щебетаніемъ обожаемаго имъ Пети, мы застали въ сравнительно покойномъ состояніи духа. Послѣ обѣда пришелъ старый Мартынычъ и былъ снова усаженъ Борисовымъ въ кабинетѣ на стулъ. Тутъ онъ въ первый разъ увидалъ жену мою и, конечно, не преминулъ разсказать ей о блаженныхъ дняхъ, когда онъ самъ: „надобно сказать, жилъ своимъ домкомъ, на своей землѣ и, надобно сказать, младенца имѣлъ. И какъ умеръ благодѣтель Ѳедоръ Васильевичъ Каврайскій и, надобно сказать, и младенецъ, и жена. И вотъ теперь, надобно сказать, пришелъ къ Ивану Петровичу просить помощи".

— Какой это, Сергѣй Мартынычъ, помощи? спросилъ Борисовъ.—Вы получили свое мѣсячное положеніе?

— Получи-и-и-лъ! выразительно протянулъ Мартынычъ.

— Ну такъ что же?

— Братья отняли.

— Да вѣдь дать вамъ—они опять отнимутъ?

— Ня дамъ!

— Да вѣдь вы и въ тотъ разъ говорили: не дамъ.

— Да вѣдь я, Иванъ Петровичъ, прошу,—при этомъ онъ ущемлялъ щепотью правой руки оттопыренный кривой мизинецъ лѣвой—только вотъ такой кусочекъ хлѣбца!

— Такъ, Сергѣй Мартынычъ, нельзя!

— Нельзя! утвердительно говорилъ Мартынычъ.

— Вѣдь такъ, что вамъ ни дай, все отнимутъ.

— Отнимутъ, грустно повторялъ Мартынычъ.—Да вѣдь я, Иванъ Петровичъ, только вотъ такой кусочекъ чернаго хлѣбца прошу!

— Да вѣдь его отнимутъ.

— Ня дамъ!

Съ великимъ трудомъ выбрались мы изъ ложнаго круга краснорѣчія Мартыныча. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, Иванъ Петровичъ воскликнулъ: „ты видишь, онъ совершенный свирѣпый Аханъ".

Во дни нашей юности въ Москвѣ, въ газетахъ и отдѣль-

ными объявленіями сообщалось публикѣ о предстоящей за Рогожскою заставой травлѣ собаками привязаннаго медвѣдя, носившаго названіе „Аханъ“. Конечно, къ привязанному Ахану шелъ болѣе эпитетъ *несчастный*, но для привлеченія фабричной публики выставлялся заманчивый эпитетъ *свирѣпый*.

На другой день мы собрались съ женою въ Никольское къ Толстымъ, причемъ остававшійся дома Иванъ Петр., въ виду 60-ти верстъ, пройденныхъ нашими лошадьми, любезно предложилъ свой тарантасъ тройкою. Пообѣдавъ пораньше, мы весело пустились въ сравнительно недальній путь, начиная съ довольно глубокаго переѣзда въ бродъ р. Зуши. Хотя мы оба съ Борисовымъ много разъ бывали въ Никольскомъ у дорогаго графа Николая Николаевича, но это постоянно бывало верхомъ, и поэтому, подъѣхавъ къ глубокому лѣсному оврагу, пересѣкаемому весьма мало наѣзжаной дорогой, я нимало не усомнился въ томъ, что такая старая, сильная и благонадежная лошадь, какъ давно знакомая мнѣ Новосельская Звѣздочка, отлично спуститъ насъ въ тарантасѣ подъ гору, а добрыя пристяжныя выхватятъ и на гору. Но при видѣ крутой дорожки, спускавшейся по кустарникамъ въ долину, жена моя отказалась сидѣть въ тарантасѣ, и я поневолѣ долженъ былъ сопровождать ее подъ гору пѣшкомъ. Каковы же были сначала мое изумленіе, а затѣмъ и ужасъ, когда я увидалъ, что хомутъ слѣзъ Звѣздочкѣ на шею, и какъ кучеръ ни старался сдерживать тройки, послѣдняя стала прибавлять ходу и наконецъ во весь духъ понеслась подъ гору. При этомъ на тычкахъ, мало замѣтныхъ съ горы, сначала кучеръ акробатически взлетѣлъ и сѣлъ на траву, а затѣмъ и кожаная подушка съ козелъ послѣдовала его примѣру. Надо было ожидать внизу окончательнаго калѣчества лошадей и экипажа. А какое приключеніе можетъ быть язвительнѣе для небогатаго хозяина? Вотъ еще два-три прыжка до оврага, у котораго заворачиваетъ вправо наша дорожка... но, о чудо! Доскакавъ до этого мѣста, тройка круто поворачиваетъ направо и, написавъ нисходящую въ оврагъ одну ножку буквы *Л*, находитъ другую восходящую и выскакиваетъ по ней снова на нашу опушку. Тамъ, ощутивъ себя на нор-

мальной плоскости, тройка самымъ флегматическимъ образомъ остановилась, а мы, подобравъ въ кустахъ сброшенную подушку, безъ всякихъ поломокъ отправились въ Никольское объѣздомъ.

Не взирая на нѣкоторую тѣсноту помѣщенія, мы были приняты семействомъ графа съ давно испытанною нами любезностью и радушіемъ. Съ пріѣзжими хозяевами былъ двухлѣтній сынокъ, требовавшій постояннаго надзора, и дѣвочка у груди. Кромѣ того, у нихъ гостила прелестная сестра хозяйки. Къ пріятнымъ воспоминаніямъ этого посѣщенія у меня присоединяется и непріятное. Я вообще терпѣть не могу кислаго вкуса или запаха, а тутъ, какъ нарочно, Левъ Никол. задавался мыслью о цѣлебности кумыса, и въ просторныхъ сѣняхъ за дверью стояла большая кадка съ этимъ продуктомъ, покрытая рядномъ, и распространяла самый ѣдкій, кислый запахъ. Какъ бы недовольствуясь самобытною кислотою кумыса, Левъ Никол. восторженно объяснялъ простоту его приготовленія, при которомъ въ прокислое кобылье молоко слѣдуетъ только подливать свѣжаго, и неистощимый цѣлебный источникъ готовъ. При этомъ графъ бралъ въ руки торчавшее изъ кадки весло и собственноручно мѣшалъ содержимое, прибавляя: „попробуйте, какъ это хорошо!“ Конечно, распространявшійся нестерпимый запахъ говорилъ гораздо сильнѣе приглашенія.

Когда вечеромъ дѣтей уложили, я по намекамъ дамъ упросилъ графа прочесть что-либо изъ „Войны и міра“. Черезъ двѣ минуты мы уже были унесены въ волшебный міръ поэзіи, и поздно разошлись, унося въ душѣ чудные образы романа.

На другой день мы заранѣе просили графиню поторопить съ обѣдомъ, чтобы не запоздать въ дорогу, которая насъ напугала.

— Ахъ, какъ это будетъ хорошо, сказалъ графъ.—Мы всѣ васъ проводимъ въ большой линейкѣ. Обвеземъ васъ вокругъ фатальнаго лѣса и возвратимся домой съ увѣренностью вашего благополучнаго прибытія въ Новоселки.

Но вотъ обѣдъ кончился, и я попросилъ слугу приказать запрягать.

— Да, да, всѣмъ запрягать! восклицалъ графъ,— тройкой долгушу, и мы всѣ вмѣстѣ пятеро поѣдемъ впередъ, а вашъ тарантасъ за нами.

Прошло болѣе часу, а экипажей не подаютъ. Я выбѣжалъ въ сѣни и, услыхавъ отъ слуги обычное: „сейчасъ!“—на нѣкоторое время успокоился. Однако черезъ полчаса я снова вышелъ въ сѣни съ вопросомъ: „что же лошади?“ На новое: „сейчасъ!“ я воскликнулъ: „помилуй, братъ, я уже два часа жду! Узнай пожалуйста, что тамъ такое?“

— Дьякона дома нѣтъ, горестно отвѣтилъ слуга. Я не безъ робости посмотрѣлъ на него.

— Изволите видѣть, ихъ сіятельства пріѣхали сюда четверкой; а тутъ когда нуженъ коренной хомутъ, то берутъ его на время у дьякона; а сегодня, какъ на грѣхъ, дьякона дома нѣтъ.

Неразыскавшійся дьяконъ положилъ предѣлъ всѣмъ нашимъ веселымъ затѣямъ, и мы, простившись съ радушными хозяевами, еще заблаговременно отыскались въ Новоселкахъ, откуда на другой же день уѣхали въ Степановку.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи домой, мы были изумлены пріѣздомъ Борисова съ Петей и Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ. Иванъ Петровичъ объяснилъ свой пріѣздъ, разсказавши, что родной дѣдъ моихъ племянницъ, малолѣтнихъ Ш—ыхъ,— М—овъ скончался. Въ качествѣ опекуна малолѣтнихъ, онъ помѣстилъ ихъ къ другой замужней дочери своей С—ой въ Тульскую губернію, такъ что мы за послѣднее время совершенно потеряли малолѣтнихъ изъ виду, и двѣ старшихъ скончались отъ крупа. Въ настоящее время Борисовъ назначенъ былъ опекуномъ малолѣтней Оли Ш—ой и, приходя въ ужасъ отъ новой необходимости помѣщать у себя въ домѣ воспитательницу, рѣшилъ въ самомъ скорѣйшемъ времени везти Петрушу и Олю въ Москву въ нѣмецкія евангелическія школы „Петра и Павла“ для мальчиковъ и дѣвочекъ.

— Касательно экзамена Пети, я совершенно покоенъ, сказалъ Иванъ Петровичъ: онъ и по русски, и по нѣмецки читаетъ хорошо. Но по французски совсѣмъ читать не умѣетъ. Поэтому я его привезъ къ тебѣ недѣльки на двѣ; и я увѣренъ, что въ теченіи этого времени ты его наладишь, какъ должно.

Дѣйствительно, смышленый ребенокъ въ три-четыре урока овершенно усвоилъ себѣ механизмъ французскаго чтенія , ни слова не понимая, читалъ довольно бойко.

Сдавши въ Москвѣ сына въ школу, Иванъ Петровичъ от-езъ дѣвочку къ директрисѣ пансіона Э—ъ и приблизительно одержалъ ей такую рѣчь: „затрудненій въ расходахъ по со-ержанію дѣвочки быть не можетъ; но держать ее у себя въ омѣ я не въ состояніи, и потому я прошу васъ взять ее кончательно на свои руки до ея совершеннолѣтія, такъ какъ , даже по окончаніи ею ученія, вывозить ее не могу. Мое ке дѣло исправно платить, что будетъ назначено вами за ея одержаніе.

Тургеневъ писалъ:

Баденъ-Баденъ
10 октября 1865.

„Любезнѣйшій Фетъ, я дѣйствительно виноватъ передъ вами, то не отвѣчалъ на ваше большое письмо въ формѣ грече-каго діалога, и прибывшія вчера восемь страницъ изъ мель-ницы на Тиму, какъ восемь стрѣлъ, вонзились въ мою лѣни-вую и зачерствѣлую совѣсть, и я воспрянулъ, схватилъ перо что со мною теперь случается до крайности рѣдко)—и, какъ видите, строчу вамъ это посланіе, хотя собственно не знаю, куда его адресовать: въ Москву или въ Орелъ... вѣрнѣе всего будетъ къ Борисову. Изъ письма вашего вижу, что вы оза-бочены двояко: вещественно — въ видѣ предупрежденія плу-товства со стороны вашихъ арендаторовъ, — и духовно — въ видѣ желанія разрѣшенія всѣхъ жизненныхъ вопросовъ—фи-лософскихъ и другихъ (ибо вы большой философъ sans le savoir) — разомъ. Первымъ заботамъ вашимъ я помочь не могу, ибо самъ очень плохъ по этой части; да и вторымъ за-ботамъ тоже. Одно развѣ: повторить вамъ мою старую пѣсню: „Поэтъ, будь свободенъ! Зачѣмъ ты относишься подозри-тельно и чуть не презрительно къ одной изъ неотъемлемыхъ способностей человѣческаго мозга, называя ее *ковыряніемъ*, разсудительностью, отрицаніемъ,—критикѣ? Я бы понималъ тебя, еслибы ты былъ ортодоксъ, или фанатикъ, или славяно-фильствующій народолюбецъ, — но ты поэтъ, ты вольная

птица. — и твоему гармоническому носу неприлично свистать въ эту старую, Жанъ-Жакъ-Руссовскую, лженатуральную и всякими пошлыми слюнями загаженную дудку. Ты чувствуешь потребность лирическихъ изліяній и дѣтской радостной вѣры — качай! Ты желаешь подъ каждое чувство подкопаться, все обнюхать, разорить, расколотить, какъ орѣхъ,— валяй! Главное, будь правдивъ съ самимъ собою и не давай никакой, даже собственнымъ иждивеніемъ прозведенной, системѣ осѣдлать твой благородный затылокъ! Повѣрь: въ постоянной боязни *разсудительности* гораздо больше именно этой разсудительности, передъ которой ты такъ трепещешь, чѣмъ всякаго другаго чувства. Пора перестать хвалить Шекспира за то, что онъ, молъ, дуракъ; это такой же вздоръ, какъ утверждать, что россійскій крестьянинъ между двумя рыготинами сказалъ какъ бы во снѣ послѣднее слово цивилизаціи. „Das ist eitel Larifari!“ говорятъ мои друзья нѣмцы“.

„Вотъ вамъ, душа моя, profession de foi,—для васъ впрочемъ не новая, дѣлайте изъ нея, что хотите. А что вамъ нѣкоторые звуки въ „Довольно“ пришлись по уху,—меня радуетъ. Я готовъ даже сказать вамъ по секрету, что не только одинъ Боткинъ, но даже сто Боткиныхъ (Господи! какое это было бы зрѣлище!) не въ состояніи увѣрить меня, что „Довольно“ одинъ „наборъ словъ“. Не такъ оно писалось; ну да въ сторону это! A propos de bottes... kine, я получилъ отъ этого франта письмо изъ Парижа, въ которомъ онъ меня увѣдомляетъ, что ѣдетъ въ ноябрѣ въ Петербургъ, и что у него происходитъ бурчаніе въ животѣ.

„Призраки“ уже переведены Меримѣ и даже (между нами!) были читаны имъ—кому бы вы думали?—императору и императрицѣ французовъ. Спѣшу прибавить для успокоенія людей, могущихъ мнѣ завидовать, что Revue des deux mondes отказалъ въ помѣщеніи тѣхъ же самыхъ „Призраковъ“,— какъ гили несуразной. Передайте сіи факты M-me Энгельгардтъ съ моимъ усерднымъ поклономъ.

„Впрочемъ о себѣ скажу вамъ, что я здоровъ, не смотря на приближающуюся холеру, достраиваю свой домъ и хожу часто на охоту. На дняхъ я убилъ довольно оригинальное

количество дичи: 1 дикаго козла, 1 зайца, 1 дикую кошку, 1 фазана, 1 вальдшнепа и 1 куропатку. Дружески кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и васъ обнимаю.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Боткинъ писалъ:

С.-Петербургъ.
12 ноября 1865 года.

„Любезные друзья, вчера вечеромъ наконецъ возвратился я восвояси и спѣшу дать вамъ вѣсть о себѣ, въ надеждѣ получить и отъ васъ какъ можно скорѣе. Я не писалъ вамъ съ дороги, потому что, находясь въ переѣздахъ, я не зналъ, куда назначить вамъ адресъ. Заѣхалъ я на возвратномъ пути къ Тургеневу и провелъ съ нимъ три дня. Домъ его готовъ, но только однѣ стѣны, а внутри ничего еще и не начато, начиная съ рамъ. Дай Богъ, чтобы онъ могъ быть готовъ черезъ годъ, тѣмъ болѣе, что мебель еще и не заказывалась. Тургеневъ жалуется, что домъ будетъ стоить гораздо дороже, нежели онъ предполагалъ. Поставщикъ деревьевъ въ садъ его безсовѣстно надулъ, посадивъ вмѣсто деревъ лозинки и какія то вѣточки, такъ что Тургеневъ принужденъ былъ дать вновь заказъ въ Страсбургъ. Увы! какъ только за чѣмъ-нибудь не досмотришь, во всѣхъ странахъ ожидаетъ тебя то же самое. Отъ Тургенева я имѣлъ извѣстіе о тебѣ—и непріятное, будто у тебя опять процессъ по мельницѣ. Обо всемъ жажду знать. Что касается до меня, то я проѣхалъ по Тиролю до Ломбардіи и отъ невыносимыхъ жаровъ принужденъ былъ вернуться въ Швейцарію, гдѣ прожилъ до октября. Недѣли четыре провелъ въ Парижѣ и дней 12 въ Берлинѣ, гдѣ познакомился съ нѣкоторыми лекціями профессоровъ, посѣщая ихъ ежедневно и по двѣ лекціи въ день. Но я такъ усталъ отъ переѣзда двухъ-суточнаго изъ Берлина, что еще не въ состояніи писать, а потому кончаю.

Вашъ *В. Боткинъ.*

С.-Петербургъ.
7 декабря 1865 года.

„Пишу къ вамъ хотя нѣсколько словъ, не желая откладывать; такъ темно, что нельзя иначе писать, какъ при лампѣ,— отчего болятъ у меня глаза. Тысячу спасибо за письма ваши. Хорошо, что ѣдете въ Москву, но еще будетъ лучше, если вы пріѣдете ко мнѣ въ Петербургъ. Теперь вы знаете мое помѣщеніе, и если вамъ оно не противно, то пріѣзжайте опять на старое мѣсто. Притомъ же Митя можетъ быть поѣдетъ въ Петербургъ подъ наблюденіе Сережи, почему бы и вамъ не ѣхать ко мнѣ? Но надо замѣтить, что грудь Мити внушаетъ большое опасеніе Сережѣ и очень можетъ статься, что, если Сережа сочтетъ нужнымъ,— то отправитъ Митю въ теплый климатъ. Сережа намѣренъ съѣздить въ Москву на праздники, и это можетъ рѣшиться тамъ. Сказать не могу, какъ мнѣ жаль Митиньку.

„Съ какимъ живѣйшимъ интересомъ я читалъ твое письмо! Я съ своей стороны нахожу очень хорошимъ, что ты намѣреваешься искать должности мироваго судьи, здраваго сужденія не занимать,— а это всего нужнѣе. Здоровье мое ничего—ковыляетъ. Да уладь ты съ Катковымъ, надо извинять недостатки въ такихъ людяхъ. Ничего не надо ставить въ упоръ. Ты кротокъ, какъ голубь, но на тебя находитъ иногда столбнякъ, дѣлающій тебѣ подчасъ несноснымъ. Катковъ Богъ знаетъ какъ радъ сойтиться съ тобою, а уступить ты долженъ, ибо они всетаки хозяева журнала. Люди порядка и здравомыслія не должны ссориться, въ виду стаи собакъ, окружающей ихъ. Съ Александра Никитича Ш—а ты получилъ 1000 руб.,— это для меня неожиданный сюрпризъ. Буду ждать отъ васъ письма изъ Москвы. Досвиданія.

Весь вашъ *В. Боткинъ.*

Во избѣжаніе скучныхъ повтореній, не буду говорить о выпавшемъ снѣгѣ и неизмѣнномъ переѣздѣ въ кибиткѣ черезъ Новоселки и Спасское въ Москву на праздники; оттуда черезъ три недѣли мы, по окончаніи праздниковъ, тѣмъ же порядкомъ вернулись въ Степановку, заѣхавши къ Толстымъ въ Ясную Поляну.

В. П. Боткинъ писалъ намъ въ Москву:

С.-Петербургъ
17 января 1866 г.

„Давно не писалъ я вамъ и давно не получалъ вѣстей отъ васъ, такъ что не знаю, когда вы будете сбираться въ обратный путь. Стихотвореніе твое въ послѣдней книжкѣ Русскаго Вѣстника очень мило и съ поэтическимъ запахомъ. Русск. Вѣстникъ продолжаетъ быть какимъ то тяжелымъ сборникомъ, я объ этомъ говорилъ Каткову. Если такъ пойдетъ, то будетъ худо. Дай вѣсточку, а то скучно ничего не слышать о васъ. Современникъ совсѣмъ перерождается, и нигилистическо-коммуническій духъ будетъ изъ него выкуренъ. Русск. Слово тоже находится при послѣднемъ издыханіи. Это пока добрый знакъ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Онъ же писалъ въ Степановку:

С.-Петербургъ.
1 февраля 1866 г.

„Ужь я нѣсколько разъ принимался тревожиться относительно твоего молчанія, какъ наконецъ вчера получилъ твое письмо. Слава Богу! все благополучно. Стихи къ Тютчеву, по моему мнѣнію, хороши, кромѣ послѣдней строфы, которая кажется слабою. „Зовъ *единый*“ эпитетъ слишкомъ неопредѣленный и ничего не говорящій. Нельзя заключать стихотвореніе такимъ слабымъ и безцвѣтнымъ аккордомъ. Такъ кажется мнѣ, а можетъ быть я ошибаюсь.

„Ну-съ, дни проходятъ повторяясь и почти не различаясь между собою. Здоровье мое нынѣшнюю зиму значительно слабѣе, особенно глаза. Рѣдкій день не томитъ меня слабость не заставляетъ лежать часа по два на диванѣ. Глаза такъ слабы, что едва осиливаю передовую статью въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, а политическія извѣстія уже оставилъ давно. Словомъ, годы все болѣе и болѣе даютъ себя чувствовать. Поэтому не брани меня за рѣдкость моихъ писемъ. Погода все все стоитъ теплая, гнилая, дождливая.

„Скажу вамъ, что я еще не рѣшилъ для себя, поѣду ли въ Степановку? Манитъ меня тишина и спокойствіе ея, но съ другой стороны перспектива переѣзда заставляетъ задумываться. Этотъ переѣздъ такъ тяжело отзывается на мнѣ: прошлый разъ я дней десять не могъ поправиться. Однимъ словомъ, и хочется, и колется. Притомъ-же я чувствую, что я какъ-то упалъ духомъ, ничто меня не радуетъ, не занимаетъ, все представляется въ мрачномъ видѣ, всюду темныя перспективы, — словомъ, скучно жить. Авось вѣяніе весны освѣжитъ меня и выведетъ изъ этого тяжкаго душевнаго состоянія. Къ удивленію моему, я не получалъ еще отъ Базунова *) статьи твоей о „Что дѣлать“. Не знаю, что думать объ этомъ замедленіи.

„Освобожденіе отъ цензуры приноситъ уже добрые плоды. Два предостереженія Современнику и Русск. Слову заставили этихъ господъ одуматься. Некрасовъ началъ похаживать ко мнѣ и протестуетъ противъ гадкихъ тенденцій своего журнала,—я же, пользуясь моимъ знакомствомъ съ членами совѣта по книгопечатанію, стараюсь поддержать ихъ въ ихъ энергіи. Не знаю, какъ въ провинціяхъ, но здѣсь нигилизмъ положительно ослабѣваетъ, старается замаскироваться. Обращаю твое вниманіе на статьи объ Огрызко, перепечатанныя въ Москоквс. Вѣдом.: онѣ заставляютъ призадуматься. Вотъ противъ какихъ тайныхъ враговъ должна бороться Россія!

„Мнѣ досадно, почему ты не отправилъ свою рукопись самъ, а предоставилъ сдѣлать это Каткову? Вотъ теперь и дожидайся, да еще и неизвѣстно, пришлется ли она.

„Отъ Тургенева было недавно письмо Анненкову: онъ здоровъ, ходитъ на охоту и жалуется на медленность постройки своего дома и попрежнему на дядю.

„Со вчерашняго дня здѣсь начались морозы: вчера было 12°, а сегодня 16° при ничтожномъ снѣгѣ. У меня такая пустота въ головѣ, что и хочется писать, да не пишется.

Вашъ *В. Боткинъ*.

---

*) Базуновъ — книгопродавецъ.

С.-Петербургъ.
10 февраля 1866 г.

„Я теперь испытываю на себѣ, какъ въ извѣстные періоды жизни поэтическое чувство оставляетъ человѣка или по крайней мѣрѣ отдаляется отъ него. Тѣмъ болѣе въ извѣстныя эпохи переживается обществомъ. Для поэтическаго чувства необходимы тишина и сосредоточеніе. Но какъ найти душевную тишину и сосредоточеніе въ такое время, какое переживаемъ мы? Увы! безсмертная эпоха русской поэзіи прошла и Богъ знаетъ, вернется ли когда нибудь. Даже и тѣ, которые могутъ повторять:

«Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ!»

—„стали едва замѣтной кучкой, а скоро и эта кучка исчезнетъ. Поэтическая струя исчезла и изъ европейскихъ литературъ, замутила ее проклятая политика; признаюсь откровенно, всѣ эти вопросы политико-экономическіе, финансовые, политическіе—внутренно нисколько меня не интересуютъ. А здѣсь всѣ только ими и заняты. А я между тѣмъ понимаю ясно, что они составляютъ настоятельную необходимость,— да я чужой въ нихъ. Люди, вполнѣ умные въ одной сферѣ, несутъ такую дичь, когда касаются другой и особенно эстетической, что не знаешь, что сказать. Теперь все и обо всемъ заболтало на разные лады.

„Наконецъ получилъ твою статью отъ Каткова и вчера отдалъ ее Дудышкину (редактору „Библіотеки для чтенія“); какой будетъ отвѣтъ отъ него—сообщу.

„Я слышалъ, что до Серпухова желѣзная дорога будетъ открыта не ближе конца лѣта или осенью.

Вашъ *В. Боткинъ*.

С.-Петербургъ.
26 февраля 1866 г.

„Письмо твое изо Мценска я получилъ и съ удовольствіемъ узналъ изъ него, что тебя выбрали въ секретари Земскаго Собранія, и притомъ съ такимъ, кажется, хорошимъ помощ-

никомъ, какъ Кутлеръ. Какъ ты хочешь, а въ вашихъ выборахъ есть большой смыслъ,—вѣдь ты именно отлично можешь справить должность секретаря, и для тебя бумажное дѣло не новость. Я и руками, и ногами аплодирую твоему избранію, ты покажешь, что поэтъ можетъ быть и дѣловымъ человѣкомъ. Что же касается до того, что ты долженъ будешь часто отлучаться, то, мнѣ кажется, засѣданія Уѣзднаго Собранія не будутъ постоянныя, а только кратковременныя. Теперь любопытно мнѣ знать, кого выберутъ въ предсѣдатели.

„Что касается до меня, то тяжелая волна жизни, которая меня охватила, начинаетъ стихать. Безъ причины пришла и безъ причины уходитъ. Атонія есть болѣзнь старчества, а на плечахъ моихъ не одно старчество, но и разстройство организма, болѣзненность нервъ. Жизнь моя проходитъ такъ однообразно, что о себѣ нечего и говорить. Слабость нервъ не покидаетъ меня, но странно, что музыкальныя впечатлѣнія необыкновенно сильны. Можетъ быть, это надо приписать совершенному отсутствію поэтическихъ впечатлѣній, а потребность этихъ впечатлѣній ищетъ удовлетворенія. Вѣдь и музыкальныя впечатлѣнія принадлежатъ къ одному роду съ поэтическими, съ тою разницей, что музыкальныя гораздо сильнѣе, глубже, хотя и неопредѣлимѣе. Да, именно, оттого и сильнѣе. Особенно испыталъ я это въ прошлую субботу отъ трехъ квартетовъ Бетховена. Это было не просто удовольствіе, это было какое то сладострастное ощущеніе и, какъ сладострастіе, оно дѣйствуетъ изнурительно. Дѣло въ томъ, что все, что играется на публичныхъ вечерахъ и концертахъ—меня не удовлетворяетъ,—вотъ я и рѣшился устроить два квартетныхъ вечера у Сережи, съ тѣмъ, чтобы онъ никого не приглашалъ. И дѣйствительно, слушателями были только ихъ двое, я да Балакиревъ и Бородинъ — отличные музыканты. Для послѣдняго квартета menu сдѣлалъ я. А мнѣ изъ моихъ знакомыхъ даже некого было бы и пригласить. Балакиревъ—музыкантъ ex-professo, а Бородинъ—профессоръ химіи и вмѣстѣ отличный музикусъ. Можете представить себѣ, какъ интересенъ переходъ изъ этого міра неопредѣленныхъ, но могучихъ ощущеній въ среду общественныхъ и экономическихъ матерій, около которыхъ вращается здѣшняя жизнь!

Я знаю, что все это необходимо нужно, какъ насущный хлѣбъ, но не этотъ хлѣбъ питаетъ мою душу. Графъ Б—ій, напримѣръ, занятъ теперь устройствомъ общества поземельнаго кредита, и вчера въ этомъ почтенномъ собраніи я сидѣлъ у него, безсмысленно хлопая глазами, и радъ былъ возможности уйти къ дамамъ. И вся моя жизнь есть доказательство неспособности къ дѣламъ.

3 марта.

„Мнѣ пришла въ голову слѣдующая мысль: при нѣкоторомъ развитіи для человѣка одного непосредственнаго процесса жизни,—у него безпрестанно гвоздемъ сидитъ вопросъ: для чего жить? Вотъ это то и есть грѣхопаденіе человѣка, которымъ онъ отдѣлился отъ безсознательной природы. И чѣмъ болѣе человѣкъ утратилъ эту безсознательность, тѣмъ болѣе преслѣдуетъ его это: „*для чего?*“ —и поэтому мы непрерывно создаемъ себѣ разныя цѣли и предпріятія. Но какъ скоро прекращается эта непрерывность,—наступаетъ то, что называется пустотою головы, или то, что назвалъ ты атоніей, что одно и то же. Чѣмъ старѣе человѣкъ, тѣмъ чаще должна посѣщать его эта атонія, потому что ему труднѣе уже надувать себя призраками. Вотъ къ какому заключенію я пришелъ, разбирая свою „атонію“. Не имѣть желаній—вотъ гдѣ корень.

„Я все еще не рѣшилъ, какъ и гдѣ проведу я наступающее лѣто. И не мудрено, что, при такой нерѣшительности и соскучась ею,—я отправлюсь въ Степановку. Съ другой стороны, знакомые зазываютъ жить въ Петергофѣ. Несчастный я человѣкъ съ этой нерѣшительностью! А между тѣмъ въ воздухѣ уже чувствуется поворотъ къ веснѣ. Очень меня интересуетъ проѣхать по Волгѣ до Крыма, потомъ по Кавказу и воротиться черезъ Вѣну. Но безъ товарища предпринять такой путь скучно и жутко. Пока прощайте.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Я забылъ сказать что 200 десятинъ земли въ Степановкѣ представляли какъ разъ поземельный цензъ для гласнаго, и вліятельные люди въ уѣздѣ, начиная съ предводителя дво-

рянства Вл. Ал. Ш—а, стали просить меня баллотироваться въ гласные, чему я и не противился, хотя даже не понималъ значенія и обязанностей такого избраннаго лица. Избранъ я былъ значительнымъ большинствомъ, и такъ какъ на слѣдующій годъ предстояло избраніе мировыхъ судей, то тѣ же лица склонили меня искать и этой должности. Поэтому, для того чтобы имѣть соотвѣтствующій ей цензъ, я долженъ былъ хлопотать въ Ливнахъ о свидѣтельствѣ, что я владѣю мельницей, представляющей 30,000 руб.

В. П. Боткинъ:

С.-Петербургъ.
10 марта 1866.

Въ тотъ день, какъ я послалъ мое послѣднее письмо къ вамъ,—вечеромъ пришло письмо отъ васъ, и письмо покойное, веселое и радушное, такое, что мнѣ отрадно было читать его, не смотря на скверныя, блѣдныя чернила, которыми, Маша, писала ты, и потому не могу не попросить тебя бросить эти чернила, какъ совершенно негодныя. Особенно пріятно то, что это ясное состояніе духа доставлено вамъ Степановкой, едва ли не впервые съ тѣхъ поръ, какъ вы тамъ живете. Я и самъ эти дни какъ будто чувствую себя получше, меньше томящей слабости, меньше потребности лежать.

„Два предостереженія, данныя Современнику, образумили Некрасова, а пріостановленіе Русск. Слова на 5 мѣсяцевъ образумило наконецъ и его подвальныхъ сотрудниковъ. Что касается до него, то у него это было дѣломъ разсчета, спекуляціи, скандала; на скандалъ падка публика; а какъ скоро опасно стало производить скандалы, онъ и унялся. Это только гадко; но подвальные писатели Современника и Русск. Слова гораздо опаснѣе.

„Со вчерашняго дня появился новый журналъ: „Вѣстникъ Европы“; — издается Стасюлевичемъ и Костомаровымъ; четыре книжки въ годъ. Онъ преимущественно посвящается историческимъ статьямъ. Костомаровъ талантливый, но умственно шаткій человѣкъ и украйнофилъ. Можно полагать, что журналъ этотъ будетъ центромъ разныхъ разлагающихъ доктринъ подъ маскою либерализма. Увы! Мы дошли до та-

кого времени, когда рѣшительно некуда дѣться отъ политики; подъ тѣмъ или другимъ видомъ она преслѣдуетъ всюду, для объективнаго взгляда не осталось ни одного мѣста. Общество распалось на партіи и кружки; всякое сужденіе невольно принимаетъ ту или другую окраску; сами партіи подраздѣляются на множество оттѣнковъ. А при общемъ недостаткѣ культуры твердыхъ началъ, выработанныхъ предшествующимъ развитіемъ, словомъ, все представляетъ какое то хаотическое броженіе.—Не смотря на то, что я представляю изъ себя олицетвореніе басни „Муха и Дорожные," — тѣмъ не менѣе кипячусь и волнуюсь и рѣшительно ничего не въ состояніи дѣлать, и чувствую величайшую потребность въ душевномъ спокойствіи. А какъ и гдѣ найти его?

„Дудышкинъ возвратилъ мнѣ статью твою о романѣ „Что дѣлать". Онъ не можетъ напечатать ея. Вопервыхъ, потому, что очень много тамъ выписокъ изъ романа, которыя потому излишни; что смыслъ романа и безъ того для всѣхъ обнаружился. А потомъ для всѣхъ ясно, къ чему повело учрежденіе такъ называемыхъ „*общихъ комнатъ*", женскихъ мастерскихъ и „новыхъ" людей, дѣйствовавшихъ заодно съ поляками. Словомъ, тенденція романа есть тенденція „Панургова стада", а самъ Чернышевскій былъ однимъ изъ пастуховъ его. Статья, въ той формѣ, какъ она написана, могла бы быть помѣщена тотчасъ по выходѣ романа, но не теперь. Теперь все это износилось, опошлилось не для однихъ здравомыслящихъ.

„Здѣсь въ свининѣ продолжаютъ все болѣе и болѣе находить трихины. На дняхъ профессоръ химіи Зининъ купилъ кусокъ свинины на рынкѣ, и въ ней оказались трихины. Прежде полагали, что трихины водятся только въ свининѣ, привозимой изъ Германіи. Дѣло въ томъ, что свинину теперь велѣно продавать такую, которая освидѣтельствована микроскопомъ. Трихины находятся даже и въ вареной свининѣ. Перестаньте ѣсть сами и не давайте ее рабочимъ.

Вашъ *В. Боткинъ*.

Тургеневъ писалъ изъ Баденъ-Бадена:

25 марта 1866.

„Въ день, когда, по народной поговоркѣ, и воронъ гнѣзда не вьетъ, пишу къ вамъ, любезнѣйшій Аѳ. Аѳ.! Письмо я ваше получилъ дней десять тому назадъ, изъ чего вы можете заключить, что лѣность моя не умалилась; не умалилась однако и привязанность моя къ вамъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ я, что вы довольны своимъ здоровьемъ, устройствомъ своихъ дѣлъ; не менѣе порадовался я (за нашъ уѣздъ) облаченію вашему въ санъ гласнаго; а что до неприбытія Василія Петровича въ Степановку,—я полагаю, струить слезы вы не будете. Дай вамъ Богъ всего хорошаго въ вашемъ степномъ гнѣздышкѣ! А мы будемъ здѣсь почитывать въ Русск. Вѣстникѣ ваши письма „Изъ деревни“, которыя собственно я ожидаю съ великимъ нетерпѣніемъ.

„Стихотвореніе, написанное вами къ Тютчеву, прекрасно;—отъ него вѣетъ старымъ или, лучше сказать, молодымъ Фетомъ.

„Кажется, я въ нынѣшнемъ году въ Россію не пріѣду и потому не увижу васъ;—развѣ вы соберетесь и къ намъ пожалуете. Мы съ Віардо принаняли еще охоту къ той, которую до сихъ поръ имѣли, и теперь можемъ угостить пріятеля. Однихъ зайцевъ мы уколотимъ до 300-тъ.

„Въ нынѣшнемъ году я получаю журналы и вновь слѣжу за россійской литературой: отраднаго мало. Самое пріятное явленіе — возобновленіе „Вѣстника Европы“ — Костомарова. Первая часть „Преступленія и Наказанія“ Достоевскаго замѣчательна; вторая часть опять отдаетъ прѣлымъ самоковыряніемъ. Вторая часть 1805 года тоже слаба: какъ это все мелко и хитро и неужели не надоѣли Толстому эти вѣчныя разсужденія о томъ,—трусъ, молъ, я или нѣтъ?—Вся эта патологія сраженія? Гдѣ тутъ черты эпохи? гдѣ краски историческія? Фигура Денисова бойко начерчена; но она была бы хороша какъ узоръ на фонѣ,—а фона то и нѣтъ.

„Однако basta! Что это я вдаюсь сегодня въ критиканство? Кончаю тѣмъ, что обнимаю васъ дружески и кланяюсь вашей женѣ.

Ив. Тургеневъ.

В. П. Боткинъ писалъ:

С.-Петербургъ.
19 апрѣля 1866 года.

„Давно уже я въ долгу у васъ: все собирался написать обстоятельное письмо,—и до сихъ поръ не собрался. Вы уже знаете изъ газетъ объ ужасномъ дѣлѣ, которое, къ великому счастію Россіи, не совершилось, и я посылаю вамъ портретъ Комисарова, рукою котораго отвращенъ ударъ, направленный на Государя. Назначеніе графа М. И. Муравьева предсѣдателемъ слѣдственной комисіи всѣхъ обрадовало и успокоило. Все торжествуетъ избавленіе Государя отъ угрожавшей опасности; но тревожно задумываешься о нашей молодежи, или о той части нашей молодежи, которая отравлена самыми безсмысленными доктринами. При моей нервной болѣзненности, это подѣйствовало на меня сильно и тяжело. А въ такомъ состояніи я не могу писать.—Посылаю вамъ „Собаку“ Тургенева, которую Анненковъ вздумалъ напечатать въ Петербургск. Вѣдом. По моему, это очень плохо во всѣхъ отношеніяхъ.

„Проэктъ странствія въ Крымъ оставленъ: я просто боюсь пуститься въ такой пространный путь. Твое сопутствіе сначала подогрѣло было меня,—но сообразивъ, что мы бы должны были отправиться въ іюлѣ, т. е. въ сильные жары, и сильнѣйшіе жары быть въ Крыму,—признаюсь, это соображеніе совсѣмъ охладило меня.—Ничто такъ не радуетъ меня, какъ добрыя вѣсти о Степановкѣ. Не браните меня за такое краткое письмо: скоро напишу подлиннѣе, а теперь чувствую такую слабость, что съ усиліемъ лишь могу ходить, да и то немного.

Весь вашъ *В. Боткинъ*.

Баденъ-Баденъ.
8 іюня 1866 года.

„Вотъ я и въ Баденѣ! Но вамъ, въ вашемъ мирномъ пріютѣ, трудно представить себѣ, какое тяжкое время теперь переживаетъ Германія! Мы въ Россіи не можемъ представить себѣ, что значитъ война для этой переполненной населеніемъ и разнообразнѣйшими интересами Германіи. Всѣ дѣла словно

замерли, все остановилось, сотни тысячъ рабочихъ безъ всякаго дѣла, и къ грозящимъ ужасамъ войны присоединяется еще ужасъ отъ голодающихъ собратій. Но я оставлю въ сторонѣ все это мрачное положеніе и буду говорить только о себѣ. Итакъ, что касается до меня, я пока очень доволенъ своимъ путешествіемъ, и здоровье обстоитъ благополучно. Я поѣхалъ черезъ Варшаву въ Вѣну; до сего времени только одинъ разъ пришлось мнѣ провести ночь въ вагонѣ, и такимъ образомъ тихонько добрался сюда. Здѣсь все зелено, свѣжо, привольно; прогулка восхитительная, на двѣ версты въ тѣни, музыка; отель, гдѣ я живу, совершенно комфортабельный; столъ отличный. Окно моей комнаты выходитъ на лихтентальскую долину: шумъ изрѣдка проѣзжающихъ экипажей едва доносится до меня; — тихо, какъ въ Степановкѣ. Теперь здѣсь косятъ, кажется, уже въ третій разъ; жару нѣтъ, а только теплая свѣжесть; земляника превосходная; — словомъ, для полнаго счастія недостаетъ только васъ. Домъ Тургенева достраивается прекрасно и будетъ готовъ къ 1 октября; онъ здоровъ и полонъ; Віардо тоже благоденствуютъ. Но на Баденъ грозящая война имѣетъ бѣдственное вліяніе; въ нашемъ огромномъ отелѣ мы обѣдаемъ за table d'hôte'омъ только четверо, и вездѣ такая же пустота; содержатели ихъ разоряются; пріѣзжихъ вовсе нѣтъ. Сообщенія съ Берлиномъ прерваны; туда не принимаютъ ни писемъ, ни телеграммъ. Сообщенія съ Россіей пока существуютъ еще черезъ Вѣну; но послѣ сраженія, котораго ожидаютъ въ Силезіи, Богъ знаетъ, сохранится ли это сообщеніе, такъ что я не увѣренъ, дойдетъ ли до васъ это письмо, а потому я не франкирую его.

9 іюня.

„Опять получаются Берлинскія газеты; слѣдовательно, сообщеніе возстановлено. Но я думаю, эта проклятая политика нисколько васъ не интересуетъ. Да и я ея терпѣть не могу: она мѣшаетъ жить. Въ бытность мою въ Вѣнѣ, въ одной тамошней газетѣ я прочелъ восторженный разборъ двухъ томовъ повѣстей Тургенева, явившихся въ нѣмецкомъ переводѣ. Онъ положительно нравится въ Германіи, и его „Призраки“ явились въ Revue des deux mondes, въ переводѣ

Мериме. А тотъ же Мериме нашелъ „Казаковъ“ Л. Толстаго неинтересными. Вотъ вамъ и оцѣнка, и извѣстность! Выходитъ, что огромная часть людей подкупаются на savoir faire. Между тѣмъ онъ пишетъ повѣсть, но даже самъ говоритъ, что медленно. Сюжетъ онъ разсказывалъ мнѣ еще осенью. Это будетъ повѣсть характеровъ, а не тенденцій,—но выйдетъ ли что-нибудь изъ нея, сказать не могу. Онъ попрежнему не пришелъ еще ни къ какому опредѣленному міровоззрѣнію и никакъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что въ молодомъ поколѣніи онъ потерялъ всякое значеніе. Нечего сказать, есть чѣмъ дорожить! Я бы желалъ, чтобы мнѣ уяснили, какое значеніе имѣетъ большинство нашего молодаго поколѣнія, съ его тупостью, всяческимъ невѣжествомъ, наглостью и самоувѣренностью дураковъ?

„Я здѣсь безпрестанно вспоминаю нашу жизнь въ Степановкѣ, и наши прогулки, и сѣнокосъ, и знойный, степной, струистый воздухъ, и томящій жаръ,—однимъ словомъ, я полонъ отголосковъ Степановки. А каковы то всходы хлѣбовъ у васъ? Въ концѣ іюля думаю я отправиться къ морю, не купаться, потому что это мнѣ запрещено,—а дышать отраднымъ морскимъ воздухомъ и по временамъ брать теплыя морскія ванны, — и поѣду въ Трувиль. Ничего не можетъ быть придумано для лѣта лучше Бадена. Ну гдѣ найти всѣ удобства городской жизни и вмѣстѣ свѣжесть и тѣнь деревенской жизни, поле, и лѣсъ, и горы? Здѣсь жаръ далеко не такъ ощутителенъ, какъ напримѣръ, въ Вѣнѣ, гдѣ я просто задыхался. Даже въ большихъ отеляхъ здѣсь жизнь относительно вовсе недорога; мнѣ обходится она 100 франковъ съ комнатой въ первомъ этажѣ. Правда, что эти удобства имѣются благодаря рулеткѣ и rouge et noire, но я довольствуюсь только однимъ смотрѣньемъ на нихъ и ни разу еще не пускался въ игру да и не пущусь. Черезъ годъ, по рѣшенію Баденскихъ палатъ, игра должна быть закрыта, и неизвѣстно, удержитъ ли Баденъ свое теперешнее положеніе. Политика Пруссіи произвела такую кашу между мелкими помѣщиками-правителями, что ничего не поймешь. О началѣ военныхъ дѣйствій пока ничего не слышно. Баденскій герцогъ, зять прусскаго короля, и очевидно желаетъ быть на его сторонѣ, а армія, т. е. до-

8-ми тысячъ войска его, хочетъ идти противъ нихъ; вотъ онъ всячески и замедляетъ, выжидая, кто выиграетъ сраженіе: прусаки или австрійцы.

„По газетнымъ извѣстіямъ, на югѣ Россіи всходы хорошіе, каковы то у васъ? Съ тѣхъ поръ, какъ правительство стало серьезно относиться къ нигилистамъ, я сталъ спокойнѣе. И за это мы должны опять таки благодарить графа Муравьева. Буду ждать отъ васъ письма въ Баденѣ, потому что, какъ кажется, Бадена никто не потревожитъ.

Весь вашъ *В. Боткинъ.*

P. S. „Сейчасъ прочелъ въ русскихъ газетахъ распоряженіе о прекращеніи Современника и Русск. Слова. Насилу то спохватились! Эти два журнала принесли неисчислимый вредъ молодому поколѣнію. Шаткость понятій и нашей цензуры, и совѣта книгопечатанія, лучше всего доказывается столь больнымъ существованіемъ этихъ двухъ журналовъ, очевидно, враждебныхъ всякому общественному устройству. Все, что бунтующій пролетаріатъ и самая дикая демагогія выработали въ себѣ разлагающаго для неопытныхъ и слабоумныхъ головъ, — все это проповѣдывалось въ нихъ за высочайшую истину. И воспитанники учебныхъ заведеній только ихъ и читали. Что за ералашъ происходилъ въ этихъ юныхъ головахъ, и къ чему могутъ годиться эти развинченныя головы, — и сказать больно. А классъ большей части учителей развѣ лучше, развѣ не отъ нихъ вышелъ позорный авторитетъ этихъ двухъ журналовъ? Развѣ эти дикія ученія не проникли уже въ нашихъ женщинъ, дѣвицъ, въ часть нашего чиновничества? Развѣ покушеніе 4-го апрѣля не прямо вытекаетъ изъ этихъ доктринъ? Говорятъ, что онѣ мало встрѣчали себѣ опроверженія въ другихъ изданіяхъ. Но вопервыхъ, этихъ опроверженій адепты и мальчишки не читали бы; а вовторыхъ, скучно доказывать, что $2 \times 2 = 4$, а не 5; а, втретьихъ, для этого нужно время и досугъ и, наконецъ, извѣстнаго рода политическій талантъ. Одинъ Катковъ касался этого предмета, когда время ему дозволяло. Слава Богу, теперь правительство, кажется, обратило на нихъ серьезное вниманіе, только надолго ли?

„Богъ знаетъ, какъ случилось это, но только американцы къ намъ дѣйствительно расположены, и доказательство этому я вижу безпрестанно. При каждой встрѣчѣ съ американскими семействами, какъ скоро узнаютъ, что я русскій, тотчасъ разговоръ устанавливается на дружественный тонъ, тотчасъ заявляютъ о своихъ симпатіяхъ, о враждебности Европѣ. Я всѣми силами стараюсь поддерживать это расположеніе, и къ счастію, мое знаніе англійскаго языка облегчаетъ мнѣ это. Вчера весь вечеръ провелъ въ американскомъ женскомъ обществѣ. Теперь множество путешествующихъ американскихъ семействъ, и любо смотрѣть, какъ много побѣдоносно окончившаяся борьба съ югомъ придала имъ авторитета и самоувѣренности. Это прекрасно, но что касается до культуры мужчинъ и женщинъ, то, къ сожалѣнію, имъ далеко еще до старой Европы. У мужчинъ далѣе политики разговоръ поддерживаться не можетъ и чисто практическихъ предметовъ. У женщинъ онъ вращается въ обычной женской, свѣтской сферѣ. Дамы, напримѣръ, возмущаются, какъ здѣсь мужчины являются къ обѣду и на вечернюю музыку,—не въ черномъ, а въ цвѣтныхъ жакеткахъ. Напрасно я возражалъ, что это простые, безхитростные нѣмцы, которые не разумѣютъ тонкости приличія; но дамы не убѣдились и остались возмущенными и разсказали мнѣ, что на ихъ морскихъ купаньяхъ къ обѣду мужчины непремѣнно (за table d'hôte) являются во фракахъ, а дамы въ бальныхъ платьяхъ. Наши нигилисты полагаютъ, что всклокоченные волосы и неряшество есть отличіе демократіи. Ну, инда глаза рѣжетъ и ломитъ. Писать не въ состояніи.

Боткинъ.

Л. Толстой писалъ:

25 іюля 1866.

„Любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ,—увы! я не могу къ вамъ заѣхать. И нечего вамъ внушать, какъ мнѣ это грустно. Не могу же я заѣхать потому, что нынче 25-е, а я еще не выѣзжалъ изъ дома. Желудочная боль, которая началась у меня еще при васъ, до сихъ поръ продолжается и дѣлаетъ меня неспособнымъ быстро поворачиваться. Я, какъ

и предполагалъ, ѣздилъ съ Дьяковымъ къ Шатилову, но вмѣсто того чтобы все это сдѣлать въ три дня, проѣздилъ пять и отъ этого опоздалъ. Поѣздка эта была, ежели бы не нездоровье, чрезвычайно пріятна и поучительна. Многое вамъ разскажу при свиданіи. Но когда же? Я предлагаю вамъ пріѣхать къ Киреевскому между 28 и 3 августа. Мы бы тамъ свидѣлись. Ежели же вы не пріѣдете, то я заѣду къ вамъ на обратномъ пути. У насъ овесъ весь въ копнахъ, и рожь подкошена. Ежели такъ простоитъ, то на слѣдующей недѣлѣ все будетъ въ гумнѣ. Овесъ обходится меньше семи копенъ. Досвиданія. Жена, Таня и я душевно кланяемся Марьѣ Петровнѣ.

Л. Толстой.

Тургеневъ писалъ:

Баденъ-Баденъ.
27 іюня 1866.

„Любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., Мих. Ал. Языковъ, помнится, такъ однажды отозвался о нашихъ давно прошедшихъ литературныхъ петербургскихъ вечерахъ: „соберутся, разлягутся, да вдругъ одинъ встанетъ и, ни слова не говоря, другому черепъ долой“.—Наша переписка приняла этотъ анатомическій характеръ, и это пока не бѣда: я даже сегодня хочу продолжать въ этомъ родѣ. И не подумайте, что я это въ отмѣстку за ваше мнѣніе о „Собакѣ“; я это мнѣніе почти вполнѣ раздѣляю, оттого я эту вещь и не помѣстилъ въ собраніи своихъ сочиненій, а появленіе ея въ С.-Петербург. Вѣдом. служитъ только новымъ доказательствомъ моего неумѣнія сказать: „нѣтъ“. Моя претензія на васъ состоитъ въ томъ, что вы все еще съ прежнимъ, уже носящимъ всѣ признаки собачьей старости, упорствомъ нападаете на то, что вы величаете „разсудительствомъ“, но что въ сущности ничто иное, какъ человѣческая мысль и человѣческое знаніе; моя претензія состоитъ въ томъ, что вы не только не устыдились произнести сообщаемый вами „спичъ“, но даже цитируете этотъ спичъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, какъ нѣчто замѣчательно остроумное, не обращая даже вниманія на то, что теперь около васъ происходитъ, и какіе господа тянутъ съ вами эту канитель. Вы видите, что нашъ „старый споръ“

ще не взвѣшенъ судьбою и вѣроятно не скоро прекратится. Въ отвѣтъ на всѣ эти нападки на разсудокъ, на эти рекомендаціи инстинкта и непосредственности, мы здѣсь на западѣ отвѣчаемъ спокойно: „Wir wissen's besser; das ist ein alter Dudelsack“,—и, извините, отсылаемъ васъ въ школу.— Романъ Толстаго плохъ не потому, что онъ также заразился „разсудительствомъ“: этой бѣды ему бояться нечего; онъ плохъ потому, что авторъ ничего не изучилъ, ничего не знаетъ и подъ именемъ Кутузова и Багратіона выводитъ намъ какихъ то рабски списанныхъ, современныхъ генеральчиковъ. Вы называете себя умершимъ поэтомъ,—что несправедливо; но и съ умершими поэтами могутъ случиться бѣды: примѣръ: нашъ ex-другъ Некрасовъ.

„Однако довольно; этакъ пожалуй договоришься до чертиковъ, а мнѣ бы этого не хотѣлось, ибо вы знаете, что я васъ люблю искренно, несмотря на вашъ талантъ заставлять меня перхать кровью. Мнѣ очень было пріятно узнать, что вы провели нѣсколько времени у моего добраго старика дяди въ Аѳинахъ вольнонаемнаго труда *). (Между нами сказать, эти „Аѳины“, къ сожалѣнію, до сихъ поръ приносятъ ежегодно нѣсколько сотенъ рублей... убытку; не все то золото, что блеститъ). Онъ васъ искренно любитъ и дорожитъ вами и всѣмъ вашимъ семействомъ. А я окончательно приросъ къ Баденской почвѣ, никуда отсюда въ нынѣшнемъ году не выѣду и былъ бы совершенно счастливъ, еслибы могъ поспорить съ вами хорошенько — изустно здѣсь подъ моимъ кровомъ; надѣюсь, что это когда нибудь случится, если не въ нынѣшнемъ году, такъ въ будущемъ. А пока будьте здоровы, не гнѣвайтесь на вашего древняго оппонента и благоденствуйте. Кланяюсь Марьѣ Петровнѣ, жму вамъ руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

В. П. Боткинъ писалъ:

Трувиль.
23 августа 1866.

„Статочное ли дѣло, что я съ отъѣзда моего изъ Петербурга не получаю отъ васъ никакого извѣстія!? А съ тѣхъ

*) Такъ я называлъ Спасское.

поръ сколько совершилось событій! Я пріѣхалъ въ Баденъ при самомъ началѣ нѣмецкой смуты и прожилъ тамъ почти шесть недѣль. Вокругъ ходили политическія тучи, раздавались громы оружія, но ясный горизонтъ Бадена не омрачался, все шло своимъ обычнымъ порядкомъ, и строй жизни не измѣнялся, только посѣтителей было гораздо меньше обыкновеннаго. Изъ Бадена послано было мною два письма къ вамъ, и они, какъ видится, пропали, тѣмъ болѣе, что одно изъ нихъ было адресовано *via Wien*, потому что въ то время сообщеніе съ Франкфуртомъ было прервано. Но Богъ съ ними, съ этими политическими событіями, о нихъ и безъ насъ есть кому заботиться: поговоримъ лучше о себѣ. Сладко прожилъ я въ Баденѣ, — вопервыхъ, потому, что это Германія, а во-вторыхъ, потому, что воздухъ тамъ удивительный, лѣсной, не говоря уже о музыкальныхъ удовольствіяхъ. Здѣсь погода стала тихая и жаркая; море лежитъ зеркаломъ; и я принужденъ былъ одѣться въ платье, подобное твоему *зефиру*. Сюда пріѣхали А. .. съ семействомъ, и они составляютъ мой единственный рессурсъ; тамъ я часто обѣдаю, ѣздимъ въ окрестности, которыя здѣсь прелестны. Морской воздухъ и морскія теплыя ванны дѣйствуютъ на меня живительно. Легкая скука и отсутствіе развлеченій тоже недурны, какъ „отдыхъ души“. Безпрестанно мысленно переношусь къ вамъ въ Степановку; вся сфера ея такъ живо отпечатлѣлась во мнѣ; ея пустынная окрестность и мои уединенныя прогулки, и наши обѣды и вечера, и нашъ тихій строй дня, въ которомъ выѣздъ къ Александру Никитичу или къ М—вымъ составляли нѣкотораго рода „событія“. Сколько поучительнаго принесла мнѣ Степановка во всѣхъ отношеніяхъ! И сколько въ этомъ поучительномъ участвовалъ непосредственно ты своимъ здравымъ смысломъ и своимъ чистымъ, добрымъ, наивнымъ сердцемъ!

„Вчера пріѣхалъ сюда братъ Сережа. Онъ жилъ въ Кунцевѣ, простудился, и лихорадка мучила его болѣе двухъ недѣль, и слабость продолжается до сихъ поръ. Поэтому онъ и рѣшился ѣхать купаться въ морѣ. Какое это удивительное средство для возстановленія силъ,—даже просто жить у моря укрѣпительно.

„Изъ Петербурга я взялъ исторію Соловьева: 13, 14 и 15-й томъ. 13-й прочелъ, теперь читаю 14-й съ величайшимъ интересомъ. Признаюсь, къ стыду моему, что я не читалъ прежнихъ томовъ, но эти написаны прекрасно съ истинно государственнымъ и историческимъ смысломъ. Чтобы быть справедливыми, намъ должно смотрѣть на Россію не съ современнаго развитія Европы, а съ недавняго прошедшаго Россіи, именно хотя бы съ самаго начала 18-го вѣка, съ того времени, какъ засталъ Россію Петръ. Только изъ прошедшаго можно понять настоящее.

Парижъ.
13 сентября.

„Вчера получилъ я наконецъ письмо отъ васъ, — первое съ выѣзда моего изъ Россіи. Съ жадностью читалъ я его и прочтя обрадовался, что все обстоитъ благополучно. Хотя французы и говорятъ: point de nouvelles—bonne nouvelle,— но это скорѣе характеризуетъ французскій эгоизмъ. Съ радостью узналъ я, что представляется возможность прикупить десятинъ 40 земли, хотя черезполосица меня нѣсколько пугаетъ. Ну что если этотъ господинъ по какому-нибудь капризу вздумаетъ не пускать твоего стада черезъ свою землю? Мнѣ кажется, быть въ подобной зависимости отъ другаго человѣка нѣсколько тревожно. Впрочемъ, тебѣ это виднѣе, и всѣ эти обстоятельства ты несравненно лучше меня знаешь. Самый же фактъ прикупки земли, и даже въ бо́льшемъ количествѣ, мнѣ кажется въ высшей степени полезнымъ. Я такъ давно съ тобою не бесѣдовалъ, что и не знаю, о чемъ говорить, такъ много предметовъ, о которыхъ хотѣлось бы поговорить. Начну съ того, что пять недѣль, проведенныхъ мною въ Трувилѣ, имѣли на меня благодѣтельное вліяніе и значительно подкрѣпили меня. Но самый городишка Трувиль, за исключеніемъ окрестностей, есть совершенная гадость. Я вернулся въ Парижъ, не могши долѣе выносить скуки Трувильской жизни. Съ мѣсяцъ останусь я здѣсь, а затѣмъ въ возвратный путь. Пока прощайте. Искренно и сердечно преданный вамъ

В. Боткинъ.

Тургеневъ писалъ:

Баденъ-Баденъ.
24 августа 1866.

„Любезнѣйшій другъ Аѳан. Аѳан., давно бы слѣдовало мнѣ отвѣчать на ваше письмо, да всякія помѣхи повстрѣчались, между прочимъ даже нездоровье,—дѣло рѣдкостное въ Баденѣ! Но теперь поправился и хочу вамъ настрочить нѣсколько словъ. Не буду вдаваться ни въ философію, ни въ политику: *сія* безъ насъ дѣлается;—клянусь вамъ честью, что Бисмаркъ со мною не совѣтовался, когда создавалъ новую Пруссію или, пожалуй, новую Германію, а *она* ни къ какому удовлетворительному результату не приводитъ, развѣ только къ тому, что вотъ два старыхъ пріятеля, не глупыхъ, кажись, человѣка,—двадцать лѣтъ сряду мелютъ, мелютъ языкомъ и никакъ даже понять другъ друга не могутъ. Будемъ лучше бесѣдовать объ охотѣ и, пожалуй, о литературѣ.

„Я успѣлъ быть до болѣзни семь разъ на охотѣ: въ 1-й разъ ухлопалъ 3 куроп. и 2 зайца; во 2-й разъ—6 куроп. и 5 зайц.; въ 3-й—8 кур. и 3 зайца; въ 4-й—11 кур., 5 зайцевъ и 1 перепела; въ 5-й—5 кур. и 1 перепела; въ 6-й—9 кур.; въ 7-й—14 кур., 4-хъ фазановъ, 4 зайц. и 1 перепела=81 штука. Это неогромно, но и недурно. Что-то будетъ дальше? Охота только что начинается. Песь у меня все тотъ-же, превосходнѣйшій, ружье я себѣ завелъ новое, отличное, и сталъ я стрѣлять чрезвычайно удовлетворительно,—рѣдко даю промахъ. Проклятая болѣзнь лишила меня по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ хорошихъ охотъ. Мы съ Віардо наняли очень порядочную новую охоту. Ну вотъ и объ охотѣ. А о литературѣ что сказать? сирѣчь о россійской? Махнуть рукой и прочь пойти. Я однако понемногу высиживаю какое-то несчастное, полуискалѣченное дѣтище.

„Кстати объ „Аѳинахъ земледѣлія!“ Эти Аѳины *попдаютъ* у меня въ годъ слишкомъ на 1000 рублей,—вотъ вамъ и доходы! Трудно—между нами—представить что нибудь болѣе неправдоподобно-безобразное, чѣмъ управленіе моими имѣніями. Это становится невозможнымъ, и я съ ранней весной отъявляюсь въ Спасское, для того чтобы принять посильныя мѣры противъ околѣнья голодною смертью. Тутъ нѣтъ ника-

кого преувеличенія: тутъ голые факты, которые я вамъ какъ нибудь представлю воочію.—Мнѣ очень пріятно слышать, что ваши дѣла идутъ порядочно, и что Степановка процвѣтаетъ Дай вамъ Богъ насладиться вполнѣ этой пристанью послѣ всѣхъ, впрочемъ болѣе воображаемыхъ, треволненій!—Я отъ Боткина получилъ письмо, изъ котораго видно, что онъ снова собирается сюда, передъ возвращеніемъ въ любезное отечество.—А засимъ прощайте, будьте здоровы, дружески кланяюсь вашей женѣ и крѣпко жму вамъ руку.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Купивши ненаселенную землю Степановскаго хутора, я тѣмъ самымъ избѣжалъ непосредственнаго соприкосновенія съ мировыми посредниками, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ недоумѣнія по вольному найму; но въ качествѣ земца не могу не сказать нѣсколько словъ объ учрежденіи, такъ блистательно вынесшемъ на своихъ плечахъ такую, можно сказать, невѣроятную реформу во всѣхъ ея подробностяхъ. Въ уѣздномъ земскомъ собраніи мнѣ пришлось познакомиться съ выдающимися уѣздными личностями, съ которыми въ моемъ уединеніи, чтобы не сказать захолустьи,—я могъ бы и не повстрѣчаться. Говоря о посредникахъ, нельзя не упомянуть нашего бывшаго губернскаго предводителя дворянства А. В. Ш—ва. Это былъ молодой человѣкъ, богатый, обладавшій самымъ находчивымъ и предпріимчивымъ умомъ. Жаль, что на многочисленныхъ поприщахъ, на которыхъ онъ старался, посредствомъ капитала, расширить кругъ своей дѣятельности, предпріятія его не всегда увѣнчивались успѣхомъ. Но о его находчивости, въ качествѣ посредника перваго избранія, можетъ свидѣтельствовть слѣдующее событіе.

Въ одномъ селеніи, находящемся въ разстояніи 25-ти верстъ отъ его усадьбы, гдѣ онъ успѣлъ уже завестись инвентаремъ вольнонаемнаго труда, крестьяне, по утвержденіи уставной грамоты, отказались наотрѣзъ сѣять бывшую ихъ надѣльную землю, отошедшую къ помѣщику. А такъ какъ тогда же, на первыхъ порахъ, подъ вѣяніемъ, нисходившимъ съ высшихъ административныхъ сферъ, уже проходилась молчаніемъ возможность сопротивленія массами за-

коннымъ требованіямъ, то и посредники были поставлены въ необходимость вертѣться передъ неразрѣшимою задачей,— принудить безъ принужденія. Свою задачу А. В. исполнилъ слѣдующимъ образомъ: онъ на зарѣ, велѣвши наложить сохи и бороны на парныя подводы, послалъ ихъ на барскій дворъ упрямой деревни и приказалъ дожидать себя къ шести часамъ утра. Прибывши въ колискѣ къ означенному часу, А. В. приказалъ экономическому старостѣ отворить амбаръ, а своимъ рабочимъ насыпать зерно для посѣва, а вслѣдъ затѣмъ поѣхалъ въ поле наблюдать за работой. Черезъ нѣсколько времени изъ-за угла на околицѣ показался крестьянинъ, а вслѣдъ затѣмъ другой и третій, и наконецъ собралась цѣлая толпа. Вотъ, отдѣлившись отъ кучи, одинъ, снявши шапку, подошелъ къ колискѣ и спросилъ: „какіе-жь такіе это сѣютъ“?

— Мои, отвѣчалъ Ш—въ;—это дорогіе рабочіе: они пріѣхали за 25 верстъ.

— А кто-же, батюшка, имъ платить то будетъ?

— За кого они работаютъ, тотъ и заплатитъ. Какъ окончатъ сѣвъ, такъ и пришлю къ вамъ за разсчетомъ.

— Такъ это лучше мы сами поѣдемъ сѣять-то.

— Это дѣло ваше, и мнѣ кажется, что вамъ выгоднѣе самимъ посѣять.

— Сейчасъ всѣмъ міромъ выѣдемъ, а къ вечеру все засѣемъ.

Черезъ полчаса подводы стали собираться къ амбарамъ, и Ал. Вас., дождавшись, покуда послѣдняя десятина была забросана сѣменами, поѣхалъ домой, приказавъ сельскому старостѣ донести сейчасъ же по запашкѣ послѣдней борозды.

Нельзя не упомянуть о заслужившемъ общую признательность дворянъ и крестьянъ своего участка посредникѣ Ал. Арк. Тимирязевѣ, которому 3 февраля 1866 г. былъ поднесенъ серебряный кубокъ при слѣдующемъ адресѣ:

Милостивый Государь

Александръ Аркадьевичъ!

„Желаніе наше выразить то чувство уваженія и признательности, которое пріобрѣла ваша общественная дѣятельность,—исполнилось. Намъ пріятно видѣть, что

чувство это раздѣляютъ и представители крестьянъ. Поэтому мы имѣемъ полное право сказать, что дѣятельность ваша не тяготѣла только къ одной сторонѣ, что основаніемъ ея было стремленіе къ правдѣ, результатомъ ея—справедливость.

„Позвольте же намъ просить васъ принять предлагаемый кубокъ, какъ воспоминаніе о трудѣ, понесенномъ вами для пользы общества; какъ выраженіе нашего общаго желанія видѣть продолженіе этого добросовѣстнаго труда".

Впослѣдствіи, когда Ал. Арк. былъ выбранъ въ уѣздные предводители, мнѣ, въ качествѣ мироваго судьи и опекуна, приходилось весьма часто соприкасаться съ этой почтенной личностью, къ которой мои воспоминанія постоянно обращаются съ живѣйшей признательностью. Передаю разсказъ сосѣдняго съ Новоселками небогатаго землевладѣльца Р—а, часто заѣзжавшаго къ Борисову по пути во Мценскъ и сохранившаго понынѣ добрую о Борисовѣ память.

„Заѣзжаю я, разсказывалъ Р—ъ, однажды изъ Мценска въ Новоселки, провѣдать Ивана Петровича. — „Ну, какъ ваше хозяйство?" — спрашиваю. — „Да что, батюшка, отвѣчаетъ Иванъ Петровичъ: у меня вчера такое чудо случилось, что и ума не приложу. Вы знаете, каково ладить съ Новосельскими мужиками: и на выкупъ нейдутъ, и работать не хотятъ. Вчера міромъ пришли во дворъ, да ни съ того, ни съ сего повалились въ ноги: „прости, говорятъ, насъ, Иванъ Петровичъ; мы сдуру да за умъ взялись, и коли какія есть за нами неотработки, все отработаемъ и пополнимъ". И до сихъ поръ не знаю, что̀ подумать". — „Ну такъ я вамъ, Иванъ Петровичъ, не объясню ли дѣло Мценскою новостью: третьяго дня Александръ Аркадьевичъ Тимирязевъ назначенъ посредникомъ".

И дѣйствительно, съ назначеніемъ Александра Аркадьевича, строй и духъ участка мгновенно измѣнились. Посредникъ, какъ и слѣдовало, сталъ живымъ центромъ старшинъ и сельскихъ старостъ, которые шага не смѣли ступить безъ его вѣдома. Сельскимъ старостамъ назначалась семирублевая премія за открытіе всякаго воровства, о которомъ староста немедля долженъ былъ тайно доносить посреднику: а тотъ,

указывая хозяину, гдѣ найти украденную вещь, прослылъ у мужиковъ за колдуна. Если проѣздомъ онъ замѣчалъ дурную пахоту, то, не дожидаясь жалобы хозяина поля, тутъ же на мѣстѣ наказывалъ нерадиваго рабочаго. Наканунѣ Троицына дня онъ проводилъ ночь на дорогѣ, ведущей изъ Мценскаго уѣзда въ Орловскій, около деревни Лунёвой, гдѣ провозили березки, краденыя въ лѣсахъ помѣщиковъ, и подвергалъ похитителей строгому взысканію; на третій годъ его службы воровство лѣсовъ почти прекратилось. Александръ Аркадьевичъ совершенно ясно понималъ роль посредника между двумя сословіями; онъ никакъ не думалъ, что право взысканія съ неисправныхъ рабочихъ отнято у помѣщика для того, чтобы взысканіе совсѣмъ прекратилось и повлекло за собою полный экономическій кризисъ, — а только затѣмъ, чтобы передать его въ совершенно безпристрастныя третьи руки. Но не будемъ забѣгать впередъ, такъ какъ на позднѣйшихъ страницахъ воспоминаній намъ не разъ придется встрѣтиться съ почтенной личностью Александра Аркадьевича.

Опытъ и въ особенности горькій—самый лучшій учитель. Мнѣ, прямо со школьной скамьи пересѣвшему на фронтоваго коня и потому совершенному новичку въ гражданской тогѣ да еще и притомъ въ годину самыхъ коренныхъ реформъ, пришлось отказываться отъ самыхъ пылкихъ мечтаній и дорогихъ убѣжденій. Такъ въ настоящее время человѣку, желающему подарить мнѣ самую великолѣпную мельницу съ тѣмъ, чтобы я только могъ отдавать ее въ аренду, я бы сказалъ, что владѣть мельницею можетъ только человѣкъ, лично управляющій ею. Видѣвшій устройство Тимской мельницы при поступленіи ея въ аренду къ Н. И. А — ву или хоть, подобно мнѣ, захватившій остатки этого устройства,—вынужденъ бы былъ признать, что мельница выстроена самымъ роскошнымъ образомъ. Не только слань къ рабочимъ заставкамъ, но и шлюзы въ устьяхъ рабочей канавы были обшиты толстыми дубовыми досками. Нечего говорить о самомъ пятиэтажномъ мельничномъ амбарѣ изъ толстаго дубоваго лѣса. Положимъ, въ арендномъ условіи сказано содержать въ исправности и сдать въ томъ же видѣ, въ какомъ принята мельница; но вы пріѣзжаете и видите, что бокъ третьяго этажа

подпертъ громаднымъ дубовымъ бревномъ. — „Николай Ивановичъ, что же это?“ спрашиваете вы.—„Мы, знаете-съ, для васъ хлопочемъ; извѣстное дѣло, подалась стѣна,—такъ какъ бы чего грѣхомъ не случилось. Потрудитесь взглянуть въ середину: тамъ даже углы изъ пазовъ вышли“.

— Николай Ивановичъ, да какъ же имъ не выйти изъ пазовъ, когда вы въ закрома на пятомъ этажѣ постоянно сыпете до трехъ тысячъ четвертей пшеницы? Вѣдь это 30 тысячъ пудовъ вѣсу.

— Помилуйте! мы никогда болѣе тысячи тамъ не держимъ.

— А мельницу между тѣмъ необходимо перестраивать.

И вотъ я снова на Тиму, и мнѣ случилось весьма сходно, верстъ за 20, купить сотъ пять превосходнѣйшихъ дубовъ, которые и были привезены на мою усадьбу зимою. Уже въ то время Никол. Иван. заговаривалъ, не лучше ли промѣнять мельницу (какъ онъ выражался) — на деньги, т. е. продать ему. Но, конечно, увлекаясь мечтами о вѣчной арендной собственности (Ник. Ив. платилъ 2 тысячи руб. аренды) съ прибавленіемъ живописной усадьбы, я отклонилъ предложеніе. Между тѣмъ Ник. Ив. весьма категорически доказалъ мнѣ, что перестройка мельницы потребуетъ 20 тысячъ расходу (которыхъ у меня не было),—и на вопросъ объ арендной суммѣ, которую онъ затѣмъ будетъ платить,—пояснилъ, что сумма останется все тѣ же 2 тысячи рублей,—„ибо, говорилъ онъ, мы платимъ аренду съ годоваго заработка, и намъ все равно, крѣпка ли у хозяина мельница, на которой мы работаемъ, а платить за ея благонадежность намъ не подъ разсчетъ-съ“. Понятно, что, хотя я видимо весьма мало обратилъ вниманія на эти слова, они внутренно были для меня ушатомъ холодной воды на голову. И съ той поры я навсегда превратился въ ожесточеннаго врага мельницъ съ помѣщичьей точки.

Тургеневъ писалъ:

Баденъ-Баденъ.
30 сентября 1866 года.

„Получилъ я ваше письмо, любезнѣйшій Аѳан. Аѳан., оно очень многорѣчиво и внушено вамъ чувствомъ искренняго

участія, но я отвѣчу вамъ фактами, послѣ которыхъ вы вѣроятно, по обѣщанію вашему, „*краснорѣчиво умолкнете*“.

1. „Мнѣ писалъ дядя, что онъ мнѣ выслалъ 4 тысячи рублей на имя Ахенбаха; я никакъ не могъ предполагать, что онъ выслалъ мнѣ нѣчто другое, а не именно эти деньги 4 тыс. руб. сер., — ибо 20-ти процентное уменьшеніе выкупныхъ и прочихъ суммъ есть фактъ, извѣстный даже нашимъ государственнымъ людямъ; и съ какой стати я буду писать другому, что я ему высылаю 4 тыс. рублей, если знаю навѣрное, что высылаю всего 3500? Впрочемъ я съ тѣхъ поръ получилъ отъ дяди письмо, въ которомъ онъ говоритъ о вашемъ посѣщеніи; но, конечно, даже полу-словомъ не упоминаетъ о моемъ письмѣ, яко бы его „убившемъ“.

2. „Я съ прошлаго іюля до нынѣшняго октября мѣсяца получилъ *всего* доходныхъ денегъ съ моихъ имѣній около 2-хъ тысячъ руб. сер.; всѣ остальныя поступившія деньги происходили отъ *выкуповъ* и *продажъ* земли Находите ли вы подобный *доходъ* достаточнымъ?

3. „Аѳины русскаго земледѣлія“, какъ вы изящно прозвали Спасское, не только *ничего* не приносятъ, но я даже не могу добиться отчета о дѣйствіяхъ и ходѣ пресловутой фермы. Лучшимъ доказательствомъ справедливости моихъ словъ служитъ сдѣланное мнѣ на дняхъ предложеніе моимъ дядей: отдать Спасское, имѣніе, лежащее въ 10-ти верстахъ отъ Мценска и состоящее изъ 1200 десятинъ отличной земли въ круглой межѣ. — какому то арендатору на *девять лѣтъ и девять мѣсяцевъ* (!) — за какую, вы полагаете, сумму? — За 1400 руб. сер. въ годъ, т. е. за сумму, которую вы бы вѣроятно съ хохотомъ отвергли, если бы ее предложили вамъ за вашу Степановку.

„Мнѣ кажется достаточно этихъ трехъ фактовъ, въ которыхъ прошу не сомнѣваться *ни одной секунды*, чтобы устранить навсегда замѣчанія насчетъ требованій доходовъ въ августѣ, разсужденія о томъ, что какъ возможно русскому въ Баденѣ не знать, что выкупныя бумажки продаются на 80 руб. и т. д. и т. д.

„А подумаешь, сколько вами при этомъ случаѣ потрачено краснорѣчія, сколько даже философіи! Тутъ и цыфры, и ци-

таты изъ Гете, и даже рука, положенная на совѣсть! А кажется, самое имя Ахенбаха должно было нѣсколько охладить ваше рвеніе, напомнивъ вамъ знаменитое исканіе Баденскихъ банкировъ по московскимъ конторамъ чайныхъ магазиновъ. — Но довольно объ этомъ. Увѣряю васъ, что я не такъ легкомысленъ, какъ вы полагаете, и при нашемъ свиданіи весною вы убѣдитесь на дѣлѣ въ строжайшей справедливости моихъ воззрѣній. А думать вслухъ вы можете при мнѣ совершенно свободно: я умѣю выслушивать все, и особенно отъ человѣка, котораго люблю искренно, какъ васъ.

„Вотъ и не осталось мѣста для сообщенія другихъ, болѣе пріятныхъ новостей. Скажу вамъ, что я пока здоровъ и убилъ всего 162 штуки разной дичи: 103 куропатки, 46 зайцевъ, 9 фазановъ и 4 перепела. Засимъ кланяюсь вашей женѣ и дружески жму вамъ руку. Віардо вамъ кланяются. Положенное ею на музыку ваше: „Тихо вечеръ догораетъ“... производитъ фуроръ въ Парижѣ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

В. П. Боткинъ писалъ:

С.-Петербургъ.
24 октября 1866 года.

„Я пріѣхалъ въ Петербургъ вчера и очень обрадовался, увидѣвъ на своемъ письменномъ столѣ письмо отъ васъ, изъ котораго увидалъ, что вы здоровы и все у васъ благополучно. Я тоже чувствую себя недурно, и этимъ я обязанъ, вопервыхъ, тихо, пріятно и спокойно проведенному лѣту, лѣсному воздуху Бадена, но въ особенности живительному воздуху моря. Такую крѣпость, какую ощущаю я теперь въ себѣ, я помнилъ только въ давно прошедшемъ. Даже спѣшный переѣздъ изъ Берлина сюда очень мало разстроилъ меня; даже жестокій морозъ, прохватившій меня до костей въ ночной переѣздъ изъ Кёльна до Берлина, только на два дня сдѣлалъ меня больнымъ.

„Что тебѣ сказать по поводу твоихъ меланхолическихъ соображеній по поводу мельницы? Когда года два назадъ я совѣтовалъ тебѣ продать ее,—въ то время она представлялась тебѣ въ блестящихъ перспективахъ; теперь, какъ видно,—на-

противъ, ибо она требуетъ огромной реставраціи. Вообще ты такъ же легко поддаешься розовому освѣщенію, какъ и мрачному; но замѣчательно, что, находясь въ томъ или другомъ настроеніи, ты дѣлаешься неприступенъ спокойному и разсудительному обсужденію. То случилось и съ мельницей, въ которой ты видѣлъ одно только золотое дно.

„На квартирѣ своей все нашелъ я благополучно и въ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ. Съ большимъ удовольствіемъ встрѣчаюсь съ своими знакомыми. Не смѣю звать васъ сюда,— это много хлопотъ изъ пустаго. Приведется свидѣться въ Москвѣ; только жаль, что вы такъ поздно располагаете туда пріѣхать. У Дмитрія слюнки потекли, когда я разсказалъ ему объ изобиліи въ вашемъ лѣску вальдшнеповъ въ нынѣшнемъ году. А мнѣ такъ скучно не видѣть около себя собаки, что я рѣшаюсь завести какую-нибудь, разумѣется, порядочную. Пріѣхавши сюда, я простудился: кашель и головная боль. Въ Петербургѣ все занято приближеніемъ свадебнаго праздника Наслѣдника: народу съѣхалось множество. и по года стоитъ ясная и свѣжая. Пока прощайте.

Вашъ *В. Боткинъ*.

Л. Толстой писалъ:

7 ноября 1866 года.

„Милый другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, я не отвѣчалъ на ваше послѣднее письмо сто лѣтъ тому назадъ и виноватъ за это тѣмъ болѣе, что, помню, въ этомъ письмѣ вы мнѣ пишете очень мнѣ интересныя вещи о моемъ романѣ и еще пишете irritabilis poetarum gens. Ну ужь не я. Я помню, что порадовался, напротивъ, вашему сужденію объ одномъ изъ моихъ героевъ—князѣ Андреѣ,—и вывелъ для себя поучительное изъ вашего сужденія. Онъ однообразенъ, скученъ и только un homme comme il faut во всей 1-й части. Это правда, но виноватъ въ этомъ не онъ, а я. Кромѣ замысла характеровъ и движенія ихъ, кромѣ замысла столкновеній характеровъ, есть у меня еще замыселъ историческій, который чрезвычайно усложняетъ мою работу, и съ которой я не справляюсь, какъ кажется. И отъ этого въ 1-й части я занялся исторической

стороной, а характеръ стоитъ и не движется. И это недостатокъ, который я ясно понялъ вслѣдствіе вашего письма и надѣюсь, что исправилъ. Пожалуйста пишите мнѣ, милый другъ, все, что вы думаете обо мнѣ, т. е. о моемъ писаніи дурнаго. Мнѣ всегда это въ великую пользу, а кромѣ васъ у меня никого нѣтъ. Я вамъ не пишу по четыре мѣсяца и рискую, что вы проѣдете въ Москву, не заѣхавъ ко мнѣ, а всетаки вы человѣкъ, котораго, не говоря о другомъ, по уму я цѣню выше всѣхъ моихъ знакомыхъ, и который въ личномъ общеніи даетъ одинъ мнѣ тотъ другой хлѣбъ, которымъ кромѣ *единаю* будетъ сытъ человѣкъ. Пишу вамъ главное затѣмъ, чтобы умолять васъ заѣхать къ намъ, когда вы поѣдете „обнимать“. На что это похоже, что мы такъ подолгу не видимся! Жена и я слезно просимъ Марью Петровну заѣхать къ намъ. Я на-дняхъ одинъ, т. е. съ сестрой Таней ѣду на короткое время въ Москву. Ее я отвожу къ родителямъ, а самъ ѣду для того, чтобы печатать 2-ю часть своего романа. Что вы дѣлаете? Не по земству, не по хозяйству, — это все дѣла несвободныя человѣка. Это вы и мы дѣлаемъ такъ же стихійно и несвободно, какъ муравьи копаютъ кочку, и въ этомъ родѣ дѣлъ нѣтъ ни хорошаго, ни дурнаго; — а что вы дѣлаете мыслью, самой пружиной своей Фетовой, которая только одна и была, и есть, и будетъ на свѣтѣ. Жива ли эта пружина? Просится ли наружу? Какъ выражается? И не разучилась ли выражаться? Это главное. Прощайте, милый другъ, обнимаю васъ; и отъ себя, и отъ жены прошу передать душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ, которую мы надѣемся у себя видѣть и очень о томъ просимъ.

Л. Толстой.

„И я также очень прошу васъ, милая Марья Петровна и Аѳан. Аѳан., заѣхать къ намъ, если вы поѣдете въ Москву. Мы всю зиму будемъ дома, и вы сдѣлали бы намъ большое удовольствіе, если-бы поступили по дружески и не проѣхали-бы мимо Ясной Поляны, не порадовавъ насъ своимъ присутствіемъ. Мы будемъ васъ ждать съ нетерпѣніемъ.

Гр. С. Толстая.

В. П. Боткинъ писалъ:

12 ноября 1866 г.
С.-Петербургъ.

„Уже второе письмо отъ тебя получилъ я съ пріѣзда моего сюда, а я еще не собрался писать тебѣ послѣ перваго моего письма по возвращеніи. Виноватъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неисправимъ; потому что для меня писанье писемъ есть своего рода предпріятіе, сопряженное съ разнаго рода случайностями, какъ-то: состояніе духа, здоровье, ясная погода и т. п. А погода здѣсь стоитъ такая, что съ самаго утра стоитъ какой то денной сумракъ, что-то среднее между днемъ и ночью. А потомъ перемѣна образа жизни и климата дѣйствуютъ на меня болѣзненно, и организмъ мой далеко не пришелъ еще въ свою норму, хотя, говоря вообще, петербургскій климатъ я во многомъ предпочитаю московскому, гораздо болѣе сухому. Живя въ чужихъ краяхъ, болѣе или менѣе находишься въ напряженномъ состояніи; дома же разомъ принимаешь спокойное положеніе и беззаботное „ну“; а такія радикальныя перемѣны не проходятъ мимо организма, не затронувъ его. Ты въ послѣднемъ письмѣ своемъ говоришь, что чтеніе газетъ очень волнуетъ тебя, и поэтому ты рѣшаешься вовсе не читать газетъ. Увы! это невозможно; но я кажется достигъ до того, что теперь волнуюсь гораздо менѣе. Роль мухи при дорожныхъ надоѣла мнѣ до пресыщенія. Что толку мучить себя и волноваться, и тревожиться, когда я не въ силахъ помочь дѣлу или направить его по моему желанію? Занятіе политикой есть дѣло или безсмысленныхъ, или геніальныхъ людей, вращающихъ судьбами государствъ и народовъ. Нынче всякій долгомъ своимъ считаетъ толковать о политикѣ, а никто не думаетъ о томъ, что для разговора о какомъ либо предметѣ прежде всего нужно знать его и имѣть о немъ ясное понятіе. Но съ другой стороны это самый легкій предметъ для разговоровъ и сужденій, столь же легкій, какъ разговоръ о погодѣ, но болѣе интересный, ибо всякій можетъ въ немъ излить накопившуюся у него желчь, сообразно состоянію его желудка. Есть люди недовольные по свойству своего организма и все видящіе въ черномъ цвѣтѣ. Мы изъ нашего прежняго смѣшнаго оптимизма

впали теперь въ совершенно противоположную сторону. Но въ сущности Россія находится теперь въ несравненно лучшемъ положеніи, чѣмъ прежде. Этого для меня довольно. Извѣстная фраза, что подъ старость человѣкъ дѣлается эгоистомъ, — имѣетъ глубокій смыслъ, тотъ именно, что подъ старость человѣкъ болѣе обращаетъ вниманія на то, что у него подъ носомъ. Пусть называютъ это младенчествомъ (и младенецъ занимается только тѣмъ, что у него подъ носомъ), но разница здѣсь въ томъ, что младенецъ безсмысленно занимается близкими къ нему вещами, а старикъ доходитъ до этого вслѣдствіе долгаго опыта и размышленій.

„Я забылъ тебѣ сказать, что я нынѣшнимъ лѣтомъ познакомился съ твоимъ барономъ Бюлеромъ и нашелъ въ немъ дѣйствительно прекраснѣйшаго человѣка.

Во второй половинѣ декабря думаю я поѣхать въ Москву. Къ этому времени надѣюсь, что вы уже будете въ Москвѣ, слѣдовательно поживемъ вмѣстѣ. Если-бы была у тебя охота проѣхаться въ Петербургъ передъ этимъ, то мы бы вмѣстѣ потомъ отправились въ Москву. Ты такъ уже давно зажился въ деревнѣ, что тебѣ будетъ, можетъ быть, пріятно дней десять пожить жизнью большаго города. Графъ Алексѣй Толстой останется здѣсь всю зиму. Онъ ставитъ на сцену свою драму: „Смерть Іоанна Грознаго“.

„Здѣсь стоитъ настоящая зима и отличный санный путь; морозы, къ счастію, не превышаютъ 5° и 6°. Прощайте, милые друзья. Не обмани моей надежды, пріѣзжай сюда, тебѣ даже и нужно провѣтриться, а меня ты этимъ усладишь.

Весь вашъ *В. Боткинъ*.

Проѣздомъ по первому зимнему пути въ Москву, мы, по обычаю, остановились на сутки въ Новоселкахъ у Борисова. А какъ пустынножительствующій Борисовъ состоялъ въ непрестанной перепискѣ съ Тургеневымъ, то и не удивительно, что Иванъ Петровичъ зналъ гораздо болѣе меня о практическихъ дѣлахъ Тургенева. Услыхавъ отъ Борисова, что Тургеневъ въ самомъ непродолжительномъ времени высылаетъ въ Спасское управляющаго, избѣгая подъ всякими предлогами личной пріемки разсчетовъ и имѣнія отъ дяди, — я сталъ

доказывать Борисову, что такія вещи дѣлаются и по отношенію къ стороннимъ управляющимъ только съ завѣдомо злонамѣренными людьми, въ предупрежденіе новыхъ хищеній, но даже немыслимы по отношенію къ дядѣ, на котораго все время смотришь какъ на отца. Признаюсь, тогдашнее мнѣніе объ этомъ Борисова возмущало меня почти болѣе, чѣмъ самая выходка Ивана Сергѣевича. Съ дѣтства я не зналъ ни одного предосудительнаго поступка Борисова, а тутъ только потому, что онъ видимо подчинялся авторитету Тургенева, мы переставали понимать другъ друга. Какъ ни силился я доказывать, что возмущаетъ меня не перемѣна Иваномъ Сергѣевичемъ управленія имѣніемъ, а эта малодушная боязнь приступить къ собственному дѣлу, не боящаяся въ то же самое время на глазахъ всѣхъ оскорблять старика, которому онъ обязанъ хотя-бы наружнымъ уваженіемъ; какъ ни спрашивалъ я, почему-же онъ не хочетъ принять отъ дяди отчетовъ,—Борисовъ съ раздраженіемъ въ голосѣ повторялъ: „онъ просто не хочетъ“. Какъ будто бы единичная воля Ивана Сергѣевича способна была измѣнить всѣ сложныя общественныя отношенія, въ которыхъ мы живемъ. Признаюсь, такое сужденіе Борисова осталось въ моемъ воспоминаніи о немъ навсегда непріятнымъ, хотя быть можетъ и незаслуженнымъ пятномъ.

На другой день мы, по заведенному обыкновенію, переѣхали къ обѣду въ Спасское. Тяжело припоминать положеніе, въ которомъ мы встрѣтили на этотъ разъ семейство Ник. Ник. Надо было, подобно мнѣ, въ теченіи восьми лѣтъ усвоить себѣ коренастую фигуру старика, ломавшаго нѣкогда подковы и сохранившаго еще значительную часть силы, чтобы быть пораженнымъ при видѣ того-же старика, начинавшаго громко рыдать каждый разъ, когда онъ касался въ рѣчахъ грозящей ему сдачи управленія не лично Ивану. А онъ безпрестанно возвращался къ этому вопросу.

Говорите что̀ хотите, но такъ притворяться нельзя! Признаюсь, я такъ былъ потрясенъ только что пережитой сценой, что чувствовалъ потребность заѣхать въ Ясную Поляну и искать третейскаго суда у графа Толстаго.

Конечно, какъ я и ожидалъ, графъ сказалъ, что всякій

распоряжаться своимъ имѣніемъ воленъ, но что отказывать такимъ образомъ дядѣ невозможно, и что Тургеневъ, вѣроятно, и не сдѣлаетъ этого, а приметъ управленіе отъ дяди имѣніемъ прилично и родственно.

На этотъ разъ въ Серпуховѣ ожидала насъ самая отрадная новость. Сдавши на нѣкоторое время на храненіе нашу завѣтную кибитку, мы, изъ морозной тѣсноты и отъ самаго мучительнаго передвиженія на еле плетущейся тройкѣ, пересѣли въ топленый и удобный вагонъ и покатили въ Москву, гдѣ вскорѣ получили письмо отъ В. П. Боткина:

Петербургъ.
15 декабря 1866 г.

„Мой милѣйшій другъ, съ величайшей радостью получилъ я твое письмо изъ Москвы: значитъ, что мы теперь скоро увидимся. А потому я спѣшу написать тебѣ о моемъ распредѣленіи времени. Но прежде начнемъ съ тебя: такъ какъ ты пишешь, что ты совершенно свободенъ, то, предполагая, что тебѣ въ Москвѣ довольно монотонно и, исключая семейнаго круга, тамъ мало найдется для тебя занимательнаго, я предлагаю тебѣ, отдохнувъ и осмотрясь въ Москвѣ, отправиться сюда ко мнѣ и прожить недѣли двѣ, которыя пролетятъ здѣсь для тебя незамѣтно, принявъ въ соображеніе множество людей, которые тебя знаютъ, любятъ и цѣнятъ. Какъ же скоро тебѣ соскучится здѣсь или надоѣстъ,—то мы и отправимся вмѣстѣ въ Москву. А на праздники потому я не ѣду, что терпѣть не могу этого собранія безпрестанныхъ гостей и большихъ обѣдовъ. Мнѣ хочется пожить въ семействѣ Мити, а для этого я предпочитаю тихое время. Мнѣ кажется, что ты тоже не охотникъ до толпы и потому предлагаю тебѣ провести это время здѣсь въ тишинѣ и въ средѣ людей простыхъ и добрыхъ. Письмо твое такъ меня обрадовало, что я уже воображаю тебя здѣсь, и предо мною рисуется уже перспектива нашего сожительства. Ручаюсь, что тебѣ не будетъ скучно. Пожалуйста пріѣзжай поскорѣе.

„Не знаю, читалъ ли ты „Смерть Грознаго“—Ал. Толстаго, піесу, имѣющую многія достоинства. Теперь она ставится здѣсь на сцену и на постановку ея ассигновано дирекціей

30 тысячъ. Декораціи и костюмы будутъ сдѣланы со всею археологическою точностью. Я слышалъ чтеніе Васильева 2-го, играющаго роль Грознаго: оно очень хорошо.

„Вчера Полонскій принесъ мнѣ двѣ главы своей новой поэмы, напечатанной въ одномъ дрянномъ журналѣ „Женскій вѣстникъ“. Поэма называется „Братья“ и происходитъ въ Римѣ. Вообще мило, попадаются поэтическіе образы, простодушно, но блѣдно и незначительно. Поэма не его родъ. Я записалъ его адресъ, зная, что ты любишь его. Онъ женился. До скораго свиданія. Жду тебя 3-го января.

Твой *В. Боткинъ.*

Такъ какъ память не представляетъ мнѣ за эту зиму выдающагося, то я о нашемъ пребываніи въ Москвѣ умалчиваю.

Найдя въ Серпуховѣ завѣтную кибитку въ цѣлости, мы прежнимъ порядкомъ добрались до Степановки.

IV.

Письма.—Вскрытіе полей.—Разрывъ Тургенева съ дядей.—Мое избраніе въ мировые судьи.

В. П. Боткинъ писалъ:

С.-Петербургъ.
14 марта 1867.

„Давно уже я не писалъ къ вамъ, милые друзья, да и сказать правду, — нечего было сообщить вамъ интереснаго о себѣ. Жизнь моя тянулась своимъ заведеннымъ порядкомъ. Въ послѣднее время этотъ порядокъ и однообразіе нарушились пріѣздомъ Ивана Сегѣевича, который прожилъ у меня дней десять съ сильнѣйшею подагрою въ ногѣ. Наконецъ боль и опухоль уменьшились, и онъ выѣхалъ въ Москву,— а въ настоящее время находится въ Спасскомъ. Онъ принялъ твердое намѣреніе замѣнить Николая Николаевича новымъ управляющимъ. Эта перемѣна имѣетъ характеръ революціи, ибо Ник. Ник. оказываетъ ей рѣшительное сопротивленіе. Такое дѣло очень трудно судить со стороны. Въ денежныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ Иванъ Сергѣевичъ положительно ничего не смыслитъ, и, что еще хуже, они въ его понятіяхъ отражаются совершенно фантастически; вообще на его сужденія *фантазія* имѣетъ преобладающее вліяніе. Это существенный порокъ относительно практической жизни и дѣловыхъ отношеній, но съ другой стороны, этотъ порокъ есть главное условіе его таланта. Вообще надо принимать человѣка такимъ, какой онъ есть, и разсматривать его въ его собственномъ соусѣ, который можетъ быть и не по нашему вкусу; но вѣдь въ этомъ виноваты мы, а онъ не въ силахъ

передѣлать его. Какъ бы то ни было, ложно или справедливо. Иванъ Сергѣевичъ недоволенъ управленіемъ Никол. Никол. и хочетъ поставить другаго управляющаго. Вотъ тутъ и обнаружились раздраженіе и гнѣвъ Никол. Никол.; не хочетъ онъ своей смѣны, поднялась буря, начались рѣчи о какихъ то правахъ, о какомъ то оскорбленіи, угрозы и проч. Положимъ, что Иванъ Сергѣевичъ поступаетъ глупо, но онъ хозяинъ, притомъ же онъ одинокъ, безсемеенъ, и надѣлять ему своими имѣніями послѣ себя некого. Я видѣлъ отчеты Ник. Ник. по управленію за два года: они составлены до крайности плохо и неточно; со Спасскаго, напримѣръ, никакого дохода не показано. Вообще дѣловыя отношенія очень плохо вяжутся съ родственными, и Иванъ Сергѣевичъ, будучи хозяиномъ, былъ постоянно въ нравственной и матеріальной зависимости отъ Ник. Ник. Эта зависимость всегда чувствовалась и наконецъ надоѣла, захотѣлось быть на свободѣ и развязать себѣ руки. Это въ природѣ человѣка, а тѣмъ болѣе 48 ми лѣтняго человѣка. По личнымъ отношеніямъ къ Ник. Ник., ты можешь жалѣть объ этомъ, но обвинять Ивана Сергѣевича, мнѣ кажется, ты не вправѣ. Можно ли утверждать, что управленіе Ник. Ник. было во всѣхъ отношеніяхъ хорошо? Что касается до меня, то я ни въ какомъ случаѣ не возьму на себя такого гадательнаго утвержденія. Притомъ же Ник. Ник. 76 лѣтъ, онъ подверженъ неизбѣжнымъ болѣзнямъ старости; всякая поѣздка стала для него уже труднымъ предпріятіемъ; одно это обстоятельство уже заподозриваетъ въ моемъ мнѣніи дѣльность управленія. Вообще во всякомъ дѣлѣ надо выслушивать обѣ стороны. Въ извѣстныя лѣта человѣку хочется поступать такъ, какъ онъ признаетъ за лучшее, а не такъ, какъ указываютъ ему другіе. Вся буря поднята женскимъ отдѣленіемъ, которое рѣшительно подняло старика на дыбы, и тотъ же Ник. Ник., который говорилъ, что во всякомъ дѣлѣ причину надо непремѣнно искать въ женщинѣ; и вотъ теперь эта *она* оказалась и въ его собственномъ дѣлѣ. А тамъ еще ихъ *двѣ*, и при извѣстной своей глупости на что не могутъ онѣ подбить старика!!

„Статью твою „Объ изученіи древнихъ языковъ“ я дал

Краевскому. Такъ какъ онъ уже двѣ недѣли держитъ ее у себя, то, вѣроятно, онъ напечатаетъ въ Отеч. Запискахъ. Это будетъ курьезно! Отеч. Записки все карали за реальныя гимназіи. Но Краевскій признался мнѣ, что статья очень хорошо написана, и потому ему хочется, хотя съ оговоркою, помѣстить ее. Мнѣ кажется, лучше печататься въ Отеч. Зап., потому что у нихъ болѣе 5 тысячъ подписчиковъ.

„Иванъ Сергѣевичъ читалъ мнѣ свою новую повѣсть. Тутъ нѣтъ и тѣни похожаго на „Призраки“ или „Собаку“. Это настоящая сочная повѣсть съ его извѣстными достоинствами и съ меньшими противъ прежняго недостатками. Она будетъ напечатана въ мартовской книжкѣ Русск. Вѣстника.

16 марта.

„Вчера вечеромъ встрѣтилъ Краевскаго и спросилъ его о твоей статьѣ. Онъ сказалъ, что не можетъ ея напечатать, ибо она въ разрѣзъ идетъ съ реальными мнѣніями журнала. Это онъ говоритъ не свое,—ему такъ наговорили его писуны.

„Я забылъ сказать, что Иванъ Серг. даетъ Ник. Ник. пенсію 1000 р. въ годъ и кромѣ этого далъ ему еще прежде заемное письмо въ 10 тысячъ. И всѣмъ этимъ они еще недовольны! Прощайте.

Вашъ *В. Боткинъ*.

Не могу сказать, до какой степени я былъ обрадованъ, получивъ отъ Борисова слѣдующее письмо Тургенева:

Москва 7 марта.
1867 г.

„Милый Иванъ Петровичъ, я пріѣхалъ въ Москву сегодня утромъ и выѣзжаю въ субботу въ Спасское. Начиная съ понедѣльника или со вторника, меня можно будетъ тамъ застать; я очень, очень буду радъ васъ видѣть; дайте знать также Фету, но остаюсь я въ деревнѣ весьма немного времени, не болѣе недѣли.—Дѣла не позволяютъ. Итакъ, въ надеждѣ скоро увидать васъ, хотя не надолго, жму вамъ руку и остаюсь

преданый вамъ

Ив. Тургеневъ.

А внизу приписка Борисова:

„Спѣшу препроводить къ тебѣ сію вѣсть и буду ждать тебя завтра, чтобы *во вторникъ* вмѣстѣ кувыркнуть въ Спасское. Зима, кажется, еще продержится хоть недѣльку. И Марьѣ Петровнѣ можно бы рискнуть, Богъ вѣсть когда опять увидимъ его“.

„Вотъ она, думалось мнѣ, наилучшая развязка этого запутаннаго дѣла. Какъ хорошо придумалъ Иванъ Серг. вызвать насъ съ Борисовымъ въ качествѣ безпристрастныхъ посредниковъ, за плечами которыхъ такъ удобно можно укрыться отъ непріятныхъ подробностей. Ник. Ник. ничего не можетъ возразить противъ нашей повѣрки экономическихъ счетовъ; а тоскливая неспособность Тургенева можетъ при этомъ случаѣ драпироваться въ благородное довѣріе“. Какъ вдругъ получаю слѣдующее письмо отъ Тургенева изъ Москвы:

31 марта 1867 года

„Такъ, любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и не пришлось намъ увидать другъ друга! Вотъ говорите послѣ этого, что судьбы нѣту! Не схвати меня простуда въ Серпуховѣ, отъ которой я до сихъ поръ не отдѣлался,—непремѣнно прибылъ бы въ Спасское, еслибъ не сломалъ себѣ шеи на дорогѣ! А ужь какъ хотѣлось мнѣ видѣть васъ, поспорить съ вами, съ хрипомъ, крикомъ, визгомъ и удушьемъ, какъ слѣдуетъ, и съ постояннымъ чувствомъ симпатіи и дружбы къ спорящему субъекту! Что дѣлать! Авось въ будущемъ году свидимся, либо въ деревнѣ, только лѣтомъ,—зимой я больше въ Россію не ѣздокъ, — либо въ Баденѣ, если счастливая звѣзда васъ умчитъ туда. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Россіи,—я развиваю (это галлицизмъ, вродѣ галлицизмовъ *моего* перевода сказокъ Перро, который я увидалъ впервые только въ печати и узналъ, что есть лошади сѣрыя *съ яблоками*, тссъ... тссъ! это тайна!!)—я развиваю ужасающую дѣятельность: печатаюсь (посмотримъ, что вы скажете о моей повѣсти въ мартовской книжкѣ Русск. Вѣстн.,—чай, обругаете), продаю новое изданіе, читаю публично и приватно, болѣю (нога у меня совсѣмъ отказывается), ввожу новаго управляющаго... Кстати, чтобы

разъ навсегда покончить съ этимъ предметомъ, такъ чтобы уже толковъ объ этомъ между нами больше не было, и вамъ не приходилось величать меня, какъ въ письмѣ Боткину, осатанѣлымъ, — вотъ вамъ рѣшительныя цыфры, заставившія меня принять означенное рѣшеніе:

„Въ 11½ лѣтъ я получилъ . . . . 122,000 руб. сер.!
„Изъ нихъ капитальной суммы . . 62,000 руб. сер.!!
„Доходной суммы. . . . . 60,000 руб. сер !!!
„Что составляетъ въ годъ . . . . 5,500 руб. сер.!!!!

„Я нахожу, что съ имѣнія въ 5,500 десят., изъ коихъ 3,500 совершенно свободны, этотъ доходъ слишкомъ малъ!!!!

„Такъ какъ притомъ имѣніе въ упадкѣ, скота нигдѣ нѣту, и братъ получаетъ до 20,000!!!!! — Дядѣ 76 лѣтъ!!!!!!—я рѣшился взять другаго управляющаго!!!! Положимъ, я ужасный преступникъ, но все же не слѣдуетъ меня мгновенно предавать анаѳемѣ, тѣмъ болѣе, что я будущность дяди обезпечилъ и никакого отчета отъ него не требую.—Sapienti sat!

„Ну, а засимъ, что сказать, что сказать вамъ? Видѣлъ я въ Петербургѣ Полонскаго, онъ все такой же милый, кланяется вамъ. О прочихъ литературныхъ звѣряхъ не упоминаю: вы ихъ не любите. Но что за погода! Спасители! А въ Баденѣ, пишутъ мнѣ, все въ полномъ разцвѣтѣ.

„Я сегодня уѣзжаю въ Петербургъ (гдѣ останавливаюсь у Боткина), а въ понедѣльникъ въ Баденъ... Когда васъ ждать? Поклонитесь отъ меня вашей женѣ, крѣпко жму вамъ руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Вскрытіе полей этого года врѣзалось въ воспоминаніи моемъ въ видѣ первой вешней поѣздки съ женою въ шарабанѣ къ Александру Никитичу. Дорога шла вдоль межи нашего ржанаго поля, и на протяженіи всего клина глаза мои были поражены самымъ необычайнымъ и—увы! — грустнымъ зрѣлищемъ.

По стаяніи снѣговъ, озими въ первое время обыкновенно зеленѣютъ; но затѣмъ звѣздообразная зелень ржи (кустъ) нерѣдко отъ утреннихъ морозовъ увядаетъ и принимаетъ видъ тусклой бронзы. Но это не бѣда;—если вырвать кустъ

и разодрать его сверху, то окажется въ серединѣ сердцевина, которая, въ теплые дни поднявшись изъ земли, снова весело зеленѣетъ. Озимь, можно сказать, не боится морозовъ, зато застывшая на ней корою дождевая вода, если не изноетъ весною подъ снѣгомъ отъ теплыхъ дождей, — является величайшимъ врагомъ осеннихъ посѣвовъ. Можно подумать, что нагрѣтая сквозь ледъ земля развиваетъ теплоту, не имѣющую исхода, и молодое растеніе въ ней задыхается и сопрѣваетъ.

На этотъ разъ ржаное поле представилось мнѣ покрытымъ не мѣдными, а серебряными звѣздами. Передавъ возжи женѣ, я въ разныхъ мѣстахъ сталъ кнутовищемъ выкапывать ржаные кусты и тутъ же разрывать ихъ сердцевину. Увы!— сколько я ни повторялъ опыта, я всюду добывалъ безжизненный корень, вродѣ небѣленой нитки. Ждать урожая, очевидно, было уже невозможно. Съ небольшихъ оазисовъ мы едва собрали осенью сѣмена и ржи для собственнаго продовольствія. Замѣчательно, что вокругъ ржаныхъ оазисовъ все поле покрылось не лебедой, неохотно поѣдаемой крупнымъ скотомъ, а какою то густою и кудрявою травой, которую скотъ ѣлъ всю зиму съ величайшимъ удовольствіемъ.

Боткинъ писалъ отъ 27 апрѣля 1867 г. изъ Петербурга:

„Милые друзья, на дняхъ получилъ ваше письмо и особенно благодарю тебя, милая Маша, за то, что ты потрудилась написать мнѣ. Твои письма—увы! рѣдкія—гораздо больше отражаютъ въ себѣ Степановку. Фетъ же особенно занятъ теперь разрѣшеніемъ *Спасскаю вопроса*. Такъ какъ дѣло это не касается до меня лично, и я смотрю на него со стороны, то поэтому и отношусь къ нему съ бо́льшимъ безпристрастіемъ. Что дѣла по управленію Ник. Ник. находятся въ величайшемъ безпорядкѣ, это для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Не подлежитъ для меня сомнѣнію и то, что Иванъ Серг. сдѣлалъ Ник. Ник. большое одолженіе, поручивъ ему управленіе своими имѣніями, каковое управленіе Ник. Ник. велъ весьма плохо и безпорядочно, потому что онъ старъ, медлителенъ и лѣнивъ, и давно уже не годится на это дѣло. Да если бы и годился, всетаки Иванъ Серг. имѣлъ несомнѣнное право взять другаго управляющаго, который приметъ

имѣнія *такъ, какъ* захочетъ ихъ сдать ему Ник. Ник. Что полное снисхожденіе оказывается старику, о томъ не можетъ быть и вопроса. Очень скверно поступилъ Иванъ Серг., не пріѣхавъ самъ въ Спасское, вслѣдствіе своего пустаго характера, трусости и легкомыслія. Но въ сущности пріѣздъ его съ новымъ управляющимъ, который предназначался замѣнить Ник. Ник., развѣ могъ позолотить пилюлю, которую въ концѣ концовъ все-таки должно было проглотить Ник. Ник.? Повторяю: что̀ Ник. Ник. заблагоразсудитъ сдать, то и будетъ принято, и ничего похожаго на споры и домогательства со стороны новаго управляющаго быть не можетъ. Я не могу понять, на чемъ основываются претензіи Ник. Ник. Вмѣсто того, чтобы покориться необходимости и показать благоразуміе, онъ положительно дѣлаетъ глупости и безразсудства.

„30 апрѣля я уѣзжаю и, какъ предполагалъ, проведу лѣто въ Баденѣ, потомъ къ морю въ Діепъ, а осенью въ Парижъ и къ зимѣ опять восвояси. Письма ко мнѣ адресуйте въ Баденъ. Здѣсь въ Петербургѣ постоянно стоитъ холодная погода. Полонскій не показывается, и послѣ того, какъ онъ приходилъ объявить мнѣ, что пристроилъ статью твою въ Библіотекѣ,—я его не видалъ.

„Еще о Спасскомъ вопросѣ: по моему мнѣнію, трехдневное присутствіе въ Спасскомъ нисколько бы положеніе Ник. Ник. не измѣнило относительно общества. Съ дѣловой точки зрѣнія Ив. Серг. несомнѣнно правъ; а по родственнымъ отношеніямъ онъ поступаетъ съ Ник. Ник. со всевозможною деликатностью, снисхожденіемъ и добротою. Ты знаешь, что я не охотникъ до характера Ивана Сергѣевича; но въ этомъ дѣлѣ онъ тысячу разъ правъ. Ты говоришь, что онъ только обѣщаетъ, а не даетъ. Но онъ совершенно вправѣ и ничего не обѣщать; это въ его доброй волѣ. Да и есть ли ему какая возможность дать теперь? Но своимъ упорствомъ и безразсудствомъ Ник. Ник. только можетъ окончательно раздражить его и испортить свое дѣло. Ник. Ник. уже грозитъ ему процессомъ и взысканіемъ.

„Пока прощайте. Крѣпко васъ обнимаю.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Приведенныя письма, находящіяся въ настоящую минуту передъ безпристрастными глазами читателя, не могли въ свое время не повліять на меня. Изъ одного письма Боткина уже видно, что болѣзнь, на которую ссылается Тургеневъ, какъ на причину непріѣзда въ Спасское,—одинъ предлогъ, а мнѣ достовѣрно извѣстно, что въ Серпуховѣ Тургеневъ на станціи встрѣтился съ княземъ Черкасскимъ, ѣхавшимъ съ юга. Черкасскій, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ухабовъ и не зная отношенія Тургенева къ дядѣ, посовѣтовалъ ему вернуться съ нимъ вмѣстѣ въ Москву, что̀ безъ сомнѣнія было пріятнѣе поѣздки въ Спасское. Такъ какъ поступокъ Тургенева надломилъ навсегда мое беззавѣтно дружеское къ нему чувство, и я поневолѣ самъ сажусь передъ читателемъ на скамью подсудимыхъ, то разъясняя снова мотивы, приведшіе меня къ такому чувству, я ищу не оправданія, а правды. Самъ Иванъ Сергѣевичъ въ теченіи десяти лѣтъ пріучилъ меня смотрѣть на Ник. Ник., какъ на его отца, а не управляющаго. Не удивительно ли мое изумленіе, когда я вдругъ увидалъ такую перемѣну декораціи. И Тургеневъ, и Боткинъ въ своихъ письмахъ употребляютъ извѣстный софистическій пріемъ, оспаривая сторону дѣла, съ которою противникъ давно согласенъ, и обходя молчаніемъ спорную, которая такимъ образомъ является какъ бы доказанной. Мнѣ въ голову не приходило оспаривать у Ивана Серг. право на его имущество. Я только утверждалъ, что такихъ пилюль, о которыхъ наивно упоминаетъ Боткинъ, порядочные люди между собою не подносятъ. Къ этому присоединялось темное убѣжденіе, что высланный въ Спасское Зайчинскій не улучшитъ имущественнаго положенія Тургенева. Послѣдствія блистательно оправдали такое предположеніе.

Л. Толстой писалъ:

27 іюня 1867 года.

„Ежели бы я вамъ писалъ, милый другъ Аѳан. Аѳан., всякій разъ, какъ я о васъ думаю, то вы бы получали отъ меня по два письма въ день. А всего не выскажешь и кромѣ того то лѣнь, а то слишкомъ занятъ, какъ теперь. На дняхъ я пріѣхалъ изъ Москвы и предпринялъ строгое лѣченіе, подъ руководствомъ Захарьина, и главное, печатаю романъ въ ти-

графіи Риса, готовлю и посылаю рукопись и корректуры, и долженъ такъ день за день подъ страхомъ штрафа и несвоевременнаго выхода. Это и пріятно, и тяжело, какъ вы знаете.

„О „Дымѣ“ я вамъ писать хотѣлъ давно и, разумѣется, то самое, что вы мнѣ пишете. Отъ этого то мы и любимъ другъ друга, что одинаково думаемъ *умомъ сердца*, какъ вы называете. (Еще за это письмо вамъ спасибо большое. *Умъ ума и умъ сердца* — это мнѣ многое объяснило). Я про „Дымъ“ думаю то, что сила поэзіи лежитъ и въ любви; направленіе этой силы зависитъ отъ характера. Безъ силы любви нѣтъ поэзіи; ложно направленная сила, — непріятный, слабый характеръ поэта претитъ. Въ „Дымѣ“ нѣтъ ни къ чему почти любви и нѣтъ почти поэзіи. Есть любовь только къ прелюбодѣянію легкому и игривому, и потому поэзія этой повѣсти противна. Вы видите,—это то же, что вы пишете. Я боюсь только высказывать это мнѣніе, потому что я не могу трезво смотрѣть на автора, личность котораго не люблю; но кажется, мое впечатлѣніе общее всѣмъ. Еще одинъ кончилъ. Желаю и надѣюсь, что никогда не придетъ мой чередъ. И о васъ тоже думаю. Я отъ васъ все жду, какъ отъ 20-ти-лѣтняго поэта, и не вѣрю, чтобы вы кончили. Я свѣжѣе и сильнѣе васъ не знаю человѣка. Потокъ вашъ все течетъ, давая то же извѣстное количество ведеръ воды—силы.—Колесо, на которое онъ падалъ, сломалось, разстроилось, принято прочь, но потокъ все течетъ, и ежели онъ ушелъ въ землю, онъ гдѣ-нибудь опять выйдетъ и завертитъ другія колеса. Ради Бога не думайте, чтобы я это вамъ говорилъ потому, что долгъ платежомъ красенъ, и что вы мнѣ всегда говорите подбадривающія вещи, нѣтъ, я всегда и объ одномъ васъ такъ думаю.— Хотѣлъ еще писать, но пріѣхали гости и помѣшали. Прощайте, обнимаю васъ, милый другъ, и цѣлую руку Марьи Петровны и прошу за меня пожать руку Борисову, у котораго надѣюсь быть осенью. Я адресую во Мценскъ, потому что вы тамъ на выборахъ.

„Мнѣ такъ хочется васъ видѣть, что я бы пріѣхалъ къ вамъ, ежели бы было возможно. Благодѣтель, голубчикъ, пріѣзжайте ко мнѣ на денекъ!

Л. Толстой.

Въ воспоминаніяхъ моихъ я подхожу къ событію, которое по справедливости можетъ быть названо эпохой, отдѣляющей предыдущій періодъ жизни и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи отъ послѣдующаго Сколько разъ съ тѣхъ поръ приходилось мнѣ напоминать своему прежнему мценскому сосѣду и младшему товарищу И. П. Н—ву, какъ вначалѣ шестидесятыхъ годовъ мы еще при заслуженномъ отцѣ его сиживали въ его Воинскомъ паркѣ на фаянсовыхъ табуреткахъ въ видѣ боченковъ, и какъ я на каждое его слово противъ стѣсненія правъ губернатора находилъ двадцать горячихъ словъ въ защиту всемогущества судебнаго слѣдователя. Замѣчательно, что, благодаря тогдашнему вѣянію, отецъ Н—ва, самъ бывшій губернаторъ, былъ горячимъ моимъ защитникомъ въ спорѣ съ его сыномъ. Нечего говорить, что свободный выборъ уѣздными гласными наилучшихъ людей въ мировые судьи, которымъ предоставлялось судить публично по внутреннему убѣжденію, являлся на глазахъ наивныхъ искателей должности судьи чѣмъ то священнымъ и возвышающимъ избираемаго въ его собственныхъ глазахъ.

Съ этими чувствами я пріѣхалъ къ И. П. Борисову въ Новоселки за день до земскаго собранія во Мценскѣ для избранія судей. Постоянно любезный ко мнѣ предводитель дворянства В. А. Ш—ъ, и лично, и черезъ Александра Никитича, и даже черезъ Борисова, совѣтовалъ мнѣ попытать счастья въ выборѣ на должность мироваго судьи въ южномъ участкѣ уѣзда, причемъ главнымъ, но весьма серьезнымъ конкурентомъ являлся мѣстный посредникъ Ал. Н. М—овъ, нарочно вышедшій въ отставку, чтобы имѣть возможность баллотироваться. При этомъ Алекс. Никит. Ш—ъ, не имѣвшій воспитательнаго ценза для должности судьи, былъ назначенъ мировымъ посредникомъ вмѣсто М—ва, баллотировавшагося и выбраннаго въ должность орловскаго городскаго судьи. На сторонѣ М—ова были опытность и извѣстность въ участкѣ; но было, если не ошибаюсь, и неудовольствіе за радикальный оттѣнокъ. Но вѣдь и я самъ, не будучи радикаломъ, былъ самымъ наивнѣйшимъ либераломъ до мозга костей. Не странно ли, что, постоянно толкуя Тургеневу о томъ, что въ дѣлѣ художественной критики выѣденнаго яйца не дамъ за обще-

ственный приговоръ,—я въ то же время съ простодушіемъ ребенка вѣрилъ въ общественные выборы и приговоры. Болѣе скептическій Борисовъ старался охладить мой либеральный пылъ, увѣряя, что тутъ никакихъ общественныхъ выборовъ не предстоитъ, а что все заранѣе прилажено и приказано крестьянамъ мировыми посредниками, и такимъ образомъ, при такой рѣшающей массѣ шаровъ, свободная борьба невозможна. Подъ вліяніемъ возникающаго негодованія, я сейчасъ же написалъ самую жестокую филиппику, противъ недобросовѣстнаго давленія на общественное мнѣніе, и рѣшилъ прочесть свою статью въ земскомъ собраніи передъ самыми выборами.

Борисовъ сообщилъ мнѣ, что переводитъ Петю изъ Peter-Schule въ лицей Каткова, на что уже получилъ согласіе послѣдняго.

На другой день мы оба съ Борисовымъ въ качествѣ гласныхъ отправились въ собраніе. Каково было мое изумленіе, негодованіе и разочарованіе, когда, выпросивъ у предсѣдателя разрѣшенія прочесть свою рѣчь, я замѣтилъ, начавши чтеніе, что всѣ власть имѣющіе употребляли всевозможныя усилія, для того чтобы рѣчь моя не была въ залѣ слышна. Ноги задвигались подъ столами и стульями, жестокій кашель напалъ на всѣхъ, секретари всѣхъ вѣдомствъ, сосредоточивающихся въ рукахъ предводителя, заходили со своими докладами. Я преднамѣренно сократилъ чтеніе и сѣлъ на свое мѣсто.

Принесли ящики съ шарами, и баллотировка началась. Смущенный и едва соображая происходящее, я вышелъ въ другую комнату, когда провозгласили мое имя. Видимо раздраженный и поблѣднѣвшій Борисовъ подошелъ ко мнѣ, пока меня баллотировали, и сказалъ: „это такая гадость, что отнынѣ нога моя не будетъ ни въ какомъ собраніи. Удивляюсь, какъ ты не отказался отъ выборовъ“.

Въ эту минуту кто то изъ властей подошелъ ко мнѣ и объявилъ, что, за исключеніемъ трехъ черняковъ, я выбранъ подавляющимъ большинствомъ. Другіе конкурренты, искавшіе счастья, провалились, а М—овъ, въ виду моего блистательнаго избранія, наотрѣзъ отказался отъ баллотировки.

Выходя изъ отдѣльной комнаты, я дотого былъ смущенъ

внезапнымъ переходомъ отъ необъяснимой враждебности къ общему сочувствію, что заставилъ сидѣвшаго на подоконникѣ мироваго посредника Ал. Арк. Тимирязева сказать мнѣ: „избранные обыкновенно благодарятъ за избраніе“. Тутъ только я очнулся и сталъ благодарить избирателей. Увы! въ то наивное время я не понималъ, что нѣтъ общественнаго избранія безъ партій, изъ которыхъ каждая желаетъ успѣха всоему кандидату. Безъ этого желанія она бы не подошла къ избирательной урнѣ, а подходя она не можетъ, подобно мнѣ, не знать, что если не употребить съ своей стороны всѣхъ законныхъ и незаконныхъ мѣръ, противная партія навѣрное употребитъ ихъ въ свою пользу. Такое нелиберальное давленіе на общественные выборы происходитъ въ громадныхъ размѣрахъ въ самыхъ либеральнѣйшихъ на словахъ государствахъ.

Конечно, въ скорости послѣ выборовъ я уѣхалъ въ Москву заказать мундиръ и купить необходимыя для судебной практики книги и бланки.

По утвержденіи выборовъ назначено было распорядительное засѣданіе, и неоконченныя дѣла бывшаго земскаго суда розданы по четыремъ участковымъ судьямъ, и я получилъ цѣпь третьяго мироваго участка, почти въ серединѣ котораго приходилась Степановка, куда я и отправился, пріискавъ письмоводителя, болѣе или менѣе знакомаго съ канцелярскими формальностями.

Я увѣренъ, что читатель, удостоившій до сихъ поръ мои воспоминанія своего вниманія, не испугается небольшаго ряда судебныхъ случаевъ, приводимыхъ здѣсь мною въ качествѣ лѣстницы, по которой я, руководимый наглядкимъ опытомъ, мало по малу въ теченіе $10^1/_2$ лѣтъ, спускался съ идеальныхъ высотъ моихъ упованій до самаго низменнаго и безотраднаго уровня дѣйствительности. Какъ ни тяжко было иное разочарованіе человѣка, до той поры совершенно незнакомаго съ народными массами и ихъ міровоззрѣніемъ, я всетаки съ благодарностью озираюсь на время моего постепеннаго отрезвленія, такъ какъ правда въ жизни дороже всякой высокопарной лжи. Наглядѣвшись въ теченіи шести лѣтъ на великолѣпные результаты единоличнаго управленія по-

средниковъ, я, принимая единоличную власть судьи, былъ увѣренъ, что, помимо всѣхъ формальностей, ясно понимаю основную мысль Державнаго Законодателя: дать народу вмѣсто канцелярскихъ волокитъ—судъ скорый, милостивый къ пострадавшему, а потому самому и правый. Я понималъ, что главная гарантія суда—въ его гласности и постоянной возможности обжалованія; что самые законы суть только компасъ и морская карта для огражденія кормчаго отъ утесовъ и отмелей; но что эти формальности только излишняя связа тамъ, гдѣ кормчій и безъ этихъ пособій видитъ прямѣйшій путь въ пристань.

Если-бы я имѣлъ возможность представить на судъ читателя хотя не всѣ, а наиболѣе интересные судебные случаи въ хронологическомъ порядкѣ моей 10-ти лѣтней практики, то не сдѣлалъ бы этого по слѣдующимъ причинамъ: такое продолжительное испещреніе воспоминаній судебными разбирательствами, не связанное единствомъ мысли, надоѣло бы читателю и только мѣшало бы ему составить себѣ ясное понятіе о моей судебной дѣятельности. Кромѣ того, такъ какъ нѣкоторые подсудимые многократно появлялись въ качествѣ обвиняемыхъ, то я позволю себѣ до конца прослѣдить судьбу ихъ, насколько она мнѣ извѣстна. Вставляя здѣсь свою судебную дѣятельность отдѣльнымъ эпизодомъ, я даю читателю возможность пропустить весь этотъ эпизодъ, не взирая на его воспитательное по отношенію ко мнѣ значеніе. Исходя изъ мысли, что тяжбы между помѣщиками встрѣчаются гораздо чаще въ комическихъ повѣстяхъ, чѣмъ на дѣлѣ, и что, за исключеніемъ таковыхъ, мировые посредники разбирали всевозможныя дѣла и жалобы,—большинство сельскихъ мировыхъ судей считали, что всѣ обыватели участка равно нуждаются въ судѣ скоромъ, правомъ и милостивомъ, а потому, подобно мнѣ, принимали къ разбирательству всевозможныя дѣла, впослѣдствіи окончательно исключенныя изъ вѣдомства мировыхъ судей.

V.

Дѣло о кражѣ бревенъ.—Раздѣлъ отца съ сыномъ.—Украденная лошадь.—Размежеваніе земли.—Просьба о разводѣ.—Сгорѣвшая деревня.—Бороды старостъ, какъ вещественныя доказательства.—Кража гречихи.—Жалоба помѣщицы.—Прикащикъ желѣзно-дорожнаго подрядчика.—Украденныя лошади.—Истязаніе жены мужемъ.—Колодки съ пчелами.—Колодезь съ журавлемъ.—Мостъ въ селѣ Золотаревѣ.—Жалоба дьячка.—Украденныя шворни.—Червивая капуста.—Украденныя колеса.—Взбунтовавшіеся рабочіе.—Дѣло Горчанъ.—Дѣло между купцомъ и крестьянами.

Первое уголовное дѣло поступило по жалобѣ молодаго иностранца И. А. Остъ на кражу бревенъ со двора его довѣрителя сосѣднимъ крестьяниномъ, у котораго означенныя бревна были разысканы на дворѣ. Дѣло по своей ясности не представляло никакихъ затрудненій, и воръ, который мѣсяцъ тому назадъ былъ бы наказанъ при волости посредникомъ и, вѣроятно, нашелъ-бы воровство неповаднымъ, теперь долженъ былъ отсидѣть три мѣсяца въ тюрьмѣ. Замѣчательно, что, когда онъ вернулся въ деревню, бабы тыкали въ него пальцами, какъ-бы сомнѣваясь—живъ-ли онъ?

Чтобы избѣжать подавляющей массы крестьянскихъ жалобъ, я всѣ мелкія обращалъ къ разбирательству волостнаго суда. Зато, замѣчая явное неправосудіе послѣднихъ въ данномъ случаѣ, я нимало не стѣснялся разбирательствомъ крестьянскаго дѣла, хотя бы оно было уже рѣшено волостнымъ судомъ. Новое крестьянское положеніе, допускающее дѣлежи не токмо между братьями, но даже между отцомъ и сыномъ, по желанію лишь послѣдняго вело не только къ семейному разоренію, но въ то же самое время возмущало нравственное чувство стариковъ.

Помню худощаваго, черноволосаго и высокаго крестьянина сосѣдняго Степановскаго хутора, просившаго разсудить его съ сыномъ, которому общество разрѣшало брать при раздѣлѣ съ отцомъ то, что послѣдній считалъ несправедливымъ. Какъ ни старался я растолковать негодующему старику, что это дѣло волостное, онъ продолжалъ съ протянутой рукою указывать костлявымъ пальцемъ въ сторону своей деревни и повторялъ: „ты меня, батюшка, по закону разсуди. Тамъ у насъ ровъ, а на рову то водка, а въ водкѣ то судъ. Вотъ тамъ то они меня въ водкѣ то и судятъ“.

Конечно, я не понялъ бы старика, если-бы не зналъ, что вышедшіе на выкупъ крестьяне открыли у себя на самомъ окопѣ кабакъ, который и превратился въ храмъ сельской Ѳемиды.

— Какой же это судъ! восклицалъ раздраженный старикъ:— слыханое ли дѣло,—вчера онъ со мною въ кабакѣ дрался, а сегодня сидитъ и судитъ меня лапотнымъ судомъ.

Прошло много лѣтъ, пока крестьяне не приглядѣлись и не притерпѣлись къ крестьянскому самосуду, который постоянно обзывали „лапотнымъ судомъ“.

Помню случай, когда племянникъ крестьянинъ разыскалъ у роднаго дяди свою, украденную послѣднимъ, лошадь. Крестьянскій судъ возвратилъ лошадь племяннику, но чтобы наказать вора дядю, общество стало пропивать все его имущество; а когда пропивать, вѣроятно, стало больше нечего, общество потребовало водки отъ облагодѣтельствованнаго правымъ судомъ его племянника. Въ такомъ видѣ дѣло поступило ко мнѣ по жалобѣ племянника. Конечно, я напередъ былъ увѣренъ, что съ вора дяди взять уже нечего; но чтобы показать крестьянамъ, что я съ конокрадствомъ вовсе не шучу, я присудилъ дядю на три мѣсяца въ острогъ, взыскавъ съ него же въ пользу племянника, въ видѣ потери заработныхъ денегъ, суммы, издержанныя на угощеніе общества.

Состоявшіе давно на выкупѣ, ближайшіе къ нашей Степановкѣ, крестьяне деревни Крестовъ владѣли съ давнихъ поръ, кромѣ надѣльной, еще и собственною землею, пріобрѣтенною

когда то на имя помѣщика и находящеюся въ настоящее время въ подворномъ владѣніи. Съ годами, отъ перепахиванія межей другъ у друга и наслѣдственныхъ раздѣловъ, дворы лишь номинально владѣли извѣстнымъ количествомъ земли, которая въ дѣйствительности служила только неистощимымъ источникомъ споровъ, негодованій и чуть не поножовщины. На слезныя просьбы крестьянъ раздѣлить ихъ землю съ опредѣленіемъ границъ каждаго владѣнія, я, растолковавши имъ, что это дѣло подлежитъ разбирательству Окружнаго Суда, объявилъ крестьянамъ, что если они положатся на мой третейскій судъ, противъ котораго впослѣдствіи никакихъ возраженій быть не можетъ, то я готовъ по совѣсти разбить всю ихъ дачу на дачи съ вѣдома всего общества, состоящія за каждымъ дворомъ. На основаніи такого соглашенія, я на другой день, захвативъ съ собою землемѣрскую цѣпь, выѣхалъ на спорную землю и, проходя отдѣльные ярусы, спрашивалъ какъ самого владѣльца, такъ и прочихъ:—„чья это земля и сколько ея у хозяина?“ Убѣдившись примѣрно, что у хозяина полторы или три съ половиною десятины, я тотчасъ же отмѣривалъ дачу цѣпью и, выставивши вѣхи, приказывалъ пропахать борозды, а въ протоколѣ записать: у Ивана Ѳомичева въ такомъ то ярусѣ въ ширину столько то и въ длину столько то. Затѣмъ то же самое у сосѣда, — и такъ перерѣзалъ все поле. Конечно, человѣка два-три заявили притязаніе на бо́льшее количество земли противъ показаннаго за ними сосѣдями; но я обѣщалъ имъ только тогда прибавить, когда въ дачѣ за общимъ надѣломъ останется излишекъ. Этого однако не случилось, и я, выдавши имъ формальную копію съ разверстанія, объявилъ, что желающій дворъ можетъ получить таковую для себя въ качествѣ несомнѣннаго документа, основаннаго на третейскомъ приговорѣ.

Въ первое время не оглядѣвшись на занимаемомъ мѣстѣ, я, подобно другимъ мировымъ судьямъ, сталъ говорить крестьянамъ на судѣ: *вы*, въ подражаніе французскимъ судьямъ, говорящимъ *вы*, такъ какъ тамъ это мѣстоимѣніе прилагается ко всѣмъ, но нимало не стѣсняющимся прибавлять: „вы—негодяй, внушающій омерзѣніе“ и т. д. Но когда свидѣтельница-старуха крестьянка сказала мнѣ: „я ужъ тебѣ два раза го-

ворила, что была одна, а ты мнѣ все вы",—я исцѣлился совершенно отъ этого пріема, даже непонятнаго русскому человѣку. И вотъ въ настоящее время, черезъ 22 года, я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что цѣлый мировой съѣздъ въ публичномъ засѣданіи отвергаетъ эту вычуру и обращается къ крестьянамъ точно такъ же, какъ они обращаются къ судьямъ со словомъ *ты*.

Вѣра во всемогущество судьи проникала тогда всѣ сословія, и потому являлись самыя курьезныя прошенія. Такъ изъ усадьбы сосѣдки нашей О—вой явился старый кучеръ съ просьбою, чтобы я развелъ его дочь съ ея молодымъ мужемъ, наносящимъ ей истязанія. Конечно, такое дѣло могло быть принято мною лишь въ видахъ склоненія къ миру. Въ назначенный часъ явилась передо мною въ прекрасномъ шерстяномъ салопѣ съ капюшономъ, обшитымъ шелковою бахромою, очень молодая брюнетка, весьма красивая. Обвинителемъ со стороны несовершеннолѣтней дочери явился отецъ, и на вопросъ, въ чемъ состояли истязанія? — показалъ, что они съ женою „воспитывали дочь, ничего до нея „не допущая", а мужъ заставляетъ ее доить корову и снимать съ него сапоги и даже запрещаетъ ей ходить къ родителямъ; а когда на прошлой недѣлѣ она пошла къ отцу, мужъ догналъ ее на улицѣ и за руку привелъ домой".—„А потому разведите ее съ мужемъ, судья милостивый!"

— Разводить я никого не могу, а не желаешь ли ты помириться съ мужемъ? спросилъ я красавицу.

— Меня хоть въ Сибирь, а я съ нимъ жить не желаю, былъ отвѣтъ.

— А ты желаешь жить съ женою? спросилъ я столяра.

— Очень желаю, отвѣчалъ парень.

— У отца твоего была корова? спросилъ я молодую.

— Никогда не было, былъ отвѣтъ.

— Такъ мужъ тебѣ завелъ корову, а ты это называешь мученьемъ. Если тебя отецъ ни до чего не допускалъ, тѣмъ хуже; а ты должна слушаться мужа, а не отца, который ходитъ да тебя смущаетъ.

— Отъ него то вся и бѣда! воскликнулъ парень.

— А ты зачѣмъ его къ себѣ пускаешь? Гони его вонъ!

— Какъ! меня то?

— Извѣстно, тебя то!

— Какъ же это такъ?

— Кулакомъ по шеѣ! — Ты отдалъ добровольно дочь въ чужой домъ, а въ чужой домъ можно ходить только угождая хозяину, а супротивника законъ дозволяетъ наладить въ шею. Поэтому въ послѣдній разъ говорю вамъ: не желаете ли подобру по-здорову помириться?

— Меня, снова восклицаетъ молодая, куда угодно, но только не съ нимъ жить.

— Это, матушка, дѣло твое! Я вызвалъ васъ только для мировой; а то дѣло ваше крестьянское, и я его сейчасъ же передамъ на волостной судъ. А ты знаешь, что тамъ непокорныхъ бабъ дерутъ, и помяни мое слово, что тебя въ слѣдующее же воскресенье отлично высѣкутъ. Такъ вотъ либо миритесь хоть на время, либо передамъ ваше дѣло на волость.

Послѣдовала мировая. А мѣсяца черезъ полтора бывшая у насъ въ гостяхъ помѣщица О—ва сказала мнѣ: „а ужь какъ васъ столяръ съ молодою женою благодарятъ! какъ голубки живутъ“.

Случалось мнѣ распрашивать мнѣнія выборныхъ; но только въ совѣщательномъ, а не въ рѣшающемъ смыслѣ. Однажды старшина заявилъ жалобу на крестьянина, не исполняющаго законныхъ требованій его, старшины и сельскаго старосты. Хотя меня, по военнымъ преданіямъ, изумила жалоба начальника, снабженнаго карательной властью, противъ ослушнаго подчиненнаго; но такъ какъ, съ одной стороны, сопротивленіе административной власти, соединенное съ насиліемъ, я считаю тяжкимъ самостоятельнымъ преступленіемъ, а съ другой—я желалъ удостовѣриться, были ли требованія старшины законны,—то принялъ дѣло къ своему разсмотрѣнію. Оказалось, по положенію, изданному Земской Управой, крестьянамъ сгорѣвшей деревни предписывалось, вмѣсто прежнихъ безпорядочныхъ проулковъ между дворами, строиться вновь по два двора съ промежутками между ними въ три сажени

и въ десять саженей между каждою парою. Вслѣдствіе такого распредѣленія, обвиняемому въ непослушаніи приходилось сходить своимъ дворомъ съ прежняго огорода и усадьбы, которой нѣкоторыя строенія были сложены изъ мѣстнаго плитняка и должны были задаромъ доставаться сосѣду. Понятно, до какой степени такое обстоятельство было обидно крестьянину, уже начавшему ставить избу на прежней своей усадебной землѣ. Я нарочно ко дню разбирательства вызвалъ двѣнадцать человѣкъ такъ называемыхъ стариковъ того же селенія. Признаюсь, мнѣ сердечно жаль было обвиняемаго, но старшина, подъ личной отвѣтственностью за неисполненіе постановленій земства, не могъ простить крестьянину неповиновенія. Не желая разомъ звать всѣхъ выборныхъ въ небольшую камеру, я вышелъ къ нимъ на террасу, спросить ихъ мнѣнія; но изъ этого совѣщанія, кромѣ галдѣнія, ничего не вышло. Одни кричали, что малаго-то ужь очень жалко, а другіе,—что, точно, онъ не слухаетъ старшины и строится на неуказанномъ мѣстѣ. То и другое было мнѣ давно извѣстно. Оставивъ всѣхъ за дверью, я позвалъ въ камеру одного старшину и спросилъ,—какого онъ мнѣнія, если я, снявши съ него отвѣтственность, сдѣлаю судебное постановленіе, вмѣсто приходящагося по земскому плану десяти саженнаго проулка передъ усадьбой обвиняемаго, оставить его только въ три сажени.—Глаза старшины радостно сверкнули.

— Да вѣдь тогда Герасиму-то какъ разъ придется сѣсть на старую усадьбу!

Когда я составилъ въ этомъ смыслѣ постановленіе и вышелъ прочесть его старикамъ, они хоромъ воскликнули: „ужь такъ-то хорошо, что лучше и не надо! Никому отъ этого обиды не будетъ!“

Въ находящееся отъ нашей Степановки въ 4-хъ верстахъ Ивановское Ал. Ник. Ш—на мы продолжали ѣздить обѣдать попрежнему черезъ воскресенье и оставались тамъ до вечерняго чаю. Особенно пріятно это бывало зимою, когда мы ѣздили съ женою туда на одиночкѣ въ санкахъ безъ кучера и, возвращаясь къ себѣ, въ темнотѣ пускали лошадь по Млечному Пути, приводившему насъ прямо къ нашей рощицѣ.

Даже самая мятель насъ не смущала, такъ какъ не было примѣра, чтобы чалый меринъ сбился съ дороги.

Въ слѣдующее воскресенье очередь была за Ивановскими, пріѣзжавшими уже въ двухъ саняхъ, такъ какъ на однѣхъ безъ кучера ѣхалъ Александръ Никитичъ, а на другихъ съ кучеромъ — Любинька съ гувернанткой и съ маленькимъ сыномъ.

Независимо отъ этихъ болѣе или менѣе формальныхъ визитовъ, Александръ Никитичъ рѣдкій день не пріѣзжалъ къ женѣ моей завтракать и отводить душу жалобами на выходки жены, которыми онъ не щадилъ ее и въ глаза. Конечно, недостатокъ въ сносной прислугѣ составлялъ въ то время самое больное мѣсто въ нашихъ хозяйствахъ; и Александръ Никитичъ не переставалъ увѣрять, что „у Любовь Аѳанасьевны *тамъ*—все есть: *тамъ* и превосходные слуги, и отличные садовники, и прекрасные скотники и коровницы, — *тамъ* этого всего много, а вотъ тутъ у насъ то— ничего нѣтъ".

Такъ или сякъ, какъ разъ въ 12 часовъ дверь въ переднюю отворялась и, мимо отворенной двери судебной камеры, Алекс. Никит. проходилъ въ столовую къ завтраку, къ которому, объявляя перерывъ въ засѣданіи, я постоянно приглашалъ приличныхъ людей, бывшихъ по дѣламъ въ камерѣ.

Крестьяне, успѣвшіе, со времени зоркаго наблюденія посредниковъ перваго выбора за сельскими обществами, опуститься и приглядѣться къ ближайшимъ своимъ начальникамъ, сельскимъ старостамъ, стали позволять себѣ не только неповиновеніе по отношенію къ послѣднимъ, но даже и побои. Явно, что виною этому главнымъ образомъ была неспособность русскаго крестьянина, хотя бы и снабженнаго, подобно сельскому старостѣ, правами взысканія съ подчиненныхъ, удержаться въ достоинствѣ начальника. Всякій начальникъ, норовящій сорвать съ подчиненнаго выпивку въ кабакѣ и заводящій при этомъ въ нетрезвомъ видѣ ссоры, рискуетъ получить потасовку. Такъ какъ случаи эти были нерѣдки, то я поставилъ себѣ правиломъ справляться, — былъ ли пострадавшій въ медали или нѣтъ? Въ послѣднемъ случаѣ я считалъ дѣло дракой между крестьянами и направлялъ его

въ волость. Жалоба сопровождалась обыкновенно вещественнымъ доказательствомъ, въ видѣ доставаемаго изъ полотенца клока бороды, котораго при этомъ дѣйствительно не доставало на одной сторонѣ подбородка.

Однажды сельскій староста, держа въ рукѣ клокъ вырванной у него бороды, на увѣщанія мои въ неумѣніи ихъ держать себя съ достоинствомъ, послѣ каждаго новаго пункта моихъ доводовъ, съ удареніемъ повторялъ: „чувствительная правда!“ Какъ-разъ въ самую патетическую минуту Александръ Никитичъ, снимавшій, вѣроятно, въ передней верхнее платье и слышавшій нашу бесѣду, проходя мимо двери камеры, воскликнулъ: „охота тебѣ съ нимъ, подлецомъ, разговаривать! Ты пришли его ко мнѣ, и я его отбузую“.—Такихъ разбирательствъ, къ сожалѣнію, было немало, и въ архивѣ съѣзда при многихъ дѣлахъ моихъ приложены бороды старостъ, въ видѣ вещественныхъ доказательствъ. Признаюсь, меня сильно покоробило отъ такой выходки А. Н., хотя она обращалась только къ намъ двумъ со старостой. Но въ непродолжительномъ затѣмъ времени я самъ былъ выведенъ изъ терпѣнія и дозволилъ себѣ въ камерѣ далеко не законную выходку.

Сосѣдній прикащикъ, отставной унтеръ-офицеръ, заявилъ мнѣ жалобу на воровство изъ экономическаго одонка, примѣрно, полкопны гречихи. При этомъ онъ поставилъ свидѣтелемъ сельскаго старосту. Изъ обстоятельствъ дѣла разъяснилось, что прикащикъ, замѣтивъ кражу гречишныхъ сноповъ и слѣдъ по зимней дорогѣ къ гумну сосѣдняго мужика, пригласилъ сельскаго старосту идти по этому слѣду. Добравшись по раструшеннымъ по снѣгу соломинкамъ до крестьянскаго овина, въ которомъ оставалась пара сноповъ, и замѣтивъ новый слѣдъ къ задворку, они черезъ заднія ворота вошли туда и нашли частью цѣлые, частью растрепанные гречишные снопы въ конской комягѣ. При этомъ прикащикъ досталъ изъ комяги снопъ и показалъ его сельскому старостѣ. Кромѣ того, гречишные снопы отличаются отъ другихъ тѣмъ, что, принимая отъ давленія самыя причудливыя многоугольныя формы, они, вынутые изъ хлѣбнаго столба, какъ разъ ложатся на старое мѣсто и не могутъ быть замѣ-

нены другимъ снопомъ. Прикащикъ показывалъ старостѣ, какъ одинъ изъ краденыхъ сноповъ какъ-разъ пришелся на свое старое мѣсто.

— Хотя, говорилъ прикащикъ, уворовано всего рубля на полтора, но я самъ, какъ отвѣтственное лицо, не могу оставить этого воровства безъ взысканія. Если воръ повинится, то прошу васъ не сажать его въ острогъ, а прикажите ему отходить на полтора рубля на работу.

Я самъ раздѣлялъ мнѣніе прикащика и потому употреблялъ всѣ усилія склонить мужика къ сознанію. Но напрасно доказывалъ я ему, что если онъ не сознается, то не минуетъ острога; онъ наладилъ обычную фразу: „меня хоть въ Сибирь, я знать не знаю“. Чтобы выставить въ глазахъ крестьянина еще яснѣе всѣ улики, я сталъ послѣдовательно распрашивать сельскаго старосту:

— Ты видѣлъ уроненныя по снѣгу гречишныя соломинки?

— Видѣлъ какія-то старыя затоптанныя.

— А показывалъ тебѣ прикащикъ гречишный снопъ изъ комяги и прикладывалъ ли онъ его на старое мѣсто въ одонокъ?

— Да, онъ, точно, что-то показывалъ и прикладывалъ.

„И вотъ до чего, подумалъ я, успѣла дойти полицейская охранительная власть сельскаго старосты. Вмѣсто того, чтобы предупреждать и открывать преступленія, онъ завѣдомо желаетъ ихъ безнаказанности. Не есть-ли это явное издѣвательство надъ правосудіемъ?“

Впослѣдствіи мнѣ пришлось привыкнуть къ подобнымъ вещамъ; но на первыхъ порахъ такая недобросовѣстность вывела меня изъ терпѣнія. Я вскочилъ съ своего мѣста и, подбѣжавъ къ старостѣ, крикнулъ: „ахъ ты, негодяй! я сейчасъ тебя отправлю къ посреднику, и тотъ, снявши съ себя медаль, покажетъ тебѣ правду на волости!“

— Виноватъ! видѣлъ и слѣды, и гречишные снопы, вотъ у него на дворѣ.

— Виноватъ! крикнулъ въ ту же минуту упавшій на колѣни крестьянинъ.

— Ну, не скоты ли вы оба! Но такъ и быть, на первыхъ порахъ вамъ прощаю.

Въ рѣшеніи воровство оказалось недоказаннымъ, а крестьянинъ—должнымъ экономіи полтора рубля.

По справедливости нельзя не сказать, что курьезы встрѣчались не въ одномъ только низшемъ сословіи, а, хотя сравнительно весьма рѣдко, и между интеллигенціей. Помню дѣло вдовы помѣщицы, искавшей съ сына дохода съ своей седьмой части. При полнѣйшемъ желаніи угодить вдовѣ, я въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ засѣданіяхъ достигнуть этого не могъ. Послѣднее происходило, какъ нарочно, при нѣсколькихъ сосѣднихъ землевладѣльцахъ.

— Я бы попросилъ васъ, сударыня, съ большею ясностью объяснить ваши требованія.

— Я ничего въ бумажныхъ дѣлахъ не понимаю, а прошу только, чтобы сынъ уплатилъ мнѣ седьмую часть дохода.

— Вы признаете вашъ долгъ? обратился я къ сыну.

— Я до такой степени признаю его, что не понимаю, зачѣмъ матушка вызвала насъ сюда.

— Нѣтъ, нѣтъ! Боже мой! я желаю все по закону.

— Вы совершенно, сударыня, правы. Мы можемъ радоваться, что въ засѣданіи случилось столько опытныхъ землевладѣльцевъ, и намъ легко будетъ опредѣлить вашу седьмую часть дохода способомъ, который вы признаете за болѣе для васъ желательный. Первый способъ будетъ состоять въ томъ, что, зная точное количество всей земли и приблизительную по опредѣленію свѣдующихъ людей подесятинную доходность, мы изъ суммы общаго дохода исключимъ вашу седьмую часть.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я такъ не желаю.

— Вы, сударыня, совершенно правы, такъ какъ я хочу предложить вамъ другой способъ, который самъ считаю болѣе точнымъ. Намъ по записямъ извѣстенъ въ этомъ году общій урожай всего вашего имѣнія. Не менѣе извѣстны и экономическіе расходы на уборку этого урожая. Поэтому мы можемъ предложить вамъ, съ согласія сына вашего, получить седьмую часть всего урожая, съ уплатою вами причитающихся расходовъ. Если же вамъ не угодно будетъ получить седьмой части урожая натурой, то свѣдущіе люди не затруднятся опредѣлить ея денежную стоимость.

— Ахъ, нѣтъ! Боже мой! Боже мой! я на это не согласна.

— Быть можетъ, сударыня, вы знаете какой-либо иной, намъ невѣдомый, способъ точнаго опредѣленія седьмой вашей части? Прошу васъ опредѣлить, чего вы желаете.

— Ахъ, Боже мой! не мучьте меня! я сама не знаю, чего я желаю.

— Прикажете записать ваши слова въ протоколъ?

Она подписала протоколъ и затѣмъ обжаловала мой отказъ, разбирать искъ неизвѣстно чего, съ увѣренностью, что она на всякое рѣшеніе заявитъ неудовольствіе.

Признаюсь, внутреннее чувство моё никогда не мирилось съ закономъ, по которому обиженный не можетъ искать по своей обидѣ при посредствѣ хотя бы полицейскаго лица, а непремѣнно долженъ явиться самъ на судебное разбирательство; хотя бы послѣднее почему-либо было для него неисполнимо.

Во время постройки Орловско-Елецкой дороги, проходящей въ какой-либо полуверстѣ отъ селенья Чижей и двора вольнаго ямщика Ѳедота (упоминаемаго въ разсказахъ Тургенева), — прикащикъ желѣзно-дорожнаго подрядчика усѣлся въ песчаной разсѣлинѣ крутаго ската и оттуда направлялъ въ гору по большой дорогѣ многочисленныя подводы съ пескомъ. Конечно, эти подводы взбирались на гору по самой торной тропинкѣ, которая тѣмъ не мѣнѣе не составляла какой-либо привиллегіи этихъ подводъ. Но не такъ смотрѣлъ на дорогу прикащикъ подрядчика. Подъ предлогомъ задержки извощиковъ спускающимися немногочисленными встрѣчными подводами, онъ подвергалъ, по усмотрѣнію своему, подобныхъ подводчиковъ штрафу отъ 50 коп. и до рубля за подводу. Такъ до свѣдѣнія моего дошло, что на прошлой недѣлѣ онъ оштрафовалъ спускавшагося съ горы на трехъ воловыхъ подводахъ чумака съ грушевымъ деревомъ, и когда тотъ не далъ денегъ, то прикащикъ снялъ съ него свитку. Конечно, несчастный чумакъ не могъ бросить своихъ медлительныхъ воловъ на большой дорогѣ и ѣхать съ жалобой къ мировому судьѣ, чтобы затѣмъ трое, четверо сутокъ дожидаться судебнаго разбирательства. Случай не позволилъ однако этому молодцу оставаться безнаказаннымъ. По прошествіи нѣкото-

раго времени, оборванецъ изъ отставныхъ чиновниковъ жаловался, что когда онъ по знакомству зашелъ въ песчаную карьеру къ Чижовскому прикащику, послѣдній снялъ съ него полушубокъ. На судебномъ разбирательствѣ обвиняемый прикащикъ объяснилъ, что въ сущности не стоило и брать полушубка съ такого человѣка. „Взялъ я, господинъ судья, этотъ самый полушубокъ въ руки и вижу, по немъ непріятности ползаютъ“.

— Вы, батюшка, сказалъ я прикащику, повадились самоуправно снимать съ проѣзжихъ хохловъ платье, а теперь принялись и за чиновниковъ, не зная, быть можетъ, что за такія дѣла вы можете попасть на три мѣсяца подъ арестъ. Но я не желаю вашимъ арестомъ мѣшать постройкѣ Орловской-Елецкой дороги и буду радъ, если обвинитель согласится на примиреніе на извѣстныхъ условіяхъ.

Конечно, замухрышка запросилъ 500 рублей, но, помнится, я помирилъ ихъ на 25-ти, и увѣренъ, что прикащикъ съ тѣхъ поръ ни съ кого не снималъ платья.

Хорошо городскимъ судьямъ, имѣющимъ подъ руками цѣлую полицію, успокоиваться на строгой законности своихъ распоряженій. Но спрашивается, что долженъ дѣлать сельскій судья, которому потерпѣвшій заявляетъ, что его, украденныя въ нынѣшнюю ночь, лошади уведены въ сосѣдній уѣздъ? Если это сдѣлать спѣшно и осторожно,—ихъ можно разыскать у такого-то крестьянина. Поручить обыскъ мѣстному старшинѣ или сельскому старостѣ, значитъ навѣрное помочь вору переправить лошадей въ дальнѣйшія мѣста. Приходится самого потерпѣвшаго превращать въ судебнаго слѣдователя, снабдивъ его предписаніемъ ближайшимъ отъ вора властямъ о допущеніи подателя къ осмотру всей деревни.

Становя судью на высоту полнаго безпристрастія, законъ запрещаетъ ему при допросахъ обвиняемаго всякаго рода ухищренія; но вѣдь это хорошо только тамъ, гдѣ слѣдователь давно поймалъ обвиняемаго въ напутанныя имъ же самимъ петли, какъ это выставлено въ романѣ Достоевскаго „Преступленіе и Наказаніе“. Но какъ не извинить судью, на глазахъ котораго явный преступникъ успѣлъ сгородить цѣлую

непроницаемую защиту, если этотъ судья однимъ ловкимъ толчкомъ разсыплетъ весь щитъ, оставивъ проступокъ совершенно обнаженнымъ.

Управляющій г. М — ва пояснилъ, что съ пятницы на субботу 19-го числа въ экономическую ихъ избу попросился вдвоемъ переночевать жившій у нихъ за годъ тому назадъ крестьянинъ Орловскаго уѣзда, и что оба ночевавшіе на зорькѣ поднялись и ушли; а вслѣдъ затѣмъ хватились, что двухъ лошадей изъ господскаго табуна нѣтъ. Сосѣдняя крестьянка показала, что когда рано утромъ въ субботу она проходила по сосѣднему лугу, то мимо ея проскакали два верховыхъ мужика: одинъ на рыжей, а другой на гнѣдой лошадяхъ. и что хотя они, проѣзжая мимо нея, закрывали лица руками, она всетаки признала на рыжей лошади Ивана, жившаго годъ тому назадъ у М—ва. Снабдивши обвинителя правомъ розыска въ Орловскій уѣздъ, я поручилъ ему сообщить мнѣ немедля о его послѣдствіяхъ. На другой день управляющій сообщилъ, что онъ въ Орловскомъ уѣздѣ у стороняго крестьянина отобралъ свою рыжую лошадь, но гнѣдую разыскать не могъ. Конечно, я въ ту же минуту распорядился о приводѣ обвиняемаго и предварительномъ его заключеніи въ ближайшей ко мнѣ волости. Тѣмъ не менѣе ко дню разбирательства явилась цѣлая толпа односельчанъ конокрада, который, какъ оказалось въ справкахъ о судимости, уже судился по тому же преступленію въ своемъ уѣздѣ. Когда начался допросъ свидѣтелей поодиночкѣ, на мое счастье попался грамотный и на свою ученость разсчитывавшій крестьянинъ.

— Какъ же можно, ваше высокоблагородіе, ему было 20 го красть лошадей, когда въ этотъ самый день все наше село гуляло въ воскресенье, и я жь таки самъ, услыхавши, что онъ чиститъ колодезь сосѣду, нагнулся и попенялъ ему въ колодезь: „что жь это ты, Иванъ, говорю, въ праздникъ пачкаешься“?— А онъ мнѣ оттуда кричитъ: „и въ праздникъ не грѣхъ добрымъ людямъ водицу добывать“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію этого свидѣтеля и къ радости обвиняемаго, alibi 20-го числа было доказано. Принявши видъ убѣжденнаго человѣка, я не мѣшалъ обвиняемому подсказы-

вать это alibi слѣдующимъ свидѣтелямъ во всѣхъ подробностяхъ; и только, по подписаніи протокола показаній первымъ грамотнымъ свидѣтелемъ за всѣхъ остальныхъ товарищей, — нежданно оказалось, что чистка колодца въ воскресенье нимало не противорѣчитъ кражѣ, совершенной въ субботу. На приговоръ въ тюрьму на годъ воръ энергически объявилъ, что будетъ жаловаться съѣзду; но по истеченіи трехъ дней не просилъ копіи и безъ возраженія отправился въ тюрьму.

Выше я позволилъ себѣ сравнить мою судебную дѣятельность съ лѣстницею, по ступенямъ которой я постепенно спускался изъ идеальнаго міра въ реальный. Въ настоящую минуту не берусь съ точностью указать ступень, на которой руководившее мною непосредственное чувство достигло полной опредѣленности. Для меня важно только то, что оно въ безсознательномъ и сознательномъ видѣ было тѣмъ же самымъ. Съ первыхъ шаговъ я чувствовалъ громадную разницу между желательнымъ и дѣйствительнымъ, и если другія области могутъ задаваться требованіями желаемаго, то судья долженъ оставаться на почвѣ возможнаго, если не хочетъ быть измѣнникомъ своего дѣла. Онъ взялъ на себя обязанность передъ обществомъ ограждать послѣднее отъ насилій и, убѣдившись въ совершеніи проступка извѣстнымъ лицемъ, долженъ руководиться въ своемъ сужденіи не степенью нравственной виновности преступника, что воспрещается и закономъ божественнымъ, а степенью опасности самого преступника для общества. Одинъ, утопая, безсознательно схватилъ за горло и задушилъ своего спасителя, а другой задушилъ человѣка въ пьяномъ видѣ. Судья обязанъ понять, что для повторенія перваго преступленія необходимо самое невѣроятное стеченіе обстоятельствъ; тогда какъ второй преступникъ, снова напившись пьянымъ, можетъ сдѣлать то же самое. Отпустить на всѣ четыре стороны психопата, значитъ желать повторенія его проступка. Судья, если только это въ его власти, долженъ поставить такое наказаніе, которое отпугнуло бы не только самого виновнаго отъ повторенія проступка, но и большинство способныхъ его совершить.

Крестьянка принесла жалобу на истязаніе зятемъ ея своей жены, а ея дочери.

— Судья праведный! воскликнулъ на разбирательствѣ упавшій на колѣни обвиняемый, указывая на молодую и тщедушную жену свою:—бью я ее точно; да помилосердуйте! Какъ же мнѣ ее не бить, коли она больная! Поглядите на ея пальцы: они всѣ въ ранахъ, и работать она ничего не можетъ. А мы отдѣлились и живемъ вдвоемъ. Приду намаявшись съ своей мужицкой работы, а въ домѣ ничего не сдѣлано. Принимаюсь топить печку, воду носить, стряпать, скотину кормить, корову доить; а она сидитъ, больная, голоситъ. Возьметъ меня за сердце, я и поколочу ее.

Не трудно было понять, что это одинъ изъ тысячей примѣровъ безпомощной свободы, и что тутъ никакое наказаніе не поможетъ злу, а, напротивъ, только увеличитъ его. Я попробовалъ посовѣтовать матери взять къ себѣ больную дочь до ея выздоровленія, а мужу—отпустить къ матери больную жену. Къ счастію, примиреніе состоялось на этомъ основаніи.

Вернувшійся въ безсрочный отпускъ солдатъ, отдѣленный отъ старшаго брата еще до поступленія на службу, заявилъ, что во время раздѣла у брата оставались послѣ отца пустыя колодки, которыя въ настоящее время стоятъ у него на пасѣкѣ съ пчелами, и потому солдатъ проситъ о присужденіи ему десяти колодокъ пчелъ, на сумму пятидесяти рублей. Я объяснилъ ему, что, вѣроятно, колодки, о которыхъ онъ говоритъ, имѣлись въ виду въ числѣ вещей, подлежащихъ раздѣлу, и потому никакая претензія на нихъ въ настоящее время невозможна. Явно было, что справедливость претензіи менѣе всего занимала безсрочно отпускнаго; но что, по мнѣнію его, стоило хорошенько попросить судью, и тотъ поможетъ ему сорвать съ брата желаемое; но какъ подступить къ дѣлу, онъ недоумѣвалъ, и потому, переминаясь съ ноги на ногу, выразительно спросилъ: „какъ же теперь это оборотить?“

— Ты гдѣ выучился такимъ мудренымъ словамъ? Что значитъ *оборотить?* Просьбы твоей принять не могу, а оборотить тебя лицемъ къ дверямъ, если желаешь, могу.

Такъ дѣло и кончилось.

Изъ воспоминанія моего совершенно было исчезла сценка, когда-то насмѣшившая моего письмоводителя. Но просматривая письма Тургенева, я нашелъ въ одномъ изъ нихъ напоминаніе объ этой сценѣ, надъ которой онъ въ свою очередь когда-то смѣялся.

Передо мною лохматый, черномазый и неповоротливый отвѣтчикъ мужикъ и небольшаго роста рыжеватый и юркій сосѣдній прикащикъ, въ поношенномъ коричневомъ сюртукѣ. Лицо его, слегка испещренное веснушками, обладаетъ довольно своеобразнымъ носомъ, точно срѣзаннымъ вдоль и представляющимъ затѣмъ плоскую дорожку ото лба и до широкихъ ноздрей. Дорожка эта, приближаясь къ концу, образуетъ какъ бы ухабъ или впадину, постоянно покрытую мелкой росою.

— Помилуйте г. судья, говоритъ прикащикъ: я вотъ ихъ самихъ не обвиняю; но отъ ихъ ребятъ на огородѣ у насъ житья нѣтъ. Какой ходъ имъ на нашъ огородъ, а какъ ни посмотришь, — они тутъ какъ тутъ. Извѣстно, на огородѣ колодезь съ журавлемъ. Такъ какъ вамъ доложить! Даже ужасъ беретъ: одинъ засядетъ въ ведро, а другой съ другаго конца на пень, и держась за веревку, сидя на пнѣ верхомъ, носятся по воздуху, точно нехристь какая! Ну помилуйте, порвись или поломайся журавль, того гляди—полетятъ въ колодезь или убьются до смерти. Кто же долженъ идти къ уголовному отвѣту? Вѣдь если бы (сильно разводя руками) они попросили моркови, луку, огурцовъ или рѣдьки, я бы сказалъ: „кушайте, кушайте милыя дѣти!“ А то глянулъ вчера подъ лопухи съ краю огорода, а тамъ навалено невидимо этого добра и уже завяло. Развѣ такъ возможно, г. судья? А вотъ они самые ихъ отецъ и есть.

Растерявшійся отвѣтчикъ:

— Да развѣ я ихъ этому училъ, али радъ тому?

— А вы бы (баритономъ и подымая правую руку) Божіей милостью и родительской властью (фальцетомъ и быстро крутя рукой) за вихоръ, за вихоръ, за вихоръ.

Я оштрафовалъ мужика на рубль серебромъ въ пользу прикащика.

Когда то на Мценскомъ Земскомъ Собраніи было объяснено, что въ имѣніи нѣкогда весьма денежнаго владѣльца Н—а великолѣпный деревянный мостъ въ селѣ Золотаревѣ по разверстаніи угодій отошелъ въ крестьянскій надѣлъ. Но такъ какъ крестьянское общество не въ состояніи поддерживать такого дорогаго моста, то земство положило единовременно выдать крестьянамъ 1,000 рублей. Въ непродолжительномъ времени, по принятію мною должности, мѣстный становой принесъ мнѣ жалобу на проѣзжаго прикащика, по неисполненію имъ требованій полиціи. Оказалось, что въ самую Страстную субботу, когда, по случаю полой воды, подъ главнымъ деревяннымъ пролетомъ моста, уже значительно ослабѣвшаго, были сняты деревянныя подпорки, которыя не могли бы удержаться при ледоходѣ,— изъ Орла въ Золотаревку прибылъ управляющій сосѣдняго уѣзда съ молотильною машиною и паровикомъ, чтобы переѣхать на противоположную сторону рѣки. По просьбѣ крестьянъ и во избѣжаніе катастрофы, становой приказалъ сотскому объявить прикащику, чтобы онъ переждалъ два дня, послѣ которыхъ подпорки будутъ поставлены. Но въ самую темень, когда народъ пошелъ къ Свѣтлой заутренѣ, прикащикъ выставилъ водки охотникамъ, а тѣ перекатили на рукахъ машину и паровикъ, причинивъ поврежденіе мосту, которое оцѣнено было экспертами въ 50 рублей.

Вызванный на разбирательство обвиняемый прикащикъ не явился, и мнѣ, по мнѣнію моему, нечего было ломать голову надъ проступкомъ, казавшимся мнѣ совершенно яснымъ, а потому я постановилъ заочнымъ рѣшеніемъ взыскать съ виновнаго десять рублей штрафу за неисполненіе законныхъ требованій полиціи и 50 руб. убытку въ пользу Золотаревскихъ крестьянъ. Рѣшеніе это было обжаловано; и каково же было мое разочарованіе, когда съѣздъ отмѣнилъ его, мотивируя свое постановленіе тѣмъ, что мостъ долженъ выносить всякую тяжесть. Я долженъ былъ воочію придти къ убѣжденію, что коллегіальное рѣшеніе не всегда справедливѣе единоличнаго.

Тщедушный дьячекъ представилъ на судъ сохранную расписку, выданную покойному отцу его управляющимъ въ

настоящее время богатымъ имѣніемъ и написанную сначала и до конца рукою этого управляющаго, въ полученіи имъ пяти полуимперіаловъ съ покойнаго. Жирный отвѣтчикъ явился съ золотымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ.

— Что вы имѣете сказать по отношенію къ этому долгу?

— Я признаю, господинъ судья, что расписка писана моею рукою, но за нею нельзя признать качества безсрочной сохранной; такъ какъ въ ней не указанъ годъ чекана монеты, а потому самому она должна считаться простою распиской, которая, за истеченіемъ 10-ти лѣтней давности, потеряла всякое значеніе.

— Но вѣдь вы по ней не уплатили,—иначе она была бы у васъ въ рукахъ.

— Уплативши по ней передъ самымъ истеченіемъ 10-ти лѣтняго срока, я не счелъ нужнымъ уничтожать ее.

Формально прикащикъ былъ совершенно правъ, и хотя золотые стояли, помнится, по шести рублей, несчастный дьячекъ, долженъ былъ лишиться и тѣхъ 25-ти рублей, о которыхъ просилъ. Я пустился на отчаянное средство. Признавая недѣйствительность сохранной расписки, я счелъ ее поступающею въ простое обязательство съ минуты моего непризнанія и потому постановилъ взыскать 25 руб. Отвѣтчикъ заявилъ, что подастъ на кассацію. Прочтя свой приговоръ въ окончательной формѣ, я, снявши цѣпь, заявилъ о перерывѣ засѣданія. „Черезъ три дня, сказалъ я прикащику, вы получите копію, и очень можетъ быть, что мировой съѣздъ отмѣнитъ мое рѣшеніе (я въ этомъ былъ увѣренъ), но тѣмъ не менѣе я не желалъ бы быть на мировомъ съѣздѣ на вашемъ мѣстѣ. Если я пришелъ къ полному убѣжденію, что пять золотыхъ не были возвращены этому бѣдному вами, человѣкомъ сравнительно богатымъ,—то нѣтъ сомнѣнія, что всѣ присутствующіе на разбирательствѣ съѣзда придутъ къ такому же заключенію. И чѣмъ же вы, такъ твердо знающій форму сохранной расписки, убѣдите слушателей, что годы чекана пропущены вами по недоразумѣнію?“

На третій день въ камеру вошелъ прикащикъ въ сопровожденіи дьячка.

— Ваша копія готова, сказалъ я.

— Нѣтъ, благодарю васъ, г. судья; я ужь рѣшился кончить дѣло миромъ и заплатить вторыя деньги.

Записавъ его заявленіе въ протоколъ, я далъ ему подписать его.

— Ваше высокоблагородіе! воскликнулъ дьячекъ,—прикажите ему сейчасъ отдать 25 рублей!

— Да вѣдь сказалъ — отдамъ, — ну и отдамъ!

— Не безпокойся, обратился я къ дьячку,—я прикажу сейчасъ же взыскать съ него эти деньги.

— Нѣтъ, ваше выс—діе! явите божескую милость! прикажите сейчасъ же отдать!

— Ахъ, какой скучный человѣкъ! воскликнулъ прикащикъ, доставая изъ бумажника 25 р. и кладя ихъ передо мною на столъ.

Я заставилъ дьячка расписаться въ полученіи и, принявъ ассигнацію, онъ повалился мнѣ въ ноги.

У ночевавшихъ около постоялаго двора подводъ утромъ оказались украденными всѣ желѣзныя шворни, и обвинялся крестьянинъ, извѣстный во всей деревнѣ тѣмъ, что былъ нечистъ на руку. Хотя я въ свою очередь считалъ его повыдергавшимъ шворни, но за полнымъ отсутствіемъ уликъ находилъ невозможнымъ посадить его въ острогъ. При подробномъ распросѣ свидѣтелей-односельчанъ, я случайно узналъ, что обвиняемый нѣсколько дней тому назадъ нанялъ у сосѣдняго крестьянина амбаръ и засыпалъ въ немъ закромъ своимъ овсомъ. Въ виду такого извѣстія, я отсрочилъ на два дня засѣданіе и предписалъ волостному старшинѣ перемѣрить самымъ тщательнымъ образомъ весь овесъ въ наемномъ закромѣ крестьянина. На другой день старшина донесъ, что на днѣ закрома отысканы всѣ шесть шворней, которые и представлены на судъ въ видѣ вещественныхъ доказательствъ. Обвиняемый въ кражѣ сознался.

Рабочій ближайшаго сосѣда, помѣщика Аѳанасьева, явился съ жалобой на то, что ихъ кормятъ щами изъ червивой капусты. На этотъ счетъ у меня, по опыту, сложились извѣстныя убѣжденія, которыя считаю нелишнимъ здѣсь пере-

дать. Не во гнѣвъ будь сказано медицинскому надзору, ежедневно истребляющему порченое мясо. Въ деревняхъ, не только тамъ, гдѣ нѣтъ ледника, но и на ледникахъ въ іюнѣ не найдется ни одного куска не червивой солонины. Но во всю мою жизнь я не слыхалъ, чтобы отъ такой солонины люди заболѣвали, какъ не слыхалъ о болѣзни отъ лимбургскаго сыра. Правда, порченое мясо противно; но я лично предпочитаю испорченныхъ рябчиковъ (faisandées), — свѣжимъ. Зная, что батраки къ рабочей порѣ измышляютъ всевозможныя средства нарушить условія найма, я никогда не слыхивалъ о червивой капустѣ. Все это вмѣстѣ заставило меня проѣхать въ усадьбу Аѳанасьева къ полдню, чтобы лично удостовѣриться въ основательности жалобы. Въѣхавъ во дворъ, я дѣйствительно засталъ всѣхъ рабочихъ за большою мискою щей, сидѣвшихъ кружкомъ на землѣ подъ широкою тѣнью развѣсистой ракиты. Не успѣлъ я объясниться съ хозяйкою дома, какъ уже одинъ изъ рабочихъ подбѣжалъ ко мнѣ, прося подойти къ мискѣ, изъ которой вынулъ ложкою огромнаго зеленаго червяка.

— Такъ вотъ эти черви у васъ во щахъ? спросилъ я рабочихъ.

— Эти самые, отвѣчали нѣкоторые голоса.

— Подсади-ка вотъ этого малаго на ракиту, сказалъ я одному изъ рабочихъ, указывая на другаго; и когда послѣдній стоялъ босыми ногами на одномъ изъ большихъ сучьевъ, я крикнулъ ему: „тряхни сукъ-то хорошенько!“ Вслѣдъ затѣмъ огромный лиственный вѣеръ зашумѣлъ и на землю упало нѣсколько червяковъ, между прочимъ и въ чашку со щами, совершенно такихъ же, какъ вынутый ложкою зеленый съ желтою по спинѣ полоскою.

— Если вы хотите, чтобы у васъ во щахъ не было ракитныхъ червей, то не обѣдайте въ тѣни подъ ракитой. Какъ же вамъ не стыдно? живете вы на свѣтѣ и ракитныхъ червяковъ не знаете, да еще таскаетесь съ пустыми жалобами.

Съ этими словами я уѣхалъ домой.

Прикащикъ купеческой фермы принесъ слѣдующую жалобу. За три дня тому назадъ, съ субботы на воскресенье въ ночь, всѣ новыя колеса на пяти фурахъ, стоявшихъ около сарая, были украдены, а на мѣсто ихъ надѣты старыя, находившіяся въ сараѣ. Въ этой кражѣ онъ подозрѣваетъ всѣхъ своихъ рабочихъ, утверждая, что они совершили ее по наущенію хозяина крайняго къ фермѣ крестьянскаго двора. Обвиненіе крестьянина онъ основываетъ на томъ, что свидѣтель видѣлъ, какъ онъ далъ пятіалтынный одному изъ рабочихъ, когда послѣдній пахалъ огородъ, и кромѣ того, у этого же хозяина въ творилѣ стараго овина найдена пара пропавшихъ колесъ. Въ данномъ случаѣ увеличивающимъ вину обстоятельствомъ являлась кража у своего хозяина; но главнымъ руководителемъ ея очевидно былъ хозяинъ крестьянскаго двора. На разбирательствѣ я убѣждалъ обвиняемыхъ чистосердечно раскаяться въ своемъ проступкѣ, обѣщая въ такомъ случаѣ смягчить наказаніе до крайнихъ законныхъ предѣловъ. Работники тоскливымъ голосомъ повторяли свое: „знать не знаю и вѣдать не вѣдаю;“ а главный и къ тому же зажиточный воръ-хозяинъ отпирался самымъ нахальнымъ образомъ. Такъ какъ понадобилось допросить свидѣтеля, видѣвшаго передачу пятіалтыннаго, я отложилъ дѣло до слѣдующаго дня.

На другой день представленный изъ подъ ареста старшиною главный обвиняемый громко воскликнулъ: „вотъ вы, ваше высокородіе, обзывали меня вчера воромъ, а воръ-то настоящій и нашелся: вотъ онъ!“ прибавилъ онъ, указывая на небольшаго роста оборваннаго мужиченка.

Волостной старшина тихо подошелъ и шепнулъ мнѣ на ухо: „вчера вечеромъ посаженный за бродяжничество мною въ арестантскую“.

Что это подкупленное главнымъ воромъ лицо, готовое за деньги отсидѣть въ тюрьмѣ, было для меня ясно. Но нужно было до послѣдней ясности обличить это двойное вранье. При вчерашнемъ разбирательствѣ обнаружились слѣдующія подробности о сокрытіи колесъ въ старомъ овинѣ обвиняемаго. Земляной спускъ къ ямѣ овина загороженъ былъ, какъ показывали, дровами; но очевидно, никто кромѣ меня не обра-

тилъ вниманія на то, откуда взялись эти дрова и въ какомъ порядкѣ они загораживали спускной дворъ. Между тѣмъ желая скрыть слѣды, воръ, скативши колеса въ овинъ и не находя ничего подъ руками, замѣтилъ колья, наставленные вдоль стѣнокъ входа, чтобы предохранить послѣдній отъ обваловъ земли. Колья эти показались отступающему назадъ вору самымъ подходящимъ матеріаломъ, и онъ сталъ ломать ихъ послѣдовательно вдоль лѣвой стѣны правой рукою, а вдоль правой—лѣвою, пригибая верхніе концы къ противоположной стѣнѣ и образуя такимъ образомъ крестообразную рогатку.

— Какъ же ты это такъ, обратился я къ самозванному вору, — рѣшился на чужой сторонѣ въ одиночку снимать столько колесъ?

— Виноватъ, г. судья! отвѣчалъ проходимецъ: ночь была свѣтлая, а я проходилъ мимо; колеса чудесныя, вотъ мнѣ и захотѣлось попользоваться.

— Да какъ-же ты не побоялся застучать? Вѣдь колесо-то снимешь, ось-то грохнетъ объ-земь!

— А тутъ я слежку нашелъ и дугу. Приподыму сначала ось, сниму колесо, да конецъ-то оси тихонько на травку и спущу; а тамъ другое, третье и четвертое также. Такъ-то сначала всѣ фуры на земь положилъ, а тамъ ужь и принялся катать колеса. Ночь-то большая!

— А фуры-то такъ на землѣ и оставилъ?

— А что-жь мнѣ? мнѣ на нихъ не ѣздить.

Вранье выходило очевидное. Воръ разсказывалъ о томъ, какъ онъ въ одиночку снялъ и укатилъ двадцать колесъ, хотя-бы и за полверсты, чего онъ за всю ночь въ одиночку исполнить не могъ. Онъ явно не видалъ самыхъ фуръ, на которыхъ украденныя колеса были замѣнены старыми.

— Ну, а какъ-же ты вышелъ изъ овина?

— Я устье завалилъ дровами.

— Да гдѣ-же ты ихъ взялъ?

— Да они тутъ-же наружи лежали около устья.

— Какъ-же ты ихъ клалъ?

— Да клалъ поперекъ входа; сначала одно полѣно, а на него другое, и такъ до самаго верха.

Записавши всѣ эти показанія, я попытался снова склонить обвиняемыхъ къ сознанію своей вины и, выбравъ лицо рабочаго помоложе и подобродушнѣе, сталъ доказывать ему, что при запирательствѣ онъ на долгое время попадетъ въ острогъ, разбалуется тамъ и сдѣлается навсегда пропащимъ человѣкомъ, тогда какъ при чистосердечномъ раскаяніи можно надѣяться, что кратковременное наказаніе будетъ ему урокомъ.

— Знать не знаю и вѣдать не вѣдаю!

— Ну, стало быть ты желаешь сѣсть на годъ въ острогъ. Это добрая воля твоя! Стало-быть, прикажешь писать. Софронъ Ивановъ—желаю на годъ въ острогъ. Да бишь: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Ну писать что-ли? говорю я, обмакивая перо.

— Ваше высокородіе, виноватъ! пишите: виноватъ.

Эта продѣлка съ малыми измѣненіями повторилась со всѣми рабочими, за исключеніемъ главнаго виновника воровства. Никакія убѣжденія на него не подѣйствовали, и не взирая ни на что, онъ продолжалъ свое: „знать не знаю и вѣдать не вѣдаю“.

Въ рѣшеніи я постановилъ подставнаго вора отъ суда по этому дѣлу освободить, рабочихъ выдержать по полтора мѣсяца въ острогѣ, а главнаго виновника—къ заключенію въ тюрьму на годъ.

— Много довольны! воскликнули работники, очевидно ждавшіе болѣе строгаго наказанія.

— Я этимъ судомъ недоволенъ! воскликнулъ главный обвиняемый.—Пожалуйте копію!

— Хорошо сказалъ я старшинѣ: пришли черезъ три дня за копіей.

Когда всѣ присутствующіе гурьбою повалили въ дверь, главный обвиняемый уже за дверью, повернувшись лицомъ и поднявши руку, крикнулъ: „ваше выс—діе, что тамъ толковать! пишите: много доволенъ!“

— Ну не шутъ ли ты? крикнулъ я ему въ свою очередь.— Отсидѣлъ бы ты три мѣсяца, а теперь много доволенъ сидѣть годъ.

Громадная каменная труба на Золотаревскомъ оврагѣ едва ли не самое значительное сооруженіе на Орловско-Елецкой желѣзной дорогѣ. Однажды, къ порѣ сельской уборки, подрядчикъ работы на этой трубѣ, принадлежавшій очевидно къ интеллигенціи, уже судя по одному, довольно хорошо пригнанному, рыжеватому паричку, просилъ моей помощи противъ взбунтовавшихся болѣе чѣмъ шестисотъ человѣкъ рабочихъ. Всякаго рода разбирательства между нанимателями и рабочими подлежатъ вѣдѣнію мироваго судьи. Поэтому, хотя я и чувствовалъ всю трудность предстоящей задачи, но ни по закону, ни по совѣсти не могъ отказаться отъ разбирательства дѣла.

Рано утромъ на другой день я вмѣстѣ съ письмоводителемъ и портфелемъ явился въ тарантасѣ передъ дверями огромнаго и прекрасно выстроеннаго досчатаго барака. Заявивъ собравшимся рабочимъ, что никто не можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, и что на судъ нельзя идти толпою, я предложилъ имъ избрать изъ себя повѣренныхъ для предъявленія общихъ претензій. Когда въ присутствіи письмоводителя рабочіе, раздѣлившись на три шумныя группы, въ концѣ концовъ дали руки тремъ своимъ повѣреннымъ, я велѣлъ спросить,—нѣтъ ли еще какихъ рабочихъ, желающихъ имѣть особаго повѣреннаго? Послѣ отвѣта, что новыхъ повѣренныхъ никто избирать не желаетъ, имена трехъ избранныхъ записаны, и они введены ко мнѣ въ баракъ, гдѣ я, надѣвъ цѣпь, уже открылъ засѣданіе. Новыя требованія рабочихъ, вопреки имѣющихся у нихъ на рукахъ рабочихъ книжекъ, были чрезвычайно обременительны для подрядчика. Но послѣ долгаго колебанія дѣла, одинъ изъ повѣренныхъ, поставивъ свой ультиматумъ, просилъ меня объ утвержденіи онаго, прибавивъ, что въ такомъ случаѣ наша де артель сейчасъ же возьметъ лопатки и пойдетъ на работу. Употребивши всѣ усилія, мнѣ удалось склонить и подрядчика на такое соглашеніе. Не успѣлъ я скрѣпить мировой первой артели, какъ представители двухъ остальныхъ изъявили согласіе на мировую на тѣхъ же основаніяхъ. Конечно, я понималъ, что съ моей стороны тутъ никакой заслуги не было, а была только удача; но удача была такъ полна и неожи-

данна, что публичное объявленіе мировой было для меня одной изъ пріятнѣйшихъ минутъ моей жизни. Проходя къ тарантасу по разостланнымъ для меня отъ самаго барака рогожкамъ, я считалъ себя чѣмъ-то вродѣ римскаго тріумфатора. Кучки рабочихъ дружелюбно провожали меня поклонами; но вотъ почти къ концу шествія натыкаюсь на кучку, человѣкъ въ пятнадцать.

— Ваше выс—діе!

— Что вамъ надо?

— Мы на эту мировую несогласны и на работу не пойдемъ.

— Да вѣдь ваши же выборные согласились!

— А что намъ выборные! пускай выборные идутъ работать, а мы не пойдемъ.

Чувствуя, что малѣйшая уступка опрокинетъ все дѣло, стоившее мнѣ столько труда, я обратился къ тремъ старшинамъ ближайшихъ волостей, собравшимся, вѣроятно, по любопытству на такое многолюдное судбище. „Старшины, сказалъ я, разберите этихъ людей по пяти человѣкъ и арестуйте ихъ при вашихъ волостяхъ“. Съ этими словами я сѣлъ въ тарантасъ и покатилъ домой. Но въ душѣ моей уже все было возмущено. Станція Зміевка вновь открытой Курской дороги была въ 12-ти верстовомъ разстояніи отъ Степановки; и вотъ, перемѣнивъ лошадей и пораньше пообѣдавъ, я поспѣшилъ на поѣздъ, и въ 8 час. вечера въ чудесный іюньскій день вошелъ уже къ орловскому прокурору, котораго засталъ за семейнымъ чайнымъ столомъ. Когда я вкратцѣ изложилъ ему свое дѣло, онъ съ воодушевленіемъ воскликнулъ: „вы поступили прекрасно, энергично и разумно! и прибавилъ какъ бы про себя: „но незаконно“.

— Покорно васъ благодарю за послѣднее замѣчаніе. Призванный для того, чтобы не только самому стараться о возстановленіи правды и законныхъ правъ каждаго, заставляя уважать власть закона его нарушителей, я, какъ оказывается, самъ первый подаю примѣръ нарушенія закона. Извините, что я васъ обезпокоилъ. Бѣгу къ губернатору.

Орловскимъ губернаторомъ на этотъ разъ былъ мой давнишній знакомый и пріятель Лонгиновъ.

— Дома губернаторъ? спрашиваю я жандарма.

— Михаилъ Николаевичъ прошли къ знакомому, сказалъ слуга. Пожалуйте въ кабинетъ, а я сейчасъ дамъ ему знать о вашемъ пріѣздѣ.

— Какъ я радъ! воскликнулъ входящій Лонгиновъ. Садитесь, будемъ чай пить.

Я объяснилъ ему дѣло.

— Прекрасно! воскликнулъ онъ.—Общественное сооруженіе и явное сопротивленіе властямъ. Я обязанъ дать вамъ въ помощь военную команду; на это прямой законъ, я вамъ сейчасъ его покажу, продолжалъ онъ, направляясь къ книжной полкѣ и снимая толстый томъ.

Порывшись нѣкоторое время, онъ сказалъ уже минорнымъ тономъ: „а вѣдь я долженъ вамъ сказать предосадную вещь: команда высылается только въ случаѣ сопротивленія при сборѣ казенныхъ податей. А въ данномъ случаѣ я оказываюсь безсильнымъ".

— Стало-быть, это дѣло конченное. Но позвольте поговорить съ вами не какъ съ губернаторомъ, а какъ съ Михаиломъ Николаевичемъ. Законъ признаетъ извѣстныя дѣйствія правонарушеніемъ и самоуправствомъ; онъ указываетъ потерпѣвшему на лицо, къ которому ему слѣдуетъ обратиться для защиты своего права, и въ то же время лишаетъ возстановителя правъ всякихъ средствъ къ исполненію приговора, основаннаго даже на мировой сдѣлкѣ, признаваемой тѣмъ-же закономъ за послѣднее слово. Неужели вы не видите тутъ вопіющаго противорѣчія?

— Конечно, былъ отвѣтъ,—я не могу не видѣть тутъ противорѣчія, и вчужѣ понимаю, какъ вамъ обидно за вашу должность, которую вы такъ серьезно принимаете къ сердцу.

— Вѣдь я, уѣзжая къ вамъ, приказалъ старшинамъ утромъ привести всѣхъ этихъ молодцовъ; и оказывается, что я ихъ долженъ отпустить. Какой-же выйдетъ результатъ, какъ вы полагаете, Михаилъ Николаевичъ?

— Результатъ не трудно предвидѣть, сказалъ Лонгиновъ: въ тотъ-же день всѣ 600 человѣкъ уйдутъ, и это можетъ повториться по всей желѣзной дорогѣ.

— Ну, а если я на слѣдующій разъ въ подобномъ случаѣ откажу обвинителю въ принятіи жалобы?

— Съѣздъ можетъ подвергнуть васъ за такой отказъ дисциплинарному взысканію, а потерпѣвшій — искать съ васъ убытки, которые могутъ быть громадны.

Съ тяжелымъ сердцемъ отправился я ночевать въ гостинницу. На другое утро двѣ партіи изъ приведенныхъ объявили, что идутъ сейчасъ на работу; но послѣдніе пять человѣкъ не поддались никакимъ увѣщаніямъ. Я отпустилъ ихъ и на другой день всѣ рабочіе съ Золотаревской трубы разбѣжались.

Самая фамилія старухи генеральши Горчанъ доказываетъ, что мужъ ея, сумѣвшій на доходномъ губернскомъ мѣстѣ нажить большое состояніе, былъ родомъ малороссъ. Волей неволей мнѣ пришлось познакомиться въ разныя времена какъ съ самою старухою за 70 лѣтъ, которую всѣ величали: ваше превосходительство, — такъ и съ двумя сыновьями, старшимъ, отставнымъ штабсъ-капитаномъ въ дорогомъ мелко завитомъ черномъ парикѣ, — и младшимъ, рыжеватымъ, не служившимъ нигдѣ коллежскимъ регистраторомъ. Извѣстно было, что старшій избѣгалъ общества, а меньшой, приходя къ столу при гостяхъ, постоянно молчалъ и хорошо дѣлалъ, такъ какъ по слабоумію мололъ всякій вздоръ.

Большой деревянный домъ примыкалъ террасою къ старинному фруктовому саду съ деревянной бесѣдкой посрединѣ и аллеями, ведущими къ церкви, куда старушка, по слабости ногъ, каждое воскресенье пріѣзжала въ каретѣ на парѣ гнѣдыхъ, не уступавшихъ хозяйкѣ въ старости и дряхлости. Держалась этихъ лошадей старуха изъ боязни, чтобы молодыя ее не растрепали. Признаюсь, я, хотя весьма рѣдко, но не безъ удовольствія, бывалъ у генеральши, которой весь домашній обиходъ напоминалъ мнѣ старосвѣтскую деревенскую жизнь. По случаю привольнаго житья, вся прежняя крѣпостная прислуга осталась въ домѣ, начиная съ весьма сноснаго повара. Къ залѣ примыкала длинная и широкая стеклянная галлерея съ громадными лимонными деревьями въ два ряда и песчаною дорожкою посрединѣ. Въ той-же залѣ стояла большая музыкальная машина. Въ гостиной на подзеркаль-

никахъ и тумбочкахъ стояли дорогіе бронзовые канделябры временъ Имперіи. Сравнительное нововведеніе въ видѣ четырехтысячнаго органа не отмѣняло старосвѣтскаго и притомъ довольно сноснаго крѣпостнаго оркестра; а такъ какъ такое множество прислуги, проходя во всякую погоду по комнатамъ, могло-бы, по отсутствію калошъ, измазать паркетъ, то обширная передняя была, какъ стойло, застлана соломой, о которую всякъ входящій могъ по желанію вытирать ноги Если къ помянутому домашнему персоналу добавить управляющаго молодаго швейцарца Ив. Ал. Оста и старичка отставнаго часовщика швейцарца-же Матвѣя Мартын. Вюргера, то всѣ живущіе въ домѣ будутъ перечислены. Старикъ Вюргеръ былъ за небольшую плату приглашенъ наблюдать за механизмомъ музыкальной машины, которая, благодаря его умѣнью и внимательности, была всегда въ полной исправности. Но онъ видимо гораздо болѣе тяготился другимъ возложеннымъ на него старухою порученіемъ: наблюденіемъ за скудоумнымъ Иваномъ Николаевичемъ. Ежегодно въ концѣ лѣта старушка перебиралась всѣмъ домомъ, за исключеніемъ управляющаго Ив. Ал., въ собственный домъ въ Орлѣ, и тамъ-то Иванъ Никол. болѣе всего заботилъ добрѣйшаго Матвѣя Мартын. Правда, хотя по улицамъ и магазинамъ, добродушный Ив. Ник. не дѣлалъ никакихъ безчинствъ; но какъ можно было поручиться за фантазіи человѣка, болтающаго невозможный вздоръ? На весьма малыя карманныя деньги Иванъ Никол. главнымъ образомъ старался пріобрѣсти побольше фотографій красивыхъ актрисъ и затѣмъ собственноручно подписывалъ на карточкахъ самыя блестящія, по его мнѣнію, имена. Такъ одна была *дѣва Дуная;* другая — *сѣверная звѣзда* и даже *Ринальдо-Ринальдини.*

Въ деревнѣ Ив. Ник. съ Матвѣемъ Март. жили на антресоляхъ рядомъ съ биллiардною. Пока, бывало, добрый старичекъ углубляется въ чтеніе нѣмецкой книги, а не то въ токарную или иную работу, Ив. Ник. не переставалъ громогласно предаваться своимъ фантазіямъ, съ которыми постоянно обращался къ своему пестуну.

— Матвѣй Март.! наши канарейки достойны уваженія, но такой, какъ покойная Жюли, ужь нѣтъ. Въ саду-то мы ее

похоронили, а вотъ памятника-то нѣтъ. Я ей стихи написалъ и сейчасъ вамъ принесу и прочту:

«Спи, спи моя утѣшительница,
Ея ужь нѣтъ».

— Хороши стихи, Матвѣй Мартыновичъ?

— Хороши, хороши, отвѣчаетъ старикъ, не отрывая глазъ отъ своего дѣла.

— Братъ подарилъ мнѣ свой ночной колпакъ; я надѣлъ его и спрашиваю у нашего Ефима: „Ефимъ, строгъ я?“ — Онъ даже испугался и говоритъ: „строги, батюшка, Иванъ Никол.“—Правда это, Матвѣй Мартын.?

— So schweige Dummkopf! говоритъ выведенный изъ терпѣнія старикъ.

— Что вы говорите, Матвѣй Мартын.?

— Ну да, ну да, прекрасно! восклицаетъ въ отчаяніи старикъ.

Однажды, на глазахъ камердинера Ефима, неуклюжій Иванъ Никол. споткнулся на высокой и узкой лѣстницѣ—съ антресолей въ бельэтажъ и, прокатившись до низу, растянулся во весь ростъ.

— Ахъ, батюшка, Ив. Никол.! расшиблись, родной, должно быть! восклицаетъ Ефимъ—позвольте я помогу вамъ встать.

— Нѣтъ! воскликнулъ Иванъ Ник.,—позови Матвѣя Мартыновича! пускай онъ посмотритъ, какъ я лежу. А то онъ не повѣритъ, что я упалъ.

И Иванъ Ник. упорно не позволялъ себя приподнять, пока въ дѣйствительности не приходилъ Матвѣй Мартыновичъ. Такіе порывы упрямства хотя находили на Ивана Ник. рѣдко, тѣмъ не менѣе приводили окружающихъ его въ большое затрудненіе, особливо когда сопротивленіе переходило въ буйство. Всѣхъ лучше изучилъ натуру Ивана Никол. и умѣлъ воспользоваться своимъ на него вліяніемъ Иванъ Алекс. Позднѣе я узналъ, что я самъ былъ безсознательнымъ орудіемъ укрощенія разбушевавшагося Ивана Николаевича. Юркій Иванъ Алекс. всегда умѣлъ воспользоваться моими рѣдкими пріѣздами къ старушкѣ Горчанъ.

— Вотъ, Иванъ Никол., вы теперь и у праздника! воскли-

цалъ Иванъ Алекс.—Я вамъ говорилъ, что теперь шумѣть нельзя: вездѣ пошли мировые судьи. Я, любя васъ, намедни говорилъ вамъ: не шумите! А вотъ судья-то должно быть услыхалъ про ваши дѣла,—да и пріѣхалъ.

— Голубчикъ, Ив. Алекс., чтожь мнѣ теперь будетъ?

— Конечно, я попрошу судью, чтобы онъ не очень строго васъ наказывалъ, — но лишенія правъ состоянія и Сибири вамъ не миновать.

— Голубчикъ, Ив. Ал., честное, благородное слово, шумѣть больше никогда не буду.

Впослѣдствіи, послѣ смерти старухи, Иванъ Александр. оканчивалъ свои устрашенія совѣтомъ попросить прощенія у хозяина дома старшаго брата Ник. Ник., и огромный Ив. Ник. шелъ въ кабинетъ брата, становился на колѣни и восклицалъ: „великодушный братъ, прости!“

При жизни старухи мы рѣдко встрѣчались съ Никол. Никол., тщательно избѣгавшимъ гостей, которыхъ такъ любила принимать его мать. Этотъ страхъ передъ людьми, присущій характеру Ник. Ник., при жизни матери какъ бы питался слѣдующимъ обстоятельствомъ. Вступивъ въ интимныя отношенія съ дочерью крѣпостной скотницы и прижившись съ нею двухъ дѣтей, Ник. Ник. старался посредствомъ законнаго брака ввести ее въ домъ, но старуха и слышать объ этомъ не хотѣла, хотя приказывала по временамъ приводить съ дворни и ласкала малолѣтнюю свою внучку. Зато по смерти матери, когда Ник. Ник. дѣйствительно женился и ввелъ свою семью въ домъ, постоянная его застѣнчивость передъ порядочными людьми можетъ быть объяснена только его прирожденнымъ характеромъ. Судя по необычайному его тщеславію и стремленію къ роскоши,—можно бы подумать, что онъ избѣгаетъ порядочныхъ людей изъ боязни выказать свое полное нравственное банкротство. Во всю жизнь онъ не прочелъ ни одной книги; тѣмъ не менѣе подписывался на всѣ журналы и, опредѣливши большую комнату для библіотеки, просилъ Ивана Алекс. устроить ему такую въ наилучшемъ видѣ. Ловкій Ив. Алекс. не затруднился: онъ купилъ въ Орлѣ на базарѣ нѣсколько тысячъ старыхъ переводныхъ книгъ 18-го вѣка и отдалъ ихъ великолѣпно переплести. Въ пре-

красныхъ стеклянныхъ шкафахъ выставлены были всѣ эти богатства не по содержанію, а по росту переплетовъ, и библіотека оказалась хоть куда. Такъ какъ со смертью старушки мнѣ ни разу не приходилось обѣдать у Горчанъ, то и не берусь судить о ихъ столѣ, но знаю, что всякаго рода вина, начиная съ шампанскаго, въ домѣ было вдоволь, и въ какое бы время дня вы ни явились въ кабинетъ Ник. Ник., дворецкій приносилъ на подносѣ стаканы и бутылку Редерера, причемъ хозяинъ говорилъ: „не прикажете-ли прохладиться?“ Не выѣзжая и не показываясь никуда, онъ и жена его весьма много тратили на свои костюмы, причемъ для послѣдней выписывались даже брилліанты; такое тщеславіе требовало общества, передъ которымъ можно было блеснуть роскошью. И вотъ, по временамъ въ домѣ затѣвались домашніе спектакли, для участія въ которыхъ приглашались артисты изъ орловскаго театральнаго персонажа, частію по пріязни, а частію и за деньги, причемъ зрителями изъ того же Орла являлись никому невѣдомыя личности и между прочимъ нѣмецъ Вейдеманъ, хвалившій за ужиномъ вина хозяина, что было неудивительно, такъ какъ онъ самъ былъ поставщикомъ его погреба. Въ первые годы по смерти матери, Ник. Ник. получалъ весьма порядочные доходы, тѣмъ болѣе что безъ церемоніи заставилъ полоумнаго Ивана Ник. уступить ему свою часть состоянія. Идіотъ радовался своей эмансипаціи и говорилъ, что—„маменька уже не будетъ теперь заставлять меня читать ежедневно главу изъ евангелія, а братъ положилъ мнѣ пять рублей въ мѣсяцъ жалованья“. Тридцать тысячъ дохода, которыя получалъ Горчанъ, совершенно достаточны для человѣка, живущаго, подобно ему, и въ деревнѣ, и въ городѣ въ строгомъ уединеніи. Но люди умѣютъ проживаться при всякихъ условіяхъ. При хорошихъ винахъ Вейдемана, барыня со скотнаго двора не удержалась и покатилась въ ежедневное пьянство; не отставалъ отъ нея и супругъ.

Однажды, ходя по хозяйству, Иванъ Александр. увидалъ, что наружная штукатурка деревяннаго дома въ одномъ мѣстѣ отъ стѣны отвалилась. Своею тростью съ желѣзнымъ наконечникомъ Остъ сталъ машинально вертѣть обнажившуюся стѣну; дерево легко подавалось, и палка, пролѣзая

все далѣе, вышла концомъ въ гостиную. Такое положеніе стародавняго дома привело Оста въ ужасъ, и ему нетрудно было убѣдить Горчана въ необходимости перестройки всего дома, за исключеніемъ недавно пристроенной части, куда семейству на время пришлось перейти. За одно лѣто домъ былъ перестроенъ съ башнями по концамъ, въ которыхъ явились жилыя помѣщенія. При такихъ значительныхъ затратахъ, а, главное, невоздержно безалаберной жизни, неудивительно, что семейство съ каждымъ годомъ приходило къ большему оскудѣнію, продавая одно за другимъ свои прекрасныя имѣнія.

Однажды, покинувшій уже Горчанъ, Остъ поразилъ меня своимъ разсказомъ. „На дняхъ, говорилъ онъ,—я по старой памяти заѣхалъ къ Ник. Ник. и засталъ его въ трезвомъ видѣ. По своей всегдашней со мною откровенности, онъ воскликнулъ: „вы знаете, Ив. Александр., сколько у меня въ одномъ Орлѣ по лавкамъ набралось долговъ, а жить совершенно стало нечѣмъ. Домъ вы сами строили и застраховали въ тридцати тысячахъ, а у меня тутъ, какъ вы знаете, проживаетъ въ видѣ воспитанника 13-ти лѣтній мальчикъ изъ орловскихъ мѣщанъ; мальчикъ шустрый; я хочу обѣщать ему 500 руб. и подговорить его поджечь домъ“.

— Признаюсь, говорилъ Остъ, я выпучилъ на Горчана глаза и не зналъ, чему больше удивляться: безнравственности или глупости этого идіота? Такъ какъ читать мораль было бы излишне, то, желая его образумить, я воскликнулъ: „какъ же вы можете идти на такое страшное дѣло и не боитесь выдавать себя головою мальчишкѣ? При первомъ допросѣ онъ все свалитъ на васъ, а самъ останется правъ, какъ малолѣтній“.

Разсказъ этотъ запалъ у меня въ памяти. Привыкшій нѣкогда, въ должности полковаго адъютанта, сразу опредѣлять по окладу лица, цвѣту волосъ и росту, въ какой эскадронъ долженъ поступить вновь прибывшій рекрутъ, я, и будучи судьей, до извѣстной степени судилъ о нравственности обвиняемаго по его наружности.

Однажны сосѣдній сельскій староста заявилъ мнѣ жалобу на кражу у него двухъ черныхъ овецъ односельчаниномъ Куряткинымъ. Насколько стройный, молодой и степенный сель-

скій староста произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе, напоминая смуглой кудрявой головою Ивановскаго Іоанна,— настолько же отталкивающе подѣйствовалъ на меня рыжеватый съ просѣдью, сутулый до горбатости, обвиняемый Куряткинъ, съ своими бѣгающими зеленоватыми глазами. Садясь на скамью въ камерѣ и видя меня въ цѣпи, онъ наставительно провозгласилъ: „ишь-ты, на все хворма“. По несомнѣннымъ доказательствамъ кражи имъ у старосты черныхъ овецъ, начиная съ найденныхъ свѣжихъ шкурокъ, Куряткинъ, для перваго моего съ нимъ знакомства, былъ посаженъ на два мѣсяца въ острогъ. Не прошло и полгода послѣ потерпѣннаго имъ наказанія, какъ уже снова онъ былъ посаженъ мною въ острогъ за конокрадство; а вслѣдъ затѣмъ онъ, заявившій неудовольствіе на третій мой приговоръ къ тюрьмѣ, былъ отправленъ во Мценскъ, въ мѣста предварительнаго заключенія. Здѣсь, благодушно взявшись принести заключеннымъ воды, онъ, увидавъ новые сапоги спящаго товарища, надѣлъ ихъ, а свои худые поставилъ у дверей и преспокойно отправился въ Москву. Задержанный полиціею, на вопросъ—откуда онъ и куда,—онъ отвѣчалъ, что изъ города Мценска идетъ въ Петербургъ съ жалобой къ царю на мироваго судью Фета. Конечно, онъ изъ Москвы былъ препровожденъ во Мценскъ въ мѣста заключенія, истрепавъ чужіе сапоги. Когда, высидѣвъ по приговору съѣзда въ тюрьмѣ, онъ явился въ свою деревню, то осенью того же года сельскій староста, о которомъ уже говорено, принесъ слѣдующую жалобу:

— Сегодня утромъ жена моя съ 12-ти лѣтнею дочерью вышла на огородъ и видитъ, что одинъ изъ нашихъ одонковъ снизу загорѣлся, и старуха жена Куряткина, сгорбившись, какъ индюшка, бѣжитъ черезъ прогалокъ отъ нашихъ одоньевъ изъ за нашей конопли къ своей. „Злодѣйка! чтожь ты это дѣлаешь?“ крикнула ей жена. А та только глазами сверкнула и еще больше сгорбившись ушла за коноплю. Тутъ и жена, и дѣвочка закричали благимъ матомъ, но пока народъ сбѣжался, одонья наши сгорѣли.

— Жалко мнѣ тебя, любезный другъ, сказалъ я: но судить поджога я не могу. Коли хочешь, заяви судебному слѣдо-

ателю. Да врядъ ли изъ твоей жалобы выйдетъ толкъ. Домашнимъ твоимъ не повѣрятъ,—и вся недолга.

— Нѣтъ, ваше выс—діе, вся наша деревня знаетъ, что онъ разбойникъ, и я этого дѣла такъ не брошу.

Въ скорости наступили темныя ночи, и мнѣ дали знать, что противникъ Куряткина сельскій староста найденъ утонувшимъ въ колодцѣ. Конечно, принимая во вниманіе трезвость сельскаго старосты, надо полагать, что онъ попалъ въ колодезь не случайно.

Зимою, во время пребыванія семейства Горчанъ въ Орлѣ, застрахованный въ 30-ти тыс. деревенскій домъ его сгорѣлъ до тла. По слѣдствію, возбужденному страховымъ обществомъ, оказалось слѣдующее. Изъ запертаго, сгорѣвшаго дома у Куряткина оказалась пара дорогихъ канделябровъ. Когда народъ, сорвавши двери, вломился въ домъ, то горѣли обои на стѣнахъ, и когда стали выносить дорогія зеркала, экономическій староста крикнулъ: „что вы тутъ путаетесь! бросьте!“ — и зеркало разлетѣлось въ дребезги. Говорили даже, что, кому слѣдуетъ, подарено было пьянино. Тѣмъ не менѣе дѣло кончилось бы ничѣмъ, если бы не ожидавшій нападенія Куряткинъ не былъ захваченъ съ дорогими канделябрами. Смекнувши, что ему, много разъ именованному въ справкахъ о судимости, все равно придется, по приговору окружнаго суда, отправиться въ ссылку, Куряткинъ совершенно измѣнилъ свою тактику наглаго запирательства. Онъ громогласно объявилъ, что подкупленъ былъ на поджогъ Ник. Ник. Горчаномъ, при посредствѣ экономическаго его старосты. Онъ указывалъ на орловскую лавку, въ которой вмѣстѣ со старостой покупалъ керасинъ, что, мокая въ него половыми щетками, они размазали керасинъ по стѣннымъ обоямъ и розлили по всѣмъ угламъ, а когда подожгли въ серединѣ домъ и заперли его, то во всю ночь просидѣли въ садовой бесѣдкѣ. Показаніямъ этимъ, со словъ адвоката, основаннымъ на личной враждѣ къ экономическому старостѣ, вѣры придано не было. Несостоятельный Куряткинъ былъ признанъ единственнымъ виновникомъ происшествія и сосланъ на поселеніе; а Ник. Ник. Горчанъ получилъ 30 тыс. со страховаго общества.

Въ видахъ неразрывности воспоминаній о судебныхъ разбирательствахъ,—приходится говорить о времени, когда предводителемъ во мценскомъ уѣздѣ былъ уже бывшій посредникъ Ал. Арк. Тимирязевъ. Мировой судья втораго участка, не дослуживъ полгода до выборовъ, вышелъ въ отставку, и я, какъ ближайшій ко второму участку судья, принялъ по просьбѣ предводителя разбирательство дѣлъ втораго участка. Такъ какъ имѣніе Тимирязева находилось во второмъ мировомъ участкѣ, въ 35-ти верстахъ отъ Степановки, то Алекс. Арк. для большаго удобства предложилъ мнѣ пріѣзжать къ нему въ усадьбу, гдѣ въ одномъ изъ флигелей не только устроилъ для меня камеру, но и огородилъ мой столъ балюстрадой, чего у меня не было въ Степановкѣ. Такъ какъ во второмъ участкѣ былъ свой письмоводитель, то, оставляя своего въ Степановкѣ для принятія прошеній, я обыкновенно каждую пятницу отправлялся къ Тимирязевымъ въ Алешню на ночь, гдѣ пользовался самымъ изысканнымъ вниманіемъ и гостепріимствомъ. Такъ, напримѣръ, подъѣзжая ночью къ разъ навсегда предоставленному мнѣ для ночлега флигелю, я не только находилъ ставни герметически закрытыми отъ мухъ, но и накрытый салфетками на отдѣльномъ столѣ приготовленный ужинъ. Впослѣдствіи я упросилъ любезную хозяйку не безпокоиться объ этомъ, такъ какъ я никогда не ужинаю. Понятно, что единственный предназначенный для разбирательствъ день былъ занятъ дѣлами съ ранняго утра до вечера; и я дѣлалъ перерывъ только въ пять часовъ и отправлялся къ хозяйскому обѣду. Случалось, что хозяева были въ гостяхъ у своихъ ближайшихъ родственниковъ князей В—ихъ, и тогда я пользовался гостепріимствомъ старой горничной и ключницы Полички, отличавшейся ловкостью и тактомъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ, въ отсутствіе хозяевъ, я разбиралъ дѣло между старымъ мценскимъ купцомъ, недавно купившимъ бывшее заселенное имѣніе,—и крестьянами того же села, исполнявшими у него по найму сельскія работы. Я давно зналъ лично этого купца, бывшаго нѣкогда мценскимъ городскимъ головою и напоминавшаго своимъ самодурствомъ Тита Титыча въ комедіи Островскаго. Подобно Титу Титычу,

онъ нанялъ самаго краснорѣчиваго адвоката, зачесывавшаго на лбу подстриженные волосы копромъ, и потому носившаго на съѣздѣ прозваніе: „Чубъ“. По горькому опыту я давно уже въ данное время пришелъ къ заключенію о совершенномъ безсиліи, а потому и полной непригодности мировыхъ учрежденій въ сельскомъ быту. Пока существовали посредники, можно было, въ видахъ предупрежденія зла, просить о болѣе строгомъ надзорѣ за старшинами, утверждающими обязательство одного и того же крестьянина у разныхъ лицъ съ полученіемъ денегъ за годъ впередъ, причемъ волость не обращаетъ вниманія на то, что сумма обязательныхъ такимъ образомъ для крестьянина по отработкѣ десятинъ давно превышаетъ его рабочую силу. И вотъ въ рабочую пору возникаетъ неразрѣшимый хаосъ. Обыватель вѣритъ въ должность мироваго судьи и приноситъ ему законную жалобу, не спрашивая, — какія средства въ рукахъ судьи, — возстановить нарушенное право истца.

Судя по общему духу законодательства, стоящаго всегда на сторонѣ формальныхъ условій, обезпечивающихъ исполненіе приговора, сельскій обыватель не знаетъ, что чѣмъ въ данномъ случаѣ принято болѣе законныхъ мѣръ къ обезпеченію иска, тѣмъ хуже. Выгнать явнаго обманщика на работу судья не имѣетъ права, а при постановленіи, въ силу котораго присутствіе по крест. дѣламъ (какая процедура!) опредѣляетъ подлежащее у крестьянъ продажѣ,—чѣмъ большая въ условіи поставлена неустойка, тѣмъ несбыточнѣе взысканіе по исполнительному листу судьи. Въ нашемъ уѣздѣ былъ случай указанія уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ на двухъ поросятъ, подлежащихъ аукціонной продажѣ, каковые и были проданы приставомъ за 40 коп., по исполнительному листу въ 1.200 рублей неуплаченнаго оброка. Въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, при желаніи помочь терпящему разореніе,—необходимо было изыскивать уязвимое у отвѣтчика мѣсто. Такимъ уязвимымъ мѣстомъ постоянно являлось незнаніе крестьянами законовъ. Является съ вечера или утромъ на зарѣ экономическій прикащикъ или староста,—съ жалобой: что вотъ такіе-то крестьяне по именному условію нейдутъ косить рожь. Я тотчасъ же снабжалъ

сельскаго старосту запиской о высылкѣ поименованныхъ крестьянъ на работу, или же ко мнѣ на разбирательство. Понятно, что въ горячую пору крестьяне предпочитали идти на работу, чѣмъ протаскаться въ дорогой день на судъ. Крестьяне, очевидно, не знали, что, за неявкой ихъ на судъ, послѣдовало бы заочное рѣшеніе о взысканіи съ нихъ неустойки, которой никогда никто бы не получилъ. Все это при долговременной практикѣ я зналъ, какъ говорится, наизусть, когда мнѣ пришлось выслушивать витіеватое краснорѣчіе Чуба. Разсчетъ Чуба былъ очень простъ: чѣмъ въ бо́льшей суммѣ получитъ онъ исполнительный листъ въ пользу своего довѣрителя, — тѣмъ больше будетъ его гонораръ; а потому краснорѣчію его не было конца при выставленіи всевозможныхъ убытковъ, причиненныхъ крестьянами Титу Титычу.

Объявивъ вопросъ исчерпаннымъ и засѣданіе на полчаса прерваннымъ, я ушелъ за уголъ флигеля въ аллею, освѣжиться отъ комнатной духоты, и велѣлъ попросить къ себѣ адвоката. Закуривая папироску, я предложилъ ему другую.

— Вы прекрасно, сказалъ я, какъ адвокатъ, вели дѣло вашего довѣрителя. Все, сказанное вами, дѣлаетъ честь вашему знанію и искусству; но мы съ вами не въ камерѣ, а глазъ на глазъ, и, конечно, вы согласитесь, что ваша рѣчь не стоитъ выѣденнаго яйца.

— Это совершенно справедливо, отвѣчалъ Чубъ.

— Если вы дѣйствительно желаете пользы вашему довѣрителю, то оставимъ въ сторонѣ всѣ ваши сотенныя неустойки, и я постараюсь сбить крестьянъ, не желающихъ, какъ вы видѣли, слышать ни о какомъ соглашеніи,— на то, чтобы они неотработанное въ этомъ году отработали въ будущемъ. А за неустойку свезли бы въ гумно вашего довѣрителя всѣ овсяныя копны съ его полей.

— Помилуйте! это невозможно.

— Какъ хотите. При несогласіи вашемъ на эту мировую, вамъ придется переносить дѣло на съѣздъ, а тутъ въ два дня овесъ будетъ свезенъ, и всетаки мужикамъ будетъ острастка.

Подумавши нѣкоторое время, Чубъ, видя непреклонность мою, уступилъ. Вернувшись въ камеру, я прямо поставилъ крестьянамъ ультиматумъ, въ видѣ высказаннаго адвокату.

— Не такъ же вы, братцы, глупы, чтобы не понять, какъ я стою за васъ и васъ выручаю; но если вы меня будете тѣснить до крайности, то я сейчасъ постановлю взыскать съ васъ тѣ 483 рубля, о которыхъ проситъ адвокатъ.

— Ну благодаримъ покорно, отвѣчали крестьяне,—за два дня свеземъ ему овесъ.

VI.

Письма.—Чтеніе въ пользу голодающихъ крестьянъ.—Письма.—Жалоба рабочей артели съ Орловско-Грязской желѣзной дороги.—Графъ Ал. Конст. Толстой.—Поѣздка въ Елецъ.—Продажа мельницы.—Письма.—Смерть Нади.—Пріѣздъ въ Степановку Влад. П. Боткина.—Смерть Николая Боткина.—Разговоръ съ Борисовымъ по поводу мѣста погребенія Нади.—Письма.

В. П. Боткинъ писалъ:

Діеппъ.
2 августа 1867.

„Каждые два дня ходилъ я на почту въ Баденѣ спрашивать,—нѣтъ ли письма,—и каждый разъ получалъ въ отвѣтъ, что нѣтъ. Отчего такое продолжительное молчаніе? Вы скажете,—да почему я самъ не писалъ? Да я и самъ не знаю, почему,—хотя вы никогда не выходили у меня изъ памяти. Теперь авось хоть въ отвѣтъ получу я отъ васъ вѣсточку. Въ Баденѣ я прожилъ около двухъ мѣсяцевъ, потомъ десять дней въ Парижѣ, посмотрѣлъ выставку, и два дня какъ нахожусь въ Діеппѣ, который такъ напоминаетъ мнѣ васъ. Въ Трувиль я не поѣхалъ, потому что тамъ такая разнокалиберная толпа и такая толкотня, и такое зловоніе въ этомъ грязномъ городишкѣ,—поэтому я разсудилъ отправиться въ Діеппъ. Діеппъ теперь далеко не то, что былъ при васъ; Трувиль оттянулъ отъ него всѣхъ модныхъ посѣтителей; это стало теперь тихое, степенное, семейное мѣсто, правда, очень скучное,—но это послѣднее обстоятельство для меня гораздо сноснѣе, нежели толкотня и суетливость. Началъ брать теплыя морскія ванны, а погода здѣсь стоитъ суровая.

„Дѣло Ивана Сергѣевича относительно перемѣны управляющаго разрѣшилось такъ, какъ слѣдовало ожидать, то есть что Ник. Ник. подалъ ко взысканію векселя, выданные ему Ив. Серг. для полученія по нимъ послѣ его смерти. Какъ человѣкъ практическій, онъ предпочелъ вѣрное сомнительному, и по моему мнѣнію, онъ поступилъ практически. Мнѣ сказалъ объ этомъ Ив. Серг., который этого никакъ не ожидалъ. Легкомысліе и необдуманность такъ свойственны Ив. Серг., ставили его уже не разъ въ самыя затруднительныя положенія, и, не смотря на свои сѣдины, онъ и теперь еще легкомысленный мальчикъ, который не знаетъ вѣса своихъ поступковъ.

„О выставкѣ скажу вамъ, что это дѣйствительно замѣчательная вещь. Прежде всего это въ самомъ дѣлѣ всемірная выставка, даже есть китайскія и японскія дѣвушки съ ихъ домашнею обстановкой. Какіе интересные типы! Для спеціальнаго обзора всей выставки, я думаю, ни у кого не достанетъ силъ и вниманія, можно осматривать только тѣ части, которыя кого интересуютъ. Я былъ пять разъ на выставкѣ и всякій разъ возвращался съ ломотою въ глазахъ — и наконецъ бросилъ. Увы! глаза мои становятся все слабѣе и слабѣе.

„Пожалуйста прервите свое молчаніе и напишите мнѣ о себѣ. Въ письмѣ вашемъ для меня будетъ больше интереснаго, чѣмъ во всей этой европейской жизни, которой я чуждъ и которой я только очень равнодушный зритель. Степановка для меня несравненно интереснѣе всей Франціи съ ея Наполеономъ. Что хозяйство? что урожай? что выборы въ мировые судьи?

„Спѣшу отправить письмо, авось оно прекратитъ это глупое молчаніе, и жажду отъ васъ нѣсколькихъ строкъ.

Навсегда вашъ *В. Боткинъ*.

Парижъ.
23 сентября 1867.

„Наконецъ послѣ продолжительнаго перерыва, сношенія наши возстановились, мои милые и дорогіе друзья! Не знаю, получили ли вы мое письмо изъ Діеппа? Твое письмо изъ

Москвы я получилъ и тотчасъ же распорядился высылкою сюда изъ Бадена вашихъ писемъ, которыя наконецъ мнѣ прислали сюда. Такимъ образомъ ни одно ваше письмо не пропало. Съ какимъ любопытствомъ я читалъ ваши письма—объ этомъ нечего и говорить. Прежде всего поздравляю тебя, Фетъ, съ лестною должностью мироваго судьи. И я не ожидалъ этого такъ же, какъ и ты, ибо шансы М—ва были гораздо сильнѣе твоихъ. Но должно быть здравомысліе у избирателей превозмогло. Что ты будешь хорошимъ мировымъ судьею,—въ этомъ я совершенно увѣренъ. Жаль, что ты не писалъ мнѣ, съ какого же времени открывается у васъ мировой судъ,—и прошу тебя объ этомъ написать. Какъ я радуюсь теперь тому, что сдѣлалъ у васъ пристройку, потому что она оказывается теперь рѣшительно необходимою. Только, по моему мнѣнію, ты напрасно сдѣлаешь, если помѣстишь секретаря въ свой кабинетъ, то есть въ ту-же комнату, гдѣ будетъ судъ: комната судьи не должна быть жилою, надо пріискать для секретаря другое помѣщеніе. Сдѣлайте милость, распоряжайтесь моею пристройкою, какъ найдете удобнѣе для себя: я несказанно радъ тому, что она вамъ на что-нибудь пригодится.

„Уже съ недѣлю, какъ я воротился изъ Діеппа и теперь буду жить въ Парижѣ до возвращенія въ Петербургъ; выставку понемногу осматриваю, насколько позволяютъ глаза. Вы уже знаете, что я около двухъ мѣсяцевъ прожилъ въ Баденѣ. Не скажу, чтобы баденскій воздухъ былъ мнѣ по организму: по лѣсистости и отчасти по своему горному положенію, этотъ воздухъ даетъ нервамъ какую-то напряженность и возбудительность. Для меня гораздо удобнѣе водянистый, сырой воздухъ, и что ни говорятъ о петербургскомъ климатѣ, по мнѣ тамъ гораздо легче дышать, чѣмъ, наприм., въ Москвѣ, именно потому, что въ петербургскомъ воздухѣ несравненно болѣе водянистыхъ частей. Вотъ у моря дышится мнѣ отрадно. Но зато въ Діеппѣ такъ скучно одному.

„Изъ письма твоего я не могъ понять, въ чемъ состояла сущность твоей рѣчи, сказанной на предварительномъ собраніи, и весьма былъ-бы радъ прочесть ее въ печати.

„Я здѣсь видѣлъ нѣсколько разъ брата Николая. Вы, я

думаю, слышали, что съ нимъ былъ ударъ,—онъ совсѣмъ поправился, но слѣды замѣтны въ головѣ. Голова стала замѣтно слабѣе прежняго (а она и прежде была не очень тверда въ понятіяхъ), и онъ сдѣлался еще ближе къ ребячеству, нежели прежде.

„Въ Парижѣ по причинѣ выставки все еще продолжается большой наплывъ иностранцевъ, и отели переполнены, и все дороже. По воскресеньямъ нѣтъ возможности бывать на выставкѣ отъ толпы. Вообще же о выставкѣ скажу, что видѣть ее, конечно, интересно, но и для того, кто не увидитъ ее....

20 сентября.

„Письмо это уже прерывалось нѣсколько разъ приходомъ разныхъ знакомыхъ, между прочими генерала Саля, начальника дивизіи, находящейся въ Орлѣ, и живущаго тамъ. Это во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ и дѣльный военный спеціалистъ, какихъ желательно, чтобы у насъ было болѣе. Если представится случай, пожалуйста познакомься съ нимъ. Я думаю пробыть здѣсь до конца октября. Обнимаю васъ отъ всей души.

Вашъ *В. Боткинъ*.

Тургеневъ писалъ отъ 21 сентября изъ Бадена 1867 г.

„Любезнѣйшій Фетъ, о какъ пріятно вести дружескую, но ругательную переписку!—Оно и освѣжительно, и согрѣвательно, и носитъ несомнѣнный отпечатокъ истины,—словомъ, очень хорошо. Будемъ-же попрежнему любить и ругать другъ друга.

„Погляжу я на васъ—ловкій вы мальчикъ!—Видите-ли: мнѣ предоставляетъ утилитарность, политику, а самъ беретъ безполезность, *пьяну*, искусство, т. е. высочайшее la part du lion, ибо не безполезное искусство есть дрянь, безполезность есть именно алмазъ его вѣнца. Каковъ добренькій! Я сосчиталъ, сколько у меня политическихъ, тенденціозныхъ страницъ: оказалось на 160—29, а остальное такая-же безполезная чепуха, какъ любое лирическое стихотвореніе автора „Вечеровъ и Ночей“. Да, милѣйшій собратъ мой, не говорите съ кажущимся уничиженіемъ и дѣйствительной над-

менностью: ты полезенъ, а я безполезенъ;—скажите: мы оба плохи,—и поцѣлуемтесь. Вотъ, напримѣръ, дядя мой—тотъ настоящій художникъ, жрецъ чистаго искусства. Прислалъ сюда черезъ посланника требованіе описать *здѣшнее* мое имущество—12 листовъ грубѣйшей сѣрой бумаги, за которую пришлось заплатить чуть не 2 руб. вѣсовыхъ и совершенно безполезно! зато прелестно! Посланникъ сдѣлалъ мнѣ оффиціальный запросъ: что, молъ, сей сонъ значитъ? Я отвѣчалъ, что ничего не понимаю; и посланникъ согласился, что понять ничего нельзя. А бѣдному Зайчинскому тотъ-же дядя и отвѣта не даетъ: „что, молъ, изволите-ли вы драть съ моего довѣрителя проценты? Или удовлетворяетесь капиталомъ?“ „А, говоритъ дядя, сіе въ моей волѣ“. И какъ истый художникъ, оставляетъ все возведеннымъ въ перлъ созданія. Вотъ, батюшка, съ кого надо брать примѣръ. Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ — Никол. Никол. Тургеневъ, извольте идти царствовать, извольте получать Холодово, которое стоитъ вдвое больше вашихъ безденежныхъ векселей.—„Нѣтъ отвѣчаетъ Годуновъ XIX вѣка,—мои сѣдины обезчещены, а вотъ я все изъ дому у племянника выскребъ да благодарность въ газетахъ выканючилъ, а теперь я вотъ подожду,—не выйдетъ-ли возможность Спасское съ аукціона пріобрѣсти“.—Великій художникъ! Только одно худо: оказывается, что первая просьба о томъ, что я не *плачу́* и что слѣдуетъ наложить запрещеніе была подана—когда вы думаете?—12 окт. 1866 г., т. е. въ самый разгаръ моей слѣпой довѣренности къ орловскому Фидіасу. Учитесь, учитесь, Аѳанасій Аѳанасьевичъ!

„Ну, засимъ можно обнять васъ дружески, поклониться вашей милой женѣ и пожелать вамъ всевозможныхъ успѣховъ на судейскомъ поприщѣ. Только съ условіемъ: dunkelen Drang—въ лоханку... вода къ водѣ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Боткинъ писалъ изъ Петербурга отъ 27 ноября 1867 г.

„Вотъ уже нѣсколько писемъ получилъ я отъ тебя, а я не успѣлъ отвѣчать тебѣ. Да тебя и не поймешь: то ты во Мценскѣ, то въ Орлѣ, то, наконецъ, въ Москвѣ. Такъ какъ здѣсь писали, что новый судъ открывается у васъ 20 ноября,

то я полагалъ, что тебѣ нельзя будетъ отлучиться. Но я радъ за тебя и за Машу, что тебѣ можно было урваться въ Москву и, какъ ты пишешь, до 5 декабря пробыть тамъ. Мнѣ Богъ знаетъ какъ хотѣлось быть въ Москвѣ въ одно время съ тобою. Но теперь едва-ли это исполнимо. Я какъ-то поймалъ себѣ ревматизмъ въ лѣвомъ плечѣ, который меня очень безпокоитъ, ибо совсѣмъ мѣшаетъ владѣть лѣвой рукой. Скверность большая! А впрочемъ, со мною все обстоитъ по возможности благополучно, и жизнь моя идетъ своимъ обычнымъ порядкомъ. Всего чаще бываю я у Толстыхъ, гдѣ всего пріятнѣе, и я несказанно радъ, что они нынѣшнюю зиму проводятъ въ Петербургѣ; часто вспоминаемъ о тебѣ, потому что онъ очень сочувствуетъ поэтической струѣ, бьющей въ твоихъ стихахъ. Надо сказать, что домъ Толстыхъ есть единственный домъ въ Петербургѣ, гдѣ поэзія не есть дикое безсмысленное слово, гдѣ можно говорить о ней; и къ удивленію, здѣсь же нашла себѣ пріютъ и хорошая музыка. Правда, здѣсь много занимаются музыкой, но какъ-то странно, по петербургски; на этой почвѣ все принимаетъ отвлеченный характеръ, головной, совершенно односторонній, тенденціозный. Я дорожу искусствомъ за наслажденіе, которое оно мнѣ доставляетъ, и до всего прочаго мнѣ нѣтъ дѣла.—Какъ я радъ тому, что вы изъ Тулы уже пріѣхали по желѣзной дорогѣ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Чѣмъ ближе подходила зима, тѣмъ очевиднѣе становилось общественное бѣдствіе, котораго съ весны долженъ былъ ожидать всякій зрячій. Можно только удивляться живучести человѣка, способнаго въ крайности поддерживать свое существованіе невѣроятными суррогатами хлѣба. Какъ диковины, набрали мы по пути до Мценска крестьянскаго печенаго хлѣба, болѣе похожаго на засохшіе комки чернозема, чѣмъ на что либо иное: тамъ была и мякина, и главнымъ образомъ лебеда, про которую старина говорила: „лебеда въ хлѣбѣ не бѣда“. И этимъ ужаснымъ хлѣбомъ питалось не только взрослое населеніе, но и дѣти; а между тѣмъ объ увеличившейся смертности слуху не было. Тѣмъ не менѣе, при видѣ

такого хлѣба я подумалъ, что прежде чѣмъ судить людей, надо при малѣйшей къ тому возможности накормить ихъ, хотя бы только въ предѣлахъ своего участка, помогая наиболѣе нуждающимся. Мысль эта занимала меня по дорогѣ въ Москву, хотя средства къ осуществленію ея я еще ясно не различалъ. Доѣхали мы на этотъ разъ въ повозкѣ только до Тулы, а тамъ уже пересѣли въ вагонъ. Графа Льва Николаевича Толстаго съ женою и дѣтьми я засталъ на Кисловкѣ на квартирѣ.

Было воскресенье, и у Толстыхъ я, къ изумленію и удовольствію своему, нашелъ Петю Борисова, котораго, съ дозволенія Ивана Петровича, графиня брала по воскресеньямъ къ своимъ дѣтямъ. Когда дѣтей повели гулять, графиня со смѣхомъ разсказала мнѣ грозный эпизодъ въ дѣтской въ прошлое воскресенье. „Кто-то привезъ дѣтямъ конфектъ, говорила она, и уѣзжая со двора, я разрѣшила дѣтямъ взять изъ коробки по конфектѣ. Возвращаюсь и вижу, что коробка пуста. Мои дѣти лгать не пріучены, и они легко сознались бы въ своей винѣ. Но при самыхъ настоятельныхъ распросахъ моихъ,—виновнаго между моими не оказалось. „Петя, сказала я, ужь не ты ли поѣлъ конфекты?“—Къ чести его надо сказать, что онъ тотчасъ же сознался, и я самымъ безцеремоннымъ образомъ объяснила ему всѣ дурныя стороны его поступка. Онъ разревѣлся, и я думала, что онъ уже не пойдетъ къ намъ въ домъ. Но дѣти не злопамятны, и вотъ онъ, какъ видите, опять у насъ“.

Левъ Никол. былъ въ самомъ разгарѣ писанія „Войны и Мира“; и я, зналавшій его въ періоды непосредственнаго творчества, постоянно любовался имъ, любовался его чуткостью и впечатлительностью, которую можно бы сравнить съ большимъ и тонкимъ стекляннымъ колоколомъ, звучащимъ при малѣйшемъ сотрясеніи. Когда я наконецъ объявилъ ему, что рѣшился устроить литературное чтеніе въ пользу голодающихъ своего участка, онъ иронически отнесся къ моей затѣѣ и увѣрялъ, что я создалъ во мценскомъ уѣздѣ голодъ. Эта иронія не помѣшала ему однако такъ краснорѣчиво и горячо отнестись черезъ годъ послѣ того къ самарскому голоду и тѣмъ самымъ помочь краю пережить ужасное время.

Если въ моемъ положеніи нетрудно было напасть на мысль публичнаго чтенія, то осуществить эту мысль было далеко не легко. Кому читать, что читать и гдѣ читать? Не размышляя долго, я отправился вечеромъ въ артистическій клубъ и тамъ обратился къ извѣстной Васильевой, съ которой когда-то познакомился въ Карлсбадѣ, куда она возила больнаго мужа. Принявши самое живое во мнѣ участіе, она, по краткомъ совѣщаніи со старшинами, объявила мнѣ, что клубъ въ назначенный мною вечеръ отдаетъ въ мое распоряженіе свое помѣщеніе съ освѣщеніемъ и прислугой. Покойный Провъ Михайловичъ Садовскій вызвался читать на моемъ вечерѣ; и поэтъ, и драматическій писатель князь Кугушевъ изъявилъ согласіе читать по выбору моему. Отыскавши такимъ образомъ почву для моего литературнаго вечера, я старался упросить Льва Ник. Толстаго обезпечить успѣхъ предпріятія обѣщаніемъ прочесть что либо на вечерѣ; но сказавши, что онъ не только никогда не читалъ, но даже никогда на это не рѣшится, онъ любезно предложилъ мнѣ еще бывшую только въ корректурѣ пятую главу второй части изумительнаго описанія отступленія войскъ отъ Смоленска по страшной засухѣ. Наконецъ день чтенія былъ объявленъ въ газетахъ, и билеты по рублю серебромъ напечатаны. Когда въ клубѣ наканунѣ объ этомъ зашла рѣчь, одинъ изъ меньшихъ братьевъ Боткиныхъ, Владиміръ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: „вы не продавали еще билетовъ?“ — „Нѣтъ“. — „Позвольте мнѣ сдѣлать починъ въ вашемъ дѣлѣ и примите 25 руб. за билетъ“. Тутъ же въ клубѣ примѣру этому послѣдовали еще два три человѣка. Въ назначенный вечеръ я самъ всталъ за прилавкомъ. Но публика подходила какъ-то вяло; а стали подходить все какіе-то мальчишки, прося принять обратно билетъ хотя бы за 50 и даже 30 коп. Не трудно было понять, что люди, уплатившіе 25 руб. съ благотворительной цѣлью и получившіе 25 билетовъ, раздавали ихъ служащимъ у нихъ мальчикамъ, которые 30 коп. предпочитали всякой духовной пищѣ. Конечно, я имъ отказывалъ въ возможности купить пряникъ на деньги, предназначенныя на полпуда хлѣба. Но вотъ подходитъ брюнетъ средняго роста и протягиваетъ ко мнѣ пачку ассигнацій со словами: „пожалуйте мнѣ билетъ“. — „Сколько

прикажете сдачи?“—„Никакой. Здѣсь 500 рублей, и я прошу дать мнѣ билетъ. А вотъ еще 500 руб. отъ брата моего. Наша фамилія—Голяшкины. Потрудитесь дать намъ третій билетъ: это триста рублей отъ нашихъ служащихъ“.

Такимъ образомъ я въ теченіи минуты получилъ 1,300 р. Должно быть, посѣтителей набралось около тысячи человѣкъ, такъ какъ при повѣркѣ кассы у меня оказалось около 3,300 руб. Какъ наиболѣе подходящее къ сбору въ пользу голодающихъ, я прочелъ переводъ первой главы „Германа и Доротеи“ объ участіи къ нуждамъ переселенцевъ. Садовскій и Васильева съ живительнымъ мастерствомъ прочли: первый—Чичикова у Бедрищева, а вторая—пріятную барыню и барыню пріятную во всѣхъ отношеніяхъ. Громомъ рукоплесканій было покрыто чтеніе изъ „Войны и мира“—княземъ Кугушевымъ. Я тотчасъ же составилъ проэктъ устава, по которому эта сумма должна была раздаваться наиболѣе нуждающимся на годъ безъ процентовъ, а на слѣдующіе два года, по истеченіи коихъ долгъ долженъ бы былъ быть уплаченъ,—взималось бы по пяти процентовъ. Самый же капиталъ долженъ былъ по этому уставу оставаться навсегда въ третьемъ мценскомъ мировомъ участкѣ, на случай новаго голода. Проэктъ этотъ былъ въ скорости утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и я съ восторгомъ раздавалъ деньги по спискамъ старшинъ, воображая, что успѣлъ основать хотя на тѣсномъ пространствѣ участка навсегда прочную помощь. И на этомъ поприщѣ разочарованіе не заставило себя ожидать слишкомъ долго.

Боткинъ писалъ 9 февраля 1868 г. изъ Петербурга:

„Сію минуту получилъ твое письмо и немедленно отвѣчаю. Да будетъ благословенно твое доброе намѣреніе, и я не сомнѣваюсь, что ему постарается помочь всякій, кто еще не утратилъ человѣческое сознаніе. Вѣсти твои о голодѣ привели меня въ содроганіе: здѣсь вовсе не имѣютъ понятія о такомъ положеніи. Я не могу тронуться изъ Петербурга, ибо у меня опухоль въ сочлененіяхъ, вслѣдствіе ревматизма; принимаю іодъ и еще другое посильнѣе. При такомъ лѣченіи и болѣзни куда думать о выѣздѣ.

„Знаешь ли, чѣмъ я все это время былъ занятъ?— Изуче-

ніемъ греческихъ и скиѳскихъ древностей, отрытыхъ въ курганахъ около Керчи и по южной Россіи. Всѣ эти находки отлично награвированы и изданы въ отчетахъ Археологической комиссіи съ 1859 по 1864 г. и разъясненія Стефани, отличнаго знатока греческой древности и настоящаго ученаго. Тамъ есть вазы, изумительныя по изяществу рисунка и, очевидно, относящіяся къ 4-му вѣку до Рожд. Хр. Такихъ вазъ нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ музеѣ. Признаюсь, что при этомъ изученіи я тоскую, что нѣтъ со мною моей библіотеки, а поставить здѣсь ее некуда. Прощайте, милые, сердечные друзья.

Вамъ навсегда преданный

В. Боткинъ.

Тургеневъ писалъ изъ Бадена отъ 12 февраля 1868 года:

„Ну-съ, добродѣтельнѣйшій и милѣйшій А. А., будемъ мы вамъ писать на Алисовскую станцію. Съ великимъ удовольствіемъ вижу я, что духъ вашъ покоенъ и какъ то мягко и важно снисходителенъ, какъ оно и подобаетъ служителю Ѳемиды.

„О дѣлѣ съ Ник. Ник. — мы, если только будетъ стоить труда, поговоримъ лично; теперь ограничусь однимъ словомъ, которое, увѣряю васъ, я бы не рѣшился употребить легкомысленно: онъ поступилъ какъ *безчестный человѣкъ*. Мнѣ жутко говорить такъ о человѣкѣ, котораго я такъ давно и такъ искренно любилъ и уважалъ, но истина вынуждаетъ меня именно такъ выразиться: „Ник. Ник. Тургеневъ — безчестный человѣкъ“.

12 апрѣля.

„Ровно два мѣсяца протекло съ тѣхъ поръ, какъ я началъ это письмо къ вамъ, которое я только потому не кончилъ и не отправилъ, что не зналъ, гдѣ вы находитесь: въ Москвѣ ли, въ Петербургѣ ли? и т. д.—Теперь я знаю, что вы снова въ Степановкѣ, увѣнчавшись добропорядочнымъ успѣхомъ въ Москвѣ,—и вотъ я берусь за перо.

„Что произошло въ эти два мѣсяца?—Дѣло съ дядюшкой, слава Богу, кончено. Онъ обобралъ меня какъ липку, — я

получилъ векселя. Къ сожалѣнію, нѣтъ никакой причины измѣнить хотя бы одну букву въ вышеупомянутомъ отзывѣ о немъ. Впрочемъ, я никогда его болѣе не увижу,—и пусть онъ добрѣетъ съ награбленныхъ денегъ!

„Я былъ въ Парижѣ, а теперь поселился въ своемъ, т. е. нанятомъ мною у Віардо домѣ (я принужденъ былъ продать этотъ домъ)—и помѣщеніемъ доволенъ.

„Я ѣду въ Россію черезъ мѣсяцъ и въ Спасскомъ буду въ концѣ мая. Не сомнѣваюсь въ томъ, что вы пріѣдете ко мнѣ съ Борисовымъ. То то мы поспоримъ! Впрочемъ, Богъ знаетъ: я очень сталъ тихенькій.

„Я только что кончилъ 4-й томъ „Войны и Мира“. Есть вещи невыносимыя и есть вещи удивительныя; и удивительныя эти вещи, которыя въ сущности преобладаютъ, такъ великолѣпно хороши, что ничего лучшаго у насъ никогда не было написано никѣмъ: да врядъ ли было написано что нибудь столь хорошее. 4-й и 1-й томъ слабѣе 2 го и особенно 3-го; 3-й томъ почти весь chef d'oeuvre.

„Засимъ говорю вамъ досвиданья и прошу передать мой поклонъ вашей женѣ.

Преданный вамъ.

Ив. Тургеневъ.

Боткинъ писалъ изъ Петербурга отъ 26 марта 1868 г.

„Сейчасъ получилъ ваше письмо и читалъ его съ признательностью и веселіемъ. Прежде всего я бываю радъ тому, что у васъ все обстоитъ благополучно, а теперь къ этому присоединяется и увѣренность, что мужики вашего участка голодать уже не будутъ. Вотъ что значитъ добрая воля и добрая рѣшимость человѣка! Я никакъ не надѣялся, что ты въ одной Москвѣ соберешь такую сумму. Какъ весело должно биться теперь твое сердце!

„Лихорадка моя, кажется, кончилась, по крайней мѣрѣ вотъ уже недѣля, какъ жаръ не возвращается. Но странно, что во все продолженіе ея ревматизмы мои словно замерли, и я ихъ не чувствовалъ. Но какъ только прошла она,—всѣ они возвратились съ сугубымъ ощущеніемъ боли. Братъ Сережа торопитъ меня отъѣздомъ заграницу, потому что петербург-

ская весна самая опасная для этого. И я собирался выѣхать въ концѣ этой недѣли въ Висбаденъ и шесть недѣль буду брать ванны.

„Искренно радуетъ и успокоиваетъ меня то обстоятельство, что твоя судейская практика идетъ удовлетворительно и не тяготитъ тебя. Въ здравомыслiи твоемъ я никогда не сомнѣвался, но признаюсь, боялся опрометчивости и излишней нервозности. Но какъ ты пишешь, у васъ по большей части дѣла все однородныя, и, слѣдовательно, примѣниться къ нимъ нетрудно.—Я слышалъ, что Ив. Серг. кончилъ съ дядей на 20-ти тысячахъ наличными деньгами за всю претензію. Его ждутъ въ апрѣлѣ сюда и слышно, что онъ пишетъ какую то повѣстушку. При той внутренней запутанности, въ какой онъ находится, едва ли можетъ онъ сдѣлать что нибудь порядочное. Между тѣмъ успѣхъ романа Толстаго дѣйствительно необыкновенный: здѣсь всѣ читаютъ его и не только просто читаютъ, но приходятъ въ восторгъ. Какъ я радъ за Толстаго! но отъ литературныхъ людей и военныхъ спецiалистовъ слышатся критики. Послѣдніе говорятъ, что, напр., Бородинская битва описана совсѣмъ невѣрно, и приложенный Толстымъ планъ ея произволенъ и несогласенъ съ дѣйствительностью. Первые находятъ, что умозрительный элементъ романа очень слабъ, что философiя исторiи мелка и поверхностна, что отрицаніе преобладающаго вліянія личности въ событiяхъ есть не болѣе какъ мистическое хитроумiе; но помимо всего этого художественный талантъ автора внѣ всякаго спора. Вчера у меня обѣдали и былъ также Тютчевъ,—и я сообщаю отзывъ компанiи. Самъ я романа не читалъ. Пробѣжалъ въ Литерат. Библiотекѣ статью твою „Изъ деревни“. Очень, очень мило. Ѣхать мнѣ заграницу очень не хочется—что за удовольствiе путешествовать больному. Вѣроятно, я проберусь въ Парижъ, потому что тамъ теплѣе, нежели въ Германiи, и тамъ останусь до Висбадена, т. е. до того времени, какъ можно брать ванны, на которыя моя единственная надежда. Графъ Ал. Толстой окончилъ свою драму „Ѳедоръ Iоанновичъ“ и читалъ ее у меня. Концепцiя характера Ѳедора весьма удачна, хотя, какъ всѣ произведенiя Ал. Толстаго, не оживитъ читателя ни однимъ по-

этическимъ ощущеніемъ. За то этотъ родъ талантовъ по плечу большинства. Впрочемъ, самъ Ал. Толстой чувствуетъ поэтическое и принадлежитъ къ немногимъ почитателямъ твоихъ стихотвореній. — Ты такъ разборчиво написала, милая Маша, что не могу не возблагодарить тебя, — совершенная противоположность Фету, который только хвастается тѣмъ, что скоро пишетъ свои письма. Нынѣшнюю зиму самый пріятнѣйшій домъ былъ у Толстыхъ; лѣто и будущую зиму они проводятъ въ Курской губерніи. Прощайте пока, мои милые друзья. Дай Богъ намъ дожить до свиданія будущей зимой.

Навсегда вашъ *В. Боткинъ.*

5 іюня онъ писалъ изъ Висбадена:

„Давно чувствую потребность писать къ вамъ, и, какъ часто бываетъ, потребность эта остается неудовлетворенною. Добрался я до Висбадена въ самомъ немощномъ положеніи; пріѣхавъ въ Берлинъ, я принужденъ былъ взять себѣ слугу, ибо мои руки и ноги совсѣмъ безъ силы и даже не въ состояніи снять съ себя рубашки. Теплая погода, спокойствіе и лѣченіе нѣсколько возстановили меня; говорю нѣсколько, потому что пятиминутная прогулка меня утомляетъ, и опухоль ногъ и рукъ безъ измѣненія. Не знаю, какъ подѣйствуютъ ванны: я взялъ ихъ уже 14, осталось еще столько же, но хуже мнѣ нѣтъ. Живу я здѣсь совершенно уединенно, и Богъ знаетъ какъ радъ тому, что у меня здѣсь нѣтъ знакомыхъ: мнѣ тяжело вести разговоры. Немножко читаю, иногда слушаю плохую военную музыку (другой нѣтъ); больше лежу, ибо постоянно чувствую утомленіе и усталость. Въ 10 часовъ вечера я уже въ постели и не нарадуюсь этому. Напишите мнѣ о себѣ и о своемъ житьѣ. Все ли у васъ благополучно? Не браните меня за краткость моего письма, — писать тяжело, — вотъ поговорить бы хотѣлось съ вами и послушать ваши милыя рѣчи, потому что все васъ окружающее мнѣ близко къ сердцу.

Всей душой вашъ *В. Боткинъ.*

Однажды, въ концѣ августа, арендаторъ Тимской мельницы, Н. И. А—въ, пріѣхалъ и положительно заговорилъ о своемъ намѣреніи купить Тимъ. Я обѣщалъ ему самъ пріѣхать вначалѣ сентября въ Ливны для окончательныхъ переговоровъ. И дѣйствительно, придя къ полному убѣжденію, что работать на мельницѣ, помимо рѣшительной ея гибели, можетъ только самъ владѣлецъ, а не арендаторъ, я вначалѣ сентября отправился въ Ливны. Конечно, попавши между двухъ братьевъ покупщиковъ, я вначалѣ никакъ не предполагалъ той сравнительно скудной цѣны, которую предложили мнѣ за имѣніе. Явно по предварительному соглашенію, они остановились на суммѣ 31-й тысячи, въ виду того, что, по моимъ объявленіямъ о продажѣ, другихъ покупателей не являлось. Даже строительный, приготовленный мною, дубовый лѣсъ пошелъ въ ту же цѣну. Признаюсь, я былъ очень огорченъ такимъ исходомъ дѣла, и когда, ударивъ по рукамъ и получивъ запродажную запись съ выдачей задатка, братья А—вы по обычаю предложили мнѣ распить бутылочку шампанскаго, — я ушелъ, отказавшись отъ всякаго угощенія. Совершеніе купчей назначено было на 28-е января.

Боткинъ писалъ отъ 15 сентября 1868 года изъ Парижа:

„Если я не пишу къ вамъ, милые, добрые друзья,—это доказываетъ только, что мнѣ писать очень трудно отъ общей слабости. Но вы постоянно у меня на сердцѣ. И съ какимъ удовольствіемъ читаю я ваши рѣдкія письма. Хорошо ты сдѣлалъ, что раздѣлался съ Тимомъ. Воображаю, какъ вы рады открытію желѣзной дороги! Ей-Богу, не могу больше писать. О себѣ не говорю: очень худо и не въ состояніи сойти съ мѣста.

Душевно преданный *В. Боткинъ*.

Изъ Рима отъ 28 октября 1868 года:

„Милые друзья мои! съ чувствомъ искреннѣйшей радости получилъ ваше письмо и считаю совершенно излишнимъ благодарить васъ за ваше участіе: дѣйствительно, такъ пришло плохо, что далѣе идти по этой дорогѣ долго невозможно; точно я чувствую внутри себя какой-то злой недугъ, который сосетъ мои жизненныя силы. Странно, что въ процессѣ

моей болѣзни постоянное ухудшеніе. Сверхъ моего чаянія, пріѣздъ брата Миши рѣшилъ мою поѣздку въ Римъ. Какъ Миша довезъ меня, я до сихъ поръ не могу понять этого, тѣмъ болѣе, что меня изъ вагона въ вагонъ переносили: мои ноги и руки были безъ всякаго движенія. Я зналъ, что не найду въ Римѣ дѣльнаго врача; но я уже потерялъ вѣру въ медицинское пособіе. Я хотѣлъ быть съ Мишей и, слава Богу, достигъ этого. Какъ мнѣ было интересно читать подробности о жизни въ Степановкѣ; странное дѣло: не смотря на безобразіе ея мѣстоположенія, я Степановку люблю ужасно. Я здѣсь живу, какъ никогда не жилъ отъ роду: занимаю квартиру первую въ Римѣ; а Миша такого повара нашелъ здѣсь, что каждый обѣдъ вызываетъ знаки восклицанія и умиленія. Ты можешь себѣ представить, какъ у меня затрепетало сердце, когда я прочелъ сначала предложеніе Фета, а потомъ твое, Маша, пріѣхать ко мнѣ. Милый мой Фетъ! я знаю, что это неосуществимо, но за это великодушное предложеніе я не знаю, какъ благодарить тебя. Конечно, если бы я былъ въ Парижѣ, это было бы сколько-нибудь возможно: близость разстоянія, спокойствіе переѣзда, — но увы! Римъ все это сдѣлалъ невозможнымъ. Я не говорю, какимъ бы счастіемъ было для меня твое присутствіе, но увы! такая дальняя дорога... Положимъ, что ты могла бы взять кого-нибудь для компаніи; но одно простое рѣшеніе возбуждаетъ нѣкоторый ужасъ. Какъ бѣдному Фету оставаться одному? но на всякій случай, если это осуществимо, то всѣ расходы, разумѣется, должны быть непремѣнно на мой счетъ, и если удастся найти компаніонку, то это было бы еще лучше. Хотя всѣ больные дѣлаются невыносимыми эгоистами, но мой эгоизмъ такъ далеко не смѣетъ идти. Пожалуйста пишите мнѣ чаще. Самъ писать я не въ состояніи отъ опухоли въ рукахъ, а еще болѣе отъ слабости и изнуренія. Прощайте, милые друзья. Ты замѣчаешь, что я не жалуюсь на свое положеніе?—Но вѣдь это совершенно безполезно.

Вашъ навсегда *В. Боткинъ*.

Надо отдать справедливость Степановкѣ въ томъ, что деревья, саженныя въ ней, расли и развивались съ неимовѣр-

ной быстротою. Первою моею заботой было провести съ проселка къ дому широкій проѣздъ и, окопавъ его рвами, обсадить ветлами. Въ восьмилѣтнее пребываніе наше въ Степановкѣ, ветлы разрослись пышною аллеей. Какъ ни красивы эти ветлы были въ лѣтнее время, но остались онѣ въ моемъ воспоминаніи осенними, желтолистными, мокрыми, роняющими холодныя капли на сотни лежащихъ подъ ними до костей промокшихъ людей, большею частію въ рваной одеждѣ и худой обуви. Картина далеко непривлекательная и тѣмъ болѣе тяжкая для человѣка, поставленнаго въ мнимую обязанность защищать неправо обиженныхъ людей. Выше я старался въ приведенныхъ судебныхъ разбирательствахъ показать безсиліе судьи защитить частное лицо отъ хищничества массъ. Картина моихъ ветлъ съ валяющимися подъ ними промокшими до костей и частію тифозными желѣзно-дорожно-рабочими заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ, изъ которыхъ настолько же ясно будетъ безсиліе мироваго судьи защитить массу отъ грабежа одного лица. Рабочая артель съ Орловско-Грязской желѣзной дороги, слишкомъ въ 300 человѣкъ, привалила ко мнѣ съ предъявленіемъ иска въ 2500 р. со своего бывшаго подрядчика, крестьянина Тульской губ., Новосильскаго уѣзда, который ушелъ домой, не разсчитавши никого и, какъ слышно, забравши деньги по своему участку въ главной орловской строительной конторѣ. Въ виду искомой суммы, я направилъ несчастныхъ людей по осенней грязи и дождю за 35 верстъ въ орловскій окружной судъ, который, поясняя, что сумма эта состоитъ изъ отдѣльныхъ исковъ 300 человѣкъ, направилъ истцовъ снова къ мировому судьѣ. Тѣмъ временемъ я успѣлъ снестись съ главною орловскою конторой, которая, кратко поясняя, что рядчику (имя рекъ) слѣдуетъ дополучить съ конторы 1350 руб., — препроводила ко мнѣ эти деньги для зависящаго употребленія. Не трудно было разсчесть, что каждому по его рабочей книжкѣ приходится получить только 54 коп. за рубль. Но каково одному человѣку въ теченіи трехъ сутокъ разъяснять это тремъ-стамъ голоднымъ и холоднымъ людямъ. Люди эти съ полнымъ правомъ не желаютъ знать какихъ-то условныхъ тонкостей, по которымъ у нихъ слѣдуетъ отнять половину трудовыхъ де-

негъ. Они разсказываютъ, что рядчикъ успѣлъ уже на имя жены накупить земли въ своей губерніи; и если бы я снабдилъ каждаго изъ нихъ или всѣхъ вмѣстѣ исполнительными листами, то это привело бы ихъ только къ новымъ переходамъ и бѣдствіямъ въ ненастное время. Самое полученіе мною безконтрольной суммы 1350 руб. съ орловской конторы было съ моей стороны уже самовольнымъ выступленіемъ въ административную область, тогда какъ моя роль по закону ограничивалась только заочнымъ признаніемъ долга подрядчика на основаніи рабочихъ книжекъ. Да и то я могъ разбирать дѣло не прежде обратнаго полученія повѣстки рядчику изъ Новосильскаго уѣзда, чего невозможно было ожидать раньше двухъ недѣль. А между тѣмъ мокрые и голодные рабочіе день и ночь сидѣли и лежали около канавы аллеи въ ожиданіи помощи. Предоставляю всякому судить, до какой степени легко было вразумить рабочихъ, что только случайнымъ образомъ я могу дать каждому 54 коп. за рубль его заработка, и затѣмъ надо разсчесть каждаго, согласно его заработку по книжкѣ. Мы сѣли съ письмоводителемъ за работу въ 7 час. утра и, за перерывами завтрака, обѣда и вечерняго чая,—просидѣли до трехъ часовъ ночи. Какое счастіе, можно сказать, что рабочіе только занесли тифъ въ нашу усадьбу, гдѣ человѣкъ пять переболѣло этою страшною болѣзнью. Спрашивается, что бы могъ сдѣлать судья, не снабженный никакою административною властью, если бы нѣсколько тифозныхъ не были бы въ состояніи подняться и уйти изъ подъ ракитокъ? Не значитъ ли это, подъ предлогомъ высокой справедливости, отказывать во всякой дѣйствительной справедливости?

Привязанный хозяйственными заботами и служебными обязанностями къ Степановкѣ и Мценску, я только въ серединѣ зимы могъ на недѣлю или на двѣ отрываться въ Москву и, конечно, не имѣлъ времени и побужденія бывать въ другихъ городахъ. Не помню, почему именно осенью 1868 года я въ бытность въ Орлѣ ночевалъ въ тамошней почтовой гостинницѣ. Проходя по корридору, я вдругъ остановился въ изумленіи передъ человѣкомъ, шедшимъ мнѣ навстрѣчу и, повидимому, изумленнымъ не менѣе меня. Промедливъ секунду,

мы, не говоря ни слова, бросились обнимать другъ друга. Человѣкъ этотъ былъ графъ Ал. Конст. Толстой.

— Вы не завтракаете? спросилъ онъ меня.—Чѣмъ же васъ угощать?

Я попросилъ кофею. „Кофею, крикнулъ онъ вошедшему слугѣ,—самаго лучшаго кофею".

Не берусь передавать подробности нашей задушевной бесѣды. Тутъ мы узнали другъ отъ друга, что, не взирая на различіе путей жизни, мы ни на минуту не переставали носить въ груди самыя живѣйшія взаимныя симпатіи, которая должна была загораться отъ перваго благосклоннаго соприкосновенія.

Я такъ счастливъ, что, сохранивши письма друзей, могу подлинными словами ихъ замѣнять мои собственныя, которыхъ, по прошествіи долгаго времени, я и самъ не рѣшился бы считать непогрѣшимыми. Если въ письмахъ моихъ друзей окажутся преувеличенныя мнѣ похвалы, то онѣ свидѣтельствуютъ не о моей высотѣ, а о высотѣ духовнаго строя пишущихъ. Нельзя же требовать отъ прирожденнаго поэта, который, какъ искрометное вино, рветъ пробку, прежде чѣмъ польется въ стаканъ, чтобы онъ даже въ дружескомъ письмѣ, охарашивалъ и подвивалъ слова, какъ куаферъ свою восковую куклу. Но намъ пришлось разставаться, и мы обѣщали другъ другу наши карточки, а по временамъ и письма.

Графъ писалъ мнѣ отъ 20 декабря 1868 года изъ Черниговской губ.:

„Любезный и дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, спѣшу воспользоваться вашимъ адресомъ и посылаю вамъ Коринѳскую невѣсту и Проэктъ постановки Ѳедора.

„Жена, когда думала, что вы будете къ намъ на масляницу, очень обрадовалась и приказала васъ благодарить. Обнимаю васъ отъ всего сердца.

Вашъ *Ал. Толстой*.

Онъ же отъ 19 февраля 1869 года:

„Дражайшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, какая досада, что вы собираетесь къ намъ, когда мы должны ѣхать въ Одессу. Я послалъ нарочнаго въ Брянскъ съ телеграммой въ Зміевку,

но мнѣ ее возвратили съ объясненіемъ: туда де не принимаютъ. Какъ это умно! Мы остаемся въ Одессѣ одну недѣлю и вначалѣ марта будемъ ожидать васъ въ Красный Рогъ. До того я или васъ увижу, или къ вамъ напишу. Везу мою жену въ Одессу отъ *безсонницы*. Обнимаю васъ, жена вамъ дружески кланяется и ждетъ васъ.

Ал. Толстой.

Отъ 18 марта 69 года:

„Любезный, *давно* любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, не стану оправдываться въ томъ, что доселѣ не отвѣчалъ на ваше любезное письмо, сопровождавшее вашу карточку, потому не стану оправдываться, что нѣтъ у меня оправданій. Спасибо вамъ и за все, и за то, что *вамъ съ нами хорошо и просто*. Покажите же это на дѣлѣ и пріѣзжайте въ Красный Рогъ. Дорога не сложная: Орелъ, Брянскъ, Выгоничи, Красный Рогъ. А здѣсь весною очень, очень хорошо и глухарей будетъ довольно и вальдшнеповъ. Пожалуйста не отмѣняйте вашего добраго намѣренія. Мы васъ любили за глаза, а въ глаза еще болѣе полюбили. Скажу вамъ еще подъ секретомъ, что здѣсь въ лѣсу весною образуются такія красивыя озера, какихъ я нигдѣ не видалъ. Позвольте васъ обнять дружески, именно, какъ стариннаго знакомаго, и ожидать васъ съ распростертыми объятіями. Жена и мы всѣ сердечно вамъ кланяемся.

Вашъ *Ал. Толстой.*

Красный Рогъ.
18 марта, день смерти Іоанна Грознаго.

Отъ 12 мая 69 г. онъ писалъ:

Красный Рогъ.

„Ждемъ васъ къ 8 іюля, милый и дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, ждемъ васъ unguibus et rostro! Unguibus—чтобы васъ обнять, rostro—чтобы расцѣловать. Говорю, по крайней мѣрѣ, за себя. Когда вы пріѣдете, erit bibendum et pede libero pulsanda tellus! Я останусь не только до 8 іюля, но до половины или конца іюля. Выводки у насъ будутъ не только

тетеревиные, но и *глухариные*. Глухарей нынѣшній годъ было много. А потомъ, коли вамъ не претитъ, я буду вамъ читать, сколько написалось, *Царя Бориса*, и три новыя баллады. У васъ также, вѣроятно, есть кое что, а мнѣ не нужно вамъ говорить, что мы всѣ ваши самые искренніе почитатели. Не думаю, чтобы во всей Россіи нашелся кто либо, кто бы оцѣнилъ васъ, какъ я и жена. Мы намедни считали, кто изъ современныхъ иностранныхъ и русскихъ писателей останется и кто забудется. Первыхъ оказалось немного, но когда было произнесено ваше имя, мы въ одинъ голосъ закричали: „Останется, останется *навсегда!*“ И вы какъ будто сами себѣ не знаете цѣну! Жена кланяется вамъ и жметъ вашу руку. Смотрите же, не забудьте:

«Justum et tenacem propositi virum, —
Si fractus illabatur orbis,
Impavidum ferient ruinae» *).

„Не переставайте быть *tenax proposite!*

Душевно вашъ

Ал. Толстой.

По страсти къ охотѣ, я, конечно, описалъ бы всѣ сохранившіеся у меня въ памяти охотничьи эпизоды съ Тургеневымъ; но отчасти онъ передалъ самъ ихъ, разсказавъ, напримѣръ, какъ лѣсной прикащикъ въ Понырахъ, на вопросъ—есть ли дичина?—направляя открытую ладонь къ болоту, воскликнулъ: „а на счетъ всякой дикой птицы не извольте сумнѣваться! въ отличномъ изобиліи имѣется“. И какъ это изобиліе оказалось тѣмъ, что охотники называютъ: ни пера. Я бы разсказалъ, какъ въ Полѣсьѣ за Карачевымъ мы, пробравшись съ версту по мучительному кочкарнику, по которому изъ двухъ шаговъ одинъ разъ нога срывалась съ вершины кочки и вязла выше щиколотки въ промежуточной грязи, выбрались, наконецъ, на громадное и утомительное моховое

*) «Мужъ правоты, неотступный въ обдуманномъ, —
Онъ, еслибъ небо со трескомъ разрушилось,
И подъ обломками не испугается».

Горац. Кн. 3, Ода 3.

болото, гдѣ я убилъ одну холостую тетерьку, а Тургеневъ съ Аѳанасіемъ по одному несчастному бекасу. Я живо помню, когда, отставая на возвратномъ пути отъ измучившагося Тургенева, я услыхалъ его голосъ: „идите, несчастный! а то вы тутъ безъ насъ пропадете!“ И какъ съ коченѣющими ногами мнѣ предстояло пройти обратно версту по убійственному кочкарнику. Я никогда не забуду, какъ Тургеневъ, уже въ прежніе годы дававшій заклятія не охотиться болѣе въ Россіи, усѣвшись со мною на истерзанную оводами тройку, едва слышнымъ шепелявымъ голосомъ сталъ увѣрять меня, что это послѣдняя его охота въ Россіи. Совѣстясь, вѣроятно, кучера, онъ давалъ обѣты на французскомъ языкѣ. „Вы и въ прошломъ году, возражалъ я, говорили то же самое“.

„Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, теперь я уже поклялся великою клятвой матери моей. Этой клятвѣ я никогда не измѣнялъ. Вотъ видите ли, возьмите мою собаку, мое ружье и мои снаряды“.

Вотъ до какой степени мы были разочарованы исчезновеніемъ дичи. Понятно послѣ этого, въ какихъ яркихъ краскахъ я рисовалъ Борисову любезное приглашеніе графа Алексѣя Константиновича, распространявшееся и на Борисова, безъ котораго такая дальняя дорога показалась бы мнѣ скучной. Самъ Иванъ Петровичъ былъ давнишнимъ читателемъ и почитателемъ Ал. Толстаго.

Графъ Ал. Конст. Толстой писалъ отъ 23 іюня 1869 года.

Красный Рогъ.

„Милый, добрѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, ускорьте вашъ пріѣздъ, вмѣстѣ съ г-мъ Борисовымъ, ибо молодые глухари не только летаютъ, но летаютъ высоко и далеко. Теперь самая пора ихъ стрѣлять. Сверхъ того, есть полевые тетерева и молодые бекасы и дупели. Утокъ гибель. Можно за ними охотиться въ лодкѣ въ такъ называемомъ Каменномъ болотѣ. Однимъ словомъ, не отлагайте вашего пріѣзда. Есть у меня три акта *Царя Бориса*, которые я вамъ прочелъ бы съ наслажденіемъ, и три новыя баллады. Я смотрю, и мы всѣ смотримъ на вашъ пріѣздъ, какъ на праздникъ, и будемъ ожидать васъ съ распростертыми объятіями.

Весь вашъ *Ал. Толстой*.

Въ условный день мы съѣхались съ Борисовымъ въ Орлѣ и по Витебской дорогѣ отправились къ Брянску съ самыми розовыми мечтами, въ надеждѣ на моего Гектора. За нѣсколько станцій до Брянска поѣздъ что-то надолго остановился, и, не находя мѣста отъ полдневнаго зноя, остановился и я въ какомъ-то оцѣпенѣніи посреди залы 1-го класса. Не смотря на возвышенную температуру всего тѣла, я почувствовалъ какое-то необыкновенно мягкое тепло, охватившее средній палецъ правой руки. Опустивши глаза книзу, я увидалъ, что небольшой желтый, какъ пшеничная солома, медвѣженокъ, усѣвшись на заднія ноги, смотритъ вверхъ своими сѣроватыми глазками и съ самозабвеніемъ сосетъ мой палецъ, принимая меня, вѣроятно, за свою мать. Раздался звонокъ, и я долженъ былъ покинуть моего бѣднаго гостя.

Въ Брянскѣ насъ ожидала прекрасная графская тройка въ коляскѣ-тарантасѣ. Во всю дорогу до Краснаго Рога намъ приходилось убѣждаться по пересѣкаемой древесными корнями и въ нѣсколько верстъ застланной бревенчатымъ накатомъ дорогѣ въ невозможности ѣздить по ней на рессорахъ. Не взирая на нѣкоторое однообразіе хвойныхъ лѣсовъ, дорога всетаки не лишена была самобытной прелести. Густая стѣна елей порою раздвигалась, давая мѣсто озерцу, покрытому водорослями, откуда, при грохотѣ экипажа, почти изъ подъ самыхъ ногъ лошадей, съ кряканьемъ вылетали огромныя дикія утки; а по временамъ на высокихъ вершинахъ виднѣлись мощные отдыхающіе орлы. Излишне говорить, до какой степени любезны и гостепріимны были наши хозяева.

Не взирая на старинный и съ барскими затѣями выстроенный красивый деревянный домъ, мы съ Борисовымъ помѣщены были въ отдѣльномъ флигелѣ, гдѣ могли, не тревожа никого, подыматься раннею зарею на охоту, а равно и отдыхать по возвращеніи съ нея. Изъ постороннихъ мы въ домѣ застали блестяще образованнаго молодаго человѣка Х—о, занимающаго въ настоящее время весьма видное мѣсто въ нашей дипломатіи. Трудно было выбирать между бесѣдами графа въ его кабинетѣ, гдѣ, говоря о самыхъ серьезныхъ предметахъ, онъ умѣлъ вдругъ озарять бесѣду неожиданностью à la Прутковъ,—и салономъ, гдѣ графиня умѣла оки-

вить свой чайный столъ какимъ-нибудь тонкимъ замѣчаніемъ о старинномъ живописцѣ, или какомъ-либо историческомъ лицѣ, или, подойдя къ роялю, мастерскою игрою и пѣніемъ заставить слушателя задышать лучшею жизнью. Надо мимоходомъ замѣтить, что графъ, не будучи самъ охотникомъ, принужденъ былъ руководствоваться въ сужденіяхъ о состояніи охоты словами лѣсныхъ сторожей, тоже не охотниковъ; и введенный съ перваго же утра въ высокій строевой лѣсъ, я сразу увидалъ, что тутъ никакой охоты на тетеревей быть не можетъ, вопервыхъ, потому, что выводковъ ищутъ по кустамъ и гарямъ; а вовторыхъ, потому, что если мы случайно и нападали на выводокъ, то онъ сейчасъ же скрывался въ вершинахъ деревьевъ—и конецъ. Время было нестерпимо знойное, и мы довольно рано возвращались съ охоты въ свой флигель. Послѣ завтрака дня съ два устраивалось чтеніе графомъ сначала *Ѳедора Іоанновича*, а затѣмъ еще неоконченнаго *Царя Бориса*.

Однажды состоялась прогулка въ большой линейкѣ по лѣснымъ дачамъ. Молодой Х — о ѣхалъ верхомъ, а насъ всѣхъ везла прекрасная четверка. По страсти къ лошадямъ, я спросилъ графа о цѣнѣ лѣвой пристяжной.

— Этого я совершенно не знаю, былъ отвѣтъ;—такъ какъ хозяйствомъ рѣшительно не занимаюсь.

Когда дорога пошла между стѣнами ельника, графъ затянулъ чрезвычайно удобную для хороваго пѣнія тирольскую пѣсню про Андрея Гофера. Графиня завторила и затѣмъ запѣли всѣ въ экипажѣ и верхомъ, и пѣсня весьма гармонично сопровождалась эхомъ. Тамъ, гдѣ лѣса разбѣгались широкими сѣнокосами, я изумлялся обилію стоговъ сѣна. На это мнѣ пояснили, что сѣно накопляютъ впродолженіе двухъ-трехъ лѣтъ, а затѣмъ (кто-бы повѣрилъ?) за неимѣніемъ мѣста для склада, старые стога сжигаютъ. Этого хозяйственнаго пріема толстаго господина, проживавшаго въ одномъ изъ большихъ флигелей усадьбы, котораго я иногда встрѣчалъ за графскимъ столомъ, въ качествѣ главнаго управляющаго, я и тогда не понималъ и до сихъ поръ не понимаю.

Передъ однимъ изъ балконовъ находился прекрасно содержимый англійскій садъ, куда графъ выходилъ гулять послѣ

обѣда съ большой настойчивостью. Не желая отказываться отъ его вдохновенной бесѣды, я не отставалъ отъ него, хотя никогда не любилъ прогулокъ. Жалко было видѣть, что прилежная ходьба графа вызывалась нестерпимыми головными болями; и хотя бы онъ порою болѣзненно не хватался за лобъ, уже одинъ багровый цвѣтъ лица свидѣтельствовалъ о сильнѣйшемъ приливѣ крови. Эти ужасныя головныя боли не уступали никакимъ лѣченіямъ и минеральнымъ водамъ, куда графъ тѣмъ не менѣе пробовалъ обращаться. И вотъ одна изъ причинъ, по которымъ переписка наша понемногу замолкла.

Въ 1873 году Алексѣй Константиновичъ переслалъ мнѣ свою прелестную поэму: „Сонъ Попова“ при слѣдующихъ строкахъ:

Красный Рогъ.
12 октября 1873 г.

„Добрый, хорошій, милый, любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Прежде всего позвольте мнѣ васъ обнять и поблагодарить за добрую память и за стихотвореніе: „Только встрѣчу улыбку твою“... Вы знаете, какъ я и жена высоко цѣнимъ васъ и какъ человѣка, и какъ поэта, и вы можете себѣ вообразить, какое удовольствіе доставили намъ ваши строки. А теперь я долженъ вамъ сказать, отчего я до сихъ поръ вамъ не отвѣчалъ: съ мая мѣсяца у меня почти не перестаетъ болѣть голова, но послѣдніе два мѣсяца, особенно конецъ сентября и начало октября, были для меня настоящею пыткой, такъ что ни на часъ, ни на четверть часа я не былъ свободенъ отъ самыхъ яростныхъ невральгическихъ болей въ головѣ. Я не только не могъ для васъ списать „Попова“, но не могъ написать ни одной строчки. Теперь, по крайней мѣрѣ, я на нѣсколько часовъ бываю свободенъ и пользуюсь именно такимъ промежуткомъ, чтобы извиниться передъ вами. На дняхъ, жена и я, мы ѣдемъ заграницу на зиму, пока въ Швейцарію, въ Montreux, а тамъ можетъ быть и въ Италію. Что вы послѣднее время такъ мало пишете? Вамъ бы не слѣдовало переставать; а такъ какъ вы поэтъ лирическій par excellence, то все, что васъ окружаетъ, хотя-бы и проза, и свинство —можетъ вамъ служить отрицательнымъ вызовомъ для

поэзіи. Неужели бестіальскій взглядъ на васъ русскихъ фельетоновъ можетъ у васъ отбить охоту? Да онъ-то и долженъ былъ васъ подзадорить! Обнимаю васъ сердечно, жена вамъ дружески жметъ руку, всѣ мы васъ любимъ.

Вашъ *Ал. Толстой*.

Предоставляя болѣе подробное описаніе характеристики Алексѣя Толстаго его біографамъ, я остановился въ моихъ воспоминаніяхъ на немногихъ точкахъ нашихъ болѣе или менѣе случайныхъ встрѣчъ и считаю себя счастливымъ, что встрѣтился въ жизни съ такимъ нравственно здоровымъ, широко образованнымъ, рыцарски благороднымъ и женственно нѣжнымъ человѣкомъ, какимъ былъ покойный графъ Алексѣй Константиновичъ.

24 января 1869 года, запасшись необходимыми бумагами и главною купчею Тима, я съ вечернимъ курьерскимъ поѣздомъ Московско-Рязанской дороги отправился по направленію къ Грязямъ и оттуда въ Елецъ, куда по уговору ожидалъ и Н. И. Ак—ва для совершенія купчей въ окружномъ судѣ. Вспоминаю небольшое приключеніе свое на этомъ ночномъ поѣздѣ. Помню, что въ вагонѣ 1-го класса было довольно тѣсновато и, какъ мнѣ показалось, душно. Помню, что, почувствовавъ себя дурно, я всталъ и пошелъ въ уборную и на разсвѣтѣ, раскрывая глаза, увидалъ себя занимающимъ два мѣста рядомъ. Отъ слабости я едва поднималъ голову, хотя боли никакой не чувствовалъ. Оказалось, что, падая въ обморокѣ навзничъ, я спиною завалилъ дверку уборной, отворявшуюся внутрь; и уже не знаю, какимъ образомъ кондукторъ вынулъ меня оттуда. Покойно отдыхая на диванѣ, я понималъ, что обязанъ этимъ благотворительности нѣсколькихъ молодыхъ спутниковъ и спутницъ: они оказались елецкими помѣщиками и вѣроятно въ свою очередь спросили объ имени,—такъ какъ я совершенно ясно помню ихъ разсужденія о томъ, что до сихъ поръ они были убѣждены, что Фетъ только литературный псевдонимъ Шеншина.

По пріѣздѣ въ Елецъ, помню только ожидавшія ихъ двѣ прекрасныя тройки въ саняхъ, обитыхъ краснымъ сукномъ. Благодѣтели мои помѣстили меня въ однѣ изъ саней и отвезли

въ лучшую гостинницу, помнится, — Петербургскую. Конечно, они мнѣ сказали свою фамилію, и я усердно благодарилъ ихъ, но въ полусознательномъ состояніи я не удержалъ этого имени въ памяти и былъ бы очень счастливъ, чтобы хотя изъ этихъ записокъ они увидали, что я не забылъ ихъ благодѣянія.

Добравшись до теплаго номера, я, конечно, почти весь день пролежалъ въ постели. Зато на другой день бросился къ старшему нотаріусу пріуготовить безпрепятственное совершеніе купчей. Посмотрѣвши прежнюю купчую, старшій нотаріусъ наотрѣзъ заявилъ, что безъ вводнаго листа совершать купчей не станетъ. И когда я сталъ его просить,— нельзя ли въ архивѣ поискать дѣло о продажѣ мнѣ Тима,— онъ пояснилъ, что дѣла свалены въ величайшемъ безпорядкѣ, и чиновники архива невозможные пьяницы. Испытавши не разъ, что никакія формальности при купчей не гарантируютъ покупателя отъ возникновенія всяческихъ претензій на купленное имущество,— я никакъ не могъ понять, почему, при существованіи законной купчей, нотаріусы требуютъ такъ настойчиво и вводнаго листа? Но такъ какъ успѣхъ дѣла зависѣлъ отъ взгляда нотаріуса, а не моего, то и пришлось отправляться въ морозный нетопленный архивъ и не только обѣщать чиновникамъ извѣстное вознагражденіе за отысканіе дѣла, но ежеминутно давать имъ денегъ на водку, необходимую, по ихъ словамъ, чтобы согрѣться надъ работой въ морозномъ архивѣ. Когда часа черезъ два послѣ выдачи денегъ я являлся въ архивъ, то находилъ тружениковъ почти безъ языка. „Помилуйте, восклицалъ заглядывавшій въ архивъ старшій нотаріусъ:—вы распоили мнѣ моихъ чиновниковъ“.

— Вы же сами, отвѣчалъ я, вынуждаете меня рыться въ хаотическомъ архивѣ.

Такъ провелъ я два дня въ этомъ миломъ уголкѣ, который навѣрное былъ бы не забытъ Дантомъ въ его аду, если бы только былъ ему извѣстенъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить еще и другую заботу. Съ часу на часъ ждалъ я пріѣзда Ник. Ив. Ак—ва, а его-то, какъ нарочно, и не было. Наступилъ срочный день, условленный запродажною записью, а о Николаѣ Ивановичѣ ни слуху, ни духу.

Часовъ въ 9 утра я усѣлся за свой утренній кофей, желая развлечься хотя какимъ-нибудь механическимъ дѣйствіемъ. Вдругъ огненно-красная портьера въ переднюю зашевелилась, и изъ-за нея выглянуло лакомъ покрытое лицо Николая Ивановича.

— Николай Ивановичъ! да что жь вы это? я измучился.

— Помилуйте-съ, кажется въ самый срокъ!

— Я тутъ истомился съ этимъ полякомъ нотаріусомъ да съ его пьяными чиновниками, отыскивая отмѣтку вводнаго листа.

— Помилуйте-съ, онъ у меня-съ! Вы сами его мнѣ передали.

Вечеромъ того же дня съ деньгами, но уже безъ приключеній я отправился обратно въ Москву.

Тургеневъ писалъ отъ 13 января 1869 г. изъ Карлсруэ:

„Хотѣлъ было отвѣчать стихами по старой памяти на ваши милые стихи, любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., но какъ я ни шпорилъ своего Пегаса (не собаку мою, которая такъ называется, а Аполлонова коня)—ни съ мѣста! Нечего дѣлать, приходится прибѣгнуть къ oratio pedestris. Прежде всего позвольте выразить удовольствіе, доставленное мнѣ возобновленіемъ нашей переписки, а также и тѣмъ, что ваша поѣздка въ Елецъ и бѣдствованія по россейскимъ трактирамъ не остались безплодными, а, напротивъ, разрѣшились для васъ великолѣпной сдѣлкой, наполнившей ваши карманы ручьями „*цаковыхъ*“ *). Теперь, стало быть, можно вамъ успокоиться. Неужели Боткинъ такъ плохъ, и нельзя ли мнѣ узнать его адресъ? Я провожу зиму въ Карлсруэ, охочусь много, работаю мало. Въ январьской книжкѣ Русск. Вѣстника будетъ моя штука. Написана она горячо и безъ всякой задней мысли,—а, быть, можетъ, тоже не понравится. Г-жа Віардо ее не одобрила, и потому въ моихъ глазахъ судъ надъ нею уже произнесенъ. По крайней мѣрѣ не длинно. Только можно читать, что Л. Толстаго, когда онъ не философствуетъ,—да Рѣшетникова. Вы читали что-нибудь сего послѣдняго? Правда, дальше идти

*) Тургеневъ всегда говорилъ, что будто бы никто не произноситъ съ такимъ выраженіемъ, какъ я, слово *цаковый*, и что ему каждый разъ кажется, что я уже положилъ его въ карманъ.

не можетъ. Чертъ знаетъ что такое! Безъ шутокъ, очень замѣчательный талантъ.

„Ну а вы, мировая судія, что подѣлываете? Какъ-то вы лишились вашего возлюбленнаго предводителя? Вамъ непремѣнно надо написать свои мемуары и записки, какъ судьи.— Sine ira et studio, и не думая ни о нигилистахъ, ни о Некрасовѣ, ни даже о Минаевѣ. И когда я пріѣду весной въ деревню — въ Степановку, — вы должны уже мнѣ прочесть нѣсколько отрывковъ. Славно будетъ!

„Ну а засимъ прощайте. Милой вашей женѣ кланяюсь низехонько, а вамъ дружески жму руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. „Я посылаю письмо черезъ Борисова, ибо не знаю навѣрное, гдѣ вы витаете".

Проѣзжающій по Московско-Курской дорогѣ, взглянувъ на пятой верстѣ отъ Мценска къ Орлу налѣво, увидитъ каменную церковь села Волкова и на минуту мелькнувшій на просѣкѣ парка прекрасный каменный домъ. Это и была усадьба уѣзднаго предводителя В. А. Ш—а, съ которымъ мы уже встрѣчались въ этихъ воспоминаніяхъ. Сколько лицъ пировало въ этой большой залѣ за хлѣбосольнымъ столомъ хозяина, любившаго и умѣвшаго угостить! Предводитель, подобно Тургеневу, былъ любитель шахматной игры, и поэтому мы не разъ съ Тургеневымъ встрѣчались въ этомъ домѣ, не забывая притомъ и пріятнаго вліянія Редерера. Мало заинтересованный закулисными пружинами общественной жизни, я положительно не зналъ и не знаю до сихъ поръ причинъ, по которымъ, въ бытность мою въ Москвѣ, отслужившій пять трехлѣтій, Влад. Ал. не продолжалъ своего служенія, уступая мѣсто Ал. Арк. Тимирязеву, съ которымъ мы познакомились выше. Не знаю, кто изъ насъ чаще бывалъ у бывшаго предводителя: я или Тургеневъ. Что Тургеневъ не чуждался своей дворянской роли, заключаю потому, что видѣлъ его въ Спасскомъ, охорашивающимся передъ зеркаломъ въ только что полученномъ отъ портнаго дворянскомъ мундирѣ, въ которомъ, какъ онъ говорилъ, онъ ѣдетъ въ

болото, гдѣ я убилъ одну холостую тетерьку, а Тургеневъ съ Аѳанасіемъ по одному несчастному бекасу. Я живо помню, когда, отставая на возвратномъ пути отъ измучившагося Тургенева, я услыхалъ его голосъ: „идите, несчастный! а то вы тутъ безъ насъ пропадете!“ И какъ съ коченѣющими ногами мнѣ предстояло пройти обратно версту по убійственному кочкарнику. Я никогда не забуду, какъ Тургеневъ, уже въ прежніе годы дававшій заклятія не охотиться болѣе въ Россіи, усѣвшись со мною на истерзанную оводами тройку, едва слышнымъ шепелявымъ голосомъ сталъ увѣрять меня, что это послѣдняя его охота въ Россіи. Совѣстясь, вѣроятно, кучера, онъ давалъ обѣты на французскомъ языкѣ. „Вы и въ прошломъ году, возражалъ я, говорили то же самое“.

„Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, теперь я уже поклялся великою клятвой матери моей. Этой клятвѣ я никогда не измѣнялъ. Вотъ видите ли, возьмите мою собаку, мое ружье и мои снаряды“.

Вотъ до какой степени мы были разочарованы исчезновеніемъ дичи. Понятно послѣ этого, въ какихъ яркихъ краскахъ я рисовалъ Борисову любезное приглашеніе графа Алексѣя Константиновича, распространявшееся и на Борисова, безъ котораго такая дальняя дорога показалась бы мнѣ скучной. Самъ Иванъ Петровичъ былъ давнишнимъ читателемъ и почитателемъ Ал. Толстаго.

Графъ Ал. Конст. Толстой писалъ отъ 23 іюня 1869 года.

Красный Рогъ.

„Милый, добрѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, ускорьте вашъ пріѣздъ, вмѣстѣ съ г-мъ Борисовымъ, ибо молодые глухари не только летаютъ, но летаютъ высоко и далеко. Теперь самая пора ихъ стрѣлять. Сверхъ того, есть полевые тетерева и молодые бекасы и дупели. Утокъ гибель. Можно за ними охотиться въ лодкѣ въ такъ называемомъ Каменномъ болотѣ. Однимъ словомъ, не отлагайте вашего пріѣзда. Есть у меня три акта *Царя Бориса*, которые я вамъ прочелъ бы съ наслажденіемъ, и три новыя баллады. Я смотрю, и мы всѣ смотримъ на вашъ пріѣздъ, какъ на праздникъ, и будемъ ожидать васъ съ распростертыми объятіями.

Весь вашъ *Ал. Толстой*.

Въ условный день мы съѣхались съ Борисовымъ въ Орлѣ и по Витебской дорогѣ отправились къ Брянску съ самыми розовыми мечтами, въ надеждѣ на моего Гектора. За нѣсколько станцій до Брянска поѣздъ что-то надолго остановился, и, не находя мѣста отъ полдневнаго зноя, остановился и я въ какомъ-то оцѣпенѣніи посреди залы 1-го класса. Не смотря на возвышенную температуру всего тѣла, я почувствовалъ какое-то необыкновенно мягкое тепло, охватившее средній палецъ правой руки. Опустивши глаза книзу, я увидалъ, что небольшой желтый, какъ пшеничная солома, медвѣженокъ, усѣвшись на заднія ноги, смотритъ вверхъ своими сѣроватыми глазками и съ самозабвеніемъ сосетъ мой палецъ, принимая меня, вѣроятно, за свою мать. Раздался звонокъ, и я долженъ былъ покинуть моего бѣднаго гостя.

Въ Брянскѣ насъ ожидала прекрасная графская тройка въ колескѣ-тарантасѣ. Во всю дорогу до Краснаго Рога намъ приходилось убѣждаться по пересѣкаемой древесными корнями и въ нѣсколько верстъ застланной бревенчатымъ накатомъ дорогѣ въ невозможности ѣздить по ней на рессорахъ. Не взирая на нѣкоторое однообразіе хвойныхъ лѣсовъ, дорога всетаки не лишена была самобытной прелести. Густая стѣна елей порою раздвигалась, давая мѣсто озерцу, покрытому водорослями, откуда, при грохотѣ экипажа, почти изъ подъ самыхъ ногъ лошадей, съ кряканьемъ вылетали огромныя дикія утки; а по временамъ на высокихъ вершинахъ виднѣлись мощные отдыхающіе орлы. Излишне говорить, до какой степени любезны и гостепріимны были наши хозяева.

Не взирая на старинный и съ барскими затѣями выстроенный красивый деревянный домъ, мы съ Борисовымъ помѣщены были въ отдѣльномъ флигелѣ, гдѣ могли, не тревожа никого, подыматься раннею зарею на охоту, а равно и отдыхать по возвращеніи съ нея. Изъ постороннихъ мы въ домѣ застали блестяще образованнаго молодаго человѣка Х—о, занимающаго въ настоящее время весьма видное мѣсто въ нашей дипломатіи. Трудно было выбирать между бесѣдами графа въ его кабинетѣ, гдѣ, говоря о самыхъ серьезныхъ предметахъ, онъ умѣлъ вдругъ озарять бесѣду неожиданностью à la Прутковъ,—и салономъ, гдѣ графиня умѣла ожи-

вить свой чайный столъ какимъ-нибудь тонкимъ замѣчаніемъ о старинномъ живописцѣ, или какомъ-либо историческомъ лицѣ, или, подойдя къ роялю, мастерскою игрою и пѣніемъ заставить слушателя задышать лучшею жизнью. Надо мимоходомъ замѣтить, что графъ, не будучи самъ охотникомъ, принужденъ былъ руководствоваться въ сужденіяхъ о состояніи охоты словами лѣсныхъ сторожей, тоже не охотниковъ; и введенный съ перваго же утра въ высокій строевой лѣсъ, я сразу увидалъ, что тутъ никакой охоты на тетеревей быть не можетъ, вопервыхъ, потому, что выводковъ ищутъ по кустамъ и гарямъ; а вовторыхъ, потому, что если мы случайно и нападали на выводокъ, то онъ сейчасъ же скрывался въ вершинахъ деревьевъ—и конецъ. Время было нестерпимо знойное, и мы довольно рано возвращались съ охоты въ свой флигель. Послѣ завтрака дня съ два устраивалось чтеніе графомъ сначала *Ѳедора Іоанновича*, а затѣмъ еще неоконченнаго *Царя Бориса*.

Однажды состоялась прогулка въ большой линейкѣ по лѣснымъ дачамъ. Молодой Х — о ѣхалъ верхомъ, а насъ всѣхъ везла прекрасная четверка. По страсти къ лошадямъ, я спросилъ графа о цѣнѣ лѣвой пристяжной.

— Этого я совершенно не знаю, былъ отвѣтъ;—такъ какъ хозяйствомъ рѣшительно не занимаюсь.

Когда дорога пошла между стѣнами ельника, графъ затянулъ чрезвычайно удобную для хороваго пѣнія тирольскую пѣсню про Андрея Гофера. Графиня завторила и затѣмъ запѣли всѣ въ экипажѣ и верхомъ, и пѣсня весьма гармонично сопровождалась эхомъ. Тамъ, гдѣ лѣса разбѣгались широкими сѣнокосами, я изумлялся обилію стоговъ сѣна. На это мнѣ пояснили, что сѣно накопляютъ впродолженіе двухъ-трехъ лѣтъ, а затѣмъ (кто-бы повѣрилъ?) за неимѣніемъ мѣста для склада, старые стога сжигаютъ. Этого хозяйственнаго пріема толстаго господина, проживавшаго въ одномъ изъ большихъ флигелей усадьбы, котораго я иногда встрѣчалъ за графскимъ столомъ, въ качествѣ главнаго управляющаго, я и тогда не понималъ и до сихъ поръ не понимаю.

Передъ однимъ изъ балконовъ находился прекрасно содержимый англійскій садъ, куда графъ выходилъ гулять послѣ

обѣда съ большой настойчивостью. Не желая отказываться отъ его вдохновенной бесѣды, я не отставалъ отъ него, хотя никогда не любилъ прогулокъ. Жалко было видѣть, что прилежная ходьба графа вызывалась нестерпимыми головными болями; и хотя бы онъ порою болѣзненно не хватался за лобъ, уже одинъ багровый цвѣтъ лица свидѣтельствовалъ о сильнѣйшемъ приливѣ крови. Эти ужасныя головныя боли не уступали никакимъ лѣченіямъ и минеральнымъ водамъ, куда графъ тѣмъ не менѣе пробовалъ обращаться. И вотъ одна изъ причинъ, по которымъ переписка наша понемногу замолкла.

Въ 1873 году Алексѣй Константиновичъ переслалъ мнѣ свою прелестную поэму: „Сонъ Попова“ при слѣдующихъ строкахъ:

Красный Рогъ.
12 октября 1873 г.

„Добрый, хорошій, милый, любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Прежде всего позвольте мнѣ васъ обнять и поблагодарить за добрую память и за стихотвореніе: „Только встрѣчу улыбку твою“... Вы знаете, какъ я и жена высоко цѣнимъ васъ и какъ человѣка, и какъ поэта, и вы можете себѣ вообразить, какое удовольствіе доставили намъ ваши строки. А теперь я долженъ вамъ сказать, отчего я до сихъ поръ вамъ не отвѣчалъ: съ мая мѣсяца у меня почти не перестаетъ болѣть голова, но послѣдніе два мѣсяца, особенно конецъ сентября и начало октября, были для меня настоящею пыткой, такъ что ни на часъ, ни на четверть часа я не былъ свободенъ отъ самыхъ яростныхъ невральгическихъ болей въ головѣ. Я не только не могъ для васъ списать „Попова“, но не могъ написать ни одной строчки. Теперь, по крайней мѣрѣ, я на нѣсколько часовъ бываю свободенъ и пользуюсь именно такимъ промежуткомъ, чтобы извиниться передъ вами. На дняхъ, жена и я, мы ѣдемъ заграницу на зиму, пока въ Швейцарію, въ Montreux, а тамъ можетъ быть и въ Италію. Что вы послѣднее время такъ мало пишете? Вамъ бы не слѣдовало переставать; а такъ какъ вы поэтъ лирическій par excellence, то все, что васъ окружаетъ, хотя-бы и проза, и свинство —можетъ вамъ служить отрицательнымъ вызовомъ для

поэзіи. Неужели бестіальскій взглядъ на васъ русскихъ фельетоновъ можетъ у васъ отбить охоту? Да онъ-то и долженъ былъ васъ подзадорить! Обнимаю васъ сердечно, жена вамъ дружески жметъ руку, всѣ мы васъ любимъ.

Вашъ *Ал. Толстой*.

Предоставляя болѣе подробное описаніе характеристики Алексѣя Толстаго его біографамъ, я остановился въ моихъ воспоминаніяхъ на немногихъ точкахъ нашихъ болѣе или менѣе случайныхъ встрѣчъ и считаю себя счастливымъ, что встрѣтился въ жизни съ такимъ нравственно здоровымъ, широко образованнымъ, рыцарски благороднымъ и женственно нѣжнымъ человѣкомъ, какимъ былъ покойный графъ Алексѣй Константиновичъ.

24 января 1869 года, запасшись необходимыми бумагами и главною купчею Тима, я съ вечернимъ курьерскимъ поѣздомъ Московско-Рязанской дороги отправился по направленію къ Грязямъ и оттуда въ Елецъ, куда по уговору ожидалъ и Н. И. Ак—ва для совершенія купчей въ окружномъ судѣ. Вспоминаю небольшое приключеніе свое на этомъ ночномъ поѣздѣ. Помню, что въ вагонѣ 1-го класса было довольно тѣсновато и, какъ мнѣ показалось, душно. Помню, что, почувствовавъ себя дурно, я всталъ и пошелъ въ уборную и на разсвѣтѣ, раскрывая глаза, увидалъ себя занимающимъ два мѣста рядомъ. Отъ слабости я едва поднималъ голову, хотя боли никакой не чувствовалъ. Оказалось, что, падая въ обморокѣ навзничь, я спиною завалилъ дверку уборной, отворявшуюся внутрь; и уже не знаю, какимъ образомъ кондукторъ вынулъ меня оттуда. Покойно отдыхая на диванѣ, я понималъ, что обязанъ этимъ благотворительности нѣсколькихъ молодыхъ спутниковъ и спутницъ: они оказались елецкими помѣщиками и вѣроятно въ свою очередь спросили объ имени,—такъ какъ я совершенно ясно помню ихъ разсужденія о томъ, что до сихъ поръ они были убѣждены, что Фетъ только литературный псевдонимъ Шеншина.

По пріѣздѣ въ Елецъ, помню только ожидавшія ихъ двѣ прекрасныя тройки въ саняхъ, обитыхъ краснымъ сукномъ. Благодѣтели мои помѣстили меня въ однѣ изъ саней и отвезли

въ лучшую гостинницу, помнится, — Петербургскую. Конечно, они мнѣ сказали свою фамилію, и я усердно благодарилъ ихъ, но въ полусознательномъ состояніи я не удержалъ этого имени въ памяти и былъ бы очень счастливъ, чтобы хотя изъ этихъ записокъ они увидали, что я не забылъ ихъ благодѣянія.

Добравшись до теплаго номера, я, конечно, почти весь день пролежалъ въ постели. Зато на другой день бросился къ старшему нотаріусу пріуготовить безпрепятственное совершеніе купчей. Посмотрѣвши прежнюю купчую, старшій нотаріусъ наотрѣзъ заявилъ, что безъ вводнаго листа совершать купчей не станетъ. И когда я сталъ его просить,— нельзя ли въ архивѣ поискать дѣло о продажѣ мнѣ Тима,— онъ пояснилъ, что дѣла свалены въ величайшемъ безпорядкѣ, и чиновники архива невозможные пьяницы. Испытавши не разъ, что никакія формальности при купчей не гарантируютъ покупателя отъ возникновенія всяческихъ претензій на купленное имущество,— я никакъ не могъ понять, почему, при существованіи законной купчей, нотаріусы требуютъ такъ настойчиво и вводнаго листа? Но такъ какъ успѣхъ дѣла зависѣлъ отъ взгляда нотаріуса, а не моего, то и пришлось отправляться въ морозный нетопленный архивъ и не только обѣщать чиновникамъ извѣстное вознагражденіе за отысканіе дѣла, но ежеминутно давать имъ денегъ на водку, необходимую, по ихъ словамъ, чтобы согрѣться надъ работой въ морозномъ архивѣ. Когда часа черезъ два послѣ выдачи денегъ я являлся въ архивъ, то находилъ тружениковъ почти безъ языка. „Помилуйте, восклицалъ заглядывавшій въ архивъ старшій нотаріусъ:—вы распоили мнѣ моихъ чиновниковъ“.

— Вы же сами, отвѣчалъ я, вынуждаете меня рыться въ хаотическомъ архивѣ.

Такъ провелъ я два дня въ этомъ миломъ уголкѣ, который навѣрное былъ бы не забытъ Дантомъ въ его аду, если бы только былъ ему извѣстенъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить еще и другую заботу. Съ часу на часъ ждалъ я пріѣзда Ник. Ив. Ак—ва, а его-то, какъ нарочно, и не было. Наступилъ срочный день, условленный запродажною записью, а о Николаѣ Ивановичѣ ни слуху, ни духу.

Часовъ въ 9 утра я усѣлся за свой утренній кофей, желая развлечься хотя какимъ-нибудь механическимъ дѣйствіемъ. Вдругъ огненно-красная портьера въ переднюю зашевелилась, и изъ-за нея выглянуло лакомъ покрытое лицо Николая Ивановича.

— Николай Ивановичъ! да что жь вы это? я измучился.

— Помилуйте-съ, кажется въ самый срокъ!

— Я тутъ истомился съ этимъ полякомъ нотаріусомъ да съ его пьяными чиновниками, отыскивая отмѣтку вводнаго листа.

— Помилуйте-съ, онъ у меня-съ! Вы сами его мнѣ передали.

Вечеромъ того же дня съ деньгами, но уже безъ приключеній я отправился обратно въ Москву.

Тургеневъ писалъ отъ 13 января 1869 г. изъ Карлсруэ:

„Хотѣлъ было отвѣчать стихами по старой памяти на ваши милые стихи, любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., но какъ я ни шпорилъ своего Пегаса (не собаку мою, которая такъ называется, а Аполлонова коня)—ни съ мѣста! Нечего дѣлать, приходится прибѣгнуть къ oratio pedestris. Прежде всего позвольте выразить удовольствіе, доставленное мнѣ возобновленіемъ нашей переписки, а также и тѣмъ, что ваша поѣздка въ Елецъ и бѣдствованія по россейскимъ трактирамъ не остались безплодными, а, напротивъ, разрѣшились для васъ великолѣпной сдѣлкой, наполнившей ваши карманы ручьями „*цаковыхъ*“ *). Теперь, стало быть, можно вамъ успокоиться. Неужели Боткинъ такъ плохъ, и нельзя ли мнѣ узнать его адресъ? Я провожу зиму въ Карлсруэ, охочусь много, работаю мало. Въ январьской книжкѣ Русск. Вѣстника будетъ моя штука. Написана она горячо и безъ всякой задней мысли,—а, быть, можетъ, тоже не понравится. Г-жа Віардо ее не одобрила, и потому въ моихъ глазахъ судъ надъ нею уже произнесенъ. По крайней мѣрѣ не длинно. Только можно читать, что Л. Толстаго, когда онъ не философствуетъ,—да Рѣшетникова. Вы читали что-нибудь сего послѣдняго? Правда, дальше идти

*) Тургеневъ всегда говорилъ, что будто бы никто не произноситъ съ такимъ выраженіемъ, какъ я, слово *цаковый*, и что ему каждый разъ кажется, что я уже положилъ его въ карманъ.

не можетъ. Чертъ знаетъ что такое! Безъ шутокъ, очень замѣчательный талантъ.

„Ну а вы, мировая судія, что подѣлываете? Какъ-то вы лишились вашего возлюбленнаго предводителя? Вамъ непремѣнно надо написать свои мемуары и записки, какъ судьи.— Sine ira et studio, и не думая ни о нигилистахъ, ни о Некрасовѣ, ни даже о Минаевѣ. И когда я пріѣду весной въ деревню — въ Степановку, — вы должны уже мнѣ прочесть нѣсколько отрывковъ. Славно будетъ!

„Ну а засимъ прощайте. Милой вашей женѣ кланяюсь низехонько, а вамъ дружески жму руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. „Я посылаю письмо черезъ Борисова, ибо не знаю навѣрное, гдѣ вы витаете".

Проѣзжающій по Московско-Курской дорогѣ, взглянувъ на пятой верстѣ отъ Мценска къ Орлу налѣво, увидитъ каменную церковь села Волкова и на минуту мелькнувшій на просѣкѣ парка прекрасный каменный домъ. Это и была усадьба уѣзднаго предводителя В. А. Ш—а, съ которымъ мы уже встрѣчались въ этихъ воспоминаніяхъ. Сколько лицъ пировало въ этой большой залѣ за хлѣбосольнымъ столомъ хозяина, любившаго и умѣвшаго угостить! Предводитель, подобно Тургеневу, былъ любитель шахматной игры, и поэтому мы не разъ съ Тургеневымъ встрѣчались въ этомъ домѣ, не забывая притомъ и пріятнаго вліянія Редерера. Мало заинтересованный закулисными пружинами общественной жизни, я положительно не зналъ и не знаю до сихъ поръ причинъ, по которымъ, въ бытность мою въ Москвѣ, отслужившій пять трехлѣтій, Влад. Ал. не продолжалъ своего служенія, уступая мѣсто Ал. Арк. Тимирязеву, съ которымъ мы познакомились выше. Не знаю, кто изъ насъ чаще бывалъ у бывшаго предводителя: я или Тургеневъ. Что Тургеневъ не чуждался своей дворянской роли, заключаю потому, что видѣлъ его въ Спасскомъ, охорашивающимся передъ зеркаломъ въ только что полученномъ отъ портнаго дворянскомъ мундирѣ, въ которомъ, какъ онъ говорилъ, онъ ѣдетъ въ

экстренное дворянское собраніе. Поэтому я никакъ не могу понять фразы послѣдняго его письма: „Какъ-то вы лишились вашего возлюбленнаго предводителя?“ Тогда какъ съ одинаковымъ правомъ онъ бы могъ сказать *моего* или, по крайней мѣрѣ, *нашего*.

Тургеневъ изъ Карлсруэ писалъ отъ 18 февраля 1869 г.:

«Въ отвѣтъ на возгласъ соловьиный
(Онъ устарѣлъ, но голосистъ!)
Шлетъ щуръ сѣдой съ полей чужбины
Хоть хриплый, но привѣтный свистъ.
Эхъ! плохи стали птицы обѣ
И ужь не поюнѣть имъ вновь!
Но движется у каждой въ зобѣ
Все то же сердце, та же кровь....
И знай: едва весна вернется
И заиграетъ жизнь въ лѣсахъ, —
Щуръ отряхнется, встрепенется
И въ гости къ соловью махъ-махъ!»

„Вотъ, вѣрите ли, любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., ваше премилое стихотвореніе и меня расшевелило! Я очень радъ, что мы между собою совершили опять то, что въ 1866 году никакъ не удалось Баварской и Баденской арміи—eine Fühlung *). Весною, если никакого не встрѣтится препятствія, эта Fühlung непремѣнно превратится въ Zusammenkunft.

„Я воспользовался присланнымъ адресомъ и сегодня же написалъ письмо Василію Петровичу; да кстати уже двумъ другимъ калѣкамъ: Николаю Милютину да Александру Герцену; этотъ послѣдній больше всѣхъ искалѣченъ жизнью. Нѣтъ, рѣшительно, жизнь не шутитъ. И когда начинаетъ она щелкать, только держись! Всѣ старые грѣхи помянетъ, ни одного не пропуститъ! Перевалившись за 50 лѣтъ, человѣкъ живетъ какъ въ крѣпости, которую осаждаетъ смерть и непремѣнно возьметъ... Остается защищаться да и безъ вылазокъ.

„Нѣмецкую книгу, которую вы желаете имѣть, привезу

*) Fühlung—осязаніе, ощупываніе.

вамъ непремѣнно и очень любопытствую прочесть ваши замѣтки о мировомъ законодательствѣ. Что касается до моей посильной дѣятельности, то вамъ вѣроятно уже извѣстно, что я тиснулъ штуку въ первомъ номерѣ Русск. Вѣстника, а въ мартовской книжкѣ Вѣстника Европы будутъ помѣщены мои „Воспоминанія о Бѣлинскомъ“. Это, я полагаю, васъ нѣсколько больше заинтересуетъ. Но что меня теперь интересуетъ—это первое представленіе нашей оперетки („Послѣдній колдунъ“ съ музыкою г-жи Віардо) на Веймарскомъ театрѣ 8 апрѣля. Я непремѣнно туда поѣду и буду трепетать, хотя успѣхъ вѣроятенъ: музыка прелестная. Если оперетка понравится, то это можетъ имѣть важное вліяніе на будущую карьеру Віардо: она займется композиціей. Посылаю вамъ, какъ поэту и любителю изящнаго, фотографическую карточку старшей дочери г-жи Віардо; что за прелесть! Вотъ на кого нужно стихи писать. И талантомъ къ живописи она обладаетъ необычайнымъ, и вообще существо удивительное. Кланяюсь вашей женѣ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Не успѣли мы вернуться въ Степановку, какъ пришла вѣсть о смерти бѣдной Нади въ заведеніи „Всѣхъ Скорбящихъ“, гдѣ она провела послѣдніе свои годы. Изъ желанія привлечь вниманіе читателя, я началъ свои воспоминанія со встрѣчи моей съ выдающимися литературными дѣятелями моего времени, и не знаю, доведется ли мнѣ начать свою автобіографію съ дѣтства и отрочества. Но въ настоящую минуту, даже занимаясь исключительно второю половиной моей жизни, я поневолѣ иногда озираюсь на первую, находя въ ней однородныя явленія. Я никогда не забуду минуты, когда, только что кончившій курсъ 23-хъ лѣтній юноша, я готовъ былъ, уступая мольбамъ болѣзненно умирающей матери, отказаться отъ всей карьеры и, зарядивъ пистолетъ, однимъ вѣрнымъ ударомъ покончить ея страданія. Можно представить, съ какимъ радостнымъ умиленіемъ я смотрѣлъ на ея дорогое и просвѣтленное лицо, когда она лежала въ гробу. Не странно ли, что впослѣдствіи я не встрѣтилъ ни одной смерти близкихъ мнѣ людей безъ внутренняго прими-

ренія, чтобы не сказать—безъ радости. Такъ было и съ бѣдною Надей.

Толстой писалъ отъ 5 марта 1869 года:

„Ради Бога не измѣните, милый другъ. Съ 13-го на 14-е въ ночь васъ будутъ дожидаться лошади въ Ясенкахъ. А то кончится тѣмъ, что мы съ вами съ удивленіемъ встрѣтимся на томъ свѣтѣ.—„А, вы ужь здѣсь, Аѳан. Аѳан.?“—Виноватъ я за то, что не писалъ вамъ; но не наказывайте меня и пріѣзжайте не на день, а на два. Много надо поговорить. Наши душевные поклоны съ женою Марьѣ Петровнѣ. Ждемъ васъ съ большою радостью.

Вашъ *Л. Толстой.*

Съ первыхъ дней открытія мценскаго мироваго съѣзда, ежемѣсячныя засѣданія его остались вѣрными по сей день 12-му числу каждаго мѣсяца. Письмо графа, очевидно, приглашало меня воспользоваться прямо со съѣзда сравнительной близостью Ясенковъ отъ Мценска.

Въ маѣ мѣсяцѣ въ Степановку прибылъ съ молодою женою одинъ изъ меньшихъ братьевъ Боткиныхъ, Владиміръ, славившійся между знакомыми физическою силой и гимнастическими упражненіями. Я помню, какъ, возвращаясь теплой вечернею зарею въ половинѣ мая со степной прогулки, онъ остановился и, глубоко вздохнувъ, воскликнулъ, обращаясь къ женѣ своей: „неправда ли, что подобный воздухъ прибавляетъ десять лѣтъ жизни?“ Такое идиллическое расположеніе духа юнаго силача заставило насъ разсказывать объ осеннемъ пріѣздѣ въ Степановку втораго изъ старшихъ братьевъ Боткиныхъ—Николая, съ которымъ мы не разъ встрѣчались въ нашихъ воспоминаніяхъ, какъ съ человѣкомъ, находившимъ величайшую отраду въ доставленіи удовольствія другимъ. Въ послѣднее время онъ и въ Москвѣ появлялся рѣдко, а предавался своимъ нескончаемымъ путешествіямъ по Малой Азіи и Египту, такъ какъ Европа уже видимо ему надоѣла. Въ единственный пріѣздъ свой прошлою осенью въ Степановку, онъ прямо объявилъ, что пріѣхалъ проститься передъ отъѣздомъ въ Египетъ. Но при этомъ онъ былъ неузнаваемъ: онъ дотого былъ мраченъ, не взирая на всѣ усилія сопро-

вождавшаго его услужливаго компаніона, что даже три дня, проведенные имъ въ Степановкѣ, показались намъ тяжелыми.

Настоящая весна и лѣто, начавшіяся смертью Нади, не переставали напоминать о смерти. Не успѣли мы проводить въ Москву молодую чету Боткиныхъ, какъ получено было извѣстіе о слѣдующемъ приключеніи съ туристомъ Ник. Петр. Боткинымъ. Проѣздомъ изъ Александріи, онъ остановился въ Пештѣ въ большой гостинницѣ. Почему-то наканунѣ онъ отказалъ своему слугѣ-французу, помѣщавшемуся въ той же гостинницѣ нѣсколькими этажами выше. Ночью во время безсонницы, мучимый, вѣроятно, сожалѣніемъ о своемъ отказѣ, онъ, подымаясь въ верхніе этажи, сталъ отыскивать дверь слуги-француза, и увѣренный, что нашелъ ее, въ потьмахъ вошелъ въ номеръ. Ночевавшій въ номерѣ венгерецъ, считая пришедшаго за вора, сталъ громко звать на помощь. Этотъ крикъ въ свою очередь дотого напугалъ Боткина, что, принимая оконную раму съ низкимъ подоконникомъ за дверь, онъ, какъ сильный человѣкъ, сталъ кулакомъ бить по переплету и выламывать раму. Швейцаръ гостинницы, услыхавши вверху лѣстницы погромъ, со свѣчей и съ крикомъ бросился вверхъ, что̀, быть можетъ, еще усилило потерянность Боткина. Швейцаръ засталъ послѣдняго въ ту минуту, когда онъ вмѣстѣ съ выломленною рамой упалъ на мостовую съ пятаго этажа и, разумѣется, остался мертвымъ на мѣстѣ. Происшествіе это было такъ неожиданно и представляло такую путаницу, что гостившій у насъ двѣ недѣли тому назадъ Владиміръ Боткинъ тотчасъ же отправился въ Пештъ и привезъ оттуда въ Москву тѣло брата.

Боткинъ писалъ отъ 9 іюня 1869 г. изъ Италіи:

„Милые друзья! я теперь беру ванны на островѣ Исхіи и хотя взялъ уже 28 ваннъ, но на ревматизмъ онѣ вліянія не имѣли. Отсюда черезъ три дня отправляемся обратно тихими переѣздами до Мюнхена, гдѣ условились свидѣться съ Сережей. Куда онъ назначитъ, туда и поѣду. — Плохъ я, страшно слабъ; лишенный всякаго малѣйшаго движенія, не могу не только передвигать ноги, но даже стоять; словомъ, болѣзнь такъ сильно овладѣла мною, что я не имѣю никакихъ надеждъ на поправленіе. Еще здѣсь со мною братъ

Миша, которому я и диктую это письмо; а что будетъ безъ него, я боюсь и думать. Оттого мнѣ хочется на зиму въ Петербургъ. Мнѣ возражаютъ—климатъ,—а мнѣ всю зиму постоянно только дѣлалось хуже. А въ Петербургѣ я, по крайней мѣрѣ, буду у себя дома. Вообще все это должно рѣшиться при свиданіи съ Сережей,—гдѣ мнѣ придется зимовать. Какъ я часто вспоминаю Степановку и вашу тихую жизнь, и время, которое я жилъ тамъ, и вы не можете представить себѣ, какъ мнѣ пріятно все это вспоминать, и все это стало для меня невозвратнымъ прошедшимъ.

„Мы только на дняхъ кончили „Войну и Миръ“. Исключая страницъ о масонствѣ, которыя мало интересны и какъ-то скучно изложены,—этотъ романъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходенъ. Но неужели Толстой остановится на пятой части? Мнѣ кажется, это невозможно. Какая яркость и вмѣстѣ глубина характеристики! Какой характеръ Наташи и какъ выдержанъ! Да, все въ этомъ превосходномъ произведеніи возбуждаетъ глубочайшій интересъ. Даже его военныя соображенія полны интереса, и мнѣ въ большей части случаевъ кажется, что онъ совершенно правъ. И потомъ какое это глубоко-русское произведеніе.

„Къ немалому моему огорченію, Обрывъ Гончарова (увы! я самъ не читаю, все это читаетъ мнѣ Миша)—оказался длинной, многословной рапсодіей, утомительной до тошноты. Впрочемъ мы могли одолѣть только двѣ части. А между тѣмъ однакожь какой талантъ, какая изобразительность описаній! Ему описаніе вещей удается болѣе людей. Райскій есть просто нелѣпость.

„Вы не смотрите на мое молчаніе и будьте великодушны—пишите мнѣ. Вѣдь вы знаете, что вы мнѣ близкіе и дорогіе люди. Если Сережа не позволитъ мнѣ зимовать въ Петербургѣ, то я пріѣду на зиму въ Парижъ и тамъ постараюсь устроиться. Можетъ быть ты, Маша, навѣстишь меня? Я теперь не знаю, гдѣ я буду, и потому, какъ опредѣлится мое мѣстопребываніе, то я вамъ тотчасъ напишу. Пока прощайте, добрые друзья мои.

Преданный вамъ всѣмъ сердцемъ *В. Боткинъ.*

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ съ трагической смерти Николая Боткина, какъ пришла вѣсть о внезапно заболѣвшемъ тифомъ Владимірѣ Петровичѣ, который черезъ нѣсколько дней и скончался.

Вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ къ намъ изъ своей Грайворонки братомъ Петромъ Аѳан., мы отправились обѣдать къ Александру Никитичу и сестрѣ Любенькѣ. Конечно, въ нашемъ семейномъ кругу разговоръ тотчасъ же склонился къ смерти дорогой Нади. И по этому случаю Любинька первая подняла знамя бунта насчетъ отчужденности дорогой усопшей отъ семейнаго кладбища. Это, по выраженію ея, было намъ, близкимъ ея, — непростительно. „И мы должны, говорила она, употребить всѣ усилія и пойти на всѣ издержки, для перенесенія ея тѣла изъ Петербурга сюда“. Конечно, подъ живымъ впечатлѣніемъ недавней утраты, никто даже не спросилъ,—что значитъ: сюда? Правда, въ родовомъ селѣ Клейменовѣ покоится не отецъ, а дядя нашего отца и затѣмъ наши родители: отецъ и мать. Но болѣе изъ нашего рода никого тамъ нѣтъ. Судьба точно позаботилась раскидать всѣхъ нашихъ усопшихъ по всей странѣ отъ Петербурга и до Кавказа. Но увлеченіе такъ и называется только потому, что уноситъ насъ мимо всякихъ соображеній и препятствій. Положа раздѣлить расходъ на три части и зная мои дружескія отношенія къ Борисову,—меня просили съѣздить къ нему и передать ему нашу общую просьбу.

Борисовъ, никогда не бывшій особенно сообщительнымъ, велъ, со времени разлуки съ женою и отдачи сына въ училище, жизнь замѣчательно уединенную. Изъ трехъ главныхъ усадебныхъ Новосельскихъ построекъ, среднюю, т. е. домъ о десяти комнатахъ, Борисовъ, какъ слишкомъ большую для себя, заперъ; а старый флигель, въ которомъ когда-то жилъ отецъ нашъ, былъ частію обращенъ въ кухню, а частію въ жилище повара и единственнаго слуги. Самъ же Иванъ Петровичъ помѣщался въ новомъ флигелѣ, отстоящемъ шаговъ на сто какъ отъ дома, такъ и отъ стараго флигеля. Во флигелѣ этомъ, состоящемъ всего изъ двухъ большихъ и двухъ маленькихъ комнатъ, умерла когда-то наша мать, прожили мы съ женою два лѣта и проживалъ въ настоящее время Иванъ Петровичъ. Зи-

REESE LIBRARY OF THE UNIVERSITY

мою нельзя было себѣ представить ничего пустыннѣе этого флигеля, стоящаго неподалеку отъ опушки лѣса. Прислуга съ крыльца стараго флигеля, когда окна Ивана Петровича еще свѣтились, нерѣдко видала на дорожкѣ передъ его сѣнями флегматически стоящихъ волковъ,—когда одного, а когда и двухъ. Часы для подачи обѣда и самоваровъ были заранѣе опредѣлены, а въ экстренныхъ случаяхъ призыва слуги, Борисовъ выходилъ на свое крылечко и стрѣлялъ изъ ружья. Черезъ нѣсколько минутъ являлся слуга.

Въ первой комнатѣ на диванѣ мнѣ приготовили постель, но прежде чѣмъ отойти ко сну, мнѣ хотѣлось разъяснить вопросъ, ради котораго я пріѣхалъ. Только энергически сдержанной и изстрадавшейся натурой можно объяснить исходъ моей мирной и дружелюбной рѣчи. Не давая себѣ труда объяснить своего отказа, Борисовъ напрямикъ объявилъ, что чего бы родные его жены ни предпринимали, онъ авторитетомъ мужа трогать тѣло жены съ мѣста погребенія не позволитъ, и наконецъ спросилъ: „ты только передаешь рѣшеніе всѣхъ остальныхъ или же и самъ въ немъ участвуешь?“— Конечно, я отвѣчалъ, что участвую. „Ну такъ, сказалъ онъ съ дрожью въ голосѣ и съ брызнувшими слезами: не знай же ты болѣе ни меня, ни моего сына. Никто не знаетъ, что я сдѣлалъ гораздо болѣе, чѣмъ позволяютъ наши средства“.

Съ этими словами онъ круто повернулся и ушелъ въ свою комнату; и до отъѣзда моего ранним утромъ мы не обмѣнялись ни однимъ словомъ, и я слышалъ ясно его сдержанныя рыданія. Чего бы, кажется, проще было переступить черезъ порогъ, обнять друга дѣтства и даже разбранить его за неумѣстное трагическое воспріятіе плана, въ которомъ не было ни малѣйшаго желанія оскорбить его. Но я самъ былъ ошеломленъ всѣмъ случившимся, и, къ стыду моему, мнѣ не разъ въ жизни случалось (какъ сказалось у меня въ одномъ изъ стихотвореній):

«Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья»...

Тургеневъ писалъ отъ 23 августа 1869 года изъ Бадена: „20 сентября нашего стиля я подъѣду къ вашему Баден-

скому дому"—фраза эта, вычитанная мною въ вашемъ письмѣ, любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., повергла меня въ совершеннѣйшее недоумѣніе. 20 сентября нашего стиля равняется 2-му октября европейскаго,—значитъ съ небольшимъ черезъ три недѣли? Охота у насъ въ Баденѣ тогда въ самомъ разгарѣ, и вы бы имѣли всѣ возможные случаи отличиться. Но какъ же вы впродолженіе письма говорите о вашихъ работахъ по *мировой* части до самой весны и вообще уже болѣе не упоминаете объ этомъ путешествіи? Непонятно, рѣшительно непонятно! Жили бы вы, конечно, у меня въ домѣ, всѣ бы вамъ обрадовались, но всетаки это мнѣ кажется темнотою, и потому я не могу предаться никакимъ пріятнымъ мечтамъ по этому поводу.

„Здоровье мое исправилось, и я, хотя осторожно, могу съ разрѣшенія доктора ходить на охоту. Былъ всего два раза: въ первый разъ стрѣлялось отлично—изъ 14 выстрѣловъ попалъ 11 разъ; во второй разъ стрѣлялъ гораздо хуже: 27 выстрѣловъ—убито 15 штукъ. Долго ходить не могу. Однако послѣ завтра отправляюсь опять. Литературой занимаюсь мало и до сихъ поръ не могу окончить дурацкихъ моихъ „Воспоминаній". Театръ у г-жи Віардо устроенъ окончательно. Ѣздилъ въ Мюнхенъ, видѣлъ много хорошаго. Жизнь вообще ничего: то ползетъ, то течетъ и, главное, проходитъ.

„Мой садъ здѣсь также разростается: пріѣзжайте, посмотрите.

„Но какую же вы мнѣ задали загвоздку! На всякій случай къ 20-му сентября стараго стиля комната будетъ готова.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Толстой писалъ отъ 30 августа 1869 года:

„Получилъ ваше письмо и отвѣчаю не столько на него, сколько на свои мысли о васъ. Ужь вѣрно я не менѣе вашего тужу о томъ, что мы такъ мало видимся. Я дѣлалъ планы пріѣхать къ вамъ и дѣлаю еще. Но до сихъ поръ вотъ не готовъ шестой томъ, который я думалъ кончить мѣсяцъ тому назадъ,—до сихъ поръ, хотя весь давно набранъ,—не конченъ.

„Знаете ли что было для меня нынѣшнее лѣто?—Непереставшій восторгъ передъ Шопенгауэромъ и рядъ духовныхъ наслажденій, которыхъ я никогда не испытывалъ. Я выписалъ

всѣ его сочиненія и читалъ и читаю (прочелъ и Канта). И вѣрно ни одинъ студентъ въ свой курсъ не учился такъ много и столь многаго не узналъ, какъ я въ нынѣшнее лѣто. Не знаю, перемѣню ли я когда мнѣніе, но теперь я увѣренъ, что Шопенгауэръ геніальнѣйшій изъ людей. Вы говорили, что онъ такъ себѣ кое что писалъ о философскихъ предметахъ. Какъ кое что? Это весь міръ въ невѣроятно ясномъ и красивомъ отраженіи. Я началъ переводить его. Не возьметесь ли и вы за переводъ его? Мы бы издали вмѣстѣ. Читая его, мнѣ непостижимо, какимъ образомъ можетъ оставаться имя его неизвѣстнымъ? Объясненіе только одно, то самое, которое онъ такъ часто повторяетъ, что кромѣ идіотовъ на свѣтѣ почти никого нѣтъ. Жду васъ съ нетерпѣніемъ къ себѣ. Иногда душитъ неудовлетворенная потребность въ родственной натурѣ, какъ ваша, чтобы высказать все накопившееся.

Вашъ *Л. Толстой.*

„Уже написавъ это письмо, — рѣшилъ окончательно свою поѣздку въ Пензенскую губернію для осмотра имѣнія, которое я намѣреваюсь купить въ тамошней глуши. Я ѣду завтра 31-го и вернусь около 14-го. Васъ же жду къ себѣ и прошу вмѣстѣ съ женой къ ея именинамъ, т. е. пріѣхать 15-го и пробыть у насъ по крайней мѣрѣ дня три.

Л. Толстой.

Тургеневъ писалъ изъ Бадена отъ 3 октября 1869 года.

„Никакой вашей „кульпы“ *) нѣтъ, дорогой Аѳан. Аѳан., а моя необдуманность. Не могъ же я въ самомъ дѣлѣ предполагать, что вамъ возможно будетъ въ нынѣшнемъ году оторваться отъ вашихъ *міровыхъ* дѣйствій—и очутиться здѣсь, на *мирныхъ*, но отдаленныхъ берегахъ! Но коли не въ нынѣшнемъ году, то уже въ будущемъ я наивѣрнѣйшимъ образомъ на васъ разсчитываю и уже мысленно рисую васъ то съ ружьемъ въ рукѣ, то просто бесѣдующаго о томъ, что Шекспиръ былъ глупецъ, и что, говоря словами Л. Н. Толстаго,

*) Извиняясь въ неясности предшествующаго моего письма, я началъ свой отвѣтъ словами: «mea culpa» (моя вина).

только та дѣятельность приноситъ плоды, которая безсознательна. Какъ это, подумаешь, сѣверные американцы во снѣ, безъ всякаго сознанія, провели желѣзную дорогу отъ Нью-Іорка до С. Франциско? Или это не *плоды*? Но въ сторону философствованія, успѣемъ предаться имъ при свиданіи. Плохо то, что вы никакой охоты не имѣете; придется вамъ уже отложить эти попеченія до пріѣзда въ наши бусурманскіе края. Меня доктора было огорошили запрещеніемъ ходить на охоту, подъ предлогомъ, что у меня „Verdichtung der rechten Herzklappe“; однако теперь дѣло словно исправляется, да и жары свалили. Работалъ я, конечно, очень мало; загляните въ Литературныя Воспоминанія, помѣщенныя въ видѣ предисловія къ новому изданію (вамъ будетъ присланъ отъ моего имени Салаевымъ экземпляръ). Можетъ быть иное сорветъ съ вашихъ устъ улыбку.

„Письмо мое, вѣроятно, не застанетъ васъ въ Степановкѣ; вы будете въ Петербургѣ дивиться превратности временъ, при взглядѣ на развалины Боткина. Опишите это свиданіе, хотя, вѣроятно, радостнаго въ немъ будетъ мало.

„Семейство Віардо здравствуетъ и процвѣтаетъ и шлетъ вамъ поклоны. Мы продолжаемъ музицировать, занимаемся оперетками и т. д. Сегодня, напримѣръ, у насъ представленіе на ново-построенномъ театрѣ, въ присутствіи короля и королевы Прусской. Вотъ въ какихъ мы, батюшка, гонёрахъ!

„Зиму я думаю провести здѣсь, а можетъ быть въ Веймарѣ. Поклонитесь отъ меня вашей милой супругѣ. А что Муза— совсѣмъ умолкла?

„Крѣпко жму вамъ руку и желаю всего хорошаго.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

VII.

Смерть В. П. Боткина.—Болѣзнь Петруши Борисова.—Письма.—Встрѣча съ англичаниномъ у Тургенева.—У Каткова на дачѣ.—Болѣзнь жены.—Я ѣду въ Москву за докторомъ.—Письма.—Болѣзнь и смерть И. П. Борисова.—Петруша Борисовъ.—Письма.

Воспоминанія мои подходятъ къ эпизоду, подробно мнѣ знакомому, хотя я лично въ немъ роли не игралъ. Я говорю о смерти Василія Петровича, подробности которой слышалъ со всѣхъ сторонъ, начиная съ любимаго имъ брата Дмитрія Петровича, котораго онъ за нѣсколько дней до своей кончины вызвалъ въ Петербургъ. Василій Петровичъ, у котораго всѣ сочлененія и въ особенности руки были сведены ревматизмомъ, былъ перевезенъ въ Петербургъ съ особенными предосторожностями и переносился съ мѣста на мѣсто на кожѣ съ прикрѣпленными къ ней ручками. Въ Петербургѣ, по его предварительному распоряженію, нанята была для него великолѣпная квартира, убранная со всевозможнымъ комфортомъ и роскошью. Повара онъ нанялъ изъ кухни Цесаревича и ежедневно провѣрялъ обѣденную карту. Онъ устроилъ себѣ прекрасный квартетъ изъ мастерскихъ исполнителей и самъ назначалъ любимыя свои пьесы. За великолѣпными обѣдами, на которыхъ Вас. Петр. присутствовалъ болѣе какъ зритель, ежедневно собирались интересовавшіе его друзья, и онъ настойчиво рекомендовалъ блюдо, казавшееся ему наиболѣе удачнымъ.

„Митя, говорилъ онъ брату, вотъ меня осуждали за бережливость. Зато ты видишь, какъ я обстановилъ свою жизнь передъ концомъ. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени мнѣ это пріятно. Райскія птицы поютъ у меня на душѣ“.

„4-го окт., разсказывалъ ходившій за больнымъ Дмитрій Кирилловичъ, у насъ заказанъ былъ квартетъ, и къ обѣду ожидалось много гостей. Зная, что у Василія Петровича отъ долговременной неподвижности на постели отекали члены, я, покуда онъ еще не вставалъ, перекладывалъ его на подушкѣ. Переложивъ его такимъ образомъ, я черезъ какихъ нибудь полчаса вздумалъ поправить его снова. Но когда я подходилъ къ нему, онъ показался мнѣ чрезмѣрно тихъ. Я пригнулся, чтобы прислушаться къ его дыханію. Дыханія не было, а руки и лобъ уже похолодѣли. Я и не замѣтилъ какъ онъ кончился".

Толстой писалъ отъ 21 октября 1869 г.:

„Я въ Москвѣ чуть чуть не засталъ васъ, какъ мнѣ сказалъ Борисовъ. А у васъ въ семействѣ смерть за смертью. Меня ужасно поразилъ характеръ смерти В. П. Боткина. Если правда, что разсказываютъ, то это ужасно. Какъ не нашлось между всѣми друзьями одного, который бы придалъ этому высочайшему моменту въ жизни тотъ характеръ, который ему подобаетъ.

„Борисова мнѣ очень жалко и не могу вѣрить, чтобы туча эта не прошла мимо. Насчетъ портрета я прямо говорилъ и говорю: нѣтъ *). Если это вамъ непріятно, то прошу прощенья. Есть какое-то чувство, сильнѣе разсужденія, которое мнѣ говоритъ, что это не годится. Жена вамъ кланяется.

„Покупка моего Пензенскаго имѣнія разладилась. Шестой томъ я окончательно отдалъ, и къ 1-му ноября вѣрно выйдетъ. Вальдшнеповъ было и есть пропасть. Я убивалъ по восьми штукъ и нынче нашелъ 4-хъ и убилъ одного.

„Для меня теперь самое мертвое время: не думаю и не пишу и чувствую себя пріятно глупымъ. На первый свой отдыхъ послѣ работы, вѣроятно, черезъ мѣсяцъ, пріѣду къ вамъ. Теперь не ѣду, потому что только что пріѣхалъ, и хозяйственныя дѣла. А если вы поѣдете въ Москву, то слѣдовало бы вамъ заѣхать къ намъ съ Марьей Петровной. Только напишите—когда, и я выѣду за вами въ Тулу или на Ясенки, или даже, если вы безъ багажа,—на полустанцію Козловку,

*) Я просилъ графа дозволить снять съ него живописный портретъ.

отъ которой двѣ версты до насъ. Передайте же наши съ женою поклоны и просьбы Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Итакъ, вотъ передъ нами два міровоззрѣнія, два поученія, двѣ этики. Прежде чѣмъ судить о нихъ, надо ихъ понять; а это кажется всего легче изъ ихъ сопоставленія, чтобы не сказать противопоставленія. Извѣстно, до какой степени умственное развитіе и въ особенности знакомство съ философскимъ мышленіемъ вліяютъ на нравственный характеръ человѣка. Положимъ, что этотъ опытный характеръ въ сущности остается вѣренъ прирожденному умопостигаемому. Смотря по этому коренному характеру, человѣкъ дѣлаетъ и употребленіе изъ накопляемыхъ умственныхъ богатствъ. Одни, подобно Боткину, стараются уложить эти богатства въ кладовую и притомъ такъ, чтобы они какъ нибудь своими выдающимися частями не задерживали свободнаго бѣга основнаго характера, а при случаѣ даже помогали оправдывать нѣкоторое излишество единственнымъ мотивомъ безвредности ихъ для другихъ лицъ.

Другіе же, подъ вліяніемъ основнаго характера, подобно графу Толстому, накопляютъ пріобрѣтаемыя богатства тутъ же подъ руками, для того чтобы во всякую минуту находить въ нихъ новое оправданіе прирожденному чувству самоотрицанія въ пользу другаго, причемъ неудержимый порывъ самоотрицанія не затруднится обработать новый матеріалъ такъ, чтобы онъ именно служилъ любимому дѣлу.

Хотя въ томъ и въ другомъ случаѣ все дѣло зависитъ какъ бы отъ химической пропорціи тѣхъ же самыхъ элементовъ, но на дѣлѣ разница выходитъ громадна. Обозначать то и другое направленіе словами: эгоизмъ и самоотрицаніе (альтруизмъ)—было бы слишкомъ грубо и невѣрно. Называть, напримѣръ, Боткина эгоистомъ несправедливо. Правда, онъ стремительно нападалъ на все, что считалъ посягательствомъ на свое *я;* но при этомъ добровольно готовъ былъ на всякія лишенія, чтобы помочь дѣйствительно по его мнѣнію нуждающемуся. Фактическія къ тому доказательства были уже приводимы госпожею Ольгой N., а нѣкоторыя пропущены мною

въ его письмахъ въ пользу будущаго біографа. Не личности Боткина и графа Толстаго занимаютъ меня въ настоящую минуту, а тѣ вѣчные міровые вопросы этики, которыхъ наглядными представителями являются эти два типа. Благотворящій Боткинъ какъ бы говоритъ: „да, я чувствую потребность помочь этому человѣку. Для этого мнѣ придется ущербить собственное благосостояніе. Послѣднее очень досадно и прискорбно; но я покорюсь и перетерплю въ виду благой цѣли. Я даже постараюсь поскорѣе забыть и о своемъ благодѣяніи и о связанномъ съ нимъ страданіи, такъ какъ не стоитъ портить мимолетную и сулящую всевозможныя отрады жизнь подобною дрянью".

„Лишенія и мученія, претерпѣваемыя нами въ пользу всей одушевленной братіи, способной страдать, говоритъ Толстой, только одни представляютъ истинное наслажденіе и конечную цѣль жизни. Цѣль эта должна быть преслѣдуема нами во всѣхъ возможныхъ случаяхъ и направленіяхъ".

Эти два главнѣйшихъ направленія, какъ извѣстно, раздѣлили между собою вселенную. Невозможно при малѣйшей справедливости обзывать всего востока, начиная съ еврейскаго до греко-римскаго, за исключеніемъ Индіи, лишеннымъ чувства благотворительности. А между тѣмъ всѣ эти милліоны милліоновъ людей не имѣли и до сихъ поръ не имѣютъ никакого понятія объ ученіи аскетизма, проявившемся съ послѣдняго двухтысячелѣтія. Правда, ученіе стоиковъ близко, повидимому, къ нему подходило, хотя стоики воздерживались отъ наслажденій лишь во имя ихъ неблагонадежности и малоцѣнности. А это совершенно не то, что видѣть въ самоотрицаніи независимый подвигъ. Боткинъ, подобно древнему римлянину, даже не понялъ бы, что хочетъ сказать человѣкъ, проповѣдующій, что передъ смертью не надо вѣнчаться розами, слушать вдохновенную музыку или стихи, или вдыхать паръ лакомыхъ блюдъ. Мы слишкомъ далеко отклонились бы отъ нашей стези, пускаясь въ болѣе тонкія разсмотрѣнія предмета. Мы даже воздерживаемся отъ вопроса,—какимъ изъ этихъ двухъ принциповъ руководствуется современное намъ человѣчество рядомъ съ аскетическою проповѣдью?

Набальзамированное тѣло Боткина было привезено въ

Москву для погребенія на семейномъ кладбищѣ въ Покровскомъ монастырѣ. Лицо его, по выраженію полнаго примиренія и свѣтлой мысли, было поистинѣ прекрасно. Обѣдню совершалъ соборне глубоко-чтимый и изящный епископъ Леонидъ. При концѣ богослуженія мнѣ пріятно было представиться бывшему моему университетскому законоучителю Петру Матвѣевичу Терновскому.

Я забылъ сказать, что когда Иванъ Петров. Борисовъ перевелъ своего Петю изъ нѣмецкой школы въ лицей Каткова, сестра Любинька положила во что бы то ни стало перевести сына своего Володю изъ той же школы въ тотъ же лицей. Напрасно и я, и мужъ ея, Алекс. Никит., указывали на то, что Володя воспитывался подъ непосредственнымъ наблюденіемъ ученаго и достопочтеннаго директора Лёша, одобрявшаго его успѣхи, и къ которому самъ мальчикъ привязался. Ничто не помогло. Володя былъ переведенъ въ лицей. При посѣщеніи Володи, я узналъ отъ него о долговременной и жестокой болѣзни Петруши Борисова, отъ которой послѣдній уже начиналъ оправляться. Когда мальчикъ лежалъ въ тифѣ, подавая лишь слабые признаки жизни, несчастный Иванъ Петровичъ простоялъ двѣ недѣли на колѣняхъ передъ его кроватью, глядя на его изнеможенное лицо. Въ настоящую же минуту Борисовъ проводилъ уже ночи у себя въ гостинницѣ на Тверской и являлся въ больницу лицея только въ опредѣленные часы дня. Узнавши про это, я не выдержалъ и рѣшился поѣхать утромъ къ Борисову, чтобы окончить разомъ наше нелѣпое недоразумѣніе. Конечно, онъ съ первыхъ же словъ обнялъ меня со слезами и на другой день пріѣхалъ въ домъ Дмитрія Петровича, котораго особенно любилъ.

Тургеневъ писалъ отъ 3 ноября 1869 г. изъ Баденъ-Бадена:

„Любезный Аѳан. Аѳан., получилъ я ваше письмецо. Итакъ, Василія Петровича не стало. Жалко его, не какъ человѣка, а какъ товарища... Себялюбивое сожалѣніе! Умница былъ, а хоть и говорятъ, что „l'esprit court les rues“, но только не у насъ въ Россіи... Да у насъ и улицъ мало. Признаюсь, меня не столько занимаетъ его кончина, какъ мысль о томъ, что станется съ несчастнымъ Борисовымъ, если его сынъ умретъ? Я писалъ къ нему два раза, но отвѣта не получилъ, и по-

ому чувствую большую тревогу. Мнѣ сдается, что уже все кончено. Пожалуйста не полѣнитесь мнѣ написать тотчасъ— какъ и что̀. Экая судьба трагическая этого бѣдняка! И какъ ему жить послѣ этого?

„Мнѣ непріятно слышать, что вы нездоровы, и, — что̀ вы тамъ ни говорите, — что въ вашемъ сосѣдствѣ нѣтъ врача. Мольеръ смѣялся надъ медициной не потому, что она была наука, а потому, что она въ его время была религія, т. е. лѣчила лихорадку змѣиными глазами и т. д. Девизъ науки: 2×2=4; уголъ паденія равенъ углу отраженія и т. д.; надъ этими вещами еще никому не приходилось смѣяться. Впрочемъ, это все предметъ будущихъ споровъ въ Баденѣ, если вы только пріѣдете. Къ сожалѣнію, я уже попрежнему спорить не могу и не умѣю; флегма одолѣла дотого, что нѣсколько разъ въ день приходится съ нѣкоторымъ усиліемъ расклеивать губы, слипшіяся отъ долгаго молчанія.

„Охота идетъ помаленьку; погода только часто мѣшаетъ. На дняхъ былъ удачный день: мы убили 3-хъ кабановъ, 2-хъ лисицъ, 4-хъ дикихъ козъ, 6 фазановъ, 2-хъ вальдшнеповъ, 2-хъ куропатокъ и 58 зайцевъ. На мою долю пришлось: 1 дикая коза, 1 фазанъ, 1 куропатка и 7 зайцевъ.

„Правда ли, что въ Орлѣ появилась холера?

„Засимъ, въ ожиданіи отвѣта, дружески жму вамъ руку и кланяюсь вашей женѣ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

Баденъ-Баденъ.
29 ноября 1869 года.

„Третьяго дня я вернулся изъ Веймара, куда я ѣздилъ на недѣлю, для того чтобы устроить переселеніе семейства Віардо въ Веймаръ на 2½ мѣсяца, начиная съ 1-го февраля. Собственно это дѣлается для того, чтобы дать возможность старшей дочери Віардо брать уроки живописи (въ Веймарѣ устроена отличная школа), да и Баденъ больно уже пустъ зимою. Въ половинѣ апрѣля они возвратятся въ Баденъ.

„Какъ идетъ ваша мировая дѣятельность? Я очень смѣялся вашимъ двумъ-тремъ очеркамъ, особенно прикащику съ пе-

ремённымъ баритономъ и фальцетомъ. Вамъ бы собрать всѣ эти сценки да въ книгу. Вышло бы прелесть! Но только поменьше умозрѣній, ибо вы философъ sans le savoir и даже нападая на философію! Вотъ вы, напримѣръ, изъ того факта, что вы хотите заключить контракты только съ міромъ, а не съ отдѣльными лицами, выводите слѣдствіе, что община и круговая порука вещи прелестныя, и бьете себя по груди и кричите: mea culpa! Да кто же сомнѣвается въ томъ, что община и круговая порука *очень выгодны для помѣщика,* для власти, для другаго, однимъ словомъ; но выгодны ли онѣ для самихъ *субъектовъ? — Вотъ въ чемъ вопросъ!* Оказывается, что больно невыгодны, да такъ, что разоряя крестьянъ и мѣшая всякому развитію хозяйства, становятся уже невыгодными и для *другихъ*.

„Радуетъ меня очень извѣстіе о постепенномъ вздорожаніи земли у насъ и о громадныхъ покупкахъ, совершаемыхъ крестьянами. Смущаетъ меня въ то же время тотъ фактъ, что Борисовъ въ письмѣ своемъ, полученномъ одновременно съ вашимъ, сообщаетъ мнѣ извѣстіе о невозможности для Дрейлинга продать свое подгородное великолѣпное имѣніе *хоть за что-нибудь!* Я запродалъ было свое имѣньице въ 30-ти верстахъ отъ Орла, за 35 руб. десятину, — покупщикъ отступился! А вы тутъ такія громадныя цифры въ глаза мечете, что голова идетъ кругомъ! Будьте здоровы. Дружески жму вамъ руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Баденъ-Баденъ.
21 декабря 1869 года.

„Изъ вашего послѣдняго письма я, грѣшный человѣкъ, прямо говоря, понялъ мало. Чую въ немъ вѣяніе того духа, которымъ наполнена половина „Войны и мира“ Толстаго,— и потому уже и не суюсь. На васъ не дѣйствуютъ *жестокія* слова: „Европа, пистолетъ, цивилизація“; зато дѣйствуютъ другія: „Русь, гашникъ, ерунда“; у всякаго свой вкусъ. Душевно радуюсь преуспѣянію вашего крестьянскаго быта, о которомъ вы повѣствуете, и ни на волосъ не вѣрю ни въ общину, ни въ тотъ *паръ,* который, по вашему, такъ необхо-

димъ. Знаю только, что всѣ эти хваленыя особенности нашей жизни нисколько не свойственны исключительно намъ; и что все это можно до послѣдней іоты найти въ настоящемъ или въ прошедшемъ той Европы, отъ которой вы такъ судорожно отпираетесь. Община существуетъ у арабовъ (отчего они и мерли съ голоду, а Кабилы, у которыхъ ея нѣтъ, не мерли). *Паръ*, круговая порука, — все это было и есть въ Англіи, въ Германіи бо̀льшей частью *было*, потому что отмѣнено. Новаго ничего нѣтъ подъ луною, повѣрьте, даже въ Степановкѣ; даже ваши три философскихъ этажа не новы. Предоставьте Толстому открывать, какъ говаривалъ Вас. П. Боткинъ,—Средиземное море.

„А вотъ что вы сказали о своемъ значеніи какъ поэтъ,— правда; и тутъ нѣтъ никакой гордости. Только Кольцова вы напрасно забыли.

„Ну, а теперь, я думаю, можно прекратить наши полемическія препиранія.

„Въ половинѣ апрѣля пущусь въ Русь православную. И тогда-то будетъ подъ ладъ соловьинаго пѣнія стоять гулъ и стонъ спора на берегахъ и въ окрестностяхъ Зуши.

„А до тѣхъ поръ дружески васъ обнимаю и кланяюсь Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Оглядываясь на наше, можно сказать, пророческое прошлое, невозможно не остановиться на многозначительныхъ словахъ только что приведеннаго письма Тургенева. Не знаешь, чему по истинѣ болѣе удивляться: тому ли безтолковому и безпорядочному, риторическому и софистическому хламу, которымъ щеголяетъ письмо, или тѣмъ дорогимъ и несомнѣннымъ истинамъ, которыя мѣстами таятся въ этомъ хламѣ. Какъ бы защищая науку отъ моихъ нападокъ, Тургеневъ самъ образцомъ науки выставляетъ—$2 \times 2 = 4$ и уголъ паденія равенъ углу отраженія. Но развѣ современная медицина хоть малость подходитъ подъ эту категорію? Почему наугадъ лѣчить бычачьей кровью, гипнотизмомъ, гомеопатіей лучше и наукообразнѣе, чѣмъ змѣиными глазами во времена

Мольера? Тургеневъ укоряетъ меня въ водобоязни передъ Европой. А у меня, къ сожалѣнію, въ сараяхъ европейскія и американскія земледѣльческія орудія, несовмѣстимыя съ общиннымъ владѣніемъ и круговою порукою, очевидно, давно отжившими свой вѣкъ, и гальванизированныя на время настоящими европофобами. И такъ будетъ продолжаться еще долго, пока наши европолюбцы съ одной стороны, а мнимые славянофилы съ другой—не откажутся отъ жестокихъ словъ. Всему свое время, и Тургеневъ тысячу разъ правъ, указывая на то, что община и круговая порука возможны въ пользу владѣльца только при нижайшей степени общественности. У человѣка, жаждущаго выхода на рыночный просторъ, община и круговая порука дѣйствительно немыслимы. Это гораздо несбыточнѣе нѣмецкихъ бѣговъ взапуски съ ногами и тѣломъ, завязаннымъ по горло въ мѣшкѣ. Но почему же Тургеневъ въ свою очередь, упрекая меня въ боязни жестокихъ словъ: „Европа, пистолетъ, цивилизація“,—упрекаетъ въ то же время въ сочувствіи къ другимъ: „Русь, ерунда, гашникъ?“ Доживи онъ до нашего времени, то убѣдился бы въ увлеченіи Европы и въ особенности то презираемой, то превозносимой имъ Франціи къ этой Руси, которой такъ же невозможно отрицать, какъ ревности, которую старался уничтожить Чернышевскій. Слѣдя по порядку за предметами Тургеневскихъ упрековъ, мы останавливаемся на словѣ *гашникъ*, быть можетъ, даже непонятномъ иному читателю. Гашникъ—та нитяная тесьма или веревка, которую русскій крестьянинъ продергиваетъ въ верхній край своего исподняго платья, чтобы удержать послѣднее на поясѣ. Тургеневъ правъ, назвавши гашникъ, какъ одну изъ самыхъ закоренѣлыхъ русскихъ вещей, къ какимъ принадлежатъ между прочимъ: правила, дуга, черезсѣдельникъ и т. д. Но вѣдь все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ своей обстановкѣ. Нѣмецъ и французъ носитъ помочи и пуговицы; но откуда возьметъ пуговицъ русскій крестьянинъ для бѣлья, которое баба немилосердно колотитъ валькомъ на камнѣ; тогда какъ гашникъ ничего не стоитъ и все терпитъ. Честь ему и слава! Какъ же послѣ этого не сказать, что пристрастіе къ ерундѣ скорѣе на сторонѣ Ивана Сергѣевича?

Толстой писалъ мнѣ 1870 года 4 февраля:

„Письмо ваше, любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, получилъ я 1-го февраля. Но даже если бы получилъ и нѣсколько прежде, я не могъ бы ѣхать. Вы мнѣ пишете: „я *одинъ, одинъ!!*“ А я читаю и думаю: вотъ счастливецъ—*одинъ*. А у меня жена, трое дѣтей, четвертый грудной, двѣ старухи тетки, нянька и двѣ горничныя. И все это вмѣстѣ больно: лихорадка и жаръ, слабость, головная боль, кашель. Въ такомъ положеніи застало меня ваше письмо. Теперь начинаютъ поправляться; но за столомъ еще обѣдаю я со старухой теткой изъ десяти человѣкъ. Да и я второй день боленъ грудью и бокомъ. Какъ только поправимся, то пріѣду къ вамъ. Многое, очень многое хочется вамъ сообщить. Я очень много читалъ Шекспира, Гете, Пушкина, Гоголя, Мольера,—и обо всемъ этомъ многое хочется вамъ сказать. Я нынѣшній годъ не получаю ни одного журнала и ни одной газеты и нахожу, что это очень полезно. Пожалуйста пишите мнѣ изрѣдка, чтобы мнѣ знать, можно ли застать васъ дома.

Вашъ *Л. Толстой*.

Тургеневъ писалъ:

Баденъ-Баденъ.
4 февраля 1870.

„Любезнѣйшій Фетъ, письмо ваше застало меня еще здѣсь, но на самомъ канунѣ отъѣзда въ Веймаръ, куда мы всѣ купно перебираемся на два мѣсяца. Имѣю вамъ сказать два слова о Луизѣ Гериттъ, дочери г-жи Віардо. Эта несчастная и сумасбродная женщина много причинила горя всему своему семейству, и кончитъ тѣмъ, что себя погубитъ. Выйдя замужъ по собственному настойчивому желанію за г-на Геритта (я за нѣсколько дней до ея рѣшенія ѣздилъ къ ней съ предложеніемъ отъ другаго француза, прекраснаго человѣка, котораго она, казалось, любила до тѣхъ поръ), — она внезапно возненавидѣла своего мужа, хотя ни въ чемъ упрекнуть его не могла, убѣжала съ Мыса Доброй Надежды, гдѣ онъ былъ консуломъ, и явилась въ Баденъ; потомъ покинула родительскій домъ и послѣ разныхъ странствованій очутилась въ Пе-

тербургѣ, гдѣ поступила въ профессоры пѣнія въ консерваторію (она хорошая музыкантша). До того времени она аккуратно получала отъ мужа,—который ни въ чемъ ей не препятствовалъ и не пользовался страшными правами, признанными за супругами мужескаго пола французскимъ кодексомъ,—проценты съ своего приданаго и пенсію; все вмѣстѣ равнялось 10,000 франкамъ. Но тутъ она вдругъ объявила ему, что довольствуется жалованьемъ и не хочетъ отъ него ни копѣйки. Между тѣмъ здоровье ея не выдержало петербургскаго климата, и она, будучи принуждена отказаться отъ своего мѣста, внезапно ускакала къ какимъ-то знакомымъ въ Екатеринославскую губернію, у которыхъ она будетъ жить на хлѣбахъ, такъ какъ гордость не позволяетъ ей обратиться снова къ мужу, который назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Данію и живетъ въ Копенгагенѣ съ своимъ и ея сыномъ. Должно отдать ему справедливость, что онъ во всемъ этомъ дѣлѣ поступилъ безукоризненно: до сихъ поръ не отказывается ни платить ей пенсію, ни снова принять ее въ домъ, позволяетъ ей жить, гдѣ ей заблагоразсудится, съ однимъ только условіемъ: не поступать на театръ, къ которому она впрочемъ не имѣетъ никакого расположенія. Вотъ *правдивая* исторія этой несчастной женщины, которая, хотя и не русскаго происхожденія, однако нигилистка. Чѣмъ это все кончится? Можетъ быть, самоубійствомъ...

„А теперь позвольте мнѣ поворчать немного. Я охотно допускаю всякое преувеличеніе, всякую такъ называемую „комическую ярость“, особенно когда рѣчь идетъ о людяхъ или о вещахъ въ сущности *любимыхъ;* но ваши отзывы о нашихъ собратьяхъ русскихъ литераторахъ, о нашемъ бѣдномъ Обществѣ,—говоря безъ прикрасъ,—возмутительны. Было бы великимъ счастьемъ, еслибы дѣйствительно *вы* были самымъ бѣднымъ русскимъ литераторомъ!... Не сердитесь на меня... Я потому и говорю вамъ такъ, что люблю васъ искренно. Жму вамъ дружески руку.

Вашъ *Ив. Тургенев*.

Л. Толстой писалъ отъ 17 февраля 1870 года:

„Я вамъ не писалъ тотчасъ же, потому что надѣялся поѣхать къ вамъ 14-го въ ночь, но не могъ. Какъ я вамъ писалъ, мы всѣ были больны,—я послѣдній; и я вчера въ первый разъ вышелъ. Остановила же меня боль глазъ, которая усиливается отъ вѣтра и безсонницы. Теперь откладываю невольно и съ большою грустью поѣздку къ вамъ до поста. Мнѣ же теперь необходимо съѣздить въ Москву проводить тетушку къ сестрѣ и показать свои глаза окулисту. Пишите мнѣ пожалуйста почаще, чтобы я зналъ, дома ли вы и что предпринимаете, съ тѣмъ чтобы я, если глаза лучше, могъ всетаки пріѣхать. Мнѣ такъ этого хочется. Горе то, что къ вамъ нельзя пріѣхать иначе, какъ послѣ безсонной, папиросонакуренной, жарко-поддувающей, вагонной, подло-пошлой, разговорной ночи. Вы мнѣ хотите прочесть повѣсть изъ кавалерійскаго быта. Я жду отъ этого добра, если только просто безъ замысла положеній и характеровъ. А я ничего прочесть вамъ не хочу и ничего потому, что я ничего не пишу; но поговорить о Шекспирѣ, о Гете и вообще о драмѣ—очень хочется. Цѣлую зиму нынѣшнюю я занятъ только драмой вообще. И какъ это всегда случается съ людьми, которые до 40 лѣтъ никогда не думали о какомъ-нибудь предметѣ, не составили себѣ о немъ никакого понятія, вдругъ съ 40-лѣтней ясностью обратятъ вниманіе на новый ненанюханный предметъ, имъ всегда кажется, что они видятъ въ немъ много новаго. Всю зиму наслаждаюсь тѣмъ, что лежу, засыпаю, играю въ безикъ, хожу на лыжахъ, на конькахъ бѣгаю и больше всего лежу въ постели (больной), и лица драмы или комедіи начинаютъ дѣйствовать. И очень хорошо представляютъ. Вотъ про это-то мнѣ съ вами хочется поговорить. Вы въ этомъ, какъ и во всемъ, классикъ и понимаете сущность дѣла очень глубоко. Хотѣлось бы мнѣ тоже почитать Софокла и Эврипида.

„Прощайте, нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ. Если письмо мое очень дико, то это происходитъ отъ того, что пишу натощакъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Отъ 21 февраля онъ же:

„Я, уѣзжая отъ васъ, забылъ вамъ сказать еще разъ, что вашъ разсказъ по содержанію своему очень хорошъ, и что жалко будетъ, если вы бросите его, или отдадите печатать кое-какъ, и что онъ стоитъ того, чтобы имъ заняться, ибо содержаніе серьезное и поэтическое; и что если вы можете написать такія сцены, какъ старушка съ поджатыми локтями и дѣвушка, то и все вы можете обдѣлать соотвѣтственно этому; и лишнее должны все выкинуть и сдѣлать изо всего, какъ Анненковъ говоритъ, *перло*. Добывайте золото просѣваніемъ. Просто сядьте и весь разсказъ сначала перепишите, критикуя сами себя, и тогда дайте мнѣ прочесть.

Вашъ *Л. Толстой*.

Тургеневъ писалъ отъ 21 марта 1870 года:

„Любезнѣйшій Фетъ, вы начинаете ваше письмо восклицаніемъ: „Fatum!“ и я повторяю это слово за вами. Наши письменныя бесѣды съ вами очень забавнаго и страннаго свойства. Я напримѣръ начинаю такъ: „эта лошадь бѣлая“... „Какъ? восклицаете вы съ негодованіемъ: вы рѣшаетесь утверждать, что этотъ поросенокъ зеленый!?“—„Но и у птицъ бываютъ носы“... замѣчаю я убѣдительнымъ голосомъ.—„Никогда! подхватываете вы — на спинѣ да, но въ воздухѣ ни подъ какимъ видомъ!“ и т. д., и т. д. А потому, я полагаю, лучше отложить наши пренія до нашего свиданія, которое совершится—„Богу изволящу“—къ Николину дню 9 мая.

„Я однако вынесъ убѣжденіе изо всей пѣны и хлюпанья вашихъ рѣчей, а именно: что М. Н. Катковъ заслуживаетъ бронзовой статуи. „Ну и пущай!“ какъ говоритъ одинъ герой Островскаго. Но до чего можетъ пасть талантъ! Читали ли вы послѣднюю его комедію „Бѣшеныя деньги?“

„Но самый великій фактъ послѣдняго времени — это изреченіе Бонапарта по поводу 200,000 гражданъ, сопровождавшихъ гробъ *убитаго имъ* В. Нуара: „c'est une curiosité *malsaine*, que *je blame!*“ Это достойно Шекспира; Ричардъ III-й лучше ничего не сказалъ.

А засимъ дружески вамъ кланяюсь.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Л. Толстой писалъ отъ 11 мая 1870 года:

„Я получилъ ваше письмо, любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, возвращаясь потный съ работы, съ топоромъ и заступомъ, слѣдовательно за 1000 верстъ отъ всего искусственнаго и въ особенности отъ нашего дѣла. Развернувъ письмо, я первое прочиталъ стихотвореніе, и у меня защипало въ носу; я пришелъ къ женѣ и хотѣлъ прочесть, но не могъ отъ слезъ умиленія. Стихотвореніе — одно изъ тѣхъ рѣдкихъ, въ которыхъ ни слова прибавить, убавить или измѣнить нельзя; оно живое *само* и прелестно. Оно такъ хорошо, что, мнѣ кажется, это не случайное стихотвореніе, а что это первая струя давно задержаннаго потока. Грустно подумать, что послѣ того впечатлѣнія, которое произвело на меня это стихотвореніе, оно будетъ напечатано на бумагѣ въ какомъ-нибудь Вѣстникѣ, и его будутъ судить С—ны и скажутъ: „А Фетъ все-таки мило пишетъ“.

„*Ты нѣжная*“... Да и все прелестно. Я не знаю у васъ лучшаго. Прелестно все.

„Съ этой почтой пишу въ Никольское, чтобы послали за кобылой, и радуюсь и благодарю васъ и Петра Аѳанасьевича. О цѣнѣ всетаки вы напишите.

„Я только что отслужилъ недѣлю присяжнымъ, и было очень, очень для меня интересно и поучительно. 15 мая я ѣду въ Харьковъ, а послѣ устрою такъ, чтобы побывать у васъ. Не оставляйте давать о себѣ знать. Передайте пожалуйста наши поклоны съ женою Марьѣ Петровнѣ. Желаю вамъ только посѣщенія Музы. Вы спрашиваете моего мнѣнія о стихотвореніи; но вѣдь я знаю то счастье, которое оно вамъ дало, сознаніемъ того, что оно прекрасно, и что оно вылѣзло таки изъ васъ, что оно—вы. Прощайте *досвиданія*.

Вашъ *Л. Толстой*.

Пріѣхавшій въ Спасское Тургеневъ отъ 8 іюня 1870 года писалъ мнѣ слѣдующее:

«Фетъ, ну что вашъ Шопенгауеръ?
Пріѣзжайте посмотрѣть,
Какъ умѣетъ русскій Bauer
Кушать, пить, плясать и пѣть!

Въ будущее воскресенье,
Въ Спасскомъ всѣмъ на удивленье
Будетъ заданъ дивный пиръ.
Потѣшайся Мценскій міръ!»

„У меня гоститъ англичанинъ Ральстонъ, который хочетъ посмотрѣть на подобныя штуки. Борисовъ съ Петей пріѣдутъ изъ Москвы прямо на праздникъ. Пріѣзжайте и вы хотя съ лирой, хоть на гитарѣ, хоть просто такъ. Дѣло будетъ происходить въ воскресенье 14 числа.

Итакъ, надѣюсь, досвиданья.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Вмѣсто 14-го, на которое приглашалъ меня Тургеневъ, я пріѣхалъ 12-го къ мировому съѣзду, и очень былъ удивленъ, увидавши Тургенева на скамьяхъ, предназначенныхъ для публики. Не трудно было догадаться, что сидящій съ нимъ рядомъ среднихъ лѣтъ мужчина—англичанинъ Ральстонъ, котораго, показывая ему всякаго рода русскія диковинки, Иванъ Серг. привелъ и на мировой съѣздъ. Когда, возвращаясь со съѣзда, я встрѣтилъ около моста идущаго къ своему экипажу на постоялый дворъ Тургенева, послѣдній, по присущей ему манерѣ, не преминулъ воскликнуть, указывая на вереницу выходившихъ изъ Зушн на берегъ гусей: „какіе это жалкіе и запачканные гуси! Въ цѣлой Европѣ не найдешь такихъ несчастныхъ гусей“.

Не помню, почему именно я не попалъ 14-го на крестьянскій праздникъ въ Спасскомъ, куда приглашалъ меня Тургеневъ. Вѣроятно, просто не захотѣлъ, такъ какъ чувствую полное нерасположеніе къ подобнымъ затѣямъ. Помню, въ дѣтствѣ ежегодно на Святой передъ барскимъ домомъ накрывались столы съ пасхами, яицами, ветчиною и водкой. При этомъ бабы были разодѣты по праздничному, и когда всѣ, перехристосовавшись со всѣми нами, кончали розговины, то подымались веселыя пѣсни съ присвистомъ и плясками. Но этимъ дѣло и кончалось. Были люди выпившіе, но не было ни одного пьянаго; но то дѣла давно минувшихъ лѣтъ. Я и теперь понимаю удовольствіе поднести хорошему рабочему

подсильную чарку водки; но не понимаю удовольствія искусственно собирать толпу и при настоящей безконтрольности спаивать ее до положенія скота, а затѣмъ самому пугливо сторониться отъ искусственно пробужденнаго звѣря. Можно сказать, на днихъ мнѣ пришлось быть невольнымъ свидѣтелемъ подобнаго угощенія пятисотъ человѣкъ крестьянъ; правда, при этомъ была и полиція, и жандармерія. Тѣмъ не менѣе къ вечеру оказалось три на смерть опившихся человѣка. Я пріѣхалъ въ Спасское, когда праздникъ давно прошелъ, и даже Иванъ Петровичъ съ Петей уѣхали въ Новоселки; но слышалъ, что толпа ревѣла и требовала водки, что Тургеневъ посылалъ за нею еще разъ во Мценскъ, и что при раздачѣ бабамъ лентъ онъ самъ съ изумленнымъ Ральстономъ едва спасся на балконѣ.

Ѣздили мы съ Ральстономъ къ водяной мельницѣ Тургенева, не представляющей, разумѣется, ничего живописнаго или необыкновеннаго. Вообще эта поѣздка въ Спасское вышла для меня совершенно прѣсною и безвкусной, безъ сомнѣнія по противоположности съ былымъ оживленіемъ этого дома. Ральстонъ утверждалъ, что онъ понимаетъ русскую рѣчь, когда выговариваютъ каждое слово, какъ диктуютъ начинающему и плохо грамотному ученику. Поневолѣ приходилось говорить съ нимъ по французски. Не знаю, или лучше сказать не припомню, что говорилъ Тургеневъ Ральстону, но когда по возвращеніи съ мельницы мы вошли въ гостиную, а Тургеневъ пошелъ, не затворяя за собою дверей въ сосѣднюю спальню, помыть руки, Ральстонъ, вѣроятно въ связи съ предшествующимъ разговоромъ, спросилъ у меня,—строга ли наша цензура?

Всякій грамотный теперь знаетъ, каковы были тогдашнія строгости цензуры, и какіе прекрасные плоды принесла намъ эта цензура. Что же я могъ отвѣчать на вопросъ иностранца? Конечно, я отвѣчалъ, что цензура наша существуетъ только по имени, и дозволяется печатать все, что придетъ въ голову. Не помню, куда въ свою очередь скрылся и Ральстонъ, а Тургеневъ, вытирая пальцы мохнатымъ полотенцемъ, вышелъ изъ спальни и, подошедши ко мнѣ, стоявшему у окна, сказалъ: „я слышалъ, что вы говорили Ральстону. Зачѣмъ

вы ему это говорили? Какое право имѣете вы говорить ему это въ моемъ домѣ?“

— Если вы, Иванъ Сергѣевичъ, полагаете, что у васъ въ домѣ я не имѣю права высказывать своихъ мыслей, то оставимъ этотъ разговоръ.

Зная, какъ мало истинно талантливыхъ людей, я всегда дорожилъ хорошими къ нимъ отношеніями и спускалъ имъ многое.

Не помню въ настоящее время повода, по которому въ этомъ году я во второй половинѣ лѣта былъ въ Москвѣ. Семейство Дм. Петр. Боткина проживало на собственной дачѣ въ Кунцевѣ, и я далъ слово пріѣхать къ нимъ въ воскресенье обѣдать и остаться ночевать. Но въ три часа дня я вспомнилъ, что не видался еще съ Катковымъ и Леонтьевымъ, проживавшими на дачѣ въ Петровскомъ паркѣ. Поэтому я велѣлъ ѣхать извощику въ паркъ, откуда объявилъ ему, что мы проѣдемъ въ Кунцево. Большая, бѣлая извощичья лошадь оказалась дотого измозженной лѣтами, что я не слишкомъ скоро добрался до дачи Катковыхъ, но зато въ кабинетѣ я встрѣтилъ обоихъ соредакторовъ.

— А, Аѳан. Аѳан.! воскликнулъ Катковъ, дружелюбно протягивая мнѣ руку и обращая на меня тотъ мутно-сѣрый взглядъ, который Вас. Петр. Боткинъ обзывалъ стертымъ пяти-алтыннымъ.—Надѣюсь, вы останетесь обѣдать? продолжалъ онъ.

Но я сказалъ, что уже далъ слово. Чтобы сказать что нибудь, я спросилъ Каткова: „что слышно по части европейской политики?“

— Политическій небосклонъ совершенно чистъ, отвѣчалъ Михаилъ Никифоровичъ, и на горизонтѣ не видать ни одной черной точки (Выраженіе, заимствованное тогдашними политическими людьми у Наполеона III).

— А между тѣмъ въ недальнемъ будущемъ предстоитъ жестокая война между двумя могущественными европейскими державами.

— Откуда же вы почерпнули такія изумительныя свѣдѣнія? спросилъ подхахатывая Леонтьевъ.

— Изъ самаго вѣрнаго, раскрытаго для всѣхъ источника: изъ Брюсова календаря.

— Да, развѣ изъ этого источника, замѣтилъ уже хохочущій Павелъ Михайловичъ.

Этихъ насмѣшекъ надъ Брюсомъ я не простилъ ни Каткову, ни Леонтьеву, поминая имъ о нихъ, когда черезъ два мѣсяца послѣ того возгорѣлась страшная прусско-французская война.

Между тѣмъ пора было ѣхать и въ Кунцево.

— Ну, эта лошадка-то не разбѣжится, замѣтилъ вышедшій меня проводить на крыльцо Катковъ.

Я и не предполагалъ, какъ далеко прямымъ путемъ изъ Петровскаго парка въ Кунцево. Но вотъ мы дотащились до парома черезъ Москву рѣку. Подъѣзжаемъ — стой! — ѣхать некуда: паромъ на той сторонѣ, а по всей рѣкѣ непрерывной и медлительной лентой тянется сплавной лѣсъ. Болѣе $1^1/_2$ часа пришлось дожидаться, пока лента плотовъ оборвалась и дала возможность переправиться на ту сторону. Казавшееся съ рѣки столь близкимъ Кунцево оказалось далеко не близкимъ, и когда наконецъ бѣлый Россинанте дотащилъ насъ до незнакомыхъ улицъ или просѣкъ Кунцева, мы, какъ это весьма часто бываетъ на Руси, никакъ не могли добиться отъ мѣстныхъ жителей, куда намъ ѣхать къ дачѣ Солдатенкова. Какъ это ни мало вѣроятно, но было такъ; и я прибылъ къ Боткинымъ, когда обѣдъ давно былъ конченъ, и меня уже не ждали.

Л. Толстой писалъ отъ 2 октября 1870 г.:

„Вы *аккуратный человѣкъ*, но всегда перепутаете, теперь пишете: *13 сентября* я буду въ Ясенкахъ, а на письмѣ 24-го. Ну, да это ничего. Я только радъ видѣть соломенку въ глазу настоящаго *ближняго* моего. Ради Бога не передумывайте. 13-го я васъ жду въ Ясенкахъ. Давно не видались, и въ моемъ зимнемъ состояніи, въ которое я начинаю входить, мнѣ особенно радостно видѣться съ вами. Я охочусь, но ужь сокъ начинаетъ капать, и я подставляю сосуды. Скверный ли, хорошій ли сокъ, все равно, а весело выпускать его по длиннымъ, чудеснымъ осеннимъ вечерамъ. У меня горе: кобылка больна; коновалъ говоритъ: запалъ,—а я не могъ запалить ея. Наши поклоны съ женою Марьѣ Петровнѣ. Досвиданья.

Вашъ *Л. Толстой*.

Въ первыхъ числахъ октября жена моя вернулась изъ Москвы, куда ѣздила на годовое поминовеніе Василія Петровича Боткина. Она разсказывала, что должна была сопровождать племянницу въ какой-то концертъ въ Дворянскомъ Собраніи, и что, такъ какъ жандармы, по поводу пріѣзда иностраннаго принца въ собраніе, распорядились угнать лакеевъ съ шубами, то ей, по выходѣ на лѣстницу, подали холодную шубу. „Хорошо, что обошлось благополучно“, сказалъ я; и спустя недѣлю долженъ былъ въ свою очередь ѣхать на мировой съѣздъ. Въ теченіи этой недѣли, вслѣдствіе выпадавшихъ дождей, перемѣшанныхъ со снѣгомъ, и наступившей затѣмъ стужи, — образовалась такая гололедица, что ѣхать ни на чемъ было нельзя, и бѣдныя лошади скользили на каждомъ шагу. 12 верстъ до желѣзной дороги я проѣхалъ на розвальняхъ. Та же самая тройка ожидала моего возвращенія на Зміевку. Когда подъ нашимъ лѣскомъ пришлось пробираться шагомъ по колоти, я спросилъ кучера: „все ли у насъ благополучно?“

— Слава Богу, отвѣчалъ онъ; — только вотъ, говорятъ, барыня нездорова.

— Какъ нездорова? воскликнулъ я.

— Сказываютъ, въ постели лежитъ.

Въ передней встрѣтилъ меня письмоводитель и, указывая на дверь спальни, сказалъ шепотомъ: „съ утра слегла въ постель. Вчера, продолжалъ онъ, она гуляла въ саду, писала письма и вечеромъ играла на фортепьянахъ; но сегодня дала горничной ключи отъ чайницы, чтобы сдѣлать чаю и велѣла поставить себѣ горчичники, говоря, что долго и тяжко проболѣетъ“. Когда я къ ней вошелъ, голова ея страшно горѣла и болѣла. Начались по невозможной гололедицѣ скачки за докторами: за своимъ земскимъ и затѣмъ привозили доктора изъ Орла. Орловскій медикъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ начинять слабую больную селитрой. Больная не чувствовала уже никакой боли; но зато начался бредъ и безсознательное состояніе. Какъ утопающій хватается за соломинку, и я судорожно схватился за мысль привезти медика изъ Москвы, хотя внутренно былъ увѣренъ въ безполезности этой попытки. Если бы дѣло шло обо мнѣ, то я конечно бы

не сталъ ни откуда выписывать врача, увѣренный, что они вездѣ одни и тѣ же. Но приглашеніемъ врача изъ Москвы я хотѣлъ сказать и себѣ и другимъ: „я все сдѣлалъ, что только можно было“.

Выѣхавши около пяти часовъ со Зміевки, я въ девятомъ часу слѣдующаго утра захватилъ еще Дмитрія Петр. Боткина передъ отправленіемъ его въ контору. Услыхавъ о моемъ намѣреніи сегодня же вечеромъ увезти съ собою врача, онъ счелъ это невозможнымъ, такъ какъ общезнакомый намъ врачъ, которому успѣли передать мое приглашеніе, отъ него отказался. „Поѣду, сказалъ я, и безъ врача не вернусь“. Сѣвши на извощика, я погналъ въ клиники на Рождественку и, завидѣвши ихъ желѣзныя ворота и ограду, какъ ястребъ заранѣе уже озиралъ дворъ и расправлялъ пальцы, чтобы схватить. Когда извощикъ остановилъ лошадь въ воротахъ, черезъ проѣздъ, по направленію къ лѣвому флигелю, проворно проходилъ какой-то приличный господинъ среднихъ лѣтъ въ шинели съ многоэтажнымъ короткимъ капишономъ. Соскочивъ съ дрожекъ, я стремительно бросился на перерѣзъ проходившему; но онъ успѣлъ уже дойти до двери флигеля и готовъ былъ поставить ногу на чугунную ступень лѣстницы въ бель-этажъ, какъ рука моя схватилась за его куцій капишонъ.

— Что вамъ угодно? обратился онъ ко мнѣ не безъ изумленія.

— Простите великодушно, докторъ... и я, вкратцѣ изложивъ дѣло, сказалъ въ заключеніе: дайте мнѣ какого нибудь врача.

Слова эти явно свидѣтельствуютъ о моемъ маловѣріи въ медицинскую помощь.

— Вамъ не какого нибудь врача надо, любезно отвѣтилъ мой собесѣдникъ, — а надо вамъ дать хорошаго, и я могу вамъ указать на такого въ лицѣ только что ушедшаго изъ клиникъ. Я продиктую вамъ его адресъ (при этихъ словахъ я досталъ свою записную книжку) — и совѣтую вамъ сейчасъ же торопиться къ нему, на первую Мѣщанскую. Это очень далеко, и онъ можетъ уѣхать на практику.

— Пошелъ, пошелъ, кричалъ я всю дорогу и, въѣхавши

наконецъ во дворъ указаннаго дома, я увидалъ у подъѣзда красивую вороную лошадь. Звоню.

— Дома докторъ?

— Они сейчасъ выѣзжаютъ.

— Все равно: мнѣ на минуту.

— Пожалуйте въ кабинетъ, сказалъ мнѣ проходившій по залѣ докторъ, указывая на дверь.

Когда въ возможно краткихъ словахъ я передалъ дѣло, докторъ сталъ сомнительно покачивать головой.

— Я долженъ вамъ сказать, замѣтилъ онъ, что я самъ богатый человѣкъ.

Въ отвѣтъ на это *самъ*, я счелъ нужнымъ сказать правду, что хотя я и далеко не богатый человѣкъ, но въ настоящемъ положеніи готовъ сдѣлать все отъ меня зависящее, т. е. предложить дорогу туда и обратно и триста рублей за время, которое самъ докторъ сочтетъ нужнымъ пробыть около больной.

— Позвольте васъ попросить, сказалъ докторъ, обождать немного здѣсь въ кабинетѣ, пока я схожу и посовѣтуюсь съ женою, и только тогда я могу вамъ дать окончательный отвѣтъ.

— Ради Бога, докторъ, поторопитесь отвѣтомъ, въ виду драгоцѣнности для меня каждой истекающей минуты.

Полчаса, которые я взадъ и впередъ проходилъ по кабинету, показались мнѣ цѣлою вѣчностью. Наконецъ дверь отворилась, и вошедшій докторъ проговорилъ: „ѣду“. На убѣдительную просьбу мою быть точнымъ, онъ сказалъ, чтобы я не сомнѣвался, что такъ какъ курскій поѣздъ нашъ уходитъ въ 5 час. пополудни, то безъ десяти минутъ пять докторъ будетъ въ домѣ Боткиныхъ у Покровскихъ воротъ, держа въ рукахъ свой небольшой мѣшокъ.

При возвращеніи съ поисковъ, я засталъ телеграмму сестры Любиньки такого содержанія: „хорошаго ничего нѣтъ, пріѣзжай немедля“. Въ виду того, что и моимъ домашнимъ, начиная съ письмоводителя, была извѣстна моя рѣшимость выѣхать обыденкой изъ Москвы и потому объ ускореніи моего отъѣзда говорить было излишне, я по здравому смыслу могъ только понять телеграмму такъ: „брось всѣ излишнія

хлопоты, больная умерла". Но зная, съ кѣмъ я имѣю дѣло, я продолжалъ свои хлопоты.

Конечно, къ назначенному времени извощикъ уже ожидалъ меня у подъѣзда, а слуга съ двумя билетами до Зміевки на вокзалѣ. Часы показывали 50 минутъ пятаго, и началась еще худшая мука ожиданія; но безъ пяти минутъ пять докторъ вошелъ съ своимъ мѣшкомъ, и мы благополучно попали на поѣздъ. По случаю продолжавшейся гололедицы, на Зміевкѣ насъ ожидали тѣ же розвальни, на которыхъ, не взирая на солому и коверъ, приходилось сидѣть чуть ли не на землѣ. Въ полѣ былъ сильный и рѣзкій вѣтеръ, и мой докторъ, очевидно непривычный къ степнымъ переѣздамъ, съ запрокинутымъ на голову капишономъ нерѣдко сидѣлъ въ видѣ чернаго тюльпана; а когда тюльпанъ отцвѣталъ, и мы проѣзжали по деревнямъ, я нѣсколько разъ кричалъ: „докторъ, продвиньтесь впередъ и подберите вашъ капишонъ; собаки непремѣнно его порвутъ!"—„Ничего!" былъ каждый разъ отвѣтъ на мои увѣщанія, и я долженъ былъ, сожалѣя о чужомъ добрѣ, выслушивать за нашими спинами сперва рѣзкое: гавъ-гавъ! а потомъ ворчаніе, сопровождавшееся звуками: трр-трр!

Но всему бываетъ конецъ, и вотъ мы у Степановскаго крыльца.

— Позвольте мнѣ первоначально обогрѣться, сказалъ докторъ, сбросивши свою шубу въ передней и становясь въ гостиной спиною къ горячей печкѣ.

— Докторъ, сказалъ я минутъ черезъ десять, когда послѣдній, совершенно согрѣвшись, пожелалъ идти къ больной,—прошу васъ сказать мнѣ откровенно ваше заключеніе, каково бы оно ни было. Я не ребенокъ, и если я безпокоилъ васъ, то главнѣйшею цѣлью моей было прекратить тяжелую неизвѣстность.

— Я вамъ передамъ то, что увижу, сказалъ докторъ, уходя въ спальню.

Выйдя черезъ добрыхъ полчаса отъ больной и ставши снова передо мною въ прежнюю позу у печки, докторъ, слегка покачивая головою, сказалъ: „тутъ опредѣлить ничего невозможно: у нея воспаленіе плевры около правой лопатки, и если есть пятьдесятъ процентовъ жизни, то такихъ же пять-

десять процентовъ смерти. Я приказалъ вымазать ее прованскимъ масломъ и обложить мушками. Жаль только, что вы приглашали мѣстныхъ врачей, а они надавали ей, какъ я видѣлъ по рецепту, селитры, произведшей вздутость живота, отъ которой, по слабости больной, ее въ настоящее время избавить невозможно. Приходится ждать завтра рѣшительнаго оборота болѣзни, такъ какъ завтра девятый день. У васъ здѣсь слишкомъ жарко и недостатокъ въ свѣжемъ воздухѣ, продолжалъ онъ, проходя въ переднюю и отворяя дверь настежь въ сѣни. Мнѣ, прибавилъ онъ, позвольте ночевать въ вашей судейской на диванѣ, такъ какъ это самая ближайшая комната отъ больной, около которой я намѣренъ провести большую часть ночи".

— Поступайте совершенно по своему усмотрѣнію, отвѣтилъ я, — но позвольте вамъ замѣтить, докторъ, что, растворяя настежь двери въ сѣни, вы такъ настудите переднюю и комнату вашего ночлега, что попомните мои слова.

Къ утру укладываясь на диванѣ, докторъ вынужденъ былъ сверхъ теплаго одѣяла навалить на себя свою шубу и тѣмъ не менѣе вышелъ къ утреннему чаю синій. Напившись чаю, онъ снова отправился къ больной.

— Ну, теперь наше дѣло идетъ къ лучшему, и можно сказать, что шансовъ жизни 60 противъ сорока смертныхъ. Если дѣло пойдетъ этимъ ходомъ, то завтра утромъ я могу придти къ заключенію о безполезности моего дальнѣйшаго здѣсь пребыванія.

На слѣдующій день, выходя отъ больной, докторъ сказалъ: „теперь я могу васъ поздравить: кризисъ совершился, и выздоровленіе теперь только дѣло времени и точнаго исполненія моихъ наставленій, которыя для вѣрности я вамъ выпишу".

Когда я спросилъ его, что дѣлать съ волосами больной, которые, вѣроятно, будутъ падать отъ горячечнаго состоянія, онъ положительно сказалъ, что ихъ надо остричь, иначе они будутъ, какъ онъ выразился, „гунявые".

Къ четыремъ часамъ дня докторъ былъ уже на Зміевкѣ въ ожиданіи поѣзда.

Только человѣкъ, близко наблюдающій опасно больнаго, можетъ воочію убѣдиться, съ какою апатіей относятся къ жизни

уходящія силы и какъ стремятся къ ней возвращающіяся. Такъ въ первомъ случаѣ противна всякая мысль о пищѣ, а вовторомъ—въ первый день разрѣшенная единая виноградина безъ кожечки и косточки доставляетъ неописанное блаженство.

Л. Толстой писалъ отъ 26 ноября 1870 года:

„Сейчасъ получилъ ваше печальное, но болѣе радостное для насъ письмо. Мы отъ Кузьминскаго знали о болѣзни Маріи Петровны, и оба съ женою безпрестанно ахали и мучились безпокойствомъ о васъ.

„Получивъ ваше письмо, я сейчасъ же рѣшилъ ѣхать къ вамъ и теперь бы сбирался на желѣзную дорогу, если бы не Урусовъ, котораго я вызвалъ къ себѣ для поѣздки въ Оптину Пустынь, и который можетъ пріѣхать завтра. Если онъ не пріѣдетъ, или послѣ нашей поѣздки, я непремѣнно пріѣду къ вамъ. Благодарю васъ, что вы мнѣ такъ написали. Я все понялъ, что вы мнѣ писали, и много того, что вы не писали. Я знаю васъ и Марью Петровну и потому понимаю, что такое для васъ угроза разлуки съ нею. Удивляюсь, какъ вы рѣшились уѣхать въ Москву и радуюсь тому, что это вамъ такъ удалось. Пожалуйста пишите о ея состояніи. Изъ вашего письма еще не видно, вполнѣ ли миновалась опасность. По этому страшному слуху, сообщенному намъ Кузьминскимъ, мы оба съ женою удивились, узнавъ, какъ много мы любимъ васъ и ее. Помогай вамъ Богъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Онъ же въ декабрѣ 1870 г.:

„Получилъ ваше письмо уже съ недѣлю, но не отвѣчалъ, потому что съ утра до ночи учусь по-гречески. Я ничего не пишу, а только учусь. И судя по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до меня отъ Борисова, ваша кожа, отдаваемая на пергаментъ для моего диплома греческаго, находится въ опасности. Невѣроятно и ни на что не похоже. Но я прочелъ Ксенофонта и теперь à livre ouvert читаю его. Для Гомера же нуженъ лексиконъ и немного напряженія. Жду съ нетерпѣніемъ случая показать кому нибудь этотъ фокусъ. Но какъ я счастливъ, что на меня Богъ наслалъ эту дурь. Вопервыхъ, я

наслаждаюсь, вовторыхъ,—убѣдился, что изо всего истинно прекраснаго и простаго прекраснаго, что произвело слово человѣческое, я до сихъ поръ ничего не зналъ, какъ и всѣ—и знаютъ, но не понимаютъ;—втретьихъ,—тому, что я не пишу и писать дребедени многословной никогда не стану. И виноватъ, и ей-Богу никогда не буду. Ради Бога объясните мнѣ, почему никто не знаетъ басенъ Эзопа, ни даже прелестнаго Ксенофонта, не говорю уже о Платонѣ, Гомерѣ, которые мнѣ предстоятъ. Сколько я теперь ужь могу судить, Гомеръ только изгаженъ нашими взятыми съ нѣмецкаго образца переводами. Пошлое, но невольное сравненіе: отварная и дистиллированная вода и вода изъ ключа, ломящая зубы, съ блескомъ и солнцемъ и даже соринками, отъ которыхъ она еще чище и свѣжѣе. Всѣ эти Фоссы и Жуковскіе поютъ какимъ-то медово-паточнымъ, горловымъ и подлизывающимъ голосомъ. А тотъ чортъ и поетъ, и оретъ во всю грудь, и никогда ему въ голову не приходило, что кто-нибудь его можетъ слушать. Можете торжествовать: безъ знанія греческаго — нѣтъ образованія. Но какое знаніе? Какъ его пріобрѣтать? Для чего оно нужно? На это у меня есть ясные какъ день доводы.

„Вы не пишете ничего о Марьѣ Петровнѣ, изъ чего съ радостью заключаемъ, что ея выздоровленіе хорошо подвигается. Мои всѣ здоровы и вамъ кланяются.

Вашъ *Л. Толстой*.

Пріѣхавъ, какъ всегда, въ Москву на самое короткое время, я засталъ бѣднаго Борисова въ гостинницѣ Дрезденъ въ самомъ плачевномъ состояніи. Всегда худощавый, онъ исхудалъ до неузнаваемости и безпрестанно откашливался. Не было никакого сомнѣнія, что смерть, въ видѣ злой чахотки, приближается къ нему быстрыми шагами. Какъ всѣ чахоточные, онъ не падалъ духомъ и былъ увѣренъ, что весенній, деревенскій воздухъ его поправитъ. Конечно, всѣ старались поддерживать въ немъ эти мысли. Когда жена моя въ концѣ апрѣля вернулась въ Степановку, то разсказала, съ какими усиліями ей довелось довезти Ивана Петровича въ

закрытомъ отдѣленіи вагона, и что она во Мценскѣ на платформѣ сдала его выѣхавшимъ къ нему навстрѣчу людямъ.

Новый предводитель дворянства Алекс. Аркад. Тимирязевъ былъ въ то же время и почетнымъ мировымъ судьею и пригонялъ всѣ свои разнородныя занятія какъ разъ ко времени съѣзда. Часа въ четыре, къ концу засѣданія, онъ обыкновенно говорилъ вполголоса пріѣзжимъ изъ деревень судьямъ: „приходите къ пяти часамъ обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ“. При частыхъ занятіяхъ въ городѣ, онъ все время держался одной и той же постоянной квартиры со столомъ, съ условіемъ платить хозяйкѣ опредѣленную сумму за каждаго имъ приглашеннаго. Конечно, вино и закуска были его собственныя съ прибавкомъ варенья и соленья изъ деревни.

12-го мая сходя съ лѣстницы мироваго съѣзда, мы, при блескѣ вешняго солнца, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, отправились по улицамъ къ квартирѣ предводителя. Дойдя до угла виннаго магазина, Александръ Аркадьевичъ сказалъ намъ: „извините меня, господа, я только зайду сказать, чтобы мальчикъ принесъ намъ сыру и хересу, и если вы не очень будете торопиться, то я васъ догоню“. Не успѣли мы войти въ улицу, ведущую къ дому предводителя, какъ ко мнѣ подошелъ старый Борисовскій слуга, управлявшій по сосѣдству небольшимъ родовымъ имѣніемъ Борисова, и сказалъ: „Иванъ Петровичъ прислали коляску и просятъ васъ и Александра Аркадьевича сегодня откушать“. Конечно, я тотчасъ же передалъ приглашеніе Тимирязеву, который сказалъ: „пообѣдаемте вмѣстѣ и съ послѣднимъ кускомъ сядемъ въ коляску и поѣдемъ въ Новоселки; а уѣхать отъ приглашенныхъ гостей слишкомъ неловко“.

Въ 6 часовъ вечера мы были уже въ Новосельскомъ флигелѣ и нашли во второй комнатѣ на кровати изнеможеннаго Борисова, который чрезвычайно намъ обрадовался. У него былъ прекрасный поваръ, и самъ Иванъ Петровичъ умѣлъ заказать хорошій обѣдъ.

— Какъ жаль, повторялъ онъ,—что вы уже отобѣдали; а вы видите, столъ уже накрытъ, и я бы васъ накормилъ обѣдомъ такимъ, что пальчики облизать. Какъ я радъ, что вы оба здѣсь. Мнѣ необходимо на дняхъ выѣхать заграницу на

воды, и я хотѣлъ просить васъ, Алекс. Арк., о разрѣшеніи мнѣ взять 2,300 рублей Новосельскихъ выкупныхъ, такъ какъ я своихъ собственныхъ денегъ истратилъ на Новоселки гораздо болѣе.

— Очень хорошо, сказалъ предводитель. Пришлите формальное прошеніе, и я въ тотъ же день пришлю вамъ разрѣшеніе на полученіе этихъ денегъ.

— Кромѣ того я хотѣлъ, Алекс. Аркад., переговорить съ вами о судьбѣ дѣтей: Пети и Оли.

Услыхавъ эти слова, я, будто бы ища папиросочницу, ушелъ и дѣйствительно вышелъ на крыльцо со знакомымъ намъ уже нѣмцемъ-дядькою Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ.

— Здѣсь, въ комнатахъ больнаго, нельзя курить, сказалъ я: пойдемте покурить на крыльцо.

О знаніи русскаго языка этимъ педагогомъ можно судить потому, что меня онъ постоянно называлъ: „Аснасъ-Насъ“.

— Добрѣйшій Ѳедоръ Ѳедоровичъ, говорилъ я, — не слишкомъ ли вы отважны, собираясь везти Ивана Петровича на воды? Вѣдь онъ и до границы-то пожалуй не доѣдетъ.

— Ну, очего? восклицалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ: мы будемъ его подкрѣплять, и онъ будетъ прекрасно доѣзжать. Тамъ онъ можетъ быть еще будетъ здорова, а здѣсь видите, какъ онъ плёхо.

Когда я вернулся къ больному, переговоры ихъ, повидимому, кончились, и предводитель сказалъ: „будьте покойны Иванъ Петровичъ, все будетъ устроено, согласно вашему желанію, а теперь собирайтесь на воды, и дай Богъ вамъ въ скорости поправиться“.

На возвратномъ пути въ коляскѣ предводитель передалъ мнѣ убѣдительную просьбу Борисова: не назначать никого, помимо меня, опекуномъ къ его сыну и женины племянницѣ;— „и, прибавилъ онъ, я считаю, что, не взирая на хлопоты и нравственную отвѣтственность, вы, Аѳ. Аѳ., не имѣете права отказаться отъ этого назначенія“.

Черезъ недѣлю я получилъ отъ Тургенева слѣдующее письмо отъ 11 мая 1871 года изъ Лондона:

„Любезный Аѳ. Аѳ., получилъ письмо отъ Борисова, которое меня положительно напугало. Онъ его даже не самъ писалъ, а продиктовалъ кому-то, дотого безграмотному, что

я едва могъ понять, — что онъ желаетъ имѣть свѣдѣнія объ Эмсѣ, а самъ подписался дрожащей рукой. Прикащикъ мой Зайчинскій былъ у него и говоритъ, что онъ не встаетъ съ постели и имѣетъ видъ умирающаго. Я убѣжденъ, что вы теперь уже давно въ Новоселкахъ, но я не могъ утерпѣть, чтобы не написать вамъ: мысль, что бѣдный Борисовъ гаснетъ одинъ, не имѣя возлѣ себя грамотнаго человѣка, слишкомъ для меня тяжела. Пожалуйста напишите мнѣ какъ можно скорѣе. Я здѣсь еще остаюсь два мѣсяца. Бѣдный Иванъ Петровичъ и бѣдный Петя!

Весь вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Однажды, когда вся Степановка спала непробуднымъ сномъ, я услыхалъ стукъ въ окно спальни; отодвигаю занавѣсъ и вижу у самой террасы тройку лошадей въ хомутахъ и стоящаго подъ окномъ небольшаго человѣчка, въ которомъ тотчасъ же узналъ Чижовскаго ямщика Касьяна, роднаго брата знаменитаго Ѳедота.

— Что тебѣ надо? крикнулъ я, пріотворяя окошко.

— Извольте письмо отъ Петра Аѳанасьевича.

Зажегши свѣчку, я на клочкѣ бумаги, свернутой клинушкомъ, прочелъ: „Ивану Петровичу плохо; сейчасъ пріѣзжай въ Новоселки.

Братъ твой *Петръ.*

— Вотъ тебѣ три рубля и постарайся, сказалъ я Касьяну, на свѣжей лошади дать знать въ Новоселки, что я пріѣду съ первымъ поѣздомъ во Мценскъ.

На другой день тотъ же самый Иванъ Ѳедоровъ принялъ меня на Мценской станціи въ ту же самую коляску. Давно уже колеса гремѣли по городскому шоссе, а я все еще не имѣлъ духу спросить про больнаго. Наконецъ, упрекнувъ себя въ малодушіи, я спросилъ вполголоса: „а что Иванъ Петровичъ?“

— Сегодня въ 4 часа утра кончились, отвѣчалъ Иванъ Ѳедоровъ.

Въ Новоселкахъ я засталъ Борисова уже на столѣ. Лицо его казалось менѣе изнеможеннымъ, чѣмъ я его видѣлъ въ

послѣдній разъ, и спокойное и рѣшительное выраженіе его какъ бы говорило: „ну вотъ я передъ вами. Судите какъ хотите, а я исполнялъ свой долгъ до конца“.

Надо было подумать о погребеніи, которое, заручившись приличнымъ гробомъ изъ Мценска, мы съ братомъ назначили на третій день.

Когда все понемногу пришло въ порядокъ, братъ Петруша подалъ мнѣ при Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ бумажникъ покойнаго со словами: „тутъ рублей двѣсти денегъ, но ты долженъ сейчасъ же всѣхъ насъ обыскать“.

— Помилуй! воскликнулъ я: что за вздоръ! Чтобы я сталъ тебя обыскивать!

— Нѣтъ! ты обязанъ это сдѣлать, продолжалъ братъ.— Погляди-ка сюда: вотъ рукою покойнаго написано: „здѣсь триста рублей“. А ихъ нѣтъ, и они навѣрное у кого-нибудь изъ насъ.

— Да погоди пороть горячку! Вѣдь Осмоловскаго (молодой и юркій управляющій опекунскими имѣніями) дома нѣтъ, и быть можетъ ему извѣстна судьба этихъ денегъ.

Часа черезъ два явился Осмоловскій и сказалъ, что Иванъ Петровичъ вчера самъ передалъ ему эти триста рублей. Борисова мы понесли въ его приходъ Верхнее Ядрино, гдѣ онъ и былъ похороненъ около могилъ дѣда, бабки, отца, матери, братьевъ и сестеръ. Въ минуту, когда мы уже бросали на гробъ горсти земли, къ кладбищу подъѣхала коляска Александра Аркадьевича, и онъ успѣлъ таки бросить горсть земли въ могилу. „Досадно, что я на полчаса опоздалъ, сказалъ онъ,—какъ ни торопился. Послѣ завтра, сказалъ онъ мнѣ, направляясь къ колескѣ, вы получите указъ опеки о назначеніи васъ опекуномъ къ обоимъ малолѣтнимъ“.

Надо было отпустить повара, слугу, кучера, продать лошадей и запереть домъ. Отпуская Ѳедора Ѳедоровича, мы съ братомъ постарались по мѣрѣ возможности вознаградить его за время, проведенное у постели больнаго, котораго въ послѣднее время онъ былъ и дядькой, и письмоводителемъ. Иванъ Петровичъ, не знавшій иностранныхъ языковъ, диктовалъ ему по русски, что привело Тургенева въ такое отчаяніе. А такъ какъ занятія въ лицеѣ Каткова должны были окончиться въ

послѣднихъ числахъ мая, то я просилъ Ѳедора Ѳедоровича прибыть къ намъ въ Степановку, гдѣ я снабжу его письмомъ къ Леонтьеву объ отпускѣ съ нимъ Пети къ намъ въ Степановку, куда заранѣе я пригласилъ Ѳедора Ѳедоровича на все лѣто до возвращенія Пети въ Лицей.

Тургеневъ писалъ изъ Лондона отъ 4 іюня 1871 г.:

„Не могу сказать, что извѣстіе, сообщенное вами, любезный Аѳ. Аѳ., было мною не ожидано; но тѣмъ не менѣе оно и огорчило, и поразило меня. Побѣжалъ нашъ бѣдный Иванъ Петровичъ по слѣду Николая Толстаго, какъ онъ мнѣ писалъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ! Вспоминаю я, какъ часто мы, стоя съ нимъ въ Новосельскомъ саду и глядя на березовую аллею, по которой Николай Толстой пріѣзжалъ изъ за Зуши въ своихъ развалистыхъ дрожкахъ,—бесѣдовали о немъ; а теперь вотъ и самъ хозяинъ ушелъ туда же, въ ту темную бездну, откуда нѣтъ возврата. Придется развѣ съ Петей когда нибудь, стоя на томъ же мѣстѣ, вспоминать объ его отцѣ; а тамъ онъ современемъ будетъ, быть можетъ, разсказывать, что вотъ, молъ, тутъ Тургеневъ—покойный—говорилъ мнѣ о своихъ друзьяхъ. Всѣ тамъ будемъ! Это колесо не останавливается.

„Такъ какъ у васъ самихъ нѣтъ дѣтей, то вамъ уже самъ Богъ велѣлъ взять Петю на свое попеченіе. Я увѣренъ, что у васъ ему будетъ хорошо, и что вы ему замѣните отца, насколько это возможно, ибо вы человѣкъ съ добрымъ и мягкимъ сердцемъ, а это болѣе чѣмъ главное, это все. На Марью Петровну я тоже надѣюсь, какъ на каменную скалу. Этому мальчику нужна спокойная тишина семейной жизни, надо стараться, чтобы его огонекъ не слишкомъ скоро разгорѣлся.

„Вы пишите мнѣ, что въ 51 годъ человѣкъ не мѣняется болѣе; — а въ 53 года человѣкъ не позволяетъ себѣ думать, чтобы онъ могъ кого-нибудь или что-нибудь измѣнить. Да и къ чему мѣняться? Жизненнаго бремени не облегчишь, и каждому самому удобнѣе знать, какъ ему возиться съ этимъ чурбаномъ. Иной его кладетъ на голову, другой на спину, а третій просто волочитъ по землѣ. И то все благо, то добро.

„Поклонитесь отъ меня Марьѣ Петровнѣ и крѣпко поцѣ-

луйте Петю, когда увидите его. Я здѣсь останусь еще 6 недѣль, а тамъ въ Баденъ.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Наконецъ то добрѣйшій Ѳедоръ Ѳедоровичъ привезъ Петрушу изъ Москвы съ самыми лучшими школьными отмѣтками. Мальчикъ оказался совершенно веселъ и доволенъ и о горячо любившемъ его отцѣ даже и не помянулъ. Энергическій, чтобы не сказать суровый, Иванъ Петровичъ не находилъ въ себѣ никакихъ силъ для противодѣйствія дурнымъ инстинктамъ сына. Когда я, бывало, въ интересахъ высоко талантливаго ребенка, указывалъ на непріятныя черты въ его личности, отецъ постоянно старался обратить это въ ребяческое недоразумѣніе. Такъ, напримѣръ, далеко не ребяческимъ тономъ онъ любилъ повторять отцу слова: „мои Новоселки“.

Когда однажды въ Москвѣ 2 января я пришелъ въ номеръ Борисова и засталъ Петю въ слезахъ, то Иванъ Петровичъ со смѣхомъ сказалъ мнѣ:

— Петю сегодня ограбили.

— Какъ такъ? спросилъ я.

— Да сегодня выигралъ не его билетъ.

Однажды, лежа на диванѣ, я, не помню по какому поводу, просматривалъ Тацита. Въ это время вошелъ ко мнѣ Петя. „А вотъ, Петя, сказалъ я: давай попробуемъ общими силами перевести вотъ это мѣсто“. Мальчикъ взялъ книгу и сталъ совершенно правильно переводить, что̀ въ 12-ти лѣтнемъ мальчикѣ привело меня въ великое изумленіе. Вдругъ онъ остановился и сказалъ: „вотъ это слово я забылъ. Что значитъ: intueri?“

Желая. чтобы слово осталось навсегда въ его памяти, я сказалъ: „я самъ, право, забылъ. Сходи-ка ты ко мнѣ въ кабинетъ и посмотри въ словарѣ“.

Черезъ минуту мальчикъ шелъ ко мнѣ, заливаясь горькими слезами и говоря сквозь рыданія: „вѣдь это слово у меня уже встрѣчалось три раза: *взирать, смотрѣть;* а я опять забылъ“.

— О чемъ же ты плачешь, Петя? спросилъ я.—Теперь ужь ты его не забудешь.

— Да, да, продолжалъ онъ съ новымъ порывомъ всхлипываній: а можетъ быть въ лицеѣ есть такой мальчикъ, который помнитъ это слово! При этомъ всхлипыванія переходятъ въ болѣзненный крикъ.

— Ахъ, Петя, сказалъ я, какъ нехорошо то, что ты говоришь. Какое тебѣ дѣло до того, знаетъ ли какой мальчикъ это слово, или нѣтъ? Стараться учиться лучше всѣхъ—законно; но завидовать—стыдно.

Подъ Мценскомъ проживалъ въ своемъ помѣстьи лѣтомъ, состоящій на придворной службѣ, давнишній другъ Борисова, какъ и онъ же, Иванъ Петровичъ Н—въ. Въ этомъ домѣ Петя былъ часто съ самыхъ первыхъ лѣтъ дѣтства и называлъ даже Ивана Петровича Н—а не иначе, какъ дядя Ваня. Дня черезъ два по пріѣздѣ Пети изъ Москвы, я отправилъ его дня на два къ дядѣ Ванѣ. Когда слѣдующаго 12-го числа я увидался съ Ив. Петр. Н—ымъ на мировомъ съѣздѣ, котораго онъ состоялъ почетнымъ судьею, онъ сказалъ мнѣ: „какой этотъ Петя странный байбакъ. Я, можно сказать, насильно заставилъ его проѣхать на могилу къ его отцу. Вѣдь это всего отъ меня за 15 верстъ".

Впослѣдствіи я убѣдился, что сердце Пети не было совершенно заперто для чувства дружбы и любви: но на первыхъ порахъ мнѣ крайне горько было замѣчать въ мальчикѣ эгоистическое чувство, побуждавшее его все брать, ничего не давая. Честный и правдивый по натурѣ, онъ не способенъ былъ взять что-либо украдкой, а считалъ своимъ правомъ брать чужое, какъ нѣкогда конфекты у дѣтей Толстыхъ. Когда я старался логически доказывать его несправедливость, онъ понималъ меня на полусловѣ и самъ досказывалъ заключительный выводъ; но на дѣлѣ такое головное пониманіе не помогало.

Лицейскимъ докторомъ была указана необходимость для него деревенскихъ прогулокъ; но добрѣйшему Ѳедору Ѳедоровичу стоило большихъ трудовъ вытащить мальчика на воздухъ. Величайшимъ наслажденіемъ для Пети было чтеніе историческихъ книгъ, кромѣ сочиненій русскихъ писателей, всѣхъ эпохъ. Въ гостиной, въ углу за дверью, стояла низкая кушетка со спинкою въ видѣ кресла и длинной покатостью

къ ногамъ. Вотъ эту кушетку Петруша избралъ своею главною квартирой. Тутъ, ложась на грудь, онъ обыкновенно подпиралъ голову локтями и, читая книгу, болталъ поднятыми отъ колѣнъ ногами. Когда, бывало, въ свободные дни я послѣ завтрака садился въ столовой на диванъ противъ двери, то привыкъ видѣть за дверью мельканіе пары ребяческихъ ногъ въ бѣлыхъ чулкахъ и черныхъ ботинкахъ.

Однажды, когда ботинки дѣлали свое дѣло, я увидалъ изъ заднихъ комнатъ подошедшаго Ѳедора Ѳедоровича съ сѣрою шляпою въ рукахъ.

— Peter, wollen wir spazieren gehen.

Отвѣта нѣтъ, и ботинки продолжаютъ свое однообразное болтаніе. Простоявъ съ минуту, Ѳедоръ Ѳедоровичъ самымъ убѣдительнымъ голосомъ напѣваетъ свое воззваніе. Мельканіе ботинокъ продолжается. Третій призывъ не нарушаетъ ихъ мельканія.

— Петруша, говорю я, самымъ дружелюбнымъ голосомъ: ну какъ же тебѣ, любезный другъ, не стыдно заставлять человѣка понапрасну стоять передъ тобою!

Ботинки продолжаютъ раскачиваться, какъ будто бы я не произнесъ ни одного слова.

— Петруша! крикнулъ я отрывисто тѣмъ голосомъ, какимъ Василій Павловичъ, бывало, просилъ меня скомандовать противъ вѣтра: „эскадронъ, стой!“ — Когда я тебя зову, ты въ ту же минуту долженъ, какъ пуля, нестись къ моимъ ногамъ!

Не успѣлъ я окончить этихъ словъ, какъ уже пронесшійся во весь духъ Петруша, блѣдный и дрожащій, стоялъ около моихъ колѣней.

— Видишь, сказалъ я, я настолько довѣряю твоему уму, что надѣюсь, это будетъ тебѣ урокомъ. Не мнѣ судить твои отношенія къ отцу твоему. Но твои отношенія ко мнѣ совершенно просты: мое дѣло требовать отъ тебя того, что я считаю справедливымъ: а твое — безпрекословно исполнять мои требованія. А теперь ступай гулять и будемъ друзьями.

Я не ошибся: съ этой минуты мнѣ ни разу не пришлось встрѣчаться съ тѣнью ослушанія со стороны Петруши. А впослѣдствіи онъ доказалъ несомнѣннымъ образомъ, что единственнымъ человѣкомъ, котораго онъ любилъ, былъ я.

Л. Толстой писалъ отъ 10 іюня 1871 г.:

„Любезный другъ, не писалъ вамъ давно и не былъ у васъ оттого, что былъ и есть боленъ, самъ не знаю чѣмъ, но похоже что-то на дурное, или хорошее, смотря потому, какъ называть конецъ. — Упадокъ силъ и ничего не нужно и не хочется, кромѣ спокойствія, котораго нѣтъ. Жена посылаетъ меня на кумысъ въ Самару или Саратовъ на два мѣсяца. Нынче ѣду въ Москву и тамъ узнаю—куда.

„Очень (хотѣлъ написать) *жаль* о Борисовѣ, но это совсѣмъ невѣрно и завидно невѣрно, а тронуло меня это очень. Радуюсь, что мальчикъ у васъ. Я, можетъ, напишу вамъ съ мѣста.

Вашъ *Л. Толстой*.

Тургеневъ писалъ изъ Лондона отъ 2 іюля 1871 г.:

„Любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., — ваше письмо опять меня огорчило.—Не тѣмъ, что̀ вы мнѣ пишете о Петѣ, характеръ котораго вы, впрочемъ, разгадали вѣрно,—это еще можетъ перемолоться, да и вы, кажется, въ отношеніи къ нему стали на настоящую дорогу, — а тѣмъ, что̀ вы мнѣ пишете насчетъ здоровья Л. Толстаго. Я очень боюсь за него, недаромъ у него два брата умерли чахоткой, — и я очень радъ, что онъ ѣдетъ на кумысъ, въ дѣйствительность и пользу котораго я вѣрю. Л. Толстой, эта единственная надежда нашей осиротѣвшей литературы, не можетъ и не долженъ такъ же скоро исчезнуть съ лица земли, какъ его предшественники — Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь. И дался же ему вдругъ греческій языкъ!

„Черезъ двѣ недѣли я ѣду въ Шотландію, гдѣ буду присутствовать на столѣтнемъ юбилеѣ Вальтеръ-Скотта въ Эдинбургѣ и поохочусь на „гроузовъ“ (grouse, родъ бѣлой куропатки), а съ 20-го августа я опять на два мѣсяца въ Баденъ.

„Жизнь англійская невесела, но любопытна. Когда встрѣтимся (вѣроятно, зимой: я съ ноября до января въ Петербургѣ),—будетъ что̀ разсказать. Поклонитесь отъ меня всѣмъ друзьямъ, начиная, разумѣется, съ Маріи Петровны.

Жму вамъ крѣпко руку и остаюсь—

вашъ *Ив. Тургеневъ*.

Л. Толстой писалъ отъ 18 іюля 1871 г.:

„Благодарю васъ за ваше письмо, любезный другъ. Кажется, что жена сдѣлала фальшивую тревогу, отославъ меня на кумысъ и убѣдивъ меня, что я боленъ. Какъ бы то ни было, теперь, послѣ 4-хъ недѣль, я, кажется, совсѣмъ оправился. И какъ слѣдуетъ при кумысномъ лѣченіи,—съ утра до вечера пьянъ, потѣю и нахожу въ этомъ удовольствіе. Здѣсь очень хорошо, и если бы не тоска по семьѣ, я бы былъ совершенно счастливъ здѣсь. Если бы начать описывать, то я исписалъ бы сто листовъ, описывая здѣшній край и мои занятія. Читаю и Геродота, который съ подробностью и большою вѣрностью описываетъ тѣхъ самыхъ галакто-фаговъ-скиѳовъ, среди которыхъ я живу.

„Вчера началъ писать это письмо, и писалъ, что я здоровъ. Нынче опять болитъ бокъ. Самъ не знаю, насколько я нездоровъ, но нехорошо уже то, что принужденъ и не могу не думать о моемъ бокѣ и груди. Жара третій день стоитъ страшная. Въ кибиткѣ накалено, какъ на полкѣ, но мнѣ это пріятно. Край здѣсь прекрасный, по своему возрасту только что выходящій изъ дѣвственности, по богатству, здоровью и въ особенности по простотѣ и неиспорченности народа. Я, какъ и вездѣ, примѣриваюсь, не купить-ли имѣніе. Это мнѣ занятіе и лучшій предлогъ для узнанія настоящаго положенія края. Теперь остается 10 дней до шести недѣль, тогда напишу вамъ и устроимся, чтобы увидѣться. Помогай вамъ Богъ съ вашими трудами. Хомутовъ на васъ много; и труднѣе, и интереснѣе всѣхъ Петя. Поцѣлуйте его за меня. Душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Л. Толстой.

Тургеневъ изъ Баденъ-Бадена писалъ отъ 6 августа 71 г.:

„Любезнѣйшій Фетъ, ваше письмо застало меня въ постели, съ которой я уже двѣ недѣли не разстаюсь, по милости припадка подагры, которую чертъ дернулъ поселиться на этотъ разъ (въ первый разъ) въ колѣнѣ — и такимъ образомъ лишить меня всякой локомоціи. Сегодня попытаюсь подняться съ двумя костылями: подумаешь, я тоже участвовалъ въ завоеваніи Франціи! А погода между тѣмъ отличная;—дразнитъ

сквозь окна. Спасибо за сообщенныя извѣстія. Я очень радъ, что Толстому лучше, и что онъ греческій языкъ такъ одолѣлъ, это дѣлаетъ ему великую честь и приноситъ ему великую пользу. Но зачѣмъ онъ толкуетъ о необходимости создать какой то особый русскій языкъ? Создать языкъ!!— создать море. Оно разлилось кругомъ безбрежными и бездонными волнами; наше писательское дѣло — направить часть этихъ волнъ въ наше русло, на нашу мельницу! И Толстой это умѣетъ. А потому его фраза лишь настолько меня безпокоитъ, насколько она показываетъ, что ему все еще хочется мудрить. Литераторъ отвѣчаетъ только за напечатанное слово: гдѣ и когда я печатно высказался противъ классицизма? Чѣмъ я виноватъ, что разные дурачки прикрываются моимъ именемъ? Я выросъ на классикахъ и жилъ и умру въ ихъ лагерѣ; но я не вѣрю ни въ какую Alleinseligmacherie даже классицизма и потому нахожу, что новые законы у насъ положительно несправедливы, подавляя одно направленіе въ пользу другаго. „Fair play“ — говорятъ англичане; — равенство и свобода, говорю я. Классическое, какъ и реальное образованіе должно быть одинаково доступно, свободно и пользоваться *одинаковыми* правами. Г. Катковъ говоритъ противное; но я въ жизни ненавидѣлъ только одно лицо (не его, то уже умерло, слава Богу), а презиралъ только трехъ людей: Жирардена, Булгарина и издателя Моск. Вѣдомостей.

„Здѣшній домъ, въ которомъ я жилъ, и который я продалъ по милости дяди, — теперь проданъ окончательно — съ 1-го ноября. Баденская жизнь моя — тю-тю! Какой складъ приметъ будущее—я не знаю да и не интересуюсь слишкомъ.

«И дремля ѣдемъ до ночлега,—
А время гонитъ лошадей!»

„Желаю вамъ здоровья и крѣпко жму вамъ руку.

Ив. Тургеневъ.

Онъ же:

Парижъ,
24 ноября 1871 года.

„Любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., такъ какъ вы очень добродушный человѣкъ и не сердитесь, когда другой пожалуй разсер-

дился бы,—то я хочу вамъ доказать, что умѣю цѣнить это ваше качество,—и ни въ какую „прю“ съ вами не вступаю. Меня порадовали извѣстія, сообщенныя вами о Толстомъ. Я очень радъ, что его здоровье исправилось, и что онъ работаетъ. Что бы онъ ни дѣлалъ, будетъ хорошо, если онъ самъ не исковеркаетъ дѣла рукъ своихъ. Философія, которую онъ ненавидитъ, оригинальнымъ образомъ отомстила ему: она его самого заразила, и нашъ врагъ резонерства сталъ резонерствовать напропалую! Авось это все съ него теперь соскочило, и остался только чистый и могучій художникъ!

„А что вы выводите славныхъ лошадей и вообще хозяйничаете съ толкомъ,—за это вамъ похвальный листъ! Вотъ это точно дѣло, и оставляетъ дѣльный слѣдъ.

„Я начинаю обживаться въ своей квартирѣ въ Парижѣ, хотя почти никого еще не видалъ, по милости припадка подагры. Здѣсь стоятъ страшные холода, а вы знаете, какая это бѣда на Западѣ, вы, плакавшій отъ стужи въ Неаполѣ! Республика кряхтитъ славно; едва ли она продержится. Тьеръ оказывается тряпкой и старымъ рутинеромъ, какимъ онъ и былъ всегда.

„А зерносушилки всетаки не будетъ! Впрочемъ, если вы мнѣ докажете противное, я первый воскликну: „ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“

„Засимъ кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и васъ дружески обнимаю.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

VIII.

И. А. Остъ принимаетъ управленіе опекунскими имѣніями.—Моя болѣзнь.—Смерть Александра Никитича.—Операція.—Пріѣздъ брата.—Свиданіе съ племянницей. — Письма.—Хлопоты о постройкѣ сельской больницы.—Пріѣздъ племянницы въ Степановку.—Володя Ш—ъ.—Письма.—Я беру Олю изъ пансіона.—Гувернантка.—Мои занятія съ Олей.—Письма.

Наступилъ декабрь, и жена моя уѣхала въ Москву, оставивъ меня одного съ письмоводителемъ. Само собою разумѣется, что, по принятіи мною въ опеку имѣній малолѣтнихъ, всѣ массы бумагъ, документовъ и плановъ по разнымъ картонкамъ и ящикамъ привезены были ко мнѣ. А вотъ наконецъ и управляющій, съ которымъ я познакомился на похоронахъ Борисова, подъ предлогомъ задержки по дѣламъ, прислалъ мнѣ къ подписи готовые опекунскіе отчеты. Заглянувши въ нихъ, я убѣдился въ двухъ вещахъ: вопервыхъ, что управляющій былъ въ полной увѣренности, что я отчетовъ провѣрять не стану и все подмахну не читавши; а вовторыхъ, сперва изъ окончательныхъ выводовъ, а затѣмъ и изъ подробностей, я пришелъ къ заключенію о преднамѣренномъ уменьшеніи всѣхъ цифръ доходностей до невозможнаго минимума.

Время близилось къ вечернему чаю, который подавался въ столовой подъ единственной лампою, тогда какъ гостиная и слѣдующая за нею комната были безъ огня. Злополучные отчеты лежали на столѣ, а я, не зная что̀ предпринять для пресѣченія зла, въ волненіи ходилъ взадъ и впередъ изъ темныхъ комнатъ въ залу. Вдругъ звонокъ, и въ передней у входной двери появилась высокая фигура, казавшаяся еще

выше отъ поднятаго медвѣжьяго воротника. Высокая папаха и шуба были засыпаны снѣгомъ. Тѣмъ не менѣе я съ перваго взгляда узналъ въ закутанномъ пріѣзжемъ знакомаго мнѣ молодаго швейцарца, управляющаго имѣніемъ Горчанъ,— Ив. Ал. Оста.

— Здравствуйте, любезнѣйшій Ив. Ал., сказалъ я входящему въ залу молодому человѣку.

— Позвольте мнѣ прежде всего обогрѣться около печки, отвѣчалъ онъ. — Вы не можете себѣ представить, что дѣлается на дворѣ: такая мятель, что спины кучера не видать.

— Радуюсь, воскликнулъ я,—что, не взирая на непогоду, Богъ донесъ васъ благополучно къ намъ, и вы сейчасъ же убѣдитесь въ причинѣ моего крайняго безпокойства и волненія. Вы вѣроятно уже слышали, что я назначенъ опекуномъ малолѣтнихъ: Борисова и Ш—ой, и, кажется, въ надеждѣ, что, подобно умирающему Борисову, я поверхностно отнесусь къ отчетамъ, управляющій опекунскими имѣніями прислалъ мнѣ лежащіе здѣсь передъ вами на столѣ отчеты. Какъ къ человѣку, въ экономическихъ дѣлахъ опытному, я обращаюсь къ вамъ съ просьбою просмотрѣть отчеты и сказать мнѣ: терпимы или нетерпимы эти отчеты?

Пока обогрѣвшійся молодой человѣкъ подсѣлъ къ висячей лампѣ и углубился въ отчеты, я продолжалъ свое путешествіе вдоль двухъ темныхъ комнатъ и обратно въ свѣтлую столовую. Наконецъ Остъ, закрывши тетрадь и подымая голову, сказалъ: „эти отчеты невозможны и нетерпимы“.

— Очень радъ, отвѣчалъ я, что слова эти сказаны вами, а не мною, хотя вполнѣ подтверждаютъ мое мнѣніе. Не забудьте, что это прошлогодній отчетъ, и что большинство урожая этого года еще по амбарамъ и даже скирдамъ, и скажите,—могу ли я, вслѣдъ за подобнымъ отчетомъ, быть хотя на минуту покоенъ, касательно имущества, ввѣреннаго моему наблюденію?

— Конечно, отвѣчалъ Остъ: тутъ ни за одинъ часъ поручиться нельзя.

— Прекрасно, сказалъ я,—мы разъяснили себѣ дѣло теоретически, но вопросъ: какимъ образомъ практически помочь злу?—настоятельно требуетъ скораго отвѣта. Вы знаете, что

по закону въ моемъ распоряженіи пять процентовъ съ валоваго дохода, которые я готовъ полностью предоставить управляющему; но я не знаю никого, на кого бы я могъ положиться, и кто бы принялъ управленіе опекунскими имѣніями на этомъ основаніи.

— Да я первый, сказалъ Остъ, съ удовольствіемъ приму ваше предложеніе.

— Если вы на это согласны, сказалъ я, то ударимте по рукамъ, и я сейчасъ велю подать самоваръ, чтобы запить чаемъ наше взаимное соглашеніе. А между тѣмъ необходимо принять слѣдующія мѣры: я сейчасъ прикажу приготовить циркулярное предписаніе всѣмъ экономическимъ старостамъ и ключникамъ отобрать въ одно мѣсто 10-ти дневную дачу харчеваго и фуражнаго продовольствія, а затѣмъ запереть остальное, къ дверямъ котораго письмоводителемъ моимъ до особаго моего разрѣшенія будетъ приложена моя печать.

Такимъ образомъ Ив. Ал. Остъ сдѣлался моимъ ближайшимъ помощникомъ во всѣхъ экономическихъ дѣлахъ.

Болѣзнь, которою я сильно страдалъ еще въ кавалерійской службѣ, мало по малу разыгрывалась все болѣе. Сильныя потери крови, которымъ я сначала радовался, какъ облегченію, превратились наконецъ въ болѣзненное истязаніе. Надо было принять какія либо рѣшительныя мѣры противъ страданій, и зная, что Александръ Никитичъ былъ по случаю выборовъ въ Орлѣ, я по дорогѣ въ Москву заѣхалъ къ нему.

Умѣвшій всегда разыскать лакомое съѣстное, онъ и на этотъ разъ угощалъ меня прекрасными солеными вещами и не менѣе вкусною безсѣмянкою. Такъ просидѣлъ я у него до вечерняго поѣзда.

— Ты посиди еще, говорилъ онъ, становясь передъ трюмо и завязывая на шеѣ своего Владиміра,—а я соберусь въ Собранье.

При прощаньи онъ подалъ мнѣ 25-ти рублевую бумажку со словами: „пожалуйста передай отъ меня Володѣ, да такъ чтобы Любинька не знала“.

Конечно, Любинька въ свою очередь говорила то же самое по отношенію къ мужу.

По пріѣздѣ въ Москву, я почувствовалъ себя дотого дурно, что принужденъ былъ слечь въ постель. И жена, и милые хозяева Боткины настоятельно требовали, чтобы я обратился къ медицинской помощи.

Только что я слегъ, какъ получаю телеграмму.

„Сегодня утромъ Александръ Никитичъ скончался по дорогѣ изъ Орла.

Кротковъ.

Не зная никакого Кроткова, я долго не могъ догадаться, кто прислалъ телеграмму. Но какъ поступить по отношенію къ сыну, — всего лучше, по моему мнѣнію, могъ рѣшить самый интимный другъ покойнаго, бывшій предводитель В. А. Ш—ъ, проживавшій съ женою близь Кудрина.

— Владиміра Александровича нѣтъ дома, сказала мнѣ его жена, и если вы такъ настоятельно желаете его видѣть, то я прикажу проводить васъ къ Дорогомиловскому мосту въ ту баню, куда онъ отправился съ человѣкомъ.

— Здѣсь баринъ со слугою? спросилъ я корридорнаго при номерахъ бани.

— Здѣсь, пожалуйте, сказалъ тотъ, указывая на дверь. При болѣзненномъ своемъ состояніи, я тяготился всякою потерею времени. Но вотъ отворяю дверь передбанника и не нахожу ни барина, ни слуги. Одно платье и сапоги свидѣтельствуютъ о ихъ присутствіи, сами же они блаженствуютъ за двойными дверями въ банномъ пару. Не зная, сколько времени придется мнѣ ждать, я сталъ звать купальщика по имени, насколько хватало силъ. Наконецъ то Вл. Ал., узнавши меня по голосу, воскликнулъ:

— Это вы, Аѳ. Аѳ.? я сейчасъ выйду.

— Дверь растворилась, и пышащій паромъ Влад. Алек. спросилъ:

— Что такое?

— Объ Александрѣ Никитичѣ, отвѣчалъ я.

— Умеръ?

— Да. Вотъ телеграмма отъ какого-то Кроткова.

— Да это его прикащикъ Прокофій, сказалъ Влад. Алек.

Рѣшено было дать денегъ Володѣ на проѣздъ на похороны къ отцу; и я снова поѣхалъ на постель.

Оказалось, что на третій день послѣ нашего свиданія Ал. Ник., поужинавшій наканунѣ въ клубѣ съ виномъ, котораго съ годъ уже не пилъ, отправился домой. На станціи „Становой Колодезь“ его ожидали, по причинамъ снѣжной мятели, двое одиночныхъ саней. Забравши письма и газеты, Ал. Ник. вышелъ на крыльцо и, сѣвши въ однѣ изъ саней, пустилъ въ другихъ впередъ кучера. Но не успѣлъ послѣдній выѣхать изъ воротъ станціи, какъ, услыхавъ громкій голосъ барина: „поворачивай назадъ къ станціи, мнѣ дурно,“—тотчасъ же исполнилъ приказаніе. Проѣзжая мимо заворачивавшихъ въ свою очередь саней барина, кучеръ замѣтилъ, что Ал. Ник. скатился на одну сторону задка, и потому кучеръ, остановивъ лошадей у подъѣзда, побѣжалъ на станцію просить помощи. Когда начальникъ станціи отказался принять трупъ, Ал. Ник. оставался въ саняхъ въ томъ же положеніи болѣе двухъ часовъ, покуда не пріѣхалъ за нимъ его Прокофій и не увезъ домой.

Мнѣ всегда почему-то казалось, что личность закащика сапоговъ въ „Чѣмъ люди живы“—навѣяна Л. Тостому личностью Ал. Ник. Но что всего страннѣе, это то, что въ иллюстраціи В. Шервуда 1882 г. общій типъ закащика, съ котораго снимаютъ мѣрку, очень напоминаетъ Александра Никитича.

Пріѣхавшій алопатъ приказалъ мнѣ снять верхнее платье, стучалъ въ спину и въ грудь и заставлялъ стоять на одной ногѣ. Мнѣ припомнились затѣйливые пріемы вѣдьмы по отношенію къ Фаусту; но думалось, что толку изъ этого не выйдетъ. Принесли изъ аптеки какія-то дорогія серебряныя жемчужины, и безполезно глотая уже другую коробку, я догадался посмотрѣть,—что же это такое за драгоцѣнное снадобье? Оказался простой ревень.

Между прочими добрыми людьми, навѣщавшими мой болѣзненный одръ, былъ и старичекъ швейцарскій консулъ.

— Ничего, сказалъ онъ, эти алопаты вамъ не помогутъ; а позвольте прислать вамъ моего почтеннаго старика доктора гомеопата.

Серебряныя пилюли брошены, и посыпались крупинки.

Въ это время жена моя, навѣщая, много лѣтъ паралич-

наго, Пикулина, сообщила ему о мучительномъ моемъ состояніи.

— Вы, матушка, тамъ, отвѣчалъ Пикулинъ, всѣ сумасшедшіе! Какіе тамъ алопаты и гомеопаты! ему надо позвать хирурга; пусть онъ обратится къ лучшему хирургу Новацкому: тотъ его починитъ.

На другой день любезный и благодѣтельный Иванъ Николаевичъ уже сидѣлъ около моей кровати.

— Все это прекрасно, сказалъ онъ;—но прежде чѣмъ что либо предпринять, позвольте васъ освидѣтельствовать.

— Ради Бога, воскликнулъ я, нельзя ли безъ этого обойтись? Вы себѣ представить не можете, какая меня ожидаетъ боль!

— Не хуже васъ это знаю, но не понимаю вашего требованія, чтобы я, не видавши зла, производилъ операцію.

Дѣлать нечего, надо было покориться, и затѣмъ я помню только, что лежалъ на постели, и доктора (старикъ гомеопатъ былъ тутъ же) прыскали мнѣ въ лицо холодною водой. Со мною былъ обморокъ. Рѣшено было дать мнѣ хлороформу и затѣмъ произвести внутреннее прижиганіе гальванически накаленною проволокой. Первое вдыханіе хлороформа было крайне непріятно, но затѣмъ, подобно опьяненію, соединено было съ извѣстнымъ наслажденіемъ и усиленною работою воображенія, въ ущербъ внѣшнему ощущенію. Говорятъ, я кричалъ во время операціи, но никакой боли не помню.

Когда, оправившись, я сталъ уже ходить по комнатѣ, изъ Петербурга пріѣхалъ братъ Петръ Аѳан. въ совершенно восторженномъ состояніи. Года три тому назадъ онъ былъ влюбленъ въ одну красивую дѣвушку сосѣдку и ѣздилъ въ домъ, считая себя женихомъ. Въ какой мѣрѣ онъ имѣлъ на это право, судить не берусь; но отецъ дѣвушки самъ говорилъ мнѣ, что былъ бы чрезвычайно радъ, еслибы его дочь согласилась на этотъ бракъ. Восторгамъ брата не было конца; онъ перестроилъ свой домъ для семейной жизни, и вдругъ предметъ его страсти совершенно неожиданно вышла замужъ. Отчаянію брата не было границъ; но современемъ страсть повидимому не токмо погасла, но и перешла въ

томъ же семействѣ на меньшую сестру, которую отецъ въ настоящемъ году вывозилъ въ Петербургѣ. Дѣвушка несомнѣнно была красива. И вотъ по поводу-то ея, братъ и предавался всевозможнымъ лирическимъ порывамъ. Предвидя повтореніе столь пагубнаго для его нравственнаго организма приключенія, я употребилъ всѣ мѣры, чтобы удержать его отъ новаго увлеченія.

— Ахъ, нѣтъ! восклицалъ онъ,—самъ отецъ страстно желаетъ этого брака и приглашаетъ меня бывать у нихъ въ домѣ. Я вѣдь къ нимъ бы и не поѣхалъ послѣ того, что случилось; но онъ самъ въ деревнѣ пріѣхалъ звать меня наканунѣ ея именинъ. Онъ этого страстно желаетъ!

— Да вѣдь онъ и тогда, какъ говорилъ мнѣ самъ, этого желалъ. Вотъ если бы ты могъ сказать, что она этого желаетъ, то я благословилъ бы тебя обѣими руками. А то какъ бы послѣднее не было горше перваго.

— Ахъ, братецъ, пожалуйста, не говори! Вышивала она на подушкѣ пару голубей; я и говорю ей: „что же это ваши голуби отвернулись другъ отъ друга?“—А она подняла на меня глаза и сказала: „а можетъ быть они когда-нибудь и взглянутъ другъ на друга“.

— Какое же ты выводишь заключеніе изъ этихъ словъ?

— Ахъ, братецъ, когда я пріѣхалъ прощаться, къ ней пронесли свѣтло-золотистое палевое платье. Ужь тутъ и говорить-то нечего!

Братъ замолчалъ, и я замолчалъ послѣ такой аргументаціи.

Совершенно поправившись, я передъ отъѣздомъ въ Степановку зашелъ проститься съ В. А. Ш—ымъ, который въ свою очередь жаловался мнѣ на нездоровье. На прощаньи онъ заставилъ меня написать два слова Сергѣю Петровичу Боткину, къ которому собирался съѣздить за совѣтомъ въ Петербургъ.

Чтобы не принимать вида вмѣшательства, мы съ женою, при жизни Ивана Петровича, ни разу не посѣтили маленькой Оли Ш—ой; но ставши ея опекуномъ, я счелъ своею обязанностью взглянуть на дѣвочку, которой не видалъ въ теченіи 13-ти лѣтъ. Ее такъ ревниво оберегали, что я едва могъ добиться свиданія съ нею и нашелъ ее съ воспален-

ными глазами и золотыми браслетами на рукахъ. Напрасно я старался объяснить г-жѣ Эвеніусъ необходимость познакомить дѣвочку съ ея ближайшими родными по отцу и по матери, прося поэтому прислать ее, не долѣе какъ на мѣсяцъ, въ деревню. Г-жа Эвеніусъ только тогда обѣщала исполнить мою просьбу, когда я подтвердилъ ее рѣшительными требованіями опекуна. Рѣшено было, что дѣвочка пріѣдетъ съ классною дамою въ Степановку въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Тургеневъ писалъ изъ Парижа отъ 8 января 1872 года:

„Прежде всего поздравляю васъ съ изобрѣтеніемъ зерносушилки, любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., если она точно окажется безъ сучка и задоринки. Je ne demande pas mieux que m'ecrièr: tu as vaincu, Galiléen! Радуюсь душевно успѣхамъ Пети: все это обѣщаетъ въ будущемъ хорошіе плоды. Съ удовольствіемъ прочту ваши письма „Изъ деревни“, если они будутъ написаны „sine ira et studio“. Вы пишете, что „не шутя не знаете ни одного бѣднаго литератора“. Это происходитъ оттого, что вы ихъ вообще мало знаете. Укажу вамъ на одинъ примѣръ. Недавно А. Н. Аѳанасьевъ умеръ буквально отъ голода, а его литературныя заслуги будутъ помниться тогда, когда наши съ вашими, любезный другъ, давно уже пожрутся мракомъ забвенія. Вотъ на такіе-то случаи и полезенъ нашъ бѣдный, вами столь презираемый, фондъ. Надѣюсь, что вы весело пожили въ Москвѣ и „люблю думать“, какъ говорятъ французы, что вы не слишкомъ нанюхались Катковскаго прѣлаго духа.

„Въ концѣ февраля я въ Питерѣ, а тамъ въ Москвѣ и пожалуй въ деревнѣ. Жму вамъ руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Настоящія слова Тургенева вызываютъ многія замѣчанія.

1. Поступивши въ Общество Литературнаго Фонда въ качествѣ члена учредителя, я вычеркнулъ себя изъ списка не потому, что считалъ не должнымъ помогать нуждающимся литераторамъ, а только потому, что считалъ необязательнымъ слѣпо подчиняться произволу Общества, измѣнявшаго свою программу введеніемъ расходовъ, не имѣвшихся въ виду при учрежденіи Общества. Если Общество считаетъ такія

измѣненія своимъ правомъ, то не должно и удивляться уходу членовъ, съ нимъ несогласныхъ.

2. Серьезные члены учредители не могутъ не знать, что литература способна быть забавой или отрадой и даже нѣкоторымъ подспорьемъ насущному хлѣбу, но что чисто литературный трудъ въ большинствѣ случаевъ такъ же мало способенъ прокормить отдѣльнаго человѣка, какъ и душевой крестьянскій надѣлъ. Вкоренять въ томъ и въ другомъ случаѣ въ человѣкѣ мысль объ обезпеченности — значитъ завѣдомо вести человѣка къ экономической гибели. Поэтому помощь должна являться къ литератору, какъ и ко всякому другому труженику, только какъ помощь при неожиданномъ несчастіи, но никакъ не въ видѣ поощренія на бездоходный трудъ.

3. Сказанное нами подтверждается отчасти судьбою покойнаго Аѳанасьева, которому служба въ иностранномъ архивѣ давала возможность предаваться своимъ частнымъ литературнымъ занятіямъ. Принимая у себя на собственный рискъ непрощеннаго еще Кельсіева, Аѳанасьевъ, конечно, не могъ разсчитывать, что правительство будетъ продолжать содержать его на службѣ, не взирая на его оппозиціонную роль. Но даже и послѣ потери мѣста онъ не умиралъ съ голоду, какъ говоритъ Тургеневъ, такъ какъ оставилъ своей наслѣдницѣ въ Москвѣ домъ, оцѣненный въ 13 тысячъ.

Л. Толстой писалъ отъ 20 февраля 1872 г.:

„Какъ мнѣ грустно было узнать, что вы были въ Москвѣ и еще хуже, что, когда я на дняхъ въ другой разъ пріѣхалъ въ Москву, я узналъ, что вы наканунѣ уѣхали. Какъ же было не написать мнѣ словечко о своемъ положеніи? Я могу не переписываться по годамъ со своими друзьями, но когда другъ въ бѣдѣ, то ужасно совѣстно и больно не знать. Напишите, какъ вы теперь? Не заработывайтесь своимъ судействомъ. Вы мнѣ это проповѣдываете, а вамъ едва ли не нужнѣе, я ужь лѣтъ 9 не помню васъ хоть на денекъ спокойнымъ и свободнымъ. Въ Москвѣ теперь хотѣлъ съѣздить къ Боткину, чтобы разузнать про васъ, но самъ заболѣлъ, пролежалъ и больной насилу добрался домой. Теперь лучше. Дома все хорошо; и домъ вы нашъ не узнаете: мы всю зиму ужь

пользуемся новой пристройкой. Еще новость, это—что я опять завелъ школу, и, жена и дѣти, мы всѣ учимъ и всѣ довольны. Я кончилъ свои азбуки, печатаю и принимаюсь за задушевное сочиненіе, котораго не только въ письмѣ, но и не словахъ едва ли разскажу, не смотря на то, что вы тотъ, кому можно разсказать. Теперь пишу и вспоминаю, какъ давно мы потерялись изъ виду. Напишите пожалуйста поподробнѣе. Жена и я просимъ передать душевный привѣтъ Марьѣ Петровнѣ. Какъ ея здоровье? Прощайте.

Вашъ искренній другъ

Л. Толстой.

Отъ 26 февраля 72 г. Тургеневъ писалъ изъ Парижа:

„Прежде всего, любезнѣйшій А. А., примите мое поздравленіе съ благополучнымъ исходомъ мучительной, но спасительной операціи, которой вы подверглись; я, хотя и не докторъ, давно предвидѣлъ, что вамъ ея не избѣгнуть, и очень радъ, что все хорошо сошло съ рукъ.

„При всемъ моемъ стараніи, не могу найти въ душѣ моей сильнаго сочувствія къ исчезновенію Александра Никитича; сожалѣю только о томъ, что эта смерть прибавитъ еще нѣкоторое бремя къ обузѣ, отягощающей ваши плечи. Но на то человѣкъ и существуетъ, чтобы ему съ каждымъ годомъ становилось тяжелѣ.

„Прочтя ваше изумительное изреченіе, что: „я (И. С. Т.) консерваторъ, а вы (А. А. Ф.) радикалъ“,—я воспылалъ лирическимъ пафосомъ и грянулъ слѣдующими стихами:

«Рѣшено! Ура! Вивать!
Я — Шешковскій, Фетъ — Маратъ!
Я — презрѣнный Вольтерьянецъ...
Фетъ — возвышенный Спартанецъ!
Я — буржуй и доктринеръ...
Фетъ — ре-во-лю-ці-о-неръ!
Въ немъ вся ярость нигилиста...
И вся прелесть юмориста!»

„Только вотъ что, новѣйшій Кай Гракхъ:—вы, какъ человѣкъ впечатлительный и пінтъ, слишкомъ легко поддаетесь

обаянію *слова:* республиканское заглавіе новаго петербургскаго журнала „*Гражданинъ*“ соблазнило васъ, и вы посвятили ему свои задушевныя изліянія.

„Желаю вамъ расцвѣсть на деревенскомъ воздухѣ, какъ ландышъ; а увижусь я съ вами, Богъ дастъ, въ маѣ, ибо выѣду отсюда не раньше апрѣля.

„Передайте мой искренній привѣтъ Марьѣ Петровнѣ и вѣрьте въ искренность моихъ, хотя реакціонерныхъ, но дружескихъ чувствъ.

Ив. Тургеневъ.

Л. Толстой писалъ отъ 16 марта 72 г.:

„Письмо ваше очень порадовало насъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть васъ; а ѣхать не могу, все хвораю. Ради Бога не проѣзжайте меня мимо, когда поѣдете въ Москву. Азбука моя не даетъ мнѣ покоя для другаго занятія. Печатаніе идетъ черепашьими шагами и чортъ знаетъ когда кончится, а я все еще прибавляю, убавляю и измѣняю. Что изъ этого выйдетъ—не знаю; а положилъ я въ него всю душу.

Вашъ *Л. Толстой.*

Вл. Ал. Ш—у не пришлось воспользоваться моимъ письмомъ къ Боткину, и я получилъ извѣстіе о его скоропостижной смерти.

Тургеневъ писалъ:

Парижъ.
29 марта 1872 г.

„Итакъ, любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., добродушный В. А. Ш—ъ приказалъ долго жить! Смерть дѣйствительно сильно щелкаетъ вокругъ насъ.

„Что касается до Аѳанасьева, то позвольте вамъ замѣтить, что вы не довольно ясно даете себѣ отчетъ о подраздѣленіяхъ литературы, — на такъ называемую беллетристику, прессу-журналистику и прессу-науку (и педагогику), или, что еще вѣрнѣе, вы сознаете это подраздѣленіе, но цѣните одну беллетристику, да еще какую!—поэзію! Но наше Общество осно-

вано именно для литераторовъ, пользу которыхъ вы съ трудомъ признаѣте, и безъ которыхъ пришлось бы плохо дѣлу просвѣщенія. Вотъ оттого-то мы и заботимся объ обезпеченіи этихъ самыхъ литераторовъ отъ голода, холода и прочихъ гадостей.

„А за походъ вашъ по поводу сифилиса нельзя васъ не похвалить. Вотъ это дѣло, и дай Богъ вамъ успѣха и помощи отовсюду. На вашу больницу я немедленно подписываюсь на сто рублей, которые буду имѣть удовольствіе вручить вамъ при нашемъ свиданіи въ Спасскомъ въ маѣ мѣсяцѣ. А до тѣхъ поръ будьте здоровы и благополучны.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

На тему этого письма, я въ объясненіе долженъ сказать слѣдующее. Въ прошломъ 71 году истекъ послѣдній срокъ уплаты розданнаго мною голодающимъ капитала, которому я нѣкогда такъ высокомѣрно предназначалъ блестящую и благотворную будущность. Я даже устроилъ изъ мнимо процентныхъ денегъ небольшія стипендіи слѣпымъ и убогимъ изъ бывшихъ дворовыхъ. Но и тутъ разочарованіе готовило мнѣ новый урокъ. Какъ я ни бился, я такъ-таки и не добралъ болѣе 300 руб. основнаго капитала, и въ виду такихъ обстоятельствъ я искалъ возможности и случая дать этому капиталу другое, болѣе разумное назначеніе. Я на опытѣ убѣдился въ истинѣ, которая, будучи a priori несомнѣнна, не требуетъ подтвержденія опыта, а именно: прочный кредитъ можетъ быть только подъ обезпеченіе равноцѣннаго имущества, мгновенно поступающаго въ собственность кредитора, не получившаго утраты. А тамъ, гдѣ заемщикъ, подобно нашему крестьянину, принципіально не владѣетъ никакой личной собственностью, кредитъ немыслимъ.

Еще въ прошломъ году предводителемъ Тимирязевымъ и мною обращено было вниманіе земскаго собранія на непомѣрное распространеніе въ уѣздѣ сифилитической заразы. Всего нагляднѣе зло было для предводителя во время пріема рекрутъ, изъ которыхъ 20 проц. оказывались зараженными. Тогда же собраніе уступило нашимъ требованіямъ немедленной помощи,

и изъ Петербурга была выписана весьма практическая и дѣятельная акушерка, которой пришлось немало побороться съ убійственнымъ зломъ, по одному уже тому, что крестьянки прятались отъ осмотровъ, боясь женскаго рекрутскаго набора. Черезъ два года я слышалъ отъ Ал. Арк., что процентъ зараженныхъ рекрутовъ сошелъ съ двадцати на четыре

Объяснивши министру безнадежное положеніе моего запаснаго капитала, я заблаговременно заручился разрѣшеніемъ обратить его на сельскую больницу. Но когда я на земскомъ собраніи просилъ—или принять отъ меня этотъ капиталъ, или же дозволить мнѣ выстроить больницу, содержаніе которой земство приняло бы на свой счетъ,—то согласія ни на то, ни на другое не послѣдовало, и поднялся ораторъ съ вопросомъ:—„почему де г. Фетъ въ своей больницѣ желаетъ дать предпочтеніе сифилису передъ всѣми другими болѣзнями?“ Напрасно я возражалъ, что больница въ десять коекъ въ примѣненіи ко всѣмъ болѣзнямъ слишкомъ мала; но тамъ, гдѣ отдѣленіе больнаго отъ общей семейной чашки составляетъ благодѣяніе для цѣлой семьи, десять коекъ подъ надзоромъ хорошаго фельдшера представляютъ очевидное благодѣяніе для края. Послѣ многихъ колебаній, Гордіевъ узелъ былъ разрубленъ моимъ ближайшимъ сосѣдомъ М. М. Хрущевымъ, (бывшимъ когда-то въ числѣ лейбъ драгуновъ, угощавшихъ насъ, уланъ, въ Ревельской гостинницѣ). Онъ объявилъ собранію, что такъ какъ въ сѣверо-западной части Мценскаго уѣзда, при селѣ Воинѣ, имѣется земская больница, то если земство ассигнуетъ извѣстную сумму на содержаніе больницы въ юго-восточной части уѣзда, при селѣ Долгомъ, то онъ даритъ подъ больницу десятину земли и на полученныя отъ меня деньги выстроитъ и самую больницу.

Больница эта существуетъ и въ настоящее время, но, къ сожалѣнію, въ ней принимаются всевозможныя болѣзни.

Я уже говорилъ, что покойный Александръ Никитичъ былъ человѣкъ толковый и весьма хорошій хозяинъ. Получивши въ послѣднее время денежное наслѣдство въ два три десятка тысячъ послѣ покойнаго своего отца, онъ не только расплатился съ долгами, въ томъ числѣ и со мною, но довелъ свое полевое и домашнее хозяйство до возможнаго совершенства,

не задаваясь никакими модными пріемами. Онъ даже, верстахъ въ 15-ти, прикупилъ небольшое имѣніе со скромной, но прекрасной усадьбой. Въ послѣднее время онъ за два года не продавалъ хлѣба.

Однажды, не успѣли мы сѣсть за завтракъ, какъ пріѣхала Любинька и послѣ первыхъ привѣтствій сказала: „а я къ тебѣ за серьезнымъ совѣтомъ. Куда ты мнѣ посовѣтуешь класть деньги?“

— Боже мой, сказалъ я: какая ты исключительно счастливая особа! Мы, грѣшные, и знали бы куда положить, да нечего. Но такъ какъ ты просишь совѣта, то, вопервыхъ, продавай хлѣбъ и въ хвостъ, и въ голову,—такъ какъ онъ у тебя сыръ и можетъ перегорѣть въ навозъ, а вовторыхъ, такъ какъ Поповка куплена на имя Алекс. Никит. и заложена во Мценскомъ банкѣ, то ты клади сбереженія куда хочешь, кромѣ Мценскаго банка, въ которомъ ты только будешь очищать дѣла твоего Володи, нисколько не обезпечивая себя. Конечно, современемъ и твое, какъ и Александра Никитича, достанется вашему сыну, но до времени не мѣшаетъ держать его на извѣстной привязи.

— Ахъ, помилуй, что ты... и т. д. И я замолчалъ.

Наконецъ въ іюлѣ классная дама привезла къ намъ 13-ти лѣтнюю Олю, познакомившуюся съ своими двоюродными братьями: Ш-ымъ и Борисовымъ.

Къ обычному нашему семейному торжеству 22 іюля, на этотъ разъ набралось гостей болѣе обыкновеннаго. Пріѣхавшій еще къ завтраку 16-ти лѣтній Ш—ъ не преминулъ блеснуть своею возмужалостью передъ Петей и Олей и разсказалъ, что онъ, къ сожалѣнію, не можетъ одновременно съ Петей возвратиться въ лицей, такъ какъ долженъ быть шафером у М-lle М—ой и къ этому дню долженъ заказать себѣ фракъ и три пары перчатокъ. Одну—чтобы держать вѣнецъ, другую—чтобы наливать шампанское, а третью—для танцевъ. Когда передъ обѣдомъ я старался по возможности занимать гостей, съ балкона подошелъ Петя и шепнулъ мнѣ: „тетя Люба проситъ тебя придти на минуту въ аллею“.

Улучивъ минуту, я дѣйствительно нашелъ сестру Любовь Аѳанасьевну въ аллеѣ вдвоемъ съ предводителемъ дворянства.

„Вотъ, сказала она, я просила Алекс. Арк. назначить тебя опекуномъ къ Володѣ". Вмѣстѣ съ этимъ она обняла меня, припадая лицомъ на правое плечо мое, на которомъ я вскорѣ услыхалъ горячую влагу слезъ.

— Любинька, отвѣчалъ я, ты напрасно такъ сильно плачешь. Я буду очень радъ, если дѣло хорошо пойдетъ и безъ моей помощи; но если послѣдняя окажется нужной, то я считаю себя не вправѣ отказываться. Я прошу у васъ извиненія, но въ настоящую минуту долженъ идти къ дамамъ, сказалъ я и пошелъ на балконъ.

Когда позвали къ обѣду, предводитель, проходя мимо меня, сказалъ вполголоса: „послѣ завтра вы получите указъ опеки, о назначеніи васъ опекуномъ къ малолѣтнему Ш—у".

Часовъ въ 10 вечера, когда всѣ гости разъѣхались, мы за длиннымъ столомъ на террасѣ оставались еще въ семейномъ кругу, такъ какъ Володя Ш—ъ еще не уѣзжалъ, а Оля съ классной дамой еще не ушли въ свои комнаты. Все время мнѣ почему-то казалось нескромнымъ обратиться съ какимъ либо вопросомъ къ дѣвочкѣ, находящейся такъ всецѣло на рукахъ начальницы своего пансіона. Но принимая во вниманіе 13-ти лѣтній возрастъ, я на этотъ разъ рѣшился успокоить себя наиболѣе элементарнымъ вопросомъ и спросилъ: „*Я тебя люблю;*—которое изъ этихъ трехъ словъ глаголъ?"

Дѣвочка какъ-то порывисто сказала сначала: *я*, затѣмъ *тебя* и только наконецъ—*люблю*.

Надо было съ одной стороны видѣть мягкое оцѣпенѣніе на лицѣ классной дамы, какъ бы желавшей сказать: „пусть хоть разрушается небесный сводъ, а это дѣло не наше;"—а съ другой—восторженный блескъ глазъ и всего лица Петруши. Я самъ не радъ былъ своему вопросу и, что называется, въ ротъ воды набралъ. Когда тихій ангелъ пролетѣлъ, и разговоръ оживился снова, я сказалъ: „если я за кого либо радуюсь, такъ это за тебя, Володя".

— Почему это, дядя? сказалъ онъ.

— А потому, что съ послѣ-завтра исчезнутъ съ твоей стороны всѣ излишнія нужды. Никакого фрака и особенныхъ перчатокъ тебѣ не нужно, а поѣдешь ты одновременно съ Петей въ Катковскій лицей.

На этомъ разговоръ пока прекратился; но вслѣдъ затѣмъ, замѣтивъ, что я прошелъ съ балкона въ гостиную, Володя прошелъ за мною слѣдомъ и, подойдя ко мнѣ, сказалъ: „могу ли я, дядя, сдѣлать тебѣ совершенно отвлеченный и принципіальный вопросъ? Я никогда не дозволю себѣ тебя ослушаться“.

— Да я тебѣ не совѣтую и пробовать этого, отвѣчалъ я.

— Этого никогда и не будетъ, продолжалъ отрокъ, но я бы желалъ себѣ наглядно представить послѣдствія моего отказа ѣхать, напримѣръ, одновременно съ Петею въ лицей.

— Я очень радъ помочь твоему недоразумѣнію, сказалъ я: ты, быть можетъ, не знаешь, что опекунъ замѣняетъ отца, и что, съ минуты моего назначенія, настоящимъ хозяиномъ въ твоемъ Ивановскомъ буду я, и человѣкъ, не исполняющій моего приказанія, не можетъ долѣе оставаться въ имѣніи. Если бы ты не послушался слова, то пришлось бы тебя отправить силой, т. е. приказать двумъ здоровеннымъ ребятамъ связать и довезти тебя на станцію, сѣсть съ тобою въ III-й классъ и доставить при моемъ письмѣ Леонтьеву, котораго бы я просилъ не пускать тебя домой на каникулы, такъ какъ ты не умѣешь себя держать прилично.

Пора было отправляться на покой, и мы обнялись на прощанье. На другой день, около 12-ти часовъ, сестра Любинька какъ-то особенно важно вошла въ гостиную и сѣла въ кресло, расправляя свой траурный шлейфъ.

— Я хотѣла тебѣ сказать два слова, произнесла она. Я до такой степени дорожу твоимъ расположеніемъ и нашими дружескими отношеніями...

— Пожалуйста не продолжай, перебилъ я,—ты не желаешь, чтобы я былъ у васъ опекуномъ. Пойми, какую нравственную обузу ты съ меня снимаешь; но я не знаю, въ какой мѣрѣ это будетъ полезно для Володи и для всего вашего имущества.

Вначалѣ августа Петя и Оля уѣхали въ Москву, а Володя остался заказывать фракъ и покупать перчатки къ предстоящему шаферству.

Въ виду грамматическихъ свѣдѣній дѣвочки, я слезно молилъ г-жу Эвеніусъ найти особеннаго репетитора грамматики

вообще и русской въ особенности. Къ осени я получилъ обычное дѣтское письмо съ прибавленіемъ: „я уже прочла всего Пушкина, Лермонтова, Тургенева и Толстаго“.

Эти слова поразили меня въ самое сердце. „Нѣтъ, подумалъ я, этому долженъ быть положенъ рѣшительный конецъ. Оставаясь у старой дѣвы, влюбленной въ дѣвочку, послѣдняя навѣрное не пріобрѣтетъ даже самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, а между тѣмъ ея матеріальное и общественное положенія не мирятся съ такимъ круглымъ невѣдѣніемъ, въ которомъ современемъ я не буду въ состояніи избѣжать ни стороннихъ, ни собственныхъ упрековъ“.

Тургеневъ писалъ изъ Баденъ-Бадена отъ 16-го августа 1872 года:

„Вотъ я опять здѣсь, любезнѣйшій А. А., и письмо ваше получилъ. Остаюсь въ Баденѣ до октября, а тамъ въ Парижъ.

„Мнѣ жаль, что Петя только разсердился на меня за мое письмо, а не почувствовалъ, что въ немъ было справедливо. Когда онъ будетъ большой, я, если буду живъ, и если онъ сдѣлается — въ чемъ я не сомнѣваюсь — хорошимъ человѣкомъ, покажу ему его первое письмо, *написанное ко мнѣ послѣ кончины его отца*, — и онъ постыдится его и подивится тому, до чего можетъ доходить эгоизмъ молодости. Теперь онъ, въ силу своихъ успѣховъ въ Катковскомъ лицеѣ, чувствуетъ себя какъ бы царькомъ; а до царей, извѣстно, истина проникаетъ съ трудомъ. Когда я свижусь съ вами, мы побесѣдуемъ о новѣйшей англійской *поэзіи*, о которой у насъ никто, или почти никто, не имѣетъ понятія. Штука не симпатическая, но интересная, и есть одинъ очень большой лирическій талантъ: Свинбернъ (Swinberne).

„Что вамъ не нравится званіе „Литераторъ“,—это вашъ конекъ, — а жизнь научила меня обходиться съ чужими коньками почтительно. По моему, „литераторъ“ такое же званіе или опредѣленіе рода занятій, какъ „сапожникъ“ или „пирожникъ“. Но есть пирожники хорошіе и дурные, и литераторы тоже. Засимъ кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и крѣпко жму вамъ руку.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Л. Толстой:

15 октября 1872 года.

„Очень благодаренъ вамъ за Ѳедора Ѳедоровича. Онъ былъ у меня и обѣщалъ пріѣхать совсѣмъ 16-го. Онъ мнѣ очень нравится и попалъ ко мнѣ въ то самое время, когда нужнѣе всего. Пришла дурная погода, и духъ работы и тишины приближается, и я ему радуюсь. Немножко охоты и хозяйственныя заботы. и потомъ жизнь съ собой и съ семьей и только. Я съ радостью думаю объ этомъ, и потому вѣрю, что я счастливъ. Я на дняхъ былъ въ Москвѣ и былъ въ лицеѣ. Видѣлъ Петю; онъ мнѣ показался очень милъ и жалокъ тѣмъ, что некуда ему идти въ воскресенье. Я экзаменовалъ его изъ греческаго—очень хорошо; изъ математики тоже хорошо.

„Я прилаживаюсь все писать, но не могу сказать чтобы началъ. Азбука выйдетъ 10 ноября, какъ мнѣ обѣщаютъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Тургеневъ:

Парижъ.
16 октября 1872 года.

„Вы желаете имѣть обо мнѣ извѣстія, любезный Фетъ,— спасибо вамъ, но я утѣшительнаго сообщить не могу. Вотъ скоро полгода, какъ я въ когтяхъ у подагры, и пишу вамъ лежа въ постели, по милости новаго припадка, по счету *одиннадцатаго*. Вотъ въ чемъ состоитъ эта прелесть: вдругъ у тебя ни съ того, ни съ сего страшно распухаетъ колѣно или плюсна; появляются нестерпимыя боли, шевельнуться нельзя, приходится пролежать въ постели пять, шесть дней, недѣлю; потомъ ты начинаешь ползти съ помощью костылей, брести на палкахъ, понемногу ты начинаешь надѣяться на выздоровленіе—бацъ! опять rechute, опять мука, опять недвижное лежаніе въ постели... Вы понимаете, что при такого рода обстоятельствахъ мнѣ не до того, чтобы разсуждать о значеніи демократіи, о томъ, что людямъ слова дороже дѣлъ и т. п. Эти остроумства хороши для здоровыхъ счастливцевъ, къ которымъ, къ великому моему удовольствію, принадлежите вы; а мнѣ хочется, по выраженію Писанія, обратиться

лицомъ къ стѣнѣ и, насколько возможно, позабыть все житейское. Нѣтъ сомнѣнія, что и я побѣжалъ по дорожкѣ покойнаго Василія Петровича и долженъ готовиться къ подобному же концу.

„Мои сто рублей къ вашимъ услугамъ, и какъ только вы мнѣ дадите знать, я напишу Зайчинскому. Кланяюсь Марьѣ Петровнѣ; дружески жму вамъ руку.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Л. Толстой:

12 ноября 1872 г.

«Какъ стыдно луку передъ розой,
Хотя стыда причины нѣтъ;
Такъ стыдно мнѣ отвѣтить прозой
На вызовъ вашъ, любезный Фетъ.
Итакъ. пишу впервой стихами,
Но не безъ робости, отвѣтъ.—
Когда? Куда? рѣшайте сами,
Но заѣзжайте къ намъ, о Фетъ!
Сухимъ доволенъ буду лѣтомъ,
Пусть погибаютъ рожь, ячмень,
Коль побесѣдовать мнѣ съ Фетомъ
Удастся вволю цѣлый день.
Заботливы мы слишкомъ оба,
Пускай въ грядущемъ много бѣдъ,
Своя довлѣетъ дневи злоба,—
Такъ лучше жить, любезный Фетъ».

„Безъ шутокъ, пишите поскорѣе, чтобы знать, когда выслать за вами лошадей. Ужасно хочется васъ видѣть.

Вашъ *Л. Толстой.*

Тургеневъ:

11 декабря 72 г.
Парижъ.

„Очень вамъ благодаренъ, любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за ваши сочувственныя слова; но если бы я хотѣлъ ждать возможности сообщить вамъ хорошія о себѣ вѣсти, мнѣ бы пришлось пракратить наши письменныя сношенія. Подагра продолжаетъ терзать меня, и я васъ прошу

объ одномъ: не употребляйте столь часто слышанныхъ мною quasi-утѣшеній, что эта болѣзнь, молъ. un brevet de longue vie, и т. п. Невольное чувство враждебности и злобы шевелится во мнѣ всякій разъ, когда я слышу эти нелѣпыя слова; а я не желалъ бы чувствовать ничего подобнаго въ отношеніи къ вамъ. Если бы даже подагра (что вовсе неправда) имѣла привиллегію продолжать жизнь въ этомъ видѣ, то чортъ бы съ ней совсѣмъ, съ такой поганой жизнью! Вотъ уже 7-й мѣсяцъ, какъ я веду совершенно отшельническую жизнь, и потому не имѣю ничего сказать вамъ, кромѣ того, что вы сами можете вычитать въ журналахъ. Работать тоже невозможно, и остается одно чтеніе. Я и читаю все, что попадается подъ руку, большею частію безъ всякаго удовольствія.

„Радуюсь успѣхамъ Пети; впрочемъ отъ него нельзя было ожидать ничего инаго; лишь бы здоровье его утвердилось!—

„Выписалъ я „Азбуку“ Л. Толстаго; но за исключеніемъ прекраснаго разказа *Кавказскій пленникъ*,—не нашелъ въ ней ничего интереснаго. А цѣна безумно высокая для подобнаго рода сочиненія.

„Погода у насъ пакостная; да и у васъ, по слухамъ, не лучше; впрочемъ, такъ какъ я постоянно сижу дома, то это мнѣ съ полу-горя.

„Дружески кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и жму вамъ руку.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Убѣдивши не безъ великаго труда содержательницу пансіона г-жу Эвеніусъ, что знакомство нашей Оли съ ея далеко не многочисленными родственниками не ослабитъ ея привязанности къ своей воспитательницѣ, я въ бытность свою въ Москвѣ бралъ иногда по воскресеньямъ карету и лично привозилъ къ намъ изъ пансіона и отвозилъ обратно 11-ти лѣтнюю Олю. Дѣвочка уже настолько къ намъ привыкла, что перестала насъ дичиться.

Недаромъ Тургеневъ упрекалъ меня въ излишней боязни передъ фразою. Прелестно однажды въ томъ же смыслѣ выразился по отношенію ко мнѣ Левъ Ник. Толстой:

„Есть люди, которые на словахъ живутъ гораздо выше своей практической морали; но есть и такіе, которые живутъ ниже этого уровня; вы же до такой степени боитесь, чтобы проповѣдь ваша не была выше вашей практики,— что вы преднамѣренно заноситесь съ нею гораздо ниже этого уровня.“

Всякій человѣкъ умѣетъ различить добро отъ зла. Эти слова я всегда считалъ фразою весьма условной и въ сущности требующей перифразы: никто не можетъ различить добра отъ зла. Это обстоятельство и дѣлаетъ необходимымъ административное и судебное наказаніе. Если мы сравнимъ наше вступленіе въ невѣдомое грядущее со входомъ въ неизвѣстный городъ, то неудивительно, если на распутьи мы будемъ колебаться въ выборѣ путей; но если улица направо открыта, а налѣво затянута веревкой, за которою полицейскій можетъ самымъ энергическимъ образомъ направить напирающаго на него на прямой путь, то надо быть исключительно разсѣяннымъ, чтобы и тутъ не разобрать должнаго пути отъ недолжнаго. Что касается до меня, то тамъ, гдѣ послѣдствія поступка не выступаютъ со всею своей грубою рѣзкостью, я никогда не умѣю отличить добра отъ зла, такъ какъ и эти два понятія тоже относительны. „Когда дѣти въ потьмахъ, ихъ сердца угнетены, и они начинаютъ громко пѣть“, говоритъ Гейне. Неудивительно, что на этомъ основаніи я, сходясь за обѣдомъ съ нашими любезными хозяевами Боткиными,—нѣтъ, нѣтъ, да и заводилъ разговоръ о настоятельной необходимости украсть дѣвочку изъ пансіона, гдѣ она, въ видимый ущербъ своему здоровью, теряетъ драгоцѣнное время ученія.

— Удивляюсь, говорила Софья Сергѣевна Боткина, какъ вы можете волноваться этимъ вопросомъ? Дѣвочкѣ съ ея золотушно-больными глазами необходимо съ весны основательное лѣченіе въ Старой Руссѣ или Славянскѣ, и нужно всѣми силами постараться наверстать потерянное для занятій время. Въ чемъ же вы тутъ сомнѣваетесь? Вы рѣшили ее взять къ себѣ и возьмите.

— Ахъ, Софья Сергѣевна! вспомните пословицу: чужую бѣду руками разведу, а вотъ я то къ своей ума не приложу.

— Право даже странно, чтобы не сказать жалко, видѣть такое колебаніе въ мужчинѣ; вы опекунъ, всѣ права на вашей сторонѣ, а между тѣмъ я вижу, что это васъ мучаетъ.

— То то и бѣда, что если это дѣлать, то надо закинуть надежную удочку и разомъ тащить рыбку; а если она сорвется, то на другой разъ ее и не поймаешь.

— Не понимаю и не понимаю я этихъ сравненій. Вотъ вы на дняхъ собираетесь ѣхать въ Петербургъ. Поручите намъ съ Марьей Петровной взять Оленьку изъ пансіона и, избѣжавъ всякихъ треволненій, вы по возвращеніи найдете свою племянницу уже у насъ.

— Нѣтъ, Софья Сергѣевна, ради Бога этого не дѣлайте; иначе вы мнѣ окончательно испортите это дѣло.

Такъ какъ еще въ бытность въ деревнѣ я рѣшился взять свою племянницу въ Степановку, то заблаговременно уже озаботился пріискать ей благонадежную воспитательницу. Добрая знакомая не только указала мнѣ на почтенную и пожилую гувернантку, окончившую воспитаніе ея племянницъ и въ совершенствѣ владѣющую, кромѣ русскаго, нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ языками и могущую преподавать начальные уроки музыки, — но и снабдила меня адресомъ почтенной M-lle Рополовской еще не пріискавшей себѣ въ Петербургѣ мѣста. Впечатлѣніе, произведенное на меня личнымъ свиданіемъ въ Петербургѣ съ M-lle Рополовской, преисполнило меня надежды на успѣхъ нашей общей съ нею задачи. Такъ какъ она вполнѣ располагала своимъ временемъ, то я просилъ ее тронуться въ путь по желѣзной дорогѣ въ Степановку тотчасъ-же по полученіи отъ меня телеграммы.

Прошли праздники, въ теченіи которыхъ я не разъ бралъ на нѣсколько часовъ Олю къ намъ. Но предчувствуя всякаго рода трагикомедіи, я рѣшился взять дѣвочку къ себѣ передъ самымъ отъѣздомъ въ деревню.

Итакъ, однажды въ воскресенье я лично отправился въ пансіонъ и привезъ Олю къ обѣду; но когда пришло время отвозить ее въ пансіонъ, я написалъ Эвеніусъ, что такъ какъ, согласно моему рѣшенію, Оля не должна вернуться въ пансіонъ, то я прошу прислать съ нарочнымъ бѣлья и платьевъ,

сколько Эвеніусъ сочтетъ необходимымъ на самое первое время.

Пока продолжались письменные переговоры, время приблизилось къ чаю, т. е. къ 8-ми часамъ, и хозяйка, напоивши имъ домашнихъ, усѣлась въ чайной комнатѣ у лампы за свое безконечное вышиваніе, тогда какъ дѣти, въ томъ числѣ и Оля, уже очнувшаяся отъ обморока, въ который упала при вѣсти о невозвращеніи въ пансіонъ,—продолжали рѣзвиться по комнатамъ. Хотя я былъ въ той-же чайной и мирно разсуждалъ съ Дмитріемъ Петровичемъ о какомъ-то посторонемъ предметѣ, но чувствовалъ нѣчто вродѣ томленія, ощущаемаго ко времени уборки сельскимъ хозяиномъ, завидѣвшимъ на горизонтѣ черную тучу съ бѣлымъ градовымъ въ ней клокомъ. Вошелъ слуга и доложилъ: „госпожа Эвеніусъ“. Не успѣлъ я сказать „проси“, какъ Софья Сергѣевна, вскочивши съ кресла, бросилась вслѣдъ за дѣтьми, крича: „наверхъ, наверхъ! спать! спать!“

Это было болѣе чѣмъ своевременно, такъ какъ первымъ словомъ поднявшейся по лѣстницѣ и вошедшей въ комнату Эвеніусъ,—было: „où est Olga? Je veux voir Olga“. Хотя ей объяснили, что дѣти уже спятъ, но было весьма трудно заставить ее удовлетвориться этимъ отвѣтомъ.

Такъ какъ въ данную минуту Дмитрій Петровичъ, вышедши изъ кабинета, сидѣлъ съ нами, то я, поклонившись Эвеніусъ и приглашая ее рукою въ кабинетъ, сказалъ, что вѣроятно ей будетъ удобнѣе передать мнѣ порученіе ея сестры (содержательницы пансіона, такъ какъ посѣтительница была только ея сестрой), и затѣмъ мы оба поднялись въ кабинетъ, гдѣ глазъ на глазъ могли переговариваться по занимающему насъ вопросу. Напрасно предлагалъ я нежданной гостьѣ сѣсть на какое либо изъ разнообразныхъ креселъ; она остановилась среди комнаты противъ меня, сложила крестообразно руки на груди и, все болѣе возвышая голосъ, стала допрашивать меня о совершенномъ мною злодѣяніи. Конечно, мнѣ было съ одной стороны крайне жаль причинить похищеніемъ Оли внезапное страданіе дѣйствительно привязанной къ ней Эвеніусъ. Но вѣдь я былъ опекуномъ Оли, а не утѣшителемъ Эвеніусъ.

Конечно, вся іереміада произносилась на французскомъ языкѣ, и затѣмъ категорически поставленъ былъ вопросъ: „monsieur, je vous prie de me dire, pourquoi avez vous déchiré le coeur d'une mère?“

Припертый къ стѣнѣ, я тѣмъ не менѣе не хотѣлъ сказать правды.

— Вы спрашиваете, почему я это сдѣлалъ, сказалъ я:— потому что я старый упрямецъ, выжившій изъ ума. Мнѣ кажется, передъ подобнымъ основаніемъ всѣ другіе доводы вынуждены безмолвствовать.

Но моя откровенность была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Вопросы того же содержанія повторялись въ новой формѣ, и, желая положить конецъ нашимъ переговорамъ, я предложилъ гостьѣ спуститься снова въ чайную. Когда я на этотъ разъ проходилъ мимо стула хозяйки, она шепнула мнѣ: „я виновата, я проиграла, вы были правы“.

Напрасно и я, и хозяева предлагали гостьѣ сѣсть на стулъ: она усѣлась на мраморный подоконникъ спиною къ морозному стеклу.

— Вы тамъ простудитесь, рѣшился я пролепетать въ моемъ смущеніи.

— Нѣтъ, мнѣ здѣсь прекрасно, былъ отвѣтъ; и распросы, и упреки продолжали сыпаться, не взирая на присутствіе хозяевъ, которые какъ въ ротъ воды набрали. Я не въ состояніи въ настоящее время сказать, долго ли продолжалась эта пытка; къ счастію, вошелъ снова слуга и доложилъ, что привезли для барышни вещи изъ пансіона. При этихъ словахъ M-lle Эвеніусъ побѣжала въ пріемную и, какъ оказалось, не безцѣльно. Когда я въ свою очередь вышелъ къ женщинѣ, доставившей вещи, и хотѣлъ дать ей на чай, она смиренно поклонилась, но денегъ не взяла, а M-lle Эвеніусъ бросила на меня торжествующій взглядъ. Когда грозная посѣтительница уѣхала, Софья Сергѣевна признала себя вполнѣ побѣжденной, говоря, что она и представить себѣ не могла того, что я такъ давно предчувствовалъ и чего такъ боялся.

— Ну, теперь дѣло сдѣлано, сказалъ я, но необходимо его

завершить, и для этого я завтра же въ часъ дня буду съ Оленькой на скоромъ почтовомъ поѣздѣ въ Тулу, чтобы оттуда заѣхать къ Толстымъ, а тѣмъ временемъ и Марья Петровна, и петербургская гувернантка сберутся въ Степановкѣ,—и трагикомедіи будетъ конецъ.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ дѣвицы Эвеніусъ успѣли обсудить свое положеніе. мы съ Оленькой въ 6 час. вечера были уже на вокзалѣ въ Тулѣ, но тутъ мнѣ представилось новое препятствіе. До Ясной Поляны отъ вокзала будетъ не менѣе 15-ти верстъ. а такъ какъ я не успѣлъ телеграфировать Толстымъ о высылкѣ лошадей,—пришлось везти дѣвочку по довольно сильной мятели въ городскихъ извощичьихъ саняхъ. Не смотря на то, что на Олѣ была мѣховая шубка и капоръ, я всетаки, хотя и сѣвши самъ съ навѣтренной стороны, боялся простудить ее, и когда замѣчалъ, что шубка ея расползалась, накрывалъ ей колѣни полою своей шубы. Но укрывая ребенка, я незамѣтно раскрывалъ собственное лѣвое колѣно и на всю жизнь снабдилъ его ревматизмомъ, который и понынѣ напоминаетъ о себѣ въ дурную погоду. Излишне говорить, что хозяева Ясной Поляны, хотя и изумленные нежданнымъ пріѣздомъ гостей, приняли въ насъ самое живое участіе, и затѣмъ черезъ сутки мы съ Олей прибыли въ Степановку, куда дня черезъ два собрались и остальные ея обитатели.

Конечно, потребно было нѣкоторое время, для того чтобы намъ понять другъ друга и поудобнѣе взяться за общую задачу. Все, что я предварительно слышалъ о почтенной особѣ Рополовской, по отношенію къ ея свѣдѣніямъ, вполнѣ оправдалось. Она оказалась идеальною учительницей; но я сразу понялъ, что на нее никакъ нельзя разсчитывать, какъ на воспитательницу, не взирая на ея строгое православіе. Такая учительница вполнѣ на своемъ мѣстѣ тамъ, гдѣ дѣти получили уже стремленіе къ развитію; но тамъ, гдѣ учащему предстоитъ прежде всего самому возбудить это стремленіе,—и наилучшій преподаватель оказывается безсильнымъ, если онъ прежде всего не воспитатель.

Въ виду вполнѣ независимаго состоянія дѣвочки, я думалъ, что было бы безсмысленно стѣсняться необходимыми тратами

на ея здоровье и образованіе. Чтобы ребенку, привыкшему находиться среди сверстницъ, деревенское уединеніе не показалось слишкомъ тяжелымъ, мы по рекомендаціи и съ согласія Над. Ал. пригласили изъ Орла 14-ти лѣтнюю дѣвочку изъ хорошаго, но бѣднаго нѣмецкаго семейства. Дѣвочку звали Региной.

12-ти аршинная зала, на пристройкѣ Василія Петровича, была раздѣлена на-двое библіотечными шкафами, и одна сторона занята спальнею Оли и Регины, а другая служила имъ салономъ и классной. Над. Ал. помѣщалась въ сосѣдней комнатѣ, выходящей на ту же площадку лѣстницы. У нихъ была отдѣльная горничная, прачка и коляска съ отдѣльнымъ кучеромъ и четверкой лошадей. Послѣднее тѣмъ болѣе было необходимо, что, независимо отъ всякихъ катаній, Надежда Алекс. требовала во всякое время года и во всякую погоду экипажа въ церковь, находившуюся отъ насъ въ 5-ти верстномъ разстояніи.

Недаромъ сказано: „вѣра безъ дѣлъ мертва“, и никакія слова не въ состояніи замѣнить вліянія, производимаго дѣломъ. Мы готовы сравнить личную вѣру человѣка съ прекраснымъ смычкомъ, но непокрытымъ канифолью. Такой смычекъ ходитъ по струнамъ, не возбуждая ни малѣйшаго звука, тогда какъ, покрытый ею, онъ вызываетъ всю лѣстницу звуковъ, отъ самыхъ глубокихъ и тихихъ до высочайшихъ и вопіющихъ.

По этому поводу приходитъ мнѣ на память прекрасное слово Льва Никол. Толстаго. Однажды, когда я ему говорилъ о распространяющемся въ литературѣ мнѣніи, что поэзія отжила свой вѣкъ, и лирическое стихотвореніе стало невозможнымъ, онъ сказалъ: „они говорятъ — нельзя, а вы напишите имъ отличное стихотвореніе: это будетъ наилучшимъ возраженіемъ“.

Все значеніе христіанства, безъ сомнѣнія, заключается въ любви къ ближнему, проявляющейся въ ежеминутномъ вниманіи къ нашимъ поступкамъ, могущимъ вызывать страданія другаго человѣка. Никто не станетъ оспаривать у человѣка вѣковѣчной потребности молитвы; но едва ли рѣшимость — продержать кучера и четверку лошадей въ теченіи 3-хъ ча-

совъ подъ проливнымъ осеннимъ дождемъ,—не слѣдуетъ скорѣе приписать рутинѣ, чѣмъ христіанству. Можно ли считать внушенною христіанскимъ чувствомъ утреннюю прогулку по черноземнымъ дорожкамъ сада, еще влажнымъ отъ недавняго дождя, причемъ только что тщательно выглаженный и нагофрированный бѣлый капотъ какъ ни въ чемъ не бывало волочится по землѣ и долженъ быть по возвращеніи немедленно перемѣненъ на другой такой же. Мы бы не остановились на этихъ подробностяхъ, если бы послѣднія въ свое время не вынудили меня поступать такъ, а не иначе.

Конечно, изъ сердца исходятъ всякаго рода помышленія, но такъ какъ мнѣ постоянно приходилось имѣть дѣло не съ помышленіями, а съ вытекающими изъ нихъ дѣлами, то я вынужденъ сказать, что любовь г-жи Эвеніусъ принесла нашей бѣдной Олѣ вмѣсто пользы жестокій вредъ.

Передъ нами сидѣла золотушная дѣвочка, не могшая выносить вечерняго освѣщенія безъ помощи зеленаго зонтика надъ глазами. О какихъ либо успѣхахъ въ наукахъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ дѣвочка ни на какомъ языкѣ не могла прочитать безъ ошибокъ ни одной строчки, и это, конечно, настолько же происходило отъ непривычки связывать буквы, насколько и отъ неумѣнія воспринимать ихъ смыслъ. При подобныхъ обстоятельствахъ я какъ-то инстинктивно чувствовалъ, что моя личная дѣятельность тутъ незамѣнима, и, попросивъ Надежду Алекс. насколько возможно не отягощать дѣвочку уроками, я всѣ усилія воспитанія сосредоточилъ на времени послѣ вечерняго чая, когда просилъ Олю ежедневно прочитывать мнѣ сначала не болѣе четырехъ строкъ самаго незатѣйливаго содержанія; и тутъ на первыхъ порахъ я поставилъ себѣ задачею не столько довести ее до правильнаго складыванія и произношенія словъ, сколько до отреченія отъ того самоувѣреннаго тона, съ которымъ она читала невозможныя слова.

Этотъ тонъ прямо говорилъ: „вы ждете отъ меня медленнаго чтенія, какое бываетъ у начинающихъ дѣтей, но я, какъ ученая дѣвица изъ знаменитаго пансіона, не стану затрудняться такими пустяками. а вы видите, какъ я могу

быстро и съ удареніемъ читать что̀ угодно".—И вслѣдъ затѣмъ полная несостоятельность. Надо было прежде всего дать дѣвочкѣ убѣдиться самой въ ея безпомощности и затѣмъ уже идти къ ней на выручку. Испытавши лично глубокое отвращеніе, возбуждаемое въ ребенкѣ методомъ: „отселева и доселева" и сплошнымъ долбленіемъ такихъ безбрежныхъ предметовъ, какъ исторія и географія, — я взялъ преподаваніе этихъ наукъ на себя, исключая изъ уроковъ все книжное и письменное. Указавъ на христіанскую эру, отъ которой ведется у насъ какъ попятное, такъ и наступательное лѣтосчисленіе, я вкратцѣ разсказалъ событія, ставшія рубежами между древней и средней и средней и новой исторіями. Въ то же время уроки надъ глобусомъ знакомили насъ съ тремя главнѣйшими и двумя новѣйшими частями свѣта. Затѣмъ въ древней исторіи, твердо ограниченной годомъ паденія Западной Римской Имперіи, мы находили въ пятисотыхъ годахъ Кира, а въ трехсотыхъ Александра, и только мало по малу знакомились съ выдающимися лицами и событіями, появляющимися между незыблемыми годами, обозначающими историческія эпохи. Невозможно, напримѣръ, искать Демосѳена вначалѣ III вѣка, такъ какъ торжество Филиппа при Херонеѣ уже въ 338 г. было причиною смерти знаменитаго оратора.

Чтобы не возвращаться болѣе къ школьнымъ пріемамъ, къ которымъ прибѣгалъ, скажу, что въ теченіи четырехъ лѣтъ я день въ день, за исключеніемъ праздниковъ, задыхаясь всходилъ по лѣстницѣ въ классную и отдохнувши давалъ отъ часу и до полутора уроки исторіи и географіи, причемъ, нимало не затрудняясь, клалъ толстый конецъ бревна на свое плечо, а тонкій—на плечо дѣвочки. Дѣйствовалъ я по собственному соображенію, не прибѣгая ни къ какимъ, невѣдомымъ мнѣ, педагогическимъ руководствамъ. Но я долженъ съ удовольствіемъ сказать, что въ концѣ четвертаго года всѣ крупныя историческія событія были утверждены нами въ памяти, и я полагаю, что у бывшей моей ученицы они и понынѣ сохранились въ памяти гораздо лучше, чѣмъ въ моей собственной.

Тургеневъ писалъ изъ Парижа отъ 21 февраля 1873 года:

„Любезнѣйшій Фетъ, получилъ я ваше письмо и отвѣчаю немедленно. Такъ какъ вы дружески интересуетесь моимъ здоровьемъ, то скажу вамъ, что я теперь почти совсѣмъ молодецъ, и хотя я пятый день сижу дома, но это по причинѣ гриппа, болѣзни скучной, но пустой. Подагра пока меня оставила, и мнѣ только слѣдуетъ принять мѣры, если не устранить, то по крайности ослабить ее. Для этого я въ маѣ мѣсяцѣ отправляюсь въ Маріенбадъ или въ Карлсбадъ, — еще не знаю навѣрное. Братъ писалъ мнѣ о вашемъ намѣреніи пріобрѣсти Долгое; съ своей стороны, онъ также желаетъ продать это имѣніе; не понимаю я, какъ вы не можете сойтись.

„Картины дѣйствительно меня занимаютъ, при отсутствіи всякаго другаго живаго интереса; но хорошія страшно кусаются (никогда французы такъ сорвиголовно не бросали деньги,—видно, они страшно богаты), а посредственныя картины не стоитъ покупать. Я однако пріобрѣлъ очень хорошій пейзажъ Мишеля за 1600 фр. Мишель этотъ—французскій живописецъ, умершій 30 лѣтъ тому назадъ; онъ оставилъ много картинъ, которыя тогда продавались за 25, 50, много 100 фр., а теперь за иныя изъ нихъ даютъ до 10,000. Но это ничего передъ Мессоньé, который недавно продалъ небольшую картинку съ двумя фигурами за 80,000 фр. Пока ходить въ Hôtel Drouot, гдѣ совершаются картинные аукціоны, меня забавляетъ. Другаго я ничего не дѣлаю, да и не собираюсь дѣлать. Въ концѣ апрѣля я выѣзжаю отсюда и черезъ Вѣну отправляюсь въ Маріенбадъ или въ Карлсбадъ пить воды; а въ іюлѣ буду въ Россіи, гдѣ надѣюсь встрѣтиться съ вами. До тѣхъ поръ желаю вамъ всего хорошаго, кланяюсь вашей супругѣ и остаюсь преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. „Выпишите себѣ черезъ какого нибудь книгопродавца — „Les Poèmes Barbares“ par Leconte du Lisle. Онъ хотя французъ, но поэтъ настоящій и доставитъ вамъ удо-

Замѣчательно, что, по почину одного изъ близкихъ сосѣдей Х—а, я рѣшился пополамъ съ послѣднимъ купить землю Николая Сергѣевича Тургенева, и по этому поводу ѣздилъ въ Москву, гдѣ на словахъ сошелся по всѣмъ подробностямъ покупки. Къ назначенному дню для совершенія купчей я выѣхалъ въ Орелъ, куда пріѣхалъ въ то же время и повѣренный Тургенева. При пересмотрѣ взаимныхъ условій, онъ вдругъ ни съ того, ни съ сего заявилъ, что желаетъ, вопреки прежнему условію, не сбавляя цѣны имѣнію, оставить скотъ за собою, и когда я на это не согласился, то покупка разстроилась. Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что мой товарищъ не стѣснился возвышеніемъ требованія и одинъ купилъ всѣ 600 десят. при селѣ „Долгомъ Колодцѣ“. Могъ ли я въ ту минуту знать, до какой степени судьба заботилась при разстройствѣ этой покупки о моей свободѣ при моемъ стремленіи на югъ.

Л. Н. Толстой писалъ отъ 17 марта 1873 г.:

„Не сердитесь за лаконизмъ моихъ писемъ. Мнѣ всегда такъ много хочется сказать именно вамъ, что ужь ничего не говорю, кромѣ практическаго. Радуюсь тому, что вы *послали пастись* Ш—а племянника, но насчетъ того, что Петя считается съ вами письмами не огорчаюсь, но огорчаюсь, что вы способны принять это слишкомъ къ сердцу и дать этому такое значеніе, какого оно не имѣетъ. Онъ въ томъ самомъ возрастѣ, въ которомъ мальчики поджигаютъ дома, а не поджигаютъ, то отпускаютъ ногти и воротнички и фразы и думаютъ, что они отъ этого лучше будутъ, что̀ еще безсмысленнѣе поджоговъ.—Какъ мнѣ жаль, что, хотя я и умѣю наслаждаться чтеніемъ вашихъ писемъ, я не умѣю самъ писать. а вы для меня — соды — кислота: какъ только дотронусь до васъ, такъ и зашиплю,—столько хочется вамъ сказать. Работа моя не двигается; но я не очень этимъ огорчаюсь. Слава Богу, есть чѣмъ жить, разумѣется не въ смыслѣ денегъ. Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

11 мая 1873.

„Стихотвореніе ваше прекрасно. Это новое, никогда не уловленное прежде чувство боли отъ красоты выражено прелестно. У васъ весною поднимаются поэтическія дрожжи, а у меня воспріимчивость къ поэзіи. Я былъ въ Москвѣ, купилъ 43 номера покупокъ на 450 рублей, и ужь не ѣхать послѣ этого въ Самару нельзя. Какъ уживается въ новомъ гнѣздѣ ваша пташка? Не забывайте насъ. До 20-го мы не уѣдемъ, а послѣ 20-го адресъ—Самара.

Вашъ *Л. Толстой*.

IX.

Разговоръ съ Петей Борисовымъ по поводу моей фамиліи.—Оля уѣзжаетъ въ Славянскъ.—Неожиданное открытіе.—Моя поѣздка въ Славянскъ.—Старушка Казакова.—Письма.—Перемѣна фамиліи.—Сестра Каролина Петровна.—Василій Павловичъ.

Пріѣхавшій въ концѣ мая, по обычаю съ наилучшими отмѣтками, Петя Борисовъ принесъ къ намъ въ домъ все увлеченіе ранней молодости и духовной весны. Этого нечего было заинтересовывать и возбуждать, а приходилось на каждомъ шагу только сдерживать. Не разъ, оставаясь со мною наединѣ, на скамьѣ въ рощѣ или въ саду, онъ задавалъ мнѣ вопросъ, которымъ я самъ промучился всю сознательную жизнь съ 14-ти лѣтняго возраста, т. е. съ моего поступленія въ пансіонъ Крюммера въ гор. Верро.

— Дядичка, говорилъ Петя вкрадчивымъ голосомъ,—я никогда не могу уяснить себѣ, почему ты не Шеншинъ, когда ты, подобно дядямъ Васѣ и Петѣ-Аѳанасьевичъ и родился въ маминыхъ Новоселкахъ. Какъ сюда замѣшался Фетъ, и почему Фетъ мнѣ родной дядя,—меня постоянно спрашиваютъ, и я никакого отвѣта дать не могъ. Дорогой дядичка, если бы можно было тебѣ наконецъ назваться Шеншинымъ, то ты не можешь себѣ представить, какое бы это было для всѣхъ насъ счастіе и облегченіе.

— Милый другъ мой, отвѣчалъ я,—это такая сложная исторія, которую нужно передать во всѣхъ подробностяхъ, для того чтобы она явилась неискаженной, и когда нибудь я найду минуту сообщить тебѣ эти подробности.

Конечно, умный мальчикъ смекнулъ, что тутъ что-то неладно.

Неладное же это заключалось въ томъ, что я, даже разсказавъ все мнѣ извѣстное о моемъ рожденіи, ни на шагъ не подвинулъ бы вопроса, почему я Фетъ, а не Шеншинъ? Извѣстно же было мнѣ только слѣдующее. До 14-ти лѣтняго возраста, т. е. до отправленія моего въ Верро, я былъ несомнѣннымъ Аѳ. Аѳ. Шеншинымъ, хотя не разъ слыхалъ, что заграницей, у брата матери моей въ Дармштадтѣ, откуда отецъ привезъ нашу мать, у насъ есть сестра Лина, которая учится прилежно и дѣлаетъ успѣхи въ наукахъ, не такъ, какъ мы, русскіе лѣнтяи и байбаки.

Хотя характеристика дяди моего Петра Неофитовича Шеншина и его ко мнѣ отношеніе слѣдуютъ въ мои отроческія воспоминанія, тѣмъ не менѣе не могу здѣсь умолчать о немъ, въ видахъ возможной полноты всѣхъ данныхъ, извѣстныхъ мнѣ о моемъ рожденіи. Умный, образованный во всю ширину французской и русской литературы, съ баснями Крылова, Иліадою Гнѣдича, освобожденнымъ Іерусалимомъ Раича на устахъ, дядя Петръ Неофитовичъ, богатый холостякъ, писавшій самъ стихи, ни отъ кого не скрывалъ своей исключительной ко мнѣ любви и привязанности. Въ Верро, какъ новичекъ, несвободно объясняющійся по нѣмецки, я, конечно, сдѣлался предметомъ школьнической травли, но по мѣрѣ умноженія мною навыка въ нѣмецкомъ языкѣ, травля Шеншина мало по малу унималась. Вдругъ нежданно для меня возникло обстоятельство, доставившее мнѣ немало мученій. Чтобы не разносить писемъ по классамъ, директоръ, черезъ руки котораго шла вся ученическая переписка, передъ обѣдомъ обыкновенно громко называлъ тѣхъ, кому послѣ обѣда слѣдуетъ зайти къ нему въ кабинетъ за письмомъ. Въ день, въ который онъ назвалъ и Шеншина, онъ, подавая мнѣ письмо, сказалъ: „это тебѣ“. На конвертѣ рукою отца было написано: „Аѳ. Аѳ. Фету“, а въ письмѣ между прочимъ было сказано, что выставленное на конвертѣ имя принадлежитъ мнѣ. Конечно, при той замкнутости, въ которой отецъ держалъ себя по отношенію ко всѣмъ намъ, мнѣ и въ голову не могло придти пускаться въ какія либо по этому предмету объясненія. Но зная дружбу, существовавшую между отцомъ и дядею, я былъ увѣренъ, что дядѣ хорошо должно

было быть извѣстно основаніе данной мнѣ инструкціи, и что, не входя ни въ какія, быть можетъ, нескромныя объясненія, я могу доказать свое благонравіе безмолвнымъ подчиненіемъ волѣ отца. Поэтому, въ слѣдующемъ письмѣ къ дядѣ, которому я писалъ довольно часто, я, вмѣсто всякихъ объясненій, подписался: *А. Фетъ*. Тогдашняя телѣжная почта доставляла письмо изъ Мценска въ Верро не раньше двухъ недѣль, и потому только на второй мѣсяцъ я получилъ отъ дяди письмо, смутившее меня не менѣе предварительно полученнаго отъ отца.

„Я ничего не имѣю сказать противъ того, что, быть-можетъ, въ оффиціальныхъ твоихъ бумагахъ тебѣ слѣдуетъ подписываться новымъ твоимъ именемъ; но кто тебѣ далъ право вводить оффиціальныя отношенія въ нашу взаимную кровную привязанность? Прочитавши письмо съ твоею новой подписью, я порвалъ и истопталъ его ногами; и ты не смѣй подписывать писемъ ко мнѣ этимъ именемъ.“

Эта двойственность истины съ оффиціальной ея оболочкою, навлекавшая въ теченіи 3-хъ лѣтъ на меня столько непріятныхъ вопросовъ и насмѣшекъ, продолжала сопровождать меня въ жизни и все время почти годичнаго пребыванія моего въ приготовительномъ пансіонѣ М. П. Погодина и окончилась совершенно театральнымъ изумленіемъ знакомой мнѣ молодежи, когда, по вызову экзаменатора по фамиліи *Фетъ*, вышелъ къ экзамену знакомый имъ *Шеншинъ*. За все время моего студенчества, я, пріѣзжая на каникулы домой, по какому-то невольному чувству не только не искалъ объясненій по гнетущему меня вопросу, но и тщательно избѣгалъ его, замѣчая его приближеніе. Это не мѣшало мнѣ понять смыслъ случайно попавшагося мнѣ письма дяди къ отцу, въ которомъ говорилось: „ты знаешь, что я предоставляю тебѣ противъ брата нашего Ивана (другой женатый мой дядя) сто тысячъ для уравненія твоихъ дѣтей.“ Еще несомнѣннѣе были слова дяди Петра Неоф., съ которыми онъ подъ веселую руку не разъ обращался ко мнѣ, указывая на голубой желѣзный сундукъ, стоявшій въ его кабинетѣ: „не безпокойся, о тебѣ я давно подумалъ, и вотъ здѣсь лежатъ твои сто тысячъ рублей“. Когда въ 1842 г., кончивши курсъ, я пріѣхалъ

въ Новоселки, то засталъ мать въ предсмертныхъ томленіяхъ восемь лѣтъ промучившаго ее рака. Лежа въ комнатѣ съ закрытыми ставнями, она не въ силахъ даже была принимать никого долѣе двухъ-трехъ минутъ.

Раньше того, въ годъ торжественнаго въѣзда въ Москву Ихъ Имп. Высочествъ Государя Наслѣдника Александра Николаевича и Марьи Александровны, родной дядя мой по матери, Эрнстъ Беккеръ, сопровождалъ въ качествѣ адъютанта принца Александра Гессенскаго, а вслѣдъ затѣмъ прибыла изъ заграницы для свиданія съ матерью и старшая сестра наша Лина Фетъ. Встрѣченная въ Новоселкахъ самымъ радушнымъ образомъ и проживши тамъ цѣлый годъ, она видимо соскучилась въ деревенскомъ уединеніи и снова уѣхала въ Дармштадтъ. Такъ какъ первымъ изъ нѣсколькихъ лютеранскихъ именъ ея отца было *Петръ*, то по-русски она прозвана была Каролиной Петровной, — имя, которое она затѣмъ на всю жизнь сохранила въ Россіи.

Въ Новоселкахъ, по окончаніи курса, я нашелъ на свое имя письмо дяди Петра Неофитовича, писавшаго мнѣ: „раздѣлывайся скорѣе съ своею премудростью и пріѣзжай ко мнѣ въ Пятигорскъ (онъ лѣчился на водахъ и чувствовалъ себя значительно бодрѣе и свѣжѣе прежняго); я пріискалъ тебѣ мѣсто адъютанта у моего пріятеля генерала".

Единовременно съ этимъ извѣстіемъ отецъ сообщилъ мнѣ, что въ бытность свою заграницей нашъ дальній родственникъ Ал. Павл. Матвѣевъ, назначенный въ настоящее время профессоромъ въ Кіевъ, влюбился въ Лину и сдѣлалъ ей формальное предложеніе, о чемъ оба писали въ Новоселки, испрашивая родительскаго благословенія. При этомъ Матвѣевъ писалъ, что служебныя обязанности не дозволяютъ ему самому ѣхать за своею невѣстой.

— Кромѣ тебя ѣхать некому, сказалъ отецъ. Да кстати ты учинишь разсчетъ съ адвокатомъ по раздѣлу наслѣдства матери и получишь причитающіяся на ея долю деньги.

Встрѣтившій меня уже на креслахъ, параличный дядя Эрнстъ приходилъ въ страшное раздраженіе отъ оффиціальнаго моего имени Фетъ. Хотя онъ очень хорошо зналъ, какихъ усилій стоило отцу моему, чтобы склонить опекуновъ сестры

Лины къ признанію за мною фамиліи ея отца, дядя не переставалъ горячиться и спрашивать меня: „wie kommst du zu dem Namen?“ (какъ пришелъ ты къ этому имени?)

Когда, провозившись болѣе мѣсяца съ адвокатомъ, я наконецъ подъѣхалъ изъ Штетина къ набережной петербургской таможни, то прежде еще наложенія трапа, стоя на палубѣ, увидалъ привѣтливо кивающую мнѣ голову Ив. П. Борисова, проживавшаго въ Питерѣ въ качествѣ офицера, готовящагося въ военную академію. Покуда всѣ пассажиры стремительно бросились на палубу, мы имѣли возможность въ опустѣвшей каютѣ перекинуться съ Борисовымъ нѣсколькими словами.

— Ну что? спросилъ я.

— Хорошаго мало, отвѣчалъ онъ: дядя твой скоропостижно скончался въ Пятигорскѣ, и сопровождавшая его дворня уже вернулась домой.

— А мои деньги? спросилъ я.

— Исчезли безъ слѣда.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Нужно однако было что либо предпринимать послѣ свадьбы сестры Каролины Петровны. Тѣмъ временемъ Борисовъ, внезапно перешедши изъ артиллеріи въ кирасирскій Военнаго Ордена полкъ, сманилъ меня туда, и, признаюсь, я сердечно былъ радъ поступить въ новую среду на дальней сторонѣ, гдѣ бывшій Шеншинъ уже ни на минуту не сбивалъ съ толку несомнѣннаго иностранца Фета. Но и здѣсь, даже по принятіи мною русскаго подданства, измышленіе это было для меня неоднократнымъ источникомъ самыхъ тяжелыхъ минутъ. Такъ какъ я несомнѣнно родился въ Новоселкахъ, то, чтобы не набрасывать на нашу бѣдную мать ничѣмъ незаслуженной, неблагопріятной тѣни, я вынужденъ былъ прибѣгать ко лжи, давая подразумѣвать, что первый мужъ ея Фетъ вывезъ ее въ Россію, гдѣ и умеръ скоропостижно.

При всѣхъ приведенныхъ здѣсь данныхъ, я конечно не могъ дать никакого удовлетворительнаго объясненія Петрушѣ Борисову, потому уже, что въ теченіи 38-ми лѣтъ и самъ никакъ не могъ его отыскать; но съ этой невозможностью я тѣмъ не менѣе давно примирился.

Что бѣдная Оля страдала золотухой, въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, и что лучшимъ средствомъ противъ этой болѣзни являются Славянскія воды,—не менѣе несомнѣнно. Увѣренный, что никакой серьезный врачъ не въ состояніи сказать въ настоящемъ случаѣ чего-либо другаго, мы рѣшились отправить дѣвочку въ Славянское купанье; и во второй половинѣ мая жена моя повезла и устроила Олю у минеральнаго источника вмѣстѣ съ Надеждой Алекс., Региной и ихъ горничною. Устроившись по возможности съ дѣвочкой, я принялся за привезенныя ко мнѣ изъ Новоселокъ Шеншинскія и Борисовскія бумаги, хаосъ которыхъ необходимо было привести хоть въ какой либо порядокъ. Перебирая грамоты, данныя, завѣщанія и межевыя книги, я напалъ на связку бумагъ, исписанныхъ четко по нѣмецки. Оказалось, что это письма моего дѣда Беккера къ моей матери. Развертывая далѣе эту связку, я между прочимъ увидалъ на листѣ синей писчей бумаги слѣдующее предписаніе Орловской консисторіи мценскому протоіерею.

„Отставной штабсъ-ротмистръ Аѳанасій Шеншинъ, повѣнчанный въ лютеранской церкви заграницею съ женою своей Шарлотою, проситъ о вѣнчаніи его съ нею по православному обряду, почему консисторія предписываетъ вашему высокоблагословенію, наставивъ оную Шарлоту въ правилахъ православной церкви и совершивъ надъ нею міропомазаніе, обвѣнчать оную по православному обряду.“

Сентября..... 1820 г.

Изумленные глаза мои мгновенно прозрѣли. Тяжелый камень мгновенно свалился съ моей груди; мнѣ не нужно стало ни въ чемъ обвинять моей матери: могла ли она, 18-ти лѣтняя вдова, обвѣнчанная съ человѣкомъ, роковымъ образомъ исторгавшимъ ее изъ дома ея отца, предполагать, что бракъ этотъ гдѣ бы то ни было окажется недѣйствительнымъ? А между тѣмъ, когда, не дожидаясь всѣхъ дальнѣйшихъ переходовъ присоединенія къ православію и новаго бракосочетанія, я соблаговолилъ родиться 23-го ноября, то хотя и записанъ былъ въ метрической книгѣ сыномъ Аѳ. Неоф. Шеншина,

чѣмъ въ то время удовлетворились всѣ, начиная съ крестнаго отца моего Петра Неофитовича,—тѣмъ не менѣе недостаточность лютеранскаго бракосочетанія по существовавшимъ законамъ уже таилась во всемъ событіи и раскрылась только при оффиціальномъ моемъ вступленіи на поприще гражданской жизни. Что переименованіе Шеншина въ Фета послѣдовало уже въ 1834 г., явно было изъ приложенной черновой съ прошенія въ Орловскую консисторію о прибавленіи къ моей метрикѣ поясненія, что записанъ я Шеншинымъ по недоразумѣнію священника. Конечно, во избѣжаніе всякаго рода непріятныхъ толковъ, я никому, за исключеніемъ Ивана Александровича Оста да подъѣхавшаго къ тому времени брата Петра Аѳан., не сказалъ ни слова. На нашемъ тройственномъ совѣтѣ Остъ настаивалъ на необходимости представить всѣ находящіеся подъ руками документы на Высочайшее Его Величества благоусмотрѣніе, испрашивая, въ виду двойнаго брака моихъ родителей, всемилостивѣйшаго возвращенія мнѣ родоваго имени. Единовременно съ моимъ прошеніемъ, братъ Петръ Аѳан., страстно принявшій дѣло къ сердцу, испрашивалъ и съ своей стороны для меня Монаршей милости, которая одна могла вполнѣ доставить мнѣ надлежащую силу, какъ опекуну круглыхъ сиротъ.

Тургеневъ писалъ отъ 20 іюля 1873 г.:

Bougival.

„Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, кончивъ — благополучно или нѣтъ—это покажетъ время,—мое Карлсбадское лѣченіе, прибылъ я на днихъ сюда, и живу теперь тихо и смирно, какъ тараканъ за печкой. Комнатка у меня уютная, воздухъ и вода здѣсь отличные, предстоитъ даже возможность хорошей охоты, — чего больше нужно человѣку? Ноги мои поправились и не болятъ. Будемъ ждать дальнѣйшаго и молить благосклонныхъ боговъ, да не позавидуютъ они бѣдному и тихому жительству устарѣвшаго смертнаго!

„Сколько я могъ понять нѣсколько аллегорическое начало вашего письма,—мое письмо васъ слегка огорчило или оскорбило. Въ такомъ случаѣ я виноватъ; но если я счелъ за нуж-

UNIVERSITY OF CALIFORNIA

ное, въ извиненіе моего молчанія, указать на скуку, какъ на фактъ, заставившій меня взять перо въ руки, — то въ этомъ вы не должны были признать нижѐ тѣнь пренебреженія, а скорѣе укоръ, обращенный на меня самого. Вся моя жизнь потускнѣла: поневолѣ ослабли и старинныя связи. Вы пишете мнѣ, что въ теченіи 19-ти лѣтъ нашего знакомства вы успѣли узнать меня, каковъ я есть; позвольте и мнѣ увѣрить васъ, что и я васъ знаю хорошо и потому именно и люблю васъ искренно, въ чемъ прошу васъ не сомнѣваться, какъ бы ни были сухи и кратки выраженія моихъ писемъ.

„Я уже написалъ Зайчинскому, чтобы онъ преподнесъ вамъ посильную лепту для вашей, столь полезной, сифилитической больницы.

„Я на будущій годъ опять поѣду на пять недѣль въ Карлсбадъ. Въ Россію я пріѣду въ ноябрѣ и останусь до конца февраля. По крайней мѣрѣ я теперь такъ предполагаю. Не знаю какъ у васъ, а у насъ здѣсь стоитъ чудесная погода.

„Передайте мой усердный поклонъ вашей супругѣ и поцѣлуйте отъ меня Петю. Скажите ему, что я сердечно радуюсь его успѣхамъ. Дружески жму вамъ руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. „Говорятъ, бѣдный Ѳ. И. Тютчевъ совсѣмъ при смерти; очень будетъ его жаль".

Желая лично ознакомиться съ ходомъ лѣченія племянницы, я отправился въ Славянскъ, гдѣ нашелъ дѣвочку болѣе свѣжей и здоровой на видъ; тѣмъ не менѣе главный докторъ на водахъ сказалъ мнѣ, что, для совершеннаго оздоровленія Оли, ей необходимо и въ слѣдующемъ году повторить Славянскія купанія.

На водахъ я, съ одной стороны пользуясь полною свободою, съ увлеченіемъ предавался великолѣпной охотѣ по куропаткамъ, а съ другой—познакомился со старушкой Казаковой, давно овдовѣвшей и привезшей внучекъ къ Славянскимъ купаньямъ. Кажется, что она и сама находила для себя воды полезными. Благоустройства въ домашнемъ хозяй-

ствѣ бездѣтной старухи ожидать было трудно, и я нисколько не удивлялся, что присланныхъ мною ей въ подарокъ куропатокъ таскали по двору собаки, хотя она и усердно благодарила меня за нихъ, говоря, что онѣ такія «*жжирныя*». Можно бы предположить, что вопросъ о ея самостоятельности смутно безпокоилъ ее самое, иначе съ какой бы стати ей безъ особеннаго повода было защищать свое личное управленіе имѣніемъ, повторяя: „Екатерина (старушка сама была Екатерина) всей Россіей управляла, а чтобы я не могла управиться съ моимъ имѣніемъ!“

Оставивъ Оленьку доканчивать курсъ, я, возвращаясь къ должности, успѣлъ дорогой набить штукъ 30 куропатокъ къ 22-му Іюля.

Тургеневъ писалъ отъ 21 августа 1873 года:

Буживаль.

„Съ вашимъ письмомъ, любезнѣйшій Фетъ, случились различныя бѣды: пущенное 27-го іюля, оно достигло своей цѣли три дня тому назадъ, слѣдовательно, пребывало въ дорогѣ три недѣли слишкомъ. Спѣшу отвѣчать, чтобы опять не быть въ долгу передъ вами. Радуюсь тому, что вы, сколько могу судить, здоровы и даже охотитесь блистательно. Что касается до меня, то я пожалуй тоже здоровъ и охочусь, но только не блистательно, а напротивъ скверно. Третьяго дня я съ плохой собакой протаскался подъ проливнымъ дождемъ по пустымъ мѣстамъ часовъ пять и убилъ одну куропатку и одного перепела. Кончено! вопервыхъ, во Франціи нѣтъ дичи, а вовторыхъ, — я слишкомъ старъ для подобной забавы. Вчера и сегодня ноги ноютъ, правое колѣно слегка припухло—basta cosi!

„То же самое восклицаніе можетъ относиться и къ литературѣ, которая становится для меня „ein fremdes Gebiet“ и даже не возбуждаетъ особеннаго интереса въ новыхъ своихъ проявленіяхъ. Je ne lis plus, je relis, и между прочимъ снова и съ немалымъ удовольствіемъ перечитываю Вергилія.

„Глубоко жалѣю о Тютчевѣ; онъ былъ славянофилъ, но не въ своихъ стихахъ; а тѣ стихи, въ которыхъ онъ былъ имъ,

тѣ то и скверны. Самая сущная его суть,—le fin du fin,— это Западная, сродни Гёте, напр.: „Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ“... и „Островъ пышнаааай, островъ чуднаааай“... К. Аксакова *) нѣтъ никакого соотношенія. То — изящно выгнутая лира Феба; а это—дебелый, купцомъ пожертвованный, колоколъ. Милый, умный, какъ день умный, Ѳедоръ Ивановичъ! Прости,—прощай!

„Радуюсь также преуспѣянію Пети. Что онъ еще не однажды чхнетъ вамъ на самую голову, это въ порядкѣ вещей. Молодой эгоизмъ и молодое самолюбіе не могутъ не взять своего. Но такъ какъ онъ теперь уже уменъ и *будетъ* знающъ, то изъ опытовъ жизни онъ почерпнетъ необходимые уроки, и выйдетъ изъ него толкъ.

„ Что вы мнѣ ничего не говорите о Львѣ Толстомъ? Онъ меня „ненавидитъ и презираетъ,“ а я продолжаю имъ сильно интересоваться, какъ самымъ крупнымъ современнымъ талантомъ.

„Рекомендація ваша М. Н. Лонгинову, при его отъѣздѣ изъ Орла, возымѣла свое дѣйствіе: „Вѣстникъ Европы“ получилъ второе предостереженіе. То-то вы порадуетесь, когда этотъ честный, умѣренный, монархическій органъ будетъ прекращенъ за революціонерство и радикализмъ.

„Извините эту немного желчную выходку, но досада хоть кого возьметъ!

„Кланяюсь вашей женѣ и жму вамъ руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. „Не сомнѣваюсь въ томъ, что Зайчинскій нагрѣваетъ себѣ руки; но несомнѣнно также и то, что я никогда столько не получалъ дохода, какъ съ тѣхъ поръ, что онъ у меня живетъ. Неужто вы точно видѣли его пьянымъ? — Я что-то этого за нимъ не замѣчалъ. И не можете ли вы подъ рукою, но достовѣрно узнать, гдѣ и какое онъ купилъ имѣніе? Сплетниковъ, вы знаете, хоть прудъ пруди“.

---

*) Это ошибка: стихотвореніе принадлежитъ Хомякову.

Л. Толстой отъ 25 августа 1873 г. писалъ:

„22-го мы благополучно пріѣхали изъ Самары и сгораемъ желаніемъ васъ видѣть. Спасибо, что не забываете насъ. По настоящему, нѣтъ времени нынче писать вамъ; но такъ боюсь, чтобы вы не проѣхали мимо насъ, что пишу хоть два слова. Не смотря на засуху, убытки, неудобства, мы всѣ, даже жена, довольны поѣздкой и еще больше довольны старой рамкой жизни и принимаемся за труды респективные. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Оленькѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

Тургеневъ писалъ:

13 сентября 1873 года.
Chateau de Nohant.

„Любезнѣйшій Фетъ, я гощу здѣсь у г-жи Жоржъ Зандъ; я пріѣхалъ сюда третьяго дня изъ Парижа и привезъ съ собою ваше письмо съ эпиграфомъ изъ Гёте, неизвѣстно къ кому относящимся, — къ вамъ или ко мнѣ. Начну съ того, что вы напрасно обвиняете меня въ томъ, будто я оборачиваюсь къ вамъ подкладочной стороной. Жизненная подкладка—это грубое и вонючее полотно—меня самого со всѣхъ сторонъ окружаетъ, гдѣ ужь тутъ! Когда вамъ приходится думать обо мнѣ, не забывайте пожалуйста, что я сталъ теперь существомъ, постоянно, какъ часовой маятникъ, колеблющимся между двумя, одинаково безобразными, чувствами: отвращеніемъ къ жизни и страхомъ смерти,—а потому и не взыскивайте съ меня. Съ эстетическими штучками и прочими пакостями, которыми вы во мнѣ дорожили, мнѣ приходится встрѣчаться теперь очень рѣдко. Я не сдѣлался болѣе серьезнымъ, но ужь навѣрное болѣе скучнымъ человѣкомъ.

„Вы правы: стихъ, приписанный мною Аксакову, принадлежитъ Хомякову. Но онъ возбудилъ во мнѣ воспоминаніе о К. С. Аксаковѣ, вопервыхъ, потому, что я не разъ слышалъ его въ устахъ К. С., сопровождаемаго обычнымъ колокольнымъ гудѣньемъ, а вовторыхъ, потому, что очень къ нему идетъ. Что же касается до моей нелюбви къ славинофильству, то какъ ни совѣстно, а приходится цитировать самого себя: „все дѣло въ ощущеніи,“ говоритъ Базаровъ.—Вы не любите

принциповъ 92-го года (а 89-го года вы ужь будто такъ любите?)—интернаціоналку, Испанію, поповичей, вамъ это все претитъ; а мнѣ претитъ Катковъ, Баденскіе генералы, военщина и т. д. Объ этомъ, какъ о зàпахахъ и вкусахъ, спорить нельзя.

„Вы напрасно такъ строго отзываетесь о Виргиліи. Постройки, характеры и проч. его Энеиды не имѣютъ значенія; но въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, въ эпитетахъ, въ колоритѣ,— онъ не только поэтъ, но смѣлый новаторъ и романтикъ. Напомню вамъ—per amica *silentia* lunae (хоть бы Тютчеву) или— futura jam pallida morte, — (о Дидонѣ, когда она *съ яростью* восходитъ на свой костеръ, чтобы покончить съ собою) и т. п. Овидія я читалъ для того, чтобы etvas latein treiben съ малодымъ Віардо. И онъ тоже не такъ плохъ, какъ вы пишете.

„Здѣшняя хозяйка мила и умна до нельзя; теперь она совсѣмъ добрая старушка. Ко мнѣ она очень благоволитъ, и я сердечно къ ней привязанъ.

„Радуюсь, что Левъ Толстой меня не ненавидитъ, и еще болѣе радуюсь слухамъ о томъ, что онъ оканчиваетъ большой романъ. Дай только Богъ, чтобы тамъ философіи не было.

„Поклонитесь отъ меня Марьѣ Петровнѣ, поцѣлуйте умницу Петю и будьте здоровы, веселы и благополучны.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. „Былъ на дняхъ на охотѣ и убилъ *лисицу*. (Третью во всей моей жизни)“.

Л. Толстой писалъ отъ 25 сентября 1873 г.

„Я такъ избалованъ вами, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, что, давно не имѣя отъ васъ извѣстій, не только мнѣ чего-то недостаетъ, но безпокоюсь и я, и жена—все ли у васъ благополучно? Сколько мнѣ помнится, вы писали мнѣ въ Самару и говорили, что заѣдете ко мнѣ, если будете знать, дома ли я. Я сейчасъ же по пріѣздѣ отвѣчалъ вамъ, и съ тѣхъ поръ мѣсяцъ ни слуху, ни духу. Пожалуйста напишите, что бы у васъ ни было. Вѣдь мы право оба съ женою не такъ только знакомы, а мы любимъ васъ. Если вы благополучно, то напишите. Что ваши птенцы, дѣла, планы? Мы все по старому,

засѣли крѣпко опять лѣтъ на 11 (нынче 11 лѣтъ, что мы женаты). Я начинаю писать, т. е. скорѣе кончаю начатой романъ. Дѣти учатся, жена хлопочетъ, учитъ. У меня каждый день, вотъ уже съ недѣлю, живописецъ Крамской дѣлаетъ мой портретъ въ Третьяковскую галлерею, и я сижу и болтаю съ нимъ и изъ петербургской стараюсь обращать въ крещеную вѣру. Я согласился на это потому, что самъ Крамской пріѣхалъ, согласился сдѣлать другой портретъ очень дешево для насъ, и жена уговорила.

Вашъ всею душой

Л. Толстой.

18 ноября 1873 года.

„У насъ горе: Петя меньшой заболѣлъ крупомъ и въ два дня умеръ. Это первая смерть за 11 лѣтъ въ нашей семьѣ, и для жены очень тяжелая. Утѣшаться можно, что если бы выбирать одного изъ насъ восьмерыхъ, эта смерть легче всѣхъ и для всѣхъ; но сердце и особенно материнское—это удивительное высшее проявленіе Божества на землѣ,—не разсуждаетъ, и жена очень горюетъ. Благодарю васъ, что не забываете меня письмами. Какъ бы хорошо было, если бы не забыли и проѣзжая въ Москву.

„Порадовался я успѣхамъ вашихъ занятій съ Оленькой; я такъ и ждалъ. У меня одно изъ лучшихъ, радостнѣйшихъ занятій—это уроки съ дѣтьми математики и греческаго. Передайте нашъ душевный привѣтъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Въ концѣ декабря пріятель, слѣдившій за движеніемъ нашихъ съ братомъ просьбъ въ комисіи прошеній, увѣдомилъ меня, что, при докладѣ Его Величеству этого дѣла, Государь изволилъ сказать: „Je m'imagine, ce que cet homme a du souffrir dans sa vie“.

Вслѣдъ затѣмъ отъ 26 декабря 1873 г. данъ былъ Сенату Высочайшій Его Величества указъ о присоединеніи отставнаго гвардіи штабсъ-ротмистра Аѳ. Аѳ. Фета къ роду отца

его Шеншина со всѣми правами, званію и роду его принадлежащими.

Это, можно сказать, совершенно семейное событіе не избѣжало однако же зоркости „Новаго Времени“, гдѣ появилось слѣдующее четверостишіе:

«Какъ съ неба свѣтъ,
Какъ снѣгъ съ вершинъ,
Исчезнулъ Фетъ
И всталъ Шеншинъ».

Покойный отецъ нашъ терпѣть не могъ писанія стиховъ, и можно бы съ великою натяжкою утверждать, что судьба въ угоду старику не допустила Шеншина до литературнаго поприща, предоставивъ послѣднее Фету.

Конечно, и братъ Петруша, и дѣти, а главнымъ образомъ Петя Борисовъ, были обрадованы Монаршею милостью, выводившею все семейство изъ какой-то завѣдомой неправды, но наибольшій восторгъ возбудило это извѣстіе въ проживавшей заграницей старшей сестрѣ моей Каролинѣ Петровнѣ Матвѣевой, урожденной Фетъ. Можно бы было ожидать, что эта, всѣмъ сердцемъ любящая меня, сестра будетъ огорчена въ своемъ заграничномъ одиночествѣ вѣстью, разрывающею номинальную между нами связь, но вышло совершенно наоборотъ. Поздравительное письмо ея представляетъ самый пылкій диѳирамбъ великодушному Монарху, возстановившему истину. Выше, по поводу добрѣйшаго Василія Павловича, я уже говорилъ о семейной слабости къ женщинамъ всѣхъ братьевъ Матвѣевыхъ. Зять мой А. П., прекраснѣйшій и благодушнѣйшій человѣкъ, могъ въ свою очередь служить весьма яркимъ обращикомъ такой натуры. Странно сказать, что одна и та же страсть любви на долгіе годы развела дружественныхъ между собою супруговъ Матвѣевыхъ. Правда, предметы этой страсти были у обѣихъ сторонъ различны. Красавица Матвѣева не хотѣла любить никого кромѣ мужа и не могла помириться съ его безграничной любовью ко всѣмъ женщинамъ. Чтобы не возвращаться къ этимъ грустнымъ воспоминаніямъ, позволю себѣ забѣжать впередъ. Года черезъ два я получилъ изъ Кіева извѣстіе о глубокомъ горѣ, постигшемъ Матвѣева

по случаю смерти любимой имъ женщины, оставившей ему двухъ малолѣтнихъ дѣтей, а въ непродолжительномъ времени я получилъ изъ Кіева слѣдующее письмо отъ сестры: „Узнавши о горѣ бѣднаго Александра, я подумала, что теперь не время сѣтовать на женщину, которая такъ долго разлучала меня съ мужемъ, а нужно помочь ему не падать духомъ на старости лѣтъ и стараться замѣнить несчастнымъ дѣтямъ покойную ихъ мать. Я почти мѣсяцъ какъ уже въ Кіевѣ и обращаюсь къ тебѣ съ усердною просьбой. Я желаю еще разъ въ жизни увидаться съ тобою, чтобы еще разъ обнять тебя и сказать, какъ сердечно я тебя люблю. Поэтому пріѣзжай въ возможно скоромъ времени дня на три къ намъ въ Кіевъ. Александръ тоже будетъ сердечно тебѣ радъ“.

Матвѣева я не видалъ съ проѣзда черезъ Кіевъ, но, по прибытіи поѣзда къ кіевскому дебаркадеру, тотчасъ же узналъ въ сильно посѣдѣвшемъ и ищущемъ кого-то глазами по галлереѣ господина—А. П. Матвѣева. Излишне говорить, какъ мы съ сестрою обрадовались другъ другу. Въ темнорусыхъ волосахъ ея не было ни единой сѣдинки, и вообще черты лица ея мало измѣнились, но какая-то болѣзненная полнота портила производимое ею впечатлѣніе. Самъ Матвѣевъ въ свободныя минуты отдавался садоводству, и при благословенномъ кіевскомъ климатѣ, непосредственно прилегавшій къ домашнему двору садъ его, съ персиковыми шпалерами, всевозможными карликовыми деревьями, фонтаномъ и оросительнымъ бассейномъ, дѣйствительно заслуживалъ полнаго вниманія. Отъ своихъ древесныхъ питомниковъ онъ ожидалъ большихъ доходовъ, но едва ли ихъ дождался.

Когда Матвѣевъ утромъ уѣзжалъ на практику, мы съ сестрою благодушествовали въ ея кабинетѣ, передавая другъ другу наше прошлое. Воспитывавшаяся заграницей, она плохо говорила по-русски, но зато кромѣ нѣмецкаго хорошо знала французскій, англійскій и даже итальянскій языки, такъ какъ послѣдніе пять лѣтъ провела во Флоренціи. Какъ ни грустно говорить объ этомъ, скажу, что, не взирая на заботу сестры о домашнемъ хозяйствѣ и двухъ дѣтяхъ Матвѣева, которыхъ я не разъ видалъ у нея на рукахъ, я сталъ замѣчать въ разговорахъ ея фантастическій элементъ, о которомъ между

прочимъ сообщилъ ея мужу. Главнымъ, поразившимъ меня мотивомъ была твердая увѣренность сестры, что, основываясь на ея знакомствѣ со многими языками, іезуиты приняли ее еще въ Италіи за русскаго агента и даже шпіона и потому преслѣдовали ее по всей Европѣ разными преднамѣренными неисправностями по гостинницамъ и продолжаютъ преслѣдовать и здѣсь, въ Кіевѣ. Обнимая меня при прощаніи на широкой площадкѣ лѣстницы, сестра, съ самой спокойной увѣренностью непреложности словъ своихъ, благодарила за исполненіе ея послѣдняго желанія. Конечно, и такое положительное предсказаніе я счелъ болѣзненнымъ настроеніемъ. Но черезъ мѣсяцъ я получилъ письмо Матвѣева съ черною печатью, извѣщавшее о внезапной смерти Каролины Петровны.

Для окончательной характеристики Александра Павловича, слѣдуетъ прибавить, что черезъ годъ онъ женился на молодой красавицѣ, которая, судя по фотографіи, напоминала сестру Каролину въ молодости. Конечно, эта новая погоня за женской красотой кончилась тяжелымъ разочарованіемъ и формальнымъ разводомъ.

Попавъ на тему характеристики рода Матвѣевыхъ, ограничусь только заключительными словами о миломъ Василіи Павловичѣ, игравшемъ нѣкогда столь замѣтную роль въ моей жизни.

Послѣ нашего московскаго свиданія, онъ, вмѣстѣ съ принятымъ имъ Орденскимъ полкомъ, отправился на усмиреніе Польши. Но здѣсь какая-то полька сразу овладѣла его сердцемъ, объявивъ, что уступитъ его искательствамъ только въ качествѣ законной жены. Когда слухъ о намѣреніи полковаго командира жениться на повстанкѣ разнесся по полку, офицеры въ полномъ составѣ отправились къ Василію Павловичу, почтительно прося его отказаться отъ своего намѣренія, кидающаго самый неблагопріятный свѣтъ на весь полкъ, и предупреждая, что въ противномъ случаѣ они вынуждены будутъ подать рапортъ обо всемъ случившемся. Конечно, пылкій Матвѣевъ, не взирая на свои 50 лѣтъ, не обратилъ вниманія на просьбу полка и вслѣдствіе рапорта офицеровъ былъ тотчасъ же отчисленъ по кавалеріи, а по истеченіи года уволенъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора и соотвѣтственнымъ пенсіономъ. Въ теченіи этого года

бѣдный Василій Павловичъ успѣлъ потерять нѣжно любимую жену и сына, котораго она ему подарила. Такимъ образомъ роковая страсть его жестоко подшутила надъ нимъ, лишивши его разомъ и плодовъ многолѣтняго тяжкаго труда, и того, во имя чего они были принесены въ жертву. Къ счастію, онъ нашелъ тихое пристанище близъ станціи Александровки по Моск.-Курской желѣзной дорогѣ въ домѣ втораго брата своего, знаменитаго и богатаго агронома Аѳанасія М—ва.

Помня наши скромныя кулебяки по поводу 22-го февраля, Василій Павловичъ два раза пріѣзжалъ ко мнѣ на именины. Видно было, что послѣднія событія жизни сломили его выносливую природу; онъ сильно опустился, постарѣлъ, съ усиліемъ выходилъ изъ задумчивости и, судя по сильному кашлю, былъ уже во власти скоротечной чахотки. Когда въ слѣдующій за послѣднимъ его посѣщеніемъ годъ я дружески выразилъ ему въ письмѣ сожалѣніе, что 22-го февраля его не было съ нами,—отвѣта не послѣдовало. Бѣдный Василій Павловичъ былъ уже въ могилѣ.

X.

Письма.—Оля уѣзжаетъ въ Славянскъ.—Пріѣздъ брата.—Векселя.—Французъ.—Просьба брата.—Новыя гувернантки.—Слезы Петруши.—Покупка Грайворонки.—Ссора съ Тургеневымъ.—Письма.—Братъ уѣзжаетъ въ Славянскія земли.

Въ концѣ 1873 г. на праздники мы отправились въ Москву, но не одни уже, какъ прежде, а съ нашей племянницей, ея гувернанткой и компаньонкой, которымъ взяли отдѣленіе въ Славянскомъ базарѣ, а сами попрежнему помѣстились на Покровкѣ у Боткиныхъ. Впрочемъ мы съ Олей недолго оставались въ Москвѣ. Черезъ двѣ недѣли я вернулся къ своей камерѣ, а она къ урокамъ.

Л. Толстой писалъ:

15 января 1874 года.

„Очень удивился я, получивъ ваше письмо, дорогой Аѳан. Аѳан., хотя я и слышалъ отъ Борисова давно ужь исторію всей этой путаницы; и радуюсь вашему мужеству распутать когда бы то ни было. Я всегда замѣчалъ, что это мучило васъ и хотя самъ не могъ понять, чѣмъ тутъ мучиться, чувствовалъ, что это должно было имѣть огромное вліяніе на всю вашу жизнь. Одно только, что мы не знали, хорошее или дурное, потому что не знали, что бы было, если бы этого не было. Для меня навѣрно хорошее, потому что того Шеншина я не знаю, а Фета-Шеншина знаю и люблю. Тороплюсь писать, потому что сейчасъ ѣду въ Москву, а не хочу оставить письмо ваше неотвѣченнымъ. Я очень радъ, что вы ничего не дали въ этотъ мерзостный литературный сборникъ.

Это не только глупо, но даже нагло и скверно. Я такъ радъ, что мы съ вами вмѣстѣ *abs.* Жена благодаритъ за память.

Вашъ всею душой *Л. Толстой.*

Тургеневъ:

Парижъ.
4 марта 1874 года.

„Любезнѣйшій Аѳан. Аѳан., какимъ то чудомъ (французская почта чрезвычайно исправна) ваше письмо съ уполномоченіемъ Толстаго прибыло въ rue de Douai только вчера, т. е. черезъ съ небольшимъ три недѣли! мнѣ этотъ фактъ въ сущности только потому непріятенъ, что онъ могъ внушить вамъ мысль, что я не умѣлъ оцѣнить готовность, съ которою вы исполнили мою просьбу. А я и вамъ, и Л. Н. Толстому очень благодаренъ. Теперь уже сезонъ на исходѣ, но я все таки постараюсь помѣстить въ Revue des deux mondes или въ Temps его „Три смерти“, а къ осени непремѣнно напечатаю „Казаковъ“. Чѣмъ чаще перечитываю я эту повѣсть, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что это chef d'oeuvre Толстаго и всей русской повѣствовательной литературы. Надѣюсь, что онъ совсѣмъ поправился въ своемъ здоровьи. Ко мнѣ, послѣ 16-ти мѣсячнаго молчанія, вернулась подагра, и вотъ уже цѣлая недѣля, какъ я не схожу съ дивана или постели. Что дѣлать!—терпѣніе, больше ничего не остается. Со всѣмъ тѣмъ мой отъѣздъ въ Россію не откладывается. Полагаю выѣхать отсюда въ концѣ апрѣля. Нынѣшнимъ лѣтомъ мы увидимся навѣрное. А до тѣхъ поръ желаю вамъ всяческаго благополучія на всѣхъ вашихъ поприщахъ: хозяйственномъ, судебномъ, педагогическомъ, литературномъ; жму вамъ крѣпко руку и прошу передать Марьѣ Петровнѣ мой усердный поклонъ.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Л. Толстой:

Марта 1874 года.

„У насъ горе за горемъ; вы съ Марьей Петровной вѣрно пожалѣете насъ, главное Соню. Меньшой сынъ 10-ти мѣся-

цевъ заболѣлъ недѣли три тому назадъ той страшной болѣзнью, которую называютъ головною водянкой, и послѣ страшныхъ 3-хъ недѣльныхъ мученій третьяго дня умеръ, а нынче мы его схоронили. Мнѣ это тяжело черезъ жену, но ей, кормившей самой, было очень трудно.

„Вы хвалите *Каренину*, мнѣ это очень пріятно, да и какъ я слышу, ее хвалятъ; но навѣрное никогда не было писателя, столь равнодушнаго къ своему успѣху, какъ я. Съ одной стороны школьныя дѣла, съ другой—странное дѣло—сюжетъ новаго писанья, овладѣвшій мною именно въ самое тяжелое время болѣзни ребенка и самая эта болѣзнь и смерть. Ваше стихотвореніе мнѣ кажется эмбріономъ прекраснаго стихотворенія; оно, какъ поэтическая мысль, мнѣ совершенно ясно, но совершенно неясно, какъ произведеніе слова. Отъ Тургенева получилъ переводъ, напечатанный въ Temps, *Двухъ гусаровъ* и письмо въ третьемъ лицѣ, просящее извѣстить, что я получилъ и что Г-жой Віардо и Тургеневымъ перево дятся другія повѣсти,—что̀ ни то, ни другое совсѣмъ не нужно было.

„Очень благодарю Петра Аѳан. за генеалогію лошадей. Я боюсь только, не слишкомъ ли тяжелъ и рысистъ молодой жеребецъ; старый жеребецъ мнѣ больше бы нравился. Очень рады будемъ съ женою, если вы съ Марьей Петровной заѣдете къ намъ и подарите намъ денекъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Тургеневъ:

24 апрѣля 1874.

„Пишу вамъ, любезнѣйшій А. А., за два дня до собственнаго моего отъѣзда въ Россію и пишу изъ домика на хрустальномъ заводѣ, занимаемаго моею дочерью, съ которою я пріѣхалъ проститься. Я получилъ ваше письмо съ приложеннымъ письмомъ любезнаго Пети, у котораго уже образовался совершенно литературный и ученый почеркъ. Отвѣчать я ему буду не письменно, а словесно, во время моего пребыванія въ Москвѣ; нарочно поѣду въ лицей Каткова (мнѣ молодой Милютинъ сказывалъ, что я не рискую встрѣтить тамъ

гнуснаго его владѣльца) и пріятельски побесѣдую съ молодымъ мудрецомъ. Говорятъ, онъ подвигается впередъ гигантскими шагами; лишь бы здоровье его выдержало! Благодарю васъ за сообщенныя вами извѣстія; особенно порадовалъ меня фактъ окончанія Толстымъ своего романа: жду отъ него богатыхъ и великихъ милостей. Радуюсь я также тому, что и дѣла ваши, и здоровье, все идетъ какъ слѣдуетъ. Не могу однако скрыть отъ васъ своего изумленія: я едва повѣрилъ глазамъ своимъ, когда прочелъ въ вашемъ письмѣ нѣчто похожее на одобреніе презрѣннѣйшихъ статей г-на А. (Авсѣенко?) въ Русскомъ Вѣстникѣ объ Анненковѣ! Все написанное Анненковымъ о Пушкинѣ такъ умно, дѣльно, такъ портретно-вѣрно, что если бы вы не были закрѣпощеннымъ г ну Каткову человѣкомъ, вы бы съ вашимъ тонкимъ поэтическимъ и гуманнымъ чутьемъ прежде всѣхъ другихъ оцѣнили бы по достоинству прекрасный трудъ нашего пріятеля и съ гадливостью отвернулись бы отъ инсинуаціонныхъ, клеветническихъ и пошлыхъ и тупыхъ кляузъ этого Булгарина redivivus... Но Катковъ васъ забралъ въ руки, и вы считаете нужнымъ защищать Пушкина — отъ кого? отъ Анненкова!! и въ угоду кому! — г-ну Авсѣенко, по поводу котораго невольно вспоминаются слова Ривароля: „qu'il fait tache sur la boue". Да... дѣйствительно правы люди, утверждающіе, что стоитъ только немножко долго пожить—до всего доживешься и все увидишь. Но признаюсь, это меня изумило.

„Я думаю прибыть въ Москву около 25-го или 30-го мая, а въ Спасское въ десятыхъ числахъ іюня. А до тѣхъ поръ будьте здоровы и благополучны.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Спасское.
13 іюня 1874 г.

„Любезнѣйшій Аѳ. Аѳ.! Я въ понедѣльникъ уѣзжаю. Не знаю, когда и гдѣ увидимся, — быть можетъ въ Петербургѣ зимой или въ Москвѣ. Во всякомъ случаѣ желаю вамъ всего

хорошаго и нѣкотораго смягченія вашихъ жестокихъ чувствъ противъ прогресса, либераловъ, эманципаціи и т. п.

„Кланяюсь Марьѣ Петровнѣ, цѣлую Петю и жму вамъ руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Л. Толстой:

24 іюня 1874 года.

„Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, дорогой Аѳан. Аѳан., каждый день собирался писать вамъ, собирался и выѣхать къ вамъ навстрѣчу въ Козловку, но не удалось, а все затѣмъ, что отъ проклятаго Г.... я въ послѣдній пріѣздъ вашъ какъ будто и не видалъ васъ. И тоже нѣсколько разъ повторяла жена. Даже боюсь, что отъ того же проклятаго народнаго поэта между нами какъ будто холодность пробѣжала. Избави Богъ! Вы не повѣрите, какъ я дорожу вашей дружбой. Пожалуйста напишите словечко, что все это вздоръ и было, но прошло, или мнѣ только показалось, и исполните обѣщаніе заѣхать къ намъ съ Петей.

„Мы третьяго дня похоронили тетушку Татьяну Александровну. Она медленно и равномѣрно умирала, и я привыкъ къ умиранію ея, но смерть ея была, какъ и всегда смерть близкаго и дорогаго человѣка, совершенно новымъ, единственнымъ и неожиданно-поразительнымъ событіемъ. Остальные здоровы, и домъ нашъ также полонъ. Чудесная жара, купанье, ягоды привели меня въ любимое мною состояніе праздности умственной, и только настолько и остается духовной жизни, чтобы помнить друзей и думать о нихъ. И вотъ теперь ужасно сильно и часто хочется съ вами поговорить совсѣмъ свободно и во весь умъ, что такъ съ рѣдкими можно дѣлать. Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Тургеневъ:

Спасское.
16 іюня 1874 г.

„Вы хотя и проницательны, любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., а едва ли отгадаете, что̀ со мною происходитъ. Вмѣсто того чтобы

покинуть родныя Палестины (чортъ бы ихъ побралъ!!), я со вчерашняго дня лежу съ сильнѣйшимъ припадкомъ подагры въ колѣнѣ и сколько страдаю—единому Богу извѣстно! Это въ 3-й разъ сряду и все въ іюлѣ мѣсяцѣ родина меня такъ награждаетъ. Сообщите это извѣстіе М. А. Милютиной, которая, находясь въ дер. *Рыбницы*, въ 40-ка минутномъ разстояніи отъ Зміевки, и отъ васъ вѣрно недалеко. Кланяюсь Марьѣ Петровнѣ, обнимаю Петю и васъ.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Въ виду очевидной пользы, принесенной Оленькѣ Славянскими водами, на этотъ разъ еще съ зимы была нанята на водахъ болѣе просторная и удобная квартира, а вначалѣ сезона жена моя съ гувернанткой, Оленькой и ея компаніонкой отправилась въ Славянскъ, гдѣ, устроивъ племянницу, пробыла не болѣе недѣли, такъ какъ сѣрный воздухъ тяжело дѣйствовалъ на ея легкія.

Совершенно неожиданно, къ самому времени хлѣбной уборки, явился въ Степановку братъ Петръ Аѳан. Хотя психопатологическій этюдъ его характера представлялъ бы самъ по себѣ большой интересъ, но я отказываюсь отъ подобной задачи, вопервыхъ, потому, что это отклонило бы меня отъ главной стези разсказа, а вовторыхъ, потому, что, изъ желанія воспроизвести дѣйствительный образъ живаго человѣка, боюсь невольно приписать ему не дѣйствительное, а только мнѣ кажущееся. Поэтому ограничусь однимъ необходимымъ для разъясненія всего затѣмъ случившагося. Всякій, даже лично незнакомый съ гр. Л. Ник. Толстымъ, можетъ догадаться о его способности, или лучше сказать потребности, всматриваться въ нравственный образъ всякаго предстоящаго лица. Полагаю, что Толстой до сей минуты не знаетъ, до какой степени страстный ружейный и псовый охотникъ и великій знатокъ коннозаводства братъ Петруша восторгался его твореніями; но дѣло въ томъ, что самъ графъ не только любилъ Петра Аѳан., но неоднократно выставлялъ его, какъ примѣръ высоко-нравственнаго дѣятеля, въ смыслѣ самоотверженности. Вполнѣ раздѣляя такое воззрѣніе, считаю необходимымъ ука-

зать на особенность въ характерѣ брата, объясняющую, по моему мнѣнію, энергію задуманныхъ имъ дѣйствій. Обращаясь къ извѣстной цѣли, братъ очевидно преднамѣренно закрывалъ глаза на всѣ окружающія препятствія.

Припомнимъ разговоръ мой съ братомъ въ 1872 году тотчасъ послѣ моей операціи, разговоръ, кончившійся восклицаніемъ о палевомъ бальномъ платьѣ. Напрасно старался я въ то время указывать на возможность повторенія несказаннаго горя, испытаннаго братомъ по случаю выхода замужъ старшей дочери того же семейства; опасеніямъ моимъ пришлось въ скорости осуществиться.

Вначалѣ 1873 года я узналъ, до какой степени братъ убитъ выходомъ замужъ второй красавицы дочери, которою онъ увлекся дотого, что въ качествѣ жениха оставилъ въ рукахъ отца ея на ея имя векселей на 200 тысячъ, представляющихъ всю цѣнность его имѣнія. Послѣднее обстоятельство заставило меня обратиться ко главѣ семейства съ письмомъ приблизительно такого содержанія: „конечно, никто не изумится, что женихъ передаетъ все свое состояніе будущей своей супругѣ, чтобы разомъ раскрыть карты своихъ будущихъ къ ней отношеній; но какъ вамъ неугодно было причислить брата моего къ своему семейству, то послѣднее обстоятельство мѣняетъ все дѣло. Я бы и въ настоящемъ случаѣ воздержался отъ всякаго сужденія, если бы въ качествѣ опекуна не былъ обязанъ блюсти интересы рода Шеншиныхъ и убѣжденъ, что безденежные векселя эти будутъ возвращены по принадлежности, какъ вещественныя доказательства неудачной попытки несчастнаго брата“.

Въ отвѣтъ на это я получилъ письмо въ нѣсколько обиженномъ тонѣ, съ увѣреніемъ, что векселя, несомнѣнно слѣдующіе къ возвращенію, ожидаютъ только категорическаго востребованія. Съ этимъ отвѣтомъ въ рукахъ я немедля отправился къ брату, который въ моемъ присутствіи черезъ мои же руки получилъ векселя обратно. Признаюсь, передавши на обратномъ пути къ усадьбѣ брата, лунной ночью въ коляскѣ, торопливою по обстоятельствамъ рукою при сильномъ вѣтрѣ 10 векселей по 20 тысячъ, я потомъ долго мучился деликатностью, вслѣдствіе которой не надорвалъ ихъ.

Въ настоящій пріѣздъ, братъ передалъ мнѣ всю пачку веселей со словами: „возьми ихъ себѣ, они у тебя будутъ болѣе безопасны".

— Конечно, отвѣчалъ я, надрывая бумаги и пряча въ чугунку, гдѣ они хранятся и по сей день.

Такъ какъ, проводившій у насъ вакаціонное время, Петя Борисовъ свободно и совершенно правильно писалъ и говорилъ по французски, то я не знаю, по какому поводу (вѣроятно, въ качествѣ провожатаго по желѣзной дорогѣ) Леонтьевъ прислалъ съ нимъ гувернера француза, вдобавокъ съ валлонскимъ выговоромъ. Гувернеръ этотъ цѣлые дни возился съ своимъ двухстволынымъ ружьемъ и не говорилъ ни слова ни на какомъ языкѣ кромѣ французскаго. Какъ ни упрашивалъ я Петрушу оказывать больше вниманія своему несчастному спутнику, ничего не помогало. Французъ дѣйствительно былъ мало интересенъ, и Петруша всегда находилъ способъ отъ него уйти, такъ что однажды за вечернимъ чаемъ французъ сказалъ моей женѣ: „я желалъ бы, сударыня, знать, для кого собственно я здѣсь?"

— Для меня, отвѣчала она, такъ какъ безъ васъ мнѣ не съ кѣмъ играть въ шахматы и домино.

— А, отвѣчалъ французъ, теперь я покоенъ.

По своему добродушію, Петръ Аѳан. тоже старался быть любезенъ съ французомъ, и затѣмъ, какъ страстный садоводъ и цвѣтоводъ, занялся исцѣленіемъ поломовъ и изъяновъ, оказавшихся въ нашемъ разросшемся саду. Признаюсь, я былъ очень доволенъ, что братъ съ такимъ увлеченіемъ принялся за садъ, убѣжденный, что такимъ образомъ скучать ему будетъ некогда. Зато надо было видѣть, сколько труда полагалъ онъ на расчистку какого нибудь загнившаго мѣста отломленаго сука. Онъ вычищалъ образовавшееся углубленіе не такъ, какъ бы онъ хотѣлъ его залѣпить варомъ, а какъ бы готовилъ его подъ лакъ.

— Не знаете ли вы, спросила однажды жена моя входившаго на балконъ француза,—что дѣлаетъ Петръ Аѳан.?

— O madame, il creusè, отвѣчалъ онъ голосомъ покорнаго убѣжденія.

Однажды, когда я проходилъ мимо большаго зеркала въ го-

стиной, меня догналъ братъ и, не сказавши ни слова, упалъ передо мною на колѣни.

— Что за вздоръ ты дѣлаешь! воскликнулъ я, — встань и говори, что тебѣ нужно.

— Нѣтъ, не встану, покуда ты не обѣщаешь исполнить мою просьбу.

— Такъ, любезный другъ, нельзя обѣщать то, исполнимость чего неизвѣстна. Ты знаешь, что все для меня возможное я исполню и безъ всякихъ трагическихъ пріемовъ.

— Купи у меня Грайворонку! воскликнулъ онъ.

Я насилу могъ поднять его съ колѣнъ, еще не знавши, что нѣсколько минутъ тому назадъ онъ съ тою-же просьбой падалъ на колѣни передъ женою и обратился ко мнѣ только послѣ категорическаго ея отвѣта, что она никакими крупными экономическими дѣлами не завѣдуетъ.

— Умоляю тебя именемъ дружбы нашей, говорилъ братъ, сними ты съ меня эту гнетущую обузу; я не могу жить на Грайворонкѣ; она меня душитъ, я тамъ съума сойду. Чѣмъ возиться и отыскивать сторонняго покупателя, пусть она перейдетъ къ тебѣ, и я буду совершенно покоенъ.

— Все это прекрасно, отвѣчалъ я, но у меня 70 тысячъ всѣхъ денегъ, а этого далеко не хватаетъ на покупку Грайворонки.

— О, этого съ меня совершенно довольно, отвѣчалъ братъ, и ты, не вдаваясь ни въ какія стороннія соображенія, развяжи мою душу, ударивъ по рукамъ!

— Продавая за полцѣны имѣніе, отвѣчалъ я, избавь меня по крайней мѣрѣ отъ формальныхъ обсужденій подробностей этого дѣла. Все это ты можешь рѣшить съ Иваномъ Алек. Остомъ, который какъ разъ сегодня пріѣхалъ и въ настоящую минуту гуляетъ въ рощѣ.—Я сейчасъ схожу туда, продолжалъ я, и объясню ему все дѣло, а затѣмъ онъ будетъ ждать тебя на скамьѣ подъ березкой. Тамъ никто вамъ не помѣшаетъ, и если ты дѣйствительно хочешь осуществленія своей просьбы, то до полнаго окончанія дѣла храни о немъ упорное молчаніе.

Черезъ полчаса дѣло было окончательно улажено, и совершеніе купчей отложено до октября, времени окончанія

молотьбы. Успокоенный братъ уѣхалъ въ свое Воронежское имѣніе.

Тургеневъ писалъ:

Петербургъ.
16 іюля 1874 г.

„Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, ваше письмо не застало меня уже въ Спасскомъ, но не на радость я выѣхалъ оттуда. Двѣ недѣли тому назадъ я прибылъ въ Петербургъ и тотчасъ же свалился какъ снопъ, пораженный жесточайшей подагрой разомъ въ оба колѣна и въ обѣ плюсны. чего со мной еще не бывало. Мучился я лихо; теперь начинаю елозить на костыляхъ по комнатѣ, и докторъ полагаетъ, что я могу въ спальномъ вагонѣ отправиться въ субботу въ Берлинъ, а оттуда въ Карлсбадъ; но я человѣкъ муштрованный и повѣрю, что я уѣхалъ въ Карлсбадъ только тогда, когда изъ него выѣду. Сказать, что этотъ утрегубленный припадокъ (три раза сряду) усилилъ въ сердцѣ моемъ пламя любви къ родинѣ, — было-бы мало вѣроятно. Скорѣе выйдетъ то, что я буду впредь думать тако: „Ты, родина. процвѣтай тамъ, а я ужь буду прозябать *здѣсь*, отъ тебя подальше. А то ты уже больно (говоря языкомъ „Опаснаго сосѣда“)—охотница подарочки дарить. Много довольны, спасибо и такъ.

„Кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и цѣлую умницу Петю. Вамъ дружески жму руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Тѣмъ временемъ Оленька, съ лицомъ пышащимъ здоровьемъ, вернулась изъ Славянска вмѣстѣ съ компаньонкой и гувернанткой. Послѣдняя, прожившая у насъ болѣе году ссылаясь на свою слабость, просила увольненія отъ должности. Дѣлать было нечего, и мнѣ пришлось ѣхать въ Москву для разысканія новой наставницы. По совѣту нѣкоторыхъ лицъ, я обратился съ просьбою къ пастору, который обѣщалъ выписать мнѣ изъ заграницы опытную въ дѣлѣ

воспитанія француженку. Успокоенный положительнымъ обѣщаніемъ добраго старика, я вернулся въ Степановку.

Получивъ черезъ мѣсяцъ телеграмму о высылкѣ на Зміевку въ назначенный день экипажъ, мы дѣйствительно въ этотъ день приняли въ домъ очевидно многоопытную особу. Черные какъ смоль волоса ея, высоко зачесанные, увѣнчивались широкою лопатою испанскаго гребня; въ ушахъ ея висѣли разноцвѣтно эмальированные подвѣски, и пальцы рукъ были покрыты разнообразными перстнями. Явно было, что она старалась, сколько возможно, молодиться, но самыя ея притиранья и гриммировка приводили къ увѣренности, что голова ея покрыта очень искусно прилаженнымъ парикомъ. Цѣлый мѣсяцъ я все болѣе убѣждался въ справедливости словъ оставившей насъ Надежды Алекс., что иностранныя гувернантки въ большемъ случаѣ далеко уступаютъ хорошимъ русскимъ въ основательномъ образованіи.

Напрасно новая гувернатка разсказывала о своемъ пребываніи въ Римѣ, Аѳинахъ, Яффѣ, Іерусалимѣ, Лиссабонѣ и главное въ Каирѣ,—дѣло преподаванія въ рукахъ ея спориться не могло по тому уже одному, что она не знала правилъ французской грамматики, хотя никакимъ другимъ языкомъ не владѣла. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что она, не будучи въ состояніи давать уроковъ музыки, крайне небрежно относилась къ дѣлу воспитанія. Съ чувствомъ раздраженія и гадливости вспоминаю послѣднее наше съ нею объясненіе. Зная, что она одна въ классной, я, взошедши по лѣстницѣ, попросилъ у нея позволенія перевести духъ, стѣсненный одышкою.

— Позвольте, сказалъ я отдохнувши, высказать нѣкоторыя мысли, на которыя попрошу васъ сдѣлать свои замѣчанія.

— Но я тоже хочу помѣстить свое словечко.

— Я объ этомъ только васъ и прошу; но позвольте прежде мнѣ сказать нѣсколько словъ.

— Но я всетаки хочу сказать свое словечко.

— Вамъ угодно говорить предварительно,—я васъ слушаю.

— Нѣтъ, я не знаю, о чемъ вы желаете говорить.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ высказаться.

— Но я тоже хочу помѣстить свое словечко.

— Вы же не даете мнѣ говорить.

— Но я всетаки хочу помѣстить свое словечко.

И такъ до безконечности, пока я не всталъ и не ушелъ, громко хлопнувъ дверью.

Черезъ часъ коляска, долженствующая отвезти ее на станцію, была у крыльца, и она, получивши разсчетъ и паспортъ, уѣхала, ни съ кѣмъ не простясь.

На этотъ разъ не довѣряя рекомендаціямъ, я увезъ прямо изъ конторы небольшую, среднихъ лѣтъ, нѣмку съ весьма замѣтными усами. Каковы въ сущности были ея воспитательныя способности, сразу рѣшить было трудно; но въ громкой самоувѣренности, по крайней мѣрѣ, у ней недостатка не было. Такъ, напримѣръ, увѣряя, что любой ученикъ въ полгода научится у нея играть въ четыре руки, она повторяла: „so spielt er mir“ (онъ у меня заиграетъ). Даже за обѣдомъ она не скрывала своихъ научныхъ свѣдѣній, и нужно было видѣть зарю счастья въ глазахъ насмѣшливаго Петруши, когда гувернантка, передавая извѣстный анекдотъ объ учрежденіи ордена Подвязки, съ полной увѣренностью приписала эту любезность Оттону III. Съ какимъ злораднымъ счастіемъ Петруша старался расчистить дорогу передъ ея Оттономъ, не обращая вниманія на мои укоризненные взгляды. Зато тотчасъ же послѣ обѣда я задалъ школьнику жестокую головомойку. „Тебѣ, говорилъ я, весело щеголять своимъ грошевымъ знаніемъ, но ты не хочешь подумать, каково мнѣ ежеминутно бѣгать въ Москву за новыми гувернантками. То, что ты дѣлаешь, настолько же неделикатно по отношенію къ гувернанткѣ, какъ и ко мнѣ. Если ты желаешь мѣшать воспитанію сестры, то оставайся на вакацію въ лицеѣ у Павла Михайловича“.

Не могу не припомнить одной, случайно проявившейся, черты характера 15-ти лѣтняго Петруши Борисова.

Однажды, при видѣ кипы старинныхъ семейныхъ бумагъ, онъ сталъ вкрадчивымъ голосомъ просить позволенія просмотрѣть свои Борисовскіе документы. „Можешь, отвѣчалъ я, если снова уложишь ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ найдешь“.

Такъ какъ бывшая наша спальня, въ которой хранились

бумаги, была темновата отъ навѣса надъ террасой, то Петруша усѣлся за своими бумагами въ столовой. Зная, какъ онъ спартански терпѣливъ ко всякой физической боли, я былъ крайне удивленъ, замѣтивъ мимоходомъ, что онъ плачетъ надъ своими бумагами.

— Что съ тобой? о чемъ ты плачешь? замѣтилъ я.

При этомъ вопросѣ слезы превратились въ ревъ.

— Какъ же мнѣ не плакать, всхлипывалъ онъ: вѣдь вотъ Борисовъ-то какой-то совѣтникъ, это вѣдь попросту подъячій; а вѣдь вотъ же подпись: стольникъ и воевода Семенъ Шеншинъ; моя мать Шеншина, а я не Шеншинъ. Какъ же тутъ въ отчаяніе не приходить!

— То, что ты говоришь, Петруша, нехорошо, а главное нелѣпо; въ этомъ ты самъ убѣдишься.

Л. Толстой писалъ:

1874 года 22 октября.

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! у меня затѣялась необходимая покупка земли въ Никольскомъ, для которой мнѣ нужно на годъ занять 10 тысячъ подъ залогъ земли. Можетъ, случится, что у васъ есть деньги, которыя вамъ нужно помѣстить. Если такъ, то напишите Ивану Ивановичу Орлову въ Чернь, село Никольское, и онъ пріѣдетъ къ вамъ для переговоровъ о подробностяхъ и будетъ вести это дѣло съ вами независимо отъ нашихъ отношеній. Я еще не отвѣчалъ вамъ на ваше послѣднее письмо, хотя очень благодаренъ вамъ за него. Какъ бы я охотно пріѣхалъ къ вамъ, но заваленъ такъ дѣлами школьными, семейными и хозяйственными, что даже на охоту не успѣваю ходить. Надѣюсь быть свободнѣе, какъ зима станетъ. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Тургеневъ писалъ отъ 30 октября 1874 г.:

Парижъ.

„Любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., я виноватъ передъ вами тѣмъ, что, высказавъ мое откровенное мнѣніе о господинѣ Катковѣ,

упомянулъ о его вліяніи на васъ. Лучше было вовсе не говорить объ этомъ субъектѣ. Не могу однако не выразить своего удивленія вашему упреку г-ну Каткову въ *либерализмѣ!* послѣ этого вамъ остается упрекнуть Шешковскаго въ республиканизмѣ и Салтычиху въ мягкосердечіи. Васъ на это станетъ, чего добраго.

„Вы чрезвычайно довольны всѣмъ окружающимъ васъ бытомъ:—ну и прекрасно! Помните, какъ 20 лѣтъ тому назадъ вы въ Спаскомъ, въ самый разгаръ Николаевскихъ мѣропріятій, огорошили меня изъявленіемъ вашего мнѣнія—что выше положенія тогдашняго россійскаго дворянина, и не только выше, но благороднѣе и прекраснѣе,—умъ человѣческій придумать ничего не можетъ. А такіе антецеденты дѣлаютъ все возможнымъ, все, кромѣ хотя мгновеннаго соглашенія между нами двумя по какому бы то ни было вопросу.

„Вмѣсто того чтобы толковать о „шаткости“ убѣжденій Анненкова, я бы посовѣтовалъ вамъ прочесть его классическую книгу о Пушкинѣ, передъ которымъ и онъ, и я благоговѣемъ не меньше васъ и уже навѣрное больше того негодяя, который въ Русск. Вѣстникѣ извергнулъ какую-то дрянную слюню по поводу этой мастерской монографіи. А пока позволю себѣ выписать изъ только что полученнаго мною письма того же Анненкова слѣдующія золотыя строки:

„Мало ли что можно наговорить на Европу: это мальчикъ рѣзвый, безпрестанно выдѣлывающій разныя штуки, и котораго по всей справедливости можно сѣчь каждый день. Но противопоставлять ему и съ торжествомъ жирнаго плаксу, который тихо сидитъ тамъ, гдѣ его посадили, и никогда не учитъ болѣе того, что задано,—этого не одобряю.“

„Душевно радуюсь успѣхамъ Пети и готовъ вѣрить въ его необыкновенныя способности; но признаюсь, не понимаю вашего восклицанія: „*никакой эстетической способности! это просто Зевесовъ орелъ!*!“—До сихъ поръ очень умныхъ и замѣчательныхъ дѣтей,—ни оппозиціанистовъ, ни либераловъ,—я не встрѣчалъ (не говорю, чтобы они таковыми оставались),—ссылаюсь на самого того Шиллера, о комъ вы упоминаете:—но можетъ быть новое время... vous avez changé tout cela.—На здоровье!

Желаю вамъ лучшаго, благодарю Марью Петровну за память и остаюсь

преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Наконецъ Иванъ Александровичъ получилъ письмо отъ Петра Аѳан., въ которомъ послѣдній проситъ Оста пріѣхать на Грайворонку, чтобы вмѣстѣ отправиться за сто верстъ въ Воронежъ для совершенія купчей. Погода стояла грязная, и путешественники, какъ я позднѣе узналъ, совершали формальный походъ по дорогѣ, лишенной всякихъ, даже первобытныхъ удобствъ. Этимъ однако только началось трудное ихъ паломничество. Оказалось необходимымъ, какъ писалъ мнѣ Остъ, не только справиться въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ о накопившейся на имѣніе недоимкѣ, но и представить нотаріусу квитанцію объ ея уплатѣ. Конечно, я тотчасъ же прибѣгъ къ помощи Боткинской конторы, прося телеграфировать мнѣ сумму недоимки.

Всѣмъ еще памятенъ женскій трудъ на телеграфныхъ станціяхъ. И вотъ черезъ день, въ часъ ночи (чтобы заплатить за ночную доставку три рубля) получаю телеграмму, въ которой сказано: „недоимокъ на Грайворонкѣ числится $^0/_0$“. Вотъ вамъ и свѣдѣнія для руководства; а между тѣмъ наши несчастные дѣльцы томятся въ Воронежской гостинницѣ. Я телеграфирую въ контору: „прошу уплатить, сколько бы недоимокъ ни оказалось и квитанцію выслать: Воронежъ, Осту“.

Получаю извѣстіе, что недоимокъ уплачено 8 тысячъ, и что квитанція отослана по указанному адресу.

Наконецъ, къ первымъ числамъ декабря, братъ и Остъ, принявшій уже Грайворонку въ наше завѣдываніе, появились въ Степановкѣ съ купчей и даже вводнымъ листомъ въ рукахъ. Братъ былъ очевидно веселъ болѣе обыкновеннаго. Остъ потомъ разсказывалъ, что когда по полученіи купчей они вернулись въ номеръ отъ нотаріуса, братъ сначала упалъ передъ образомъ на колѣни и, помолившись усердно, бросился обнимать и цѣловать Оста. Не помню, на другой или на тре-

тій день, когда мы собирались сѣсть за столъ, Иванъ Александровичъ, держа въ рукахъ письмо, обратился ко мнѣ со словами: „я только сію минуту получилъ съ Грайворонки непріятную вѣсть: вся деревянная часть усадьбы, за исключеніемъ барскаго дома и коннозаводскихъ построекъ, сгорѣла до тла, со всѣмъ хозяйственнымъ инвентаремъ, такъ что въ имѣніи не осталось ни одной сохи, ни одного хомута и ни одной телѣги. Слава Богу, что пожаръ не тронулъ гумна и хлѣбнаго амбара".

Такъ какъ мы съ женою давно уже порывались въ Москву, то поджидали только рѣшенія Грайворонскаго дѣла, чтобы уѣхать и начать съ продажи пшеницы, которой, къ счастію, оказалось на Грайворонкѣ въ этомъ году порядочное количество. Между тѣмъ передъ самымъ выѣздомъ изъ Степановки я получилъ слѣдующее письмо Тургенева:

Парижъ.
29 ноября 1874 г.

„Любезный Шеншинъ, сегодня я получилъ ваше письмо, а четвертаго дня пришло ко мнѣ письмо Полонскаго, изъ котораго выписываю вамъ слѣдующій пассажъ:

„Фетъ (Шеншинъ) распустилъ про тебя, будто ты въ свой послѣдній пріѣздъ говорилъ съ какими-то юношами (слышалъ, съ племянниками Милютина, порученными надзору и попеченію Ф. Ш.) и старался заразить ихъ жаждой идти въ Сибирь. Въ первый разъ я слышалъ это отъ Маркевича у кн. М—аго тому назадъ недѣль пять, шесть. На дняхъ я опять слышалъ повтореніе этого слуха съ тою же ссылкой на Ф. Ш.".

„Вспоминая свой разговоръ у Милютиной съ ея сыномъ и Петей и зная вашу охоту къ преувеличиванію и *прочія привычки*, говорю вамъ безъ обиняковъ, что я вполнѣ вѣрю тому, что вы дѣйствительно произнесли слова, которыя вамъ приписываютъ, и потому полагаю лучшимъ прекратить наши отношенія, которыя уже и такъ, по разности нашихъ воззрѣній, не имѣютъ „raison d'être".

„Откланиваясь вамъ не безъ нѣкотораго чувства печали, которое относится, впрочемъ, исключительно къ прошедшему,

желаю вамъ всѣхъ возможныхъ благъ и преуспѣянія въ обществѣ гг. Маркевичей, Катковыхъ и т. п.

„Передайте также мой прощальный привѣтъ вашей любезной супругѣ, съ которой мнѣ уже, вѣроятно, не придется свидѣться.

Ив. Тургеневъ.

На это неожиданное письмо я немедля отвѣчалъ, что Тургеневу странно не знать, что я неспособенъ отказываться отъ своихъ словъ, каковы бы они ни были, но что дѣло, дошедшее въ такомъ видѣ, состояло въ слѣдующемъ.

Однажды, когда въ кабинетѣ Каткова между имъ и Маркевичемъ зашелъ разговоръ объ общественномъ мнѣніи насчетъ государственной благонадежности лицея, я сказалъ: „въ этомъ отношеніи сомнѣваться трудно, если принять во вниманіе мнѣніе людей, далеко не сочувствующихъ самой школѣ, какъ, напримѣръ, Тургеневъ. При этомъ я разсказалъ, какъ въ гостиной у М—ой Тургеневъ при мнѣ обратился къ ея сыну и его товарищу Петѣ Борисову со словами: „Je vous felicite, messieurs, en votre qualité de lycéens. Le gouvérnement ne manquera pas de vous recevoir à bras ouverts“.

Къ этимъ подлиннымъ словамъ Тургенева я не прибавилъ ни одного слова.

На это письмо мое нежданно послѣдовало еще разъ письмо Тургенева:

Парижъ.
12 декабря 74.

Милостивый Государь.

Аѳанасій Аѳанасьевичъ!

„Вы, вѣроятно, удивитесь, получивъ отъ меня письмо, да и я не ожидалъ, что буду еще бесѣдовать съ вами: но одна фраза вашего отвѣта заставляетъ меня взяться за перо. Вы пишете:

„Вы говорите: „я этому вѣрю“, и это и должно быть закономъ для всѣхъ и обычнымъ поводомъ швырять оскорбленія въ лицо даже такимъ безупречнымъ личностямъ,

какъ Л. Т.“ (полагаю, что эти буквы означаютъ Льва Толстаго).

„Если въ этой фразѣ вы имѣли цѣлью единственно украшеніе рѣчи вродѣ „стола Спартака“, то мнѣ остается сожалѣть, что вамъ угодно было употребить именно это украшеніе; если подъ этимъ скрывается какая-нибудь сплетня, то прошу васъ быть увѣреннымъ, что я никогда и ни передъ кѣмъ не отзывался о Львѣ Толстомъ иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ къ его таланту и характеру, и это уваженіе будетъ мною въ скоромъ времени высказано передъ французской публикой въ предисловіи къ изданію переводовъ съ его произведеній; если же наконецъ вамъ померещилось что нибудь подобное въ моихъ письмахъ, то вамъ стоитъ ихъ перечесть, чтобы убѣдиться въ вашей ошибкѣ. Не сомнѣваюсь въ вашемъ чувствѣ справедливости и увѣренъ, что вы даже мысленно откажетесь отъ фразы вашего письма, приведенной мною. Къ тому же я не привыкъ швыряться ни оскорбленіями, ни грязью, не потому, чтобы иные люди этого не стоили, но я не охотникъ марать руки и предоставляю другимъ подобныя упражненія.

„Не могу не замѣтить, что вы напрасно благодарите судьбу, устранившую ваше имя отъ соприкосновенія съ нынѣшней литературой; ваши опасенія лишены основанія: какъ Фетъ. вы имѣли имя, какъ Шеншинъ, вы имѣете только фамилію.

Остаюсь съ совершеннымъ уваженіемъ

вашъ покорнѣйшій слуга

Ив. Тургеневъ.

Это письмо исполнило наконецъ мѣру моего долготерпѣнія. Впослѣдствіи, при своемъ примиреніи съ Толстымъ, къ которому Тургеневъ явился съ повинною въ Ясную Поляну, послѣдній жаловался ему, что въ отвѣтномъ письмѣ, о которомъ здѣсь говорится, я собралъ все, чѣмъ только могъ уязвить его наиболѣе чувствительнымъ образомъ. Я началъ съ того, что замѣтилъ, какъ въ первомъ письмѣ онъ очевидно не зналъ что сказать и по написанному крупно написалъ „*прочія привычки*“. Жаль, что не сказалъ какія. Конечно, я скло-

ненъ къ гиперболическимъ выраженіямъ, которыя заслуживаютъ названія преувеличенія; но кто дастъ себѣ только трудъ прочесть помѣщаемыя письма Тургенева, убѣдится, что такимъ безвреднымъ преувеличеніемъ страдаетъ онъ и самъ, но это не даетъ никому права утверждать, будто онъ или я преднамѣренно искажаемъ чьи либо слова, чтобы повредить ему во мнѣніи другаго. Что же касается до меня, то на *привычки*, или лучше повадки, Тургенева указать я не затруднюсь. Я припомнилъ ему, какъ, на мой упрекъ въ нестерпимомъ упрямствѣ, онъ возразилъ: „а меня всѣ считаютъ слабымъ и безхарактернымъ“.—И получилъ въ отвѣтъ: „твердость и устойчивость не должно смѣшивать съ упрямствомъ, составляющимъ отличительную черту людей слабыхъ. А слабость де ваша еще въ Петербургѣ не была для насъ ни для кого тайной, когда какъ-то сорвавшееся у меня съ языка слово: слабецъ—дошло и до вашихъ ушей, какъ вѣроятно и чье то стихотвореніе, котораго хвалебнаго начала не упомню, но которое кончалось:

«Но нравъ его разслабленный
Такъ жидокъ и мучнистъ,
Что въ лавръ его самъ просится
Александрійскій листъ».

И это было бы еще не бѣда, если бы за этой слабостью и упрямствомъ въ сущности добраго человѣка не скрывалось самое дѣтское самолюбіе безпощаднаго эгоизма. Отсюда совершенно прозрачное козыряніе съ одной стороны и позорное искательство съ другой; отсюда небрежно невѣжливое обращеніе съ дамами, гдѣ это считалось возможнымъ, и неузнаваніе знакомыхъ на водахъ въ обществѣ высокопоставленныхъ дамъ. Приводились примѣры. Такъ однажды въ Петербургѣ я передалъ Тургеневу, что премилая жена племянника Егора Петровича Ковалевскаго проситъ меня привести его къ ней на вечерній чай. Раскланявшись съ хозяйкой, Тургеневъ, поставивъ шляпу подъ стулъ, сѣлъ спиною къ хозяйкѣ дома и, проговоривши съ кѣмъ-то все время помимо хозяйки, къ немалому сокрушенію моему, раскланялся и уѣхалъ. На другой день Егоръ Петровичъ

своимъ добродушнымъ тономъ выговарилъ мнѣ: „ну какъ же вашему Тургеневу не стыдно такъ обижать молодую бабенку? Она всю ночь проплакала“. — И это не единственный примѣръ. Съ другой стороны я разсказалъ Тургеневу, какъ Кетчеръ встрѣтилъ меня своимъ громогласнымъ—„ха-ха-ха!“ и восклицаніемъ: „два раза издавалъ я сочиненія Тургенева и два раза вычеркивалъ ему его постыдное подлизываніе къ мальчишкамъ. Нѣтъ таки, — напечаталъ, и съ той поры ко мнѣ не является: знаетъ, что обругаю“.

Его поступокъ съ дядей, его заносчивыя выходки съ Толстымъ и со мною не имѣютъ ли забавнаго вида самыхъ слабосильныхъ, но и самыхъ задорныхъ пѣтушковъ корольковъ. Нельзя же вѣкъ разсчитывать на снисхожденіе къ слабости, но еще забавнѣе бреттерствовать человѣку, цѣлый вѣкъ толковавшему объ ужасѣ смерти передъ людьми, цѣлый вѣкъ толкующими объ ужасѣ жизни. Что касается до фразъ о некиданіи ни въ кого грязью, то фразамъ этимъ можетъ довѣрять только тотъ, кто слова „qu'il fait tache sur la boue“ и другія имъ подобныя, обращенныя на людей непріятныхъ Тургеневу, считаетъ розами. Если можно глубоко уважать человѣка и въ то же время говорить ему въ глаза самыя оскорбительныя вещи — совмѣстимо, — въ такомъ случаѣ я беру свои слова о его посягательствѣ на личность Толстаго назадъ.

Этимъ объясненіемъ кончилась до поры до времени моя съ Тургеневымъ переписка.

Наконецъ-то мы цѣлымъ домомъ, въ томъ числѣ и съ братомъ Петромъ Аѳ. усѣлись въ вагонъ для переѣзда въ Москву.

На этотъ разъ, разсчитывая снова на короткое пребываніе въ Москвѣ, мы всѣ остановились въ меблированныхъ комнатахъ Руднева на Тверской.

Когда мы ночью проѣзжали мимо Серпухова, Петръ Аѳ. вышелъ изъ вагона, озабоченный продажею Грайворонской пшеницы, по старой памяти всегдашнему своему покупателю. На другой день вечеромъ братъ вошелъ ко мнѣ въ комнату со словами: „мнѣ стыдно на глаза къ тебѣ показаться; я твою пшеницу страшно продешевилъ; я продалъ ее 7 р. 50 к. на мѣстѣ, а вотъ и 1,500 р. задатку“. Цѣна

о тому времени была великолѣпная, тѣмъ не менѣе я долго е могъ успокоить брата.

Л. Толстой писалъ:

28 декабря 1874 г.

„Только что говорили съ женою о томъ, что соскучились езъ васъ и безъ извѣстій объ васъ, какъ получили ваше исьмо и обѣщаніе побывать у насъ да еще съ Петромъ ѳанасьевичемъ, что еще лучше. Получивъ ваше письмо, ена тотчасъ же отвѣчала вамъ въ Москву, въ домъ Бот ина. А я еще прежде писалъ вамъ со вложеніемъ письмеца ъ Петру Аѳан. Вообще какъ бы то ни было, мы не вино аты, а главное мы не виноваты въ томъ, чтобы не любить асъ и не цѣнить ваше участіе. У насъ съ начала зимы все ыли невзгоды, но теперь слава Богу началась опять наша ормальная жизнь, и потому тѣмъ болѣе будемъ рады вамъ Петру Аѳан. Напишите, когда выслать за вами лошадей. освиданья!

Вашъ *Л. Толстой*.

12 января 1875.

„Благодарю васъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за хо ошія о насъ рѣчи. Все веселѣе, какъ похвалятъ. У насъ лава Богу теперь повеселѣе стало, т. е. я пересталъ бояться ъ здоровье жены, которое очень было начало пугать меня. а кобылъ низко кланяюсь обоимъ братцамъ, въ особенности етру Аѳан. Когда прикажете прислать за нихъ деньги? А то планъ дѣятельности по народному образованію? Какъ бы счастливъ былъ, если бы онъ состоялся, и я бы могъ быть ѣмъ нибудь полезенъ Петру Аѳанасьевичу. Былъ я въ Москвѣ, въ тотъ вечеръ, какъ сидѣлъ у Каткова, ему пришли объ вить, что братъ его вырвался изъ полицейской больницы, ришелъ въ лицей и опять стрѣлялъ и опять никого не за грѣлилъ.

Вашъ *Л. Толстой*.

На тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прошломъ году, мы ь Олей послѣ Крещенія уѣхали въ Степановку, причемъ я

заѣхалъ на денекъ въ Ясную Поляну. И въ это, какъ и въ прежнія посѣщенія, я съ особеннымъ удовольствіемъ нашелъ въ цѣломъ семействѣ Толстыхъ то же чувство симпатіи къ добрѣйшему Ѳедору Ѳедоровичу. А такъ какъ дѣти по возрасту подходили одинъ за другимъ къ надзору дядьки-нѣмца, то Л. Н. былъ увѣренъ, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ останется у нихъ на долгіе годы. Когда я глазъ на глазъ сталъ поздравлять Ѳед. Ѳед. съ надолго обезпеченнымъ будущимъ, онъ, къ удивленію моему, сообщилъ мнѣ, что желаетъ оставить домъ Толстыхъ. Какъ ни старался я ставить ему на видъ, что всѣ его любятъ и имъ дорожатъ, онъ упорно повторялъ: „я тоже хочу meine *avantage* haben".

Между тѣмъ братъ чрезвычайно заинтересовался движеніемъ въ Герцеговинѣ и Черногоріи противъ турокъ.

Тѣмъ временемъ Ивану Александровичу сгорѣвшая Грайворонка доставила немало хлопотъ. Надо было начать съ того, чтобы распустить цѣлую толпу тунеядцевъ, окружавшихъ брата, и по счетамъ неуплаченнаго жалованья, признаннымъ самимъ братомъ, пришлось уплатить:

ветеринару	3	тысячи.
конторщику въ качествѣ прикащика . .	3	„
столяру, носившему названіе машиниста.	3	„
повару	300	руб.

и такъ далѣе всѣмъ бывшимъ дворовымъ уплачено болѣе 12 тысячъ рублей. Къ этому присоединились частные долги въ нѣсколько тысячъ; даже долгъ уѣздному училищу, гдѣ братъ состоялъ почетнымъ членомъ.

Л. Толстой писалъ:

12 марта 1875 г.

„Я, кажется, нечаянно написалъ вамъ ужасную глупость. Вы пишете, что хотите къ намъ пріѣхать, а я, вообразивъ себѣ, что мы—подразумѣвается—вы и Марья Петровна, пишу что мы очень рады. Какъ ни справедливо это, когда я разсказалъ женѣ, что я отвѣчалъ, она говоритъ: „да мы—значитъ—братья". Если это такъ навѣрное, то пожалуйста передайте Петру Аѳан., что кромѣ всегдашняго желанія моего

поближе сойтись съ нимъ, мнѣ особенно нужно по разнымъ дѣламъ видѣть его, кое о чемъ посовѣтовать и кое о чемъ попросить совѣта. Пожалуйста отвѣтьте поскорѣе и чтобы въ концѣ письма было указаніе, когда васъ встрѣчать на Козловкѣ.

Вашъ всею душой *Л. Толстой.*

Вмѣсто этихъ плановъ случилось слѣдующее. Братъ пріучилъ меня къ своимъ требованіямъ денегъ, на которыя имѣлъ безспорное право.

Однажды въ началѣ марта, взявши тысячу рублей, онъ объявилъ мнѣ, что ѣдетъ по своимъ дѣламъ въ Орелъ. Кучеръ, отвезшій его на станцію, передалъ, что Петръ Аѳан. сами будутъ писать; и дня черезъ два я получилъ письмо, въ которомъ братъ извинялся, что, не желая тревожить насъ своимъ отъѣздомъ, уѣхалъ не простясь въ славянскія земли.

Л. Толстой писалъ по возвращеніи изъ новокупленнаго Самарскаго имѣнія:

26 августа 1875 г.

„Вотъ третій день, что мы пріѣхали благополучно, и я только что опомнился и спѣшу писать вамъ, дорогой Аѳан. Аѳанасьевичъ, и благодарить васъ за ваши два письма, которыя больше чѣмъ всегда были цѣнны въ нашей глуши. Надѣюсь, что здоровье ваше лучше. Это было замѣтно по второму вашему письму, и надѣюсь, что вы преувеличивали. Дайте мнѣ еще опомниться, тогда подумаю, какъ бы побывать у васъ. Вы же по старой, хорошей привычкѣ пожалуйста, какъ это вамъ ни трудно, — не проѣзжайте въ Москву не заѣхавъ. Урожай у насъ былъ средній, но цѣны на работу огромныя, такъ что въ концѣ только сойдутся концы. Я два мѣсяца не пачкалъ рукъ чернилами и сердца мыслями. Теперь же берусь за скучную, пошлую А. Каренину съ однимъ желаніемъ: поскорѣе опростать себѣ мѣсто—досугъ для другихъ занятій, но только не педагогическихъ, которыя люблю, но хочу бросить. Они слишкомъ много берутъ времени. Какъ о многомъ и многомъ хочется съ вами переговорить, но писать не умѣю. Надо пожить, какъ мы жили въ

Самарской здоровой глуши, видѣть эту совершающуюся на глазахъ борьбу кочеваго быта (милліоновъ на громадныхъ пространствахъ) съ земледѣльческимъ первобытнымъ, чувствовать всю значительность этой борьбы, чтобы убѣдиться въ томъ, что разрушителей общественнаго порядка, если не 1, то не болѣе 3 скоро бѣгающихъ и громко кричащихъ, что это болѣзнь паразита живаго дуба, и что дубу до нихъ дѣла нѣтъ. Что это не дымъ, а тѣнь, бѣгущая отъ дыма.

„Къ чему занесла меня судьба туда (въ Самару)—не знаю, но знаю, что я слушалъ рѣчи въ англійскомъ парламентѣ (вѣдь это считается очень важнымъ), и мнѣ скучно и ничтожно было;—но что тамъ мухи, нечистота, мужики Башкирцы, а я съ напряженнымъ уваженіемъ, страхомъ проглядѣвъ, вслушиваюсь, вглядываюсь и чувствую, что все это очень важно. Нашъ усердный поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

XI.

Новая пристройка для брата.—Гувернантка M-me Milete. Француженка-пьянистка.—Извѣстіе о братѣ изъ Варшавы.—Письма.—Пріѣздъ брата.—Письма. — Поѣздка на Грайворонку. — Ливенское кладбище. — Револьверъ. — Пріемка лошадей. — Братъ снова уѣзжаетъ въ Сербію.—Поѣздка въ Москву.—Племянникъ В. Ш—ъ и сестра Любовь Аѳанасьевна.—Сдача лошадей.—Письма.—Пріѣздъ Л. Толстаго и Н. Н. Страхова.—Поѣздка въ Москву съ Олей.—Оля остается въ Москвѣ.—Поѣздка на Грайворонку. — Планы о переѣздкѣ изъ Степановки. — Покупка Воробьевки и продажа Степановки.—Постройки въ Воробьевкѣ.—Эпизодъ о перевозкѣ раненыхъ.

Не взирая на выходку брата, спеціально предназначавшаяся для него постройка была доведена до конца и оказалась весьма удобною. Входъ въ домъ съ подъѣзда превратился въ широкую галлерею, изъ которой первая дверь направо вела въ большой кабинетъ брата, предшествующій спальнѣ, а вторая затѣмъ дверь направо вела, какъ и прежде, въ мой бывшій кабинетъ, окончательно превратившійся въ судебную камеру со скамьями для присутствующихъ. Изъ того же коридора вверхъ подымалась неширокая лѣстница въ большую залу въ два свѣта съ балкончикомъ къ подъѣзду и смежною комнатой, въ которой во время вакацій помѣщался Петя Борисовъ. Мебель для этихъ помѣщеній была привезена съ Грайворонки, по указанію брата.

На этотъ разъ короткій зимній сезонъ намъ пришлось проводить на Тверской, въ гостинницѣ Парижъ, гдѣ мы заняли два отдѣленія и запаслись своею прислугой. Обѣ Г-жи Эвеніусъ, искавшія свиданія съ Олей, повидимому, примирились съ ея пребываніемъ у насъ и высказали готовность по-

мочь намъ въ пріисканіи благонадежной воспитательницы, взамѣнъ строптивой поклонницы Оттона III-го.

Въ гостиной Эвеніусъ меня ожидала m-me Milete, урожденная княжна Г—а, которая на прекрасномъ французскомъ языкѣ объявила, что согласна на 1000 руб., но съ тѣмъ, что она не можетъ разстаться съ любимой ею дѣвочкой, англичанкой Мери. „Станешь самъ искать, подумалъ я, и неизвѣстно, на что попадешь; а тутъ по крайней мѣрѣ рекомендуютъ спеціалистки.“ — И послѣ праздниковъ я уѣхалъ съ Оленькой въ Степановку, увозя съ собою M-me Milete и M-lle Мери.

— Мы будемъ заниматься болѣе при помощи чтенія и разговоровъ, говорила новая воспитательница.

Не имѣя ничего противъ методы, я тѣмъ не менѣе въ скорости убѣдился, что метода новой воспитательницы была несомнѣнною потерею времени. Вѣроятно, вступивъ на совершенно дотолѣ ей неизвѣстное поприще, M-me Milete тотчасъ же согласилась со мною, что ея занятія пользы принести не могутъ, и сама возвратилась въ Москву, оставивъ у насъ Мери, съ которою, какъ прежде говорила, разстаться не въ состояніи. Она писала Мери, что отправилась въ качествѣ воспитательницы въ богатое купеческое семейство, помнится въ Пермь, и что будетъ ей высылать денегъ. Но на дѣлѣ оказалось, что сдержанная и добродушная англичанка изъ скуднаго своего жалованья умѣла удѣлить небольшую часть и нетрезвому отцу своему въ Лондонѣ, и M-me Milete въ Пермь. Пришлось бы мнѣ снова отправляться въ Москву искать гувернатку, если бы судьба не послала намъ молодую француженку M-lle Оберлендеръ, которая, не взирая на свою нѣмецкую фамилію, не знала ни слова по-нѣмецки. Зато это была замѣчательная пьянистка, а такъ какъ остальные предметы я преподавалъ самъ, то и успокоился на этомъ. Рояль изъ небольшой нашей столовой перенесена была наверхъ въ залу пристройки для брата, которая по своему резонансу могла бы быть концертною.

Однажды въ числѣ бумагъ, поступившихъ въ камеру, я увидалъ конвертъ съ печатью канцеляріи Варшавскаго генералъ-губернатора. Въ бумагѣ говорилось, что содержащійся въ мѣстахъ заключенія, по неимѣнію письменнаго вида, моло-

дой человѣкъ, называя себя дворяниномъ Петромъ Шеншинымъ, указываетъ на меня, какъ на роднаго брата своего. почему канцелярія проситъ у меня разрѣшенія настоящаго дѣла. Конечно, въ ту же минуту я мысленно остановился на добрѣйшемъ Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ, который, оставивши Толстыхъ, пріютился въ Орлѣ въ богатомъ магазинѣ своего пріятеля нѣмца-кондитера Зальмана. Видно было, что ширина денежныхъ оборотовъ кондитера совершенно подавляла Ѳедора Ѳедоровича, и достаточно было поговорить съ нимъ полчаса, чтобы узнать, что Зальманъ покупаетъ по 50-ти бочекъ сахару разомъ. Братъ Петруша любилъ Ѳедора Ѳедоровича, и потому нельзя было придумать лица болѣе пріятнаго брату для первой встрѣчи.

Въ тотъ же день я послалъ письмоводителя въ Орелъ за Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ, которому въ спутники приготовилъ благонадежнаго бывшаго слугу нашего Матвѣя, проживавшаго въ настоящее время въ качествѣ прикащика въ небольшомъ, но красивомъ имѣніи, купленномъ нами на берегу рѣки Неручи. На другой день оба нарочные, снабженные формальными удостовѣреніями и деньгами, отправились въ Варшаву.

Тѣмъ временемъ Л. Толстой писалъ:

1 марта 1876 г.

„Кажется, что я у васъ въ долгу письмомъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ; но отъ этого мнѣ всетаки не легче и всетаки хочется вашихъ писемъ и главное знать про васъ. Все ли живы и здоровы? У насъ все не совсѣмъ хорошо. Жена не справляется съ послѣдней болѣзни, кашляетъ, худѣетъ—и то лихорадка, то мигрень. А потому и нѣтъ у насъ въ домѣ благополучія и во мнѣ душевнаго спокойствія, которое мнѣ особенно нужно теперь для работы. Конецъ зимы и начало весны всегда мое самое рабочее время, да и надо кончить надоѣвшій мнѣ романъ.

„Напишите пожалуйста про себя и про брата Петра Аѳан.. который очень меня интересуетъ. Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Оленькѣ; я всегда надѣюсь, что у васъ

расшатается зубъ въ челюсти или въ молотилкѣ, и вы поѣдете въ Москву, а я разставлю паутину на Козловкѣ да и поймаю васъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

29 апрѣля 1876 г.

„Получилъ ваше письмо, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и изъ этого коротенькаго письма и изъ разговоровъ Марьи Петровны, переданныхъ мнѣ женою, и изъ одного изъ послѣднихъ писемъ вашихъ, въ которомъ я пропустилъ фразу: „*хотѣлъ звать васъ посмотрѣть, какъ я уйду*“, — написанную между соображеніями о кормѣ лошадямъ, и которую я понялъ только теперь, я перенесся въ ваше состояніе, мнѣ очень понятное и близкое, и мнѣ жалко стало васъ. И по Шопенгауэру, и по нашему сознанію, состраданіе и любовь есть одно и то же, — и захотѣлось вамъ писать. Я благодаренъ вамъ за мысль позвать меня посмотрѣть, какъ вы будете уходить, когда вы думали, что близко. Я тоже сдѣлаю, когда соберусь *туда*, если буду въ силахъ думать. Мнѣ никого въ эту минуту такъ не нужно бы было, какъ васъ и моего брата. Передъ смертью дорого и радостно общеніе съ людьми, которые въ этой жизни смотрятъ за предѣлы ея; а вы и тѣ рѣдкіе *настоящіе* люди, съ которыми я сходился въ жизни, не смотря на здравое отношеніе къ жизни, всегда стоятъ на самомъ краюшкѣ и ясно видятъ жизнь только отъ того, что глядятъ то въ нирвану, въ безпредѣльность, въ неизвѣстность, то въ сансару, и этотъ взглядъ въ нирвану укрѣпляетъ зрѣніе. А люди житейскіе, сколько они ни говори о Богѣ, непріятны нашему брату и должны быть мучительны во время смерти, потому что они не видятъ того, что мы видимъ, именно того Бога, болѣе неопредѣленнаго, болѣе далекаго, но болѣе высокаго и несомнѣннаго, какъ говорится въ этой статьѣ.

„Вы больны и думаете о смерти, а я здоровъ и не перестаю думать о томъ же и готовиться къ ней. Посмотримъ, кто прежде. Но мнѣ вдругъ изъ разныхъ незамѣтныхъ данныхъ ясна стала наша глубоко родственная мнѣ натура-душа

(особенно по отношенію къ смерти), что я вдругъ оцѣнилъ наши отношенія и сталъ гораздо больше чѣмъ прежде дорожить ими. Я многое, что я думалъ, старался выразить въ послѣдней главѣ апрѣльской книжки Русск. Вѣстника. Пожалуйста напишите Петѣ Борисову, чтобы онъ непремѣнно пріѣхалъ ко мнѣ и дня на три по крайней мѣрѣ. Я знаю, что это вамъ близко сердцу, и я не торопясь, безъ всякой предвзятой мысли и безъ желанія противорѣчить, высмотрю его и сообщу вамъ мое впечатлѣніе. Предвзятая мысль у меня будетъ одна: это сильнѣйшее желаніе полюбить его для васъ.

Вашъ *Л. Толстой*.

Излишне говорить, до какой степени мы обрадовались, когда въ комнату вошелъ братъ Петруша въ сопровожденіи Ѳедора Ѳедоровича. Конечно, моимъ нарочнымъ пришлось одѣвать Петра Аѳан. заново съ ногъ до головы. Матвѣй разсказывалъ, что на братѣ были невозможные сапоги. Приготовленнымъ ему у насъ помѣщеніемъ братъ остался совершенно доволенъ, и по врожденной крайней чистоплотности, вѣроятно, подъ вліяніемъ недавно пережитыхъ неудобствъ, по цѣлымъ днямъ плескался въ купальнѣ. Мало по малу онъ сталъ передавать отдѣльные моменты изъ фантастическаго своего странствованія, и изо всего мнѣ памятно только слѣдующее. Не знаю, запасся ли онъ въ Орлѣ заграничнымъ паспортомъ: но если и запасся,—вѣроятно, въ скоромъ времени его потерялъ. А какъ видовъ на желѣзныхъ дорогахъ не спрашиваютъ, между тѣмъ на пограничной станціи онъ необходимъ, то братъ прибѣгалъ къ услугамъ жидковъ, переносившихъ его на спинѣ въ видѣ контрабанды черезъ пограничное болото. Изъ Бокки Которской въ окрестности Цетиньи проводникомъ служила ему баба крестьянка, и затѣмъ на Черной горѣ братъ былъ любезно принятъ главнѣйшими руководителями движенія въ ихъ болѣе чѣмъ скромныхъ жилищахъ. Что странныхъ людей достаточно во всѣхъ странахъ — можно заключить изъ того, что молодой итальянецъ, сопутствовавшій брату тоже въ качествѣ добровольца, также не озаботился запастись ружьемъ, и они вмѣстѣ съ братомъ, усѣвшись на каменномъ обрывѣ,

слѣдили за перестрѣлкой между черногорцами и турками, причемъ одна пуля попала въ стоявшую между ними березку.

Л. Толстой писалъ:

12 мая 1876 года.

„Я уже дней пять какъ получилъ лошадь и каждый день сбираюсь и все не успѣваю написать вамъ. У насъ началась весенняя и лѣтняя жизнь, и полонъ домъ гостей и суеты. Эта лѣтняя жизнь для меня точно какъ сонъ; кое-что, кое-что остается изъ моей реальной зимней жизни, но больше какія-то видѣнія то пріятныя, то непріятныя изъ какого-то безтолковаго, неруководимаго здравымъ разсудкомъ, міра. Въ числѣ этихъ видѣній былъ и вашъ прекрасный жеребецъ. Очень намъ благодаренъ за него. Куда прислать деньги? Пожалуйста оставьте мнѣ и тѣхъ трехъ жеребцовъ, если позволите взять ихъ въ концѣ іюля или началѣ августа. Напишите пожалуйста, какой масти тѣ два жеребца отъ Гранита, о которыхъ вы говорили, и какая ихъ крайняя цѣна? Они меня очень соблазняютъ. Я перваго іюня собираюсь ѣхать въ Хрѣновую на нѣсколько дней, а жена въ Москву. Пожалуйста напишите Петѣ Борисову, чтобы онъ пріѣхалъ къ намъ. У меня событіе, занимающее очень меня теперь, это экзамены Сережи, которые начнутся 27-го. Что за ужасное лѣто! У насъ страшно и жалко смотрѣть на лѣсъ, особенно на молодыя поросли. Все погублено. Купцы уже стали ѣздить торговать пшеницу. Видно будетъ плохой годъ. Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

18 мая 1876 года.

„На ваше длинное и задушевное письмо я давно не отвѣчалъ оттого, что все былъ нездоровъ и не въ духѣ и теперь также, но пишу хотя нѣсколько строкъ. У насъ полонъ домъ народа: племянница Нагорная съ 2-мя дѣтьми, Кузминскіе съ 4-мя дѣтьми, и Соня все хвораетъ, и я въ унынiи и тупости. Одна надежда на хорошую погоду, а ея то и нѣтъ. Такъ какъ мы съ вами похожи, то вы должны знать это состоянiе: то

чувствуешь себя богомъ, что нѣтъ для тебя ничего сокрытаго, а то глупѣе лошади, и теперь я такой. Такъ не взыщите. До другаго письма.

Вашъ *Л. Толстой.*

21 іюля 1876 года.

„Я очень виноватъ передъ вами, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за то, что такъ давно не писалъ. Собираюсь каждый день писать, и все некогда, потому что ничего не дѣлаю. Первый и самый интересный для меня предметъ бесѣды съ вами, это Петя Борисовъ. Въ письмѣ, разумѣется, не скажешь всего (я надѣюсь, что мы скоро увидимся),—но онъ мнѣ очень понравился, въ особенности тѣмъ, что соединяетъ два рѣдкія качества: умъ и простоту. За послѣднее я особенно боялся; но онъ очень перемѣнился къ лучшему въ этомъ отношеніи.

„Теперь какъ бы намъ сдѣлать, чтобы увидаться? Если вы не измѣнили своего плана ѣхать въ августѣ на Грайворонку, мнѣ бы очень хотѣлось съѣздить туда вмѣстѣ съ вами. Для этого нужно мнѣ знать: 1) *хотите ли вы, чтобы я ѣхалъ съ вами?* 2) *когда именно вы ѣдете?* 3) *сколько времени продлится вся поѣздка?* Какъ ваше здоровье? Послѣднія извѣстія отъ васъ были хорошія. У меня недѣлю тому назадъ былъ Страховъ, съ которымъ, безпрестанно поминая васъ, я нафилософствовался до усталости. Если, Богъ дастъ, поѣдемъ въ Грайворонку, то приставимъ къ себѣ полицеймейстеромъ Петю, чтобы онъ не позволялъ говорить всю дорогу ни о философіи, ни о поэзіи, чтобы не было и помину ни о Л. Толстомъ, ни о Фетѣ. Л. Н. пріятель съ Фетомъ зимою, а лѣтомъ пусть будутъ едва ли не больше пріятели помѣщики: Толстой съ Шеншинымъ.

„Передайте нашъ поклонъ съ женою Марьѣ Петровнѣ. Жму руку Петру Аѳан. Желалъ бы послушать его разсказы о Герцеговинѣ, въ существованіе которой я не вѣрю.

„Я въ сентябрѣ собираюсь ѣхать въ Самару. Если Петръ Аѳан. не имѣетъ никакихъ плановъ на сентябрь, не поѣдетъ ли онъ со мною посмотрѣть киргизовъ и ихъ лошадей. Какъ бы весело было! Со мною еще ѣдетъ мой племянникъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Дождаться Льва Николаевича для совмѣстной поѣздки на Грайворонку мнѣ не удалось; а между тѣмъ Иванъ Александровичъ зазывалъ меня къ себѣ, чтобы посовѣтоваться на мѣстѣ о необходимыхъ экономическихъ постройкахъ. Такъ какъ, за отсутствіемъ почтоваго тракта на Грайворонку, переѣздъ туда на собственныхъ лошадяхъ былъ затруднителенъ, то мы обыкновенно прибѣгали къ слѣдующей уловкѣ: мы за два дня высылали свой экипажъ въ Ливны на постоялый дворъ, чтобы проѣхать въ немъ 75 верстъ до Грайворонки, а до Ливенъ доѣзжали въ одинъ день по Орловско-Грязской дорогѣ и идущей со станціи Верховья узкоколейной, раздражающей нервы своимъ черепашьимъ ходомъ по 15-ти верстъ въ часъ.

Сбираясь въ обратный путь, я выразилъ Ивану Александр. свое сомнѣніе насчетъ своевременнаго прибытія въ Ливны къ вечернему поѣзду, отходящему въ 7 часовъ. Найдутся ли на половинѣ дороги лошади, которыя у случайныхъ бѣдняковъ часто бываютъ далеко въ полѣ?

— Зачѣмъ же вамъ брать лошадей? отвѣчалъ Иванъ Александровичъ: мой Аѳанасій на моей привычной тройкѣ доставитъ васъ по теперешней хорошей дорогѣ въ шесть часовъ, и если вы отсюда выѣдете въ полдень, то какъ разъ будете въ Ливнахъ за часъ до поѣзда. Онъ только напоитъ лошадей на половинѣ дороги.

Припоздавъ немножко съ выѣздомъ, мы съ Аѳанасіемъ тронулись въ путь около 12-ти съ половиною часовъ дня. Можно было залюбоваться гнѣдою коренною маткою и двумя разношерстными пристяжными. Какъ онѣ спокойно, безъ малѣйшаго задора, пустились машистою рысью въ долгій путь. Правда, пыльная дорога съ боковымъ вѣтеркомъ была гладка, какъ шоссе, и равномѣрное движеніе тройки имѣло какой-то автоматическій характеръ. На половинѣ дороги Аѳанасій, подъѣхавъ къ деревенскому колодцу съ журавлемъ, вдоволь, къ немалому ужасу моему, напоилъ потныхъ лошадей, и автоматическое движеніе тройки началось снова.

Въ Ливнахъ съ моста пришлось подыматься по долгому и крутому каменному взъѣзду въ городъ, и потомъ проѣхать весь его до желѣзнодорожной станціи. Когда мы

остановились передъ нею, было ровно 6 часовъ. Такимъ образомъ тройка безъ особеннаго утомленія, безъ малѣйшаго удара возжей, пробѣжала почти 80 верстъ въ 5½ часовъ.

Оказалось, что поѣздъ отходитъ не въ 7 часовъ, а въ половинѣ восьмаго, и такимъ образомъ мнѣ приходилось провести 1½ часа, которые я не зналъ куда дѣвать. Въ томленіи я пошелъ по площади и, замѣтивъ растворенную калитку въ церковную ограду, надъ которою трепетали вершины разнородныхъ деревьевъ, вошелъ туда и очутился передъ прекрасною церковью, окруженною большимъ и тѣнистымъ кладбищемъ. Здѣсь, рядомъ съ весьма старинными надгробными камнями, возвышались если и не красивые, но зато весьма богатые памятники, на которые Ливенское купечество, видимо, не пожалѣло ни чугуна, ни гранита, ни мрамора. Чтобы продлить по возможности время, я не позволялъ себѣ миновать ни одного камня, не прочитавши на немъ всѣхъ надписей. Черезъ часъ, возвращаясь уже къ выходу, я наткнулся на обелискъ изъ простаго сѣраго песчаника. На одной изъ четырехъ его сторонъ были глубоко врѣзаны слова: *здѣсь погребено тѣло крестьянской дѣвицы Маріи;* съ другой стороны стояло: *здѣсь же погребенъ младенецъ женскаго пола.* На противоположной отъ имени усопшей сторонѣ было вырѣзано: *вотъ тебе другъ мой послѣдній отъ мене нарядъ.* А внизу: *отставной унтеръ-офицеръ такой-то.*

Никогда ни одна могильная надпись не производила на меня такого задушевно-нѣжнаго впечатлѣнія.

Недаромъ покойный зять нашъ Александръ Никитичъ всю жизнь жаловался на упрямство жены своей. Всѣ мы, не исключая и брата Петруши, чувствовали всю справедливость этого обвиненія, но никогда никто изъ насъ не предполагалъ, чтобы самобытныя выходки сестры способны были принимать игривый или шуточный характеръ. Между тѣмъ только подобнымъ предположеніемъ со стороны брата, часто навѣщавшаго сестру и принимавшаго живое участіе въ ея дѣлахъ, можно объяснить слѣдующую сцену. Какъ я уже выше замѣтилъ, окна въ кабинетѣ брата выходили къ подъѣзду, и изъ нихъ видны были всѣ прибывающіе въ усадьбу. Такъ, между прочимъ, я замѣтилъ проѣхавшаго парой въ таран-

тасикѣ письмоводителя становаго пристава. Какъ въ это утро засѣданія не было, я сидѣлъ у брата за большимъ письменнымъ столомъ, куря и о чемъ-то благодушно бесѣдуя. Около насъ усѣлся и любопытный до крайности Петя Борисовъ.

Въ комнату вошелъ мой письмоводитель и со словами: „отъ становаго пристава“—положилъ передо мною подписной листъ отъ предводителя дворянства въ пользу сербовъ. Такъ какъ я считалъ Сербію какимъ-то горячечнымъ бредомъ географіи, то, конечно, не подписалъ бы ничего; но какъ листъ былъ отъ предводителя, то совѣстно было написать: читалъ такой-то; и я, подписавъ рубль серебромъ, благодушно повернулъ листъ къ брату со словами: „не подпишешься-ли?“

— Это что же! воскликнулъ братъ, гнѣвно сверкнувъ глазами: эти рубли — знать, насмѣшка? это все Любинькины штуки! Но я положу этому конецъ. Гдѣ этотъ нарочный?

Съ этими словами братъ всталъ, растворилъ шкафъ и, взявши съ полки револьверъ, сталъ изъ коробочки вдвигать въ него патроны. Напрасно старался я доказывать, что трудно Любинькѣ поддѣлать оффиціальную бумагу,—раздраженіе брата зашло уже слишкомъ далеко, и настоятельно противодѣйствовать ему — значило подливать масло въ огонь. Не понимая этого, Петя, трусъ по природѣ, началъ приставать къ брату съ плаксивыми восклицаніями: „дядя! да помилуй! оставь!“

Выведенный изъ себя братъ, обращая револьверъ со взведеннымъ куркомъ на мальчика, воскликнулъ: „Петруша!“

Успѣвши уже раза съ два крикнуть племяннику: „отстань!“ — и видя безполезность моихъ увѣщаній, я громко крикнулъ брату: „валяй, валяй его, наповалъ! Это будетъ ему хорошимъ урокомъ, не вмѣшиваться, гдѣ его не спрашиваютъ!“

Все это произошло въ одинъ моментъ; братъ какъ будто опомнился, а Петруша въ одинъ мигъ превратился въ мѣловое изваяніе.

— Гдѣ онъ? крикнулъ братъ, направляясь къ дверямъ.— Я имъ покажу, что это за шутки! И онъ быстрыми шагами направился вдоль корридора къ дверямъ камеры, держа наготовѣ взведенный револьверъ.

Слѣдуя за братомъ по пятамъ, съ намѣреніемъ въ роковое мгновеніе ударить его по рукѣ, я издали закричалъ письмоводителю:

— А что сотскій, что привезъ бумагу,—уѣхалъ?

Къ счастію, письмоводитель догадался закричать намъ навстрѣчу: „уѣхалъ, давно уѣхалъ“. При этихъ словахъ братъ съ поднятымъ револьверомъ вошелъ въ камеру, въ которой спиною къ двери на передней скамьѣ сидѣлъ письмоводитель становаго пристава.

— Ну хорошо, что онъ уѣхалъ, сказалъ братъ, опуская револьверъ, и мы возвратились въ его кабинетъ. Не прошло двухъ минутъ, какъ я увидалъ рукавъ шинели письмоводителя, наброшенной въ накидку, развѣвающійся вслѣдъ за тарантасомъ, проносящимся мимо оконъ во весь духъ. Оказалось, что онъ и портфель свой съ бумагами оставилъ на скамьѣ въ камерѣ, со словами: „Богъ съ вами, тутъ лишь бы живу-то остаться!“

Хотя сестра Любовь Аѳанасьевна въ скорости по смерти мужа и спрашивала меня — куда ей дѣвать деньги?—и такъ испугалась моего опекунства, — то, что я предвидѣлъ, осуществилось въ полной мѣрѣ. Обильный урожай ржи оставался въ полѣ въ проростающихъ копнахъ, а неисправленная молотилка представляла въ пору молотьбы одну трату времени и платы рабочимъ.

Между тѣмъ половина августа настоятельно требовала зерна на посѣвъ.

— Любинька проситъ у тебя отпустить сто четвертей ржи, сказалъ братъ, вернувшись изъ Ивановскаго.

— Ты знаешь, отвѣчалъ я, что я равно избѣгаю брать и давать взаймы.

— Да ты отпусти не ей, а мнѣ, сказалъ братъ.

— Тебѣ,—другое дѣло,—такъ какъ для меня безразлично.— платить ли тебѣ рожью или деньгами.

Л. Толстой писалъ:

18 октября 1876 года.

„Не повѣрите, какъ ваше письмецо меня обрадовало, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ; лошади будутъ на Козловкѣ

въ середу 20 октября. „*Вотъ тебе другъ мой послѣдній отъ мине нарятъ*“—прелестно! Я это разсказывалъ раза два,—и всякій разъ голосъ у меня срывался отъ слезъ. Слова же, которыя вы мнѣ выписываете изъ Revue des deux mondes, я въ тотъ же день цитировалъ женѣ, какъ замѣчательно вѣрныя. Удивительно, какъ мы близко родня по уму и по сердцу.

Вашъ всею душой

Гр. Левъ Толстой.

13 ноября 1876 г.

„Что отъ васъ давно нѣтъ вѣсточки, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ? Здоровы-ли вы? Это главное. Ѣздилъ я въ Москву узнавать про войну. Все это волнуетъ меня очень. Хорошо тѣмъ, которымъ все это ясно; но мнѣ страшно становится, когда я начинаю вдумываться во всю сложность тѣхъ условій, при которыхъ совершается исторія; какъ дама какая нибудь А—ва, съ своимъ тщеславіемъ и фальшивымъ сочувствіемъ къ чему-то неопредѣленному,—оказывается нужнымъ винтикомъ во всей машинѣ.

„Пожалѣйте меня въ двухъ вещахъ: 1) негодяй кучеръ повелъ жеребцовъ въ Самару; подъ хуторомъ, уже въ 15-ти верстахъ, утопилъ Гуниба въ болотѣ, желая сократить дорогу. 2) Сплю и не могу писать; презираю себя за праздность и не позволяю себѣ взяться за другое дѣло.

„Передайте наши поклоны Марьѣ Петровнѣ и Оленькѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

7 декабря 1876 г.

„Письмо ваше съ стихотвореніемъ пришло ко мнѣ съ тою же почтой, съ которой привезли мнѣ и ваше собраніе сочиненій, которое я выписывалъ изъ Москвы. Стихотвореніе это не только достойно васъ, но оно особенно и особенно хорошо, съ тѣмъ самымъ философски поэтическимъ характеромъ, котораго я ждалъ отъ васъ. Прекрасно, что это говорятъ звѣзды. И особенно хороша послѣдняя строфа. Хорошо тоже,—что̀ замѣтила жена,—что на томъ же листкѣ, на ко-

торомъ написано это стихотвореніе, излиты чувства скорби о томъ, что керасинъ сталъ стоить 12 коп. Это побочный, но вѣрный признакъ поэта. Съ вашими стихотвореніями выписалъ я Тютчева, Баратынскаго и Толстаго. Сообществомъ съ Тютчевымъ я знаю, что вы довольны. Баратынскій тоже не осрамитъ васъ своей компаніей; Баратынскій настоящій, хотя мало красоты, изящества, но есть прекрасныя вещи.

Я понемножку началъ писать и очень доволенъ своею судьбой.

Вашъ *Л. Толстой.*

Будучи назначенъ завѣдующимъ военно-коннымъ пунктомъ при Городищенской волости, я приказалъ привести лошадей въ Степановку, какъ къ болѣе центральному мѣсту.

Когда началась пріемка, ко мнѣ подошелъ витія и политикъ Матвѣй Васильевичъ, бывшій лѣтъ пять единственнымъ нашимъ слугою и года четыре уже превратившійся изъ прикащика въ арендатора сосѣдняго нашего хутора на рѣкѣ Неручи.

— Прикажите, прошепталъ онъ, записать отъ меня добровольной поставкою воронаго мерина.

— Матвѣй, сказалъ я, ты знаешь, что я этого воронаго купилъ 5-ти-лѣткомъ у Александра Никит. за 60 рублей; а когда онъ проработалъ у меня 4 года, я уступилъ его тебѣ за 40 рублей; вѣдь онъ у тебя, должно быть, три или четыре года работаетъ, а ты хочешь его сдать въ казну за 90 руб. Извини, я на это несогласенъ.

12 сентября во Мценскѣ, по окончаніи засѣданія съѣзда, я совершенно равнодушно смотрѣлъ изъ окна, окропляемаго мелкимъ и холоднымъ дождемъ, на пріемку офицеромъ выбранныхъ мною для сдачи лошадей. Такъ какъ любопытнаго при этомъ было мало, то, не дождавшись конца, я уѣхалъ въ гостинницу. Вечеромъ приходитъ Матвѣй.

— А вѣдь я воронаго-то сдалъ въ казну, говоритъ онъ.

— Какъ такъ? спрашиваю я.

— На все надо умѣнье! отвѣчалъ онъ не безъ надменности.— Я сунулъ военному писарю синенькую,—вороной-то и поступилъ на службу.

Настала зима, выпалъ глубокій снѣгъ, и я не безъ удовольствія видѣлъ, что братъ усердно занялся выѣздкою молодыхъ лошадей. Совѣстно вспомнить, что я вторично простодушно попался на ту же самую штуку. Взявши наканунѣ 1000 рублей, братъ объявилъ, что ѣдетъ по дѣлу въ Орелъ; а черезъ недѣлю я получилъ изъ Кіева письмо, въ которомъ братъ указывалъ мнѣ адресъ своего кіевскаго пріятеля, который постоянно будетъ знать о мѣстѣ его нахожденія и служить передаточнымъ пунктомъ простой и денежной корреспонденціи. Въ то же время братъ сообщалъ, что отправляется въ Сербію добровольцемъ. Черезъ нѣсколько времени пріятель его сообщилъ мнѣ, что братъ купилъ себѣ верховую лошадь и испросилъ, если не ошибаюсь, на смотру въ Бѣлой Церкви, какъ милости, у Его Имп. Высочества Главнокомандующаго дозволенія поступить волонтеромъ въ казаки. Такимъ образомъ онъ и поступилъ въ казачій полкъ рядовымъ. Это было послѣднимъ, полученнымъ мною о братѣ, извѣстіемъ.

Въ этотъ зимній пріѣздъ въ Москву, мы снова остановились въ гостинницѣ *Парижъ*, и насмѣшливый Борисовъ презабавно представлялъ содержательницу француженку, ловившую его въ корридорѣ съ вопросомъ: „etes vous riche, monsieur?“

Такъ какъ Оленькѣ минуло 18 лѣтъ, то мы стали съ нею понемногу выѣзжать. Пришлось мнѣ раза два побывать и въ гостинницѣ Лондонъ, въ Охотномъ ряду, гдѣ на время остановилась Любовь Аѳанасьевна, и гдѣ у подъѣзда я каждый разъ находилъ ѣздившаго съ ея сыномъ, Катковскимъ лицеистомъ, лихача извощика съ пунцовымъ покрываломъ на рукѣ. Конечно, я не говорилъ ни слова, такъ какъ моего мнѣнія не спрашивали. Но и безъ этого мнѣнія дѣло не обошлось.

Однажды, когда въ гостиной сестры сидѣла ея золовка, съ которою мы познакомились въ началѣ нашихъ воспоминаній, Любовь Аѳанасьевна подошла ко мнѣ и сказала: „ты знаешь, nous avons decidé взять Володю отъ Каткова“.

По всему, что я видѣлъ, я этого ожидалъ, не взирая на то, что мальчикъ учился очень удовлетворительно и прекрасно

владѣлъ двумя древними и французскимъ и нѣмецкимъ языками, а потому я сказалъ только: „а!“

Госпожа С..., которой это было, очевидно, такъ же непріятно, какъ и мнѣ, не выдержала.

— Любинька, сказала она: ты говоришь: nous; могутъ подумать, что и я въ числѣ рѣшающихъ; говори лучше: moi.

Оказалось, что я понадобился для того, чтобы выручать вещи и книги юноши, тайно бѣжавшаго изъ школы.

По возвращеніи въ Степановку, мы нашли всѣ шкафы и комоды брата опустошенными и узнали, что сестра Любовь Аѳан., заботясь о братѣ, послала ему въ Молдавію всѣ прекрасныя его шубы и все бѣлье, тщательно нами приготовленное. Возможно ли было сомнѣваться въ томъ, что въ сумбурѣ внезапнаго похода всякая подобная частная посылка окажется приношеніемъ невѣдомому Ваалу? Не только подобные узлы, но даже застрахованные 1500 рублей, посланные мною на имя полковаго командира, были мнѣ по окончаніи войны пересланы обратно.

Между тѣмъ воззваніе въ пользу сербовъ облетало наши убогія веси, осуществляя пословицу: „съ міру по ниткѣ“. Бабы отличались усердіемъ въ приношеніи холста. Вначалѣ февраля я долженъ былъ ѣхать на сдачу выбранныхъ мною лошадей военному пріемщику, полковнику N... По глубокимъ снѣгамъ пришлось верстъ за 10 до Городищенской волости ѣхать гуськомъ. Когда часамъ къ четыремъ пріемка была окончена, я, въ виду цѣлаго голоднаго дня, проведеннаго нами на морозѣ, предложилъ полковнику заѣхать къ намъ пообѣдать, на что онъ съ удовольствіемъ согласился. Ѣхали мы сравнительно довольно рѣзво; но когда за версту до дому слѣдовало проѣзжать черезъ деревню Плоты, то, по причинѣ страшныхъ ухабовъ и разваловъ по заметенной снѣгомъ улицѣ, пришлось ѣхать шагомъ. Помню, какъ на тихій лязгъ колокольчика, на порогѣ избы показалась любопытная дѣвченка отъ 14—15 лѣтъ, босая и въ одной рубахѣ, грязной и засаленной до невозможности. Быть можетъ эта загрязненность рубахи была причиной того, что послѣдняя, вѣроятно, ломаясь какъ картонъ, порвалась прямо сверху внизъ, такъ что незнакомый съ костюмомъ

могъ бы принять, что дѣвочка обвѣшана неширокими фартуками.

— Знаете ли, обратился вдругъ ко мнѣ полковникъ: я только что изъ Сербіи, для которой мы сбираемъ вспомоществованіе; но я тамъ нигдѣ подобной нищеты не видалъ.

Въ подтвержденіе словъ полковника, я сообщилъ ему, что по скудости урожая, за неимѣніемъ топлива, по три семьи собрались на зимовку въ одну избу.

Л. Толстой писалъ:

11 января 1877 года.

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, повинную голову не сѣкутъ, не рубятъ! А я ужь такъ чувствую свою голову повинною передъ вами, какъ только можно. Но право я въ Москвѣ нахожусь въ условіяхъ невмѣняемости; нервы разстроены, часы превращаются въ минуты, и какъ нарочно являются тѣ самые люди, которыхъ мнѣ не нужно, чтобы помѣшать видѣть того, кого нужно. На праздникахъ былъ у насъ Страховъ, и вамъ вѣрно икалось: мы часто поминали васъ, и ваши слова, и мысли, и ваши стихи. Послѣднее „Въ звѣздахъ“ — я прочелъ ему изъ вашего письма, и онъ пришелъ въ такое же восхищеніе, какъ и я. Въ Русск. Вѣстникѣ перечли мы его съ женою еще. Это одно изъ лучшихъ стихотвореній, которыя я знаю. Со Страховымъ же я всегда говорю часто про васъ, потому что мы родня всѣ трое по душѣ. Что ваша служба? есть ли надежда на награду? Что Петръ Аѳан.? Нѣтъ ли извѣстій? Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Оленькѣ, не забывайте меня, не сердитесь и любите такъ же, какъ мы васъ любимъ.

Вашъ *Л. Толстой*.

5 марта 1877.

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, давно отъ васъ нѣтъ извѣстій, и мнѣ ужь чего-то недостаетъ и грустно. Напишите пожалуйста; какъ здоровье ваше и духъ? Посылаю нѣсколько стихотвореній *) 18-ти лѣтняго юноши. Что вы ска-

*) Не привожу стихотвореній, не представляющихъ интереса.

жете? Пожалуйста внимательно прочтите и скажите. У насъ все слава Богу.

Вашъ *Л. Толстой.*

23 марта 1877.

„Вы не повѣрите, какъ мнѣ радостно ваше одобреніе моего писанья, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и вообще ваши письма. Вы пишете, что въ Русск. Вѣстникѣ напечатали чужое стихотвореніе, а ваше *Искушеніе* лежитъ у нихъ. Такой тупой и мертвой редакціи нѣтъ другой. Они мнѣ ужасно опротивѣли не за меня, а за другихъ.

„Какъ въ казаки? Какимъ же чиномъ? И зачѣмъ въ Бѣлой Церкви? – Меня Петръ Аѳан. ужасно интересуетъ.

„Голова моя лучше теперь, но насколько она лучше, настолько я больше работаю. Мартъ и начало апрѣля самые мои рабочіе мѣсяцы, и я все продолжаю быть въ заблужденіи, что то, что я пишу, очень важно, хотя и знаю, что черезъ мѣсяцъ мнѣ будетъ совѣстно это вспоминать. Замѣтили ли вы, что теперь вдругъ вышла линія, что всѣ пишутъ стихи, очень плохіе, но пишутъ всѣ. Мнѣ штукъ пять новыхъ поэтовъ представилось.

„Извините за безтолковость и краткость письма. Хотѣлось только вамъ написать, чтобы вы помнили, что васъ любятъ и ждутъ въ Ясной Полянѣ. Наши поклоны вашимъ.

Л. Толстой.

14 апрѣля 1877 года.

„Послѣднее письмо ваше, писанное въ три пріема, слава Богу, не пропало. Я дорожу всякимъ письмомъ вашимъ и особенно такимъ, какъ это. Вы не повѣрите, какъ меня радуетъ то, что вы приписываете въ предпослѣднемъ, какъ вы говорите, „о сущности божества“. Я со всѣмъ согласенъ и многое хотѣлъ бы сказать, но въ письмѣ нельзя и некогда. Вы въ первый разъ говорите мнѣ о божествѣ — Богѣ. А я давно уже не переставая думаю объ этой главной задачѣ. И не говорите, что нельзя думать;—не только можно, но должно. Во всѣ вѣка лучшіе т. е. настоящіе люди думали объ этомъ.

И если мы не можемъ *такъ-же*, какъ они, думать объ этомъ, то мы обязаны найти—*какъ*. Читали ли вы: Pensées de Pascal? т. е. недавно на большую голову. Когда, Богъ дастъ, вы пріѣдете ко мнѣ, мы поговоримъ о многомъ, и я вамъ дамъ эту книгу. Если бы я былъ свободенъ отъ своего романа, котораго конецъ уже набранъ, и я поправляю корректуры, я бы сейчасъ по полученіи вашего письма пріѣхалъ къ вамъ. Такъ, я не знаю почему, ваше послѣднее письмо забрало меня за живое, т. е. дружбу къ вамъ. Ужасно хочется васъ видѣть.

„Поэтъ мой К..., которому я велѣлъ наизусть выучить то, что вы пишете мнѣ о немъ, написалъ тутъ же вамъ посланіе, очень плохое, но просилъ послать. Боюсь, что онъ болѣе стихотворецъ, чѣмъ поэтъ. Но какое милое стихотвореніе Полонскаго, оно напечатано въ Нивѣ.

„Прощайте до свиданія, пожалуйста пишите о себѣ, о своемъ здоровьи, хоть два слова. Жена кланяется вамъ и Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

Въ серединѣ лѣта совершенно неожиданно пріѣхалъ гр. Л. Н. Толстой вмѣстѣ съ гостившимъ въ это время у него Н. Н. Страховымъ, съ которымъ я за годъ передъ тѣмъ познакомился въ Ясной Полянѣ. Излишне говорить, до какой степени мы были рады дорогимъ гостямъ, столь богатымъ внутреннимъ содержаніемъ.

Чуткій эстетикъ по природѣ, графъ такъ и набросился на фортопіанную игру нашей M-lle Оберлендеръ. Онъ садился играть съ нею въ четыре руки, и такимъ образомъ они вмѣстѣ переиграли чуть ли не всего Бетховена.

— Знаете ли, говорилъ мнѣ графъ, что во время нашей юности подобныя пьянистки разъѣзжали по Европѣ и давали концерты. Она всякія ноты читаетъ такъ же, какъ вы стихи, находя для каждаго звука соотвѣтственное выраженіе.

Въ августѣ я сталъ побаиваться повторенія органическаго разстройства, отъ котораго нѣкогда спасенъ былъ благодѣтельною рукою профессора Новацкаго. Къ этому присоединилась зубная боль Оленьки, такъ что я рѣшился немедля ѣхать съ нею вдвоемъ въ Москву, гдѣ остановился на Пок-

ровкѣ въ пустомъ домѣ Боткиныхъ, проводившихъ лѣто на дачѣ въ Кунцевѣ. Такъ какъ Оленька по лѣтамъ своимъ могла только быть подъ попечительствомъ. а не подъ опекой, то я нисколько не препятствовалъ ея частымъ посѣщеніямъ пансіона Г-жи Эвеніусъ, во главѣ котораго уже года съ два тому назадъ стояла меньшая сестра, заступая мѣсто умершей его основательницы.

Наканунѣ обратнаго отъѣзда въ Степановку, Оленька попросила у меня разрѣшенія остаться на нѣсколько дней у Г-жи Эвеніусъ, сказавши, что присылать за нею никого не нужно, такъ какъ Г-жа Эвеніусъ даетъ ей въ провожатыя классную даму. Когда я сталъ укладывать свой небольшой чемоданъ. Оленька, увидавши довольно большой хлѣбный ножъ, сказала: „дядя, этотъ ножъ тебѣ возить въ чемоданѣ неудобно; позволь, я уложу его на дно моего деревяннаго сундука, гдѣ онъ ничего повредить не можетъ, а между тѣмъ никакой бѣды отъ того не будетъ, что я привезу его недѣлею позже въ Степановку.“

Такъ, къ общему удивленію домашнихъ, я вернулся въ деревню одинъ. Черезъ недѣлю прибыло письмо Оли съ просьбою о продленіи пребыванія въ Москвѣ,—исполненное любезныхъ ласкъ и извиненій. Затѣмъ письма стали приходить все болѣе короткія и формальныя, изъ которыхъ я убѣдился, что усердныя руки содержательницы пансіона уже не выпустятъ неопытную дѣвочку. Роковое письмо не заставило себя ждать: оно увѣдомило, что Оленька остается въ Москвѣ. Конечно, я въ тотъ же день отвѣчалъ, что ни опекуномъ, ни попечителемъ племянницы быть не желаю и прошу указать личности, которымъ я могу сдать все ея состояніе.

Такъ неожиданно разыгралось событіе, еще разъ указавшее мнѣ наглядно, что жизнь причудливо уводитъ насъ совершенно не по тѣмъ путямъ, которые мы такъ усердно прокладывали и расчищали. Ошибался ли я, или во мнѣ говорило инстинктивное чувство самосохраненія, но я вдругъ почувствовалъ себя окруженнымъ атмосферою недоброжелательства. рѣзко враждебнаго моимъ наилучшимъ инстинктамъ. Мирная, отстроенная, обросшая зеленью Степановка сдѣлалась мнѣ ненавистна. Я въ ней задыхался. На третій

день мы съ женою и неразлучнымъ Иваномъ Александровичемъ сидѣли на желѣзной дорогѣ въ Ливны, гдѣ ожидала высланная впередъ коляска, чтобы везти насъ на Грайворонку. На широкой степи близъ красивыхъ табуновъ я вздохнулъ свободнѣе, но при этомъ я старался не думать о предстоящемъ возвращеніи въ Степановку.

Въ день отъѣзда, послѣ завтрака жена моя ушла къ себѣ готовиться къ дорогѣ, а мы съ Иваномъ Александровичемъ все еще сидѣли въ столовой за круглымъ столомъ подъ лампою. Говорить не хотѣлось. Наступила минута, про которую говорятъ: „тихій ангелъ пролетѣлъ“. Торопливый маятникъ стѣнныхъ часовъ усердно отчеканивалъ свой педантическій счетъ.

— Знаете ли Иванъ Алекс., воскликнулъ я, до какой степени мнѣ противно возвращаться въ Степановку!

— Надобно, отвѣчалъ Остъ, отъ этого избавиться.

— Какимъ же образомъ?

— Ужь вы только поручите мнѣ: я Степановку продамъ, а вамъ сейчасъ же куплю, что вамъ будетъ по вкусу.

— Сердечно буду вамъ признателенъ, если вы такой волшебникъ; но тутъ есть сторона, которую не надо упускать изъ виду. Вспомните, что въ Степановкѣ нѣтъ дерева, нѣтъ куста, который бы не былъ насаженъ мною, при помощи Марьи Петровны. И если она не захочетъ принести добровольную жертву, отказавшись отъ жизни въ долговременно взлелѣянномъ ею саду, то прекрасныя наши мечтанія осуждены оставаться мечтами. А чтобы не томиться этимъ вопросомъ, пойду и тотчасъ же спрошу, согласна ли Марья Петровна на такую перемѣну.

Къ радости моей, я вернулся съ самымъ благопріятнымъ отвѣтомъ, и съ этой минуты начались наши общія вслухъ мечтанія. Не пріискавъ новаго пристанища, невозможно было продавать Степановки, и поэтому слѣдовало прежде найти подходящее имѣніе, въ которомъ должны были сосредоточиться качества, противоположныя Степановскимъ. Имѣніе должно было быть въ черноземной полосѣ, съ лѣсомъ, рѣкою, каменною усадьбой и въ возможной близости отъ желѣзной дороги.

На другой день по пріѣздѣ домой, Иванъ Алекс. отправился по желѣзной дорогѣ на югъ искать счастья.

Черезъ два дня мы получили слѣдующую телеграмму: „подходящее имѣніе близь Московско-Курской чугунки—850 десятинъ за 100 тысячъ нашелъ. Отвѣчайте Курскъ.“

Остъ.

Мы отвѣчали:

„Кончайте, задаточныя деньги получите банковымъ переводомъ изъ Москвы“.

Дня черезъ четыре вернувшійся Иванъ Алекс. разсказалъ слѣдующее:

„Конечно, я прежде всего бросился къ нотаріусамъ. И вотъ сижу я въ Курскѣ у нотаріуса и разсказываю ему о своей задачѣ. Въ конторѣ случился какой-то мужичекъ: „да вотъ, говоритъ, у насъ по сосѣдству сколько лѣтъ ужь продается имѣніе, какое вамъ надо,—сельцо Воробьевка наслѣдниковъ Ширковыхъ. А продаютъ его опекуны: графъ Сиверсъ да еще баринъ Гришинъ—что-ли, въ Харьковѣ ихъ хорошо знаютъ, да вотъ покупателей то все нѣтъ. Земля у крестьянъ въ арендѣ, лѣсу до 300 десят.; усадьба старинная, каменная; мельница на рѣкѣ“.

„Сбѣгалъ я посмотрѣть имѣніе въ 25-ти верстахъ отъ Курска по нашей желѣзной дорогѣ. Имѣніе мнѣ понравилось. Я захватилъ деньги изъ банка и бросился въ Харьковъ, гдѣ отыскалъ графа Сиверса, съ которымъ мы тотчасъ кончили дѣло въ два слова за 100 тысячъ рублей и купчую пополамъ. Вотъ и домашняя расписка въ полученіи пяти тысячъ задатку. Купчая должна быть совершена 1 ноября“.

На этомъ дѣло пока и остановилось, если не считать, что я, по просьбѣ Ивана Александр., всетаки проѣхалъ хоть мелькомъ взглянуть на окончательно приторгованную уже Воробьевку.

Побывавши въ паркѣ, въ лѣсу и осмотрѣвши усадьбу, я остался весьма доволенъ покупкою, но никакъ не настоящимъ состоянія имѣнія, къ которому приходилось усердно прикладывать руки.

Я уже имѣлъ случай въ перепискѣ съ Тургеневымъ выска-

зывать свое нерасположеніе появляться въ печати. Это же чувство заставило меня, не помню въ какомъ именно журналѣ, подъ разборомъ Анны Карениной, подписать фамилію моего письмоводителя *Болювъ*.

Л. Н. Толстой писалъ:

1 сентября 1877 г.

„Нынче утромъ самъ повезъ вамъ отвѣтъ на письмо со статьею на Козловку и получилъ ваше письмо. Статью Болгова проглотилъ и только сокрушался, что онъ не отдѣльное новое лицо, — былъ бы новый другъ. Послалъ статью Страхову.

„Очень грустно мнѣ за васъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за чувство, которое въ васъ долженъ былъ вызвать послѣдній домашній эпизодъ; но я всегда за себя и за близкихъ утѣшаюсь, что все къ лучшему. Можетъ быть вамъ пришлось бы испытать болѣе тяжелыя чувства. Теперь вы спокойны, только обидно, что ваши труды у васъ не на лицо.

Вашъ *Л. Толстой*.

2 сентября 1877 г.

„Какъ мало на свѣтѣ настоящихъ умныхъ людей, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! появился было Г-нъ Болговъ, и какъ я обрадовался ему, но и тотъ тотчасъ же обратился въ васъ. Можно не узнать произведеніе ума, къ которому равнодушенъ, но произведеніе ума любимаго, выдающее себя за чужое, такъ же смѣшно и странно видѣть, какъ если бы я пріѣхалъ къ вамъ судиться и, глядя на васъ во всѣ глаза, увѣрялъ бы, что я адвокатъ Петровъ. Не могу хвалить вашей статьи, потому что она хвалитъ меня; но я вполнѣ согласенъ съ нею; и мнѣ очень радостно было читать анализъ своихъ мыслей, при которомъ всѣ мои мысли, взгляды, сочувствія, затаенныя стремленія поняты вѣрно и поставлены всѣ на настоящее мѣсто. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы она была напечатана; хотя я обращалъ къ вамъ то, что вы говорили мнѣ, знаю, что почти никто не пойметъ ея.

„Я все это время охочусь и хлопочу объ устройствѣ нашего педагогическаго персонала на зиму. Ѣздилъ въ Москву въ поискахъ за учителемъ и гувернеромъ. Нынче же чувствую себя совсѣмъ больнымъ. Вы не пишите о себѣ, стало быть хорошо Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Не помню, по какому случаю мы съ Иваномъ Александр. поѣхали въ Орелъ. На вокзалѣ Остъ объявилъ, что прежде чѣмъ пріѣхать ко мнѣ въ гостинницу, онъ думаетъ побывать у жестокаго кулака купца, сосѣда, приторговывавшаго смежную съ его землею Степановку, при самыхъ стѣснительныхъ для насъ условіяхъ.

— И охота вамъ, Иванъ Александровичъ, сказалъ я, понапрасну набиваться этому кулаку. Воробьевка намъ понадобилась, такъ мы сами нашли покупателя. Впрочемъ, дѣлайте, какъ хотите. Я велю подать самоваръ и буду поджидать васъ.

Когда черезъ полчаса я усѣлся въ номерѣ за самоваромъ,— вошелъ и Иванъ Александровичъ.

— Ну что? съ неудовольствіемъ спросилъ я.

— Продалъ Степановку,—былъ отвѣтъ.

— Что вы! воскликнулъ я.

— Вотъ и домашняя запродажная расписка, а вотъ и тысяча рублей задатку, сказалъ онъ, кладя передъ мною то и другое.

— Вотъ ужь, сказалъ я, вы въ полномъ смыслѣ заслуживаете прозванія: магъ и волшебникъ.

Степановка была продана за 30 тысячъ, изъ коихъ десять должны были быть уплачены при совершеніи купчей, а двадцать—въ іюнѣ 1878 года. Лошади и рогатый скотъ должны оставаться до отправленія въ Воробьевку на подножный кормъ, т. е. до конца мая. Весь урожай настоящаго года долженъ поступить въ нашу пользу.

Купчая въ скоромъ времени была совершена и девять тысячъ въ уплату получены, а затѣмъ, такъ какъ срокъ совершенія купчей на Воробьевку приближался, Иванъ Александр. уѣхалъ въ Курскъ. Не обошлось и тутъ безъ передрягъ, и Воробьевка въ свою очередь подтвердила пословицу: „сгово-

ренная невѣста всему свѣту мила". Когда Остъ явился къ опекуну графу Сиверсу, послѣдній подалъ ему телеграмму отъ петербургскаго сонаслѣдника по имѣнію, гласившую: „возвращаю Шеншиной задатокъ въ двойномъ количествѣ и надбавляю пять тысячъ".

Послѣ небольшихъ переговоровъ, Остъ надбавилъ пять тысячъ, и графъ отвѣчалъ телеграммой: „Воробьевка безповоротно продана Шеншиной".

При вторичномъ общемъ нашемъ и болѣе подробномъ осмотрѣ усадьбы, оказалось, сколько хлопотъ и труда требовало ея мало-мальское благоустройство. Насъ съ женою встрѣтила старушка генеральша въ желтой турецкой шали и, указывая на валяющіеся по полу огрызки моркови, яблокъ, картофельныя корки и пустую яичную скорлупу,—проговорила: „ужь извините,—вотъ крѣпостныхъ-то нѣтъ и чистоты нѣтъ".

На высокихъ и сырыхъ стѣнахъ парадныхъ комнатъ когда то прекрасные обои висѣли каскадами; о домашнихъ комнатахъ и говорить было нечего. Въ домѣ съ двойными рамами не было окна, въ которомъ разбитыя бѣлыя стекла не были залѣплены осколками зеленаго. Взобравшись съ Остомъ на мезонинъ, мы полюбопытствовали осмотрѣть и чердакъ, чтобы убѣдиться въ благонадежности желѣзной крыши. Когда въ полумракѣ мы бережно пробирались по мусору, я вдругъ невольно вскрикнулъ: „ай!"

— Что съ вами? испуганно спросилъ Иванъ Александр.

— Да помилуйте, тутъ цѣлая половина антресолей занята чердакомъ, который, какъ видите, снабженъ сходными ступенями, вѣроятно, съ цѣлью развѣшиванія бѣлья. Если высота этого чердака дозволитъ, то тутъ выйдетъ три большихъ жилыхъ комнаты, которыхъ въ домѣ такъ мало.

Оказалось, что, строившій усадьбу за сто лѣтъ тому назадъ, помѣщикъ Ртищевъ не любилъ, чтобы у него ходили надъ головой, и потому занялъ верхъ надъ парадными комнатами чердакомъ. Конечно, первой заботою нашею было смѣрить высоту чердака отъ пола до верхнихъ балокъ. — Увы! она оказалась всего въ три аршина, чего очевидно было слишкомъ мало; — и вотъ съ этой минуты мысль о поднятіи по-

толка надъ чердакомъ, не трогая желѣзной крыши, сдѣлалась моею маніей.

Такъ какъ дѣло покупки было уже безповоротно рѣшено, то я бросился въ Москву, съ тѣмъ чтобы взять у Боткиныхъ принадлежавшіе мнѣ билеты учетнаго банка на сумму 80-ти тысячъ; а такъ какъ денегъ на покупку Воробьевки всетаки не хватало, то я попросилъ контору Боткиныхъ ссудить меня 20-ю тысячами до полученія въ іюнѣ этой суммы съ покупателя Степановки. Когда наконецъ мы всѣ съѣхались въ Курской гостинницѣ, и женѣ моей оставалось только получить купчую, я отправился къ графу Сиверсу съ деньгами и пакетомъ билетовъ, съ приложеніемъ разсчета процентовъ по номерамъ, тщательно исполненнаго бухгалтеромъ Боткинской конторы. Такъ какъ сумма и срокъ билетовъ былъ неодновременный, то для точнаго вычисленія процентовъ по текущій день требовалось много вниманія и навыка. И вотъ двое опекуновъ и мы съ Остомъ пустились въ ариѳметическія выкладки, результаты которыхъ въ каждомъ билетѣ хотя незначительно, но расходились, а въ общей суммѣ представляли извѣстную разницу. Съ своей стороны я предавался такимъ вычисленіямъ только изъ желанія убѣдить графа въ вѣрности сдаваемыхъ ему денегъ; но встрѣтившись нѣсколько разъ съ нежданной убылью и прибылью суммы противъ обозначенной у бухгалтера, самъ графъ наконецъ воскликнулъ: „знаете что, господа! — это считалъ спеціалистъ. Ужь не остановиться ли намъ на его цифрѣ?“

— Графъ, я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, сказалъ я, передавая бумаги и получая купчую.

Въ тотъ же день графъ, явившись къ обѣду въ нашъ номеръ, принесъ женѣ моей великолѣпную бонбоньерку; и мы разъѣхались. Чтобы сдѣлать Воробьевскій домъ къ ранней веснѣ жилымъ, нельзя было тратить ни минуты времени. И вотъ въ то время, какъ жена моя была озабочена пересылкою на наемныхъ подводахъ всей мебели, посуды, книгъ и прочаго имущества, даже кактусовъ и привезеннаго изъ Тургеневскаго Спасскаго каштана—въ Воробьевку, мы съ Иваномъ Александр. забрались въ кабинетъ пустыннаго Воробьевскаго дома, куда заблаговременно выписали съ Грайво-

ронки стариннаго искуснаго мастера Антона печника. Пріѣхалъ днемъ раньше Антона его широкоплечій помощникъ и пошелъ шагать съ нами по холодному корридору дома, слушая приказанія Ивана Александровича о томъ, что печи слѣдуетъ перекладывать, не трогая зеркалъ, выходящихъ въ парадныя комнаты. Когда мы проходили мимо одной печки, печникъ, ударяя по ней широкой ладонью, съ прохладцемъ проговорилъ: „вотъ, Богъ дастъ, придетъ весна, и мы ихъ всѣ переложимъ".

— Ну, ты, братъ, поѣзжай назадъ на Грайворонку, сказалъ Остъ:—и тамъ ужь дожидайся весны; а здѣсь надо сейчасъ же ломать и перекладывать.

— Да какъ же теперь, стыть пойдетъ? такъ какъ же тутъ работать-то?

— А ты не знаешь какъ на горячей водѣ работаютъ? Такъ и ступай на Грайворонку!

— Что-жь! мы и на горячей водѣ можемъ съ нашимъ удовольствіемъ!

Еще при послѣдней поѣздкѣ въ Москву, я старался заговаривать съ инженерами по вопросу о поднятіи потолка, не трогая стропилъ и крыши; но не получилъ ни отъ кого удовлетворительнаго отвѣта.

Однажды ночью во время безсонницы я нашелъ искомое разрѣшеніе, и только слыша глубокій сонъ Оста, не рѣшился его будить; но не успѣлъ онъ утромъ раскрыть глазъ, какъ я ему крикнулъ: „а вѣдь я додумался, какъ поднять потолокъ! надо на существующія балки внутри подъ крышу взрубить два вѣнца, что прибавитъ $^1/_2$ аршина высоты, и сверхъ этихъ то вѣнцовъ скрѣпить стропила повыше новыми балками, и когда это будетъ исполнено, нижнія балки обрѣзать за подъ-лицо съ возведенными вѣнцами. Это будетъ и дешево, и сердито".

Конечно, при передѣлкѣ и поправкѣ запущенныхъ построекъ, надо было по возможности пользоваться старинным матеріаломъ, какого въ нашъ прогрессивный вѣкъ уже не существуетъ. Такъ превосходные полы парадныхъ комнатъ слѣдовало перестлать во вновь устраиваемомъ верхнемъ помѣщеніи, а въ парадныя комнаты слѣдовало положить паркетъ. Домъ по очисткѣ отъ пыли, грязи и плѣ-

сени предстояло переклеить новыми обоями; изъ заброшенныхъ кухни и флигеля вывезти цѣлыя горы грязи, кирпичу и битой посуды, а затѣмъ передѣлать разрушенныя печи и прогнившіе полы. Прибывшая изъ Степановки мебель размѣстилась въ прекрасныхъ и пустыхъ каменныхъ амбарахъ, такъ какъ Воробьевскія поля состояли уже 30 лѣтъ въ арендѣ у крестьянъ.

Понятно, что въ опустѣвшемъ Степановскомъ домѣ жить было невозможно, и мнѣ приходилось ѣхать сначала во Мценскъ для заявленія съѣзду, что по перемѣнѣ мѣста жительства продолжать быть участковымъ мировымъ судьею не могу, а затѣмъ и въ Москву за паркетомъ, обоями, замками, зеркалами, взамѣнъ оказавшихся въ домѣ разбитыми и т. п. Въ это время наша Моск.-Курская желѣзная дорога имѣла видъ передвижнаго лагеря. Войска, раненые, а впослѣдствіи и военно-плѣнные на всѣхъ запасныхъ путяхъ станцій. Помню небольшой эпизодъ, разсказанный мнѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, тогдашнимъ мценскимъ предводителемъ дворянства.

— Получаю, говорилъ онъ, увѣдомленіе о передачѣ намъ во Мценскѣ 35-ти раненыхъ. Конечно, я бросился по знакомымъ купеческимъ и обывательскимъ домамъ и къ назначенному дню приготовилъ какъ надлежащее количество лошадей для перевозки раненыхъ, такъ и соотвѣтственное число коекъ, врачей и фельдшеровъ. Въ ночи мы съ городскимъ головою, полицеймейстеромъ и главнымъ докторомъ отправились на станцію желѣзной дороги, и въ 12 часовъ въ темную ночь пришелъ поѣздъ съ багажными вагонами, гдѣ на скудной соломенной подстилкѣ при 25-ти градусахъ мороза лежали раненые. На платформу вышелъ полковникъ и, узнавши во мнѣ предводителя, спросилъ: „сколько мнѣ вамъ ихъ выкинуть?“

— Помилуйте, полковникъ, отвѣчалъ я, — выкидываютъ только замороженныя туши, а мнѣ указано принять 35 раненыхъ.

„При помощи желѣзнодорожной и нашей прислуги, раненыхъ стали наскоро выносить и складывать на платформѣ, а затѣмъ поѣздъ свистнулъ и скрылся во мракѣ, сверкая

своимъ заднимъ фонаремъ. Когда мы стали подбирать раненыхъ для отправки въ лазаретъ, оказалось, что полковникъ дѣйствительно выкинулъ пять человѣкъ лишнихъ. Надо было ночью поднимать суетню, связанную съ помѣщеніемъ нежданныхъ пяти человѣкъ. Когда раненымъ, уложеннымъ на койкахъ, предложили согрѣться приготовленнымъ для нихъ чаемъ съ калачами, они единогласно объявили, что не хотятъ ничего.

„Дайте, говорятъ, намъ полежать въ теплой комнатѣ, лучше этого ничего не можетъ быть“. Оказалось, что у несчастныхъ раны изъ Болгаріи не перевязаны. При благопріятныхъ условіяхъ раненые скоро стали поправляться“.

Наконецъ паркетъ и прочія строительныя принадлежности были высланы изъ Москвы въ Воробьевку, и, не взирая на энергическую дѣятельность Ивана Александр., мнѣ пришлось самому пріѣхать въ Воробьевку, гдѣ единственно свободнымъ помѣщеніемъ оказалась комната при кухнѣ. Тамъ поставлены были наши двѣ складныхъ кровати и письменный столъ, служившій въ то же самое время и обѣденнымъ, и мы съ Остомъ ревностно занялись планами неотложныхъ перемѣнъ, связанныхъ съ переходомъ владѣльческой земли отъ крестьянской къ экономической запашкѣ. Оказалось, что съ открытія весны слѣдуетъ строить хотя леймпачный конный дворъ съ помѣщеніями для имѣющаго прибыть изъ Степановки коннаго завода, перекрыть болѣе полдюжины крышъ желѣзомъ на мѣсто сгнившихъ тесовыхъ и соломенныхъ и выстроить въ теченіи лѣта на противоположной сторонѣ рѣки отдѣльный хозяйственный хуторъ, вырывъ для него первоначально колодезь.

XII.

Письмо Н. В. Гербеля.—Постройка хутора.—Письмо брата и пріѣздъ его въ Воробьевку.—Письмо сестры Любовь Аѳан. къ брату.—Пріѣздъ племянника. — Отъѣздъ брата. — Пріѣздъ Н. Н. Страхова. — Примиреніе Л. Толстаго и мое съ Тургеневымъ. — Разговоръ съ Петей Борисовымъ по поводу его имѣній. — Поѣздка во Мценскъ. — Свиданіе въ Орлѣ съ сестрою. — Извѣстія о братѣ. — Встрѣча съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ. — Учительница. — Свиданіе съ Олей Ш—ой. — Смерть Любовь Аѳанасьевны.—Фаустъ.

Въ моихъ запискахъ я нигдѣ не упомянулъ о любезномъ Ник. Вас. Гербелѣ, поручикѣ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, съ которымъ познакомился тотчасъ-же по прибытіи въ Петербургъ и переводѣ моемъ въ лейбъ-гвардіи уланскій Его Высочества полкъ; многочисленные и добросовѣстные труды Ник. Вас. показываютъ, до какой степени онъ былъ преданъ дѣлу русской литературы. Но потому ли, что я никогда не состоялъ съ нимъ въ особенно близкихъ сношеніяхъ, или почему либо другому, я никогда не могъ опредѣлить его личнаго характера. Полагаю, что и самъ онъ не очень былъ способенъ различать основные образы мыслей отдѣльныхъ людей.

Отъ 28 декабря 1877 г. онъ писалъ мнѣ:

„Многоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Ваше дружеское и теплое письмо очень меня порадовало, тѣмъ болѣе, что я былъ въ это время глубоко огорченъ только что полученнымъ мною извѣстіемъ о смерти Некрасова, съ которымъ я былъ постоянно въ дружескихъ отношеніяхъ въ теченіи цѣлыхъ 26-ти лѣтъ, и со смертью котораго разрываются мои послѣднія связи съ литературой, теперешній составъ кото-

рой мнѣ почти чуждъ и вовсе не по сердцу. Некрасовъ умеръ вчера въ 8 час. вѣчера послѣ 15-ти часовой агоніи, исполненной нечеловѣческихъ страданій. Послѣдніе 10 мѣсяцевъ его жизни до и послѣ страшной операціи, вынесенной имъ съ величайшимъ терпѣніемъ, были непрерывною цѣпью мученій, доходившихъ иногда дотого, что стоны его слышались изъ третьей комнаты, куда послѣднее время никого уже не пускали. Послѣдній разъ я видѣлъ его три недѣли тому назадъ. Я засталъ его сидѣвшимъ за столомъ, на которомъ были разложены газеты. Онъ такъ измѣнился, что я его почти не узналъ. Лицо страшно вытянулось и осунулось; худоба была неимовѣрная,—именно, что называется, кожа да кости. Голоса его почти невозможно было разслушать. Вчера въ 2 часа пополудни я видѣлъ его уже на столѣ. Лицо его совершенно потемнѣло и сдѣлалось рѣшительно неузнаваемо. Я былъ всѣмъ этимъ дотого глубоко пораженъ, что слезы буквально полились изъ моихъ глазъ, и я цѣлый часъ не могъ придти въ себя. Потеря ужасная, особенно при теперешней безталанности молодаго поколѣнія, не производящаго ничего мало-мальски замѣчательнаго. Миръ праху твоему, поэтъ!

„Если вы доставите мнѣ свой переводъ „Границы человѣчества“, то весьма обяжете. Не переведете ли вы еще что нибудь изъ Гёте? Деньги за „Германа и Доротею“ 100 руб. мною будутъ сегодня же переданы въ контору Боткина.

Искренно васъ уважающій

Николай Гербель.

Жена моя пріѣхала изъ Москвы по послѣднему санному пути въ мартѣ мѣсяцѣ, и мы заняли единственно отдѣланную и обитаемую комнату спальню, въ которую надо было пробираться по клѣткамъ накатника, на который еще не успѣли наложить паркетъ. Но по мѣрѣ накладки его, мы, такъ сказать, завоевывали одну комнату за другой изъ подъ рукъ столяровъ, маляровъ и оклейщиковъ.

Расчистили снѣгъ въ паркѣ по дорожкѣ къ теплицѣ, откуда нанесли олеандровъ въ цвѣту, кипарисовъ, филодендроновъ и

множество цвѣтовъ. Но несчастная, крытая соломой, хотя и каменная теплица грозила окончательнымъ разрушеніемъ и настоятельно требовала кореннаго исправленія. Словомъ, куда ни обернись, всюду предстояла безотлагательная поправка, начиная съ каменной террасы передъ балкономъ, чугунныя плиты которой были покрыты грудою развалившихся каменныхъ столбовъ. На мѣсто, выбранное нами съ осени для хутора, перевезены уже были по зимнему пути и дубовые срубы для жилой избы и для будущаго колодца, рыть который пришли мало-архангельскіе копачи.

Изба была совершенно готова, и печка въ ней сложена: но когда подняли высокую временную, соломенную крышу, то, съ одной стороны, никакъ не могли вызвать для окончанія высокой трубы загулявшаго печника, а съ другой, по причинѣ разлившейся рѣки, невозможно было переѣхать черезъ рѣчку, а слѣдовательно, и доставить за 5 верстъ нехватающихъ кирпичей. Между тѣмъ вывесть трубу была крайняя необходимость, такъ какъ рабочіе колодезники мучительно зябли въ ночные морозы въ нетопленой избѣ.

Напрасно Иванъ Александр. ежедневно уговаривалъ и бранилъ добродушнаго мужика и искуснаго печника Павла. „Завтра, говорилъ Павелъ, безпремѣнно пойду“. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Тѣмъ временемъ мы пришли къ слѣдующему заключенію. Съ утра и до обѣда верхомъ легко четыре раза съѣздить на хуторъ и назадъ и послѣ обѣда столько же разъ. Если десяти работникамъ дать въ концы перекиднаго мѣшка по пяти кирпичей, т. е. по десятку, то такимъ образомъ можно въ бродъ черезъ рѣку переслать въ день на хуторъ 800 кирпичей, что и было нами исполнено.

Однажды, когда Иванъ Александр. обходилъ работы, на колѣни передъ нимъ упалъ печникъ Павелъ, восклицая: „простите меня, Иванъ Александровичъ!“

— Встань! что тебѣ надо? сказалъ Остъ.

— Ни за что не встану! простите Бога ради! Это онъ меня все водитъ. Проснусь и говорю: „сегодня ни за что не пойду“. А онъ и говоритъ: „Павелъ, сходи“. — „Нѣтъ, говорю, не пойду“.—„Эй, говоритъ, лучшей ступай!“—Махну рукой, переѣду въ лодкѣ и пройду мимо кабака; „а не то, говоритъ,

Павелъ, вернись".—„Не вернусь, говорю".—„Эй, Павелъ, вернись, говорю тебѣ".—Глядишь, и вернулся, и пропалъ".

Наконецъ и онъ какъ-то допустилъ Павла довести трубу, и колодезникамъ стало по ночамъ тепло.

Боже мой, если бы люди, навязывающіе намъ изъ городовъ неподсильныя улучшенія, присмотрѣлись на дѣлѣ, съ какими первобытными пріемами неизбѣжно связаны наши сельскія производства, то не дивились бы, подобно одному образованному чиновнику, почему болотомъ по проселку такъ грязно, тогда какъ по Невскому такъ гладко. Наше дѣло было посажённо заплатить колодезникамъ, ушедшимъ уже сажень на 12 въ глубину. Но надо было видѣть ихъ снаряды, неумѣлость, которую главный копачъ, стоя по колѣни въ ледяной водѣ и обливаемый сверху ловкими товарищами, восполнялъ большимъ количествомъ водки, про которую говорилъ, что „надо ее брать съ собою туда въ колодезь".

Л. Н. Толстой писалъ отъ 27 января 1878 года:

„Къ моему великому несчастію, предположенія ваши невѣрны, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, я не только не за работой, но вамъ не отвѣчалъ потому, что все это время былъ нездоровъ. Послѣднее время я даже лежалъ нѣсколько дней. Простуда въ разныхъ видахъ: зубы, бокъ,—но результатъ тотъ, что время проходитъ, мое лучшее время, и я не работаю. Спасибо вамъ, что не наказываете меня за молчаніе, а еще награждаете, давъ намъ первымъ прочесть ваше стихотвореніе. Оно прекрасно, на немъ есть тотъ особенный характеръ, который есть въ вашихъ послѣднихъ, столь рѣдкихъ, стихотвореніяхъ. Очень они компактны, и сіяніе отъ нихъ очень далекое. Видно, на нихъ тратится ужасно много поэтическаго запаса. Долго накопляется, пока кристаллизируется. „*Звѣзды*", это и еще одно изъ послѣднихъ — одного сорта. Въ подробностяхъ же вотъ что. Прочтя его, я сказалъ женѣ: „стихотвореніе Фета прелестное, но одно слово нехорошо". Она кормила и суетилась, но за чаемъ, успокоившись, взяла читать и тотчасъ же указала на то слово, которое я считалъ нехорошимъ: „*какъ Боги*". Страховъ мнѣ пишетъ, спрашивая о васъ; я далъ ему вашъ адресъ. Нашъ душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ. Дай вамъ Богъ устраивать по-

лучше и подольше не устроить, а то скучно будетъ. До слѣдующаго письма,—нынче некогда.

Вашъ *Л. Толстой.*

P. S „Главное быть здоровымъ и меня любить по старому".

25 марта 1878 года.

„Не сердитесь на меня, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за то, что давно не писалъ. Виноватъ. А вы, добрый человѣкъ, не покидаете меня, зная, что мнѣ нужно знать, *что* вы существуете въ Будановкѣ. Я на прошлой недѣлѣ былъ послѣ 17-ти лѣтъ въ Петербургѣ для покупки у генерала Б... самарской земли. Это оттуда Фета *просятъ* написать стихи на смерть *двигателя* *)! Вашъ генералъ хорошъ, но я тамъ видѣлъ пару генераловъ орловскихъ, такъ жутко дѣлается; точно между двухъ путей стоишь, и товарные поѣзды проходятъ. И чтобы перенестись въ душу этихъ генераловъ, я долженъ вспоминать рѣдкія въ моей жизни дни пьянства или самаго перваго дѣтства.

Вашъ *Л. Толстой.*

Въ самый разливъ рѣки, на лодкѣ получено было письмо, на которомъ я узналъ руку брата. Онъ писалъ, что на дняхъ прибылъ черезъ Константинополь въ Одессу, гдѣ ходитъ еще въ казацкомъ платьѣ, не имѣя средствъ перемѣнить его на штатское. А такъ какъ послѣ всего, что было, ему невозможно жить въ Россіи иначе, какъ на ея окраинахъ, то онъ рѣшился основаться въ Одессѣ, гдѣ нашелъ стараго университетскаго товарища, который уступаетъ ему свою торговлю учебными принадлежностями за 5000 рублей, которые братъ проситъ меня немедленно ему переслать.

Первою моею мыслью было: слава Богу, живъ человѣкъ,— а второю: нашелся добрый человѣкъ, желающій сбыть ему

*) Меня дѣйствительно просили воспѣть смерть лично знакомаго мнѣ политическаго дѣятеля. Я, конечно, отказался, по совершенной неспособности къ подобнаго рода стихотвореніямъ.

аспидныхъ досокъ, карандашей и тетрадокъ—цѣнностью на 200 рублей—за 5000. Но такъ какъ увѣщанія въ этомъ случаѣ не помогутъ, то приходится дѣлать, что можно. И я написалъ брату: „у насъ рѣки разлились. Поэтому до возстановленія путей сообщенія о присылкѣ неимѣющихся у меня на лицо пяти тысячъ нечего и помышлять. Но чтобы не оставить тебя въ крайности, посылаю нарочнаго верхомъ черезъ воды въ почтамтъ съ приложеніемъ тысячи рублей, а недѣли черезъ двѣ пришлю и остальныхъ четыре.

Зная, что единственно крупнымъ событіемъ въ жизни брата было замужество любимой имъ дѣвушки съ другимъ, я писалъ ему, что не вижу въ этомъ причины держаться по окраинамъ родины, такъ какъ такія обстоятельства дотого многочислены. что большая часть мужчинъ заселила бы всѣ отечественныя окраины. При этомъ я объяснилъ брату наше переселеніе въ Воробьевку и спрашивалъ, не обрадуетъ ли онъ насъ своимъ пріѣздомъ?

Весна наступила теплая и обворожительная. 25 марта мы уже въ лѣтнихъ одеждахъ ходили по парку, и посѣянный нами овесъ сталъ уже всходить. Въ виду полнаго благорастворенія воздуха, мы приглашали нашихъ гостепріимныхъ московскихъ хозяевъ Боткиныхъ пріѣхать къ намъ со всѣмъ семействомъ и получили ихъ обѣщаніе прибыть въ концѣ апрѣля.

При полномъ разстройствѣ, въ которомъ мы застали имѣніе, невозможно было достаточно торопиться поправками. Вмѣсто старыхъ, мѣстами повалившихся или совершенно отсутствующихъ, плетней, дозволявшихъ крестьянской скотинѣ бродить по всему парку, испещряя газоны свинороями, отъ дома наскоро строилась дубовая рѣшетка до самой рѣки на протяженіи какихъ-нибудь 150-ти сажень. И краска ожидала какъ новую рѣшетку, такъ и новыя желѣзныя крыши. Очищенный отъ обломковъ балконъ получилъ прежній видъ съ новыми тумбами и черными рѣшетками. Я самъ старался собственноручно исправить всякій, попадавшійся мнѣ подъ руку, изъянъ.

Однажды, когда я садовыми ножницами подрѣзалъ вѣтки сирени, слишкомъ свѣсившіяся на дорожку, ко мнѣ при-

мчался мальчикъ слуга, изъ Грайворонскихъ дворовыхъ, съ радостнымъ восклицаніемъ: „Петръ Аѳанасьевичъ пріѣхалъ“.

Не успѣлъ я опомниться, какъ прибѣжалъ братъ и бросился обнимать меня.

Когда мы всѣ понемногу успокоились, начались разсказы о всевозможныхъ похожденіяхъ, о которыхъ я здѣсь умалчиваю, ограничиваясь лично мною испытаннымъ или письменно несомнѣннымъ. Зная брата, нельзя было сомнѣваться въ самыхъ фантастическихъ его приключеніяхъ, и надо было только удивляться, что онъ, приложившись изъ винтовки на водопоѣ въ своего эскадроннаго командира, не былъ разстрѣлянъ и, выпросившись на день въ Константинополь, сидѣлъ въ настоящую минуту въ Воробьевкѣ, слѣдовательно, въ качествѣ дезертира. Видно было, что ему нужна была, во что бы ни стало, внѣшняя дѣятельность, и когда Боткины въ концѣ апрѣля явились большимъ обществомъ, братъ и самъ былъ въ восторгѣ отъ ежедневныхъ катаній и прогулокъ и восхитилъ всѣхъ своею любезностью. Взыскательный и разборчивый во всѣхъ предметахъ хозяйства, онъ, къ удивленію, былъ совершенно доволенъ купленнымъ нами имѣніемъ, которое иначе не называлъ, какъ „Воробьевочка“. Порицанія его заслуживало только состояніе деревьевъ въ паркѣ въ лѣсу, и торчавшихъ своими сухими вѣтвями. „Это скандалъ“, говорилъ онъ и потребовалъ плотниковъ, съ которыми принялся опиливать и даже рубанкомъ застрагивать сухіе сучья. Я не мѣшалъ ему въ его копоткой, но дѣйствительно мастерской работѣ, благодѣтельные слѣды которой сохранились по сей день.

Однажды, когда посѣтившее насъ московское общество уѣхало, и мы остались въ тѣсномъ домашнемъ кругу, за завтракомъ брату подали письмо, которое онъ, прочитавъ, шлепкомъ ударилъ о паркетъ и такъ и оставилъ около своего стула.

— Что тебя такъ разсердило? спросилъ я черезъ минуту.

— Э! да что! воскликнулъ братъ, нетерпѣливо тряхнувъ головою. — Любиньку доктора посылаютъ для операціи въ Вѣну, а она зоветъ меня съ собою въ качествѣ спутника и охранителя.

— На что же ей лучшаго охранителя, чѣмъ родной сынъ? сказалъ я.

— Она пишетъ, продолжалъ братъ, что сыну нельзя отлучиться въ рабочее время отъ экономіи.

— Ты самъ знаешь, замѣтилъ я, что хозяйствомъ онъ заниматься не умѣетъ и не захочетъ, а мотать деньги въ Вѣнѣ еще легче, чѣмъ въ Орлѣ

Проходившій слуга поднялъ письмо и положилъ подъ зеркало.

„Боже! подумалъ я: какой безпощадный эгоизмъ! ну какимъ провожатымъ и охранителемъ можетъ быть больной братъ, котораго добрая судьба наконецъ принесла къ тихому пристанищу? Надолго ли—это другой вопросъ".

Недѣли двѣ послѣ этого небольшаго происшествія прошли благополучно. Братъ, страдавшій лихорадочными припадками, совершенно оправился, и тѣмъ временемъ жена моя подсунула ему совершенное подобіе его шертинговыхъ сорочекъ, только прекраснаго полотна, и положила на кровать теплый халатъ, до котораго онъ съ недѣлю не дотрогивался. На этотъ счетъ у него были свои понятія о томъ, что онъ имѣетъ право только на удобства, личнымъ трудомъ пріобрѣтенныя.

Я забылъ сказать, что изъ Одессы онъ привезъ 45 руб., которые отдалъ мнѣ на сохраненіе, говоря, что остальныя деньги положилъ въ банкъ. Конечно, я понялъ, что банкомъ оказался его харьковскій товарищъ. Я разсказываю, а не философствую, и припоминаю, что графъ Л. Н. Толстой не разъ говорилъ о братѣ, какъ о высокомъ нравственномъ идеалѣ.

Однажды, пройдя по старой вязовой аллеѣ до калитки, выходящей на дорогу, я увидалъ въ нѣсколькихъ шагахъ подымавшуюся по пригорку во дворъ крытую извощичью линейку со станціи и подъ навѣсомъ ея одинокаго сѣдока, въ которомъ тотчасъ же узналъ своего племянника Ш—а. При отсутствіи побудительныхъ причинъ для этого юноши къ посѣщенію Воробьевки, я мгновенно догадался, что цѣлью пріѣзда былъ братъ Петруша.

— Какъ это кстати, сказалъ я племяннику, что я здѣсь

перехватилъ тебя, такъ какъ ты вѣрно съ письмомъ мамаши къ дядѣ Петѣ.

— Да, письмо у меня въ карманѣ.

— Вотъ и прекрасно! я велю отпустить извощика и взять твой мѣшокъ; а мы съ тобою пройдемъ въ паркъ и предварительно обсудимъ наши поступки. Мамаша твоя зоветъ дядю Петю съ собою въ Вѣну въ качествѣ няньки и вѣроятно проситъ его взять на первый случай денегъ, такъ какъ у васъ на поѣздку денегъ нѣтъ. Денегъ взять слѣдуетъ, но дядю отсюда сманивать грѣхъ, тѣмъ болѣе что онъ самъ нуждается въ уходѣ. Я тебѣ все это говорю въ полной увѣренности, что ты поймешь меня.

— Дядя, я вполнѣ тебя понимаю и раздѣляю твое мнѣніе; поэтому позволь попросить тебя принять это письмо и не передавать его дядѣ Петѣ.

— Нѣтъ, любезный другъ, я сдѣлать этого не могу; письмо идетъ изъ вашего дома и могло быть писано или нѣтъ; но въ моихъ рукахъ это будетъ скрытое письмо, и при подозрительности дяди Пети насчетъ всякаго посягательства на его свободу, такая утайка будетъ поступкомъ, котораго онъ мнѣ никогда не проститъ.

Съ этимъ вмѣстѣ мы отправились въ домъ, гдѣ, какъ я предчувствовалъ, письмо тотчасъ же передано было брату. По прочтеніи его, онъ какъ-то затихъ и сосредоточился.

— Ну что? не безъ страха спросилъ я, когда мы очутились одни.

— Мнѣ надо ѣхать, былъ отвѣтъ.

Признаюсь, меня взорвало отъ этой неприглядной комедіи и, видя безуспѣшность всѣхъ моихъ доводовъ, я пересталъ стѣсняться выраженіями.

— Ну подумай, говорилъ я,—какой ты охранитель! развѣ ты не видишь, что тутъ вопросъ въ деньгахъ? сколько она проситъ взять тебя денегъ?

— 1000 рублей.

— Пошли ей двѣ и оставайся здѣсь.

— Не могу, я долженъ ѣхать.

Съ трудомъ удержалъ я брата не уѣзжать вмѣстѣ съ племянникомъ, неотвязно подбивавшимъ его къ этому отъѣзду.

— Я былъ очень радъ твоему пріѣзду, сказалъ я племяннику, провожая его; но если мы будемъ стараться разрушать другъ у друга душевное спокойствіе, то гораздо проще намъ не встрѣчаться.

Напрасно ожидалъ я для брата отрезвленія отъ ночнаго сна. Утромъ на другой день онъ пришелъ и сталъ въ кабинетѣ у письменнаго стола съ видомъ провинившагося школьника. Я догадался, что онъ не измѣнилъ рѣшенія.

— „Ѣдешь?“—„Ѣду.“—„Сколько нужно денегъ?“

— Не знаю.

— Вѣдь это, братецъ, глупо.

— Она пишетъ: 1000 рублей.

— Да вѣдь это она пишетъ, а ты-то съ чѣмъ останешься? Возьми на первый случай хоть 1500, а изъ Вѣны пришли свой адресъ, по которому вышлю сколько нужно.

Черезъ часъ онъ уже уѣхалъ на станцію.

Л. Н. Толстой писалъ:

6 апрѣля 1878 года.

„Получилъ ваше славное, длинное письмо, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Не хвалите меня. Право, вы видите во мнѣ слишкомъ много хорошаго, а въ другихъ слишкомъ много дурнаго. Хорошо во мнѣ одно,—что я васъ понимаю и потому люблю. Но хотя и люблю васъ такимъ, какой вы есть, всегда сержусь на васъ за то, что „Марфа печется о многомъ, тогда какъ единое есть на потребу.“ И у васъ это единое очень сильно, но какъ-то вы имъ брезгуете, а все больше билліардъ устанавливаете. Не думайте, чтобы я разумѣлъ стихи: хотя я ихъ и жду, но не о нихъ рѣчь, они придутъ и надъ билліардомъ, а о такомъ міросозерцаніи, при которомъ бы не надо было сердиться на глупость людскую. Кабы насъ съ вами истолочь въ одной ступѣ и слѣпить потомъ пару людей, была бы славная пара. А то у васъ такъ много привязанности къ житейскому, что если какъ-нибудь оборвется это житейское, вамъ будетъ плохо, а у меня такое къ нему равнодушіе, что нѣтъ интереса къ жизни; и я тяжелъ для другихъ однимъ вѣчнымъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Не думайте, что я рехнулся. А такъ не

въ духѣ и надѣюсь, что вы меня и черненькимъ полюбите. Непремѣнно пріѣду къ вамъ. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

6 мая 1878 года.

„Не тотчасъ отвѣтилъ на ваше письмо, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, потому что былъ въ Москвѣ. Мнѣ странно отвѣчать на вашъ запросъ о пріѣздѣ къ намъ. Радуюсь, что вы пріѣдете; я все время буду дома, и у насъ, слава Богу, всѣ здоровы; пріѣзжайте, когда хотите. Совершенно понимаю и согласенъ со всѣмъ тѣмъ, что вы говорите о Ренанѣ. Какъ только люди говорятъ о своихъ мыслях и чувствахъ, то все ясно и вѣрно. Вся путаница идетъ отъ людей, у которыхъ нѣтъ своихъ мыслей и чувствъ, а они хотятъ о нихъ говорить. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

13 іюня 1878 года.

„Передъ самымъ отъѣздомъ въ Самару пишу теперь только нѣсколько словъ, чтобы благодарить за ваше послѣднее письмо и сообщить первый временный адресъ: Самара, до востребованія. Оттуда уже напишу и сообщу вѣроятно другой, когда устрою болѣе близкій пунктъ. Я рѣдко когда такъ радовался лѣту, какъ нынѣшній годъ, но съ недѣлю тому назадъ простудился и заболѣлъ и только первый день ожилъ.

„Завтра, Богъ дастъ, выѣдемъ на Нижній и 14-го будемъ на мѣстѣ. Буду ждать письма отъ васъ тамъ. Страховъ пишетъ, что ѣдетъ къ вамъ 15-го. Радуюсь за обоихъ васъ. Небольшая книга его очень велика по содержанію. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

Съ отъѣздомъ брата, сельская тишина вполнѣ овладѣла мною. Но привыкши къ обязательной десятилѣтней дѣятельности, я скоро почувствовалъ себя подъ невыносимымъ гнетомъ скуки. Ухудшавшіяся съ каждымъ годомъ внѣшнія

условія сельской жизни отпугивали меня отъ хозяйственныхъ занятій. Не будучи въ состояніи исправить безобразій, я старался по возможности не видать ихъ и поэтому даже при прогулкахъ по парку избѣгалъ ходить по опушкѣ, а держался среднихъ дорожекъ. Усидчивая и серьезная работа сдѣлалась мнѣ необходимою. Я сталъ читать Канта, перечитывалъ Шопенгауэра и даже приступилъ къ его переводу: „Міръ какъ воля и представленіе.“

Въ іюнѣ, къ величайшей моей радости, къ намъ пріѣхалъ погостить Н. Н. Страховъ, захватившій Толстыхъ еще до отъѣзда ихъ въ Самару. Конечно, съ нашей стороны поднялись распросы о дорогомъ для насъ семействѣ, и я, къ немалому изумленію, услыхалъ. что Толстой помирился съ Тургеневымъ.

— Какъ? по какому поводу? спросилъ я.

— Просто по своему теперешнему религіозному настроенію онъ признаетъ, что смиряющійся человѣкъ не долженъ имѣть враговъ, и въ этомъ смыслѣ написалъ Тургеневу.

Событіе это не только изумило меня, но и заставило обернуться на самого себя.

„Между Толстымъ и Тургеневымъ, подумалъ я, была хоть формальная причина разрыва; но у насъ съ Тургеневымъ и этого не было. Его невѣжливыя выходки казались мнѣ всегда болѣе забавными, чѣмъ оскорбительными, хотя я не рѣшился бы отнестись къ нимъ такъ же, какъ покойный Кетчеръ, который въ подобномъ случаѣ расхохотался бы своимъ громовымъ хохотомъ и сказалъ бы дурака. Смѣшно же людямъ, интересующимся въ сущности другъ другомъ, расходиться только на томъ основаніи, что одинъ западникъ безъ всякой подкладки, а другой такой же западникъ только на русской подкладкѣ изъ ярославской овчины, которую при нашихъ морозахъ покидать жутко.“

Всѣ эти соображенія я написалъ Тургеневу.

Къ величайшей радости моей, Страховъ,—которому, вручивши нѣмецкій экземпляръ Шопенгауэра, я сталъ читать свой переводъ,—остался послѣднимъ совершенно доволенъ.

Хотя я никогда не стѣснялся указывать Петрушѣ Борисову на его промахи, тѣмъ не менѣе любилъ вступать въ

азговоры съ этимъ замѣчательно смѣтливымъ и талантли-
имъ малымъ и притомъ безусловно правдивымъ.

— Ты знаешь, сказалъ я ему, что материнскія твои Но-
оселки даже при наилучшемъ управленіи даютъ едва три
ысячи рублей, а отцовское Фатьяново—около тысячи двух-
отъ рублей. Пока мы жили въ Степановкѣ, т. е. на сто
ерстъ ближе, чѣмъ теперь, къ твоимъ имѣніямъ, да къ тому
е я былъ опекуномъ и имѣній Оленьки, расположенныхъ
ь той-же сторонѣ, надзоръ за твоими имѣніями могъ между
рочимъ обходиться значительно дешевле; но теперь, когда
ы и самъ-то неохотно туда ѣздишь, заочное управленіе
акими незначительными имѣніями обходится несоразмѣрно
орого Если бы ты, кончивши университетское образованіе
отбывши воинскую повинность, располагалъ надѣть высо-
іе сапоги и усиленнымъ трудомъ подымать благосостояніе
аслѣдственныхъ гнѣздъ, то я бы ничего тебѣ не сказалъ.

— Дядичка, можно мнѣ сказать тебѣ правду?

— Должно, какъ всегда.

— Оба эти гнѣзда, какъ ты называешь, мнѣ ужасно не-
импатичны; ихъ грустное, тяжелое прошлое гнететъ меня до
олѣзненности; мнѣ такъ тяжело бывать тамъ.

— Если на то пошло, замѣтилъ я, то я не только понимаю
вое чувство, но и раздѣляю его, и поэтому предложилъ бы
ебѣ продать эти оба имѣнія, и если получить за нихъ хоть
0 тысячъ, то, такъ какъ ты готовишься къ ученому поприщу,
личномъ сельскомъ хозяйствѣ при этомъ не можетъ быть
рѣчи.

Положено было при первой возможности продать мценскія
Борисовскія имѣнія.

Вынужденный пробѣжать по дѣламъ въ Москву, я не только
ригналъ свою поѣздку къ 12 числу, ежемѣсячному сроку
Мценскаго мироваго съѣзда, но разсчелъ время такъ, чтобы,
робывши сутки въ Ясной Полянѣ, сѣсть 11-го на почтовый
оѣздъ и въ 4 часа утра прибыть во Мценскъ къ занявшему
ъ гостинницѣ для насъ номеръ Ивану Александровичу.

Не знаю какъ кому, но мнѣ, въ минуты большой дѣятель-
ости и озабоченности, всегда бывало особенно отрадно нахо-
ить опору въ собственной безсознательной личности. Помню,

съ какимъ удовольствіемъ я мгновенно проснулся и вскочилъ съ вагоннаго дивана, точно меня кто толкнулъ въ бокъ. „Вотъ какой я молодецъ, подумалъ я, глядя въ окно на едва разсвѣтавшее утро: когда нужно, то словно тѣло мое находится на стражѣ“.

Какъ ни хорошо извѣстна мнѣ Моск.-Курская дорога, но по безпредметнымъ мѣстамъ опознаешься больше по общему характеру мѣстности. На этотъ разъ, какъ я ни старался всматриваться въ бѣгущія мимо оконъ поля, я никакъ не могъ признать ихъ принадлежащими мѣстности на сѣверъ отъ Мценска. Всматриваюсь изъ оконъ по обѣ стороны,—Боже! да вѣдь это окрестности Оптухи. — Вся гордость безсознательной бдительности моей натуры была напрасна, я самымъ постыднымъ образомъ проспалъ Мценскъ и подъѣзжаю къ Орлу. Въ отчаяніи выбѣгаю на платформу и жалуюсь на судьбу встрѣчному кондуктору.

— Вѣдь мнѣ надо быть на съѣздѣ, отъ котораго я на всѣхъ парахъ уѣзжаю!

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ кондукторъ, мы сейчасъ же въ Орлѣ пересадимъ васъ на встрѣчный скорый поѣздъ, и въ 9 часовъ утра вы будете во Мценскѣ.

Когда въ 9½ часовъ я отворилъ дверь номера, въ которомъ засталъ за самоваромъ Ивана Александровича, послѣдній съ изумленіемъ воскликнулъ: „откуда вы?“ и за отвѣтомъ: „изъ Орла“—послѣдовало объясненіе приключенія.

— Завтра будетъ отличная погода, сказалъ я Осту, сидя вечеромъ въ пролеткѣ, подвозившей насъ къ станціи: посмотрите, какъ великолѣпно освѣщено передъ нами большое, бѣлое зданіе на пригоркѣ. Вѣдь это тюрьма? спросилъ я извощика.

— Пересылочная тюрьма, отвѣчалъ онъ.

— Для политическихъ преступниковъ, прибавилъ Остъ,— и знаете ли, что̀ получаетъ поваръ, готовящій имъ кушанье?

— Конечно, не знаю; отставной какой-нибудь солдатъ кашеваръ, — должно быть, отъ шести и до десяти рублей въ мѣсяцъ.

— Сорокъ рублей! съ удареніемъ сказалъ Остъ: это должно быть государственная мѣра, чтобы заслужить благорасполо-

женіе этихъ людей, равно и остальныхъ имъ сочувствующихъ, въ видахъ предупрежденія новыхъ покушеній.

— Да мы то съ вами, сказалъ я, не бунтуемъ?

— Кажется.

— А платимъ ли мы повару 40 рублей?

— Нѣтъ.

— Почему же 40 рублевому повару приписывается такая охранительная сила?

— Это не нашего ума дѣло, отвѣчалъ Остъ: поживемъ, увидимъ. А теперь спросите во Мценскѣ кого угодно, и вамъ скажутъ о 40 рублевомъ поварѣ.

Дѣйствительно, при дальнѣйшихъ моихъ распросахъ, слова Оста подтвердились.

Въ отвѣтъ на мое послѣднее письмо, Тургеневъ писалъ слѣдующее:

21 августа 1878 года.
С. Спасское-Лутовиново.

„Любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Я искренно порадовался, получивъ ваше письмо. Старость только тѣмъ и хороша, что даетъ возможность смыть и уничтожить всѣ прошедшіе дрязги и, приближая насъ самихъ къ окончательному упрощенію, — упрощаетъ всѣ жизненныя отношенія. Охотно пожимаю протянутую вами руку и увѣренъ, что при личной встрѣчѣ мы очутимся такими же друзьями, какими были встарину. Не знаю только, когда эта встрѣча сбудется: я черезъ недѣлю уѣзжаю отсюда и прямо въ Парижъ. Развѣ зимою въ Петербургѣ или въ Москвѣ; а не то, не заглянете ли вы сами къ намъ въ мѣстечко Парижъ?

„Но какъ бы то ни было, повторяю вамъ мой привѣтъ и мое спасибо. Передайте мой дружескій поклонъ Марьѣ Петровнѣ. Если я не ошибаюсь, ея лицо промелькнуло передо мною въ вагонѣ на станціи за Орломъ. Я возвращался изъ Мало-Архангельскаго уѣзда, а она, вѣроятно, ѣхала въ ваше новое помѣстье.

„Еще разъ желаю вамъ всего хорошаго, начиная со здоровья и остаюсь

преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

Л. Н. Толстой писалъ:

5 сентября 1878 г.

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! получилъ на дняхъ ваше послѣднее, краткое, но много-содержательное письмо и вижу по его тону, что вы въ очень хорошемъ душевномъ настроеніи, хотя и были больны. Вы поминаете о вашей статьѣ. Пожалуйста не приписывайте значенія моему сужденію, во-первыхъ, потому, что я плохой судья при слушаніи, а не чтеніи про себя, а вовторыхъ, потому, что въ этотъ день я былъ въ самомъ дурномъ физически расположеніи духа. Когда вы будете передѣлывать, не забудьте еще выправить пріемы связей отдѣльныхъ частей статьи. У васъ часто встрѣчаются излишнія вступленія, какъ напр.: „теперь мы обратимся“... или—„взглянемъ“... и т. п. Главное, разумѣется, въ расположеніи частей относительно фокуса и когда правильно расположено, — все ненужное, лишнее само собою отпадаетъ, и все выигрываетъ въ огромныхъ степеняхъ.

„Тургеневъ на обратномъ пути былъ у насъ и радовался полученію отъ васъ письма. Онъ все такой же, и мы знаемъ ту степень сближенія, которая между нами возможна. Мнѣ ужасно хочется писать, но нахожусь въ тяжеломъ недоумѣніи: фальшивый ли это или настоящій аппетитъ.

„Ужасно хочется побывать у васъ и навѣрное побываю, но теперь еще много поѣздокъ необходимѣйшихъ. Нынче ѣду на земское собраніе.

Вашъ *Л. Толстой*.

Тургеневъ писалъ:

30 декабря 1878 г.
Буживаль.

„Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, сегодня минуло три недѣли, какъ я здѣсь, а я только теперь собрался отвѣтить на ваше дружеское письмо, въ чемъ извиняюсь. Странное дѣло! подъ старость и жизнь катится шибче и ничего не успѣваешь сдѣлать, хотя собственно и дѣлать то нечего. Не могу извиниться даже нездоровьемъ, ибо, напротивъ, давно такъ хорошо себя не чувствовалъ, благодаря пилюлямъ, отреко-

мендованнымъ мнѣ однимъ старымъ подагрикомъ. Съ сожалѣніемъ слышу, что ваше здоровье въ состояніи неудовлетворительномъ. Видно, всякій человѣкъ, перешедшій черту 50-ти-лѣтія, превращается въ нѣкоторое подобіе Плевны, осажденной всякими недугами, подъ предводительствомъ „Θанатоса“; остается только упорно отбиваться до послѣдней отчаянной вылазки или сдачи... будемъ надѣяться, что эта бѣда еще не скоро настанетъ.

„Вы описываете свое настоящее мѣстопребываніе съ несовсѣмъ выгодной стороны; однако я слышалъ, что ваша Воробьевка прекрасное имѣніе: одинъ дубовый паркъ въ 18 десятинъ чего стоитъ! Въ настоящую минуту я мысленно переношусь къ вамъ и вижу васъ съ ружьемъ въ рукѣ, стрѣляющимъ по вальдшнепамъ въ вашемъ паркѣ: конецъ сентября самый ихъ привалъ въ нашихъ краяхъ. Помните, какія мы съ вами свершали охоты! Что касается до меня, то, со времени моего переселенія изъ Бадена, я пересталъ даже думать о ней: ни собаки нѣтъ, ни ногъ, да и дичи не имѣется во Франціи для людей не милліонеровъ. Мы съ Віардо пустили было нѣсколько паръ кроликовъ въ нашъ паркъ—онъ не такъ великъ, какъ вашъ, а десятинъ шесть въ немъ все-таки будетъ;—но наши кролики не поддержали своей стародавней репутаціи;—не только ничего не наплодили,—да и сами ушли. Въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ я убилъ всего одну галку и то не здѣсь, а въ Россіи, въ Мало-Архангельскомъ уѣздѣ...

„Мнѣ было очень весело снова сойтись съ Толстымъ, и я у него провелъ три пріятныхъ дня; все семейство его очень симпатично; а жена его прелесть. Онъ самъ очень утихъ и выросъ. Его имя начинаетъ пріобрѣтать европейскую извѣстность;—намъ, русскимъ, давно извѣстно, что у него соперника нѣтъ.

„Поклонитесь отъ меня вашей супругѣ и передайте мой привѣтъ вашему племяннику Петѣ, или, какъ теперь слѣдуетъ его величать,—Петру Борисову. Онъ, говорятъ, умникъ большой руки.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Парижъ.
31 октября 1878 года.

„Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, извините, что не тотчасъ отвѣчалъ на ваше дружелюбное и обстоятельное письмо. Я былъ въ разъѣздахъ, между прочимъ посѣтилъ Англію, гдѣ очень хорошо поохотился и насмотрѣлся на тамошніе два университета: Оксфордъ и Кембриджъ.—Чудесно, дико, величественно, глупо—все вмѣстѣ, а главное—совсѣмъ намъ чуждо. Вы, вѣроятно, подивитесь какъ это теперь, именно теперь, русскій человѣкъ можетъ ѣздить въ Англію... да ужь такъ вышло.

„Ненавидятъ насъ тамъ лихо и не скрываютъ, оно впрочемъ и лучше. Когда-нибудь при встрѣчѣ покалякаемъ, а письменно все это передать невозможно: я не въ одномъ литературномъ отношеніи отчудился (можно ли такъ выразиться?) отъ пера.

„Не совсѣмъ хорошо то, что вы мнѣ говорите о вашемъ здоровьи. А впрочемъ, вы мнѣ напоминаете Пирра и его бесѣду съ Кинеасомъ. Помните: „когда мы все завоюемъ, мы будемъ отдыхать“...—„Да отчего не сейчасъ отдыхать!“... Такъ и вы: завоевали себѣ такой кладъ, какимъ, по вашимъ описаніямъ, является Воробьевка... кажись, чего еще?—А вы все волнуетесь и тревожитесь. Впрочемъ, если поразмыслить хорошенько, такъ приходится вамъ завидовать: вотъ я, напримѣръ: застываю и затягиваюсь пленкой, какъ горшокъ съ топленымъ саломъ, выставленный на холодъ; — всякой тревогѣ былъ бы радъ — да что! не тревожится душа уже ничѣмъ. Кстати и здоровье недурно; подагра молчитъ, и я за ней безмолвствую.

„То, что вы мнѣ пишете о Петѣ Борисовѣ,—не совсѣмъ благополучно; однако и тутъ все еще можетъ придти въ настоящую норму. Очень онъ ужь уменъ и довременно уравновѣшенъ и съ практически-эпикурейскими тенденціями. Но стоитъ какому нибудь сильному чувству—любви, напримѣръ, его встряхнуть хорошенько, такъ чтобы онъ почувствовалъ, что собственное *Ich* не альфа и омега всего,—и все перемѣнится.

„Поклонитесь ему отъ меня. Передайте также мой усердный привѣтъ вашей супругѣ.

„А вамъ позвольте дружески пожать руку и увѣрить васъ въ искренне преданныхъ чувствахъ

вашего *Ив. Тургенева.*

Повторяю неоднократно мною выраженное, — что пишу воспоминанія, а не романъ. Покойный, въ свое время извѣстный литературному міру, Ник. Ант. Ратынскій, разсказавши какой-либо забавный анекдотъ изъ дѣйствительной жизни, нерѣдко прибавлялъ: „оно, положимъ, было не совсѣмъ такъ, но такъ это надо разсказывать". Этими словами ясно опредѣляется добросовѣстное отношеніе къ художественному повѣствованію. Но добросовѣстность по отношенію къ простымъ воспоминаніямъ состоитъ въ совершенно противоположномъ: недобросовѣстно прятать развязку, созданную самой жизнью, только потому, что она чѣмъ-либо оскорбляетъ знакомый и, быть можетъ, дорогой намъ образъ. Въ угоду такой добросовѣстности, я долженъ передать лично слышанное мною отъ Ивана Сергѣевича про его послѣднее свиданіе съ ослѣпшимъ уже 83-хъ лѣтнимъ старикомъ дядей, къ которому нарочно ѣздилъ въ его Карачевское имѣніе Юшково. Слѣпой былъ чрезвычайно радъ примирительному свиданію, не въ мѣру выпилъ шампанскаго и при этомъ вдался въ выраженія самаго необузданнаго цинизма.

Л. Н. Толстой писалъ:

26 октября 1878 г.

„Уже и не знаю, какъ въ какомъ духѣ начать писать вамъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ; всетаки нѣтъ другихъ словъ, какъ виноватъ, виноватъ и кругомъ виноватъ. Хотя и всегда излишне выставленіе причинъ извиняющихъ, я всетаки ихъ напишу. потому что онѣ справедливы и объяснятъ вамъ мое состояніе. Вотъ уже съ мѣсяцъ, коли не больше, я живу въ чаду не внѣшнихъ событій (напротивъ, мы живемъ одиноко и смирно), но внутреннихъ, которыхъ назвать не умѣю. Хожу на охоту, читаю, отвѣчаю на вопросы, которые мнѣ дѣлаютъ, ѣмъ, сплю, но ничего не могу дѣлать, даже написать письмо. У меня ихъ набралось до двадцати, изъ которыхъ есть почти такія-же, какъ ваше. Нынче я какъ только

немного очнулся, пишу вамъ. У насъ все, слава Богу, здорово и хорошо. Обычная зимняя жизнь, со все усложняющимся воспитаніемъ и ученіемъ дѣтей, идетъ какъ и прежде. Мы очень заняты: жена—самыми ясными, опредѣленными дѣлами, а я—самыми неопредѣленными и потому постоянно имѣю стыдливое сознаніе праздности среди трудовой жизни. Вы вѣрно уже кончили передѣлку своей статьи, и если здоровы, то, вѣроятно, заняты чѣмъ-нибудь новымъ. Если вы меня простили, то напишите мнѣ и о своемъ здоровьи, которое, по послѣднему письму, угрожало разладиться,—и о своей духовной работѣ. Такъ пожалуйста не разсердитесь на меня. Помните, что мы все по старому васъ любимъ, а что я неаккуратенъ, такъ это только подробность моего характера. Опять откладываю поѣздку къ вамъ. Теперь и не могу и не гожусь. А вотъ если Богъ дастъ поработать и устать отъ работы, то зимою, если вы меня позовете, поѣхать отдохнуть къ вамъ. Жена проситъ передать свой поклонъ вамъ и Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

22 ноября 1878 года.

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, поѣду въ Москву и велю напечатать на своей почтовой бумагѣ „виноватъ“. Но мнѣ кажется, что я не виноватъ въ томъ, что не отвѣчалъ на то письмо, въ которомъ вы обѣщаете заѣхать. Помню свою радость при этомъ извѣстіи и то, что я сейчасъ же отвѣчалъ вамъ. Если же не отвѣчалъ, то пожалуйста не накажите за это, а пріѣзжайте. Богъ дастъ, будетъ снѣгъ; если же нѣтъ, то вышлемъ коляску въ Ясенки. Мы такъ давно не видались.

„Теперь другое: стихотвореніе ваше прекрасно. Съ женою мы о васъ, какъ человѣкѣ и другѣ и какъ о поэтѣ, всегда вполнѣ совпадаемъ. У насъ, слава Богу, все здорово и идетъ по божьи.

„Вчера получилъ отъ Тургенева письмо; и знаете, рѣшилъ лучше подальше отъ него и отъ грѣха. Какой-то задира непріятный.

„Поздравляю васъ съ днемъ рожденія. И теперь не забуду поздравлять васъ къ 23-му, и желаю не забывать этого разъ

двѣнадцать. Больше не надо ни для себя, ни для васъ. Досвиданья!

Вашъ *Л. Толстой.*

Уже по первому снѣгу явился проживавшій прежде у насъ, а затѣмъ у Любиньки, кучеръ Иванъ Ивановъ отъ племянника, съ письмомъ, въ которомъ говорилось, что мамаша, чувствуя себя чрезвычайно слабой, требуетъ его въ Вѣну, причемъ дядя Петя поручилъ взять у меня и доставить ему 700 рублей. Въ Вѣну племянникъ уѣзжаетъ послѣ завтра.

„Какъ это все странно, подумалъ я; если дядя Петя не приложилъ ко мнѣ спеціальной записки, то какъ же было не приложить мнѣ хоть для косвеннаго удостовѣренія письмо, въ которомъ поручалось взять эту сумму?“ Но раздумывать было некогда; я при Иванѣ Александр. отсчиталъ деньги и, вложивши ихъ въ конвертъ, передалъ запечатанными Ивану.

На этотъ разъ мы снова поѣхали встрѣчать Новый годъ по привычкѣ къ Покровскимъ воротамъ; но меня тянула домой уже не обязательная служба, а тишина сельскаго кабинета, съ предстоящею постоянною умственною работой. Благодарю судьбу, пославшую съ тѣхъ поръ этотъ успокоительный трудъ и невозмутимые досуги.

Въ Москвѣ я получилъ извѣстіе, что сестра Любовь Аѳан., благополучно выдержавъ трудную операцію вырѣзыванія рака, вернулась въ Орелъ, гдѣ, остановившись въ гостинницѣ, проситъ меня посѣтить ее при моемъ возвращеніи въ Воробьевку. Послѣ Крещенія, я съ обычной радостью заѣхалъ въ Ясную Поляну, а черезъ день, по предварительному уговору, засталъ въ Орлѣ Ивана Александровича.

Сестру нашелъ я исхудавшей до неузнаваемости, не чувствующей особенныхъ болей, но зато при видимомъ упадкѣ силъ. Сынъ ея, получившій отъ нея при отъѣздѣ заграницу полную довѣренность, управлялъ имѣніемъ во всю руку, и въ Орлѣ я его не видалъ. Конечно, первый мой вопросъ былъ: „что братъ Петруша?“ И вотъ сопоставляю все, что успѣлъ узнать и отъ сестры, и отъ сопровождавшей ее горничной Ульяны:

Остановившись въ одной съ сестрой гостинницѣ въ Вѣнѣ, братъ терпѣливо выжидалъ исхода операціи. Но когда дѣло

пошло на выздоровленіе, сестра сочла своею обязанностью позаботиться о здоровьи брата. Вѣрно въ умѣ ея носилось, что братъ нерѣдко обращался въ послѣднее время ко мнѣ съ просьбою распорядиться съ нимъ, какъ съ больнымъ человѣкомъ. Но я никогда не поддавался такимъ его вспышкамъ самосознанія; зато сестра, обладавшая гораздо меньшимъ противъ него запасомъ энергіи, напускаясь на него съ высоты опеки, разыграла роль Крыловскаго вороненка, запутавшагося въ рунѣ неподсильной добычи. Когда братъ услыхалъ, что къ нему хотятъ привести доктора, онъ, показывая Ульянѣ заряженный пистолетъ, сказалъ: „вотъ что будетъ тому, кто придетъ ко мнѣ съ докторами". А затѣмъ въ одно прекрасное утро номеръ его оказался оплаченнымъ и пустымъ, а онъ неизвѣстно куда скрылся. Я вспомнилъ, какъ однажды въ Воробьевкѣ онъ шутя сказалъ: „ужь куда мнѣ теперь—и не знаю. Не махнуть ли въ Америку?"

Въ небольшихъ городахъ легко узнается все, что дѣлается въ другихъ домахъ, и кто вновь пріѣхалъ въ гостинницы. Поэтому не удивительно, что тотчасъ послѣ обѣда мы съ Иваномъ Александр. были обрадованы приходомъ Ѳедора Ѳедоровича, котораго крупная вывѣска: *Оптическій магазинъ* красовалась черезъ улицу какъ разъ противъ нашихъ оконъ. Дѣло въ томъ, что онъ женился на вдовѣ, за которою взялъ въ приданое магазинъ бронзовыхъ и поливенныхъ вещей, между прочимъ очковъ и биноклей.

Добрый Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ явно доволенъ и гордъ своимъ новымъ положеніемъ и нѣсколько разъ ошибкою вынималъ изъ кармана какой-то конвертъ, который снова быстро пряталъ съ видимой небрежностью. При повтореніи этого маневра, я невольно спросилъ: „Ѳедоръ Ѳедор., что это за бумага?"

— Ахъ это kommerztelegramm! отвѣчалъ онъ какъ бы мимоходомъ.

Уходя, онъ просилъ насъ взглянуть на его новое житье-бытье, зашедши въ магазинъ. Вечеромъ въ магазинѣ Ѳедоръ Ѳедор. особенно рекомендовалъ мнѣ полученный изъ Вѣны морской бинокль, который просилъ испробовать утромъ на другой день. Бинокль дѣйствительно оказался превосходнымъ,

и покойный Дмитрій Петровичъ Боткинъ, бравшій его много лѣтъ спустя въ театръ, говаривалъ, что покупать бинокли надо не въ Парижѣ, а въ Орлѣ.

Проведя черезъ магазинъ, Ѳедоръ Ѳедор. взвелъ насъ въ бельэтажъ, въ свое укромное, но чистое помѣщеніе и поручилъ женѣ своей напоить насъ чаемъ. Оказалось, что у жены его были отъ перваго брака двѣ дѣвочки, на видъ 10-ти и 12-ти лѣтъ. Усадили насъ съ Иваномъ Алекс. въ небольшой гостиной на диванѣ передъ овальнымъ столомъ, накрытымъ шерстяною салфеткой и, въ ожиданіи приготовляемыхъ намъ хозяйкою въ другой комнатѣ двухъ стакановъ чаю, намъ долго пришлось любоваться слюдовою бабочкой, кружившейся надъ лампой посреди стола. Но вниманіе наше въ скорости было отвлечено отъ бабочки появленіемъ двухъ дочерей хозяйки, явившихся, вѣроятно, вмѣстѣ съ приходомъ ихъ учительницы, на обычное мѣсто уроковъ, т. е. по другую сторону занимаемаго нами стола. Насколько хозяйскія дочери были одѣты попросту, настолько учительница, какъ мы впослѣдствіи узнали — гимназистка,—въ своемъ щегольскомъ черномъ платьѣ съ безукоризненными воротничками и рукавчиками,—отличалась изяществомъ. Начался урокъ, въ которомъ наши двѣ чуждыхъ личности, очевидно, не имѣли ни малѣйшаго значенія. Ученицы были слишкомъ взволнованы затрудненіемъ отвѣчать на вопросы, а учительница видимо торопилась окончить неинтересный для нея урокъ.

— Семь и пятнадцать,—много ли это будетъ? спрашивала она. Но такъ какъ изумленный взглядъ ученицы былъ пока единственнымъ отвѣтомъ, то учительница убѣдительно подхватывала: „неправда ли, это будетъ 22?—такъ, прекрасно!“ Затѣмъ, обращаясь къ старшей: „если изъ 25-ти яблокъ вы отдадите 20, — много ли у васъ останется? Неправда ли,— у васъ останется пять? — Очень хорошо!“—и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Но вдругъ безо всякаго перехода слухъ мой былъ пораженъ вопросомъ, обращеннымъ къ меньшой дѣвочкѣ: „отчего люди родятся?“ спросила воспитательница. Тутъ уже вмѣстѣ съ дѣвочкой вытращилъ глаза и я.

— Отъ молока! вдругъ протяжно и пугливо пропищала ученица.

— Ну да, ну да! млекопитающіе!

Тутъ изъ магазина поднялся къ намъ Ѳедоръ Ѳедор., и внутренняя связь и смыслъ послѣдняго вопроса остался для меня навсегда загадкой. Поблагодаривъ хозяевъ, я отправился прямо въ свой номеръ, а по лицу вошедшаго черезъ полчаса Ивана Алекс. я замѣтилъ, что онъ что-то хочетъ мнѣ сказать.

— Вы чѣмъ-то взволнованы, сказалъ я, — такъ говорите прямо.

— Это правда, отвѣчалъ Остъ; но я не знаю, какъ вы примете мои слова. Я только что отъ Любовь Аѳанасьевны и засталъ тамъ, кого бы вы думали?

— Не знаю.

— Ольгу Васильевну. Она видимо мнѣ обрадовалась и въ то же самое время смутилась. Она просила меня испросить у васъ позволенія явиться сейчасъ къ вамъ съ повинною. И я подумалъ, что, право, съ вашей стороны было бы благое дѣло забыть увлеченіе полу-ребенка подъ вліяніемъ особы, овладѣвшей волею дѣвочки чуть ли не съ первыхъ дѣтскихъ шаговъ.

Не задумавшись ни минуты, я отправился къ сестрѣ Любовь Аѳанасьевнѣ, и тамъ не только все прошлое было забыто, но я уступилъ даже убѣдительнымъ просьбамъ племянницы быть хозяиномъ бала, даваемаго ею на другой день.

Л. Н. Толстой писалъ отъ 1-го февраля 1879 г.:

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, получилъ уже съ недѣлю ваше особенно хорошее послѣднее письмо съ очень хорошимъ, но не превосходнымъ стихотвореніемъ и не отвѣчалъ тотчасъ же, потому что, повѣрите ли, съ тѣхъ поръ не поправился отъ своего нездоровья, и нынче только получше, и голова свѣжа, но все еще не выхожу. *Правда то, что правда.* Это изъ истинъ истина. Но правду, такъ же какъ и эту истину, можно не доказывать, но выслѣдить, придти къ ней и увидать, что дальше идти некуда, и что отъ нея-то я и пошелъ. Стихотвореніе послѣднее мнѣ не такъ понравилось, какъ предшествующее и по формѣ (не такъ круто, какъ то), и по содержанію, съ которымъ я не согласенъ, какъ можно быть несогласнымъ съ такимъ невозможнымъ представленіемъ. У Верна есть разсказъ вокругъ луны. Они тамъ на-

ходятся въ точкѣ, гдѣ нѣтъ притяженія. Можно ли въ этой точкѣ подпрыгнуть, — знающіе физику различно отвѣчали. Такъ и въ вашемъ предположеніи должно различно отвѣчать, потому что положеніе невозможно, не человѣческое. Но вопросъ духовный поставленъ прекрасно. И я отвѣчаю на него иначе, чѣмъ вы. — Я бы не захотѣлъ опять въ могилу. Для меня и съ уничтоженіемъ всякой жизни кромѣ меня, все еще не кончено. Для меня остаются *еще* мои отношенія къ Богу, т. е. отношенія къ той силѣ, которая меня произвела, меня тянула къ себѣ и меня уничтожитъ или видоизмѣнитъ. Стихотвореніе хорошо уже потому, что я читалъ дѣтямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя заняты чумой, и оно, отвѣчая на ихъ страхъ, тронуло ихъ.

„Дай Богъ вамъ здоровья, спокойствія душевнаго и того, чтобы вы признали необходимость отношеній къ Богу, отсутствіе которыхъ вы такъ ярко отрицаете въ этомъ стихотвореніи.

Вашъ *Л. Толстой.*

16 февраля 1879 года.

„Я все хвораю, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и отъ этого не отвѣчалъ вамъ тотчасъ же на ваше письмо съ превосходнымъ стихотвореніемъ. Это вполнѣ прекрасно. Коли оно когда нибудь разобьется и засыпется развалинами, и найдутъ только отломанный кусочекъ: *въ немъ слишкомъ много слезъ*, то и этотъ кусочекъ поставятъ въ музей и по немъ будутъ учиться. Я не боленъ, не здоровъ, но умственной и душевной бодрости, которая нужна мнѣ,—нѣтъ. Не такъ какъ вы— сухо дерево. Присылайте же еще стихи. Странно, какъ умствованія мало убѣдительны. Въ послѣднемъ письмѣ я вамъ писалъ, что я не согласенъ съ мыслью послѣдняго стихотворенія. Что я не захотѣлъ бы вернуться въ могилу, потому что у меня остались бы *еще* мои отношенія къ Богу. Вы ничего на это не отвѣчали. Отвѣтьте пожалуйста. Если вамъ это кажется просто глупостью, такъ и скажите. Дай Богъ вамъ всего лучшаго, передайте наши поклоны Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

25 марта 1879 г.

„Мнѣ совѣстно молчать передъ вами, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, изображая изъ себя этимъ молчаніемъ или краткостью писемъ занятаго человѣка, тогда какъ не имѣю права этого сказать, такъ какъ я дѣлаю что то такое, что не оставляетъ никакихъ слѣдовъ внѣ меня. У насъ все хорошо. Радуюсь, что у васъ тоже. Я былъ въ Москвѣ, собиралъ матерьялы и измучился и простудился. Юрьевъ проситъ вашего сотрудничества въ своемъ журналѣ. Ему разрѣшенъ. Я чуть не попалъ къ вамъ. Хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ и къ вамъ. Отложилъ, но буду живъ, доставлю себѣ эту радость. Будьте здоровы и любите насъ, какъ мы васъ любимъ.

Вашъ *Л. Толстой*.

17 апрѣля 1879 г.

„Есть молитва, которая говоритъ: не по заслугамъ, но по милосердію твоему. Такъ и вы. Еще получилъ отъ васъ длинное, хорошее письмо. Непремѣнно и скоро поѣду въ Кіевъ и Воробьевку, и все тогда вамъ разскажу, а теперь только отвѣчу на ваши опасенія. Декабристы мои Богъ знаетъ гдѣ теперь, я о нихъ и не думаю, а если бы и думалъ, и писалъ, то льщу себя надеждой, что мой духъ одинъ, которымъ пахлобы, былъ бы невыносимъ для стрѣляющихъ въ людей для блага человѣчества. Какъ правы мужики и вы, что стрѣляютъ господа, и хоть не за то, что отняли, а потому что отняли мужиковъ. Но долженъ сказать, я добросовѣстно не читаю газетъ даже теперь и считаю обязанностью всѣхъ отвращать отъ этой пагубной привычки. Сидитъ человѣкъ старый, хорошій въ Воробьевкѣ; переплавилъ въ своемъ мозгу двѣ-три страницы Шопенгауэра и выпустилъ ихъ по русски, съ кія кончилъ партію, убилъ вальдшнепа, полюбовался жеребенками отъ Закраса, сидитъ съ женою, пьетъ славный чай, куритъ, всѣми любимъ и всѣхъ любитъ, и вдругъ привозятъ вонючій листъ сырой, рукамъ больно, глазамъ больно, и въ сердцѣ злоба осужденій, чувство отчужденности, чувство, что никого я не люблю, никто меня не любитъ и начинаетъ говорить, говоритъ и сердится, и страдаетъ. Это надо бросить.

удетъ много лучше. Надѣюсь, досвиданья. Наши поклоны арьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

25 мая 1879 г.

„Благодарю васъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, что вы ня не забываете; только не сердитесь пожалуйста на меня то, что я мою желанную поѣздку къ вамъ все еще откла-ваю. Нельзя сказать, что именно меня до сихъ поръ за-рживало, потому что ничего не было замѣтнаго, а все ме-чи: нынче гувернеры уѣхали, завтра надо въ Тулу ѣхать, реговорить въ гимназіи объ экзаменахъ, потомъ малень-й нездоровъ, и т. д. Главная причина всетаки—экзамены альчиковъ. Хоть и ничего не дѣлаешь, а хочется слѣдить. дутъ они не совсѣмъ хорошо: Сережа по разсѣянности и умѣлости дѣлаетъ въ письменныхъ экзаменахъ ошибки; а править послѣ уже нельзя. Но теперь экзамены уже пере-ыли за половину, и надѣюсь, что ничто меня не задер-итъ. Одна изъ причинъ тоже—это прекрасная весна. Давно такъ не радовался на міръ Божій, какъ нынѣшній годъ. гоишь разиня ротъ, любуешься и боишься двинуться, чтобы пропустить чего. У насъ все слава Богу. Жена поѣхала ъ Тулу съ дѣтьми, а я почитаю хорошія книжки и пойду ися на четыре ходить. Пожалуйста вы мною не стѣсняй-есь, извѣщая меня, когда вы что хотите дѣлать. Если бы я пріѣхалъ къ вамъ, васъ не засталъ (чего не можетъ слу-иться), то мнѣ подѣломъ; въ другой разъ пріѣду. Наши оклоны Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

13 іюля 1879 года.

„Не сердитесь на меня, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, го не писалъ вамъ, не благодарилъ васъ за пріятный день васъ и не отвѣчалъ на послѣднее письмо ваше. Правда олжно быть, что я у васъ былъ не въ духѣ (простите за го), я и теперь все не въ духѣ. Все ломаюсь, мучаюсь, ружусь, исправляюсь, учусь; и думаю, что не такъ ли, какъ асилій Петровичъ покойникъ, доведется и мнѣ заполнить

пробѣлъ да и умереть; а все не могу не разворачивать самъ себя.

„У насъ все корь: половину дѣтей перебрала, а остальныхъ ждемъ. Что жь вы въ Москву? Только не дай Богъ, чтобы для здоровья, а хорошо бы для винтовъ какихъ-нибудь въ машину, и къ намъ бы заѣхали. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

28 іюля 1879 года

„Благодарю васъ за ваше послѣднее хорошее письмо, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и за апологъ о соколѣ, который мнѣ нравится, но который я желалъ бы болѣе пояснить. Если я этотъ соколъ и если, какъ выходитъ изъ послѣдующаго, залетаніе мое слишкомъ далеко состоитъ въ томъ, что я отрицаю реальную жизнь, то я долженъ оправдаться. Я не отрицаю ни реальной жизни, ни труда, необходимаго для поддержанія этой жизни, но мнѣ кажется, что большая доля моей и вашей жизни наполнена удовлетвореніями не естественныхъ, а искусственно привитыхъ намъ воспитаніемъ и самими нами придуманныхъ и перешедшихъ въ привычку потребностей, и что девять десятыхъ труда, полагаемаго нами на удовлетвореніе этихъ потребностей,—праздный трудъ. Мнѣ-бы очень хотѣлось быть твердо увѣреннымъ въ томъ, что я даю людямъ больше того, что получаю отъ нихъ; но такъ какъ я чувствую себя очень склоннымъ къ тому, чтобы высоко цѣнить свой трудъ и низко цѣнить чужой, то я не надѣюсь увѣриться въ безобидности для другихъ разсчета со мной однимъ усиленіемъ своего труда и избраніемъ тяжелѣйшаго (я непремѣнно увѣрю себя, что любимый мною трудъ есть самый нужный и трудный);—я желалъ бы какъ можно меньше брать отъ другихъ и какъ можно меньше трудиться для удовлетворенія своихъ потребностей; и думаю, такъ легче не ошибиться. Жалѣю очень, что здоровье ваше все нетвердо, но радуюсь тому, что вы духомъ здоровы, что видно изъ вашихъ писемъ. Отъ души обнимаю васъ и прошу передать наши поклоны Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Не смотря на удачную операцію въ Вѣнѣ, не оставившую послѣ себя никакихъ болѣзненныхъ слѣдовъ, Любовь Аѳанасьевна, собиравшаяся навѣстить насъ въ Воробьевкѣ, съ каждымъ днемъ видимо ослабѣвала и гасла и наконецъ навѣки заснула въ своемъ номерѣ, откуда перевезена была въ свой приходъ, въ село Долгое и близь церкви похоронена рядомъ съ мужемъ.

Однажды, когда мы съ Петей Борисовымъ ходили взадъ и впередъ по комнатѣ, толкуя о ширинѣ замысла и исполненія Гётевскаго Фауста, Петруша сказалъ мнѣ, что онъ въ шутку пробовалъ переводить особенно ему нравившіеся стихи этой трагедіи, какъ наприм., въ рекомендаціи Мефистофеля ученику изучать логику.

— Я, говорилъ Борисовъ,—перевелъ:

«Тутъ духъ вашъ чудно дрессируютъ,
Въ сапогъ испанскій зашнуруютъ».

— Прекрасно! воскликнулъ я, — какъ бы разомъ учуявъ тонъ, въ которомъ слѣдуетъ переводить Фауста, — и при этомъ признался Петѣ, что много разъ, лежа въ Спасскомъ на диванѣ въ то время, какъ Тургеневъ работалъ въ сосѣдней комнатѣ, усердно скрипя перомъ, — я, какъ ни пытался, не могъ перевести ни одной строчки Фауста, очевидно только потому, что подходилъ къ нему на ходуляхъ, тогда какъ онъ сама простота, доходящая иногда до тривіальности. Но тутъ, продолжая ходить взадъ и впередъ съ Борисовымъ, я шутя перевелъ нѣсколько стиховъ, которые помнилъ наизусть.

— Дядичка! воскликнулъ Борисовъ;— умоляю тебя, возьмись за переводъ Фауста. Кому же онъ яснѣе и ближе по содержанію, чѣмъ тебѣ?

— Не могу, не могу, отвѣчалъ я.—Знаю это по опыту.

На этомъ разговоръ и кончился. Тѣмъ не менѣе, въ скорости по отъѣздѣ Борисова въ лицей, я осмѣлился приступить къ переводу Фауста, который сталъ удаваться мнѣ съ совершенно неожиданной легкостью.

Л. Н. Толстой писалъ:

31 августа 1879 года.

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, разумѣется, я опять виноватъ передъ вами, но, разумѣется, не отъ недостатка любви къ вамъ и памяти о васъ. Мы со Страховымъ то и дѣло говорили про васъ: судили и рядили, какъ мы всѣ судимъ другъ о другѣ, и какъ дай Богъ, чтобы обо мнѣ судили. Страховъ очень доволенъ пребываніемъ у васъ и еще больше вашимъ переводомъ. Мнѣ удалось вамъ рекомендовать чтеніе 1001-й ночи и Паскаля; и то, и другое вамъ не то что понравилось, а пришлось по васъ. Теперь имѣю предложить книгу, которую еще никто не читалъ, и я на дняхъ прочелъ въ первый разъ и продолжаю читать и ахать отъ радости; надѣюсь, что и эта придется вамъ по сердцу, тѣмъ болѣе что имѣетъ много общаго съ Шопенгауэромъ: это Соломона Притчи, Эклезіастъ и книга Премудрости,—новѣе этого трудно что-нибудь прочесть; но если будете читать, то читайте по славянски. У меня есть новый русскій переводъ, но очень дурной. Англійскій тоже дуренъ. Если бы у васъ былъ греческій, вы бы увидали, что̀ это такое. Поклонитесь отъ меня Петѣ Борисову и посовѣтуйте ему отъ меня почитать по-гречески и сличить съ переводами. Я сейчасъ ходилъ гулять и думалъ о Петѣ. Не знаю, чему ему надо еще учиться, но знаю, что съ его знаніями я могу предложить ему дѣла четыре такія, на которыя нужно посвятить жизнь и успѣхъ, хотя неполный, заслужитъ навѣки благодарность всякаго русскаго, пока будутъ русскіе.

„У насъ послѣ пріѣзда Страхова были гость на гостѣ, театръ и дымъ коромысломъ, 34 простыни были въ ходу для гостей, и обѣдало 30 человѣкъ,—и все сошло благополучно, и всѣмъ, и мнѣ въ томъ числѣ, было весело. Нашъ душевный привѣтъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

XIII.

Продажа Новоселокъ.—Тереза Петровна.—Письма.—Поѣздка въ Крымъ.—Семейство Ребилліоти.—Ихъ усадьба.—Севастополь.—Тази и Реуновъ.—Севастопольское кладбище.—Ялта.—Продажа Фатьянова.—Покупка Борисовымъ Ольховатки.—1-е марта 1881 года.—Письмо брата.

Встрѣтивъ Новый годъ и на этотъ разъ у Покровскихъ воротъ, я, по крайней мѣрѣ лично, пробылъ въ Москвѣ весьма короткое время и уѣхалъ въ Воробьевку, заѣхавши по дорогѣ въ Ясную Поляну.

Отыскался и серьезный покупатель на Новоселки. Не буду вспоминать всѣхъ раздражительныхъ и тяжелыхъ минутъ, по случаю всякаго рода мелочныхъ препятствій, возбужденныхъ при этомъ покупателемъ. Непріятно обрывать свое собственное, но быть вынужденнымъ обрывать чужое, ввѣренное вашей охранѣ,—пытка. Но вотъ, худо ли, хорошо ли, запродажа нашихъ родныхъ Новоселокъ состоялась, и я со свободною душей могъ снова усѣсться въ моемъ уединенномъ кабинетѣ, устроенномъ, какъ я выше говорилъ, въ числѣ трехъ комнатъ на бывшемъ чердакѣ. Срокъ аренды орловскому имѣнію, снятому Иваномъ Алекс., кончился, и онъ возобновить его къ Новому году не захотѣлъ; а потому, по просьбѣ нашей, 70-ти лѣтняя старушка матушка его, Тереза Петровна, переѣхала къ намъ.

Оглядываясь на свои тихіе кабинетные труды того времени, не могу безъ благодарности вспомнить доброй старушки, сдѣлавшейся безотлучной гостьей моего кабинета. Окна во всемъ бывшемъ чердакѣ, а слѣдовательно и въ моемъ

кабинетѣ, были пробиты уже при нашей перестройкѣ дома, и рамы, сдѣланныя изъ столѣтнихъ досокъ, уцѣлѣвшихъ въ видѣ закромовъ въ амбарѣ, были дотого плотны, что старушка, чувствительная ко всякимъ атмосфернымъ вліяніямъ, садилась съ своимъ шитьемъ зимою на подоконникъ. Такъ какъ въ стихотворныхъ переводахъ я, кромѣ вѣрности тона, требую отъ себя и тождественнаго количества стиховъ, то иногда давалъ Терезѣ Петровнѣ въ руки Гётевскаго Фауста, прося сосчитывать стихи отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ. При этомъ она всегда опережала меня и говорила: zwei или drei und zwanzig — раньше чѣмъ я говорилъ: два или двадцать три. Не взирая на такую систематическую провѣрку, мы ухитрились пропустить три стиха, которые были возстановлены уже въ изданіи 2-й части трагедіи.

Л. Н. Толстой писалъ:

31 мая 1880 года.

„Прежде чѣмъ сказать вамъ, какъ мнѣ совѣстно передъ вами и какъ я чувствую себя виноватымъ передъ вами, прежде всего я ужасно благодаренъ вамъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за ваше доброе, прекрасное, главное умное письмо. Вы имѣли причины быть недовольнымъ мною и вмѣсто того чтобы высказать мнѣ свое нерасположеніе, которое очень могло бы быть, вы высказали мнѣ причины своего недовольства мною добродушно и главное такъ, что я почувствовалъ, что вы всетаки любите меня. Письмо ваше произвело на меня чувство умиленія и стыда за свою неряшливость, — ничего больше. Вотъ что было, и вотъ мои послѣднія впечатлѣнія о нашихъ отношеніяхъ. Вы мнѣ писали, какъ всегда; я, какъ всегда, съ радостью получалъ ваши письма, но не какъ всегда (съ еще большей неаккуратностью чѣмъ прежде, вслѣдствіе своихъ особенно напряженныхъ занятій нынѣшняго года)— отвѣчалъ; но передъ весною я получилъ отъ васъ письмо, въ которомъ видѣлъ, что вы меня въ чемъ то считаете виноватымъ. Вина моя единственная и ненастоящая передъ вами была та, что, прочтя это письмо, я не написалъ тотчасъ же вамъ, что я и хотѣлъ сдѣлать, прося у васъ объясненія, за что вы недовольны мною. Опять мои занятія немного изви-

няютъ меня, и прошу васъ простить меня за это. Въ первой же главной моей винѣ, какъ вамъ это должно казаться, что я не отвѣчалъ вамъ на ваше предложеніе пріѣхать въ Ясную,— я рѣшительно невмѣняемъ. Не понялъ ли я этого, просмотрѣлъ ли, но совершенно забылъ, и для меня этого вашего предложенія пріѣхать не существовало. Я вамъ все это такъ пишу, потому что знаю, что вы мнѣ повѣрите, что я пишу истинную правду. Какъ это случилось—не знаю. Но въ этомъ я не виноватъ. Не виноватъ потому, что всегда читаю ваши письма по нѣскольку разъ и вникая въ каждое слово, не виноватъ уже навѣрно въ томъ, чтобы я могъ промолчать, не подхвативъ его съ радостью, ваше предложеніе пріѣхать къ намъ. Во всякомъ случаѣ простите, но не мѣняйтесь ко мнѣ, какъ я не перемѣнюсь къ вамъ, пока мы живы. И очень, очень благодарю васъ за ваше письмо. Мнѣ такъ хорошо стало теперь; потому что твердо надѣюсь, что получу отъ васъ хорошую вѣсточку, и можетъ быть вы уже совсѣмъ покажете мнѣ, что прощаете меня, пріѣхавъ къ намъ. Жена кланяется вамъ; она чувствовала то же, что я, относительно васъ, еще сильнѣе меня.

Вашъ *Л. Толстой.*

8 іюля 1880.

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Страховъ мнѣ пишетъ, что онъ хотѣлъ исполнить мою просьбу: уничтожить въ васъ всякое, какое могло быть, недоброжелательство ко мнѣ или недовольство мною,—но что это оказалось совершенно излишне. Онъ ничего не могъ мнѣ написать пріятнѣе. И это же я чую въ вашемъ письмѣ. А это для меня главное. И еще будетъ лучше, когда вы по старой привычкѣ заѣдете ко мнѣ. Мы оба съ женою ждемъ этого съ радостью. Теперь лѣто и прелестное лѣто, и, я какъ обыкновенно, ошалѣваю отъ жизни и забываю свою работу. Нынѣшній годъ долго я боролся, но красота міра побѣдила меня. И я радуюсь жизнью и больше почти ничего не дѣлаю. У насъ полонъ домъ гостей. Дѣти затѣяли спектакль, и у нихъ шумно и весело. Я съ трудомъ нашелъ уголокъ и выбралъ минутку, чтобы написать вамъ

словечко. Пожалуйста же по старому любите насъ, какъ и мы. Передайте нашъ привѣтъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

26 сентября 1880.

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Страховъ пишетъ мнѣ, что вы жалуетесь на меня. Вы жалуйтесь и ругайте меня и лучше всего мнѣ самому, я это ужасно люблю; но попрежнему пишите, заѣзжайте и любите меня. Что вашъ Шопенгауэръ? Я жду его съ большимъ интересомъ. Я очень много работаю. Всѣ у насъ здоровы. Жена вамъ кланяется. Нашъ общій поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Наслушавшись зимою восторженныхъ восклицаній Каткова объ очаровательной природѣ Крыма, я все лѣто толковалъ, что стыдно проживать въ недалекомъ сравнительно разстояніи отъ Крыма и умереть, не видавши южнаго берега, не взирая на Севастопольскую желѣзную дорогу. Къ этому желанію случайно присоединился дошедшій до меня слухъ, что добрый мой товарищъ, однополчанинъ кирасирскаго Военнаго Ордена полка.—Ребиліоти, покинувшій полкъ еще до Венгерской компаніи, женатъ и проживаетъ въ своемъ имѣніи близъ станціи Бахчисарай. Конечно, тотчасъ же на письмо мое къ нему послѣдовало самое любезное и настойчивое приглашеніе начать знакомство съ Крымомъ съ его имѣнія въ долинѣ Качи.

Какъ ни порывались мы съ женою и Иваномъ Александровичемъ въ Крымъ, молотьба и сѣвъ не отпустили насъ раньше послѣднихъ чиселъ сентября, хотя мы чувствовали, что нѣсколько запоздали. Наконецъ мы свободны и въ вагонѣ съ запасомъ закусокъ, чайныхъ приборовъ и сливокъ. Того же вечера прибываемъ въ Харьковъ, и пересѣвши въ полдень на слѣдующій день въ Лозовой на другой поѣздъ, — пускаемся въ дальнѣйшій путь. Ночь, озаряемая полнолуніемъ и міріадами звѣздъ. спустилась на землю почти свѣтла, какъ день.

Вдругъ поѣздъ нашъ покатился по бѣлоснѣжной землѣ, и я догадался, что мы подходимъ къ Сивашу съ его вѣковѣчнымъ солянымъ богатствомъ. Человѣкъ, составившій себѣ изъ географіи поверхностное понятіе о Крымѣ, какъ о горной странѣ, будетъ, проѣхавши Перекопъ, немало удивленъ полнымъ отсутствіемъ видоизмѣненія почвы. Кругомъ все та же необозримая степь, на которую пришлось наглядѣться, начиная съ Харькова. Понятно, почему крымскія борзыя искони считались самыми выносливыми и сильными. Но вотъ солнце мало по малу озарило безоблачное небо. Мы съ первой станціи благодушно занялись утреннимъ кофеемъ.

— А, вотъ онѣ наконецъ! воскликнулъ я, взглянувъ въ лѣвое окно вагона.

— Кто онѣ? спросилъ Иванъ Александровичъ.

— Горы, отвѣчалъ я, указывая на изсиза-лиловую дымчатую гряду, потянувшуюся на горизонтѣ къ юго-востоку.

— Помилуйте, да это облака, замѣтилъ Иванъ Александровичъ.

— Погодите съ часъ или два, отвѣчалъ я, — и какъ намъ неизбѣжно приближаться къ этимъ облакамъ, то вы убѣдитесь, что они такое.

Окончательное убѣжденіе Ивана Александровича не заставило себя долго ждать. — когда мы въѣхали въ ущелье, гдѣ Симферополь пріютился на берегахъ Салгира.

«О скоро-ль вновь увижу васъ,
Брега веселые Салгира?»

„Вотъ, невольно подумалъ я, какъ игриво весела эта невзрачная рѣченка въ волшебныхъ стихахъ поэта".

Но вотъ Бахчисарайская станція.

— Есть экипажъ отъ Ребилліоти?

— Есть.

Проѣхавъ минутъ сорокъ по каменистой дорожкѣ по долинѣ Качъ, мы въѣхали въ каменныя ворота прекрасной каменной, но видимо запущенной усадьбы, и застали на дворѣ самого хозяина, видимо насъ поджидавшаго. Я тотчасъ его узналъ, не взирая на его сѣдые волосы. Онъ поспѣшилъ познакомить насъ съ своей женой, какъ и онъ, гречанкой,

сохранившей еще явные слѣды красоты, а также и съ милыми своими дочерями.

Когда, оправившись послѣ двухъ-суточнаго пребыванія въ вагонѣ, — мы стали осматриваться кругомъ, то были поражены всѣмъ видимымъ. Признаюсь, я ничего подобнаго нигдѣ не встрѣчалъ. Небольшой, но весьма помѣстительный двухъэтажный домъ съ подъѣздомъ со двора выстроенъ, очевидно, умѣлой и широкой рукой. Въ нижнемъ этажѣ расположены жилыя, а вверху парадныя комнаты. Дубовый потолокъ гостиной украшенъ посрединѣ большою розеткой изъ золоченыхъ металлическихъ листьевъ аканѳа. Стеклянная дверь выходитъ на балконъ, висящій прямо надъ быстрыми струями Качи, заключенной въ каменный арыкъ, вращающій могучимъ паденіемъ воды мельничное колесо, но при закрытіи шлюза орошающій всѣ четыре десятины сада. И что это за садъ смотритъ вамъ въ лицо! Какіе тополи, кипарисы и орѣхи стоятъ тотчасъ же по другую сторону арыка, уносящаго у ногъ вашихъ множество падающихъ въ него яблокъ.

Чтобы не отнимать у васъ возможности любоваться садомъ и лежащими за нимъ горами, гигантскія деревья разступаются, связанныя между собою только могучимъ побѣгомъ лозы, бросившейся съ высоты и увѣшанной темно-сизыми гроздьями. Самыя фруктовыя деревья дотого усыпаны краснѣющими яблоками, что безъ сотенъ подпорокъ не въ состояніи бы были выдержать тяжести.

„Вотъ гдѣ, думалъ я, человѣкъ можетъ жить обезпеченно при наименьшихъ со стороны своей усиліяхъ. Конечно, и тутъ необходимо думать о поддержкѣ сада, но что же значитъ работа на четырехъ десятинахъ въ сравненіи съ нашими хозяйствами на тысячахъ десятинахъ“. А между тѣмъ, видимо безпечный хозяинъ говорилъ мнѣ, что садъ его былъ бы игрушечка, если бы онъ могъ тратить на него 2 тысячи рублейв ъ годъ. А хозяйка жаловалась, что не далѣе какъ нынѣшней весною торговцы давали ея мужу за нынѣшній урожай 20 тысячъ рублей, но онъ не отдавалъ до самой осени, а теперь продалъ садъ за 8 тысячъ. „И такъ, говорила она, мы поступаемъ ежегодно“.

По поводу восхищенія моего Актачами, хозяинъ сказалъ: „это имѣніе представляетъ только бѣдный остатокъ отцовскаго достоянія. Отецъ нашъ, отставной генералъ-лейтенантъ, мало по малу пріобрѣлъ почти всѣ земли южнаго берега, которыя, конечно, въ то время не представляли своей настоящей цѣнности, и отецъ пріобрѣталъ ихъ у татарскихъ владѣльцевъ, иногда вымѣнивая на восточные ятаганы и сабли. Только современемъ всѣ эти имѣнія, какъ Мисхоръ, Гурзуфъ, Ливадія, Оріанда и т. д., перепроданы имъ новымъ владѣльцамъ.

Нечего говорить, что послѣ прекраснаго обѣда, вѣнчаннаго самыми изысканными фруктами, мы въ кабинетѣ хозяина предавались нашимъ полковымъ воспоминаніямъ, и тутъ я узналъ, что бывшій нашъ товарищъ, Севастопольскій грекъ, полковникъ Тази въ настоящее время проживаетъ въ Севастополѣ въ домѣ зятя своего, отставнаго капитана Реунова.

Прогостивши два дня у любезныхъ хозяевъ, мы уѣхали отъ нихъ съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы имѣть возможность осмотрѣть Бахчисарай и на другой день съ утреннимъ поѣздомъ уѣхать въ Севастополь.

Не буду говорить о замѣчательномъ въ своемъ родѣ и характерномъ, хотя и небогатомъ дворцѣ и ханскомъ кладбищѣ; скажу только, что Бахчисарай съ его тѣсной горной улицей, харчевнями, лавками, мѣдными и жестяными производствами, дѣйствующими открыто на глазахъ прохожихъ, сохранилъ полностью характеръ азіатскаго города. Въ лучшей гостинницѣ, гдѣ пришлось намъ ночевать, мы послѣ девяти часовъ вечера могли только получить чайникъ кипятку, такъ какъ самовара уже не полагается.

Но вотъ на другой день, пройдя нѣсколько туннелей, мы остановились на Севастопольской станціи. Говорятъ, въ настоящее время Севастополь неузнаваемъ. Но въ то время онъ производилъ самое тяжелое впечатлѣніе почти сплошными развалинами. Кромѣ изуродованныхъ стѣнъ въ бывшихъ домахъ ничего не оставалось и, благодаря мощной южной растительности, въ разломанныя амбразуры оконъ и дверей порою виднѣлись зеленѣющія деревья. Въ гостинницѣ, на распросъ мой

о домѣ Реунова, указали на развалину на противоположной сторонѣ улицы, предупреждая, что Реунова я долженъ искать за этими развалинами въ другомъ уже обновленномъ его домѣ. Добравшись по адресу, я спросилъ квартиру полковника Тази, и деньщикъ его ввелъ меня къ моему старому Александру Андреевичу.

Еще во время моего адъютантства, когда Тази командовалъ пятымъ эскадрономъ, генералъ Бюлеръ жаловался, что Александръ Андреевичъ порою не слышитъ команды; но при Севастопольской встрѣчѣ, на вопросъ мой о здоровьи, Тази отвѣчалъ: „какъ видишь, слава Богу, здоровъ, только глухъ сталъ“. И дѣйствительно, не взирая на приставленную имъ къ уху ладонь, нужно было ему кричать, и самъ онъ, не соразмѣряя звуковъ, кричалъ нестерпимо.

— Ну какъ же ты поживаешь? спросилъ я его.

— Да слава Богу! получаю небольшой доходъ съ наслѣдственныхъ садовъ да пенсію; и вотъ поселился у своего родственника, отставнаго капитана Реунова, который женатъ былъ на моей покойной сестрѣ. Тотъ тоже получаетъ пенсіонъ за свою Севастопольскую службу, и кромѣ того въ этомъ домѣ у него бани, въ которыя ходитъ много народу, и поэтому довольно доходныя. Даромъ-то жить какъ то совѣстно; такъ я плачу ему за эти двѣ комнаты 25 рублей и ежегодно хожу къ нему обѣдать. Гостей у него никогда не бываетъ, и мы всегда обѣдаемъ только втроемъ: онъ съ женою и я.

— Да вѣдь ты же сказалъ, что твоя сестра умерла?

— Умерла, братецъ, точно, умерла 6 лѣтъ тому назадъ. Только зять мой никогда безъ нея обѣдать не сядетъ. Ей ежедневно накрывается третій приборъ, и противъ него ставится большой ея фотографическій портретъ. Это, братецъ, большой чудакъ. Онъ вздумалъ было мнѣ отказывать деньги по духовному завѣщанію. Насилу я могъ его уговорить, что это смѣшно. Ну на что мнѣ деньги, когда я не знаю, куда и своихъ дѣвать? Самъ онъ ежедневно ходитъ колоть дрова для бани. Ахъ, да вотъ и онъ, сказалъ Тази, глядя изъ окна во дворъ.

Взглянувъ въ свою очередь въ окно, я увидалъ худоща-

ваго старичка въ блузѣ неопредѣленнаго цвѣта, въ сѣрыхъ нанковыхъ старыхъ брюкахъ и женскихъ изношенныхъ башмакахъ на босу ногу. Минутъ черезъ пять тотъ же старичекъ вошелъ въ комнату Александра Андреевича, который тотчасъ же познакомилъ насъ. Старичекъ присѣлъ противъ меня на стулъ, и разговоръ самъ собою склонился къ оборонѣ Севастополя и къ печальному виду покрывающихъ его развалинъ.

— Да, сказалъ Реуновъ, развалины эти для другихъ безмолвны, но для меня онѣ краснорѣчивѣе всякихъ обитаемыхъ жилищъ. Поневолѣ поправилъ я вотъ этотъ домъ, въ которомъ живу; а вотъ тотъ, что выходитъ на улицу, и котораго я возстановлять не соберусь, напоминаетъ мнѣ не только время осады, но и покойную мою жену, жившую въ немъ почти до полнаго его разрушенія. Какъ я ее ни уговаривалъ измѣнить своимъ привычкамъ въ такое опасное время, она продолжала сидѣть на своемъ обычномъ мѣстѣ подъ окномъ и вязать чулокъ. Я въ это время командовалъ Николаевскимъ бастіономъ при входѣ въ Сѣверную бухту и долженъ былъ выдерживать усиленный огонь непріятельскаго флота. Тѣмъ не менѣе жена моя ежедневно приходила ко мнѣ на бастіонъ со служанкой и всѣми чайными принадлежностями въ обычное время—восемь часовъ вечера. Видя вокругъ себя ежеминутныя жертвы непріятельскихъ снарядовъ и потоки крови, я умолялъ жену не подвергать себя безполезной опасности; но она на всѣ мои убѣжденія отвѣчала, что иначе поступать не можетъ, и, напоивши меня чаемъ, помогала убирать и перевязывать раненыхъ. У окна своего бель-этажа она привыкла по шуму снарядовъ узнавать ихъ направленіе, и однажды, услыхавъ шуршаніе бомбы,—подумала: „вотъ это уже близко къ намъ“. Въ ту же минуту бомба, пробивши крышу и потолокъ, прошибла полъ у ногъ жены и, пройдя антресоль, разорвалась въ подвальномъ этажѣ, въ которомъ отдыхала и чистилась смѣнившаяся рота. Занимавшій антресоль столяръ, бывшій въ то время на дворѣ, услыхавъ взрывъ бомбы, вспомнилъ, что у него остался въ комнатѣ маленькій сынъ въ колыбели. Каковъ же былъ его ужасъ, когда, вбѣжавъ въ комнату, онъ увидалъ люльку

пустою и рядомъ съ нею отверстіе въ полу, пробитое бомбой. Въ отчаяніи онъ бросился въ подвалъ, гдѣ изъ груды тѣлъ замѣтилъ торчащую дѣтскую ручку. Устранивъ постороннія мертвыя тѣла, онъ досталъ своего безжизненнаго ребенка и, положивши его на плечо, вынесъ на дворъ. На воздухѣ мнимо-умершій ребенокъ сталъ дышать и ожилъ, не имѣя на тѣлѣ никакихъ поврежденій, за исключеніемъ царапинъ на стегнѣ, полученныхъ при паденіи въ расщепленное бомбою отверстіе пола. День въ день черезъ 20 лѣтъ послѣ этого происшествія жена моя скончалась, и можно было подумать, что Божественный промыслъ сказалъ ей: „ты усомнилась въ минуту полета снаряда, такъ вотъ тебѣ чудо: ребенокъ, можно сказать, влетѣвшій въ подвалъ верхомъ на бомбѣ, спасенъ. А ты сама проживешь еще 20 лѣтъ“.—Спасенный мальчикъ, прибавилъ разскащикъ, и по сей день ходитъ здоровый по улицамъ Севастополя.

Оригинальный отставной капитанъ говорилъ, что въ свое время журналы описывали поведеніе его жены.

Нигдѣ и никогда не испытывалъ я того подъема духа, который такъ мощно овладѣлъ мною на братскомъ кладбищѣ. Это тотъ самый геройскій духъ, отрѣшенный отъ всякихъ личныхъ стремленій, который носится надъ полемъ битвы и одинъ способенъ стать предметомъ героической пѣсни. Кто со смысломъ читалъ Иліаду, начало „Классической Вальпургіевой ночи“ во второй части Фауста, или Севастопольскіе разсказы гр. Л. Толстаго,—пойметъ, о чемъ я говорю. Воспѣвать можно только безсмертныхъ обитателей Елисейскихъ полей: царей, героевъ и поэтовъ. Сюда же, конечно, относятся и классическіе образцы женской красоты, какъ Елена, Леда, Алцеста, Эвридика и т. д. Надо быть окончательно нравственно убогимъ, чтобы не понимать, что такое отношеніе вытекаетъ не изъ поэтической гордыни, а изъ природы самаго дѣла. Мы только что указали на героическія пѣсни кровавой битвы, но попробуйте воспѣть изобрѣтеніе пороха, компаса или лекцію о рефлексахъ, и вы убѣдитесь, что это даже немыслимо. Но можемъ утѣшиться: на какомъ бы умственномъ уровнѣ ни стояли мы въ настоящее время, — вѣковѣчный примѣръ защитниковъ Севастополя, почіющихъ на брат-

скомъ кладбищѣ, никогда для насъ не пропадетъ, и Россія не перестанетъ рождать сыновъ, готовыхъ умереть за общую матерь.

Въ Ялту мы отправились изъ Севастополя на прекрасномъ пароходѣ при самой очаровательной погодѣ; и классическія волны Тавриды словно пожелали встрѣтить меня всѣми знакомыми поэзіи атрибутами. Ни въ Балтійскомъ, ни въ Средиземномъ морѣ я не видалъ спасителя Оріона,—игриваго дельфина; а здѣсь, точно нарочно, они отъ самой Сѣверной бухты и до Ялты безпрерывно подымались изъ моря вокругъ нашего парохода и, вырѣзаясь на нѣкоторое время изъ волнъ черной спиною, вооруженной саблевиднымъ, назадъ загибающимся, перомъ, снова погружались въ бездну. Съ парохода они казались не превышающими размѣромъ средняго осетра, а между тѣмъ мнѣ говорили, что эти громадныя животныя бываютъ вѣсомъ свыше 60-ти пудовъ.

Въ Ялтѣ всѣ номера въ гостинницахъ были набиты посѣтителями, и мы рады были, что отыскали двѣ комнаты у татарина, недалеко отъ кипарисной рощицы, у русской церкви. Насколько я недавно чувствовалъ себя въ праздничномъ расположеніи духа на сѣверной сторонѣ Севастопольской бухты и—

«Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду»...

—настолько Ялта, не взирая на живописно возносящіеся надъ нею горные утесы, производила на меня удручающее впечатлѣніе. Такъ какъ весь городъ очень невеликъ, то моимъ спутникамъ не трудно было принудить меня обойти его весь. Но затѣмъ я положительно объявилъ, что болѣе однихъ сутокъ не въ силахъ вынести этого ничѣмъ не оправдываемаго бездѣйствія. Такимъ образомъ, не дождавшись прибытія парохода, мы наняли коляску въ Севастополь съ ночлегомъ на половинѣ дороги.

Когда на третій день мы поднимались въ коляскѣ по живописной горной дорогѣ, открывающей виды съ птичьяго полета на великолѣпныя приморскія дачи, начиная съ Ливадіи, за нами раздался поспѣшный конскій топотъ, и казакъ, приблизясь къ колескѣ, торопливо сказалъ: „господа, потрудитесь дать дорогу: Царь ѣдетъ“. Къ счастію, дорога представ-

ляла на этомъ мѣстѣ нѣкоторое подобіе платформы, и коляска наша, по настоянію моему, сдвинулась къ краю, очищая путь. Вылѣзши изъ экипажа, мы стали ожидать Царя, тотчасъ же выѣхавшаго на вороной казачьей лошади и въ казачьемъ мундирѣ изъ за скалы на поворотѣ дороги. Какъ ни старались мы дать мѣсто Ему и проѣзжавшей за нимъ колискѣ, въ которой между прочимъ сидѣлъ прелестный рыжій сетеръ,—Государь проѣхалъ мимо насъ на разстояніи трехъ или четырехъ шаговъ. Лицо Его было блѣдно и уныло, и Онъ милостиво отвѣтилъ на наши поклоны.

Но вотъ мы на высотѣ горнаго хребта и медленно въѣзжаемъ въ знаменитыя Байдарскія ворота, откуда путнику, ѣдущему изъ Севастополя на южный берегъ, вдругъ, какъ со вскрытіемъ театральнаго занавѣса, впервые представляется величественная картина необъятнаго моря. Прощай, море!

«Прощай свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой».

Грустно видѣть, какъ знаменитая Байдарская долина, благодаря непріятельскому пребыванію, все болѣе и болѣе, по мѣрѣ приближенія къ Севастополю, теряетъ свою лѣсную одежду и связанное съ нею орошеніе.

Узнавши отъ госпожи Ребилліоти, что въ Крыму нѣтъ малины, жена моя, по пріѣздѣ въ Воробьевку, послала въ Актачи пудъ малины, приготовленной во всѣхъ видахъ. Но никакого извѣстія о полученіи посылки не послѣдовало, и я, напрасно написавши два письма къ Ребилліоти, спросилъ стараго Тази о причинѣ такого молчанія. На это Александръ Андреевичъ лаконически отвѣчалъ мнѣ, что извѣстія нѣтъ потому, что съ того свѣта письма къ намъ не доходятъ, а Ребилліоти черезъ двѣ недѣли послѣ нашего отъѣзда скончался. Съ тѣхъ поръ всякія сношенія мои съ Крымомъ прекратились.

Во время краткаго зимняго пребыванія моего въ Москвѣ, отыскался покупатель и на Борисовское Фатьяново, и съ тѣмъ вмѣстѣ къ Петрушѣ Борисову пришло формальное извѣщеніе о смерти единственной родной его тетки, оставившей ему

тысячъ семь наслѣдства. Такимъ образомъ въ рукахъ Борисова появлялось тысячъ 80 капиталу, который я настоятельно просилъ его превратить въ государственныя бумаги, чтобы избѣгнуть всякихъ треволненій, сопряженныхъ съ управленіемъ недвижимой собственностью и въ особенности земледѣльческимъ хозяйствомъ.

Со мною Петруша, при обсужденіи этого вопроса, соглашался вполнѣ, но, уходя въ комнату Ивана Алекс., предавался самымъ розовымъ мечтамъ по отношенію къ покупкѣ земли гдѣ-либо неподалеку отъ насъ. Въ непродолжительномъ времени Иванъ Алекс. разыскалъ весьма хорошее имѣніе Щигровскаго уѣзда, принадлежавшее графу де-Бальмену, корреспонденту Моск. Вѣдом. и сыну графа де-Бальмена, находившагося съ русской стороны при Наполеонѣ I на островѣ Св. Елены.

Тутъ началась ожесточенная война между желаніями: сохранить деньги и купить имѣніе. Нѣмка, жена графа, тѣснила мужа продажей, порываясь уѣхать въ Германію, гдѣ въ скорости оба умерли.

Наши покупатели предлагали цѣну, на которую графъ, очевидно, согласиться не могъ. Когда Петруша, предложивши послѣднюю цѣну, уѣхалъ въ Москву, графъ пріѣхалъ ко мнѣ съ объясненіями невозможности согласиться на предлагаемую цѣну.

— Позвольте, сказалъ я, взять на себя отвѣтственность въ чужомъ дѣлѣ и предложить за племянника грѣхъ пополамъ.

Когда я увѣдомилъ Борисова о такомъ окончаніи дѣла, онъ прискакалъ въ совершенномъ восторгѣ.

Вечеромъ 1-го марта, получивши со станціи письма и газеты, я вышелъ въ переднюю спросить кучера Аѳанасія,— хорошо ли шла молодая лошадь, на которой онъ ѣздилъ. Когда я отворилъ дверь, то, при взглядѣ на его лицо, предположилъ, что съ нимъ случилось что-либо недоброе. Онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, такъ что я невольно крикнулъ:

— Аѳанасій! что съ тобою?

— Сегодня царя убили, проговорилъ онъ какимъ-то глухимъ голосомъ.

— Какъ можно разсказывать такое вранье!

— На станцію пришла депеша, и всѣ объ этомъ говорятъ. На другой день слухъ все разростался, а на третій день явились печатныя подтвержденія громовой вѣсти.

Л. Толстой писалъ:

12 мая 1881 г.

„Помню, когда получилъ ваше письмо, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, какъ мнѣ удивительно показалось, что вы такъ далеко заглядываете,—12 мая. Показалось особенно странно, потому что въ этотъ же день я узналъ о смерти Достоевскаго. А вотъ и 12 мая, и мы живы. Пожалуйста простите меня за мое молчаніе и не накажите меня и жену тѣмъ, чтобы отмѣнить вашъ пріѣздъ къ намъ. Пожалуйста не сердитесь на меня. Я очень заработался и очень постарѣлъ нынѣшній годъ; но не виноватъ въ перемѣнѣ моей привязанности къ вамъ.

Вашъ *Л. Толстой*.

Въ іюнѣ пришло письмо, на адресѣ котораго я съ восторгомъ узналъ руку брата. Гдѣ онъ и что онъ?—Братъ писалъ изъ Америки изъ штата Огіо: „проживаю у хозяина древеснаго питомника (Nurseryman). Это добрѣйшіе и прекраснѣйшіе люди. Полиція притѣсняетъ изъ-за паспорта. Нельзя ли возобновить его? Здоровье плохо. Нельзя ли сколько нибудь денегъ?“

Конечно, первѣйшимъ моимъ дѣломъ было написать Nurseryman'у, что въ скорости за этимъ письмомъ онъ получитъ деньги, и что я удивляюсь словамъ брата, касательно затрудненій съ паспортомъ въ странѣ, гдѣ паспортная система не существуетъ. Единовременно съ этимъ письмомъ я обратился въ контору Боткиныхъ съ просьбою о переводѣ денегъ черезъ ихъ лондонскаго агента. Черезъ полтора мѣсяца Nurseryman писалъ черезъ своего знакомаго по французски, что деньги онъ черезъ банкирскую контору получилъ въ двойномъ количествѣ противъ должныхъ ему Шеншинымъ, который, на другой день послѣ отправки ко мнѣ письма, неизвѣстно куда скрылся, оставивъ свой небольшой

чемоданъ и золотыя очки. Что этотъ господинъ, поступившій въ работники въ саду, заслужилъ общую любовь, но по нездоровью не могъ постоянно работать и велъ себя въ этомъ отношеніи очень странно. Такъ напр., онъ не только не доѣдалъ пищи, но и ночевалъ на сѣнѣ подъ открытымъ небомъ, говоря, что не заработалъ этихъ удобствъ, и никакія наши просьбы не могли убѣдить его въ противномъ. О паспортахъ въ Америкѣ и рѣчи быть не можетъ. „Мой сынъ, писалъ содержатель питомника, изъѣздилъ на одноколкѣ всѣ окрестности, а объявленіе, коего экземпляръ присемъ прилагаю, съ просьбою указать за вознагражденіе мѣстожительство Шеншина было разослано во всѣ концы Америки. Позвольте спросить, какъ поступить съ излишними деньгами и куда ихъ отправить?“

Въ отвѣтъ на это письмо, я просилъ любезнаго хозяина оставить деньги у себя, на случай появленія брата.

Съ той поры я о братѣ не слыхалъ ни слова.

XIV.

Покупка дома.—Переводъ Горація.—М. Г. Киндлеръ.—Пріѣздъ П. Борисова изъ заграницы.—Духовное завѣщаніе.—Серебряная свадьба.—П. Борисовъ поступаетъ въ полкъ.—Странныя его выходки.—Чиновникъ.—Смерть Тургенева.—Болѣзнь Пети.—Мое послѣднее свиданіе съ нимъ.—Смерть Киндлера.—Мое примиреніе съ Полонскимъ.—Смерть Пети Борисова.

Въ половинѣ лѣта намъ предстояла поѣздка въ Москву на свадьбу, и по предварительному уговору мы должны были остановиться въ Кунцевѣ на великолѣпной дачѣ у Боткиныхъ. При этомъ припоминаю обстоятельство самое будничное, не могшее даже удержаться въ памяти и только заднимъ числомъ возбудившее вниманіе своею неожиданностью.

Милая и крайне внимательная ко мнѣ старушка Тереза Петровна однажды, когда я послѣ завтрака раскладывалъ пасьянсъ, пришла изъ другой комнаты съ Моск. Вѣд. въ рукахъ и сказала: „посмотрите Аѳ. Аѳ., какой чудесный и недорогой домъ продается въ Москвѣ на Плющихѣ!“

Если подумать, что я никогда никому не говорилъ о желаніи купить въ городѣ домъ, что въ высшей степени сдержанная и осторожная старушка никогда ни о какихъ газетныхъ объявленіяхъ мнѣ не говорила, то придется настоящую ея выходку счесть крайне странной. Еще болѣе странно то, что этими словами она мгновенно пришпилила къ моему сердцу домъ, подобно тому, какъ къ пробкѣ пришпиливаютъ разноцвѣтную бабочку.

Помню, что и въ Москвѣ и въ Кунцевѣ я ходилъ раненый домомъ. Я отправился на Плющиху, согласно объявленію,

и продажный домъ мнѣ понравился. Чтобы избѣжать въ собственныхъ глазахъ вида маніака, я обратился въ адресную контору и по указанію ея пересмотрѣлъ довольно много продажныхъ домовъ приблизительно въ ту же цѣну, по которой предлагался домъ на Плющихѣ. Главною задачей моей при осмотрѣ деревянныхъ домовъ было избѣжать старыхъ, а потому ненадежныхъ построекъ. Стѣна отвѣсно прима, думалъ я,—слѣдовательно исправна; а крива—значитъ дѣло плохо. Словомъ,—изъ видѣнныхъ мною домовъ, продававшійся на Плющихѣ нравился мнѣ болѣе всѣхъ. Его хозяева оказались весьма красивой молодой четой, и я объявилъ имъ, что до рѣшенія жены моей, на имя которой я желаю купить домъ, я сказать ничего не могу и постараюсь на другой день пріѣхать съ нею.

Жена моя была видимо смущена извѣстіемъ, что я отыскалъ домъ для покупки, причемъ выразила опасеніе обычной съ моей стороны торопливости и рѣшительности. Тѣмъ не менѣе на другой день, отправлявшаяся въ каретѣ изъ Кунцева въ Москву за какими то покупками, она согласилась заѣхать со мною взглянуть на домъ, въ которомъ быть можетъ ей придется жить. Когда француженка горничная отперла намъ двери, хозяинъ и хозяйка приняли насъ въ столовой. Обойдя наскоро съ женою комнаты, я тихонько спросилъ ее: „ну что, какъ ты находишь?“

— Ничего, недурно, отвѣчала она.

— Ты можешь ѣхать по своимъ дѣламъ, а черезъ часъ заѣзжай за мною, сказалъ я ей. Когда карета загремѣла по мостовой, я обратился къ хозяину съ такою рѣчью: „я желалъ бы покончить съ двухъ словъ. Не прибавлю ни копѣйки сверхъ того, что считаю возможнымъ для себя. Вы просите 35 тысячъ, 3 тысячи за мебель и купчую пополамъ. А я предлаю за все 35 тысячъ и купчая ваша“.

Онъ взглянулъ на жену и, поднявши руку, чтобы ударить по моей, воскликнулъ: „извольте“.

— Теперь, когда дѣло кончено, сказалъ я, позвольте обратиться къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой: умолчимъ о состоявшейся покупкѣ передъ моею женой, во избѣжаніе преждевременнаго съ ея стороны волненія.

Дѣйствительно, при появленіи жены моей, мы не сказали ей ни слова о дѣлѣ, и я сталъ торопить ее въ Кунцево подъ предлогомъ, что мы можемъ опоздать къ обѣду.

— Ну что? спросила меня шепотомъ жена, сходя по лѣстницѣ къ подъѣзду.

— Ничего.

— Ну слава Богу, сказала она, видимо облегченная.

Но едва только усѣлась она въ карету, какъ я, войдя въ свою очередь, захлопнулъ за собою дверку и, крикнувъ кучеру: „домой!“ — сказалъ женѣ:

— Поздравляю.

— Съ чѣмъ? спросила она.

— Съ покупкою дома.

— Боже! безъ архитектора, не спроси ни у кого совѣта и такъ скоро!

Она заплакала.

— Въ первый разъ въ жизни, сказалъ я, вижу человѣка, плачущаго о томъ, что ему подарили домъ.

Черезъ три дня купчая была совершена. Справедливость требуетъ прибавить, что, по мѣрѣ открывавшихся неисправностей, пришлось потратить немало денегъ на ихъ исправленіе.

Петрушу Борисова, упросившаго Ивана Ал. еще во время покупки Ольховатки заняться ею, мы съ тѣхъ поръ не видали, такъ какъ, окончивъ курсъ вторымъ кандидатомъ, онъ, съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія, уѣхалъ въ Германію для филологическихъ изученій вообще и санскрита въ частности. Знаменитый Вестфаль рекомендовалъ его своимъ пріятелямъ въ Іенскомъ университетѣ.

Начиная съ 1-го октября 81 г., мы ежегодно стали проводить зиму въ Москвѣ на Плющихѣ, и для насъ великою отрадою былъ переѣздъ семьи Толстыхъ на зиму въ Москву.

Тургеневъ писалъ:

30 декабря 1881 г.
Парижъ.

„Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Вчера утромъ получилъ я ваше письмо, а къ вечеру пришелъ и Фаустъ.

Сердечно благодарю васъ, что вспомнили обо мнѣ. Вы не можете сомнѣваться въ томъ великомъ интересѣ, съ которымъ я прочту вашъ переводъ. Что же касается до личныхъ моихъ отношеній къ вамъ, то они никогда не измѣнялись, не смотря на нѣкоторыя недоразумѣнія. Да къ тому же, и вы и я, мы оба на склонѣ нашихъ лѣтъ, и что бы мы были за люди, если бы старость не научила насъ уваженію свободы мнѣній, чувствъ и т. п.? Я въ апрѣлѣ мѣсяцѣ буду въ Москвѣ и надѣюсь застать еще васъ тамъ, такъ же какъ и Толстыхъ. Поклонитесь имъ всѣмъ отъ меня, а также и вашей супругѣ, которую благодарю за память. Съ Новымъ Годомъ, съ новымъ... (или со старымъ?) счастьемъ!!

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Давнымъ давно, въ разговорахъ со мною о Горація, Тургеневъ, упоминая, что я его перевелъ, полу-укоризненно прибавлялъ: „не всего“. Это словечко было для меня тѣмъ непріятнѣе, что я самъ давно чувствовалъ этотъ изъянъ. Еще въ 60-хъ годахъ мною переведено было посланіе къ Пизонамъ. Оно, въ то время просмотрѣнное П. М. Леонтьевымъ, было набрано для Русск. Вѣстника; но издатели не рѣшились напечатать такую классическую вещь, страха ради іудейскаго. Каковъ былъ уровень общественнаго мнѣнія по сравненію хотя бы съ англійскимъ за 50 лѣтъ тому назадъ, когда Вальтеръ-Скоттъ говорилъ, что готовъ бы отдать половину своей славы за знаніе греческаго языка, недостатокъ котораго онъ болѣзненно чувствуетъ всю жизнь.

Въ мартѣ, по возвращеніи въ Воробьевку, я усердно задался мыслью завершить полный переводъ Горація и представить его на общій судъ.

Зная по опыту трудность, встрѣчаемую при переводахъ классиковъ, я просилъ моего добраго московскаго знакомаго поискать для меня на лѣто послѣ экзаменовъ за извѣстное вознагражденіе хорошаго студента филолога, способнаго дѣлать справки по мѣрѣ надобности и моему указанію. На это мой пріятель отвѣтилъ, что такого студента онъ не знаетъ, но что, когда онъ сталъ объ этомъ говорить между своими товарищами учителями гимназіи, одинъ изъ нихъ, препода-

ватель латинской словесности, нѣмецъ Максимъ Германовичъ Киндлеръ вызвался безъ всякаго вознагражденія пріѣхать ко мнѣ по окончаніи экзаменовъ, чтобы работать вмѣстѣ надъ Горацiемъ.

„Боже, подумалъ я, какой примѣръ для нашихъ спеціалистовъ!“

Добродушный, трудолюбивый, одноцентренный Максимъ Германовичъ оказался идеаломъ спеціалиста. При 2-хъ мѣсячномъ, ежедневномъ, совмѣстномъ трудѣ, поневолѣ пришлось близко ознакомиться съ этимъ, у насъ почти несуществующимъ, типомъ.

Не встрѣчая въ мірѣ ничего видимо выступающаго изъ вѣковѣчныхъ границъ причинности, онъ считалъ всякую мысль о невещественномъ для себя неподсудной и безплодной, и потому прямо говорилъ: „я этого совершенно не знаю и навсегда оставилъ объ этомъ думать“. Будучи своею спеціальностью указанъ на мастерскую форму древнихъ писателей, у которыхъ она, какъ у черепокожныхъ, выставляетъ свой костякъ наружу, какъ основную и существеннѣйшую свою часть,—Киндлеръ тонко понималъ виртуозный выборъ древними отдѣльныхъ выраженій. Но о томъ, чего не встрѣчается въ древнихъ поэтахъ, онъ тоже не имѣлъ никакого понятія. Того тайнаго смятенія, того неопредѣленнаго подъёма и стремленія къ невѣдомому, которымъ полны корифеи христіанскаго міра, начиная съ Шекспира и Байрона и самого Гете и кончая Гейне и Лермонтовымъ, — у древнихъ не существовало, и надо быть на этотъ счетъ весьма чувствительнымъ, чтобы почувствовать зародышъ этого вѣянія (романтизма) у Проперція. Нельзя не замѣтить, что по отношенію къ нашему русскому умственному вертограду такъ и хочется примѣнить замѣчаніе, что самый сладкій плодъ съ червоточиной. Оглянитесь на знакомыхъ русскихъ служителей Аполлона, и вы убѣдитесь въ справедливости моего замѣчанія: но у Максима Германовича не было никакой червоточины; для него Прусское государство, т. е. Германская имперія была верхомъ совершенства: она вся состоитъ изъ превосходно обученныхъ и вооруженныхъ солдатъ и переплетена подземными телеграфными линіями, дающими при

желѣзныхъ дорогахъ возможность задавить перваго врага массой вооруженной защиты. Тамъ люди изучаютъ древнихъ ради ихъ образцоваго совершенства, а не ради чиновъ. Словомъ, съ этихъ сторонъ Максимъ Германовичъ былъ неуязвимъ, и я старался избѣгать съ нимъ разговоровъ о несравненномъ величіи Германской имперіи.

Зато наши занятія, съ самаго дня пріѣзда Киндлера, установились наилучшимъ образомъ. Комнату онъ занялъ наверху въ одномъ корридорѣ, напротивъ входа въ мою половину. Послѣ утренняго кофе мы расходились по своимъ комнатамъ знакомиться съ данной сатирой Горація, причемъ онъ старался въ подробностяхъ приготовиться и къ слѣдующей. Часамъ къ 10-ти онъ приходилъ ко мнѣ съ Гораціемъ въ рукѣ, а я начиналъ сдавать ему экзаменъ по сатирѣ, которую собирался переводить. Не взирая на сильный нѣмецкій акцентъ, Киндлеръ ознакомился съ русскимъ языкомъ до полнаго пониманія всѣхъ его оттѣнковъ. Конечно, сдавая свой экзаменъ, я старался о возможной близости моего перевода къ подлиннику и, не находя въ данную минуту русскаго слова, вставлялъ нѣмецкое. Выслушавъ мой переводъ, Киндлеръ снова уходилъ къ себѣ и работалъ до 12-ти часовъ, т. е. до завтрака. Послѣ часовой прогулки онъ снова уходилъ работать до 4 часовъ, ревностно готовя слѣдующую сатиру. Къ 4 часамъ я обыкновенно поджидалъ его прихода, чтобы прочесть ему тѣ 30, 40 и даже 50 стиховъ, которые успѣлъ перевести за утро. Вотъ тутъ-то начиналась бѣда. Максимъ Германовичъ не признавалъ по отношенію къ нашему брату никакой поэтической вольности. Licentia поэтика существуетъ для древнихъ писателей; такъ она ужь тамъ въ учебникахъ и прозывается, а про русскихъ стихотворцевъ тамъ ничего не сказано. А потому въ переводѣ надо искать не приблизительнаго, а самаго несомнѣннаго русскаго выраженія. Иногда отыскиваніе этихъ точныхъ выраженій доходило до зеленыхъ круговъ въ глазахъ. Однажды, въ минуту невыносимаго мученія, я не выдержалъ и сказалъ:

— Э, Максимъ Германовичъ! право это все равно!

Киндлеръ замолчалъ, но зато весь обѣдъ дулся и отворачивался отъ меня, какъ отъ unartigen Buben Когда передъ

вечернимъ чаемъ онъ снова зашелъ ко мнѣ, я просилъ его извинить меня за необдуманныя слова. „То-то, отвѣчалъ Киндлеръ,—я изумился: какъ можетъ быть вамъ все равно то, что выходитъ изъ подъ вашихъ рукъ".

Тѣмъ не менѣе добросовѣстная критика Киндлера въ отдѣльныхъ случаяхъ переступала надлежащую границу. Мои друзья знаютъ, до какой степени я дорожу всѣми указаніями на мои промахи и несовершенства; но на извѣстной степени я остаюсь при своемъ мнѣніи. Вотъ на этой то точкѣ Киндлеръ иногда вступалъ со мною въ споръ и, что замѣчательно, никогда ни разу по поводу латинскихъ выраженій, а по поводу русскихъ. Изучивши литературную рѣчь, онъ незнакомъ былъ съ народною и вдругъ при какомъ-либо оборотѣ утверждалъ, что такъ нельзя сказать по-русски. Какъ бы то ни было, мы тщательно пересмотрѣли съ Киндлеромъ всего Горація и разстались наилучшими друзьями.

Ко второй половинѣ іюня Петя Борисовъ, пользуясь вакаціоннымъ временемъ при Іенскомъ университетѣ, пріѣхалъ въ Воробьевку. Онъ былъ неистощимъ въ разсказахъ о любезности профессоровъ и ихъ женъ, умѣющихъ вести съ посѣтителемъ самый интересный разговоръ, продолжая развѣшивать на веревкѣ вымытое бѣлье, о воинственномъ настроеніи гражданъ университетскаго города, не пропускающихъ ни одного проходящаго съ музыкой взвода, чтобы въ видѣ мальчишекъ и лавочной прислуги не пристроиться въ хвостѣ колонны и, попавъ въ лѣвую ногу, не промаршировать вслѣдъ за войсками; о знакомой всему городу парѣ соловыхъ герцога Веймарскаго, причемъ весь городъ говоритъ: „das sind die Isabellen des Herzogs".

Съ неменьшимъ энтузіазмомъ Борисовъ на собственной тройкѣ и въ собственной пролеткѣ навѣщалъ свою Ольховатку. Но какъ вопреки моимъ совѣтамъ онъ затратилъ нѣсколько тысячъ капитала, остававшагося за покупкой имѣнія, а послѣдній урожай оказался неудовлетворительнымъ, то Борисову пришлось просить Ивана Ал. взять имѣніе въ аренду.

Однажды, когда самъ Петруша вызвалъ меня на разговоръ о его матеріальныхъ дѣлахъ, я, упрекнувъ его въ настой-

чивомъ желаніи купить имѣніе, которымъ онъ лично управлять не будетъ, обратилъ его вниманіе и на другой вопросъ.

— Ты читалъ—сказалъ я—новый законъ, по которому вымороченыя дворянскія имѣнія становятся достояніемъ мѣстнаго дворянства? Не забудь, что хотя у тебя есть двоюродная сестра Шеншина, но какъ Борисовъ—ты послѣдній въ родѣ Твоя Ольховатка не наслѣдственна, какъ Новоселки и Фатьяново, а имѣніе благопріобрѣтенное, которымъ ты можешь или заживо распорядиться по волѣ, или же предоставить его судьбѣ, какой бы ты не желалъ.

На другой день послѣ этого разговора Борисовъ, не сказавъ мнѣ ни слова, поѣхалъ въ Курскъ, написавши духовное завѣщаніе, и сдалъ его на храненіе натаріусу. Въ чемъ оно состояло—я никогда ни у кого не спрашивалъ.

16-го августа текущаго 82-го года исполнилось 25-лѣтіе нашей свадьбы; но такъ какъ съ одной стороны у молодаго поколѣнія нашихъ племянниковъ и племянницъ къ этому времени кончались каникулы, а у насъ въ деревнѣ начиналась страда, во время которой всѣ матеріальныя силы обращаются въ поле и на гумно, мы рѣшили назначить нашъ семейный праздникъ на 29 іюня. Къ этому же дню моя племянница Оля Шеншина, давшая слово Г—ву, просила пріѣхать къ намъ съ тѣмъ, чтобы я благословилъ ее образомъ.

Такъ какъ все на свѣтѣ относительно, то я воздерживаюсь отъ описанія подробностей нашего сельскаго праздника, начавшагося съ 10-ти часовъ утра угощеніемъ всей деревни пирогами, мясомъ и водкою. Что такого рода юбилеи не въ духѣ русскомъ—можно заключить изъ того, что никакія разъясненія не могли измѣнить убѣжденія крестьянъ, будто въ этотъ день мы рѣшили обвѣнчаться.

Такъ какъ гостей наѣхало много и преимущественно изъ Москвы, то, кромѣ заботы всѣхъ принять и устроить, слѣдовало и намъ озаботиться о возможной полнотѣ праздника. Такъ изъ Курска были привезены музыканты, наводившіе своею игрою постоянный страхъ, что собьются своими инструментами окончательно съ дороги и завязнутъ. На вечеръ Борисовымъ и Иваномъ Ал. сообща былъ приготовленъ сюрпризъ въ видѣ иллюминаціи партера передъ домомъ раз-

ноцвѣтными фонарями; а затѣмъ все общество попросили спуститься по темнымъ сходамъ на лужайку къ рѣкѣ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ плещущаго фонтана были разстановлены ряды скамеекъ. На противоположномъ берегу рѣки сталъ загораться весьма недурной фейерверкъ; а такъ какъ его наготовлено было много, то все общество не безъ удовольствія послѣ душныхъ комнатъ провело часа два подъ открытымъ небомъ.

Пріѣхавшая утромъ племянница встрѣтила меня словами: „дядя, мы проѣзжали черезъ Орелъ, и пересказать невозможно, что̀ тамъ дѣлается. Это—тотъ ливень, о которомъ говорится по случаю Ноева потопа“.

Подъ конецъ нашего фейерверка, какъ бы вторя ему, на юго-востокѣ заиграли зарницы; но мало по малу синеватый блескъ ихъ перешелъ въ сплошное, дрожащее, багровое зарево, быстро передвигавшееся по восточной окраинѣ неба съ юга на сѣверъ. Пошелъ дождикъ.

На другой день мы узнали, что, быть можетъ, въ самую минуту нашего фейерверка произошла печальная Кукуевская катастрофа.

Хотя, при дальнѣйшихъ моихъ переводахъ древнихъ поэтовъ, судьба не посылала мнѣ снова такого спеціальнаго сотрудника, какимъ былъ Киндлеръ, тѣмъ не менѣе мнѣ приходится усердно благодарить людей, радовавшихъ меня своимъ посѣщеніемъ Воробьевки, или же протягивавшихъ руку помощи въ моихъ работахъ. Въ самомъ дѣлѣ, не удивительно ли, что, начиная съ Аполлона Григорьева, я постоянно находилъ людей, безкорыстно жертвовавшихъ въ мою пользу своими досугами? Такими являлись: Ѳедоръ Евгеньевичъ Коршъ, съ которымъ мы прослѣдили всего Ювенала, Овидіевы Превращенія, Катулла и половину Проперція; Ник. Ник. Страховъ, съ которымъ я перечитывалъ Тибулла и Проперція; Влад. Серг. Соловьевъ, исполнившій переводъ 7-й, 9-й и 10-й книгъ Энеиды Вергилія; Д. И. Нагуевскій, снабдившій этотъ переводъ введеніемъ и примѣчаніями; и наконецъ гр. Ал. В. Олсуфьевъ, съ которымъ мы просматривали 2-ю часть Проперція и въ настоящее время усердно трудимся надъ переводомъ такого талантливаго капризника, какъ Мар-

ціалъ. Развѣ возможно безъ глубокой признательности помянуть всѣ эти имена?

Зимой, въ день Новаго Года, почтенный Максимъ Германовичъ не забылъ насъ на Плющихѣ и явился въ мундирѣ инспектора серпуховской прогимназіи. На мой вопросъ: какъ справляется онъ съ новой должностью и связанною съ ней канцелярской работой?—онъ отвѣчалъ, что нимало не тяготился бы дѣломъ, если бы родители учениковъ не терзали его.

— Чѣмъ и какимъ родомъ? спросилъ я.

— Своимъ дикимъ отношеніемъ къ дѣлу воспитанія. Станешь говорить объ отсталости мальчика въ наукѣ и просить къ нему репетитора—говорятъ: „Боже сохрани, это дорого, а вы его построже“. Говоришь, что строгость только увеличитъ тупость мальчика — отвѣчаютъ: „а вы всетаки его построже“. На дняхъ, говоря съ однимъ евреемъ объ его сынѣ, я спросилъ: „неужели всѣмъ нужно идти въ классическую прогимназію? Вѣдь вотъ вы торговый человѣкъ. Ну что бы вамъ сына приспособить къ своему дѣлу?“ „Пробовалъ—былъ отвѣтъ—глупъ больно. А тутъ курсъ кончитъ, всетаки докторишкой будетъ“. И такъ будетъ всегда, пока знаніе будетъ давать чинъ.

На слѣдующую весну въ февралѣ мѣсяцѣ, бывшій въ мое время мценскимъ предводителемъ, Ал. Арк. Тимирязевъ заѣхалъ въ Воробьевку съ братомъ своимъ Н. А., командиромъ Казанскаго драгунскаго полка.

Послѣдній искалъ себѣ подъѣздка; но имѣвшаяся въ Воробьевкѣ верховая ему не понравилась, что не помѣшало нашему пріятному знакомству. Когда затѣмъ вернувшемуся изъ заграницы Борисову пришло время отбывать воинскую повинность, то и онъ въ свою очередь нашелъ, что ему всего удобнѣе поступить въ полкъ Николая Аркадьевича, куда онъ и отправился, снабженный рекомендательными письмами Ал. Арк. и моимъ. Справедливость требуетъ сказать, что, не смотря на восторгъ, съ какимъ Петя говорилъ о своемъ поступленіи въ кавалерію, онъ до глубокой осени оттягивалъ свое окончательное отправленіе въ Ромны —штабъ-квартиру Казанскаго полка.

Въ это время, въ виду его праздношатанія по парку и

усадьбѣ, мнѣ удавалось только на весьма короткій срокъ усаживать его за переписываніе набѣло подъ мою диктовку, помнится, Ювенала; и однажды я былъ пораженъ тонкостью и вѣрностью объясненія латинскаго стиха, къ которому мальчикъ совсѣмъ не готовился. Такое солидное образованіе, преимущественно въ дѣлѣ исторіи, нисколько не мѣшало мнѣ съ нѣкотораго времени замѣчать въ Петѣ странности, могшія ускользнуть отъ равнодушныхъ глазъ. Такъ, напримѣръ, онъ подходилъ къ одному изъ скребковъ у четырехъ входныхъ дверей въ домъ и долго и тщательно оскребалъ совершенно сухія подошвы, на которыхъ кромѣ крупинокъ песку ничего быть не могло, и вдругъ рѣшительно отворялъ дверь террасы и, спѣшно проходя черезъ гостиную, столовую, переднюю и сѣни, выбѣгалъ снова на дворъ и оттуда снова въ садъ. Когда его спрашивали, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ, что онъ постоянно наблюдаетъ за собственною волей и, выходя на распутье въ паркѣ, заранѣе знаетъ, что ему предстоитъ идти направо; „но при этомъ, говорилъ онъ, мнѣ приходитъ въ голову вся нелѣпость такого малодушнаго предопредѣленія. Такъ вотъ же, говорю, докажу, что нѣтъ воли кромѣ моей собственной, и положительно пойду налѣво. Но не такое же ли это рабство, какъ и первое? Не хочу продолжать рабское раздумье и, глядь—иду уже направо".

Пуще всѣхъ отъ его эксцентричностей доставалось Ивану Ал., къ которому онъ имѣлъ безграничное довѣріе и привязанность. Едва бывало Остъ уляжется послѣ трудоваго дня на отдыхъ, какъ Борисовъ являѣся къ нему и, усѣвшись около его постели, начинаетъ предаваться всевозможнымъ планамъ и химерамъ, такъ что Иванъ Ал. сталъ уже на ночь отъ него запираться на ключъ. А такъ какъ Остъ вставалъ весьма рано, то однажды засталъ Борисова у своихъ дверей лежащимъ въ одной сорочкѣ на голомъ полу корридора, гдѣ вѣроятно заснулъ вслѣдствіе истомившей его безсонницы. Какъ-бы то ни было, по настоятельному требованію моему онъ въ концѣ августа уѣхалъ въ полкъ, и полковой командиръ въ письмѣ ко мнѣ расточалъ вольноопредѣляющемуся Борисову самыя лестныя похвалы.

Однажды утромъ слуга доложилъ мнѣ о пріѣздѣ чиновника

изъ губернскаго правленія, котораго ввелъ затѣмъ въ кабинетъ.

— Я имѣю порученіе собрать статистическія свѣдѣнія на мѣстѣ и явился къ вамъ исполнить свое порученіе, сказалъ чиновникъ, указывая на портфель.

— Не угодно ли вамъ присѣсть къ столу и предлагать ваши вопросы.

— Позвольте мнѣ спрашивать по порядку росписанія, сказалъ молодой человѣкъ, выкладывая свои бумаги. — Сколько въ вашемъ имѣніи земли?

— Не знаю и не откуда мнѣ это знать.

— Помилуйте, какъ это такъ?

— Если бы вы спросили: сколько по купчей значится земли, я бы справился и тотчасъ вамъ отвѣтилъ. Но таково-ли въ дѣйствительности это количество—никто не знаетъ.

— Сколько у васъ лѣсу?

— Не знаю. Никто не мѣрилъ, и въ купчей не сказано. Кто говоритъ 300 десятинъ, а можетъ быть и меньше.

— Сколько у васъ лошадей?

— Не знаю. Описи составлены давно; перемѣны въ числѣ происходятъ чуть не ежедневно; и лишь бы лошади были цѣлы, а точное ихъ число никого не интересуетъ.

— Много-ли рогатаго скота?

— Не знаю по той-же причинѣ. Если-же вамъ угодно выставить приблизительныя цифры, то я согласенъ вамъ ихъ подсказать.

Пришлось по необходимости довольствоваться послѣднею мѣрой, и результатомъ вышло статистическое свѣдѣніе хотя и безтенденціозное, но зато близко подходящее къ дѣйствительности. Но черезъ нѣкоторое время оказалось, что и отъ статистическихъ цифръ требуется извѣстная показность и красота, совершенно независимыя отъ дѣйствительнаго положенія вещей.

Является становой приставъ съ просьбою о статистическихъ показаніяхъ урожая въ настоящемъ году. Такъ какъ, независимо отъ конторскихъ книгъ, я въ своей кабинетной книгѣ постоянно записывалъ число копенъ и количество обмолоченнаго зерна, то и послалъ принести эту книжку.

— Почемъ у васъ стала рожь? спрашиваетъ приставъ.

— Вотъ видите, моей рукой написано: по 11-ти копенъ кругомъ.

— Это ужь какъ-то очень мало.

— Я то же думаю, но что же дѣлать.

— Ужь очень маловато такъ записывать.

— А сколько бы вы желали записать?

— Да хоть-бы копенъ по 14-ти.

— Сдѣлайте милость, пишите по 14-ти.

— А сколько стало кругомъ овса?

— По восьми копенъ.

— Помилуйте! больно мало; хоть-бы по 12-ти.

— Пишите по 12-ти.

— А пшеницы?

— Видите, у меня записано по 12-ти копенъ.

— Ужь очень обидно! надо бы хоть копенъ по 18 ти.

— Пишите по 18-ти.

Такъ какъ я означенныхъ справокъ не подписывалъ, то и не мѣшалъ приставу выставлять цифры, болѣе соотвѣтственныя неизвѣстнымъ мнѣ цѣлямъ.

Зимою, отпросившись въ кратковременный отпускъ, Петруша въ драгунскомъ мундирѣ пріѣхалъ къ намъ въ Москву, но увы! съ отчаянно отмороженными ушами, такъ что изъ опасенія антонова огня нужно было послать за медикомъ.

— Гдѣ это ты такъ отморозилъ уши? спросилъ я.

— Да на дворѣ 25 градусовъ морозу, а я, ѣхавши сюда, вышелъ постоять въ фуражкѣ на платформѣ поѣзда. Когда стало щипать уши, я сказалъ себѣ, что солдатъ не долженъ обращать вниманія на морозъ. Да такъ ихъ и обморозилъ.

Въ августѣ того же 1883 года мы узнали о смерти долго томившагося Тургенева. Хотя посѣщавшіе его передъ смертью люди разсказывали о стѣснительныхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился въ послѣднее время, но такъ какъ всѣ эти свѣдѣнія получались изъ вторыхъ рукъ, а я говорю только о несомнѣнно мнѣ извѣстномъ, то скажу только, что высказываемая имъ когда то мечта о женскомъ каблукѣ, нагнетающемъ его затылокъ лицомъ въ грязь, сбы-

лась въ переносномъ значеніи въ самомъ блистательномъ видѣ.

Чтобы спасти для Россіи хотя клочокъ значительнаго достоянія Тургенева, ушедшаго заграницу, я не преминулъ объяснить моей племянницѣ Г...й ея наслѣдственныхъ правъ на Спасское.

Когда лѣтомъ 84 г. Петруша снова прибылъ въ отпускъ, я спросилъ его, почему онъ, прослуживши вмѣсто полугодичнаго срока почти годъ, — не выходитъ въ отставку? Онъ отвѣчалъ, что готовится изъ военныхъ наукъ, для того чтобы въ Петербургѣ держать экзаменъ на офицера. Выше я говорилъ объ отношеніяхъ покойнаго И. П. Борисова, а черезъ него и Петруши къ нашему общему земляку И. П. Н—у. Когда въ послѣднее наше свиданіе я сталъ жаловаться Н—ву на странныя выходки Петруши, заставляющія опасаться душевнаго разстройства,—Иванъ Петровичъ воскликнулъ: „какой вздоръ! пришли его ко мнѣ, я его разбраню и подтяну хорошенько, и все пойдетъ прекрасно“.

Мнимо готовясь къ офицерскому экзамену, Борисовъ бывалъ въ Петербургѣ у Н—ва, который былъ къ нему безконечно добръ и любезенъ. Въ обществѣ Борисовъ держалъ себя безукоризненно; но я въ душѣ мало довѣрялъ этой сдержанности.

Однажды, вначалѣ 1885 года я получилъ изъ Петербурга слѣдующую телеграмму:

„Петя боленъ; разбилъ у меня окно. Что дѣлать? Н—овъ“.

Я отвѣчалъ: „отправить къ доктору“. Такимъ образомъ онъ былъ помѣщенъ въ лѣчебницу св. Николая, а я назначенъ опекуномъ къ нему и къ его имѣнію.

Два года затѣмъ я томился мыслью, что быть можетъ несчастный больной не пользуется удобствами, на какія могъ бы разсчитывать по своимъ средствамъ.

Вслѣдствіе этого я искалъ, распрашивалъ подходящаго частнаго заведенія, и выборъ мой остановился на прекрасной частной лѣчебницѣ, по сосѣдству отъ нашего дома на Плющихѣ, на хорошо знакомомъ мнѣ мѣстѣ дома покойнаго М. П. Погодина. Оставалось только перевезти больнаго изъ Петербурга въ Москву, добившись формальнаго увольненія.

его изъ больницы. Въ Петербургѣ я обратился за совѣтомъ къ тамошнему старожилу шурину своему М. П. Боткину, который тотчасъ же объявилъ, что состоитъ попечителемъ больницы св. Николая и немедля готовъ исполнить мое желаніе, хотя не можетъ уяснить себѣ, съ какою цѣлью я задумалъ перемѣщеніе больнаго, матеріальныя условія жизни котораго не оставляютъ желать ничего лучшаго. Въ этомъ Боткинъ предложилъ мнѣ лично удостовѣриться тотчасъ же, переѣхавъ съ нимъ въ лодкѣ черезъ Неву, на лѣвомъ берегу которой, прямо противъ его дома, стоитъ больница св. Николая. Въ конторѣ больницы старшій докторъ, услыхавъ о моемъ желаніи видѣть больнаго, провелъ насъ въ большую, свѣтлую и прекрасную комнату, занимаемую Борисовымъ. На кровати, стоящей посреди комнаты, я увидалъ больнаго въ прекрасномъ сѣромъ халатѣ, сидящимъ съ опущенною на руки и понуренною головой. Когда докторъ остановился противъ больнаго, имѣя Боткина по правую, а меня по лѣвую руку, Борисовъ не обратилъ на насъ ни малѣйшаго вниманія и что-то бормоталъ, причемъ докторъ сказалъ: „читаетъ наизусть латинскіе стихи“.

— Петръ Ивановичъ, сказалъ докторъ, посмотрите, кто къ вамъ пришелъ.

При этихъ словахъ больной повернулъ голову налѣво и, узнавъ Боткина, слегка улыбнулся и снова понурилъ голову.

— Петръ Ивановичъ, да вы посмотрите направо, сказалъ докторъ.

Больной поднялъ голову, и глаза его вспыхнули огнемъ восторга.

— Дядя Аѳоня! крикнулъ онъ. Но это былъ одинъ моментъ: лучъ восторга, засіявшій въ глазахъ его, видимо погасалъ, и, понуря голову, онъ снова сѣлъ на прежнее мѣсто, съ котораго было порывисто вскочилъ.

Убѣдившись въ превосходномъ уходѣ за моимъ больнымъ, я отказался отъ мысли перевозить его въ Москву.

Въ январѣ 1886 года Киндлеръ пріѣхалъ насъ поздравить съ новымъ годомъ въ качествѣ уже окружнаго инспектора, а когда вначалѣ марта мы собрались въ деревню, то услыхали, что онъ захворалъ, какъ оказалось впослѣд-

ствіи, черною оспой, отъ которой и умеръ въ полномъ расцвѣтѣ силъ.

Только на дняхъ изъ несомнѣннаго источника я услыхалъ подробности его смерти. Узнавши, что заболѣлъ черною оспой, онъ перерѣзалъ себѣ горло бритвой; но въ госпиталѣ, куда его отправили, черная оспа прошла, а между тѣмъ онъ умеръ отъ нанесенной себѣ раны. Психическій мотивъ этого поступка остался для меня тайной.

Въ декабрѣ 1887 г. я ѣздилъ въ Петербургъ по весьма непріятной тяжбѣ, свалившейся на меня, какъ снѣгъ на голову, какъ бы въ подтвержденіе французской пословицы: „qui terre a, guerre a“.

И на этотъ разъ нашъ общій съ Полонскимъ пріятель, Н. Н. Страховъ, снова сталъ передавать мнѣ сѣтованія Полонскаго на то, что я, бывая въ Петербургѣ, не только попрежнему не навѣщаю его, но даже не бываю по пятницамъ, на которыхъ бываютъ всѣ его пріятели. Передавъ Страхову о черной кошкѣ между мною и Тургеневымъ, пробѣжавшей по поводу письма Полонскаго, я просилъ Ник. Ник. объяснить Полонскому, что мнѣ неловко съ оскорбленіемъ въ душѣ попрежнему чистосердечно жать ему руку. Послѣдовало со стороны Полонскаго объясненіе, что никогда онъ не писалъ словъ въ приписанномъ имъ Тургеневымъ смыслѣ. При этомъ Яковъ Петровичъ сказалъ: „впрочемъ я могъ бы много съ своей стороны выставить такихъ Тургеневскихъ выходокъ“.

Я не полюбопытствовалъ спросить, — какихъ; и сердечно радуюсь возстановленію дружескихъ отношеній съ человѣкомъ, на котораго съ университетской скамьи привыкъ смотрѣть, какъ на брата.

Между тѣмъ въ Борисовской Ольховаткѣ пришлось энергически приступить къ перестройкѣ усадьбы, которая по причинѣ ветхости не могла служить своимъ цѣлямъ, а 25 марта 1888 г. пришла телеграмма о кончинѣ Пети.

Мих. Петр. Боткинъ, взявшій на себя хлопоты похоронъ Борисова, писалъ:

„Смерть сняла съ него все, наложенное на его черты недугомъ: въ гробу лежалъ прекрасный интеллигентный юноша“.

Приходилось развязывать узелъ опеки, и по вскрытіи ду-

ховной Борисова оказалось, что онъ все свое состояніе завѣщалъ мнѣ.

Мнѣ бы слѣдовало закончить свои воспоминанія юбилейными днями 28 и 29 января 1889 года. Но объ этомъ такъ много было говорено въ разныхъ изданіяхъ, что я не надѣюсь сообщить по этому случаю что либо новое читателю, который и безъ того можетъ счесть мои воспоминанія слишкомъ подробными.

Оглавленіе.

Глава. *Стр.*

I. Свиданіе съ Ѳ. И. Тютчевымъ.—Смерть Дружинина. — Письма.— Дмитрій Кирилловичъ. — Поѣздка на Тимъ. — Поѣздка въ Петербургъ.—Гр. Алексѣй Толстой.—Посѣщеніе Новоселокъ. — Сергѣй Мартыновичъ 3

II. Снова ѣдемъ на Тимъ. — Мировой посредникъ С. С. Клушинъ. — Разверстаніе съ крестьянами.—Мировая съ Б—ымъ.—Возвращеніе домой —Ночлегъ въ деревнѣ.—Письма.—Снова въ Москву.—По дорогѣ заѣзжаемъ въ Спасское.—Поѣздка въ Петербургъ къ В. П. Боткину.—Возвращеніе въ Степановку.—Анна Семеновна Бѣлокопытова.—Пріѣздъ Тургеневыхъ къ намъ 32

III. Поѣздка въ Новоселки и въ Никольское къ Толстымъ.—Борисовъ съ Петей пріѣзжаетъ къ намъ.—Письма. — Мое избраніе въ гласные.—Письма —Предводитель А. В. Ш—въ и мировой посредникъ Ал. Арк. Тимирязевъ.—Раздумье по поводу Тимской мельницы.— Письма. Поѣздка въ Москву. — Тяжелое свиданіе съ Ник. Ник. Тургеневымъ 72

IV. Письма.—Вскрытіе полей. — Разрывъ Тургенева съ дядей. — Мое избраніе въ мировые судьи 113

V. Дѣло о кражѣ бревенъ. — Раздѣлъ отца съ сыномъ. — Украденная лошадь.—Размежеваніе земли. - Просьба о разводѣ. — Сгорѣвшая деревня.—Бороды старостъ, какъ вещественныя доказательства.— Кража гречихи.—Жалоба помѣщицы.—Прикащикъ желѣзно-дорожнаго подрядчика.—Украденныя лошади.—Истязаніе жены мужемъ.— Колодки съ пчелами. — Колодезь съ журавлемъ. — Мостъ въ селѣ Золотаревѣ.—Жалоба дьячка.—Украденныя шворни.—Червивая капуста. — Украденныя колеса. — Взбунтовавшіеся рабочіе. — Дѣло Горчанъ.—Дѣло между купцомъ и крестьянами 126

VI. Письма.—Чтеніе въ пользу голодающихъ крестьянъ. — Письма. — Жалоба рабочей артели съ Орловско-Грязской желѣзной дороги.— Графъ Ал. Конст. Толстой.—Поѣздка въ Елецъ.—Продажа мельницы.—Письма.—Смерть Нади.—Пріѣздъ въ Степановку Влад. П. Боткина. — Смерть Николая Боткина — Разговоръ съ Борисовымъ по поводу мѣста погребенія Нади.—Письма 164

VII. Смерть В. П. Боткина.—Болѣзнь Петруши Борисова.—Письма.— Встрѣча съ англичаниномъ у Тургенева. — У Каткова на дачѣ. —

Глава.		*Стр.*
	Болѣзнь жены. — Я ѣду въ Москву за докторомъ. — Письма.—Болѣзнь и смерть И. П. Борисова.—Петруша Борисовъ.—Письма . .	202
VIII.	И. А. Остъ принимаетъ управленіе опекунскими имѣніями. — Моя болѣзнь. — Смерть Александра Никитича. — Операція. — Пріѣздъ брата.—Свиданіе съ племянницей.—Письма.—Хлопоты о постройкѣ сельской больницы.—Пріѣздъ племянницы въ Степановку.—Володя Ш-ъ.—Письма.—Я беру Олю изъ пансіона.—Гувернантка.—Мои занятія съ Олей.—Письма	239
IX.	Разговоръ съ Петей Борисовымъ по поводу моей фамиліи. — Оля уѣзжаетъ въ Славянскъ.—Неожиданное открытіе.—Моя поѣздка въ Славянскъ.—Старушка Казакова.—Письма.—Перемѣна фамиліи.—Сестра Каролина Петровна.—Василій Павловичъ	270
X.	Письма. — Оля уѣзжаетъ въ Славянскъ. — Пріѣздъ брата. — Векселя.—Французъ.—Просьба брата.—Новыя гувернантки.—Слезы Петруши. — Покупка Грайворонки. — Ссора съ Тургеневымъ. — Письма.—Братъ уѣзжаетъ въ Славянскія земли	287
XI.	Новая пристройка для брата. — Гувернантка M-me Milete.—Француженка-пьянистка.—Извѣстіе о братѣ изъ Варшавы.—Письма.—Пріѣздъ брата.—Письма.—Поѣздка на Грайворонку. — Ливенское кладбище.—Револьверъ. — Пріемка лошадей. — Братъ снова уѣзжаетъ въ Сербію.—Поѣздка въ Москву.—Племянникъ В. Ш—ъ и сестра Любовь Аѳанасьевна.—Сдача лошадей.—Письма.—Пріѣздъ Л. Толстаго и Н. Н. Страхова. — Поѣздка въ Москву съ Олей.—Оля остается въ Москвѣ. — Поѣздка на Грайворонку. — Планы о переѣздѣ изъ Степановки. — Покупка Воробьевки и продажа Степановки.—Постройки въ Воробьевкѣ.—Эпизодъ о перевозкѣ раненыхъ	311
XII.	Письмо Н. В. Гербеля.—Постройка хутора.—Письмо брата и пріѣздъ его въ Воробьевку.—Письмо сестры Любовь Аѳан. къ брату.—Пріѣздъ племянника.—Отъѣздъ брата.—Пріѣздъ Н. Н. Страхова.—Примиреніе Л. Толстаго и мое съ Тургеневымъ. — Разговоръ съ Петей Борисовымъ по поводу его имѣній.—Поѣздка во Мценскъ.—Свиданіе въ Орлѣ съ сестрою. — Извѣстія о братѣ. — Встрѣча съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ. — Учительница. — Свиданіе съ Олей Ш—ой.—Смерть Любовь Аѳанасьевны.—Фаустъ.	339
XIII	Продажа Новоселокъ. — Тереза Петровна.—Письма.—Поѣздка въ Крымъ. — Семейство Ребиліоти.—Ихъ усадьба.—Севастополь.—Тази и Реуновъ. — Севастопольское кладбище. — Ялта.—Продажа Фатьянова.—Покупка Борисовымъ Ольховатки. — 1-е Марта 1881 года.—Письмо брата	369
XIV.	Покупка дома.—Переводъ Горація.—М. Г. Киндлеръ.—Пріѣздъ И. Борисова изъ заграницы. — Духовное завѣщаніе. — Серебряная свадьба.—И. Борисовъ поступаетъ въ полкъ.—Странныя его выходки.—Чиновникъ.—Смерть Тургенева.—Болѣзнь Пети.—Мое послѣднее свиданіе съ нимъ.—Смерть Киндлера.—Мое примиреніе съ Полонскимъ.—Смерть Пети Борисова	384

REESE LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

HOME USE
CIRCULATION DEPARTMENT
MAIN LIBRARY

This book is due on the last date stamped below.
1-month loans may be renewed by calling 642-3405.
6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk.
Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date.
ALL BOOKS ARE SUBJECT TO RECALL 7 DAYS AFTER DATE CHECKED OUT.

MAR 2 1984

REC. CIR. FEB 10 '84

MAR 13 1984

REC. CIR. APR 11 '84

APR 27 1986

RECEIVED BY

MAY 16 1986

CIRCULATION DEPT.

LD21—A 10m 8/75
(S7737L)

General Library
University of California
Berkeley

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

B000963184